

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

САНКТ-ПЕТЕРБУРТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

И.Я.ФРОЯНОВ

ДРАМА РУССКОЙ ИСТОРИИ

На путях к Опричнине

**Ответственный редактор
заслуженный деятель науки,
профессор Ю.Г.Алексеев**

ПАРАД
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

МОСКВА

2007

УДК 94(47)
ББК 63.3(0)4
Ф 92

Фроянов И.Я. Драма русской истории: На путях к Опричнине / СПбГУ;
отв. ред. Ю.Г. Алексеев. — М.: Парад, 2007. — 952 с.

ISBN 978-5-8061-0098-7

ISBN 978-5-8061-0098-7

© И.Я. Фроянов, 2007

© А.Г. Абрамович, художественное оформление, 2007

Тело изнемогло, болезнует дух,
раны телесные и душевные умножились,
и нет врача, который исцелил бы меня.
Ждал, кто бы поскорбел со мной, но не явилось
никого, утешающих я не нашел.
Злом заплатили мне за добро,
ненавистью — за любовь.

Царь Иоанн IV

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга имеет не случайное название — «На путях к Опричнине». Оно, по мысли автора, указывает на относительно сложный и длительный характер предыстории этого учреждения. Вот почему нельзя согласиться с теми историками, которые искусственно укорачивают время формирования исторических предпосылок введения царем Иваном IV Опричнины. Так, Р.Г.Скрынников, известный знаток эпохи Ивана Грозного, заявляет: «Только всестороннее исследование политического развития Российского государства во второй половине XVI в. позволит дать обоснованный ответ на вопрос о сущности репрессивного режима опричнины и значении террора с точки зрения исторических судеб страны».¹

Верно то, что без исследования политического развития России во второй половине XVI века невозможно понять суть Опричнины. Однако данное исследование, даже всестороннее, не способно предложить мотивированный ответ на вопрос, чем обуславливалось и какие исторические задачи решало установление названного института, не способно потому, что события, приведшие к Опричнине, возникли еще во времена Ивана III, причем не только и не столько в сфере сугубо политической, сколько в сфере религиозно-политической. Поэтому надо помнить, что появлению Опричнины предшествовал достаточно долгий период религиозно-политического развития, начавшийся в конце XV века с появлением на Руси ереси «жидовствующих» и завершившийся в середине 60-х годов XVI века учреждением Опричнины. Перед нами единый и цельный, насчитывающий многие десятилетия, период, не подлежащий с точки зрения интересов исследования хронологическому делению.

К сожалению, историки мало считаются с этим обстоятельством, и если пытаются найти истоки Опричнины, то обычно не идут дальше 50-х годов XVI столетия, как это делает, например, Д.Н.Альшиц, усматривающий в реформах Избранной Рады «ступени, которые в перспективе вели к опричнине, создавая предпосылки и условия для перехода к ней».² Исторические корни Опричнины лежат гораздо глубже, чем кажется исследователю. Они уходят во времена правления Ивана III, когда Запад развязал идеологическую войну против России, забросив на русскую почву семена опаснейшей ереси, подрывающей основы православной веры, апостольской церкви и стало быть, зарождающегося самодержавия. Эта война, продолжавшаяся почти целый век, создала в стране такую религиозно-политическую неустойчивость, которая угрожала самому существованию Русского государства. И Опричина стала своеобразной формой его самозащиты.

¹ Скрынников Р.Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 8.

² Альшиц Д.Н. Начало самодержавия в России. Государство Ивана Грозного. Л., 1988. С. 102–103. См. также: Альшиц Д.Н. Начальный этап истории самодержавия // Вопросы истории. 1985, № 9. С. 52–53.

При таком подходе выявляется важная роль внешнего фактора в истории России. Наша историография, особенно советская, много сделала полезного по части изучения внутренних причин исторической эволюции Руси XVI века. Однако она, находясь под неусыпным надзором марксистско-ленинской методологии, на этом, по существу, и замкнулась. Сейчас предпринимаются первые попытки выправить положение, чтобы восстановить значение внешнего фактора в истории России Ивана Грозного. Но они в основном связаны с областью международной политики и военных действий,³ что явно, на наш взгляд, недостаточно для правильного разумения событий царствования Грозного. Весьма существенным здесь представляется культурный аспект, выдвигающий на первый план духовный фактор. Речь здесь идет не о личном духовном мире царя Ивана, определявшем его поведение,⁴ и даже, если смотреть шире, не о мировоззрении Грозного как носителя категорий русской средневековой культуры,⁵ а о конкретной борьбе на церковной и государственной почве – борьбе, носящей религиозно-политический характер. От исхода этой борьбы зависело тогдашнее настоящее и дальнейшее будущее России.

И последнее. Настоящая книга выходит из печати в год 460-летия венчания на царство великого князя московского Ивана Васильевича Грозного, завершившего созидание самодержавной монархии в России. Памяти строителей «Российского Самодержавства», известных и безымянных, посвящается эта книга.

³ См., напр.: *Хорошкевич А.Л.* Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003; *Александров Д.Н., Володихин Д.М.* Борьба за Полоцк между Литвой и Русью в XII–XVI веках. М., 1994.

⁴ См.: *Шапошник В.В.* Церковно-государственные отношения в России в 30–80-е годы XVI века. СПб., 2002.

⁵ См.: *Юрганов А.Л.* Категории русской средневековой культуры. М., 1998.

Глава I. ЗАВЯЗКА: ЕРЕСЬ В НОВГОРОДЕ И МОСКВЕ КОНЦА XV – НАЧАЛА XVI века

В конце XV – начале XVI столетия в Русском государстве разразился весьма опасный для национального бытия страны религиозно-политический кризис. Этот кризис породила «ересь жидовствующих», гулявшая по Руси несколько десятилетий и не исчезнувшая полностью после ее подавления.¹ На некоторых исследователей она до сих пор производит впечатление феномена, во многом загадочного.²

Однако, по верному замечанию Я.С.Лурье, «перед нами – явление, потрясшее современников и породившее обширную литературу (главным образом «обличительную», ибо сочинения самих еретиков нам почти недоступны)».³ Среди авторов обличительных произведений выделяются архиепископ новгородский Геннадий и настоятель Волоколамского монастыря Иосиф Волоцкий. Архиепископу Геннадию принадлежит несколько посланий высшим иерархам русской церкви и собору епископов 1490 года. Иосиф Волоцкий известен как автор «Сказания о новоявившейся ереси» и более десятка обличительных «слов на еретики», которые вошли в книгу, получившую позднее название «Просветитель». Случилось так, что «Просветитель» стал для многих исследователей основным источником по истории еретического движения на Руси конца XV – начала XVI века. Появились и скептики, проявлявшие сомнение к «Просветителю» как доброкачественному историческому источнику. К числу первых относился церковный историк Е.Е.Голубинский. Он писал: «Главный источник сведений об ереси составляет так называемый Просветитель преп. Иосифа Волоцкого, непосредственное историческо-полемическое сочинение...».⁴ Голубинский был убежден в том, что «произвольное понимание, вопреки Иосифу Волоколамскому, ереси Жи-

¹ См.: Поляков Лев. История антисемитизма. Эпоха веры. М.; Иерусалим, 1997. С. 359.

² Алексеев А.И. Заметки о религиозности Ивана III // Исследование по истории средневековой Руси. К 80-летию Юрия Георгиевича Алексеева. М.; СПб., 2006. С. 201.

³ Лурье Я.С. Две истории Руси XV века. Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб., 1994. С. 213–214.

⁴ Голубинский Е. История русской церкви. Т. II. Первая половина тома. М., 1997. С. 559–560 (прим.).

довствующих ни к чему не приводит и ничего не достигает». ¹ Эти высказывания вызвали у Н.М. Никольского язвительные замечания в адрес Е.Е. Голубинского, якобы растерявшего во втором томе своей «Истории русской церкви» «все критическое чутье, которое после первого тома составило ему громкую славу “научного” церковного историка». ² Н.М. Никольский рекомендует относиться к «Просветителю» волоколамского игумена «с большой осторожностью», поскольку Иосиф, «сидя до 1503 г. безвыездно в своем монастыре, не видал и не слышал лично ни одного еретика», а писал о еретиках «отчасти на основании сообщений Геннадия, отчасти на основании других слухов, которые до него доходили, и притом передавал добытые им сведения не только без всякой критической проверки, но еще сдобрив их своим объяснением ереси». ³

Идею недостаточной осведомленности Иосифа Волоцкого относительно ереси отверг Я.С. Лурье. «Голубинский, — замечал он, — был, несомненно, прав, когда говорил, что “Иосиф Волоцкий был в полной возможности” узнать “полную истину” о еретиках». ⁴ Что касается «Просветителя», то это сочинение, по словам Лурье, «представляет весьма значительное явление в древнерусской публицистике». ⁵ Но перед нами, полагает исследователь, сравнительно поздний памятник «в ряду других современных источников», составленный «в 1502–1504 гг., в момент, когда судьба еретического движения

¹ Там же. С. 591. А.И.Клибанов следующим образом прокомментировал эти высказывания Е.Е. Голубинского: «Апологетическое отношение церковных историков к указанным источникам (источники церковного происхождения, в том числе и “Просветитель”. — И.Ф.) не следует противопоставлять негативное отношение к ним. Они требуют научно-критического отношения. При этом надо понимать, что и для литературного произвола церковников были границы... Еретики распространяли свое учение, и оно было известно в широких кругах. Церковные деятели по-своему интерпретировали взгляды еретиков, но интерпретировали они все-таки их взгляды. Выступать перед обществом с полемикой, вообще идущей поверх взглядов еретиков, было бы бессмыслицей». — *Клибанов А.И.* Реформационные движения в России в XIV — первой половине XVI вв. М., 1960. С. 227.

² *Никольский Н.М.* История русской церкви. М., 1985. С. 87.

³ Там же. С. 88. Аналогичным образом рассуждает Р.Г.Скрынников: «Иосиф Санин жил в удельном монастыре за пределами Новгородской земли и писал позже, чем Геннадий. У него не было таких источников информации, как у архиепископа. Тем не менее, Иосиф назвал шесть еврейских имен и составил “точную” генеалогию распространения “жидовства” в Новгороде». — *Скрынников Р.Г.* Государство и церковь на Руси XIV–XV вв.: Подвижники русской церкви. Новосибирск, 1991. С. 177.

⁴ *Лурье Я.С.* Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI века. М.; Л., 1960. С. 105–106.

⁵ Там же. С. 95. В более ранней своей работе автор заявляет, будто «этой книге суждено было сыграть в истории русской общественной мысли важную и, несомненно, глубоко реакционную роль, — созданная как своего рода обвинительный акт против еретиков конца XV — нач. XVI в., книга Иосифа Волоцкого и в последующие годы продолжала играть роль программного документа воинствующей церкви, служа делу подавления свободной мысли». — *Казакова Н.А. и Лурье Я.С.* Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — начала XVI века. М.; Л., 1955. С. 438.

уже была решена.¹ Больше того, «Просветитель», кроме того что относительно поздний, еще и тенденциозный источник.² Иосиф «не только знал труды своих предшественников, но и пользовался ими. Но, зная эти сочинения, Иосиф сознательно и резко отходил от данной им [ими?] оценки ереси. Перед нами следствие не незнания, не “невольного заблуждения”, а сознательной тенденции “преподобного”». ³ От этого один шаг до обвинения в фальсификации, и Лурье делает такой шаг, указывая на «сильно фальсифицированный рассказ Иосифа Волоцкого».⁴

Нам представляется, что Я.С.Лурье нарушил меру и впал в излишний критицизм, впрочем понятный по некоторым причинам и обстоятельствам. Правдивость Иосифа проверяется на конкретных фактах. К ним мы и обращаемся.

Архиепископ Геннадий, обнаруживший ересь в Новгороде, когда она уже там пустила корни, сообщает в письме (февраль 1489 г.) Иоасафу, бывшему архиепископу ростовскому: «И обретох здесе новгородских еретиков, жидовскаа мудрствующихх».⁵ В послании митрополиту Зосиме (октябрь 1490 г.) Геннадий приводит некоторые детали, относящиеся к началу ереси в Новгороде: «А что некоторые литовские оканские дела прозябли в Руской земли, в Великом Новеграде, в вотчине государя великого князя, коли был в Новеграде князь Михайло Оленкович, а с ним был жидовин еретик, да от того жидовина распростерлась ересь в Ноугородцкой земли, а держали ее тайно».⁶ По свидетельству архипастыря, «та прелесть здесе распростерлась

¹ Лурье Я.С. Идеологическая борьба... С. 105.

² Казакова Н.А. и Лурье Я.С. Антифеодальные еретические движения... С. 119 (прим.), 211–216; Лурье Я.С. Идеологическая борьба... С. 106.

³ Лурье Я.С. Идеологическая борьба... С. 106. Исследователь отдавал предпочтение Геннадию перед Иосифом Волоцким, поскольку, как ему казалось, «грамоты Геннадия представляют несравненно большую ценность, чем на них же основанный и при этом... сильно фальсифицированный рассказ Иосифа Волоцкого: новгородскому владыке, хотел он того или нет, приходилось вести спор с реальными, а не выдуманными им взглядами еретиков» (Казакова Н.А. и Лурье Я.С. Антифеодальные еретические движения... С. 117). Более взвешенную оценку сочинениям Иосифа находим в книге А.И. Клибанова. «Конечно же, — говорит он, — не на одной, информации Геннадия основывал Иосиф Волоцкий свои свидетельства об еретиках. Реформационное движение, если считать его, к чему есть все основания, общерусским, давало обширный материал для наблюдений не в одном Новгороде. Да и с фактической стороны Иосиф Волоцкий мог лучше, чем Геннадий, знать, как реформационное движение протекало в Москве. На первом месте среди деятелей контрреформационной борьбы стоит все же не Геннадий, а Иосиф. В силу указанных соображений нельзя отдавать предпочтение ни свидетельствам Геннадия перед Иосифом Волоцким, ни наоборот. Свидетельства этих двух виднейших деятелей русской церкви подлежат проверке с помощью всех возможных средств». — Клибанов А.И. Реформационные движения в России... С. 179.

⁴ Казакова Н.А. и Лурье Я.С. Антифеодальные еретические движения... С. 117.

⁵ Источники по истории еретических движений XIV — начала XVI века // Казакова Н.А. и Лурье Я.С. Антифеодальные еретические движения... С. 316.

⁶ Там же. С. 375.

не токмо во граде, но и по селам. А все от попов, которые еретики ставили в попы».

Более подробные известия о возникновении новгородской ереси сообщает Иосиф Волоцкий: «Бысть убо в та времена жидовин именем Схариа, и сей бяше диаволов съсуд, и изучен всякому злодейства изобретению, чародейству же и чернокнижию, звездозаконию же и астрологи, живой в граде Кieve, знаем сый тогда сущему князю, нарицаемому Михаилу... И сей убо князь Михаил в лето 6979 (8?) [1470] приде в Великий Новгород в дни княжения великого князя Ивана Васильевича, и с ним приде в Великий Новгород жидовин Схариа. И той преже прелести попа Дениса, и в жидовство отведе. Денис же преведе к нему протопопа Алексея, еще тогда попа суца на Михайловской улице, и той также отступник бысть непорочныя и истинныя христианския веры. Потом же приидоша из Литвы инии жидове, им же имена Осиф Шмойло Скарявей Мосей Хануш.² Толико же Алексей и Денис под-

¹ Там же. С. 317.

² Названные имена читаются плохо, почему в научной литературе высказываются разные соображения. По С.М. Соловьеву, например, Схария «с помощью пятирх сообщников, также жидов, насадил в Новгороде свою ересь (*Соловьев С.М. Сочинения. Кн. III. История России с древнейших времен. Т. 5–6. М., 1989. С. 179*). Р.Г.Скрынников вслед за С.М. Соловьевым, но без ссылок на него насчитывает здесь пять имен: Осиф, Шмойло, Скарявей, Мосей и Хануш (*Скрынников Р.Г. 1) Государство и церковь... С. 177; 2) Крест и корона. Церковь и государство на Руси IX–XVII вв. СПб., 2000. С. 187*). Правда, в другой своей книге он объединяет эти имена, говоря лишь об Иосифе Шмойло и Моисее Хануше без Скарявея (*Скрынников Р.Г. Святители и власти. Л., 1990. С. 131*), но затем снова возвращается к пяти именам (*Скрынников Р.Г. Иван III. М., 2006. С. 263*). Эта разность в подсчетах, причем у одного и того же автора, отражает затруднение в прочтении текста, который составлен так, что позволяет различные его трактовки. Митрополит Макарий (Булгаков), например, замечал: «Потом пришли из Литвы иные жида – Иосиф Шмойло-Скарявей и Моисей Хануш (*Макарий* (Булгаков). История русской церкви. Кн. IV. Ч. I. М., 1996. С. 53). О двух иудеях писал также Н.И. Костомаров: «Увидевши, что пропаганда может идти успешно, Схария пригласил в Новгород еще двух иудеев: Шмойла Скарявого и Моисея Хапуша» (*Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Кн. I. М., 1990. С. 320*). У М.В. Толстого фигурируют «четыре еврея» (*Толстой М.В. История русской церкви. Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря. 1991. С. 306*). По мнению А.В. Карташева, помимо Схарии, в Новгороде появились «два или три еврея: Моисей Хануш и Иосиф Шмойло Скарабей...» (*Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. Т. I. М., 1993. С. 489*). Аналогичную расшифровку имен предлагает Д.В. Поспеловский (*Поспеловский Д. Православная церковь в истории Руси, России и СССР. М., 1996. С. 64*). Согласно митрополиту Иоанну (Снычеву), «увидев, что дело идет успешно, Схария пригласил в Новгород еще двух жидов – Шмойла Скарявого и Моисея Хапуша» (*Иоанн. Самодержавие духа. Очерки русского самосознания. СПб., 1995. С. 120*). «На помощь Схарии, – говорит Д.С. Лихачев, – явились евреи: Осиф Шмойло Скарявей и Моисей Хануш» (*Лихачев Д.С. Великий Новгород. Очерк истории культуры Новгорода XI–XVII вв. Л., 1945. С. 86*). По Л.Полякову, «другие евреи, Иосиф Шмойло Скариави (!) и Моисей Хапуш, присоединяются к Схарии» (*Поляков Лев. Исто-*

шания положиша о жидовской вере, яко всегда с ними пити и ясти и учитесь жидовству. И нетокмо же сами, но и жены своа и дети научиша жидовству. Выхотеша же и обрезатися в жидовскую веру, и не повелеша им жидове, глаголюще: “Аще уведять сиа христиане, и възхотят видети, и будете обличени. Но держите тайно жидовство, явьственно же христианство!” Пременише же имя Алексею, нарекоша его Авраам, жену же его нарекоша Сарра. Потом же Алексей научи многих жидовству, еще же и зятя своего Ивашка Максимова и отца его попа Максима и многих от попов и от диаков и от простых людей. Денис же поп тако же многих научи жидовствовати, потом и протопопа Гавриила Съфейскаго жидовствовати научи, научиша же и Гридю Клоча. Гридя же Клочь научи Григория Тучина жидовству, его же отець бяше в Новгороде велику власть имеа. Потом же многих научиша, а се суть имена их: попа Григория, сына его Самсонка, Гридю, диака Борисоглебскаго, Лавреша, Мишука Собаку, Васюка Сухого Денисова зятя, да попа Феодора, да попа Василия Покровских, да попа Якова Апостольскаго, да Юрьку Семенова сына Долгаго, да Авдеа да Степана крилошан, да попа Ивана Вскресенскаго, да Овдокима Люлишу, да диакона Макара, да диака Самуху, да попа Наума и инех многих».¹

Далее Иосиф Волоцкий рассказывает о том, как ересь из Новгорода перекинулась на Москву, где еретики, «многих прельстивша, и приобретше в помощь своя скверная жидовския веры от чернцев же некоего... именем Зосиму... Потом же привлекоша к своей ереси черныца Захара. Потом же от двора великого князя Федора Курицина, да дьяков крестовых, Истому да Сверчка, от купцевъ же Семена Кленова. Федор же Курицин и Истома и Сверчек и Семен Кленов многих научиша жидовствовати».²

Приведенный Иосифом список новгородцев, вовлеченных в ересь, вызвал у Я.С.Лурье очередной прилив торжествующей критики. «Обычная для Иосифа тенденциозность, — говорит он, — обнаружилась при составлении этого списка: при перечислении лиц, обращенных в ересь в Новгороде, Иосиф... опустил имя явного стригольника Захара, названного на первом месте в Соборном приговоре 1490 г.».³ Вот, собственно, и вся в этом случае «тенденциозность» игумена. Но и она есть плод воображения ученого, выдвигающего нескончаемые и необоснованные упреки к святому старцу. В самом деле, при чем тут стригольник Захар, если Иосиф перечисляет новгородцев, совращенных первыми, как он выражается, в «жидовство». Захар в ту передовую группу не входил и потому не мог и не должен был быть зачис-

рива антисемитизма. Эпоха веры. М.; Иерусалим. С. 358). Е.Е. Голубинский, касаясь данного вопроса, вынужден был заметить: «Что тут имена, что прозвания, решить трудно. Пришло не более пяти человек, но менее ли, и если менее, то сколько именно, остается неизвестным» (*Голубинский Е.* История русской церкви. Т.II. Первая половина тома. С. 560, прим.). По-видимому, с этим надо согласиться. Показательно, что А.В. Юдин говорит о том, как на помощь Схарии из Литвы приехали «несколько (3–5) евреев». — *Юдин А.В.* Русская народная духовная культура. М., 1999. С. 298.

¹ Источники... С. 468–469, 478–479.

² Там же. С. 471, 481.

³ *Лурье Я.С.* Идеологическая борьба... С. 179.

лен в нее Волоцким. Захар не вписывался (во всяком случае, поначалу) в «ересь жидовствующих». Он выделен Геннадием отдельно как стригольник. Архиепископ едва поговорил с Захаром, как тут же «познал, что стригольник». ¹ Геннадий в послании к митрополиту Зосиме не смеширует Захара с теми, кто «в жидовскую веру стали», подчеркивая его принадлежность к стригольникам, а не к «жидовствующим». ² Вот почему не стоит безогово-

¹ Источники... С. 380. Побуждением к такому заключению послужило то, что Захар, будучи главой псковского Немчинова монастыря, не давал монахам «причастия три годы» и сам не причащался. Захар признал свою вину: «Грешен есми». Однако на вопрос Геннадия, почему он это делал, последовал его ответ: «А у кого, деи, ся причащати? Попы, деи, по мзде ставлены, а митрополит, деи, и владыкы по мзде же ставлены» (Там же). Захар, следовательно, не отвергал в принципе таинства причастия и исповеди, хотя и не видел среди современных ему священников достойных совершения этого таинства. — См.: Юдин А. В. Русская народная духовная культура. С. 300.

² Там же. С. 374–379. Геннадий имел для этого некоторые основания. Как утверждает новейший исследователь, «стригольники не разрушали общественных устоев, они не собирались отменять или ниспровергать церковь, они не выступали против икон или богослужения, они не посягали ни на одно из основных положений православия, хотя калики-паломники приносили с Востока сведения о десятках ересей» (Рыбаков Б. А. Стригольники: Русские гуманисты XIV столетия. М., 1993. С. 332–333). Стригольники «заботились о том, чтобы христианское, православное дело делалось чистыми руками нравственно чистых людей... были очень озабочены настоящей, глубокой верой, основанной на знании широкого круга литературы. Сами они, даже по признанию их противников, были безупречно чисты, образованны, соблюдали все обряды, были «молебниками»» (Там же. С. 333). Быть может, Б. А. Рыбаков несколько смягчает позицию стригольников (ср.: Клибанов А. И. Реформационные движения в России... С. 121–135, 167–172; Прохоров Г. М. Прение Григория Паламы с «хионы и турки» и проблема «жидовская мудрствующих» // ТОДРЛ. Т. XXVII. Л., 1972. С. 356), но едва ли между стригольниками и православными христианами лежала непреодолимая пропасть. Во всяком случае, константинопольский патриарх Нил и московский митрополит Фотий, обличавшие ересь стригольников, говорили о необходимости переубеждения еретиков, их примирения и воссоединения с церковью (Клибанов А. И. Реформационные движения... С. 123–124). Даже упорствующих стригольников Фотий не советовал подвергать смертной казни: «Толико кровь и смерть да не будут на таковых, но инако всяко» (Источники... С. 250), тогда как жидовствующих, по убеждению новгородского архиепископа Геннадия, надо «казнить — жечи да вешати!» (Там же. С. 281). Уверенность в собственном благочестии и позволяла, по всей видимости, Захару нападать на Геннадия, обвиняя последнего в еретичестве. Вот как об этом говорит сам архиепископ Геннадий, обращаясь к митрополиту Зосиме: «Да жалуюсь тебе, своему отцу, на Захара на чернца на стригольника: лает ми, господине, безпрестани уже третий год, на четвертой год настало, а посылает грамоты в мою архиепископию и к чернцом и к попом семисоборским, а что по московской земли, то числа нет; а пишет в своих грамотах: “послал, деи, есми по всем городом на еретика грамоты”; ино, господине, все веле-но терпети, опрочи еретика, а яз не еретик» (Источники... С. 378). О том же Геннадий говорит и собору епископов: «А Захар чернец пишет в своих грамотах, что на мене послал по всем градом грамоты: зовет мя еретиком, а яз не еретик» (Там же.

рочно причислять Захара, как это делает А.И. Клибанов, к участникам «ереси жидовствующих».¹ Существует иная точка зрения, давно высказанная Е.Е. Голубинским: «Что касается до чернца Захария или Захара, то он осужден был не как Жидовствующий, а только одновременно с последними. Геннадий обвинял Захара в стригольничестве и требовал у митрополита и епископов суда на него в том, что он его самого — архиепископа позорил на всю Россию, всюду рассылая против него грамоты и называя его в грамотах еретиком».² Е.Е. Голубинский, однако, не исключает возможности перехода Захара «из стригольничества в жидовство».³ При этом он ссылается на «Просветитель» Иосифа, где как раз и говорится о вовлечении Захара «жидовствующими» в свою ересь.⁴ Действительно, там читаем: «Потом же (в Москве. — И. Ф.) привлекша к своей ереси чернца Захара».⁵ Весьма ценное свидетельство. Оно объясняет, почему Захар, ставший «жидовствующим» в Москве, не попал в составленный Иосифом первоначальный список совращенных в «жидовство» жителей Новгорода.⁶ Поэтому упрекать Иосифа (якобы наме-

С. 380). Все эти восклицания, в особенности оправдательное «яз не еретик», с полной очевидностью свидетельствуют, что Захар обвинял Геннадия с точки зрения христианской, православной. Представить в роли обвинителя кого-нибудь из числа представителей «ереси жидовствующих», конечно же, невозможно.

¹ Клибанов А.И. Реформационные движения... С. 188. Едва ли можно согласиться и с А.А.Зиминым, когда он говорит: «Связь вспыхнувшей в конце XV в. в Новгороде ереси со “стригольнической” видна не только из сходства учений, но и из того, что Геннадий одного из еретиков (Захара) прямо называет “стригольником”» (Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий... С. 82). Называя Захара стригольником, архиепископ Геннадий, на наш взгляд, не связывал, а отделял этого монаха от «жидовствующих».

² Голубинский Е. История русской церкви. Т. II. Вторая половина тома. С. 569.

³ Там же. Прим.

⁴ Там же. С. 470 (прим.). Я.С.Лурье не учитывает этой оговорки, изображая дело так, будто «Е.Е. Голубинский, стремясь доказать, что ересь была чистым “жидовством”, совершенно голословно утверждал, что Захар был осужден не по одному делу с остальными еретиками, “а только одновременно с последними”». — Лурье Я.С. Идеологическая борьба... С. 162 (прим.).

⁵ Источники... С. 471, 481.

⁶ Но и привлеченного к ереси «жидовствующих» Захара игумен Иосиф не считал, похоже, чистым, так сказать, «жидовствующим». Поэтому, надо полагать, он, сообщая о соборном приговоре 1490 г, подвергшем проклятию еретиков, в том числе и Захара, имя последнего и на этот раз не упоминает (Источники... С. 472, 482). Зато он называет протопопа Алексея, отсутствующего в соборном приговоре 1490 года (Там же. С. 383, 472, 483). Ю.К. Бегунов объясняет это так: «Соборный приговор 1490 г. в период подготовки расправы над еретиками, в 1502–1504 гг., был повторен Иосифом Волоцким в первой редакции “Сказания о новоявившейся ереси” с заменой имени Захара чернца на имя уже умершего к моменту собора 1490 г. Алексея протопопа. Это нужно было Иосифу для подтверждения иудейского характера ереси. Захар же, судя по обличительным посланиям Геннадия, был ярко выраженный стригольник...» (Бегунов Ю.К. Соборные приговоры как источник по истории новгородско-московской ереси // ТОДРЛ. Т. XIII. М.; Л., 1957. С. 218). Что нужно было

ренно не включившего в упомянутый список имя Захара) в тенденциозности Я.С. Лурье не имел достаточных оснований. Правда, надо отдать исследователю должное, когда он, отрешившись на минуту от предвзятости, заявляет, что «в остальном список, приведенный Иосифом, представляется довольно достоверным».¹ Жаль только, что автор тут же снова переходит на прежнюю колею и, стараясь хоть как-то уколоть Иосифа, заявляет, будто «большинство имен, названных им, относится к второстепенным фигурам, упоминание которых никак не характеризовало существо ереси».² И все же Лурье делает важное для нас признание: из 24 имен, названных Иосифом, только 14 упоминаются в других источниках.³ Значит, остальные 10 имен засвидетельствованы только Иосифом, и Лурье не подвергает их сомнению, указывая тем самым на полноту сведений именно волоколамского старца. Это важно для прояснения вопроса о достоверности имени Схарии, упоминаемого Иосифом.

Мы уже знаем, что архиепископ Геннадий, повествуя о приезде в Новгород из Киева князя Михаила Оленьковича (Оленковича), рассказывает, что вместе с ним «был жидовин еретик». Геннадий не называет имя еретика, вероятно, не потому, что не знал это имя, а потому, что не догадывался насчет той роли, какую сыграет его умолчание в построениях позднейших историков. У одного из них, Р.Г. Скрынникова, читаем: «Владыка (Геннадий. — И.Ф.) предъявил еретикам решающее обвинение с явным запозданием. К тому же он не мог назвать по имени человека, совратившего новгородцев. Сведения о “жидовствующих” (так называли сторонников иудейской религии) носили фантастический характер. Со временем они были использованы Иосифом Саниным для дальнейшего мифотворчества. Игумен составил подробную роспись, в точности воспроизводившую порядок совращения новгородских попов. Имя главного ересиарха, неизвестное Геннадию, спустя пятнадцать лет стало ведомо Иосифу. То был некий Схария... Ни русские летописи, ни иностранные источники не заключают в себе ни прямых, ни косвенных известий о Схарии. Можно согласиться с Я.С. Лурье, что свидетельство о Схарии является вымыслом».⁴ Прежде чем приводить доводы Лурье, разберемся в доказательствах Скрынникова. Скажем прямо: они не убеждают. Владыка начал розыск и обвинил еретиков не с «явным запозданием», как утверждает историк, а сразу после того, как ему открылась ересь, которую «жидовствующие», по его свидетельству, «держали тайно».⁵ Если

Иосифу, мы не знаем. Не знает этого, разумеется, и Ю.К. Бегунов. Поэтому выскажем свою догадку. Иосиф убрал имя Захара из своего рассказа о соборном приговоре 1490 года не столько с той целью, чтобы подтвердить иудейский характер ереси, сколько для того, чтобы отделить, как говорится, овец от козлищ, стригильника, пусть даже запачканного «новоявившейся ересью», от истинно «жидовствующих».

¹ Лурье Я.С. Идеологическая борьба... С. 179.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Скрынников Р.Г. Святители и власти. С. 131. См. также: 1) Скрынников Р.Г. Государство и церковь... С. 177; 2) Крест и корона... С. 187. См. также: Скрынников Р.Г. Иван III. С. 263–264.

⁵ Источники... С. 375.

Геннадий не назвал «по имени человека, совратившего новгородцев», то из этого не следует, будто он не знал этого имени вовсе.¹ Здесь можно высказать лишь предположение, причем отнюдь не обязательное. Ведь аналогичный случай мы имеем и с самим Иосифом. В своем послании к великому князю Василию Ивановичу он пишет, имея в виду Схарию: «Враг человеческого спасения Дьявол приведе скверныя еврея в Великий Новгород».² Если следовать логике Скрынникова, то надо признать, что Иосиф не знал имя этого еврея, тогда как оно было хорошо ему известно.³ Очень опасно строить какого-либо рода гипотезы на умолчании. Непонятно, что фантастического нашел Р.Г.Скрынников в конкретных и ясных сведениях Геннадия о «жидовствующих». Столь же не понятно, почему имя главного ересиарха стало известно Иосифу, как полагает историк, «спустя пятнадцать лет». По простетивии пятнадцати лет Иосиф начал писать о «ереси жидовствующих». Значит ли это, что ранее ему не было известно имя прибывшего в Новгород из Киева вместе с князем Михаилом пропагандиста еретического учения? Нет, не значит. Думается также, что Р.Г.Скрынников несколько поспешил, согласившись с Я.С.Лурье в вопросе о вымышленном характере известий о Схарии, содержащихся в «Просветителе». Присмотримся к аргументам Лурье.

Отвечая на вопрос, когда и каким образом возникла ересь в Новгороде, он говорит: «В своем “Сказании о новоявившейся ереси” (вступление к “Просветителю”), написанном лет через 25–30 после начала этого еретического движения, Иосиф Волоцкий объявил основоположником ереси таинствен-

¹ А.А. Зимин, возражая Я.С. Лурье, которому доверчиво следует Р.Г. Скрынников, писал: «В послании Геннадия митрополиту Зосиме (октябрь 1490 г.) говорится: “...коли был в Новгороде князь Михайло Оленкович, а с ним был жидовин еретик, да от того жидовина распростерлась ересь в Ноугородцкой земли, а держали ее тайно, да потом почали урекаться въпиани”. По мнению Я.С.Лурье, именно этот текст и был толчком к появлению Схарии в сочинениях Иосифа Волоцкого, но из этого не следует, что Геннадий говорил о ком-то другом, а не о Схарии». — *Зимин А.А.* Россия на рубеже XV–XVI столетий: Очерки социально-политической истории. М., 1982. С. 286.

² Источники... С. 520.

³ Подобный случай имеем с записью в Степенной книге, где говорится «о многом смущении в Великом Новеграде вражиим наветом вниде от некого жидовина» (ПСРЛ. Т. XXI, ч. I. СПб., 1913. С. 567). Степенная книга составлена в начале 60-х гг. XVI в. (около 1560–1563 гг.) по поручению митрополита Макария духовником Ивана Грозного Андреем, будущим митрополитом Афанасием (*Васенко П.Г.* Книга Степенная царского «родословия» и ее значение в древнерусской исторической письменности. Ч. I. СПб., 1904. С. 243). Андрей был учеником митрополита Макария, принадлежавшего к числу иосифлян, т.е. последователей Иосифа Волоцкого (*Зимин А.А.* Реформы Ивана Грозного. Очерки социально-экономической и политической истории России середины XVI в. М., 1960. С. 382). Надо думать, Андрею был известен (другое предположить невозможно) «Просветитель» Иосифа Волоцкого и «Послание о соблюдении соборного приговора 1504 г.», в которых фигурирует Схария. И, тем не менее, Андрей не называет его имени, прибегая к обезличенному словосочетанию «некий жидовин». Но это отнюдь не означает, что он не знал имени Схарии.

ного “жидовина Схарию”, будто бы приехавшего в 1471 г. в Новгород в свите литовско-русского князя Михаила Олельковича и в сопровождении еще иных евреев. Фигура этого Схарии в высшей степени подозрительна. Если он приехал в Новгород в 1471 г. вместе с князем – противником Москвы, то, что с ним случилось после того, как Новгород несколько месяцев спустя был завоеван Иваном III? Когда он мог “прельстить” в ересь новгородских попов? На все эти вопросы Иосиф Волоцкий не отвечает. Ничего мы не узнаем о Схарии и из других источников: имя это не известно ни летописям, ни соборному приговору по делу еретиков, ни посланиям Геннадия, ни вообще какому-либо современному источнику».¹

Свои доводы Я.С.Лурье счел, по-видимому, столь убедительными и неотразимыми, что повторил почти дословно еще раз.² Сильное впечатление они произвели, вероятно, и на последующих историков, изучавших «ересь жидовствующих»: одни из них стали уличать Иосифа Волоцкого в том, что он-де намеренно измыслил Схарию,³ другие старались, по возможности, избегать упоминания его имени,⁴ третьи вообще обходились без него.⁵ Некоторые историки впали в состояние неопределенности относительно того, был Схария или не был. Так, А.М.Сахаров писал: «Иосиф Волоцкий, яростно обличавший новгородских еретиков, называл основателем ереси некоего “жидовина Схарию”, приехавшего в 1471 г. в Новгород из Литвы. Эти сведения и сама зависимость еретических взглядов от иудаизма вызвали серьезные сомнения у ряда исследователей, но за недостатком источников вопрос о происхождении новгородской ереси остается не вполне ясным».⁶

Нельзя, разумеется, пройти мимо исследователей, не принявших построения Я.С.Лурье. Необходимо здесь назвать Г.М.Прохорова, который, развивая идеи, высказанные еще Ф.Бруном,⁷ пришел к заключению, что Сха-

¹ Казакова Н.А. и Лурье Я.С. Антифеодальные и этнические движения... С.109.

² Лурье Я.С. Идеологическая борьба... С. 129–130.

³ См.: Скрынников Р.Г. 1) Святители и власти. С. 131; 2) Государство и церковь... С. 177.

⁴ А.И.Клибанов, например, в своем капитальном исследовании «Реформационные движения в России» лишь дважды и вскользь упоминает Схарию, называя его Скарией (Клибанов А.И. Реформационные движения в России в XIV – первой половине XVI вв. С. 239, 267). Это, наверное, и создало впечатление у А.А.Зиминой, будто «А.И.Клибанов о Схарии не упоминает вовсе» (Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий: Очерки социально-политической истории. М., 1982. С. 83). По Клибанову, Схария (Скария) – полумифическая личность (Клибанов А.И. Реформационные движения... С. 267), не реальный человек, а литературный герой. В именном указателе он представлен следующим образом: «Персонаж из Просветителя Иосифа Волоцкого, с которым он связывает начало ереси “жидовствующих”». – Там же. С. 405.

⁵ См.: Алексеев Ю.Г. Государь всяя Руси. Новосибирск, 1991. С. 168–170; Борисов Н.С. Иван III. М., 2000. С. 618–619.

⁶ Очерки русской культуры XVI века. Ч. II. М., 1977. С. 86.

⁷ См.: Брун Ф. Черноморье. Сборник исследований по исторической географии. Ч.1. Одесса, 1877.

рия — это «Захарья евреянин», «Захарья Скарья жидовин» и одновременно «черкасин», «фрязин», «таманский князь» соответствующих дипломатических грамот Ивана III.¹ Захария (Схария) по отцу, Виконтию де Гвизольфи, женатому на дочери одного из таманских правителей, был отпрыском «старой аристократической, традиционно католической генуэзской фамилии, с XIII в. обитавшей в Тамани (Матреге)».² Но, в отличие от своих генуэзских предков, Захария являлся не католиком, а караимом, т.е. представителем неталмудического иудаизма, вобравшего в себя мелкие иудейские секты, старинные традиции, непосредственно (без Талмуда) основанные на Пятикнижии Моисея, и новые общественные веяния.³ Вот этот караим Захария (Схария) и прибыл в свите князя Михаила Олельковича в Новгород,⁴ где, как мы знаем, развернул еретическую пропаганду.

Данные предположения Г.М. Прохорова нашли поддержку у А.А.Зими-на. «Возможно, — говорил он, — Схария Иосифа Волоцкого — “Захарья евреянин”, “Захарья Скара жидовин”, который упоминается в грамотах Ивана III. В них речь идет о Захарии Гвизольфи, “таманском князе”, отец которого происходил из аристократической генуэзской фамилии, а мать была черкешенкой... Г.М.Прохоров предположил, что Гвизольфи мог быть караимом и “жидовином” называли его по вере. Пребывание Схарии в Киеве в 1470/71 г. весьма вероятно. Оно было не измышлено, а использовано Иосифом Волоцким для подкрепления обвинений еретиков в “иудействе”».⁵

Мы не беремся утверждать, насколько догадки Г.М.Прохорова и А.А.Зими-на относительно родословной Схарии соответствуют действительности. Для нас важнее подчеркнуть другое, а именно то, что аргументы Я.С.Лурье не выдерживают критики. В самом деле, Я.С. Лурье утверждает, будто Схария вместе с князем Михаилом Олельковичем приехал в Новгород в 1471 году.⁶ Но это сомнительно. Михаил Олелькович и, следовательно, Схария появились в волховской столице в 1470 году. Было это осенью,⁷ в ноябре,⁸ а еще точнее — в среду, 8 ноября 1470 года.⁹ Стало быть, до похода московской

¹ Прохоров Г.М. Прение Григория Паламы... С. 353.

² Там же. С. 353–354.

³ Там же. С. 337, 354.

⁴ Там же. С. 354.

⁵ Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий... С. 83–84. Ср.: Скрынников Р.Г. Иван III. С. 264.

⁶ Казакова Н.А. и Лурье Я.С. Антифеодальные еретические движения... С. 109; Лурье Я.С. Идеологическая борьба... С. 129. См. также: Алексеев А.И. Заметки о религиозности Ивана III. С. 199.

⁷ В 4-й Новгородской летописи под этим годом читаем: «Тои осени приехал в Новгород князь Литовський Михайло Олександрович». — ПСРЛ. Т. IV, ч. I. М., 2000. С. 446.

⁸ Соловьев С.М. Сочинения: В 18-ти книгах. Кн. III. М., 1989. С. 3.

⁹ Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства. Очерки социально-экономической и политической истории. М., 1960. С. 856; Бернадский В.Н. Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.; Л., 1961. С. 270; Алексеев Ю.Г. 1) К Москве хотим»: Закат боярской республики в Новгороде. Л., 1991. С. 41; 2) Под

рати на Новгород было 7 месяцев,¹ а не туманных «несколько месяцев», как говорит Лурье, и это – срок вполне достаточный, чтобы совратить в ересь двух попов, которые затем уже сами стали расширять круг прозелитов. Однако нет ничего невероятного в том, что Схария какое-то время мог оставаться в Новгороде и после подчинения его московским великим князем.² Ведь Иван III, выиграв у новгородцев решающую битву на Шелони, в город не вошел. Н.С.Борисов пишет: «27 июля князь Иван приблизился к устью Шелони. Отсюда оставалось всего верст 50 до Новгорода. Один дневной переход – и победоносная московская рать встанет перед стенами непокорного города. Туда же подойдут и полки, отправленные другими дорогами. Кажется, достаточно одного усилия, чтобы разгромить Новгород и окончить войну небывалым триумфом. Однако Иван III устоял перед искушением. Московские воеводы и их союзники псковичи остановились, не дойдя до Новгорода каких-нибудь 20 верст...»³ Так что в Новгороде ересиарху ничто не угрожало, и он мог, не опасаясь преследования, никуда не двигаться. Это, безусловно, чисто логическое соображение, поскольку нам неизвестно, когда Схария покинул Новгород. Он мог выехать из города вместе с Михаилом Олельковичем 15 марта 1471 года, т.е. после четырехмесячного в нем пребывания.⁴ Мог покинуть его и позднее, до или после летнего похода князя Ивана на Новгород.⁵ Нет сведений и насчет того, куда уехал Схария. Не-

знаменами Москвы: Борьба за единство Руси. М., 1992. С. 127; Янин В.Л. Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий. М., 1991. С. 188; Скрынников Р.Г. Третий Рим. СПб., 1994. С. 33; Вернадский Г.В. Россия в средние века. Тверь; М., 1997. С. 56. Н.С.Борисов сначала датировал приезд Михаила Александровича (Олельковича) в Новгород осенью 1470 года (Борисов Н.С. Русская церковь в политической борьбе XIV–XV веков. М., 1986. С. 164), а потом назвал и конкретное число 11 ноября 1470 года. – Борисов Н.С. Иван III. С. 227.

¹ Московский летописец под 1471 г. составил следующую запись: «Месяца иуна 6 в четверток на троичкои неделе отпустил князь велики воевод своих с Москвы, князя Данила Дмитриевича Холмьского да Федора Давыдовича, с многим воинством, с ними же и князя Юрья Васильевича и князя Бориса Васильевича, дети боярьския многи, а велел тем князь велики ити к Русе». – ПСРЛ. Т. XXV. М.; Л., 1949. С. 286. См. также: Алексеев Ю.Г. 1) «К Москве хотим»... С. 66; 2) Под знаменами Москвы... С. 147

² Я.С.Лурье предпочитает говорить о завоевании Новгорода Иваном III, чтобы сделать более убедительными свои рассуждения о Схарии как о фигуре «в высшей степени подозрительной». По словам другого исследователя, «Схария, если он, конечно, существовал, должен был остаться в Новгороде на более долгий срок, чем вскоре уехавший князь Михаил, но и это сомнительно: Новгород был завоеван московским князем Иоанном III – странно было бы оставаться в нем члену свиты представителя государства, соперничавшего с Москвой за сферы влияния». – Юдин А.В. Русская народная духовная культура. С. 298.

³ Борисов Н.С. Иван III. С. 245–246.

⁴ См.: Соловьев С.М. Сочинения: В 18-ти книгах. Кн. III. С. 17; Алексеев Ю.Г. «К Москве хотим»... С. 53.

⁵ Вот почему совершенно необязательным представляется упомянутое нами утверждение А.В. Юдина о том, что Схария «должен был остаться в Новгороде на бо-

сколько неожиданным является утверждение Л.Полякова, согласно которому ересиарх оказался в Москве.¹ Правда, с точки зрения политических целей (о них подробнее ниже), преследуемых «жидовствующими», пребывание Схарии в Москве вполне естественно. Да и общая ситуация тому благоприятствовала. По наблюдениям Д.С.Лихачева, во второй половине XV века имел место приток на Русь из Литвы иностранцев, преимущественно евреев, занимавшихся внешней торговлей. Они приезжали главным образом в торговые центры — Москву и Новгород.² Поэтому пребывание Схарии в Москве не могло быть чем-то необычным, тем более что именно при Иване III, как замечает Л.Поляков, «первые евреи оказались в Москве».³ К тому же «князь Михаил Олелькович, в свите которого ересиарх Схария впервые прибыл в Новгород, был двоюродным братом Ивана III и мог рекомендовать московскому двору известного астролога».⁴

Мы не видим каких-либо причин недоверчиво относиться к рассказу о общении Схарией к «ереси жидовствующих» новгородских священников Дениса и Алексея, а значит, и подвергать сомнению личность самого «жидовина». Я.С.Лурье чересчур торопится, когда утверждает, будто имя Схарии известно только «Просветителю», будто во всех остальных современных источниках оно отсутствует.⁵ Схария фигурирует в «Послании о соблюдении соборного приговора 1504 года», датированном 1504/1505 г.⁶ Вот соответствующий текст «Послания»: «А о нынешних еретицех да будет вам ведомо, яко вси отвергошась Христа. Уже тому тридесят и три лета минули, как был в Великом Новеграде Схария жидовин. Ино Денис поп, да Олексей тогда был поп же, что был на Москве после того на Москве протопоп, приходили к жидовину Схарии да училися у него жидовской вере, а Христа отвергылися».⁷

В исторической литературе давно высказано предположение, что «Послание» написано Иосифом Волоцким, но не от себя, а от имени митрополита Симона.⁸ А.А.Зимин, хотя и с некоторой осторожностью, однако склоняется к той же идее: «"Послание" написано от имени митрополита Симона. Однако его составителем, очевидно, был Иосиф Волоцкий»; «утверждать с полной определенностью авторство Иосифа мы не можем (для этого пря-

лее долгий срок, чем вскоре уехавший князь Михаил, но и это сомнительно. Новгород был завоеван московским князем Иоанном III — странно было бы оставаться в нем члену свиты представителя государства, соперничавшего с Москвой за сферы влияния». — Юдин А.В. Русская народная духовная культура. С. 298.

¹ Поляков Лев. История антисемитизма. Эпоха веры. С. 358.

² Лихачев Д.С. Новгород Великий. Очерк истории культуры Новгорода XI—XVII вв. Л., 1945. С. 85–86.

³ Поляков Лев. История антисемитизма. Эпоха веры. С. 358.

⁴ Алексеев А.И. Заметки о религиозности Ивана III. С. 199.

⁵ Казакова Н.А. и Лурье Я.С. Антифеодальные еретические движения... С. 109; Лурье Я.С. Идеологическая борьба... С. 129–130.

⁶ Источники... С. 504.

⁷ Там же. С. 506.

⁸ См.: Хрущов И. П. Исследование о сочинениях Иосифа Санина. СПб., 1868. С. 197.

мых данных у нас нет)».¹ Предположительное авторство волоколамского игумена А.А.Зимин доказывал с помощью текстологического сопоставления «Послания о соблюдении соборного приговора 1504 года» с «Просветителем», в частности, с 15-м и 16-м «словами» памятника.² По А.А.Зимину, кроме того, «существует еще одно чрезвычайно важное обстоятельство, дающее веские основания для подтверждения догадки о составлении “Послания о соблюдении соборного приговора” Иосифом Саниным. Буквально накануне появления этого “Послания” (лето 1504 г.) волоцкий игумен писал письмо духовнику Ивана III Митрофану. Отдельные отрывки из “Послания Митрофану” Иосиф использовал в своем “Послании о соблюдении соборного приговора”».

“Послание
Иосифа Митрофану”

...Какову хулу глаголя на едиnorodного сына Божия, на господа нашего Иисуса Христа и на пречистую его мать и на вся святых; каково сквернение чинили над божественными святыми церквами, ядше и пивше и блудом скверняющееся, да того же дни и обедню служили, а святые иконы и божественные животворящие кресты иная огнем жгли, а иные в скверно место пометали, а иная топором разсекали, а иная зубами кусали, как беснии пси

“Послание
о соблюдении соборного приговора”

...Много хуления изрекоша на господа нашего Иисуса Христа и на пречистую богородицу и на великаго предтече Иоанна и на вся святых апостолы и мученики и преподобныя и праведныя. И много скверныя и поругания соделаша на божественные церкви и на животворящие кресты и на пречестныя иконы, овы ж огнем сжигают, иныя же секирами разсекающе, овы же зубами кусающее, иныя ж в скверная места пометающе, иныя ж о землю разбивающе, иныя ж на птицы навязающее, яко да летают по скверном месте и сих осквернят. Ядущи же и пьюще до пьянства и блудом сквернящися в святую церковь вхожаху и божественную службу совершаху.

Так Иосиф Волоцкий использовал свои собственные сочинения в качестве источника для “Послания о соблюдении соборного приговора”, которое, в свою очередь, вошло в состав “Просветителя”.³

В поздних своих работах А.А.Зимин отбросил осторожность и авторство «Послания» уверенно приписал Иосифу Волоцкому, которому, по словам исследователя, «пришлось писать специальное послание от имени митрополита о соблюдении соборного определения 1504 г.».⁴ Я.С.Лурье, есте-

¹ Источники... С. 503, 504.

² Там же. С. 504–505.

³ Там же. С. 505.

⁴ Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий... С. 227.

ственно, согласился с подобной атрибуцией: «Послание о соблюдении соборного приговора... тесно связано с “Просветителем”. А.А.Зимин, опубликовавший Послание, привел ряд веских аргументов в доказательство того, что это произведение, написанное официально от имени митрополита Симона, фактически принадлежало Иосифу. В пользу этого говорит не только то, что Послание было широко использовано в 15 и 16 “словах” пространной редакции “Просветителя” (Иосиф обильно цитировал в “Просветителе” свои произведения, но цитировал и других авторов), но и то, что оно в свою очередь повторяло отдельные места из Послания Иосифа Митрофану».¹

Я.С. Лурье мог бы подкрепить мысль о написании Иосифом «Послания о соблюдении соборного приговора» и другими текстовыми параллелями, сравнив, в частности, «Послание» с первоначальной редакцией «Сказания о новоявившейся ереси», составленной Иосифом между 1502 и 1504 гг., но до Собора 1504 года:²

«Сказание о новоявившейся ереси»

«Послание о соблюдении
соборного приговора»

...Пиюще и объедающеся и в святыи великий пост и в вся святыя посты, и в среду и в пяток мясо ядуще и блудомъ сквернящеся и божественныя церкви входяще и святыю литургию съвершающе.³

...Ядущи же и пиюще до пьянства и блудом сквернящися в святыю церковь вхожаху и божественную службу совершаху.⁴

И все же, несмотря на эти сходства, идея об Иосифе Волоцком как авторе «Послания о соблюдении соборного приговора 1504 года» была и остается ученой догадкой, гипотезой, не больше. Никаких прямых сведений, подтверждающих эту мысль, у историков нет, и А.А.Зимин тут полностью прав. Мало что дают здесь и текстологические разыскания. Фразеология и лексика «Послания Иосифа Волоцкого Митрофану» и «Послания о соблюдении соборного приговора» не отличаются особой индивидуальностью и, будучи тогда общеупотребительными, часто встречаются и у других авторов. Архиепископ Геннадий: «хулоу возносящихся на господа нашего Иисуса Христа и обесчестивших образ пречистыя владычица наша богородица»;⁵ «понеже образу господа нашего Иисуса Христа и пречистыя его матери наругалися».⁶ Митрополит Геронтий: еретики «хулили Христа сына божия и пречистую его богоматерь».⁷ Или: «А инии от вас на самого господа нашего Иисуса Христа сына божья и на пречистую его богоматерь многие хулы изрек-

¹ Лурье Я.С. Идеологическая борьба... С. 422–423.

² Источники... С. 444.

³ Там же. 470.

⁴ Там же. С. 507.

⁵ Там же. С. 310.

⁶ Там же. С. 318.

⁷ Там же. С. 314.

ли»;¹ «изрече хулу на господа нашего Иисуса Христа и на его пречистую богоматерь».²

Существенный интерес представляет близость отдельных текстов «Послания о соблюдении соборного приговора» и других письменных памятников, не принадлежащих перу Иосифа. Эта близость устанавливается при сопоставлении «Послания» с «Соборным приговором против еретиков 1490 года»:

«Послание о соблюдении
соборного приговора»

...И много скверныя и поругания соделаша... на животворящая кресты и на пречестныя иконы, овы ж огнем сжигающее, иныя же секирами разсекающе, овы ж зубы кусающее иныя ж в скверная места пометающе, иныя ж о землю разбивающи.³

«Соборный приговор
против еретиков»

...А инии от вас на многиа святыя иконы хулные речи глаголали, а инии от вас святыя иконы щепляли и огнем сжигали, а инии от вас крест силолоен зубами искусаи, а инии от вас святыми иконами и кресты о землю били и грязь на них метали, а инии от вас святыя иконы в лоханю метали.⁴

А вот еще один аналогичный пример. В «Послании о соблюдении соборного приговора» читаем: «иныя ж на птицы навязающе, яко да летают по скверном месте и сих [кресты] осквернят».⁵ Перед нами, по всему вероятно, сокращенное изложение того, о чем в свое время сообщал архиепископ Геннадий епископу Нифонту. Рассказывал же он о том, как еретики, подвергая надругательствам Христову веру, надевали кресты на ворон и воронов, и многие, говорит Геннадий, видели, как «ворон деи летает, а крест на нем вязан деревян, а ворона деи летает, а на ней крест медян. Ино таково наругание: ворон и ворона садятца на стерве и на калу, а крестом по тому волочат!»⁶

Таким образом, «Послание о соблюдении соборного приговора 1504 года» сопоставимо в отдельных фрагментах не только с «Посланием Иосифа Митрофану», но и с другими письменными документами конца XV – начала XVI века, что позволяет ввести в круг предполагаемых составителей «Послания о соблюдении соборного приговора» не только Иосифа Волоцкого, но и других авторов. Более того, наличие в «Послании о соблюдении соборного приговора» текстовых совпадений с «Посланием Иосифа Митрофану» не может служить, на наш взгляд, однозначным указанием на авторство самого Иосифа. И тут весьма важно привести фрагмент из эпистолы Геннадия суздальскому епископу Нифонту: «Что есми послал государю великому кня-

¹ Там же. С. 383.

² Там же. С. 385.

³ Там же. С. 507.

⁴ Там же. С. 383.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 312.

зю да митрополиту грамоты да и подлинник о новгородских еретицех, а Прохору епископу Сарскому грамоту есми о той же ереси послал же, а тебя тогда на Москве не было. И о сем твоему боголюбию воспоминаю, чтобы *еси посмотрел в владычню в Прохорову грамоту в первую, занеже там о их ересях пространно изъявлено*. (Курсив мой — И. Ф.)¹ Геннадий, как видим, призывает Нифонта, познакомиться с грамотой, которую он, Геннадий, послал епископу Прохору. Отсюда следует, что переписка, наряду с полемическими произведениями иерархов русской православной церкви по вопросу о «ереси жидовствующих», носила не частный, а общественный характер, являясь публичным фактором религиозно-политической борьбы на Руси рассматриваемого времени. Иными словами, она была известна не только непосредственным адресатам, но и другим заинтересованным лицам, что достигалось, надо полагать, посредством изготовления и распространения копий посылаемых корреспонденций.² Это, конечно, относится и к сочинениям Иосифа Волоцкого. И тут мы подходим к главному для нас в данном случае выводу: имеющиеся в «Послании о соблюдении соборного приговора 1504 года» текстовые совпадения с «Посланием Иосифа Митрофану» никак не исключают авторство другого, помимо Иосифа, неизвестного нам составителя, знакомого с последним посланием Волоцкого и воспользовавшегося им при написании «Послания о соблюдении соборного приговора». Приняв данный вывод, мы должны будем признать, что о Схарии знал не только Иосиф, но и безымянный автор «Послания о соблюдении соборного приговора» и что, следовательно, неправ Я.С.Лурье, утверждающий, будто имя Схарии не известно ни одному из письменных источников той поры, кроме «Сказания о новоявившейся ереси» Иосифа Волоцкого.³ Как показывает наше исследование, сведениями о Схарии располагал не только Иосиф, но и его современники.

Не будем, впрочем, настаивать на справедливости своих наблюдений и допустим, что предположение А.А.Зими́на и Я.С.Лурье насчет Иосифа Волоцкого как автора «Послания о соблюдении соборного приговора» ближе к истине. Пусть будет так. И что же? Зимин и Лурье единодушны в том, что Иосиф писал послание не от себя, а от имени митрополита Симона.⁴ К сожалению, исследователи не делают отсюда должного вывода. А этот вывод заключается в том, что, по крайней мере, митрополит Симон (если не все участники Собора) не мог не ознакомиться с текстом «Послания», написанного от его имени, прежде, чем дать ему ход. Если это так, то митрополит принял как должное упоминание «Схарии жидовина» в «Послании о соблюдении соборного приговора». Почему? Да потому, что и он не сомневался в его

¹ Там же. С. 312.

² В противном случае, как Нифонт мог бы заглянуть в грамоту, отправленную Геннадием по иному адресу?

³ Казакова Н.А. и Лурье Я.С. Антифеодальные еретические движения... С. 108; Лурье Я.С. Идеологическая борьба... С. 129–130.

⁴ Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий... С. 227; Лурье Я.С. Идеологическая борьба... С. 422–423.

существовании. Будь иначе, митрополит не позволил бы писать о небывших от своего имени. Также и Волоцкий, составляя столь серьезный документ, едва бы осмелился на подобные выдумки да еще от лица митрополита.

А.А.Зимин, полемизируя с Я.С.Лурье, говорил: «Отрицать реальное существование Схарии достаточных оснований нет».¹ Перефразировав слова ученого, скажем: утверждать реальное существование Схарии достаточные основания есть.² Эти основания находим в сочинениях Иосифа Волоцкого. Впрочем, не только в сочинениях Иосифа, но и в свидетельствах значительно более позднего времени. В середине XVIII века в России неожиданно открылась секта жидовствующих (субботников), таившаяся до того более двух столетий. Во избежание преследований сектанты старались «держаться как можно более замкнуто, не порывать открыто с православием и не вести пропаганды, которая обратила бы на них внимание власти... На официальных допросах сектанты убежденно показывали, что “их вера ведется издревле” и что родоначальником ее были Схария и его последователи».³ Не думаем, чтобы субботники давали свои показания относительно Схарии, исходя из сведений, почерпнутых в сочинениях Иосифа Волоцкого. Но их поздние и независимые от волоцкого игумена свидетельства являются серьезным подтверждением реальности столь загадочной и легендарной для историков личности. Не случайно новейшие исследования подтверждают реальность личности ересиарха Схарии.⁴

* * *

Описав возникновение и распространение «ереси жидовствующих» в Новгороде, преподобный Иосиф сообщает: «В лето же 6993 [1485] поставлен бысть архиепископ Великому Новугороду и Пскову священный Генадие, и положен бысть яко светилник на свещнице божиим судом. И яко лев пущень бысть на злодействена еретики, устреми бо ся, яко от чаща божественных писаний, и яко от высоких и красных гор пророческих и апостольских учений, иже ногты своими растерзаа тех скверныя утробы, напившаася яда жидовскаго, зубы же своими сокрушаа и растерзаа и о камень разбиваа. Они же устремишася на бегание, и приидоша в Москву готову имуще помощ Алексея протопопа и Дениса попа,⁵ уже многих прельстивша, и приобретше в помощ своея скверныя жидовскыя веры от черньцев же некоего, не реку архимандрита, но съсквернителя, радующася калу блудному, именем Зосиму... Потом же привлекоша к своей ереси черньца Захара. Потом

¹ Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий... С. 83.

² Показательно, что хорошо осведомленный в истории евреев Лев Поляков пишет о Схарии как реальной личности. – Поляков Лев. История антисемитизма. Эпоха веры. С. 328.

³ Селянинов А. Тайная сила масонства. М., 2000. С. 273. См. также: Платонов О.А. Терновый венец России. Тайна беззакония: иудаизм и масонство против Христианской цивилизации. М., 1998. С. 306–307.

⁴ См.: Алексеев А.И. Заметки о религиозности Ивана III. С. 199–200.

⁵ К этому времени Алексей и Денис были переведены Иваном III в Москву.

же от двора великого князя Федора Курицина, да дьяков крестовых, Истому да Сверчка, от купцев же Семена Кленова. Федор же Курицин и Истома и Сверчек и Семен Кленов многих научиша жидовствовать».¹

Так «ересь жидовствующих» проникла, как уже отмечалось выше, в Москву. В результате образовались два еретических центра (Новгород и Москва), тесно связанных общей организацией.² То была тайная организация, имеющая характер заговора. Поэтому протоиерей Г.Флоровский сильно, на наш взгляд ошибается, когда говорит: «Всего вернее, что еретического сообщества и вообще не было. Были известные настроения, именно “шатание умов”, вольнодумство».³ Более проницательный масон А.В.Карташев,⁴ знающий толк в конспирации, наметанным глазом выявил специфические свойства «ереси жидовствующих». Он писал: «По всем признакам все дело принципиально было поставлено, как секретный заговор... Целых десять лет удалось секте сохранить свой конспиративный быт. Из города секта распространилась по новгородской области. Перекочевав и в Москву, где еще просуществовала в тайне новых семь лет, пока, наконец, не была открыта властями. Такое искусство конспирации не в духе экспансивного славяно-русского темперамента. Напрашивается гипотеза, что секретный характер нового еретического сообщества составлял основную черту его конституции».⁵ Члены сообщества, как явствует из некоторых деталей, были «связаны клятвой конспирации», те из них, что были арестованы, «симулировали коллективное упомощательство», чтобы ненароком не выдать сообщников.⁶ О тайной организации «жидовствующих» говорят и новейшие исследователи.⁷

Похоже, что структурно «еретическое сообщество» состояло из малых групп, участники которых знали лишь сотоварищей по группе. «Что сообщество было конспиративным, — говорит А.В. Карташев, — видно из того, что поп Наум при всей решительности своего покаяния не мог никого назвать из сообщников, кроме четырех человек».⁸ Старый, испытанный принцип конспираторов.

¹ Источники... С. 471, 481.

² Ср.: *Бегунов Ю.К.* Соборные приговоры как источник по истории новгородско-московской ереси // ТОДРЛ. Т. XIII. М.; Л., 1957. С. 223.

³ *Флоровский Георгий.* Пути русского богословия. Минск, 2006. С. 19. Р.Г. Скрынников готов, кажется поддержать эту мысль Г.Флоровского (*Скрынников Р.Г.* Иван III. С. 216). Учение «жидовствующих» он отнес к разряду вольнодумства, объявленного ересью. — Там же. С. 87.

⁴ См.: *Платонов О.А.* Терновый венец России. Тайная история масонства 1731–2000. М., 2000. С. 284, 328; *Брачев В.С.* Масоны в России. За кулисами видимой власти (1731–2001). СПб., 2002. С. 315.

⁵ *Карташев А.В.* Очерки по истории русской церкви. Т. I. М., 1993. С. 490. См. также: *Зноско-Боровский М.* Православие, римо-католичество, протестантизм и сектантство: Сравнительное богословие. М., 1992. С. 184.

⁶ *Карташев А.В.* Очерки по истории русской церкви. Т. I. С. 496–497.

⁷ См., напр.: *Топоров В.Н.* «Спор» или «дружба» // «AEQUINOX». Сб. памяти о. А. Меня. М., 1991. С. 139–140.

⁸ *Карташев А.В.* Очерки по истории русской церкви. Т. I. С. 492.

Конспирация с треском провалилась, причем в истинно славяно-русском духе, как у нас говорят, «по пьяному делу»: в послании Геннадия митрополиту Зосиме читаем о том, что еретики «держали тайно» ересь свою, «да потом начали урекаться въпиани».¹ Как видим, пьяный спор еретиков обнаружил их ересь. Но главную роль в ее раскрытии сыграл поп Наум, порвавший с учением «жидовствующих» и вернувшийся к христианской вере. «И толко бы поп Наум не положил покаания, да в христианство опять не захотел, ино как бы мощно уведати по их (еретиков. — *И.Ф.*) клятве, как они отметаються своих велений?» — говорил владыка Геннадий.²

Некоторые историки клеймят попа Наума позором, именуя его ренегатом: Геннадий «воспользовался услугами ренегата движения некоего священника Наума»;³ «среди новгородских священников (впавших в ересь. — *И.Ф.*) нашелся ренегат поп Наум».⁴ Эти историки судят о людях прошлого на современный лад, забывая об особенностях жизни наших предков, сильно не похожих на нынешние нравы. В эпоху становления христианства на Руси мы наблюдаем, если можно так выразиться, религиозную «текучесть» или подвижность, характеризующие переходом из одной конфессии в другую и наоборот. С подобной практикой встречаемся еще в домонгольский период русской истории. Бывали случаи и, видимо, не редкие отступления от христианства и возвращения в него. Обратившийся снова в христианство должен был при народе подвергнуть проклятию соблазнившую его веру и поститься 40 дней. Из источников узнаем, какую веру принимал такой богоотступник. Это — язычество и иудаизм.⁵

В Новгородской земле длительное время сохранялись условия, способствующие религиозным шатаниям. В общественной жизни здесь нередко срабатывали языческие стереотипы поведения.⁶ Живучим язычество было и на бытовом уровне. Вот почему в домах новгородцев археологи находят «много элементов бытового язычества, вплоть до миниатюрных изображений домовых, покровителей дома».⁷ Близость к Западу, контакты с ним также создавали в Новгороде религиозную полифонию. Нельзя не сказать о религиозном вольномыслии как явлении, обусловленном в определенной мере республиканским политическим строем Новгорода, что обычно выпадает из поля зрения исследователей. Тяготеющая к демократии республиканская

¹ Источники... С. 375.

² Там же. С. 310.

³ Клибанов А.И. Реформационные движения в России... С. 189.

⁴ Скрынников Р.Г. 1) Государство и церковь на Руси... С. 139; 2) Святители и власти. Л., 1990. С. 109.

⁵ Смирнов С.И. Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины // ЧОИДР. Кн. III. 1912. С. 52, 126. См. также: Курбатов Г.Л., Фролов Э.Д., Фроянов И.Я. Христианство: Античность, Византия, Древняя Русь. Л., 1988. С. 245; Фроянов И.Я. Начало христианства на Руси. Ижевск, 2003. С. 91.

⁶ См.: Фроянов И.Я. 1) Мятёжный Новгород. Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы. СПб., 1992; 2) Древняя Русь. Опыт исследования социальной и политической борьбы. М.; СПб., 1995.

⁷ Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 460.

власть по сравнению с властью самодержавной обладает меньшими возможностями управлять течением религиозной жизни. Именно поэтому в Новгородской земле возникли крупнейшие еретические движения XIV–XV вв. — стригольничество и «ересь жидовствующих».¹

Поп Наум, как видим, жил в среде религиозного брожения,² и неудивительно, что он, следуя давним традициям, перешел в иную веру. Но все было бы гораздо проще, если бы Наум не был священником, т.е. человеком, связанным узами священного обета. Вот почему Наум совершил предательство тогда, когда вступил в «ересь жидовствующих», а не тогда, когда осознал свой великий грех, покаялся и воротился в лоно православной церкви.

Раскаившийся поп принес Геннадию «тетрати, по которым они [еретики] молились по-жидовски»,³ и еще кое-что рассказал. Началось расследование, которое показало, что еретики восстали против фундаментальных основ христианского вероучения: они отрицали божественность Спасителя, утверждая, будто Христос был не Богом, а простым человеком, распятым иудеями и истлевшим во гробе, не признавали богоизбранность Девы Марии, отвергали Троицу, не верили в святых чудотворцев, не поклонялись кресту и иконам, признавали только Ветхий завет. То было в полном смысле слова воинствующее сообщество, члены которого, убедившись в безнаказанности и почувствовав «ослабу», сбросили маски и пустились в кощунственные надругательства над христианскими святынями: привязывали, как мы уже знаем, кресты к птицам, которые волочили их по всяким зловонным местам, рубили топорами и жгли иконы, бросали их в грязь, переворачивали «вверх ногами» и мочились на них,⁴ на литургии перед престолом в алтаре плясали, оскверняли церкви, хулили «иноческое жительство» и т.п.⁵ Разными безобразиями они вводили в соблазн христиан на погибель им. Геннадий в послании к суздальскому епископу Нифонту рассказывает, как два еретика «с Ояти», «поп да диак», дали одному христианину «крест телник древо плакун, да на кресте том вырезан сором женской да и мужской, и христианин де и с тех мест сохнути, да немного болел да умерл».⁶ Я.С.Лурье, как Фома неверующий, отказывает и этому рассказу в достоверности: «Если Геннадий был настолько наивно доверчив, чтобы поверить в “чудесную” смерть крестьянина (?),⁷ или настолько лжив, чтобы выдумать эту смерть, то он мог измыс-

¹ См.: Казакова Н.А. и Лурье Я.С. Антифеодалные еретические движения...; Клибанов А.И. Реформационные движения в России...; Рыбаков Б.А. Стригольники.

² См.: Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Кн. I. М., 1990. С. 319–320.

³ Источники... С. 310.

⁴ Вот сценка, описанная архиепископом Геннадием: «Да здесь Алексейко подъячей на поместье живет да напився пьян, влез в чясовню, да сняв с лавицы икону — Успение Пречистые, да на нее скверную воду спускал, а иные иконы вверх ногами переворачивал. А что паки безыменных, ино и числа нет, кое иконы резаны. а не вестъ». — Источники... С. 380.

⁵ См.: Источники... С. 475–476, 484–485.

⁶ Там же. С. 313.

⁷ Геннадий говорит не о крестьянине, а о христианине.

лить или принять на веру и историю с преподнесением кощунственного креста».¹ А.И.Клибанов, напротив, считает, что перед нами «зарисовка с живой натуры. Здесь Геннадий не использует сообщаемых фактов для клеветнических выводов... Что «крестианин», которому еретики дали нательный крест с нецензурной резьбой, вскоре после того умер, может быть и сочинено Геннадием, может быть и нет, а в том, что в уме Геннадия протянулась ассоциация между поступком еретиков и смертью «крестьянина», нет ничего фантастического. Если бы в своем рассказе Геннадий дал волю фантазии, он скорее бы заставил умереть еретиков, а не невинную жертву еретического «кощунства»».²

А.А.Зимин, приступая к изучению «новгородской крамолы» (так он называл «ересь жидовствующих»), выделил в качестве важной проблемы вопрос об «удельном весе иудаизма в круге идей новгородских еретиков».³ Конечно, определить удельный вес иудаизма в новгородской ереси с точностью аптекарских весов нельзя, но выделить основной элемент, уловить лейтмотив вполне возможно.

* * *

Уже в первой из грамот, посланных новгородским владыкой Геннадием в связи с обнаруженной им ересью, обличение направлено против «новгородских еретиков, жидовская мудрствующих».⁴ О «жидовская мудрствующих» архиепископ говорит и в других посланиях.⁵ К выражениям «жидовскаа мудрствую», «мудрствующей жидовскаа», «жидовскаа мудрствующих» прибегает Иосиф Волоцкий.⁶ Слова «жидовская мудрствующих» читаем и в «Послании о соблюдении соборного приговора 1504 года».⁷ Следовательно, они были в обиходе у высших иерархов церкви. Что означало данное словосочетание?

Смысл слов «жидовская», «жидовскаа», «жидовьскаа», «жидовьская» лежит на поверхности – *иудейская*. Именно так раскрывает его архиепископ Геннадий, отождествляя новгородскую ересь с иудейством: «Ино то в них не одно иудейство...».⁸ У Иосифа же вместо «иудейства» значится «жидовскаа учения», «жидовское учение»,⁹ «жидовская вера»¹⁰ или просто «жидов-

¹ Казакова Н.А. и Лурье Я.С. Антифеодальные еретические движения... С. 124.

² Клибанов А.И. Реформационные движения в России... С. 191.

³ Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий... С. 83.

⁴ Источники... С. 310.

⁵ Там же. С. 316, 318.

⁶ Там же. С. 326, 332, 425, 474, 483, 519.

⁷ Там же. С. 508.

⁸ Там же. С. 316.

⁹ Там же. С. 325, 361.

¹⁰ Там же. С. 469, 471. Выражения «жидовское учение», «жидовская вера» имеются в «Послании о соблюдении соборного приговора 1504 г.», одобренном высшими духовными иерархами Руси. – Там же. С. 508, 509.

ство».¹ К последнему термину прибегал и великий князь Иван III.² Тот же Иван, митрополиты Геронтий и Зосима вслед за Геннадием употребляли словосочетание «жидовская вера».³

Заметно сложнее обстоят дела со словами «мудрствующих», «мудрствую», «мудрствующей», «мудрствующих», «мудрствующих». Р.Г.Скрынников предлагает толковать *мудрствование* как *вероучение*, а интересующую нас фразу переводить как иудейское вероучение.⁴ Такая интерпретация нуждается в уточнении, поскольку в тексте мы имеем не существительное *мудрствование*, а причастие *мудрствующие*, которое указывает на действие. Значение лексемы «мудрствующие» проясняют другие встречающиеся в источниках выражения, однотипные формуле «жидовская мудрствующие». Одна из них звучит так: «...vide в Газе еретики живуца *манихейская мудрствующие*».⁵ Эти слова следует, на наш взгляд, понимать так, что в Газе жили еретики, верующие по-манихейски.⁶ Еще более выразительна формула, относящаяся к христианству. Она приводится в связи с митрополитом Геронтием, который «сам же убо *христианьскаа мудрства*, о прочих же мало попечеса».⁷ Весьма красноречива еще одна подобная формула, посвященная «князю, нарицаемому Михаилу, *христианину суцу, и христианская мудрствующе*».⁸ Значит, князь Михаил Олелькович суть христианин, верующий (мудрствующий) по-христиански. Отсюда еретики «жидовскаа мудрствующей» — это люди верующие по-иудейски, исповедующие иудейскую веру. Поэтому, как отмечал Геннадий, они и «молились по-жидовскы»,⁹ перелагая при этом псалмы «на их [иудеев] обычай»,¹⁰ т.е. правя «по-жидовскы».¹¹

Все это позволяет думать, что иудейский элемент в ереси был ведущим, но, как обнаруживается, не единственным. В послании епископу Прохору Сарскому архиепископ Геннадий говорит о новгородских еретиках следующее: «Покрыты же суть оных еретик клятвою укоризною маркианския»¹² гла-

¹ Там же. С. 361, 425, 469, 473, 479, 482, 520.

² Там же. С. 436. Встречается этот термин и в «Послании о соблюдении соборного приговора 1504 года». — Там же. С. 507.

³ Там же. С. 313–314, 376, 384.

⁴ Скрынников Р.Г. Государство и церковь на Руси... С. 145.

⁵ Источники... С. 490.

⁶ Манихейство — религиозное учение, основанное в III в. н.э. Мани, который проповедовал в Персии, Средней Азии, Индии. Оно являлось дуалистическим учением о борьбе добра и зла, света и тьмы как изначальных и равноправных принципов бытия. Получило широкое распространение, от Китая до Испании. Оказало влияние на дуалистические ереси Средневековья.

⁷ Источники... С. 471, 481.

⁸ Там же. С. 468–470, 478.

⁹ Там же. С. 310.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 316.

¹² Маркеллианство — еретическое учение (IV в.) епископа анкирского Маркелла и ученика его Фотина, отвергавшее троичность Лиц в Боге.

голю и месалианския...¹ Да что есть ересей месалианских, то все они мудрствуют, толко то жидовским десятисловием людей прельщают, яко благочестующе мнятся». ² К этой теме Геннадий возвращается в послании бывшему архиепископу ростовскому Иоасафу: «Покрыты же суть онехь еретик клятвеною укоризною, марькианьския глаголю и месалианския... Ино то в них не одно иудейство, смешано с месалианскою ересью». ³ Наконец, в обращении к неизвестному лицу Геннадий назвал еретика протопопа Алексея поборником Ария, ⁴ указав, следовательно, на еще одну примесь к «иудейству жидовская мудрствующих» – арианство. ⁵ Геннадий, следовательно, рассматривал «ересь жидовствующих» как иудаизм, смешанный с некоторыми христианскими ересями, но именно (и это важно подчеркнуть) как **иудаизм**, хотя, так сказать, и не чистый.

Иосиф Волоцкий развивал те же представления. В «Сказании о новоявившейся ереси» речь идет о многих, «иже в тайне держаще ереси многи, десятисловием на жидовство учаще, и саддукейскую⁶ и месалианскую ересь дръжаще, и много развращения творяще». ⁷ Упоминает Иосиф и Ария, но в связи с митрополитом Зосимой, ⁸ а не протопопом Алексеем. И все же на переднем плане у Волоцкого, как и у Геннадия, стоит «жидовство» еретиков.

Некоторые исследователи, игнорируя ясно запечатленное источниками сходство оценок сути «ереси жидовствующих» в сочинениях Геннадия и Волоцкого, рисуют искаженную картину идейно-религиозной борьбы на Руси конца XV – начала XVI века. Это особенно присуще историкам советской поры. Так, Н.М. Никольский еще в начале 30-х годов прошлого века утверждал: «В то время как Геннадий, допуская некоторое иудейское влияние, считает, что ересь в Новгороде возникла главным образом под влиянием маркеллианской и массилианской ереси, Иосиф нашел ключ к ереси в слове “жид”, и с его легкой руки и пошел совершенно неправильный термин “жидовствующие”». ⁹ Фантастические идеи развивал и Б.А. Рыбаков, согласно которым возникшее среди новгородцев в 80-х годах «противоцерковное движение» имело сперва «название ереси стригольников», а затем «тогдашними

¹ Массилианство – ересь, распространившаяся (V–VI вв.) в монастырях, расположенных вокруг города Массилии (Марсель). Массилиане проповедовали идею достижения спасения с опорой более на нравственные силы человека, чем на божественную благодать.

² Источники... С. 310.

³ Там же. С. 316.

⁴ Там же. С. 390.

⁵ Арианство – ересь IV–VI вв., зачинателем которой являлся священник Арий (†336) из города Александрии. Ариане были противники учения христианской церкви о единосущности Бога-отца и Бога-сына (Христа). По Арию, Христос как творение Бога-отца – существо низшее.

⁶ Саддукеи отрицали загробную жизнь.

⁷ Источники... С. 473, 482.

⁸ Там же. С. 473.

⁹ Никольский Н.М. История Русской церкви. С. 88–89.

антисемитами» было переименовано в «ересь жидовствующих».¹ Эти и другие, содержащиеся в статье Б.А.Рыбакова замечания Я.С.Лурье счел «очень ценными» и «очень интересными», связав их с «началом нового, советского этапа в историографии новгородско-московской ереси».² Сам Лурье, подобно Никольскому противопоставляя известия Геннадия сообщениям Иосифа Волоцкого, сделал, по сравнению со своим предшественником, новый, более радикальный шаг: «Известия Геннадия, несомненно, — говорит он, — опровергают более позднюю легенду Иосифа о “жидовстве” еретиков, — недаром впоследствии, когда волоцкий игумен использовал послания Геннадия в своих сочинениях, он тщательно обработал именно эти места».³ Лурье полагает, будто «характер этой обработки лучше всего можно проследить на... месте из “Посланий” Геннадия Прохору и Иоасафу, где говорится о “жидовском десятословии” (о 10 заповедях) и скрывающихся за ним “месалианских ересях”». Вот как видоизменилось это место (и следующий за ним текст) в “Сказании о новоявившейся ереси”:

“Послания” Прохору и Иоасафу: “Сказание о новоявившейся ереси”:

Да что [ни] есть ересей месалианских, то вси они мудръствуют, только то жидовским десятословием людей прельщают, яко благочестующе мнятся... Да егда где будут в православных, и они таковы же себя являют. Аще ли видят кого от простых, и они готова себе имеют на лов... И кто будет верою огражен и в православии христианства крепок, и они того таятся, а ему таковы ся и являют...

...держаще ереси многы, десятословием на жидовство учаще и саддукейскую и месалианскую ересь дръжаще, и много развращения творяще. И их же видяху благоразумных и писания божие ственаа ведящих, тех еще в жидовство не смеюще приводити, но некия главизны божественаго писания... криво сказующе... простейших же на жидовство учашу....⁴

Сопоставление данных текстов Я.С.Лурье сопровождает следующим комментарием: «У Геннадия... “жидовское десятословие” было только невинным и благовидным прикрытием (“только... людей прельщают”, “благочестующе мнятся”), — корень зла заключается в “месалианских ересях”; у Иосифа “десятословие” стало прежде всего средством обращения именно в “жидовство” и лишь в дополнение к нему — в “саддукейскую” (отрицание загробной жизни) и “месалианскую ересь”. Но этого мало. Хотя Иосиф, в отличие от Геннадия, писал свое сочинение не в период расцвета ереси, а в период ее падения, он имел дело с современниками, которые в большей или меньшей степени были знакомы с ересью и могли сомневаться, были ли еретики действительно “жидовствующими”, или же они ограничивались толь-

¹ Рыбаков Б.А. Воинствующие церковники XVI в. // Антирелигиозник. 1934, № 3. С. 31–32.

² Казакова Н.А. и Лурье Я.С. Антифеодальные еретические движения... С. 88.

³ Там же. С. 118.

⁴ Там же. С. 212–213.

ко критикой “божественного писания”. И тут на помощь волоколамскому игумену приходила теория Геннадия о двурушничестве еретиков. Геннадий обвинял еретиков в том, что перед “крепкими” в православии они изображали себя благочестивыми христианами, а “простых” обращают в ересь (ересь вообще, без указания на “жидовство”). Иосиф использует ту же схему (“ведящие писание” и “простейшие”), но приспособливает ее к своей концепции: перед теми, кто мог их разоблачить, еретики ограничивались тем, что критиковали “писания божественная”, но “простейших”, они “учаху” “на жидовство”».¹

Полагаем, что методика источниковедческого анализа, применяемая Я.С. Лурье, ущербна. Ведь исследователь сопоставляет не какие-то мелочи или частности, содержащиеся в сочинениях наших двух информаторов, а их взгляды, общие оценки, можно сказать, концепции, характеризующие природу ереси на Руси конца XV – начала XVI века. Отсюда следуют, по крайней мере, два настоятельных требования: 1) необходимость сопоставления не отдельных сочинений новгородского архиепископа и волоколамского игумена, а всех, где речь идет о ереси; 2) необходимость сравнения не отдельных фрагментов из тех или иных произведений Иосифа и Геннадия, а их текстов в целом.

Если бы Лурье исполнил эти требования, то наверняка обратил бы внимание на упомянутые выше многочисленные свидетельства Геннадия о еретиках – «жидовская мудрствующих». Он не прошел бы мимо высказываний Геннадия, отождествляющих понятия «еретик» и «жидовин», изображающих еретиков как людей, следующих «обычаю жидовскому».² Он оценил бы должным образом заявление Геннадия о том, что «Алексей протопоп, да Истома, да Ивашко Черной... да в жидовскую веру стали».³ Наконец, Лурье заметил бы указание Геннадия на ту особенность, что у еретиков не одно «июдейство, смешано с месалианскою ересью».⁴ Поскольку «месалианская ересь» преподносится Геннадием в связке с «ересью маркианской»,⁵ можно предположить, что владыка усматривал в обнаруженной им ереси смесь «июдейства» с «месалианством» и «маркианством». Н.И. Костомаров несколько иначе понимает слова Геннадия, который, как полагает историк, «жаловался, что в Новгороде, кроме “мудрствующих по жидовски”, есть еретики, держащие ереси маркианскую (отвергающую Троицу), мессальянскую, саддукейскую (отвергающую будущую жизнь) и др. Для ревнителя православия все эти ереси равным образом были ненавистны и достойны истребления».⁶ Надо заметить, что о саддукейской ереси пишет не Геннадий, а Иосиф Волоцкий. Впрочем, это – мелочь. Существенно то, что Геннадий не отделя-

¹ Там же. С. 213.

² Источники... С. 376.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 316.

⁵ Там же.

⁶ Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Кн. I. С. 321.

ст от «иудейства» глухой стеной другие называемые им ереси, представляя «ересь жидовствующих» как сложное явление, как некий «еретический коктейль», замешанный на иудейской религиозной основе, но отнюдь не как набор различных ересей, существующих самостоятельно. Точку зрения Геннадия разделяет, собственно, и Волоцкий, делая упор на «жидовстве» еретиков, но упоминая при этом присущие еретикам «саддукейскую» и «месалианскую» ереси, а также «многы ереси».¹

Но Я.С.Лурье никак не хочет взять это в толк и продолжает «разоблачать» преподобного старца. Он говорит: «В “Послании о соблюдении соборного приговора” 1504 г., написанном (вероятно, тем же Иосифом) несколько позже “Сказания о новоявившейся ереси” (и затем включенном, в качестве 16-го “слова”, во вторую редакцию книги Иосифа), текст посланий Геннадия привлечен еще шире, и обработка еще нагляднее:

“Послания” Прохору и Иоасафу:

“Послание о соблюдении соборного приговора”:

Да егда где будут в православных, и они таковы же себя являют. Аще ли видят кого из простых, и они готова имеют себе на лов, Да того ради и в попы ставят, чтобы кого как можно в в свою ересь привлечь, занеже уже дети духовныя имут держати. И кто будет верою огражен и в православии христианства крепок, и того они таятся и ему таковы ся и являют. Аще ли кто слаб и ленин и удобь к греховному игу преклоняем, сего они, яко слаба, отступника вере показывают и принимают его в свою ересь. А что он съгрешил или блуд или прелюбодейством, или иные грехи сътворил, то удобь прощают, церковным канонам не последующе. Аще ли кто от православных во обличение восхощет стати на них про их ереси, и они отметницы бывают своих ересей...

И егда убо будут посреди православных, являются, яко православнии. И аще кто будет верою христовою и православием крепко утвержен, и они того таятся всячески. Аще ли ж видят кого от простейших, и такового готова себе имеют на лов. Того ради и на священничество дерзают, дабы кого в жидовство привлечь. Аще кто обрящет у них от детей духовных удобь ко греховному игу преклоняем, сего они отступника вере показывают и в жидовство поставляют. А что он согрешил будет, или блудом, или прелюбодейством или убийством или иными тяжкими грехи, — вскоре и без опитемии прощают. Аще ли паки кто от православных во обличение восхощет на них стати, и они отметницы бывают жидовския веры...»²

Как видим, наглядность обработки Иосифом текста посланий Геннадия заключается, по Лурье, в подмене понятия «ересь» на понятия «жидовство»,

¹ «...и многи ини, иже в тайне держащее ереси многы, десятословием на жидовство учащее, и саддукейскую и месалианскую ересь дръжаще, и много развращения творящее». — Источники ... С. 473, 482.

² Казакова Н.А. и Лурье Я.С. Антифеодальные еретические движения... С. 213–214.

«жидовская вера». Игумен произвел, по мнению исследователя, эту хитрую операцию, воспользовавшись «теорией двурушничества еретиков», сформулированной в сочинениях Геннадия.¹ Но так ли?

Начнем с того, что авторство Иосифа применительно к «Посланию о соблюдении соборного приговора» не доказано, что признает и Лурье, высказываясь по данному вопросу в гипотетическом тоне.² Следовательно, остается возможность, пусть даже минимальная, предположить иного, нежели Иосиф, автора «Послания». Но при малейшем подобном допущении рушится вся конструкция, изобретенная Лурье. И даже признав, как это уже нами делалось, авторство волоколамского старца, не получим того, к чему упорно стремится наш историк, положивший много сил, чтобы уличить Иосифа в произвольном толковании и вольной обработке текстов, принадлежащих Геннадию. Весьма значимым здесь является тот факт, что «Послание о соблюдении соборного приговора» не принадлежит к разряду сочинений сугубо индивидуального творчества. За «Посланием» стоял освященный собор, а написано оно официально от имени митрополита Симона, с чем, кстати, Лурье согласен.³ А это означает, что в «Послании» была отражена позиция не только Иосифа, но и всего высшего духовенства на Руси рассматриваемого времени. Если последовать за Лурье, придется признать, что русское священноначалие во главе с митрополитом возводило напраслину на еретиков ложно, и, получается, намеренно приписывая им отпадение в «жидовство», «жидовскую веру». Согласиться с такого рода умозаключениями, на наш взгляд, совершенно невозможно, тем более что в посланиях Геннадия есть достаточный, как уже отмечалось, материал, позволяющий квалифицировать обличаемую им ересь как «жидовство». В послании Прохору новгородский владыка упоминает «еретиков жидовская мудрствующих», которые «молились по-жидовски» и «прельщали» окружающих людей «жидовским десятословием». ⁴ С «жидовская мудрствующими» сталкиваемся и в послании Геннадия бывшему ростовскому архиепископу Иоасафу. Эти еретики, по свидетельству Геннадия, «правили псалмы по-жидовски». Их веру новгородский архиепископ именует «иудейством». ⁵ Спрашивается, имел ли Иосиф основания на то, чтобы, исходя из сообщений Геннадия о новгородской ереси, отнести ее к «жидовству» или к «жидовской вере»? Ответ, думается, ясен: да, имел. Отсюда вывод о доброкачественности известий насчет «ереси жидовствующих» Иосифа Волоцкого, об их соответствии с тем, что писал о новгородской ереси архиепископ Геннадий. ⁶ И один и другой обличители характеризуют «ересь жидовствующих» как сложное по составу религиозное учение, в основе которого лежало «иудейство» («жидовство»), опутан-

¹ Там же. С. 214.

² Там же. С. 213. См. также: Лурье Я.С. Идеологическая борьба... С. 108.

³ Лурье Я.С. Идеологическая борьба... С. 422.

⁴ Источники... С. 310.

⁵ Там же. С. 316.

⁶ Е.Е. Голубинский резонно замечал, что Иосиф, сообщая о «ереси жидовствующих», говорил об этом отнюдь не на основании одних слухов. «Он был в полной возможности знать о Жидовствующих точную истину: и как же бы он не позаботил-

иными «многими ересями» в частности «маркианской», «месалианской» и «сатдукейской».

Эта сложность и неоднозначность «ереси жидовствующих» вызывала у позднейших историков определенное недопонимание и потому породила в исторической литературе разногласия во мнениях о конфессиональной ее принадлежности. Правда, первые русские историки, не вдаваясь особенно в детали и не вводя в какие-либо споры, связывали обнаруженную в Новгороде ересь с иудейством. «Сия ересь, — писал В.Н.Татищев, — начатся, егда бысть в Новгороде князь Михаил Олелкович киевский. Тогда приде с ним жидовин, именем Схарина, той проклятый имеяше язык свой, яко уду. вельми сладкоречив, и глаголы его вся библиею преисполнены, образ жития его являшеся целомудрен и кроток, но внутрь полон смрада и нечистоты. Той зловарный многих тогда в Новеграде смути и жидовствовати прельсти».

Н.М.Карамзин, как и В.Н.Татищев, не усматривал в характере новгородской ереси какой-нибудь проблемы. Все здесь ему казалось понятным и ясным: «Был в Киеве Жид именем Схария, умом хитрый, языком острый: в 1470 году приехав в Новгород с князем Михайлом Олельковичем, он умел обольстить там двух Священников, Дионисия и Алексея; уверил их, что закон Моисеев есть единый Божественный; что история Спасителя выдуманна; что Христос еще не родился; что не должно поклоняться иконам и проч. Завелась Жидовская ересь».² Знаменитый историограф воспринимал известия о «жидовской ереси» как свидетельство соблазна и раскола в русской церкви.³ Вот, собственно, и все, что считал необходимым сказать Н.М.Карамзин о сути «новоявившейся ереси».

Еще более краток Н.А.Полевой, ограничившийся простой констатацией того, что «с 1470 года началась в Новгороде особенная ересь, наименованная жидовскою. Она сильно распространилась там и в Москве».⁴ В чем ересь была «особенная», Н.А.Полевой, к сожалению, не поясняет.

Вопрос о том, «что ж это была за ересь», впервые, пожалуй, прозвучал в специальном исследовании слушателя Московской духовной академии Н.А.Руднева (впоследствии протоиерей), который считал этот вопрос тем более важным, поскольку «на него не обращали большого внимания, а разрешали его так, как принята была ересь в народе и еще более — как смотрел на него знаменитый современник ее игумен Волоколамский. Общепринятое мнение то, что это была ересь точно жидовская».⁵ Н.А.Руднев подверг со-

сказать: «...узнать ее, предприняв писать против них нарочитое полемическое сочинение?» — Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. II. Первая половина тома. М., 1997. С. 588.

¹ Татищев В.Н. Собр. соч.: В 8-ми томах (5-ти книгах): Т. 5, 6. История Российская. Ч. IV. М., 1996. С. 77.

² Карамзин Н.М. История Государства Российского: В 12-ти томах. Т. VI. М., 1998. С. 119.

³ Там же. С. 119, 120.

⁴ Полевой Н.А. История русского народа: В 3-х томах. Т. III. М., 1997. С. 312.

⁵ Руднев Н.А. Рассуждения о ересьх и расколах, бывших в русской церкви со времен Владимира Великого до Ивана Грозного. М., 1838. С. 109.

мнению «общепринятое мнение». В итоге он пришел к заключению, согласно которому «ересь, известная под именем жидовской, не есть чисто жидовская», а является собою «смесь двух учений: рационального и жидовского», причем первое учение, «рациональное», есть главное.¹ В описаниях ереси ее современниками, по Рудневу, «не много приметно иудейского».²

Идея Н.А.Руднева о ереси как «смеси рационального и жидовского» была принята одним из столпов русской исторической науки, С.М.Соловьевым: «В половине XV века, а может быть и ранее, в Киеве явилась ересь, как видно смесь иудейства с христианским рационализмом, отвергавшая таинство св.Троицы, божество Иисуса Христа, необходимость воплощения, почитание угодников божиих, икон, монашество и т.д. Глава или член общества киевских еретиков, жид Схария, приехал из Киева в Новгород вместе с князем Михаилом Олельковичем».³

О смеси христианского рационализма с иудейством писали позднее как церковные, так и светские историки.⁴

Помимо того, в досоветской исторической науке сложились два диаметрально противоположных мнения о религиозной сути новгородско-московской ереси конца XV – начала XVI века. Сторонники одного мнения в «ереси жидовствующих» находили «чистый иудаизм», а приверженцы другого склонялись вообще к его отрицанию.

К числу сторонников первого мнения принадлежал митрополит Макарий (Булгаков), который говорил: «Схария и его товарищи проповедовали у нас не какую-либо ересь христианскую, а ту самую веру, которую содержали сами, и в том виде, в каком исповедуют ее иудеи, отвергшие Христа Спасителя и Его Божественное учение».⁵ Макарий настойчиво повторял: «Схария и его товарищи проповедовали у нас свою собственную, иудейскую, веру и отвержение христианской, из чего уже неизбежно следовали всевозможные христианские ереси, т.е. отвержение всех христианских догматов и установлений. Прибегать же к предположению, не была ли ересь жидовствующих одною из тогдашних христианских ересей, только близкая к иудейству, или не была ли она смесью разных христианских ересей с рационалистическим направлением, или даже не выработалась ли она в самом Новгороде под влиянием вольномыслия, с одной стороны, жида Схарии, а с другой – новгородских священников, вовсе нет нужды и основания».⁶

¹ Там же. С. 142.

² Там же. С. 119.

³ Соловьев С.М. Сочинения. Кн. III. История России с древнейших времен. Т. 5–6. М., 1989. С. 170.

⁴ См., напр.: Знаменский П.В. История Русской церкви. Paris; М., 1996. С. 169; Любавский М.К. Лекции по древней русской истории до конца XVI века. СПб., 2000. С. 465, 467.

⁵ Макарий (Булгаков). История русской церкви. Книга четвертая. Часть первая. М., 1996. С. 53.

⁶ Там же. С. 54.

Макария в данном вопросе безоговорочно поддержал Е.Е.Голубинский. Он писал: «В науке русской церковной истории в настоящее время существуют два мнения об ереси Жидовствующих — Руднева и преосв. Макария... Мы со своей стороны решительным образом присоединяемся к мнению преосв. Макария, находя, что прежнее мнение должно быть отвергнуто как неосновательное».¹

Присоединившись к митрополиту Макарию в главном, Е.Е.Голубинский высказал и некоторые собственные соображения, касающиеся «ереси жидовствующих». В частности, он говорил о двойственном характере учения еретиков, выделяя ересь в «подлинном виде» («чистое жидовство») и «неподлинном виде» — «большее или меньшее христианское вольномыслие».² Подлинная ересь «представляла собою не что иное, как полное и настоящее иудейство или жидовство с полным отрицанием христианства».³

Аналогичную двойственность «ереси жидовствующих» отмечал Н.И.Костомаров, усматривавший в ней, с одной стороны, «рационалистическое жидовство», «еретическое учение, имевшее целью распространение иудейской веры», а также ереси христианского толка — с другой.⁴

Среди исследователей, отрицавших наличие иудаизма в рассматриваемой нами ереси, должен быть, безусловно, упомянут Д.И.Иловайский. «Темны и сбивчивы известия, — говорил историк, — о происхождении этой ереси... Трудно с точностью определить учение... еретиков. Судя по дошедшим до нас обличительным против них сочинениям, еретики главным образом не признавали Христа за Сына Божия и отрицали Пресв.Троицу, а учили, что Бог есть один; далее их обвиняли в том, что они отрицали будущую жизнь, почитание икон, святых, таинства, посты, церковные обряды, монашество и пр. Следовательно, находим почти полное отступничество от Христианской церкви. Но в то же время не видим тут ясно и религии Иудейской. Отрицая Троицу и воплощение Сына Божия и проповедуя единого Бога, конечно, еретики приближались к Ветхозаветному учению; но такие отрицания по частям указывались их противниками и в прежних ересях, иудейских и христианских, таковы особенно Маркиане, Мессальяне и Саддукеи».⁵ Не видно, чтобы новгородские еретики исполняли какие-либо жидовские обряды, достоверно известно, что они не подвергали себя обрезанию и не почитали субботы. По всем признакам эта ересь является плодом того же религиозного брожения, которое поднято было в Новгороде и Пскове учени-

¹ Голубинский Е.Е. История русской церкви... С. 586.

² Там же. С. 560

³ Там же. С. 592.

⁴ Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях... С. 319, 320, 321.

⁵ От восприятия ереси «по частям», искажающего суть учения еретиков, предупреждал митрополит Макарий: «Если рассматривать все эти лжеучения каждое порознь и отдельно от тех начал, из которых они вытекали в ереси жидовствующих, то в ней можно видеть не одно иудейство, а многие христианские ереси, еще в древности осужденные, как и видели современники». — Макарий. История русской церкви... С. 54.

ем Стригольников, т.е. плодом собственного вольнодумства или собственной пытливости по отношению к высшим вопросам и разумения».¹

Мысли Д.И.Иловайского об отсутствии в новгородско-московской ереси иудаизма и о связи ее с предшествующей ересью стригольников получили дальнейшее развитие в советской историографии. Правда, советские историки предпочитали насчет такой преемственности особенно не распространяться, поскольку дореволюционные исследователи являлись объектом критики как представители старой, в лучшем случае ненаучной (домарксистской), а то и реакционной исторической науки, находившейся в кризисе. К тому же советские историки перенесли исследование проблемы из области религиозно-политической в область социально-политическую, связав «ересь жидовствующих» с классовой борьбой, что создавало ощущение радикально нового подхода к изучению вопроса. Изменился и понятийный аппарат: термин «жидовствующие» стал не только менее употребителен, но и не желателен. В качестве примера можно привести академические «Очерки истории СССР» (автор соответствующего раздела К.В.Базилевич), обобщившие достижения советской исторической науки к началу 50-х годов. «Типичным для средневековья антицерковным движением, — говорится там, — было рационалистическое движение 70–80-х годов... Фактические сведения о нем сохранились лишь в донесениях, следственных материалах, кратких летописных записях и полемических сочинениях главным образом Иосифа Волоцкого. Ересь распространилась на новгородских попов, дьяконов, а также и “простых” людей, городских ремесленников. Она была тесно связана с ранним движением в Новгороде и Пскове, известным под именем ереси стригольников. Ересь была одной из форм классового протеста социальных низов против феодального гнета».²

Обращают внимание три положения, представленные в «Очерках»: 1) ересь 70–80-х годов — антицерковное и, как явствует из цитированного текста, христианское рационалистическое учение, присущее средневековью и, следовательно, не имеющее отношения к иудаизму (термин «жидовствующие» не употребляется); 2) ересь — одна из форм антифеодальной классовой борьбы; 3) ересь — местное явление, тесно связанное с предшествующей ересью стригольников в Новгороде и Пскове и возникшее, стало быть, вследствие внутренних причин, а не внешнего воздействия. Эти положения станут весьма распространенными в советской историографии.

В очередном томе академических «Очерков» (автор соответствующего раздела Л.Н.Пушкарев) также находим некоторые суждения о движении ере-

¹ *Иловайский Д.И.* История России. Собиратели Руси. М., 1996. С. 456–457. Известен спор между Д.И.Иловайским и А.С.Павловым на VI Археологическом съезде (1884) в Одессе. На этом съезде Иловайский выступил с докладом, где характеризовал «ересь жидовствующих» как «мнимо жидовскую». Ему возражал Павлов, который вслед за Иосифом Волоцким утверждал, что эта ересь была иудаизмом. — См.: *Павлов А.С.* Вопрос о ереси жидовствующих на VI Археологическом съезде. М., 1884.

² *Очерки истории СССР. Период феодализма IX–XV вв.: В двух частях. Ч. II.* М., 1953. С. 313.

тиков в Новгороде и Москве конца XV — начала XVI века: «Распространение ереси на Руси в конце XV в. связано в первую очередь с развитием торгово-ремесленной жизни страны, с ростом русских городов, с усилением феодального гнета в деревне. Крупнейшие центры ереси были одновременно и крупными торгово-промышленными центрами (Новгород и Москва). Ересь конца XV — начала XVI века при всем своем богословском характере носила черты светского антиклерикального учения. Зародившись в Новгороде, она стала распространяться и вскоре появилась в Москве. Само название ереси — “ересь жидовствующих” — до сих пор сколько-нибудь удовлетворительно не объяснено. Одни считают, что ересь так названа потому, что ее якобы занес из Литвы ученый еврей Схария, другие — потому, что в своей полемике с официальной церковью еретики обращались к Ветхому завету».¹ Устанавливается «неоднородность классового состава еретиков», «расплывчатость их идеологии» Оказывается, «умеренное крыло этого движения ограничило свою борьбу правом на известное свободомыслие в области науки и литературы; левое крыло доходило до отрицания основных догматов христианской веры. Выставлялись требования... ограничить права церкви в эксплуатации крестьян».²

Следовательно, и в этом томе «Очерков» ересь изображается как внутри-общественное явление, обусловленное развитием торгово-ремесленной жизни, ростом городов и обострением классовых противоречий.³ Необходимо отметить выделение в еретическом движении «умеренного крыла» и «левого крыла», которое в некотором роде предвосхищает теорию о двух (независимых друг от друга) центрах ереси, находившихся в Новгороде и Москве, о двух ересьях — новгородской и московской.

В советской историографии довольно скоро возник соблазн уподобить ересь на Руси конца XV — начала XVI века реформационным и гуманистическим движениям на Западе,⁴ открыть целую эпоху культурного «Возрождения» на Руси.⁵ Искус был столь велик, что некоторые исследователи, утратив чувство меры, стали именовать «ересь жидовствующих» «бюргерским протестантско-реформационным движением», «гуманистическим ренессансным движением на русской почве».⁶ Но нет, как говорится, худа без добра.

¹ Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV в. — начало XVII в. М., 1955. С. 172–173.

² Там же. С. 173.

³ Разумеется, подобные интерпретации возникли не на пустом месте. Еще в 30-е годы XX века ересь конца XV — начала XVI века рассматривалось как «широкое антицерковное движение», вызванное интересами «развивающейся торговли, которой стали тесны рамки феодальных установлений». — См.: *Дмитриев А.Д.* Инквизиция в России. М., 1937. С. 24–25.

⁴ См., напр.: *Будовниц И.У.* Русская публицистика XVI в. М.; Л., 1947; *Зимин А.А.* 1) Некоторые вопросы периодизации истории СССР феодального периода // Вопросы истории. 1950, № 3; 2) О политической доктрине Иосифа Волоцкого // ТОДРЛ. Т. IX. М.; Л., 1953.

⁵ См.: *Орлов А.С.* Курс лекций по древнерусской литературе. Л., 1939. С. 221.

⁶ *Порфиридов Н.Г.* Древний Новгород. Л., 1947. С. 196–197.

Эти крайности привели исследователей к закономерному вопросу: действительно ли с ересью мы имеем дело или с чем-то иным? Появился и ответ. «Насколько можно судить по дошедшим памятникам литературы “жидовствующих”, – писал Д.С.Лихачев, – движение это не было ересью в собственном смысле этого слова. Это была не столько “богословская ересь”, сколько идейное антиклерикальное течение, связанное своим происхождением и направленностью с ранним европейским гуманизмом. В Новгород (а позднее и в Москву) эти отзвуки гуманистических течений на Западе проникли через Литву и через литовских евреев». ¹ Дело в том, что «во второй половине XV в. начинается наплыв иностранцев на Русь, главным образом в центры иностранной торговли – в Москву и Новгород. Новгород ведет обширную торговлю с Литвой, во главе внешней торговли которой стояли евреи. Нет поэтому ничего удивительного, что первыми насадителями в Новгороде гуманистических идей (правда, в сильно провинциальном литовском преломлении) были именно евреи». ² Таким образом, по мнению Д.С.Лихачева, «движение “жидовствующих” было движением свободомыслящих, связанным своим происхождением с отголосками гуманистического течения на Западе, возможно через литовских евреев. Отдельные представители этого движения по-разному углублялись в это свободомыслие и тем давали повод к противоречиям в характеристике “жидовства”». ³

Существенный интерес представляет общий вывод Д.С.Лихачева: «Итак, мы должны представить себе движение “жидовствующих” как умственное направление, лишённое стройности и единой концепции. Это было движение гуманистического характера, захватившее по преимуществу лишь образованные круги Новгорода и Москвы. Движение не затронуло низов населения, оставаясь, в сущности, так же как и течение гуманистов на Западе, чисто “интеллигентским”, доступным для немногих. Социальное значение движения невелико и противоречиво: в Новгороде “жидовствующие” противодействовали Геннадию, т.е. московской церкви, и были, очевидно, связаны с литовской партией, а в Москве литература “жидовствующих” служила делу боярской партии». ⁴

Стало быть, Д.С.Лихачев смотрел на «ересь жидовствующих» как на учение, занесенное на Русь выходцами из Литвы – евреями, т.е. привитое извне. Собственно, то была не ересь, а движение вольнодумцев, умственное движение, скользившее по поверхности русского общества и не имевшее социальных и классовых корней. При этом исследователь замечал, что «самое появление движения окутано тайной». ⁵ Но всем ходом своих рассуждений он подводит к мысли о главенствующей роли литовских евреев в возникновении этого движения.

¹ Лихачев Д.С. Новгород Великий... С. 84–85.

² Там же. С. 85–86.

³ Там же. С. 87.

⁴ Там же. С. 89.

⁵ Там же. С. 86.

К сожалению, в дальнейшем ученый изменил свой прежний взгляд на «ересь жидовствующих», усилив классовый мотив в этом движении и полностью исключив упоминания о литовских евреях — насадителях гуманистических идей в Москве и Новгороде. Изъял он из собственного употребления и термин «жидовствующие». Теперь ереси, в том числе и «ересь жидовствующих», были, по Лихачеву, «своеобразной идеологической формой протеста все более и более закрепощаемых трудовых масс населения, по преимуществу городских низов».¹ Что касается ереси конца XV — начала XVI века, то она «не имела какого-либо строго продуманного учения. Это была не столько даже ересь, сколько движение вольнодумцев. Вольнодумцы эти критически относились к церкви и к отдельным догматам православия, они усиленно занимались астрологией, логикой. Это было гуманистическое течение... Однако отдельные представители этого движения выражали народные интересы, отражали народный протест против клерикального засилия».²

В 1955 году вышло в свет первое специальное исследование, посвященное «ереси жидовствующих» и принадлежащее, как мы уже знаем, Я.С.Лурье.³ Автор впитал все главные идеи советской историографии, связанной с изучением еретического движения на Руси конца XV века. Он толковал это движение как антифеодальное «народное движение», как «одну из форм проявления классовой борьбы».⁴ Вместе с тем Лурье вслед за советскими историками усматривал в нем религиозно-реформационное,⁵ а также социально-реформационное и культурное движение,⁶ поднятое вольнодумцами, мировоззрению которых были присущи «элементы гуманизма».⁷

Лурье отверг трактовку «ереси жидовствующих» как «жидовства», или «чистого иудаизма», признав ее сплошь надуманной и тенденциозной (даже сфальсифицированной), лежащей на совести главного обличителя еретиков — игумена Иосифа Волоцкого. Поэтому исследователь отказался от термина «ересь жидовствующих», заменив его обозначением «новгородско-московская ересь конца XV — начала XVI в.». Под этим обозначением он разумел две ереси, новгородскую и московскую, отличавшиеся друг от друга, имевшие самостоятельные и независимые центры — Москву и Новгород.⁸ «Ис-

¹ Лихачев Д.С. Культура русского народа X–XVII вв. М.; Л., 1961. С. 80.

² Там же.

³ Лурье Я.С. Новгородско-московская ересь конца XV — начала XVI в. // Казакова Н.А. и Лурье Я.С. Антифеодальные еретические движения на Руси... С. 74–224.

⁴ Там же. С. 74, 82, 104.

⁵ «Это была, — заявляет Лурье, — городская ересь, направленная против самой системы церковной иерархии и всех внешних форм культа». — Там же. С. 222.

⁶ Там же. С. 89–70, 145, 179, 223.

⁷ Там же. С. 145, 146.

⁸ Я.С.Лурье не был тут полностью оригинален. Еще А.А.Зимин различал новгородских и московских еретиков по социальному признаку. Новгородскую ересь, опиравшуюся «на массы городского населения, в частности на массы новгородского купечества и отчасти крестьянства», историк считал прогрессивной, тогда как московская ересь, аристократическая по составу участников, являлась реакционной «не

следование еретического движения по наиболее ранним источникам, – утверждает Лурье, – дает возможность... выделить два направления в истории ереси – новгородское и московское. Новгородская ересь конца XV в. была чрезвычайно близка своей предшественнице – ереси стригольников; мы можем даже предполагать, что в основе этой ереси лежало не разгромленное до конца стригольническое движение. Критические элементы учения стригольников были значительно развиты еретиками конца XV в.». ¹

В плане концептуальном единственное, что отличается некоторой новизной в книге Я.С.Лурье, – это разделение ереси на два самостоятельных направления (новгородское и московское) с независимыми центрами в Москве и Новгороде. ² А в остальном, помимо, разумеется, частных наблюдений в сфере источниковедческой, слышатся одни лишь перепевы идей, высказанных ранее советскими историками. ³

Наиболее заметной и значительной в деле истолкования советскими учеными «ереси жидовствующих» в реформационном духе следует, по-видимому, считать монографию А.И.Клибанова «Реформационные движения в России», опубликованную в 1960 году. ⁴ Согласно исследователю, «реформационными могут быть названы только те ереси, которые выступали против феодальной церкви и освящаемого ею общественного строя, одни с позиций бюргерства, другие с позиций крестьянско-плебейских низов, и выражали, хотя и с разной степенью последовательности, интересы поступательного исторического развития». ⁵ Этим критериям соответствует «ересь жидовствующих», которая «явилась самым широким и значительным по своему влиянию реформационным движением в феодальной Руси». ⁶

Термин «жидовствующие» Клибанова явно не устраивает: «Изобретенное в церковных кругах конца XV в. название “жидовствующие” было подвергнуто критике еще в дореволюционное время и полностью отвергнуто в советской исторической литературе». ⁷ Автор предлагает свое, на наш взгляд слишком узкое, наименование: «ересь антитринитариев второй половины

только по форме, но и по существу». – *Зимин А.А.* О политической доктрине Иосифа Волоцкого. С. 164–165.

¹ Казакова Н.А. и Лурье Я.С. Антифеодальные еретические движения... С. 221.

² Надо, впрочем, заметить, что и здесь Лурье не до конца последователен. «Новая ересь, возникшая, как и стригольничество, на новгородской почве, быстро приобрела общерусский характер общерусское значение», – говорит Лурье о «ереси жидовствующих». – Там же. С. 92.

³ То же надо сказать и о другой книге Я.С.Лурье в той части, в которой речь идет о «ереси жидовствующих». – См.: Лурье Я.С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV – начала XVI века. М.; Л., 1960.

⁴ Клибанов А.И. Реформационные движения в России... При написании монографии автор мог опереться на исследования А.А.Зимина, идущего в том же направлении. См.: Зимин А.А. И.С.Пересветов и его современники. М., 1958.

⁵ Клибанов А.И. Реформационные движения в России... С. 5.

⁶ Там же. С. 176.

⁷ Там же.

XV — начала XVI века». ¹ Эта ересь есть «этап в развитии русских антифеодальных реформационных движений». ²

Возражая Я.С. Лурье по поводу его названия «новгородско-московская ересь», А.И. Клибанов пишет: «Заметим, что и название “новгородско-московская ересь” не может вполне удовлетворить исследователя. В название этого реформационного движения не следует вносить признаки географической локализации движения», поскольку «новая ересь имела общерусское распространение», ³ «являлась общерусской по своему характеру». ⁴ В числе участников еретического движения «перед нами проходят представители всех слоев русского общества второй половины XV — начала XVI в., начиная с простых людей и крестьян и кончая великокняжескими дьяками... и членами великокняжеской семьи». ⁵

Реформационные идеи «затронули население всех основных центров формировавшегося русского государства». ⁶ Все это было результатом религиозно-общественной борьбы, вылившейся в «классово-идеологический конфликт между церковью и еретическим движением». ⁷ По сути, здесь мы имеем дело с «антифеодальной борьбой народных масс в период развитого феодализма», с религиозной формой «антифеодального движения, имевшего глубокие корни в народе». ⁸ Вполне понятно, что эта борьба, это движение возникли в толще русского общества, будучи составным элементом общественной жизни Руси конца XV — начала XVI столетия.

Книги Я.С. Лурье и А.И. Клибанова легли, так сказать, в фундамент советской историографии, трактующей вопросы истории «ереси жидовствующих». Они сразу же стали крупным явлением марксистской исторической науки середины XX века. ⁹ Какое-то время под их непосредственным влиянием формировались представления советских историков об этой ереси. ¹⁰ Но это, конечно, не означает, что к ним не было никаких претензий. Л.В. Данилова, выступившая с итоговой статьей об изучении проблем феодализма в России, имея в виду труды Я.С. Лурье и А.И. Клибанова, замечала: «Советскими исследователями поставлен вопрос о родстве русских средневековых ересей и передовой общественно-политической мысли с общеевропейски-

¹ Там же. С. 177. А.В.Юдину, напротив, это наименование кажется чрезвычайно широким. — Юдин А.В. Русская народная духовная культура. С. 298.

² Клибанов А.И. Реформационные движения в России... С. 177.

³ Там же. С. 176–177.

⁴ Там же. С. 180.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 187.

⁷ Там же. С. 188, 194.

⁸ Там же. С. 8, 9.

⁹ См.: Данилова Л.В. К итогам изучения основных проблем раннего и развитого феодализма в России // Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. История СССР. Сб. статей. М., 1962, С. 78–80.

¹⁰ См., напр.: История СССР с древнейших времен до наших дней: В 12-ти томах. Т. II. М., 1966. С. 132–133; Очерки истории русской культуры XVI века. Ч. II. М., 1977. С. 85–91.

ми реформационными и гуманистическими течениями. Однако в конкретном развитии этой плодотворной идеи многое неясно, Прежде всего, неясна социально-экономическая сторона данного явления. Реформация рассматривается советской исторической наукой как общественно-политическое движение, возглавляемое поднимающейся как класс буржуазией. Реформация – движение, направленное на сокрушение феодализма. В качестве органического явления она возникает лишь в обществе, несущем в себе зародыши капиталистического развития».¹

Перед нами критика с точки зрения марксистской теории исторического развития. Было бы неверно пренебрегать ею только на том основании, что она является марксистской критикой, ибо в ней есть рациональное зерно – указание на принципиальное различие социально-экономических и религиозно-политических условий стран Западной Европы и Московии второй половины XV – начала XVI столетия.² Исследователь, признающий это различие (а не признать его нельзя), вряд ли станет доказывать родство, а тем более сущностную идентичность русских средневековых ересей (включая, конечно, и «ересь жидовствующих») с реформационными и гуманистическими течениями Запада. Он, в крайнем случае, будет говорить о внешнем сходстве этих учений, но отнюдь не о совпадении их функций. К этому его побуждает установленный новейшей наукой факт асинхронного развития России сравнительно с другими европейскими странами. Поэтому, как справедливо говорит Б.Н.Миронов, «проводить синхронные сравнения уровня социального и политического развития между Россией и западноевропейскими странами так же некорректно, как сравнивать мальчика с взрослым человеком».³

¹ Данилова Л.В. К итогам изучения... С. 78.

² «В книге А.И.Клибанова, – замечает Л.В.Данилова, – к реформационным движениям причислены все русские ереси XIV–XVI вв., “выразившие в религиозных формах прогрессивную по своему содержанию критику феодализма, основными (но не единственными) участниками которых были представители города, его демократических кругов”. Он объясняет распространение этих движений ростом экономических связей, обострением классовой борьбы, создавших предпосылки будущего буржуазного развития. Но это “будущее” было еще весьма далеким. Как считает большинство советских исследователей, зарождение капиталистических элементов начинается лишь в “новый период” русской истории, т.е. примерно с XVII в. Даже те немногие историки (С.Г. Струмилин, Д.П. Маковский, В.А. Голобуцкий), которые склоняются к более ранней хронологии генезиса капитализма в России, не относят этого процесса ранее, чем к концу XV в. В русском средневековом обществе XIV – первой половины XVI в., т.е. того времени, которому А.И.Клибанов посвящает свое исследование, буржуазного развития не наблюдалось, а потому весьма трудно объяснить постулируемый А.И.Клибановым “поворот в сторону основных идей, провозглашенных гуманизмом и реформацией”. Получается, что идеи широко распространялись задолго до появления их главных носителей». – Там же. С.79.

³ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: В двух томах. Т. 2. СПб., 1999. С. 303–304.

Таким образом, реформация – понятие, искусственно притянутое к русской действительности конца XV – начала XVI века, резко отличной от западноевропейской действительности того времени. Ереси на Руси указанной поры (в том числе и «ересь жидовствующих») могли заключать в себе, по справедливому замечанию Л.В.Даниловой, «лишь отдельные неоформленные элементы реформационного и гуманистического понимания».¹ Причина подобного неоформленного состояния реформационных и гуманистических идей в Московской Руси заключалась, на наш взгляд, в их происхождении как занесенных извне на неподготовленную историей общественную почву. И если они появлялись здесь, то в ином предназначении, чем это было на Западе.

Л.В. Данилова, высказывая критические замечания в адрес А.И. Клибанова, говорит: «Нельзя совершенно сбрасывать со счетов филиацию идей. Факты свидетельствуют о том, что раньше всего и глубже всего ереси распространились на северо-западе Руси, в Великом Новгороде и Пскове, теснее других связанных с Прибалтикой и странами Западной Европы».² Но не только Клибанов заслуживал в данном отношении упрека, поскольку тот же недостаток присутствовал и в исследованиях Лурье.³ Понятно, почему Р.Г.Скрынников писал: «Я.С. Лурье и А.И. Клибанов рассматривают генезис ереси [жидовствующих] исключительно на русской почве... Духовное развитие России было неотделимо от общеевропейского культурного развития. Византийская христианская культура приобщила Россию к античному наследию. Когда Западная Европа встала на путь возрождения, Русь не осталась в стороне от общего движения. Флорентийская уния, хотя и отвергнутая русскими властями, способствовала обмену идей между православным и католическим миром. Новгород был затронут новыми веяниями раньше других русских земель. Этому благоприятствовала оживленная торговля с германскими Ганзейскими городами, тесные связи с Литвой и Польшей».⁴

Когда исследователи рассуждают о «филиации идей» и «новых веяниях», идущих на Русь с Запада, то, надо полагать, речь они ведут о стихийном, бессознательном и объективном процессе восприятия нашими предками некоторых достижений западной культуры эпохи Реформации и Возрождения вследствие взаимных контактов в сфере религии, политики и торговли. Это, по всей видимости, имело место. Другое дело – «ересь жидовствующих». Ее нелегально завезли к нам из-за границы люди, обладающие специальной подготовкой по части вербовки неофитов. То была секретная, заранее подготовленная акция, преследующая далеко идущую религиозно-политическую цель. Новгороду отводилась роль начального пункта еретического

¹ Данилова Л.В. К итогам изучения... С. 79. К сожалению, некоторые исследователи до сих пор рассматривают «ересь жидовствующих» с точки зрения западных реформационных движений. См., напр.: Гордиенко Э.А. Новгород в XVI веке и его духовная жизнь. СПб., 2001. С. 35–48.

² Там же. С. 80.

³ См.: Казакова Н.А. Проблемы русской общественной мысли конца XV – первой трети XVI в. в советской историографии// Вопросы истории. 1987, № 1.

⁴ Скрынников Р.Г. Государство и церковь на Руси... С. 147.

движения, но на прицеле изначально была Москва. Наша догадка подтверждается всем ходом распространения ереси с последующим ее проникновением в столицу, а там – на самый верх, во двор великого князя.¹

* * *

От тщательной подготовке акции свидетельствует один хотя и косвенный, но очень выразительный факт. Архиепископ Геннадий, оповестивший об открывшейся в Новгороде ереси бывшего архиепископа ростовского Иоасафа, спрашивал своего адресата: «Да есть ли у вас в Кирилове, или в Фарофонтае, или на Каменном, книги: Селивестр папа Римскы, да Афанасей Александрейскы, да Слово Козмы прозвитера на новоявльшуюся ересь на богумилю, да Послание Фотей патриарха ко князю Борису Болгарьскому, да Пророчества, да Бытия, Царства, да Притчи, да Менандр, да Исус Сирахов, да Логика, да Деонисей Арпагит? Зане же те книги у еретиков все есть».² Новгородский владыка насчитал, следовательно, 12 книг, имеющихся у еретиков. По мнению А.И. Алексеева, «эти принадлежавшие к ортодоксальной традиции сочинения объединяет единство темы. В них присутствуют тексты, в которых можно установить связь между исходом седьмой тысячи и наступлением конца света».³ Возможно, однако, что книг у них было больше, и Геннадий назвал лишь те, которые стали ему известны.⁴ С.М. Соловьев так понял вопрос Геннадия: «Еретики отличались ученостью, имели книги, каких не было у православного духовенства, которое потому и не могло бороться с еретиками».⁵ Аналогично думали Д.И. Иловайский, А.И. Никитский, А.И. Соболевский.⁶

И.Е.Евсеев, напротив, уверенно отстаивал противоположную точку зрения, полагая, что Геннадий хотел «не взять, а дать эти книги, необходимые для споров с жидовствующими, тем монастырям, где их не было».⁷ К тому же склоняется и А.А.Алексеев, когда говорит: «В послании 1489 года архиепископа Геннадия бывшему Ростовскому архиепископу Иоасафу назван ряд

¹ Едва ли Лев Поляков фантазировал, когда говорил, что «несколько отдельных евреев отважились добраться до Кремля и стали там проповедовать новые идеи» (*Поляков Лев. История антисемитизма. Эпоха веры. С. 357*). По словам В.Н.Топорова, «московская ветвь жидовствующих свила себе гнездо при самом дворе Ивана III». – *Топоров В.Н. «Спор» или «дружба». С. 139*.

² Источники по истории еретических движений XIV – нач. XVI в. // *Казакова Н.А. и Лурье Я.С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV – начала XVI века. М.; Л., 1955. С. 320*.

³ *Алексеев А.И. Заметки о религиозности Ивана III. С. 199*.

⁴ *Лурье Я.С. Новгородско-московская ересь конца XV – начала XVI в. // Казакова Н.А. и Лурье Я.С. Антифеодальные еретические движения. С. 137*.

⁵ *Соловьев С.М. Сочинения. Кн. III. С. 180*.

⁶ *Иловайский Д.И. История России. Собиратели Руси. М., 1996. С. 459; Никитский А.И. Очерк внутренней истории церкви в Великом Новгороде. СПб., 1879. С. 170; Соболевский А.И. Переводная литература Московской Руси XVI–XVII вв. СПб., 1903. С. 398. См. также: Гордиенко Э.А. Новгород в XVI веке... С. 44*.

⁷ *Евсеев И.Е. Геннадиевская Библия 1499 г. М., 1914. С. 4 (прим.)*.

библейских книг, которыми располагали в это время еретики. Отсюда нельзя, однако, делать вывод, что книг этих не было у Новгородского архиепископа. Во второй половине XV века Новгород обладал исключительно мощным скрипторием при архиепископском дворе и, по всей вероятности, самым большим собранием рукописей во всем тогдашнем славянском мире». ¹ Довод А.А.Алексеева серьезный, но не обязательный: из того, что при новгородском архиепископском дворе находилось огромное собрание рукописей, не следует однозначный вывод о наличии в этом собрании книг, называемых Геннадием и находившихся в пользовании кружка еретиков. Сам факт упоминания этих книг свидетельствует о том, что тут была какая-то задача для Геннадия и других иерархов русской церкви.

Более осторожно в данном случае поступает Я.С. Лурье. Мнение И.Е. Евсеева, несмотря на внешнюю убедительность, ему не показалось бесспорным. «Несомненно, — рассуждает он, — Геннадий хотел привлечь на помощь себе в борьбе с ересью других церковных деятелей: “Сильвестр” и “Афанасий” действительно могли пригодиться этим лицам для такой борьбы. Но едва ли какую-либо пользу для борьбы с еретиками мог принести... “Менандр” или “Логика”. Единственное, что мы можем с определенностью сказать, что все перечисленные Геннадием книги у еретиков несомненно были. Часть из них была и у Геннадия, он даже посылал их своим единомышленникам. Других, вероятно, не было, — возможно, он хотел с ними ознакомиться. Ясно одно: присутствие этих книг у еретиков серьезно беспокоило новгородского владыку».²

Возникает закономерный вопрос: откуда у еретиков эти книги? А за ним еще: кто осуществил подборку книг и приобрел их? Можно, конечно с некоторой степенью вероятности предположить, что необходимую литературу добыли сами еретики, хотя в это плохо верится. Но сделать подборку библиотечки, требуемой для обучения и совершенствования в ереси, могли лишь те, кто приобщал к ней новгородцев, т.е. Схария и его помощники, приехавшие из Литвы.³ По нашему убеждению, именно они снабдили книгами попов новгородских Алексея и Дениса, которые, вооружившись этими книга-

¹ Алексеев А.А. Текстологическое значение Геннадиевской Библии 1499 года// Тысячелетие крещения Руси. Международная церковная научная конференция «Богословие и духовность». Москва, 11–18 мая 1987 года. М., 1989. С. 330.

² Лурье Я.С. Новгородско-московская ересь... С. 136.

³ Засуживает пристального внимания предположение М.В.Дмитриева о том, что «ересь жидовствующих» «не ограничивалась пределами Русского государства. И дело не только в том, что, по сведениям противников новгородско-московских вольнодумцев, их учение было завезено в Новгород из Литвы “жидовином Схарией”, прибывшим в Новгород в свите князя Михаила Олельковича, а в том, что в конце XIX — начале XX в. в научный оборот был введен ряд памятников, возникших в украинско-белорусских землях во второй половине XV в. и связанных, по мнению исследователей, открывших эти памятники, с новгородско-московской ересью» (Дмитриев М.В. Православие и реформация: реформационные движения в восточнославянских землях Речи Посполитой во второй половине XVI в. М., 1990. С. 49). Так что у Схарии и его ассистентов не было проблем по части снабжения новгородских еретиков нужными книгами.

ми, начали совращать в новую веру нестойких христиан. Новообращенные, как мы знаем, составили тайную организацию, случайно раскрытую властью Геннадием.

Новгород не случайно был избран в качестве исходного пункта еретического движения. Принимались в расчет тесные, как отмечают исследователи, связи Новгорода с Ганзой, Литвой и Польшей, сделавшие привычным появление и пребывание иностранцев в волховской столице, их общение с местными жителями. «В Новгороде, — говорит современный историк, — культурно-религиозное влияние Запада сказывалось ощутимее, чем в Москве, и тут раньше обнаружился контраст между новой теологией Запада и традиционным богословием, некогда составлявшим основу христианского учения. Западное богословие заново открыло для себя античную философию, что послужило толчком для разработки концепций теологии на новых основах. Восточная греческая церковь предпочитала схоластике мистические искания. На Руси наибольшую восприимчивость к новым идеям проявляли образованные новгородцы».¹

При пересадке ереси на новгородскую почву учитывалось, по-видимому, и религиозное брожение в Новгороде, сравнительно недавно охваченном ересью стригольников. Н.И.Костомаров так описывает ситуацию в Новгороде в момент появления в нем Схарии: «В Новгороде в то время были во всеобщем ходу религиозные толки: люди всякого сословия, и мужчины, и женщины сходились не только в домах, но и на торжищах, говорили о духовных предметах и часто с желанием критиковать существующее в церкви предание и постановление. Во всеобщем хаосе споров и толков удобно было и ученому иудею пустить в ход еще одно еретическое учение, имевшее целью распространение основ иудейской веры».² Разумеется, не на последнем месте стояли интересы безопасности: начинать дело в Новгороде было в этом отношении предпочтительнее, чем в Москве. Учитывая, по-видимому, данные обстоятельства, Схария и его вдохновители приступили к осуществлению своего предприятия с Новгорода. Следует помнить, что делалось это тайно,³ с соблюдением конспиративных мер. Поэтому посеянная ими ересь не могла превратиться в массовое движение с вовлечением непосредственно в ересь огромного количества людей. Митрополит Иоанн (Снычев) замечает: «"Странности" ереси проявлялись с самого начала. Ее приверженцы вовсе не заботились о распространении нового учения в народе, что было бы естественно для людей, искренне верящих в свою правоту. Отнюдь нет — еретики тщательно выбирали кандидатуры для вербовки в среде высшего духовенства и административных структур. Организация еретического общества сохранялась в тайне...».⁴

¹ Скрынников Р.Г. Иван III. С. 87.

² Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Кн. I. С. 320.

³ Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий... С. 84.

⁴ Иоанн (Снычев). Самодержавие духа: Очерки русского самосознания. СПб., 1995. С. 122–123.

На основании различных источников Ю.К.Бегунов выявил поименно 33 участника новгородского «кружка жидовствующих».¹ Сюда вошли «2 протопопа (Алексей и Гаврила), 11 попов (Денис, Наум, Григорий Семеновский, Ересим Никольский, Максим, Василий Покровский, Федор Покровский, Фома, Павел, Яков Апостольский, Иван Воскресенский), 3 родича попов (Иван Максимов, Гридя Ключ, Иван, сын протопопа Алексея), 10 представителей низшего духовенства (диаки Самсонко, Гридя Борисоглебский, Васюк Сухой, Самуха, Куземка, Степанко, дьякон Обакша, дьякон Никольский Макар, крылошане Авдей и Степан), 1 чернец (Захар), 1 боярин (Григорий Михайлович Тучин), 1 подьячий (Алексей Костев), 4 от «простых людей» (Лавреш, Мишука Собака, Юрка Семенов сын Долгого, Овдоким Люлиш)».² К этому перечню Ю.К.Бегунов присовокупляет взятых из Послания о соблюдении соборного приговора 1504 года безымянных «иных многих детей боярских и от купцов и от простых людей».³ Не думаем, чтобы многие от детей боярских, купцов и простых людей намного превышали установленных 33 новгородских еретиков, тем более что часть простых людей обозначена в составленном Ю.К.Бегуновым списке. О том, что скрывалось за словами «много», «многие», можем судить по другой фразе из Послания: «да иных много от священников и от дияконов и крылошан»,⁴ сопоставив ее с подсчетами исследователя, в частности с одиннадцатью попами и десятью служителями из нижнего духовенства. Отсюда ясно, что речь (в лучшем случае) может идти о нескольких десятках человек, не больше. Это и есть «много», «многие» наших источников. Следовательно, в целом мы можем говорить о новгородских еретиках численностью в пределах ста человек.

Московский кружок к июлю 1485 года насчитывал, если верить приписке Ивана Черного к «Еллинскому летописцу», 26 человек, из которых с известной степенью достоверности можно установить «имена только 7 человек: посольских дьяков Федора и Ивана Волка Курицыных, крылошанина, переписчика книг Ивана Черного, угрянина Мартынка, крестовых дьяков Истома и Сверчка, купца Игната Зубова». В 90-е годы в кружок вошли Митя Коноплев из детей боярских, купец Семен Кленов, Иван Максимов и великая княгиня Елена Волошанка.⁵ К ним Ю.К.Бегунов вслед за Посланием о соблюдении соборного приговора 1504 года добавляет «иных многих от великого князя двора да от купцев и от крылошан и от простых людей».⁶ Количественный состав московского кружка, таким образом, был примерно одинаков с числом участников новгородского кружка, насчитывавшего, как мы уже предположили, не более сотни приверженцев «ереси жидовствующих».

¹ А.А. Зимин насчитал 27 человек, полагая, что это и есть «круг новгородцев, обвинявшихся в еретическом вольномыслии». — *Зимин А.А. Россия на рубеже XV—XVI столетий...* С. 84–85.

² *Бегунов Ю.К. Соборные приговоры...* С. 222–223.

³ Там же. С. 223.

⁴ *Источники...* С. 506.

⁵ *Бегунов Ю.К. Соборные приговоры...* С. 223.

⁶ *Источники...* С. 506.

А.И.Клибанову очень не нравятся какие-либо подсчеты количества еретиков в Москве и Новгороде. «Самая попытка замкнуть в “кружки” реформационные движения, будь то в Новгороде, будь то в Москве, — заявляет он, — исходит из представления о сектантском характере этих движений и является несостоятельной».¹ Но «ересь жидовствующих» — не широкое реформационное движение, а, так сказать, келейное учение антихристианской направленности, внедряемое в русское общество подпольной, тайной организацией, которая по определению своему не могла быть массовой и потому неизбежно должна была ради конспирации замыкаться в кружки и группы, т.е. оформиться в секту.² Эти кружки и группы решали две главные задачи. Первая из них заключалась в постепенном увеличении числа верных людей, принявших новое учение. Вторая состояла в том, чтобы посеять в общественном сознании религиозную смуту. И с одной и с другой задачей руководители ереси справились вполне успешно: круг еретиков неуклонно расширялся, в том числе за счет очень влиятельных особ, а русское общество вовлекалось в соблазн религиозных споров и сомнений, расшатывающих основы православной веры. О религиозных «нестроениях» на Руси конца XV столетия, вызванных подкопной работой еретиков, повествует Иосиф Волоцкий: «Ныне же и в домех, и на путех и на торжищех иноци и мирстии и вси сомнятся, вси о вере пытаются, не от пророк, ни от апостол, ниже от святых отец, но от еретиков и отступников Христовых».³

Все это вместе взятое (и подпольная деятельность еретиков и порожденная ею общерусская религиозная смута) следует, на наш взгляд, рассматривать не как реформационно-гуманистическое движение,⁴ а как инициированное и организованное внешними силами наступление на русское православие и православную церковь. «С полным основанием, — замечает В.Н.Топоров, — можно говорить об установлении жидовствующими русскими международных связей — с Крымом, Венгрией, Польшей, Литвой (куда, в частности, ездил для переговоров и бесед с тамошними евреями и беглецами из Новгорода и Москвы Иван Черный, между прочим, столь приверженный “жидовству”, что даже принял обрезание)».⁵

Подобный подход исключает классовое содержание в «ереси жидовствующих». Надо сказать, что идея классовой борьбы применительно к этой ере-

¹ Клибанов А.И. Реформационные движения... С. 190.

² «Как общество тайное, — справедливо говорит протоиерей Митрофан, — движение жидовствующих не было массовым». — *Зноско-Боровский М.* Православие, римо-католичество, протестантизм и сектантство: Сравнительное богословие. М., 1992. С. 186.

³ Источники... С. 426, 429.

⁴ Ср.: *Зимин А.А.* Основные проблемы реформационно-гуманистического движения в России XIV–XVI вв. // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. М., 1973. Уместно сейчас напомнить мнение другого видного советского историка. «Весьма и весьма условно, — говорил И.И.Смирнов в своей рецензии на “Историю Москвы”, — можно считать эту ересь (жидовствующих. — И.Ф.) реформационно-гуманистическим движением». — Советская книга. 1953, № 4.

⁵ Топоров В.Н. «Спор» или «дружба». С. 140.

си не разделялась и отдельными советскими историками. Так, И.И.Смирнов определял «ересь жидовствующих» как «движение в среде правящих классов Русского государства, а никак не “антифеодалное”». ¹ Еще более энергично выражается новейший исследователь Р.Г.Скрынников: «Русское вольнодумство и ереси конца XV — начала XVI в. получили неодинаковую оценку в литературе. В советской историографии их трактуют как реформационно-гуманистическое движение, направленное против феодальной знати. В ереси видят “одну из форм классового протеста социальных низов против феодального гнета”, ее распространение связывают с резким обострением классовой борьбы... Следует заметить, однако, что никаких следов классовой борьбы в указанный период обнаружить не удастся». ²

Данный подход делает также несостоятельной попытку деления «ереси жидовствующих» на две различные по идеологии ереси: московскую и новгородскую. ³ Эта попытка, как мы знаем, принадлежит Я.С.Лурье. Важнейшим аргументом ему послужили слова Ивана III, засвидетельствованные преподобным Иосифом Волоцким в послании архимандриту Митрофану. Князь великий, рассказывает игумен, молвил по поводу еретиков Великого Новгорода и других городов: «Яз, деи, ведал ереси их». А затем, продолжает Иосиф, «сказал ми, которую дръжал Алексей протопоп ересь, и которую ересь дръжал Феодор Курицин. А Иван, деи, Максимов и сноху у мене мою в жидовство свел». ⁴ Я.С.Лурье, отмечая стремление Волоцкого «свести всю ересь в единое “злодейство” и придать этому “злодейству” наиболее одиозные черты», ловит его на непоследовательности: «Но Волоколамский игумен оказался не вполне последовательным; наряду с обычным выражением своей “обличительной” тенденции он сообщил в Послании Митрофану факт, который прямо этой тенденции противоречил. При этом — что особенно важно — сообщение Иосифа о существовании в конце XV в. двух разных ересей было сделано не от собственного имени, а от имени самого великого князя: по словам Иосифа во время их прошлогодней беседы Иван III признался, что он знал, “которую держал протопоп Алексей ересь и которую держал Федор Курицин”. Ценность этого свидетельства усугубляется тем обстоятельством, что слова Ивана III были процитированы Иосифом при жизни великого князя, — приписывать Ивану III то, чего он не говорил, или искажать его слова, было бы в этом случае даже небезопасно. Итак, великий князь знал в конце XV в. две ереси — ересь новгородского священника Алексея и ересь московского дьяка Федора Курицына». ⁵ Но Я.С.Лурье забыл упомянуть ересь Ивана Максимова, о которой говорил великий князь, называя

¹ Советская книга. 1953, № 4. С. 55.

² Скрынников Р.Г. История Российская. IX–XVII вв. С. 217.

³ Тем более спорным является, на наш взгляд, предположение, согласно которому под наименованием «жидовствующие» обличители ереси «объединяли сторонников крайне разнородных учений». — Алексеев А.И. Под знаком конца времен. Очерки русской религиозности конца XV — начала XVI вв. СПб., 2002. С. 206.

⁴ Источники... С. 436.

⁵ Лурье Я.С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI века. М.; Л., 1960. С. 128–129. См. также: Алексеев А.И. Под знаком конца

ее «жидовством». Значит, если рассуждать на манер Лурье, надо согласиться с тем, что Ивану III были известны три разные ереси – ересь новгородского священника Алексея, ересь московского дьяка Федора Курицына и ересь новгородского попovichа Ивана Максимова, что весьма неправдоподобно.¹ В том-то и дело, что ересь (при возможных нюансах в Новгороде и Москве²) была одна, имея общую основу – «жидовство», по терминологии современников.³ Поэтому новгородские еретики, оказавшись в Москве, «те же ерестная дела делали потомуж, как чинили в Новгороде».⁴ По той же причине новгородские еретики, в частности Алексей, Денис и Самсонко, посещали еретический кружок Федора Курицына в Москве,⁵ играя в нем (речь идет о Денисе и Алексее) «весьма видную роль».⁶

Об отсутствии принципиальных различий между московскими и новгородскими еретиками свидетельствует и тот факт, что именно по настоянию московского «ересиводца» Федора Курицына и его брата Ивана-Волка был в 1499 году послан Иваном III на архимандритство в новгородский Юрьев монастырь некий Кассиан,⁷ которого Курицыны, как замечает митрополит Макарий (Булгаков), «научили держать жидовство и отречься от Христа».⁸

времен... С. 206. – А.А.Зимин, переиначив содержание данного текста, писал, будто уже не Иван III, а Иосиф Волоцкий «различал ересь, “которую държал Алексей протопоп”, от той, “которую държал Федор Курицын”» (Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий... С. 218). В другой раз А.А.Зимин говорит: «Иосиф Волоцкий отделял ересь новгородцев от той, которую “держал” Ф.В. Курицын. Очевидно, последняя не была столь радикальной» (Там же. С. 229). Ю.К. Бегунов, напротив, полагал, что «московские еретики в своих требованиях шли гораздо дальше новгородских еретиков». – Бегунов Ю.К. Соборные приговоры... С. 221.

¹ Догадываясь, по всей видимости, об этом, Я.С.Лурье относит Ивана Максимова к числу еретиков, «стоявших как бы посередине между двумя кружками», московским и новгородским, ничем это не доказывая. – Лурье Я.С. Идеологическая борьба. С. 152.

² Говоря о «разногласиях между московскими и новгородскими вольнодумцами», Лурье при этом не исключает «наличия большого количества точек соприкосновения между обеими группами еретиков» (Там же). Было бы правильнее, по нашему мнению, вести речь не о «точках соприкосновения», а о единой еретической платформе московских и новгородских еретиков.

³ С.М. Соловьев, умевший читать древние источники не хуже, надо думать, чем Я.С. Лурье, говорил об Иване III, что тот «знал об ереси, которую держал протопоп Алексей и Федор Курицын». – Соловьев С.М. Сочинения. Кн. III. С.185.

⁴ Источники... С. 383.

⁵ Там же. С. 377, 380–381.

⁶ Скрынников Р.Г. Иван III. С. 220.

⁷ Я.С.Лурье считает возможным говорить даже о том, что еретик Кассиан был послан в Новгород не кем иным, как еретиком Федором Курицыным (Лурье Я.С. Идеологическая борьба... С. 111). Р.Г. Скрынников ставит вопрос еще шире, утверждая, что «московские вольнодумцы добились назначения своего единомышленника инока Касьяна на пост архимандрита Юрьевского монастыря». – Скрынников Р.Г. Святители и власти. Л., 1990. С. 120.

⁸ Макарий (Булгаков). История русской церкви. Книга четвертая. Часть первая. М., 1996, С. 69.

По отношению к архиепископу Геннадию новоиспеченный архимандрит держался независимо и нагло, «понеже помощь имеяше от Федора Курицына».¹ Не боясь Геннадия и надеясь на Курицына, он вместе с братом своим Иваном Самочерным «начал смело собирать в своем монастыре всех еретиков... Приободренные еретики позволили себе тогда совершать в Новгороде такие “сквернения и поругания на Божественные церкви, и на вся священные вещи, и на все православное христианство”, которые невозможно передать словами».² Если стать на точку зрения Я.С.Лурье, придется признать, что единомышленник московских еретиков («сподвижник Курицына еретик Касиан»³), приехав в Новгород, перевоплотился в новгородского еретика, не разделявшего «некоторых (возможно, многих) воззрений» своих московских собратьев.⁴ Но в подобное превращение поверить очень трудно.

Русские люди, современники ереси и жившие позднее, не делили московских и новгородских еретиков на две независимые «команды», а смотрели на них как на единое сообщество павших.⁵ Это с полной очевидностью вытекает из текста анафематствований еретикам. Ученым известны три таких анафематствования. Первое из них относится ко времени до Собора 1504 года и звучит так: «Новоявившиеся еретици новгородци и глаголющие хулу на Господа нашего Иисуса Христа и на пречистую его Матерь и на святии чудотворци: Захар чернец, Софейский протопоп Гаврило новгородский, поп Денис Архангельский, поп Максим Иоановский, поп Василь Покровский, Макар диак Никольский, Гридя диак Борисоглебский, Васюк попов, зять Денисов, Самуха диак Никольский, Ивашко Максимов сын попов и с их поборники да будут прокляти!»⁶

Нас не должно смущать,⁷ что данное анафематствование обращено к «новоявившимся еретикам новгородцам», поскольку оно возникло в результате соборного разбирательства 1490 года в отношении только одних новгородских еретиков, низвергнутых из сана и отлученных от церкви.⁸ Когда же к

¹ Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий... С. 227.

² Макарий (Булгаков). История русской церкви... С. 69. См. также: Соловьев С.М. Сочинения: В 18-ти книгах. Кн. III. С. 185; Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Кн. I. С. 333.

³ Лурье Я.С. Идеологическая борьба... С. 153.

⁴ Там же. С. 152.

⁵ «Понеже убо ныне новоявльшиися новгородстии еретици, Алексей протопоп, и Денис поп, и Федор Курицин, и инии мнози», — читаем в «Слове об осуждении еретиков» 1504–1505 г. (Источники... С. 488). Возможным автором «Слова» издатели считают Иосифа Волоцкого (Там же. С. 486). Если это так, то теряет опору заявление А.А. Зимина о том, будто «Иосиф Волоцкий отделял ересь новгородцев от той, которую “держал” Ф.В.Курицын». — Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий... С. 229.

⁶ Бегунов Ю.К. Соборные приговоры... С. 215, 218.

⁷ Ср.: Там же. С. 218.

⁸ В соборном приговоре 1490 года «О еретикех» фигурируют девять имен новгородских еретиков, которые анафематствование воспроизводит в той же (за единственным исключением) последовательности. — См.: Источники... С. 383.

соборному суду были привлечены и московские еретики,¹ то изменилась и соответствующая формула в анафематствовании: «Новии еретици, неверующие в Господа нашего Иисуса Христа, сына Божия, и в пречистую Богородицу, и похулившей семь соборов святых отец, Касьян архимандрит Юрьева монастыря, Ивашко Максимов, Некрас Руковов, Волк Курицын, Митя Коноплев и их ересиначальствовавшие в рустей земли и вси их поборники и единомысленники и развратники православной вере христианской да будут прокляти и все еретици, да будут прокляти!». ² Ю.К.Бегунов правомерно полагает, что приведенное анафематствование восходит к соборному приговору 1504 года.³

Наконец, третье, наиболее полное анафематствование, составленное, согласно предположению Ю.К.Бегунова, не позднее середины XVI века,⁴ звучит так: «Новии еретики неверующие в Господа нашего Иисуса Христа, сына Божия, и в Пречистую Богородицу и похулившие вси семь соборов святых отец: Архимандрит Юрьева монастыря Кассиан з братом с Самочерным Иваном. Да новгородский протопоп Гаврило, да поп Денис, да поп Максим, да поп Павел, да поп Яков, да дьяк Обакша, да дьяк Самуха, да дьяк Васюк, да дьяк Гридя Квашенка, да дьяк Самсонко, да дьяк Куземка, да дьяк Степанко, да Мишука Собака, да Иван Волк Курицын, да Иван Некрас Руковов, да Олексейко подъячий, да Иванко Максимов, да Митя Коноплев, Захар чернец, поп Василей Покровский, дьякон Макар, дьяк Ивашко протопопов и их ересьначальствовавшии в русской земле и вси их поборники и единомысленники и развратники православной вере христианстей, да будут прокляти!». ⁵

Таким образом, два последние анафематствования приводят перечень еретиков, в котором фигурируют и москвичи и новгородцы, что со всей определенностью говорит об их причастности к одной и той же ереси. Они все – «новии еретици», «новии еретики», независимо от того, где находятся, – в Москве или Новгороде. Вина у них общая, состоящая в том, что они отрицали божественность Иисуса Христа, богоизбранность его матери Пречистой Богородицы и отвергали авторитет святых отцов церкви.⁶ Еретики, как видим, выступали против Христа и Церкви. Перед нами, собственно, не христианская ересь, а религиозное учение, антихристианское по своей сути. А это возвращает нас к вопросу о конфессиональной принадлежности «ереси жидовствующих». Нашу задачу облегчает современный знаток еврейских древностей Л.Поляков. Говоря о зарождении ереси⁷ в Новгороде, он

¹ О причине проволочек с осуждением московских еретиков скажем ниже.

² Бегунов Ю.К. Соборные приговоры... С. 215.

³ Там же. С. 218.

⁴ Там же. С. 220.

⁵ Там же. С. 215.

⁶ Эта вина фигурирует как в первом анафематствовании, где упоминаются только новгородские еретики, так и в двух последующих анафематствованиях, где называются и новгородские и московские еретики, что, бесспорно, свидетельствует об общности их главных еретических воззрений.

⁷ Будем теперь помнить об условности терминов «ересь», «еретик», «еретики» в применении к событиям на Руси конца XV – начала XVI столетия.

замечает: «Будучи хорошо образованным человеком, Схария вступает в контакт с представителями духовенства, ему удается убедить некоторых из них в преимуществе еврейской веры. Поп Денис, поп Алексей и некоторые другие начинают в тайне исповедовать иудаизм. Другие евреи, Иосиф Шмойло Скариави (!) и Моисей Хапуш, присоединяются к Схарии. Успех их пропаганды нарастает, и вскоре она уже ведется совершенно открыто. Но с этого момента о Схарии и его различных сообщниках больше ничего не говорится, и следы их теряются, как если бы они никогда не существовали. Жидовствующие не признают божественность Христа, отрицают Троицу и разбивают святые иконы. Речь не идет о настоящем иудаизме, поскольку жидовствующие прославляют Иисуса. Но “как Бог мог спуститься на землю и родиться от Девы в человеческом образе? Этого не могло быть... Он равен Моисею, он не равен Богу Отцу”. Это проникшее таинственными путями из Византии IV века учение марселлианцев и фотинианцев. Это характерные идеи, которые... естественным образом распространяются среди недавно получивших крещение народов. Наконец, это еврейская ересь...».¹ Важными для нас являются указания Л.Полякова на «ересь жидовствующих» как на «еврейскую ересь», как на иудаизм, но иудаизм не настоящий. Как это понимать?

Кое-что проясняет здесь сам Поляков, проводя историческую параллель между «ересью жидовствующих» и «законом Моисея», принятым хазарской верхушкой шестью веками ранее описываемых здесь событий.² Известный специалист в области истории хазар М.И.Артамонов, изучая обстоятельства, связанные с обращением в иудейскую веру правителей Хазарии, должен был отметить: «Иудаизм — национальная религия; дух и буква иудейского закона не допускают прозелитизма; хотя в древности наблюдались факты обращения иноплеменников, но это противоречило принципу “избранности народа”».³ Другой, столь же известный, хазаровед подчеркивает: «Иудаизм — это культ народа, “избранного Яхве”, и потому редкие новообращенные считались “проказой Израиля”».⁴ Первый хазарский князь, принявший иудейскую веру, носил имя Булан («лось», «олень»)⁵. Было это около 730/1 г.⁶ Но Булан «принял не раввинизм, а караизм»,⁷ т.е. веру караимов, которые «выпали из

¹ Поляков Лев. История антисемитизма. Эпоха веры. С. 358–359.

² Там же. С. 358.

³ Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962. С. 264. См. также: Плетнева С.А. Хазары. М., 1976. С. 62.

⁴ Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1989. С. 122. См. также: Артамонов М.И. История хазар. С. 265.

⁵ Артамонов М.И. История хазар. С. 269, 276; Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С. 152.

⁶ Артамонов М.И. История хазар. С. 276.

⁷ Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. С. 123. По терминологии Н.Голба, то был «монотеистический протоиудаизм», замененный впоследствии «раввинистической еврейской религией» или «раввинистическим иудаизмом». — Голб Норман и Прицак Омельян. Хазарско-еврейские документы X века. М.; Иерусалим, 1997. С. 40, 45–48.

еврейского суперэтнуса» и «были отвергнуты своими бывшими единоверцами». ¹ И только в начале IX века «некий влиятельный иудей Обадиа взял власть в свои руки... и сделал раввинистический иудаизм государственной религией Хазарии». ² Обадиа (Обадья) – еврейское библейское имя. Таковыми были имена последующих хазарских царей: Ханукка, Ицхак, Забулон, Моше, Менахем, Бениамин, Аарон, Иосиф. ³

Установив раввинистический иудаизм взамен караизма, Обадиа произвел нечто вроде очищения на вершине хазарской власти, сделав ее достоянием истинных иудеев. Отсюда и приведенный ряд традиционных еврейских (библейских) имен царей Хазарии. Что касается самого Обадии, то он, по мнению Л.Н.Гумилева, «не принадлежал к числу местных евреев, потомков соратника Маздака, безграмотных и храбрых воинов – караимов, вроде Булана. Об Обадии сказано: “Он был человек праведный и справедливый. Он поправил (обновил) царство и укрепил собрания (синагоги) и дома ученых (школы) и собрал множество мудрецов израильских, дав им много серебра и золота, и они объяснили ему 24 книги (священного писания) Мишну, Талмуд и весь порядок молитв, принятых у хаззанов. Он боялся бога и любил закон и заповеди”. Уже из этого одного видно, что Обадиа не был ни караимом, ни хазарином». ⁴ Л.Н.Гумилев приходит к выводу, что от смены власти в Хазарии «выиграли не хазары и не хазарские евреи, а приезжие иудеи и еврейская община в целом. А коль скоро так, то, значит, они и организовали переворот, сохранив легитимный принцип». ⁵ Постепенно произошло разделение иудейской хазарской знати и народа, отстраненного от дел государства. ⁶ Народ никто не собирался обращать в иудаизм. ⁷ Иудейскую веру исповедовал лишь каган и незначительная часть его приближенных, ⁸ тогда как массы населения Хазарии пребывали в язычестве. ⁹ «Иудейские мудрецы хранили завет Иеговы для избранного народа, которому теперь достались все накопленные блага, связанные с руководящими должностями». ¹⁰

¹ Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. С. 133.

² Там же. С.135.

³ Новосельцев А.П. Хазарское государство... С. 152.

⁴ Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь. С. 136.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 139.

⁷ Там же. С. 140.

⁸ Магомедов М.Г. Образование Хазарского каганата (по материалам археологических исследований и письменным данным). М., 1983. С. 174; Плетнева С.А. Хазары. С. 62; Толочко П. П. Кочевые народы степей и Киевская Русь. Киев, 1999. С. 36–37. Существует, впрочем, иная точка зрения, согласно которой «хазарский иудаизм не замыкался в кругу правителей, но пустил корни по всей территории Хазарии...» (Голб Норман и Прицак Омелян. Хазарско-еврейские документы X века. С. 48). Если под «хазарским иудаизмом» понимать «караизм», или «монотеистический протоиудаизм», то с этим можно согласиться.

⁹ Плетнева С.А. Очерки хазарской археологии. М.; Иерусалим, 2000. С. 214, 217.

¹⁰ Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь. С. 140.

Надо сказать, что это был не частный случай, а принцип, ревниво соблюдаемый на протяжении веков. Именно его имел в виду А.В.Карташев, когда писал: «Евреев никогда не привлекало полное обращение гоим в иудаизм. Иудейство закрепилось на первобытном, этнически замкнутом, кровном национализме. Еще из эпохи новозаветной нам известна иудейская практика задерживания прозелитов на предварительной ступени “пришельцев врат”, верующих третьего разряда, а не “пришельцев правды”...».¹

Все это многое объясняет по части «ереси жидовствующих», делая совершенно излишними споры о том, имеем ли мы в этой ереси «чистый» иудаизм или нечто отклоняющееся от него, перемешанное с другими верованиями. «Чистым» иудаизмом «ересь жидовствующих» в силу упомянутых выше причин не могла быть ни при каких обстоятельствах. Однако, говоря о невозможности религиозной «чистоты» новгородско-московской ереси, мы не хотим сказать, что в ней не прослеживается иудейская подкладка. Ее видно в главном: в отрицании божественности Иисуса Христа и богоизбранности Божьей Матери, ниспровержении авторитета святых отцов церкви, в утверждении приоритета Ветхого завета над Новым заветом, или Св. Евангелием. Поэтому ересь и стала обозначаться современниками словом «жидовство», хотя они прекрасно понимали его неоднозначность. И в том, что ересь получила название «жидовства», нет, по нашему убеждению, никакого «преувеличения роли юдаистической догматики», о чем пишет А.В.Карташев,² а тем более — никакой тенденциозности, мифотворчества и фантастики, что усиленно пытался доказать Я.С.Лурье и др.³

Обращаясь к вопросу о прямых носителях «ереси жидовствующих», объединенных в тайную организацию, необходимо вслед за Д.С.Лихачевым указать на образованные по преимуществу круги Новгорода и Москвы: «Движение не затронуло низов населения, оставаясь, в сущности,... чисто “интеллигентским”, доступным для немногих».⁴ То был избранный круг людей, призванных «тревожить мысль народных масс»,⁵ сеять в народе религиозную смуту с намерением «расшатывания русской православной стойкости».⁶

¹ Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. Т. I. М., 1993. С. 501.

² Там же. С. 502.

³ Лурье Я.С. 1) Новгородско-московская ересь конца XV — начала XVI в. С. 117–118, 125; 2) Идеологическая борьба... С. 107, 110–111; Скрынников Р.Г. 1) Святители и власти. С. 131; 2) Государство и церковь на Руси... С. 177.

⁴ Лихачев Д.С. Новгород Великий... С. 89. См. также: Лихачев Д.С. Культура русского народа X–XVII вв. М.; Л., 1961. С.80. Еретики выделялись особой подготовкой и умением вести богословские споры. Архиепископ Геннадий предостерегал от дискуссии с ними: «Да еще люди у нас простые, не умеют по обычным книгам говорить: таки бы о вере никаких речей с ними не плодили...». — Источники... С. 381.

⁵ Лихачев Д.С. Культура русского народа... С. 81.

⁶ Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. Т. I. С. 501. «Как общество тайное, — говорит А.В.Карташев, — движение жидовствующих не могло быть движением массовым. По признаку секретности оно было по своему аристократично. Разбираясь критически в противоречиях свидетельств, можно из них же извлечь твердые

Сподручнее всего это было священнослужителям, непосредственно соприкасающимся с паствой. Вот почему среди еретиков, особенно на начальной стадии развития «ереси жидовствующих» в Новгороде, основную массу составляли рядовые «представители белого духовенства – священники, дьяконы, крылошане».¹ Однако гарантией успеха предприятия, начатого Схарией и теми, кто за ним стоял, было вовлечение в ересь представителей высшей духовной и светской власти. Удача сопутствовала им и здесь. Согласно «Посланию о соблюдении соборного приговора 1504 года», протопоп Алексей и поп Денис, приехав из Новгорода в Москву «прельстили в жидовство многих от великого князя двора».² Зиновий Отенский, писавший несколько позже (середина XVI в.), но хорошо осведомленный насчет происходившего в конце XV – начале XVI века, сообщает: «Мнози вельможи и от чиновных великаго князя в ересь поползошася».³

* * *

Источники знакомят нас с некоторыми из тех «от двора великого князя», что в «ересь поползошася». В их ряду стоит думный дьяк Федор Васильевич Курицын – глава, выражаясь современным языком, внешнеполитического ведомства, очень влиятельный государственный муж и фаворит Ивана III.

Федор Курицын находился в центре дипломатии Московского государства последней четверти XV века. «Все важнейшие переговоры конца 80–90-х годов XV в. проходили при его деятельном участии. В 1488 г. он изложил имперскому послу декларацию, обосновывавшую суверенные права русского государя, и участвовал в переговорах с венгерским послом. В 1490 и в 1492 гг. присутствовал на приемах имперского посла фон Турна, в 1492 г.

данные по вопросу о широте жидовствующей пропаганды. Иосиф пишет: “толики души погубиша, ихже и исчести не мощно”; или: “отведоша от церкви множество несведома”. А параллельно с этим в письме к духовнику великого князя говорит: “и только бы государь восхотел их искоренити, ино бы вскоре искоренил, – поймал двух или трех еретиков, и они всех скажут”. Выходит, еретиков только кучка, а не масса. Это и сообразно с природой тайного общества. Да и после соборного суда 1504 года в Волоколамский монастырь посылается на покаяние всего один еретик. Но около тайного ядра рождалась и некая широкая периферия с соблазнами более туманными и неопределенными, скорее всего по части астрологии и оккультных знаний. Сам же Иосиф пишет: “Аще кто и не отступи в жидовство, то мнози научишеся от них писания божественная укарати и на торжищах и в домех о вере любопрения творяху и сомнения имеяху”. Характерность этих периферических тем для жидовствующей пропаганды подтверждается и сохранившимися остатками истребленной литературы самих жидовствующих, и полемической, и апологетической литературой, переводной и оригинальной, направленной против них». – Там же. С. 503.

¹ Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий... С. 85.

² Источники... С. 506.

³ Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. II. Перв. пол. тома. М., 1997. С. 574 (прим.); Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. Т. I. С. 497.

писал грамоту послу в Крым К.Г.Заболоцкому. В 1493 г. участвовал в переговорах с послом Конрада Мазовецкого, в марте 1497 вел переговоры с ногайскими послами, с 1491 по 1500 г. активно участвовал в русско-литовских переговорах. В мае 1494 г. вместе с кн. В.И.Патрикеевым ездил в Литву сватать дочь Ивана III Елену. В конце 1494 г. вместе с дьяком А.Майко вел переговоры с ганзейцами, а в 1495 г. — с ливонцами в связи с закрытием Ганзейского двора в Новгороде. В конце 1495 — начале 1496... сопровождал Ивана III в Новгород... Ф.В.Курицын участвовал и в различных делах по внутреннему управлению. Около 1488—1490 гг. он подписал докладную правую грамоту суда Ивана Молодого, а около 1490 г. — подтверждение княжичем Василием одной грамоты Троице-Сергиеву монастырю в Переяславском уезде. В ноябре 1490 г. именно он скрепил подписью жалованную грамоту Ивана III пермскому епископу Филофею, предусматривавшую секуляризационные мероприятия великого князя. В июле 1497 г. Ф.В.Курицын подписал меновую грамоту Ивана III и кн. Федора Волоцкого, скрепленную печатью, на которой впервые изображен новый государственный герб, а в конце XV в. — докладную грамоту дворецкого П.В.Шестунова. Л.В.Черепнин предполагал, что Ф.В.Курицын мог участвовать в составлении Судебника 1497 г. В 1498 г. в списке думных чинов Федор Курицын назван третьим среди дьяков».¹

Итак, перед нами крупный дипломат и государственный деятель, облеченный полным доверием и расположением великого князя.² Вместе с тем Федор Курицын является перед взором современного историка «одной из самых интересных и загадочных фигур эпохи возрождения России».³

Надо сказать, что «по складу своего мышления Курицын скорее был политиком-мыслителем, чем дипломатом строго рационального образа мыслей, с четким регламентом поступков».⁴ Это, по всей видимости, и сыграло с ним злую шутку, толкнув на скользкий и опасный путь политических комбинаций, связанных с «ересью жидовствующих».

При каких обстоятельствах дьяк приобщился к «ереси жидовствующих», с полной уверенностью сказать нельзя, поскольку в источниках той поры приводятся разные по этому случаю версии. Новгородский владыка в послании (октябрь 1490 г.) митрополиту Зосиме говорит относительно появления ереси следующее: «А то се, господине, състала та беда с тех мест, как Курицын из Угорские земли приехал, да отселе еретици збежали на Москву; а писано в подлиннике, что протопоп Олексей, да Истома, да Сверчек, да поп Денис приходили к Курицину, да иные еретици, да он у них и печалник...».⁵ В одновременном послании собору епископов Геннадий на основании следственных показаний еретика Самсона (Самсонки) утверждает, что «Кури-

¹ Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий... С. 214–215.

² Иловайский Д.И. История России. Собиратели Руси. С. 463.

³ Алексеев Ю.Г. У кормила Российского государства: Очерк развития аппарата управления XIV–XV вв. СПб., 1998. С. 203.

⁴ Малинин В.А. Русь и Запад. Калуга, 2000. С. 317.

⁵ Источники... С. 377. Ср.: Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий... С. 213.

цин начальник тем всем злодеем»,¹ что с Федором Курицыным приехал «из Угорской земли угрянин, Мартынком зовут», который принимал деятельное участие в сборищах московских еретиков.² «Послание о соблюдении соборного приговора 1504 года» рисует иную картину: «А после того, как взяли на Москву Алексея протопопу да Дениса попа, — и они прельстили в жидовство Федора Курицына, да брата его Волка». ³ Аналогичным образом представлял соращение Федора Курицына и волоколамский игумен Иосиф, ⁴ причислявший его к ученикам «Алексея протопопу и Дениса попа». ⁵

Версия Иосифа о вовлечении в ересь Федора Курицына кажется исследователям менее правдоподобной, чем версия Геннадия. «Архиепископ Геннадий, — пишет Ю.К.Бегунов, — связывает появление еретиков в Москве с приездом Федора Курицына из Венгрии (1485) и с бегством еретиков из Новгорода. Иосиф Волоцкий объясняет появление ереси в Москве результатом деятельности Алексея и Дениса. Более вероятной представляется нам версия архиепископа Геннадия, согласно которой “беда состалась” со времени приезда Курицына, ставшего “начальником” приходивших к нему еретиков». ⁶ Я.С.Лурье, следуя за Геннадием, изображает Курицына «как вполне самостоятельного провозвестника московской ереси, а может быть и еретического движения в целом». ⁷ А.А.Зимин также более доверяет архиепископу Геннадию, нежели игумену Иосифу: «Именно Курицына Самсон (дьяк. — И.Ф.) считал “мозговым центром еретиков”... В 1490 году Геннадий уверенно связывал возникновение ереси не только с переездом Алексея и Дениса в Новгород (в Москву?), но и с возвращением Курицына из Венгрии». ⁸

Надо, по-видимому, признать, что поездка Федора Курицына в Венгрию с дипломатической миссией стала важной вехой в его биографии. Ученые старались понять, что могло так сильно повлиять на московского дипломата, когда он находился за границей. Оказалось, что при дворе венгерского короля Матвея Корвина, к которому правил посольство Курицын, существовало еретическое (гуманистическое, по терминологии исследователей) течение, возглавляемое иноземцами, преимущественно итальянцами. То были Антонио Бонфини, Филипп Буонакорси Каллимах, Марцио Галеотто и Ронсано. Некоторые из них, в частности Галеотто и Каллимах, являлись, как выражается Я.С.Лурье, «вольнодумцами в вопросах религии». ⁹ Нельзя исключить контактов Федора Курицына с этими вольнодумцами. Не уклонялся московский дьяк, надо полагать, и от общения с таборитами. «Во второй половине XV в., при короле Матиасе Корвине, — пишет Ю.К.Бегунов, — Венгрия пере-

¹ Источники... С. 381.

² Там же.

³ Там же. С. 506.

⁴ Там же. С. 471

⁵ Там же. С. 482.

⁶ Бегунов Ю.К. Соборные приговоры... С. 223.

⁷ Лурье Я.С. Идеологическая борьба... С. 141.

⁸ Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий... С. 213.

⁹ Повесть о Дракуле. М.; Л., 1964. С. 49.

живала эпоху централизации. Гуманистическое движение, идеи таборитов играли немалую роль в проведении централизации, Впечатления от заграничной поездки не могли пройти для Курицына бесследно.¹ По словам, В.А.Малинина, Курицын «не раз посещал страны Западной Европы. Естественно, что он был хорошо знаком с социально-экономическим положением отдельных стран, а также, что отметим особо, с социально-уравнительными требованиями славянских низов, в частности, с учениями Яна Гуса, таборитов и моравских братьев. Сведения об этих явлениях западной жизни он доверял кружку своих единомышленников».² О Яне Гусе как «великом собрате» Федора Курицына и других еретиков говорил Я.С.Лурье.³ Наконец, А.А.Зимин писал: «В бытность Ф.В.Курицына в Молдавии и Венгрии (1482–1484 гг.) там протекала деятельность так называемых чешских братьев. Общение с гуситами могло как-то повлиять на формирование взглядов просвещенного посольского дьяка».⁴

Дело, похоже, не ограничилось простым влиянием учения гуситов, таборитов и чешских (моравских) братьев на формирование мировоззрения Курицына. Пребывание дьяка за границей имело и некоторые более осязаемые результаты организационного плана. Будучи длительное время в Венгрии (этому искренне дивился московский государь⁵), Курицын, хорошо знающий языки немецкий, венгерский, польский и даже греческий, мог завязать там, как считает А.В.Карташев, «очень близкие связи идейного характера и даже посвятить в тайное общество».⁶ Другой исследователь, В.Н.Топоров, говорит о посвящении Федора Курицына в тайное сообщество во время его пребывания в Венгрии как о состоявшемся факте.⁷

Подобное общество сообразно условиям времени и места являлось враждебным по отношению к католической религии и церкви, а в известном смыс-

¹ *Бегунов Ю.К.* Соборные приговоры... С. 223.

² *Малинин В.А.* Русь и Запад. С. 317.

³ *Лурье Я.С.* Новгородско-московская ересь... С. 224. Касаясь пребывания московского дьяка в Венгрии, Я.С.Лурье замечал: «Вряд ли собеседники Курицына в Будине были смущены, если он рассказал им о своих новгородских знакомцах — русских еретиках конца XV века. Многие подданные венгерского короля, жившие на присоединенных им словацких и чешских землях, были гуситами — последователями великого чешского реформатора Яна Гуса, сумевшими после казни своего учителя в 1415 г. сохранить его учение. Гуситы преобразовали церковь, конфисковали многие церковные земли, упростили и сделали доступной народу церковную службу. Наиболее радикальные из них вообще отвергали церковную иерархию, требовали всеобщего равенства. Наряду с чешским реформаторством проникали в Венгрию свободные идеи и из других стран, например из Италии». — *Лурье Я.С.* Русские современники Возрождения. Л., 1988. С. 103.

⁴ *Зимин А.А.* Россия на рубеже XV–XVI столетий... С. 213–214.

⁵ См.: *Алексеев Ю.Г.* У кормила Российского государства... С. 204.

⁶ *Карташев А.В.* Очерки по истории русской церкви. Т. I. С. 493.

⁷ *Топоров В.Н.* «Спор» или «дружба». С. 139. См. также: *Юдин А.В.* Русская народная духовная культура. С. 299.

ле — к христианству вообще, поскольку члены его, насколько мы знаем, отрицали не только церковные таинства, католический культ, но также все христианские святыни и обряды. Федор Курицын воротился в Москву с зарядом антихристианских настроений, несовместимых с православной верой.¹ Начались встречи (возможно, задуманные вне Руси) Федора Курицына и протопopa Алексея, приобщившие дьяка к «ереси жидовствующих» и введшие его в круг туземных еретиков. Так соединяются, казалось бы, противоречащие друг другу версии игумена Иосифа и архиепископа Геннадия, отражающие разные моменты падения Курицына в «ересь жидовствующих». Но это — не все. Встречи Курицына с протопопом Алексеем, происходившие, по всему вероятно, после возвращения дьяка из Венгрии,² позволяют иначе взглянуть на деятельность Схарии в Новгороде и видеть в ней не частную инициативу, предпринятую им на собственный страх и риск, а спланированную международными закулисными силами затею.

На заранее предусмотренный характер встреч дьяка и протопopa намекает некий «угрянин Мартынка», который сопровождал Курицына при возвращении на Русь. Мартынка — неперенный участник тайных собраний еретиков в доме Курицына. Странная, загадочная, неопределенная, таинственная фигура — такими эпитетами наделяет Мартынку исследователь «ереси жидовствующих» Я.С.Лурье.³ Когда стали сгущаться тучи над еретиками, Мартынка исчез так же загадочно, как и появился. Не исключено, что Мартынка являлся связующим звеном между Курицыным и его собратьями за рубежом, помощником дьяка на еретической ниве, а заодно и наблюдателем за развитием ереси в Москве. Об интересе к Федору Курицыну за границей можно заключить по такому, например, эпизоду. В сентябре 1487 года в Москву приехал венгерский посол Иван дьяк. Как выяснилось, «целью присылки Ивана дьяка в Москву было соби́рание сведений о Федоре Курицыне».⁴ Иных поручений он не имел, что вызвало неудовольствие со стороны великого князя.⁵ Личность Курицына, следовательно, вызывала живой интерес «за кордоном», и это в высшей степени показательно, поскольку довольно прозрачно намекает на особые международные связи думного дьяка. Этот интерес подогревался еще и тем, что Федор Курицын являлся, как позволяют думать сведения о нем, «коллегой и собратом Схарии по принадлежност-

¹ Курицын, по словам владыки Иоанна, вернулся в Москву, «обогащенный западным опытом». — *Иоанн* (Снычев). Самодержавие духа: Очерки русского самосознания. СПб., 1995. С. 123.

² Ср.: *Лурье Я.С.* Русские современники Возрождения. С. 101.

³ *Лурье Я.С.* 1) Новгородско-московская ересь... С. 148; 2) Идеологическая борьба... С. 142, 181–182. «Курицын привез с собой таинственную личность — «угрянина Мартынку», влияние которого на события кажется загадочным», — говорит митрополит Иоанн. — *Иоанн*. Самодержавие духа... С. 123.

⁴ *Базилевич К.В.* Внешняя политика Русского централизованного государства (вторая половина XV века). М., 2001, С. 221.

⁵ Там же.

ти к европейскому вольнодумству», распространяемому группой «модернистов, представителей свободомыслящей идеологии мирового еврейства».¹

Остается лишь удивиться тому, что «начальник всем злодеям-еретикам» Федор Курицын, этот недруг русской православной веры и церкви, попавший в сети международной организации, враждебной христианской Руси, был ближайшим советником Ивана III. Вместе с протопопом Алексеем он «имел дерзновение» к великому князю,² т.е. обладал огромным влиянием на государя,³ который Федора «во всем послушаше».⁴

Курицын потянул за собою в ересь не одного «москвитя». За ним, за министром, «пошли и статс-секретари, дьяки великого князя, Истома и Сверчок, купец Семен Кленов и тогдашний интеллигент по профессии, книжный переписчик и сам владевший пером, Иван или Ивашка Черный».⁵ В еретический соблазн впал и брат Федора Курицына дьяк Иван-Волк Курицын. Подобно Федору, брату своему, Иван-Волк занимался дипломатическими делами. В 1492 году Волк «вел переговоры с любекским первопечатником Бартоломеом Готаном. Весной того же года в составе посольства ездил к императору Максимилиану и вернулся на Русь в июле 1493 г. В конце 1495 — начале 1496 г. он сопровождал Ивана III в Новгород. Около 1495 г. подписал докладной судный список княжича Василия. Летом 1497 г. Иван-Волк участвовал в переговорах с ливонцами, а в августе отправлен был в составе посольства в Литву. Иван-Волк назван вторым среди великокняжеских дьяков в хронографическом списке думных чинов 1498 г.»⁶

Федор и Волк Курицыны входили в ближний круг придворных Ивана III. Не случайно мы видим обоих братьев в свите великого князя, сопровождающей его во время новгородской поездки в конце 1495 — начале 1496 года. И вот эти близкие к государю лица (в особенности Федор) покровительствовали еретикам, защищали их, почему те долгие годы и действовали безнаказанно, пока в 1504 году по решению Освященного Собора одни из них были приговорены к сожжению, а другие — заточены и разведены по монастырям.

Среди некоторых историков существует мнение, согласно которому Федор Курицын сошел с политической сцены или умер своей смертью до Собора 1504 года, что, собственно, и развязало руки его противникам, облегчив им борьбу с еретиками.⁷ А.И.Клибанов отказался от каких-либо догадок

¹ Зноско-Боровский М. Православие, римо-католичество, протестантизм и сектантство... С. 184, 185.

² Источники... С. 471.

³ См.: Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. II. Первая половина тома. С. 571, 573, 579; Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. Т. I. С. 493.

⁴ См.: Лурье Я.С. Новгородско-московская ересь... С. 206; Иоанн. Самодержавие духа... С. 120.

⁵ Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. Т. I. С. 491.

⁶ Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий... С. 214.

⁷ См., напр.: Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. II. Перв. пол. тома. С. 580; Иловайский Д.И. История России. Собиратели Руси. С. 463; Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 280; Зимин А.А. Россия на рубеже

на сей счет, отметив, что «судьба Федора Курицына после 1500 г., когда он еще участвовал в государственных делах, неизвестна».¹ Противоречивые суждения высказывает Я.С.Лурье. В статье о Ф.Курицыне, написанной для «Словаря книжников и книжности Древней Руси», он говорит, что судьба посольского дьяка «остаётся неизвестной».² В книге же о русских современниках Возрождения Я.С.Лурье склоняется к мысли о заточении дьяка-еретика и его насильственной смерти в тюрьме.³ А во вступительном исследовании, предваряющем публикацию «Повести о Дракуле», Лурье вовсе запутался в догадках: «Судьба самого Федора Васильевича остаётся неясной. Может быть, он был умерщвлен, но не так всенародно, как его брат, а тайком; может быть, сам предпочел уйти из жизни. А может быть, “державный” оказал своему любимцу последнюю милость – заточил его в далекий монастырь, где опальный дипломат, еретик и писатель получил достаточно досуга, чтобы подумать над достоинствами и недостатками “грозной власти”».⁴ По мнению Р.Г. Скрынникова, Федор Курицын «был жив ко времени розыска и, возможно, избежал пыток и жестокого наказания. Отсутствие среди подсудимых и среди казненных главного обвиняемого – это лишь одна загадка страшного процесса 1504 г.»⁵ Возможно, историк прав в том, что ко времени розыска Федор Курицын еще был жив.⁶ Но вряд ли Курицын находился в Москве вплоть до соборного разбирательства 1504 года. Будь так, он, скорее всего, не избежал бы пыток и казни, а разделил бы участь брата своего Волка. Поэтому ересиарх вряд ли был в Москве, когда там состоялся соборный суд над еретиками. Федор, по всей видимости, скрылся ранее того. Мы знаем, что сведения о нем прекращаются с весны 1500 года, и дальнейшая судьба дьяка неизвестна. Не исключено, что он покинул Москву (возможно, вместе в «угрянином Мартынке») и бежал за рубеж, что при его международных связях, упомянутых выше, не составляло труда.⁷ Произойти это могло в 1500

XV–XVI столетий... С. 225; Алексеев Ю.Г. У кормила Российского государства... С. 218, 219; Юдин А.В. Русская народная духовная культура. С. 303.

¹ Клибанов А.И. Реформационные движения в России в XIV – первой половине XVI вв. М., 1960. С. 226.

² Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 1. Л., 1988. С. 505.

³ Лурье Я.С. Русские современники Возрождения. С. 135, 136, 141.

⁴ Повесть о Дракуле. С. 58.

⁵ Скрынников Р.Г. 1) Государство и церковь на Руси... С. 179; 2) Крест и корона. Церковь и государство на Руси IX–XVII вв. СПб., 2000. С. 188; 3) Иван III. С. 255–256.

⁶ Доводы у автора такие: Осиф Волоцкий «с видимым удовольствием описывал “сатанинскую” смерть еретика Алексея, муки в заточении еретика Захара. Он не преминул бы упомянуть о наказании и кончине Курицына. Но ни в “Книге на еретиков”, ни в последующих его посланиях такого упоминания нет. Отсюда следует, что Курицын был жив ко времени розыска...». – Скрынников Р.Г. Государство и церковь на Руси... С.178–179; 2) Крест и корона... С. 188.

⁷ Надо иметь также в виду, что Федор Курицын управлял целой сетью русских агентов («приятелей») за рубежом, т.е. возглавлял внешнюю разведку (Алексеев Ю.Г. У кормила Российского государства... С. 221). Скрыться за границу ему, следовательно, не составляло особого труда.

году или в 1501 году, но не позже весны 1502 года, когда под стражу были заключены вдова старшего сына великого князя (Ивана Ивановича Молодого) Елена Волошанка и сын ее Дмитрий, о чем летописец оставил краткую запись: «Тое же весны апреля 11, в понедельник, князь велики Иванъ положил опалу на внука своего великаго князя Дмитрея и на его мать Елену, и от того не велел их поминати в октеньях и в литиях, ни нарицати великим князем, посади их за приставы». ¹ Дождись Федор Курицын ареста Елены и Дмитрия, он непременно угодил бы тоже «за приставы». Ведь Федор, как установлено исследователями, входил в придворную группировку, возглавляемую княгиней Еленой. ² Дьяка с княгиней свела «ересь жидовствующих». О причастности Елены к ереси говорил сам великий князь в беседе с Иосифом Волоцким: «А Иван, деи, Максимов и сноху у мене мою в жидовство свел». ³ Из-за чего и зачем понадобилась еретикам невестка великого князя? Конечно, не из идеальных соображений и не для того, чтобы приобщить ее к «истинной» вере. Она нужна была им по политическим мотивам, связанным с властью. Посредством Елены они надеялись заполучить, как выразился владыка Иоанн, «своего» великого князя». ⁴

* * *

Борьба за «своего» великого князя приобрела чрезвычайную остроту и драматизм после кончины в 1490 году Ивана Молодого, о которой летописец рассказывает так: «Тое же зимы месяца марта въ 7, с субботы на неделю въ 8 час нощи, преставися благовернии и христолюбивии великии князь Иван Иванович всеа Руси, стариинии, пръвии его великия княини Марии, дочери великого князя Бориса Александровича, и положиша его въ церкви Архаггела Михаила на Москве, идеже вси прародители его лежат. Жив всех лет 32 и 20 дней, а болел камчюгом в ногах. Ходил, и видев лекаръ жидовин мистр Леон, похваляся, рече великому князю Ивану Васильевичу, отцю его: «Яз излечю сына твоего великого князя Ивана от тоя болезни, а не излечю яз, и ты мене вели казнити смертною казнью». И князь великий, нявъ тому веру, повеле ему лечить сына своего великого князя Ивана. Лекаръ же дасть ему зелие пити и жещи начастъ кляницами по телу, ввливая горячую воду, и от того ему бысть тяжчае, и умре. И того лекаря мистра Леона велел князь велики поимати и после сорочин сына своего великаго князя Ивана повеле его кознити смертною казнью, головы ссеци. Они же ссекоша ему голову на Болвановии апреля 22». ⁵

¹ ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. М., 2001. Стб. 367.

² См., напр.: *Каштанов С.М.* Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI в. М., 1967. С. 22; *Зимин А.А.* Россия на рубеже XV–XVI столетий... С. 214, 225.

³ Источники... С.436.

⁴ *Иоанн (Снычев).* Самодержавие духа... С. 124.

⁵ ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. Стб. 327.

Все это производит странное впечатление: молодой тридцатидвухлетний князь, страдавший ломотою в ногах,¹ болезнью вовсе не смертельной, уходит из жизни после, так сказать, интенсивной терапии «мистра Леона». Невольно напрашивается подозрение, нет ли тут злого умысла. Пройдет некоторое время, и об этом открыто заговорит беглый князь Курбский. Он обвинит Ивана III и Софью Палеолог в отравлении Ивана Молодого «смертоносным ядом».² На чем Курбский основывал свои обвинения, установить точно нельзя. Возможно, то была молва или толки, слухи,³ ставшие легендой.⁴ Но это не значит, что мы должны полностью отбросить эти свидетельства, ибо давно известно, что «дыма без огня не бывает». И если такая молва существовала, то есть повод думать об умышленном характере смерти великого князя «всёа Руси».

В современной исторической науке высказываются разные мнения по вопросу о причинах смерти Ивана Ивановича. Так, А.А.Зимин затрудняется сказать «что-нибудь определенное» по этому поводу. «В литературе, – замечает он, – высказываются догадки, что наследник престола пал жертвой династической борьбы. Что-нибудь определенное сказать на этот счет трудно. Правда, позднее Курбский писал, что наследник был погублен Иваном III и Софьей. Но насколько можно верить столь пристрастному к Софье писателю?»⁵

Ю.Г.Алексеев отвергает как несостоятельные любые подозрения относительно преднамеренного умерщвления княжича. «Началось лечение, – говорит историк. – Леон давал своему пациенту “зелье пити”, ставил банки – жег “сткляницами по телу”, вливал какую-то горячую воду. Но медицина и в XV в. была не всесильна... Нет оснований сомневаться в профессиональных качествах венецианского врача, еще менее – в его добросовестности. Берясь за лечение наследника главы Русского государства, Леон понимал, чем рискует. Казнь врачей-неудачников не была редкостью в Европе. Леон не был самоубийцей и, по всей вероятности, приложил все свое умение и старание. Но смерть пациента была приговором врачу... Много десятиле-

¹ Так переводит слово «камчуг» И.И.Срезневский. – См.: *Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка*. Т. I. СПб., 1893. Стб. 1187. См. также: *Соловьев С.М. Сочинения*: В 18-ти книгах. Кн. III. М., 1989. С. 58. По Ю.Г. Алексееву, «великий князь Иван Иванович Молодой страдал «камчюгою в ногах» – видимо, тромбозом» (*Алексеев Ю.Г. Государь всея Руси*. Новосибирск, 1991. С. 171). Согласно А.Л.Хорошкевич, «Иван Иванович страдал “камчюгом” (полиартритом)» (*Хорошкевич А.Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. М., 1980. С. 246*). «Тридцатидвухлетний наследник престола страдал легким недугом – “камчюгою в ногах”, или подагрой», – пишет другой новейший исследователь. – *Скрынников Р.Г. Третий Рим*. СПб., 1994. С. 43.

² Библиотека литературы древней Руси. Т. 11. XVI век. СПб., 2001. С. 406.

³ «По Москве тотчас прошел слух, будто Ивана молодого отравили иностранцы». – *Скрынников Р.Г. Третий Рим*. С. 43.

⁴ См.: *Кашианов С.М. Социально-политическая история Руси... С. 35 (прим.): Борисов Н.С. Иван III. М., 2000. С. 611.*

⁵ *Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий... С. 67.*

тый спустя князь Андрей Курбский, находясь в литовской эмиграции, обвиняет в отравлении Ивана Молодого его мачеху и родного отца. Можно ли верить этому? Князь Курбский был яростным полемистом. Как и его державный корреспондент, он заботился не столько об истине, сколько об эффективности своих тезисов».¹ Несколько иную картину рисует Н.С.Борисов. «Бедного магистра, — полагает исследователь, — сгубило честолюбие и корыстолюбие. Он хотел прославиться и разбогатеть, исцелив самого наследника московского престола. Едва ли Леон был “врачом-вредителем”. Предложив государю в качестве залога свою собственную голову, Леон, конечно, не склонен был к рискованным медицинским экспериментам. Однако несчастный лекарь, похоже, стал пешкой в чужой игре. В то время, как он ставил княжичу банки и давал свои микстуры (от которых тот едва ли мог умереть), кто-то невидимый добавил в эти микстуры нечто такое, что и отправило наследника в лучший мир».²

По мнению С.М.Каштанова, в судьбе Ивана Ивановича родственники второй жены Ивана III Софьи сыграли роковую роль: «Именно привезенный ими из Венеции лекарь “мистро Леон” вызвался лечить и залечил до смерти тридцатидвухлетнего великого князя, заболевшего (до или после возвращения Палеологов?) “камчюгою в ногах”. Совпадение во времени приезда Палеологов, болезни и “лечения” Ивана Ивановича кажется поразительным, хотя оно может быть и случайным. Ясно одно: династическая борьба во второй половине 80-х годов разгорелась с большой силой, и не исключено, что Иван Иванович пал ее жертвой».³

Таким образом, С.М.Каштанов и Н.С.Борисов, в отличие от Ю.Г.Алексеева, допускают возможность преднамеренного убийства Ивана Молодого. Однако роль Леона они оценивают по-разному: Н.С.Борисову лекарь кажется бессознательным орудием в чужой игре, а С.М.Каштанову — сознательным участником злодеяния.

Возникает сакраментальный вопрос: кому это выгодно? Иначе, кто был заинтересован в смерти Ивана Молодого? Кажется, что ответ лежит на поверхности: Софья Фоминична с сыном Василием и те, что составляли при дворе их партию. С.М.Каштанов пишет: «Второй брак Ивана III с самого начала таил в себе смертельную опасность для Ивана Молодого, так как рано или поздно должна была возникнуть борьба за право престолонаследования между ним и сыном Софьи. Палеологи не могли не хотеть избавиться от Ивана Молодого при жизни Ивана III, когда сын Марии Борисовны не имел еще основания занять престол».⁴ К подобному разумению событий склоняется и Н.С.Борисов, подчеркивая при этом непричастность Ивана III к убийству сына. Великий князь был всего лишь слепым орудием в руках хитроумной гречанки».⁵

¹ Алексеев Ю.Г. Государь всяя Руси. С. 171.

² Борисов Н.С. Иван III. С. 611.

³ Каштанов С.М. Социально-политическая история России... С. 35.

⁴ Там же. «Кончина наследника, — говорит Р.Г.Скрынников, — была выгодна “грекине”», т.е. Софье. — Скрынников Р.Г. Третий Рим. С. 43.

⁵ Борисов Н.С. Иван III. С. 612.

Во всех этих предположениях и догадках есть, конечно, известный резон. И все же версия о «хитроумной гречанке», сгубившей пасынка, не может быть единственно возможной. К тому же она не кажется нам бесспорной. Ведь плохие отношения Ивана Молодого с «царевной» Софьей не являлись для московского общества большим секретом. Даже иностранцы, приезжавшие в Московию, узнавали об этом чуть ли не в первый день своего пребывания там. Венецианцу Амброджо Контарини, побывавшему в русской столице осенью 1476 года, рассказывали, что сын Ивана III от первой жены «нехорошо ведет себя с деспиной» и потому «он в немилости у отца».¹ Эти неприязненные отношения наследника с «деспиной» могли стать почвой для слухов о его отравлении. Но возможность такого рода слухов, на наш взгляд, должна была, по логике вещей, оказывать сдерживающее влияние на Софью, ибо, в случае неестественной смерти Ивана Молодого да еще в покоях дворца, тень подозрения легла бы в первую очередь на нее. Устраивала ли «деспину» подобная перспектива? Едва ли. И все-таки Ивана умили. Думается, что убийство, если таковое все же случилось, организовала не Софья или ее сторонники, а другие люди, стоявшие (и это, наверное, покажется кому-нибудь чересчур парадоксальным) если не за самим наследником, то за великой княгиней Еленой и ее сыном Дмитрием. Причем Волошанку, а тем более юного Дмитрия не обязательно было посвящать в детали изощренной и жестокой интриги. Дмитрию надлежало занять место отца, а Елене ждать момента, когда она сможет выступить в качестве регентши при малолетнем сыне или наставницы при молодом государе.² Чтобы догадаться, в каком направлении влияла бы на сына Елена-еретичка, приобщенная к «ереси жидовствующих», не надо иметь семь пядей во лбу. Продвижение Елены и Дмитрия на вершину власти казалось тогда вполне достижимым, поскольку Федор Курицын и его собратья по ереси пользовались огромным влиянием на Ивана III. Достаточно сказать, что вскоре после смерти Ивана Молодого им удалось провести в митрополиты своего ставленника – Зосиму, т.е. захватить, по сути, высшую церковную власть в Московском государстве. Дальнейшие события укрепляли их стремление осуществить религиозно-политический переворот на Руси. Но вернемся пока к Ивану Молодому.

Вступая в разлад с мачехой, Иван Иванович, конечно, знал, что это не понравится отцу и вызовет у него гнев. И, тем не менее, он «нехорошо вел себя с деспиной», ощущая, по всей видимости, поддержку влиятельной при дворе группы. Не поэтому ли великий князь, вопреки своей «немилости», держит при себе своего сына в качестве соправителя? Этот статус Ивана Молодого высвечивает летописный рассказ от 1477 года: «Архиепископ Новгородской Феофил и весь Великий Новгород прислали к великим князем Ивану Васильевичу и сыну его Ивану послов своих Назара подвоиского да

¹ Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. Л., 1971. С. 229.

² В исторической литературе высказывалось предположение, согласно которому «сторонники Дмитрия могли замышлять прямое отстранение от власти Ивана III». – См.: Кашианов С.М. Социально-политическая история России... С. 101.

Захарию дияка вечного бити челом и называти себе их “государи”...».¹ Когда Иван III уходил в поход, к примеру, на Новгород, он оставлял в Москве вместо себя Ивана Молодого,² который пользовался всей полнотой власти: «Тое же осени [1479] по отъезде великого князя в Новгород приидоша к великому князю Ивану Васильевичу и к сыну его великому князю Ивану ис Поля два царя служити, Мердоулат с сыном Бердоулатом да и брат сго Андар, дети царя Ачи-Гирея Крымского».³

А.А.Зимин рассматривает приведенные факты как свидетельство того, что «немилость» Ивана III к Ивану Молодому «была временной».⁴ Как бы то ни было, но главная проблема оставалась: пасынок не принял мачеху. И это, конечно же, заметно влияло на чувства отца к сыну, внося напряжение между ними, что могло, естественно, повлечь за собой в какой-то момент самые неожиданные повороты в их отношениях, непосредственным образом сказывающиеся на судьбе Елены Волошанки и юного Дмитрия. С подобной угрожающей неопределенностью «партия» Елены (если не целиком, то в значительной части состоящая из приверженцев «ереси жидовствующих») смириться решительно не хотела, поскольку пришлось бы рисковать очень многим, даже жизнью, не говоря уже о крушении тщательно разработанных планов «обволакивания» высшей власти в Русском государстве, на осуществление которых затрачено было «жидовствующими» столько изобретательности и сил. Выход нашли в устранении Ивана Молодого, причем таким образом, чтобы тень подозрения пала на Софью и ее сторонников. Расчет, очевидно, состоял в том, чтобы, используя влияние Федора Курицына на Ивана III, ослабить позиции Софьи и Василия, а позиции Елены и Дмитрия усилить. Расчет оказался правильным. Историки наблюдают, как на протяжении 90-х годов происходит постепенное возвышение Дмитрия,⁵ апогеем которого стал 1498 год, когда 4 февраля, в воскресенье, по повелению великого князя Ивана III состоялся торжественный обряд коронации Дмитрия-внука. То было красочное зрелище. В летописи читаем: «Князь великий Иван Васильевич благословил и посадил на великое княжение Володимерское и Московское и всеа Руси внука своего князя Дмитрея Ивановича, а посажене его беаше в церкви Пречистыа на Москве. По благословению Симона митрополита всеа Руси и архиепископа Тихона Ростовского, и епископ Нифонта Суздальского, Васияна Тверьского, Протасия Рязанского, Авраамия Коломенского, Еуфимия Сарского, и всего освященного събора, возложыша на него бармы Манамаховы и шапку, и осыпа его князь Юрьи Иванович, дядя его, златом и серебром трижды: пред Пречистою, и пред Архаггедом и пред Благовещением... Среди церкви уготовиша место большее, на нем святители ставят, и учиниша на том месте три стулы: великому князю Ивану, да внуку его Дмитрию, да митрополиту. И егда приспе время, и обле-

¹ Иоасафовская летопись. М., 1957. С. 96.

² Там же. С. 98, 119.

³ Там же. С. 119.

⁴ Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий... С. 66.

⁵ См.: Кашианов С.М. Социально-политическая история России... С. 63–65.

чеся митрополит и архиепископы и архимандриты и игумены и весь събор в священныя одежда и велеша посреди церкви поставити налои, и на нем положиша шапку Манамахову да бармы. Егда же вниде в церковь князь великий съ внуком, и митрополит съ всем събором начаша молебен пречистой да Петру чудотворцу; и после “Достоина” и “Трисвятого” и по тропарех митрополит и князь великий, вшед, седоша на своих местех, а внук стал перед ними у места на вышней степени, не всходя на место, и князь великий отрече: “Отче митрополит! Божиим изволением от наших прародителей великих князей старина наша, то и до сих мест отци, великие князи, сыном своим пръвым давали великое княжество, и яз был своего сына пръвого Иоанна при себе же благословил великим княжеством. Божия пакъ воля ссталася, сына моего Иоанна не стало в животе, а у него остался сын первои Дмитреи, и аз его ныне благословляю при себе и опосле себе великим княжеством Володимерским и Московьским и Новгородским. И ты бы его, отче, на великое княжество благословил”. И после речи великого князя велел митрополит внуку вступити на место и, встав, благословил его крестом».¹ По завершении молитв, поучений и поздравлений митрополита «дети великого князя поклонишася и поздравить великих князей обоих, и потом бояре и все люди».² Иван III держал еще одну речь перед внуком: «Внук Димитрии! Пожаловал есми тебя и благословил великим княжеством, и ты имей страх божии в сердце, люби правду и милость и суд правои, имей попечение от всего сердца о всем православном христианстве».³ Затем «митрополит и великие князи соидоша с места, и митрополит съвършил отпуст молебну, и потом начаша литургию. И по съвършении литургии пошел великий Иоанн к себе. А князь великий Димитрии, в шапке и в бармах, из Пречистыа как из двери вышел, и ту его осыпал денгами златыми и сребреными трижды великого князя сын князь Юрьи, а дети великого идут с ним и бояре вси; такоже осыпал его пред Архангелом и пред Благовещением 3-жды денгами златыми и сребряными».⁴

Казалось, то был почти полный триумф, имевший громкий международный резонанс и породивший в определенных кругах за границей самые радужные надежды. В Италии, например, ходили слухи о том, что «воевода (duca) Молдавии имеет дочь в Москве и... сына дочери, которому принадлежит княжение (или княжество – *duchato*) Московия и государство (*signoria*) России».⁵ Хотя это было и преувеличение, но еретики, по словам владыки Иоанна, «находились на волосок от того, чтобы получить “своего” великого князя».⁶ Впрочем, торжество оказалось преждевременным. В понедельник 11 апреля 1502 года «князь велики Иван положил опалу на внука своего ве-

¹ Иоасафовская летопись. С. 134–135.

² Там же. С. 135–136.

³ Там же. С. 137.

⁴ Там же.

⁵ Хорошкевич А.Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. С. 114.

⁶ Иоанн (Снычев). Самодержавие духа... С. 124.

какого князя Дмитрея и на его мать Елену, и от того дни не велел их поминати в октенях и в литиях, ни нарицати великим князем, посади их за приставы».¹ А уже в четверг 14 апреля он «пожаловал сына своего Василья, благословил и посадил на великое княжение Володимерьское и Московское и всея Руси самодержцем по благословению Симона митрополита всея Руси».² Князь Иван спешил, вероятно, потому, что «на стороне Елены были самые могущественные вельможи», которые совсем недавно побудили великого князя объявить Дмитрия наследником престола.³

Иван III старательно скрывал (особенно перед внешним миром) истинную причину низложения внука. Русским послам, отбывающим в Литву, Иван Васильевич дал такой наказ: если спросит дочь его Елена (она была замужем за великим литовским князем Александром Казимировичем) «или кто другой спросит: “Как великий князь пожаловал сына своего Василия великим княжеством?” — то послам отвечать: “Пожаловал государь наш сына своего, учинил государем так: как сам он государь на государствах своих, так и сын его с ним на всех тех государствах государь”. Если же спросит: “А ведь прежде государь пожаловал великим княжеством внука своего; и он взял ли у внука великое княжество?” — то на это послы должны были отвечать: “Который сын отцу служит и норовит, того отец больше и жалует; а который сын родителям не служит и не норовит, того за что жаловать?” Если же дочь великого князя Елена спросит: “Где теперь внук и сноха?” — то послы должны отвечать: “Внук и сноха живут теперь у великого князя, так же как и прежде жили”. Посол, отправленный в Крым, должен был на те же вопросы отвечать так: “Внука своего государь наш было жаловал, а он стал государю нашему грубить; но ведь жалует всякий того, кто служит и норовит, а который грубит, того за что жаловать?”»⁴

Елена Волошанка находилась под стражей («за приставы») с апреля 1502 года по январь 1505 года, когда ее не стало. По соборному приговору в декабре 1504 года казнили еретиков — приверженцев «ереси жидовствующих». Между казнью еретиков и смертью Елены прошли, можно сказать, считанные дни, что вызывало у историков некоторые подозрения насчет обстоятельств ее кончины. Еще митрополит Макарий, говоря о казнях еретиков, замечал: «Чрез двадцать дней после первой казни (может быть, случайное совпадение) скончалась в темнице (18 января) и несчастная княгиня Елена».⁵ Фраза «быть может, случайное совпадение» выдает сомнение Макария в естественной смерти «несчастной княгини». Аналогичное сомнение проглядывает и в словах новейшего историка: «Огненное крещение еретиков

¹ Иоасафовская летопись. С. 144; ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. Стб. 367; ПСРЛ. Т. VIII. М., 2002. С. 242; ПСРЛ. Т. XII. М., 2000. С. 255.

² Иоасафовская летопись. С. 144; ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. Стб. 368; ПСРЛ. Т. VIII. С. 242; ПСРЛ. Т. XII. С. 255.

³ Соловьев С.М. Сочинения: В 18-ти книгах. Кн. III. С. 185.

⁴ Там же. С. 62.

⁵ Макарий (Булгаков). История русской церкви. Книга четвертая. Часть первая. М., 1996. С. 78.

(казнь.— И. Ф.) странным образом совпало с темной кончиной заточенной в темницы в 1502 году великой княгини Елены Стефановны... В день смерти Елены церковь праздновала память Афанасия александрийского — знаменитого борца с еретиками...».¹ Последняя деталь хотя и весьма красноречива, но нельзя проходить мимо летописного свидетельства, поднимающего завесу над тайной смерти великой княгини: «Преставися великаа княини Елена Волошенка Ивана Ивановича ноужною смертию в заточении».²

Итак, великая княгиня Елена Стефановна умерла «нужною» (насильственной)³ смертью, которой борцы с «ересью жидовствующих» придавали символический смысл и потому приурочили ее ко дню памяти Афанасия Александрийского — поборника чистоты христианской веры. Спустя четыре года, 14 февраля 1509 года, по сообщению Софийской II летописи, «преставися благоверный князь велики Дмитрей Иванович всея Руси в нужде и в турме, и положиша тело его в церкви Архангила Михаила на Москве возле отца его великого князя Ивана Ивановича».⁴ О кончине Дмитрия в «в нужи, тюрьме» сообщают и другие летописи.⁵ По-видимому, в заточении ему создали непоносимые условия, и он, не выдержав жестокости, скончался.⁶

Связь между казнью еретиков в конце декабря 1504 года и насильственной смертью (по существу, казнью) Елены-еретички в январе 1505 года у нас сомнений не вызывает.⁷ И эта связь говорит нам о том, что династический кризис, произошедший на Руси в конце XV — начале XVI века, есть результат политической интриги, сплетенной людьми, соединившимися под знаменами «ереси жидовствующих».⁸ Поразительно, но факт: группировку придворных, исповедующих новое вероучение, возглавила мать наследника великокняжеского стола, причем возглавила с ведома и при явном попустительстве верховного правителя — великого князя Ивана III.⁹ Но на этом не кончаются чудеса в нашем «царстве-государстве».

* * *

¹ Борисов Н.С. Иван III. С. 619.

² ПСРЛ. Т. XXIV. М., 2000. С. 215.

³ Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т.II. СПб., 1895. Стб. 476; Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. II. М., 1986. С. 446. См. также: Лурье Я.С. Новгородско-московская ересь конца XV — начала XVI в. // Казакова Н.А. и Лурье Я.С. Антифеодальные еретические движения... С. 220.

⁴ ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. Стб. 386.

⁵ ПСРЛ. Т. VIII. С. 250; ПСРЛ. Т. XIII. С. 11; Иоасафовская летопись. С. 155.

⁶ Смерть Дмитрия-внука не была, таким образом, загадочной, как это казалось Р.Ю.Випперу. — См.: Виппер Р.Ю. Иван Грозный. М., 1998. С. 116.

⁷ Р.Г.Скрынников, кажется, тоже склоняется к этой мысли: «Известия о расправе с еретиками и усердие тюремщиков ускорили кончину Елены Волошанки». — Скрынников Р.Г. Государство и церковь... С. 180.

⁸ См.: Скрынников Р.Г. Иван III. С. 255–262.

⁹ Об отношении Ивана III к еретикам речь пойдет ниже.

Как оказалось, к еретикам примыкал сам митрополит всея Руси Зосима. Правда, «вступил» он в ересь, будучи еще настоятелем Симонова монастыря. Зосиму «прельстили» бежавшие в Москву от преследований новгородские еретики, которые, по экспрессивной лексике Иосифа Волоцкого, «приобретше в помощь своя скверная жидовская веры от чернцев же некоего, не реку архимандрита, но съсквернителя, радуяшася калу блудному, именем Зосиму, яко же первого еретика Зосиму Черного, тако и сего окаанного Зосиму».¹ Затем, судя по всему, еретическим «образованием» Зосимы занимался протопоп Алексей, совращенный в «ересь жидовствующих» самим Схарией.

Принадлежность к «ереси жидовствующих» обеспечила Зосиме головокружительную карьеру. Случилось так, что в мае 1489 года умер митрополит Геронтий. Великий князь «очень медлил с избранием нового митрополита».² Больше года митрополичья кафедра оставалась свободной — случай, по верному замечанию Ю.Г.Алексеева, беспрецедентный.³ Для некоторых историков данный факт был необъяснимой загадкой. Е.Е.Голубинский писал: «После очень продолжительного медления, которое, вероятно, было не без какого-либо значения, но в объяснение которого мы ничего не можем сказать, 26 сентября 1490-го года был поставлен в митрополиты архимандрит Симоновский Зосима, тайный последователь нашей ереси».⁴ Правильное, как нам думается, объяснение нашел А.В.Карташев: «28.V.1489 г. скончался митрополит Геронтий. Почти через полтора только года (26.IX.1490 г.) был подыскан и поставлен ему преемник. Такую загадочную проволочку можно объяснить засилием при дворе великого князя еретической интриги. И это оправдывается появлением на митрополичьем троне личности, удобной еретикам. То был архимандрит Симонова монастыря, Зосима, бывший чиновник великокняжеской канцелярии по фамилии Бородатых».⁵ Следовательно, при замещении митрополичьего стола «сторона еретиков получила верх; митрополитом назначен был тайный соумышленник их, симоновский архимандрит Зосима».⁶

Согласно рассказу Иосифа Волоцкого, хлопотал о Зосиме перед Иваном III смертельно больной протопоп Алексей, который будто бы «своим волхвованием [колдовством] подойде дръжавного, да поставит на великом престоле святительском скверного съсуда сатанина, его онъ напои яда жидовс-

¹ Источники по истории еретических движений XIV — нач. XVI в. // Казакова Н.А. и Лурье Я.С. Антифеодалные еретические движения... С. 471, 481.

² Борисов Н.С. Русская церковь в политической борьбе XIV—XV веков. М., 1986. С. 176.

³ Алексеев Ю.Г. Государь всея Руси. С. 167.

⁴ Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. II. Первая половина тома. С. 566–567. В другом месте своей книги Е.Е.Голубинский пишет: «Мы обращали внимание на то, что он — Зосима поставлен был на место Геронтия после очень продолжительного медления, вместе с тем замечали, что причины этого медления остаются для нас неясными». — Там же. С. 608.

⁵ Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. Т. I. С. 494.

⁶ Соловьев С.М. Сочинения: В 18-ти книгах. Кн. III. С. 182.

каго, Зосиму глаголю сквернаго».¹ Е.Е.Голубинский, осмысливая это сообщение преподобного, замечал: «По уверениям преп. Иосифа Волоколамского... его (Зосиму. – *И.Ф.*) поставил в митрополиты вел. кн. Иван Васильевич, быв “подойден” протопопом Алексеем. Если уверение справедливо, то нужно будет понимать дело так, что великий князь назначил его своею собственною властью или без соборного избрания епископов, или же, – что вероятнее, при совершении ими избрания только формальным образом. А если это так, то наш случай поставления митрополита будет первым случаем, при котором вместо избрания, хотя и не совсем независимого, имело место уже настоящее (по существу) назначение».²

Соборное избрание Зосимы засвидетельствовано летописцами.³ Но то было (и здесь надо согласиться с Е.Е.Голубинским) формальное избрание, ибо «выбор пал на того, кого указал великий князь».⁴ Во избежание возможных неожиданностей к выборам митрополита не был допущен новгородский архиепископ Геннадий⁵ – второе лицо в иерархии русской православной церкви. Надо думать, Зосима имел прямое отношение к этой акции. Фиктивности выборов, вероятно, и объясняется тот факт, что некоторые летописи вовсе не упоминают об избрании нового митрополита епископским собором. Например, в Софийской летописи сохранилась следующая запись: «Возведен бысть на двор митрополичь архимандрит симановской Зосима месяца сентебря въ 2, а поставлен на митрополию того же месяца въ 26, в неделю».⁶

Подобный стиль отношений Ивана III с представителями духовной власти, по всей видимости, одобрялся еретиками и, быть может, внушался ими великому князю. Оно и понятно, поскольку, чтобы утвердить «ересь жидовствующих» и сделать ее государственной религией, необходима была сильная, а по особенностям времени – деспотическая власть. А для того, чтобы сменить христианскую веру и разрушить православную церковь,⁷ надо было

¹ *Источники...* С.472. По мнению А.А.Зими́на, данное «сведение весьма темное: к октябрю 1490 г. Алексей умер, а Зосима стал митрополитом в сентябре того же года» (*Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий...* С. 287, прим. 44). Непонятно, почему это сведение «весьма темное». Ведь на митрополичий двор Зосима был введен 2-го (по другим сообщениям – 12-го) сентября 1490 года. Значит, до начала сентября Иван III должен был уже согласиться с кандидатурой Зосимы. Следовательно, протопоп Алексей «подойде державного» не позже августа названного года, т.е., как минимум, за месяц или полтора месяца до своей смерти. Похоже, А.А.Зимин сам затемнил ситуацию.

² *Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. II. Первая половина тома. С. 608.*

³ См.: ПСРЛ. Т. VIII. С. 219–220; ПСРЛ. Т. XII. С. 223–224.

⁴ *Иловайский Д.И. История России. Собиратели Руси. С. 459.*

⁵ *Скрынников Р.Г. Государство и церковь на Руси... С. 141.*

⁶ ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. Стб. 328. См. также: ПСРЛ. Т. XXIV. С. 207; ПСРЛ. Т. XXV. М.; Л., 1949. С. 331; Иоасафовская летопись. С. 129.

⁷ Напомним, что С.М.Соловьев усматривал в ереси явление, «которое грозило русской церкви большой опасностью». – *Соловьев С.М. Сочинения...* Кн. III. С. 179.

поставить светскую власть над духовной властью и сделать первую властвующей над второй. Необходимо отметить, что «важнейшие памятники идеологии Русского централизованного государства возникли в период усиления еретических движений на Руси и были в той или иной степени связаны с деятельностью московского еретического кружка. Декларация 1488 г. об «изначальном» суверенитете русского государя была провозглашена Курицыным: «Изложение пасхалии» было составлено митрополитом Зосимой, которого противники ереси считали «скверным еретиком»; шапкой Мономаха был увенчан не сын «цареградской царевны» Софии Палеолог, а сын еретички Елены Стефановны». ² В своем «Изложении пасхалии» митрополит Зосима выступает как «провозвестник нарождавшегося самодержавия». ³

Мы, разумеется, не хотим сказать, что заслуга создания самодержавия Руси всецело принадлежит людям, исповедовавшим «ересь жидовствующую». Формирование самодержавной власти в России имело свои внутренние и внешние причины. Но в том, что эти люди, умевшие пристраиваться к эволюции государственной власти на Руси, приложили немало сил к тому, чтобы «процесс пошел», у нас нет ни малейших сомнений.

Новоиспеченный митрополит-еретик сразу перешел в атаку на обличителей ереси. Он потребовал от новгородского архиепископа Геннадия повторного исповедания, продемонстрировав тем самым публичное недоверие к нему. ⁴ Свое требование Зосима сопровождал, по всей видимости, намеками на связь новгородского владыки с Литвой, что ставило Геннадия в весьма щекотливое положение, поскольку мог возникнуть вопрос о степени его преданности православию. ⁵ Митрополит бил архиепископа его же оружием, демонстрируя умение сваливать, как говорится, с больной головы на здоровую.

Геннадий отвечал Зосиме с достоинством человека, отстаивающего правое дело: «А что ми, господине, велишь писати исповедание: ино, господи-н, исповедание есми положил отцу своему Геронтию митрополиту да и все-му божественному собору, архиепископу и епископом; да то исповедание у нас в казне. А как есми исповедался пред Богом и пред избранными аггелы, так в том исповедании стою и топерво неподвижно. Ниже к Литвы посылаю

¹ Лурье Я.С. Идеологическая борьба... С. 391–392.

² Скрынников Р.Г. Иван III. С. 220.

³ «Зосима, — говорит Р.Г.Скрынников, — начал с крайне недружественного жеста в отношении Геннадия. Он потребовал от него «исповедания», что обидело последнего» (Скрынников Р.Г. 1. Государство и церковь на Руси... С. 142; 2. Иван III. С. 176.). Здесь у автора неточность: Зосима потребовал от Геннадия не «исповедание», которое тот уже однажды давал митрополиту Геронтию, а вторичное «исповедание» непосредственно ему.

⁴ «Зосима потребовал от Геннадия, — пишет Я.С. Лурье, — нового «исповедания», в дополнение к уже данному им Геронтию; Геннадий законно увидел в этом признак недоверия к себе. До сих пор вторичное исповедание требовалось от новгородского и тверского владык в тех случаях, когда их подозревали в сношении с литовским униатским митрополитом...». — Лурье Я.С. Новгородско-московская ересь... С. 113.

грамоты, ни из Литвы ко мне посылают грамот, ни паки литовские ставленники служат в моей архиепископии».¹

Митрополит Зосима защищал еретиков, помогал им, предоставлял кров,² спасал от смерти. Иосиф Волоцкий имел ясное представление о том, что это за личность. В послании суздальскому епископу Нифонту он с присущей ему выразительностью говорит: «Ведомо тебе, государю моему, нынешняя великая беда, постигшиа Рускую землю и все православное христьянство: во велицей убо церкви пречистыа Богородица, сияющей якоже второе солнце посреди всея Руския земля, и на престоле святем, идеже божествении святителие и чудотворци Петр и Алексей и инии мнозии велиции и православнии святителие посажени быша, на том же престоле ныне сидит скверный злобесный волк, оболкийся в пастырскую одежду, иже чином святитель, а произволением Июда предатель и причастник бесом, иже оскверни и святительский великий престол, овех убо жидовству учя, инех же содомскими сквернами скверня, змий пагубный, мръзости запустение на месте святом, отступник Христов...».³

Воссев на святительском столе, Зосима, как и следовало ожидать, постарался «спустить на тормозах» дело еретиков, возбужденное Геннадием. Осенью 1490 года состоялся собор, созданный с целью суда над еретиками. Летописец повествует: «Октября въ 17 повелением великого князя Ивана Васильевича всея Руси архиепископ Тихон Ростовский, епископ Нифонт Суздальский, Семион Рязаньский, Васиан Тверьский, Прохор Сарьский, Филофеи Пермьский, архимандрити и игумени и весь священнии собор Руския митрополия, собороваша на Захариа черныца и на Новгородского протопопу Гаврила и на Деониса попа Архагельскаго и на Максима попа Иоановьского и на Василья попа Покровьского и на Макара дьякона Никольского и на Гридю дьяка Борисоглебского и на Васюка зятя Денисьева и на Самуху дьяка Никольского. И митрополит Зосима и епископи и весь священнии собор, обыскав их ереси по архиепископовым по Генадьевым подлинным списком, еже присылал къ Геронтию митрополиту, и от святыя церкви отлучиша, а в заточенье их розослаша».⁴

Ко времени соборного разбирательства архиепископ Геннадий уже знал о причастности к «ереси жидовствующих» группы москвичей, среди которых были весьма значительные лица, такие как, например, Федор Курицын, о чем новгородский владыка оповестил митрополита и участников собора.⁵

¹ Источники... С. 375. Я.С.Лурье, оценивая приведенные сведения, замечал: «Самый факт вражды между митрополитом и “обличителями ереси” несомненен. Первым проявлением этой вражды можно считать... столкновение митрополита с Геннадием в 1490 г. в связи с требованием вторичного исповедания новгородского владыки». — Лурье Я.С. Новгородско-московская ересь... С. 152.

² После смерти протопопу Алексея Зосима приютил на митрополичьем дворе его детей и зятя Ивашку Максимова — сына еретика Максима. — Скрынников Р.Г. Святители и власти. С. 115–116.

³ Источники... С. 428.

⁴ ПСРЛ. Т. XXV. С. 331–332.

⁵ Источники... С. 377, 381.

Но должной реакции со стороны митрополита и князей церкви не последовало: к суду собора были привлечены далеко не все лица, которых обличал Геннадий в своих посланиях.¹ Правда, отцы церкви совершили достойный похвалы поступок, с позором изгнав из храма еретика Дениса. Было это накануне собора, когда «снидошася архиепископ и епископы в святую великую соборную церковь на Москве, в храм великаго архангела Михаила и вьсхотеша служити святую службу ради душам помяновения благородных великий князей и великих княгын и всего их рода благочестивых, и ту в храме обретеса поп Денис новгородець, стояше в ризах, хотя с ними вместе служить. И реша ему от всех епископов слово поносно, ркущи ему: “Изыди, человеце, из олтара, недостоин еси соборне служити с святыми епископы: пришли на вас речи недобры еще при Геронтии митрополите всея Руси, а и не на одного тебе, да и списки дел ваших и грамоты от Геннадия архиепископа Новгородскаго пришли на вас”. Он же, оправдая себе, да на Геннадия архиепископа Новгородскаго туто же речи хулныя глаголаше. И тако изгнаша его».²

Как видно из приведенной записи, митрополит Зосима в акции епископов не участвовал,³ и это — тоже характерная деталь. Но он не мог скрыть от общества сам факт изгнания Дениса из церкви, о чем и поведал в своем «поучении всему православному христианству». Не имел он достаточных средств, чтобы помочь еретикам избежать наказания. Но ему удалось отклонить осуждение их на смертную казнь,⁴ заменив ее извержением «священников из сану», отлучением «всех вкупе» от церкви и заключением некоторых в темницу. В числе последних оказался поп Денис, которого «поточиша в Галич». Он не перенес такого потрясения, помутился рассудком, заблеял козлом, а также «гласы зверьскими и скотии и всякия птиць и гадов, и тако зле изверже скверную и еретическую свою душу».⁵

Некоторых еретиков отправили в Новгород к архиепископу Геннадию. Владыка устроил им такую экзекуцию: на подъезде к Новгороду он повелел еретиков «всажати на коня в седла ючные, и одежда их повеле обращати пере-

¹ Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI века. М.; Л., 1960. С. 140. «Еретики, — писал А. В. Карташев, — все-таки достигли того, что соборное осуждение не было радикальным. Геннадий требовал розыска и осуждения решительно всех еретиков. А великий князь приказал окончить дело только о тех новгородских еретиках, которые фигурировали в розыске Геннадия. К ним присоединили еще двух лиц, которых очевидно уже нельзя было укрыть» (Карташев А. В. Очерки по истории русской церкви. Т. I. С. 495). Свой приказ ограничить соборное разбирательство группой новгородцев великий князь, конечно, отдавал в согласии с митрополитом Зосимой, который не был заинтересован в преследовании еретиков, поскольку сам принадлежал к их кругу.

² Источники... С. 384.

³ См.: Скрынников Р. Г. Государство и церковь на Руси... С. 142.

⁴ См.: Иловайский Д. И. Истории России. Собиратели Руси. С. 460.

⁵ Источники... С. 473.

домъ назадъ [наизнанку] и хрептом [спиной] повеле обращати их к главам коньским, яко да зрят на запад в уготованный имъ огонь. А на главы их повеле възложити шлемы берестены остры, яко бесовьския, а еловци [кисти] мочалны, а венци соломены с сеном смешаны, а мишени [надписи] писаны на шлемех чернилом: “Се есть сатанино воинство!”. И повеле водити по граду и сретающимъ их повеле плевати на них и глаголати: “Се врази божии и христианьстии хулници!”. Потом же повеле пожещи шлемы, иже на главах их. Сиа сътвори добрый он пастырь, хотя устрашити нечестивыа и безбожныа еретики, и не токмо сим, но и прочим ужаса и страха исполнен позор, поне на сих зряще, уцеломудряются».¹

Собор 1490 года не искоренил ереси в Новгороде, а что касается ереси в Москве, то вообще обошел ее стороной. Вот почему нельзя согласиться с Я.С.Лурье, который говорит о разгроме новгородской ереси и новгородских еретиков в 1490 году.² Правда, исследователь в другой раз заявляет о том, что «люди, связанные с новгородским кружком, продолжали после 1490 г. действовать и в самом Новгороде, — недаром за московскими казнями последовали казни и в Новгороде».³ Но если деятельность новгородского еретического кружка продолжалась после 1490 года, то о каком разгроме еретиков в этом году может идти речь? Никакого разгрома ереси в Новгороде тогда не наблюдалось. Имели место преследования лишь отдельных еретиков, что никак не означало ликвидации самой ереси, которая продолжала существовать и даже набирала силу. Не было настоящей борьбы с ней в значительной мере потому, что глава русской церкви митрополит всея Руси Зосима являлся еретиком.

Отбросив всякую осторожность и уверовав в свою безнаказанность, он позволял себе при людях такие, например, высказывания: «А что то царство небесное? А что то второе пришествие? А что то воскресение мертвым? Ничего того несть, — умерл кто ин, то умер, по та места и был».⁴ Или: «Нет... второго пришествия Христова, нет... царства небесного святым! Умер.. ин, то умер, — по та места и был».⁵ Зосима, следовательно, отвергал основные положения христианства, относящиеся к вере во второе пришествие, воскресение умерших и вечную жизнь в загробном мире. По сути, то было отступничество от христианской веры.

Именно в отступничестве уличал митрополита Иосиф Волоцкий: «Отступник Христов, иже не точию сам отступи от Христа и диаволу прилепился, но инех учит отврещися Христа, первый отступник в светителях в нашей земли, антихристов предтеча, иже антихриста ждеть, свиньским живый, сын погибельный, иже сына божия попра, и пречистую Богородицу похули и вся свята уничижи, и икону господа нашего Иисуса Христа и пречистыа его матере и всех святых болваны нарицаа, и всяко нечестие и претыкание и

¹ Там же. С. 472.

² Лурье Я.С. Идеологическая борьба... С. 135, 151.

³ Там же. С. 152.

⁴ Источники... С. 473

⁵ Там же. С. 428.

сблазн на непорочную христианскую веру полагает, и евангельская предания и апостольския уставы и всех святых писания отмеща».¹

Нельзя упустить главного, а именно того, что Зосима, напившись «яда жидовскаго», вскормленный «ядомъ жидовскимъ», учил людей «жидовству», отвращая их от Христа.²

Иосиф, как видим, изображает фронтальное отступничество Зосимы от христианства. И вряд ли он наговаривал на митрополита, поскольку своими обличениями делился не с далекими потомками, а с современником, епископом суздальским Нифонтом, который, конечно же, знал многое о Зосиме и уж, во всяком случае, имел возможность проверить справедливость слов волоколамского игумена. Да и сам, надо полагать, Иосиф не стал бы возводить на митрополита напраслину, понимая тяжесть последствий за клевету на главу русской церкви. Безрассудство и легкомысленность ему отнюдь не свойственны. И если он выдвигал столь серьезные обвинения в адрес высшего церковного иерарха, то располагал для этого вескими основаниями. Недаром Зосима возглавил список анафематствования «новым еретикам», обнаруженный исследователями.³

Отступник Зосима не долго занимал митрополичий стол.⁴ В мае 1494 года его заставили покинуть митрополию: «Тое же весны маиа 17 митрополит Зосима остави митрополию не своею волею, но непомерно питья дръжашеся и о церкви божиеи не радяше. И тако сниде в келию на Симоново и оттоле къ Троици въ Сергеев монастырь».⁵ Падение митрополита-еретика

¹ Там же. В «Сказании о новоявившейся ереси» Иосиф Волоцкий приводит некоторые иные детали антихристианских поступков Зосимы: «Господа нашего Иисуса Христа истинного бога похулив, и глаголаше, яко Христос сам себе нарек богом, тако же и на пречистую богородицу многие хулы глаголаше, и божественныя животворящиа кресты в скверных местех полагаа, и святыа иконы огнем жгы и больваны нарицаа...» (Источники... С. 473). Можно, впрочем, заподозрить Иосифа в том, что он намеренно приписал Зосиме засвидетельствованные Геннадием издевательства, которым подвергали христианские святыни новгородские еретики. Но нам это кажется неубедительным.

² Источники... С. 428, 473.

³ См.: Алексеев А. И. Под знаком конца времен. Очерки русской религиозности конца XV — начала XVI вв. СПб., 2002. С. 207, 221 (прим. 173).

⁴ Некоторые новейшие исследователи отрицают принадлежность митрополита Зосимы к «ереси жидовствующих». Основанием для них служит найденный недавно рукописный сборник Зосимы, составленный им в связи с еретическим движением конца XV века (Григоренко А. Духовные искания на Руси конца XV в. СПб., 1999. С. 69). В сборнике имеются антииудейские статьи, что служит этим исследователям основанием для сомнений насчет еретичества Зосимы (Алексеев А. И. Под знаком конца времен... С. 209). Но нам известна из рассказов Геннадия и Иосифа хитрая тактика еретиков, характеризующаяся показным благочестием. Внешне (в поведении, высказываниях) они старались выглядеть правочерными христианами, тогда как внутри являлись заклятыми врагами христианства. Вот почему не следует доверчиво воспринимать их писания.

⁵ ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. Стб. 341; ПСРЛ. Т. VIII. С. 228; ПСРЛ. Т. XII. С. 238.

ускорило, вероятно, то, что он начал открыто преследовать православных.¹ «Зосима, — пишет Н.М.Карамзин, — удалил от церкви многих Священников и Дияконов, которые отличались усердием к православию и ненавистью к Жидовскому расколу».²

Будучи митрополитом, Зосима вел себя, как сказал бы В.О.Ключевский, не назидательно. Помимо пьянства, он предавался чревоугодию, а также увлекался мужеложством, или, как ныне элегантно говорят, — однополой любовью. Эти пороки послужили поводом для принудительного смещения Зосимы с митрополичьего стола. Настоящей же причиной явилась его причастность к «ереси жидовствующих», вызвавшая волну протеста отцов православной русской церкви, с чем великий князь не мог не считаться. А.В. Карташев пишет: «Когда было обнаружено его (Зосимы. — И.Ф.) еретичество, защитники православия повели против него настойчивую борьбу. Как нравственная личность, митрополит Зосима не выдерживал канонической критики, и его легко можно было столкнуть с высокого поста. Зосима был поклонник Вакха и очень распространенного тогда в Московской Руси содомского греха. Хотя великий князь в то время и был в мире с еретической партией, но должен был согласиться на удаление Зосимы с кафедры...».³

Надо сказать, что высшие иерархи постарались придать уходу Зосимы внешне добропорядочный вид. Из Повольной грамоты новгородского архиепископа Геннадия на поставление нового митрополита узнаем, что они распространяли версию, согласно которой «отец Зосима митрополит, своя ради немощи, оставил стол руския митрополия и, пришед въ святую великую соборную церковь, пред всеми омфор свой на престол положил, и свидетеля на то Господа Бога нарицаю, яко невозможно ему к тому святительская действовать, ни митрополитом нарицатися, и отойде в монастырь в смиренное иноческое жителство».⁴

Примечателен и момент «отставки» Зосимы. Наблюдательный А.А.Зимин подметил, что Зосиму удалили с митрополичьей кафедры во время поездки Федора Курицына в Литву для оформления мирного договора.⁵ Воспользовавшись отсутствием в Москве могущественного дьяка, связанного «ересью жидовствующих» с митрополитом Зосимой, высшие церковные иерархи свели последнего с престола.⁶ Случилось это, как мы знаем, 17 мая 1494 года. А 25 мая вернулся домой из дипломатической поездки Курицын.

¹ Макарий (Булгаков). История русской церкви. Книга четвертая. Часть первая. М., 1996. С. 487, прим. 152.

² Карамзин Н.М. История Государства Российского: В 12-ти томах. М., 1998. Т. VI. С. 122.

³ Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. Т. I. С. 387.

⁴ РИБ. Т. VI. СПб., 1880. Стб. 834–835.

⁵ Зимин А.А. 1) Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV–XVI в.). М., 1977. С. 63; 2) Россия на рубеже XV–XVI столетий... С. 224–225. См. также: Лурье Я.С. Русские современники Возрождения. Л., 1988. С. 128.

⁶ См.: Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий... С. 225.

Продержись Зосима еще неделю с малым, дождись он дьяка, которого великий князь «во всем послушаша», ему, скорее всего, удалось бы сохранить за собой место митрополита. Но дело сделано, и вернуться к прежнему положению было уже невозможно, несмотря на то, что Зосима упорно цеплялся за сан митрополита. 9 февраля 1495 года его, наконец, лишили сана и отослали в Троице-Сергиев монастырь.¹ Но и тут он не уgomонился. Два года спустя, по рассказу летописца, низложенный Зосима «причащался божественных тайн... въ всем святительском чину»,² т.е. «демонстративно нарядившись в полное святительское облачение».³ При этом летописец, вопреки действительности, именует Зосиму митрополитом.⁴ Данный факт, как и причащение Зосимы «въ всем святительском чину», говорит о наличии у него доброхотов, причем даже в знаменитой обители — Троице-Сергиевом монастыре. Еще больше сторонников у Зосимы было в Москве. Они старались сохранить преемственность и ввести на митрополичий двор своего человека. Насколько упорной оказалась борьба за место митрополита, видно из того, что она продолжалась год и три с лишним месяца.⁵ Выборы нового митрополита, следовательно, опять затянулись.

* * *

Е.Е.Голубинскому медленность поставления нового митрополита на место Зосимы была столь же не ясна, как и «медленность поставления этого последнего на место Геронтия».⁶ Думается, многое станет понятным, если учесть жаркие споры и ожесточенную борьбу вокруг кандидатов в митрополиты. В конце концов, выбор пал на Симона Чижя, игумена Троице-Сергиева монастыря, которого в сентябре 1495 года «нарекли и поставили» митрополитом всея Руси. То был человек, склонный, по словам А.А.Зими́на, «к компромиссам (судя по дальнейшей его деятельности), он не принимал ак-

¹ См.: Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей. СПб., 1877.

² ПСРЛ. Т. XV. СПб., 1863. Стб. 503.

³ Лурье Я.С. Идеологическая борьба... С. 153. Причащение Зосимы «во всем святительском чину» свидетельствует, по идее Я.С. Лурье, о том, что отставленный митрополит сохранил за собой «какие-то права» (Лурье Я.С. Две истории Руси XV века: Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб., 1994. С. 213). О каких правах идет речь, исследователь не уточняет, что, конечно, не случайно, поскольку установить эти права нет никакой возможности. Их, по всей видимости, и не было у «разжалованного» Зосимы. Данный случай, на наш взгляд, говорит лишь о том, что бывшего митрополита сильно задело принудительное смещение с кафедры, почему он, несогласный с этим смещением, и позволял себе впоследствии выходки, облачаясь «во всем святительском чину».

⁴ ПСРЛ. Т. XV. Стб. 503.

⁵ Макарий (Булгаков). История русской церкви. Книга четвертая. Часть первая. С. 68.

⁶ Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. II. Первая половина тома. С. 610.

тивного участия во внутрицерковной борьбе. Ревнителей православия это устроить не могло». ¹ И они не спешили с его избранием, хотя Иван III отдавал ему явное предпочтение. Еще в январе 1495 года Симон присутствует в Москве в качестве старшего среди духовенства, тогда как формально он не был таковым. ² Ему Иван Васильевич поручает благословить свою дочь Елену, отъезжающую в Литву замуж за великого князя Александра Казимировича: «Отпустил князь велики Иван Васильевич дщерь свою княжну Елену за великого князя Александра Литовского. А благословил княжну Елену ис Пречистые Симон, игумен троецкой, понеже не бысть тогда митрополита». ³ Отсюда ясно, что Иван III сделал свой выбор еще в январе 1495 года, т.е. за восемь месяцев до состоявшегося в сентябре того же года избрания митрополита. Объяснить столь длительную восьмимесячную задержку можно лишь несогласием высших иерархов русской церкви с кандидатурой Симона, который, наконец, был избран ими, но, как сказала бы чеховская героиня, «без всякого удовольствия», о чем, на наш взгляд, свидетельствует отсутствие отцов церкви на торжественном обеде по случаю введения троцкого игумена на митрополичий двор. ⁴ Не случайно, по-видимому, летописец счел необходимым упомянуть об этом инциденте: «И став князь великий с нареченным митрополитом и со владыками, и со архимандриты перед митрополитским местом, и сотворили трепари и достойно, и поведош его на митрополич двор. Князь великий проводи его во церкви до западных дверей и в дверех предаст его владыкам. Они же возведоша его на двор в полату от сторожни и посадиша его, и благословишася от него, и прочь отъидоша. У митрополита же тогда не обеда ни один владыка, а обедали у него старцы Троицкие Сергеева монастыря: Сава, Веньямин Плещеев, келарь Васьян Ковезин, Филип Износок, Фегнаст Дубенской да его бояре и дети боярские». ⁵ Впрочем, до непримиримого скандала дело не дошло, и уже после следующей церемонии, связанной с обрядом поставления Симона в сан митрополита, на обеде у него были «все владыкы». ⁶

Похоже, что кандидатура Симона являлась хотя и компромиссной, но менее приемлемой для противников «ереси жидовствующих», чем для ее сторонников. Защитники православия добились лишь того, что в сан митрополита был возведен духовный деятель, не являвшийся еретиком или покровителем ереси. Но вместе с тем они не обрели в лице Симона страстного и неколебимого борца за чистоту православной веры. Он был более пассивен, нежели активен, более послушен, нежели самостоятелен, и, следовательно, не внушал серьезной опасности «жидовствующим», позиции которых крепили вплоть до конца 90-х годов, причем не без помощи великокняжеской власти.

¹ Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий... С. 225.

² Голубинский Е.Е. История русской церкви... С. 610 (прим. 3).

³ ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. Стб. 343; ПСРЛ. Т. XII. С. 239.

⁴ Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий... С. 225. Ср.: Карамзин Н.М. История Государства Российского. Т. VI. С. 123.

⁵ ПСРЛ. Т. 26. Вологодско-Пермская летопись. М.; Л., 1959. С. 289.

⁶ Там же.

Следует заметить, что от религиозной смуты на Руси конца XV — начала XVI века в выигрыше оказалась лишь одна сторона — власть великого князя московского. Обе враждующие группы ревнителей православия и еретиков равно нуждались в поддержке великого князя и потому были заинтересованы в усилении его власти, поскольку только сильная, применительно к тому времени неограниченная самодержавная власть могла либо защитить православную веру, либо подавить ее «новоявившейся ересью». Обряд и чин поставления Симона на митрополию показывает, насколько далеко продвинулся великий князь на пути к абсолютной власти.¹

В центре церемонии избрания архипастыря не столько претендент на митрополичий стол, сколько великий князь. Мы узнаем, что Симон, нареченный епископами, ходил в великокняжеский дворец для представления государю.² Из дворца Иван III направился с ним в Успенский собор. После молений в соборе великий князь «взял будущего архипастыря за руку, и, выходя из церкви, в западных дверях предал Епископам, которые отвели его в дом митрополитов».³ И вот настал день поставления. По завершении обрядов наступил момент, когда митрополит должен был занять свое место в храме. И тут священнодействие прекратилось, песнопение смолкло, и установилась мертвая тишина, взоры всех обратились к великому князю, который, выступив вперед, сказал митрополиту: «Всемогущая и животворящая святая Троица, дарующая нам всея Руси государство, подает тебе сии престол святыи архиереиства, митрополию всеа Руси рукоположением и освящением святых отец архиепископов и епископов Русскаго царства, и жезл пастырства, отче, восприими, и на седалищи стариништва во имя Господа Иисуса Христа и пречистые его матери взыди и моли бога и пречистую его мать о нас и о наших детех, и о всем православии. И подасть ти Господь Бог здравие и долголетство в веки века». Ответ митрополита был таков: «Всемогущая и вседръжащая десница вышняго, да сохранит Бог поставленное твое царство, самодръжавныи государю и владыко, мирно да будет и многолетное твое государство и победительно со всем повинующимся тебе христолюбивым воинством и с прочими народы. Да пребывает в веки и в век века во вся дни живота твоего здрав, здрав, здрав, добротворен, животоносен, владыко самодръжец, многолетен».⁴

Анализ упомянутых летописных текстов убедил Е.Е.Голубинского в том, что «на подробности, сообщаемые летописцами, с весьма большою вероятностью должно смотреть, как на нововведение против предшествующего времени, чего прежде не было».⁵ Это нововведение, по мнению церковного историка, скопировано с византийских образцов: «Иван Васильевич хотел придать чину поставления митрополитов тот вид, как в Константинополе

¹ См.: Фроянов И.Я. Начала русской истории. Избранное. М., 2001. С. 908–919.

² Голубинский Е.Е. История русской церкви... С. 610–611.

³ Карамзин Н.М. История Государства Российского. Т. VI. С. 123.

⁴ ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. Стб. 345; ПСРЛ. Т. VIII. С. 230; ПСРЛ. Т. XII. С. 241.

⁵ Голубинский Е.Е. История русской церкви... С. 611.

совершалось поставление патриархов». ¹ Но «когда великий князь передал будущего митрополита епископам и когда он говорил посвященному митрополиту, что “всемогущая и животворящая святая Троица, дарующая нам всея Руси государство, подает тебе сии святыи и велики престол”: то здесь уже и не одна обрядность царская, а весьма важная новость существенная – показание и заявление царских прав государя по отношению к митрополиту...». ²

Подмеченное Е.Е.Голубинским «заявление царских прав государя по отношению митрополиту» не вполне соответствует принятой в Византии «симфонии священства и царства», которая «заключала в себе идею тесного союза и полного согласия между властями и в то же время предполагала для них определенную независимость». ³ В этих условиях «императорская и патриаршая власть взаимодополняли друг друга, их функции нередко смешивались». ⁴ То было правило. Но в жизни, конечно, имели место исключения, когда «царство» посягало на права «священства». Полагаем, что отношения между церковной и великокняжеской властью на Руси конца XV – начала XVI века попадали под исключение.

Иван III явно ставил себя выше митрополита. Поэтому Симон, которого епископы нарекли митрополитом, идет во дворец великого князя, чтобы представиться ему, поэтому великий князь, ведя за руку нареченного, передает его епископам, а затем вручает новому митрополиту пастырский жезл и велит ему воссесть на «седалище старейшинства». Весьма красноречиво и обращение митрополита к великому князю: «самодержавный государь и владыко», «владыко самодержец». Оно со всей определенностью говорит о претензии государя не только на светскую, но и церковную власть. Это была уже не симфония, а, с позволения сказать, какофония «священства и царства», сквозь которую прорывались трубные звуки русского самодержавия. Последнее к исходу XV века обрело такую мощь, что могло легко управиться как с ревнителями православия, так и с приверженцами «ереси жидовствующих». Вот почему обе религиозные группы вели борьбу за влияние на великого князя. Поначалу здесь преуспели еретики.

* * *

Упоминание о покровительстве Ивана III еретикам стало общим местом в исторической литературе. Одни исследователи объясняют благоволение великого князя к «жидовствующим» тем, что государь видел в них своих союзников в борьбе с «воинствующей церковью», которая, опираясь на свое экономическое могущество, «претендовала на независимое от государствен-

¹ Там же. С. 612.

² Там же.

³ Лебедева Г.Е. К истории изучения «симфонии священства и царства»// Толерантность и агрессивность в истории и современности. Материалы круглого стола. Иваново, 2002. С. 38.

⁴ История Византии: В трех томах. Т. 2. М., 1967. С. 169.

ной власти положение».¹ Другие к этому добавляют общность позиций в вопросе о секуляризации церковно-монастырского землевладения. «Если новгородские еретики, — пишет Я.С.Лурье, — своей агитацией против церковных “стяжаний” облегчали Ивану III задачу ликвидации крупного церковного землевладения в Новгороде, то вожди московского кружка сознательно давали обоснование для дальнейших радикальных реформ в области феодально-церковного землевладения. Отсюда — тесная связь виднейших московских еретиков с великим князем. Связь эта не только не прервалась, но даже усилилась после разгрома новгородских вольнодумцев в 1490 г.». ²

Все это не вызывает возражений, но следует помнить о том, что и подчинение церкви государству и ликвидация крупного церковного землевладения упирались в конечном счете в проблему созидания самодержавной власти, способной смести на своем пути любые преграды. Еретики внесли заметную лепту в дело формирования самодержавия на Руси. При этом они, разумеется, преследовали собственную цель, состоящую в том, чтобы с помощью самодержавной власти превратить «ересь жидовствующих» в государственную религию и таким образом прервать начавшееся строительство Святой Руси. В распоряжении ученых есть факты, подтверждающие участие представителей «ереси жидовствующих» в создании самодержавия на Руси.

Взять, например, уже упоминавшееся выше «Изложение Пасхалии», написанное митрополитом-отступником Зосимой в связи с несбывшимися ожиданиями конца света в 1492 году. Здесь заключен настоящий апофеоз Ивану III, провозглашаемому «самодержцем» и уподобляемому византийскому императору Константину: «И ныне же, в последняя сиа лета, якоже и в перваа, прослави Бог сродника [св. князя Владимира], иже в православии просиавшаго, благовернаго и христолюбиваго великого князя Ивана Васильевича, государя и самодержца всея Руси, новаго царя Константина новому граду Костянтину — Москве, и всей русской земли и иным многим землям государя...».³ Так под пером сановного представителя ереси жидовствующих «зарождалась официальная теория о Москве как наследнице Византии».⁴ В своем сочинении Зосима проводил линию на укрепление власти московского правителя.⁵ А.А.Зимин дает верную в принципе оценку политическим расчетам еретиков: «Выступая против всеохватывающей власти церкви, за

¹ См., напр.: *Клибанов А.И.* Реформационные движения в России в XIV — первой половине XVI вв. М., 1960. С. 178.

² *Лурье Я.С.* Новгородско-московская ересь... С. 170. Или: «Еретики с их критикой церкви и ее склонности к “мзде” давали идейное обоснование секуляризации новгородских церковных земель... Отсюда и та легкость, с которой вожди ереси — Алексей и Денис — завязали дружеские отношения с Иваном III». — Там же. С. 127.

³ РИБ. Т. VI. Стб. 798–799. См. также: *Дьяконов М.* Очерки общественного и государственного строя древней Руси. СПб., 1912. С. 389; *Лурье Я.С.* Идеологическая борьба... С. 379; *Зимин А.А.* Россия на рубеже XV–XVI столетий... С. 219; *Алексеев А.И.* Под знаком конца времен... С. 207.

⁴ *Зимин А.А.* Россия на рубеже XV–XVI столетий... С. 219.

⁵ Там же. С. 220.

освобождение мысли от господства богословия, московские вольнодумцы могли рассчитывать на какой-то успех, только опираясь на власть государя всей Руси. Именно поэтому они уже с 80-х годов XV в. последовательно проводят линию на укрепление идеологических основ великокняжеской власти».¹

Не остался в стороне от самодержавного строительства и другой видный приверженец «ереси жидовствующих» – дьяк Федор Курицын. В 1488 году он «от имени Ивана III зачитал имперскому послу декларацию (скорее всего им самим и составленную), где, в частности, говорилось: “Мы божию милостию государи на своей земли изначала от бога”. В этих словах четко сформулирована идея полного политического суверенитета Русского государства».² Похвальную оценку этой акции Федора Курицына дал Ю.Г.Алексеев: «Фундаментальный принцип политического суверенитета великой Российской державы, сформулированный Иваном III, был провозглашен устами Федора Васильевича Курицына. Одно это обеспечивает дьяку Курицыну достойное место в ряду выдающихся деятелей нашего отечества».³ Безусловно, утверждение идеи международного суверенитета Руси являлось огромным достижением русской государственности. Оно свидетельствовало о возросшей самодержавной власти московского государя и вместе с тем способствовало ее дальнейшему усилению. С этой точки зрения демарш Курицына заслуживает всяческих похвал. Но историк не может довольствоваться лишь внешней стороной поведения исторического деятеля. Он должен, насколько это возможно, выявить внутренние мотивы и побуждения его действий. И здесь, на наш взгляд, следует признать, что не самодержавная власть московского государя, обеспечивающая политический суверенитет великой Российской державы, мощь и процветание Святой Руси, была предметом забот Федора Курицына. Он смотрел на самодержавие с прикладной точки зрения как на орудие борьбы с православием и русской православной церковью. И поэтому способствовал усилению власти Ивана III как политическими, так и идеологическими средствами. К числу последних необходимо отнести «Повесть о Дракуле», написанную, по догадке ученых, Федором Курицыным⁴ с целью идейного обоснования «грозной власти московского правителя».⁵ Но

¹ Там же.

² Там же.

³ Алексеев Ю.Г. У кормила Российского государства: Очерк развития аппарата управления XIV–XV вв. СПб., 1998. С. 206.

⁴ В научной литературе высказывались также сомнения насчет Федора Курицына как автора «Повести о Дракуле». К числу скептиков принадлежал, например, А.Д.Седельников (см.: Седельников А.Д. Литературная история повести о Дракуле // Изв. по русскому языку и словесности АН СССР. Т. II. Кн. 2. 1929. С. 637–638). А.Д.Седельникову возражал Л.В.Черепнин, для которого было «бесспорно одно: запись повести возникла в посольских кругах. Но ничего нет невероятного и в том, что дьяку Федору Курицыну принадлежала какая-то доля участия в ее составлении. Данные, приводимые Седельниковым, прямо этому не противоречат». – Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV–XV веков. Ч. 2. М., 1951. С. 312.

⁵ Ср.: Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV–XV веков. Ч. 2. С. 312.

и тут наш дьяк шел в направлении, заданном его западными собратьями, которые видели в такой власти «лишь средство для установления идеального общества; жестокая диктатура была в их глазах временным этапом, предшествующим будущей республике — царству справедливости».¹

Придворная группировка еретички Елены Волошанки, включая того же Курицына, имела, надо думать, отношение к разработке «Чина венчания Дмитрия-внука», где красной нитью проходит идея укрепления власти московского государя.² Сам факт венчания на царство, впервые введенный Иваном III,³ отражал, с одной стороны, новый характер власти великого князя как самодержавной, превосходящей власть прежних московских правителей,⁴ а с другой стороны, содержал стимул к дальнейшему развитию самодержавия на Руси.

Сторонники Дмитрия-внука, следовательно, являлись вместе с тем и сторонниками неограниченной самодержавной власти. А если учесть их принадлежность к «ереси жидовствующих», завезенной на Русь евреями из Литвы, то напрашивается вывод, который может кому-нибудь показаться весьма неожиданным: у истоков российского самодержавия, помимо русских национальных деятелей, стояли представители мирового еврейства если не непосредственно, то опосредованно через вождей «ереси жидовствующих». Цели, конечно, были разные: в одном случае построение с помощью самодержавия национального государства, а в другом — наднационального, послушного воле космополитических сил.

Мы знаем, что борьба с церковными традициями и высшим духовенством, стремление если не ликвидировать, то резко сократить земельные владения церкви и монастырей — вот почва, на которой сошлись проповедники «ереси жидовствующих» и великий князь Иван Васильевич. Однако нельзя забывать о других, не менее важных мотивах сближения Ивана III с еретиками. Мотивы эти из области религиозно-мировоззренческой, о чем уже писали некоторые историки. Речь идет о «неортодоксальной религиозности» великого князя.⁵ Согласно мнению А.И.Алексеева, в религиозном поведении государя «можно выделить две стороны: приверженность элементам традиционного религиозного мировоззрения и интерес к усвоению элементов вероучения иных конфессий».⁶ Присмотримся к этому интересу.

По словам Ю.Г.Алексеева, Иван III «был в достаточной мере “вольнодумцем”». Ведь он посягал на освященные веками устои церковной организации — на ее независимость от светской власти, на неприкосновенность церковных имуществ. И к святительскому сану он относился без должного почтения».⁷ В том же духе рассуждает и А.И.Клибанов: «Есть основания

¹ Повесть о Дракуле. С. 52.

² Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий... С. 220.

³ Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. СПб., 1907. С. 134; Борисов Н.С. Иван III. С. 613–614.

⁴ Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. С. 134.

⁵ См.: Алексеев А.И. Заметки о религиозности Ивана III. С. 187.

⁶ Там же. С. 199.

⁷ Алексеев Ю.Г. Государь всяя Руси. Новосибирск, 1991. С. 168.

полагать, что Иван III, исходивший в своих взаимоотношениях с лидерами еретиков из прямых политических расчетов, в то же время и сам отличался более свободным пониманием религиозных вопросов, чем современные ему руководители православной церкви. Он открыто вмешивался в дела церковного управления. Ему ничего не составляло предать публичной порке Чудовского архимандрита. Когда понадобилась реконструкция Кремля, Иван III, не задумываясь, распорядился вынести из Кремля церкви и кладбища.¹ Приведем, наконец, аттестацию Ивана III, данную Н.С.Борисовым: «По своим личным качествам Иван III как нельзя более подходил на роль могильщика политического суверенитета русской церкви. Человек сильной воли, большого ума и беспредельного честолюбия, московский князь был практически лишен всяких “сдерживающих центров” по отношению к религии и церковной иерархии. Выросший в обстановке льстивого коварства и затаенной злобы, среди ослеплений и отравлений, сын Василия Темного был убежден, что, вопреки евангельскому изречению, бог не в правде, но в силе, “Государь всея Руси” в равной мере готов был протянуть руку “римлянам”, и ограбившим православные киевские храмы “бесерменам”, и поклонявшимся “земле и небу” новгородским еретикам, и даже самому Сатане – хотя бы и не Вельзевулу, а лишь носившему это прозвище литовскому митрополиту».² Н.С.Борисов усматривает в поведении Ивана III «самобытный макиавеллизм» и «религиозный индифферентизм».³

На наш взгляд, есть основания говорить об элементах отступничества от христианства у великого князя. Показателен его нездоровый интерес к религиозным книгам псевдохристианского толка. Известно, например, что однажды Иван III заказал перевести для себя неканоническую псалтырь.⁴ По словам А.В.Карташева, «это не псалтирь, и не псалмы, а просто молитвы, в числе 74-х, более краткие по объему, чем псалмы, но подобные им по языку и построению, как и все иудейское и христианское богослужение. Целью этой псевдо-Псалтыри было отвлечение от Псалтыри канонической, в которой христианская мысль поражается яркими пророчествами о евангельском Христе».⁵ Неканоническая псалтырь, заказанная великим князем, представляла собой «перевод средневекового сборника еврейских псалмов “Махазор”».⁶ Видимо, по причине столь экстравагантных интересов Иван III оказался глух к словам Геннадия о том, что новгородские еретики правили христианские псалмы «по жидовскы».⁷

¹ КLIBАНОВ А.И. Реформационные движения... С. 193.

² БОРИСОВ Н.С. Русская церковь в политической борьбе XIV–XV веков. М., 1986. С. 162.

³ Там же.

⁴ ЛУРЬЕ Я.С. 1) Новгородско-московская ересь... С. 112; 2) Идеологическая борьба... С. 139.

⁵ КАРТАШЕВ А.В. Очерки по истории русской церкви. Т. I. С. 504.

⁶ ЛУРЬЕ Я.С. Новгородско-московская ересь... С. 84.

⁷ ЛУРЬЕ Я.С. 1) Новгородско-московская ересь... С. 85, 112; 2) Идеологическая борьба... С. 139.

На новгородцев наш герой производил тягостное впечатление человека, обнаружившего намерение «грубость чинити святей божией церкви».¹

В Москве князь Иван Васильевич проявлял аналогичную «грубость» в отношении православных церквей. Более того, в 1493 году «повелением великого князя церкви сносиша и з дворы за Неглимною».² В 1495 году великий князь повелел «сносить церкви и дворы за Москвою-рекою, и на местах, освободившихся от сноса строений, началось устройство большого сада».³ Подобная деятельность Ивана III вызывала у современников крайнее неприятие. В послании митрополиту Зосиме новгородский архиепископ Геннадий, не боясь того, что его высказывания станут известны великому князю, говорил: «А ныне беда сстала земскаа да нечесть государскаа великаа: церкви старые извечные выношены из города вон, да и монастыре старые извечные переставлены <...> Да еще паки сверх того и кости мертвых выношены на Дорогомилово: ино кости выносили, а телеса ведь туто остались, в персть розошлись; да на тех местах сад посажен <...> А господин наш отец Геронтий митрополит о том не воспретил: то он ведает, каков ответ за то дать Богу, а гробокопателем какова казнь. Писана, что будет въскресение мертвых, не велено их с места двигати, опроче тех великих святых, коих Бог прославил чудесы, до божиим повелением и аггелским явлением бывает пренесение мощем, на избавление людем и на утверждение и на почесть градовом. А что вынесши церкви, да и гробы мертвых, да на том месте сад посадити, а то какова нечесть учинена? От Бога грех, а от людей сором».⁴

По поводу этих слов новгородского архиепископа А.И. Клибанов замечал: «О нарушении великим князем норм ортодоксального православия свидетельствует отклик Геннадия, последовавший на действия великого князя. Геннадий расценил эти действия, как оскорбление православных святынь, как “нечестие”, как грех “гробокопательства”, как неверие в воскресение мертвых».⁵ А.И.Клибанов считает обоснованными упреки Геннадия в адрес Ивана III: «Нельзя не признать, что Геннадий имел право возмущаться великим князем. Разве вынос церквей и их перестановка не лили воду на мельницу еретиков, отрицавших святость храмов на том основании, “яко не подобает поклоняться иже от рук человеческих сътворенным вещем”. Разве нельзя было подозревать в качестве подтекста бесцеремонного обращения с прахом умерших образ мыслей, высказанный еретичествующим митрополитом Зосимой: “А что царство небесное? А что то второе пришествие? А что то воскресение мертвым? Ничего того несть — умерл кто ин, то умер, по та места и был”».⁶

Заинтересованные лица, находящиеся за пределами Руси, внимательно наблюдали за тем, что происходит в Москве, и, похоже, были очень доволь-

¹ Лурье Я.С. Новгородско-московская ересь... С. 127.

² ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. Стб. 338.

³ Лихачев Д.С. Культура русского народа X–XVII вв. М.; Л., 1961. С. 69.

⁴ Источники... С. 377.

⁵ Клибанов А.И. Реформационные движения... С. 193.

⁶ Там же. См. также: Алексеев А.И. Заметки о религиозности Ивана III. С. 190–191.

ны религиозными шатаниями русского государя. Архиепископ Геннадий в том же послании митрополиту Зосиме рассказывает, как однажды в Новгород «приехал жидовин новокрещеной, Данилом зовут, а ныне христианин, да мне сказывал за столом во все люди: понарядился, деи, есми из Кеева к Москве, ино ми, деи, почали жидове лаяти: “Събака, деи, ты ся куда нарядил? Князь, деи, великий на Москве церкви из града все выметал вон”; а сказывал то пред твоим сыном боярьским пред Вяткою: ино какво то безчестие и нечесть государьству учинена!»¹ Киевские евреи, следовательно, усматривали в деятельности московского великого князя нечто подобное религиозному перевороту, противопоставленному появлению христиан в Москве. Они, конечно, принимали желаемое за действительное и чересчур торопили события. Но их ожидания возникли не на пустом месте. Союз Ивана III с лидерами «ереси жидовствующих» обнадеживал: казалось, что вот-вот на Руси произойдет смена религиозных вех. Не исключено, что «жидовин Данила», прикрываясь крещением, появился на Руси со специальным заданием разведать, как идут дела у еретиков, и заодно проинспектировать их работу. Так побуждает думать причудливость маршрута Данилы, едущего из Киева в Москву через Новгород. Но если учесть, что наряду с Москвой средоточием ереси был и Новгород, то становится понятным дорожный крюк, проделанный Данилой: ему надо было посетить оба еретических центра на Руси.

В летописи находим эпизод, позволяющий лишний раз составить представление о религиозных воззрениях Ивана III. Воззрения эти едва ли можно считать ортодоксально-церковными по своей сути.² Случилось так, что брату великого князя Андрею Углицкому сообщили, будто Иван III хочет его «поимати», т.е. арестовать. Андрей решил сам спросить об этом Ивана, и «князь великий клялся ему небом и землею, и богосилным творцем всея твари, что ни в мысли у него того не бывало».³ Исследователи обратили внимание на необычность этой клятвы для христианина. Я.С.Лурье: «довольно странная клятва»; «странный клятвенный текст, не находящий соответствия в других памятниках и едва ли не еретический»; «сомнительная клятвенность».⁴ А.А.Зимин: «клятвенность довольно необычная для ортодоксального православного человека».⁵ А.И.Алексеев: «странный клятвенный текст».⁶

Чувствуя, вероятно, определенный соблазн, заключенный в клятве великого князя, отдельные благонамеренные историки видоизменяли ее формулу, чтобы сгладить остроту впечатления. Так, Н.М.Карамзин писал: «Андрей сам пришел к брату, и хотел знать вину свою. Великий Князь изумился:

¹ Источники... С. 377.

² См.: Лурье Я.С. Две истории Руси XV века. СПб., 1994. С. 214.

³ ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. Стб. 323; ПСРЛ. Т. VIII. С. 217; ПСРЛ. Т. XII. С. 220.

⁴ Лурье Я.С. 1) Новгородско-московская ересь... С. 111, 150, 206; 2) Идеологическая борьба... С. 143; 3) Две истории Руси... С. 214; 4) Русские современники Возрождения. С. 109.

⁵ Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий... С. 65.

⁶ Алексеев А.И. Заметки о религиозности Ивана III. С. 190.

ставил небо во свидетели, что не думал сделать ему ни малейшего зла».¹ Приводить в свидетели небо совсем не то, что клясться «небом и землею и богосильным творцем всея твари».

Клятва Ивана III выделяется своей исключительностью на фоне княжеских клятв XIV–XV веков. «Обычной формой присяги в древней Руси, — замечает Я.С. Лурье, — было целование креста; в более ответственных случаях употреблялась формула: “Не будет... милости божией и пречистой его матери и великих чудотворцев”... У Ивана III вместо Христа, богоматери и чудотворцев поминается только “бог сильный”, да еще земля и небо».²

Надо сказать, что Иван Васильевич не порвал с традиционной на Руси формой клятвы, которую приносил князьям, в том числе и Андрею Васильевичу Углицкому. В докончальной грамоте (сентябрь 1473 г.) этих двух потомков Калиты встречаем следующий клятвенный текст: «А на всем, господине и брате старейшии, князь велики Иван Васильевич, и с своим сыном, с великим князем Иваном, целуйте ко мне крест, к своему брату молотчому, ко князю ко Ондрею к Васильевичу по любви, в правду, без всякие хитрости».³ Другие докончальные грамоты великого князя Ивана Васильевича и Андрея Углицкого также упоминают целование креста с теми же условиями: по любви, в правду и без всякой хитрости.⁴

Идентичные формулировки клятвы применялись Иваном III в случаях докончаний и с другими удельными, помимо Андрея Углицкого, князьями.⁵ Этого требовал формуляр документов, сложившийся задолго до княжения Ивана Васильевича.

Таким образом, клятва Ивана III «небом и землей и Богом сильным» является исключением из правила, но весьма показательным, характеризующим религиозные предпочтения и запросы московского властителя. И тут надо отдать должное наблюдательности А.И.Клибанова, который по поводу Идановой клятвы замечал в развитие соображений Я.С.Лурье следующее: «Эта монотеистическая в духе Ветхого завета клятва, действительно, обращает на себя внимание, а тринитарные споры, особенно горячие в пору движения реформаторов, придают этой клятве полемическую остроту. Дополним наблюдения Я.С.Лурье. Клятва Ивана III *землей и небом и богом сильным* стоит в прямом противоречии с буквой и смыслом священного писания: “... не кленитесь ни небом, ни землею, ни иною коею клятвою...”».⁶

¹ Карамзин Н.М. История Государства Российского. Т. VI. С. 126.

² Лурье Я.С. 1) Новгородско-московская ересь... С. 150 (прим. 16); 2) Идеологическая борьба... С. 143 (прим. 228).

³ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.: Л. 1950. № 70. С. 236, 241, 246.

⁴ Там же. № 72. С. 257, 262, 268; № 82. С. 328.

⁵ Там же. № 67. С. 221; № 69. С. 229; № 73. С. 275; № 75. С. 283; № 76. С. 290; № 79. С. 300; № 81. С. 322; № 84. С. 341.

⁶ Клибанов А.И. Реформационные движения... С.193. См. также: Алексеев А.И. Заметки о религиозности Ивана III. С. 190.

А.И.Клибанов взял эти слова из Соборного послания св. апостола Иакова: *«Прежде всего, братия мои, не клянитесь ни небом, ни землею, и никакою другою клятвою; но да будет у вас "да, да" и "нет, нет", дабы вам не подпасть осуждению»* (Иак. 5:12). Но апостол Иаков повторяет здесь заповедь Христа из его Нагорной проповеди: *«А Я говорю вам: не клянись вовсе: ни небом, потому что оно престол Божий; ни землею, потому что она подножие ног Его... Но да будет слово ваше: "да, да", "нет, нет"; и что сверх того, то от лукавого»* (Матф. 5:34-35). Невозможно допустить, чтобы Ивану III, христианскому по воспитанию государю, не была известна Нагорная проповедь Иисуса Христа. Значит, он сознательно нарушил Христову заповедь, бросив Спасителю, по существу, вызов. К этому святотатству его, конечно же, побудила «ересь жидовствующих», которой великий князь если не был предан, то, во всяком случае, сочувствовал. И все же отступничество от заповедей Христовых есть отступничество от самого Христа. Впрочем, мы не хотим сказать, что князь Иван являлся полным отступником от христианства. Но то, что это был правитель с поврежденной христианской верой, для нас представляется очевидным.¹ Поврежденность эта произошла, несомненно, на почве «ереси жидовствующих», чем в значительной мере и обуславливалась поддержка великим князем ее приверженцев.

Ученики Схарии священники Алексей и Денис были одними из первых, кого «пригрел» Иван III. В 1480 году, сообщает Иосиф Волоцкий, «приде князь Великий Иван Васильевич в Великий Новгород, и тогда взят Алексея попа на Москву на протопопство к церкви Пречистыя Успения, и Дениса попа к архангелу Михаилу».² Новгородские еретики, следовательно, были посажены на очень престижные места в Кремле. По всей видимости, в столице у них были очень влиятельные ходатаи.³ Объяснять перевод Алексея и Дениса в Москву только тем, что они понравились великому князю, как это нередко говорится в исторических трудах, на наш взгляд, совершенно недо-

¹ Правоверие великого князя вызывало серьезные сомнения и у современников. — См.: Лурье Я.С. Русские современники Возрождения. С. 109–110.

² Источники... С. 471, 480. Р.Г. Скрынников отвергает дату, приводимую Иосифом. Историк пишет: «В "Просветителе" Иосифа Волоцкого сообщалось, будто Иван III приезжал в Новгород в 1480 г. и тогда же взял на Москву Алексея и Дениса. История "сращения" новгородцев, включавшая приведенную дату отъезда "еретиков" в Москву, не заслуживает доверия ввиду ее крайней тенденциозности» (Скрынников Р.Г. Государство и церковь на Руси XIV–XVI вв.: Подвижники русской церкви. Новосибирск, 1991. С. 132, прим.). Автор предполагает, что Алексей с Денисом «были выселены из Новгорода в Москву в ходе московских выселений 1487–1488 гг.» (Там же. С. 132). Факт приезда Ивана III в Новгород в 1480 году не подлежит сомнению, поскольку об этом приезде, помимо Иосифа, сообщают и летописи (см.: ПСРЛ. Т. VIII. С. 203; ПСРЛ. Т. XII. С. 197). Едва ли переезд Алексея и Дениса в Москву имел место во время выселений 1487–1488 гг., поскольку эти выселения были принудительными, даже репрессивными (Борисов Н.С. Иван III. С. 297–298), тогда как в случае с Алексеем и Денисом все выглядело иначе, в духе согласия.

³ Я.С.Лурье допускает наличие таковых среди приближенных Ивана III. — Лурье Я.С. Русские современники Возрождения. С. 101.

статочно. Возможно, эти ходатаи входили в круг тех «прелестников», которые в самый канун поездки великого князя в Новгород сеяли раздор между ним и митрополитом Геронтием.¹ В их поведении (они злобно «клеветаша на митрополита»²) проглядывает стремление посеять религиозную смуту в столице. Достаточно сказать, что Геронтий был вынужден даже покинуть митрополичью кафедру и только этой крайней мерой заставил великого князя смягчиться и признать свою неправоту. Стало быть, в Москве последней четверти XV столетия находились вхожие к Ивану III люди, провоцирующие религиозные нестроения в обществе. Скорее всего, именно эти «прелестники» привлекли внимание Ивана III к протопопу Алексею и попу Денису, когда тот отправлялся в Новгород. Данное предположение не покажется надуманным, если вспомнить слова Л.Полякова, хорошо знающего темные закулисы еврейской истории: «В решающую эпоху русской истории (эпоху Ивана III. — И.Ф.) несколько отдельных евреев отважились добратся до Кремля и стали там проповедовать новые идеи».³ Это тем более вероятно, что «при дворе Ивана III длительное время господствовал дух религиозной толерантности», что ему, похоже, «совершенно было чуждо предвзятое отношение к иудеям, которое господствовало в католических странах Европы».⁴ Поэтому проповедники-иудеи или их единомышленники из числа русских не только могли, но и должны были протезировать новгородским священникам — выученикам Схариин.⁵ Предположение о наличии в Москве влиятельных просителей за еретиков подтверждает рассказ архиепископа Геннадия о стригольнике Захаре, о котором в столице «некто печаловался», т.е. ходатайствовал за него.⁶

Без протекции трудно представить столь фантастический взлет провинциальных попов (Новгород ко времени их перевода в Москву по отношению к последней был уже провинцией), один из которых стал протопопом главного храма России Успенского собора в Кремле, где покоился прах святителей Руси, а другой — священником кремлевского Архангельского собора — усыпальницы московских великих князей. Не без чьей-то помощи протопоп Алексей вошел в избранный круг доверенных великого князя. По выражению Иосифа Волоцкого, он вместе с Федором Курицыным «имел дерзновение к державному»,⁷ т.е. прямой выход на великого князя и возможность запросто, без церемоний к нему обращаться.

¹ См.: ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. Стб. 286.

² Там же.

³ Поляков Лев. История антисемитизма. Эпоха веры. С. 357.

⁴ Алексеев А. И. Заметки о религиозности Ивана III. С. 199.

⁵ Говоря о переводе Алексея и Дениса в Москву, А. В. Карташев резонно замечает: «Надо думать, что этот почетный перевод — не единоличный вымысел великого князя, а подсказан ему самим тайным союзом жидовствующих, московская ветвь которого завелась уже при самом дворе Ивана III...». — *Карташев А. В.* Очерки по истории русской церкви. Т. I. С. 491.

⁶ Источники... С. 380.

⁷ Там же. С. 471, 481.

Известная солидарность Ивана III с еретиками в религиозных вопросах объясняет безнаказанность их антихристианской деятельности на протяжении довольно длительного времени.

Когда случайно, по пьяному делу, в 1487 году открылась в Новгороде «ересь жидовствующих», архиепископ Геннадий немедленно приступил к дознанию о ней. Владыка не догадывался еще, с кем имеет дело, и по-хорошему отпустил выявленных еретиков на поруки. Но они сильно подвели поручителей и бежали в Москву. Вот как сам Геннадий рассказывает об этом в послании митрополиту Зосиме: «И потом пришел обыск на еретики, и яз их велел имати да подавати на поруку; и те еретики, поручников выдав, да сбежали к Москве: Григорей поп с сыном Самсонком, да Ереса поп, да Гридя диак Борисоглебский. И яз послал к великому князю первого своего обыска подлинник, а другой подлинник к митрополиту послал».¹

Примечательно бегство еретиков в Москву. Они, по-видимому, знали, что найдут там защиту и не станут подвергаться преследованию.² Так оно и было: «на Москве», по словам Геннадия, еретики жили «во ослабе».³ Да и вообще на Руси, по его убеждению, «еретикам ослаба пришла».⁴ Поэтому на письменные обращения новгородского архиепископа к великому князю и митрополиту в Москве отвечать не спешили. Более того, «со стороны московских властей он встречал весьма смущавшее его равнодушие».⁵ Наконец, по сообщению летописца, зимой 1488 года «биша попов новгородских по торгунутьем. Присла бо их из Новагорода к великому князю владыка Генадеи, что пьяни поругалися святым иконам, и посла их опять ко владыце».⁶ Летописец, спасая репутацию Ивана III, говорит здесь неправду, будто новгородских попов, поругавших святыне иконы, прислал к великому князю владыка Геннадий. На самом деле, как мы видели, эти попы сбежали из-под следствия в Москву, где жили в безопасности до тех пор, пока дело благодаря упорству Геннадия, оповещавшего высших церковных иерархов о появлении ереси в Новгороде, не приняло скандальный оборот. Но и в этом случае, по верному замечанию Я.С.Лурье, «наказаны были относительно второстепенные участники еретического движения: два священника – Григорий Семеновский и Ересим (Герасим) Никольский – и два дьяка – сын попа Григория Самсонко и Гридя Борисоглебский. При этом великий князь и митрополит не полностью согласились с обвинениями, выставленными Геннадием: дьяка Гридю они не решились подвергнуть наказанию, так как против него оказалось только одно свидетельство – попа Наума. Великий князь признал

¹ Там же. С. 375.

² «Участники реформационного движения в Новгороде что-то знали о терпимом отношении к ним гражданских властей в Москве», – говорит А.И.Клибанов. – *Клибанов А.И.* Реформационные движения... С. 189.

³ Источники... С. 375.

⁴ Там же. С. 312.

⁵ Лурье Я.С. Идеологическая борьба... С. 136.

⁶ ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. Стб. 324; ПСРЛ. Т. VIII. С. 218; ПСРЛ. Т. XII. С. 220.

только обвинение в иконоборчестве, между тем это было не единственное обвинение, выдвинутое Геннадием».¹

Потворство еретикам со стороны московских властей ревнителям православия, что называется, резало глаза. Однако члены епископата русской церкви, видя такое примиренческое отношение к «жидовствующим» великого князя и митрополита, медлили, не решаясь открыто выступить против «новоявившейся ереси». Недаром Геннадий, не раз оповещавший своих собратьев о пришедшей на Русь беде, с укором говорил бывшему архиепископу ростовскому и ярославскому Иоасафу: «И как мною, ныне вы положили то дело (о еретиках. — И. Ф.) ни за что, как бы вам мнится, Новгород с Москвою не едино православие, не поболезновали есте о том ни мала!»²

Что касается митрополита Геронтия, он, точно не разумея великую опасность для православия, заключенную в «ереси жидовствующих», давал Геннадию рекомендации, щадящие ее пропагандистов: «И ты, сыну, у себя, в своем зборе, тех обличив да понакажи духовне, по правилам святых апостол и святых отец, как достойно по божественному писанию, чтобы они покаались и в разум истинны пришли; а толко покаются, да будут достойны милости...».³ И вот, по словам Геннадия, оказалось, что «которые еретики здесь были покаались, да и действия свои писали сами на себя своими руками, и ты, послышав то, что на Москве живут еретики во ослабе, да и в церковь и олтарь ходили невозбранно».⁴ Геннадий, уяснивший антихристианскую суть обнаруженной им ереси, твердо стоял на том, что еретиков следует только «жечи да вешати».⁵ Но его в Москве не слушали. Митрополит Геронтий, по свидетельству Геннадия, «о том великому князю не подокучил, да тем еретиком конца не учинили».⁶ О пассивности Геронтия в деле о еретиках говорит также Иосиф Волоцкий: «Сия же быша в лета Геронтия митрополита. И сам же убо христианская мудрства, о прочих же ни мало попечеса, погибающим, увы мне, христовым овцам еретическим учением, или грубостию съдрожимь, или не радяше о сих, или бояшеса дръжавного».⁷ Эту пассивность митрополита Иосиф объясняет тремя причинами:⁸ или нерадением о пастве («христовых овцах»), или его богословской необразованностью⁹ («грубостию съдрожимь»), или страхом перед Иваном III («бояшеса дръжавного»).

Геронтий не зря боялся Державного. Великий князь оберегал еретиков, заботился о них. Припоминается случай с настоятелем псковского Немчинова монастыря старцем Захаром, уличенным архиепископом Геннадием в стригильничестве. «И аз, — рассказывает владыка о Захаре, — познал, что стри-

¹ Лурье Я.С. Идеологическая борьба... С. 138–139.

² Источники... С. 317.

³ Там же. С. 315.

⁴ Там же. С. 375.

⁵ Там же. С. 381.

⁶ Там же. С. 375.

⁷ Там же. С. 471, 481.

⁸ Ср.: Лурье Я.С. Новгородско-московская ересь... С. 112.

⁹ Там же.

гольник, да велел есми послати в пустыню на Горнечно. И потом князь великий прислал ко мне грамоту о нем, чтобы мне наказати его духовне, да отпустить его в свой монастырь в Немчиново. А на него запись взял его руки, да велел есми ему отца духовного принять, да и причастие имати; а чрьнци бы с ним же жили в монастыре, да также причащались. И он клятву преступил, да монастырь не поехал, да ступил к Москве». ¹ Захар знал, куда бежать, ибо в Москве ему ничего не угрожало, там он мог предаваться ереси в свое удовольствие. Гарантом радостных утех «во ереси» являлся великий князь московский Иван Васильевич, служивший еретикам надежным заслоном от преследований. И они распространяли еретическое учение, будучи уверены в том, что навредить им уже никто и ничто не может. Но беспощадная борьба архиепископа Геннадия с ересью, получившая громкую известность в церкви и в миру, возымела действие. Великий князь Иван III и митрополит Зосима, сменивший на митрополичьей кафедре Геронтия, вынуждены были осенью 1490 года созвать собор для суда над еретиками. То был весьма представительный собор. ² Государь и святитель сделали все от себя зависящее, чтобы приверженцы «ереси жидовствующих» понесли на соборе наименьшие потери.

Прежде всего, они предприняли все, чтобы не допустить на собор главного обвинителя еретиков – новгородского архиепископа Геннадия. Тщетно зывал Геннадий к собору епископов: «Да чтобы есте отцю нашему митрополиту поговорили, да с ним к великому князю, чтобы по мене однолично прислал; а толко князь великий хотя не хочет по мене прислати, а вы без мене не имеете дела делати никакова. Ино ему как по мене послати...». ³ Великий князь так и не послал за новгородским владыкой. По верному замечанию Р.Г.Скрынникова, «Иван III и митрополит Зосима не допустили инициатора суда Геннадия на собор и постарались направить судебное разбирательство в новое русло». ⁴

Нежелание великого князя и митрополита видеть Геннадия на соборе. во-первых, обусловлено тем, что владыке лучше, чем кому-либо другому были ведомы «ерестные дела» «жидовствующих», и потому он являлся наиболее опасным для них обвинителем. Ведь именно «грамоты и списки» Геннадия являлись главными обвинительными документами на соборе. ⁵ Во-вторых, отсутствие Геннадия на соборе давало больше шансов смягчить соборный приговор, не доводя его до требуемой владыкой высшей меры наказания – «жечи да вешати».

А.И.Клибанов обратил внимание на одну очевидную несообразность в подборе свидетелей для соборного суда. «Хотя в основе обвинения, – говорит он, – лежали материалы, относившиеся к новгородскому периоду деятельности еретиков, новгородских, т.е. наиболее важных для обвинения, сви-

¹ Источники... С. 380.

² Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий... С. 89.

³ Источники... С. 381.

⁴ Скрынников Р.Г. 1) Государство и церковь... С. 143; 2) Крест и корона... С. 160.

⁵ Источники... С. 383, 384, 385.

детелей на соборе не было. Свидетели были московские».¹ Автор, к сожалению, не делает отсюда должного вывода. А данный вывод состоит в том, что великий князь и митрополит, отказавшись вызвать на суд из Новгорода главных свидетелей, тем самым показали свою незаинтересованность в объективном судебном расследовании и желание замять дело.

Необходимо заметить: всем своим поведением Иван III старался демонстративно показать, что не придает соборному суду как событию в религиозно-политической жизни Руси особого значения. Поэтому он поначалу даже не явился на соборное заседание, направив туда вместо себя трех бояр и одного дьяка: «...сидошася в палату к своему отцю Зосиме митрополиту всея Руси архиепископ и епископи, и архимандрити, и игумени, и протопопи, и честнии старци, и священници мнози; к ним же на собор государь князь великий в свое место прислал бояр своих – князя Ивана Юрьевича, Юрья Захарьича, Бориса Васильевича, дьяка своего Андрея Майка».² Двое, по крайней мере, из названных лиц, князь Иван Юрьевич Патрикеев и дьяк Андрей Федорович Майков (Майко), если не являлись сами еретиками, то были тесно связаны с вероотступниками совместной придворной деятельностью. И.Ю.Патрикеев входил в политическую группировку сторонников внука великого князя Дмитрия,³ многие из которых оказались вовлеченными в «ересь жидовствующих». Что касается А.Ф. Майко, то он «был ближайшим сотрудником другого посольского дьяка – Федора Курицына, главы московского кружка еретиков».⁴ Вероятно, с учетом всех этих обстоятельств Иван III и направил Патрикеева и Майко на соборное разбирательство, полагая, что они сочувственно отнесутся к подсудимым, и если не добьются оправда-

¹ Клибанов А.И. Реформационные движения... С. 199.

² Источники... С. 384–385. А.А.Зимин дает противоречивую картину работы собора. В одном месте своей книги он пишет: «На соборных заседаниях Ивана не было, но он “в свое место прислал бояр своих – князя Ивана Юрьевича (Патрикеева), Юрья Захарьича, Бориса Васильевича (Кутузова), дьяка своего Андрея Майка”» (Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий... С. 89). Но тут же, будто позабыв о написанном, он говорит: «Итак, собор состоялся. Его участники прежде всего изгнали из Архангельского собора Дениса (Алексей к тому времени умер). Затем расследовалось дело девяти еретиков: Захара, Дениса, протопопы Гавриила, попов Максима и Василия, дьякона Макара, дьяков Гриди и Васюка (зятя Дениса) и Самухи. В палату к Зосиме (там проходил собор. – И.Ф.) пришел Иван III...». – Там же. С. 90.

³ См.: Смирнов И.И. 1) Классовая борьба в Московском государстве в первой половине XVI в. // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1935, № 9–10. С. 79–80; 2) Рецензия на книгу К.В.Базилевича «Внешняя политика Русского централизованного государства» // Вопросы истории. 1952, № 11. С. 142; Кашианов С.М. Социально-политическая история России... С. 103.

⁴ Зимин А.А. 1) Дьяческий аппарат в России второй половины XV – первой трети XVI в. // Исторические записки. 87. М., 1971. С. 250–251; 2) Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV–XVI в.). М., 1977. С. 60 (прим. 125). Возможно, в дальнейшем А.Майко разделил судьбу Ф.Курицына, попав вместе с ним в опалу. – Зимин А.А. Крупная феодальная вотчина... С. 60 (прим. 125).

тельного для них приговора, то, во всяком случае, постараются смягчить их участь.

Отсутствие Ивана III на открытии соборного суда над еретиками не осталось не замеченным наблюдателями. По-видимому, они увидели здесь явную ненормальность, бросающую тень на великокняжескую власть и подрывающую доверие к ней православного людства. Поэтому, вероятно, поздние летописцы, движимые стремлением замять неловкий случай и скрасить сомнительный с точки зрения ревнителей веры поступок христианского государя, заговорили об участии в соборе против новгородских еретиков великого князя Василия Ивановича вместо отца его Ивана, причем изображали последнего, вопреки исторической правде, истовым поборником православия. В Никоновской летописи читаем: «...повелением благочестиваго и христолюбиваго великаго князя Ивана Васильевича, всея Руси государя и иных многих самодержца и истиннаго православию поборника, соборовали на митрополиче дворе, на немже соборе бысть великий князь Василей Ивановичь, вместо самодержавнаго отца своего...».¹

¹ ПСРЛ. Т. XII. С. 225. В Степенной книге сходная картина (ПСРЛ. Т. XX I. С. 568). О присутствии Василия на соборе 1490 г. говорится в двух редакциях «Житий» Иосифа Волоцкого, составленных в середине XVI века. По мнению Я. С. Лурье, в обоих житиях «сливаются воедино оба собора на еретиков – 1490 и 1504 гг., и Василий Иванович оказывается участником первого собора, осудившего новгородских еретиков» (Лурье Я. С. Идеологическая борьба... С. 236). Я. С. Лурье назвал это «ляпсусами» составителей житий (Там же). С. М. Каштанов, отталкиваясь от соображений Я. С. Лурье, пишет: «По-видимому, появление Василия на соборе 1490 года в текстах Никоновской летописи и Степенной книги надо также считать результатом позднейшего смешения известий о соборах 1490 и 1504 гг.» (Каштанов С. М. Социально-политическая история... С. 36). Догадка С. М. Каштанова показалась А. А. Зимину убедительной. Он замечал: «По сообщению Никоновской летописи и Степенной книги, в нем (соборе 1490 г. – И. Ф.) якобы участвовал и княжич Василий “вместо самодержавнаго отца своего”. С. М. Каштанов убедительно показал недостоверность этого известия, появившегося, вероятно, из-за путаницы с соборами (Василий присутствовал на соборе 1504 г.)» (Зимин А. А. Россия на рубеже XV–XVI столетий... С. 89). В недостоверности известия о присутствии Василия на соборе 1490 года сомневаться не приходится. Но нас не убеждает идея «ляпсусов». Трудно поверить, что «запуталось» в соборах 1490 и 1504 гг. такое количество писателей: авторы двух «Житий» Иосифа епископ Крутицкий Савва, Лев Филолог и Зиновий Отенский (Лурье Я. С. Идеологическая борьба... С. 235), активный участник составления Никоновского свода митрополит Даниил или его продолжатель (Клоос Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., 1980. С. 43, 51, 130, 191, 196), составитель Степенной книги духовник Ивана IV Андрей, впоследствии митрополит Афанасий (Шатило А. Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 г. М., 1993. С. 115). Надо, на наш взгляд, искать другое объяснение появлению в письменных памятниках недостоверного известия о присутствии на соборе 1490 года княжича Василия. Думается, это произошло не случайно, а вследствие стремления убрать из памяти потомков событие, роняющее в православном общественном мнении авторитет великокняжеской власти и представить великого князя Василия Ивановича как последовательного и непримиримого борца с еретиками.

Однако Иван Васильевич не смог полностью проигнорировать собор, судивший еретиков. Он все-таки «приде сам на тот събор в полату к своему отцю Зосиме митрополиту всея Руси и с многими своими бояры и дьяками...».¹ Что заставило великого князя появиться на соборе? Для А.И.Клибанова тут нет никакой загадки. В работе собора он устанавливает две стадии. По мнению исследователя, «первая стадия соборного разбирательства состояла в публичном чтении обвинительного заключения, составленного Геннадием и присланного на усмотрение московских церковных и светских властей, в допросе обвиняемых и свидетелей... Первая стадия соборного разбирательства носила совещательный характер. Результаты, полученные в итоге этого заседания, были представлены великому князю, который, таким образом, право решающего голоса оставлял за собой. Началась вторая стадия соборного разбирательства. Для участия в ней на собор прибыл сам великий князь».²

Надо думать, что эти две «стадии соборного разбирательства» заранее не планировались, а возникли неожиданно и как бы спонтанно в ходе судебного расследования на соборе, обернувшегося в некотором роде сюрпризом для великого князя. Сам факт отсутствия Державного на соборном разбирательстве говорит, безусловно, о его уверенности в том, что еретикам не грозит суровая кара, что они, так или иначе, выпутаются из возникшей ситуации. В противном случае князь Иван едва ли бы пустил дело на самотек, устранившись от соборного разбирательства.

Собор начал судебное слушание с чтения обличительных «грамот» и «списков» новгородского архиепископа Геннадия. Казалось, еретики сумеют, как говорится, «выйти из воды сухими», поскольку, следуя опробованной методе, отвергли все обвинения и ни в чем не сознались: «Они же... всего запрешася».³ Но все дело испортил чернец Захар, тот самый стригольник Захар, которого великий князь уже однажды спас от заточения, отменив соответствующее распоряжение новгородского архиепископа Геннадия.⁴ После того, как еретики на соборе «всего запрешася», митрополит Зосима, надеясь, видимо, получить отрицательный ответ, неосторожно спросил монаха: «Захарие, что ради сицевая твориши, преступаеши закон божий и не велиши ся кланяти иконам святым?».⁵ И Захара вдруг понесло со страшной силой: «Он же отвещав изрече хулу на господа нашего Иисуса Христа и на его пречистую богоматерь, да и на великих святителей Петра и Алексия и Леонтия чудотворцев, и на иных многих святых преподобных отец хулные речи изнесе, да и на всю седмь соборов святых отец похули».⁶

Такое безрассудство Захара проистекало, по-видимому, из того, что он, памятуя о покровительстве, которое оказывал еретикам и лично ему вели-

¹ Источники... С. 385.

² Клибанов А.И. Реформационные движения... С. 199.

³ Источники... С. 385.

⁴ См.: Скрынников Р.Г. Государство и церковь... С. 131.

⁵ Источники... С. 385.

⁶ Там же.

кий князь, уверовал в безнаказанность собственную и своих собратий по ереси. Но Захар зашел слишком далеко. И митрополит Зосима, хотел он того или нет, вынужден был пригласить свидетелей: «И сташа на том соборе с ними лице на лице людие мнози да и священники и сидетьствоваша на них о их ересех и о хуле и о поругании над святыми иконами, как ся что о них чинило zde на Москве».¹ Улики были тяжелы и неопровержимы. Вина подсудимых доказана. Растерянный Зосима сообщил об этом государю. И только тогда «князь великий Иван Васильевич всея Руси прииде сам на тот събор в полату к своему отцю Зосиме митрополиту всея Руси и с многими своими боляры и диаки и повеле въвести к себе тех всех еретиков и тех свидетелей московских, и повеле перед собою чести новгородские списки да грамоты, что на них писал Геннадий архиепископ новгородцкой о их ересех, что они чинили в Новгороде. Да выслушав списки, да и грамоты, да и московских людей, да и священников сведетелства на тех ересников, и велел князь великий своему отцю Зосиме митрополиту възрети в святыя правила о их ересях, что о них пишет».²

Иван III, следовательно, появился на соборе лишь после резкого и, полагаем, непредвиденного им поворота в судебном разбирательстве (как можно было предугадать сумасбродную выходку Захара?), поставившего еретиков в безвыходное положение. Поведение великого князя на соборе оставляет впечатление какой-то странности. В самом деле, он заставил повторить соборный суд, превратив его в некое подобие спектакля. Во второй раз Иван Васильевич приказал «чести» присланные из Новгорода «грамоты» и «списки» Геннадия, тогда как их содержание уже было известно участникам собора. Да и сам государь имел достаточно полную информацию о новгородских еретиках из полученных ранее посланий архиепископа Геннадия митрополиту Геронтию и ему лично.³ Великий князь вторично повелевает митрополиту Зосиме справиться о ересях в «в святых правилах»,⁴ будто первое его распоряжение на сей счет не являлось обязательным. Напрашивается вывод о том, что до своего появления на соборе, имевшего место, по нашему мнению, в связи с провалом еретиков на соборном суде, Иван III не воспринимал всерьез судебное преследование еретиков, полагая, видимо, что оно закончится для них более или менее благополучно. Но этого не случилось. Сильно подвел еретиков своей фанатичной откровенностью чернец Захар. Хочешь, не хочешь, а меры какие-то надо было принимать. Приговор состоялся. Но до разгрома ереси дело не дошло.⁵

Направляемый великим князем и митрополитом, собор 1490 года, «вопреки требованиям Геннадия, не рассматривал обвинений против Курицына. Сверчка, Алексея Костева, Мартына-угрянина. Более того, собор не вынес посмертного проклятия Алексею, Истоме, Ивану Черному. Собор не отклик-

¹ Там же.

² Там же.

³ См.: Там же. С. 313, 314

⁴ См.: Там же. С. 384, 385.

⁵ Ср.: Лурье Я.С. Идеологическая борьба... С. 135, 151.

улся на предложение Геннадия отлучить иерархов, служивших совместно с еретиками, и привлечь к ответственности москвичей, помогавших еретикам или же разделявших их взгляды. Собор и великий князь, вопреки Геннадию, не предали ни одного из обвиняемых смертной казни. Из всей программы мероприятий, намеченных Геннадием, только одно... было реализовано: состоялось соборное осуждение ереси. Ересь, после того как она существовала по меньшей мере, двадцать лет и в продолжение ряда лет действовала весьма активно, впервые была официально осуждена от лица русской православной церкви».¹

Великий князь, норовя еретикам, проявил по отношению к ним чрезмерную мягкость: «Он не только не выдал головою московских еретиков из окрестности Елены Стефановны (в том числе Федора Курицына), но и не произвел никакого “градского” наказания новгородских еретиков. Они были просто переданы Геннадию».² Новгородский владыка воспользовался некоторыми функциями «градских властей», традиционно ему принадлежащих, подверг еретиков суровым наказаниям. По рассказу местного летописца, Геннадий «овех велел жечи на Духовском поли, а инех торговой казни предати, а овех в заточение посла, а инии в Литву збежали, а инии в Немцы».³

Официальное осуждение русской православной церковью «ереси жидовствующих» на соборе 1490 года не помешало усилению позиций еретиков. Особенно укрепились они в окружении великой княгини Елены Стефановны и внука государя юного Дмитрия. «Группировка Дмитрия-внука, — писал обоснованно А.А.Зимин, — имела прочную опору в среде высших бюрократических дельцов столицы, затронутых еретическим вольномыслием. Ее лидером был фактический глава складывавшегося центрального ведомства внешних сношений (будущего Посольского приказа) дьяк Федор Курицын».⁴

Взросшее влияние еретиков на Ивана III позволило им добиться коронации Дмитрия с провозглашением его великим князем Московским и всея Руси, о чем у нас уже шла речь. То был звездный час «жидовствующих». Они стремились к захвату «всей власти в стране»,⁵ замышляя «прямое отстранение от власти самого Ивана III».⁶ Но, как говорил один литературный герой, «лопнула кибитка, потерял колесо...». Великий князь резко меняет политический курс: сводит с вершины власти внука Дмитрия и поднимает на нее сына Василия. А дальше — удар по ереси и казни еретиков.⁷

¹ Клибанов А.И. Реформационные движения... С. 201. См. также: Лурье Я.С. Идеологическая борьба... С. 140.

² Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий... С. 90.

³ Новгородские летописи. СПб., 1879. С. 141, 311.

⁴ Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий... С. 146.

⁵ Греков И.Б. Очерки истории международных отношений Восточной Европы XIV–XVI вв. М., 1963. С. 268.

⁶ Кашистанов С.М. Социально-политическая история... С. 101.

⁷ Все эти события не укладываются в представления Р.Ю.Виппера, который говорил: «Сохранив нейтральное положение между партиями в церковных спорах, московский двор пришел к религиозной терпимости, тем более поразительной, что это был век, когда на Западе разгорались жесточайшие богословские споры, когда за

Зимой 1504 года «князь велики Иван Васильевич всеа Руси с отцем своим Симоном митрополитом всеа Руси, и с епископы и с всем събором обыскаша еретиков и повелеша лихих смертною казнью казнити; и съжгоша их в клетках диака Влъка Курицина, да Митю Коноплева, да Ивашка Максимова, декабря 27, а Некрасу Рукавову повелеша языка урезати и в Новгороде Великом сожгоша его. А тоя же зимы архимандрита Касиана Юриевского съжгоша, и его брата и иных еретиков многих съжгоша, а иных в заточение послаша, а иных по монастырем». ¹ Василий Иванович, пришедший к высшей власти на гребне волны борьбы с еретиками, поступал с ними решительно и грозно. В феврале 1505 года фогт Нарвы сообщал, что Василий «велит еретиков в любое время хватать, где их только можно выследить, и приказывает их сжигать». ²

Много раз исследователи пытались выявить причину столь резкой смены настроений Ивана III, оказавшейся роковой для Елены Волошанки и сына ее Дмитрия. Сравнительно недавно к этому вопросу вернулся Я.С.Лурье. Он писал: «Кто стоял за придворными партиями, боровшимися за наследие Ивана III? Какова была позиция самого великого князя? Чем определялись резкие повороты в его династической политике? Не имея сколько-нибудь прямых и достоверных данных для ответов на эти вопросы, историки прибегали к предположениям и сложным построениям. Особо важную роль во всех рассуждениях о династической борьбе конца XV в. сыграли два момента: убеждение, идущее от Карамзина, в том, что женитьба на Софии содействовала установлению российского самодержавия, и известие Степенной книги, связывавшее опалу на Василия и Софию и коронацию с “крамолами”, в результате “испытания” которых Иван III казнил Ряполовского и построиг в монахи Патрикеевых». ³ Я.С. Лурье не приемлет эти построения, полагая, что «более обоснованными представляются предположения о связи между династической борьбой и внешней политикой Ивана III. Мать Дмитрия Елена была дочерью молдавского государя Стефана Великого, и возвышение ее сына в 1498 г., вероятно, было связано с русско-молдавским союзом против Литвы, а падение Дмитрия – с поражением Молдавии в войне и примирением ее с Ягеллонами; в свою очередь опала и заточение Елены и Дмитрия были расценены Стефаном как враждебный акт со стороны московского государя». ⁴ Однако тут же, противореча самому себе (наиболее худший вид

догматические отклонения целые группы населения были лишены гражданских прав, когда правительства усердно занимались религиозным сыском и когда процветала инквизиция» (*Випнер Р.Ю.* Иван Грозный. М., 1998. С. 126). Верно то, что в средневековой Москве до учреждения инквизиции не додумались. Но это не значит, будто московский великокняжеский двор и, в частности, Иван III проявляли «религиозную терпимость». Во дворе великого князя брали верх то «жидовствующие», то ревнители православия, непримиримо настроенные друг к другу.

¹ ПСРЛ. Т. VIII. С. 244; ПСРЛ. Т. XII. С. 258.

² *Зимин А.А.* Россия на рубеже XV–XVI столетий... С. 227.

³ *Лурье Я.С.* Две истории Руси XV века: ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб., 1994. С. 210.

⁴ Там же. С. 211.

противоречий, встречаемых в ученом сообществе), Лурье говорит: «Но едва ли можно видеть в русско-молдавских отношениях основную причину изменения династической политики Ивана III». ¹ То была лишь «дополнительная причина», мысль о которой Я.С.Лурье подала А.Л.Хорошкевич: ² «Изменение внешнеполитической ориентации Стефана Великого повлекло за собой падение Дмитрия-внука, вернее, стало дополнительной причиной этого, хотя Иван III распространял версию о чисто внутренних причинах опалы». ³

На наш взгляд, резкие колебания в династических предпочтениях Ивана III находились в прямой зависимости от ожесточенной религиозно-политической борьбы, захлестнувшей двор великого князя в 90-е годы XV века. Поскольку исход ее упирался в волю государя, обладавшего самодержавной властью, то внешне эта борьба выглядела как соперничество придворных группировок друг с другом за влияние на самодержца. «Жидовствующие» боролись «за душу Ивана III» в принципе так же, как много позже «диссиденты в системе» боролись «за душу Л.И.Брежнева», ⁴ если позволительно заскочить далеко вперед.

Еретикам не удалось целиком завладеть «душой» великого князя, хотя они, казалось, были близки к тому. Иван III повредил свою христианскую веру, но не утратил ее полностью. Мало-помалу в нем просыпалась (возможно, стараниями ревнителей православия) религиозная совесть, и чем ближе к исходу жизни, тем больше сомнений и внутренних мук она ему доставляла. Мы не можем проследить в деталях за ходом очищения государя от еретической скверны. Но нам известны некоторые наиболее яркие моменты его нравственного пробуждения.

Одно из первых проявлений сердечной боли и тревоги Ивана III — покаяние великого князя в смерти брата своего Андрея Углицкого. Поздней осенью 1497 года ⁵ Иван Васильевич велел митрополиту Симону «быти у себя на дворе съ архиепископом и съ епископы. И приидоша к нему. Князь же великий, встав перед своим отцем митрополитом и архиепископом и епископы, начаша бити челом пред ними съ умилением и с великими слезами, а прося у них прощения о своем брате князе Андрее Васильевиче, что своим грехом, несторожею, его уморил, в нужи стоя перед ними долго время. Митрополит же и архиепископ и епископы съ испытанием и с великим наказанием и понудиша и долго время и едва простиша и и понаказаша его впредь и как бы ему своя душа исправити пред Богом». ⁶

¹ Там же.

² Там же. С. 211–212.

³ Хорошкевич А.Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. С. 114.

⁴ См.: Примаков Е.М. Годы в большой политике. М., 1999. С. 11–24; Арбатов Г.А. Человек Системы. Наблюдения и размышления очевидца ее распада. М., 2002. С. 167–216.

⁵ См.: Кашианов С.М. Социально-политическая история... С. 99–100; Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий... С. 144, 146–147.

⁶ ПСРЛ. Т. XXIV. С. 213–214. В летописном своде 1497 года приводятся некоторые подробности встречи Ивана III с церковными иерархами: «Князь великий Иван

С.М.Каштанову сцена покаяния Ивана III кажется загадочной «по своему смыслу».¹ По нашему же мнению, она загадочна лишь в том отношении, что связана с душевными переживаниями великого князя, уловить которые историку весьма непросто. Чужая душа – потемки, тем более душа нашего давнего предка, о котором нам многое неизвестно. И все-таки мы рискнем высказать догадку, что сцена покаяния великого князя есть свидетельство его душевной драмы, есть признание им того, что нести далее греховное бремя, не прибегая к спасительному покаянию, невозможно. Эта сцена – признак начавшегося духовного выздоровления государя. К сожалению, оно шло медленно. Иван Васильевич не сразу осознал свой самый тяжкий грех – потворство «ереси жидовствующих». Прежде чем низвергнуть еретиков, Иван еще возвысит их, даст им власть над православными христианами, «венчав на царство» сына еретички вдовой Елены Стефановны. К исцелению духовному государь пришел через болезни телесные и старческую немощь, обозначившие близость конца и отчета пред Всевышним за все, содеянное в жизни. Великий князь просит прощения за покровительство еретикам у митрополита и владык.² Он приглашает к себе для беседы Иосифа Волоцкого и тоже просит у него прощения за потачку ереси. Иосиф оставил нам описание своей встречи с Иваном III: «Государь князь великий, Иван Васильевич всеа Руси, говорил со мною наедине о церковных делах. Да после того почаял говорити о новгородцких еретикех, да молвил мне так: ”И яз, деи, ведал новгородцких еретиков, и ты мя прости в том, а митрополит и владыки простили мя”. И яз ему молвил: “Государь! Мне тебе как прощати?”. И он молвил: “Пожалуй, прости мя!”. И яз ему молвил: “Государь! Только ся подвигнешь о нынешних еретикех, ино и в прежних тебе Бог простит”».³

Встреча Ивана III с Иосифом Волоцким состоялась на Пасху то ли 1502, то ли 1503 года⁴ в преддверии болезни великого князя. Летом 1503 года (28

Васильевич всеа Руси, поговоря с отцем своим с митрополитом Симаном, послали по владыки свои грамоты по ростовского архиепископа Тихона, да по суздальского епископа Нифонта, да по тверского епископа Васиана, а веля им быти к себе на Москву со сроком. Архиепископ же и епископы приехаша на Москву на Дмитриев день, по их сроку. Князь же великий, немного времени пождав, послав ко отцу своему митрополиту Симану боярина своего Дмитрия Володимировича да дияка своего Андрея Маика, а веля ему быти у себя на дворе с архиепископом и с епископы. И приидоша к нему. Князь же великий, встав пред своим отцем, митрополитом, и архиепископом, и епископы, начаша бити челом пред ними с умилением и с великими слезами, а прося у них прощения о своем брате князе Андрее Васильевиче, что своим грехом и несторожею его уморил в нужи, а стоя перед ними долго время. Митрополит же, и архиепископ, и епископы со испытанием и с великим наказанием и понудиша, и долго время и едва простиша и, и наказавшее его впредь и как бы ему своя душа исправить пред Богом». – ПСРЛ. Т. XXVIII. М.; Л., 1963. С. 160.

¹ Каштанов С.М. Социально-политическая история... С. 99.

² Источники... С. 436.

³ Там же.

⁴ В исторической науке по этому поводу ведутся споры. – См.: Лурье Я.С. Идеологическая борьба... С. 411–412.

июля) Иван Васильевич «начят изнемогати».¹ Через два месяца, 21 сентября, он выехал на богомолье по северным монастырям. Молился у «Живоначальныя Троицы въ Сергиеве монастыре и оттоле бысть въ Переаславли, и въ Ростове, и въ Ярославли, и приехал на Москву тоя же осени, ноября 9, въ четверток».² Но недомогание не оставляло его, и «приде посещение от Бога на великого князя самодержца: отняло у него руку и ногу и глаз».³ Так Господь смирял «великого князя самодержца».⁴

Насколько непросто и трудно шло освобождение государя от еретической заразы, говорит тот факт, что даже перед самой болезнью, поразившей его, он не порвал еще полностью с еретиками и следовал их советам. Именно так, на наш взгляд, надо понимать появление проекта секуляризации церковно-монастырских земель, предложенный великим князем церковному собору 1503 года. В одном письменном памятнике, заслуживающем доверия, читаем: «В та же времена восхоте князь великий Иван Васильевич у митрополита и у всех владык, и у всех монастырей села поимати и вся к своим соединити. Митрополита же и владык, и всех монастырей из своя казны деньгами издолжити и хлебом изоброчити из своих житниц».⁵ Великий князь, как видим, поставил перед собором «вопрос о секуляризации всех основных категорий церковных земель».⁶ Он стал первым из русских правителей, который поднял руку «на “священное” право церковной собственности».⁷ В чем причина столь решительного поступка «державного»?

Исследователи, отвечая на этот вопрос, обычно ссылаются на острую потребность государства в земельном фонде, необходимом для испомещения служилых людей – помещиков.⁸ Думается, ближе к истине А.И.Алексеев, отвергающий подобного рода объяснения. Историк пишет: «Мотивы, которыми руководствовалось правительство Ивана III, проводя курс на свертывание вотчинновладения монастырских корпораций, чаще всего определяются как изымание земельных резервов для испомещения служилых людей.

¹ ПСРЛ. Т. XII. С. 257.

² Там же. С. 257–258.

³ *Бегунов Ю.К.* «Слово иное» – новонайденное произведение русской публицистики XVI в. о борьбе Ивана III с землевладением церкви// ТОДРЛ. Т. XX. М.; Л., 1964. С. 352.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 351.

⁶ *Казакова Н.А.* Очерки по истории русской общественной мысли. Первая треть XVI века. Л., 1970. С. 80.

⁷ *Бегунов Ю.К.* Секуляризация в Европе и собор 1503 г. в России// Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. Сб. статей, посвященный Льву Владимировичу Черепнину. М., 1972. С. 41–42.

⁸ См., напр.: *Моисеева Г.Н.* Об идеологии нестяжателей // История СССР. 1961, № 2. С.94; *Казакова Н.А.* Очерки по истории русской общественной мысли. Первая треть XVI века. Л., 1970. С. 57, 82; *Корецкий В.И.* Развитие феодальной собственности в России XVI в. // Социально-экономические проблемы российской деревни в феодальную и капиталистическую эпоху. Ростов н/Д., 1980. С. 51.

Однако эта ситуация характерна скорее для середины XVI в., но не для конца XV». ¹ И далее: «Было бы соблазнительным предположить, что движущим мотивом, которым могло руководствоваться московское правительство, выдвигая проект конфискации монастырских земель на соборе 1503 г., являлись планы испомещения новгородских переселенцев в центральных уездах страны. ² Однако достаточные доказательства в пользу этого мнения отсутствуют. ³ Роль побудительного мотива готовящейся конфискации монастырских земель могло сыграть желание добиться более пропорционального распределения поместий по всей территории России... ⁴ Однако едва ли ликвидация монастырских вотчин надолго обеспечила бы выполнение этой задачи (не решенной последующими правительствами)». ⁵ Итак, говорит А.И.Алексеев, «мы вправе усомниться в том, что исключительно ситуация земельного голода побуждала правительство Ивана III к отчуждению монастырских вотчин». ⁶ Исследователь полагает, что «московское правительство тревожили, главным образом, не абсолютные размеры монастырских вотчин (они... не были велики в XV в.), но тенденция к их стремительному росту, грозившая сделать поток подушных вкладов в монастыри неконтролируемыми. Очевидно, именно в этом пункте желание Ивана III нашло отклик у той части монашества, которая вдохновлялась идеалами нестяжательства». ⁷

Принимая негативную часть суждений А.И.Алексеева, мы не согласны с позитивной ее частью, поскольку у него произошла подмена проблемы секуляризации (конфискации) церковно-монастырских земель проблемой контроля «стремительного роста» духовных вотчин. Это – разные проблемы. Стремление поставить под государственный контроль земельную собственность духовенства Иван III проявлял (причем не без успеха) и ранее собора 1503 года, а сын его Василий III следовал примеру отца, когда стал полноправным правителем. ⁸ Но «заслуга» публичной, можно сказать вызывающей и дерзкой, постановки вопроса о ликвидации вотчинных владений русской церкви и монастырей принадлежит Ивану III. Его преемник Василий III хотя и сочувственно относился к идее секуляризации, ⁹ но не рискнул заявить о

¹ Алексеев А. И. Под знаком конца времен. Очерки русской религиозности конца XV – начала XVI вв. СПб., 2002. С. 233.

² У автора фигурируют здесь А.А.Зимин и В.Б.Кобрин. – Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий... С. 79; Кобрин В.Б. Власть и собственность в средневековой России. М., 1985. С. 109–110.

³ А.И.Алексеев ссылается в данном случае на исследование Р.Г.Скрынникова. – Скрынников Р.Г. Трагедия Новгорода. М., 1994. С. 18–19.

⁴ Таково мнение Г.В.Вернадского. – Вернадский В.Г. Россия в средние века. Тверь; М., 1997. С. 129.

⁵ Алексеев А.И. Под знаком конца времен... С. 233–234.

⁶ Там же. С. 234.

⁷ Там же.

⁸ См.: Кашианов С.М. Социально-политическая история России конца XV – первой половины XVI в. М., 1987; Казакова Н.А. Очерки... С. 112.

⁹ Казакова Н.А. Очерки... С. 112.

ней открыто. Причиной тому явился провал плана секуляризации на соборе 1503 года, а также разгром всесильной придворной партии «жидовствующих», обсевшей московский престол. Что касается самого Ивана III, то предпринятая им попытка добиться одобрения проекта секуляризации собором 1503 года явилась следствием не только, а точнее сказать, не столько острой потребности государства в земельном фонде, необходимом для жалования земель служилого люда, сколько внушениями дворцовой группировки еретиков, ведущей смертельную борьбу с русской церковью и православной верой. Конфискация церковно-монастырских вотчин была частью этой борьбы. Ее проведение в исторических условиях конца XV — начала XVI века, когда русское национальное государство едва лишь поднималось на ноги, грозило великими неурядицами с непредсказуемыми для Руси результатами. Но Бог хранил наших предков и отвел от них эту беду.

Раскаяние Ивана Васильевича, о чем речь шла выше, было насколько полным, настолько губительным для еретиков. К тому же государь отходил от практического управления страной, передавая власть в руки княжича Василия, которому в конце 1503 года и завещал великокняжеский престол.¹ Преданный православию Василий III твердой рукою подавил ересь, бросив в костер видных ее представителей на исходе 1504 года. Великий князь Иван Васильевич, едва не погубивший Святую Русь своим прежним покровительством этой ереси, теперь спокойно мог умереть, и 27 октября 1505 года он ушел, как говорится, в мир иной.

* * *

Мы не преувеличиваем, когда говорим, что в 90-е годы XV столетия вопрос стоял так: быть или не быть Святой Руси. Не случайно Л.Поляков говорил: «В течение длительного времени было похоже, что благосклонность Ивана III распространялась на партию Елены и Дмитрия: на каких путях могли тогда оказаться судьбы Святой Руси».² Из этого, собственно, риторического вопроса Л.Полякова со всей очевидностью следует, что судьбы Святой Руси, одержи верх партия Елены и Дмитрия, оказались бы на каких угодно путях, но только не на путях православия. А это означало гибель Святой Руси, едва заявившей о своем существовании. Именно так воспринимал драму религиозно-политической смуты тех лет, порожденную «ересью жидовствующих», богодухновенный старец — митрополит Иоанн, который говорил: «Можно с уверенностью сказать, что в течение тридцати четырех лет с момента рождения ереси и до ее разгрома в 1504 году дальнейшая судьба России и само ее существование находились под вопросом. Дело в том, что ересь жидовствующих не была “обычной” ересью. Она больше напоминала идеологию государственного разрушения, заговора, имевшего целью изменить само мироощущение русского народа и формы его общественного бытия».³

¹ Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий... С. 232.

² Поляков Лев. История антисемитизма. Эпоха веры. 1997. С. 359.

³ Иоанн (Снычев). Самодержавие духа. Очерки русского самосознания. СПб., 1995. С. 122.

Вот почему «внешняя деятельность еретиков была направлена на внедрение в аппарат властей – светской и духовной, имея конечной целью контроль над их действиями и решающее влияние на них. Проще сказать, целью еретиков в области политической являлся захват власти. И они едва не преуспели в этом».¹

Владыка Иоанн – первый и, пожалуй, единственный из современных исследователей, ясно понявший великую опасность разрушения, какую неслас Руси «ересь жидовствующих». И здесь он оказался куда прозорливее новейших историков, готовых чуть ли не горевать по поводу разгрома еретиков. Р.Г.Скрынников, например, опечален тем, что «жестокое гонение на вольнодумцев (еретиков. – *И.Ф.*), продолжавшиеся 15 лет, нанесли непоправимый ущерб русской духовной культуре».² Никким образом нельзя согласиться с такой оценкой, ибо она переворачивает историческую правду с ног на голову. Гонения против еретиков, завершившиеся запретом их антихристианского учения, спасли русскую духовную культуру от распада традиций, восходящих к временам Киевской Руси, и неизбежных после этого разложения и деградации. По верному замечанию А.И.Солженицына, «преодоление ереси “жидовствующих” дало толчок духовной жизни Московской Руси конца XV – начала XVI века, осознанию необходимости духовного просвещения, школ для духовенства, а с именем еп. Геннадия связано собрание и издание на Руси первой церковно-славянской библии, еще не существовавшей как единое собрание на Православном востоке».³

К доблести наших предков следует отнести их неукротимую борьбу за спасение русской православной церкви и русской православной государственности. Бессмертен подвиг сокрушителей «ереси жидовствующих» архиепископа Геннадия и старца Иосифа Волоцкого, благодарно причисленных к лику святых. Потомки обязаны этим подвижникам тем, что они сорвали замысел «жидовствующих» овладеть Русью изнутри, посредством внедрения в сферу высшей власти – прием, который не раз еще будет применен в нашей истории противниками России.

«Ересь жидовствующих» была разбита, но не уничтожена полностью и ушла, как заметил Л.Поляков, в подполье.⁴ Аналогичным образом думают и наши историки. «Что касается еретиков, – говорит И.У.Будовниц, – то и после казней 1504 г. ересь жидовствующих, имевшая глубокие социальные корни, не прекратилась. Об этом говорит, между прочим, послание Иосифа Волоцкого к Василию Ивановичу 1510–1511 г., в котором Иосиф по-прежнему убеждает великого князя “подвигнуться” на еретиков. Боролся с еретиками и Даниил после поставления своего в 1522 г. с митрополитом».⁵ Историк не

¹ Там же. С. 123.

² Скрынников Р.Г. 1) Государство и церковь на Руси... С. 180; 2) Крест и корона. С. 189.

³ Солженицын А.И. Двести лет вместе (1795–1995). Ч. I. М., 2001. С. 22.

⁴ Поляков Лев. История антисемитизма. Эпоха веры. С. 359.

⁵ Будовниц И.У. Русская публицистика XVI века. М.; Л., 1947. С. 112.

прав здесь, на наш взгляд, в том, что «ересь жидовствующих» имела глубокие социальные корни. Но И.У.Будовниц верен себе и в другом месте своей книги говорит: «В пламени костров 1504 г. не истлели идеи русских еретиков. Большой рост городов в первой половине XVI века усилил позиции нарождавшейся русской буржуазии, в среде которой реформационные течения всегда находили горячих сторонников. Этих течений не могли приглушить ни казни, ни церковные отлучения, ни другие средства морального и физического воздействия. По-прежнему гнездом вольнодумства оставались за-волжские скиты, где белозерские пустыnnики подвергали сомнениям и критически перерабатывали многие общепринятые догматы и каноны. По смерти Иосифа Волоцкого с еретиками воюет митрополит Даниил, ими же должен был заняться и Макарий».¹ По словам А.И.Клибанова, «каким жестоким не явился удар, нанесенный реформационному (еретическому. — И.Ф.) движению, оно не было сломлено. Оно еще раз продемонстрировало свое общественное значение, вызвав страстные и долгие споры вокруг приговора 1504 г. между так называемыми иосифлянами и нестяжателями. Оно имеет свою историю и после собора 1504 г.»² Ученый отмечает, что еще «в начале второго десятилетия XVI в. последователи Алексея, Дениса и Федора Курицына продолжали существовать и составляли угрозу для церкви».³ Другой исследователь, В.И.Буганов, пишет: «После костров, на которых в начале столетия погибли самые яркие и активные еретики, официальная церковь торжествовала победу... Ересь как будто перестала существовать. Однако при отсутствии ее открытых проявлений вольнодумство продолжало существовать тайно, в скрытых формах...».⁴

Более открыто «подавленное вольномыслие жидовствующих» продолжало бытовать в московских северо-западных, «заволжских» пределах. Эпигоны жидовского вольномыслия таились здесь от начала XVI века в гостеприимных для них монастырях нестяжательского толка... Там, в Заволжье протестовали против смертной казни еретиков, Там, у вельможного старца Вассиана Патрикеева спасались два монаха, обличенные в жидовстве».⁵ Заволжье стало своеобразным «притоном» еретиков, преследуемых в Центре и бежавших в заволжские скиты.

Надо сказать, что после соборного осуждения ересь развивалась на фоне борьбы между так называемыми стяжателями и нестяжателями — сторонниками и противниками церковно-монастырских земельных владений. Воздем первых был Иосиф Волоцкий, главой вторых — сперва Нил Сорский, а затем старец Вассиан, к которому примкнул вскоре известный Максим Грек.

* * *

¹ Там же. С. 257.

² Клибанов А.И. Реформационные движения в России... С. 252.

³ Там же. С. 254.

⁴ Буганов В.И., Богданов А.П. Бунтари и правдоискатели в Русской православной церкви. М., 1991. С. 68.

⁵ Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. Т. I. С. 508.

В исторической науке, особенно либеральной, стяжателям, или иосифлянам, явно не повезло. Вот как об этом говорит А.В.Карташев: «В трудах русских историков, а теперь по прямому заимствованию из них и в иностранной литературе, всеобщее распространение является отрицательная оценка теорий русских “осифлян”, как бы грубо корыстных, христиански-ошибочных. А им противопоставляется как бы единственно истинное и христиански нормальное – проповедь заволжцев-нестяжателей. При этом подосознательным основанием для такой нецерковной и неортодоксальной расценки является предпосылка преклонения пред кажущимся “догматом” отделения церкви от государства. Для господствующего большинства вне-религиозных и антирелигиозных деятелей культуры очень выгодно и просто ухватываться за всякое направление в богословии, разрывающее связь церкви со всеми делами мира сего. Ничего не понимая и не желая понимать в существе церковной мудрости, эти господствующие деятели просвещения и литературы и создали для недалековидных мирских читателей этот искаженный лик нашего отечественного церковного прошлого, в котором как бы монополистом чистого евангельского христианства выступает преп. Нил Сорский, а искажителем христианства преп. Иосиф Волоцкий. Пора русской и церковной литературе освободиться от этой духовно чуждой ей и извне навязанной оценки».¹

Призыв А.В. Карташева, к сожалению, не нашел должного отклика среди исследователей. Правда, в советской историографии некоторое время, когда под влиянием указаний И.В.Сталина процесс централизации на Руси рассматривался в тесном единстве с развитием самодержавия и оценивался в положительном смысле, деятельность Иосифа Волоцкого и его последователей воспринималась позитивно. По словам М.Н.Тихомирова, «борьба иосифлян с нестяжателями в первой половине XVI в., как и ранее, была тесно связана с политической жизнью. Нестяжатели, нападая на монастырское землевладение, фактически поддерживали старые порядки периода феодальной раздробленности. Монастырское землевладение было страшно для них как опора самодержавия».² Сходным образом рассуждает И.У.Будовниц, у которого читаем: «Политическая линия Иосифа Волоцкого, направленная к укреплению московского самодержавия, несомненно, имела прогрессивное значение и куда более соответствовала новому положению объединявшегося государства, чем консервативный гуманизм, если можно так выразиться, заволжских старцев с их мистикой и проповедью отхода от жизни, с их стремлением создать независимую от светской власти церковь. Сильная, централизованная, экономически мощная церковь создавалась в унисон с сильной, централизованной самодержавной властью, и оба эти института взаимно поддерживали друг друга на всем протяжении “возвышения Москвы” от мелкого княжества до обширного государства».⁴

¹ Там же. С. 455.

² Тихомиров М.Н. Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в. Т. I. М., 1940. С. 141–142.

³ Будовниц И.У. Русская публицистика... С. 100.

Однако отрицательное отношение к иосифлянам и к их главе Иосифу Волоцкому приобрело широкое распространение, причем как в отечественной, так и в зарубежной историографии. Р.Г.Скрынников, например, уличает Иосифа и его учеников «в начетничестве, бездумном следовании букве Святого писания», мелочности и лживости.¹ Вслед за Г.П.Федотовым он считает, что Иосиф Волоцкий «разрушил традиции Сергия Радонежского, тогда как нестяжатели выступили его наследниками».² В согласии с другим исследователем, Г.Флоровским, автор полагает, что «с точки зрения развития духовных начал “заволжское движение” имело большое значение, так как именно в нем воплотился “процесс духовного и нравственного сложения христианской личности”».³ В книге А.А.Зиминой находим непривлекательный образ Иосифа — «пронырливого игумена».⁴ Идеологию противников нестяжателей автор называет «реакционной иосифлянкой идеологией».⁵

Не уступают отечественным историкам иностранные специалисты. Один американский «профессор русской истории» именует иосифлян «консерваторами», «консервативной партией», а Иосифа Волоцкого «вожаком» этой партии, «хитроумным настоятелем», «проповедником “воинствующей церкви”», «безудержным апологетом царского абсолютизма», подкреплявшим свои доводы «безжалостными интригами при дворе» с целью «восстановить царя против реформаторов и их сторонников среди придворных и бояр».⁶

«До мозга костей политизированными», пребывающими в интригах и «политических маневрах», подверженными «католическим иллюзиям» представляет Иосифа Волоцкого и его последователей А.Л.Янов.⁷ Иное дело нестяжатели: «Буквально за несколько десятилетий выросла из отшельников и моралистов в политических деятелей и бойцов (и между прочим, в великодушных публицистов, которых не устыдились бы взять к себе в компанию ни Герцен, ни Достоевский) первая славная когорта русской интеллигенции».⁸

В целом зарубежную историографию характеризует «оценка нестяжателей как носителей духа свободы не только в сфере религиозной, но и политической, а иосифлян — как носителей деспотизма. При этом победа иосифлянского движения оценивается как решающее событие, благодаря которому Россия свернула на отличный от западноевропейского путь развития».⁹

¹ См.: Скрынников Р.Г. 1) Государство и церковь на Руси... С. 181, 203; 2) История российской... С. 220; 3) Русь. IX–XVII века. СПб., 1999. С. 167.

² Скрынников Р.Г. Святители и власти. Л., 1990. С. 126.

³ Скрынников Р.Г. Государство и церковь на Руси... С. 162. См. также: Флоровский Г. Пути русского богословия. Минск, 2006. С. 21–27.

⁴ Зимина А.А. Россия на пороге нового времени. (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972. С. 61.

⁵ Там же. С. 346.

⁶ Пайпс Ричард. Россия при старом режиме. М., 1993. С. 303, 305.

⁷ Янов А.Л. Россия: У истоков трагедии. 1462–1584. Заметки о природе происхождения русской государственности. М., 2001. С. 124, 149, 151, 153.

⁸ Там же. С. 142.

⁹ Казакова Н.А. Очерки... С. 29.

Что являла собою «первая славная когорта русской интеллигенции» в лице главных ее представителей, нам и предстоит теперь разобраться.

* * *

Основоположником учения нестяжателей как оформленной доктрины является, насколько известно, Нил Сорский. По-видимому, это учение сформировалось под влиянием различных и порою противоречивых, по словам Н.А.Казаковой, «идейных веяний: оно использовало идеи и литературные приемы переводной византийской аскетической литературы, впитало некоторые элементы *еретических учений* (курсив наш. — И.Ф.) и, наконец, подверглось определенному воздействию со стороны русской учительской литературы и, в первую очередь, сочинений митрополита Киприана». ¹ Здесь для нас важным является указание Н.А.Казаковой на наличие в нестяжательстве «некоторых элементов еретических учений». В другой своей работе Н.А.Казакова приходит к выводу о том, что, «несмотря на разность социальной направленности нестяжательства и ересей, между этими учениями имелись точки соприкосновения». ² При этом «деятельность нестяжателей подготавливала почву для развития в России вольномыслия и распространения ересей». ³ Что касается непосредственно самого Нила Сорского, то вполне правомерным, по нашему мнению, является предположение И.Б. Грекова, согласно которому «своеобразным “мостом”, связывающим еретиков с нестяжателями первых десятилетий XVI в., был Нил Сорский, который, несмотря на свое формальное неучастие в ереси и даже критику ее, занимал позицию, объективно сближающую его с еретической группировкой 70–90-х годов. К этой группировке церковных феодалов примыкали и некоторые светские феодалы, тесно связанные с Крымом и Константинополем, в частности манкупский князь Константин и приверженец Елены Волошанки — Василий Патрикеев. Близость последних к Нилу Сорскому, который писал “утешительные” послания манкупскому князю в связи с его опалой в 1480 г., а Василиану — после заточения этого в монастырь в 1499 г., указывает на определенные политические симпатии инока Кирилло-Белозерского монастыря. Не менее показателен тот факт, что присутствие Нила, Зосимы и Паисия Ярославова на соборе 1490 г. смягчило удар по еретикам». ⁴ Об известном сходстве между Нилом и представителями новгородско-московской ереси рассуждал и Г.М. Прохоров. «Возможно, именно по причине этого сходства с еретиками, — говорит исследователь, — Нил счел нужным письменно засвидетельствовать свое полное принятие всех отвергаемых еретиками церковных

¹ Казакова Н.А. Об идейных истоках нестяжательства // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. Сб. статей, посвященный Льву Владимировичу Черепнину. М., 1972. С. 148.

² Казакова Н.А. Нестяжательство и ереси // Вопросы научного атеизма. Вып. 25. Атеизм, религия, церковь в истории СССР. М., 1980. С. 79.

³ Там же.

⁴ Греков Б.Д. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV–XVI вв. М., 1963. С. 268.

догматов и святоотеческих писаний и предать проклятию “лжеименных же учителей еретическая учения и предания вся”». ¹ На определенную связь нестяжателей с ересью конца XV — начала XVI века указывал и А.А.Зимин. «Идеология нестяжательства, — замечал историк, — сложилась не сразу. Первым импульсом к ее оформлению был подъем реформационного движения. Стремясь к укреплению церкви, нестяжатели первого призыва во главе с Нилом Сорским считали путем церковной реформы “умную молитву” и нравственное самоусовершенствование. Дух критицизма по отношению к “писанию” должен был, по их мысли, помочь избавить церковную традицию от “плевел”. Во всем этом сказывалось косвенное влияние еретического вольномыслия».²

К сказанному надо добавить, что Нил Сорский приходился, очевидно, старшим братом дьяку Андрею Майко (Майкову) — одному из видных государевых деятелей при дворе Ивана III.³ А.Майко, по всей видимости, состоял в придворной группировке (С.И.Ряполовский, Патрикеевы, Заболоцкие, Ф.Курицын и др.), осуществлявшей курс политики Ивана III, кульминацией которой была, по словам А.А.Зимина, «коронация Дмитрия-внука на великое княжение в 1498 г.».⁴ А.А.Зимин полагает, что «Андрей Майко был ближайшим сотрудником» Федора Курицына — «главы московского кружка еретиков».⁵ Довольно часто мы видим их вдвоем за дипломатической работой.⁶ «Следует обратить внимание на то, — пишет Ю.Г.Алексеев, — что Андрей Майко всюду на втором месте — после Федора Курицына. Майко, видимо, был вторым, младшим дьяком, “товарищем” Федора Курицына».⁷ Столь тесное общение по службе предполагает идейную близость дьяков и даже — дружбу. Не случайно А.А.Зимин высказал предположение о том, что Андрей Майко «попал в опалу вместе с Курицыным».⁸ Вероятно, Андрей Майко входил в еретический кружок, возглавляемый Федором Курицыным. Его близкое родство с Нилом Сорским не могло не сказаться (особенно по условиям того времени, когда родственные связи имели большое значение) на образе

¹ Прохоров Г.М. Нил Сорский // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 2. Л., 1989. С. 136.

² Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий... С. 228.

³ Лурье Я.С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI века. М.; Л., 1960. С. 296; Зимин А.А. 1) Крупная феодальная вотчина... С. 60; 2) События 1499 г. и борьба политических группировок при дворе Ивана III // Новое о прошлом нашей страны. Памяти академика М.Н.Тихомирова. М., 1967. С. 100; Алексеев Ю.Г. У кормила Российского государства: Очерк развития аппарата управления XIV–XV вв. СПб., 1998. С. 194; Алексеев А.И. Под знаком конца времен... С. 199; Прохоров Г.М. Нил Сорский. С. 133.

⁴ Зимин А.А. События 1499 г. и борьба политических группировок... С. 102.

⁵ Зимин А.А. Крупная феодальная вотчина... С. 60 (прим. 125).

⁶ См.: Алексеев Ю.Г. У кормила Российского государства... С. 190–191, 193.

⁷ Там же. С. 190.

⁸ Зимин А.А. Крупная феодальная вотчина... С. 60 (прим. 125). См. также: Зимин А.А. Дьяческий аппарат в России второй половины XV — первой трети XVI в. // Исторические записки. 87. 1971. С. 250–251

мыслей последнего. Отсюда, по-видимому, у старца щадящее отношение к еретикам и то сближение с еретическими учениями, о чем говорят Н.А.Казакова и И.Б.Греков.

Через своего брата Нил мог завязать знакомство с москвичами, так или иначе связанными с «ересью жидовствующих». Впрочем, он здесь не нуждался в особом посредничестве, поскольку «родом бе от Москвы» да к тому же еще и бывший «скорписец, рекше подъячей». ¹ Согласно Повести о Нило-Сорском ските, дошедшей до нас в рукописи XVII века, Нил служил на Москве в качестве «судиям книгъчия», что означает, по догадке Г.М.Прохорова, «какую-то связанную с книгами и судом реальность». ² Следовательно, ему непонаслышке была известна московская чиновно-канцелярская среда, видный представитель которой Федор Курицын выдвинулся в лидеры еретического движения, едва не сгубившего зарождающуюся Святую Русь. Нет ничего невероятного в том, что Курицына, близкого сослуживца своего брата Андрея, старец Нил знал лично.

Современные ученые выявляют местные русские корни нестяжательства. Так, Н.А.Казакова проследила влияние литературного наследия митрополита Киприана на формирование учения нестяжателей. ³ «Нил, — говорит Г.М.Прохоров, — имел перед собой сравнительно близкий и, несомненно, уважаемый им русский образец — фигуру и книги самого основателя монастыря, из которого он вышел». ⁴ А.И.Алексеев убежден, что «основные элементы “нестяжательской” доктрины оформились задолго до Нила Сорского», что «основной фонд “нестяжательских” идей содержится в сборниках первой половины XV в., происходивших из Кирилло-Белозерского монастыря. Часть этих сборников принадлежала преп. Кириллу Белозерскому или была переписана в период его игуменства». ⁵ Р.Г.Скрынникову представляется, что «предпосылки для возникновения русского нестяжательства следует искать не в “новом времени”, не в европейской Реформации, а в коллизиях русской истории, отмеченных крупнейшими конфискациями церковных земель и острой борьбой вокруг проектов секуляризации монастырских богатств». ⁶

Не оспаривая отдельные наблюдения упомянутых авторов, обратим все же внимание на внешний фактор, сыгравший, по всей видимости, не последнюю роль в возбуждении нестяжательских идей на Руси конца XV — первой четверти XVI века. С этой точки зрения трудно согласиться с А.И.Алексеевым, когда он говорит, будто «нестяжательство как историческое явление было вызвано к жизни эсхатологическим кризисом, захлестнувшим православные государства в XIV–XV столетиях. Являясь исключительно монашеским течением, нестяжательство по сути представляло собой узкий путь

¹ Прохоров Г.М. Нил Сорский. С. 133.

² Там же.

³ Казакова Н.А. Об идейных истоках нестяжательства // Феодальная Россия... С. 139–148.

⁴ Прохоров Г.М. Книги Кирилла Белозерского // ТОДРЛ. Т. XXXVI. Л., 1981. С. 56.

⁵ Алексеев А.И. Под знаком конца времен... С. 195–196.

⁶ Скрынников Р.Г. Государство и церковь на Руси... С. 188.

спасения для немногих».¹ Полагаем, что нестяжательство на Руси времен Нила Сорского было вызвано не только «эсхатологическим кризисом» или коллизиями исключительно русской истории, как считает Р.Г.Скрынников, но и обстоятельствами международного свойства, т.е. игрой внешних сил, враждебных Руси, стремящихся расшатать русское общество, посеяв в нем раздоры и несогласие, воспользовавшись данным кризисом. Перед нами один из многочисленных примеров «эксплуатации» истории, столь характерной для тайных организаций. Подобный подход делает несостоятельным мнение о нестяжательстве как «исключительно монашеском течении», вынося его на простор общественно-политической жизни и ставя в центр политических страстей и потрясений. Он обнаруживает также недостаточность идеи о том, будто «нестяжательство как определенное направление русской общественной мысли возникло в конце XV — начале XVI века в связи с происходившей в это время в России социально-политической и идеологической борьбой вокруг вопроса о монастырском землевладении».² Обратимся, однако, к фактам. И тут надо признаться, что их очень мало. Но, тем не менее, они достаточно выразительны.

По некоторым известиям, Нил Сорский родился в 1433 году в семье служилых людей. Старший брат Нила дьяк Андрей был известным человеком, сторонником, как мы уже отмечали, еретической группировки при дворе московского великого князя. Нил рано пристрастился к чтению книг, что доставляло ему, по собственному признанию, истинное наслаждение. Почувствовав влечение к иноческой жизни, он принял (не позднее середины 1460-х гг.) монашеский постриг в Кирилло-Белозерском монастыре, ставшем впоследствии центром заволжского прибежища еретиков, спасавшихся от преследований в Москве, Новгороде и других городах Руси. В обители имелась крупная по тому времени библиотека, где хранились не только книги канонического и церковно-учительного характера, но и сборники светского направления, относящиеся к сфере «внешней», «селлинской премудрости».³

Немалый вклад в расширение книжного собрания монастырской библиотеки внес Ефросин — монах Кирилло-Белозерского монастыря и книгописец, много лет (1463–1491) трудившийся над составлением различных сборников.⁴ По поводу их содержания М.Д.Каган и Я.С.Лурье говорят: «Наряду с обычными для монашеского чтения произведениями церковно-учительными — житиями и памятями святых в минеях и прологах, синаксарями, словами и поучениями отцов церкви, библейскими текстами, служебными статьями, молитвами и уставами — в сборниках Ефросина встречается большое количество светских произведений, носящих подчас апокрифический характер и мало подходящих для благочестивого монаха».⁵ И что особенно

¹ Алексеев А.И. Под знаком конца времен... С. 196.

² Казакова Н.А. Нестяжательство и ереси. С. 66.

³ Лурье Я.С. Русские современники Возрождения. С. 56.

⁴ Каган М.Д., Лурье Я.С. Ефросин // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 1. Л., 1988. С. 228.

⁵ Там же. С. 229.

любопытно, так это то, что насчет «отреченности» подобных произведений Ефросин «знал очень хорошо, так как сам включал в свои сборники списки (индексы), где эти книги характеризовались как “еретические списанья”, которых не подобает “ни внимати, ни чести”. Недаром после Сказания о двенадцати пятницах (от которого сохранилось только название и начало текста, а остальные листы оказались вырезанными) он написал: “сего во зборе не чти, ни многим являй”».¹ Означает ли последнее наставление книгописца, что в Кирилло-Белозерском монастыре в период кажущегося торжества «ереси жидовствующих» происходили тайные сходки избранного круга лиц для чтения еретических сочинений и обсуждения религиозных вопросов? И не в этом ли проявлялась независимость мысли кирилловских монахов, о которой пишет Я.С.Лурье?² На наш взгляд, утвердительный ответ здесь не покажется искусственным.

К такому ответу побуждает и тот факт, что Ефросин выступил в роли переписчика «Повести о Дракуле», автором которой, судя по всему, являлся «начальник» русских еретиков Федор Курицын.³ «В XV веке, — замечает Я.С.Лурье, — в России еще не было книгопечатания, и сочинение, которое автор хотел размножить, вручалось переписчику. Таким переписчиком и оказался для Федора Курицына опытный и достаточно известный к тому времени Ефросин... Так, очевидно, и осуществилось знакомство (очное или заочное) двух героев — книгописца Ефросина и дьяка Федора Курицына».⁴ Я.С.Лурье, как видим, допускает очное знакомство кирилловского монаха и великокняжеского дьяка, хотя полной уверенности тут, конечно, быть не может. Ясно лишь одно: Ефросин был известен Курицыну и каким-то образом с ним связан.⁵ Но только ли как простой переписчик, пусть даже весьма умелый? На этот вопрос помогают ответить некоторые детали, смысл которых до сих пор не истолкован в должной мере исследователями.

Известно, например, что Ефросин дважды переписывал произведение московского дьяка.⁶ Почему? Можно подумать, таково было условие заказа. Однако не исключено и другое: расположение Ефросина к сочинителю и высокая оценка его повести, обусловленные общностью взглядов заказчика и исполнителя. Красноречивы в данном отношении некоторые вставки Ефросина в повествование Георгия Амартола о живущих близ Индии «рахманах» (брахманах), у которых нет «ни храмов, ни риз»,⁷ «ни царя, ни купли, ни продажи, ни свару, ни боя, ни велмож».⁸ Я.С.Лурье дал следующий ком-

¹ Там же. С. 233.

² Лурье Я.С. Русские современники Возрождения. С. 62.

³ См.: Повесть о Дракуле. С. 42–44; Лурье Я.С. Русские современники Возрождения. С. 95–96. Ср.: Седельников А.Д. Литературная история повести о Дракуле // Изв. по русскому языку и словесности АН СССР. Т. II. Кн. 2. 1929. С. 637–638; Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV–XV веков. Ч. 2. М., 1951. С. 310–312.

⁴ Лурье Я.С. Русские современники Возрождения. С. 96.

⁵ См.: Там же. С. 143.

⁶ Там же. С. 94, 95.

⁷ Слова в кавычках принадлежат Ефросину и отсутствуют у Амартола.

⁸ Лурье Я.С. Русские современники Возрождения. С. 47.

ментарий привнесенным в повествование Амартола словам Ефросина: «Перед нами не просто рассказ о счастливых землях, а скрытая за ними утопия, и притом самая радикальная из утопий, известных древней Руси. И главное: отмеченные нами наиболее смелые черты легенды о рахманах — отказ от царей и вельмож, купли и продажи — представляют собой уникальную, нигде более не встречающуюся интерполяцию в переводном тексте Амартола...».¹ К сожалению, Я.С.Лурье не сумел проникнуть в подлинный смысл новаций инок Ефросина, хотя и отнес его воззрения к разряду «необычных и даже опасных».² Он не уловил самое сокровенное во вставках Ефросина, а именно то, что под оболочкой утопической легенды о «рахманах», или идеала, об осуществлении которого мечтал наш герой, скрывались важнейшие положения еретической программы, имевшей непосредственное отношение к деятельности еретиков на Руси конца XV — середины XVI века. Причем программа эта, как показала сама история еретического движения в России указанного времени, была рассчитана на длительный период и поэтапную реализацию. На первом этапе (конец XV — начало XVI века) «жидовствующие» боролись, как мы знаем, против православной веры, церкви и духовенства. Этому соответствовал тезис Ефросина об отсутствии у «рахманов» храмов и риз, т.е. церквей и духовенства (белого и черного³), как идеального общественного состояния.

В период правления великих князей Ивана III и Василия III вопрос о ликвидации или ограничении самодержавной власти еретиками не поднимался. Напротив, их тактика сводилась к тому, чтобы использовать ее для достижения своих целей. И потому они поддерживали самодержавные устремления московских правителей. Но в перспективе предполагалось, по-видимому, покончить и с ней, о чем свидетельствует политика Избранной Рады, а также «новое учение» Феодосия Косого — наиболее полное выражение замыслов губителей Святой Руси. Косой со своими единомышленниками не только агитировал, насколько известно, против православия, церкви и духовенства, но и выступал за ниспровержение государства и неповиновение властям, призывал уклоняться от уплаты налогов, отказаться от военной службы и участия в войнах. У Ефросина это нашло отражение в избавлении «рахманов» от «царя» и «вельмож», в отсутствии у них войн («боя»).

Таким образом, интерполяция Ефросина представляет огромную ценность для изучения еретического движения на Руси конца XV — середины XVI века. Она дает возможность исследователю понять высокую степень подготовленности этого движения, в том числе по части разработки его целей и задач. Вставки в текст рассказа Георгия Амартола, произведенные мо-
нахом Ефросином, выдают еретические пристрастия последнего, как и ко-

¹ Там же. С. 47–48.

² Там же. С. 46.

³ Словом «ризы» тогда называли священническое облачение и монашеское одеяние. — См.: Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. III. СПб., 1903. Стб. 121.

пирование им отреченных книг, различных сборников, пересыпанных «глу-мами», «кощунами» и «баснями», с которыми вели неустанную борьбу ревнители благочестия.¹ Все это вполне объясняет, почему Федор Курицын доверил «списание» своей «Повести о Дракуле» именно Ефросину. Перед нами как раз тот случай, когда, по известному выражению, правда несколько видоизмененному, «свой своего познаша». И то, что эти «свои люди» находились далеко друг от друга (один в Москве, другой на Белоозере), свидетельствует о разветвленности еретической сети на Руси конца XV века. По всему вероятно, в Кирилло-Белозерском монастыре, помимо Ефросина, можно было встретить и еще кое-кого из любителей «вольнодумства». О писаниях Ефросина в монастыре, конечно, было известно. Значит, его кто-то поддерживал и поощрял. Знал, наверное, о делах Ефросина и Нил. Не случайно он предостерегал одного из своих учеников насчет опасности, истекающей от «мирская мудрствующих» и «растленных разумом» вольнодумцев.² В монастыре Нил, как видим, жил окруженный атмосферой соблазна. Быть может, спасаясь от него, старец отправился в далекое путешествие на Восток (1480-е гг.³), где посетил Константинополь, побывал на Святой горе (Афон). в «классических лаврах» Палестины и, возможно, на Синае.⁴

В странствиях Нил пробыл довольно долго.⁵ Домой он воротился обновленным. «На родину, — пишет И.У.Будовниц, — Нил вернулся с вполне сложившейся системой взглядов, не только навеянной чтением столпов церкви, но явившейся также результатом собственных мыслей и умственных усилий Нила...».⁶ Инок начал новую жизнь. Он ушел из Кирилло-Белозерского монастыря и в 15 верстах от него на речке Соре (Сорке) соорудил себе келью «малу» и отдался чтению Евангелия, толкований, апостольских преданий, творений отцов церкви, житий святых, находя в том свое «дыхание и живот». Нил основал скит, где поселились его ученики, для которых старец написал «Предание ученикам» и довольно обширный «Устав о жительстве скитском».

Итак, путешествие в Константинополь, на Афон и Синай произвело в Ниле умственный и нравственный переворот. Заслуживают пристального внимания соображения на сей счет И.Б.Грекова, согласно которому Нил Сорский, «сочувствуя в известной мере еретическим идеям и поддерживая связь с “проконстантинопольской” группировкой в Москве, до начала 80-х годов

¹ См.: Лурье Я.С. Русские современники Возрождения. С. 66, 67, 75.

² Там же. С. 68.

³ Алексеев А.И. Под знаком конца времен... С. 199. По Я.С.Лурье, уход Нила из Кириллова монастыря, «его “странствие” и основание самостоятельно “кельи” следует относить... не ранее чем к 70–80-м годам XV в.». — Лурье Я.С. Идеологическая борьба... С. 305.

⁴ Казакова Н.А. Очерки по истории русской общественной мысли. Первая треть XVI века. Л., 1970. С.61; Алексеев А.И. Под знаком конца времен... С. 200.

⁵ См.: Будовниц И.У. Русская публицистика... С. 72; Прохоров Г.М. Нил Сорский. С. 134.

⁶ Там же.

не выдвигал лозунга “нестяжательства”. Характерно, что он “возлюбил образ монашеской жизни так называемый скитский” лишь после поездки в Царьград и на Афон... Если прежде Нил в общем удовлетворялся “общежительной” жизнью монастыря, то, вернувшись на Русь, он стал убежденным сторонником “скита” и “пришед... в... Сорскую пустыню”. В сущности, и сам он не скрывал большого значения в своей жизни факта пребывания “в святой горе Афонстей и в стране Царьграда”, поскольку он прямо об этом говорил в своем Уставе. К началу XVI столетия Нил Сорский стал законченным идеологом “нестяжательства”». ¹

Правомерен вопрос, вследствие чего столь радикально и быстро изменилось мировоззрение Нила: в результате лишь собственных наблюдений и раздумий или же отчасти по внушению, влиянию со стороны, к чему, следует заметить, странник был предрасположен, поскольку идеи нестяжательства ему были знакомы по книжному собранию обители преподобного Кирилла. ² Но если по чьему-нибудь внушению произошел окончательный поворот к нестяжательству, то резонно спросить, с какой целью было сделано это внушение и не скрывался ли тут тайный расчет. Некоторые обстоятельства позволяют думать именно в этом направлении. Вспомним о том, что правящие круги Турции, которую посетил наш путешественник, прекрасно понимали «значение греческой церкви в политическом развитии Восточной Европы, и, начиная с 70-х годов XV в., они все чаще пробовали поставить под контроль важнейшие рычаги политической жизни русских земель. При этом наряду с открытыми, лобовыми атаками Константинополь прибегал и к завуалированным методам идеологического и политического воздействия на русскую церковь. ... Это был уже новый этап во взаимоотношениях русской церкви с Константинополем, этап, тесно связанный с внешней политикой султанской Турции». ³ Причем здесь Царьград и Афон, за которыми стояла константинопольская патриархия, действовали порою совместно. ⁴

Едва ли мусульманское правительство Порты самостоятельно разрабатывало «завуалированные методы идеологического и политического воздействия на русскую церковь». Для этого надо было основательно знать христианство, в частности русское православие. Естественно предположить, что турки пользовались услугами соответствующих экспертов и консультантов, похоже, из враждебного русской церкви лагеря. Чтобы последнее предположение приобрело должную убедительность, обратимся еще раз к сути уче-

¹ Греков И.Б. Очерки... С. 268–269.

² Алексеев А.И. Под знаком конца времен... С. 200.

³ Греков И.Б. Очерки... С. 209–210.

⁴ Там же. С. 210. Общей платформой для подобного рода действий являлось отрицательное отношение султанского правительства и константинопольского патриархата к Руси того времени. Турецкое правительство видело в Руси своего неприимого врага, а царьградская патриархия – своевольную, вышедшую из-под контроля епархию, претендующую на роль хранительницы истинного православия, с чем, разумеется, греки не могли согласиться и потому податливы были на разные интриги против русской церкви.

ния Нила Сорского и особенно к той объективной роли, которую играло оно в конкретной исторической обстановке Руси конца XV – начала XVI века.

Видный специалист в области изучения истории нестяжательства Н.А.Казакова, характеризуя учение Нила Сорского, пишет: «Главным в учении Нила Сорского являлся призыв к внутреннему духовному самоусовершенствованию иноков – к борьбе со “страстными помыслами”. Путь борьбы со страстями лежит, согласно взглядам Нила, не в исполнении внешних обрядов, а в “умной молитве” – внутреннем сосредоточении, молитве сердцем, во время которой человек вступает в соединение с Богом. На формирование взглядов Нила Сорского значительное влияние оказал исихазм со свойственным ему утверждением религиозного индивидуализма... Прямые обличения вотчинного быта монастырей в сочинениях Нила Сорского отсутствуют. Но признание Нилом Сорским скитов (объединений двух-трех монахов, живущих трудом своих рук) наилучшей формой организации монашества означало *de facto* отрицание прав монастырей на владение вотчинами и эксплуатацию крестьянского труда... С представлением о первенствующей роли в религии духовного начала и осуждением церковного стяжательства связано отрицательное отношение Нила Сорского к пышному церковному убранству... Важным для характеристики мировоззрения Нила Сорского считают его высказывание, содержащееся в “Послании” книгописцу Кирилло-Белозерского монастыря Гурию Тушину: “Писания много, но не вся божествена суть”. Эти слова истолковывают по-разному: сторонники традиционной точки зрения усматривают в них доказательство не только стремления Нила противопоставить “божественно писание” (Библию) остальной церковной литературе, но и доказательство критического отношения Нила к самому “божественному писанию”; Я.С. Лурье полагает, что о “критицизме” Нила Сорского не может быть речи и что “божественное писание” Нил противопоставлял литературе неканонической, и прежде всего еретической. Но даже если согласиться с мнением Я.С. Лурье, то несомненно, что формулировка Нила давала возможность для самой широкой интерпретации, и в частности в духе вольномыслия... Мировоззрение Нила Сорского не выходило за рамки православия. Но некоторые особенности сближают его учение с идеологией еретиков, например признание им важности в религии духовного начала и связанного с ним религиозного индивидуализма».¹

В учении Нила Сорского наше внимание привлекают три принципа: 1) отвержение внешнего обряда и сосредоточение на индивидуальной «умной молитве», молитве сердцем, непосредственно соединяющей молящегося с Богом; 2) отрицание необходимости монастырского землевладения и предпочтение скита другим организациям монашеской жизни; 3) критический взгляд на церковную литературу, освященную авторитетом отцов церкви.

Все эти принципы в конкретных исторических условиях Руси конца XV – начала XVI века, охваченной ересью «жидовствующих», способствовали развитию разрушительных процессов, пагубных для только что начинающейся Святой Руси. Так, критика тех или иных произведений святоотеческой

¹ Казакова Н.И. Нестяжательство и ереси. С. 66–68.

литературы, открывала двери, как верно заметила Н.А.Казакова, вольномыслию, которое тогда не могло быть иным, как еретическим.¹ Отказ от внешней обрядности за счет индивидуальной внутренней молитвы, во время которой человек вступает в прямой контакт с Богом, мог влечь за собой мысль о ниспровержении церкви как «Дома молитвы», посредствующего общению православных людей с Господом. Покушение на земельную собственность монастырей, в значительной мере существующей благодаря возникшему на Руси заупокойно-поминальному культу, замена общежительных монастырей скитами грозили перевернуть вверх дном весь церковно-монастырский уклад, сложившийся на Руси, по крайней мере, на протяжении предшествующих двух столетий. А это, несомненно, привело бы к расстройству симфонии духовной и светской власти, вследствие которой и стало возможным появление Святой Руси. Назревала опасная для Руси ситуация, способная перерасти в катастрофу, тем более что Нил Сорский не только теоретизировал по части земельной собственности монастырей, но и выступил в качестве как бы практического советника на соборе 1503 года, где он в подкрепление конфискационных намерений Ивана III «нача глаголати, чтобы у монастырей сел не было, а жили бы черныцы по пустыням, а кормили бы ся рукоделием...».² Иными словами, Нил нацеливал государя на реформу монашества, объективным результатом которой «должна была явиться ликвидация монастырских вотчин»,³ а также замена общежительных монастырей скитами. Нет сомнений в том, что реализация этих нестяжательских предложений неизбежно изменила бы вектор исторического развития Руси с неизвестными для нее последствиями.

Против установок Нила восстал Иосиф Волоцкий. Сугубо индивидуальной молитве он противопоставил «соборную молитву»,⁴ отверг скепсис относительно Святого писания, защищал общежительный устав монашеской жизни, земельные владения монастырей, в конечном счете, тот церковно-государственный порядок, который сложился на Руси к исходу XV столетия. Он правильно почувствовал опасность, исходящую объективно от нестяжательства (независимо от благих намерений Нила и его сторонников): «Ино вере будет колебание».⁵

Исходя из объективной исторической роли иосифлян и нестяжателей, есть основания характеризовать последних как партию национального разруше-

¹ «Усиленная работа мысли, — говорит И.У. Будовниц, — привела Нила Сорского к убеждению в погрешимости многих общепризнанных авторитетов. Он требует критического подхода к писанию. Требование это, с одной стороны, возвышает его над московскими книжниками, которые с равным благоговением относились к любому «писанию книжному», а с другой — роднит его с еретиками, которые также критически разбирались в божественной литературе». — Будовниц И.У. Русская публицистика XVI века. С. 78.

² Послания Иосифа Волоцкого. М.; Л., 1959. С. 367.

³ Казакова Н.А. Очерки... С. 66.

⁴ Казакова Н.А. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.; Л., 1960. С. 19.

⁵ Послания Иосифа Волоцкого. С. 367.

ния, а первых – как партию национального спасения. Поэтому вряд ли можно согласиться с Н.А.Казаковой, когда она пишет: «В связи с тем сложным положением, в котором оказалась русская церковь в конце XV в., среди духовенства возникают два идеологических течения – иосифлянство и нестяжательство, ставившие своей целью укрепление православной церкви, но совершенно различными методами и средствами».¹ Верно то, что иосифляне ставили своей целью укрепление православной церкви. Возможно, ту же цель преследовали и нестяжатели, хотя относительно них (помимо, разумеется. Нила Сорского) у нас возникают на сей счет большие сомнения. Но, даже допустив субъективные благие установки нестяжателей, мы должны признать, что в объективном плане их учение расшатывало сложившиеся к тому времени (конец XV – середина XVI в.) основы церковно-монастырской жизни и вносило разлад в отношения церкви с государством. Однако коренным недостатком учения нестяжателей, предопределившим их поражение в борьбе с иосифлянами, являлось то, что оно, утверждая принципы индивидуализма, шло вразрез с исторической практикой русского народа, издревле жившего коллективно и возносившего молитвы к Богу соборно.

Ради исторической справедливости надо сказать, что негативное влияние нестяжательства на церковно-политическую жизнь Святой Руси менее всего заметно в деятельности Нила Сорского, поскольку то был человек экзальтированный и отрешенный «от пустошного мира сего». Другое дело прагматичный, энергичный и деятельный ученик Нила – старец Вассиан, который сумел приспособить учение нестяжателей к собственным политическим нуждам, превратить теорию нестяжательства в инструмент публичной политики и затеять с церковью громкую «прю» по вопросу о монастырском землевладении,² осуществив тем самым очередную попытку расшатывания церковно-монастырских устоев на Руси. А.А.Зимин в этой связи замечает: «Если Нил Сорский развивал главным образом теоретические основы учения нестяжателей, то Вассиан Патрикеев в своих творениях пытался применить его учение к конкретно-исторической жизни Русского государства XVI в.».³ К тому же Вассиан, как и недавний его собрат, Федор Курицын, стремился сделать великого князя орудием исполнения своих замыслов, прежде всего орудием борьбы с иосифлянами, добившимися (к великой досаде «жидовствующих») соборного осуждения и разгрома еретиков – друзей и сподвижников Вассиана.

¹ Казакова Н.А. Очерки... С. 59.

² См.: Будовниц И.У. Русская публицистика XVI века. С. 81.

³ Зимин А.А. Россия на пороге нового времени... С. 128.

Глава II. «ВЕЛИКИЙ ВРЕМЕННОЙ ЧЕЛОВЕК» ВАССИАН ПАТРИКЕЕВ

Старец Вассиан, в миру князь Василий Иванович Патрикеев по прозвищу Косой, принадлежал к старому московскому боярству, тесно связанному с великокняжеским двором.¹ Родоначальником Патрикеевых являлся внук Гедимина литовский князь Патрикий Наримантович, приглашенный новгородцами в 1383 году в качестве служилого князя.² Сын Патрикия, князь Юрий Патрикеевич, уехал в Москву, где поступил на службу к московскому великому князю Василию Дмитриевичу и женился на его дочери, породнившись с великокняжеской семьей. С тех пор Патрикеевы, в том числе и Василий Иванович, находились на вершине власти, выполняя весьма ответственные поручения московских государей.³ О расположении Ивана III к семейству Патрикеевых свидетельствует тот факт, что во время перестройки своего «старого двора» в 1492 году великий князь со всеми своими близкими родичами переселился в палаты именно И.Ю.Патрикеева, а не кого-нибудь другого: «Тое же весны, апреля в 5 день, в четверток, вышел князь велики из своего двора из старого в княжъ Иванов двор Юриевича в новой, и с великою княгинею Софиею и з детми, и с невесткою с великою княгинею Еленою, и с князем Дмитрием с внуком: а старой свой двор велел разобрати».⁴

В правление Ивана III случилось так, что Патрикеевы вошли в круг придворных – сторонников Елены Волошанки и внука великого князя Дмитрия Ивановича, противопоставляемого Василию Ивановичу, унаследовавшему, в конце концов, московский стол.⁵ Вполне естественно предположить связь князя Василия Патрикеева с всеильным Федором Курицыным – видным деятелем придворной партии, поддерживающей Елену Стефановну и Дмитрия Ивановича, и руководителем московских еретиков, или «жидовствующих». Н.А.Казакова приводит факты сотрудничества по службе Патрикее-

¹ См.: Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV–XV веков. Ч. 2. М., 1951. С. 307.

² Казакова Н.А. Очерки по истории русской общественной мысли. Первая треть XVI века. Л., 1970. С. 87.

³ См.: Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV–XV веков. Ч. 2. С. 307–308.

⁴ ПСРЛ. Т. VIII. М., 2001. С. 224.

⁵ Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV–XV веков. Ч. 2. С. 306; Казакова Н.А. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.; Л., 1960. С. 43–44; Кашианов С.М. Социально-политическая история России конца XV – первой половины XVI в. М., 1967. С. 106–108; Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий: (Очерки социально-политической истории). М., 1982. С. 160–177; Правящая элита Русского государства IX – начала XVIII вв.: Очерки истории. СПб., 2006. С. 168.

вых с Курицыным.¹ При этом она резонно замечает: «Конечно, факты совместной служебной деятельности Патрикеевых и Курицына, взятые сами по себе, не свидетельствуют об их действительной близости». И далее продолжает: «Но если к ним прибавить влияние идеологии еретиков, следы которого наблюдаются в публицистическом наследии В.И.Патрикеева, то тогда эти факты становятся свидетелями реальных связей, существовавших между Патрикеевыми и окружением Елены Волошанки, возглавлявшей партию Дмитрия».² Аргументация Н.А.Казаковой была поддержана А.А.Зиминим, который писал: «Н.А.Казакова привела достаточный материал, говорящий о близости Патрикеевых к Федору Курицыну, лидеру группировки, опиравшейся на кандидатуру наследника престола Дмитрия-внука. ... Н.А.Казакова отмечает и следы влияния еретической идеологии на творчество Вассиана Патрикеева».³ Сам А.А.Зимин привел дополнительные доводы, подтверждающие наблюдения Н.А.Казаковой: «Атмосфера секуляризационных мероприятий Ивана III, бесспорное причастие к ним И.Ю.Патрикеева подкрепляют гипотезу о близости Патрикеевых к кругу Дмитрия-внука и Федора Курицына, являвшегося одним из вдохновителей великокняжеской политики в 90-е годы XV в. Позднее, ратуя за недопустимость монастырского землевладения, Вассиан Патрикеев использовал житейские впечатления, относящиеся к концу XV в.»⁴ Все это позволяет высказать предположение если не о причастности Василия Ивановича Патрикеева к «ереси жидовствующих» конца XV века, то о сочувственном отношении к ней знатного вельможи.

Нельзя также забывать литовское происхождение Патрикеевых, которые, надо думать, поддерживали какие-то связи с литовскими людьми. Известно, например, что в январе 1487 года И.Ю.Патрикеев угощал у себя дома литовского посла.⁵ Факт примечательный, говорящий о «прияньстве» его к гостю из Литвы. «В 1492–1494 гг. И.Ю.Патрикеев в качестве “наивысшего воеводы государя” принимал литовских послов и вел с ними переговоры».⁶ Что касается В.И.Патрикеева, то князь в 1493 г. «участвовал в походе на Вязьму и доставил в Москву пленных литовских “князей и панов”».⁷ По всему вероятию, В.И.Патрикеев общался с этими «князьями и панами», тем более что в

¹ Казакова Н.А. 1) Вассиан Патрикеев... С. 46–47; 2) Очерки... С. 89, 98.

² Казакова Н.А. 1) Вассиан Патрикеев... С. 47; 2) Очерки... С. 98.

³ Зимин А.А. События 1499 г. и борьба политических группировок при дворе Ивана III // Новое о прошлом нашей страны. Памяти академика М.Н.Тихомирова. М., 1967. С. 94–95. См. также: Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий. С. 167. Я.С. Лурье связь Курицына с Патрикеевыми «представляется сомнительной и недоказанной» (Лурье Я.С. Новгородско-московская ересь конца XV – начала XVI в. // Казакова Н.А. и Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV – начала XVI века. М.; Л., 1955. С. 167–168). На наш взгляд, это – поспешное заключение, поскольку факты говорят об ином.

⁴ Зимин А.А. События 1499 г. и борьба политических группировок... С. 100. См. также: Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий... С. 174.

⁵ Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV–XV веков. Ч. 2. С. 307.

⁶ Там же. С. 308.

⁷ Там же.

Москве их ожидал хороший прием: «Князь велики их пожаловал их же вотчиною Вязмою и повеле им себе служитьи».¹ В 1494 году Василий Патрикеев вел переговоры с литовскими послами, а затем вместе с князем Семеном Ряполовским ездил с посольством в Литву для ратификации русско-литовского договора.² Литва в это время кишела еретиками. Не исключено, что еретическое влияние на В.И.Патрикеева шло и по линии его литовских контактов. Нельзя также не отметить, что в посольство 1494 года входил известный еретик Федор Курицын. Это, на наш взгляд, указывает на принадлежность Курицына к политической группе Ряполовского и Патрикеева, а значит, на единение с ними. Федор Курицын нашел в лице Ряполовского и Патрикеевых (возможно, тоже принадлежавших к еретическому кругу) мощную опору в придворной борьбе за переход власти к Дмитрию-внуку и устранение с политической сцены Василия-сына.

Однако эта опора неожиданно рухнула: 7 января 1499 года «князь велики велел поимати бояр своих князя Ивана Юрьевича з детми да князя Семена Ивановича Ряполовского и велел казнити князь Семена Ряполовского, отсекоша ему главу на реци на Москве пониже мосту февраля 5, во вторник. А князя Ивана Юрьевича пожаловал от казни, отпустил его в чернци кь Троици, а сына его князя Василья Ивановича Кривого отпустил в Кирилов в монастырь на Белоозеро».³ Составитель Степенной книги объяснил милость Ивана III к Патрикеевым («пожаловал от казни») заступничеством митрополита и других высших церковных иерархов: «Князя же Ивана Юрьевича и сына его Василья Косово для моления митрополита и владык милость над ними сотвори: смерти не предаст их».⁴

Так князь Василий Патрикеев превратился в старца Вассиана, инока Кирилло-Белозерского монастыря. Здесь, по словам Н.А.Казаковой, он «неизбежно должен был столкнуться с Нилом Сорским, чей скит находился в 15 верстах от монастыря и чье имя было популярно среди монастырской братии. Проповедь Нила Сорского призывавшего к полному отречению от мира, учившего, что “дым есть житие се, пара, персть и пепел”, не могла не произвести впечатление на человека, только что пережившего крутую ломку своей судьбы, вырванного из самой гущи общественно-политической жизни и насильно одетого в монашескую рясу. Вассиана увлекают идеи нестяжания и внутреннего самоусовершенствования, и он становится ревностным почитателем Нила Сорского».⁵ Конечно, не только личная драма бросила Вассиана Патрикеева в утешительные объятия Нила Сорского, учившего о бренности бытия людского. К этому в немалой мере побуждала близость еретических идей, усвоенных Патрикеевым в процессе общения с ересиархом Федором Курицыным, к доктрине Нила, о чем убедительно писала Н.А.Казакова.⁶

¹ ПСРЛ. Т.VI. Вып. 2. М., 2001. Стб. 336; Т.VIII. С. 226.

² Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV–XV веков. Ч. 2. С. 308.

³ ПСРЛ. Т.VI. Вып. 2. Стб. 357; Т.VIII. С. 236; Т. XII. М., 2000. С. 248–249.

⁴ ПСРЛ. Т.XXI. Часть вторая. СПб., 1913. С. 571.

⁵ Казакова Н.А. Вассиан Патрикеев... С. 48.

⁶ См.: Казакова Н.А. Нестяжательство и ереси // Вопросы научного атеизма. Вып. 25. Атеизм, религия и церковь в истории СССР. М., 1980. С. 62–79.

Однако Нил Сорский и Вассиан Патрикеев были совершенно разными по своему складу, темпераменту и жизненным позициям люди. С одной стороны, идеалист-романтик, чуждый житейской корысти и земным благам, а с другой – прагматик и делец, снедаемый жаждой публичной деятельности. Такими видятся Нил Сорский и Вассиан Патрикеев.

Благодаря своей практической сметливости Вассиан быстро прилепился к авторитетному и славному имени Нила, сообразив всю выгоду называться его учеником. Будет кстати привести здесь слова известного историка русской церкви Е.Е.Голубинского: «Как думать о новом, случайно явившемся в лице Вассиана, проповеднике возвращения монашества к его первоначальному совершенству, остается нерешенным вопросом. Как будто вероятнейшее есть то, чтобы не видеть в нем проповедника совсем истинного, подобного Нилу, у которого слово было бы выражением глубоко искренних мыслей, – что он стал проповедником не столько вследствие прямого, действительно охватившего его душу, желания этого совершенства, сколько вследствие побочного честолюбивого желания быть проповедником».²

Едва оказавшись в далеком заволжском монастыре, Вассиан включается в идейную борьбу и занимает видное положение среди местных старцев, последователей Нила. В годы ссылки проявляются такие черты мировоззрения Вассиана, как «резко отрицательное отношение к монастырскому землевладению и относительно гуманный взгляд на еретиков».³

Кириллов монастырь был слишком тесен для честолюбивых вожделений Вассиана, и его, понятно, тянуло в Москву с ее шумной общественной жизнью. Исследователи называют разные годы возвращения Вассиана в столицу: 1503–1504,⁴ 1508.⁵ 1509,⁶ наконец, 1510 год.⁷ Переезд Вассиана в Мос-

¹ Н.А.Казакова отмечает, что Вассиан не смог следовать заповеди Нила «полного отречения от мира и сосредоточения на внутреннем самоусовершенствовании. Темперамент политического деятеля очень скоро взял верх над монашескими обетами. Вассиан вновь вмешивается в общественно-политическую жизнь в той единственной форме, которая осталась для него возможной, – в форме участия в идеологической, религиозной борьбе». – Казакова Н.А. Вассиан Патрикеев... С. 49.

² Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. II. Перв. пол. тома. М., 1997. С. 652.

³ Казакова Н.А. Вассиан Патрикеев... С. 53.

⁴ Макарий (Булгаков). История русской церкви. Кн. IV. Часть первая. М., 1996. С. 86; Хрущов И. Князь-инок Вассиан Патрикеев // Древняя и новая Россия. Т. 1. 1875. С. 270; Жмакин В. Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881. С. 65–66.

⁵ Павлов А. Исторический очерк секуляризации церковных земель. Ч. 1. Одесса, 1871. С. 65; Малинин В. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901. С. 637.

⁶ Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. II. Первая половина тома. С. 654; Казакова Н.А. Вассиан Патрикеев... С. 56; Скрынников Р.Г. 1) Святители и власти. Л., 1990. С. 139; 2) Государство и церковь на Руси XIV–XVI вв.: Подвижники русской церкви. Новосибирск, 1991. С. 186.

⁷ Зимин А.А. 1) Россия на пороге нового времени: (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972. С. 127; 2) Крупная феодальная вотчина

кву представляет собой в некотором роде загадку. В самом деле, как могло случиться, что недавний политический противник Василия III, входивший во враждебную ему партию Елены Волошанки и Дмитрия-внука, осужденную Иваном III за придворные интриги, а церковным собором – за еретичество, вдруг оказался в Москве да еще среди доверенных лиц великого князя. Некоторые историки, не вдаваясь в рассуждения, просто констатируют факт появления Вассиана в стольном граде. «Вернувшись в Москву, – пишет И.У.Будовниц, – Вассиан Косой обосновался в Симоновом монастыре, получая из двора полное содержание. Он входит в милость к своему троюродному брату, великому князю Василию Ивановичу и, по-видимому, приобретает даже известное влияние на государственные дела».¹ Но еще в дореволюционной историографии исследователи пытались дать объяснения факту появления опального боярина в столице. Е.Е.Голубинский писал: «Вассиан вместе с своим отцом привлек на себя опалу великого князя Ивана Васильевича тем, что был на стороне его внука Дмитрия против его сына Василия. Но этот его сын, из-за которого пострадал Вассиан, заняв его место, вызвал последнего на жительство в Москву и сделал его приближеннейшим к себе человеком. Как объяснить это неожиданное благоволение Василия Ивановича к Вассиану, в современных известиях не делается никаких указаний. Предполагать, чтобы милостию к Вассиану великий князь хотел искупить свою вину перед ним в том, что он – Вассиан из-за него – великого князя стал монахом, не представляется вероятным, ибо Василий Иванович вовсе не отличался такими рыцарскими качествами характера, которые бы давали возможность предполагать это. Не невероятным представляется думать, что, приближая к себе Вассиана, великий князь руководствовался важным государственным расчетом. Человек до крайности властолюбивый, он хотел всех крепко взять в свои руки, а в том числе и духовенство. Лучшим средством в сем случае по отношению к духовенству было то, чтобы держать его в постоянном страхе за его вотчины, вопрос о которых был поднят на соборе 1503-го года: это и сделал Василий Иванович, приблизив к себе Вассиана, настойчивого противника вотчинновладения».²

Обращаясь к данному вопросу, Н.А.Казакова замечает: «Если Василий Иванович, став великим князем, возвратил из ссылки человека, который в прошлом выступал против его притязаний на великое княжение и к опале которого он в свое время приложил руку, то для этого должны были существовать серьезные основания. Искать их следует в том направлении политики великокняжеского правительства, какое она получила в конце XV – начале XVI века».³ Это «направление великокняжеского правительства» Н.А.Казакова усматривает в ограничении церковного и монастырского землевладе-

и социально-политическая борьба в России (конец XV–XVI в.). М., 1977. С. 90. См также: Послания Иосифа Волоцкого. М.; Л., 1959. С. 278.

¹ Будовниц И. У. Русская публицистика XVI века. М.; Л., 1947. С. 111.

² Голубинский Е. Е. История русской церкви. Т. II. Первая половина тома. С. 653–654.

³ Казакова Н. А. Вассиан Патрикеев... С. 53.

ния.¹ Отсюда следует ответ на вопрос, почему Вассиана взяли в Москву: «При таком направлении политики Василия III страстные выступления Вассиана против монастырского стяжания, обличения им вотчинного быта монастырей должны были получить благоприятный резонанс при великокняжеском дворе, ибо они давали идейное обоснование мероприятиям, ограничивающим вотчинные права монастырей. И в этом заключалась причина возвращения Вассиана из ссылки в Москву». Василий III забыл былые столкновения, поскольку нашел в Вассиане «умного и деятельного сторонника политики ограничения феодальных прав церкви».²

Н.А.Казакова, на наш взгляд, переоценивает общность взглядов Василия III и Вассиана относительно церковной и монастырской земельной собственности. Великий князь, как мы знаем, проводил политику ограничения феодальных (иммунитетных) прав, стеснял вотчинные привилегии монастырей. И это соответствовало процессу формирования русского самодержавия и централизованного государства, чему православная церковь не только не препятствовала, но и во многом содействовала, заботясь лишь о соблюдении «симфонии» светской и духовной власти. Вассиан же призывал к насильственному отторжению земельных владений у монастырей, т.е. занимал крайнюю, пользуясь современной лексикой, экстремистскую позицию в этом вопросе, чреватую полным разладом взаимоотношений церкви с государством, который в условиях находящегося еще в стадии становления Русского централизованного государства грозил последнему если не развалом, то жестокими (при этом искусственно созданными) испытаниями. Поэтому поиски причины перевода Вассиана в Москву следует, по нашему мнению, продолжить.

Р.Г.Скрынников полагает, что Вассиана в Москву вызвал игумен столичного Симонова монастыря старец Варлаам.³ «Князь-инок, будучи вождем нестяжателей, – пишет исследователь, – занял влиятельное положение среди советников митрополита и в великокняжеском дворце. Причины возвышения Патрикеева нетрудно объяснить. Князь-инок доводился троюродным братом Ивану III, а его родня заседала в Боярской думе. Ключевой фигурой в думе являлся князь Даниил Щеня Патрикеев, чьи исключительные военные заслуги были общепризнанны».⁴

Возможно, Вассиана в Москву, действительно, вызвал архимандрит Варлаам. Но решиться на такой шаг он, конечно, не мог без ведома великого князя. Означает ли это, что инициатива вызова Вассиана в столицу исходила именно от Василия III. Нет, не означает. Слишком еще свежи были впечатления о схватке за власть при дворе Ивана III, в которой будущий вельможный инок стал на сторону противника Василия Ивановича – ставленника «ожидовствующих» Дмитрия Ивановича. Возобладай коронованный внук, Василию пришлось бы, скорее всего, кончить свои дни в тюрьме, как это с Дмит-

¹ Там же. С. 53–56.

² Казакова Н.А. 1) Вассиан Патрикеев... С. 56; 2) Очерки... С. 105–106.

³ Скрынников Р.Г. 1) Государство и церковь на Руси... С. 186; 2) Третий Рим. СПб., 1994. С. 75.

⁴ Скрынников Р.Г. Государство и церковь на Руси... С. 186.

нием и случилось. Вот почему нам думается, что не столько великий князь желал видеть в Москве Вассиана, сколько другие влиятельные при государевом дворе люди. Может показаться, что на Василия III подействовали просьбы родни Вассиана, о которой говорит Р.Г.Скрынников. Но князь-инок был вызван в Москву не для того, чтобы миловаться с родичами. Он нужен был кому-то из высшего общества для борьбы с официальной церковью и монастырями. Об этом свидетельствует деятельность Вассиана по возвращении в Москву, причем деятельность с заметным еретическим привкусом. Вот откуда, по нашему убеждению, «растут ослиные уши». Вот среди какой публики следует искать ходатаев за Вассиана.

Мы знаем, что казни еретиков 1504–1505 гг. не выкорчевали «ересь жидовствующих». Она лишь притаилась. Во времена же после приезда Вассиана из Кирилло-Белозерского монастыря в Москву этой ереси держались тайно еще многие, особенно между вельможами, которые, по свидетельству Зиновия Отенского (автора более позднего, но осведомленного), обратились тогда из страха от ереси к православию, причем только лицом, а не сердцем.¹ Иосиф Волоцкий вынужден был направить послание (1510–1511 гг.) Василию III, где, говоря о «злочестивых еретиках», взывал к великому князю: «Да ныне аще ты, государь, не подшишися и не подвигнешися о сих, не утолиши скверных еретик, темное их еретическое учение, – ино, государь погибнути всему православному христианству от еретических учений...».² Прозрачно намекая на проникновение ереси наверх общества, Иосиф говорит: «Прихожаху бо прежде немнози еретицы втай царствия и прельщаху прежде нищая человеки и убогия, потом же и благородныя, потом же прияха учение их и великия власти».³ По-видимому, эти «благородные», или «вельможи», не расставшиеся в душе с «ересью жидовствующих», и выгнали Вассиана из заволжской глуши в Москву, сумев убедить великого князя в необходимости возвращения князя-инока. И тут нет ничего необычного, поскольку монархи, обладающие неограниченной властью, часто подвержены влиянию своих любимцев-временщиков, каковым, кстати сказать, вскоре стал и Вассиан. Но не будем торопить события. Изложим все по порядку.

Вассиан прибыл в Москву и поселился в Симонове монастыре, что, по всей видимости, не являлось случайностью. В свое время игуменом Симонова монастыря был еретик Зосима, по протекции другого еретика, протопопа Алексея, возведенный Иваном III на митрополичью кафедру. Надо думать, что во время игуменства Зосимы в обители появились его «сотоварищи» по ереси, которые, затаившись после соборного осуждения еретиков, могли находиться в монастыре вплоть до поселения здесь Вассиана. Возможно также, что Вассиан, недавно сотрудничавший тесно с придворной партией «жидовствующих», знал о причастности некоторых симоновских монахов к ереси. Если наша догадка верна, то становится понятным появление Вассиана именно в Симонове монастыре. Тут ему было спокойнее и безопаснее и, так сказать, комфортнее.

¹ Зиновий. Истины показание. Казань, 1863. С. 965.

² Послания Иосифа Волоцкого. С. 230.

³ Там же. С. 230–231.

Есть еще одно обстоятельство, мотивирующее поселение Вассиана Патрикеева в симоновской обители. К моменту переезда его в Москву настоятелем Симонова монастыря являлся Варлаам, в недалеком прошлом инок Кирилло-Белозерского монастыря,¹ который в июне 1506 года был «взят на Москву в Симоново».² Находясь в Кириллове монастыре или в одной из Белозерских пустыней, «Варлаам общался, конечно, с Нилом Сорским, Вассианом Патрикеевым и другими нестяжательски настроенными иноками».³ В Москву Варлаам приехал с грузом нестяжательских идей. Вот почему Вассиану казалось предпочтительнее поселиться в Симонове монастыре, архимандритом которого являлся Варлаам – духовный иерарх, если не единомышленный с князем-иноком, то сочувствующий Вассиановым теориям. И он не ошибся: Варлаам оправдал ожидания Вассиана. Но об этом несколько позже.

Вассиан довольно быстро вошел в доверие к великому князю и стал, можно сказать, любимцем московского государя.⁴ По свидетельству старца Паисия Ярославова, великий князь держал Вассиана «во обители, зовомой Симонова монастыря, заради беседы душевная».⁵ Эти «беседы душевные» привели к тому, что Вассиан стал всесильным и страшным для окружающих человеком. Переводчик богослужебных книг Михаил Медоварцев говорил о Вассиане: «Он был великий временной человек у великого князя ближней, и аз так и государя не блюлся, как его блюлся и слушал».⁶ Сам же великий князь утверждал, что Вассиан «подпор державе моей», что он «любви нелицемерной наставник ми есть».⁷ Проницательным, как видим, являлся не Иосиф Санин, о чем незаслуженно в отношении игумена Волоколамского монастыря говорил А.А.Зимин,⁸ а Вассиан Патрикеев, очаровавший Василия III невесть какими добродетелями.

Влияние Вассиана Косого на государя простиралось так далеко, что по его рекомендации архимандрит Симонова монастыря Варлаам назначается московским митрополитом.⁹ «Позиция нового владыки во внутрицерковных спорах, – пишет современный исследователь, – была недвусмысленно нестяжательская».¹⁰ По мнению другого новейшего историка, митрополит Варлаам был «видным последователем Нила Сорского».¹¹ Впрочем, в исторической литературе существует иной взгляд на деятельность Варлаама, кото-

¹ Казакова Н.А. Очерки... С. 106. А.А.Зимин считает, что Варлаам являлся «одно время игуменом Кириллова монастыря». – Послания Иосифа Волоцкого. С. 279.

² Никольский Н. Общинная и келейная жизнь в Кирилло-Белозерском монастыре в XV и XVI веках и в начале XVII-го // Христианское чтение. 1907, август. С. 189

³ Казакова Н.А. Очерки... С. 106.

⁴ Послания Иосифа Волоцкого. С. 279.

⁵ ЧОИДР. 1847, № 8. С. 2.

⁶ ЧОИДР. 1847, № 7. С. 11.

⁷ ЧОИДР. 1847, № 8. С. 2.

⁸ Зимин А.А. Россия на пороге нового времени... С. 61.

⁹ См.: Послания Иосифа Волоцкого. С. 279.

¹⁰ Зимин А.А. Россия на пороге нового времени... С. 132–133.

¹¹ Каштанов С.М. Социально-политическая история России конца XV – первой половины XVI в. С. 257.

рый якобы, «не будучи сам нестяжателем, сочувствовал им, а к иосифлянам относился отрицательно»,¹ тогда как Вассиану Патрикееву покровительствова-
вал.²

На наш взгляд, отношение митрополита к Вассиану было более чем покровительственное. Следует, по-видимому, говорить если не о союзе, то об идейной близости высшего сановника церкви и титулованного инока. В письменных памятниках находим довольно яркие детали, характеризующие отношения Варлаама с Вассианом. Сидит, бывало, Вассиан в митрополичьих палатах и будто у себя дома, не стесняясь присутствующих, безудержно поносит иосифлян. Вспоминается сцена, описанная в письме Иосифа Волоцкого боярину В.А.Челяднину. «Был, господине, у нас Изосима Растопчин»³ всю пятьдесятницу, – сообщает адресату Иосиф, – да рассказывает пришел к митрополиту Варламу челом ударити, а у него сидит князь Васьян да владыка коломенской Митрофан. Да митрополит пошел о них прочь, а владыка, господине, почал Изосиму жаловать, говорить речи добрыя. И Васьян молвил Изосиме: “Отступники, деи, есте божии”. И Изосима ему молвил: “Мы, деи, господине, не отступники божии, христиане есмы”. И Васьян молвил Изосиме: “Все, деи, отступники божии и со учителем вашим”». ⁴ Подобное, так сказать, вольготное и раскованное поведение Вассиана в палатах митрополита говорит, на наш взгляд, о его если не приятельских, то близких отношениях с главой церкви. Еще более показателен другой случай, когда Вассиан заявил митрополиту: «Есть в святых правилах супротивно святому Евангелию и Апостолу и всех святых отец жительство». ⁵ Чтобы позволить себе такое, полагает Н.А.Казакова, «нужна была не только смелость, но и большая доля вольномыслия». ⁶ Для этого, по нашему мнению, нужны были еще и доверительные, достаточно надежные отношения между князем-иноком и митрополитом. За столь критические, отдающие ересью высказывания по поводу «святых правил», ⁷ Вассиан должен был немедленно привлечен к ответственности или уж, по крайней мере, подвержен порицанию. Но ничего подобного не произошло. Наоборот, митрополит, зная об умонастроении Вассиана, поручил ему, тем не менее, составление Кормчей, правда, с одним условием, чтобы он из нее «ничего не выставливал». Как и следовало ожидать, составитель это условие не выполнил, ⁸ а митрополит сделала вид, что того не заметил. Такое вопиющее попустительство с достаточной опреде-

¹ Казакова Н.А. Очерки... С. 107.

² Там же. С. 130.

³ Соборный старец Волоколамского монастыря.

⁴ Послания Иосифа Волоцкого. С. 227.

⁵ Казакова Н.А. Очерки... С. 147.

⁶ Там же.

⁷ Не случайно Н.А.Казакова в этой связи спрашивает: «Не знакомству ли с учением еретиков обязан в какой-то мере своим возникновением критицизм Вассиана?» (Казакова Н.А. Вассиан Патрикеев... С. 96). Думается, что Вассиан был не только знаком с учением еретиков, но и в определенной мере разделял его.

⁸ Казакова Н.А. Очерки... С. 111.

ленностью свидетельствует об особом характере связей митрополита с монахом-временщиком, их идейном единомыслии.

Нельзя не заметить того, что на протяжении 1510-х и отчасти 1520-х гг. на вершине государственной власти Московской Руси повторилась в некотором роде ситуация, имевшая место в конце XV века, когда еретик и фаворит Федор Курицын пользовался огромным влиянием на Ивана III («имел дерзновение к державному, яко никто ин»), когда на митрополичьем столе сидел еретик Зосима, когда высшая власть едва не оказалась в руках людей, исповедующих «ересь жидовствующих». Конечно, нет оснований говорить о полном совпадении этих ситуаций. То, что мы наблюдаем при Василии III, являлось лишь довольно ослабленным вариантом произошедшего при Иване III. Существенной раздельной чертой здесь является собор 1504 года, подвергший казням и преследованиям еретиков. После собора прежняя проповедь учения «жидовствующих» стала невозможной, а принадлежность к ней – весьма опасной. Вот почему, на наш взгляд, Вассиан, в свое время тесно общавшийся с Федором Курицыным и, по-видимому, разделявший взгляды дьяка, был сдержан и осторожен, не позволяя себе откровенно еретических высказываний. Но под рясой православного инока билось сердце еретика, что было видно по ряду признаков.

По всей видимости, не случайно, что во время всесия Вассиана и добродетель к нему митрополита Варлаама снова «зашевелилась», казалось, подавленная «ересь жидовствующих». Еретики, замечает митрополит Макарий, «пользуясь покровительством этого сильного временщика, начали смело поднимать свои головы и угрожать опасностью православию».¹ Поэтому «Иосиф в 1511–1512 гг.² нашелся вынужденным... со слезами умолять великого князя Василия Ивановича от лица всей своей обители и писал к нему: “Ради Бога и Пречистой Богородицы, попейся и промысли о Божественных церквах и православной вере и об нас, нищих твоих и убогих... Как прежде, боговенчанный владыко, ты поревновал благочестивому царю Константину и вместе с отцом своим до конца низложил скверных новгородских еретиков и отступников, так и теперь, если ты, государь, не позаботишься и не подвигнешься, чтобы подавить их темное еретическое учение, то придется погибнуть от него всему православному христианству...”».³ Великий князь внял мольбе волоколамского игумена и, как сообщает Житие Иосифа, «повелел всех еретиков побросать в темницу и держать там неисходно до конца их жизни...».⁴

¹ Макарий (Булгаков). История русской церкви. Кн. IV. Часть первая. С. 88.

² А. А. Зимин датирует данное обращение Иосифа Волоцкого к Василию III 1510–1511 гг. – Источники по истории еретических движений XIV – начала XVI века // Казакова Н. А. и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения... С. 516; Послания Иосифа Волоцкого. С. 281. См. также: Хрущов И. Исследование о сочинениях Иосифа Санина. СПб., 1868. С. 244.

³ Макарий (Булгаков). История русской церкви. Кн. IV. Часть первая. С. 88. См. также: Послания Иосифа Волоцкого. С. 229–230.

⁴ Макарий (Булгаков). История русской церкви. Кн. IV. Часть первая. С. 89.

И факт обращения преп. Иосифа к великому князю Василию Ивановичу, и факт заключения еретиков в темницу подтверждает, кажется, Письмо о нелюбках – памятник несколько более поздний, но заслуживающий, на наш взгляд, доверия.¹ Там читаем: «Тако же новгородские еретики начя каются лестно, а не истинно. И старец князь Васиян поверил им и учал за них печаловатися великому князю, – а с ним и от владык и от старцов начаша печаловатися. И сие слышав Иосиф, да написал к великому князю, чтобы лестному их покаянию не верил, велел бы их держати неисходны ис темницы, чтобы иных людей не прельстили. И князь велики Иосифа послуша».²

До нас дошли также глухие сведения о появлении на Руси, по выражению Е.Е.Голубинского, «второго Схарии» – еврея Исаака, который вновь пытался проповедовать ересь «и относительно которого мы имеем совершенно неопределенные указания в сочинениях преп. Максима Грека. Между сочинениями Максима есть одно, которое представляет собою неизвестно когда поданную записку собору русских архиереев и которое надписывается: “Инок Максима Грека совет к собору православному на Исаака жидовина, волхва, чародея и прелестника”. Давая знать, что Исаак пытался проповедовать у нас жидовство и что имел, по крайней мере, тот успех, чтобы произвести смущение в нашем православном обществе, Максим убеждает собор архиереев показать свою возможно крепкую ревность и придать жидовина внешней или гражданской власти в казнь, “да и ины накажутся не приложити иму смущати овцы Спасовы ни приложити (приходити?) в землю нашу православную”».³

Я.С.Лурье выражает сомнение относительно упомянутых сведений насчет еретика Исаака. «Никаких исторических сведений об этом Исааке, – утверждает он, – не сохранилось; вполне возможно, что это действительно был еврей, подвергшийся в XVI в. за свои религиозные воззрения преследованию на Руси, но о каких-либо его русских последователях ничего не известно».⁴ Однако не кто иной, как Я.С.Лурье, признает, что Максимом Греком было написано сочинение против «Исаака жидовина, волхва и чародея и пре-

¹ Мнения в науке на сей счет разные: одни исследователи считают этот памятник достоверным (см., напр.: Казакова Н.А. Очерки... С. 73–74; Алексеев А.И. Под знаком конца времен... С. 260–264), другие – недостоверным (см., напр.: Зимин А.А. 1) О политической доктрине Иосифа Волоцкого // ТОДРЛ. Т. IX. Л., 1953. С. 170; 2) Об участии Иосифа Волоцкого в соборе 1503 г. // Послания Иосифа Волоцкого. С. 273–374; Моисеева Г.Н. «Валаамская беседа» – памятник русской публицистики середины XVI в. М.; Л., 1958. С. 23–30; Плигузов А.И. Соборный ответ 1503 г. // Русский феодальный архив. Ч. IV. М., 1988. С. 812). Полное отрицание достоверности Письма о нелюбках является скорее не критикой источника, а гиперкритикой, или критикой ради критики.

² Послания Иосифа Волоцкого. С. 367.

³ Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. II. Первая половина тома. С. 649. См. также: Макарий (Булгаков). История русской церкви. Кн. IV. Часть первая. С. 89; Иконников В. Максим Грек. Киев, 1915. С. 204.

⁴ Лурье Я.С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV – начала XVI века. М.; Л., 1960. С. 497 (прим. 314).

лестника».¹ Этого Исаака автор считает «неведомым»,² но тут же говорит, как мы только что убедились, о некоем еврее, пострадавшем в XVI веке на Руси за свои религиозные воззрения. Если это так, почему нельзя видеть в упомянутом еврее «волхва, чародея и прелестника» (т.е. еретика), о котором пишет Максим Грек? Я.С.Лурье не задается таким вопросом, ослабляя тем самым свою аргументацию. Ученый прав, когда замечает, что о последователях Исаака среди русских практически «ничего не известно».³ Но он почему-то не хочет сказать, что Исаак пытался обратить русских в свою ересь: «Развратити словом же и делом тщился благоверение и питомые его в свою прелесть приложити».⁴ И, похоже, кое в чем преуспел: «Смутившаго убо паству Спасову предадите внешней власти в казнь...».⁵ Значит, какие-то последователи у Исаака все же были.

Странно, что такой осторожный и вдумчивый ученый, каким являлся А.А.Зимин, поддержал в данном случае Я.С.Лурье. Исследователь писал: «В связи с переводом Псалтыри находятся два ранних произведения Максима Грека, направленных против иудаизма. Это “Совет к собору православному на Исака” и “Словеса супротивна противу глав Самуила евреина”». В.С.Иконников считает, что около 1520 года состоялся церковный собор, осудивший ересь некоего Исаака, являвшуюся реминисценцией новгородско-московской ереси XV в. Вопрос этот не прост. Во-первых, упоминание о “соборе” есть только в заголовке послания, причем позднейшем. Во-вторых, из иудейской национальности Исаака нельзя выводить его близость к реформационному движению конца XV – начала XVI века. Может быть, речь шла просто об иудаизме Исаака».⁶ Мы видели, что речь шла не «просто об иудаизме Исаака», а о том, что он выступал в качестве «волхва, чародея и прелестника», т.е. проповедующего еретика.⁷ Полагаем, что ересь Исаака была не чем иным, как возвращением к известной «ереси жидовствующих».

Итак, в период придворного могущества Вассиана Патрикеева и святительства доброхотствующего ему Варлаама еретика, притихшие после собора 1504 года, вновь зашевелились. Откуда-то появился и новый Схария – Исаак, задача которого, по всему вероятию, состояла в «реанимации» разгромленной, казалось, недавно ереси. Поэтому преждевременно, на наш взгляд, заключение А.А.Зимины о том, что «реформационное движение», по терминологии автора, «в годы правления Василия III было давно уже разгромлено»,⁸ т.е. ересь ликвидирована.

Оживление ереси в годы правления Василия III во многом объясняется покровительством, которое оказывал еретикам Вассиан Патрикеев. Во вся-

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т.II. Первая половина тома. С. 649.

⁵ Там же; Зимин А.А. Россия на пороге нового времени... С. 325.

⁶ Зимин А.А. Россия на пороге нового времени... С. 324.

⁷ Вспомним, что чародейство было одним из важнейших признаков ереси конца XV–XVI века. См.: Источники... С. 471

⁸ Зимин А.А. Россия на пороге нового времени... С. 335.

ком случае, он решительно выступал против их казней. Вассиан утверждал, что еретиков, «обращающихся и приходящих на покаяние, волею или неволею, примати подобает», что их надлежит обращать к Христу молитвою, а не оружием.¹ Вельможный старец настаивал: «Подобает митрополитом и епископом, и архимандритом, и игуменом обращающихся еретиков от своего ереси или волею или неволею приходящих на покаяние примати; тако бо и святая правила повелевают».² Выступая «за полное прощение покающихся еретиков, Вассиан даже по отношению к непокаявшимся ограничивался только требованием заточения их».³ Н.А.Казакова усматривает здесь «относительно гуманный взгляд на еретиков» или «относительно гуманное отношение к еретикам».⁴ Полагаем, перед нами не столько гуманное отношение, сколько стремление обезопасить еретиков, поощряя их к дальнейшей антихристианской работе.

Обратной стороной оживления «ереси жидовствующих» явилось усиление борьбы группировки Вассиана с Иосифом Волоцким и его сторонниками, зарекомендовавшими себя стойкими борцами за чистоту православной веры. Для них настало тяжелое время. Мы уже видели в митрополичьих палатах Вассиана, «изобличающего» старца Изосиму Ростопчина с его учителем Иосифом Волоцким в отступничестве от Христовой веры. Однако Вассиан этим не удовольствовался. По свидетельству другого старца Волоколамского монастыря Тихона Возворыкина, «князь Васьян составляет писания, а пишет в нем, что Осиф подобен Навату еретику, да и Тихону дал чести».⁵ Васьяновские «писания» ходили по Москве. Одно из них Иосифу прислали его доброжелатели. «И яз, господине, – пишет Иосиф боярину Челяднину, – слал на Москву к тем, кто до меня добр, ине мне того писания достали да и ко мне прислали. Ино, господине, писано в нем, называет меня подобна еретику Навату».⁶ В Прении с Иосифом «князь Васьян» обвинил волоколамского игумена, что тот якобы преступил заповеди божьи: «А ты, Иосифе, именуеши себя свята и знаменосца, и пророчества дар прият, и ученицы твои о тебе тоже проповедают, а ты преступатарь заповеди божия, сие имянуешися».⁷

Вассиан дошел до крайней нелепости, приписав Иосифу приверженность к «субботству», или, как тогда выражались, «жидовству». На это обратила внимание Н.А.Казакова: «Широко пользовался Вассиан средствами логической аргументации – указаниями на противоречия в построениях своих противников, неожиданно поворачивая против них их же собственные аргументы. Так, в “Ответе кирилловских старцев” ссылки Иосифа на ветхий закон, которыми он обосновывал требование казни еретиков, Вассиан использовал для совершенно неожиданного вывода: “Аще же ты повелеваеши брату бра-

¹ Слово о еретиках // Казакова Н.А. Вассиан Патрикеев... С. 273.

² Там же.

³ Казакова Н.А. 1) Вассиан Патрикеев... С. 88; 2) Очерки... С. 136.

⁴ Казакова Н.А. Очерки... С. 103, 110.

⁵ Послания Иосифа Волоцкого. С. 227.

⁶ Там же. С. 227–228.

⁷ Прение с Иосифом Волоцким // Казакова Н.А. Вассиан Патрикеев... С. 278.

та съгрешивъша убити, то вскоре суботство будет и вся ветхая закона, их же Бог ненавидит”. Иосифу, таким образом, была приписана склонность к “суботству”, то есть по существу предъявлено то самое обвинение в “жидовстве”, которое он сам использовал против еретиков». ¹ Кроме того, Вассиан обвинял Иосифа даже в содействии распространения «жидовства»: «И паки в правилех писано о таковых игуменех (имеется в виду Иосиф Волоцкий. — *И. Ф.*) Поучение игуменом: Аще возлюбят таковии дщера человеческия, угодия ради человеческого, от таковых игуменов жидове родятся». ²

Следует сказать, что Вассиан пользовался давним и проверенным приемом борьбы еретиков с противниками: винить своих врагов, в чем сами виноваты, и тем скомпрометировать их, как говорится, «замутить воду» и отвести от себя подозрения насчет собственного вероотступничества. Именно к такому приему прибегал в свое время причастный к ереси чернец Захар, рассылавший в разные концы русской земли грамоты, в которых объявлял архиепископа Геннадия еретиком. Владыке пришлось долго очищаться от этой скверны и доказывать свою непричастность к ереси.

Возвращаясь к Иосифу, заметим, то Вассиан сумел так настроить против него государя, что великий князь запретил ему вступать в устные и письменные споры с вельможным иноком. Волоколамскому игумену пришлось униженно просить боярина В.А.Челядника о том, чтобы тот «печаловался» о снятии это запрета: «И только государь пожалует, ослободит против его (Вассиана. — *И. Ф.*) речей говорити и писати. Занеже, господине, божиею милостию есть, что говорити и писати против его речей. Мы, господине, по свидетельству святых вселенских седми собор стали на еретики...». ³

В конце концов, великий князь разошелся с Вассианом и сблизился с иосифлянами, прежде всего, вероятно, благодаря политике нового митрополита Даниила, сменившего Варлаама в феврале 1522 года на высшем церковном посту. ⁴ Это было началом конца влияния на государя «Васьяна» и его приятелей. Но еще некоторое время он оставался в силе. Вернемся, однако, к его творчеству.

Вассиан Патрикеев очень не любил русское монашество, можно сказать, всеми фибрами души ненавидел его. На основе произведений византийской аскетической литературы он создал образ монаха, противоречащий русской действительности: «Хульно же и проклято видети мниха, сан приемлюща и мирския строяща, и богатство беруща; сего ради смех бываем и поганым, и от них нас ради христова вера хулится. Не ведуще окаяннии, яко нелепо мертвецу на коне ездити, тако мниху власть приемлющу: мирскому убо мирская подобает строити, а иноку иноческий путь правити, не касающа ни на десно, ни налево. Разсудим себе, братие, чем хужши есмы мирских — мир не мерзит нам, и еже убо что у мирских видим дивно, то всею силою подвиза-

¹ Казакова Н.А. Вассиан Патрикеев... С. 110.

² Прение с Иосифом Волоцким. С. 278.

³ Послания Иосифа Волоцкого. С. 228.

⁴ Варлаам сведен был с митрополичьей кафедры 17 или 18 декабря 1521 года. — См.: Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. II. Первая половина тома. С. 698.

емся дабы и у нас тако же было, а не помним яко того есмы всего отверглися в постригании своем и всего мира, и яже в мире. Аще ли же се лжа, да испытает себе, не имеем ли сел, яко же и мирстии человецы, не словут ли нивы и езера, и пажити, и скоты, и дома твердо ограждени чернечестии, не имеем ли храмин светлых и ковчег со имением твердо храними? Не украшаем ли ся ризами и величаемся, не обеди ли и праздники у мирских нами полни бывают, не мы ли мирских богатынь у себе на обеде посаждаем. большее хотяще дерзновение к домам их имети? Не мы ли у них на брацех напереди седаем, не наша ли рука выше всех и презвитер возглашаема чаши благословяще и приемлюще, не наше ли око вся сидящая обзирает, не наше ли горло в народе пира бряцает и многи укору глаголюще? Христиане бо, заповедь божию творяще, вводят нас в дома своя, ово молитвы ради, ово милостыню творят – мы же, окаянии, своего чину не хранящи, в мале поседим поникше, и потом возведем брови, таже и горло, и пием дондеже в смех и детям будем... Чем мы лутчи есмы мирских? Воистину ничем же».¹

Вассиан, как видим, решительно выступал против монахов, приемлющих мирскую власть и участвующих в управлении государственными делами. Таковыми тогда были в первую очередь митрополит и другие иерархи церкви. Их причастность к власти не являлось посягательством на чуждые им права. Она соответствовала особенностям церковно-государственного строительства в России, основанного на симфонии светской и церковной властей, на взаимопроникновении церковных и государственных начал. Поэтому выпады Вассиана против «мнихов мирская строяща и власть приемлюща» означали неприятие создаваемого на Руси Православного Царства. И здесь у него много общего с еретиками времен правления как великого князя Ивана III, так и царя Ивана IV.

Инок Вассиан, помимо прочего, выделяет еще и гастрономические элементы предосудительного поведения «мнихов», ненасытно «обзирающих» яства во время застолья и горланящих, упившись, на пирах. Однако сам старец не отличался строгостью в еде и даже отдаленно не мог служить здесь примером. По этому поводу Зиновий Отенский довольно ядовито заметил (приводим его слова в переводе М.Н.Тихомирова): «Когда жил Вассиан в Симонове монастыре, то не изволил он есть симоновского брашна, хлеба ржаного и варенья из капусты и свеклы. Млека промозглого и пива чистительного желудку монастырского не пил. Ел же мних Вассиан брашно, приносимое от трапезы великого князя – хлеба пшеничные и чистые и крупичатые и прочие сладкие брашна. А пил сей нестяжатель романею, бастр, мушкатель, рейнское белое вино».² Старший Карамазов из известного романа Ф.М.Достоевского имел бы в данном случае все основания воскликнуть по поводу подобной трапезы: «Не похоже ведь на пескариков!».

Примеру своего вождя следовали и другие нестяжатели-гурманы, вкушавшие «пшеничные хлебы чисты мягки, и икры белые и черные, и прутие

¹ Собрание некоего старца // Казакова Н.А. Вассиан Патрикеев... С. 225–226.

² Тихомиров М.Н. Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в. Т. I. М., 1940. С. 142.

[вязи́ги] белужие и острее [осетровые] белые рыбицы и иные, и паровые рыбы. и ухи белые и черные и красные; и овощи имут смоквы, стапиды [изюм], рожцы, сливы, вишни, дули, яблоки; и зелие имеющих инбирь, перец, корку, шафран, гвозди [гвоздику], мушкат, сахар; одеяния же имеющих мягка и тепла и легка.¹ Эти «брашна» уже тем более — не «пескарики!».

Зиновий Отенский, иночествовавший в провинциальном монастыре, знал монашеский уклад жизни не хуже Вассиана, позабывшего, по-видимому, свои заволжские впечатления о быте монахов и наблюдавшего за поведением чернецов в столице. Зиновий изображает совсем иначе монахов, у которых «руки скорчились от изнурительного труда (“имеющих руце оклячевших ради страдания многа”), кожа на руках затвердела и потрескалась, лица изнурены, волосы растрепались; сборщики даней, точно иноплеменики, без милости их влачили, нередко били и истязали, ноги и руки их посинели и распухли, некоторые хромали, другие падали, имением своим они меньше обеспечены, чем нищие просители, денег у них было у кого 5 серебряных монеток, у кого 6, у кого 3 или 2, а большинство из них редко когда могло найти у себя медяк; пищу их составлял хлеб овсяной или хлеб из толченых ржаных колосьев, и этот хлеб был черствый, без соли, питье их — вода, а варево — капустные листья; только более зажиточные из них имели приправой свеклу и репу; фрукты их — рябина и калина, когда их можно собрать; что уж говорить об их одеждах — “искропаны и вошми посыпаны”».²

Возможно, Зиновий Отенский сгущает краски, рисуя гиперболизированный образ русского монашества XVI века. Но то был его ответ на явно тенденциозную попытку Вассиана представить монахов чревоугодниками и пьяными гуляками. И если даже Зиновий преувеличивал, давая общую картину, то не слишком далеко ушел от правды.³

Вассиан Косой непримиримо относился к монастырскому землевладению и утверждал, будто все святые отцы предписали инокам «жити по Евангелию и по Апостолу, и по Великому Василию — сел не держати, ни владети ими, но жити в тишине и в безмолвии, питаяся своима рукама».⁴ Как бы чувствуя шаткость своих утверждений, Вассиан добавлял: «Аще ли кто возглаголет: Прже сего монастыри со землями жили, — но несть тако».⁵ Однако тут же признает, что прежним монастырским властям все же села давали, но, оказывается, они их «не имали, но жили безименно по Евангелию и по своему обещанию».⁶ Вассиан не хотел взять в толк, что, если бы действи-

¹ Зиновий Отенский. Истины показание. Казань, 1863. С. 899.

² Будовниц И. У. Русская публицистика XVI века. С. 217.

³ Шли годы, десятилетия, но время мало что изменило в положении рядового монашества на Руси. Не случайно, по-видимому, руководитель шведского посольства в Московию 1569–1572 гг. Павел Юстен счел необходимым засвидетельствовать случай, как монахи одного русского монастыря выбежали навстречу шведам. «прося милостыню». — Юстен Павел. Посольство в Московию 1569–1572 гг. СПб., 2000. С. 97.

⁴ Собрание некоего старца. С. 224.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 225.

тельно «прежние начальницы» никогда сел «не имали», то не было бы и самой практики земельных пожалований. И уж совсем на скользкую почву наш старец встал, когда, переврав (судя по всему, сознательно) известные слова Христа, самоуверенно заявил: «Господь рече: Аще кто оставил, есть отца или мать или села, – а не рече: Аще кто пристяжет».¹

Аналогичным образом «старец Васьян» поступил и в момент судебного над ним разбирательства на соборе 1531 года. «Яз писал, – сказал он, – о селех – во Еуангелии писано, не велено сел монастырем деръжати».² Тогда митрополит Даниил «велел ему прочести Еуангелие от божественных писаний и иных многих правил, от жития святых како святым церквам и монастырем власти и села, и люде не велено деръжати».³ Патрикеев, естественно, такое «прочести» не смог, тогда как ему были предъявлены многочисленные примеры обратного свойства, после чего Вассиан, выкручиваясь, как уж между вилами, отвечал: «Те деръжали села, а пристрастия к ним не имели».⁴ Это был беспомощный лепет, на что митрополит ему внушительно заметил: «Древньии святии отци и чюдотворци села имели у монастырей, а пристрастие к ним не имели, но яко Богу освященно и возложено соблюдали и сохраняли, а не свое; такожде и в нынешнее лета святии отци чюдотворци села к монастырем имели, но яко Богу священно и возложено, твердо сохраняли и соблюдали; и ты почто мнишь и нынешних чюдотворцев страстных?». Вассиан Патрикеев, не отрицая существа дела, с досадой и вызовом ответил митрополиту: «Яз того не ведаю, чюдотворци ли то были».⁵ Столь вызывающие слова, выдающие более необузданный темперамент, чем разум, ему, конечно, были не на пользу.

«Старец Васьян» являлся противником не только монастырского, но и церковного землевладения. Правда, отвергая право владения землями за мирскими церквами, он оставлял это право за соборными храмами, но при условии использования доходов с этих земель только на нужды причта и на благотворительные цели. Иными словами, Вассиан стремился к «ликвидации всего церковного землевладения, делая лишь исключение для соборных кафедральных церквей».⁶ Он заявлял: «А о селех: ... У соборных церквей у мирских повелевают святая правила земли деръжати, но не епископу ими владети, ни попом, но все церковное богатство ведати иконому и давати от него, со епископля доклада, и с всего его священнаго собору попов его, причетником церковным всем комуждо что на потребу, тако же и нищим и убогим, и плененных окупати и всяким в убожестве живущим помогати».⁷

В перспективе подобная практика без труда могла бы завершиться ликвидацией церковного землевладения в целом. Не случайно Н.А.Казакова заметила: «Если даже предположить, что соборные земли составляли льви-

¹ Слово ответно // Казакова Н.А. Вассиан Патрикеев... С. 263.

² Судное дело Вассиана Патрикеева // Казакова Н.А. Вассиан Патрикеев... С. 287.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 292.

⁵ Там же.

⁶ Казакова Н.А. Вассиан Патрикеев... С. 83.

⁷ Прение с Иосифом Волоцким. С. 279.

ную долю всего землевладения мирских церквей, то и тогда следует признать, что требование Вассиана о секуляризации земель не только монастырей, но и мирских церквей было далеко идущим и ставило под удар принцип церковной собственности вообще.¹

Таким образом, осуществление плана конфискации церковно-монастырской земельной собственности, задуманного Вассианом Патрикеевым, неизбежно вызвало бы глубокий разлад отношений церкви с государством и обвал строящегося здания Святой Руси, возводимого на прочном фундаменте согласия («симфонии») светской и духовной властей. Это был бы поворот истории Руси в неизвестном направлении с неизвестными последствиями.

Опасность исторического поворота Руси была, на наш взгляд, в некотором отношении сопоставима с тем, что имело место в конце XV века, когда придворная еретическая партия, пользуясь поддержкой Ивана III, едва не захватила власть в стране и не столкнула ее на путь саморазрушения православной веры и церкви. Ведь Вассиан Патрикеев являлся, несмотря на свой монашеский чин, не отшельником-романтиком или идиллическим мечтателем, а политическим дельцом, ближайшим советником великого князя, который видел в нем «подпор» державы своей.² Конечно, Вассиан действовал не в одиночку, а вместе с людьми, разделявшими его взгляды. Таковых, как мы знаем, было немало, особенно среди вельмож. Этот советник настоятельно рекомендовал Василию III произвести изъятие земельной собственности монастырей и мирских церквей в пользу государства,³ что совершенно очевидно явствует из двенадцатого прения знаменитых полемистов:

«И о с и ф. О еже како иногда прииде на Москву Васиан пустынник, яко да великаго князя научит и вся благородныя человеки, иже у монастырей и у мирских церквей села отымати.

В а с и а н. Сие, Иосифе, на мя не лжеш, что аз великому князю у монастырей села велю отымати и у мирских церквей. И яз пишу и глаголю истину».⁴

Каков тон «князя Васьяна»?! Он, видите ли, изрекает истину, а великому князю не советует, а велит отнимать села у монастырей и мирских церквей. Перед нами нечто запредельное по части самомнения, совершенно чуждое заповедям Нила Сорского, считавшего «конечное» отречение от земных страстей и смирение высшей добродетелью монаха. Любой благочестивый христианин-современник мог бы сказать в сердцах Вассиану: «Сатана тебе начальник!»

Вассиан не только давал практические наставления государю, но подводил под них базу святых заветов, правил и преданий. Он взялся за написание новой Кормчей книги и закончил основную работу над ней в 1517 году.⁵ На-

¹ Казакова Н.А. Вассиан Патрикеев... С. 83 (прим. 18).

² Аналогичную роль при Иване III играли протопоп Алексей и дьяк Федор Курицын, имевшие «дерзновение (прямой доступ) к державному».

³ «Вассиан, — пишет Н.А. Казакова, — не ограничивался идейной пропагандой. Свою близость с великим князем Вассиан использовал для того, чтобы склонить его к проведению секуляризации». — Казакова Н.А. Очерки... С. 112.

⁴ Прение с Иосифом Волоцким. С. 279.

⁵ Казакова Н.А. Очерки... С. 111.

писанная Вассианом Кормчая во многом примечательна, поскольку позволяет выявить образ мыслей ее составителя. Красноречивым оказалось сопоставление Кормчей Вассиана с Кормчей известного еретика Ивана Волка Курицына, брата ересиарха Федора Курицына. Это сопоставление осуществил Ю.К.Бегунов.¹ Обнаружилось влияние «ереси жидовствующих», которую исповедовали Курицыны, на Вассиана Патрикеева. Суммируя выводы Ю.К.Бегунова, можно вслед за Н.А.Казаковой сказать: «И “еретическая” Кормчая Ивана Волка Курицына, и “нестяжательская” Вассиана Патрикеева представляют собою редкую на Руси редакцию Кормчих, в основу которой положено систематическое изложение соборных правил... Систематическое изложение давало возможность составителю определенным образом подбирать материал и придать Кормчей желательную для него направленность. Вассиан Патрикеев эту возможность использовал для отрицания в своей Кормчей вотчинных прав монастырей, Иван Волк Курицын – для акцентировки внимания на истории ересей и вопросах правого суда. Однако, несмотря на различие целевой направленности обеих Кормчих, между ними устанавливается ряд общих черт: 1) изложение правил в систематической, а не в хронологической, принятой русской церковью, редакции уже само по себе свидетельствовало в какой-то мере об отклонении от официальной церковной доктрины; 2) для обеих Кормчих общим является отсутствие “градских законов” византийских императоров; очевидно, содержащиеся в них идеи безусловной поддержки государством церкви на основе жестокого преследования еретиков были неприемлемы не только для еретиков, но и для нестяжателей; 3) в обеих Кормчих отсутствует “Слово 165 отец о обидящих святые церкви”, которое являлось одной из главных канонических статей в защиту церковного землевладения; “Словом...” кончались все Кормчие официальной редакции XIV–XVI веков; 4) отсутствует также большинство русских статей, на которые опирались иосифляне; 5) и Кормчей Ивана Курицына, и Кормчей Вассиана Патрикеева свойственно внимание к теме “учительства”; в целом в ряде правил обеих Кормчих говорится о высокой обязанности епископов, как учителей церкви; некоторые из этих правил могли быть использованы против злоупотреблений церковной иерархии. Отмеченные черты сходства обеих Кормчих подтверждают высказанную еще в дореволюционной историографии мысль о том, что между идеологией нестяжателей и еретиков существовали точки соприкосновения».²

Не станем здесь рассуждать об идеологии нестяжательства, но относительно мировоззрения Вассиана Патрикеева заметим, что оно являлось смягченным и, так сказать, укороченным (это зависело от конкретных условий времени 1510–1520-х гг.) вариантом «ереси жидовствующих», чем, собственно, и объясняется сходство Кормчей Вассиана Патрикеева с еретической Кормчей Ивана Волка Курицына. Не случайно Кормчая Вассиана стала предметом разбирательства на соборе 1531 года, судившем старца-князя как еретика.

¹ См.: Бегунов Ю.К. Кормчая Ивана Волка Курицына // ТОДРЛ. Т. XII. 1956.

² Казакова Н.А. 1) Вассиан Патрикеев... С. 94–96; 2) Очерки... С. 145–146.

На соборе митрополит Даниил, ведя дознание, «спросил Васияна: Ведама тебе великаа книга, священныя правила апостольскыя и отеческыя, и седми вселенских собор и поместных, и прочих святых отец, и от градских законов к ним же приложенна и сочетанна... И тое книги не смее никто же разрешити или чем поколебати от седмаго собора до руского крещения, а в нашей Руской земли та книга больша петисот лет соборную же церковь содержит и все православное христианство просвещает и спасает, от святого и равно апостолом великаго князя Владимира и до ныне царя великаго князя Василия неразрушима и непоколебима была ни от кого... В той божественной книзе апостольская правила и седми вселенских соборов и поместных и особ сущих, иже последуют священным правилом градстии законы, малую сию некую часть ко твоему малоумию угодна написал, а иная вся розметал сложеннаа и сочетанная святыми отци с прежними соборы и с последними. А преже тебе, отнеле же христианская проповедь апостольскими вещании по всей вселенной распростресе и святыми богоносными отци уставись, никто же от тех ото всех тако дерзнул еси и разарил. Почто и чьто ради? Ни ты апостол, ни ты святитель, ни ты священник. Како смел еси на таковое дерзнути?».¹

Митрополит больно бил по самолюбию Вассиана, ставя его ниже обычного священника. Но обвинение было тяжелым, и Патрикеев пытался свалить вину на своего друга, бывшего митрополита Варлаама, и на священный собор: «И Васьян отвечал: Варьлам мене митрополит на то понудил со священным собором, а был на том соборе Васьян, архиепископ ростовской, и Семион Суждальской, Дософей, епископ крутицкой».² Расчет, казалось, был верный: двое владык, «Васьян» и «Семион», уже померли, и свидетельствовать они, разумеется, не могли. Но Вассиан Патрикеев, что называется, «дал маху», назвав живого свидетеля, присутствующего на соборе, – епископа крутицкого Досифея. К нему митрополит и обратился с вопросом, говорит ли правду Вассиан. Досифей ответил, что Вассиан лжет: Варлаам ему ничего не приказывал, а епископы при этом советниками не являлись. При этом Досифей добавил, что советники у Вассиана были свои – «Максим Грек, Михайло Медоварцов, старец Селиван, Васьян, старец митрополичь и иная».³ Тогда Вассиан Патрикеев «молвил: Ино, господине, волен Бог да ты».⁴ Следовательно, он признал свою вину.

Не лишено вероятия, что составление Кормчей Вассианом поддержал митрополит Варлаам, и в этой части подсудимый не лгал. Вспомним снисходительно принятые Варлаамом слова Вассиана, приступавшего к работе над Кормчей: «Есть в святых правилах супротивно святому Еуагенгелию и Апостолу в всех святых отец жителству». Тем самым Варлаам как бы побуждал старца к вольному обращению с Кормчей. Возможно, имело место и приватное поручение митрополита усовершенствовать «великую книгу», хотя

¹ Судное дело Вассиана Патрикеева. С. 285–286.

² Там же. С. 286.

³ Там же. С. 287.

⁴ Там же.

официально ему дано было соборное указание ничего из нее «не выставливати». Но Вассиан, как мы видели, многое в книге «розметал» и «разарил». Вряд ли бы он посмел это сделать, не ощущая поддержку высшего иерарха русской церкви, пусть даже молчаливую. Показательно и то, что к творчеству Вассиана довольно благосклонно отнесся сам великий князь, который принял от Вассиана Кормчую и хранил ее в своей казне.¹ Казалось, была близка к осуществлению мечта Вассиана придать своей Кормчей каноническую силу, признанную руководством русской церкви² и одобренную государем. Но Бог распорядился иначе...

На соборе 1531 года обнаружились такие вещи, которые Вассиану святые отцы простить никак не могли, даже если бы они пожелали того. Митрополит Даниил в ходе соборного разбирательства сказал Вассиану: «И во многих времена многим людям говорил еси: Правила писаны от диавола, а не от Святого Духа, и правило зовеши кривило, а не правило; а Христа называешь тварию, а в нетьленну мнимую ересь веруеши и пребываеши в ней; а чудотворцев называеши смутотворцы, потому что они у монастырей села имеют и люди».³

Мы уже имели возможность убедиться, как беспомощно Вассиан отрицал наличие в прошлом сел у монастырей. Но то были, так сказать, игрушки. Тяжким бременем на него ложилось обвинение в том, что он называл Христа «тварью», т.е. обычным человеком. Именно эту идею проповедовали недавние еретики – «жидовствующие», ставшие на путь отступничества от христианства. Митрополит напомнил Вассиану, когда и при каких обстоятельствах он возводил хулу на Христа: «Жил еси на Симонове и с неким старцем беседовал еси, а назвал еси Христа тварию».⁴ Но тот начал записывать: «Никако же есми того не говаривал, и хто будет на меня говорил, и ты, господинс, мне того старца изъяви». Митрополит Даниил, не называя имени, упомянул старца Иосифо-Волоколамского монастыря. Последовал категорический ответ: «Иосифова монастыря у меня старци и в кельи не бывали – яз их к себе не пуцаю, и дела мне до них нет». Тогда митрополит велел пригласить в свидетели волоколамского старца Досифея. «И Васьян, как увидел Досифея, и молвил так: Господин мой, Досифей, старец великой, доброй, у меня в кельи бывал многожды».

И вот этот, по Вассиану же, старец «великой и доброй», показал против него. Он напомнил ему, как тот однажды утверждал: «Христось-де сам тварь, твари поклоняется тварь». Причем Вассиан по поводу творений святых отцов христианской церкви будто бы, как безумный, «крикнул»: «Дияволим, де, духом писано!».⁵ В ответ на свидетельства Досифея Вассиан в очередной

¹ Казакова Н.А. Очерки... С. 112.

² Там же. С. 111.

³ Судное дело Вассиана Патрикеева. С. 287.

⁴ Там же. С. 296.

⁵ Там же. «Хула жидовствующих против Писаний апостольских» – так толковал митрополит Макарий подобные восклицания Патрикеева. – Макарий (Булгаков). История русской церкви. Кн. IV. Часть первая. С. 106.

раз стал запирается. Тогда Досифей «рек: Буду яз чего прибавил, и яз сам таков». Инок с доброй репутацией нельзя было не верить. Вассиану ничего не оставалось, как, приняв вид оклеветанного, молвить: «Душа твоя подымет; Бог меня с тобою разсудит».¹ По этому поводу митрополит Макарий замечал: «Вассиан, выслушав на Соборе показания Досифея, во всем заперся. Нельзя не припомнить, что так именно действовали всегда еретики жидовствующие, которым Вассиан покровительствовал: они обыкновенно старались казаться православными, открывали свое лжеучение не каждому, а только тому, кого надеялись увлечь, и, когда их начинали обличать в ереси, они запирались во всем, иногда даже с клятвою».² Иная точка зрения у Е.Е.Голубинского, который сильно сомневался в правдивости показаний Досифея. «Сам Вассиан, — пишет он, — решительно отрицал справедливость обвинения, и с полною уверенностью можно думать, что оно было совершенно несправедливо, возникнув из намеренного или ненамеренного перетолкования каких-нибудь неосторожных и необдуманных его слов, на которые он был слишком способен. Если бы он признавал Иисуса Христа тварию, т.е. простым человеком, то он не признавал бы и божественного происхождения христианской веры и должен был бы отрицать ее как таковую. А если бы это было так, то, во-первых, не мог бы утаиться полный образ мыслей Вассиана о христианстве и тогда он был бы еретик нисколько не шуточный, что и не преминул бы доказать митрополит, а во-вторых — он отрицал бы тогда монашество, а следовательно — и вся его деятельность, состоявшая в полемике и пропаганде против монашества ложного за монашество истинное, представляла бы из себя совершенное бессмыслие».³

Рассуждения Е.Е.Голубинского относятся к разряду чисто логических умозаключений, оторванных от реальной истории Руси первой трети XVI века. Как мы уже отмечали, после собора 1504 года и последовавших за ним казней и тюремных заключений еретиков проповедь «ереси жидовствующих» в том виде и полноте, как это наблюдалось в конце XV века, стала попросту невозможной. Отсюда фрагментарность, недосказанность и определенная неупорядоченность идей Вассиана Патрикеева, балансировавших на грани между христианством и недавней новгородско-московской ересью. Но и в таком варианте они выполняли свою разрушительную роль, направленную против ортодоксального вероучения и сложившегося уклада церковно-монастырской жизни на Руси, против формирующихся отношений церкви с государством, основанных на взаимном признании сфер компетенции каждой стороны, взаимодополняющих друг друга. В этом смысле Вассиан Патрикеев мало чем отличался от еретиков из круга Федора Курицына. Скажем больше: он был продолжателем дела «жидовствующих», но в изменившихся исторических условиях, скорректировавших линию его поведения. Митрополит Макарий (Булгаков) имел достаточно оснований заявить: «Как бы снис-

¹ Судное дело Вассиана Патрикеева. С. 297.

² Макарий (Булгаков). История русской церкви. Кн. IV. Часть первая. С. 110.

³ Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. II. Первая половина тома. С. 730.

ходительно мы не судили о старце-князе Вассиане, но, имея в виду известные его действия и особенно соборное деяние о нем, мы никак не можем сказать, чтобы он был христианин, православный во всем, и покорный сын Церкви; напротив, должны сознаться, что по некоторым предметам он был дерзкий вольнодумец и упорный противник православной церкви, был даже еретик, по крайней мере, держался некоторых еретических мнений и, очень вероятно, не был чужд ереси жидовствующих».¹

Именно «ересь жидовствующих» (как и некоторые предшествующие ей ереси) объявляла Иисуса Христа обыкновенным человеком, «тварью», что являлось прямым отступничеством от христианства. Вассиан прекрасно понимал последствия подобной хулы на Спасителя, чреватой самыми тяжкими карами, вплоть до сожжения. Поэтому, как нам представляется, он ухватился за другую вменяемую ему в вину на соборе мысль о Христе, менее кощунственную и потому более безопасную, и увлек своих судей² в выгодную для себя сторону: «И митрополит спросил Васьяна: Сам еси мудрствовал, иных поучал своему мудрованию, глаголя тако: Плоть господня до воскресения нетленна; ино то супротивно Еуангелию, и Апостолу, и святых отец учению – то ересь древняя нетленная мнимая, проклятое ото всех соборов вселенских и поместных. И Васьян отвечал: Яз, господине, как до толе говорил, так и ныне говорю – плоть господня нетленна, до гроба и во гробе нетленна».³ Далее следует любопытный пассаж, характеризующий степень обоснованности воззрений Вассиана: «И митрополит ему молвил: Где ты слыхал то и видал, что ты говоришь – плоть господня нетленна от воплощения его и до воскресения его? И Васьян рек: И слыхал есми и видал так. И митрополит ему молвил: И ты нам скажи, у кого еси слышал и где еси видел так написано? И Васьян рек: *А то ведает Бог, да ты, хто хочет искать тот и найдет*» (курсив наш. – И.Ф.).⁴ История ересей вполне подтверждает последний концептуальный принцип: еретики искали в Святом писании, в том числе в Евангелии, что хотели и, разумеется, находили «потребнаа». Вассиану же в данном случае было, по всей видимости, важно бросить тень сомнения на христологическое учение, поколебать веру в двойственную природу Иисуса Христа.⁵

¹ Макарий (Булгаков). История русской церкви. Кн. IV. Часть первая. С. 111.

² Вероятно, судивший Вассиана митрополит Даниил сам склонялся к облегчению участи князя-инока и потому от темы «тварности» Христа, отступнической по существу и грозившей подсудимому смертной казнью, быстро перешел к другой, сосредоточившись на его еретических высказываниях относительно нетленности плоти Господней.

³ Судное дело Вассиана Патрикеева. С. 298.

⁴ Там же.

⁵ См.: Скрынников Р.Г. 1) Святители и власти. С. 159; 2) Государство и церковь на Руси... С. 214. По верному замечанию Н.А.Казаковой, признание лишь одной божественной природы Иисуса Христа «представляло собой критику с позиций рационализма ортодоксального учения о двух природах Христа». – Казакова Н.А. Вассиан Патрикеев... С. 98.

На первый взгляд может показаться странным, как мог «Васьян» проповедовать попеременно идеи человеческой обидности («тварности») Христа и нетленности (божественности) его плоти.¹ Вопрос, однако, заключается в том, с какой стороны посмотреть на дело. Если с точки зрения еретических интересов, преследующих цель разрушения христианской веры, то тут нет ничего удивительного, поскольку и одна и другая идеи, разбрасываемые как приманки (вдруг кто-то да «клюнет»), для нестойких в православной вере людей, вели к общему результату, подтачивая главные опоры христианства. Вот почему Вассиан, уличенный собором святых отцов русской церкви в ереси, мог совмещать в своей антихристианской пропаганде идеи как человеческой, так и божественной природы Христа, прекрасно понимая, что они, взятые в отдельности и разделенные, равным образом обращены против христианской доктрины.²

Точно так же признание Вассианом Иисуса Христа «тварью» не делает нелепой и бессмысленной, как полагал Е.Е.Голубинский, борьбу старца за монашество «истинное» против монашества «ложного». Призывая к реформе русского монашества, связанной прежде всего с ликвидацией монастырского землевладения, Патрикеев выступал тем самым за слом вполне уже сложившейся системы жизни русских общежительных монастырей, покушаясь на существующий строй отношений церкви и государства, что сулило большие «нестроения» русскому обществу, едва стряхнувшему с себя «ересь жидовствующих».

И отрицание божественной природы Христа и утверждение нетленности его плоти до воскресения неизбежно влекли за собой хулу на Божию Матерь. У Вассиана Патрикеева, подобно древним еретикам, получалось так, будто «телеси господню свыше снесу быти, и яко же сквозе трубу вода, тако же сквозе Марию Деву проиде Христос».³

Митрополит Даниил, обличая Вассиана, говорил: «Писано во правилех Кирила, патриарха александрийскаго: Аще кто не нарицает пречистую Богородицу деву Марию, да будет проклят; а ты в своих правилех написал то же Кирилово правило: Аще кто нарицает Богородицею святую деву Марию, да будет анафема».⁴ Уходя от ответственности, Патрикеев вину перевел на писца. «Яз госпожу Богородицу не хую, — говорил он, — будет писец опи-

¹ Такое впечатление и возникло у Е.Е. Голубинского, который замечал, что «усвоение Вассиану нашей ереси (признание Христа «тварью». — *И.Ф.*) было нелепой, намеренной или ненамеренной напраслиной на него, это всего яснее видно из другой его ереси (признание плоти Господней нетленной. — *И.Ф.*), от которой он не отказывался». — *Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. II. Первая половина тома. С. 730.*

² Верную трактовку данного соборного обвинения «старца Васьяна» предлагает Н.А.Казакова: «Много места в судном деле Вассиана занимает обвинение его в ереси — в том, что он называл Христа тварью и одновременно утверждал, что плоть Христа и после воплощения его была нетленна». — *Казакова Н.А. Вассиан Патрикеев... С. 75.*

³ Судное дело Вассиана Патрикеева. С. 298.

⁴ Там же. С. 294.

салься».¹ Е.Е.Голубинский верит Вассиану и всячески порицает Даниила, который якобы не затруднился вменить князю-иноку тяжкую ересь «киз простой описки писца».² Допустим, что тут действительно вкралась случайная описка. Но как тогда объяснить неоднократные попытки Патрикеева (в том числе и в письменной форме) защитить еретические мысли Максима Грека, допущенные последним при переводе Метафрастова жития Богородицы? Вассиан по этому поводу посылал даже грамоту на Белоозеро в одну из пустыней. Правда, на соборе он отрицал факт такого послания. Но припертый к стене показаниями свидетелей, ставших с ним «с очи на очи», ничего иного выдумать не сумел, как сослаться на свою забывчивость: «Яз того не помню, посылал ли есми, или не посылал».³ Свидетели, однако, говорили, что Вассиан Патрикеев вместе с Максимом Греком дружно отстаивали свои еретические взгляды, касающиеся Пречистой Девы.⁴ Е.Е.Голубинский, смягчая вину Вассиана, объясняет его поведение в данном случае невежеством.⁵ Едва ли это так.⁶ Здесь, как и в другом, проявились еретические воззрения сановного инок.

Вассиан совершил великое святотатство, посягнув на символ христианской православной веры. В своей Кормчей он вместо принятого церковью полного исповедания православной веры поместил сокращенное исповедание, поправ постановления вселенских соборов. К сожалению, из судебного дела Вассиана не ясно, в чем именно состояло это сокращение. В нем приводятся лишь следующие слова митрополита Даниила: «А ты поколебал и двинул исповедание православныя веры, еже есть “Верую во единого Бога”, что на I соборе изложено святыми отци, а на втором исполнено, а на третьем соборе запечатленно, а на четвертом, и на пятом, и на шестом, и на седмом укреплено к тому не приложити не убавити; а ты полное выставил, а не полное уставил еси и написал во священных правилех».⁷ Вассиан и на этот раз переложил вину на писца: «Яз того не ведаю; писал то Исак Собака и правил Исак же, и ты воспроси его».⁸ Что тут скажешь? Хорош составитель Кормчей, не знающий, что в ней писано. Перед нами, конечно, очередная увертка.

¹ Там же.

² Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. II. Первая половина тома. С. 730. О придирках митрополита к опискам говорит и Н.И.Костомаров. — См.: Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Кн. I. М., 1990. С. 382.

³ Судное дело Вассиана Патрикеева. С. 295.

⁴ Там же.

⁵ Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. II. Первая половина тома. С. 729.

⁶ Современный исследователь рисует иной образ Вассиана. «Среди учеников Иосифа, — пишет он, — не было никого, кто мог бы сравниться с ним эрудицией, умом и волей». На соборном суде «князь-инок мужественно защищался, пуская в ход иронию и блестящее знание богословских сочинений». — Скрынников Р.Г. Государство и церковь на Руси... С. 211, 213.

⁷ Судное дело Вассиана Патрикеева. С. 294–295.

⁸ Там же. С. 295.

На соборе Вассиану было предъявлено обвинение в непочтительном отношении к русским чудотворцам, недавно причисленным к лику святых.¹ Митрополит молвил: «Да ты же, де, Васьян, говорил про чудотворьцов: Господи! Что ся за чудотворцы? Сказывают, в Колязине Макар чюдеса творит, а мужик был сельской». ² Тут Вассиан не сдержался, дав волю боярской заносчивости и чувству социального превосходства: «Яз его знал, простой был человек; а будет ся чюдотворец, ино как вам любо и с ним – чюдотворец ли сей будет, не чюдотворец ли». ³ Патрикееву, как видим, нет дела до церковных постановлений о канонизации русских святых. Они ему не указ. У него собственное на этот счет мнение, исполненное классового чванства и отличное от православной церкви. Как хотите, так и думайте, а я думаю по-своему и – кончено. Таков смысл его суждений. Тем самым он поставил себя вне церкви и впал в сатанинскую гордость.

Аналогичным образом Вассиан отзывался о митрополите Ионе, почитаемом православным людом: «И митрополит его спросил: Слышали есмя ото многих достоверных яко вси православнии поклонеются честному гробу и святым мощем святого Ионы чюдотворца, митрополита всеа Руси, да ты, де, Васьян, един токмо не покланяешися ему и не почитаеши его, яко же достоит честь святым приносить». ⁴ Последовал вызывающе дерзкий ответ: «Яз не ведаю, Иона чюдотворец ли». ⁵ Опять-таки: вы сами по себе, а я – сам по себе. Подобное упорство в собственной правоте, идущей вразрез с позицией русской православной церкви, легко было истолковать как отпадение от нее.

Предъявленные Вассиану Патрикееву на соборе обвинения не являлись вымышленными, ложными. Обоснованность некоторых обвинений признал сам подсудимый. Нет оснований полагать, что признания у Вассиана были получены силой. Напротив, его поведение на соборе, заносчивое, а порою и наглое, говорит об обратном. Нельзя согласиться с Е.Е.Голубинским, изображающим Вассиана невинной жертвой несправедливого суда. Приведя соборные обвинения, вмененные Патрикееву, исследователь пишет: «Из сейчас представленного нам видно, что Вассиан был не виновен. Но если бы великий князь не хотел выдать его митрополиту, то не подпал бы он и соборному суду. А коль скоро великий князь захотел выдать его, то все равно – и в случае совершенной невинности он мог бы быть представлен крайне виновным. Мы хотим сказать, что Вассиан подпал суду и осуждению не потому, чтобы он был виновен, а потому, что он был враг митрополита и что великий князь выдал его последнему как такового». ⁶ Весьма непривлекательно вы-

¹ См.: Казакова Н.А. 1) Вассиан Патрикеев... С. 99; 2) Очерки... С. 123.

² Судное дело Вассиана Патрикеева. С. 297.

³ Там же. Здесь боярская спесь Вассиана особенно наглядна, если учесть, что Макарий Калязинский происходил из мелкого дворянского рода. – См.: Тихомиров М.Н. Российское государство XV–XVII веков. М., 1973. С. 125.

⁴ Судное дело Вассиана Патрикеева. С. 298.

⁵ Там же.

⁶ Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. II. Первая половина тома. С. 731.

глядит митрополит и в трудах современных исследователей, упрекающих его в тенденциозности, а также в стремлении «как можно больше очернить Вассиана в глазах соборного суда и добиться таким образом его осуждения».¹ Однако соборное разбирательство достаточно убедительно показало еретические шатания инока-князя. И лишь предвзятость или чересчур снисходительное к нему отношение могут утверждать иное.

Надо заметить, что желание выгородить «Васьяна», признать его, так сказать, «без вины виноватым», свойственно не только Е.Е.Голубинскому, но и другим историкам, в том числе новейшим. К ним принадлежит Н.А.Казакова, в исследовании которой находим пространные и несколько путанные рассуждения по этому поводу. Для полноты впечатления приведем их целиком без каких-либо сокращений. «Мы не знаем, – говорит Н.А.Казакова, – чем закончился суд над Вассианом – какова была итоговая формула обвинения и приговор (список судебного дела обрывается на том месте речи Даниила, где он приводит подборку текста из святоотеческой литературы, доказывающих истинность воплощения Христа). Но весьма возможно, что в окончательной формуле обвинения воззрения Вассиана по вопросу о природе Христа сыграли основную роль, ибо они давали возможность официально обвинить его в ереси и тем самым сделать неизбежным его осуждение. Но если Вассиан был обвинен соборным судом в ереси (как это можно заключить на основании материалов его судебного дела) и если он действительно разделял свойственное ряду еретических учений сомнение в двойной природе Христа, то это еще не дает нам основания для зачисления его в число еретиков. Под ересями мы понимаем религиозные учения, в которых критика господствующей церкви и системы ее догматов перерастала по сути дела в отрицание их; по своему социальному содержанию ереси представляют собой протест против феодального строя. Учение же Вассиана, несмотря на критику вотчинных прав церкви, отрицание новых чудотворцев и сомнение в двойной природе Христа, не являлось антиподом учению господствующей церкви и не вело к отрицанию последней. Напротив, ликвидация вотчинных прав монастырей, ликвидация церковного стяжания должны были поднять авторитет существующей церкви. Что касается признания Вассианом одной божественной природы Христа, то отклонение от ортодоксального учения в этом пункте не означало ереси (в научном марксистском смысле), и оно было совместимо с учением феодальной церкви. Так, в отличие от ортодоксальной православной доктрины положение о божественной единосущности Христа являлось догматом армянской церкви. И хотя с точки зрения русского православия армяне являлись еретиками (в числе ересей, к которым Даниил приравнивал учение Вассиана о нетленности плоти Христа, он называет и “арменскую ересь”), но от этого армянская церковь не переставала быть феодальной, обслуживающей нужды феодально-крепостнического строя. Однако, не будучи ересью (в научном смысле этого слова), учение Вассиана включало, тем не менее, такие элементы критицизма, рационализма и рели-

¹ Казакова Н.А. Очерки... С. 151 (прим. 201).

гиозно-философских сомнений, которые были свойственны еретическим учениям».¹

Прежде всего, вызывают возражение мысли Н.А.Казаковой о том, что учение Вассиана, в частности сомнение в двойной природе Христа, «не являлось антиподом учению господствующей церкви» и «не вело к отрицанию последней», что «ликвидация вотчинных прав монастырей, ликвидация церковного стяжания должны были поднять авторитет существующей церкви». Отрицание двойственности природы Христа вело к отрицанию учения об искупительной роли Спасителя, являющейся краеугольным камнем христианства и, следовательно, фундаментальной основой церкви, без чего невозможно само ее существование.² Ликвидация церковного землевладения, на которой настаивал Вассиан, перевернула бы вверх дном весь церковно-монастырский уклад, сложившийся на Руси, и резко изменила бы отношения церкви с государством, переведя их из области промыслительного согласия («симфонии») в сферу противостояния и раздоров.³ К тому же «в рамках ортодоксального православия невозможно появление доктрин, которые бы оправдывали секуляризационные акты... Любая попытка поставить хозяйственное поведение монашества на новые основания требует пересмотра всей теологической системы».⁴

Н.А.Казакова, по всей видимости, права в своем предположении о том, что «в окончательной формуле обвинения воззрения Вассиана по вопросу о природе Христа [от себя добавим: и по вопросу о предназначении Девы Марии] сыграли основную роль». Следует только иметь в виду разную степень тяжести вины Патрикеева, когда он, с одной стороны, доказывает мысль о «тварной» сути Христа и «не нарицает Пречистую Богородицу Деву Марию», а с другой – отстаивает идею нетленности тела Христа с момента воплощения и до второго пришествия. В первом случае признание Христа обычным человеком и нежелание почитать Деву Марию как Богородицу есть, в

¹ Там же. С. 150–151. См. также: Казакова Н.А. Вассиан Патрикеев... С. 100–101. Позднее Н.А.Казакова скажет, что в вопросе о двойной природе Христа «взгляды Вассиана действительно были еретическими». – Казакова Н.А. Нестяжательство и ереси... С. 72.

² Намного ближе, чем Н.А. Казакова, подошел к пониманию сути вопроса А.И. Клибанов, у которого читаем: «Что касается Вассиана Патрикеева, то даже если вмененные ему многочисленные обвинения в “ереси” считать инсинуациями, остается, самим Вассианом признанное, его несогласие с церковным учением о Христе. Вассиан Патрикеев выступил против учения церкви о двух природах Христа в период, когда христологическая доктрина церкви подверглась атакам со стороны еретиков. Это была ревизия одного из основных догматов православно-церковного учения». – Клибанов А.И. Реформационные движения в России в XIV – первой половине XVI вв. М., 1960. С. 263–264.

³ Сама Н.А. Казакова понимает, что предлагаемое Вассианом решение земельного вопроса за счет церкви «грозило серьезным конфликтом с нею». – См.: Казакова Н.А. Очерки... С. 121.

⁴ Плигузов А.И. «Слово ответно» Вассиана Патрикеева // Церковь, общество и государство в феодальной России. Сб. статей. М., 1980. С. 217.

сущности, отступничество от христианства. Во втором случае утверждение лишь божественной природы Христа являлось очевидной ересью. Отступничество в то время каралось смертной казнью, а ересь – различными наказаниями вплоть до заточения. Необходимо подчеркнуть, что и отступничество, и ересь должны определяться не с точки зрения «научного марксистского смысла», а исходя из учения русской православной церкви той поры. По-видимому, собор проявил снисхождение по отношению к подсудимому, квалифицировав его мировоззрение как ересь. Именно поэтому, надо полагать, он был приговорен к тюремному заключению, а не к смертной казни.

Вопреки, казалось бы, очевидным фактам Н.А.Казакова утверждает: «Иосифляне расправились с Вассианом за его нападки на монастырское стяжание, за борьбу против вотчинных прав монастырей. Чтобы добиться осуждения Вассиана, они собрали всевозможные улики и предъявили длинный список обвинений – в “хуле” на чудотворцев, “развращеньи” Кормчей, “обогланьи” святого писания, ереси и т.д. Но среди всех обвинений не было ни одного политического. Очевидно, никаких поводов для предъявления таковых у обвинителей не имелось».¹

Отсутствие среди обвинений, предъявленных на соборе 1531 года «старцу Васьяну», прямых политических обвинений вполне понятно. Ведь перед нами церковный собор, созванный с целью дать оценку религиозным взглядам сановного монаха. С этой точки зрения собор действовал в пределах компетенции духовной власти, поскольку вопросы политического характера подлежали ведению власти светской. Именно те улики, о которых говорит Н.А.Казакова, должны были в первую очередь фигурировать на соборе. И надо сказать, что они оказались как многочисленными, так и очень серьезными, позволяющими заключить даже об отступничестве обвиняемого от православия, а не только о склонности его к еретическим «мудрованиям».

Следует при этом заметить, что факт отсутствия политических обвинений со стороны участников собора в адрес Вассиана не означал, что его дело было полностью лишено политического смысла. Н.А.Казакова, противореча собственным положениям, в другом месте своей книги отмечает: «Но Вассиан не ограничился осуждением вотчинных прав монастырей. Он сделал политический вывод – о необходимости секуляризации церковных и монастырских земель».² И еще: «Сформулировав тезис о необходимости секуляризации церковных и монастырских земель, Вассиан тем самым связал свое учение с политической борьбой, происходившей в Русском государстве».³ Это верно. Но дело Вассиана было связано не только с политической борьбой вокруг церковно-монастырского землевладения. Оно являлось отражением борьбы придворной еретической группировки за власть, за влияние на великого князя и преобладание в правительстве.

¹ Казакова Н.А. 1) Вассиан Патрикеев... С. 77; 2) Очерки... С. 123. Вассиану, по словам другого исследователя, А.А.Зимины, «не предъявлялось никаких политических обвинений». – Зимин А.А. Россия на пороге нового времени (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972. С. 372.

² Казакова Н.А. Очерки... С. 152.

³ Там же.

Бесспорно и то, что это дело являлось также выражением вассиановского курса на разрушение сотрудничества церкви и государства, заключенном в понятии «симфонии» духовной и светской властей. Иначе, дело Вассиана имело не только религиозный, но и политический характер. Вот почему оно должно рассматриваться нами как событие религиозно-политическое.

Вассиана Патрикеева заточили, по свидетельству Андрея Курбского, в Иосифо-Волоколамский монастырь,¹ что само по себе примечательно, поскольку этот монастырь в изучаемое время приобрел своеобразное значение тюремного изолятора, куда направляли еретиков. Заключение в нем являлось тогда верным признаком преследования за еретичество. Эту роль монастырь усвоил, вероятно, потому, что Иосиф Волоцкий и тамошние монахи, нелестно именуемые князем А.Курбским «презлыми иосифлянами», были яростными врагами «ереси жидовствующих».² Кроме того, Волоколамский монастырь обычно «служил местом ссылки и заточения людей, почему-либо неугодных правительству».³

Что стало с Вассианом в монастыре, мы в точности не знаем. Правда, Андрей Курбский, враждебно настроенный по отношению к Ивану Грозному и его отцу Василию III, сообщает, что великий князь, отослав Патрикеева в Иосифо-Волоколамский монастырь, повелел его «уморить скорою смертию». И монахи-иосифляне, «яко лютости его (Василия III. – И. Ф.) скорые послушницы и во всех злых потаковницы, паче же еще и подражатели, умориша его вскоре».⁴ Так ли это, сказать трудно.⁵ Ясно лишь, что Вассиан Патрикеев умер в монастыре неизвестно когда, но до 1545 года.⁶

В современной исторической литературе называются разные причины падения Вассиана Патрикеева. По А.А. Зимину, подоплекой дела князя-инока являлся «вопрос о втором браке Василия III».⁷ Историк, опираясь на более поздние источники (Сказание о великом князе Московском А.Курбского и Выпись о втором браке Василия), полагает, что Вассиан «возбранил» великому князю разводиться с Соломонией Сабуровой и жениться на Елене Глинской. «После рождения наследника престола Ивана, – замечает А.А.Зимин, –

¹ Библиотека литературы Древней Руси. Т. II. XVI век. СПб., 2001. С. 312.

² См.: Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 123. С тех пор Иосифо-Волоколамский монастырь долгое время являлся местом заключения еретиков. Именно сюда в начале XVII века был направлен князь И.А.Хворостинин, которому власти так объяснили причину его заточения: «Как ты был при Ростриги у него близко, и ты впал в ересь и в вере пошатался и православную веру хулил и постов и христианского обычая не хранил». – Платонов С.Ф. Сочинения: В 2-х томах. СПб., 1994. Т. 2. С. 548.

³ Тихомиров М.Н. Российское государство XV–XVII веков. М., 1973. С. 125.

⁴ Библиотека литературы Древней Руси. Т. II. XVI век. С. 312.

⁵ По-видимому, Вассиан был отдан под надзор проверенным монахам. Во всяком случае, в марте 1532 года великий князь наказывал волоколамскому старцу Тихону: «Васьяна княж Иванова приказал бы ты, Тихон, беречи Фегнасту Ленкову». – Зимин А.А. Россия на пороге нового времени... С. 375.

⁶ См.: Жмакин В.И. Митрополит Даниил и его сочинения. С. 232.

⁷ Зимин А.А. Россия на пороге нового времени... С. 372.

всякие разговоры о каноничности второго брака великого князя приобретали особую опасность – они по существу означали отрицание законности и наследника престола. В таких условиях от неугомонного Вассиана лучше было отделиться. Поэтому он и был выдан с головою иосифлянам».¹

Точка зрения А.А.Зиминой не являлась совершенно новой в советской историографии. У исследователя имелись предшественники, высказывавшие сходные мысли. Так, И.У.Будовницу казалось, что против второго брака Василия III «выступали боярские круги. Они справедливо рассчитывали, что, когда после смерти бездетного Василия Ивановича власть перейдет к его братьям, удельным князьям Юрию и Андрею, институт самодержавия будет значительно ослаблен и хотя бы частично будут восстановлены порядки удельной старины. Бояр горячо поддерживал Вассиан Косой...».² Великому князю это явно не нравилось, и он стал охладевать к Вассиану, чем воспользовался митрополит Даниил, добившись «суда над князем-иноком».³

Н.А.Казакова отвергла версию об опале Вассиана Патрикеева как следствие его противодействия второй женитьбе Василия III. Она отметила, что данная версия «встречается лишь в двух поздних публицистических памятниках, имеющих определенную политическую окраску. Авторы этих памятников, враждебные Ивану IV, стремились изобразить черными красками даже обстоятельства, предшествовавшие его рождению». И Казакова ставит риторический вопрос: «Не являлась ли средством для этого версия об опале и заточении Вассиана из-за препятствия его второму браку Василия III – версия, поводом для возникновения которой могло послужить то обстоятельство, что Вассиан был родственником Сабуровых, из рода которых происходила Соломония, первая жена Василия III?».⁴ Согласно Н.А. Казаковой, истинной причиной осуждения Вассиана Патрикеева стала его «критика вотчинных прав монастырей, обличение пороков господствующей православной церкви».⁵

И.Б.Греков, следуя за Н.А.Казаковой, отмечал, что Вассиана Косого привлекли к суду «за попытки ликвидировать вотчинное владение монастырей и сотрудничество с Максимом Греком».⁶

Доводы Н.А.Казаковой показались Р.Г.Скрынникову не убедительными. Ее точка зрения, считает ученый, «нуждается в уточнении», поскольку во

¹ Там же.

² Будовниц И. У. Русская публицистика XVI века. С. 122.

³ Там же. С. 132.

⁴ Казакова Н. А. 1) Вассиан Патрикеев... С. 70; 2) Очерки... С. 118.

⁵ Казакова Н. А. Очерки... С. 243. Автор при этом находит опору в словах В.И.Ленина: «Церковь не прощает государству секуляризации церковных имуществ» (Ленин В.И. ПСС. Т. 17. С. 431). Вот почему «руководство русской церкви XVI в. не могло простить тех, кто своей литературной деятельностью идейно ее подготавливал». Значит, Вассиан был обречен, и он пал «жертвой расправы церковников, защищавших незыблемость церковных имуществ и феодальных привилегий церкви». – Казакова Н. А. Очерки... С. 243.

⁶ Греков И. Б. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV–XVI вв. М., 1963. С. 285.

время суда над Вассианом «проекты секуляризации явно отступили в тень, доказательством чему явилось низложение близкого к нестяжателям митрополита Варлаама. Характерно, что вопрос о вотчинных правах монастырей не стал предметом обсуждения на суде 1531 г.».¹ Р.Г.Скрынников не согласился и с мнением А.А.Зими́на. «Имеются сомнения, — писал он, — в достоверности сведений о выступлении Патрикеева против развода великого князя. “Выпись о браке Василия III”, сообщающая эти сведения, была составлена в конце XVI в. Вопрос о заключении государем второго брака ко времени суда над Вассианом утратил всякую актуальность: великий князь жил с новой семьей более пяти лет и у него родился наследник».² Князя-инока, полагает Р.Г.Скрынников, осудили за давнее сотрудничество с Максимом Греком, обвиненным ранее в еретичестве, за нападки на церковную старину, непочтительное отношение к некоторым русским чудотворцам, дурные отзывы о митрополите и епископах.³ Расправляясь с Вассианом Патрикеевым и другими еретиками, «отцы церкви рассчитывали укрепить свою власть над умами».⁴

На наш взгляд, не следует выдумывать всякого рода версии и усложнять поиски того, что лежит на поверхности, а именно суд над Вассианом Патрикеевым по обвинению в ереси. Необходимо признать, что соборное разбирательство подтвердило его виновность, и он был осужден не зря, а по заслугам. Едва ли будет преувеличением сказать, что ересь, которую распространял «старец Васьян», как и в случае с ересью конца XV — начала XVI века, угрожала самому существованию православной веры и церкви. Духовные иерархи во главе с митрополитом не могли, разумеется, равнодушно взирать на это и не предпринимать оборонительных мер. Они обязаны были защищать чистоту православия и непоколебимость святой русской церкви. Вот где кроется, по нашему убеждению, коренная причина суда над Вассианом Патрикеевым. Однако имела место еще одна, пожалуй, не менее важная причина судебного преследования, направленного против Вассиана. Она была обусловлена не столько религиозными, сколько политическими мотивами. Еретик Вассиан, подобно еретику Федору Курицыну, стремился привлечь великого князя на свою сторону, войти в доверие к нему и приобрести такое влияние на государя, что тот и шагу не мог ступить, не посоветовавшись с фаворитом. Цель Вассиана здесь просвечивается зримо: создать режим, если можно так выразиться, управляемого самодержавия и превратить самодержавную власть в орудие интересов партии еретиков — продолжателей дела «жидовствующих» конца XV века. С этой точки зрения вполне возможны попытки Вассиана Косого воспрепятствовать второму браку великого князя.⁵ Такие попытки тем более вероятны, что за ними скрывался достаточно

¹ Скрынников Р.Г. Государство и церковь на Руси... С. 212.

² Там же. С. 211.

³ Там же. С. 212–215.

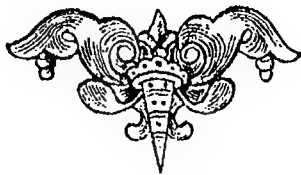
⁴ Там же. С. 216–217.

⁵ Тот факт, что известия об этом содержатся в источниках, составленных несколько десятилетий позже, не может служить свидетельством об их недостоверности.

определенный политический расчет, соответствующий задачам упомянутой партии. По мнению И.У.Будовница, как мы знаем, Вассиан и его сторонники рассчитывали, что переход власти к одному из братьев Василия III вызовет ослабление института самодержавия и частичное восстановление порядков удельной старины. Как бы там ни было, ясно одно: передача великокняжеской власти кому-либо из удельных князей создавала для Вассиана и близких к нему людей возможность усиления влияния на самодержца и, следовательно, использования государя в своих целях.

Общую направленность деятельности Вассиана Патрикеева верно, на наш взгляд, уловил Б.Греков. Историк считает, что нападки князя-старца на вотчинное владение монастырей и защита им «скитского образа жизни монахов не были самоцелью. Вассианом руководили более “мирские” интересы. Перед ним стояла задача политического ослабления и русской церкви, и Русского централизованного государства. Но эта главная политическая цель Патрикеева была, естественно, замаскирована богословской формой его полемики...».¹ Полагаем, что в отношении русской церкви цель Вассиана Патрикеева и тех, кто вдохновлял его, являлась более радикальной: потрясение основ православной веры и церковной организации. Что касается Русского централизованного государства, в частности самодержавной власти, то ей отводилась роль средства в достижении поставленной цели.

Как известно, в судебном деле Вассиана Патрикеева в качестве соратника инока-князя фигурирует Максим Грек. Это не случайно, поскольку судьба Максима Грека, как справедливо отметил Н.И. Костомаров, была связана с судьбой Вассиана.²

¹ Греков И.Б. Очерки... С. 272.

² Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Кн. I. М., 1990. С. 385.

Г л а в а III. «МУЖ ЗЕЛО МУДРЫЙ» МАКСИМ ГРЕК

Максим Грек – фигура сложная, противоречивая, не поддающаяся однозначной оценке, личность во многом загадочная, тайна которой, по всей видимости, навсегда останется до конца не раскрытой. Поэтому в научной литературе мы встречаем диаметрально противоположные его аттестации. Для одних исследователей Максим Грек – светлая личность, выдающийся ученый-энциклопедист, обладающий глубокими познаниями в области богословия и светских наук, гуманист и философ по призванию и прозвищу.¹ Для других он – «человек, неоднократно радикальным образом менявший свои взгляды», сочетавший «в себе черты образованнейшего представителя эпохи Возрождения и беспринципного политика», «человек сомнительной моральной чистоты».² По-видимому, в каждой из приведенных характеристик Максима Грека есть своя доля правды.

Не подлежит сомнению огромный вклад Максима Грека в развитие русской духовной культуры и просвещения. Но в религиозно-политической жизни Руси времен Василия III и сына его Ивана IV, зараженной еретическими учениями, положительная роль Максима не столь очевидна, а порою двусмысленна и даже негативна. Но именно эта теневая, так сказать, сторона его деятельности позволяет лучше уяснить остроту исторического момента, пережитого тогда Святой Русью.

Максим Грек (Михаил Триволис)³ родился в 1470 году в городе Арте. Потом он жил какое-то время на о. Корфу и около 1492 г. отправился путешествовать по Европе; был в Париже, а затем обосновался в Италии, где, позабыв о том, что рожден в православной вере, учился у известного гуманиста Иоанна Ласкариса и неоплатоника Марсилио Фичино. Молодой новоиспеченный гуманист, подобно своим собратьям, увлекался античностью, астрологией и естественными науками.⁴ Вскоре, однако, Триволис, в недавнем прошлом человек православный,¹ перестал быть и гуманистом, превра-

¹ См., напр.: *Скрынников Р.Г.* 1) Святители и власти. Л., 1990. С. 143, 144, 161; 2) Государство и церковь на Руси XIV–XVI вв.: Подвижники русской церкви. Новосибирск, 1991. С. 196, 208, 209, 214, 215.

² *Зимин А.А.* Россия на пороге нового времени: (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972. С. 268, 278.

³ См.: *Каштанов С.М.* Труды И. Денисова о Максиме Греке и его биографах // Византийский временник. Т. XIV. 1958. С. 284–295; *Клибанов А.И.* К изучению биографии и литературного наследия Максима Грека // Там же. С. 148–174.

⁴ *Карташев А.В.* Очерки по истории русской церкви. Т. I. М., 1993. С. 460; *Зимин А.А.* Россия на пороге нового времени... С. 269.

тился в ревностного католика и даже постригся в доминиканском монастыре св. Марка во Флоренции, в котором в свое время приором был известный Савонарола, ставший кумиром нашего неопита.

Превращение Михаила Триволиса из православного в гуманиста, а из гуманиста в доминиканца, возможно, не вызвало бы вопросов, не случись новое радикальное превращение: Михаил порвал с католической верой и вернулся в православие, приняв иночество под именем Максима в Ватопедском монастыре на Афоне.² «Таков сложный, наполненный непрерывными исканиями и мучительными крутыми поворотами жизненный путь, пройденный Максимом Греком до приезда в Россию», — заключает Н.А.Казакова.³ Можно, однако, посмотреть на эти «непрерывные искания» и «мучительные крутые повороты», сделанные Триволисом, более прозаическим взглядом, а именно как на отсутствие должной крепости в вере. Не исключено здесь и другое: участие (вольное или невольное) в тайной акции против православной церкви, спланированной ее врагами. В этой связи приобретает особое звучание свидетельство боярина Михаила Юрьевича Захарьина, слышавшего якобы от многих заслуживающих доверия людей, что Максим, будучи в Риме, оказался в числе более чем 200 учеников, обучавшихся у некоего учителя «любомудрию философскому и всякой премудрости литовстей и витерстей, да уклонились и отступили в жидовский закон и учение».⁴ Преследуемые католиками, эти «новообращенцы» вместе с Максимом бежали на Афон.⁵ Н.А.Казакова решительно отвергает это свидетельство московского боярина как в высшей степени нелепое, не имея, правда, на то убедительных доводов. «Абсурдность обвинения Максима в переходе в “жидовство” настолько очевидна, что не требует особых разъяснений: Максим Грек был убежденным противником иудаизма, ему принадлежит несколько посланий против иудеев».⁶ Аналогичным образом рассуждает и Р.Г.Скрынников: «Если бы Захарьину удалось доказать утверждение о переходе Грека в “жидовский закон”, еретика можно было бы послать на костер... Однако

¹ Православие Михаила Триволиса было, по всей видимости, униатского толка. — См.: *Карташев А.В.* Очерки по истории русской церкви. Т. I. С. 460.

² «И.М.Триволис, принявший постриг, — говорит А.В.Карташев, — не пробыл и года не в родной ему атмосфере, таинственно убежал на греческую родину, на Афон. Биографы не имеют никаких документальных данных для объяснения этого кризиса в биографии Михаила-Максима» (*Карташев А.В.* Очерки по истории русской церкви. Т. I. С. 463). Не имея возможности внятно, с привлечением конкретных фактов, объяснить этот кризис, А.В.Карташев прибегает к соображениям возвышенного свойства: «Глубокую, даровитую душу грека не суждено было перековать на чужой лад даже всеми культурными чарами чужого “парадиза”. Она затосковала и честно покорила зову праотеческого Востока». — Там же.

³ *Казакова Н.А.* Очерки по истории русской общественной мысли. Первая треть XVI века. Л., 1970. С. 155. О поисках и метаниях «молодого грека» говорит и В.А.Малинин. — См.: *Малинин В.А.* Русь и Запад. Калуга, 2000. С. 273.

⁴ Судные списки Максима Грека и Исаака Собака. М., 1971. С. 114.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 234.

Максим Грек написал несколько обличительных посланий против иудаизма, и выступление ближнего боярина не достигло цели. Ввиду очевидной абсурдности подозрений насчет “жидовства” митрополит Даниил не включил этот пункт в свою обвинительную речь». ¹ К написанию посланий против «иудаизма и иудеев» названные исследователи могли бы присовокупить и записку («совет») Максима «на Исаака жидовина», поданную собору русских архиереев (около 1520 г.), в которой содержался призыв к жестокой расправе над еретиком. ² Однако ни послания, ни записка не могут служить неопровержимыми доказательствами против обращения Максима некогда в «жидовство». Нельзя исключать того, что эти писания являлись прикрытием весьма неприглядного для православного инок факта, имевшего место в его биографии. Напомним, кстати, что во время своего пребывания в городах Западной Европы Максим Грек увлекался астрологией. ³ Но потом, будучи уже в Москве, разоблачал антихристианскую суть подобных увлечений. ⁴

Н.А.Казакова приводит еще один довод, повторенный, как мы видели, Р.Г. Скрынниковым, — довод, подвергающий сомнению свидетельство боярина Михаила Юрьевича. «Очевидно, — говорит она, — и сами организаторы суда (над Максимом Греком. — *И.Ф.*) понимали, что нельзя слишком перегибать палку; вероятно, поэтому рассматриваемое обвинение (переход Михаила Триволиса в “жидовство”. — *И.Ф.*) не было включено в обвинительную речь митрополита Даниила». ⁵ Такое, конечно, возможно. Но допустимо и другое: «рассматриваемое обвинение» бросало тень на государя, радушно принявшего Максима и всячески благоволившего к нему. Могло быть и третье: «рассматриваемое обвинение» в условиях русской действительности того времени было наиболее тяжким, ⁶ влекущим за собой смертную казнь. Но подвергнуть казни подданного Турции, хорошо известного константинопольскому правительству, не входило, по всей видимости, в планы Василия III. Подобная акция, несомненно, осложнила бы отношения Москвы с Константинополем, тогда как «в обстановке крымской активности союз с Портой был жизненно необходим для России». ⁷ Поэтому «рассматриваемое обвинение» и могло быть опущено в обвинительной речи митрополита Даниила.

¹ Скрынников Р.Г. Крест и корона. Церковь и государство на Руси IX–XVII вв. СПб., 2000. С. 217.

² См.: Макарий (Булгаков). История русской церкви. Кн. IV. Часть первая. М., 1996. С. 89; Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. II. Первая половина тома. М., 1997. С. 649.

³ Макарий (Булгаков). История русской церкви. Кн. IV. Часть первая. С. 90; Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. II. Первая половина тома. С. 672; Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. Т. I. С. 460; Зимин А.А. Россия на пороге нового времени... С. 269.

⁴ См.: Карташев А.И. Очерки по истории русской церкви. Т. I. С. 466; Зимин А.А. Россия на пороге нового времени... С. 269. См. также: Буланин Д.М. Переводы и послания Максима Грека. Неизданные тексты. Л., 1984. С. 204.

⁵ Казакова Н.А. Очерки... С. 234.

⁶ Там же. С. 188.

⁷ Зимин А.А. Россия на пороге нового времени... С. 281–282.

Надо сказать, что события, связанные с поездкой Максима Грека в Москву и его пребыванием на Руси, не поддаются однозначной оценке. В них немало загадочного и противоречивого. Обратимся к фактам.

В марте 1515 года Василий III направил с милостынней на Афон своих послов Ивана Варавина и Василия Копыла. Послы везли с собой грамоту, обращенную к проту Афонской горы Симеону, ко всем игуменам и монахам 18 монастырей святогорских, в которой содержалась просьба прислать в Москву ученого инока Савву, книжного переводчика, известного переводами греческих книг на церковнославянский язык.¹ Савву звали в Москву, поскольку там задумали осуществить перевод Толковой Псалтыри с греческого языка на славянский язык. «Неизвестно, кто и какими представлениями возбудил в великом князе и митрополите Варлааме желание, чтобы псалтырь эта была переведена на славянский язык», – говорит Е.Е.Голубинский.² Пытаясь персонифицировать этих «возбудителей», историк пишет: «Что касается до “кто”, то, по всей вероятности, это были Греки, служившие при дворе великого князя и оставшиеся от тех многих Греков, которые прибыли в Москву с Софьей Фоминичной. Относительно представлений, если они состояли в указании каких-нибудь особенных нужд времени, а не в простом указании общей важности псалтыри, как книги богослужбной и четией, мы не находим возможным сказать что-нибудь».³ Другой историк русской церкви, А.В.Карташев, считал, что переведенная на славянский язык Толковая Псалтырь «должна была вооружить русское православие против с толку сбивающей экзегетики жидовствующих».⁴ По И.Б.Грекову, «особенные нужды времени», которые не сумел установить Е.Е.Голубинский, были обусловлены «ходом идеологической дискуссии и стремлением обеих борющихся сторон (стяжателей и нестяжателей. – И.Ф.) найти дополнительные аргументы для доказательства своей правоты».⁵ Если И.Б.Греков объяснял приглашение старца Саввы нуждами «обеих борющихся сторон», то А.А.Зимин с большим основанием говорил о потребностях одной лишь стороны – партии нестяжателей. Ученый писал: «Просьба связана была с усилившимся влиянием при дворе Василия III нестяжателей, и прежде всего митрополита Варлаама и Вассиана Патрикеева. Новым фаворитам Василия III для укрепления своего влияния на великого князя нужно было опереться на авторитетную поддержку если не вселенских патриархов, то во всяком случае афонского монашества».⁶ Из названных А.А.Зиминим деятелей следует выделить Вассиана Патрикеева, поскольку он теснее всех сотрудничал с Максимом Греком.

¹ Соловьев С.М. Сочинения. Кн. III. М., 1989. С. 319; Зимин А.А. Россия на пороге нового времени... С. 269, 270.

² Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. II. Первая половина тома. С. 675.

³ Там же.

⁴ Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. Т. I. С. 464.

⁵ Греков И.Б. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV–XVI вв. М., 1963. С. 274.

⁶ Зимин А.А. Россия на пороге нового времени... С. 269–270. См. также: Скрынников Р.Г. Государство и церковь на Руси... С. 191. Мотивация приглашения Саввы в Москву обеспокоенностью митрополита Варлаама «путаницей и явными ошибками

Вернемся, впрочем, к просьбе великого князя, переданной русскими послами афонским монахам.

Оказалось, что исполнить ее в точности нельзя, поскольку инок Савва был очень стар и «ногами немощен» и потому не мог совершить поездку в Москву. Здесь есть некоторая странность. Получается так, будто великий князь и митрополит не имели достаточных сведений о человеке, испрашиваемом в Москву. В принципе это, конечно, возможно. Но дело в том, что перед посылкой великого князя на Афон за Саввой в Москве находился старец Ватопедова монастыря Нифонт, который, надо полагать, и указал на Савву.¹ По-видимому, не только Нифонт, а также другие афонские монахи указывали на Савву. Е.Е.Голубинский пишет: «Из расспросов у афонских монахов, приходивших в Москву за милостыней, узнали, что “переводчик книжный” есть в одном из афонских монастырей, именно – в монастыре Ватопедском старец Савва».² К числу этих афонских монахов принадлежал, вероятно, старец Афанасьева монастыря Мелентий, приехавший в Москву с Нифонтом.³ Вряд ли афонские иноки и, в частности, ватопедский монах Нифонт, живший бок о бок с Саввой, советовали пригласить последнего в Москву, заведомо зная, что он по немощи своей неспособен совершить столь далекое путешествие. Значит, тут есть какая-то загадка и, быть может, – тайна.⁴ Если это так, то вряд ли выбор Максима для поездки на Руси являлся результатом случайности, как считает Н.А.Казакова.⁵

в церковной литературе», выдвигаемая В.А.Малиным, на наш взгляд, недостаточна. – См.: Малинин В.А. Россия и Запад. С. 275.

¹ Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. II. Первая половина тома. С. 675–676 (прим.); Зимин А.А. Россия на пороге нового времени... С. 269.

² Там же. С.675.

³ Зимин А.А. Россия на пороге нового времени... С. 269.

⁴ Чтобы сделать версию о немощи Саввы более убедительной, Е.Е. Голубинский утверждает, будто он «по причине старости и болезни ног отказался ехать в Россию» (Там же. С. 676). Эту версию повторяет А.В.Карташев, утверждая, будто «просимый русским посольством Савва ехать в Москву отказался» (Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. Т. I. С. 463). Но об отказе самого Саввы нам ничего не известно. Насчет обстоятельств, препятствующих поездке Саввы в Москву, мы узнаем из письма игумена Ватопедского монастыря Анфимия митрополиту Варлааму, где говорится о том, что Савва «многолетен» и «ногами немощен, не възможе исполнити повеления благоверного великого князя и твоего великого святительства» (АИ. Т. I, № 122). О болезни старца Саввы говорит и Максим Грек, т.е. лицо заинтересованное в данном случае (Казакова Н.А. Очерки... С. 200.). Следовательно, сообщения о болезни и старческой немощи Саввы идут не от самого инока, а со стороны. Тем не менее, другой крупный исследователь истории русской церкви, митрополит Макарий, утверждает, будто «Савва, многолетний старец и больной ногами, просил прощения, что не в силах исполнить воли великого государя и святителя» (Макарий (Булгаков). История русской церкви. Кн. IV. Часть первая. С. 89). Более точен С.М. Соловьев. Игумен Ватопедского монастыря, по словам историка, «отвечал, что Савва не может отправиться по старости и болезни в ноги». – Соловьев С.М. Сочинения. Кн. III. С. 319.

⁵ Казакова Н.А. Очерки... С. 201.

Но этим загадочность происшедшего не исчерпывается. Не вполне понятно, почему монастырские власти Афона решили вместо Саввы послать в Москву именно Максима Грека.¹ С одной стороны, вроде бы все ясно: Максим был монахом весьма образованным и начитанным, хорошо знающим современные европейские языки, а также древние греческий и латинский.² Но он не знал русского языка и поэтому не вполне соответствовал предназначаемой ему на Руси роли переводчика.³ И хотя на Афоне надеялись на то, что Максим «и русскому языку борзо навыкнет», тут все-таки имел место какой-то скрытый смысл. Не случайно И.Б.Греков замечал: «Весьма характерно, что переводчик, отправляемый из Турции в Москву, хорошо знал древние и почти все европейские языки, но совсем не знал русского. Уже одно это обстоятельство свидетельствовало о том, что в Константинополе смотрели на Максима Грека не только как на переводчика».⁴ Обращает внимание и то, что Максим из афонской обители отправился на Русь с ездом в Константинополь, где задержался на некоторое время в июне–июле месяце 1516 года.⁵ Историки затрудняются сказать, почему так случилось. «В Константинополе по неизвестным причинам посольство было задержано», – пишет Н.А.Казакова.⁶ Надо полагать, данная задержка была вызвана необходимостью снабдить инструкциями отъезжающего в Москву монаха. Вопрос лишь в том, от кого исходили эти инструкции и какую цель они преследовали...

Побуждает к размышлениям и тот факт, что на пути в Россию Максим Грек сделал длительную, почти двухлетнюю остановку в Крыму. Историки по-разному относятся к этой крымской «стоянке» нашего героя. Митрополит Макарий только упоминает этот факт, не пытаясь вникнуть в него: «Путешествие Максима с товарищами было медленно; он прожил несколько

¹ Возможно, то было решение не столько монастырских властей Афона, сколько константинопольского правительства, которым воспользовались афонские старцы, старавшиеся, так сказать, сбить Максима, поскольку к нему, «как к человеку необычайно широкого и соблазнительного западного опыта, домоседливое афонское братство не могло не относиться с опаской». – См.: *Карташев А.В.* Очерки по истории русской церкви. Т. I. С. 463.

² Власти Ватопедского монастыря, обращаясь к Василию III, не без основания характеризовали Максима как «искусна суща и пригожа к толкованию и проведению всяких книг церковных и глаголемых еленских, понеж от юноския младости в сих возрасте учениях». – *Временник ОИДР.* Кн. 5. М., 1850. С. 33.

³ Переводческая деятельность Максима являла собой забавное зрелище. «Явившись в Москву в 1518 г., – пишет Р.Г. Скрынников, – Максим попал в затруднительное положение. Его пригласили для перевода книг, но он не знал русского языка, а переводчика с греческого в Посольском приказе не оказалось. Ему приходилось переводить священные тексты на латынь. “Он сказывает по-латински, – поясняли помогавшие ему толмачи, – а мы сказываем по-русски писарем”». – *Скрынников Р.Г.* Государство и церковь на Руси... С. 196.

⁴ *Греков И.Б.* Очерки... С. 274.

⁵ *Голубинский Е.Е.* История русской церкви. Т. II. Первая половина тома. С. 677. «В 1516 году, – пишет А.В.Карташев, – путники долго жили в Константинополе». – *Карташев А.В.* Очерки по истории русской церкви. Т. I. С. 463.

⁶ *Казакова Н.А.* Очерки... С. 201.

времени в Перекопе и прибыл в Москву уже 4 марта 1518 г.»¹ Н.И.Костомаров, отмечая задержку Максима Грека и его спутников в Крыму, затрудняется найти ей объяснение: путешественники, «пробывши несколько времени, по неизвестной нам причине, в Крыму, прибыли в Москву в 1518 году».² Однако уже Е.Е.Голубинский попытался указать на причину остановки Максима Грека в Крыму, высказав предположение, что это «требовалось государственными делами сопровождавших его послов».³ В чем состояли эти «государевы дела», автор, к сожалению, не говорит. По мнению И.У.Будовница, «задержавшись на долгое время в Крыму», Максим «деятельно изучает здесь русский (славянский) язык».⁴ И.Б.Греков уверен в том, что медленные «темпы следования “переводчика” к месту назначения», отражают политический характер его миссии.⁵ Согласно предположению исследователя, Максим Грек, задержавшись в Крыму, «выжидал наступления такого момента в развитии международных событий, когда его появление в Москве стало бы наиболее целесообразным и эффективным с точки зрения крымско-казанско-турецкой политики в Восточной Европе. Объяснить чем-либо иным почти двухлетнюю задержку Максима Грека в Крыму довольно трудно».⁶

Формулируемое И.Б.Грековым объяснение пребывания Максима Грека в Крыму нам представляется малоубедительным. Надо, впрочем, сказать, что в процессе последующих своих рассуждений историк вплотную приблизился к правильному разрешению данной проблемы. Он говорит: «Исследователя не может не поражать тот факт, что, появившись в марте 1518 г. в столице Русского государства, Максим Грек сразу же оказался вовлеченным в происходившую там напряженную идеологическую борьбу. Быстрая ориентировка в существе спорных проблем, оперативное написание больших трактатов по вопросам, выдвигавшимся ходом дискуссии, строгая последовательность и целенаправленность предлагаемых им политических “рецептов” – все это заставляет предполагать предварительную осведомленность Максима о положении дел в Русском государстве, видеть четко профилированную Константинополем и тщательно осуществленную самим афонским “переводчиком” подготовку к весьма сложной и ответственной миссии в Московской Руси (выделено нами. – И. Ф.). В самом деле, как только Максим прибыл в Москву, он тем или иным способом установил контакты со всеми кругами московского общества, определявшими политический климат в столице Русского государства. Хорошо принятый великим князем Василием III и митрополитом Варлаамом, он очень быстро завязал сношения с противниками монастырского землевладения, возглавленными в то время Вассианом Косым, и с теми кругами, которые были связаны с неофициальным представителем римской дипломатии в Москве – доктором Ни-

¹ Макарий (Булгаков). История русской церкви. Кн. IV. Часть первая. С. 90.

² Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Кн. I. М., 1990. С. 387.

³ Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. II. Первая половина тома. С. 677.

⁴ Будовниц И.У. Русская публицистика XVI века. М.; Л., 1947. С. 138.

⁵ Греков И.Б. Очерки... С. 274.

⁶ Там же.

колаем Немчиным. Одновременно Максим знакомился с боярством, нащупывая оппозиционные правительству элементы. В частности, в лице боярина Берсень-Беклемишева он нашел надежного союзника. Прибытие греческого богослова в Москву сразу же активизировало деятельность “нестяжателей” и их лидера Вассиана Косого». ¹

Таким образом, Максим Грек приехал в Москву отнюдь не новичком, которому неизвестно было положение дел на Руси, а осведомленным человеком, прошедшим специальную предварительную подготовку. Логично предположить, что все это он получил в Крыму, чем и объясняется его длительное там пребывание.

Радушно принятый в Москве великим князем и митрополитом, Максим Грек был поселен в Чудове монастыре. Но вскоре мы видим его в Симоновом монастыре то ли на временном, то ли на постоянном жительстве, ² о чем узнаем из показаний Максима по следственному делу об Иване Берсене и Федоре Жареном. На допросе он говорил: «И Федко Жареной приходил ко мне на Симоново». ³

Факт проживания Максима Грека в Симоновом монастыре может показаться на первый взгляд несущественной мелочью. Однако за этой «мелочью» скрывается очень важная информация. Вспомним еще раз, что Симонов монастырь являлся тогда в некотором роде еретическим гнездом, свитым в свое время игуменом Зосимой, принадлежность которого к «ереси жидовствующих» возвела его на митрополичью кафедру. Не случайно в этом монастыре обосновался Вассиан Патрикеев – продолжатель дела Федора Курицына, главы еретической партии при дворе Ивана III. Появление здесь Максима Грека в качестве постоянного также, по всей видимости, не случайно. Оно, на наш взгляд, свидетельствует об общности интересов Вассиана и Максима. Отсюда понятно, почему Грек в вопросе о монастырском землевладении сразу же стал на сторону Косого, всячески помогая ему обосновывать идеи нестяжательства вплоть до выгодного Патрикееву толкования отдельных терминов. «Так, именно Максим разъяснил Вассиану, что слово “проастион”, встречающееся в греческих кормчих означает “пашни и винограды, а не села с житейскими христианами”». ⁴ Если же факты противоречили его построениям, он старался их умалчивать. Показательно, что афонский посланец решительно отказался переводить церковную «Историю Блаженного Феодорита», на чем настаивал митрополит Даниил. Этот отказ, вероятно, был обусловлен тем, что в «Истории» содержались свидетельства «о дозволении монахам в древней греческой церкви владеть вотчинами». ⁵ Таковую “беспристрастность” демонстрировал Максим Грек. ⁶ И это, конечно,

¹ Там же. С. 275.

² См.: Макарий (Булгаков). История русской церкви. Кн. IV. Часть первая. С. 90; Сеницына Н.В. Максим Грек в России. М., 1977. С. 61.

³ ААЭ. Т. I, № 172. С. 143.

⁴ Зимин А.А. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV–XVI в.). М., 1977. С. 255.

⁵ Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. II. Первая половина тома. С. 708.

⁶ Следует сказать, что некоторые авторы, опираясь на поздние разъяснения Максима Грека, иначе толкуют причину, по которой Святогорец отказался переводить

обнажало существо замыслов афонского монаха, выдающих в нем не столько переводчика, сколько политика.

Некоторые историки подозревали в Максиме даже турецкого агента, эмиссара. В дореволюционной историографии это был Б. И. Дунаев,¹ а в советской – И. И. Смирнов и И. Б. Греков.² Эти подозрения ряду историков показались беспочвенными.³ По-видимому, вопрос этот останется открытым, поскольку нельзя доказать, кто из спорящих прав.

Едва появившись в Москве, Максим Грек стал сподвижником Вассиана Патрикеева. Между ними установилась идейная близость.⁴ Необходимо еще раз подчеркнуть, что с приездом Максима Грека заметно активизировалась

церковную историю Феодорита. Так, у Т.В.Толстого читаем: «Митрополит Даниил требовал, чтобы Максим перевел церковную историю Феодорита. Рассудительный Максим представлял, что это сочинение по содержащимся в нем письмам Ария и других еретиков может быть опасно “для простоты”. Даниил принял такой ответ за непослушание непростительное и остался в сильной досаде» (*Толстой Т.В. История русской церкви. Б/м. 1991. С. 361*). Сходным образом рассуждает А.В.Карташев. «Не без провокационного умысла м. Даниил возложил на Максима послушание перевести Историю Церкви Блаж. Феодорита. Максима это начинание не вдохновляло. Ему казалось, что для русских читателей эта Феодоритова работа могла быть сбивающей с толку по множеству включенных в нее еретических текстов – Ария. Македония и др. Максим не проявил торопливого усердия в переводе...» (*Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. Т. I. С. 469*). А.В.Карташев невольно для себя подводит читателя к правильному решению вопроса, отличному от того, что предлагает сам. Он говорит, что митрополит поручил Максиму перевод церковной истории Феодорита «не без провокационного умысла». Этот умысел не мог, конечно, преследовать цель распространения посредством данного перевода еретических учений. По отношению к митрополиту Даниилу, непримиримому борцу с еретиками, подобное предположить абсолютно невозможно. Остается признать, что умысел митрополита состоял в желании найти у Феодорита факты, подтверждающие право владения духовенства вотчинами.

¹ См.: Дунаев Б.И. Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI в. М., 1916.

² Смирнов И.И. 1) К вопросу о суде над Максимом Греком // Вопросы истории. 1946, № 2–3. С. 118–126; 2) Очерки политической истории Русского государства 30–50-х годов XVI века. М.; Л., 1958. С. 20; Греков И.Б. Очерки... С. 283–284.

³ См.: Будовниц И.У. Русская публицистика XVI века. С. 143–144; Зимин А.А. 1) И.С. Пересветов и его современники. Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI века. М., 1958. С. 419; 2) Россия на пороге нового времени... С. 280–281; Бурдей Г.Д. Некоторые вопросы дипломатической истории Восточной Европы XIV–XVI вв. // Международные отношения в Центральной и Восточной Европе и их историография. М., 1966. С. 201–205; Казакова Н.А. Очерки... 206–221; Синецына Н.В. Максим Грек в России. С. 130.

⁴ Зимин А.А. Крупная феодальная вотчина... С. 258, 261. А.А.Зимин объясняет эту идейную близость «влиянием князя-инока на афонского монаха» (Там же. С. 261). Максим Грек, судя по всему, прибыл на Русь с запасом соответствующих взглядов, заранее подготовленным идейно к сотрудничеству с Вассианом Патрикеевым, с которым у Максима довольно скоро установился «тесный контакт». – См.: Синецына Н.В. Максим Грек в России. С. 61.

деятельность Вассиана Косого, получившая новый (и что важно отметить) внешний импульс, источник которого находился за пределами Руси.

Заземский консультант, оказывая поддержку и помощь Вассиану Патрикееву в борьбе против землевладения русских монастырей, творил далеко не безобидное дело. И.Б.Греков следующим образом характеризует деятельность греческого инока в этом направлении: «Критика монастырского землевладения, программа реорганизации всего уклада жизни русских монастырей таили в себе ясный политический смысл: речь шла о стремлении ликвидировать материальную базу политического могущества монастырей на Руси, упразднить основу сотрудничества феодальной церкви с феодальным централизованным государством...».¹ В конечном счете, речь шла об ослаблении политической роли церкви на Руси, об ослаблении союза «церкви и самодержавной власти в Московском государстве».² Удар, следовательно, наносился и по церкви и по государству, а значит, по Руси как государственному образованию в целом.

Попытки расшатывания (осознанные или нет – неважно) основ русской государственности сочетались у Максима Грека с посягательством на церковно-государственный суверенитет Руси, что проявлялось в его усилиях по восстановлению зависимости московского митрополита «от константинопольского патриарха, а вместе с тем от константинопольского правительства».³

Представители оппозиционного Василию III боярства, группировавшиеся вокруг придворной еретической партии, возглавляемой Вассианом Патрикеевым, видели в Максиме Греке деятеля, способного дать ответ на вопрос о том, «как устроить Государю землю свою, и как людеи жаловати, и как Митрополиту жити».⁴ Подобное впечатление о себе окружающим мог внушить человек, не только сведущий в политике, но и обладающий некоторыми практическими навыками в сфере политической жизни. Во всяком случае, он умел собирать людей вокруг себя, объединять их общей идеей и формировать групповой интерес. О себе Максим был столь высокого мнения, что счел возможным обратиться к Василию Ивановичу с посланиями, в которых давал государю ряд практических советов по управлению государством и подданными.⁵ И это позволяет оценить искренность его слов, говоренных якобы Берсеню-Беклемишеву и воспроизведенных на следствии по делу опального боярина: «У вас, господине, книги и правила есть, можете устроиться».⁶

Свою келью Грек превратил в своеобразный дискуссионный клуб,⁷ куда, по свидетельству келейника Алексея, приходили «Иван Берсень, князь Иван

¹ Греков И.Б. Очерки... С. 277.

² Там же.

³ Там же.

⁴ ААЭ. Т. I, № 172. С. 141.

⁵ См.: Будовниц И.У. Русская публицистика XVI века. С. 157–164.

⁶ ААЭ. Т. I, № 172. С. 141.

⁷ А.И. Клибанов предпочитает называть его «Московской академией Максима Грека». – Клибанов А.И. Духовная культура средневековой Руси. М., 1996. С. 166.

Токмак, Василей Михайлов сын Тучков, Иван Данилов сын Сабурова, князь Андрей Холмской и Юшко Тютин». Они «говаривали с Максимом о книжном и спиралися меж себя о книжном». Р.Г. Скрынников, называя келью Максима своего рода политическим клубом, замечает, что «в нем собирались самые образованные люди. Они обсуждали не только богословские темы, но и злобу дня. Доверяя друг другу, эти люди вели весьма вольные речи. Они бранили не только митрополита, но и самого государя...».¹ За всем этим с любопытством наблюдали келейники, которым разрешалось находиться в Максимовой келье.

Совсем иначе проходили встречи Максима с Иваном Берсенем. Собеседники обычно сидели «долго один на один», а келейников выставляли «тогда всех вон».² По мнению Н.А. Казаковой, «интимные беседы Максима Грека с Берсенем Беклемишевым отнюдь не могут служить доказательством общности их политической платформы. Они являются свидетельством лишь личного расположения и хороших личных отношений обоих собеседников».³ И еще: «Анализ бесед Максима Грека с Берсенем Беклемишевым показывает, что у собеседников, связанных личным расположением друг к другу, по вопросам политическим почти не было точек соприкосновения».⁴ Трудно поверить, что «личное расположение» Максима и Берсеня друг к другу, «хорошие личные отношения» между ними возникли просто так, на пустом месте, из ничего. Что-то, конечно, было для этого основой. И мы видим, как это «что-то», по всей видимости общее для них, оберегается ими, хранится в тайне от посторонних. Отсюда их длительные беседы с глазу на глаз без лишних свидетелей, удаляемых из кельи.

Современный исследователь устанавливает близкие отношения между И.Н. Берсенем-Беклемишевым и Вассианом Патрикеевым, с которым, как мы знаем, Максим Грек тесно сотрудничал.⁵ Связь Патрикеева с Берсенем обуславливалась тем, что оба эти деятеля при Иване III входили в число сторонников Дмитрия-внука вместе с Федором Курицыным и другими «вольнодумцами».⁶ Иными словами, Берсень-Беклемишев, как и Вассиан Патрикеев, принадлежал к придворной партии еретиков, исповедовавших «ересь жидовствующих». Связь с Патрикеевым и склонность к вольнодумству (сречеству), послужили, видимо, основанием доверительных отношений Максима Грека и Берсеня.

¹ Скрынников Р.Г. Государство и церковь на Руси... С. 203–204. Келья Максима Грека, по словам Н.В. Синецкой, «стала центром, где наиболее образованные люди собирались для ученых диспутов, для обсуждения злободневных политических и социальных проблем». – Синецкая Н.В. Максим Грек в России. С. 62. См. также: Громов М.Н. Максим Грек. М., 1983. С. 32.

² ААЭ. Т. I, № 172. С. 141.

³ Казакова Н.А. Очерки... С. 226.

⁴ Там же. С. 224.

⁵ Зимин А.А. Россия на пороге нового времени... С. 272.

⁶ Там же. С. 283. «Берсень, – говорит А.А. Зимин, – предстает перед нами запоздалым наследником политических идеалов сторонников Дмитрия-внука... Таким же «консерватором» был и Вассиан Патрикеев, религиозно-философские представле-

Что касается других помянутых участников келейных встреч, то ими не ограничивался круг общения Максима Грека. По установленной в ту пору традиции сановные бояре не могли посещать младших по чину. Но близкие отношения с Вассианом Патрикеевым открывали перед Максимом «двери таких боярских домов, как дом Щенятева, Голицына, Куракина. Казначей Ю.Траханиотов проявлял большой интерес к переводу русских богослужебных книг и не мог избежать знакомства со своим просвещенным земляком. Но келью посещал не он, а грек Юшка Тютин... Крупный дипломат и образованный писатель Федор Карпов обменивался посланиями с Максимом Греком, но среди посетителей чудовской кельи его нет».¹

Как и следовало ожидать, дело кончилось для Максима Грека плохо. Он попал в опалу, был дважды судим (на соборах 1525 и 1531 гг.), подвергаясь допросам сначала со стороны митрополита Даниила, а затем – епископа крутицкого Досифея. Материалы допроса и передопроса Максима сохранились до наших дней. Что инкриминировали ему судьи?

Н.А.Казакова, классифицируя обвинения, предъявленные Максиму, объединяет их в четыре группы: 1) обвинения политические; 2) обвинения уголовные; 3) обвинения религиозно-догматические; 4) обвинения, относящиеся к критике вотчинных прав и стяжательской деятельности церкви.² Классификация, произведенная Н.А.Казаковой, является, по нашему мнению, чересчур дробной. Думается, было бы вернее разделить обвинения, выдвинутые против афонского инок, на политические и религиозные, а именно: 1) обвинения в оскорблении особы государя, преступлениях против государства и церкви; 2) обвинения в преступлениях против православной веры, т.е. в ереси или отступничестве.³

Митрополит Даниил обвинял Максима Грека в том, что он «великого князя Василья называл гонителем и мучителем нечестивым, как прежние гонители и мучители были нечестивы».⁴ По Н.А.Казаковой, «инкриминируемый Максиму Греку отзыв о великом князе мог иметь двоякий смысл: он мог означать порицание всей системы правления великого князя или же иметь личный характер и выражать лишь недовольство Максима Грека действиями великого князя по отношению к нему».⁵ Рассмотрев высказывания Грека по вопросам политического строя, Н.А.Казакова не нашла в них «даже намека на оппозицию процессу государственной централизации. Напротив, Максим везде и всегда выступает сторонником сильной центральной власти».⁶

ния которого перекликались не только с идеалами Нила Сорского, но и с отдельными мыслями Федора Курицына». – Там же. С. 286.

¹ *Скрынников Р.Г.* Государство и церковь... С. 208.

² *Казакова Н.А.* Очерки... С. 196.

³ Митрополит Макарий отмечает, что Максима судили «за вины против государя и России, за вины против русского духовенства и Русской Церкви, за вины против православной веры». – *Макарий* (Булгаков). История русской церкви. Кн. IV. Часть первая. С. 101.

⁴ Судные списки Максима Грека и Исака Собаки. М., 1971. С. 98.

⁵ *Казакова Н.А.* Очерки... С. 222.

⁶ Там же. С. 229.

Данный вывод, по мнению исследовательницы, «влечет за собой и другой – о том, что инкриминировавшийся Максиму Греку отрицательный отзыв о Василии III (“гонитель и мучитель”), если даже и имел место в такой форме, отнюдь не означал порицания политической линии правительства Василия III. Скорее всего, он имел личный характер и был связан с большим для Максима Грека вопросом – нежеланием великого князя отпустить его на Афон».¹ Следует, видимо, признать правильной мысль Н.А.Казаковой, что Максим Грек не стоял в оппозиции к политике государственной централизации Василия III, не порицал всю систему правления великого князя. Важно, однако, что она не отрицает самой возможности негативных высказываний Максима по отношению к государю. Мы также предполагаем их вероятность, но не согласны с тем, будто они имели сугубо «личный характер» и были связаны с нежеланием великого князя отпустить «Святогорца» на Афон.

С подобным толкованием расходится, прежде всего, лексика, применяемая Греком, пусть даже ему приписываемая. Едва ли нежелание великого князя отпустить Максима на Афон соответствовало слову *гонитель*. Афонский инок вплоть до собора 1525 года никаким гонениям не подвергался. Напротив, он был в фаворе у московского государя. Более уместно, казалось бы, здесь слово *мучитель*, если предположить, что принудительное удержание Максима Грека в Москве вызывало в нем тоску по милому сердцу Афону и, следовательно, порождало у него душевные муки. Но нельзя забывать, что Максим называл Василия III не просто мучителем, а *нечестивым мучителем*, уподобляя его гонителям и нечестивым мучителям прошлого. Все это придает высказываниям Максима Грека о великом князе религиозно-нравственный оттенок. Куда клонил Максим, видно из свидетельств Василия Тучкова, который, обращаясь к Василию Ивановичу, говорил следующее: «Яз, государь, к Максиму был прихож... И просился, государь, Максим у тебя наперед сего прочь, и ты его не отпустил, а молвил ему: Поживи еще здесь. И Максим говорил: Яз чаял, что благочестивый государь, а он таков, как прежних государей, которые гонители на христианство».² Отсюда ясно, что Максим Грек мыслит более широко, чем в плане личном, сравнивая Василия III с прежними мучителями и гонителями «на христианство».³ Следовательно, он имеет в виду какие-то массовые преследования за христианство, намекая, по-видимому, на репрессии против еретиков, которые, как мы знаем, старались лишь наружно походить на правоверных христиан, тогда как внутри себя хранили преданность еретическим учениям. Он осуждает эти репрессии, показывая тем, на чьей стороне его симпатии.

¹ Там же.

² Судные списки Максима Грека и Исаа Собаки. С. 116. На очной ставке Василия Тучкова с Максимом Греком последней «сказывал»: «Того не говаривал. И Василий говорил, что те речи у Максима слышел». – Там же.

³ Мы не думаем, что митрополит Даниил и Василий Тучков переиначили слова Максима, исказив до неузнаваемости их первоначальный смысл, как получается у Н.А.Казаковой, когда она говорит: «Порицание Максимом Греком великого князя за нежелание отпустить его на Афон, легко можно было переделать в отзыв о великом князе как гонителе и мучителе». – *Казакова Н.А. Очерки...* С. 230.

Идеал Максима Грека – царь, правящий вместе со своими «соначальниками» и «соспешниками», князьями и боярами, живущими в добром согласии и творящими праведный суд.¹ Долг правителя состоит в том, чтобы почитать, оберегать и щедро награждать знатных князей и бояр, воевод и храбрых воинов.² Василий III, с точки зрения его противников, не соответствовал этому идеалу. Великий князь, если верить Берсеню-Беклимишеву, приятелю и confidentу Максима, переменял «старые обычаи», перестал жаловать людей и «старых почитати», «встречи не любит», никого не слушает, но «запершыся сам третей у постели всякие дела делает».³ Вероятно, Максим Грек в какой-то мере разделял эти суждения Берсеня о великом князе, хотя и выдал на следствии своего интимного собеседника, как говорится, «с потрохами», стараясь, по всей видимости, отвести от себя возможные на сей счет подозрения. О том, что речи Берсеня о государе не вызывали у Максима отторжение, свидетельствует их неоднократное возобновление в тех или иных вариациях во время келейных бесед: «А то мне (Максиму, – И. Ф.) всего не упамятовати, что со мною Берсень говорил; многие речи Берсень про Государя говорил».⁴

В плане негативного восприятия Максимом Греком Василия III как носителя высшей власти следует, на наш взгляд, рассматривать неприятие «Святогорцем» второго брака великого князя.⁵ Конечно, позиция Максима здесь в немалой мере определялась церковными установлениями, стоявшими на страже нерушимости брачных уз государя с его первой женой Соломонией Юрьевной Сабуровой. Известное значение в этом вопросе имела и близость Грека к Сабуровым.⁶ Но решающее воздействие на формирование отрицательного отношения Максима Грека ко второму браку Василия III оказал, надо думать, главный противник развода государя Вассиан Патрикеев,⁷ с которым афонский инок сошелся особенно тесно. Вассианом же в данном случае, как и вообще, управляли не столько церковные каноны или этические правила,⁸ сколько политические страсти, в частности стремление не толь-

¹ Будовниц И. У. Русская публицистика XVI века. С. 159.

² Там же. С. 159–161.

³ ААЭ. Т. I, № 172. С. 142, 143–144.

⁴ Там же. С. 143.

⁵ См.: Будовниц И. У. Русская публицистика XVI века. С. 140; Зимин А. П. Россия на пороге нового времени... С. 293; Скрынников Р. Г. Государство и церковь на Руси... С. 202.

⁶ Среди тех, кто был «прихож» к Максиму, встречаем Ивана Данилова сына Сабурова. – ААЭ. Т. I, № 172, С. 141. См. также: Зимин А. А. Россия на пороге нового времени... С. 293.

⁷ См.: Зимин А. А. Россия на пороге нового времени... С. 293. Ср.: Казакова Н. А. Очерки... С. 118–120.

⁸ «Показывая недостоверность версии о противодействии нестяжателей разводу и второму браку Василия III, – пишет Н. А. Казакова, – мы отнюдь не отрицаем возможности того, что и со стороны Вассиана, и других близких великому князю лиц имело место осуждение поступка великого князя, как выходящего за рамки традиционной этики». – Казакова Н. А. Очерки... С. 120.

ко сохранить, но и упрочить свою роль «великого временного человека» при самодержавном государе. Ведь смерть бездетного Василия Ивановича сулила его родному брату дмитровско-кашинскому удельному князю Юрию возможность занятия великокняжеского стола.¹ А.А.Зимин резонно замечал, что, Максим Грек, выступая против развода Василия III, «тем самым отстаивал права Юрия Дмитровского на наследование московского престола».² Появление же на престоле в Москве удельного князя влекло за собой возврат (пусть даже частичный) к удельным порядкам прошлого, ослабление самодержавного строя и власти самодержца, с одной стороны, и усиление политического влияния возглавляемой Вассианом Патрикеевым придворной группировки, обеспечившей удельному правителю наследование московского престола, – с другой. Тем самым создавались благоприятные условия для осуществления планов этой группировки по реформированию церковно-политической жизни на Руси в направлении, указанном еретиками в конце XV века. Важно отметить, что двигателем подобного реформирования, по замыслу Вассиана и разделявшего его взгляды Максима Грека, должна была служить сама верховная власть в лице великого московского князя, управляемого «мудрыми советниками». Понятно, почему позднее Максим всячески поддерживал Избранную Раду с ее политикой ограничения «российского самодержавства».³

К числу вмененных Максиму Греку преступлений против русской церкви и государства следует, на наш взгляд, отнести его выступления, отвергающие правомерность церковно-монастырского землевладения на Руси. Этот вроде бы хозяйственный вопрос имел на самом деле политический характер, поскольку отрицание земельной собственности русского духовенства ставило под сомнение всю сложившуюся к тому времени систему взаимоотношений церкви и государства, созидательное сотрудничество светской и духовной властей в строительстве российской державы.

На соборном суде митрополит Даниил обвинял Максима: «Да ты же, Максим, святые божия соборные апостольския церкви и монастыри укоряеши и хулиши, что они стяжания, и люди, и доходы, и села имеют. А в ваших монастырех во Святой горе и в иных местех в вашей земле у церквей и у монастырей и села есть, да и в писаниях и жытиях отеческих писаны: велено их держати святым церквам и монастырем. Да ты же, Максим, святых великих чудотворцов Петра, и Алексея, и Иону, митрополитов всея Руси, и святых преподобных чудотворцев Сергия, Варлама и Кирила, Пафнутия и Макария укоряеши и хулиши, а говоришь так: Занеже они держали городы, и волости, и села, и люди, и судили и пошлины и оброки, дани имали, и многое богатство имели, ино им нелзе быти чудотворцем».⁴ Максим, подобно Вассиану, называл русских чудотворцев *смутотворцами*,⁵ что свидетель-

¹ См.: Назаров В.Д. Тайна челобитной Ивана Воротынского // Вопросы истории. 1969, № 1. С. 214.

² Зимин А.А. Россия на пороге нового времени... С. 277.

³ См.: Будовниц И.У. Русская публицистика XVI века. С. 161.

⁴ Судные списки Максима Грека и Исаака Собаки. С. 99.

⁵ Там же. С. 111–112. См. также: Казакова Н.А. Очерки... С. 235.

ствуем об их тесном общении и сотрудничестве в борьбе за смену церковно-политического строя на Руси.

Максим Грек, как и Вассиан Патрикеев, ссылаясь то на незнание, то на забывчивость, когда в ходе разбирательства ему предъявляли неопровержимые факты, доказывающие ложность его утверждений, т.е. прибегал к разным уверткам, чтобы избежать ответственности и наказания. Так, епископ Досифей спрашивал Максима о наличии сел у греческих монастырей, а тот с невинностью младенца отвечал: «Яз, господине, в ыгуменех и в строите-лех не бывал, того я не ведаю».¹ Ясно, что перед нами отговорка, рассчитанная на простаков. Или, скажем, названный Досифей указывает Максиму на грамоты византийских императоров, закреплявших за греческими монастырями села, и слышит от него, что он «пропамятовал» об этом.² Такого рода приемы, предполагавшие в соборных судьях доверчивых недоумков, еще более убеждали русских иерархов в виновности Грека.

«Святогорец», перейдя грань дозволенного, публично осуждал существующую почти уже столетие практику поставления митрополитов на Москве, бесцеремонно вмешиваясь во внутривосполитические дела Руси. Ведь «вопрос о порядке поставления русских митрополитов был вопросом не только церковным, но и политическим», поскольку этот порядок являлся одной из составляющих процесса создания Русского централизованного государства.³ Максим, как явствует из передопроса Досифея, говорил «многим людем: Митрополит де у вас зде на Москве поставляется своими епископы рускими без благословения патриарха царегородцкаго, а все то за гордость ни приемлют патриаршеского благословения, ставятся собою, своими епископы на Москве самочинно и безчинно».⁴

Нельзя не заметить того, что против Максима свидетельствовали все сопровождавшие его в Москву монахи, исключая, впрочем, старца Нифонта, который, по терминологии современного историка, «не стал доносчиком».⁵ Трудно сказать, насколько уместно здесь слово «доносчик», ибо те афонские монахи, которые давали показания, неблагоприятные для Максима Грека, с доносами на него (письменными или устными) к властям не приходили, а выступали в качестве свидетелей, будучи вызваны на соборный суд, рассматривавший дело «Святогорца». Так, инок Афанасий, Максимов келейник, вызванный в суд для дачи свидетельских показаний, воспроизводил речи Максима, который будто бы говорил, что «митрополит здесь сам поставляется на митрополию без благословения патриаршего, не по правилам святых отец. Поэтому князь великий и митрополит сами ся проклинали и со всеми последующими им».⁶ Аналогичные свидетельства представили суду «Федор и Арсений Сербяне», симоновский архимандрит Герасим и другие.⁷

¹ Там же. С. 113.

² Там же.

³ Казакова Н.А. Очерки... С. 198, 199.

⁴ Судные списки Максима Грека и Исаа Собаки. С. 111.

⁵ См.: Скрынников Р.Г. Государство и церковь на Руси... С. 203.

⁶ Судные списки Максима Грека и Исаа Собаки. С. 119.

⁷ См.: Казакова Н.А. Очерки... С. 197–198.

Максим Грек сначала отрицал свою виновность, но под напором многочисленных свидетельских показаний вынужден был повиниться: «В том ес[ми] виноват, говорил есми те речи, что все то за гордость поставляются zde митрополиты своими епископы на Москве, в том яз виноват».¹ В общей сложности Максим трижды признавал себя виновным в отрицательном отношении к поставлению митрополитов на Москве.² Н.А.Казакова весьма настороженно отнеслась к этим личным признаниям Максима Грека своей вины, поскольку «история судебных процессов знает случаи, когда подсудимые, сломленные тяжелой обстановкой заключения и следствия, а подчас применением пыток, признавали себя виновными в преступлениях, которые они никогда не совершали».³ Однако факты убедили и ее в том, что «обвинение Максима Грека в осуждении независимости русской церкви соответствовало действительности».⁴

Отрицание Максимом Греком установившегося порядка поставления русских митрополитов означало, в конечном счете, покушение на суверенитет великокняжеской и церковной власти, т.е. на государственную независимость Руси. Мало того, упоминаемое Максимом Греком проклятие, якобы тяготеющее над великим князем и митрополитом вместе со всеми их преемниками в качестве суровой кары за нарушение правил «святых отец» и пренебрежение к патриаршему благословению, звучало как отвержение основ светской и духовной властей, соединившихся в созидании Святой Руси, т.е. шло в принципе наперекор строительству русской национальной государственности.

К тому же клонили высказывания Максима Грека (хотел он того или нет) относительно митрополита Исидора, подписавшего на Флорентийском соборе в июле 1439 года церковную унию. За измену русской православной вере Исидор, как известно, был извержен из сана митрополита. Максим Грек, по свидетельству его келейника и одноплеменника Афанасия, сочувственно отзывался о митрополите-униате, а великого князя Василия Васильевича вместе с русскими епископами бранил. «А что Сидор митрополит ходил в Рим, – говорил якобы Максим, – и князь великий и епископы изнесли на него в вере христьянстей хулу, а он был пошлой учитель истинны, а истинствовал о хрестьянстве гораздо и проповедал благоугодно и православно соединение ис[тин]но православная веры».⁵

Этот «пошлой учитель» рисовал перед папой радужные политические картины, кружившие понтифику голову. «Они (русские. – И.Ф.) все в моих руках, – уверял он его, – все князья и епископы. Никто из них не отважится спорить со мною. Великий князь молод, а епископы не книжны суть и все боятся меня... Я приведу к тебе всех князей и христианство все от греческой веры в латинскую приведу. Я приведу их в Рим и к тебе приведу, и принесут

¹ Судные списки Максима Грека и Исака Собаки. С. 111.

² См.: Казакова Н.А. Очерки... С. 197, 198.

³ Там же. С. 198.

⁴ Там же. С. 202.

⁵ Судные списки Максима Грека и Исака Собаки. С. 119.

к тебе дары многие. А в Царьград не пойдут, а епископов от тебя поставлю».¹ Исидор жестоко просчитался. Едва он появился в Москве и заявил о своих намерениях, как был тут же арестован. Ему удалось, впрочем, сбежать из-под стражи и после долгих приключений добраться до Рима, где папа «Евгений IV щедро вознаграждал своего кардинала за “ревностное проведение” унии на Руси несколькими доходными церквами и еще больше приблизил к себе».² Что касается русских, то они не только не пошли на поклон в Рим, но и перестали ходить в Царьград (Константинополь) за поставлением митрополита на Москву, превратив свою церковь в автокефальную церковную организацию.

Сейчас трудно понять, что побудило Максима Грека похвально отзываться об Исидоре.³ Возможно, сказывалось здесь католическое прошлое Михаила Триволиса. Но это, конечно, наше предположение. Несомненно лишь то, что во время судебного разбирательства Максим Грек постарался обойти молчанием вопрос о своем отношении к митрополиту Исидору,⁴ что косвенно подтверждает правдивость соответствующих показаний старца Афанасия. По-

¹ Рамм Б.Я. Папство и Русь в X–XV веках. М.:Л., 1959. С. 235. См. также: Попов А. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян (XI–XV вв.). М., 1875. С. 356–357; Малинин В. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901. С. 112.

² Рамм Б.Я. Папство и Русь... С. 236.

³ По мнению Н.А.Казаковой, «Максим Грек не мог хвалить митрополита Исидора за то, что тот признал унию православной и католической церквей, как это пытался приписать Максиму Афанасий. Возможно, что в каком-нибудь частном разговоре Максим Грек неодобрительно отозвался о произведенном без санкции константинопольского патриарха низложении Исидора, что, с точки зрения Максима, несомненно являлось нарушением канонических правил. Этот отзыв легко можно было превратить в панегирик Исидору» (Казакова Н.А. Очерки... С. 202). Н.А.Казакова полностью исключает возможность сочувствия к Флорентийской унии со стороны Максима Грека на том основании, что ему «принадлежит ряд произведений против “латинян”, и в частности “Слово... противу лъстиваго списания Николая Немчина”, в котором Максим Грек резко выступил против идеи соединения православной и католической церквей, пропагандировавшей Николай Булевым» (Там же). На наш взгляд, полемические сочинения Максима Грека против латинян сами по себе не могут служить безоговорочным аргументом насчет его отрицательного всецело отношения к идее соединения православной и католической церквей. В условиях еретических шатаний той поры довольно распространенным явлением стало расхождение между словами и делами, между публичными и приватными высказываниями. Поэтому и Максим Грек мог написать для широкой публики одно, а среди избранных и доверенных лиц говорить совсем другое. Будучи человеком «сомнительно моральной чистоты», «беспринципным политиканом» (Зимин А.А. Россия на пороге нового времени... С. 268, 278), Максим Грек мог допускать подобное расхождение. К этому надо добавить, что Максим Грек очень высоко ставил Николая Булева, дивился, подобно многим, мудрости его. «Мудр сый, яко слышу, Николай и словесного художества искусен», – говорил Грек о Булеве. Ситуация, следовательно, была сложнее, чем казалось Н.А.Казаковой.

⁴ Казакова Н.А. Очерки... С. 198.

видимому, Максим не хотел вдаваться в детали по данному вопросу, опасаясь неожиданных и неприятных для себя поворотов в ходе судебного дознания.

Обращаясь к обвинениям в преступлениях Максима Грека против православной веры (еретичестве или отступничестве), следует в первую очередь упомянуть те, которые изобличали Максима в хуле «на Господа Бога и Пречистую Богородицу, и на церковные уставы и законы». На соборе 1531 года митрополит Даниил поставил перед Максимом прямой вопрос: «И ты скажи нам, что еси со своими единомышленники и советники мудровал, и смышлял, и действовал на православную веру?». ¹ Важно отметить, что Максим Грек, согласно митрополиту, действовал не в одиночку, а с «единомышленники и советники», что позволяет говорить о существовании тогда целой группы еретиков, возглавляющих религиозно-политическое движение, враждебное официальной церкви.

По словам митрополита Макария (Булгакова), «самая важная вина Максима против православной веры состояла в следующем: он говорил и учил многих и писал о Христе, что сидение Его одесную Отца есть мимошедшее, минувшее, подобно тому как пребывание Адама в раю и сидение его прямо рая – мимошедшее. Потому где было в наших книгах написано: “Христос възиде на небеса и *сиде* одесную Отца” или “*Седяй* одесную Отца”, Максим то зачеркал или выскреб, а вместо того написал: “*Седев* одесную Отца” или: “*Седевшаго* одесную Отца”, а в ином месте: “*Сидел* одесную Отца”». ² Макарий дал следующую оценку этому «творчеству» Максима: «Здесь действительно скрывается мысль ложная, даже еретическая: мы исповедуем Христа как истинного Сына Божия, Единосущным, совечным и сопрестольным Богу Отцу, и, следовательно, сидение Христа одесную Отца есть никогда не перестающее, а не прошедшее, не минувшее». ³

На иной позиции стоял либеральный историк русской церкви Е.Е.Голубинский, называвший данную ересь Максима Грека не более чем «мнимой». ⁴ Оказывается, Максим внес в соответствующий текст Цветной Триоди лишь «неудачную поправку», обусловленную недостаточным знанием русского языка, причем он, «допустив погрешности, воображал, что неправильное заменил правильным, и хотел защищать свои поправки». ⁵ Но, «чтобы Максим принимал и проповедовал ересь, что сидение Христова одесную Отца есть мимошедшее, это, как само собою понятно, крайняя нелепость». ⁶ По Голубинскому, афонский инок «мог защищать более или менее упорно» только «свою неправильную поправку», пока «совсем хорошо не узнал русского языка». ⁷ Автор, однако, не мог не заметить того, что Максим защищал свой

¹ Судные списки Максима Грека и Исаа собаки. С. 100.

² Макарий (Булгаков). История русской церкви. Кн. IV. Часть первая. С. 102.

³ Там же.

⁴ Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. II. Первая половина тома. С. 712.

⁵ Там же. С. 712, 713.

⁶ Там же. С. 713.

⁷ Там же.

перевод и после того, как овладел русским языком, что явствует из записи о соборе 1525 года. Чтобы свести концы с концами историку пришлось прибегнуть к изобретательности, хотя и хитроумной, но неубедительной. «Если бы это и действительно было так, – говорит Голубинский, – то ни для кого не могло быть ни малейшего сомнения, что Максим защищал не ересь, а неправильный перевод, считая его за правильный. Таким образом, если бы и действительно было так, как представляет дело запись о соборе, вина Максима состояла бы не в том, что он защищает ересь, а в том, что он защищает неправильный перевод, привносящий, – чего он не сознавал, – еретическую мысль, т.е. вина Максима состояла бы в том, что он хотел изображать себя знающим русский язык лучше самих Русских».¹ Объяснение, скажем прямо, надуманное.²

Нельзя не заметить, что Максим Грек защищал свою поправку не с формальной точки зрения аутентичности перевода, а со стороны содержательной.³ Отсюда его рассуждения (изумившие участников собора 1525 г.) насчет отсутствия различия между сидением Адама в раю и сидением Христа одесную Отца. Максим утверждал, что «в том нет никакой разности: как пребывание Адама в раю и сидение его прямо рая есть мимошедшее, так и Христово сидение одесную Отца есть мимошедшее».⁴ И здесь Максим проявлял завидное упорство, повторив свои доводы через шесть лет на соборе 1531 года.⁵ И лишь позднее, когда партия еретиков была снова побита, а ее лидер Вассиан Патрикеев оказался в темнице и сгинул в неизвестность, Святоторец признал ошибочность своей правки, объяснив ее недостаточным знанием русского языка: «Занеже не у совершенно изучившему мя ся вашей беседе».⁶

Что означало утверждение Максима Грека о том, будто сидение Христа одесную Отца мимошедшее, временное? Оно означало расхождение с христианским Символом веры, гласящим: «И восшедшего на небеса и сидящего одесную Отца». Вместе с тем это утверждение бросало тень сомнения на божественную природу Иисуса Христа, ибо она сохраняется до тех пор, пока Христос является совечным и сопредельным Богу Отцу, что достигается никогда не престающим сидением Сына Божия одесную Бога Отца.⁷

Откровенный соблазн исходил из воспроизводимых свидетелями слов Максима Грека о том, будто «Христос взыде на небеса, а тело свое на земле

¹ Там же.

² Тем не менее, оно в разных модификациях воспроизводилось в последующей исторической литературе. См., напр.: *Карташев А.В.* Очерки по истории русской церкви. Т. I. С. 470; *Казакова Н.А.* Очерки... С. 232, 233.

³ Вот почему нельзя согласиться с Е.Е.Голубинским, когда он говорит, что «Максим защищал не ересь, а неправильный перевод».

⁴ *Макарий* (Булгаков). История русской церкви. Кн. IV. Часть первая. С. 102. Ср.: *Голубинский Е.Е.* История русской церкви. Т. II. Первая половина тома. С. 713.

⁵ См.: *Макарий* (Булгаков). История русской церкви. Кн. IV. Первая половина тома. С. 102; *Казакова Н.А.* Очерки... С. 232.

⁶ *Казакова Н.А.* Очерки... С. 232.

⁷ См.: *Макарий* (Булгаков). История русской церкви. Кн. IV. Часть первая. С. 102.

оставил, и то де тело промеж неких гор ходит по пустым место, а от солнца погорело и почернело, аки главня». ¹ На вопрос, говорил ли он это, Святогорец стал запереться, заявив, что то есть ложь, возведенная на него. ² Но на очной ставке с Михаилом Медоварцевым, Вассианом Рушаниным, Афанасием Греком и Федором Сербиным вынужден был сознаться, что говорил все это, но не от себя лично, а пересказывая чужие речи лихих, неверных людей: «В том есми, господине, виноват, что есми ту речь пропаметовал. А то есми им говорил к некой речи, а то, господине, говорят лихие люди неверные, а яз не мудрствую». ³ Тем самым Максим хотя и отрицал неуклюже вменяемую ему хулу на Иисуса Христа, однако признал свою связь и общение с «лихими неверными людьми». Кто из соборных судей мог после этого поверить в искренность ответа Максима? ⁴

То, что некоторые исследователи называют «неточностями» и «двусмысленностями» в переводах Максима Грека, со странным постоянством обращается в хулу или на Христа, или на Богородицу, или на них вместе. Иллюстрацией последнего служит Максимов перевод жития Богородицы, составленного Метафрастом, согласно которому Дева Мария была выдана за Иосифа, поскольку тот мог сохранить ее девство. Максим же перевел соответствующий текст так, что «плотское совокупление Иосифа с Девой имело место прежде обручения», ⁵ вложив в него хульный смысл, задевающий не только Божию Матерь, но и Христа. ⁶

В завершение нашего повествования о винах Максима Грека, предъявленных ему на соборах 1525 и 1531 гг., ⁷ вспомним о тех, которые судьи связывали с колдовством. «Да ты же, Максим, — говорил митрополит Даниил, — волшебными хитростями еллинскими писал еси водками на дланех своих, и разпростирая те длани свои против великаго князя, также и против иных многих поставлял, волхвуя». ⁸ На передопросе Максима, проведенном епископом Досифеем, говорилось о том, что случалось, великий князь гневался на Максима, и тогда афонский старец «на своих дланех пишет слова водками, да их потрет рука о руку, да придет к великому князю, и князь великий учнет говорить ему, и он учнет великому против того что отвечивати, а про-

¹ Судные списки Максима Грека и Исаака Собаки. С. 109.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Однако Максиму безоглядно поверила Н.А.Казакова, которая полагает, что в данном случае мы действительно имеем дело с «передачей им чужих мнений» (Казакова Н.А. Очерки... С. 232). Остается только недоумевать, почему Максим сразу не сказал, что передавал чужие слова, а сделал это после заперательства на очной ставке, явно вынужденный к тому согласными показаниями свидетелей.

⁵ См.: Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. II. Первая половина тома. С. 720–721.

⁶ Ср.: Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Кн. I. С. 402–403.

⁷ Мы коснулись этих вин лишь частично, остановив внимание только на тех, которые показались нам наиболее существенными и характерными.

⁸ Судные списки Максима Грека и Исаака Собаки. С. 98.

тив великаго князя длани своя поставляет, и князь великий гнев свой на него часа того утолит и учнет смеяться».¹ Любопытно, что на эти обличения свидетелей во время очной ставки Максим ничего не ответил, молчаливо признав, по-видимому, их соответствие правде.

Если верить митрополиту Даниилу, к волхвованию-колдовству Максим Грек прибегал и с целью достижения всезнания. «А жил еси во Иосифове монастыре, — напоминал Максиму митрополит, — а приказано было над тобою дозировать старцу Тихону Ленкову, а отец у тебя был духовной, старец Иона, священник. И ты им говорил Максим: Ведаю все везде, где что делается. Ино то волхование еллинское и еретическое...».²

Максим считал себя не только всезнающим, но и безгрешным: «А ты, Максим, себе везде оправдываешь, и возносишь, и хвалишь, а не сказываешь на себя ни единого греха и вины от чрева матери своея, а покаяния, и исповедания».³

Еще Е.Е.Голубинский квалифицировал колдовство, инкриминировавшееся Максиму Греку, как уголовное преступление.⁴ Эта квалификация, модернизирующая прошлое, прижилась в исторической литературе, и мы встречаем ее много позднее в советской историографии.⁵ На наш взгляд, колдовство-волхование необходимо рассматривать в тесной связи с еретичеством того времени. Люди изучаемой поры в еретиках видели чародеев и волшебников.⁶ Поэтому чародейство и волхование надо, по нашему убеждению, относить не к уголовным преступлениям, а к преступлениям против христианской религии и церкви. Не случайно митрополит Даниил, как только что мы наблюдали, определил волхование как деяние еретическое. И с точки зрения своего времени он был полностью прав.

Обвинение Максима Грека в колдовстве послужило некоторым исследователям поводом для сомнений в правдивости всех остальных предъявленных ему обвинений. «Это нелепое обвинение, — писал Е.Е.Голубинский, — показывает, что способен был митрополит Даниил, с одобрения великого князя, выдумать на Максима, и какой веры заслуживают и другие обвинения...».⁷ Н.И.Костомаров, усматривая в обвинениях, выдвинутых против Максима Грека, «не более, как недобросовестные придирки», замечал: «Характер всего суда (1531 г. — *И.Ф.*) ясно свидетельствует об этом: таким образом, на том же суде Максима обвиняли в волхвовании, показывали на него, будто он хвалился, что все знает, где что делается; будто говорил, что на нем нет ни единого греха; будто хвалился “еллинскими и жидовскими хитростями и чернокнижными волхованиями”, будто, при посредстве волшебных эл-

¹ Там же. С. 115–116.

² Там же. С. 98.

³ Там же. С. 100.

⁴ Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. II. Первая половина тома. С. 717.

⁵ Казакова Н.А. Очерки... С. 230.

⁶ Речь, разумеется, не о темной массе простолюдинов, вовлеченных при тех или иных обстоятельствах в ересь, а о руководителях еретиков идеологов и лидеров еретических движений.

⁷ Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. II. Первая половина тома. С. 717.

линских хитростей, писал водкою на ладонях и протягивал ладони, волхвуя против великого князя и других лиц».¹ По Н.А.Казаковой, «оба обвинения в колдовстве – яркий показатель тенденциозности судей, а также готовности свидетелей давать любые, даже самые фантастические показания, порочащие Максима».²

Широкое распространение в историографии получила идея суда над Максимом Греком как суда несправедливого и несправедливого. Согласно Н.И.Костомарову, афонский инок был в 1525 году «притянут к следственному делу политического характера».³ Е.Е.Голубинскому ересь Грека казалась «мнимой»,⁴ а суд над ним – «комедией суда».⁵ Максим, полагает Е.Е.Голубинский, оказался жертвой «чрезмерной ненависти», испытываемой к нему митрополитом, а также «нестерпимой ненависти» восстановленного против него великого князя.⁶ Особенно достается митрополиту Даниилу, чье нравственное лицо открывается историку «только с худых и совсем отталкивающих сторон».⁷

Если согласиться с М.В.Толстым, придется признать, что Максим Грек пострадал напрасно, из-за случайных мелочей, а именно: из-за неточностей в выражениях при переводе книг, словесных ошибок как следствии недостаточного знания русского языка, ошибок писцов и т.п.⁸

¹ Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Кн. I. С. 403.

² Казакова Н.А. Очерки... С. 231. Н.А.Казакова и другие исследователи рассматривают свидетельства о колдовстве Максима Грека с точки зрения современного просвещения и рационализма. С этой точки зрения подобные свидетельства, действительно, воспринимаются как «самые фантастические показания». Однако представления людей времен митрополита Даниила и Максима Грека сильно отличались от современных. Они верили в существование колдовства. И потому показания свидетелей о колдовстве Максима Грека были для его судей реальными, но отнюдь не фантастическими.

³ Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Кн. I. С. 401.

⁴ Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т.II. Первая половина тома. С. 712, 722.

⁵ Там же. С. 715.

⁶ Там же. С. 707, 710.

⁷ Там же. С. 703. Заклячая посвященный Даниилу очерк, Е.Е.Голубинский пишет: «Итак, митр. Даниил, как нравственная личность, представляет из себя человека далеко не светлого: честолюбивый, искательный, на месте митрополита покорный слуга и раб великого князя до забвения своих обязанностей, способный к таким действиям угодничества, при которых требовалось вероломное клятвопреступление, исполненный беспощадной ненависти к своим врагам и готовый на всякие средства для их уничтожения, наконец – в частной жизни принадлежавший к числу тех людей, которые любят хорошо пожить (и, как кажется, еще и корыстолюбивый). Но то же митрополит Даниил... занимает совершенно выдающееся положение среди других наших митрополитов в качестве учителя не делом, а письменным словом...». – Там же. С. 736–737.

⁸ Толстой М.В. История русской церкви. С. 362.

Грустное впечатление произвели на А.А.Карташева обвинения, предъявленные Максиму Греку. Эти обвинения, часто нелепые, по мнению историка, свидетельствовали «не только о недоброй воле судей, но и об убожестве богословских знаний и мысли на верхах русской церкви».¹ Русские иерархи, осудившие Максима, проявили «недобросовестное пристрастие».² Но больше всех А.В.Карташев порицает митрополита Даниила. Это он «несправедливо засудил и наказал» Максима Грека.³ Суд над Максимом автор называет «некрасивым процессом».⁴

В ряду обличителей суда над Максимом Греком как пристрастного и неправого стоит Н.А.Казакова. «Анализ судного списка Максима Грека, — пишет она, — показывает чрезвычайную тенденциозность предъявленных ему обвинений. Неточности в переводах Максима, связанные с недостаточным знанием языка, описки писцов, непроверенные слухи были использованы для обвинения его в ереси; факт хороших личных отношений с Берсением Беклемишевым, а также отдельные расхождения между взглядами Максима и политикой русского правительства послужили основанием для обвинения его в изменнических отношениях с Турцией и враждебности всей внешней и внутренней политике Русского государства. Даже обвинения в критике стяжательской деятельности церкви, обвинение, которое, казалось, не нуждалось ни в каких усиливающих средствах, ибо оно соответствовало действительности, было все-таки сдобрено порцией тенденциозности — Максиму был приписаны отдельные воззрения Вассиана Патрикеева. И, наконец, к этому букету самых разнообразных обвинений организаторы процесса сочли нужным добавить еще одно, совершенно фантастическое — обвинение в колдовстве, и в частности против особы государя».⁵ Как видим, по всем обвинительным пунктам, предъявленным Максиму Греку соборным судом, у Н.А.Казаковой один лишь вердикт: не виновен! Мы не можем согласиться со столь односторонним подходом.

Более достоверной представляется иная позиция, в частности точка зрения митрополита Макария (Булгакова), который, рассмотрев обвинения против Грека, пришел к выводу, что «относительно не в вымышленных каких-то заблуждениях и погрешностях обвиняли Максима, а в действительных. И если некоторые из них он отклонил от себя, зато в других, и очень немаловажных, сознался перед лицом Собора. Следовательно, неверно мнение, будто Максима тогда судили и осудили совершенно невинно, по одним клеветам, по одной “зависти” митрополита Даниила, как написал Курбский».⁶

¹ *Карташев А.В.* Очерки по истории русской церкви. Т. I. С. 473.

² Там же.

³ Там же. С. 419.

⁴ Там же.

⁵ *Казакова Н.А.* Очерки... С. 239. «Организаторы процесса, — в другой раз говорит Н.А.Казакова, — с помощью лжи и клеветы подготовили весь тот ассортимент разнообразных обвинений, который был предъявлен Максиму: ересь, государственная измена, волхвования против особы великого князя и т.д.». — Там же. С. 242.

⁶ *Макарий* (Булгаков). История русской церкви. Кн. IV. Часть первая. С. 103. В другом месте своего труда митрополит Макарий говорит, что «Максим виновен был

Пример Андрея Курбского оказался, как мы наблюдали, заразительным. За беглым князем следовали многие дореволюционные и советские исследователи. И все же, повторяем, мнение митрополита Макария является, на наш взгляд, справедливее, чем суждения, приведенные выше. Оно остается для нас таковым, несмотря на предпринимавшиеся в историографии (особенно советской) попытки посеять по отношению к нему недоверие. «Макария как представителя воинствующих церковников, – говорит Н.А.Казакова, – интересовали прежде всего религиозно-догматические “вины” Максима. Поэтому, не отрицая справедливости политических обвинений Максима, акцент он делал на виновности его в еретических заблуждениях».¹ Интерес митрополита Макария к церковным и религиозно-догматическим обвинениям Максима, склонность преосвященного признать их обоснованность находят объяснение у Н.А.Казаковой в том, что его «История русской церкви» написана «с крайних ортодоксально церковных позиций».²

Однако, как нам думается, интерес Макария к церковным и религиозно-догматическим вопросам, всплывшим во время соборных разбирательств, был обусловлен их чрезвычайной важностью в жизни Руси конца XV – середины XVI века, охваченной затяжным религиозно-политическим кризисом. От того, как и посредством каких сил будет ликвидирован этот кризис, зависело будущее Святой Руси. Вот почему еретические колебания такого выдающегося и авторитетного деятеля, каким являлся Максим Грек в общественном сознании русских, имели существенное значение в развернувшейся борьбе за преодоление этого кризиса.

О том, что Максиму были свойственны подобные колебания, свидетельствуют не только материалы суда над ним, но и некоторые другие, правда, косвенные данные. Максим, как мы знаем, решением соборного суда 1525 года был отправлен «на исправление» в Иосифо-Волоколамский монастырь и отдан под надзор старца Тихона Ленкова и старца Ионы, отличавшихся благочестием и ревностью в православной вере. Факт заточения Максима Грека в цитадели иосифлян Волоколамском монастыре говорит о том, что в Москве видели в нем опасного еретика, которого надлежит «держати и беречи крепко». В грамоте властям монастыря, написанной митрополитом Даниилом от имени собора, предписывалось: «И заключену ему (Максиму. – И. Ф.) быти в некоей келии молчательне, и никако же исходящее быти весьма, да яко и тамо врежение, еже от него, ни на единого же да не распрозстранится. И да не беседует ни с кем же, ни с церковными, ни с простыми, ни монастыря того, ниже иного монастыря мнихи, но ниже писанием глаголати или учти кого, или какво мудрование имети, или к неким послати послание, или от неких примати, ниже собою, ниже инеми ниже сообщатись, и дружбу имети с кем, или ходатайство свойственно показати, но точию в молчании сидети и каятись в своем безумии и ер[сти]честве. Юза ему соборная от нас наложена более, нежели в одних малых и случайных описях», и его некоторые вины «были отнюдь не маловажны, а в то время могли казаться даже весьма важными и прямо еретическими». – Там же. С. 107.

¹ Казакова Н.А. Очерки... С. 177.

² Там же. С. 18.

есть, яко во отлучении и необщении быти ему свершено».¹ Следовательно, Максим Грек, если следовать митрополичьей грамоте, был осужден не столько за политические преступления, сколько за еретичество, уподобляемое митрополитом безумию. Митрополит Даниил не исключал возвращение Максима в православие, но требовал внимательно следить за его духовным очищением: «Подобает же с великим испытанием смотреть жития его, аще истинно и нелестно есть обращение его к православию...».² Святитель, как видим, допускал «лестное» обращение Грека «к православию, что являлось характерным приемом, используемым еретиками.

Будучи в монастырском заключении, Максим «покаяния и исправление не показавше». Он «неповинна во всем глаголаше, и отреченная мудрствовавшие, к послании писаша». Иными словами, Святогорец, находясь в темнице, отстаивал свою невиновность как перед иноками Волоколамского монастыря,³ «так и перед внешним миром, с которым он имел возможность как-то сноситься».⁴ Своей строптивостью и упорством Максим навлек на себя массу неприятностей, превративших его заточение в тяжелейшее испытание. Потом он будет горько вспоминать, как терпел в монастырской тюрьме «различные озлобления и томление и от голода, и от холода, и от дыма, отчего иногда делался как бы мертвым».⁵

Наученный горьким опытом, Максим Грек на соборе 1531 года повинился перед отцами церкви, трижды униженно падал ниц, прося у них прощения. Но Грек «сознал себя виновным не более, как только в “неких малых описях”, найденных в его переводе, и говорил, что он сделал эти описи вовсе не по ереси и не по лукавству какому-либо, а случайно, или по забвению, или по скорби, его смущавшей, или иногда по излишнему винопитию».⁶ И все же участники собора не простили Максима и осудили его «аки хульника и Священных Писаний тлителя». На сей раз осужденного отправили на заточение в тверской Отроч монастырь. Здесь он вскоре получил «ослабу» от местного епископа Акакия, который велел снять с него оковы, предоставил возможность писать, милостиво обходился с ним, приглашая нередко к себе на трапезу.⁷ Ему дозволено было посещать церковь.⁸ Произошло это, как установила Н.В.Синицына, при митрополите Иоасафе⁹ (1539–1542 гг.), что,

¹ Судные списки Максима Грека и Исака Собаки. С. 122.

² Там же. С. 123.

³ «Я чист от чрева матери моей доныне от всякого греха, – говорил он монахам, – не имею на себе никакой вины, и меня напрасно держат без вины». – *Макарий* (Булгаков). История русской церкви. Кн. IV. Часть первая. С. 103.

⁴ Казакова Н.А. Очерки... С. 240.

⁵ Причину этих испытаний Н.И.Костомаров усматривает в том, что Максим успел раздражить волоколамских монахов «своими обличениями и проповедью о нестяжательности». – *Костомаров Н.И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Кн. I. С. 402.

⁶ Макарий (Булгаков). История русской церкви. Кн. IV. Часть первая. С. 107.

⁷ Казакова Н.А. Очерки... С. 167; Синицына Н.В. Максим Грек в России. С. 149, 150.

⁸ Будовниц И.У. Русская публицистика XVI века. С. 145.

⁹ Синицына Н.В. Максим Грек в России. С. 149–151. См. также: Зимин А.А. Крупная феодальная вотчина... С. 293.

конечно, не случайно. Митрополит Иоасаф являлся «врагом иосифлян»,¹ их «откровенным противником»,² с приходом которого на митрополию иосифлянское влияние при дворе пало.³ Важно подчеркнуть, что Иоасаф примыкал к нестяжателям,⁴ принадлежал к нестяжательским кругам,⁵ был, по крайней мере, близок к нестяжателям.⁶ Понятно, почему Иоасаф иначе, нежели Даниил, относился к Максиму Греку, одному из столпов нестяжательства. А если учесть, что нестяжательство имело точки соприкосновения с идеологией еретиков,⁷ то и еретические элементы в мировоззрении Максима вызывали совсем другую реакцию у Иоасафа, чем у ревностного иосифлянина и бескомпромиссного борца с ересью митрополита Даниила. Это, собственно, и определило улучшение положения Максима Грека. Перед нами, так сказать, партийная солидарность, групповая взаимопомощь, взаимовыручка.

Весьма показательно заботливое отношение к Максиму Греку старца Артемия – явно затронутого ересью вольнодумца.⁸ Артемий ходатайствовал перед государем об освобождении Максима и переводе его из Твери в Троице-Сергиев монастырь, что и произошло. Вряд ли Артемий проявлял бы такую заботу в отношении человека, чуждого ему по умунастроению.

Н.В.Синицына установила время перевода Максима в Троицу, датируя его 1547–1548 годами,⁹ а не 1551 годом, как это обычно датируют историки, исходя из факта игуменства Артемия в знаменитом монастыре. А коль так, то естественно предположить, что в роли ходатаев за Максима, помимо старца Артемия, выступали и другие лица. Об этом рассказывает современник событий князь Курбский, согласно которому Максим Грек был освобожден царем Иваном «по совету некоторых синглитов своих, исповедующих ему, иже отнюдь неповинне страждет таковой блаженный муж».¹⁰ Эти «синглиты», или советники,¹¹ окружили царя после потрясших Москву бед – «вели-

¹ Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного. Очерки социально-экономической и политической истории России середины XVI в. М., 1960. С. 387.

² Зимин А.А. Крупная феодальная вотчина... С. 293.

³ Там же. С. 294.

⁴ Греков Б.Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. Кн. II. М., 1954. С. 229.

⁵ Зимин А.А. И.С.Пересветов и его современники. Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI века. М., 1958. С. 44.

⁶ Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного... С. 253, 387.

⁷ См.: Казакова Н.А. Нестяжательство и ереси // Вопросы научного атеизма. Вып. 25. Атеизм, религия, церковь в истории СССР. М., 1980. С. 62–79.

⁸ См.: Будовниц И.У. Русская публицистика XVI века. С. 262–270; Зимин А.А. И.С.Пересветов и его современники... С. 153–168.

⁹ Синицына Н.В. Максим Грек в России. С. 152. Д.М.Буланин признал датировку Н.В.Синицыной убедительной. – См.: Буланин Д.М. Максим Грек // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 2. Л., 1989. С. 91.

¹⁰ Библиотека литературы Древней Руси. Т. 11. XVI век. СПб., 2001. С. 352.

¹¹ См.: Кочин Г.Е. Материалы для терминологического словаря древней России. М.; Л., 1937. С. 325.

кого пожара» и восстания 1547 года.¹ По свидетельству Курбского, «нарицались тогда оные советницы у него избранная рада».² Следовательно, кроме Артемия, о помиловании Максима Грека просили государя еще и «некоторые синглиты»,³ входившие в круг формирующейся тогда Избранной Рады.⁴ Наиболее влиятельными из них являлись протопоп Сильвестр и Алексей Адашев.⁵ По всему вероятно, именно Сильвестр хлопотал насчет Максима перед Иваном Васильевичем. Так позволяет думать ряд обстоятельств и, прежде всего, общность идей афонского монаха и московского протопопа. Сильвестр, как и Максим Грек, придерживался нестяжательских взглядов.⁶ Недалом позднее он «избрал Кириллов монастырь, основную цитадель нестяжателей, для пострижения в монахи».⁷ Сильвестр, подобно Греку, имел еретические наклонности.⁸ Максим восторженно отзывался о Сильвестре, называя его «благодетелем» и «честнейшим в иереях».⁹ А сам Сильвестр «переписывал и бережно хранил сочинения Максима Грека».¹⁰ Благовещенский протопоп стоял в ряду «учеников, последователей и почитателей» афонского инок.¹¹ Более того, некоторые историки предполагают, что Максима Грека и Сильвестра «связывали дружеские узы».¹²

Обнаруживается также идейное сходство в творчестве Сильвестра и Артемия,¹³ что делает понятным участие кремлевского протопопа судьбе воложского старца.¹⁴ Так вырисовываются лица радетелей Максима Грека — старца Артемия и протопопа Сильвестра. Едва ли мы ошибемся, если предположим, что расположение этих деятелей к Максиму Греку было обусловлено тем, что они видели в нем союзника в идейной борьбе своего времени. Оказывая Максиму поддержку и помощь, Сильвестр и Артемий преследовали, безусловно, цеховые интересы. Все это говорит о групповой сплоченно-

¹ См.: *Смирнов И.И.* Очерки политической истории русского государства 30–50-х годов XVI века. М.; Л., 1958. С. 148.

² Библиотека литературы Древней Руси. Т. II. XVI век. СПб., 2001. С. 318.

³ И.У.Будовниц полагает, что это были некоторые бояре из Избранной рады, «политику которой Максим Грек всячески поддерживал». — *Будовниц И.У.* Русская публицистика XVI века. С. 145.

⁴ См.: *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. II. М., 1954. С. 331; *Зимин А.А.* Реформы Ивана Грозного... С. 316; *Шmidt С.О.* Россия Ивана Грозного. М., 1999. С. 53.

⁵ См.: *Зимин А.А.* Реформы Ивана Грозного... С. 316–325

⁶ См.: *Заусцинский К.* Макарий, митрополит всея Руси // ЖМНПросв. 1881, № 10. С. 251–257; *Жданов И.Н.* Сочинения. Т. I. СПб., 1904. С. 190–203; *Зимин А.А.* 1) И.С. Пересветов и его современники... С. 44, 46; 2) Реформы Ивана Грозного... С. 319, 321.

⁷ *Зимин А.А.* И.С.Пересветов и его современники... С. 46.

⁸ Об этом речь впереди.

⁹ *Зимин А.А.* И.С.Пересветов и его современники... С. 46.

¹⁰ Там же.

¹¹ См.: *Иконников В.С.* Максим Грек и его время. Киев, 1915. С. 573, 580.

¹² *Флоря Б.Н.* Иван Грозный. М., 1999. С. 61.

¹³ *Зимин А.А.* И.С.Пересветов и его современники... С. 46.

¹⁴ Там же. С. 47.

сти реформаторов-вольнодумцев, если не о существовании у них тайной организации.

Нельзя пройти мимо одного происшествия, связанного с делом Матвея Башкина, обвиненного в еретичестве. На собор, судивший Башкина, царь Иван пригласил Максима Грека в качестве знатока богословских вопросов, способного обличить открывшуюся ересь. Но Максим на собор не приехал, хотя до Москвы, как говорится, рукой было подать. Государь понял поступок Грека так, что тот опасается быть причисленным к ереси Башкина: «Чаешь того, что мы тебя съчетаем с Матфеем».¹ Иван Васильевич успокаивал инок: «Но не буди того, еже вернаго с неверными счиняти... ты же съмнение отложи».² Максим, однако, сомнение не отложил и счел за благо не покидать своей кельи. Исследователи находят тому разные побуждения.

Митрополит Макарий (Булгаков) писал: «Царь посылал тогда звать в Москву Максима Грека из Сергиевой лавры, но Максим, подумав, что его считают с Башкиным, оскорбился и не поехал».³

По словам И.У.Будовница, «в 1554 г. царь обратился к Максиму Греку с просьбой разоблачить ересь Матвея Башкина, но, наученный горьким опытом, Максим Грек уклонился от этого предложения, опасаясь, как бы его самого не обвинили по этому делу».⁴

Согласно А.А.Зимину, от Максима Грека на соборе по делу Башкина «ждали разъяснений по ряду богословских вопросов. Однако тот, умудренный своим горьким опытом, решил не вмешиваться в столь скользкое дело и в Москву не поехал. Максим Грек полагал, что его хотели объявить соумышленником Матвея Башкина и в связи с этим устроить инсценировку нового процесса над ним, аналогичного соборам 1525 и 1531 гг.».⁵

Н.В.Синицына полагает, что во всей этой истории «отразилась противоречивая роль Максима Грека в идеологической борьбе середины XVI в. Противоречия обнаруживаются не только между осознанием им самим собственной общественной позиции и восприятием ее современниками; представители разных слоев воспринимали ее также неодинаково. Борец против ереси для одних, он оставался еретиком для других. Тяготевшие над ним тяжелые обвинения, от которых ему не удалось, по-видимому, полностью освободиться до последних лет жизни, определяли не только его личную судьбу, но и в некоторых ситуациях могли использоваться как орудие в руках иосифлянской стороны».⁶

По мнению Р.Г.Скрынникова, царь Иван IV, повелев подвергнуть Башкина соборному суду, намеревался не только покарать еретика, но и «устроить развернутые богословские прения, для участия в которых он пригласил в столицу крупнейших богословов Максима Грека и Артемия Пустынника.

¹ АИ. Т. I. СПб., 1841, № 161. С. 298.

² Там же.

³ Макарий (Булгаков). История русской церкви Кн. IV. Часть первая. С. 140.

⁴ Будовниц И.У. Русская публицистика XVI века. С. 145.

⁵ Зимин А.А. И.С.Пересветов и его современники... С. 174.

⁶ Синицына Н.В. Максим Грек в России. С. 160.

Однако Максим уклонился от приглашения, опасаясь, что его осудят за ересь заодно с Матвеем Башкиным». ¹

Наконец, В.В.Шапошник говорит, что для суда над еретиками «осенью 1553 года был собран церковный Собор, на который съехались архиереи и другие церковные деятели. Специально пригласили даже находящегося в это время в Троице-Сергиевом монастыре Максима Грека, который, впрочем, уклонился от приглашения, помня, вероятно, свои неприятности на Соборах 1525 и 1531 годов». ²

Нельзя не заметить, что исследователи, только что нами упомянутые, не дают должной оценки факту отказа или уклонения Максима Грека от приезда в Москву. Нужно было обладать большой смелостью, если не дерзостью, чтобы решиться на такой шаг. Ведь приглашение исходило от самого царя и по существу мало чем отличалось от приказа. Тем не менее, Максим, недавно переживший тяжкие годы преследования и заточения, не выполнил волю государя. Объяснение этому мы находим не столько в отваге старца, сколько в том, что при царском дворе у него были очень сильные покровители, способные погасить гнев Ивана или, во всяком случае, защитить ученого грека. И действительно, царь Иван Васильевич в несвойственном для самодержца тоне успокаивает встревоженного Максима, стараясь рассеять его тревогу. Но главное, однако, заключается в том, почему Максим Грек не приехал в Москву и уклонился от участия в споре с еретиком Матвеем Башкиным. По всей видимости, он опасался возможных в этом споре свидетельств Матвея, обличающих лично его в ереси. Как показало соборное разбирательство, Максим тревожился не зря. Башкин во время соборного допроса назвал имя старца Артемия как сочувствовавшего к еретическим идеям, ³ что, конечно же, бросало тень на Максима, поскольку он был довольно тесно связан с Артемием и даже какое-то время жил с ним в Троице-Сергиевом монастыре, имея, таким образом, возможность близкого общения с этим еретиком. Вот почему, полагаем, Максим Грек не откликнулся на царский призыв и воздержался от поездки в Москву. Он, зная за собой некоторые отклонения от официального вероучения, боялся, по-видимому, их обнаружения на соборных прениях, поскольку это грозило ему большими неприятностями. Царь Иван верно угадал, чего страшился Максим: «Чаешь того, что мы тебя сочетаем с Матвеем». Государь считал эти страхи напрасными, тогда как Максим Грек в силу известных ему обстоятельства думал совсем иначе. Прав, на наш взгляд, И.Граля в своем предположении о том, что «Максим не решился участвовать в соборе, опасаясь, вероятно, очередного осуждения за свои взгляды». ⁴ Становится понятным, почему, «после смерти Максима Грека (1556 г.) у Троицы “в дому Сергия чудотворца мало

¹ Скрынников Р.Г. Государство и церковь на Руси.... С. 254.

² Шапошник В. Иван Грозный: Первый русский царь. СПб., 2006. С. 110–111.

³ См.: Зимин А.А. И.С.Пересветов и его современники... С. 171.

⁴ Граля Иероним. Иван Михайлов Висковатый. Карьера государственного деятеля в России XVI в. М., 1994. С. 142.

любили Максима Грека книг” и не давали их для чтения братии». ¹ И только инок Дионисий, назначенный Троицким архимандритом в 1610 году, пустил эти книги в обращение вместе с избранными текстами греческих отцов церкви. ²

Итак, в распоряжении исследователя, помимо прямых сведений, имеется ряд косвенных данных, указывающих на определенные еретические отступления Максима Грека от православия, с великим тщанием оберегаемого русской церковью. Здесь Святогорец, как и по некоторым другим важнейшим вопросам, смыкался с Вассианом Патрикеевым – продолжателем дела еретиков конца XV века.

Вассиан Патрикеев и Максим Грек действовали, разумеется, не в одиночку, а в содружестве с группой единомышленников, которых советские историки уподобляли гуманистам Западной Европы. К ним примыкали и те, кто был недоволен великим князем, его политикой. ³ Все они вместе олицетворяли собой новое, второе по счету, наступление на православную веру, русскую церковь и самодержавное государство. Скрытый замысел их состоял в том, чтобы посредством «обволакивания» самодержавия использовать московского властителя для достижения собственных целей, т.е. разрушить церковь и подорвать самодержавную власть, опираясь на конструкцию самой этой власти. ⁴ Повторялась ситуация конца XV века, когда придворная партия еретиков, возглавляемая Еленой Волошанкой и Федором Курицыным, на какой-то момент вовлекла Ивана III в борьбу против национальной церкви, а значит, и против государства, поскольку оно составляло с церковной организацией органическое целое. Но «жидовствующих» постигла неудача, хотя можно было думать, что до победы им оставалось рукой подать. Как верно заметил А.А.Зимин, «”грозная власть”, на которую так рассчитывали еретики конца XV в., обманула их надежды». ⁵

Дело еретиков конца XV века продолжил, как мы уже отмечали, Вассиан Патрикеев с группой своих сторонников, которых А.А.Зимин относит к «поколению русских гуманистов первой трети XVI в.», к «наследникам вольнодумцев конца XV века». ⁷ Расчет у Вассиана, как и раньше у Федора Курицына, заключался в том, чтобы, войдя в доверие к великому князю и пользуясь государевым расположением, направлять самодержавную власть в нужное русло, т.е. манипулировать ею в интересах придворной партии еретиков.

¹ Платонов С.Ф. Сочинения: В 2-х томах. СПб., 1994. Т. 2. С. 563.

² Там же.

³ См., напр.: Зимин А.А. Россия на пороге нового времени... С. 323–363.

⁴ Там же. С. 270–277.

⁵ Впоследствии к этому коварному приему враги России будут прибегать неоднократно. Не будем далеко ходить и вспомним горбачевскую Перестройку, в процессе которой осуществлялся план «эволюционного слома тоталитаризма через тоталитарную партию с использованием ее принципов централизма и дисциплины». – См.: Яковлев А.Н. Сумерки. М., 2003. С. 28.

⁶ Зимин А.А. Россия на пороге нового времени... С. 350.

⁷ Там же. С. 363.

Поначалу Вассиану это удавалось. Но затем последовал арест, суд и безвестная смерть в монастырской тюрьме. Вторая попытка еретиков овладеть Россией посредством внедрения в сферы высшей власти закончилась безрезультатно. Недругам Святой Руси стало окончательно ясно, что надежды на «грозную власть» являются призрачными. И вот тогда у них возникает идея реформирования русского самодержавия, идея его замены ограниченной монархией на манер польско-литовской королевской власти. Чтобы приступить к осуществлению этой идеи, необходимо было расшатать союз православной церкви и самодержавного государства. В ход пошло старое испытанное средство – ереси. В середине XVI века наблюдается новый всплеск еретических настроений на Руси, подогреваемых извне. Исследователи устанавливают генетическую связь между ними и ересями конца XV и первой трети XVI века. Обратимся к событиям середины XVI века.

Глава IV. «ПРОЗЯБЕ ЕРЕСЬ»: МАТВЕЙ БАШКИН, СТАРЕЦ АРТЕМИЙ, ФЕОДОСИЙ КОСОЙ и другие

Никоновская летопись под 1553 годом сообщает: «Того же лета прозябе ересь и явился шатание в людех в неудобных словес о божестве. И царь благочестивый и митрополит Макарий того посыскали, откуда сие зло изливается. И сказали царю и митрополиту на Матюшку Семенова сына Башкина, что он съ своими съветники, з Григорием да с Ываном Тимофеевыми детми Борисова и с ыными, испражняют владыку нашего Христа, непшуют сына Божиа не быти, и преславная действа о таиньстве и о литоргии и о причастии и о церкви и о всех православных в вере крестьяньской. И царь и митрополит велели его, изымав, истязати о сих; он же христиана себя исповеда, скры въ собе вражию прелесть, сатанино еретичество, мняше бо безумный от Всевиद्याщаго Ока укрытися».¹ Откуда взялся этот «Матюшка Башкин»? Каких высот в жизни он достиг?

Татарин, похоже, по крови² Матвей Семенович Башкин, как выяснил А.А.Зимин, «происходил из семьи мелкопоместных детей боярских».³ Благодаря стечению благоприятных обстоятельств, ему удалось продвинуться по службе и занять вместе с братом Федором видное положение при дворе. Примечателен в данной связи тот факт, что в декабре 1547 года Матвей Башкин выступает в качестве поручителя за опального князя И.И.Турунтая-Пронского наряду с такими известными государственными деятелями, как Ф.И.Шуйский, Д.Р.Юрьев, Ф.М.Нагой и Ф.Адашев.⁴ По справедливому заключению А.А.Зими́на, «связь Матвея Башкина с И.И.Пронским, Ф.Адаше-

¹ ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. М., 2000. С. 232.

² См.: Костомаров Н.И. Великорусские религиозные вольнодумцы в XVI веке// Бунт Стеньки Разина. Исторические монографии и исследования. М., 1994. С. 284.

³ Зимин А.А. И.С.Пересветов и его современники. Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI века. М., 1958. С. 169.

⁴ В.Д. Назаров на основании поручной грамоты по князе Пронском высказал догадку о том, что Башкин достаточно продолжительное время являлся дьяком, но затем по неясным для нас причинам перестал быть таковым и «перешел в служилую часть Государева двора». Отсюда у него довольно «избранный московско-аристократический круг связей». — Назаров В.Д. К истории церковных соборов и идейно-политической борьбы в России первой половины XVI в. // Церковь, общество и государство в феодальной России. М., 1990. С. 203, 204. См. также: Шапошник В.В. Церковно-государственные отношения в России в 30–80-е годы XVI века. СПб., 2002. С. 215.

вым и другими весьма важна. Она показывает не только видное положение самого Матвея Башкина, но и его близость к деятелям будущего “правительства компромисса”,¹ т.е. Избранной Рады. Показателем успехов Матвея Башкина по службе является и его вхождение в «избранную тысячу» – привилегированный корпус московских дворян.² «В Дворовой тетради, составленной в конце 1551 г., Матвей и Федор Башкины упоминаются уже среди верхушки русского дворянства.³ К характеристике общественного положения Матвея Башкина следует добавить, что его духовником был благовещенский поп Симеон». Значит, Матвей «часто бывал в Кремле и был настолько известным лицом, что придворный поп согласился стать его духовным наставником».⁴ Он обзавелся здесь такими связями, что мог чувствовать себя в безопасности и даже внушать страх своим противникам.⁵ Вот почему дьяк И.М.Висковатый, который знал о распространении взглядов Башкина при дворе, предпочитал молчать об этом, боясь «льсти и всякого злокозньства».⁶ Едва ли эти неприятности угрожали Висковатому непосредственно со стороны Башкина. Посольский дьяк, являвшийся одним из наиболее влиятельных представителей правительственного аппарата, был Матюше, как говорится, не по зубам. Другое дело придворные князья и бояре. Они могли вредить дьяку в отместку за его разоблачения. Стало быть, опасения Висковатого насчет «льсти и всякого злокозньства» могут рассматриваться в качестве косвенного свидетельства о том, что еретики из придворной знати представляли в середине XVI века достаточно организованную и сплоченную группу, готовую, когда потребуется, защищать своих людей и преследовать чужих.

Преодолев свои опасения, Иван Висковатый написал государю не только о ереси Матвея Башкина, но и о том, что тот «советен» с отцом своим духовным попом Симеоном.⁷ Намекал Висковатый на причастность к ереси всеильного Сильвестра.⁸

Встревоженные письменным демаршем Ивана Висковатого,⁹ придворные попы забеспокоились и сошлись для совета, чтобы выработать, по-ви-

¹ Зимин А.А. Пересветов и его современники... С. 169.

² Там же. С. 169–170.

³ Там же. С. 170.

⁴ Там же.

⁵ М.Башкин, по словам Р.Г.Скрынникова, «имел прочные связи в придворных сферах». – Скрынников Р.Г. Государство и церковь на Руси XIV–XVI вв.: Подвижники русской церкви. Новосибирск, 1991. С. 251.

⁶ ЧОИДР. 1858. Кн. II., отд. III. С. 9. См. также: Зимин А.А. И.С.Пересветов и его современники... С. 170.

⁷ ААЭ. Т. I, № 238. С. 246.

⁸ Висковатый в письме к митрополиту Макарию писал, что Сильвестр «из Благовещенья образы старинные выносил, а новые своего мудрования поставил, да в жертвеннике от своего же умышления престол сделал», какого не бывало, что у него «иные иконы писаны не по существу» и пр. (Там же). В другом послании, адресованном царю, Висковатый заявлял, что Башкин «с Ортемем советовал, а Ортемей с Селиверстом...». – ЧОИДР. Кн. II, отд. III. С. 9–10. См. также: Зимин А.А. И.С.Пересветов и его современники... С. 172.

⁹ См.: ААЭ. Т. I, № 238. С. 246, 248.

димому, согласованную позицию. По их версии, Матвей Башкин пришел в Великий пост (между 6 февраля и 2 апреля 1553 года¹) к своему духовнику Симеону и «великими клятвами и молением умолил на исповедь принять». Во время исповеди Башкин задавал Симеону «вопросы недоуменные», «требовал поученья», а порою и сам поучал своего исповедника. Похоже, что Матвей пытался вовлечь Симеона в свою ересь, памятуя, по всей видимости, прошлое полувековой давности, когда в кремлевских Успенском и Архангельском соборах обосновались еретики («жидовствующие») — Алексей и Денис.² Симеон отправился к Сильвестру и поведал ему о странностях Матюши. «И яз, — рассказывает Сильвестр, — тому удивился и недоумехся, и велми усомнехся о сем, и отвечал есми: Симеон, каков-то сын тот у тебя будет, а слава про него носится недобрая...».³ Важно отметить, что Башкин, несмотря на свою дурную славу, оставался вне каких-либо преследований — знак, говорящий о наличии у него высоких покровителей. И на этот раз все осталось для Башкина без последствий,⁴ хотя и Симеону и Сильвестру его поступки показались очень подозрительными. И только после новых встреч Симеона с Башкиным, выявивших «развратные» толкования Апостола Матюшкой, последовал доклад Сильвестра царю о «новоявившейся ереси».⁵ Было это уже в июне 1553 года.

А.А.Зимин следующим образом объясняет поведение Сильвестра в отношении Башкина: «Расспросив Симеона, “каков тот сын духовный будет”, Сильвестр сказал только, что “слава про него недобрая носится”. На этом дело и кончилось. Не разделяя радикальных взглядов Матвея Башкина, Сильвестр не склонен был вместе с тем давать ход этому делу в тревожные мартовские дни (дни тяжелой болезни царя. — *И.Ф.*). Однако вскоре обстановка в стране резко изменилась. Иван IV выздоровел. Над сторонниками князя Владимира Старицкого нависла реальная угроза опалы».⁶ В мае 1553 г. Иван

¹ Зимин А.А. И.С.Пересветов и его современники... С.171; Шапошник В. Иван Грозный: Первый русский царь. СПб., 2006. С. 108. А.А.Зимин бездоказательно полагает, что Матвей Башкин исповедовался у Симеона в начале марта. — Зимин А.А. И.С. Пересветов и его современники... С. 171.

² Приобщение к ереси священнослужителей кремлевских храмов преследовало, вне всяких сомнений, цель распространения с их помощью еретических взглядов среди представителей придворной знати, управлявшей страной и потому, казалось, способной обеспечить торжество еретических учений над православной верой.

³ ААЭ. Т. I, № 238. С. 246.

⁴ Симеон и Сильвестр, по верному замечанию, И.В.Корецкого, «знали о “сомнениях” М.Башкина, но не спешили доносить на него царю». — Корецкий В.И. Христологические споры в России (середина XVI в.) // Вопросы истории религии и атеизма. XI. М., 1963. С. 354. Ср.: Филюшкин А.И. История одной мистификации: Иван Грозный и «Избранная Рада». М., 1998. С. 316; Шапошник В. Иван Грозный... С. 109.

⁵ Ср.: Макарий (Булгаков). История русской церкви. Кн. IV. Часть первая. М., 1996. С. 139; Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. II. Первая половина тома. М., 1997. С. 818; Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. Т. I. М., 1993. С. 506–507; Будовниц И.У. Русская публицистика XVI века. М.; Л., 1947. С. 258–259; Шапошник В. Иван Грозный... С. 109.

⁶ Сильвестр, согласно А.А.Зимину, принадлежал к числу этих сторонников.

Грозный отправился в поездку по монастырям, посетив не только Максима Грека, но и иосифлянина Вассиана Топоркова, резко выступившего против Сильвестра. В это время Матвей Башкин снова пригласил к себе Симеона и показал ему Апостол, в котором размеченные воском места вызывали у вольнодумного сына боярского недоуменные вопросы и своеобразные толкования. Теперь, однако, духовнику это “показалось развратно”, и он, уклонившись от ответа на вопросы, посоветовал Башкину обратиться к Сильвестру. Одновременно Симеон в “Петров пост” (т.е. в июне) сам сообщил обо всем этом своему патрону по службе в Благовещенском соборе. Сильвестр отнесся к этому сообщению очень серьезно, и после возвращения в Москву Ивана IV, в июне 1553 г., поставил в известность царя в присутствии Симеона, царского духовника Андрея и Алексея Адашева о “новоявившейся ереси”. Резкая перемена в поведении Сильвестра объясняется изменением политической обстановки, складывающейся не в пользу благовещенского протопопа. К тому же до него доходили сведения о толках дьяка Висковатого, склонного обвинять в ереси как Матвея Башкина, так и Симеона. Посольский дьяк намекал и на причастность к “ереси” и самого Сильвестра.¹ Идея А.А.Зими́на о резкой перемене поведения Сильвестра, демонстрировавшего сначала терпимое отношение к ереси Башкина,² а затем в силу конъюнктурных обстоятельств перешедшего к ее обличению, нам представляется весьма правдоподобной. Не вполне убеждает лишь конкретное обозначение данных обстоятельств.

Несколько иную картину рисует Р.Г.Скрынников. Он пишет: «Взгляды Башкина были полностью созвучны взглядам Сильвестра... До поры до времени мысли Башкина не вызывали сомнений у его духовника Симеона. Более того, Симеон сообщил Сильвестру о речах сына боярского с одобрением, сказав, что ему “то показалось добро”. Однако ситуация резко изменилась, когда Башкин стал в присутствии Симеона “развратно” толковать текст Евангелия. Духовник поспешил с доносом к Сильвестру, и тот забил тревогу. Подвергшись нападкам Висковатого за “еретические” новшества в иконописи, Сильвестр опасался, как бы дононосительство на Башкина не нанесло новый удар его репутации в Москве».³

На наш взгляд, перемена в поведении Сильвестра объясняется не столько изменением политической обстановки в стране, как считал А.А.Зимин, и не столько «развратным» толкованием Апостола в присутствии попа Симеона, как утверждал Р.Г.Скрынников, сколько речами Башкина, выдавшими единомыслие сына боярского и благовещенского протопопа в вопросах толкования Священного писания. Это явствует из следующего рассказа Симеона: «А как Царь и Государь ездил в Кирилов, прислал (Башкин. – И. Ф.) по меня человека, да показал мне Апостол по местом извощен до трети, да учал меня

¹ Зимин А.А. И.С.Пересветов и его современники... С. 172.

² Как замечает А.И.Клибанов, благовещенский протопоп «на первых порах выжидательно прислушивался» к идеям Башкина. – Клибанов А.И. Реформационные движения в России в XIV – первой половине XVI вв. М., 1960. С. 266.

³ Скрынников Р.Г. Государство и церковь на Руси... С. 253.

спрашивати, и мне то показалось развратно, и яз ему отвечал: и яз того не знаю; а ты де пожалуй спрашивайся с Селивестром и он тебе скажет, и ты де тем ползуй душу мою, а тебе ведаю и яз николи тебе ведати, в суе мирской ни в день ни в нощи покоя не знаешь. И я то Селивестру сказал, что мне велел Матюша у тобя по Апостоле спрашивати, что де у него мечено».¹ Отсылая Симеона к Сильвестру за авторитетными разъяснениями, Матюша, надо полагать, был уверен в том, что тот подтвердит обоснованность его пометок на Апостоле и правомерность порождаемых ими вопросов.² Но подобная уверенность могла проистекать лишь из совместных встреч Башкина с Сильвестром на почве толкований Священного писания, в частности Апостола. Так просматривается определенная общность религиозных взглядов Сильвестра и Матвея Башкина, которую легкомысленно, хотя и ненароком, выдал Матюшка. Ему, наверное, казалось, что достаточно сделать еще один шаг, опершись на авторитет Сильвестра, и поп Симеон окончательно запутается в «паучине» «новойявившейся ереси». Но эта неосторожность Башкина сильно напугала Сильвестра, и он, действуя на опережение событий, сам сделал донос на Матюшу государю, призвав в помощь и поддержку своего друга Алексея Адашева, в присутствии которого этот донос состоялся.³ Чтобы отвести от себя подозрение, Сильвестр рассказал царю и о совете Башкина священнику Симеону поговорить с ним, Сильвестром, по поводу пометок на Апостоле. В послании митрополиту Макарию и «всему освященному собору благовещенский поп Селиверстишко» сообщает: «Да Симеон же сказывал, что Матюша многих вещей спрашивает во Апостоле толкованья, а сам толкует, толко не по существу, развратно; и Симеон ему молвил: и яз и сам того не видал, чего ты спрашиваешь; и он молвил: спроси де у Сильвестра и он тебе скажет; и мы то Государю сказали ж, что он говорил».⁴

Бедный Матюша не ведал, что делается втайне от него. Симеон повествует: «И как Царь и Государь приехал из Кирилова, и Сильвестр Царю и Государю сказал про того Матюшку, и Царь и Государь призвал меня к себе да спросил: тебе ли сын духовной? И я Царю и Государю сказал. Что он мне сын духовной; и Царь и Государь приказал, чтоб то он извочил все во Апостоле да к себе принес; и я Матюшке сказал, что Сильвестр елся посматривати, и он извочил все, а я Апостол Государю отнес».⁵ Башкин, как видим, с полным и безрассудным доверием относился к Сильвестру и отчасти к Симеону, отдав им в руки помеченный Апостол, а вместе с ним — и свою судьбу. На чем основывалось это доверие? По-видимому, на идейной общности.

Особенно наглядно общность позиций Башкина и Сильвестра отразилась в их отношении к социальным вопросам, в частности к рабству. Баш-

¹ ААЭ. Т. I, № 238. С. 249.

² А.А.Зимин почему-то полагает, что совет обратиться к Сильвестру дал Симеон Башкину, а не наоборот. — См.: *Зимин А.А. И.С.Пересветов и его современники...* С. 172.

³ ААЭ. Т. I, № 238. С. 246.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 249.

кин говорил попу Симеону: «Мы де Христовых рабов у себя держим, Христос всех братьею нарицает, а у нас де на иных и кабалы, на иных бегляя, а на иных нарядныя, а на иных полныя; а я де благодарю Бога моего, у меня де что было кабал полных то де есми все изодрал, да держу де, государь, своих добровольно, добро де ему и он живет, недобро и он куды хочет». ¹ А вот что писал Сильвестр, обращаясь к сыну Анфиму: «Из работы должна и во всяких нуждах по силе окупих и гладних по силе кормих работных своих всех свободих и наделих и ины окупих из работы и на свободу попушах и все те работные наши свободны и добрыми домами живут...». ² Р.Г.Скрынников, сравнивая приведенные высказывания, справедливо замечал, что «взгляды Башкина были полностью созвучны взглядам Сильвестра». ³ Но у Башкина и Сильвестра был предшественник — участник «ереси жидовствующих» книжный «списатель» Иван Черный. По этому поводу А.А.Зимин замечал: «Отрицая право на порабощение людей, Матвей Башкин стремился подкрепить свои взгляды ссылкой на священное писание. Башкин говорил, что “во апостоле де написано: весь закон в словеси скончивается: возлюбиши ближняго своего, яко сам себя”. Эти слова Матвея Башкина удивительнейшим образом совпадают с суждением Ивашки Черного, “еретика” из московского кружка конца XV века...». ⁴

Помимо общих представлений религиозного и социального характера, Башкина сближала с Сильвестром схожесть политических взглядов. Он был знаком с виднейшими деятелями Избранной Рады и, по-видимому, поддерживал ее политику. ⁵ Но Сильвестру все-таки пришлось пожертвовать им. Жизнь повернулась так, что кремлевский поп, спасая себя и, возможно, других своих товарищей, предал Матюшу. ⁶ По его доносу царю, сын боярский Матвей Семенович Башкин был взят под стражу и посажен в подклеть на царском дворе. ⁷ Летописец сообщает: «Повеле же его благочестивый царь под полатою у себя в подклете держати... и пошел государь на Коломну, а его велел взяти Осифовьским старцом Герасиму Ленкову да Филофию Полеву, а велел его розсматривать житиа. Ему же одинако лукавнующу, христиана себя исповедавшу, и не терпя Бог злу начинания, попусти на него гнев свой, и нача бесноватися, зле мучим от него, и язык свой долу извесившу, и на много время так мучим, кричаше розными гласы, и по мучении злую свою ересь начат исповедати». ⁸ Как видим, следствие по делу Башкина государь поручил старцам Иосифо-Волоколамского монастыря, являвшегося в свое

¹ ААЭ. Т. I, № 238. С. 249.

² Домострой. СПб., 1994. С. 131.

³ Скрынников Р.Г. Государство и церковь на Руси... С. 253. В другой, более ранней своей книге Р.Г.Скрынников писал: «Осуждение рабства роднило воззрения Башкина и Сильвестра». — Скрынников Р.Г. Начало опричнины. Л., 1966. С. 103 (прим. 2).

⁴ Зимин А.А. И.С. Пересветов и его современники... С. 180.

⁵ Там же.

⁶ См.: Русское православие: вехи истории. М., 1989. С. 128.

⁷ Ср.: Буганов В.И., Богданов А.П. Бунтари и правдоискатели в русской православной церкви. М., 1991. С. 73.

⁸ ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 232.

время цитаделью борьбы с ересью Федора Курицына и Вассиана Патрикеева. Следуя примеру своих предшественников («жидовствующим»), Матвей Башкин, лукавя, выдавал себя за христианина («он же христиана себя исповеда, скры в себе вражю прелесть, сатанино еретичество»). Штрих довольно любопытный, указывающий на то, что «сатанино еретичество» Башкина являлось по сути своей отступничеством от христианства. Именно так воспринимали ересь сына боярского современники. В сочинении Ермолая-Еразма «Книга о Троице», критически направленной, как полагает В.И.Корецкий, против воззрений М.Башкина и участников его кружка,¹ постоянно встречаем термины «иноверный», «иноверный еретик».² Соборная грамота в Соловецкий монастырь (1554), отправленная митрополитом Макарием, сообщает тамошнему игумену Филиппу с братией о соборе «на богопротивнаго и лукавого безбожного еретика и отступника Православной Веры Матфея Башкина».³ Следовательно, Освященный собор во главе с государем и митрополитом смотрели на Башкина как на вероотступника. И они имели на то достаточные основания.

В исторической литературе существует мнение, будто на следствии Башкина подвергли пыткам.⁴ Оно, по всему вероятию, основано на известии летописца о том, что царь и митрополит, услышав о ереси Матвея, «велели его, изымав, истязати». Однако в русском языке того времени слово *истязати* означало не только *подвергать (подвергнуть) пытке, истязанию*, но и *спрашивать (спросить), расспрашивать (расспросить), допрашивать (допросить)*.⁵ Что касается летописной записи, то она не дает оснований для заключения о пытках, примененных к Башкину. Ближайшее знакомство с этой записью убеждает, что слово *истязати* относится к предшествующему тексту о слухах про Башкина со «своими советники», которые «испражняют владыку нашего Христа, непшуют сына Божия не быти, и преславная действия о таинстве и о литургии и о причастии и о церкви и о всех православных в вере крестьянской». «О сих», т.е. *об этом*, и повелели царь с митрополитом Башкина «истязати», или *допросить, расспросить*. Старцам же Герасиму Ленкову и Филофею Полеву велено было «розсматривать его житиа». А вот муку Матюша принял от Бога: по гневу Божьему «нача бесноватися,

¹ Корецкий В.И. Христологические споры в России... С. 351.

² Там же. С. 346, 347, 351, 354.

³ ААЭ. Т. I, № 239. С. 250.

⁴ См., напр.: Зимин А.А. И.С.Пересветов и его современники... С. 174; Клибанов А.И. Реформационные движения в России в XIV – первой половине XVI вв. М., 1960. С. 266; Лурье Я.С. О некоторых принципах критики источников // Источниковедение отечественной истории. М., 1973. С. 93; Буганов В.И., Богданов А.П. Бунтари и правдоискатели... С. 73; Скрынников Р.Г. Государство и церковь на Руси... С. 252. Более осторожен в своих высказываниях на сей счет В.В. Шапошник: «Возможно, к арестованному применяли пытки, хотя никаких упоминаний об этом в источниках нет». – Шапошник В. Иван Грозный... С. 109.

⁵ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып.6. М., 1979. С. 341, 342. См. также: Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I. СПб., 1893. Стб. 1160.

зле мучим от него, и язык свой долу ивесившу, и на много время так мучим, и кричаща розными гласы, и по мучении злую свою ересь начат исповедать».¹ Заметим еще раз: Матюшка Башкин, если следовать летописному повествованию, муку принял от Бога, а не от тех, кто вел следствие и его допрашивал. Возможно, перед нами средневековая литературная стилизация.²

Согласно летописцу, Матвей Башкин, наказанный мукой от Бога, «злую свою ересь начат исповедать». Митрополит велел ему письменно изложить «богохулные свои ереси». Осенью 1553 года открылся собор по делу Башкина. На соборе Матюшка повинился и открыл сообщников. Еретикам было предъявлено обвинение в том, что они признавали Иисуса Христа неравным Отцу, уподобляли тело и кровь Господню простому вину, отрицали святую соборную и апостольскую церковь, отвергали поклонение иконам, выдавая их за идолы, отрицали силу покаяния, считали Священное писание (Евангелие и Апостол), церковные предания и жития святых баснословием, отзывались пренебрежительно о постановлениях семи вселенских соборов.³ «Легко заметить, – писал митрополит Макарий, – как сходно это новое лжеучение с бывшим лжеучением жидовствующих».⁴

«Новое лжеучение» имело точки соприкосновения (и это очень важно подчеркнуть) с иудаизмом. Расследование показало, что «написал Матфей молитву к единому началу, Бога Отца единого написал, а Сына и Святого Духа оставил», что «молился Матфей единому Богу Отцу, а Сына и Святого Духа оставил».⁵ Характерно словоупотребление Башкина *Бог мой*,⁶ как бы отгораживающее его Бога от Бога христианского. Бог Матвея Башкина – это, конечно, подобие ветхозаветному Богу, которому поклонялись иудеи.

Правда, когда митрополит Макарий сообщил старцу Артемию⁷ о том, что Матвей «написал молитву к единому началу, Бога Отца единого написал, а Сына и Святого Духа оставил», то услышал ответ: «Что, деи, было ему то и врать, ведь, деи, молитва готова написана Манасеева къ Вседержителю». На это митрополит молвил: «То было до Христова пришествия, а кто ныне так напишет к единому началу ино то еретик».⁸ Но Артемий твердил свое: «Та де Манасеева молитва и в нефимоне в болшом написана и говорят

¹ ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 232.

² Вспомним попа Дениса, впавшего в «ересь жидовствующих». Оказавшись в заточении, он «предан бысть всельшемуся в него бесу хульному, и пребысть месячное время, козлогласуя скверный гласы зверьскими и скотин и всяких птиц и гадов...». – Источники по истории еретических движений XIV – нач. XVI в. // Казакова Н.А. и Лурье Я.С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV – начала XVI века. М.; Л., 1955. С. 473, 482.

³ См.: Макарий. История русской церкви. Кн. IV. Часть первая. С. 140; Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Кн. I. М., 1990. С. 449–450; Зимин А.А. И.С.Пересветов и его современники... С. 179.

⁴ Макарий. История русской церкви. Кн. IV. Часть первая. С. 140.

⁵ ААЭ. Т. I, № 239. С. 253.

⁶ Там же. С. 249.

⁷ Речь о нем впереди.

⁸ ААЭ. Т. I, № 239. С. 253.

ее».¹ Довод заволжского старца до сих пор производит впечатление на исследователей. Например, А.А.Зимин, пытаясь определить, насколько справедливыми были обвинения против Башкина, пишет: «Сопоставление этих обвинений с “жалобницами” Сильвестра и Симеона позволяет установить, что некоторые из них были неосновательны. Так, судя по всему, первое обвинение о “хуле” на Иисуса Христа неосновательно. Сам Матвей Башкин в беседе с Симеоном признавал существование троицы. Когда Артемию на процессе его обвинители сказали, что Матвей Башкина “написал молитву к единому началу, бога единого написал, а сына и святого духа оставил”, то бывший троицкий игумен резонно заметил, что такая же молитва (Монасиева) уже существовала и в ней ничего еретического нет. Однако остальные обвинения весьма правдоподобны...».² И все же сравнение обвинений, предъявленных Башкину, с «жалобницами» Сильвестра и Симеона не позволяет, вопреки утверждению А.А.Зиминова, усомниться в обоснованности этих обвинений. Не надо забывать, что Сильвестр и Симеон писали митрополиту и Освященному собору, желая оправдаться за длительное молчание относительно ереси Башкина, которое легко можно было истолковать как сокрытие. Не случайно дьяк И.Висковатый обращал внимание митрополита на то, что Башкин «со Симеоном советен».³ А если учесть, что Симеон состоял под непосредственным начальством Сильвестра (во всяком случае, являлся сослуживцем Сильвестра), то подозрение, понятно, падало на обоих.⁴ Тот же Висковатый утверждал, будто Сильвестр был в совете с Артемием, а последний – с Башкиным.⁵ Вот почему Сильвестру пришлось решительно отмежеваться от Башкина: «А я с Матюшею никакоже не ссыался и совет мне с ним отнюдь не бывал никаков».⁶ По аналогичным соображениям и поп Симеон представлял дело так, будто Матюша не внушал ему поначалу никаких подозрений насчет своей ереси, но, напротив, рассуждал «добро», а на исповеди «сказывал»: «Христианин де есмь, верую во Отца и Сына и святого Духа и поклоняюся образу Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, и пречистой Богородицы и великим Чудотворцем, всем святым на иконе написаных».⁷ Возможно, ничего такого Башкин на исповеди не говорил, а все это сочинил Симеон, чтобы не быть обвиненным в укрывательстве ереси своего «сына духовного». Но если даже Матюша, исповедуясь, и заявлял нечто подобное, то верить ему нет никакого резона, ибо его слова о привер-

¹ Там же.

² Зимин А.А. И.С.Пересветов и его современники... С. 179–180.

³ ААЭ. Т. I, № 238. С. 246.

⁴ «В ходе следствия по делу Башкина, – пишет А.А.Зимин, – глава Посольской избы Висковатый решил нанести удар по Артемию, Сильвестру и Симеону. 25 октября 1553 г. в присутствии царя он обвинил всех названных лиц в пособничестве Матвею Башкину. Через месяц, в ноябре он уже подал докладную записку Ивану Грозному, где содержался полный перечень его обвинений». – Зимин А.А. И.С. Пересветов и его современники... С. 174.

⁵ ААЭ. Т. I, № 238. С. 246.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 248, 249.

женности христианству – не более чем притворство.¹ Точно так же он, изворачиваясь и лукавя, выдавал себя, как мы знаем, за христианина, когда был взят под стражу и отдан на допрос волоколамским монахам Герасиму Ленкову и Филофею Полеву. Стало быть, попытки Башкина примазаться к христианству следует рассматривать как тактический прием, опробованный на практике его предшественниками – «жидовствующими». Между тем А.А.Зимин, как мы только что убедились, склонен доверять Башкину, когда тот возглашает о вере «во Отца и Сына и святого Духа», что позволяет историку отвести от него обвинение в хуле на Христа как несостоятельное. При этом А.А.Зимин проявляет выборочность при анализе соответствующего текста, беря его не целиком, а частично. Ведь Башкин говорит не только о своей вере в Троицу, но тут же добавляет еще и то, что поклоняется «образу Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, и пречистой Богородицы, и великим Чудотворцем, и все Святым, на иконе написанных». Казалось бы, А.А.Зимин, следуя избранной методике, должен был отвести от Башкина и обвинение в отказе от иконопочитания, но он этого не сделал, сочтя данное обвинение «весьма правдоподобным»,² причем не объяснил столь разительное различие в своей оценке аутентичности соседствующих мест единого текста. Едва ли подобное обращение с источником заслуживает поощрения. А.А.Зимин несколько, на наш взгляд, поспешил, когда согласился с доводом старца Артемия, который, выгораживая Башкина, написавшего молитву к «единому началу» (Богу Отцу), заметил, что «такая же молитва (Манасиева) уже существовала и в ней нет ничего еретического».³ Хитрый старец здесь передернул факты: одно дело Манасиева молитва «къ Вседержителю» и совсем другое – молитва к единому Богу Отцу, написанная Башкиным, подвергавшим

¹ Н.И.Костомаров, напротив, считал, что Башкину здесь можно верить, поскольку его «никто не принуждал, когда он добровольно явился к священнику и говорил: “я христианин и верую в Троицу единосущную Отца и Сына и святого Духа”. Если бы Башкин доходил до сомнения в догматах, то никак нельзя было думать, что он отрицал то, что Церковь признавала, потому что он пришел к священнику, пастырю. Но у Башкина не показывалось и сомнения. То, что он говорил священнику, было совершенно православно» (*Костомаров Н.И.* Великорусские религиозные вольнодумцы... С. 298, 299). Ересь, помимо прочего, есть интрига. Н.И.Костомаров не учел этого обстоятельства и потому чересчур доверчиво и простодушно воспринял слова Башкина. Столь же простодушно историк истолковал и некоторые другие его поступки. Доказывая, например, мысль о том, что Башкин, вопреки обвинениям, не отвергал таинства покаяния и причащения, Н.И.Костомаров пишет: «За этим (исповедью и причащением. – *И.Ф.*) он приходил к священнику, и с такого повода возникло все дело. Если б в самом деле он отвергал покаяние и причащение, тогда не для чего было ему и приходить» (Там же. С. 298). Н.И.Костомаров почему-то не хочет допустить, что Матюша мог прийти к Симеону с иным намерением, используя таинство покаяния и причащения как средство вовлечения благовещенского попа в сомнительный разговор, преследующий цель расширения круга сторонников «новоявившейся ереси».

² См.: *Зимин А.А.* И.С.Пересветов и его современники... С. 179, 180.

³ Там же. С. 180.

сомнению божественную природу Иисуса Христа. В таком сочетании молитва Башкина приобретала еретический характер, утверждавший поклонение ветхозаветному единому Богу.

На следствии Башкин показал, что «злое учение» он «принял от Литвы, Матюшки Обтекаря да Ондрюшки Хотеева Латынников». ¹ Р.Г.Скрынников, комментируя это признание Башкина, утверждает, будто иосифлянам, судившим Башкина, «важно было доказать, что зловерная ересь проникла на святую Русь с Запада». Поэтому «они добились от Башкина признания» о заимствовании им своего еретического учения от Литвы, аптекаря Матюшки и Андрюшки Хотеева «латинников». ² Материалы, относящиеся к процессу над Башкиным, эти положения Р.Г.Скрынникова не подтверждают. Более основательными могут показаться наблюдения А.В.Карташева, у которого читаем: «XVI век, век усиленного московского государственного собирания Руси, был и веком попыток разрешить большие внутренние идейные вопросы в русской церкви. Стоглавый Собор, отразивший в себе эти усилия, уже не удостоил даже упоминанием соблазнительный факт бывшей ереси жидовствующих. Фактически она вымерла, вышла из моды. Новую пищу для критических умов занесло и на Русь огромное общеевропейское реформационное движение. Родная по языку и православию закордонная Литовская Русь была заразительно охвачена и взволнована извне занесенной реформационной бурей, ускорившей там процесс латинской реакции и насильственного введения унии. Москва не могла быть идейно незатронутой этими волнениями. Взаимная инфильтрация русских элементов через свободно открытую границу двух соседних государств переплела в эту эпоху несколькими общими именами историю духовных движений в двух формально разделенных частях Руси. В этом порядке неудивительно, что эпизод протестантских увлечений в Литовской Руси выходит и на поверхность в Москве». ³ Относительно тайных распространителей протестантства в русской столице, придворного аптекаря Матиаса Ляха (Матюшки) ⁴ и Андрюшки Хотеева, А.В.Карташев замечает: «Хотя эти лица и называются в процессе иногда по паспорту “поляками”, но вернее всего, что это были русские из Литвы, фармацевты по профессии и протестантствующие вольнодумцы по моде того момента...». ⁵ Несколько неожиданно (после заявлений о том, что ересь жидовствующих «вымерла, вышла из моды») звучат авторские слова: «Протестантский рационализм у москвича Башкина не был только заимствован из внешнего литовского источника. Как показало московское следствие, сравнительно давно подавленное вольномыслие жидовствующих продолжало бытовать в московских северо-западных, “заволжских” пределах. Эпигоны жидовствующего вольномыс-

¹ ПСРЛ. Т. XIII. Первая половина. С. 232–233.

² Скрынников Р.Г. Государство и церковь на Руси... С. 254.

³ Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. Т. I. С. 506.

⁴ ААЭ. Т. I, № 238. С. 242. См. также: Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. II. Первая половина тома. С. 819 (прим. 1); Скрынников Р.Г. Государство и церковь на Руси... С. 254.

⁵ Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. Т. I. С. 507.

лия таились здесь от начала XVI века в гостеприимных для них монастырях нестяжательского толка. Тронутым всякого рода вольномыслием москвичам ясно было, куда обращаться за поддержкой в церковном критицизме».¹

Два момента в рассуждениях А.В.Карташева привлекают наше внимание: попытка установить этническую принадлежность «латынинов» Матюшки и Андрюшки, а также стремление выявить два источника ереси Башкина – внешний и внутренний. Они, несомненно, характеризуют А.В.Карташева как вдумчивого исследователя еретических учений на Руси XVI века. И все же вряд ли можно безоговорочно принять конкретные предложения историка. Нет, скажем, никакой уверенности в том, что упомянутые Матюшка с Андрюшкой «были русские из Литвы».² Их профессиональные занятия, связанные с фармацевтикой, ориентируют нас в ином направлении, так как аптечное дело в то время составляло, можно сказать, монополию евреев Европы. Не являлись ли аптекари, совратившие в ересь Башкина, представителями еврейства? Это предположение ничем не хуже догадки А.В.Карташева, а даже, быть может, лучше, поскольку объясняет присутствие в ереси Башкина важнейших компонентов учения «жидовствующих». Приехавшие (скорее всего, засланные) из Литвы фармацевты способствовали оживлению «ереси жидовствующих» на новом этапе исторического развития Русского государства. Религиозно-политическая роль Матюшки и Андрюшки во многом сходна с миссией Схарии, известного по событиям конца XV века. Разница лишь в том, что последний *породил* «ересь жидовствующих» на Руси, тогда как первые *возродили* ее.³ Но цель у них была одна: сокрушить православную веру и церковь, разрушить союз церкви и государства – фундамент возводимого здания Святой Руси.

До России, разумеется, долетали отзвуки протестантизма, примесь которого в русских ересьях середины XVI века, в том числе и в ереси Башкина, достаточно ощутима.⁴ При этом нельзя, по-видимому, исключать увлечений русских людей лютеранством как таковым.⁵

Среди подобной категории увлеченных «московитов» следует числить брата Матвея Башкина – Федора, если, конечно, верить А.Шлихтингу, согласно которому «знатный муж Федор Башкин был брошен в тюрьму за евангелие Христово. Когда тиран узнал это, то велит привести его к себе, упрекает за лютеранство и обещает дать ему многое, если тот пожелает отказаться от исповедания евангельского учения». Федор не пожелал отказаться. Тогда «его велено было вывести из Кремля, посадить в деревянную клетку и

¹ Там же. С. 508.

² В отличие от А.В.Карташева, Е.Е.Голубинский не решает однозначно утверждать, были то поляки, литовцы или русские. – Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. II. Первая половина тома. С. 819, 821.

³ «Еретические движения, подавленные в начале XVI в., – пишет Я.С.Лурье, – вновь возродились в середине века». – Лурье Я.С. Переписка Ивана Грозного с Курбским в общественно мысли древней Руси // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979. С. 247.

⁴ См.: Дмитриев М.В. Православие и реформация. М., 1990.

⁵ См.: Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. II. Первая половина тома. С. 819.

сжечь».¹ Достоверность приведенного рассказа Шлихтинга вызывает порой у историков некоторые сомнения. К примеру, А.А.Зимин пишет: «Относится ли это сообщение к брату Матвея Башкина или Шлихтинг спутал обоих братьев, назвав ошибочно Матвея Федором, — сказать трудно. Впрочем, возможно, казнен был именно Матвей Башкин, поскольку о “еретичестве” его брата сведений никаких нет».² Ради точности А.А.Зимин должен был сказать, что других сведений о еретичестве Федора, брата Матвея Башкина, кроме того известия, что имеется в записках Шлихтинга, у нас нет. К тому же отсутствие у современного историка прямых данных о том или ином явлении не может само по себе служить основанием для его отрицания. Что касается нашего случая, то сообщение о причастности Федора Башкина к лютеранству пусть, как думает А.А.Зимин, и «загадочное», но все-таки есть. И отвергать его с порога, не подвергнув проверке хотя бы на косвенном материале, было бы неосторожно. А.А.Зимин завяз в собственных догадках, говоря о том, будто Шлихтинг «спутал обоих братьев, назвав ошибочно Матвея Федором». Ведь историк только что высказал предположение, по которому Башкина доставили в Волоколамский монастырь, «где он должен был отбывать заключение, очевидно, пожизненное».³ В другой работе А.А.Зимина читаем о Матвее Башкине, посаженном в тюрьму Волоколамского монастыря, «где он, по всей вероятности, и окончил свое существование».⁴ Но отбывать пожизненное заключение в Волоколамском монастыре, окончить там свое существование и быть сожженным на костре — вещи взаимоисключающие.⁵ Поэтому Шлихтинг, надо думать, различал двух братьев Башкиных и рассказал о страшной смерти Федора, впавшего в соблазн «люторовой прелести». Р.Г. Скрынников, на наш взгляд, имел основание сказать: «Осведомленные современники сообщают, что родной брат М.Башкина Федор был посажен “за евангелие” в тюрьму, а позже сожжен в деревянной клетке».⁶

¹ Новое известие о России времени Ивана Грозного. «Сказание» Альберта Шлихтинга. Л., 1934. С. 42.

² Зимин А.А. И.С.Пересветов и его современники... С. 175.

³ Там же. См. также: Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного. Очерки социально-экономической и политической истории России середины XVI в. М., 1960. С. 406.

⁴ Зимин А.А. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV—XVI в.). М., 1977. С. 303.

⁵ Выход из этого противоречия А.А.Зимин находит в предположении о вторичном суде над Матвеем Башкиным: «Сохранились неясные сведения, позволяющие предположить, что летом 1554 г. состоялся вторичный собор по делу Матвея Башкина. В Дворовой тетради 50-х годов XVI в. имеется помета против имени М.С.Башкина: “В заключение 62-го, июня”. Следовательно, вторичное заключение Башкина относится к лету 1554 г.» (Зимин А.А. И.С.Пересветов и его современники... С. 175). Отсюда следует еще одно предположение о казни Матвея Башкина после второго его заключения (Там же). Но с равным успехом можно предположить, что Башкин и после вторичного собора был снова отправлен в узилище Волоколамского монастыря на вечное сидение.

⁶ Скрынников Р.Г. Начало опричнины. Л., 1966. С. 103–104. Впоследствии историк стал иначе толковать это известие Шлихтинга. Развивая догадку А.А. Зимина.

Появление на Руси середины XVI века протестантизма современными историками обычно воспринимается как отзвук реформационного движения, охватившего Западную Европу в первой половине названного столетия.¹ Не следует, однако, забывать о попытках целенаправленной политики западных протестантских государств по распространению лютеранства в России. Одной из иллюстраций такой политики являются события, связанные с замыслом Ивана IV устроить типографию в Москве.² С этой целью государь обратился к датскому королю с просьбой прислать в Москву книгопечатников. Король Христиан III живо откликнулся на обращение царя и направил в Москву печатника Ганса Миссенгейма со всеми нужными типографскими принадлежностями. Ганс прибыл в Москву летом 1552 года.³ Вместе с ним король прислал в Москву Библию в немецком переводе Лютера и два главнейших лютеранских катехизиса.⁴ Предполагалось перевести эти книги на русский язык и напечатать огромным по тому времени тиражом. В своей грамоте русскому царю датский король писал: «Если приняты и одобрены будут тобою... митрополитом... епископами и прочим духовенством сие наше предложение и две книги вместе с Библией, то оный слуга наш напечатает в нескольких тысячах экземпляров означенные сочинения, переведя на отечественный ваш язык».⁵ По настоянию русских иерархов церкви план датского короля был отвергнут.

Возвращаясь к ереси Башкина, заметим, что она представляла собою воспроизведение в новых исторических условиях «ереси жидовствующих». Не случайно с целью обличения еретиков на собор была принесена книга Иосифа Волоцкого «Просветитель», направленная против «жидовствующих».

он говорил: «М.Башкина приговорили к заточению в Иосифо-Волоколамский монастырь. Возможно, что судьба его решилась не сразу. В списках Государева двора против имени сына боярского сделана помета: “В заключение [70] 62-го июня”. Это значит, что Башкина перевели из монастыря в тюрьму. О дальнейшей судьбе еретика достоверно ничего не известно. Альберт Шлихтинг записал историю некоего Федора Башкина, посаженного в тюрьму за Евангелие. У Матвея Башкина был брат Федор, записанный с ним вместе в Дворовой тетради. Дьяки вносили в тетрадь пометы об отставке от службы до 1561 г. Судя по этому признаку, Федор Башкин благополучно служил после осуждения брата. Очевидно, Шлихтинг ошибся в имени Башкина». — *Скрынников Р.Г.* Государство и церковь на Руси... С. 255–256.

¹ Аналогичное восприятие наблюдается и у некоторых дореволюционных историков. Н.И.Костомаров, например, писал: «Исподволь сближение с Западом при Иоанне IV не могло остаться без того, чтоб приезжавшие к нам иностранцы не беседовали с русскими и не вносили господствовавшего тогда на западе духа религиозных умствований и прений». — *Костомаров Н.И.* Великорусские религиозные вольдумцы... С. 283.

² См.: *Снегирев И.* О сношениях датского короля Христиана III с царем Иоанном Васильевичем касательно заведения типографии в Москве // РИС. Т. IV, кн. I. М., 1840.

³ *Скрынников Р.Г.* Начало опричнины. С. 100–101 (прим. 4).

⁴ *Снегирев И.* О сношениях датского короля Христиана III с царем Иоанном Васильевичем... С. 125–126.

⁵ Там же. С. 122.

В этом митрополит Макарий верно усматривал знак того, что их учение собор «считал однородным с ересью жидовствующих и как бы ее отраслью».¹ По мнению А.А.Зиминой, «кружок М.Башкина явился наследником московского кружка “еретиков”, группировавшегося вокруг посольского дьяка Федора Курицына».² Понятно, почему «имя Матвея Башкина, как и новгородских “еретиков” конца XV – начала XVI в., было предано “анафеме”, т.е. церковному проклятию».³ Н.А. Казакова вполне резонно считает Матвея Башкина продолжателем дела новгородско-московских еретиков времен Ивана III.⁴ Преемником еретиков второй половины XV – начала XVI века называет Башкина известный специалист в области средневековой русской культуры А.И. Клибанов.⁵ Согласно Г.В.Семенченко, учение Башкина унаследовало «важнейшие постулаты ереси жидовствующих».⁶ Признавая обоснованность мыслей упомянутых исследователей, необходимо помнить, что в плане историческом функцию передаточного звена между Федором Курицыным и Матвеем Башкиным выполнял Вассиан Патрикеев с примыкавшим к нему Максимом Греком.

Матвей Башкин, как известно, плохо кончил. Он был осужден как еретик и отправлен на «смирение» в Иосифо-Волоколамский монастырь,⁷ где, по видимому, и закончил свое земное поприще.⁸ Е.Е. Голубинский не знает, «почему Башкин, несмотря на свое чистосердечное раскаяние, все-таки послан был в пожизненное заключение... Может быть, возобладал на соборе тот иосифовский принцип, что от еретика захваченного не приемлется покаяние (и если это так, то весьма не рекомендует собор и прежде всего, конечно, митрополит, ибо Башкин, решившийся на то, чтобы искать истину в церкви, сам стремился к тому, чтобы быть взятым); может быть, знали (успели узнать) его нетвердый характер и опасались, что он снова отпадет к ереси, чтобы выступить ее пропагандистом».⁹ Последнее предположение Е.Е.Голубинский мог бы формулировать с большей уверенностью, поскольку лето-

¹ Макарий (Булгаков). История русской церкви. Кн. IV. Часть первая. С. 141. Ср.: Костомаров Н.И. Великорусские религиозные вольнодумцы... С. 284.

² Зимин А.А. И.С.Пересветов и его современники... С. 181.

³ Там же. С. 175.

⁴ Казакова Н.А. Западная Европа в русской письменности XV–XVI веков. Из истории международных культурных связей России. Л., 1980. С. 222.

⁵ Клибанов А.И. Духовная культура средневековой Руси. М., 1996. С. 228.

⁶ Семенченко Г.В. Новый источник по истории идеологической борьбы на Руси в середине XVI в. // Генезис и развитие феодализма в России: Проблемы идеологии и культуры. К 80-летию проф. В.В.Мавродина. Л., 1987. С. 168.

⁷ По мнению Н.И.Костомарова, «Башкин и его единомышленники были осуждены невинно» (Костомаров Н.И. Великорусские религиозные вольнодумцы... С. 299). С этим мнением согласиться невозможно. См.: Шапошник В. Иван Грозный... С. 117.

⁸ См.: Зимин А.А. 1) Краткие летописцы XV–XVI вв. // Исторический архив. Т. V. М., 1950. С. 18; 2) Крупная феодальная вотчина.... С. 303.

⁹ Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. II. Первая половина тома. С. 825.

писец недвусмысленно говорит о том, что еретиков заточили навечно, чтобы не сеяли «злобы своего рода человеческому».¹

Необходимо должным образом оценить факт заключения Матвея Башкина в Иосифо-Волоколамском монастыре, основатель которого преподобный Иосиф и братья-иноки прославились как яростные борцы с «ересью жидовствующих». Поэтому именно сюда для исправления и покаяния направляли наиболее видных и опасных ее приверженцев. Так что заточение в тюремной камере Волоколамского монастыря стало своеобразным показателем причастности узника к «ереси жидовствующих» или, во всяком случае, сочувственного отношения к ней. Это, разумеется, относится и к Башкину.

Еретиков менее значимых, чем Матвей Башкин, развели по другим монастырям. Например, Ивана Борисова сослали под надзор в Валаамский монастырь, откуда он вскоре бежал в Швецию.² Куда отправили Григория Борисова, нам неизвестно.

Присутствие в кружке Башкина тверских землевладельцев братьев Борисовых навело некоторых исследователей на мысль о том, что Матюшкина ересь получила распространение среди «воинников» (дворян), или детей боярских.³ На это, похоже, намекают и другие данные источников, обнаруженных в недавнее время историками.⁴ Не осталось без внимания и ценное, сохранившееся в Соборной грамоте властям Соловецкого монастыря свидетельство, как Матвей Башкин «начат своих единомыслеников пред Царем на соборе с очей на очи обличати; единомысленицы же его начат запирались, неции же из них и сами сказали на себя, что святым иконам не поклонялись да и уложили пред сего под Казанью, что им и впредь святым иконам не поклоняться».⁵ Здесь «единомысленицы» Башкина действуют как организованная военная группа, участвующая в походе на Казань и принимающая решение, обязательное для исполнения всеми ее членами.⁶ Ее надо рассматривать как группу заговорщиков, опасную для существующего церковно-государственного строя.

Важно отметить преимущественно дворянский ее характер,⁷ хотя доступ в еретический кружок Башкина был открыт и для других представителей социальных верхов общества. Не зря ведь ересь свила себе гнездо в Крем-

¹ ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 233.

² В описи царского архива (1575–1584 гг.) имеется запись: «Ящик 229. А в нем дело Ивана Тимофеева Борисова, сыск о побеге его с Валаамского монастыря в Свейскую землю». – ААЭ. Т. I, № 289. С. 355.

³ См., напр.: *Корецкий В.И.* Христологические споры в России... С. 351–352.

⁴ См.: *Семенченко Г.В.* Новый источник... С. 172–173.

⁵ ААЭ. Т. I, № 239. С. 250–251.

⁶ А.В. Карташев предлагает чтение «да и уложили пред сего под казнью», сопровождая его таким комментарием: «Если речь идет даже о какой-то клятве и “казни” за ее нарушение, стало быть, это была группа достаточно организованная и могущая терроризировать отступника и мстить ему». – *Карташев А.В.* Очерки по истории русской церкви. Т. I. С. 510.

⁷ Ср.: Там же.

ле.¹ Показательно и свидетельство беглых монахов-еретиков, которых польский реформатор Я.Лаский повстречал в Вильне в 1557 году. По рассказу беглецов, в Москве около 70 знатных мужей, преследуемых за веру (т.е. ересь), были заключены в тюрьму.² Привлекал Башкин в свой кружок и благоговещенского попа Симеона.³ И все же главная цель Матюшки, а также тех, кто вовлек его в еретический соблазн, состояла, по-видимому, в распространении ереси прежде всего среди дворян – нового поднимающегося сословия, которому принадлежало будущее России. Одурманенное ересью дворянство могло стать пособником всякого рода реформаций, губительных для Святой Руси, и даже ее завоевания враждебным внешним миром. Но не только дети боярские подвергались искушению ересью, но те, кто по призванию и роду занятий обязан был блюсти чистоту православной веры, – отцы церкви.

Мы уже наблюдали сомнительное поведение кремлевских священников Сильвестра и Симеона. Во время соборных заседаний солидарность с еретиками обнаружил один из высших иерархов русской церкви – рязанский епископ Кассиан, который совершенно неожиданно для Освященного Собора стал вдруг защищать еретиков и всячески хулить книгу Иосифа Волоцкого «Просветитель», служившую на соборных заседаниях главным обвинительным и полемическим документом против отступников от православной веры. Но тут же, по рассказу современника, «был поражен Богом»: лишился дара речи, не мог пошевелить руками и ногами, «и тако пребысть расслаблен и остави епископию и отоиде в монастырь».⁴ Наверное, страсти на соборе так накалились, а Кассиан настолько был взволнован, что с ним приключился удар, сопровождавшийся потерей речи и параличом конечностей.⁵ Кассиан не раскался в своей ереси и навлек на себя новое божие наказание: «у него повернулась назад голова, и в таком болезненном состоянии он умер».⁶ Это, конечно, занятно, но вряд ли реалистично. Ясно другое: современники усматривали в деятельности Кассиана еретический смысл.

Наиболее широкое распространение ересь получила среди иночества, обитавшего в заволжских монастырях и скитах. Ярким представителем его являлся старец Артемий.

¹ Скрынников Р.Г. Начало опричнины. С. 102–104.

² Скрынников Р.Г. Государство и церковь... С. 255.

³ Скрынников Р.Г. Начало опричнины. С. 103 (прим. 2).

⁴ ЧОИДР. 1847. Кн. III, отд. II. С. 1.

⁵ «Нервно больной Кассиан, – пишет А.В.Карташев, – прорвался и начал хулить книгу Иосифа Волоколамского на новгородских еретиков, т.е. “Просветителя”. Тут же на суде его постиг удар паралича: отнялась рука, нога и онемел язык. Как больно-го, его удалили с кафедры в монастырь». – *Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви.* Т. I. М., 1993. С. 511.

⁶ Костомаров Н.И. Великорусские религиозные вольнодумцы в XVI веке... С. 300.

* * *

Биографические подробности о старце Артемии скудны. Откуда он был родом, из какого сословия происходил, нам доподлинно неизвестно.¹ Существует, впрочем, предположение о псковском происхождении Артемия, о том, что он сначала находился в Псково-Печерском монастыре, а потом ушел в белозерские пустыни.² «Пребывание в Псково-Печерском монастыре..., — замечает А.А.Зимин, — не прошло для Артемия даром. Игуменом Печерского монастыря был Корнилий, известный своим враждебным отношением к московским великим князьям. Об этом свидетельствует его летописный свод 1567 г., написанный в антимосковском духе. В 1570 г. Корнилий был казнен Иваном Грозным. О печерском игумене с восторгом писал идеолог боярства кн. А.М. Курбский. Вообще князь Андрей бывал в Печерском монастыре, вел переписку с ближайшим сподвижником Корнилия старцем Вассианом (которого также казнил Иван IV). Словом, руководство Псково-Печерского монастыря поддерживало настроения, оппозиционные к великокняжеской власти. В годы малолетства Ивана Грозного монастырь пользовался покровительством у представителей княжеско-боярской аристократии... Весьма возможна принадлежность Корнилия к числу нестяжателей. Во всяком случае, в Печерском монастыре при этом игумене «нестяжательно мниси пребывали»». ³ Еще более определенно о нестяжательской ориентации «мнихов» Псково-Печерского монастыря говорит Р.Г. Скрынников: «Печорский монастырь был цитаделью нестяжателей, пользовавшихся покровительством Сильвестра». ⁴ Здесь, в Псково-Печерском монастыре, Артемий усвоил нестяжательские идеи. Однако нестяжательство, как мы уже отмечали, имело немало точек соприкосновения с идеологией еретиков,⁵ начиная с «жидовствующих» конца XV столетия и кончая их преемниками середины XVI века. Вот почему вместе с нестяжательством Артемий, по всему вероятно, впитал и некоторые еретические идеи, чему благоприятствовала, помимо нестяжательской среды, общая религиозно-политическая ситуация в Новгородско-Псковской земле конца XV — середины XVI века. Именно в этом северо-западном регионе Руси в 70–80-е годы XV века возникла и окрепла «ересь жидовствующих», а потом оттуда распозлзлась по всей Руси, свив себе гнездо даже в московском Кремле. С тех пор и вплоть до похода Ивана Грозного на Новгород и Псков в 1570 году ересь там существовала неискоренимо, то ослабевая, то усиливаясь вновь. Последний мощный всплеск еретичества, связанный с именем Феодосия Косого, пришелся как раз на «города, местечки и

¹ См.: Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. II. Первая половина тома. М., 1997. С. 832.

² См.: Вилинский С.Г. Послания старца Артемия. Одесса, 1906. С. 38–41. См. также: Костомаров Н.И. 1) Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Кн. I. М., 1990. С. 450; 2) Великорусские религиозные вольнодумцы... С. 287.

³ Зимин А.А. И.С. Пересветов и его современники... С. 153–154.

⁴ Скрынников Р.Г. Трагедия Новгорода. М., 1994. С. 96.

⁵ См.: Казакова Н.А. Нестяжательство и ереси // Вопросы научного атеизма. Вып. 25. Атеизм, религия и церковь в истории СССР. М., 1980. С. 62–79.

селения прежде всего северо-западной Руси». ¹ Вероятно, поэтому именно в Новгородской земле ересь Косого подверглось наиболее обстоятельной критике, развернутой в капитальных трудах Зиновия Отенского «Истины показание к вопросившим о новом учении» и «Послание многословное». ²

Поводом к написанию первой книги послужил, как сообщает сам автор, следующий случай. Однажды в Отенский монастырь, где иночествовал Зиновий, явились три мужа, бывшие «крылошанами» Старорусского Спасского монастыря, — иконник Феодор и монахи Герасим и Афанасий. ³ Обращаясь к Зиновию, пришельцы молвили: «Есть ныне учение, и мнози похваляют нынешнее учение, понеже открыто, а отеческое учение закрыто и того ради отеческое учение почитати не полезно; глаголет же нынешнее учение, яко во отеческом учении есть и человеческая предания. Василие же великий в своей книзе возбраняет последовати человеческому преданию; молимся, рцы нам ты истину, а не отрини нас Бога ради». ⁴ Беседы между Зиновием и «вопросавшими о новом учении» составили книгу «Истины показание» — обширное сочинение, насчитывающее 1000 страниц печатного текста. Как явствует из слов собеседников Зиновия, «новое учение» Феодосия Косого имело в Новгородской земле многочисленных последователей («мнози похваляют нынешнее учение»). Надо полагать, что массовое увлечение жителей Северо-Западной Руси ересью Косого опиралось на давнюю склонность местного населения к еретическим соблазнам, засвидетельствованную еще в XIV веке стригольниками. ⁵

Книга «Послание многословное» явилась ответом Зиновия Отенского на письмо, пришедшее к нему из Литвы от православных христиан, подпавших влиянию ереси Косого. Зиновий отправил свой трактат в Литву не только, надо думать, для того, чтобы защитить православную веру, но и для того, чтобы остановить или, во всяком случае, ослабить прилив «нового учения» из-за литовской границы, чему способствовало географическое положение Новгородско-Псковской земли, соседствующей с Литвою и Ливонией.

Возвращаясь к Артемию, заметим, что Псково-Печерский монастырь, постриженником которого он начинал свою монашескую жизнь, ⁶ был открыт влиянию извне, находясь в 56 верстах от Пскова, на самой границе с Ливо-

¹ Буганов В.И., Богданов А.П. Бунтари и правдоискатели в Русской православной церкви. С. 81.

² См.: Будовниц И.У. Русская публицистика XVI века. С. 272–273.

³ См.: Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. II. Первая половина тома. С. 826; Будовниц И.У. Русская публицистика XVI века. С. 272. По Н.И.Костомарову, то были крылошане Спасова (Хутынского) монастыря. — Костомаров Н.И. Велико-русские религиозные вольнодумцы... С. 301.

⁴ Истины показание к вопросившим о новом учении. Сочинение инока Зиновия Казань, 1863. С. 12–13.

⁵ См.: Казакова Н.А. Новгородско-псковская ересь стригольников XIV–XV вв. Казакова Н.А. и Лурье Я.С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV – начала XVI века. М.; Л., 1955. С. 7–73; Рыбаков Б.А. Стригольники (Русские гуманисты XIV столетия). М., 1993.

⁶ Макарий (Булгаков). История русской церкви. Кн. IV. Часть первая. С. 141; Кузьмин А.Г. Публицистика и общественная мысль // Очерки истории русской культуры

ний. Пограничное расположение обители способствовало, по всей видимости, общению ее братии с иноверцами, в том числе с еретиками, наполнявшими соседние пределы. Не кто иной, как сам Артемий собственными делами подтверждает наше предположение. По свидетельству (письменному и устному, причем «с очей на очи») ставшего на соборе 1553–1554 гг. старца Нектария, бывшего игумена Ферапонтова монастыря, Артемий однажды «ездил из Пскова из Печерского монастыря в Новой городок в Неметцкой [Нейгауз] и тамо веру их восхвалил». ¹ Артемий не отрицал того, что ездил в Нейгауз. Но объяснил эту поездку желанием найти там «человека книжна», чтобы «книгами говорити» о различиях между православной верой и католической: А.А.Зимин усмотрел здесь интерес Артемия «к богословским спорам, к изучению религиозных взглядов соседних народов». ² Мы не знаем подлинных причин поездки Артемия в Нейгауз. ³ Ясно только, что для участников Освященного Собора его объяснение этих причин прозвучало совершенно неубедительно: «А то Артемей учинил негораздо, ведает и сам, что наша сущая Православная Вера Греческаго закона, а Латынская вера Святыи Отцы от Православныя Веры отречена и проклятью предана». ⁴ Не вызвало оно доверия и у некоторых позднейших исследователей. Так, Е.Е.Голубинский писал: «Игумен Нектарий между прочим доносил на Артемия собору, что он ездил из псковского Печерского монастыря в Новый городок в немецкий (Нейгаузен, находящийся в 17 верстах от Печерского монастыря) и там веру их восхвалил. Отрицая последнее обвинение, Артемий не совсем вразумительно говорил на соборе о цели своей поездки: “на уме у него было, что было ему говорити как хрестьянский закон с римским законом потому ли как у нас”; но не может подлежать сомнению, что действительную цель поездки составляло ближайшее ознакомление с протестантством (которое почти уже совершенно вытеснило тогда из Лифляндии католичество)». ⁵ Что-

XVI века. Часть вторая. М., 1977. С. 133; Зимин А.А., Хорошкевич А.Л. Россия времени Ивана Грозного. М., 1982. С. 74. Е.Е. Голубинский полагал, что Артемий «был постриженник преп. Корнилия Комельского, монастырь которого находится в Грязовецком уезде Вологодской губернии, в 5-ти верстах к югу от города Грязовца». — Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. II. Первая половина тома. С. 832. См. также: Зимин А.А. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV–XVI в.). М., 1977. С. 297.

¹ ААЭ. Т. I, № 239. С. 251.

² Зимин А.А. И.С.Пересветов и его современники... С. 154.

³ Согласно А.А. Зимину, «поездка в Нейгауз, возможно, связана с миссионерской деятельностью, которую там развивал Печерский монастырь: в этом городке, по распоряжению Корнилия, была основана православная церковь» (Зимин А.А. И.С.Пересветов и его современники... С.154). Если бы поездка в ливонский городок преследовала цель распространения православия среди местного населения, то Артемий, наверное, так бы и сказал, поскольку миссионерская деятельность могла быть поставлена ему лишь в заслугу, но никак не в порицание. Артемий же дал такое объяснение, которое собор легко повернул против него.

⁴ ААЭ. Т. I, № 239. С. 251–252.

⁵ Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. II. Первая половина тома. С. 835 (прим. 2).

бы ознакомиться с протестантством, Артемий должен был, разумеется, встречаться с протестантами. Но нельзя, конечно, исключить того, что, будучи в ливонском городке, любознательный монах, помимо протестантов, общался и с приверженцами других еретических учений. Во всяком случае, «интерес к изучению религиозных взглядов соседних народов» завел его так далеко, что он стал испытывать шаткость в православной вере. Известно, например, что в бытность свою «во Пскове» Артемий «недобро» толковал Писание.¹ Из контекста рассказа явствует, что эти его толкования имели еретический смысл.

С багажом еретических идей Артемий из Пскова ушел на Белоозеро, где поселился в Порфирьевой пустыни. Заволжье, по-видимому, не зря его манило. Здесь тлела «ересь жидовствующих», подавленная в других землях, а нестяжательство, имевшее, как мы знаем, точки соприкосновения с этой ересью, занимало прочные позиции. А.А.Зимин полагал, что переход Артемия в Порфирьеву пустынь явился следствием близости печерского инок «к идеям нестяжательства. В дальнейшем Нил Сорский сделался для него любимейшим русским богословским писателем. Приверженность к скитскому образу жизни, критическое отношение к “писаниям”, борьба против монастырского землевладения – таковы некоторые из составных частей воззрений Артемия, истоком которых была идеология нестяжательства».² Исследователь, на наш взгляд, предлагает несколько упрощенное определение воззрений Артемия, связывая их с одним лишь нестяжательством, тогда как на них лежит вполне различимый налет еретичества.³ Поэтому уход Артемия в Заволжье следует объяснять не только его сочувствием идеям нестяжательства, но и склонностью к еретическому вольнодумству, чему, кстати сказать, способствовало само нестяжательство, созвучное в некоторых элементах с ересью. В заволжских пустынях, где укрывались от преследований еретики, подобные умонастроения, естественно, не встречали каких-либо существен-

¹ Благовещенский поп Симеон, обращаясь к митрополиту Макарию и «всему священному собору», сообщал: «А про Артемья... слышал у Перфиля, пришел ко мне за странничество да хвалил Артемья, и я ему веры не нял, что и он и сам от Писания говорил недобро, еще есмь и злословил Артемья: слышал во Пскове про него, как он был, что он говорил недобро» (ААЭ. Т. I, № 238. С. 249). По словам А.А.Зиминой, остается не вполне ясно, кто «злословил» Артемия – Порфирий или Симеон. «Возможно, Порфирий так “хвалил” Артемия (т.е. говорил о его взглядах, не соответствующих представлениям Симеона о православерии), что это показалось Симеону злословием» (Зимин А.А. И.С.Пересветов и его современники... С. 156). В данном случае не столь уж важно, Порфирий или Симеон «злословил» Артемия. Существенно то, что в любом варианте Артемий выступает как человек, отклонившийся от православия. За собой он увлек и ученика своего Порфирия, суждения которого относительно св. Писания, показались Симеону весьма подозрительными («от Писания говорил не добро»). Как и следовало ожидать, Порфирий вскоре предстал перед соборным судом по обвинению в ереси, подобно своему учителю Артемию. Но об этом чуть ниже.

² Зимин А.А. И.С. Пересветов и его современники... С. 154.

³ См.: Макарий (Булгаков). История русской церкви. Кн. IV. Часть первая. С. 144. См. также: Знаменский П.В. История русской церкви. Paris; М., 1996. С. 184.

ных помех или препятствий, и еретическая братия чувствовала себя в безопасности.

Очень скоро вокруг Артемия образовался кружок единомышленников, куда входили Феодосий, Порфирий, Савва Шах, Иоасаф Белобаев и другие.¹ О нем распространялась слава как о новом ученом проповеднике, который, по выражению Сильвестра, «всеми людьми видим бысть, и ближними и дальными».² С Артемием у Сильвестра, как и с другими соблазнившимися ересью людьми, складывались близкие, приятные отношения.³ По И.И.Смирнову, Сильвестра влекли к себе «элементы новой, прогрессивной идеологии» в мировоззрении Артемия.⁴ Думается, историк несколько идеализирует Артемия, бывшего не столько первопроходцем в идейной жизни, сколько последователем нестяжательства и отчасти «ереси жидовствующих», приспособленной к новым историческим условиям. В рамках тех же религиозно-идеологических направлений вращался и Сильвестр.⁵ Отсюда его расположение к Артемию, в котором он видел своего идейного сподвижника, а по терминологии А.А.Зимина – соратника.⁶

Сильвестр, по словам А.Г.Кузьмина, «явно покровительствовал Артемию».⁷ Благодаря его стараниям состоялось назначение заволжского старца в мае 1551 года игуменом Троице-Сергиева монастыря,⁸ являвшегося одним

¹ См.: *Зимин А.А.* И.С.Пересветов и его современники... С. 155, 162.

² ААЭ. Т. I, № 238. С. 246.

³ См.: *Альшиц Д.Н.* Начало самодержавия в России. Государство Ивана Грозного. Л., 1988. С. 72.

⁴ *Смирнов И.И.* Очерки политической истории русского государства 30–50-х годов XVI века. М.; Л., 1958. С. 256–257.

⁵ Ср.: *Курукин И.В.* Сильвестр: политическая и культурная деятельность. Автореф. канд. дисс. М., 1982. С. 16.

⁶ *Зимин А.А.* Реформы Ивана Грозного... С. 378 (прим. 1).

⁷ *Кузьмин А.Г.* Публицистика и общественная мысль. С. 135.

⁸ *Зимин А.А.* И.С.Пересветов и его современники... С. 155; *А.Г. Скрынников Р.Г.* Государство и церковь... С. 241; *Янов А.Л.* Россия: у истоков трагедии. 1462–1584. Заметки о природе и происхождении русской государственности. М., 2001. С. 151. См. также: *Кузьмин А.Г.* Публицистика и общественная мысль. С. 133. В деле назначения Артемия игуменом Троице-Сергиевой лавры В.В. Шапошник отводит Сильвестру более скромную роль. Он пишет: «Трудно предположить, что в крупнейший монастырь России игумен мог быть поставлен без ведома и одобрения митрополита. Сильвестр просто мог высказать свое мнение по кандидатуре Артемия, но решающее слово вряд ли принадлежало ему. Впоследствии священник так рассказывал о своей роли в поставлении Артемия игуменом: “А про Артемия, бывшего Троицкого игумена... Ино, государь, до Троицкого игуменства никак ж яз его не знал, и как избирали к Живоначальной Троицы игумена на Серапионово место, и того Артемия привезли из пустыни. И государь Артемию велел побыти в Чюдове монастыре, а мне велел к нему приходить и к себе велел призывати, и смотрети в нем всякова нрава и доховные пользы. И тогда от уст Артемьевых довольно ми ся показало и доброго нрава и смирения исполнен бысть”. Сильвестр говорит, что Артемий был привезен в Москву и уже готовился занять место Сергиевского игумена» (*Шапошник В.В.* Церковно-государственные отношения в России в 30–80-е годы XVI века. СПб., 2002.

из крупнейших и влиятельнейших монастырей России XVI века. Сильвестр старался не афишировать своего участия в этом назначении, заявляя, будто Артемия поставили игуменом в Троицу «по братскому прошению и по Государеву велению».¹ В том, что поставление Артемия состоялось «по Государеву велению», сомневаться не приходится. А вот по части «братского прошения» сомнения возникают. Иначе непонятно, зачем надо было Сильвестру ездить в обитель и убеждать троицких монахов принять к себе на игуменство Артемия.²

Раздумывая над причиной этого назначения, А.А.Зимин писал: «Подготавливая созыв Стоглавого собора, Сильвестр и другие сторонники нестяжательства стремились назначить Артемия как своего единомышленника на важный церковный пост троицкого игумена».³ Возможно, это так. Но, кроме нестяжательства существовала не менее важная область сотрудничества придворного священника с заволжским старцем – религиозный рационализм, объединявший Сильвестра с Матвеем Башкиным и Артемием.⁴ Надо сказать, что Иван Висковатый не очень наговаривал на Сильвестра, утверждая, что он «советен» с Артемием, который в свою очередь «советен» с Башкиным. Мы уже приводили соображения относительно возможности встреч Сильвестра с Башкиным. Так устанавливается «тройственный союз» Сильвестра, Башкина и Артемия, основанный на общности их религиозно-политических взглядов. А.Г.Кузьмин был прав, когда писал: «За еретиками 50-х гг. в ряде случаев встает фигура одного из вершителей судеб середины XVI столетия – царского духовника Сильвестра».⁵

С. 65). Автор, по-видимому, прав, когда говорит, что без ведома и одобрения митрополита назначение Артемия трудно представить. Но окончательное решение оставалось все же за царем. Зная о большом влиянии Сильвестра на государя, можно предположить, что именно он внушил Ивану IV мысль о необходимости данного назначения. Об этом, собственно, говорит и сам Сильвестр, рассказывая о том, как государь поручил ему испытать Артемия на предмет «всякого нрава и духовные пользы». Отзовись протопоп об Артемии после этих испытаний отрицательно, назначение последнего игуменом в Троицу едва ли бы состоялось. Это — во-первых. Во-вторых, В.В.Шапошник не учитывает специфику документа, привлекаемого для обоснования своих предположений. Перед нами послание Сильвестра митрополиту Макарию, написанное после того, как дьяк И.Висковатый обвинил протопопа в ереси, утверждая, в частности, что Башкин был «советен» с Артемием, а последний – с Сильвестром (ААЭ. Т. I, № 238. С. 246). Это было тяжкое обвинение, чреватое очень большими неприятностями. Поэтому Сильвестр отказался признать какое-либо прежнее свое знакомство с Артемием. Намеренность его здесь очевидна. Следовательно, в данном случае он едва ли заслуживает доверия. В другой своей книге В.В.Шапошник в данном случае вообще не упоминает Сильвестра: «В мае 1551 года старец (Артемий. – И. Ф.), несмотря на его нежелание, был поставлен игуменом главного русского монастыря – Троице-Сергиева». – *Шапошник В.* Иван Грозный... С. 111.

¹ ААЭ. Т. I, № 238. С. 246.

² *Скрынников Р.Г.* Государство и церковь на Руси... С. 241.

³ *Зимин А.А.* И.С.Пересветов и его современники... С. 155.

⁴ См.: *Альшиц Д.Н.* Начало самодержавия в России... С. 72.

⁵ *Кузьмин А.Г.* Публицистика и общественная мысль. С. 135.

Артемий не долго игуменствовал в Троице-Сергиевом монастыре – всего шесть с половиной месяцев. Он покинул обитель и удалился к заволжским собратям. Что заставило его покинуть знаменитую лавру? По Сильвестру, «Артемий игуменство оставил за свою совесть и отъиде в пустыню».¹ Поп Симеон, объясняя поступок Артемия, повторил версию старцев-странников, согласно которой вновь назначенный игумен «не хотел славы мира сего, да побыл де на игуменстве и он де видит, что душе его не в пользу игуменство, и того ради игуменство оставил, хочет себе внимати, чтоб от Бога не погинути душою, и Христовы заповеди совершити, и евангельския и апостолския, и от своею руку питатись, пищею и одежею доволитися».² Сильвестр и Симеон, как видим, мотивируют уход Артемия из Троицкой лавры его собственным решением, принятым без какого-либо давления со стороны. Всякая иная мотивация, особенно связанная с вынужденным характером этого ухода, т.е. с конфликтом, бросала тень и на Сильвестра, рекомендовавшего Артемия на пост игумена, и на Симеона, всячески хвалившего заволжского старца. По прошествии времени князь А.Курбский, которому незачем было скрывать правду об оставлении Артемием троицкого игуменства, рассказывал о том, что тот покинул монастырь «многого ради мятежу и любостяжательных, издавна законопреступных мнихов».³ Эти «законопреступные мнихи», оказывается, возвели хулу и клевету на «преподобнаго и премудраго Артемия, аки бы он причастен и согласник был в некоторых Люторских расколах».⁴ Похоже, «многие из монахов Троицкого монастыря не разделяли взглядов нового игумена и выражали резкое недовольство его деятельностью (не случайно позднее прежде всего троицкие старцы выступали среди обвинителей Артемия во всяких “ересях”)».⁵ Возникает вопрос, о каких взглядах здесь может идти речь? Ответ на него дает, как нам кажется, Андрей Курбский, повествуя о «мятеже» недружественных Артемию «любостяжательных мнихов», а также о «люторских расколах», приписываемых этими «мнихами» новоиспеченному игумену. То был разлад между игуменом-нестяжателем и монахами-иосифлянами, между игуменом-вольнодумцем и оберегающими чистоту православия троицкими иноками. Вторая коллизия была, судя по всему, основной, чем объясняется активное участие старцев Троице-Сергиевой лавры в качестве свидетелей обвинения на суде по делу о ереси Артемия.⁶ Все это говорит о том, что уход Артемия из Троице-

¹ ААЭ. Т. I, № 238. С. 247. О самовольном оставлении Артемием игуменства в Троице-Сергиеве монастыре говорят и некоторые современные историки. – См., напр.: Шапошник В. Иван Грозный... С. 112.

² ААЭ. Т. I, № 238. С. 249.

³ Библиотека литературы Древней Руси. Т. 11. XVI век. СПб., 2001. С. 462, 464.

⁴ Там же. С. 464.

⁵ Зимин А.А. И.С.Пересветов и его современники... С. 156. Н.И. Костомаров несколько приукрасил ситуацию, когда говорил, что «у троицких старцев Артемий оставил благоприятное впечатление». – Костомаров Н.И. Великорусские религиозные вольнодумцы... С. 287–288.

⁶ Ср.: Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. Т. I. С. 511; Будовниц И.У. Русская публицистика XVI века. С. 263; Скрынников Р.Г. Государство и церковь на Руси... С. 241.

Сергиева монастыря был вынужденный, обусловленный неприятием братии его религиозных вольностей и нестяжательских принципов церковно-монастырского строительства.

Однако возвращение Артемия в заволжскую Порфирьеву пустынь не изменило к нему в целом благожелательного отношения со стороны царя.¹ Когда был взят под стражу Матвей Башкин, то Артемия как человека, известного своей ученостью, вызвали в Москву, чтобы говорить с Матюшей книгами.² Артемий не посмел послушаться, хотя приехал в столицу с тяжелым чувством. Его келейник и ученик старец Леонтий рассказывал: «Как был Артемей въ Ондриковом монастыре и он, деи, говорил и собою скучал: привели, деи, меня къ Москве для Матюшки Башкина и нечто, деи, мне велят съ ним книгами говорити, ино то, деи, не мое дело, да и на меня, деи, будтося от Матвея некоторые слова есть же и язъ не ведаю как быть».³ Артемий не хотел с Матюшкой «книгами говорити», вероятно, потому, что, зная кое-что за собой, опасался превратиться на суде из оппонента в обвиняемого. До судебного спора, впрочем, не дошло, поскольку Башкин, не ожидая диспута, «писал и говорил бывшего Троицкого и игумена Артемья Сергеева монастыря многия богохульные вины, о иконном поклонении и о причастии тела Христова, и чего, деи, въ Евангелъе и во Апостоле не писа и того, деи, держати не нужно, и о предании Святых Отец».⁴ Почуввав беду, Артемий самовольно сбежал из столицы в Порфирьеву пустынь. В Москве расценили побег как доказательство виновности старца. Доставленный на собор силой и в оковах, он в свое оправдание «сказал, что сшел из Ондрикова монастыря безвестно от наветующих и хотел ся уклонити и безмолствовать, чтоб которая на него молва не была; а слух, сказал Артемей, учал до него доходить, что будтось он не истинтствует хрестьянского закону».⁵ На соборе Артемию предлагали («и дважды и трижды») назвать поименно «наветующих». Но старец «наветующих имянно не сказал», что поставлено ему было в вину: «И Артемию то вина, что сам на себя на соборе сказал, что слух до него дошел хрестьянско-

¹ Зимин А.А. И.С.Пересветов и его современники... С. 156–157. Ср.: Шапошник В. Иван Грозный... С. 112.

² Н.И.Костомаров видит здесь скрытый умысел московских властей. Он пишет: «Когда началось дело Башкина, Артемий с Порфирием были вызваны в Москву и поместились в Андроньевом монастыре. Их вызвали под предлогом присутствовать на соборе, но на самом деле их вытребовали как подозрительных людей. Их свели с Башкиным и с сообщниками Башкина и велели с ними состязаться. Это, видно, было еще тогда, когда Башкин не сознался. Артемия побуждали к спорам под тем предлогом, что считали его книжным и ученым человеком. Артемий уклонялся от споров и говорил: “это не мое дело”» (Костомаров Н.И. Великорусские религиозные вольнодумцы... С. 288). Мы не имеем сведений о том, что Артемий был вызван в Москву как подозрительный человек. Не имел этих сведений и наш историк. К тому же он допускает неточность, утверждая, будто Артемия свели с Башкиным и его сообщниками. До этого, как известно, дело не дошло.

³ ААЭ. Т. I, № 239. С. 251.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

го закону не истинствует, и о том Царю Великому Князю и нам (митрополиту. — И. Ф.) не бил челом и того слова с себя не свел, да сам с Москвы сбежал безвестно».¹ Почему Артемий не назвал «наветующих», остается лишь догадываться.² Не потому ли, что боялся обличений? Однако избежать их ему все-таки не удалось.

Во-первых, с ними выступил сам Матвей Башкин.³ Во-вторых, они прозвучали из уст свидетелей, вызванных на соборное заседание.⁴ Этих свидетелей князь Курбский, охваченный ненавистью к иосифлянам, позднее заклеяет как «мужей скверных и презлых».⁵ Артемий, если верить беглому князю, якобы заявил на суде, что они «не суть достойны свидетельствовать».⁶ Мы не можем с полным доверием отнестись к данному известию Курбского,⁷ писавшего не столько историю великого князя Московского, сколько памфлет на его правление. Соборная грамота, содержащая судное дело Артемия, об отводе им свидетелей ничего не говорит, хотя тщательно фиксирует моменты несогласия подсудимого с показаниями свидетелей. Что же помешало ее составителям упомянуть и факт отвода свидетелей? Не отсутствие ли такового? Дать ясный ответ (положительный или отрицательный) на поставленный вопрос вследствие состояния источников невозможно. Поэтому прислушаемся к судоговорению, записанному составителем соборной грамоты.

Прежде всего, по свидетельству грамоты, Артемий решительно отверг «богохульные вины», возведенные на него Матвеем Башкиным. Он уверял присутствующих на соборе, что верует «во Отца и Сына и святого Духа в Троицу единосущную».⁸ Не следует, однако, переоценивать данный факт, ибо еретики, как мы знаем, действовали аналогичным образом, притворяясь истинными христианами. Более показательно здесь, на наш взгляд, весьма терпимое отношение заволжского старца к ереси Башкина. Когда митрополит на соборе перед Артемием говорил о том, какие Матвей «еретические дела чинил», то, к некоторому удивлению своему, услышал от инок такие слова: «То, деи, Матвей робячье чинил и не ведает того, что чинил своим самомышлением, а в Писаньи того не обретается и в ересех того не писано».⁹ Более того, Артемий не осуждал Башкина за сочинение молитвы к «единому Началу», ссылаясь на то, что эта молитва «готова написана Манасеева къ Вседержителю».¹⁰ Заволжский старец, следовательно, «открыто не при-

¹ Там же.

² Н.И.Костомарова данное обстоятельство ставило в тупик. «Артемий почему-то не назвал по имени наветующих», — писал он. — *Костомаров Н.И.* Великорусские религиозные вольнодумцы... С. 288.

³ ААЭ. Т. I, № 239. С. 251.

⁴ Там же. С. 251–252.

⁵ Библиотека литературы Древней Руси. Т. II. XVI век. С. 464.

⁶ Там же.

⁷ Ср.: *Зимин А.А.* И.С.Пересветов и его современники... С. 158, 159.

⁸ ААЭ. Т. I, № 239. С. 253.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

знавал ничего еретического в словах Матвея Башкина». ¹ И вообще он уверенно заявлял, будто «ныне еретиков нет». ² Артемий до конца не договаривал, но из этих его слов следовало, что преследуемые властью еретики – невинные страдалцы.

Первым на соборе в качестве свидетеля выступил бывший ферапонтовский игумен Нектарий, который заявил, что «Ортемей ему говорил о Троице: во Иосифове, деи, книге Волотцкого написано негораздо». ³ Артемий, следовательно, подверг сомнению книгу Иосифа Волоцкого «Просветитель», служившую на соборе главным средством разоблачения и опровержения «новоявившейся ереси». Большинству присутствующих на соборе, начиная с царя и митрополита, это, конечно, не могло понравиться. Далее Нектарий сказал, что «Артемей же, деи, еретиков Наугородских не проклинает, и Латын хвалит, и поста не хранит». ⁴ Но это не все: «Да тот же Нектарей писал и говорил съ очей на очи на того же Артемья многие богохулные и иныя еретические вины». ⁵ В ответ Артемий молвил: «Теми, деи, богохулными и еретическими вины Нектарей меня клеппет, яз, деи, того не говаривал и в тех во всех делех неповинен». ⁶

Надо сказать, что собор проявил определенную сдержанность и объективность; он не стал бездумно на чью-либо сторону, ограничившись лишь простой констатацией факта: «И о тех их о всех речех писано в подлинном списке». ⁷ Что касается государя, то он не счел достаточными ряд свидетельств Нектария, поскольку другие свидетели, названные бывшим игуменом, не подтвердили его показаний: «А которыя богохулныя многия речи на хрестыанской закон и на божественное Писание писал Нектарей, бывшей Ферапонтовской игумен, на Троицкого бывшего игумена Артемья, да ссыался на пустынников Ниловы пустыни на Тихона да на Дорофеа, да на Христофора Старого, да на Соловетцкого старца на Асафа на Белобаева, что многия им богохулныя речи про Артемья ведомы: и на соборе старцы Тихон да Дорофей да Христофор и Асаф Белобаев сказали, что они про Артемья хулы на божественное Писанье и на хрестыанский закон не слыхали ничего; и того для Царь и Великий Князь Артемью казнь отдал, потому что Нектарьевы свидетели въ Нектарьевы речи не говорили...». ⁸ Но при этом «въ иных свидетелстве Нектарья на Ортемья не отставили, потому что Нектарий на Артемья иные свидетелства довел». ⁹ Отсюда, впрочем, не следует, что именно

¹ Костомаров Н.И. Великорусские религиозные вольнодумцы... С. 289.

² ААЭ. Т.I, № 239. С. 253.

³ Там же. С. 251.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 252.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 253–254.

⁹ Там же. С. 254. Н.И.Костомаров неизвестно почему считает все без исключения свидетельства Нектария не подтвержденными: «Собор не мог признать Артемия вполне доказанным преступником, потому что нектариевы показания не были

показания Нектария явились губительными для Артемия, как считает Р.Г.Скрынников,¹ следуя за Курбским, который называл Нектария «главным наветником».² Судебное дознание (это видно из отношения государя и собора к свидетельским показаниям Нектария) не было чем-то поверхностным или формальным. Оно строилось на совокупности сведений, а не на отдельных произвольно подобранных иосифлянкой стороной фактах. Поэтому едва ли прав А.А.Зимин, когда утверждает, будто «сведения соборной грамоты дают фальсифицированные в духе иосифлянских церковников материалы по делу старца Артемия».³ Это – чересчур однобокое представление, расходящееся с конкретным содержанием соборной грамоты. Не учитывает А.А.Зимин должным образом и некоторые существенные детали, в частности то обстоятельство, что в качестве свидетеля обвинения был привлечен Иоасаф Белобаев – еретик и ученик Артемия, судимый впоследствии за еретичество.⁴ Мог ли он давать обвинительные показания против своего учителя и соратника по общему делу? Вряд ли. Белобаев скорее был готов подговорить старцев Тихона и Дорофея свидетельствовать вместе с собой в пользу Артемия, хотя, быть может, их и не требовалось много уговаривать, поскольку они иночествовали в Ниловой пустыни, располагавшейся в крае, где ересь существовала со времен «жидовствующих». Возможно, ее дыхание коснулось и этих старцев. О том, что еретики получили доступ на собор в качестве свидетелей, норотивших Артемию, говорит случай с архимандритом суздальским Феодоритом, призванным свидетельствовать на соборном суде. Появление архимандрита на соборе опротестовал епископ суздальский Афанасий: «Феодорит, рече, давны согласник и товарищ Артемиев, пегли и сам еретник есть, понеже с ним во единой пустыне немало лет пребыл».⁵ Князь Курбский сообщает, что некоторые «епископи» оправдывали старца Артемия.⁶ Похоже, эти «епископи», склонные, по-видимому, к ереси, и способствовали появлению на суде свидетелей-еретиков. Соборное разбирательство, как видим, проходило в сложной обстановке.

Показание Нектария о том, что Артемий не проклинает новгородских еретиков, – штрих довольно примечательный, указывающий на актуальность проблемы «ереси жидовствующих» в работе собора. Оно нашло косвенное подтверждение в свидетельстве кирилловского игумена Симеона, согласно которому Артемий, захватив в Кирилло-Белозерский монастырь по пути в

подтверждены теми свидетелями, на которых доноситель ссылаясь». – *Костомаров Н.И.* Великорусские религиозные вольнодумцы... С. 292.

¹ Скрынников Р.Г. Государство и церковь на Руси... С. 257.

² Библиотека литературы Древней Руси. Т. 11. XVI век. С. 464.

³ Зимин А.А. И.С.Пересветов и его современники... С. 158–159.

⁴ На том соборе старца Белобаева, как известно, рьяно защищал еретичествовавший рязанский епископ Кассиан. – См.: Сказание вкратце о соборе на Матвея Башкина на еретика и о епископе Касьяне Резанском 1554 года // ЧОИДР. 1847. Кн. III, отд. II.

⁵ Библиотека литературы Древней Руси. Т. 11. XVI век. С. 464.

⁶ Там же.

Москву и услышав там от него, Симеона, об аресте Башкина, подозреваемого в ереси, так отвечал ему: «Не ведаю того, что ересь; сожгли Курицына да Рукавого и нынеча то не ведают, про что их сожгли».¹ По справедливому заключению А.А.Зими́на, «это было серьезное обвинение: отрицая ересь Курицына, Артемий как бы солидаризовался с ним».² Старец, естественно, стал запереться.³ Но игумен Симеон от слов своих не отказался, продолжая настаивать на том, что «Артемей ему те речи говорил». При этом он указал на кирилловского старца Никодима Бруткова, который «слышел тогды те же речи у Артемья». Представший пред собором Никодим подтвердил показания Симеона. Артемий, следуя приему, применявшемуся прежде не раз еретиками, стал ссылаться на свою забывчивость: «Того, деи, яз не упомяну, так есми про Наугородских еретиков говорил, яз, деи, Наугородских еретиков не упомяну и сам не ведаю в чем будет их сожгли; нечто будет яз молвил, что яз не ведаю про что их сожгли и того не ведаю кто их судил, а не то есми молвил, что они того не ведают, то есми молвил про себя».⁴ Это объяснение при всех его натяжках, будь оно дано сразу после показаний игумена Симеона, имело бы, вероятно, какую-то степень убедительности, пусть даже минимальную. Но высказанное вслед за выступлением второго свидетеля, подтвердившего правоту первого, это объяснение не могло восприниматься судьями иначе, чем изворотливость подсудимого, стремящегося уйти от наказания за содеянное преступление. Подобное впечатление возникает и у современного исследователя. А это означает (для нас, во всяком случае), что кирилловский игумен Симеон не клеветал на Артемия и говорил правду. Таков наш первый вывод относительно рассматриваемого эпизода соборного разбирательства по делу старца Артемия. Второй вывод вытекает из того, что события конца XV – начала XVI века, связанные с «ересью жидовствующих», не потеряли злободневность и в середине XVI столетия, когда обнаружилась очередная «новоявившаяся ересь». Эта злободневность происшествий пятидесятилетней давности говорит, на наш взгляд, о наличии связи между ересью Башкина, Артемия и, как убедимся ниже, Феодосия Косого с «ересью жидовствующих», связи, позволяющей заключить о том, что ересь упомянутых лиц являлась своеобразным продолжением в новых исторических условиях середины XVI века ереси дьяка Федора Курицына и протопопа Алексея конца XV века. Нельзя, разумеется, забывать о передаточном, так сказать, звене между ними – ереси Вассиана Патрикеева и Максима Грека. Вернемся, впрочем, к Артемию. Недостатка в свидетелях, обличавших заволожского пустынника в богохульных и еретических поступках, на соборе не было.

Бывший игумен Троице-Сергиева монастыря Иона сообщал в своем послании собору, что Артемий хулил крестное знамение: «Нет, деи, в том ниче-

¹ ААЭ. Т. I, № 239. С. 252.

² Зимин А.А. И.С.Пересветов и его время... С. 160.

³ «А на соборе Артемей сказал с Кирилловским игуменом с очей на очи, что игумену Семиону про Наугородских еретиков не говаривал». – ААЭ. Т. I, № 239. С. 252.

⁴ Там же. С. 252–253.

го, прежде, деи, сего на челе своем знамение клали, а нынеча своим произволением болюше на себе кресты кладут, да и на соборе, деи, о том крестном знамении слово было да не доспели ничего».¹ На это Артемий отвечал, что Ионе «про крестное знамение не говаривал», а «про собор [нынешний] говорил». Судьи расценили ответ Артемия как полупризнание и сочли его вину в данном пункте доказанной: «А то Артемию вина, что он про крестное знамение Троицкому бывшему игумену Ионе говорил: нет в том ничего; и он то говорил хулу и в том верити Ионе; а на соборе и сам Артемей сказал, что он про нынешний собор Ионе говорил».²

Затем на соборе свидетельствовал троицкий келарь Андриан Ангелов, который показал: «Говорил Артемей в Корнильеве монастыре, у Корнильевского игумена в келье у Лаврентья, что, деи, пети панихиды и обедни за умерших в том деи, пособи, нет, тем они, деи, муки не избудут».³ Артемий, не отвергая показание Андреана, уточнил: «Я говорил про тех, которые жили растленным житьем и людей грабили, а после тех учнут пети панихиды и обедни и Бог тех приношенья не приемлет, нет, деи, тем ничего, тем, деи, муки не избыти». Артемию было сказано, что он говорил «негораздо». Митрополит Макарий пишет: «Собор справедливо осудил эту ложную мысль и обвинил Артемия за то, что отнимает у грешников надежду спасения, подобно Арию, который учил, что не должно творить приношения за умерших».⁴

Другой троицкий монах, Игнатий Курачов, писал в своей «памяти» об Артемии, что слышал, как он насмехался над православными, поющими канон Иисусов и акафист Божьей Матери, язвительно говоря, что они только и знают выкрикивать: «таки Иисусе, таки Иисусе»; «радуйся да радуйся».⁵ Сами же живут не по заповедям Христовым, не по истине, пребывая в празднословии. Рассмотрев «память» старца Курачова и выслушав Артемия, собор определил: «И то Артемей говорил негораздо, что про Иисусов канун и про акафист говорил развратно и хулно; подобает всякому хрестьянину Иисусов канун и пречистые Богородицы акафист честно держати и молитися на всяк день, елика какова сила».⁶

На соборе имел место эпизод, характеризующий Артемия как человека, способного к наветам на людей, которые по положению и роли своей в жизни старца должны, казалось, быть им весьма почитаемы. В соборной грамоте читаем: «Да на соборе же, пред Царем и Великим Князем и пред нами, Артемей сказывал сам на себя: коли, деи, меня к Троице в игумены нарекли и велели меня свидетельствовать и яз, деи, того отцу духовному сказывал свои блудные грехи, и он, деи, мне говорил: то, деи, переступи; и отец духовной, став с ним с очей на очи, говорил: яз, деи, тебя спрашивал о убийстве-

¹ Там же. С. 252.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Макарий (Булгаков). История русской церкви. Кн. IV. Часть первая. С. 142–143.

⁵ ААЭ. Т. I, № 239. С. 252.

⁶ Там же.

ных и о блудных делах, и ты, деи, мне не сказал; и Атемей говорил: иной, деи, тут поп стоя молил: то, деи, переступи, то, деи, ненужно; а имени его не упомяну, тогда было семь свидетелей. И за то его недостойнство, что он сам на себя сказывал и на отца на духовного солгал, на соборе священство с него сняли и отлучили его по священным правилом». ¹ Н.И.Костомаров по поводу данного текста писал: «Это неясное место, вероятно, надобно так понимать, что об Артемии открылось что-нибудь относительно его частной жизни, и его стали допрашивать, зачем он не объявил об этом тогда, когда посвящался в игумены. Это сознание было важно. По этому одному поводу с него сняли сан священства и поставили ему в вину, что он оклеветал своего духовного отца, уверяя, что сам сознался в грехе, а духовный отец велел ему оставить это без внимания». ² В этом комментарии Н.И.Костомарова имеются неточности. Соборная грамота не позволяет предполагать, что об Артемии во время судебного процесса открылось нечто «относительно его частной жизни, и его стали допрашивать». Согласно приводимым ею сведениям, лично Артемий, не понуждаемый никем, завел речь («сказывал сам на себя») о своих «блудных делах», не поведенных на исповеди. И только после этого старца подвергли допросу, в ходе которого он оболгал своего духовного отца, совершив тем дерзкое святотатство. Ложь на исповеди и клевета на духовного отца – вот что послужило основанием снятия с Артемия священства и отлучения. И тут нет ничего неясного, если, разумеется, не наводить, по известной поговорке, тень на плетень.

Надо сказать, что Артемий отождествлял свою деятельность с каким-то таинственным делом, которому вместе с «единомысленниками» служил. В этой связи особый интерес представляет сцена, запечатленная соборной грамотой: «Сказывал Царю и Великому князю дьяк Шестак Воронин, что сидел у него чернец Перфир, Артемьев ученик, и как Шестак вел того чернца Перфира с собора из города к себе на подворье, а Артемья вели с собора ж, и постиг Перфир Артемья у Рождества Христова не дошед Мстиславского двора, и Перфир молвил Артемью: благослови, отче! и Артемей рек: Бог, отче; да Перфир же молвил: стояти, деи, мне крепко противу их встречу? и Артемей рек: молчи, отче, наше дело рухомо, не у время, и яз молчати готов; и Перфир рек: да мне таки стояти спорно; и Артемей рек: молчи; на том и

¹ Там же. С.253. А.А.Зимин, комментируя данный эпизод соборного суда, пишет: «Обвинен был Артемий и за то, что говорил духовному отцу о своих каких-то “блудных грехах” перед назначением на игуменский пост» (Зимин А.А. И.С.Пересветов и его современники... С. 160). Артемий, как явствует из соборной грамоты, был обвинен вовсе не за то, что говорил духовному отцу о своих блудных грехах, а за то, что, затеяв разговор о «свидетельстве» над собой духовником, оболгал последнего, в чем, по существу, признался сам. «За такое недостойнство свое, в котором Артемий сам теперь сознался, и за клевету на отца духовного, – писал митрополит Макарий, – Собор немедленно лишил Артемия священного сана и отлучил по церковным правилам». – Макарий (Булгаков). История русской церкви. Кн. IV. Часть первая. С. 143.

² Костомаров Н.И. Великорусские религиозные вольнодумцы... С. 292.

разошлись».¹ Далее составитель грамоты сообщает: «А как на соборе Артемей с Перфиром с очей на очи ставлен и Артемей сказал, что те речи Перфиру говорил; а наперед того Артемей сказал, что Перфир ему не ученик, а Перфир вместе с Ортемьем в пустыне и взяты и из пустыни вместе приведены».² А.А.Зимин, касаясь разговора Артемия с Порфирием и последующего расследования на соборе, замечает: «Признавая факт этого разговора, Артемий тем самым признавал особую близость к Порфирию, хотя ранее утверждал, что “Перфир ему не ученик”, не отрицая, что жил с ним в одной пустыни, откуда вместе с ним и был доставлен на процесс. У собора создавалось впечатление, что оба обвиняемых запирались каких-то “ересях”».³ К сожалению, А.А.Зимин извлек лишь часть информации, содержащейся в процитированном выше тексте, не сделав должных выводов, следуемых из него. Историк прав, несомненно, в том, что признание Артемием факта своего разговора с Порфирием у церкви Рождества Христова показывало близость старцев друг к другу. Но историк почему-то не хочет называть вещи своими именами и сказать, что Артемий давал ложные показания на процессе, говоря, в частности, что «Перфир ему не ученик». Обнаружение ложности отдельных заявлений Артемия создавало у присутствующих на соборе сомнение относительно искренности старца вообще. Но не это главное. Куда важнее высказывания заволжского пустынника о некоем «нашем деле», которое «рухомо, не у время» и потому нуждается в сокрытии («молчи, отче, и яз молчати готов»). Слова, надо сказать, таинственные, понятные лишь участникам разговора и, конечно же, подозрительные. Поэтому Шестак Воронин, встревоженный услышанным, немедленно доложил о них царю Ивану.⁴ Неизвестно, было ли организовано детальное расследование по факту этого, если можно так выразиться, кодированного разговора двух чернецов. Мы знаем только, что государь и участвующие в соборе отцы церкви, удостоверившись в реальности диалога между старцами, обнаружили таким образом лживость утверждения Артемия, будто «Перфир ему не ученик». Этим соборная грамота ограничивается, как бы приглашая позднейших исследователей произвести собственное расследование, выявляющее смысл сказанного Артемием во время случайного разговора с Порфирием. Ключевой здесь, на наш взгляд, является фраза, произнесенная Артемием: «Молчи, отче, наше дело рухомо, не у время, и яз молчати готов». Что означает словосочетание «наше дело»? Думается, оно означает предприятие не только Артемия с Порфирием, но других людей, сплотившихся вокруг общей идеи, т.е. людей, организованных в некую группу. Если это так, то перед нами намек на тайную организацию единомышленников, соединившихся ради совместной работы против православия и церкви. Это и есть «наше дело», о котором говорил

¹ ААЭ. Т. I, № 239. С. 253.

² Там же.

³ Зимин А.А. И.С.Пересветов и его современники... С. 161.

⁴ Н.И.Костомаров, чьи симпатии были целиком на стороне старца Артемия, увидел здесь очень неприглядную картину: «Когда Артемия водили к допросу, за ним следили, шпионили и ловили каждое слово». — Костомаров Н.И. Великорусские религиозные вольнодумцы... С. 292.

Артемий, повстречавшись с Порфирием. Но оно еще «рухомо», или в развитии (движении¹), и потому время его пока не настало («не у время»), а значит, следует молчать. Так нам видится смысл загадочных слов Артемия. Все это было очень серьезно и опасно.

Необходимо иметь в виду, что сведения насчет ереси Артемия, содержащиеся в соборной грамоте, не отличаются полнотой. Они носят отрывочный, но отнюдь не систематический характер. Об этом можем судить по записям современника-летописца, которые, будучи в данном случае довольно лапидарны, все-таки дополняют соборные материалы. Продолжатель «Летописца начала царства» рассказывает, как Матвей Башкин, указывая на своих «единомысленников» среди заволжских старцев, «говорил, что его злобы не хулили и утверждали его в том. И царь и великий князь и митрополит того сыскав: и Артемей, бывший игумен Троецкой, и Перфир Малой и Сава Шах, и сыскали про них и от их уст слышали, что всех чудотворцов, верующих в Христа и чудеса творящих, похулили и правила все и церковные соборы басни вменяли. И осудиша их неисходным быти, да не сеют злобы своего роду человеческому, и утвердиша истинный закон христианский, изъясня святым Евангелием и Апостолом и Правила святых апостол, а прелесть их посрамиша».² А.А.Зимин, увлеченный, подобно Андрею Курбскому, разоблачением «презлых иосифлян», толкует приведенный летописный рассказ так, будто «на процессе Артемия, Порфирия и Саввы Шаха иосифлянские иерархи “от их уст слышали, что всех чудотворцов, верующих в Христа и чудеса творящих, похулили и правила все и церковные соборы басни вменяли”».³ Но в летописи, как легко убедиться, речь идет о том, что слушали все это не мнимые «иосифлянские иерархи», а царь и митрополит, учинившие сыски по делу старцев. «Иосифлянские иерархи» понадобились А.А.Зимину для того, чтобы лишний раз уколоть «воинственных церковников» – последователей Иосифа Волоцкого, представив их реакционной силой. Сказывались тут издержки советской историографии, в рамках которой пришлось работать этому талантливому исследователю. А.А.Зимин прав в другом, а именно в том, что «выступление против правил церковных соборов – одно из главных обвинений, которые в XVI в. предъявлялись нестяжателям. Подобные обвинения были предъявлены на процессе 1532 г. Вассиану Патрикееву».⁴ Было бы, впрочем, уместно добавить: аналогичные обвинения предъявлялись и участникам «ереси жидовствующих». Подобное добавление тем более необходимо, поскольку распространение еретических учений на Руси конца XV – середины XVI века шло от «жидовствующих» через Вассиана Патрикеева и Максима Греську к Матвею Башкину, Артемию и Фео-

¹ См.: *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т. III. СПб., 1903. Стб. 198–199. Н.И.Костомаров переводит это место грамоты следующим образом: «Молчи, отче, наше дело колеблется, не время; я молчать готов». – *Костомаров Н.И.* Великорусские религиозные вольнодумцы... С. 292.

² ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 233.

³ *Зимин А.А.* И.С.Пересветов и его современники... С. 162.

⁴ Там же.

досию Косому. Это были этапы одного процесса, отличавшиеся некоторыми особенностями, обусловленными своеобразием текущего, как говорится, момента.

Что касается лично Артемия, то собор признал его виновным в еретичестве и приговорил к заточению в Соловецком монастыре: «Пребывати же ему внутрь монастыря с великою крепостию и множайшим хранением, заключену ж ему быти в некоей кельи молчательне, да яко и тамо душевредный и богохульный недуг от него ни на единого же да не распространится...».¹ Однако на Соловках старец Артемий пробыл совсем недолго и где-то около 1554–1555 гг. бежал в Литву.² Не исключено предположение А.А.Зимины, что «побегу содействовал игумен Соловецкого монастыря Филипп Колычев, близкий к нестяжательскому окружению Сильвестра».³ Если догадка А.А.Зимины верна, то получаем еще одно свидетельство покровительственного отношения Сильвестра к еретикам.⁴ Это покровительственное отношение зиждилось, помимо прочего, на общности политических взглядов Сильвестра и Артемия, который настаивал на том, что царь «должен смирять себя», т.е. отказаться от самостоятельной политики и слушать своих советников.⁵ Не случайно князь А.Курбский весьма похвально отзывался об Артемии.⁶ Политическая доктрина заволжского пустынника была использована «боярской группировкой правительства... середины XVI в., возглавлявшейся протопопом Сильвестром».⁷

Добравшись до Литвы, беглый арестант жил сначала в Витебске, а затем поселился у князя Слуцкого и Копыльского Юрия. Есть некоторые основания полагать, что на чужбине у Артемия наступило раскаяние, и он превратился в защитника православия.⁸ По этому поводу митрополит Макарий в свое время писал: «Ныне сделались известными послания Артемия, написанные им в Литве, в которых он является будто бы даже поборником православия против Симона Будного и других еретиков, тогда действовавших в

¹ ААЭ. Т. I, № 239. С. 254.

² См.: ААЭ. Т. I, № 289. С. 353. См. также: *Вилинский С.Г.* Послания старца Артемия. Одесса, 1906. С. 105, 107; *Будовниц И.У.* Русская публицистика XVI века. С. 265; *Зимин А.А.* И.С.Пересветов и его современники... С. 162.

³ *Зимин А.А.* И.С.Пересветов и его современники... С. 162.

⁴ Здесь возможна, конечно, и другая догадка. Ее высказывает, в частности, Е.Е.Голубинский: «Артемия приказано было держать в Соловецком монастыре в строгом заключении..., да и не из строгого заключения бежать с Соловков очень не легко. Если Артемий успел бежать, то этим ясно дается предполагать, что между монахами монастыря были ему люди сочувствующие». – *Голубинский Е.Е.* История русской церкви. Т.II. Первая половина тома. С. 840 (прим. 4).

⁵ *Зимин А.А.* И.С.Пересветов и его современники... С. 167.

⁶ См.: Библиотека литературы Древней Руси. Т. II. XVI век. С. 462–464.

⁷ *Зимин А.А.* И.С.Пересветов и его современники... С. 167.

⁸ Как свидетельствует один из современников, Артемий, находясь в Литве, «от ереси Арианской и Лютеранской многих отвернул, и чрез него Бог справил же ся весь народ Русский в Литве в ереси тьи не перевернул». – *Пичета В.И.* Белоруссия и Литва XV–XVI вв. М., 1961. С. 704.

нашем Западном крае. Но если действительно таково содержание посланий, то это показывает только, что Артемий, наученный горьким опытом, отбросил свое прежнее либеральничанье и сделался твердым христианином в последние годы жизни, проведенные им в Литве». ¹ Несколько иначе рассуждает А.В.Карташев: «Бесспорно, Артемий (это типично для нестяжателей) был захвачен критикой русской церковной действительности и был модернистом на фоне официального обрядоверия. Но никаким духом еретического противления он не был одержим, что и доказал своей последующей светлой деятельностью». ² Мягкими красками рисует портрет Артемия М.К.Любавский. «По всем данным, – говорит он, – Артемий представлял довольно распространенный у нас тип критиков, которые не идут далее разговоров и острых слов, оставаясь служителями этого порядка». ³ И все же Артемий был подвержен некоторым заблуждениям. Правда, бежав из Соловков в Литву, он раскаялся в своих заблуждениях, «писал полемические сочинения против Феодосия Косого с товарищами и против местных еретиков». ⁴ Более прямолинейно рассуждает И.У.Будовниц, который, говоря о том, что «в Литве Артемий выступает поборником православия и ведет неустанную борьбу с разнообразными сектами и лютеранством», вместе с тем утверждает: «Никакого противоречия между “еретичеством” Артемия в Московской Руси и “православием” его в Литве нет, и литовский период его деятельности является прямым продолжением периода Московского». ⁵ С этим тезисом И.У.Будовница вряд ли можно согласиться. Другое дело, что, по-видимому, «пересмотр Артемием своих позиций произошел не сразу, а по мере того, как его сотоварищи углубляли еретические основы проповедуемого ими учения и вместе с белорусскими и литовскими религиозными вольнодумцами зашли в религиозных идеях и социальной критике настолько далеко, что Артемию стало не по пути с ними». ⁶ Поначалу же Артемий, оказавшись в Витебске, вместе с Феодосием Косым и Фомой проповедовал откровенную ересь: осуждал «почитание священных изображений», выбрасывал их «из частных молелен и общественных храмов», призывал «народ к почитанию единого Бога через Христа и с помощью святого духа». ⁷ Позднее же, когда пришло про-

¹ Макарий (Булгаков). История русской церкви. Кн. IV. Часть первая. С. 144.

² Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. Т. I. С. 513.

³ Любавский М.К. Лекции по древней русской истории до конца XVI века. СПб., 2000. С. 473.

⁴ Там же. С. 474.

⁵ Будовниц И.У. Русская публицистика XVI века. С. 265, 267.

⁶ Клибанов А.И. Народная социальная утопия в России. Период феодализма. М., 1977. С. 60.

⁷ См.: Костомаров Н.И. Великорусские религиозные вольнодумцы... С.310; Клибанов А.И. 1) Народная социальная утопия в России... С. 59; 2) Реформационные движения в России в XIV – первой половине XVI вв. М., 1960. С. 272; Подокшин С.А. Реформация и общественная мысль Белоруссии и Литвы (вторая половина XVI – начало XVII в.). Минск, 1970. С. 24–25; Дмитриев М.В. Православие и реформация: реформационные движения в восточнославянских землях Речи Посполитой во второй половине XVI в. М., 1990. С. 54.

зрение и отрезвление, Артемий, будучи хорошо информированным относительно существа собственных еретических заблуждений, а также насчет ереси своих литовско-польских собратий,¹ определял учения, в которых разуверился, как «жидовство».² Пожалуй, можно согласиться с новейшим исследователем, который говорит о бегстве Артемия в Литву, где он «отказался от своих ошибочных взглядов и показал себя выдающимся борцом с католицизмом и реформаторством».³

Отрицание еретичества в деятельности Артемия привело некоторых исследователей, дореволюционных и советских, к мысли о несправедливом суде над старцем, который якобы стал жертвой клеветы. Так, Н.И.Костомаров говорил: «Артемий не долго пробыл в Соловках, убежал оттуда и очутился в Литве. Там он ратовал за православие и писал опровержения против еретика Симона Будного, отвергавшего божество Иисуса Христа: это оправдывает отзыв о нем князя Курбского, называющего Артемия “мудрым и честным мужем”, жертвою лукавства злых и любостяжательных монахов, оклеветавших его из зависти за то, что царь любил Артемия и слушал его советы».⁴ В другой своей работе Н.И.Костомаров заявляет, что у судей не было достаточно фактов, чтобы обвинить Артемия, и факты эти «все слагались так, что скорее могли оправдать его».⁵ Весьма нелестно характеризует соборный суд над заволжским пустынником А.А.Зимин: «Весь ход соборного разбирательства дела старца Артемия показывает, что, стремясь расправиться со своим идеологическим противником, осифлянское руководство церкви не брезгало никакими средствами. Артемий был осужден, несмотря на то, что никаких аргументированных доказательств в “ереси” организаторы процесса в своем распоряжении не имели. Все судоговорение велось пристрастно: доводы Артемия отвергались, а порочащие его показания свидетелей обвинения безоговорочно принимались. Конечно, нестяжательские взгляды Артемия “ересью” назвать было нельзя. Решение церковного собора, осудившего Артемия как сообщника Матвея Башкина и “еретика”, было фактом проявления беззакония даже с точки зрения норм церковного суда XVI в. Приговор был навязан собору высшими осифлянскими иерархами и был вызван прежде всего страхом перед проявлениями свободомыслия, могущими быть использованными в целях подрыва идеологического господства русской церкви».⁶

Еще митрополит Макарий, отвечая Курбскому и как бы предвидя повторение будущими историками его высказываний о суде над Артемием, гово-

¹ См.: *Дмитриев М.В.* Православие и реформация... С. 67.

² *Подокшин С.А.* Реформация и общественная мысль Белоруссии и Литвы (вторая половина XVI – начала XVIII в.). С. 27, 28; *Дмитриев М.В.* Православие и реформация... С. 67–68.

³ *Шапошник В.* Иван Грозный... С. 113.

⁴ *Костомаров Н.И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Кн. I. М. 1990. С. 453.

⁵ *Костомаров Н.И.* Великорусские религиозные вольнодумцы... С. 297–298.

⁶ *Зимин А.А.* И.С. Пересветов и его современники... С. 162.

рил: «Осуждение Артемия Собором крайне не нравилось одному современнику, князю Курбскому, который, называя Артемия “неповинным и святым мужем”, утверждает, будто бы его осудили по одним клеветам и злобе. Но слова Курбского, как во многих случаях, так и здесь оказываются пристрастными и несправедливыми. Рассматривая внимательно одно то, в чем сознался Артемий, мы должны сказать, что хотя он веровал в Пресвятую Троицу и не был еретиком, проповедовавшим какое-либо определенное еретическое учение, но он любил вообще повольнодумничать о священных предметах веры и хотел казаться, как ныне выражаются, либералом и на словах и в некоторых действиях; что этим своим вольничаньем, если бы оно ограничивалось даже тем немногим, в чем он сознался, он не мог не оказывать вредного влияния на православных, особенно людей простых. И что потому Артемий осужден отнюдь не неповинно, а ссылка его в Соловецкий монастырь была мерою благоразумною, если не необходимою. С другой стороны, если бы Артемий не чувствовал ничего за собою и признавал себя совершенно невинным, зачем он бежал из Москвы, едва только услышал, что его подозревают в единомыслии с Башкиным? Зачем бежал потом и из Соловецкого монастыря, а не покаялся и не воссоединился с православною Церковью, что ему не было преграждено. До какой же степени был святым мужем этот старец-пустынник, свидетельствует его собственное сознание, вследствие которого он немедленно лишен был Собором священного сана».¹

Не снимал полностью вины с заволжского пустынника и Е.Е.Голубинский, считавший «вероятным допустить, что Артемий, не быв единственно жертвою клеветы, был в большей или меньшей степени оклеветан»,² т.е. он был виновен, но «не во всем том, в чем был обвиняем».³ Устанавливая личность главного клеветника, исследователь замечал: «Курбский считает главным наветником Артемиевым бывшего ферапонтовского игумена Нектария; но весьма не невероятно предполагать, что главнейшим клеветником был Башкин».⁴

По словам современного историка В.В.Шапошника, «изучение источников, связанных с делами еретиков [1553–1554 годов], приводит к выводу о том, что их осуждение было единственно правильным и справедливым решением».⁵ Это действительно так.

«Еретик и отступник Матюшка Башкин», как известно, письменно и устно свидетельствовал о том, что Артемий отвергает почитание икон, отрицает таинство причастия, не признает предания святых отцов и т.п.⁶ И у нас нет уверенности в том, что это сплошь клеветнические вымыслы. С.Г.Вилинский был прав, когда говорил, что у собора имелись «основания осудить Ар-

¹ Макарий (Булгаков). История русской церкви. Кн. IV. Часть первая. С. 144.

² Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. II. Первая половина тома. С. 836.

³ Там же. С. 835.

⁴ Там же. С. 836.

⁵ Шапошник В. Иван Грозный... С. 117.

⁶ ААЭ. Т. I, № 239. С. 251.

темия».¹ Да и сам Артемий, будучи уже в Литве, где ему ничто не угрожало, сделал в письме еретику Фоме знаменательное признание своей виновности: «Неправедным наукам приложился еси, ихже иногда и мы сами, не ощутивше сущая в них прелести антихристово духа, не дръзнухом хулити, но в неких речах не разнствовахом, – для того попустил нам Бог пострадати таковая к обращению лучшему и своему познанию».² Удалиться от познания Бога и поддаться антихристовой прелести – значит, впасть в ересь. И это Артемий превосходно понимал, в отличие от позднейших ученых.

Необходимо по достоинству оценить то обстоятельство, что учеником Артемия был Феодосий Косой, принадлежавший к наиболее крайнему направлению «новоявившейся ереси».³ Религиозные воззрения Артемия, как замечает новейший исследователь, «подготавливали почву для появления радикальных реформационных учений, представителем которых был Феодосий Косой».⁴

Связь между учителем и учеником, несмотря на все крайности последнего, разорвать невозможно, и она, бесспорно, характеризует одновременно как ученика, так и учителя. Если говорить об идейной близости заволжского старца и философа-холопа, то следует, в частности, заметить, что «в сочинениях Артемия содержится понятие о “разуме духовном”, составляющее одно из центральных понятий учения Косого».⁵

Но не только Артемий вдохновлял Феодосия Косого. Идеальным источником его творчества отчасти послужили сочинения Вассиана Патрикеева и Максима Грека, сочинения, которые были ему хорошо знакомы и на которые он опирался в своей критике православной церкви и монастырского землевладения.⁶ Эти сочинения стали своеобразным мостом, соединяющим «новое учение» Косого с воззрениями «жидовствующих». Поэтому доктрину Феодосия Косого надо рассматривать как итог эволюции еретических учений в Московском государстве, начиная с «ереси жидовствующих» конца XV – начала XVI века.⁷ Но при всей их эволюционности и, следовательно,

¹ Вилинский С.Г. Послания старца Артемия. С. 83.

² Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. II. Первая половина тома. С. 835 (прим. 2).

³ О том, что Косой был учеником Артемия, говорили еще современники. – См.: Зимин А.А. И.С. Пересветов и его современники... С. 183; Морозова Л.Е. Сочинения новгородских авторов о «Новом учении» Феодосия Косого // Церковь, общество и государство в феодальной России. Сб. статей. М., 1990. С. 226.

⁴ Зимин А.А. И.С. Пересветов и его современники... С. 166.

⁵ Клибанов А.И. Народная социальная утопия... С. 56. См. также: Клибанов А.И. Реформационные движения в России... С. 275–277.

⁶ Истины показание к вопросившим о новом учении. Сочинение инок Зиновия. Казань, 1863. С. 405, 890, 908, 913–915, 921, 923. См. также: Зимин А.А. И.С. Пересветов и его современники... С. 201; Казакова Н.А. Очерки по истории русской общественной мысли. Первая треть XVI века. Л., 1970. С. 287; Синецкина Н.В. Максим Грек в России. М., 1977. С. 217–218; Клибанов А.И. Народная социальная утопия... С. 56.

⁷ См.: Клибанов А.И. Народная социальная утопия... С. 56.

изменчивости остается незыблемой основа, на которой возводились все известные нам еретические постройки времен Ивана Грозного. Это – «ересь жидовствующих» конца XV – начала XVI века. Митрополит Макарий имел достаточные основания сказать: «По своему существу и началам лжеучение Косого однородно с ересью жидовствовавших, но имеет еще более отрицательный характер и доведено до последних крайностей; однородно и с лжеучением Башкина, хотя последнее известно нам с меньшею подробностью».¹ Обратимся, однако, непосредственно к Косому.

* * *

Надо сказать, что о жизни Феодосия Косого до нас дошли весьма скудные известия. Зиновий Отенский сообщает, что Косой, будучи по происхождению «москвитинном», являлся холопом вельможи, входившего в число царских слуг: «Косой москвитин есть, раб единого от честных слуг царевых».² Феодосий, находясь еще в холопстве, не лучшим образом влиял на других господских рабов, вселяя в них неверие и приобщая их к порождающим соблазн разговорам: «Неверие же и огорчение на прочая рабы сотвори ему; и в срабных своих много смущение вложи и многую молву».³ Однажды Косой, обокрав своего хозяина («поем коня и имение отай»), бежал на Белоозеро. Вместе с ним бежали и другие холопы, увлеченные его агитацией (Вассиан, Игнатий и др.).⁴ В дореволюционной и советской историографии некоторые исследователи романтизировали этот достаточно прозаический поступок Феодосия. Так, Н.И. Костомаров писал: «У Косого приемы русского бродяги: побег от господина, снос господских вещей, перемена имени, умение притворяться и проводить других. Последнее качество считается признаком ума и смысленности по народному великорусскому понятию. Удалой молодец впадает в разбой; Косой проповедует ересь; между тем и другим не без аналогии: один разрушает спокойствие общественного быта, другой – спокойствие ума».⁵ Сходная тенденция у А.А. Зимина: «Современники отзывались о Феодосии Косом как о человеке, обладающем “мужеством и разумом”. Для сторонников “нового учения” он был “мудр учитель”. Уже первые известия о Феодосии Косом характеризуют нам его как человека, не желавшего мириться со своим положением холопа и решительно разорвавшего узы феодальной зависимости».⁶

¹ Макарий (Булгаков). История русской церкви. Кн. IV. Часть первая. С. 151.

² Истины показание к вопросившим о новом учении. Сочинение инок Зиновия. Казань, 1863. С. 24–25.

³ Там же. С. 29.

⁴ См.: Макарий (Булгаков). История русской церкви. Кн. IV. Часть первая. С. 149; Зимин А.А. И.С. Пересветов и его современники... С. 182.

⁵ Костомаров Н.И. Великорусские религиозные вольнодумцы... С. 304.

⁶ Зимин А.А. И.С. Пересветов и его современники... С. 183.

Однако воровство и бегство от господина, несмотря на любые мотивации (даже облагораживающего свойства), остаются уголовными деяниями, характеризующими Феодосия Косого далеко не с лучшей стороны. У него, как убедимся ниже, отсутствовали какие-либо морально-этические правила и нормы. Зато господин Косого предстает в более привлекательном свете: он продолжал общаться с беглым холопом, узнав, где тот находится, и даже угождал ему.¹ По мнению А.В.Карташева, это означало, что «религиозное вдохновение» Феодосия Косого являлось для его господина бесспорным.² Но это также означало, что среди столичной служилой знати, близкой к царскому двору, встречались сторонники ереси Косого, что делало ее весьма опасной для складывающегося на Руси религиозного и политического строя. Вернемся, впрочем, к Косому.

А.А.Зимин, относя появление Косого на Белоозере ко времени до 1551 года, не исключает возможности того, что «организованный побег Феодосия Косого и ряда холопов из Москвы был связан с восстанием в столице Российского государства 1547 г.».³ Эту догадку А.А.Зимина поддержал А.И.Клибанов.⁴ Но она не может претендовать на исключительность, поскольку основана не на фактах, а на логических соображениях. Поэтому тут уместны и другие догадки. На наш взгляд, бегство Косого было связано с его еретическими увлечениями. Ему нужна была наиболее благоприятная среда для разработки и проповеди «нового учения». Ее он и нашел в Заволжских монастырях.⁵

¹ «В мнишестве же Косому много угожая и господин его». — Истины показание... С. 26. См. также: *Костомаров Н.И.* Великорусские религиозные вольнодумцы... С. 304; *Карташев А.В.* Очерки по истории русской церкви. Т. I. С. 509; *Зимин А.А.* И.С.Пересветов и его современники... С. 183–184.

² *Карташев А.В.* Очерки по истории русской церкви. Т. I. С. 509. А.А.Зимин не решается с полной определенностью признать этот факт. Он пишет: «С сочувствием к Ф.Косому теперь относился и его бывший господин. Чем это объяснялось, сказать трудно. Однако господин, “много угожая” Ф.Косому в его бытность на Белоозере, вряд ли мог не знать о его “еретическом” умонастроении. То ли он разделял вольнодумные идеи своего бывшего холопа, то ли он был не чужд взглядам М.Башкина, проповедовавшего освобождение рабов, то ли дело ограничивалось каким-то личным расположением его к Ф.Косому. При современном состоянии источников безоговорочно принять любое из этих объяснений нельзя» (*Зимин А.А.* И.С. Пересветов и его современники... С. 183–184). И все же более вероятным, на наш взгляд является объяснение, связывающее сочувственное и заботливое отношение к Ф. Косому его господина с тем, что этот последний разделял еретические взгляды своего бывшего холопа. Иначе невозможно понять, почему господин «угождал» Косому, т.е. делал угодные ему дела. — См.: *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т. III. СПб., 1903. Стб. 1138.

³ *Зимин А.А.* И.С.Пересветов и его современники... С. 183.

⁴ *Клибанов А.И.* Реформационные движения в России в XIV – первой половине XVI вв. С. 270.

⁵ См.: *Карташев А.В.* Очерки по истории русской церкви. Т. I. С. 509.

Здесь Феодосий, как и другие его товарищи, бежавшие с ним из Москвы, разошлись по разным обителям и приняли постриг. Монахами они стали не по зову сердца, а по необходимости: «Убояша же ся мук от господий своих, внидоша в монастыря и постригошася».¹ Но едва изменились обстоятельства, новопостриженники самовольно сняли с себя иноческий чин и сделали «ярыми врагами монашества».² Сквозь эти превращения проглядывают ложь, обман и притворство – испытанные еще со времен «жидовствующих» орудия еретиков.

Пребывание Феодосия Косого с сообщниками на Белоозере было отмечено разработкой ими «нового учения», направленного против основ православной веры. Распространение ереси началось, вероятно, из местного Новоозерского монастыря,³ который отдельные исследователи склонны рассматривать как особый центр, где собрались Косой и его ученики.⁴

По словам А.И.Клибанова, «продуманное самим Феодосием Косым и его ближайшими единомышленниками, по-видимому, еще в конце 40-х гг. XVI в. Новое учение сделалось более или менее широким общественным достоянием в самом начале 50-х гг.».⁵ Главным проповедником этого учения являлся, конечно, Косой со своими соратниками. Но, «помимо Феодосия Косого и тех его учеников, которые вместе с ним разделили опасности и трудности побега из Москвы, существовали и другие агитаторы Нового учения, распространявшие его и в “домах жителственных”, и в “худых домах”, и на “распутях”, и даже в церквах. Их слово раздавалось в самой Москве, в Новгороде, в Старой Руссе, в ряде городов и местечек, главным образом северозападной Руси».⁶ Важно заметить, что среди последователей Косого встречались, по свидетельству Зиновия Отенского, священники, служившие в церквах. Были еще и такие сторонники ереси Феодосия, которых поставляли в священники.⁷ А.И.Клибанов справедливо в этом усматривает тактический прием, применявшийся еретиками.⁸ Надо только добавить, точно такой же прием нередко использовали приверженцы «ереси жидовствующих», поставляя в священники своих собратий. Как видим, «новое учение» Феодосия Косого, подобно «ереси жидовствующих», было поддержано какой-то частью духовенства. Однако это учение было рассчитано преимущественно на социальные низы русского общества, т.е. плебейскую часть населения Руси, почему и получило название «рабье учение».⁹ Причина подобной социаль-

¹ Послание многословное. Сочинение инокa Зиновия. По рукописи XVI в. // ЧОИДР. 1880. Кн. II. С. 1.

² Зимин А.А. И.С.Пересветов и его современники... С. 183.

³ Там же.

⁴ См.: Корецкий В.И. К вопросу о социальной сущности “нового учения” Феодосия Косого // Вестник МГУ. Историко-филологическая серия. 1956, № 2. С. 109.

⁵ Клибанов А.И. Реформационные движения в России... С. 271.

⁶ Там же.

⁷ Послание многословное... С. 276–279.

⁸ Клибанов А.И. Реформационные движения в России... С. 271.

⁹ См.: Истины показание... С. 26.

ной ориентации «нового учения» заключалась, по-видимому, в том, что среди простонародья имелось немало простодушных и неискушенных в религиозных вопросах людей, легко поддающихся еретической обработке. Недавно Зиновий Отенский замечал, что еретики старались вовлечь в свою веру «люди простаа нравом».¹ Но это не значит, будто ересь Феодосия Косого приобрела характер широкого народного движения, антифеодального по своей социальной природе и, следовательно, обусловленного объективным ходом социально-экономического развития тогдашней Руси, сопровождавшегося нарастанием классовой борьбы угнетенного люда с феодалами. «Неудача восстания в Москве (1547 г.) и в других русских городах, – говорит А.А.Зимин, – привела к развитию иных форм сопротивления усиливающемуся феодальному гнету; среди них особенно важное место принадлежало реформационному движению, направленному против церкви как обобщения и санкции всего феодального строя. Наиболее радикальным течением в этом движении было учение Феодосия Косого. Это учение являлось выражением интересов городской бедноты и низов крестьянства».² А.И.Клибанов, рассматривая, как и А.А.Зимин, движение Феодосия Косого «в ряду народных выступлений конца 40 – начала 50-х гг. XVI в.», вместе с тем не согласился с мнением ученого, что «эта ересь порождена неудачами московского и других восстаний середины XVI в.».³ События, согласно А.И.Клибанову, имели противоположную направленность: «Не “неудачи” классовой борьбы социальных низов, а напротив, ее успехи, ее обострение и подъем в середине XVI в. стимулировали появление ереси Феодосия Косого».⁴ Однако, как показывают современные исследования, степень остроты и широта размаха классовой борьбы на Руси середины XVI века чересчур преувеличены в советской исторической литературе. Так, Р.Г.Скрынников убедительно оспорил мысль о взрыве классовой борьбы в Москве в 1547 году.⁵ Он также высказал сомнение относительно общего тезиса «о крайнем обострении классовой борьбы по всей стране», отмечая, что данный тезис «подкреплен лишь указанием на волнения в крохотном псковском городке Опочке».⁶

На наш взгляд, между появлением ереси Феодосия Косого и классовой борьбой в Русском государстве рассматриваемого времени не было прямой связи, поскольку эта ересь являлась не порождением классовых антагонизмов, как считали советские историки, следуя прописям упрощенного марксизма, а продолжением наступления на русское православие, церковь и го-

¹ Послание многословное... С. 1.

² Зимин А.А. И.С. Пересветов и его современники... С. 197.

³ Клибанов А.И. Реформационные движения в России... С. 269.

⁴ Там же.

⁵ Скрынников Р.Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 93.

⁶ Там же. С. 92. Надо сказать, что в ранний период своего творчества, протекавший в условиях господства схем исторического материализма, Р.Г.Скрынников воспринимал события 1547 года в Москве как «грандиозное народное восстание», которое по времени «совпало с волнениями в Псковской земле и некоторых других городах». – Скрынников Р.Г. Начало опричнины. С. 74.

сударство, начатым «жидовствующими» еще в конце XV века. Для этого, разумеется, должны были существовать определенные социальные предпосылки, прежде всего в сфере народной жизни. В противном случае еретики не могли рассчитывать на распространение своих идей в русском обществе. И эти предпосылки сложились благодаря «боярскому правлению» конца 30-х – начала 40-х годов, отличавшемуся социальной безответственностью и корпоративным эгоизмом.¹ Ухудшение положения масс было замечено и безымянными летописцами² и известными публицистами, такими, например, как Ермолай-Еразм.³

Зиновий Отенский, главный критик ереси Феодосия Косого, прекрасно понимал феномен предрасположенности к идейному брожению (а значит, и к усвоению еретических учений) тех людей, что оказываются в бедственном состоянии. Не случайно он повествует о распространении ереси Феодосия среди жителей Новгородской земли в связи с народными несчастьями, вызванными голодом и произволом богатых. То было время, когда «многая множества селян, своя рала повергше, рыздошася и мнози от них в град пришедше от заглаждения ржаной хлеб ядша, опухша помроша, оставшии же на селех траву яко и скоти ядыху и кору от древес и гнилыеклады». ⁴ Тяжелым положением несчастных «селян» бесстыдно пользовались «правителие земстии», которые «запустением сих хотяще умножити ризницы, налагающее дань к дани за опустевшая села на оставших и еще истязоваху». ⁵ Все это и привело к тому, что «воста бо Диявол на Христову церковь и изведе тогда же волки во одежах овчих, мнихов неких, отбегших от господей своих, – раби бо беша сии, – отбегших и от веры православныя». ⁶

Таким образом, обострение социальных противоречий в Новгородской земле и других землях Московского государства создавало благоприятную почву для обработки сознания людей ересью, занесенной на Русь (т.е. извне) десятки лет назад Схарией, хранимой и подновляемой его последователями и всякий раз пускаемой в дело, когда для этого складывалась благоприятная ситуация. Перед нами прообраз политики заговорщицких масонских организаций более позднего времени, подстраивавшихся под объективный ход событий с целью развернуть их в нужном для себя направлении. Именно так, по нашему убеждению, следует понимать «связь движения, возглавляемого Косым, с народным недовольством и возмущением против феодалов», об очевидности которой рассуждает А.И.Клибанов. ⁷ Необходимо также по-

¹ См.: *Смирнов И.И.* Очерки политической истории русского государства 30–50-х годов XVI века. М.; Л., 1958. С. 78–80; *Зимин А.А.* Реформы Ивана Грозного... С. 224.

² См.: *Смирнов И.И.* Очерки... С. 78.

³ См.: *Зимин А.А.* Реформы Ивана Грозного... С. 279.

⁴ *Калугин Ф.* Зиновий, инок Отенский, и его богословско-полемиические и церковно-учительные произведения. СПб., 1894. Приложения. С. 21.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 21–22.

⁷ *Клибанов А.И.* Реформационные движения в России... С. 268.

мнить, что движение, возглавляемое Косым, в силу обстоятельств времени не могло развиваться открыто, посредством широкого обращения еретиков к народу.¹ И не потому, как считает А.А.Зимин, будто «начавшиеся репрессии заставили последователей Косого прибегать к различным мерам предосторожности».² Учение Косого, будучи антицерковным и антигосударственным, не могло распространяться легально, не навлекая на его распространителей карательных санкций власти. Еретики понимали это лучше, чем некоторые современные исследователи, и потому старались действовать более или менее скрытно. В.И.Корецкий, основываясь на сообщениях Зиновия Отенского, верно угадал характер деятельности еретиков, занимавшихся созданием «тайных организаций заговорщицкого типа».³ Но создание подобных организаций – задача секретная. Вот почему, отвергая идею А.И.Клибанова насчет широкого обращения еретиков к народу, мы соглашаемся с его мыслью о том, что «приемы и способы распространения учения Феодосия Косого переносят нас в обстановку глубокой конспирации».⁴ Важно иметь в виду, что на конспиративный характер деятельности еретиков указывает современник, скрывающийся под именем вымышленного древнего персонажа – половца Ивана Смеры, якобы написавшего великому князю Владимиру письмо, в котором его автор, рассказывая о сходках еретиков (истинных христиан в изображении Смеры), сообщает о тайных собраниях «в укрытых местах» и домах, где «нет никаких идолов, а только скамьи и столы».⁵ Перед нами, по-видимому, зарисовка с натуры. Однако такого рода приемы и способы предостерегают от выводов о всенародном размахе еретического движения, руководимого Феодосием «с товарищи». И мы не стали бы, подобно А.А.Зимину и А.И.Клибанову, ставить это движение в один ряд с народными выступлениями того времени.⁶ Ведь в нашем распоряжении нет

¹ Там же. С. 270.

² *Зимин А.А. И.С.Пересветов и его современники...* С. 187.

³ *Корецкий В.И.* К вопросу о социальной сущности «нового учения» Феодосия Косого. С. 122. А.А.Зимин относит данное положение В.И. Корецкого к разряду преувеличений (*Зимин А.А. И.С.Пересветов и его современники...* С. 187). Но оно соответствует повадкам зачинателей общерусского еретического течения, именуемого в исторической литературе «ересью жидовствующих». Поэтому можно говорить о том, что В.И.Корецкий обнаружил не частный случай, а принцип деятельности еретиков на Руси конца XV – середины XVI века, восходящий к практике аналогичных организаций на Западе. И в этом его несомненная научная удача. Опыт создания тайных организаций был позднее, как известно, востребован масонами.

⁴ *Клибанов А.И.* Реформационные движения... С. 270. Автор здесь шел за В.И.Корецким, о чем и уведомил читателя своей книги. – Там же.

⁵ См.: *Мальшевский И.* Подложное письмо половца Ивана Смеры к великому князю Владимиру Святому. Киев, 1876; *Клибанов А.И.* Реформационные движения... С. 273; *Лурье Я.С.* Переписка Ивана Грозного с Курбским в общественной мысли древней Руси // *Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским.* Л., 1979. С. 237–238.

⁶ См.: *Зимин А.А. И.С.Пересветов и его современники...* С. 197; *Клибанов А.И.* Реформационные движения в России... С. 269.

каких-либо сведений о народных волнениях, проходивших под знаменами ереси Косого, не говоря уже о том, что на Руси конца XV – середины XVI столетия не видно сколько-нибудь крупного события, хотя бы отдаленно напоминающего Народную реформацию или Крестьянскую войну в Западной Европе.¹

Все это, конечно, не означало, что ересь Феодосия Косого являлась в глазах царя и церковных иерархов забавой чудаков, отпавших по недоразумению от православия. Власти понимали всю религиозную, политическую и социальную опасность для Руси учения Феодосия Косого. Поэтому, подвергнув соборному суду М.Башкина и старца Артемия, они занялись ересью Феодосия. По их распоряжению Косой был «пойман» и вместе с ближайшими его сторонниками (Вассианом, Игнатием и Порфирием) доставлен в Москву. Согласно предположению А.А.Зимина, «это имело место, очевидно, около 1554–1555 гг.».² В чем заключалась ересь Косого?

Он отдавал явное предпочтение Ветхому завету перед Новым заветом,³ в частности Моисееву Пятикнижию, именуя его «столповыми книгами»: «Моисеевы книги нарицает Косой – столповыми».⁴ В чем секрет такого отношения Феодосия к «столповым книгам», разъясняет один из его приверженцев: «Что Косой учит паче писания? Глаголет сам Косой, яко сего ради и книги столповые дает прочитати, и носит их всегда в руку, понеже истина то книги столповые; а иных книг не подобает прочитати, понеже истина не в них».⁵ Тут Феодосий сходилась с представителями новгородско-московской ереси конца XV – начала XVI века. «Именно за обращение к этим книгам, – напоминает А.А.Зимин, – предшественников Ф.Косого, новгородских “еретиков” конца XV в., прозвали “жидовствующими”».⁶

Бог Феодосия Косого предстает с явными ветхозаветными чертами: «Един есть Бог»;⁷ «Богу единому быти, а не многим».⁸ Зиновию Отенскому, разоблачавшему ересь Косого, последователи «нового учения» говорили: «Еда зле учит Косой, сказуя, яко един есть Бог, якоже в Бытии пишет, и един Бог сотвори небо и землю, и в законе заповеда: слыши, Израилю, Господь Бог твой Господь един есть, и сам Бог глаголет: аз есмь Бог, и разве мене несть ин Бог. И како ты Косого божбожна глаголеши, а Косой по Бытии учит Богу единому быти».⁹ Косой, следовательно, учил «быти единому Богу», очень похожему

² См.: *Смирин М.М.* Народная реформация Томаса Мюнцера и Великая Крестьянская война. М., 1955.

³ *Зимин А.А.* И.С.Пересветов и его современники... С. 185.

⁴ См.: *Клибанов А.И.* Реформационные движения в России... С. 291–294.

⁵ Истины показание... С. 208.

⁶ Там же.

⁷ *Зимин А.А.* И.С.Пересветов и его современники... С. 200. См. также: *Клибанов А.И.* 1) Реформационные движения в России... С. 291; 2) Духовная культура средневековой Руси. М., 1996. С. 145.

⁸ Истины показание... С. 74.

⁹ Там же. С. 44.

¹⁰ Там же. С. 74–75.

на Бога иудеев. В данном случае он снова выступал с позиций своих предшественников – приверженцев «ереси жидовствующих» конца XV века.¹ Но было бы неверно отождествлять Бога иудейского с Богом Ф.Косого. Бог иудеев – племенной Бог, тогда как Богу феодосиан присущ интернациональный характер, схожий, заметим попутно, с наднациональным характером масонского божества последующих времен. Поэтому они стояли на том, что «все веры во всех землях одинаковы»,² и учили тому, что «иже суть во всех языках, яко вси людие едино суть у Бога, и татарове, и немцы, и прочие языцы».³ Откуда столь безбрежная толерантность? При поверхностном взгляде может показаться, что она восходит к евангельским наставлениям, в частности к словам апостола Павла, которые нередко преподносятся в усеченном виде: «Несть ни эллин, ни иудей». Однако если брать соответствующий апостольский текст, не препарируя его, смысл получается совсем иной: «Ибо Писание говорит: всякий верующий в Него не постыдится. Здесь нет различия между Иудеем и Еллином, потому что один Господь у всех, богатый для всех, призывающих его. Ибо всякий, кто призовет имя Господне, спасется» (Рим.: 10, 11–13). Апостол Павел, следовательно, говорит о равенстве и единстве разных народов в вере во Христа, а не о том, что все народы (в том числе иноверцы и язычники) «едины суть у Бога», что все веры везде одинаковы, как это возглашал Феодосий Косой. Установки у святого апостола и безбожного ересиарха были разные: первый созидал христианскую церковь, а второй разрушал ее.

Идея равенства народов пришла, вероятно, к феодосианам с Запада, где она к тому времени достаточно прочно укоренилась. Вспоминается известный еретик Иероним Филиповский, который в споре с кальвинистами в 1565 году на Петровском синоде заявил: «Все равны перед Богом и еврей, и грек, и немец, и поляк».⁴ А.И.Клибанов, не решаясь, по-видимому, отдать приоритет в выработке идеи Феодосию Косому, что было бы чересчур смелым шагом, свел проблему к нулю: «Вопрос, какой реформатор у кого заимствовал идею, – бесплоден».⁵ Вряд ли это правильно, поскольку перед нами вопрос далеко не праздный. И очень важно знать, откуда взялась идея равенства народов у Косого. Мы не думаем, что он изобрел ее сам, независимо от еретических учений Запада и тем самым обогатил европейскую реформационную мысль. Против этого свидетельствует вся рассмотренная нами предшествующая история распространения ереси на Руси, заброшенная в российские пределы с Запада.

Из идеи равенства народов следовал вывод о том, что верования народов мира в своей основе едины. А.А.Зимин дал чуть ли не восторженную оценку этому положению учения Косого: «Широкий гуманистический взгляд Косо-

¹ См.: *Зимин А.А.* И.С.Пересветов и его современники... С. 197.

² Послание многословное... С. 2.

³ Там же. С. 143.

⁴ *Подокшин С.А.* Реформация и общественная мысль Белоруссии и Литвы... С. 63.

⁵ *Клибанов А.И.* Народная социальная утопия в России... С. 63.

го на братство всех народов находился в прямом противоречии с учением православной церкви, говорившей об истинности только православия и проповедовавшей человеконенавистнические идеи о «еретичестве» всех народов, не исповедовавших догмы этой религии».¹ Данная оценка, выполненная в духе воинствующего атеизма, не учитывает того, что русская церковь, хотя и утверждала истинность православной веры перед другими религиями, но никогда не посягала, в отличие, скажем, от католической церкви, на свободу вероисповедания нехристианских народов, населявших Россию, проявляя терпимость к их иноверию. Иное дело ересь, в частности ересь Феодосия Косого, проповедники которой начали бешеную атаку на русскую православную церковь, вынудив ее столь же решительно защищаться. Ну, а «на войне как на войне»...

Признание «единого Бога» влекло за собой отвержение христианского догмата о триединстве Бога, т.е. Троицы. «Несть писано в законе Троицы разве единого Бога», – утверждал Косой.² И опять он шел по следу новгородских еретиков конца XV века («жидовствующих»),³ заявлявших, «яко Бог отец вседръжитель не имат Сына ни Святаго Духа единосущны и съспрестольны себе, и яко несть Святыя Троица».⁴

Непризнание Троицы влекло за собой отрицание божественной природы Иисуса Христа, достигаемое чисто рационалистическим путем. Правда, Косой, ссылаясь на Ветхий Завет, заявлял: «В законе несть писано въплотитися Сыну Божию».⁵ Однако рационалистический элемент все же преобладал в критике Феодосием христологической доктрины. Вот один из образчиков феодосианского рационализма. Сторонники Косого в споре с Зиновием Отенским говорили: «Глаголеши, яко Бог рукою своею созда Адама, обновити же Адама приде Сын Божий воплотитися, и исправити создание свое. Почто убо сам приходит во плоти? Можаше бо рукою своею и паки поновити образ свой и не воплотився».⁶ Посредством столь незамысловатого и наивного рационализма Косой опровергал одно из важнейших положений христианского вероучения.⁷ По словам А.А.Зимина, Феодосий Косой,

¹ Зимин А.А. И.С.Пересветов и его современники... С. 211.

² Истины показание... С. 349.

³ См.: Зимин А.А. И.С.Пересветов и его современники... С. 199, 200.

⁴ Источники по истории еретических движений XIV – нач. XVI в. // Казакова Н.А. и Лурье Я.С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV – начала XVI века. М.; Л., 1955. С. 484.

⁵ Истины показание... С. 348.

⁶ Там же. С. 275.

⁷ А.А.Зимин суммировал рационалистические соображения Косого, отвергающие идею божественной сути Христа: «Человек, как и все вообще животные, птицы и рыбы, – божье создание. Если бы бог захотел человеку помочь, зачем нужно было воплощаться сыну божью, а почему бог не послал кого-либо другого в помощь человеку? Ведь царь, например, свое изображение поручает подновить художнику. Бог мог и сам обновить свой образ без воплощения. Поскольку все бог создал “словом”, то он мог и человека обновить словом. Почему же он захотел появиться во плоти? Разве может бог родиться от женщины, как обычный человек? И вообще о каком

признавая Христа простым человеком, «продолжал традицию новгородских “еретиков” конца XV – начала XVI в.».¹ При этом Косой «пошел в своем учении дальше этих вольнодумцев, допуская возможность появления “сына божия”».² Если говорить по-другому, то надо сказать, что Феодосий оказался еще более злобным врагом православия, нежели даже «жидовствующие».

Из отвержения божественной природы Христа у Косого логически вытекал вывод: «Не подобает много почитати рожшую Христа», или Богородицу.³ Это опять-таки сближало его с «жидовствующими», которые «на пречистую Богоматерь многие хулы изрекли».⁴

Феодосий Косой, как и «жидовствующие», отвергал святоотеческую литературу, относя ее к «человеческому преданию». По свидетельству Зиновия Отенского, феодосиане во главе со своим ересеводцем «книги святых отец и правила церковны ложным писанием именуют».⁵ Больше того, они «книги святых отец и мучения святых и жития и учения не повелевают прочитати».⁶ Еретики выступали против составления богословских книг, поскольку седьмой вселенский собор, по их мнению, проклял это занятие: «Не подобает ныне писати книг, понеже собор седмый проклят».⁷ Поэтому сам Феодосий Косой проповедовал свою ересь только устно и «несть писал ни единой книги».⁸

Подобно «жидовствующим», выступавшим против почитания икон как «рукотворения»,⁹ Косой являлся противником поклонения иконам, считая это поклонение грехом: «Грех есть почитати иконы».¹⁰ Он приводит слова царя Соломона, говорившего, что идолы есть произведение рук человеческих, сделанные мастерами из золота, серебра и дерева, разукрашенные краской и прикрепленные железом к стенам. Так и почитаемые христианами иконы: «Не красками ли суть помазаны иконы, и позлащены такоже сотворяют, и обитание иконам такоже сотворяют, и на стене укрепляют же железом же, и несть ни по идольскому ниче соже о иконах сътворяемо».¹¹ По Косому, иконы не обладают никакой чудодейственной силой: «Чудеса от икон ложны

обновлении человечества можно говорить, рассуждая, что “божественный образ в человечестве истле”? Ведь люди рождаются, живут, умирают так же, как до пришествия Христа, так и после него. По природе здоровые люди такими же бывают до самой смерти, а те, которых гложет какой-либо недуг, так или иначе погибают». — *Зимин А.А. И.С.Пересветов и его современники...* С. 198.

¹ *Зимин А.А. И.С.Пересветов и его современники...* С. 199.

² Там же.

³ Послание многословное... С. 255–256.

⁴ Источники... С. 383.

⁵ Послание многословное... С. 2.

⁶ Там же. С. 2–3.

⁷ Истины показание... С. 927.

⁸ Там же. С. 929.

⁹ См.: *Зимин А.А. И.С.Пересветов и его современники...* С. 203.

¹⁰ Послание многословное... С. 69.

¹¹ Истины показание... С. 371–372.

суть».¹ Они лишь уведат людей от Бога, сворачивая их с пути истинного на пагубную стезю идолослужения: «Иконы навыкоша, Бога же и не ведят, ниже могут ведати, понеже в идолослужение впадоша».²

Столь же отрицательно Косой воспринимал христианское почитание креста, полагая его одним из видов идолопоклонства.³ Крест, по его убеждению, не имеет никакой святости: «Крест, ему же поклоняются, древо есть, кую святость иметь, яко же и всякое древо и яко столп не иматъ святости».⁴ Посредством простых, вернее сказать, примитивных доводов Косой пришел к мысли о том, что поклонение кресту противно самому Богу: «Аще бо кто кому сына палицею убьет на смерть, еда убо может человек палицу ону любити, ею же сын его убиен бысть? И аще кто тую палицу любит и целует, не возненавидит ли отец убитого и того любящего палицу ону, еюже убиен сын его? Тако и Бог ненавидит креста, яко убиша сына его на нем; такоже прогневается Бог и на почитающих крест – убийцу сына его».⁵ А.А.Зимин отмечает, что и в данном случае Косой «развивал учение новгородских “еретиков”».⁶

Своих сторонников Косой призывал к активным действиям: «Кресты и иконы сокрушати, и святых на помощь не призывати, и в церковь не входити ни молитися, и именовати церкви кумирницами, и в ней кресты и иконы именовати идолы, и книг церковных учителей, и жития и мучения святых не прочитати и к попам не приходити, и молебнов не творити, и молитвы их не требовати, и не каятися, и не причащатися, и темьяном не кадитися, и на погребении от епископов и попов не отпеватися, и по смерти не поминатися; глаголет Косой, яко епископы и попы ложнии учителя, идольстии жрецы и маньяки велят приносить проскуры, и канун, и свечи ко идолам на жертву; подобает поклоняться духом Отцу, а не поклоны творити, ни проскуры, ни кануны, ни свечи приносить».⁷ Косой, как видим, отвергал церковь и ее служителей, необходимость молитв, таинств и обрядов, не верил в загробную жизнь и бессмертие. Осуждение вызывала в нем вера в святых, службы, прославляющие их святость, поклонение мощам: «Мертвецы положиша в ковчеги в церквах их всем на видение и соблазн, нарекше преподобными и праведными и святыми, уставивше сами поют им каноны, и прочитают, написавше жития их, и молятся мертвым и просят от них помощи, свечи пред них зажигают, кадила приносят, и отводят люди от Бога к мертвецам».⁸ Во всем этом критицизме Косой шел вслед за «жидовствующими».

¹ Там же. С. 476

² Там же. С. 413.

³ Послание многословное... С. 2.

⁴ Там же. С. 256.

⁵ Истины показание... С. 509–510. Эти доводы не являлись оригинальными. Нечто подобное говорили еретики, в частности богомилы, много раньше: «Аще бо кто царева сына убил древом, может ли древо то любо быти царю. Такоже и крест Богу». – Св. Козмы Пресвитера слово на еретики и поучение нот божественных книг. Сообщение М.Г.Попруженко // Памятники древней письменности. Т. 167. СПб., 1907. С. 8.

⁶ Зимин А.А. И.С. Пересветов и его современники... С. 203.

⁷ Истины показание... С. 41–42.

⁸ Там же. С. 413.

Феодосий Косой являлся противником не только церковной иерархии и самой церкви как учреждения, но и монастырских корпораций. Подобно новгородским еретикам конца XV века, он отрицал, как заметил А.А.Зимин, «самую целесообразность существования монашества»,¹ поскольку оно – продукт не божьего изволения, а человеческого предания: «Чернечество же откуда приаша? В Еуангелии и в Апостоле не писано. Паче же пишеть апостол: дух же, речию глаголетъ, яко в последние времена отступять неции от веры, внимающее духом лестчем... възбранающих женитися, удалитися брашен... И чернечествовати и не женитися... вся та человеческая предания».² Солидаризуясь с нестяжателями, Косой отвергал монастырское землевладение, ссылаясь при этом на Максима Грека и Вассиана Патрикеева как на своих наставников в данном вопросе.³

Идею ниспровержения церкви и неповиновения церковным властям Косой дополнял идеей ниспровержения государства и неповиновения светской власти.⁴ Зиновий Отенский, обращаясь к феодосиянам, замечал: «Ныне же видим вас не нищих духом, но ... възносящаяся на вся власти и владычества, учиненные Богом. Не любите Богом поставленные царския и святительския, не хотите владоми быти от господей, ни наставлятися от духовных пастырей и учителей, лукаве глаголюще и безбожне, яко несть требы быти начальством в христианстве».⁵ Феодосий Косой агитировал русский люд отказать от уплаты государственных податей.⁶ Неповиновение царской власти у него перерастало в отрицание всякой вообще власти человека над человеком, в конечном счете, в отрицание социального неравенства. «И в данном случае, – замечает А.А.Зимин, – он развивал некоторые из идей, имевших хождение среди новгородских “еретиков” конца XV в.»⁷ Дело, конечно, не только в идеях, проповедовавшихся новгородскими еретиками конца XV века. Аналогичные взгляды развивали еретики, современные Косому, причем как отечественные, так и зарубежные. Вспомним М.Башкина и сочувствовавшего ему Сильвестра, отвергавших институт холопства на Руси. Вспомним Якуба из Калиновки, Павла из Визны, Мартина Чеховица и других еретиков-антитринитариев, резко критиковавших феодально-крепостнические порядки в Литве и Польше.⁸

¹ Зимин А.А. И.С.Пересветов и его современники... С. 207.

² Послание многословное... С. 143–144.

³ См.: Истины показание... С. 890, 905, 908, 913, 921–923.

⁴ Косой не являлся первооткрывателем и этой идеи. Здесь он смыкался с представителями левого радикального крыла еретического движения XVI века в Литве и Польше, которые свою «премудрость» черпали у ересиархов Западной Европы. — См.: Подокшин С.А. Реформация и общественная мысль Белоруссии и Литвы... С. 48–83, 97–129.

⁵ Послание многословное... С. 284.

⁶ См.: Зимин А.А. И.С. Пересветов и его современники... С. 208.

⁷ Там же.

⁸ См.: Подокшин С.А. Реформация и общественная мысль Белоруссии и Литвы... С. 118–122.

В обстановке военной опасности, грозившей русским извне, Косой пропагандировал, подобно масонам нового времени, идеи пацифизма, выступая против войн («не подобает воевати»¹), чем, можно сказать, разоружал Русь перед лицом ее смертельных врагов.

Таковы некоторые основные идеи «нового учения» Феодосия Косого. Оно, по верному замечанию Н.И. Костомарова, отрицало все, что «составляло сущность православия».² Надо сказать, что Косой вместе со своими сторонниками воображали, будто только им открылась настоящая истина: «Мы есми познахом истину»; «истину паче всех познахом»; «мы сынове Божии, яко истину никто же тако позна яко же мы».³ Но, как установили исследователи, этой истиной владели предшественники Косого.

В свое время митрополит Макарий писал: «По своему существу и началам лжеучение Косого однородно с ересью жидовствовавших, но имеет еще более отрицательный характер и доведено до последних крайностей».⁴ Знаменитый историк церкви полагал, что «на лжеучение Косого можно смотреть как на последнее слово того антихристианского направления, которое началось у нас в конце XV столетия с ересью жидовствующих и продолжалось более или менее явно до половины XVI в. и против которого после Иосифа Волоцкого должен был бороться еще митрополит Даниил...».⁵ Макарий указывал на однородность «лжеучения Косого» с ересью Башкина.⁶ Он также отмечал созвучие идей Феодосия творчеству Вассиана Патрикеева и Максима Грека.⁷ У него, стало быть, еретические учения «жидовствующих», Вассиана Патрикеева, Максима Грека, Матвея Башкина, Артемия и Феодосия Косого составляют, несмотря на некоторые отличия друг от друга, единое идейное течение, охватывающее период времени с конца XV до середины XVI века. С этим, на наш взгляд, необходимо согласиться. Однако Макарий, по-видимому, неправ, когда отказывается усматривать в «новом учении» влияние извне. «Нет никаких данных для того, — говорит он, — чтобы выводить лжеучение Косого с запада Европы чрез Литву или Польшу. Напротив, известно, что он начал свое лжеучение на Белоозере, где бродили тогда вольные идеи между монахами, и даже прямо называется вместе со своими товарищами учеником одного из Белозерских старцев Артемия».⁸ Это

¹ Послание многословное... С. 144. Тут, как и в вопросе об отрицательном отношении к государству и светской власти, Косой стоял на общей платформе со своими западными «братьями». — См.: Пичета В.И. Белоруссия и Литва XV–XVI вв. М., 1961. С. 697; Подокшин С.А. Реформация и общественная мысль Белоруссии и Литвы... С. 105, 113, 122–123.

² Костомаров Н.И. Великорусские религиозные вольнодумцы в XVI веке. С. 310.

³ Там же. С. 2, 144–145.

⁴ Макарий (Булгаков). История русской церкви. Кн. IV. Часть первая. М., 1996. С. 151.

⁵ Там же. С. 152.

⁶ Там же. С. 151.

⁷ Там же. С. 152.

⁸ Там же. С. 151.

отчасти так. Но Макарий забывает, что на Белоозере «бродили вольные идеи», принесенные туда «жидовствующими», что сами эти идеи сравнительно недавно были посеяны в Новгородской земле Схарией, приехавшим сюда со стороны.¹ Забывает он и то, что учителем Косого являлся Артемий, начинавший свое монашеское поприще в Псковской земле, открытой всем западным идейным ветрам, благотворным и тлетворным.

Такого рода забывчивость свойственна и позднейшим исследователям. А.А.Зимин, например, выявляя сходство взглядов новгородских еретиков конца XV – начала XVI века и Феодосия Косого, устанавливает тем самым отсутствие каких-либо продолжительных западных влияний на учение последнего.² Что касается влияния «ереси жидовствующих» на Косого, то для А.А.Зимина тут нет ни малейших сомнений: «В целом ряде пунктов учение Ф.Косого являлось продолжением новгородско-московской “ереси” конца XV – начала XVI в.: роднило их отрицание догмата троичности, иконопочитания, монашества и пр. Однако Феодосий Косой не только развил эти стороны учения “жидовствующих”, направленные против официальной церкви, но наряду с ними подверг критике социальные устои феодального государства. Трудно сказать, знал ли Феодосий Косой непосредственно учение новгородских “еретиков”. За это говорит сходство аргументации в критике православной церкви: в целом ряде случаев как Феодосий Косой, так и новгородские “еретики” опирались на одни и те же тексты священного писания. Есть и другие данные, свидетельствующие о знакомстве Ф.Косого с учением новгородских “еретиков”... Все это делает возможным знакомство Феодосия Косого с учением новгородских “еретиков” и влияние этого учения на его мировоззрение».³ Нам думается, здесь следует вести речь в более уверенном тоне и говорить не столько о возможности, сколько о реальности знакомства Ф.Косого с учением новгородских еретиков и влияния этого учения на его мировоззрение. Сам А.А.Зимин, как мы видели выше, привел немало фактов, подтверждающих эту реальность. Приведенные им факты свидетельствуют о том, что ересь Феодосия Косого представляла собою разновидность «ереси жидовствующих», или «ересь жидовствующих», приноровленную к историческим условиям Руси середины XVI века и скорректированную соответственно переменам, произошедшим к тому времени на Западе. И все же своей, если можно так сказать, пуповиной «новое учение» Феодосия Косого органически соединено с «ересью жидовствующих». Отсюда ненависть Косого к врагам «жидовствующих», с которыми он лично никогда не сталкивался. С особой злобой он относился к Иосифу Волоцкому, сокрушившему «ересь жидовствующих». Косой называл сочинения преподобного старца «законопреступными».⁴

¹ См.: Бычкова М.Е. Русское государство и Великое княжество литовское с конца XV в. до 1569 г. Опыт сравнительно-исторического изучения политического строя. М., 1996. С. 44, 45.

² Зимин А.А. И.С.Пересветов и его современники... С. 200.

³ Там же. С. 213.

⁴ Истины показание... С. 927–928.

А.А.Зимин находит «сходство учения Феодосия Косого с отдельными взглядами Артемия, Максима Грека и Вассиана Патрикеева».¹ Оно и понятно, поскольку учения упомянутых деятелей выросли на одном корню – «ереси жидовствующих». К сожалению, А.А.Зимин данное сходство объясняет не общностью происхождения их взглядов, а тем, что «все названные мыслители в разной мере выражали идеи, связанные с реформационным движением».²

На аналогичное сходство «нового учения» Феодосия Косого с идеями его предшественников, поименованных А.А.Зиминим, обращает внимание А.И.Клибанов, у которого читаем: «Последователи Косого прямо указали на преемственные связи и сходство отдельных положений их учения с идеями Максима Грека, Артемия, Вассиана Патрикеева. Не исключены и прямые связи Косого или его последователей не только с Артемием – эти связи известны, но и с другими представителями нестяжательского направления, а, быть может, и с вольнодумцем Матвеем Башкиным».³ А.И.Клибанов относит Феодосия Косого к преемникам еретиков («жидовствующих») второй половины XV – начала XVI века.⁴ Выявляя общие элементы учения Феодосия Косого с идейными построениями названных лиц, в частности с творчеством Артемия, исследователь говорит: «Примечательно, что и в сочинениях Артемия содержится понятие о “разуме духовном”, составляющее одно из центральных мест учения Косого. Вообще создается представление, что в 40-х годах XVI в. существовало широкое идейное движение, вобравшее целый ряд представителей общественной мысли, хотя и разномысливших, но объединенных оппозицией господствующей церкви. Размежевание произошло позднее».⁵ В приведенных рассуждениях А.И.Клибанова есть, по крайней мере, два важных положения.

Одно из них состоит в признании им податливости представителей нестяжательства к связям с еретиками, даже с таким «еретиком-фундаменталистом», каким был Феодосий Косой. И этому не стоит удивляться, поскольку нестяжатели, как мы знаем, дрейфовали в сторону «ереси жидовствующих».⁶

Другое важное положение, формулируемое А.И.Клибановым, заключается во взгляде на творчество Феодосия Косого, Максима Грека, Вассиана Патрикеева, Артемия и Матвея Башкина как на некое переплетение идей, представляющее собой с этой точки зрения нечто целое. То был, образно говоря, еретический клубок, начало нити которого тянулось из времен разгула на Руси «ереси жидовствующих», т.е. с конца XV века. Поэтому А.И.Клибанов поступает, по нашему мнению, правильно, когда рассматривает учение Косого в качестве итога идейных движений в России, «начиная с ерети-

¹ Зимин А.А. И.С.Пересветов и его современники... С. 214.

² Там же.

³ Клибанов А.И. Народная социальная утопия в России. Период феодализма. М., 1977. С. 56.

⁴ Клибанов А.И. Духовная культура средневековой Руси. С. 228.

⁵ Клибанов А.И. Народная социальная утопия в России... С. 56.

⁶ См. с. 112–122 наст. кн.

ческих движений конца XV – начала XVI в.».¹ Но он, по-видимому, увлекается, превращая Косого в деятеля общеевропейского (по тогдашним временам мирового) масштаба. «Мы видим в нем, – говорит он, – мыслителя и деятеля не только русского масштаба, имея в виду Белоруссию, Литву, возможно, и Польшу. Наконец, принимая во внимание, что реформационно-гуманистическое движение в белорусских, литовских и польских землях во второй половине XVI в. непосредственно связано с реформаторами и гуманистами Центральной и Западной Европы, мы усматриваем в фигуре Феодосия Косого, в его единомышленниках и последователях звено прямой связи русских передовых идейных движений с общеевропейскими. Иначе говоря, возможен и необходим подход к реформационному движению середины XVI в., наиболее яркой фигурой которого был Феодосий Косой, как факту истории не только отечественной, но и европейской реформационно-гуманистической мысли».² По словам А.И.Клибанова, «в XVI в. русская свободная мысль вышла за отечественные пределы, следуя путем, проложенным еще новгородско-московскими еретиками в начале века, спасавшимися от преследований церкви и власти, уходя в Литву и в “немцы”».³ Историк считает возможным говорить о русском влиянии на зарубежную реформационную мысль. Он пишет: «Феодосий Косой и его сподвижники не были первыми русскими вольнодумцами, проникшими в Литву. Бегство в Литву от преследований церкви может считаться в какой-то мере традиционным для русских вольнодумцев с той поры, как на этот путь стали новгородские еретики, спасавшиеся от гонений архиепископа Геннадия. Этот факт имеет, между прочим, и то значение, что если вполне правомерны предположения о зарубежных влияниях на русскую реформационную мысль, то и обратное: русское влияние сказывалось на зарубежной реформационной мысли».⁴

По А.И.Клибанову, стало быть, получается, что «русская свободная мысль», т.е. ересь, будучи сначала русским национальным явлением,⁵ покидает в XVI веке «отечественные пределы», становясь фактором общеевропейской жизни, а ее проповедники в лице Феодосия Косого и его соратников превращаются в деятелей общеевропейского, так сказать, калибра. Данная

¹ Клибанов А.И. Народная утопия в России... С. 56.

² Там же.

³ Там же. С. 56–57.

⁴ Клибанов А.И. Реформационные движения в России... С. 272.

⁵ При этом А.И.Клибанов не исключает влияния на еретическое движение в России из-за рубежа: «В составе московского еретического кружка Федора Курицына находился некий Мартынок, приехавший из “Угорской земли”, а среди лиц, оказавших идейное влияние на Матвея Башкина, находились выходцы из Литвы, “латынники” Матвей и Андрей Хотеевы. Федор Курицын, Федор Карпов, Максим Грек, Николай Булев, Иван Пересветов – все они имели опыт зарубежных связей и отразили, каждый по-своему, культурные влияния Запада. Ряд этих людей может быть продолжен и многими другими именами» (Клибанов А.И. Народная социальная утопия в России... С. 57). Это аморфное «культурное влияние Запада» мало что дает для понимания истории ересей на Руси конца XV – начала XVI века. Более того, оно уводит в сторону от правильного ее истолкования.

схема, по нашему убеждению, не заслуживает доверия, поскольку «ересь жидовствующих», из которой вышли последующие еретические учения, включая «новое учение» Косого, имела зарубежный источник происхождения.¹ Сама организация и структура кружка «жидовствующих» указывает на этот источник. «В организации секты жидовствующих – говорит современный исследователь, – многое напоминало будущее масонство: строгая за-конспирированность, проникновение в высшие слои правительства и духовенства; ритуал, включающий “обряд” поругания Святыни; формирование системы “учитель – ученик” вне традиционных православных представлений».² О.А.Платонов, чьи слова мы только что привели, не без основания предполагает, что Схария, создавая секту «жидовствующих» в Новгороде, выполнял задание одного из международных центров.³

«Ересь жидовствующих», возникнув как своеобразная религиозно-политическая диверсия антиправославных и антирусских сил, преследующая цель разрушения Святой Руси, формирующейся на основе «симфонии» церкви и государства, впоследствии подновлялась иноземцами, посещавшими Русь или жившими в нашей стране. Появлению «ереси жидовствующих» на Руси предшествовала соответствующая рекогносцировка и подготовка, о чем можем судить по некоторым случайно дошедшим до нас данным. Известно, например, что Иероним Пражский, ближайший соратник Яна Гуса, создателя протомасонского чешского братства, «посетил литовскую и русскую земли в 1412–1413 гг. Известно о его публичной проповеди в Витебске и Пскове».⁴ Можно предположить, что миссия Иеронима имела также непубличную, тайную задачу. Во всяком случае, Констанцкий собор обвинял его в том, что, будучи в Литве, «он стремился привлечь русский народ к гусизму».⁵ Как свидетельствует Ян Амос Каменский, почитаемый в масонских кругах, в 1474 году представитель моравских братьев Маврус Гасконец в поисках единомышленников побывал в России, не исключено, что в Москве.⁶ По А.И.Клибанову, «сам по себе показателен интерес, проявляемый чешскими религиозными реформаторами к России».⁷ По нашему мнению, этот интерес показателен не сам по себе, а в связи с кануном и началом «ереси жидовствующих» на Руси. Затем в качестве «подогревателей» этой ереси мы видим венгра Мартынку, отведавшего «все европейские каши» Максима Грека, выходцев из Литвы Матюшку-аптекаря и Андрюшку Хотеева. Были, ко-

¹ См.: Платонов С.Ф. Сочинения: В 2-х томах. СПб., 1994. Т. 2. С. 522; Дмитриев М.В. Православие и реформация: реформационные движения в восточнославянских землях Речи Посполитой во второй половине XVI в. М., 1990. С. 48–51.

² Платонов О.А. Терновый венец России. Тайна беззакония: иудаизм и масонство против Христианской цивилизации. М., 1998. С. 89.

³ Там же. С.91. См. также: Платонов О.А. Терновый венец России. Святая Русь. Открытие русской цивилизации. М., 2001. С. 82.

⁴ Клибанов А.И. Народная социальная утопия в России... С. 57.

⁵ Пичета В.И. Белоруссия и Литва XV–XVI вв. С. 678.

⁶ Там же. См. также: Клаус А. Наши колонии. СПб., 1869. С. 63.

⁷ Клибанов А.И. Народная социальная утопия в России... С. 57.

нечно, и другие, причем, надо полагать, в немалом количестве. Так позволяет думать стиль деятельности руководителей еретических движений в Белоруссии и Литве, о чем пишет А.И.Клибанов: «В поисках союзников, в привлечении возможно более смелых и авторитетных единомышленников идеологи белорусско-литовского, как и польского реформационного движения (читай: еретики. — *И.Ф.*) проявили удивительную мобильность. Петр из Гонендза ездил по Италии, Швейцарии, Моравии, Польше, в Виттенберге встречался с Меланхтоном. Чеховиц ездил в Швейцарию к Кальвину, на обратном пути в Вильно останавливался в Моравии, чтобы познакомиться с местными общинами анабаптистов».¹ Эти поездки осуществлялись, по всей видимости, ради заимствования опыта у своих более изощренных и умудренных западных наставников, а также для разного рода консультаций и согласования деятельности еретиков, слияния ее в единый общесвропейский поток, направленный против официальной церкви. Становится понятным, почему «Моравские братья принимали участие в реформационном (еретическом. — *И.Ф.*) движении в Белоруссии и Литве, в частности, анабаптисты из Моравии участвовали в собранном Литовскими братьями синоде в Венгрове, состоявшемся в декабре 1565 г., где основным вопросом было обсуждение отношения к анабаптизму».² Благодаря сплоченности радикальных участников синода учение анабаптистов не подверглось осуждению.³ Примечательно, что польские еретики-антитринитарии стали называть себя «польскими братьями»,⁴ подражая, несомненно, «чешским братьям». Данный факт свидетельствует, на наш взгляд, о тесном сотрудничестве чешских и польских еретиков и, быть может, о принадлежности одних и других к единой организации.

Ереси пришли в Литву и Польшу, как установлено исследователями, из Чехии, Италии и Германии.⁵ Приемы укоренения их в местную почву не отличались разнообразием сравнительно с теми, что употреблялись на Руси. Еретики старались склонить на свою сторону правителей, подобно тому, как это было с Иваном III и Василием III. Не секрет, что сам Сигизмунд II Август сочувственно относился к ним.⁶ Точно так же, как и русские «вольнодумцы», они стремились проникнуть в монарший двор с целью «обволакивания власти», чтобы использовать ее в собственных интересах. Тому же служила их политика вовлечения в сферу своего влияния знатных и могущественных в государстве людей.⁷ В.И.Пичета пишет: «Антитринитаризм проникал в Литву и Белоруссию разными путями: через кружок итальянских антитринитариев при дворе королевы Боны, через выходцев из Голландии. Но организа-

¹ Там же. С. 62.

² Клибанов А.И. Народная социальная утопия в России... С. 67–68.

³ Там же. С. 68.

⁴ См.: История Польши. В трех томах. М., 1956. Т. I. С. 185.

⁵ Пичета В.И. Белоруссия и Литва XV–XVI вв. С. 678.

⁶ Там же. С. 679.

⁷ В ересь была возвращена значительная часть польских и литовских магнатов. — История Польши. Т. I. С. 182.

тором общин антитринитариев был Лелий Социн, в 1557 г. бежавший из Венеции в Польшу от преследований папской инквизиции вместе с другими своими сторонниками, часть которых нашла себе убежище в Литве. Социн оставался в Польше недолго, только до весны 1559 г. Ему удалось встретиться несколько раз с Сигизмундом Августом. Антитринитарии пользовались успехом среди литовско-белорусских и украинских шляхтичей. Едва ли не самым главным покровителем новых сектантов был Ян Кишка, родственник Радзивилла, крупнейший землевладелец».¹

Поражает сходство ситуаций при дворе двух монархов – Ивана III и Сигизмунда-Августа: благосклонное отношение государей к еретикам, наличие при монарших дворах еретических кружков, патронируемых женщинами (у нас – Еленой Волошанкой, а там – королевой Боной). Это сходство обнаруживает, по нашему убеждению, общий план, так сказать, сценарий действий русских и литовско-польских еретиков, что является веским доказательством существования тайной организации, руководимой из единого центра.

Было бы в высшей степени странным, если бы западные эмиссары не посещали Русь середины XVI века с аналогичными намерениями. К сожалению, сведения об этом в источниках почти не сохранились, и мы вынуждены пользоваться лишь обрывками упоминаний, дошедших до нас из прошлого. Но по накалу еретических страстей в России того времени и по некоторым отрывочным известиям, относящимся к пребыванию иностранцев в нашей стране, можем уверенно говорить о том, что зарубежье в данном случае не дремало.

Трудно представить Косого в качестве самостоятельного творца «нового учения», независимого от зарубежных влияний, хотя прямых указаний насчет воздействия на него иностранных наставников у нас нет. Зато есть сравнительно многочисленные косвенные данные, довольно характерные в этом отношении.

Современные исследователи в пылу восхвалений Косого как «выдающегося мыслителя», взошедшего на вершину «прогрессивной общественно-политической мысли Руси середины XVI в.» и ставшего в размер с мыслителями Запада, обычно не придают должного значения свидетельству Зиновия Отенского о том, что Феодосий Косой не был «ни философ ниже мало учен слову»,² что порою он «не понимал ни того, что говорил, ни того, что утверждал, но был слишком дерзок и принятое от других распространял с возмутительной наглостью».³ Было бы слишком простым решением вопроса от-

¹ Там же. С. 682.

² Истины показание... С. 233. О слабой ученой подготовке Косого говорит также хронист Андрей Венгерский, сообщая, что Косой, как и его сподвижники, не знал «ничего, кроме родного языка, других наук, кроме отечественных». Андрей с большей похвалой отзываясь о сподвижнике Косого некоем Фоме как о «наиболее красноречивом и обученном религиозном знаток» и проповеднике «нового учения». – ЧОИДР. 1877. Кн. III. С. 2–3. См. также: *Клибанов А. И.* Народная социальная утопия в России... С. 59; *Малинин В. А.* Русь и Запад. Калуга, 2000. С. 300 (прим. 2).

³ *Макарий (Булгаков).* История русской церкви. Кн. IV. Часть первая. М., 1996. С. 151.

вергнуть это свидетельство Зиновия как ложное, как незаслуженный наговор на почтенную личность. Его рассказ о распространении Косым «принятого от других» находит подтверждение в обстоятельствах пребывания нашего «реформатора» за границей.

Как известно, Косой, арестованный и доставленный в Москву со своими сторонниками для судебного соборного разбирательства, сбежал из-под стражи в Литву, хитростью усыпив бдительность охраны: «Ят же быв некогда Косой и блудом во едином от монастырей московских. Приласкав же ся хранящим, прием послабление от них и бежав, в Литву отъиде».¹ Здесь он, самовольно порвав с монашеским саном, женился на вдовой еврейке: «И браком законным оженися вдовицею жидовынею, поят и есть честен тамо...».² Женившись на еврейке, Косой принял иудейство.³ Факты весьма примечательные, нуждающиеся в осмыслении.

А.И.Клибанов, касаясь вопроса о женитьбе Феодосия Косого на еврейке, говорил: «Из биографических данных о литовском периоде жизни Косого известно, что он вступил в брак, выбрав себе в жены еврейку. Этот последний факт имеет не только биографическое значение. Если Гегель интерпретировал женитьбу Лютера как факт его публичной демонстрации уважения к браку, “не боясь клевет, которые посыпались на него” и для доказательства, “что это дозволено и законно вопреки мнимому престижу аскетизма”, то и женитьба основателя Нового учения (он слыл в Литве монахом), да еще на еврейке, в свою очередь явилась демонстрацией против аскетизма и религиозно-национальной исключительности».⁴ Возможно, А.И.Клибанов прав. Однако «демонстрацией против аскетизма и религиозной исключительности» не исчерпывается смысл этого матримониального события в жизни Косого. В.И.Буганов, нащупывая другую смысловую точку в бракосочетании Феодосия с еврейкой, замечал: «Он жил здесь (в Литве. – *И.Ф.*) довольно долго, сбросил с себя монашескую одежду, женился на литовской еврейке. Последний факт знаменателен: Косого и его сторонников их современники обвиняли в приверженности “ереси жидовствующих” – взглядов новгородских и московских вольнодумцев конца XV – начала XVI века. И те и другие испытали влияние заезжих представителей реформационной мысли из числа евреев. К тому же ряд идей заимствовали из Ветхого завета».⁵ Догадка В.И.Буганова заслуживает серьезного внимания. Она переводит вопрос в иную, чем у А.И.Клибанова, плоскость, объясняя событие не тем, что хотел продемонстрировать Косой своей женитьбой на еврейке, а тем, что стояло за

¹ Истины показание... С. 26.

² Там же.

³ Морозова Л.Е. Сочинения новгородских авторов о «Новом учении» Феодосия Косого // Церковь, общество и государство в феодальной России. Сб. статей. М., 1990. С. 229. В.И.Пичета полагал, что Косой, обручившись с еврейкой, «примкнул к левому крылу протестантов». – Пичета В.И. Белоруссия и Литва XV–XVI вв. С. 689.

⁴ Клибанов А.И. Реформационные движения в России... С. 274.

⁵ Буганов В.И., Богданов А.П. Бунтари и правдоискатели в русской православной церкви. С. 81–82.

согласием еврейской общины на эту женитьбу.¹ Сам факт женитьбы на еврейке иноплеменника и принятие иудаизма гоем, да еще к тому же религиозным деятелем выглядит необычным, можно сказать, из ряда вон выходящим. Он мог иметь место только при особом расположении еврейской общины к новообращенцу и признании каких-то его заслуг перед ней. Эти заслуги, по всей видимости, заключались в том, что Косой являлся активным проводником на Руси «ереси жидовствующих», рупором ее идей. Он импонировал еврейскому сообществу как борец против христианства в самой неприемлемой для иудеев форме православия, провозглашавшего Москву третьим (и последним) Римом, а русский народ богоизбранным хранителем истинной и непорочной Христовой Веры. Но если это так, то следует признать, что Феодосий Косой распространял на Руси не свои, а чужие идеи, хотя, быть может, и прочувствованные им настолько, что они казались ему собственными.²

¹ О выдаче именно еврейской общиной замуж за Косого своей соплеменницы свидетельствует, надо полагать, принятие женихом иудаизма как предварительного условия согласия кагала на брак с иноверцем.

² Возможно еще одно объяснение брака Косого с еврейкой. Известно, что ради осуществления общинных интересов евреи выдавали замуж своих женщин за сильных мира сего. Это – очень давняя практика, отраженная еще на страницах Ветхого Завета в истории Мардохея, Есфири и Артаксеркса. С тех пор иудеи к ней прибегали постоянно. Мы знаем, например, что в Древнем Риме распространение иудаизма шло через женщин, утративших в эпоху империи, как выразился Л.Н.Гумилев, «традиционную нравственность» (*Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1989. С. 103*). Мы знаем также о стремлении еврейских общин, в некоторых случаях успешном, соединять любовной связью своих женщин с римскими правителями. Согласно Л.Н.Гумилеву, евреи, жившие в Хазарии, «извлекали из хазарского этноса детей либо как полноценных евреев (мать – еврейка), либо как бастардов (отец – еврей), чем обедняли хазарскую этническую систему, а тем самым вели ее к упрощению. При непосредственном наблюдении казалось, что здесь просто цепь случайностей, но на самом деле это был направленный процесс, который за 80 лет (считая от Булана) дал весьма ощутимые результаты: в стране появилась популяция людей, говоривших по-хазарски, имевших родственников из числа хазар и тюрок, адаптированных в ландшафте, но не бывших хазарами по этносу и культуре» (Там же. С. 139–140). Это позволило приобрести еврейской общине господствующее положение в Хазарском государстве. Наконец, близкий к нам по времени пример, относящийся к так называемым «еврейкиным мужьям». Немало партийно-государственных деятелей в СССР, причем из высшего руководства, были связаны брачными узами с евреями, которые надеялись посредством этого влиять на кремлевскую политику (см., напр.: *Солженицын А.И. Двести лет вместе. Ч. II. М., 2002. С. 336. 399–400*). Вероятно, и Косой, будучи известной и влиятельной личностью, мог представлять интерес для еврейской общины. Недаром Зиновий Отенский придавал Феодосию очень большое, на наш взгляд, чрезмерное значение, говоря, что «восток весь разврати Бахметом, запад же Мартином немчином, Литву же Косым» (Истины показание... С. 48–49). Человек такой репутации мог привлечь внимание еврейской общины и быть у нее «в чести».

О том, что ересь Косого была не национальным, а интернациональным явлением,¹ свидетельствует мгновенно, будто по волшебству возникшая личная связь русских беглых еретиков с местными вождями ересей Шимоном Будным, Петром из Гонендза, Мартином Чеховицем и др.² Довольно быстро Косой связался с членами тайного общества Литовских и Польских братьев.³ Этим, однако, дело не ограничилось. Феодосий Косой вместе с другими русскими еретиками, бежавшими в Литву, активно включился в местное еретическое движение и вскоре стал играть в нем лидирующую роль.⁴ Его соратник Фома не только проповедовал «новое учение», но и, по предположению А.И.Клибанова, возглавлял «реформационную общину в Полоцке», в чем исследователь усматривает важное свидетельство: «Русские религиозные вольнодумцы также свободно возглавляли верующих, участвовавших в белорусско-литовском реформационном движении, как и местные деятели движения приходили на смену русским проповедникам. Это предполагало единство взглядов русских и белорусско-литовских реформаторов. Об этом же говорит и факт “возвышения в сане” Фомы, что могло быть делом только самих белорусско-литовских реформаторов и являлось актом признания заслуг и способностей Фомы в проповеди реформационных идей, равно как и его организаторских способностей».⁵ Судьба Фомы завершилась трагично: в феврале 1563 года Иван Грозный, взяв Полоцк, распорядился утопить его в проруби.⁶ По приказу Ивана татары, принимавшие участие в военных дей-

¹ Нельзя согласиться с А.И.Клибановым, когда он утверждает, будто «новое учение» Косого «являлось наиболее концентрированным, последовательным и глубоким выражением традиций русского религиозного вольнодумства» (*Клибанов А.И. Народная социальная утопия в России...* С. 80). Ближе к истине М.В. Дмитриев, проводивший мысль о том, что «новое учение» Косого «составило органическую часть восточнославянского реформационного движения». – *Дмитриев М.В. «Новое учение» Феодосия Косого и реформационное движение в Речи Посполитой во второй половине XVI – начале XVII в. (К вопросу о масштабе восточнославянской реформации // Церковь, общество и государство в феодальной России. Сб. статей. М., 1990. С. 248.*

² См.: *Зимин А.А. И.С.Пересветов и его современники...* С. 187; *Алексюкович Н.А. Русские вольнодумцы в Белорусии // Из истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии. Минск, 1962; Подокшин С.А. Реформация и общественная мысль Белоруссии и Литвы...* С. 28; *Клибанов А.И. Народная социальная утопия в России...* С. 61–62.

³ *Малинин В.А. Русь и Запад.* С. 300.

⁴ Там же.

⁵ *Клибанов А.И. Народная социальная утопия в России...* С. 60. В другой книге А.И.Клибанова читаем: «В каком “возвысился сане” Фома? Кем он был “возвышен”? Очевидно, теми же, кем Фома “был направлен в Полоцк”. Деятельность соратников Косого после их бегства в Литву представляется, таким образом, в русле какого-то местного организованного реформационного течения». – *Клибанов А.И. Реформационные движения в России...* С. 273.

⁶ См.: *Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее важнейших деятелей. Кн. I. М., 1990. С. 462 (прим.); Будовниц И.У. Русская публицистика XVI века. С. 270 (прим.).*

ствиях, перебили бывших в Полоцке бернардинских монахов.¹ Грозный велел также утопить в Двине всех евреев, живших в городе и отказавшихся креститься.² Н.И.Костомаров так объяснил этот поступок царя: «Уже прежде Иван был предубежден против этого народа и не терпел его: когда-то в Москве приехавшие для торговли иудеи были выгнаны за то, что торговали “мумиею”, продавали отравные зелья и отводили людей от христианства».³ Вероятно, речь здесь следует вести не о предубежденности Ивана относительно евреев или его этнической неприязни к ним, т.е. об антисемитизме как таковом, а о религиозных коллизиях времени, в которых русскому православию сильно досаждала «ересь жидовствующих», бросавшая тень, по разумению православного люда, на евреев вообще.⁴ О том, что царь Иван, выступая в поход на Полоцк, не только помнил о «ереси жидовствующих», но и считал ее актуальной проблемой, свидетельствует, на наш взгляд, факт привлечения к походу старца Леонида – игумена Иосифо-Волоколамского монастыря,⁵ являвшегося, как мы знаем, главным центром борьбы с «жидовствующими».⁶ Леониду, вероятно, предназначалась роль эксперта по вопросам «ереси жидовствующих». Полоцк, похоже, представлялся государю одним из средоточий этой ереси. Поэтому, надо полагать, он назначил полоцким архиепископом Трифона Ступишина, являвшегося постриженником «Иосифа игумена Волоцкого»⁷ и, следовательно, активным противником еретиков.

Необходимо заметить, что религиозный аспект похода на Полоцк ясно обозначил новгородский архиепископ Пимен в своем послании «к благочестивому царю и великому князю Ивану Васильевичу», где говорится о том,

¹ Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее важнейших деятелей. Кн. I. С. 462.

² См.: Соловьев С.М. Сочинения: В 18-ти кн. М., 1989. Кн. III. С. 557; Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее важнейших деятелей. Кн. I. С. 462; Солженицын А.И. Двести лет вместе (1795–1995). Ч. I. М., 2001. С. 23; Скрынников Р.Г. Иван Грозный. М., 2002. С. 397; Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003. С. 332–333; Труайя Анри. Иван Грозный. М., 2003. С. 123.

³ Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее важнейших деятелей. Кн. I. С. 462 (прим.).

⁴ Когда в 1550 году польский король Сигизмунд Август просил царя Ивана разрешить еврейским купцам свободный въезд в Россию, то получил твердый отказ. обусловленный главным образом тем, что евреи вредили православной вере, отводя русских людей от христианства. «И ты бы, брат наш, вперед о Жидех к нам не писал», – внушительно заключал Иван. – См.: Гессен Ю. История еврейского народа в России. В двух томах. Л., 1925. Т. I. С. 8–9.

⁵ См.: ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. М., 2000. С. 359.

⁶ Вину за расправу над полоцкими евреями Р.Г.Скрынников частично возлагает и на игумена Леонида: «Жалкая участь постигла местное еврейское население. Благочестивый царь, отслужив молебен в честь победы над безбожными “люторами”, отдал приказ о расправе с евреями... Ответственность за происшедшее легала не на одном царе Иване. В походе на Полоцк его сопровождал игумен Иосифо-Волоколамского монастыря Леонид». – Скрынников Р.Г. Иван Грозный. М., 2002. С. 397.

⁷ Там же.

что государь должен «низложить врага креста Христова, и своих недругов и христианских врагов иконоборцев, богоотступных Латын и поганных Немцев и Люторские прелести еретиков, и храбръски и мужески подвизатися за святые церкви и за честные иконы, от безбожных погранных, и за православную христианскую веру Греческаго закона, еже по всей поднебесней, яко солнце, сияюще православие во области твоего царского отечества».¹

Надо было видеть, как русские входили в поверженный город. Впереди шли православные священнослужители «с пречюдным образом пречистые Богородицы Донским и с иными образы чудотворными и с честными кресты. Сам же царь и великий князь идяше за чудотворными образы и за честными кресты».² В древнем соборном храме Св. Софии государь, припадая к образам, воздавал хвалу Господу Богу, пречистой Богородице и великим чудотворцам, «что не в конец безбожнии Люторие церкви святые осквернили и разорили и святым иконам поругалися».³ Софийский протопоп и «священники з братиею, и все градские и посадские священники... благодарствене испущающе гласы, избавльшися и свободившися от Люторскаго насилования, что те Люторы отпали святые православныя веры, церкви разорили и иконам не поклонялися и поругание чинили великое».⁴ Монарх отправил в Москву «известительную грамоту» о победе, в которой сообщал, что «Господь наш Иисус Христос истинный Бог наш, к Матерним молбам призирая, излиыл на нас... несказанную свою милость, вотчину нашу город Полтеск нам в руки дал».⁵ По возвращении Ивана Васильевича в столицу «отец его и богомолец Макарии митрополит всеа Руси со архиепископом и епископы и со всем священным собором государю многолетствовали на его вотчине на Полотцску и благодарение велие и похвалы воздаша, что своим великим подвигом церкви святые от иконоборец Люторей очистил и достальных сущих христиан в православие собрал».⁶ Если учесть, что в лексике русских людей середины XVI века слово «лютори» («лютери», «люторы») применялось для обозначения еретиков вообще,⁷ можно с определенной уверенностью сказать: взятие Полоцка воспринималось русским православным людом как торжество «Святорусского царства» над различными отступниками от истинной веры, включая и тех, кто группировался вокруг феодосиянина Фомы, развернувшего активную еретическую деятельность в городе. Религиозный элемент в покорении Иваном Грозным Полоцка отмечают некоторые современные исследователи.⁸ Вернемся, однако, к обозрению связей русских еретиков со своими литовско-польскими единомышленниками.

¹ ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 351.

² Там же. С. 359.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 360.

⁵ Там же.

⁶ ПСРЛ. Т. 29. М., 1965. С. 319

⁷ Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники... С. 125. См. также: Дмитриев М. В. Православие и реформация... С. 66.

⁸ См., напр.: Хорошкевич А. Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. С. 336, 341.

А.И.Клибанов упоминает случай, когда один из русских еретиков-беглецов (некий Исая) «вместе с люблинским горожанином Валентином Кравцом возглавлял люблинскую церковь “братьев” в Польше».¹ То был деятель крайних (даже с точки зрения самих польских братьев) еретических воззрений.² В протоколе краковского синода 1567 года читаем: «Осиротела Люблинская церковь после смерти своего проповедника Поклепки. И послал дьявол туда двух фальшивых пророков: Исаяю, москвитянина, одного из тех семи попов московских, которые... ушли из Москвы в Польшу, спасаясь от жестокостей других попов и самого московского князя... Исаяя, будучи проповедником в Свежах у пана Волозки, подчасшего хелмского, между этими семью попами человек самый простой, был заражен от Валентина Кравца, люблинского горожанина, новым жидовством, то есть учением о непризнании Сына Божьего... Оба, Исаяя и Валентин, много зла творили в осиротелой люблинской церкви и свели от Господа Христа некоторых людей».³

Участие русских еретиков, в частности Фомы и Исаяи, в практической работе белорусско-литовских «вольнодумцев» есть, на наш взгляд, показатель не столько формального сходства их взглядов или общности социальной базы, на которую они опирались,⁴ сколько принадлежности этих деятелей к одной тайной организации, взявшей на вооружение единую в основе антихристианскую доктрину. Именно вследствие принадлежности к одной организации пропагандистами этой доктрины выступали как русские, так и литовско-белорусские еретики. Все они шли сомкнутым строем на штурм христианства.⁵ Надо согласиться с М.В.Дмитриевым в том, что «параллели и прямые созвучия в учениях феодосиан и польско-литовских ариан, их совместная проповедническая деятельность отнюдь не случайны. Они отражают не только сходство социально-экономических и политических причин, вызвавших к жизни реформационную идеологию, но и единство реформационного движения в масштабе всего восточнославянского региона. Русские еретики, украинско-белорусские вольнодумцы, польско-литовские реформаторы, не придавая значения разделявшему их ранее конфессиональному барьеру, выступали единым фронтом против христианских церковно-феодальных и религиозных институтов».⁶

Но единство «реформационного движения в масштабе всего восточнославянского региона» нельзя было обеспечить без координирующих цент-

¹ Клибанов А.И. Народная социальная утопия в России... С. 60.

² См.: Подокшин С.А. Реформация и общественная мысль Белоруссии и Литвы... С. 31–32.

³ Там же. С.А.Подокшин полагает, что в данном случае все было наоборот: не Исаяя заразился «новым жидовством» от Кравца, а Исаяя «увлек Кравца своим учением». – Там же. С. 32.

⁴ См.: Клибанов А.И. Реформационная и общественная мысль Белоруссии и Литвы... С. 66.

⁵ См.: Там же. С. 64.

⁶ Дмитриев М.В. «Новое учение» Феодосия Косого и реформационное движение в Речи Посполитой... С. 250.

ров. К числу таких центров принадлежал Раков, который, по словам Н.И.Кареева, «сделался сарматскими Афинами». ¹ Тут «была высшая школа с тысячей студентов в лучшее время ее существования, и среди них были и католики, и протестанты, и шляхтичи и плебеи; здесь существовала типография, выпускавшая социалианские издания». ²

Раков являлся организационным еретическим пунктом в Центральной и Восточной Европе. Здесь мы встречаем наиболее известных еретиков Польши и Литвы: Якуба из Калиновки, Лукаша Мундиуса, Яна Немоевского, Мартина Чеховица, Гжегожа Павла, Ежи Шомана и др. ³ Раковская община выступала в качестве некоего государства в государстве, устроенного на коммунистических началах: «Имущество считалось общественным достоянием, все члены общины, независимо от классового, сословного и национального различия были равны. Труд являлся главной обязанностью каждого». ⁴ То была своеобразная коммунистическая секта, враждебно настроенная по отношению к христианской церкви и государственности. Едва ли Феодосий Косой и другие беглые еретики из России находились в неведении относительно Раковской общины. М.В.Дмитриев пишет: «Факт тесного переплетения судьбы Феодосия и феодосиан с судьбой польско-литовских ариан-антиринитариан позволяет предположить, что их пути пересекались и в Раковской коммуне польских братьев. Ведь в Раков съехались представители арианских общин со всех концов Речи Посполитой, в том числе почти все деятели антиринитаризма из Великого княжества Литовского. “Здесь объединились многие люди из Великой и Малой Польши этого вероисповедания... а потом к ним присоединились многие представители шляхты из Литвы, Волыни и других областей”. Трудно допустить, чтобы Феодосий с товарищами остались в стороне от этого события. По сообщению А.Любенецкого, в 1572 г. большинство радикально настроенных проповедников разъехались по имениям магнатов и шляхты, преимущественно литовско-русской, причем некоторые из них оказались на Волыни. Может быть, именно эти слова объясняют появление Феодосия и Игнатия в доме волынского шляхтича в середине 70-х годов XVI в.». ⁵ Легко догадаться, что еретики разъехались по имениям магнатов и шляхты после соответствующих наставлений и рекомендаций, полученных в Ракове от руководителей еретического движения. Выбор для пропаганды имений преимущественно литовско-русской шляхты обнаруживает политический элемент в работе агитаторов, направленной на подрыв православной веры со всеми вытекающими отсюда последствиями для Руси.

¹ Кареев Н.И. История Западной Европы в Новое время. Т. II. СПб., 1908. С. 226. А.И.Клибанов уподобил Раков «Городу солнца» Т.Кампанеллы. — Клибанов А.И. Народная социальная утопия в России... С. 68.

² Кареев Н.И. История Западной Европы в Новое время. Т. II. С. 226.

³ Подокшин С.А. Реформация и общественная мысль Белоруссии и Литвы... С. 71.

⁴ Там же. С. 72. Ю.В. Бромлей и В.Д. Корольюк характеризуют эти порядки в духе уравнилельного коммунизма. — История Польши. Т. I. С. 185.

⁵ Дмитриев М.В. «Новое учение» Феодосия Косого и реформационное движение в Речи Посполитой... С. 239.

Да и вообще вольнодумство у нас, как заметил однажды Н.И.Костомаров, «нагулявшись в религиозном кругу вопросов, переходило к общественным и политическим».¹ Похоже, ему особенно и не нужно было гулять в названном кругу, ибо «ересь жидовствующих» и вышедшие из нее другие еретические учения были изначально нацелены на вопросы общественной и политической жизни. Прав Р.Г.Скрынников, когда говорит, что религиозные споры тогда «были неотделимы от политики».² Более того, можно сказать, что политика той поры нередко выступала в форме религиозных споров. Это в полной мере относится и к ересям на Руси середины XVI века, связанным с деятельностью Избранной Рады и возникновением Опричнины.

¹ Костомаров Н.И. Великорусские религиозные вольнодумцы в XVI веке... С. 302. Вспоминается здесь и Н.Хлебников, который, квалифицируя ереси на Руси той поры как «движение религиозных идей», отмечал, что оно «прямо отражалось на всей общественной и государственной жизни». — Хлебников Н. О влиянии общества на организации общества в царский период русской истории. СПб., 1869. С. 137.

² Скрынников Р.Г. Крест и корона. Церковь и государство на Руси IX–XVII вв. СПб., 2000. С. 211.

Глава V. РОЖДЕНИЕ СВЯТОРУССКОГО ЦАРСТВА

Выдающийся знаток истории Руси XV–XVI веков А.А.Зимин, подводя итоговую черту под политической деятельностью представителей «ереси жидовствующих» времен Ивана III, пришел, как мы знаем, к неутешительному для них выводу о том, что «"грозная власть", на которую так рассчитывали еретики конца XV в., обманула их надежды».¹ Сходным образом рассуждал Я.С.Лурье, который отмечал присущее еретикам конца XV – начала XVI века «стремление провести задуманные преобразования сверху, путем чудодейственного подчинения государственной власти своим планам».² Ошибочным, справедливо считает он, оказался этот замысел, «ошибкой была надежда на князя»,³ на «княжескую реформацию».⁴ Не сбылись мечтания «жидовствующих» и в период правления Василия III, когда их, так сказать, фактотум и «временной человек» при государе князь-инок Вассиан Патрикеев мог, казалось, своротить горы. Но и на сей раз ересь была обуздана, а ее вожди частью истреблены, частью разведены по узилищам. Еретики, получившим дважды столь наглядный урок, становилось ясно, что расчеты на самодержавную власть, на ее содействие в осуществлении задуманного переустройства русского общества – вещь несбыточная.

Первые признаки подобного прозрения обозначились во время правления Василия III и выражались в критике самовластья великого князя. Вспоминается И.Н.Берсень-Беклемишев, высказывавший недовольство тем, что государь «встреч (возражений) не любит», что «всякие дела делает, запершись сам трети у постели».⁵ Надо иметь в виду, что это говорил бывший «сторонник того курса, который осуществлялся при Иване III в кругу противников Софии, т.е. в кругу Дмитрия-внука (Федора Курицына и других

¹ Зимин А.А. Россия на пороге нового времени (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972. С. 350.

² Лурье Я.С. Русские современники Возрождения. Л., 1988. С. 141.

³ Там же. С. 130.

⁴ Там же. С. 132, 143. При этом Я.С.Лурье полагает, что XVI век в истории России стал «временем контрреформации. Ни Возрождение, ни Реформация на Руси не осуществились» (Там же. С. 143–144). С данным утверждением можно было бы согласиться в том случае, если бы Возрождение и Реформация начинались в России, но по каким-то причинам оказались прерванными. Однако ничего похожего на Руси той поры мы не видим.

⁵ См.: ААЭ. Т. I. СПб., 1836, № 172. С. 142, 143. «Правление Василия III, – пишет Р.Г.Скрынников, – вело к укреплению самодержавных порядков в России. Придворный Ивана III И.Беклемишев с осуждением говорил, что Василий III не проявляет уважения к старине, а дела делает не с Боярской думой, а с избранными советниками в личной канцелярии». – Скрынников Р.Г. Третий Рим. СПб., 1994. С. 74.

вольнодумцев)».¹ Мы знаем, сколь много для возвышения великого князя Ивана Васильевича сделала «партия еретиков» во главе со своим «начальником» посольским дьяком Федором Васильевичем Курицыным.² Европейцы, посещавшие тогда Москву, отмечали непомерную, по их понятиям, власть Ивана III, перед которым все «московиты» немели, склоняясь в безгласной покорности.³ Можно подумать, что гости из просвещенной Европы, имея поверхностные представления о русской действительности, рисовали искаженный образ московского правителя, наделяя его чрезмерной властью, на самом деле ему не свойственной. Но свидетельства отечественных источников мало чем отличаются в данном смысле от иностранных, изображая великого князя властителем, который распоряжался жизнью и смертью своих подданных – от простых людей до самых знатных, включая членов правящего дома. Приведем несколько характерных в этом отношении случаев.

В декабре 1497 года после раскрытия так называемого заговора Владимира Гусева, направленного против Дмитрия-внука, «князь велики Иван... повелел казнити детеи боярьских Володимера Елизарова сына Гусева да князя Ивана Палецкого Хруля, да Поярка Рунова брата, да Сщавья Скрыбина сына Травина, да Федора Стромилова сына, диака введенного, да Офонасья Яропкина. Казниша их на леду, головы им секоша...».⁴ Подвергнув суровому наказанию противников Дмитрия, Иван III венчал его (с возложением барм и шапки Мономаха) «на великое княжение Владимирское и Московское всея Руси».⁵ Прошло всего два года после казней на льду Москва-реки и торжественного венчания юного Дмитрия, как последовали новые государевы опалы, но теперь уже на сторонников внука. Летописец сообщает, что в январе 1499 года «князь великий велел поимати бояр своих князя Ивана Юриевича [Патрикеева] з детми, да князя Семена Ивановича Ряполовского; и велел казнити князя Семена Ивановича Ряполовского, отсекоша ему главу на реце на Москве, пониже мосту, февраля 5, во вторник; а князя Ивана Юриевича пожаловал от казни, отпустил его в черньци к Троици, а сына его князя Василия Ивановича Кривого отпустил в монастырь в Кирилов на Белоозеро».⁶ Падение князей Патрикеевых и Ряполовского повлекло усиление позиций княжича Василия Ивановича: «князь велики Иван пожаловал сына своего Василья, а нарек его великим князем и дал ему Новгород Великий и Псков».⁷

¹ Зимин А.А. Россия на пороге нового времени... С. 283.

² См.: Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий: (Очерки социально-политической истории). М., 1982. С. 113.

³ См.: Герберштейн Сигизмунд. Записки о московитских делах // Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев. Л., 1986. С. 47. См. также: Лурье Я.С. Русские современники Возрождения. С. 131–132.

⁴ ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. М., 2001. Стб. 352; Т. VIII. М., 2001. С. 234; Т. 28. М.; Л., 1963. С. 330. См. также: Зимин А.А. 1) Летописные свидетельства о коронации Дмитрия-внука и заговоре Владимира (1497–1498 гг.) // Летописи и хроники. М., 1974. С. 240–241; 2) Россия на рубеже XV–XVI столетий... С. 138–139.

⁵ ПСРЛ. Т. 28. С. 330.

⁶ Там же. С. 331.

⁷ ПСРЛ. Т. 22. Ч. I. СПб., 1911. С. 514.

Как видим, Иван Васильевич употребляет власть по собственному усмотрению, не прислушиваясь ни к кому, меняет наследников престола, не считаясь ни с кем. Довольно красноречив тот факт, что арест Патрикеевых был произведен тогда, когда Иван Юрьевич Патрикеев являлся «фактическим главой Боярской думы», когда «влияние группировки Патрикеевых в Боярской думе было, можно сказать, определяющим».¹ О чем это говорит? Конечно же, о том, что Иван III не считался с мнением Боярской думы и поступал, как ему заблагорассудится, даже в вопросах жизни и смерти ее представителей. Больше того, ни брат, ни сын, ни внук великого князя не могли быть уверены в своей безопасности. Иван велел арестовать и уморить в темнице родного брата Андрея Углицкого. Он подвергал опале сына своего Василия вместе с матерью Софьей. По его приказу были заточены Дмитрий-внук и мать Дмитрия княгиня Елена Стефановна, умершие в тюрьме.

И.Н.Берсень-Беклемишев был живой свидетель всем этим опалам и казням великого князя Ивана III. Но на старости лет у него, наверное, что-то с памятью стало, и он, порицая Василия III, восхвалял его родителя: «Добр, деи, был отец Великого Князя Васильев Князь Великий Иван и до людей ласков».² Не исключено, впрочем, что Берсень вспоминал былое, когда придворная партия «жидовствующих» находилась в зените своего могущества, когда лидеры ее протопоп Алексей и дьяк Федор Курицын имели «дерзновение к державному, яко никто же ин», когда «державный» Курицына «во всем послушаше». Возможно также и то, что Берсень, противопоставляя «ласкового» Ивана «суровому» Василию, использовал это противопоставление как полемический прием, опровергающий доводы политических противников.³ Надо, однако, заметить, что критика Берсением самодержавия Василия III дальше доверительных разговоров в монашеской келье не пошла. Иной характер она приобрела у его знакомого Федора Карпова,⁴ излагавшего свои взгляды письменно.

Ф.И.Карпов, подобно И.Н.Берсень-Беклемишеву, имел отношение к придворной группе «жидовствующих». Этому, по всей видимости, способствовало его происхождение из среды тверского боярства, затронутого ересью. Ведь Тверь в конце XV века являлась, по словам А.А.Зимина, «одним из очагов еретического вольномыслия. С нею тесными узами был связан малолетний наследник престола внук Ивана III Дмитрий, являвшийся знаменем московского кружка еретиков».⁵ Со временем Карпов дослужился до чина окольничего и стал крупным дипломатом, одним из руководителей восточной политики русского правительства.⁶

¹ Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий... С. 170, 171.

² ААЭ. Т. I, № 172. С. 142.

³ См.: Смирнов И.И. Очерки политической истории Русского государства 30–50-х годов XVI века. М.; Л., 1958. С. 20.

⁴ См.: Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988. С. 264–265.

⁵ Зимин А.А. Россия на пороге нового времени... С. 344.

⁶ См.: Синицына Н.В. Федор Иванович Карпов – дипломат, публицист XVI в. Автореф. канд. дисс. М., 1966. С. 11–14; Зимин А.А. Формирование боярской аристократии... С. 265.

Федор Иванович Карпов появляется впервые на страницах источников при весьма красноречивых, по нашему мнению, обстоятельствах: вместе с Федором Курицыным он сопровождает Ивана III во время поездки государя в Новгород (1495).¹ Общение с дьяком-еретиком не прошло бесследно для Карпова. А.А.Зимин пишет: «Впечатления, вынесенные Ф.И.Карповым от знакомства с русскими вольнодумцами конца XV в., сыграли огромную роль в формировании его взглядов».² Помимо еретиков конца XV века, сильное влияние на Карпова оказали древние авторы. Исследователи отмечают его основательное знакомство с античной литературой, философией, социологией и вообще – восприимчивость к античной культуре.³ Богословие и астрология вызвали в нем живой интерес. Среди современников он пользовался репутацией образованного и умного человека. «О, премудрый Феодоре!» – обращался к нему сам Максим Грек.⁴ Об умонастроении «премудрого Федора» можем судить по некоторым деталям. Относясь с большим доверием и похвалой к творчеству авторов языческой древности, ко всему тому, что написано «Омировым словом» и проникнуто «риторским разумом»,⁵ Федор Карпов дерзал «писати противу Иоанна Златоустаго и Августина»,⁶ выдавая тем самым свои предпочтения, которые, как видим, были явно не в пользу святоотеческой литературы. Если к этому добавить его увлечения астрологией, отвергающей божественный промысел и утверждающей веру во всемогущество звезд, чьим сочетанием якобы предопределяется судьба человека в момент его рождения, то станет ясно, что с православием у «премудрого Федора» были серьезные проблемы. Здесь проглядывает принадлежность Карпова к лагерю еретиков. На это косвенным образом намекает Максим Грек, характеризуя Аристотеля, превозносимого Федором, как «еретика и лестыца», «учаща ложна... и уставы блаженных отец не боящегося во всем».⁷

Обладание столь специфическими знаниями привело (и не могло не привести) Федора Карпова к достаточно радикальным идеям, хотя он, по-видимому, из чувства осторожности не высказывал их до конца, предпочитая, как однажды заметил А.И.Клибанов, говорить «вполголоса».⁸ Надо сказать, что радости познания Карпов, похоже, не испытал и, сойдя с твердой почвы пра-

¹ Зимин А.А. Россия на пороге нового времени... С. 344.

² Там же. См. также: Клибанов А.И. Духовная культура средневековой Руси. М., 1996. С. 217.

³ См., напр.: Ржигза В.Ф. Боярин-западник XVI века (Ф.И.Карпов) // УЗ Ин-та истории РАН ИОН. Т. IV. М., 1929; Буланин Д.М. Карпов Федор Иванович // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 1. Л., 1988. С. 460; Клибанов А.И. 1) «Правда» Федора Карпова // Общество и государство феодальной России. М., 1975; 2) Духовная культура... С. 212–214.

⁴ Синецына Н.В. Максим Грек в России. М., 1977. С. 87. Максим Грек называл также Федора Карпова «пречестнейшим». – См.: Буланин Д.М. Карпов Федор Иванович. С. 461.

⁵ Буланин Д.М. Карпов Федор Иванович. С. 460.

⁶ Синецына Н.В. Максим Грек в России. С. 88.

⁷ Там же. С. 85.

⁸ Клибанов А.И. Духовная культура... С. 208.

вославленной веры, впал в великое смущение и соблазн. «Изнемогаю умом, в глубину впад сомнения»;¹ «великими скорбями одржим есмь»,² – то и дело раздается его жалобный голос.

Ф.И.Карпов исходил из признания необходимости существования власти. «царей» и «начальников»: «Тем же въ всяком языке и людех треба есть быти царем и начальником, иже подобають имети подобие гуслей игреца Давида в себе. Якоже бо гусленник струны блядущие соединяють к согласию и к соединению сладкости бряцания, касая, приводит».³ Однако власть не должна быть произвольной или неограниченной: «Всяк град и всяко царство... управлятися имать от начальник в правде и известными законы праведными, а не трпением».⁴ Карпов принимает монархическую форму правления, не предлагая ничего ей взамен.⁵ Но желанным ему представляется «монархическое государство, основанное на законе, правде и милости».⁶ Его политический и социальный идеал – «гражданская» монархия.⁷ По словам А.И.Клибанова, эта монархия «была политической утопией русского гуманиста, отталкивавшаяся от противоречивой действительности и весьма далеко выходившая за пределы общества, в котором жил и действовал Карпов. Эта утопия питалась наследием классической древности, вполне вероятно, и впечатлениями, которые черпал Карпов в ходе своей внешнеполитической деятельности, и, конечно, традицией русского свободомыслия. С его выдающимся представителем Федором Курицыным Карпов был знаком лично».⁸ Однако Федор Карпов, как показал А.И.Клибанов и как заметил в свое время А.А.Зимин,⁹ пошел дальше Федора Курицына, возлагавшего большие надежды в реформировании русского общества (соответственно планам «жидовствующих») на великого князя Ивана III и жестоко просчитавшегося. Карпов, в отличие от Курицына, значительно критичнее настроен в отношении самодержавной власти. Он совершенно не удовлетворен современной ему действительностью, наблюдая, какими «вредными и неугодными стезями хромыми ногами, слепыма очима она земная власть и все естество человеческое ходить ныне».¹⁰ Не являлась здесь исключением самодержавная власть московского правителя. Карпов выступил против неограниченной власти русского самодержца.¹¹

¹ Зимин А.А. Россия на пороге нового времени... С. 346.

² Послание Федора Карпова митрополиту Даниилу // Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI века. М., 1984. С. 506.

³ Послание Федора Карпова митрополиту Даниилу. С. 512.

⁴ Там же. С. 510, 512.

⁵ Клибанов А.И. Духовная культура... С. 213.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 217.

⁸ Там же.

⁹ Зимин А.А. Россия на пороге нового времени... С. 350.

¹⁰ Послание Федора Карпова митрополиту Даниилу. С. 516.

¹¹ См.: Кимеева Е.Н. «Послание митрополиту Даниилу» Федора Карпова // ТОДРЛ. Т. 9. М.; Л., 1953.

Итак, государство, по убеждению Карпова, должно строиться на началах «правды» и «закона». Под «правдой» наш мыслитель понимал справедливое управление государством, справедливый общественный строй, а под «законом» – нормы людского общежития.¹ Важно отметить, что политическая теория, развивавшаяся Ф.И.Карповым, соответствовала идеалу правового государства, зарождавшегося в европейской политической мысли XVI века.² И она, конечно, расходилась с теорией православного царства, создаваемого на основе симфонии двух властей – светской и духовной, т.е. противоречила идее строительства русского национального государства в форме теократического самодержавия.

В условиях борьбы с «ересью жидовствующих», то затихающей, то разгорающейся вновь, идеи Федора Карпова вряд ли могли остаться незамеченными и безнаказанными. По всей видимости, «премудрый Федор», подобно другим своим собратьям вольнодумцам, плохо кончил, подвергшись опале со стороны высшей власти.³ Сохранилось свидетельство одного источника, позволяющее более конкретно уяснить, в чем усматривали вину Карпова. Речь идет об описи книг Иосифо-Волоколамского монастыря, составленной в 1545 году. Там упоминается книга «Сава сербьской», которую «по Федоре по Карпове дали».⁴ Перед нами вклад на помин души, произведенный после смерти Федора, случившейся, по догадке И.И.Смирнова, около 1539 года.⁵ Не означает ли данное свидетельство, что опальный Федор Карпов перед своей кончиной находился в Иосифо-Волоколамском монастыре «на исправлении», как это было с Максимом Греком, Вассианом Патрикеевым и Матвеем Башкиным? Дав положительный ответ на поставленный вопрос, мы должны будем признать причастность Карпова к ереси, поскольку именно в Волоколамский монастырь, являвшийся антиеретическим центром, направляли тогда для перевоспитания осужденных еретиков. Факт заключения в Иосифо-Волоколамском монастыре можно рассматривать в качестве своеобразного еретического клейма. И Федор Карпов, как видим, не избежал этого клейма. Возможно, конечно, и другое толкование источника, не предполагающее пребывания Карпова в Иосифовой обители. Но в этом случае необходимо объяснить, почему его родичи избрали для вклада Волоколамский монастырь. Наверное, потому, что этот монастырь, прославившийся непримиримой борьбой с «ересью жидовствующих», был наиболее подходящим местом замаливания грехов Федора. Если это так, то мы едва ли ошибемся, если скажем, что эти грехи имели еретический характер.

¹ Зимин А.А. Россия на пороге нового времени... С. 349; Буланин Д.М. Карпов Федор Иванович. С. 460.

² Зимин А.А. Россия на пороге нового времени... С. 348.

³ Клибанов А.И. Духовная культура... С. 207. Ср.: Зимин А.А. Формирование боярской аристократии... С. 265.

⁴ Георгиевский В.Т. Фрески Ферапонтова монастыря. СПб., 1911. Приложение. С. 15; Зимин А.А. Формирование боярской аристократии... С. 279 (прим. 82).

⁵ Смирнов И.И. Очерки... С. 84. А.А.Зимин полагает, что «умер он, очевидно, в 1540 г.». – Зимин А.А. Формирование боярской аристократии... С. 265.

Нельзя изображать Ф.И.Карпова в качестве мыслителя-одиночки, не имеющего сторонников и единомышленников. Н.В.Синицына обратила внимание на два любопытных текста из ответного послания Максима Грека Карпову: «Многим буйством и безумием зазираете нас по всему посланию вашему...; глаголанная добре святыми зле вы разумеюще и ко своему мудрованию развращающе».¹ Комментируя данные тексты, Н.В.Синицына резонно замечает: «Послание Карпова Максим Грек воспринимает как отражение представлений какой-то группы людей ("послание ваше")».² Так случайно и неожиданно выявляется связь Федора Карпова с некой группой людей, объединенных общими идеями. Вряд ли следует сомневаться в еретической сути этих идей. Из слов Грека ясно, что они находятся в резком противоречии с учением святых отцов церкви: «глаголанное добре святыми зле вы разумеюще и ко своему мудрованию развращающе». Надо также иметь в виду, что «мудрование» относительно вопросов веры означало в то время еретическое вольномыслие. О том, кто входил в группу, с которой был связан Карпов, можно судить по государственному статусу последнего. Федор Карпов, как известно, занимал достаточно высокое положение в правительстве. Участники названной группы, по-видимому, обладали примерно таким же статусом. Стало быть, вполне правомерным является предположение о существовании при дворе великого князя еретической группировки, ведущей свое происхождение от «жидовствующих» конца XV века.

Итак, еретики времен правления Василия III хотя еще и не утратили полностью надежд на «княжескую реформацию», но, в отличие от своих собратьев – «жидовствующих» конца XV – начала XVI века, – все более склонялись к критике самодержавной власти. Слово стало тогда их главным оружием. К открытым и широким политическим действиям они, сильно ослабленные и напуганные разгромом начала XVI века, а также последующими преследованиями и репрессиями при Василии III, были не способны, хотя, как увидим ниже, интриговали, провоцируя мятежи и заговоры против трона. И все же новые «жидовствующие» не смогли по-настоящему воспользоваться даже благоприятным временем боярского правления 1538–1547 гг., когда хоругвь русского самодержавия находилось в слабых руках юного Ивана IV. Однако безвременье боярского правления позволило им окрепнуть и снова обсесть трон. Чрезвычайно важное событие в истории страны вообще и русского самодержавия в частности заставило их сплотиться и снова начать поход против самодержавной власти, православной веры и церкви. А случилось – вот что.

В декабре 1546 года великий князь Иван IV велел митрополиту Макарию собрать всех бояр (в том числе опальных) и явиться к нему. Встреча состоялась: «с митрополитом все бояре у великого князя были и выидоша от великого князя радостны».³ Опальные бояре радовались, по-видимому, неожиданной амнистии, а все вместе взятые – ласковому обхождению государя. Было это 14 декабря 1546 года, во вторник. 17 декабря, в пятницу, Макарий и все бояре снова посетили великого князя, который «перед бояры рек

¹ Синицына Н.В. Максим Грек в России. С. 96.

² Там же.

³ ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. М., 2000. С. 450.

митрополиту: “Милостью Божиею и пречистые Его Царици Богоматери, и великих чудотворцов Петра и Алексия, Ионы и Сергия Чудотворца и всех святых Русских чудотворцов молитвами и милостью, положил на них упоование, а у тебя, отца своего, благословяся, помыслил есми жениться... А помышлял есми жениться в ыных царьствах, у короля у которого или у царя у которого, и яз, отче, тое мысль отложил, в ыных государьствах не хочю жиниться для того, что яз отца своего государя великаго князя Василия и своей матери остался мал: привести мне за себя жену из ыного государьства, и у нас нечто норovy будут розные, ино межу нами тщета будет; и яз, отче, умыслил и хочю жениться в своем государьстве, у кого ми Бог благоволит, по твоему благословению”. Митрополит же и бояре от радости заплакаху, видяще такова государя млада суца, а ни с ким советующа, разве Божия промысла, таков благ помысл хотяща исполнити).

Митрополит благословил государя «жениться», где он «умыслит», а бояре «похвалиша добрый его [Ивана] совет на благое дело». ¹ Но дело этим не кончилось. Великий князь далее «учял говорити богомолцу и отцу своему Макарию митрополиту и своим бояром: ”По твоему, отца своего митрополита, по благословению и с вашего боярского совету хочю я напред своей женитвы поискати прежних своих прародителей чинов: как наши прародители цари и великие князи и сродничь нашъ великий князь Владимир Всеволодичь Мономах на царство на великое княжение сядилися, и яз по тому ж тот чин хочю исполнити и на царство на великое княжение хочю сести. И ты, господине отец мой Макарий митрополит, то дело благослови меня совершити”. И Макарий митрополит слышев то от государя великого князя и благословил его прежних прародителей его чинов искати, и на царство на великое княжение благословил сести; а бояре, то слышав, велми же возрадовашася, что государь в таком во младеньчестве, а прародителей своих чинов великий царей и великих князей поискал». ²

16 января 1547 года произошло венчание на царство «великого князя Ивана Василиевича всея Руси». Летопись довольно подробно повествует об этом торжестве. ³ Ивана венчали животворящим крестом, присланным якобы в свое время византийским императором Константином Мономахом «на поставление великим князем Русским», бармами и царским венцом — шапкой Мономаха.

Первый выезд царя из столицы был связан с посещением Троице-Сергиева монастыря: «Того же месяца 25 поехал царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси к живоначалной Троицы в Сергиев монастырь помолитися и к чудотворцевым мощем приложитися и молебного пения послушати, игумену и всем старцем великия обители повеле о своем здравии Бога молити, о милости Божией и о укреплении царьства его; и удоволил их милостынею доволно и кормом, а на Москву приехал того же месяца 28». ⁴

¹ Там же.

² Там же. С. 450–451.

³ Там же. С. 451–453.

⁴ Там же. С. 453.

3 февраля состоялась «свадьба» Ивана. «Русский царь и великий государь» женился, выбрав в супруги Анастасию Романовну Захарьину, принадлежавшую к одному из наиболее древних и знатных родов московского боярства.¹ «И бысть, — говорит летописатель, — радость велиа о государьском браке». После свадьбы государь «ходил молиться пешь к живоначальной Троицы в Сергиев монастырь с своею царицею Анастасиею и з братом своим со князем Юрьем Василичем, и молебная совершив и ту сущую братию учреди...».²

Источником приведенных нами сведений, касающихся венчания на царство и женитьбы московского правителя, является так называемая Царственная книга³ — «официальная летопись времени Ивана Грозного, излагающая события 1533–1553 гг.»⁴ и представляющая собой один из последних двух томов Лицевого свода.⁵ Царственная книга, как полагают исследователи, подверглась основательному редактированию, в ходе которого в нее были внесены существенные поправки и сделаны вставки (интерполяции), относящиеся к важнейшим событиям политической жизни Руси. У историков нет единого мнения по вопросу о времени и причинах этого редактирования. Но они уверены в том, что автором приписок, политически тенденциозных по характеру, был Иван Грозный, непосредственно вмешавшийся в летописную работу с целью собственного (благоприятного для себя) истолкования истории своего правления.⁶ Получалось так, будто «Грозный сознательно и настойчиво подменял в создававшемся по его указанию исто-

¹ См.: Соловьев С.М. Сочинения. Кн. III. М., 1989. С. 419.

² ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 453.

³ Аналогичные сведения содержит имеющая черновой характер Александровская летопись, что повышает надежность известий Царственной книги. — См.: ПСРЛ. Т. 29. М., 1965. С. 6, 148–150.

⁴ Шмидт С.О. 1) Становление российского самодержавства. Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М., 1973. С. 42; 2) Российское государство в середине XVI столетия. Царский архив и лицевые летописи времени Ивана Грозного. М., 1984. С. 188; 3) У истоков российского абсолютизма: Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М., 1996. С. 50.

⁵ Шмидт С.О. Российское государство... С. 187.

⁶ См., напр.: Альшиц Д.Н. 1) Иван Грозный и приписки к лицевым сводам его времени // Исторические записки. Т. 23. М., 1947; 2) Происхождение и особенности источников, повествующих о боярском мятеже 1553 года // Исторические записки. Т. 25. М., 1948; 3) Источники и характер редакционной работы Ивана Грозного над историей своего царствования // Труды отдела рукописей Государственной публичной библиотеки им. М.Е.Салтыкова-Щедрина. Т. 1(4). Л., 1957; 4) Начало самодержавия в России. Государство Ивана Грозного. Л., 1988. С. 207–227; Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 255–291; Шмидт С.О. 1) Становление российского самодержавства... С. 42–66; 2) Российское государство... С. 186–216; 3) У истоков российского абсолютизма... С. 50–72; Скрынников Р.Г. 1) О времени работы Ивана Грозного над Лицевым сводом // Культурное наследие древней Руси. М., 1976; 2) Загадка древнего автографа // Вопросы истории. 1977, № 9; 3) Царство террора. СПб., 1992. С. 20–31.

рическом труде действительную историю своего царствования своим собственным ее вариантом, тенденциозно освещал события, “казнил” и “миловал” на страницах летописи бывших сподвижников по своему произволу в зависимости от отношения к ним на момент редактирования летописи...».¹ Однако в подобных утверждениях больше остроумных догадок и предположений, чем строго обоснованных и выверенных фактов. По-другому и быть не может, поскольку очень зыбка здесь почва, на которую вступает ученый. Не случайно такой тонкий историк-исследователь, как А.Е.Пресняков, написавший специальное исследование на данную тему, вынужден был признать, что изучение соответствующих рукописей «мало разъясняет вопрос, наиболее для нас важный, об авторе и источниках тех сделанных скорописью добавлений, в которых все значение “Царственной книги” как исторического источника... Все это гадательно, темно и неопределенно. Приходится положить перо, не получив ответа на самый важный и интересный из вопросов, касающихся “Царственной книги”».² К настоящему времени в данном вопросе, на наш взгляд, не произошло радикальных перемен.³ Современный историк С.О.Шмидт, завершая свое исследование о редактировании лицевых летописей времени Ивана Грозного, делает честное признание: «Автор сам сознает неравнопрочность отдельных частей его конструкций. Многие положения данной работы в той или иной степени гипотетичны. Предстоит еще проверить срок службы этих построений. Ощущается потребность в дальнейших исследованиях той же тематики, в проверке степени состоятельности и этих гипотез... Пока утверждать допустимо только то, что лицевые Царские летописи созданы не ранее 1570-х годов, что эти “памятные книги времени” (во всяком случае, о событиях времени Ивана Грозного) отражают взгляды царя Ивана, идеологию “самодержавства” и являются памятником, употребляя определение Б.А.Рыбакова, “полемиического летописания”».⁴ Вот, собственно, и все, что можно сегодня найти в «научном рюкзаке» новейшего исследователя. Остальное – шелуха авторских гипотез.

¹ *Альшиц Д.Н.* Начало самодержавия в России... С. 218.

² *Пресняков А.Е.* Царственная книга, ее состав и происхождение. СПб., 1893. С. 36.

³ Впрочем, некоторые довольно солидные историки отмечают тут существенный сдвиг, связывая его с трудами Д.Н.Альшица. Так, С.Б.Веселовский принимал и считал «вполне убедительно обоснованными почти все выводы Д.Н.Альшица» (*Веселовский С.Б.* Исследования по истории опричнины. С. 255). По словам А.А.Зимина, «одним из основных источников для изучения политической истории 40–50-х годов XVI в. являются вставки в Лицевой летописный свод, содержащие красочный рассказ о мятеже 1553 г., восстании 1547 г., выступлении пищальников 1546 г. и некоторые другие интересные сведения. Д.Н.Альшиц благодаря тонкому источниковедческому анализу выяснил, что составителя всех этих приписок следует искать в канцелярии Ивана Грозного. Он также весьма убедительно показал, что приписки имеют тенденциозную направленность, связанную с событиями 60–70 годов XVI в.». – *Зимин А.А.* Реформы Ивана Грозного. Очерки социально-экономической и политической истории России середины XVI в. М., 1960. С. 44, 231.

⁴ *Шмидт С.О.* Российское государство... С. 213.

Свою ближайшую задачу мы видим в том, чтобы уяснить, насколько взгляды царя, идеология «самодержавства» (если таковые нашли отражение в официальной летописи) соответствовали реальной действительности, а также определить историческое значение венчания Ивана на царство. Первый вопрос, который встает перед исследователем в данной связи, состоит в том, чем вызвана была потребность венчания великого князя Ивана на царство и по чьей инициативе оно совершилось.

Известный специалист в области истории царствования Ивана Грозного Р.Г.Скрынников говорит: «Правление Ивана началось неладно. Пролилось много крови. Необходимо было исправить впечатление и упрочить авторитет монарха. При таких обстоятельствах в окружении государя возникли планы его коронации царским венцом».¹ Это, на наш взгляд, поверхностное объяснение, низводящее крупное событие в истории русской государственности на уровень случайности: начинись правление Ивана ладно, для коронации его, по логике Р.Г.Скрынникова, не было бы причин. Более обоснованным представляется мнение, согласно которому коронация Ивана преследовала цель укрепления самодержавной власти московского государя, ослабленной в годы боярского правления.² Действительно, своеволие бояр в годы малолетства Ивана-сироты достигло всех мыслимых пределов. Едва ли Грозный сильно сгущал краски, когда позднее писал Курбскому: «Князь Василей и князь Иван Шуйские у меня в бережении учинилися, и тако воцаришася; а тех всех, которые отцу нашему и матери нашей были главные изменники, ис понимания [поимания] их выпускали и к себе их примирили. А князь Василей Шуйский на дяди нашего княж Андрееве дворе учал жити... и тако свое хотение во всем учиниша, и сами убо царствовати начаша».³ Отсюда понятно, почему «в практику законодательной деятельности в это время внедряются решения Боярской думы как равнозначные с великокняжескими указами».⁴ Государь лишь номинально значился самодержцем, будучи вынужден покоряться воле бояр-узурпаторов. Приведем один, достаточно характерный в данном отношении случай. В сентябре 1543 года бояре Шуйские «да их советницы» учинили «пред великим князем и перед митрополитом в Столовой избе у великого князя на совете» шумный скандал. Они «изымаша» Федора Воронцова (любимца Ивана) «за то, что его великий государь жалует и бережет. И биша его по ланитам и платие на нем ободраша и хотеша его убить. И посла к ним государь митрополита и бояр своих Ивана и Василия Григорьевичев Поплевиных Морозовых, чтобы Федора не убили. Для госу-

¹ Скрынников Р.Г. Иван Грозный. М., 2002. С. 32. См. также: Скрынников Р.Г. История Российская IX–XVII вв. М., 1997. С. 260.

² См., напр.: Базилевич К.В. История СССР от древнейших времен до конца XVII века. М., 1950. С. 276; Бахрушин С.В. Научные труды. Т. II. М., 1954. С. 265–266; Дмитриева Р.П. Сказание о князьях владимирских. М.; Л., 1955. С. 111; Смирнов И.И. Очерки... С. 113; Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного... С. 274; Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб., 1996. С. 57–58.

³ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979. С. 27–28, 76.

⁴ Зимин А.А., Хорошкевич А.Л. Россия времени Ивана Грозного. М., 1982. С. 35.

дарева слова Шуиские Федора не убили. Они же ведоша его с великого князя сенеи с великим срамом биюще и пхающе на площадь и отослаша его за Неглимну на Иванов двор Заицова. И государь посылал к ним опять митрополита и бояр к Шуиским: коли Федору и сыну его Ивану на Москве быти нелзе, ино Федора и сына его Ивана послали на службу на Коломну. И Шуиские того не похотели да приговорили послати Федора и сына его Ивана на Кострому. И государь по Шуиских приговору велел Федора и сына его Ивана послати их на Кострому».¹ По-видимому, перед нами не единственный случай, когда Иван подчинялся приговору Шуйских. Венчание Ивана Васильевича на царство должно было покончить с подобной практикой.

Но этим, по нашему убеждению, не исчерпываются причины коронации. И здесь следует привлечь внимание к словам Б.Н.Флори: «Венчание Ивана IV на царство 16 января 1547 года было своеобразным завершением тех перемен во взглядах на характер власти московских государей, которые происходили в сознании интеллектуальной элиты русского общества на протяжении столетия. Теперь русский государь стал царем – императором, наделенным всей суммой прав, связанных с обладанием этим титулом не только фактически, но и формально».² Ценным свойством подхода автора к проблеме является, на наш взгляд, его стремление рассматривать венчание на царство Ивана как завершающий момент длительного процесса формирования власти московских государей. Необходимо только несколько иначе взглянуть на основное содержание этого процесса и видеть в нем не столько перемены во взглядах на характер власти московских великих князей, сколько перемены в сути самой власти московских государей, эволюционирующей в сторону самодержавия. С этой точки зрения венчание на царство Ивана IV есть заключительный этап складывания самодержавия на Руси и вместе с тем – юридическое оформление самодержавной государственности, знаменующее рождение «Святорусского царства», прошедшего этап утробного развития. Следует согласиться с И.И.Смирновым, который говорил, что «принятие царского титула Иваном IV было крупной политической реформой. Ее значение состояло в том, что “акт венчания на царство” Ивана IV юридически оформлял и закреплял целый этап борьбы за создание самодержавной власти московских государей... Объявление Ивана IV царем переводило политическую концепцию московских книжников XV–XVI о сущности царской власти и ее самодержавном характере из области теории в сферу государственной практики. “Самодержавие” московских государей представляло собой формулу, выразившую сущность нового типа государственной власти...».³

Возведению московского властителя в царский сан предшествовала более чем полувековая история развития «самодержавства», начало которой относится ко времени правления Ивана III.⁴ Одним из внешних проявлений

¹ ПСРЛ. Т. 29. М., 1965. С. 144.

² Флоря Б.Н. Иван Грозный. М., 1999. С. 96.

³ Смирнов И.И. Очерки... С. 117–118.

⁴ Ср.: Филошкин А.И. Титулы русских государей. М.; СПб., 2006. С. 55–63.

зарождающегося самодержавия следует считать обряд венчания Дмитрия Ивановича на великое княжение в 1498 году, во многом сходный с обрядом венчания Ивана Васильевича на царство.¹ По словам Р.П.Дмитриевой, в основу чина венчания на царство Ивана IV «был положен чин поставления на великое княжество внука Ивана III – Дмитрия Ивановича. Связь между ними установить нетрудно. Обряд в обоих случаях в общих чертах совпадает. Кроме того, имеются текстуальные совпадения в отдельных частях того и другого чина. В чине венчания Дмитрия Ивановича роль великого князя Ивана III в обряде венчания не менее активна, чем роль митрополита. Он принимает участие в поставлении, надевает княжескую шапку на внука, произносит поучения. Когда происходило венчание Ивана IV, отца его, как известно, не было в живых, но в чине его признается присутствие великого князя, который принимает участие в венчании так же, как Иван III в чине Дмитрия Ивановича. Из сказанного видно, что чин венчания Ивана IV зависит от чина венчания Дмитрия Ивановича».² Нет сомнений, что эта зависимость свидетельствует о генетической связи двух венчаний, их родстве и принадлежности к одному и тому же типу конструкции государственной власти, находящейся, впрочем, на разных этапах своего строительства, соответствующих первому и второму венчанию, – начальном и конечном. Так коронация Ивана IV встраивается в систему причинно-следственных отношений, начавшей свой временной отсчет с конца XV века.

В правление Василия III власть московского великого князя превратилась в самодержавную власть не только по названию, но и по существу. «После почти тридцати лет управления государством, – пишет Р.Г.Скрынников, – Василий III сосредоточил в своих руках огромную власть. Современники недаром бранили великого князя за то, что он решает все дела с несколькими ближайшими советниками – “сам третьей у постели” – без совета с Боярской думой».³ А.А.Зимин в книге, посвященной истории Руси времен Василия III, выделяет главу с характерным названием «Земной бог».⁴ Постепенно входит в обиход применение по отношению к Василию III титула «царь».⁵ Предпринимались попытки ввести царский титул московского государя в практику отношений с иностранными государствами. Известен, например, проект русско-имперского договора 1514 года с признанием за Василием III царского титула.⁶ По словам новейшего исследователя, «Василию III уда-

¹ См.: Соловьев С.М. Сочинения: В 18-ти кн. Кн. III. М., 1989. С. 419.

² Дмитриева Р.П. Сказание о князьях владимирских. С. 114–115. См. также: Зимин А.А. И.С.Пересветов и его современники. Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI века. М., 1958. С. 77 (прим. 45); Миллер Д.Б. Коронация Ивана IV Московского // Макариевские чтения. Вып. III. Ч. 1. Можайск, 1995.

³ Скрынников Р.Г. Иван Грозный. М., 2002. С. 13.

⁴ Зимин А.А. Россия на пороге нового времени... С. 124–141.

⁵ Там же. С. 141.

⁶ Государственный архив России XVI столетия. Опыт реконструкции. Подготовка текста и комментарии А.А.Зими́на. Кн. I–III. М., 1978. С. 113.

лось добиться признания его царского титула некоторыми государствами, в частности Турцией...».¹ Тот же Василий «на переговорах с Пруссией употреблял титул: “государь Василей, Божиею милостию царь и государь всея Руси и великий князь”. Правитель Москвы называл себя царем и в отношениях с Датским королевством (1519), Священной Римской империей (1506, 1517, 1518), Ливонским орденом. С. Герберштейн писал о Василии III: “титул царя он употребляет в сношениях... с папой, королем шведским...”».² Не исключено, что Василий Иванович подумывал о венчании на царство, но неожиданная смертельная болезнь помешала осуществлению этого замысла. Тогда он перенес его на своего сына-наследника.

Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича повествует о том, как Василий III, будучи на смертном одре, благословил сына своего Ивана «святым и животворящим крестом», которым «святый Петр чудотворец» благословлял великого князя Ивана Даниловича и весь род «князеи Володимерских и всеа Руси», тем самым крестом, «которой прислан из Царягорода от царя Костянтина Манамаха великому князю Володимеру Манамаху, и венец царской и диядимы и царские, ими же венчан царь Манамах». По летописцу, это означало, что Василий III «сыну своему на царство венчаться повелевает, еже божием благоволением и бысть».³

Летописный памятник, выдержки из которого приведены нами, составлен, как полагает А.А.Зимин, при участии А.Адашева⁴ и представляет собою источник, запечатлевший официальные политические идеи 40-х годов XVI столетия.⁵ Возможно, это так. Однако с историком нельзя согласиться в том, будто составитель Летописца начала царства заимствовал фактическую сторону рассказа о смерти Василия III из Воскресенской летописи.⁶ Достаточно сказать, что в Воскресенской летописи отсутствует содержащееся в Летописце повеление венчаться на царство, отданное умирающим великим князем своему сыну. Правда, А.А.Зимин не придает серьезного значения данному обстоятельству. «Составитель Летописца, – говорит он, – используя мотивы Сказания о князьях владимирских, добавляет в свой рассказ сообщение о том, что якобы Ивана IV благословил мономаховым венцом еще Василий III перед своей смертью. Таким образом, венчание на царский престол в 1547 г. представлялось как бы исполнением Иваном IV воли его отца».⁷ Или: «По Летописцу начала царства Василий якобы благословляет Ивана мономаховым венцом..., как бы “провидя” коронацию 1547 г.»⁸ Выражения

¹ Филошкин А.И. Титулы русских государей. С. 78.

² Там же. С. 80.

³ ПСРЛ. Т. 29. С.9.

⁴ Зимин А. А. И.С.Пересветов и его современники: Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI века. М., 1958. С. 31. См. также: Скрынников Р.Г. Царство террора. СПб., 1992. С.18.

⁵ Зимин А.А. И.С.Пересветов и его современники... С. 29, 30.

⁶ Там же. С. 32.

⁷ Там же. С. 32–33.

⁸ Зимин А.А. Россия на пороге нового времени... С. 391.

«якобы», «как бы», употребляемые А.А.Зиминим, говорят о том, что исследователь не верит в действительный характер сообщения Летописца об умирающем великом князе, благословившем своего сына-наследника мономаховым венцом и повелевшем ему венчаться на царство по достижении совершеннолетия. Оказывается, это придумал составитель Летописца, очарованный мотивами Сказания о князьях владимирских. Но критика источника не должна переходить в крайность. Во всяком случае, А.А.Зимин должен был объяснить, почему упомянутые сведения, помимо Летописца начала царства, встречаются в Чине венчания на царство Ивана Грозного, составленном митрополитом Макарием.¹ В речи Ивана, содержащейся в Чине венчания и обращенной к митрополиту, сказано: «Отец мой князь великий Василей Иванович всеа Руси меня, пръвого сына Ивана, при собе еще и после себя благословил великим княжеством, Владимирским, и Новгородским, и Московским, и всеа Руси, и повелел мне стати на то великое княжество, и помазатися и венчатися царьским венцем, нареццися великим князем, боговенчанным царем, по древнему нашему царскому чину, да о том отец мой князь великий и в духовной своей написал: и ты бы, отецъ наш, на то на великое княжество, по Божией воли и по благословению отца моего великого князя Василя Ивановича, всеа Руси самодръжца, меня благословил и помазал, и поставил и нарек великим князем, боговенчанным царем, и венчал бы еси меня тем царским венцем, по древнему нашему царскому чину».² В ответной речи митрополит Макарий молвил: «Божия воля състалась, отецъ твой князь великий Василей Иванович, все Руси самодръжець, оставль земное царство и прием ангельский образ отъиде на небесное царство, а тебя, Богом дарованного и възлюбленнаго пръваго сына своего Ивана, при собе еще и после себя благословил великим княжеством, Владимирским, и Новгородским, и Московским, и всеа Руси, и велел тебе, сыну своему Ивану, на то на великое княжество стати и помазатися и венчатися боговенчанным царским венцем, по древнему вашему царскому чину: и нам бы тобя о святем Дусе господина и сына великого князя Ивана Васильевича, всеа Руси самодръжца, по Божией воли и по благословению отца твоего великого князя Василя, всеа Руси самодръжца, благословити и поставити на великое княжество, и нареци и помазати, и венчати царским саном и венцем».³

Невозможно заподозрить в неправде государя и митрополита, произносящих речи в главной святыни Руси – Успенском соборе. Это полностью исключено. И что же мы слышим? И великий князь, и митрополит единодушно свидетельствуют о том, что Василий III благословил сына Ивана на царство и велел ему «помазатися и венчатися» царским венцом. При этом Иван Васильевич открывает важную деталь: свою волю Василий облещ, оказывается, в письменную форму, внеся соответствующий текст в духовную

¹ Зимин А.А. И.С.Пересветов и его современники... С. 74. См. также: Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного... С. 274.

² ДАИ. Т. I. СПб., 1846, № 39. С. 43–44.

³ Там же. С. 44.

грамоту. Мы не можем проверить это утверждение Ивана, поскольку духовная Василия III до нас не дошла.¹ «Пропавшая грамота» – так остроумно назвал ее А.Е.Пресняков.² И все же нет никаких, по нашему убеждению, оснований, чтобы сомневаться в правдивости слов Ивана IV. Само событие и благочестивая обстановка, на фоне которых эти слова были произнесены, не допускали лжи и обмана. Стало быть, вопреки мнению А.А.Зимины, венчание на царство в 1547 году являлось не мнимым, а подлинным исполнением Иваном IV воли отца. Признав это, мы тем самым восстанавливаем один из важнейших пунктов пропавшей духовной грамоты великого князя Василия III.³

Отсюда, по крайней мере, следуют два положения. Во-первых, становится ясно, что вопрос о венчании московского великого князя созрел и приобрел актуальность уже во время правления Василия III. Во-вторых, выявляется глубинная основа венчания на царство Ивана IV, обусловленная развитием института самодержавной власти на Руси конца XV – середины XVI века, сравнительно с чем все остальное и, в частности, перипетии «боярского правления», если и является побудительной причиной этого венчания, то второстепенного, косвенного свойства. Главный смысл происшедшего состоял в созидании государственности на принципах соединения и согласного действия церкви и государства, симфонии двух властей (светской и церковной), что стало возможным лишь после разгрома антихристианской «ереси жидовствующих» в начале XVI века, едва не поставившей Московское государство и православную церковь на грань взаимного отчуждения. К счастью, борьба с ересью, в конце концов, сплотила церковь и государство, ускорив строительство Святой Руси, возводимой на основе прочного единства церковных и государственных учреждений. В создании православного царства была заинтересована как церковная, так и государственная власть, хотя, быть может, первая в большей мере, чем вторая. И здесь мы подходим к вопросу о том, по чьей инициативе состоялось венчание Ивана IV на царство.

Правильный ответ на этот вопрос дали, как нам кажется, сами современники коронации. Так, голландский купец и торговый резидент в Москве Исаак Масса (1587–1635), основывавший свой рассказ, по резонному предположению И.И.Смирнова, на сведениях, почерпнутых в беседах со знающими дело москвичами,⁴ говорит о том, что «раздоры и смуты» времени «боярского правления» вели к «гибели всего государства. Заметив это, духовенство и некоторые умнейшие и знатнейшие лица стали совещаться о средствах спасти отечество или, как называют его, “пречистой дом и чудотворцев”, полагая за лучшее отнять власть у вельмож, возведя принца на отцовский престол и возложил на него великокняжеский венец, невзирая на то, что он был еще

¹ См.: Пресняков А.Е. Завещание Василия III // Сб. статей по русской истории, посвященных С.Ф.Платонову. Пг., 1922. С. 71–80.

² Там же. С. 73, 80.

³ Ср.: Там же. С. 80.

⁴ Смирнов И.И. Очерки... С. 114.

молод. Таким образом они вместе с духовенством передали ему все управление...».¹ Наш информатор, как видим, путает великокняжеский венец с царским, а великокняжеский престол – с царским престолом. Венчание Ивана на царство он преподносит как прямое следствие нестроений «боярского правления», лишая тем самым русское самодержавие более чем полувековой подготовительной истории. Но эти недостатки не должны закрывать от нас ценное свидетельство И.Массы о духовенстве и некоторых умнейших и знатнейших лицах, взявших на себя инициативу возведения молодого «принца» на царство. И.И.Смирнов справедливо усматривает тут указание на митрополита Макария и группировавшихся вокруг него государственных деятелей.²

В отличие от Исаака Массы, составитель Царственной книги инициативу венчания на царство всецело отдает великому князю Ивану. Именно молодой государь решил «поискати прежних своих прародительских чинов», именно он пожелал сесть «на царство» и заявил обо всем этом митрополиту и боярам.³ Здесь Царственная книга, на наш взгляд, дополняет сведения, содержащиеся в сочинении И.Массы. Но, по И.И.Смирнову, приведенная сейчас версия Царственной книги «представляет собой типичное выражение политической теории о самодержавном характере московских государей и только».⁴ Мы думаем иначе и полагаем, что данная версия Царственной книги отражает не только теорию, но и практику, в частности реальное поведение монарха, который не мог безучастно относиться к вопросу, быть или не быть ему на царстве, пассивно подчиняясь в этом вопросе воле своих наставников.

Итак, люди, жившие во времена Ивана Грозного, инициаторами венчания московского великого князя на царство не без основания считали самого государя, митрополита и некоторых представителей правящего сословия.

Позднейшие ученые, не удовлетвовавшись показаниями современников царя Ивана, стали вновь выяснять, кому принадлежала инициатива венчания. Е.Е.Голубинскому, например, представлялось, что «она принадлежала не столько самому Ивану Васильевичу, сколько митр. Макарию».⁵ По мнению исследователя, «фактическая история того, как было принято государем решение возложить на себя царский венец, именно свидетельствует, что инициатива главным образом принадлежала не ему, а митрополиту».⁶

К той же идее склонялся М.А.Дьяконов. Рассуждая о принятии Иваном царского титула, он вопрошал: «Кому принадлежала инициатива этого дела: молодому великому князю или кому-нибудь из более опытных приближен-

¹ Массе Исаак. Краткое известие о Московии // О начале войн и смут в Московии. М., 1997. С. 19.

² Смирнов И.И. Очерки... С. 114–115.

³ ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 450–251.

⁴ Смирнов И.И. Очерки... С. 115.

⁵ Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. II, Первая половина тома. М., 1997. С. 767.

⁶ Там же.

ных?». И отвечал: «В числе последних на это более всего был способен митрополит Макарий».¹

А.В.Карташев полагал, что именно митрополит Макарий возбудил в молодом Иване «благородную ревность о славе своего царского имени, которая должна быть заслужена подвигами государственной деятельности».² Он же осуществил на деле и чин царского венчания.³

Мысль о том, что венчание Ивана IV на царство состоялось по почину митрополита Макария, перешла в советскую и постсоветскую историографию. Она присутствует в трудах С.В.Бахрушина,⁴ И.И.Смирнова,⁵ А.И.Копанева,⁶ С.О.Шмидта,⁷ А.И.Филюшкина,⁸ В.В.Шапошника.⁹

В.Б.Кобрин расширил круг инициаторов коронации Ивана за счет родственников великого князя – Глинских. Историк пишет: «Вряд ли 16-летний Иван IV был инициатором принятия царского титула. В его окружении важную роль играл митрополит Макарий, один из самых образованных людей России того времени. Он активно участвовал во всей государственной деятельности в 40-е и 50-е годы. Поднять авторитет государя при помощи нового титула, должно быть, стремились и его родственники – Глинские».¹⁰

Если В.Б.Кобрин среди инициаторов «принятия царского титула» ставит на первое место Макария, то А.А.Зимин и А.Л.Хорошкевич поступают так с Глинскими. «Последними временщиками в малолетство Ивана IV, – говорят они, – были его родственники, пришедшие к власти летом 1546 г., – бабка княгиня Анна Глинская и дядья М.В. и Ю.В. Глинские, стремившиеся использовать великого князя для укрепления своих позиций. Воспользовавшись близостью к трону, Михаил Васильевич стал боярином, а его брат Юрий к

¹ Дьяконов М.А. Власть московских государей. СПб., 1889. С. 109.

² Карташев А.В. Очерки истории русской церкви. Т. I. М., 1993. С. 430.

³ Там же. С. 430, 339.

⁴ Бахрушин С.В. Научные труды. Т. II. М., 1954. С. 266. В другой своей работе С.В.Бахрушин расширяет круг инициаторов венчания Ивана на царство: «При Глинских, заинтересованных в качестве родственников молодого князя, от имени которого они управляли, в поднятии внешнего престижа его власти, Макарий, судя по всему, явился одним из главных инициаторов венчания на царство Ивана IV». – Там же. С. 334.

⁵ Смирнов И.И. Очерки... С. 116, 117, 118.

⁶ Копанев А.И. Укрепление и расширение Русского централизованного государства // Копанев А.И., Маньков А.Г., Носов Н.Е. Очерки истории СССР. Конец XV – начало XVII вв. Под ред. проф. И.И. Смирнова. Л., 1957. С. 117.

⁷ Шмидт С.О. Митрополит московский Макарий и государственные преобразования России в середине XVI века // Тысячелетие крещения Руси. Международная церковная научная конференция «Богословие и духовность». Москва, 11–18 мая 1987 года. М., 1989. С. 291.

⁸ Филюшкин А.И. История одной мистификации: Иван Грозный и «Избранная Рада». М., 1998. С. 311.

⁹ Шапошник В.В. 1) Церковно-государственные отношения в России в 30–80-е годы XVI века. СПб., 2002. С. 46; 2) Иван Грозный: Первый русский царь. СПб., 2006. С. 67.

¹⁰ Кобрин В.Б. Иван Грозный. М., 1989. С. 27.

тому же еще и кравчим. Ради дальнейшего упрочения своего положения они готовы были поддержать Ивана IV и организовать его венчание на царство. Поспешила добиться новых выгод и церковь во главе с митрополитом Макарием, вторым организатором венчания Ивана на царство».¹ Однако в более ранней своей работе А.А.Зимин исключает Макария из числа инициаторов присвоения великому князю Ивану царского достоинства. «В литературе, — пишет он, — обычно утверждается, что инициатором венчания на царство был митрополит Макарий. Действительно, Макарий сыграл большую роль в составлении чина венчания и проведении самой январской церемонии, но инициативу проведения коронации приписать московскому митрополиту нельзя. Коронация Ивана Грозного отвечала кастовым интересам группировки Глинских, пытавшихся прикрыться фигурой молодого царя для проведения своекорыстной политики, которая немногим отличалась от политики их предшественников».²

Сходные суждения высказал Д.Н.Альшиц, согласно которому «дядя юного великого князя Михаил Глинский и его бабка княгиня Анна сумели подготовить политический акт большой государственной важности. 16 января 1547 г. великий князь Московский и всея Руси был торжественно увенчан титулом царя. Первым русским царем стал шестнадцатилетний Иван IV. После венчания Ивана на царство Глинские захватили неограниченную власть в стране...».³ В новейшей своей книге об Иване Грозном историк говорит еще более определенно, утверждая, что именно Глинские «выдвинули идею венчания на царство и подготовили торжественный акт венчания, который состоялся 16 января 1547».⁴

Путаную историю коронации Ивана предлагает Р.Г.Скрынников. В одном случае он утверждает, будто венчание на царство затеяли Глинские,⁵ будто по их почину Иван IV принял титул царя.⁶ В другом случае Глинские у него оказывают лишь «прямую поддержку» Ивану в деле принятия им царского

¹ Зимин А.А., Хорошкевич А.Л. Россия времени Ивана Грозного. С. 37–38. О «группировке Глинских», ставших «вместе с Макарием инициаторами венчания Ивана IV на царство», говорит и В.М.Панеях (см.: Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб., 1996. С. 58). Нечто похожее утверждал ранее К.В.Базилевич: «Чтобы укрепить расшатанную верховную власть, близкие к Ивану IV люди с митрополитом Макарием предложили ему венчаться на царство» (*Базилевич К.В. История СССР от древнейших времен и до конца XVII века*. С. 276). «Близкие к Ивану IV люди» — это, надо полагать, Глинские.

² Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного. С. 274. Позже А.А.Зимин скажет иначе: «Макарий проводит ряд мероприятий, направленных к укреплению власти московского государя и русской церкви. По его инициативе 16 января 1547 года Иван Грозный венчается на царство». — Зимин А.А. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV–XVI в.). М., 1977. С. 296.

³ Альшиц Д.Н. Начало самодержавия в России... С. 33.

⁴ Аль Даниил. Иван Грозный: известный и неизвестный. От легенд к фактам. СПб., 2005. С. 23.

⁵ Скрынников Р.Г. Иван Грозный. С. 35.

⁶ Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 90.

титула.¹ В третьем, наряду с Глинскими, поддержавшими идею венчания, историк называет митрополита Макария, причем ставит святителя на первое место, а великокняжескую родню – позади: «...в окружении государя возникли планы его коронования царским венцом. Митрополит Макарий, а также и Глинские энергично поддерживали эти планы».² Значит, планы коронации Ивана царским венцом принадлежали не Макарию или Глинским, а иным лицам из окружения государя, которых энергично поддержал митрополит и родичи претендента на царский венец. Открыв еще одну книгу автора, читаем о том, что «Глинские решили короновать своего племянника царской короной. Макарий с воодушевлением поддержал их замыслы».³ Р.Г.Скрынников, как видим, оставляет читателя с досадным чувством неопределенности относительно инициаторов коронации Ивана IV на царство.

Необходимо заметить, что упомянутые нами исследователи, выявляя инициаторов коронации Ивана, не допускают, по-видимому, того, что о своем желании стать венценосцем мог заявить и сам государь. Сказывается здесь недооценка личности Ивана IV, который, как считают некоторые историки, «был слишком мал, чтобы самостоятельно принимать подобное ответственное решение»,⁴ да к тому же еще каким-то недоразвитым – великовозрастным «недорослем», путавшим «управление с забавой».⁵ В действительности все было не так. Нельзя мерить людей той поры на современный аршин. Дети тогда созревали раньше, чем сейчас. Что касается собственно Ивана, то он, по меткому выражению В.О.Ключевского, «быстро рос и преждевременно вырос. В 17–20 лет, при выходе из детства, он уже поражал окружающих непомерным количеством пережитых впечатлений и передуманных мыслей, до которых его предки не додумывались и в зрелом возрасте».⁶ Для нас в данном случае важно то, что Иван рано и много стал думать о себе как государе Московском и всея Руси. «Скандалы боярского правления постоянно поддерживали в нем эту думу, сообщали ей тревожный, острый характер».⁷ Политическое размышление, столь рано зародившееся в голове Ивана, В.О.Ключевский характеризует как «занятие, которого не знали его московские предки ни среди детских игр, ни в деловых заботах зрелого возраста. Кажется, это занятие шло втихомолку, тайком от окружающих, которые долго не догадывались, в какую сторону направлена встревоженная мысль молодого государя... Вот почему они так удивились, когда в 1546 г. шестнадца-

¹ Там же.

² Скрынников Р.Г. Иван Грозный. С. 32.

³ Скрынников Р.Г. Государство и церковь на Руси XIV–XVI вв.: Подвижники русской церкви. Новосибирск, 1991. С. 223.

⁴ Шапошник В.В. Церковно-государственные отношения... С. 45.

⁵ Скрынников Р.Г. Иван Грозный. С. 33. Подобное мнение высказывал еще Н.И.Костомаров, согласно которому Иван IV «от природы не имел большого ума». – Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Кн. I. М., 1990. С. 407.

⁶ Ключевский В.О. Сочинения: В 9-ти томах. Т. 2. М., 1988. С. 177–178.

⁷ Там же. С. 181.

тилетний Иван вдруг заговорил с ними о том, что он задумал жениться, но что прежде женитьбы он хочет поискать прародительских обычаев, как прародители его, цари и великие князья и сродник его Владимир Всеволодович Мономах на царство, на великое княжение садились... Первым помыслом Ивана при выходе из правительственной опеки бояр было принять титул царя и венчаться на царство торжественным церковным обрядом». ¹ Все это говорит о том, что «в конце 1546 и начале 1547 года этот юноша выступает перед нами с чертами некоторой начитанности и политической сознательности». ² С.Ф.Платонов, чьи слова мы привели, позднее скажет еще более определенно: «К своему “возрасту”, то есть совершеннолетию, Иван стал образованным, “книжным” человеком, для того времени передовым». ³

Таким образом, Иван обладал достаточной умственной подготовкой, чтобы инициировать вопрос о принятии царского титула. Кстати сказать, Р.Г.Скрынников особо отмечает, что Иван, достигнув совершеннолетия, «предпринимал энергичные попытки избавиться от боярской опеки в полном соответствии с завещанием отца». ⁴ Коль так, то почему он не мог пытаться возбудить вопрос о своем венчании на царство, что также соответствовало завещанию его отца? Ведь акт венчания, хотя бы формально, означал безусловное и окончательное освобождение от боярской опеки. Мы знаем, что Иван официально заявил о своем намерении взойти на царский трон во время встречи с митрополитом и боярами 17 декабря 1546 года, о чем сообщает не только Царственная книга, ⁵ но и другие летописи, в частности Александро-Невская летопись. ⁶

Царственная книга и Александро-Невская летопись дают нам основание говорить об активности Иване IV в вопросе венчания на царство. На основании названных источников можно предположительно восстановить ход обсуждения намечавшегося предприятия. Правда, задача эта не простая, поскольку составители летописей не всегда говорят до конца, умалчивая некоторые существенные детали. К примеру, сообщая о первой встрече Ивана с Макарием в понедельник 13 декабря 1546 года, они изображают дело так, будто государь, решив жениться, «советовал о том» с митрополитом, чем якобы дело и ограничилось. ⁷ На следующий день (во вторник 14 декабря) Макарий совершил по этому поводу молебствие, придав, следовательно, гласности замысел государя: «И митрополит о том назавтрее того, во вторник, после заутрени у соборных церкви у Пречистые молебны пел». Служба предстоятеля в главном храме страны Успенском соборе освящала брачное намерение Ивана, лишая почвы какие бы то ни было сомнения на сей счет и придавая характер необратимости этому намерению. Затем митрополит пригла-

¹ Там же. С. 183.

² Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. СПб., 1907. С. 142.

³ Платонов С.Ф. Иван Грозный (1530–1584). М., 1998. С. 40.

⁴ Скрынников Р.Г. Иван Грозный. С. 29

⁵ См.: ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 450.

⁶ См.: ПСРЛ. Т. 29. С. 149.

⁷ ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 450; ПСРЛ. Т. 29. С. 148.

сил к себе всех бояр, включая находившихся в опале, что, разумеется, не могло состояться без ведома государя, но, скорее всего – по государеву слову. То было совещание митрополита с боярами. О чем совещались в митрополичьих палатах? Вряд ли только о помышлении Ивана «жениться». После «пения» митрополитом молебнов вряд ли была надобность в специальном обсуждении государственного решения. И если таковое имело место, то главным образом из формальных соображений. Тем более что вопрос о бракосочетании великого князя не являлся, как говорится, тайной за семью печатями. Московское правительство даже за рубежом объявляло о том, что русский государь «в мужеский возраст входит, а ростом совершенного человека уже есть, а з Божьею волею помышляет уже брачный закон принять». Вот почему, на наш взгляд, темой беседы митрополита Макария с боярами была не столько предстоящая женитьба Ивана, сколько его венчание на царство, хотя летописцы по каким-то соображениям об этом умалчивают.

Успешное разрешение проблемы венчания требовало консолидации правящего класса в лице боярства. Поэтому митрополит пригласил на встречу всех бояр, в том числе опальных. Макарию, судя по всему, удалось добиться согласия бояр на проведение коронационного торжества, о чем митрополит и бояре как бы приватно уведомили великого князя в тот же день. 17 декабря 1546 года митрополит и все бояре снова собрались у великого князя, который теперь уже официально заявил о своем решении жениться и «поискать прародительских чинов», чтобы венчаться на царство. В соответствии с принятым протоколом митрополит и бояре одобрили это решение.

Во всех воспроизведенных нами событиях весьма активную роль играл митрополит Макарий, которого, как и великого князя Ивана, следует считать инициатором принятия московским государем царского титула.

Помимо Ивана и Макария, инициаторами коронации Ивана выступили Глинские, заинтересованные в усилении власти своего родственника, поскольку являлись недавними выходцами из зарубежья и потому были чужими среди местной знати, что едва ли способствовало прочности их положения. Придя к власти летом 1546 года, они могли опереться в своем правлении на чрезвычайно узкую политическую базу.¹ Воцарение Ивана в определенной мере компенсировало эту слабость Глинских. Оно также сулило им личные выгоды, связанные с обогащением и продвижением по службе. Так, «в январе 1547 г. М.В.Глинский был уже боярин. Тогда же он получил звание конюшего, а его брат Ю.В.Глинский – боярина и кравчего. Близи к ним в это время были и Д.Д. и И.И. Пронские, также получившие боярское звание к февралю 1547 г. Глинские были крупными землевладельцами, использовавшими годы боярского правления для беззастенчивого стяжания в целях укрепления своих экономических позиций».²

Если Глинские выступали сторонниками коронации своего внука и племянника, исходя из сугубо прозаических и конъюнктурных интересов, обусловленных жадностью власти и богатства, то великий князь Иван и митрополит

¹ Смирнов И.И. Очерки... С. 113.

² Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного... С. 269–270.

Макарий, иницируя идею венчания на царство, ставили более возвышенные цели, связанные с созиданием «Святорусского царства», или Святой Руси – единственного на свете «великого царства Российского». Кроме того, Иван исполнял волю родителя, великого князя Василия III, завещавшего сыну «помазаться и венчаться царьским венцем, нарецися великим князем, боговенчанным царем»,¹ а Макарий отдавал должное памяти покойного государя, с которым, судя по всему, у него были добрые отношения.²

Таким образом, Иван и Макарий, в отличие от Глинских, действующих главным образом во имя собственной корысти, являлись идейными борцами за утверждение русского самодержавия, бывшего, помимо православной веры и церкви, одним из столпов «Святорусского царства». Вот почему нельзя согласиться с А.А.Зиминим, когда он говорит: «Легенду о Макарии как о "последовательном защитнике самодержавия", о том, что он возглавлял и вдохновлял борьбу за ликвидацию боярского правительства, следует отбросить. Являясь идеологом воинствующей церкви и защитником крупного монастырского землевладения, Макарий отстаивал прежде всего интересы господствующей церкви. Великокняжескую власть он считал только союзником церкви в борьбе с ее противниками».³ Однако, по тому же А.А.Зимину, митрополит Макарий являлся не только идеологом «воинствующей церкви», но и «осифлянским теоретиком», способствовавшим «развитию идеологии русского самодержавия»,⁴ т.е. идеологом самодержавия.⁵ И это правильно, поскольку на Руси XVI века православная церковь и самодержавие, находясь в нерасторжимой связи и дополняя друг друга, составляли единый государственный организм. Отсюда следует, что Макарий, будучи идеологом русской православной церкви, не мог не быть также идеологом русского самодержавия, и наоборот. Защищая церковь и монастыри как составную часть церковной организации, он защищал также самодержавие, каким оно сложилось к тому времени. Не случайно именно Макарий сыграл огромную роль в формировании мировоззрения Ивана IV.⁶ Но идейным и

¹ ДАИ. Т. I, № 39. С. 44.

² Макария великий князь «любляше зело» (Зимин А.А. Россия на пороге нового времени... С. 317). Поэтому, надо полагать, Макарий и был назначен в марте 1526 г. архиепископом в Новгородскую епархию, которая длительное время оставалась вакантной (ПСРЛ. Т.VIII. С. 271). Василий III в знак особой милости отдал Макарию при его назначении в Новгород «всю казну старых архиепископ и бояр ему своих дал» (Зимин А.А. Россия на пороге нового времени... С. 317). В описи государственного архива России XVI в. значатся «Грамоты в Новгород Великий владыке», представляющие собою, по предположению А.А.Зимина, переписку Василия Ивановича с Макарием (Государственный архив России XVI столетия... С. 172), что опять-таки говорит об особом к нему отношении великого князя.

³ Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного... С. 263–264.

⁴ Зимин А.А. И.С.Пересветов и его современники... С. 78.

⁵ Там же. С. 77.

⁶ См., напр.: Платонов С.Ф. Иван Грозный. С. 40; Вуннер Р.Ю. Иван Грозный М., 1998. С. 133; Смирнов И.И. Иван Грозный. Л., 1944. С. 29; Бахрушин С.В. Научные труды. Т. II. С. 266; Зимин А.А. И.С.Пересветов и его современники... С. 79.

духовным влиянием на государя не исчерпывалась деятельность святителя. Как справедливо считал Н.И.Шатагин, митрополит Макарий начиная с 1542 года «становится центральной фигурой, организующей все значительные общественные силы возле личности великого князя против бунтующих вассалов».¹ В том же смысле высказывался И.И.Смирнов, говоря о «политике борьбы за укрепление власти Ивана IV, которая определяла собой позицию Макария, начиная с момента его появления в Москве в качестве митрополита».² Согласно И.И.Смирнову, митрополит Макарий боролся за «восстановление основ самодержавного строя, расшатанного боярами и княжатами».³ А.А.Зимин, не выдвигая должной аргументации, отверг мнение Шатагина и Смирнова.⁴ Усомнился в нем и В.В.Шапошник. «Мнение этих исследователей, — писал он, — не подтверждается источниками. О политической активности митрополита в первые годы его первосвятительства летописи не сообщают. Скорее всего, Макарий сознательно избегал участия в борьбе за власть между различными боярскими группировками. Судьба Даниила и Иоасафа могла надолго отбить охоту к участию в политических столкновениях».⁵ Здесь В.В.Шапошник, на наш взгляд, заблуждается.

Не следует политическую активность Макария сводить к вопросу об участии или неучастии его «в борьбе за власть между различными боярскими группировками». Политическая активность митрополита проявилась в другом и более существенном: в подготовке и проведении венчания Ивана IV на царство. Коронация московского государя являлась тогда важнейшим политическим событием, к которому неуклонно шел Макарий, преодолевая сопротивление, открытое и скрытое.⁶ Работа по утверждению власти русского самодержца, по выстраиванию отношений между светской и церковной властью православного царства, строительство самого этого царства в соответствии с иосифлянской теорией теократического государства — вот что поглощало энергию Макария с тех пор, как он стал митрополитом всея Руси. То была чрезвычайно важная сфера политической жизни Руси середины XVI века. Огромная здесь роль митрополита Макария несомненна.

Самодержавие, по Макарию, есть не только право безраздельного единоличного властвования монарха, но и обязанность его пред Богом и людьми. Обязанность эта многогранна. Ее запечатлел «Чин венчания на царство царя Иоанна Васильевича» в виде поучений и наставлений митрополита Макария венчаемому самодержцу. Святитель говорил, обращаясь к государю: «И ты, господине и сыну, боговенчанный православный царь князь великий Иван Васильевич, всеа Русия самодръжец, имей страх Божий в сердце, и схрани веру христианскую Греческаго закона чисту и непоколебиму,

¹ Шатагин Н.И. Русское государство в первой половине XVI века. Очерки из политической истории Руси в первой половине XVI в. Свердловск, 1940. С. 80.

² Смирнов И.И. Очерки... С. 113.

³ Смирнов И.И. Иван Грозный. С. 24.

⁴ Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного... С. 263–264.

⁵ Шапошник В.В. Церковно-государственные отношения... С. 44.

⁶ О противодействии венчанию Ивана на царство речь пойдет ниже.

и соблюди царство свое чисто и непорочно, якоже ныне приял еси от Бога...».¹ Митрополит призывает царя любить и почитать православную церковь: «Къ святѣй же съборней церкви и къ всемъ святымъ церквамъ имей веру и страхъ Божий и въздавай честь...»;² «почитай излише мать твою церковь».³ Он наставляет Ивана хранить церковные догматы: «Имей мудрование православнымъ догматомъ».⁴ Макарий наказывает самодержцу поклоняться монастырям: «И къ святымъ честнымъ монастыремъ велию веру дръжи».⁵ Царь, поучает священитель, должен проявлять «духовное повиновение» служителям церкви как своим богомольцам, начиная от митрополита и кончая рядовым священником.⁶ Государь ответствен за своих православных людей, будучи обязан блюсти и хранить их «бодрено от дивиихъ влъкъ губящихъ е, да не растлѣять Христова стада словесныхъ овецъ...».⁷ Наконец, подданных своего царства он должен «рассудити и управити в правду», не отступая от «милости, правды и суда правого».⁸

Вчитываясь внимательно в наставления Макария, очерчивающие сферу деятельности православного царя, находим в них отражение традиционных византийских взглядов о назначении царской власти, представленных в формуле св. Юстиниана: «Сохранение в чистоте христианской веры и защита от всякого покушения святой апостольской Церкви».⁹ Вместе с тем в этих наставлениях преломляются некоторые особенности текущего момента, т.е. реалии российской жизни конца XV – середины XVI века, связанные с борьбой ревнителей русского православия против «ереси жидовствующих». К ним относятся требования всей душой почитать «мать церковь», священнослужителей, не отступать от православных догматов, признавать монастыри. Еретики, как мы знаем, нападали на православную церковь, отрицали необходимость церковного клира, подвергали сомнению догматы православия, выступали яркими противниками монастырей и монашества. Злоба дня, надо полагать, побудила митрополита Макария так составить «Чин венчания», чтобы в него вошли положения, отвечающие на вызов времени. Но при этом Макарий отнюдь не парил в заоблачной выси, рисуя идеальный образ самодержавного монарха, очень далекий от действительности. Он изображал его вполне реалистично как воплощение единства самодержавия, веры и церкви, на котором возводилось «Святорусское царство». То была нерасторжимая религиозно-политическая триада. Поэтому преступление, измена или предательство по отношению, скажем, к самодержавию означали преступление, измену или предательство по отношению к вере и церкви. Ана-

¹ ДАИ. Т. I, № 39. С. 48.

² Там же

³ Там же. С. 49.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 48.

⁶ Там же. С. 48, 49.

⁷ Там же. С. 48.

⁸ Там же.

⁹ Священник Тимофей, иеромонах Дионисий. О Церкви, православном Царстве и последнем времени. М., 1998. С.16.

логичные деяния по отношению к вере равно относились и к самодержавию и к церкви. Преступления против церкви непосредственно затрагивали самодержавие и веру. Такая система должна была юридически утвердиться с венчанием Ивана Грозного на царство. Но это как раз и не устраивало противников Святой Руси. И они старались воспрепятствовать коронации Ивана. Чтобы яснее представить характер их действий, следует вернуться ко времени окончания княжения Василия III и ухода его из жизни.

* * *

Здесь среди прочих обстоятельств важно в первую очередь сказать, что великий князь московский Василий III не оправдал надежд еретиков, пытавшихся сделать его орудием своей политики. Они снова просчитались и подверглись преследованиям. Попал в опалу их могущественный покровитель Вассиан Патрикеев. Осужденный в 1531 году соборным судом на заточение в монастырской тюрьме, он, по-видимому, вскоре переселился в мир иной. Помимо Вассиана, как свидетельствовал позднее Андрей Курбский, великий князь «и других святых мужей, овых заточил на смерть, а других погубити повелел».¹ Сам же Василий III сблизился с иосифлянами, принял проповедуемую ими теорию божественного происхождения самодержавной власти и приступил к строительству теократического самодержавия.² Подумывал он, судя по всему, и о своем венчании на царство. В итоге все это привело к обострению борьбы за власть в стране, создав при столичном дворе весьма сложную ситуацию, с особой силой проявившуюся во время болезни и смерти великого князя. Наиболее обстоятельный рассказ об этом сохранился в Новгородской IV летописи, где содержится «Сказание о великом князе Василье Ивановиче всеа Руси, како ездил во свою отчину на Волок на Ламьский на осень тешиться, и как болезнь ему тамо сталася, и мнишеский образ приял, и сына своего великого князя Ивана Васильевича на царство благословил, и о преставлении и о погребении его».³ Ценность этого «Сказания» как источника заключается в том, что оно было «составлено очевидцем, сопровождавшим Василия III в его поездке на Волок и присутствовавшим при его последних днях».⁴

В «Сказании» повествуется о том, как на исходе сентября 1533 года Василий Иванович, побывав в Троицком монастыре и совершив там моления в честь Сергия Чудотворца, задумал всей своей семьей (с женой Еленой Глинской и сыновьями Иваном и Юрием) отправиться «во свою вотчину в Великий на Волок на Ламский тешиться» (охотиться). На пути к Волоку великий князь заехал в свое село Озерецкое. И там он захворал: «явися у него мала болячка на левой стране на стегне [бедре] на згибе, близ нужного места, з булавочную голову, верху же у нея несть, ни гною в неи несть, а сама багро-

¹ Библиотека литературы Древней Руси. Т. 11. XVI век. СПб., 2001. С. 312.

² См.: Зимин А.А. Россия на пороге нового времени... С. 134–136.

³ ПСРЛ. Т. IV. Ч. I. М., 2000. С. 552–564.

⁴ Зимин А.А. Россия на пороге нового времени... С. 390.

Из села Озерецкого Василий поехал в село Нахабное, откуда «поиде нужно, обдержим болезнию, в Покровское в Фуниково», где пробыл два дня, а затем направился в Волоколамск. Там в воскресенье, 6 октября, великий князь был на пиру у своего любимца Ивана Юрьевича Шигоны, тверского и волоцкого дворецкого. Но на следующий день, в понедельник, ему стало хуже, и он «с великою нужею» дошел до «мыльни» (бани) и сидел за столом, превозмогая боль. Во вторник 8 октября распогодилось, и Василий, несмотря на нездоровье, решил поохотиться. Вместе с ловчими своими Ф.М.Нагим и Б.В.Дятловым великий князь поехал в сторону села Колпь. На пути, однако, «мало бысть потехи». Приехав в Колпь, Василий Иванович послал за своим братом Андреем Ивановичем, приглашая его «на потеху к себе». Князь Андрей «приеха к нему вскоре». И вот братья, окруженные псарями и собаками, выехали на охоту. Но отъехать от села Василий смог лишь две версты. Сильная боль вынудила его вернуться обратно. Правда, государь еще бодрился и сел, изнемогая, трапезовать с братом, после чего «стола у него не бысть, но вкушаше мало на постели».² И только тогда великий князь обратился к докторам. То были иностранцы Николай Булев и Феофил.³ Несколько неожиданным выглядит приглашение на «консилиум» Михаила Львовича Глинского, не имевшего, кажется, в медицине необходимых познаний. Историки если и упоминают данный факт, то не придают ему специального значения. Существует мнение, согласно которому М.Л.Глинского пригласили к больному вместе с Николаем и Феофилом потому, что он «был во всем опытен».⁴ Возможно, это так, но лишь отчасти. Не последнюю роль здесь, надо полагать, сыграло то обстоятельство, что Глинский приходился дядей супруге великого князя Елене и, следовательно, был очень заинтересован в выздоровлении государя. Не являлось ли присутствие Глинского при врачебном осмотре и лечении Василия III своеобразной предосторожностью, предпринятой в отношении иноземных лекарей? Если наше предположение справедливо, то следует признать напряженность и сложность обстановки при великокняжеском дворе, характеризующейся наличием враждебных самодержавию Василия III сил, готовых, по-видимому, на любую интригу и преступление ради достижения поставленной цели. И это Василий отчетливо понимал.

Князь М.Л.Глинский, лекари Николай и Феофил сошлись на том, что к «болячке» больного надо «прикладывать муку пшеничную с медом пресным и лук печен». Но чем больше прикладывали это снадобье, тем более «болячка нача рдетися» и гнить. После двухнедельного пребывания в Колпе «князь велики восхоте ехати на Волок, но не можаше ехати на кони, и поне-соша его на носилах дети боярские пеши и княжата на себе». В Волоке ему кто-то подsunул какую-то мазь, после употребления которой «нача из боляч-

¹ ПСРЛ. Т. IV. Ч. I. С. 553.

² Там же. С. 554.

³ См.: Соловьев С.М. Сочинения: В 18-ти кн. Кн. III. С. 278; Зимин А.А. Россия на пороге нового времени... С. 223.

⁴ Соловьев С.М. Сочинения: В 18-ти кн. Кн. III. С. 278.

ки итти гною по малу и поелику болши, яко до полу таза и по тазу». Василий вконец расхворался: в груди у него появилась «тягость велика», и он перестал принимать пищу («порущися ему ества, не нача ести»). Великий князь, сообразив, что дела его плохи, послал тайно в Москву своего стряпчего Мансурова и дьяка введенного Меньшого Путятина. Согласно «Сказанию», посланцы должны были доставить Василию духовные грамоты его деда и отца.¹ Софийская II летопись предлагает несколько иную версию: великий князь послал в Москву Мансурова и Путятина «по духовные грамоты отца своего и по свою, которую писал, едучи в Новгород и во Псков».² Последняя версия кажется предпочтительнее первой.³ Но обе они воспроизводят обстановку глубокой секретности, в которой осуществлялась миссия Мансурова – Путятина. О содержании порученного им дела не знал никто, за исключением самих исполнителей и дворецкого Шигоны. Эта повышенная секретность выдает серьезность сложившейся при великокняжеском дворе ситуации, напряженный характер последних лет правления Василия III,⁴ окончательно порвавшего с придворной еретической партией и отправившего ее главу Васиана Патрикеева в заточение.

Посланцы выполнили поручение, доставив великому князю необходимые ему документы. По версии Софийской II летописи, Василий Иванович «слушав духовных, свою духовную велел сжещи».⁵ Уничтожение первоначального варианта духовной грамоты Василия III, составленной до рождения наследника престола княжича Ивана, было оправданной и предусмотрительной мерой. Но эта мера требовала незамедлительного составления нового завещания, поскольку государь был очень болен, и с ним всякое могло случиться. Вот почему Василий, не откладывая дело, ночью 26 октября «пусти в думу к собе и духовным грамотам дворецкого своего Тверскаго Ивана Юрьевича Шигону и дьяка своего Меньшого Путятина». Великий князь вместе с этими советниками «нача мыслити, кого пустити в ту думу и приказати свои государев приказ; а бояр тогда бысть на Волоце с великим князем: князь Дмитрией Федоровичь Белскои, да князь Иван Васильевичь Шуискои, да князь Михаило Львовичь Глинскои, и дворецкие его, князь Иван Ивановичь Кубенскои, да князь Иван Юрьевичь Шигона».⁶ Выражения «пусти в думу к духовным грамотам» и «приказати свои государев приказ» указывают на то, что предметом обсуждения на данном совещании являлся, помимо прочего, вопрос о новой духовной великого князя.⁷ На это намекает и неожиданный приезд к Василию его брата, удельного князя Юрия Ивановича, прознавшего, по всей видимости, о смертельной болезни государя. Юрий, от которого старались скрывать правду о состоянии здоровья великого князя, не хотел.

¹ ПСРЛ. Т. IV. Ч. I. С. 554.

² ПСРЛ. Т. VI. СПб., 1853. С. 268.

³ См.: Зимин А.А. Россия на пороге нового времени... С. 392–393.

⁴ См.: Пресняков А.Е. Завещание Василия III. С. 76.

⁵ ПСРЛ. Т. VI. С. 268.

⁶ ПСРЛ. Т. IV. Ч. I. С. 555.

⁷ «Обсуждался вопрос о судьбах престола в случае смерти великого князя», – пишет А.А.Зимин. – См.: Зимин А.А. Россия на пороге нового времени... С. 393.

как известно, уезжать «во свою вотчину во Дмитров», несмотря на повеление Василия Ивановича.¹ И это, конечно, не случайно, поскольку выдает стремление удельного правителя не остаться в стороне от распоряжений отнюдь не наследования московского престола.

Не исключено и то, что князю Юрию было кое-что известно насчет исхода болезни Василия III, т.е. он был посвящен в тайны московского двора. Поэтому Юрий не хотел возвращаться домой, в Дмитров. Непосвященному же человеку заболевание великого князя могло показаться пустяковым. В этой связи вспоминаются близкие по времени события, рассказанные летописцем. В 1537 году Андрей Иванович Старицкий обиделся на великого князя Ивана и «на его мать на великую княгиню, что ему вотчины не придали». Обиженный Андрей уехал «к себе въ отчину. Вскоре, однако, из Москвы его позвали на «казанское дело», поскольку «Казань не мирна». Но «князь Ондрей к великому князю и к его матери великой княгине не поехал, а сказался болен, а велел к себе и мастера прислати. И князь великий Иван Васильевич и его мати княгиня Елена послали ко князю Ондрею мастера Феофила. И Феофил приехал, сказал великому князю и его матери великой княгине про князя Ондreja, что болезнь его легка, сказывает *на стегне болячка* (курсив наш. — И.Ф.), а лежит в постели».² Болячка «на стегне» была и у Василия Ивановича. Но странное дело: великий князь умер от нее, а болезнь удельного князя признана известным нам уже лекарем («мастером») Феофилом, лечившим Василия III, легкой. Уж не потому ли Василий помер, что его лечили и залечили, тогда как Андрей отлежался в постели, не прибегая к услугам докторов? И не потому ли летописец поместил свой рассказ о болезни Андрея Ивановича, чтобы вызвать у читателей подобный вопрос и намекнуть, что со смертью Василия III не все чисто. Во всяком случае, тут есть повод для раздумий.

Совещания великого князя с боярами на Волоке не завершились составлением новой духовной грамоты Василия III. Возможно, тут повлияло некоторое, как казалось, облегчение болезни государя, наступившее в результате стараний лекаря Яна, который «нача прикладывати к болячке масть обычную, от Яновы же масти мало оток поляже». Не исключено, впрочем, расхождение мнений на думе, где составлять духовную: на Волоке или в Москве, как и различие мнений по сути завещания. При этом, однако, все советники великого князя сошлись на мысли о необходимости возвращения государя в Москву. И тут открылось одно важное обстоятельство. Решено было перед отправлением Василия в столицу «ехати ему с Волока в Осифов монастырь ко Пречистыя молитися... Иосифа игумена гробу поклонитися».³ Это была демонстрация союза московского великого князя с иосифлянами, полного прития им иосифлянкой доктрины теократического самодержавия.⁴

¹ ПСРЛ. Т. IV. Ч. I. С. 555.

² ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 429.

³ ПСРЛ. Т. IV. Ч. I. С. 555.

⁴ См.: Зимин А.А. 1) О политической доктрине Иосифа Волоцкого // ТОДРЛ. Т. IX. М.; Л., 1953; 2) Россия на пороге нового времени... С. 134–137.

После такой демонстрации едва ли у кого оставались сомнения насчет того, в каком ключе будет составлена духовная грамота Василия III, с чем, разумеется, не могли согласиться противники русского самодержавия. Кажалось, события им благоприятствовали: великий князь уничтожил старое свое завещание и не успел взамен составить новое. В этой обстановке неопределенности можно было еще на кое-что надеяться и даже попытаться кое-что предпринять. И здесь обращает внимание странная случайность, связанная с возвращением Василия в Москву. Оказалось, что тогда в столице находились «многие люди иноземцы и послы», привлеченные сюда, по-видимому, слухами о болезни московского властителя.¹

¹ Такого рода слухи могли исходить от упоминавшихся уже нами иноземных докторов Николая Булева и Феофила, которые врачевали Василия III еще на Волоке, но безуспешно: от их лечения великому князю стало хуже. Этих лекарей великий князь снова призвал, когда воротился в Москву: «И призва тогда князя Михаила Глинского, да Михаила Юрьевича, и докторов своих Николая Люева да Фефила, чтоб прикладывати к болячке масть или бы нечто пустити в рану, чтобы от нея духу не было» (ПСРЛ. Т. IV. Ч. I. С. 558). Весьма любопытен диалог, состоявшийся между государем и Николаем Булевым: «Князь же великий призва Николая и нача ему говорити: “брате Миколае! пришел еси из своєю земли ко мне, а видел еси мое велико жалованье к собе; мощно ли тебе, чтоб обলেখение было болезни моеи?” и глагола Миколаи: “государь князь велики! яз, государь, был во своєю земли, слашав твое государево великое жалование и ласку, и я, государь, оставил отца и мать и землю свою и приехал до тебя, государя, и видел, государь, твое государево великое жалование до себя и хлеб и соль, а мощно ли мне мертвого жива сотворити? зане же, государь, мне Богом не быти”. Князь же великий обратися и нача говорити детям боярским и стряпчим своим: “братие! Миколаи надо мною познал, что яз не вашь”» (Там же. С. 558–559). Разговор лекаря Булева с московским великим князем не мог по тем временам восприниматься иначе, чем дерзкий. Чтобы решиться на такое, Булев должен был уверовать в две, по крайней мере, вещи, а именно: 1) болезнь государя действительно необратима, и он у края могилы; 2) группа придворных оппозиционеров настолько сильна, что его вызывающая откровенность останется безнаказанной. Булев не без основания рассчитывал на покровительство противников великого князя, поскольку принадлежал к числу, как выражается А.А.Зимин, гуманистов, выступавших с критикой русской православной церкви и, следовательно, самодержавной государственности на Руси. Что касается непосредственно Николая Булева, то он, по свидетельству современников, «веру христианскую с латынскою едино нарицает и крещение латынское с православным за едино считает и многих православных смущает и велик съблазн приносит». В этом плане Булева следует рассматривать как папского агента. Однако с точки зрения католической веры Булев оставлял желать лучшего. В своих суждениях о христианстве он не избежал влияния пифагорейской школы, подгоняя богословские идеи к арифметическим и геометрическим схемам. Николай Булев, несмотря на участие в антиеретическом кружке новгородского архиепископа Геннадия, в силу особенностей своего мировоззрения со временем не мог не сблизиться с еретической партией, окопавшейся при великокняжеском дворе. Ее возможности казались, очевидно, Булеву весьма серьезными. Отсюда и стиль его разговора с государем. — О Николае Булеве см.: *Зимин А.А.* 1) Доктор Николай Булев — публицист и ученый-медик // Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1961; 2) Россия на пороге нового времени... С. 351–357.

Приток чужеземцев в Москву на фоне чрезвычайного обстоятельства – смертельной болезни русского государя – во многом показателен, поскольку подразумевает несомненный интерес иностранных государств к судьбе российского престола и выдает, возможно, попытки зарубежных правительств повлиять на нее. Наивно думать, будто иностранцы, прибывшие в Москву, удовлетворяются ролью безучастных наблюдателей за политическими интригами вокруг великокняжеского стола. Однако, вопреки элементарной логике, допустим все же, что наплыв иностранцев в столицу России и смена аластителя на московском столе, вызванная кончиной Василия III, – всего лишь случайное совпадение. Но мы узнаем о другой «случайности», производящей весьма странное впечатление. По рассказу очевидца, 21 ноября 1533 года Василий Иванович на пути к Москве остановился в своем селе Воробьево, где пробыл два дня, «от болезни зелнеи стражуща и изнемогающа».¹ Сюда к нему приехал митрополит Даниил, «а с ним владыка Васьян Коломенской и Досифей владыка Крутицкой, и архимандриты, и бояре великого князя, которые были на Москве: князь Иван Васильевич Шуиской, Михаил Семенович Воронцов, и казначей Петр Иванович Головин, и иные многие дети боярские, которые с великим князем не были на Волоце...».² Это многолюдство создавало благоприятные условия для осуществления тайных замыслов. Между тем Василий Иванович «повеле на Москве на реце мост мостити под Воробьевым, против Нового монастыря, понеже бо тогда река еще не крепко стала: и просекаху лед, столбы бияху, и мост намостиша, а тогда бысть городовои приказик Дмитрей Волынской да Олексеи Хозников и иные». События показали, что имена городских приказчиков, ответственных за сооружение моста через Москву-реку, названы отнюдь не зря, ибо на мосту имело место происшествие из ряда вон выходящее: «Поеде князь велики во славный град Москву, как приеде на мост на новой мощенный, тогда же у великого князя у каптаны [зимняя повозка³] в оглоблях впряженные 4 санника вороны, и как санники на мост восхожаху, тогда мост обломися, каптану же великого князя дети боярские удержажу, а у санников гужи обрезаху».⁴ Не прояви дети боярские умение и расторопность, Василий III если бы не ушел под лед, то, как минимум, побывал бы в ледяной воде. Последствия этого для смертельно больного человека не трудно представить. К счастью, Бог миловал и уберег государя от такого рода «водной процедуры», чем спас Москву от династического кризиса и непримиримых раздоров по части престолонаследия. Ведь Василий, как мы знаем, не успел еще написать свое новое завещание. Отсутствие духовной, согласованной с Боярской думой, создавало ситуацию неопределенности престолонаследия и порождало борьбу за великокняжеское достоинство, выдвигая в качестве соперников Ивана IV братьев великого князя, пользующихся поддержкой определенных лиц и

¹ ПСРЛ. Т. IV. Ч. I. С. 556.

² Там же.

³ См.: Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I. СПб., 1893. Стб. 1194.

⁴ ПСРЛ. Т. IV. Ч. I. С. 556.

групп, стремящихся к захвату власти. Для нас не является загадкой религиозная и политическая устремленность данных лиц и групп. То были, по нашему мнению, последователи Федора Курицына и Вассиана Патрикеева, все более склоняющиеся, в отличие от своих предшественников, к мысли о враждебности их делу самодержавной власти, ставшей на путь единения с русской православной церковью и утверждающей государственный статус православия. Возвращаясь к Василию III, вспомним животрепещущий, пока существует человеческое общество, вопрос: кому это выгодно? Применительно к нашему эпизоду этот вопрос звучит так: кому было выгодно, чтобы Василий Иванович умер, не составив духовной грамоты, определяющей наследника престола. Конечно, тем лица и группам, о которых только что мы говорили. Поэтому происшествие на мосту Москвы-реки им было очень кстати. Такая вот получается «случайность»...

С приездом Василия III в великокняжеский дворец политическая борьба в столице еще более обострилась. Начались изнурительные и бесконечные совещания великого князя с боярами и советниками об «устроенье земском, како бы правити после его государству» и «како без него царству строитися». Расклад сил внушал, вероятно, Василию неуверенность и опасение за исход дела. Поэтому он решил расширить круг своих сторонников, введя «к себе в думу к духовной грамоте» Михаила Львовича Глинского, мотивируя это решение тем, что Глинский состоит с ним в родстве «по жене, по великой княгине Елене».¹ Бояре в свою очередь настояли на включении, помимо М.В.Глинского, в число опекунов-душеприказчиков князя Ивана Васильевича Шуйского и боярина Михаила Васильевича Тучкова.² Отсюда видно, с каким скрипом решался вопрос о престолонаследии. И это является еще одним свидетельством борьбы за власть, приобретшей особый накал в последние годы правления Василия III, когда со всей ясностью обозначились национальные приоритеты его правления, т.е. окончательно определился союз великого князя с партией иосифлян – ревнителей православной веры и активных строителей Святорусского царства.

Несмотря на скрытую оппозицию, Василию Ивановичу удалось передать сыну Ивану «свое государство» и «благословить его великим княжением». Умиравший Василий прекрасно понимал, чем это грозит юному государю. Он наказывал Ивановой «мамке» Аграфене Челядниной, чтоб она, «Ографена», от сына Ивана «пяди не отступала».³ Тем самым Василий III признал реальную возможность физического устранения своего преемника или причинения ему тяжкого вреда, указав тем самым на присутствие в великокняжеском дворе врагов княжича, готовых на самые крайние меры. О том, что опасения великого князя были не напрасны, свидетельствовал спустя много лет Иван Грозный в своем послании Андрею Курбскому. «И тако ли душу свою за нас полагают, еже нас хотели убити (погубити), а дядю нашего воцарити», – вопрошал государь беглого князя,⁴ напоминая ему о

¹ ПСРЛ. Т. IV. Ч. I. С. 557.

² См.: *Скрынников Р.Г.* Иван Грозный. С. 11–12.

³ ПСРЛ. Т. IV. Ч. I. С. 560.

⁴ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 27, 76.

замыслах участников мятежа Андрея Старицкого 1537 года.¹ Убить Ивана не убили, но развернули против него придворную войну, принимавшую разные формы. Выражалась она, например, в унижениях и лишениях детства, претерпевших Иваном, который позднее с горечью говорил: «Нас же с единокордным братом моим, святопочившим Георгием, питати начаша яко иностранных или яко убожейшую чадь. Мы же пострадали во одеянии и аличбе!... Многожды же поздно ядох не по своей воле!»² Эта война проявлялась также в изъятии важнейших документов, являющихся правовой основой правления Ивана. Так исчезла духовная грамота Василия III, составленная накануне смерти великого князя.

В свое время В.И.Сергеевич по поводу духовной Василия III говорил так: «К сожалению, грамота эта до нас не дошла. Очень можно думать, что действительное правительство, захватившее власть по смерти царя, не соответствовало предположенному, а потому и был повод захватившим власть скрыть и уничтожить ее».³ А.Е.Пресняков, специально изучавший историю завещания Василия III, согласился с В.И.Сергеевичем, подчеркнув, что исчезновение духовной великого князя – не случайность.⁴ Однако, по мнению А.А.Зимина, духовная Василия сохранялась, по крайней мере, до 70-х годов XVI века.⁵ И.И.Смирнов еще больше удлинняет срок существования духовной грамоты Василия, связывая ее уничтожение не с 30–40-ми годами XVI века, как это делал А.Е.Пресняков, а с концом XVI – началом XVII века.⁶ При этом исследователь ссылается на источники, в которых упоминается содержание отдельных мест духовной Василия III, а не сама духовная грамота как таковая.

Относя исчезновение завещания Василия Ивановича к столь отдаленному от времени его составления моменту, и А.А.Зимин, и И.И.Смирнов лишают, по существу, мотивации акт уничтожения духовной. В самом деле, кого могла задевать духовная Василия в 70-е годы XVI столетия, а тем более – в конце XVI – начале XVII века, когда страсти, вызванные ею, давно улеглись? Это, помимо прочего, побуждает нас отнести уничтожение завещания Василия III к более раннему времени, чем полагали И.И.Смирнов и А.А.Зимин, а также признать справедливой версию Сергеевича – Преснякова, связывающих пропажу этого завещания с годами боярского правления.

Духовная грамота того или иного московского великого князя являлась официальным документом, обосновывающим право наследника на великокняжеский стол. Вот почему уничтожение духовной Василия III можно рассматривать как удар по легитимности правления Ивана IV, опиравшегося теперь не столько на документальную правовую основу, сколько на обычай.

¹ Об этом мятеже см.: *Смирнов И.И.* Очерки... С. 53–74.

² Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 28.

³ *Сергеевич В.И.* Русские юридические древности. Т. II. СПб., 1900. С. 364.

⁴ *Пресняков А.Е.* Завещание Василия III. С. 71, 80.

⁵ *Зимин А.А.* Княжеские духовные грамоты начала XVI в. // Исторические записки. Т. 27.

⁶ *Смирнов И.И.* Очерки... С. 25.

Отсутствие духовной должно было также сказаться на ходе формирования «самодержавства» Ивана Грозного. Данное обстоятельство учитывалось, по-видимому, теми, кто выкрал и уничтожил духовную грамоту Василия III. В этой грамоте, как мы знаем, содержалась повеление Ивану по достижении совершеннолетия «помазаться и венчаться царьским венцем».¹ Утрата духовной позволяла противникам русского самодержавия затягивать венчание Ивана на царство. Но благодаря настойчивости молодого государя, усилиям митрополита Макария и родственников великого князя Глинских венчание все же состоялось, хотя и с заметным опозданием. Как известно, «15 лет – пора совершеннолетия в жизни людей XVI столетия. В этом возрасте дворянские дети поступали “новиками” на военную службу, а дети знати получали низшие придворные должности».² 15 лет Ивану исполнилось в августе 1545 года, а венчался он на царство в январе 1547 года, т.е. через полтора года после наступления совершеннолетия. О чем это говорит? Конечно, об упорном сопротивлении коронации Ивана IV со стороны сил, оппозиционных самодержавной власти.

Однако их действие нельзя сводить лишь к политической реакции боярства, направленной «против самодержавия московских государей».³ Формирующееся самодержавное государство, как уже отмечалось нами, было тесными узами связано с русской православной церковью. Эти оба института находились в нерасторжимом единстве. Поэтому выступления «против самодержавия московских государей», гарантирующего незыблемость православной веры, не могли не затрагивать русскую церковь. Весьма примечательно в данном отношении одно любопытное разночтение, содержащееся в Первой и Второй пространных редакциях первого послания Ивана Грозного князю Андрею Курбскому. В Первой редакции среди перечисляемых царем беззаконий, творимых боярами в годы малолетства государя, значится и то, что они «на церковь вооружишася».⁴ Во Второй редакции вместо слов «на церковь вооружишася» читаем слова «на царство вооружишася».⁵ На основании этих, на первый взгляд, мало значимых расхождений текста можно составить представление о довольно существенных вещах, а именно о том, что, во-первых, придворная борьба в период боярского правления носила в определенной мере и по сути антицерковный характер, особенно наглядно выразившийся в стремлении сместить иосифлянское церковное ру-

¹ См.: ДАИ. Т. I. С. 44.

² Скрынников Р.Г. Иван Грозный. С. 28–29.

³ Смирнов И.И. Очерки... С. 2627.

⁴ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 28. «И на церковь вооружишася, и Данила митрополита, сведше с митрополии, и в заточение послаша» – так сказано в послании. Переводчики Я.С.Лурье и О.В.Творогов предлагают следующий перевод данного текста: «И на церковь руку подняли: свергнув с престола митрополита Даниила, послали его в заточение» (Там же. С. 138). Этот перевод, на наш взгляд, неправильный, поскольку перед нами не одно, а два последовательных действия, что подчеркивается повторяющимся союзом «и».

⁵ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 76.

ководство,¹ и что, во-вторых, церковь являлась частью общего понятия «царство».

Показательна в данном отношении и деятельность митрополита Макария, чей вклад в дело венчания Ивана на царство трудно переоценить. Активное участие Макария в осуществлении коронации Ивана IV свидетельствует о кровной заинтересованности «иосифлянской» церкви в утверждении самодержавия на Руси. Эта заинтересованность обуславливалась не только тем, что самодержец призванием своим необоримо стоял на страже чистоты православной веры и твердо защищал незыблемость русской церкви, но и тем, что в плане функциональном церковная и самодержавная власть в России могли действовать только совместно и на общем поле в пределах единого централизованного государства. Не случайно в феврале 1547 года, можно сказать, по горячим следам венчания Ивана IV на царство был созван церковный собор, учредивший общерусский культ святых. В грамоте на Вологду от 26 февраля 1547 года митрополит Макарий об этом говорил так: «Повелением господина и сына нашего смирения, благоверного и христоролюбивого и Богом венчанного Царя и Великого Князя Ивана Васильевича, всеа Русии Самодержца, и по совету с сынами своими и сослужебники нашего смирения... и со всем священным собором Руския митрополия, устави

¹ В начале февраля 1539 года был сведен с престола митрополит Даниил, а на его место избран троицкий игумен Иоасаф. По словам А.А.Зимины, новоизбранный Иоасаф являлся «довольно известным церковным деятелем, откровенным противником иосифлян. Сразу же после получения митрополичьего престола он стал окружать себя единомышленниками и провел ряд мероприятий в духе противников иосифлян. Уже в марте 1539 г. ростовским архиепископом он назначил игумена Кирилло-Белозерского монастыря Досифея (умер в августе 1542 г.). Одновременно 9 марта 1539 г. епископом суздальским был поставлен Ферапонт, игумен тесно связанного с Кирилло-Белозерским Ферапонтова монастыря (умер в 1543 г.). Иоасаф улучшил положение заточенного Максима Грека. Он же поставил единомышленника Максима Исаака Собаку на священство в Симонов. Несколько позднее сводится с престола Вассиан Топорков (до 2 июля 1542 г.), этот, по словам А.М.Курбского, “мних от иосифлянские оные лукавые четы, яже был великий похлебник” Василия III» (Зимин А.А. Крупная феодальная вотчина... С. 293–294. См. также: Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного... С. 253). В данном случае не так уж важно, принадлежал ли Иоасаф к нестяжателям (Зимин А.А. И.С.Пересветов и его современники... С. 44; Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. Т. I. С. 422; Вернадский Г.В. Московское царство. Ч. I. Тверь; М., 1997. С. 24), или же был только близок к ним (Зимин А.А. 1) И.С.Пересветов и его современники... С. 72; 2) Реформы Ивана Грозного... С. 253; Кашианов С.М. Социально-политическая история России конца XV – первой половины XVI в. М., 1967. С. 334), примыкал к нестяжателям (Греков Б.Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. Кн. II. М., 1954. С. 229) или занимал в этом вопросе неопределенную позицию (Шапошник В.В. Церковно-государственные отношения в России... С. 38). Важно здесь другое, а именно то, что Иоасаф активно вмешивался в политику (Там же. С. 38–40), помогая реальным и потенциальным противникам московского самодержавия и иосифлянской церкви, в частности старицким князьям и Сильвестру – будущему борцу за ограниченную монархию и обновленную церковь в сфере, прежде всего, монастырской жизни.

есмя ныне праздновати новым Чудотворцом в Руской земли, что их Господь Бог прославил, своих угодников, многими и различными чудесы и знаменами... мы же о святем Дусе с сынами своими, со Архиепископы и Епископы и со всеми священными соборы, уставихом, на том соборе, праздновати по прежеуложенному уставу Святых отец: праздновати в царствующем граде Москве в соборной церкви и по всем священным церквам и по всем святым монастырем и по всем градам великого царства Российского пети и праздновати повсюду...».¹ Единовременное почитание памяти святых по всей стране коренным образом меняло идеологическую направленность культов, выводя их из местной политической ограниченности на общегосударственный простор.² Оно также означало централизацию церковной жизни, что соответствовало государственной централизации.³ Есть все основания утверждать, что централизация церковной власти и централизация светской власти — это две стороны одного процесса формирования централизованного русского государства. Отсюда понятно, почему русская православная церковь в лице своего высшего иерарха митрополита Макария упорно добивалась венчания на царство Ивана IV. И то, что это венчание произошло, — большая ее заслуга.

Итак, несмотря на сопротивление противников самодержавной власти, венчание на царство Ивана IV хотя и с запозданием, но все же состоялось. Это повлекло за собой определенные изменения в способах борьбы недругов Святой Руси с «самодержавством» царя Ивана. Их главным оружием становится разжигание страстей в обществе, провоцирование общественных беспорядков и народных волнений, возбуждение недовольства высшей властью. Достигалось это разными средствами, в том числе с помощью специально устроенных пожаров.

* * *

12 апреля 1547 года в Москве «загореся на Торгу лавка в Москотинном ряду; и погореша лавкы въ всех рядах града Москвы со многими товары от Николского хрестыца и до речной стены городной; и гостиные дворы великого князя, и дворы людския и животы многие погореша, от Ильиньские улицы и до городные стены, от площадки и до речной стены городской, церкви и монастырь Богоявленьской и Ильиньской. А у реки у Москвы в стрельницы загорешася зелие пушечное, и от того разорва стрелницу и размета кирпичие по берегу реки Москвы и в реку. И то же нощи згореша 10 дворов в Чертории къ Дорогомилову».⁴ Не успели в Москве оправиться от этого

¹ ААЭ. Т. I, № 213. С. 203.

² См.: *Хорошев А.С.* Политическая история русской канонизации (XI–XVI вв.). М., 1986. С. 171. До того, по выражению современников, «каждая страна своих блажила».

³ См.: *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. II. С. 272.

⁴ ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 152, 453.

пожара, как 20 апреля «загорешася за Яузою на Болвановие и погореша Гончары и Кожевники, вниз възле реку Москву и церковь Спас выгоре в Чигасовом монастыре и вверх падеся, — подпись у церкви тоя чюдна была Дионисия летописца, — и Лыщиково погоре по Яузу, и возле Яузу по устие к Москверске».¹ Современный исследователь, определяя последствия весенних пожаров 1547 года в Москве, пишет: «12 апреля пожар уничтожил большую часть Китай-города, в том числе около 2000 дворов на Гостином дворе и Соляной двор, “и людей много погорело”... Через несколько дней (по летописному отрывку — 15 апреля) вспыхнул пожар в Замоскворечье, точнее, в Заяузье: на Болвановке сгорело 1700 дворов, в Кожевниках — 500. По другим источникам, пожар случился 20 апреля, и “выгореша мало не все Заяузье”. Отмечается, что “в то же время и в иных местах во многих на Москве загорелося”».²

При чтении летописного рассказа об апрельских пожарах 1547 года в Москве обращает внимание новая «случайность», сродни тем «случайностям», о которых мы уже не раз говорили, а именно то, что эти пожары возникали с разницей всего лишь в один час, будто по какому-то общему плану: первый «в 9 час дни» (11 час. 30 мин.), а второй «в 10 час дни»³ (12 час. 30 мин.). Еще одна «случайность» состояла в том, что в пожар 20 апреля (по другим источникам — 15 апреля) Москва загоралась одновременно в разных местах: «В то же время и в иных местах во многих на Москве загорелося».⁴ Невольно закрадывается подозрение, не было ли здесь поджогов. Современники, кстати, так и думали. В Постниковском летописце читаем: «А говорили про оба пожара, что зажигали зажигальники. И зажигальников многих имали и пытали их. И на пытке они сами на себя говорили, что они зажигали. И тех зажигальников казнили смертною казньою, глав им секли и на колье их сажали и в огонь их в те же пожары метали».⁵ Но коль были непосредственные исполнители поджогов («зажигальники»), то были, надо думать, и те, кто их посылал «на дело».

Идею о «зажигальниках» апрельских пожаров 1547 года в Москве, разделял И.И.Смирнов.⁶ Невнятную позицию в данном вопросе занял С.О.Шмидт. Отметив распространение «слухов» насчет «зажигальников», он говорит: «Очевидно, правительство Глинских поддержало версию о “зажигальниках” (а быть может, и инспирировало эти слухи)».⁷ Историк, впро-

¹ Там же.

² Шмидт С.О. 1) Становление российского самодержавства... С. 79; 2) У истоков российского абсолютизма... С. 85–86. См. также: Жарков И.А. К истории московских пожаров 1547 г. // Исторический архив. 1962, № 3. С. 223–224.

³ ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 152, 453.

⁴ Жарков И.А. К истории московских пожаров 1547 г. // Исторический архив. 1962, № 3. С. 224.

⁵ ПСРЛ. Т. 34. М., 1978. С. 29.

⁶ Смирнов И.И. Очерки... С. 122.

⁷ Шмидт С.О. 1) Становление российского самодержавства... С. 80; 2) У истоков российского абсолютизма... С. 86–87.

чем, не исключает того, что «враги Глинских действительно наняли поджигателей».¹ Несколько иначе объясняет причину поджогов П.П.Смирнов, связывая их с женитьбой «молодого царя на Анастасии Романовне, столь непопулярной среди титулованных княжат».² По П.П.Смирнову, следовательно, острие недовольства высшей знати, выразившееся в искусственных пожарах, было направлено против царя Ивана, который предпочел знатым девицам худородную Анастасию Захарьину. Исследователь, на наш взгляд, упрощает проблему. Иван IV вызывал недовольство у определенных придворных кругов отнюдь не как жених, совершивший унижающий достоинство княжат брак, а как политик, взявший курс на окончательное утверждение самодержавия в России. С этой точки зрения нельзя отрывать венчание на царство и женитьбу Ивана. Связь между этими событиями верно угадал С.О.Шмидт, который писал: «16 января 1547 г. Иван IV первым из московских государей венчается царским венцом; 2 февраля отпраздновали свадьбу его с Анастасией Романовной Захарьиной... Это явственные внешние показатели официально провозглашенной самостоятельности молодого государя».³ Но есть, как говорится, самостоятельность и самостоятельность. Одно дело приобретение самостоятельности государем в результате достижения совершеннолетия и освобождения от регентской опеки. Другое дело самостоятельность, хотя и связанная с наступлением зрелого возраста государя, но характеризующаяся установлением самодержавной власти, полностью независимой от подданных и подотчетной только Богу. Венчание Ивана IV на царство и его брак с Анастасией – два события, знаменовавшие оформление самодержавия на Руси.

Московские пожары в апреле 1547 года не дали того эффекта, на который, по-видимому, рассчитывали их заказчики. Они не привели к социальным волнениям и выступлениям народа против власти. Но это не остановило противников «Святорусского царства». По известиям Постниковского летописца, едва остыли в столице пепелища, «явились на Москве по улицам и по иным городом, по селом, и по деревням многие сердечники, выимали из людей сердца».⁴ Как явствует из источников, «сердечники» занимались тем, что извлекали из мертвецов сердца, клали эти сердца в воду и той водой, ездя по городам и весям, кропили, отчего возникали пожары. Современного человека это может только позабавить, но люди той поры слепо верили в действительный характер подобных языческих манипуляций. Но в любом случае перед нами поджигатели («зажигальники»).

Важно отметить, что в приведенном нами кратком известии Постниковского летописца заключена весьма существенная для исследователя инфор-

¹ Шмидт С.О. 1) Становление российского самодержавства... С. 80 (прим.); 2) У истоков российского абсолютизма... С. 87 (прим.).

² Смирнов П.П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. Т. I. М.; Л., 1947. С. 108.

³ Шмидт С.О. 1) Становление российского самодержавства... С. 76; 2) У истоков российского абсолютизма... С. 83.

⁴ ПСРЛ. Т. 34. С. 29.

мация. В этом известии просматривается некая организованность. Ибо невозможно представить стихийное появление «многих сердечников» в Москве, а также в других городах, селах и деревнях. Несомненно, мы наблюдаем здесь деятельность какой-то организации. И эта деятельность, на наш взгляд, имела антигосударственный характер, будучи направлена против царской власти, православной веры и, следовательно, церкви. Против царской власти потому, что побуждала народ к волнениям и беспорядкам, порождающим нестабильность в обществе. Против православной веры и церкви потому, что возрождала языческие нравы и обычаи, подрывающие основы христианства. То была продуманная политика. Довольно ярко она проявилась во время московского «великого пожара» в июне 1547 года.¹

Этот пожар возник в Москве во вторник 21 июня 1547 года. Он распространился на огромную территорию, в частности на Китай-город («Большой посад»), который превратился в сплошное пепелище. Огонь охватил и Кремль, где сгорели все деревянные строения. Погорели, по-видимому, уцелевшие во время апрельских пожаров хлебные житницы, что поставило население столицы перед угрозой голода.² «Всего по одним данным выгорело 25 000 дворов и погибло 2700 человек, а по другим – собрали одних сгоревших групп за р. Неглинною 3700 человек... более 80 000 человек горожан осталось без крова».³ То было страшное бедствие. По словам очевидцев, «таков пожар не бывал на Москве, как и Москва стала именоватися».⁴

Ближайшее знакомство с летописным рассказом об июньском пожаре в Москве обнаруживает одну интересную деталь: город загорелся 21 июня, как и 20 апреля, «въ 10 часъ дни»,⁵ или в 12 час. 30 мин. по современному счету.⁶ Опять «случайность»? Вряд ли. Тут видна некая схематичность действий. Существовал, по всему вероятно, общий план организации пожаров в столице, которому следовали его исполнители. Это были, конечно, «зажигальники», выполнявшие заказ тех, кто предпочитал оставаться в тени, чтобы не навлечь на себя карающий гнев государя. Среди заказчиков находились, безусловно, и ярые враги Православного Царства, противники русского самодержавия. Именно их стараниями поджигалась Москва, и «еще в начале XVII в. можно было слышать рассказы о предательствах в Москве при Иване Грозном, о том, что Москву “неоднократно поджигали так, что однажды осталось всего 50 церквей”». Эти слова привел голландец Исаак

¹ По И.И.Смирнову, «совпадение во времени венчания на царство Ивана IV с московским восстанием черных людей отнюдь не является случайным». – *Смирнов И.И. Очерки...* С. 119.

² См.: *Шмидт С.О.* 1) Становление российского самодержавства... С 82–83; 2) У истоков российского абсолютизма... С. 88–89.

³ *Зимин А.А.* Реформы Ивана Грозного. С. 296. По подсчетам И.А.Жаркова, «общее количество пострадавших достигло 100 000». – *Жарков И.А.* К истории московских пожаров... С. 224.

⁴ ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 154, 455.

⁵ Там же. С. 152, 454; Т. 34. С. 29.

⁶ См.: *Черепнин Л.В.* Русская хронология. М., 1944. С. 50.

Масса рядом с вынесенными из основного текста заголовками “Измена в Москве”. “Великий пожар”».¹

Молва о поджигателях стала распространяться сразу же после 21 июня, когда погорела Москва. Ею, похоже, кто-то управлял. Поэтому слухи насчет виновников поджога столицы превратились в элемент политической борьбы, т.е. борьбы за власть. Поджигателями были объявлены люди Глинских и сами Глинские, что, разумеется, бросало тень на царя Ивана. «Вашим зажиганием дворы наши и животы погореша», — кричали обезумевшие от горя московские черные люди. Обвинение в высшей степени абсурдное, ибо какой был резон Глинским, находившимся на вершине власти, поджигать Москву и тем самым ставить себя под удар, способный смести их с политической арены. Думается, не было никакого резона, что прекрасно понимали современники, справедливо называя это обвинение «безумием»² и «скудоумием».³ Иван Грозный с полным основанием осмеял его: «Како убо смеху не подлежит мудрость сия! Почто убо нам самим царству своему запалителем быти?».⁴ Последний вопрос государь мог бы задать и от лица Глинских, которые, будучи у него «в приближении и жалованье», не имели никакой выгоды запалить Москву и рисковать своим положением. Для них это было бы попросту нелепо. Тем не менее, им упорно приписывали поджог столицы. Откуда, как говорится, дул ветер, узнаем из вставки к Царственной книге, повествующей о посещении 23 июня («после пожару на 2 день») Иваном Васильевичем с боярами в Новинском монастыре больного митрополита Макария.⁵

¹ Шмидт С.О. 1) Становление российского самодержавства... С. 83 (прим.); 2) У истоков российского абсолютизма... С. 89 (прим.). См. также: *Масса Исаак*. Краткое известие о Московии... С. 21.

² ПСРЛ. Т. XIII. С. 154, 456; Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 29, 78.

³ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 29, 78.

⁴ Там же.

⁵ См.: *Жарков И.А.* К истории московских пожаров... С. 225, 226; *Соловьев С.М.* Сочинения: В 18-ти кн. Кн. III. М., 1989. С. 420; *Тихомиров М.Н.* Записки о регентстве Елены Глинской и боярском правлении 1533–1547 гг. // Исторические записки. Т. 46. С. 288; Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV в. — начало XVII в. М., 1955. С. 283; *Зимин А.А.* 1) Реформы Ивана Грозного... С. 300; 2) Укрепление Российского государства. Народы Поволжья и Приуралья в XVI в. // История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. II. М., 1966. С. 158; *Скрынников Р.Г.* Иван Грозный. С. 36. Согласно Постниковскому летописцу, «князь великий и со всеми бояры к нему (митрополиту Макарию. — И.Ф.) на думу приежшаль» (ПСРЛ. Т. 34. С. 30). И.И.Смирнов полагал, что целью приезда царя Ивана с боярами к Макарию «являлось обсуждение на заседании Боярской думы с участием митрополита политического положения, создавшегося в Москве после пожара». Историк называет встречу у митрополита «чрезвычайным заседанием Боярской думы» (*Смирнов И.И.* Очерки... С. 125). Это определение совещания в Новинском монастыре С.О.Шмидту показалось удачным. — Шмидт С.О. 1) Становление российского самодержавства... С. 87; 2) У истоков российского абсолютизма... С. 94; 3) О московском восстании 1547 г. // Крестьянство и классовая борьба в феодальной России. Сб. статей памяти Ивана Ивановича Смирнова. Л., 1967. С. 116–117.

Во время нахождения у митрополита «вражиим наветом начаша глаголати, яко вълхвъванием сердца человеческия вымаша и в воде мочиша и тою водою кропиша и оттого вся Москва погоре; начаша же словеса сия глаголати духовник царя и великого князя протопоп Благовещенской Федор да боярин князь Федор Скопин Шуйский да Иван Петров Федоров».¹ А.А.Зимин полагал, что сходную позицию занимали упоминаемые также в приписке к Царственной книге князь Ю.И.Темкин-Ростовский, Г.Ю.Захарьин и Ф.М.Нагой.² Важно отметить, что А.А.Зимин не сомневается в правдивости сведений, содержащихся в данной приписке. «Гораздо труднее, — писал он, — предположить, чтобы Иван Грозный³ измыслил участие всех известных деятелей в событиях, о которых современники хорошо знали».⁴ С А.А.Зиминим здесь следует согласиться. Однако исследователь, к сожалению, не совсем точно пересказывает фактическую часть интересующей нас сейчас летописной записи. При этом допускаемые им неточности имеют принципиальное значение. Говоря о посещении Иваном IV «с некоторыми боярами» больного Макария, историк заявляет: «Здесь при молчаливом сочувствии митрополита бояре начали обвинять в поджоге Москвы бабу царя — Анну Глинскую, якобы она “вълхвъванием сердца человеческие вымаша и в воде мочиша и тою водою кропиша и оттого вся Москва погоре”». С этим утверждением выступил благовещенский протопоп Федор Бармин, боярин князь Федор Иванович Скопин-Шуйский и Иван Петрович Федоров».⁵ А.А.Зимин привносит в рассказ Царственной книги о посещении царем с боярами хворающего митрополита отсутствующие в нем элементы. Никто из присутствующих на встрече с Макарием не обвинял бабу царя Анну в поджоге Москвы. Ее имя у постели больного митрополита не упоминалось. Не звучали обвинения и в адрес остальных Глинских.⁶ Надо согласиться с В.В.Шапошником, когда он пишет: «Описание совещания у Макария после пожара не дает никаких оснований утверждать, что на нем с обвинениями в адрес царской родни кто-то выступал... В нашем распоряжении нет источников, которые свидетельствуют о том, что на совещании у митрополита звучали обвинения в адрес Глинских».⁷ Между тем, И.И.Смирнов уверен, что именно тогда «протопоп Федор, а за ним и ряд бояр выступили с обвинением Глинских в колдовстве

¹ ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 455–456.

² Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного... С. 300.

³ А.А. Зимин вслед за Д.Н. Альшицем считал Ивана Грозного автором приписок к Царственной книге.

⁴ Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного... С. 301.

⁵ Там же. С. 300.

⁶ Бармин, Скопин-Шуйский и Федоров опасались, по-видимому, открыто обвинять Глинских и потому предпочли говорить глухо, не называя имен поджигателей. Эта неопределенность побудила царя Ивана распорядиться «того боярам сыскати», т.е. расследовать обстоятельства, связанные с пожаром. — См.: Шапошник В.В. Иван Грозный: Первый русский царь. С. 76.

⁷ Шапошник В.В. Церковно-государственные отношения... С. 47, 48.

и поджигательстве». ¹ Тот же взгляд у С.О.Шмидта, который полагает, будто в описании Царственной книгой встречи государя с митрополитом в Новинском монастыре «появляется версия о поджоге Москвы Глинскими». ² В другой работе С.О.Шмидта читаем: «По позднейшей приписке в официальную летопись (отразившей мнение Ивана IV) версия о виновности в поджоге Москвы родственников царя по матери князей Глинских была высказана в... митрополичьих покоях царским духовником и группой бояр». ³ Несколько ближе к летописному тексту подошел Р.Г.Скрынников. Он пишет: «Иван поспешил навестить Макария. Его сопровождали бояре Иван Петрович Федоров, вернувшийся из ссылки, и князь Федор Скопин-Шуйский. В присутствии митрополита Федоров сообщил государю о смутной молве. В столице толковали, что “яко волхованием... вся Москва погоре”. В колдовстве народ винил Глинских. Но об этом боярин умолчал». ⁴ Верно то, что относительно Глинских в тот момент речь не велась. Однако о пожаре в Москве как следствии колдовства (волхования) говорил не только боярин Федоров, но и протопоп Федор Бармин, а также князь Скопин-Шуйский. При этом в перечне лиц, толковавших о волхванье как причине московского пожара, Федор Бармин поставлен на первое место, а И.П.Федоров – на последнее: «Начаша же словеса сия глаголати духовник царя и великого князя протопоп Благовещенский Федор да боярин князь Федор Скопин Шуйской да Иван Петрович Федоров». ⁵ Эта расстановка ораторов, по всей видимости, не случайна. Она, на наш взгляд, отражает степень активности выступавших с версией о колдовстве, вызвавшем «великий пожар» в Москве. И первым здесь оказался протопоп Бармин, что тоже, по нашему мнению, невозможно истолковать как случайность, поскольку колдовство, относясь в принципе к сфере религиозной, являлось, прежде всего, предметом компетенции церкви в лице ее служителей. Поэтому передовая роль Бармина в данном случае была с внешней стороны вполне мотивированной и даже в определенной мере ожидаемой, хотя не исключено и другое: исполнение протопопом поручения лиц, по тем или иным причинам заинтересованных в отстранении Глинских от власти. К числу этих лиц принадлежал, вероятно, и Сильвестр. Правда, по словам А.А.Зиминой, «ни о каком участии в боярском заговоре Алексея Адашева и Сильвестра источники не сообщают». ⁶ Действительно, прямых указаний на сей счет источники не содержат. Однако нельзя забывать, что Федор Бармин и Сильвестр служили в одном храме – Благовещенском соборе, т.е. являлись сослуживцами. Значит, они могли находиться в неформальных,

¹ Смирнов И.И. Очерки... С. 125.

² Шмидт С.О. 1) Становление российского самодержавства... С. 87; 2) У истоков российского абсолютизма... С. 94.

³ Шмидт С.О. Митрополит московский Макарий и государственные преобразования России в середине XVI века // Тысячелетие крещения Руси. Международная церковная научная конференция «Богословие и духовность». Москва, 11–18 мая 1987 года. М., 1989. С. 291.

⁴ Скрынников Р.Г. Иван Грозный. С. 36–37.

⁵ ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 455–456.

⁶ Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного... С. 302.

доверительных отношениях. Но если это так, то логично предположить, что Сильвестру был известно мнение Бармина о причине «великого пожара» в Москве. Возможно и то, что это мнение Бармину внушил Сильвестр, сам не чуждый чародейства и, главное, заинтересованный в падении Глинских, поскольку их ниспровержение открывало ему «со товарищи» путь к власти. Отсюда понятно, что Федор Бармин говорил о колдовстве в качестве причины пожара в Москве не от себя одного, а от группы лиц, куда входили, кроме поддакивавших ему бояр, также другие люди, в частности Сильвестр и, следовательно, Адашев.¹ Важно отметить, что Бармин, говоря о волшебстве, вызвавшем пожар в «царствующем граде», воспроизводил не слухи, ходившие по Москве, а излагал фальсифицированную версию, созданную противниками Глинских и благодаря их пропагандистским стараниям вскоре превратившуюся в народную молву.² Как отнесся митрополит Макарий к утверждениям благовещенского протопопа и поддержавших его бояр?³

Еще Н.А.Полевой, неведь на чем основываясь, утверждал, будто владыка митрополит вместе с боярами уверял царя в том, что «пожар произведен был колдовством злых людей».⁴ По мнению современного исследователя А.А.Зимина, Макарий проявил «молчаливое сочувствие», когда «бояре начали обвинять в поджоге Москвы бабку царя – Анну Глинскую», благосклонно отнесся «к заговору (обвинения по адресу высказывались в его присутствии, причем среди противников Глинских был протопоп Благовещенского собора – Бармин)».⁵ Некоторые исследователи сочли возможным говорить даже о причастности митрополита Макария к боярскому заговору, направленному против Глинских. Так, С.В.Бахрушин утверждал, будто в интриге против Глинских «приняло участие и придворное духовенство в лице благовещенского протопопа Федора Бармина. По-видимому, какое-то отношение к делу имел и митрополит Макарий».⁶ Более категоричен И.И.Смирнов. «На отрицательный для Глинских исход заседания Боярской думы, – говорит историк, – несомненно, огромное влияние оказала позиция, занятая в этом вопросе Макарием».⁷ Хотя, как отмечает исследователь, «Царственная книга непосредственно о Макарии ничего не говорит, но, во-первых, самый факт

¹ Это, конечно, предположение, но весьма, на наш взгляд, вероятное.

² «Сию басню, – говорил Н.М.Карамзин, – выдумали и разгласили заговорщики... Многие поджигали народ, и самые Бояре». – Карамзин Н.М. История Государства Российского. Кн. II. Т. VIII. М., 1989. Стб. 62.

³ Необходимо еще раз подчеркнуть, что Федор Бармин и выступавшие вслед за ним бояре передавали не слухи, как это порою говорится в исторической литературе (см., напр.: Шмидт С.О. 1) Становление российского самодержавства... С. 88; 2) У истоков российского абсолютизма... С. 94), а излагали собственное разумение событий, которое, если строго следовать летописной записи, затем лишь было подхвачено «черными людьми».

⁴ Полевой Н.А. История русского народа. Т. 3. М., 1997. С. 423.

⁵ Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного... С. 300, 302. Ср.: Шапошник В.В. Церковно-государственные отношения... С. 48.

⁶ Бахрушин С.В. Научные труды. Т. II. С. 266.

⁷ Смирнов И.И. Очерки... С. 125–126.

участия Макария в заседании означал санкционирование им решения о сыске, а во-вторых, – и это самое главное, – на характер позиции Макария в отношении Глинских указывает то, что инициатива в выдвижении обвинения Глинских в колдовстве исходила от такого приближенного к Макарию лица, как благовещенский протопоп Федор Бармин. (Из рассказа Царственной книги нельзя установить, каким образом Федор Бармин оказался на заседании: был ли он в монастыре или приехал с царем. Но и в том, и в другом случае Федор Бармин, несомненно, политически был связан с Макарием и мог рассматриваться как своего рода рупор митрополита, выразитель его мнений)».¹

Едва ли могло у митрополита вызвать благосклонность и сочувствие то, о чем говорил Федор Бармин. Еще меньше оснований называть Бармина рупором митрополита, выразителем мнений Макария. И вовсе нет оснований говорить о том, что первосвященник, подобно боярам и Бармину, рассуждал о волхвовании как причине московского пожара. Ведь Федор Бармин утверждал сугубо языческий подход к объяснению событий, неприемлемый церковью и отвергаемый ею. Странно было слышать от протопопа одного из главных соборов страны и духовника царя слова о волхвовании, извлечении сердец из человеческих тел, замачивании их в воде, об окроплении этой водой Москвы и возгорании города в результате осуществления перечисленных языческих действ. Христианская оценка заявлений Федора Бармина и примкнувших к нему бояр дана в начале летописного повествования как сделанных «вражиим наветом»,² т.е. сатанинским наветом. Мог ли следовать митрополит Макарий путем Сатаны? Все, что нам известно о Макарии, побуждает нас уверенно сказать: нет, не мог. Правоверному христианину, каковым являлся Макарий, присущ был взгляд на произошедшее в Москве, который представлен в Никоновской летописи и Царственной книге: «Сиа вся наведе на ны Бог грех ради наших понеже множество съгрешихом и беззаконновахом. Бог же праведным своим судом приводяй нас на покаяние, ово убо пожаром, ово убо гладом, ово же убо ратным нахождением, ово убо мором».³ Этот традиционный для Руси христианский взгляд на общественные бедствия как Божию кару за грехи развивал применительно к «великому пожару» в Москве и царь Иван Грозный: «И тако случися грех ради наших, Божию гневу распростершуся, пламени огненному царствующий град Москву попалившу».⁴ При этом Грозный противопоставлял данный взгляд утверждениям, будто Москва была сожжена посредством чародейства.

Что касается Федора Бармина, то его языческие мотивы в объяснении причин московского пожара не являлись, вероятно, случайными. Благовещенский протопоп не был, по всей видимости, крепок в православной вере. Соответствующий намек находим в одной приписке к Царственной книге. В этой хотя и краткой, но наполненной внутренним смыслом приписке гово-

¹ Там же. С. 126.

² ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 455.

³ Там же. С. 154, 455.

⁴ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 29, 77

рится о том, что 6 января 1548 года «протопоп Благовещенской Федор Бармин разнеможеся, приде на него страхование, он же отпросися в чернцы у государя и пострижеся у Михайлова Чюда».¹ Сама по себе упомянутая приписка, как, впрочем, и другие, ей подобные, красноречива, поскольку знаменует важность (во всяком случае, с точки зрения ее автора) заключенных в ней сведений. Весьма важным для понимания текста вставки представляется указание на 6 января как день начала болезни Федора Бармина и возникший в связи с этим у протопопа страх. На 6 января приходился один из двенадцатых христианских праздников – Крещение, или Богоявление. В Святом Евангелии сказано: «И крестившись Иисус тотчас вышел из воды, – и се, отверзлись Ему небеса, и увидел Иоанн Духа Божия, который сходил, как голубь, и ниспускался на Него. И се, глас с небес глаголющий: Сей есть Сын Мой Возлюбленный, в Котором Мое благоволение» (Матф.3:16–17). Св. Димитрий Ростовский в «Слове на Богоявление Господне» пишет: «И ныне над водами Иорданскими является Бог, Единый в Троице: Отец – во гласе, Сын – во плоти, Дух Святой – в виде голубя».² 6 января как праздник Крещения и Богоявления (т.е. явление Божества в трех ипостасях – Бог Отец, Бог Сын и Бог Дух Святой) служит ключом к разгадке заключенного в приписке о Федоре Бармине глубинного смысла. Становится ясно, что на Бармина напал страх потому, что он «разнеможеся» именно 6 января, в день Крещения – Богоявления. Похоже, протопоп чувствовал за собой грехи, связанные с этой датой. И они были столь велики, что их пришлось замаливать, уйдя в монастырь. В чем же заключалось прегрешение Федора Бармина? Скорее всего, в причастности к распространившейся в середине XVI века на Руси ереси, отвергающей божественную природу Иисуса Христа и Святую Троицу. Эта ересь проникла в Кремль. Ее распространяли участники кружка, руководимого Матвеем Башкиным. К идеям Башкина сочувственно относились попы Сильвестр и Симеон, служившие, как и Бармин, в Благовещенском соборе и, несомненно, знавшие друг друга.

Итак, вопрос о поджигателях Москвы на совещании царя и бояр с митрополитом в Новинском монастыре 23 июня 1547 года был поставлен в общей форме и без конкретизации имен. Нет основания говорить, подобно И.И.Смирнову, имевшему в виду это совещание, что «судьба Глинских как временщиков и правителей государства была предreshена уже на второй день после “великого” пожара».³ Судьба Глинских решилась не 23 июня в Новинском монастыре и не в ходе последующего «народного восстания», как счи-

¹ ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 458.

² Жития святых, на русском языке изложенные по руководству Четьих-Миней св. Димитрия Ростовского. Январь. Ч. I. М., 1904. С. 217.

³ Смирнов И.И. Очерки... С. 126. А.А.Зимин, полемизируя с И.И.Смирновым в данном вопросе, пишет: «Нам неизвестны какие-либо реальные последствия совещания у митрополита Макария. Иван IV, очевидно, не склонен был повергать опале Глинских и отдал распоряжение произвести розыск о виновниках пожара. Совершенно бездоказательно утверждение И.И.Смирнова, что уже тогда “судьба Глинских как временщиков и правителей государства была предreshена”. Судьба этих

тает А.А.Зимин,¹ а несколько ранее в кругу составивших заговор противников русского самодержавия, недовольных венчанием Ивана IV на царство, в осуществлении которого Глинские принимали деятельное участие. Нет причин видеть в митрополите Макарии недоброжелателя Глинских,² позиция которого содействовала отрицательному для них исходу совещания 23 июня. Наоборот, Макарий должен был усматривать в Глинских своих союзников в деле укрепления самодержавной власти и потому испытывал к ним не столько «благожелательный нейтралитет», как полагает В.В.Шапошник,³ сколько чувство расположения. Не потому ли Макарий вступился перед государем за М.В.Глинского, совершившего в ноябре 1548 года вместе с князем И.И. Турнтаем Пронским неудавшийся побег в Литву: «И для отца своего Макария митрополита их пожаловал (царь. – И.Ф.), вину им отдал...».⁴ Не потому ли монастырские власти, знавшие, надо думать, о доброжелательном отношении митрополита к родичам государя, предоставляли возможность Михаилу Глинскому скрываться в монастырях во время июньских волнений в столице: «от тое кромоны князь Михайло Глинской с жаловании со Ржовы хоронился по монастырем».⁵ Федору Бармину и выступавшим вслед за ним боярам было, конечно, известно, что митрополит Макарий настроен к Глинским дружелюбно. Не могли они не учитывать также родственных чувств царя к своей бабке и дядьям. Поэтому их обвинения носили общий характер, не связанный с упоминаниями конкретных людей. Государю ничего не оставалось, как учинить сыск по делу, назначив для этого специальную комиссию, куда вошли, помимо названных Федора Бармина, Ф.И.Скопин-Шуйского, И.П.Федорова, другие лица, такие как князь Ю.И.Темкин-Ростовский, Г.Ю.Захарьин, Ф.М.Нагой.⁶

Расследование выглядело очень странно. 26 июня, т.е. через три дня после совещания в Новинском монастыре (срок достаточный, чтобы посеять смуту в народе), «бояре приехаша к Пречистой к соборной на площадь и собраша черных людей и начаша выпрошати: хто зажигал Москву?».⁷ Не трудно предположить реакцию наэлектризованной толпы, особенно если допустить присутствие в ней крикунов, специально посланных на это сборище противниками Глинских. Из толпы прокричали то, что и требовалось: «Они

временщиков решалась не дворцовыми интригами, а в ходе народного восстания». – *Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного...* С. 302.

¹ См.: *Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного...* С. 302.

² См.: *Зимин А.А. И.С.Пересветов и его современники...* С. 74.

³ *Шапошник В.В. Церковно-государственные отношения...* С. 47.

⁴ ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 457.

⁵ См.: *Шмидт С.О. Продолжение Хронографа редакции 1512 г. // Исторический архив. Т. 7. М., 1951. С. 292.*

⁶ ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 456.

⁷ Там же. Ср.: *Смирнов И.И. Очерки...* С. 130. С.О.Шмидт, вопреки прямому свидетельству летописи, утверждает, что якобы «не бояре спрашивали “чернь”, а сами “черные люди”, выкрикивали имена обидчиков». – *Шмидт С.О. 1) Становление русского самодержавства...* С. 96; 2) *У истоков русского абсолютизма...* С. 102.

же начаша глаголати, яко княгини Анна Глинская з своими детми и с людьми волхвовала: вымала сердца человеческие да клала в воду да тою водою ездячи по Москве да кропила, и оттого Москва выгорела». ¹ Так придворная инсинуация, пущенная в ход врагами Глинских из политических соображений, превратилась в народную молву, обраставшую новыми “подробностями”: княгиня Анна якобы «сорокою летала да зажигала». ²

Пришедшая в ярость толпа растерзала бывшего поблизости Ю.В.Глинского, но об этом ниже. Здесь лишь заметим, что присутствующий на литургии в Успенском соборе Юрий Глинский, не чувствуя какой-либо серьезной опасности, спокойно молился в храме, даже вышел, по догадке С.О.Шмидта, с другими боярами к толпе. ³ И только тогда по-настоящему понял, что ему угрожает. Князь был застигнут смертельной угрозой, похоже, неожиданно. ⁴ Его появление в Кремле в столь тревожный момент показательно, что не оста-

¹ ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С.456. К.В.Базилевич изображает дело так, будто особая боярская комиссия проводила серьезное расследование, в ходе которого «допрошенные люди по внушению бояр показали, что Анна Глинская со своими детьми “волхвовала”: “вынимала сердца человеческие, клала их в воду и с этой водой ездила по Москве и кропила”» (Базилевич К.В. История СССР от древнейших времен до конца XVII века. С. 276). Летопись не дает оснований говорить о боярском расследовании и о показаниях допрошенных. Обвинения в адрес Глинских кто-то выкрикнул из толпы, собравшейся на площади перед Успенским собором. К.В.Базилевич прав в том, что сделано это было по внушению бояр.

² ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 456.

³ Шмидт С.О. 1) Становление российского самодержавства... С. 96; 2) У истоков российского абсолютизма... С. 102; 3) О московском восстании 1547 г. С. 123. «Дело казалось столь нелепым, – писал в свое время Н.А.Полевой, – что Юрий Глинский... вышел на площадь вместе с другими боярами, желая, по повелению Иоанна, исследовать причины пожара» (Полевой Н.А. История русского народа. Т. 3. С. 424). Современный французский историк рисует похожую, хотя и украшенную придуманными подробностями, картину: «Княгиня Анна Глинская, бабка государя по матери, и ее сын Михаил находятся в это время в своих Ржевских землях, но другой ее сын – Юрий – здесь, среди бояр, стоит перед толпой. Сначала на эти вздорные обвинения черни он лишь пожимает плечами. Поняв, что многие сановники сочувственно прислушиваются к крикам толпы, пугается и, потихоньку пробравшись меж рядов бояр и вельмож, скрывается в Успенском соборе». – Труайя Анри. Иван Грозный. М., 2003. С. 46.

⁴ Н.И.Костомаров, повествуя об этих событиях, замечал, что тогда «из двух Глинских, братьев умершей великой княгини Елены, Михайло с матерью Анною, бабкою государя, был во Ржеве, а другой, Юрий, не подозревая, какие сети ему сплели бояре, приехал к Успенскому собору вместе со своими тайными врагами. Услышал он страшные крики и вопли против его матери всего их рода и скрылся в церкви» (Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Кн. I. М., 1990. С. 412). По словам С.М.Соловьева, князь Юрий Глинский в разгар событий находился в Москве и «стоял вместе с боярами на Кремлевской площади. Услышавши о себе и о матери своей такие речи в народе, он понял, что его может постигнуть, и ушел в Успенский собор...». – Соловьев С.М. Сочинения: В 18-ти кн. Кн. III. С. 420.

лось не замеченным историками. По словам С.О.Шмидта, князь Юрий Глинский вряд ли бы оказался в Кремле 26 июня, если бы знал о «полной опале Глинских», объявленной на совещании у Макария в Новинском монастыре.¹ С.О.Шмидт здесь, конечно, прав.

Обращает внимание почти дословное совпадение речи Федора Бармина на совещании у митрополита Макария с заявлениями «черных людей», собравшихся на кремлевской площади. Разница лишь в том, что Бармин не решился назвать имена поджигателей, а возбужденная толпа обвинила в пожаре Анну Глинскую «з своми детми и с людми». Видимо, это соответствовало замыслу закулисных деятелей, готовивших политический переворот в Москве. Для них было важно держаться в тени и сделать так, чтобы инициатива расправы с Глинскими исходила от черного люда.² В результате они, как гласит известное изречение, загребали жар чужими руками и уходили от расплаты за политические козни. Следовательно, придать всенародный характер движению погорельцев в Москве им было выгодно, что довольно наглядно продемонстрировал один из ярых противников русского самодержавия, князь Андрей Курбский, когда писал по поводу июньских событий 1547 года в Москве: «Бысть возмущение великое всему народу...».³

Советские историки приняли эту идею народного возмущения, придав ей классовый смысл борьбы угнетенных масс против феодальной эксплуатации. Эта идея получила широкое распространение в марксистской историографии.⁴ И только недавно она стала подвергаться сомнению. Так, Р.Г.Скрынников после внимательного анализа источников отверг «тезис о

¹ Шмидт С.О. 1) Становление российского самодержавства... С. 88–89; 2) У истоков российского абсолютизма... С. 95.

² О том, что «действиями народа руководили лица, державшиеся в тени», говорит Р.Г. Скрынников (*Скрынников Р.Г. Царство террора*. СПб., 1992. С. 93). С.О. Шмидт также не исключал такой возможности, когда черные люди «легко могли оказаться на поводу у тех, кто сознательно распускал слухи о поджоге Москвы Глинскими» (Шмидт С.О. 1) Становление российского самодержавства... С. 114; 2) У истоков российского абсолютизма... С. 121). «По сути, – пишет В.В.Шапошник, – восстание было во многом спровоцировано боярами, которые столь странным способом решили начать расследование причин пожаров. Возможно, что они сделали это сознательно, ожидая от толпы именно тех действий, которые и произошли». – Шапошник В.В. Иван Грозный... С. 76.

³ Библиотека литературы Древней Руси. Т. 11. XVI век. С. 316.

⁴ См.: Бахрушин С.В. Научные труды. Т. II. С. 266–267, 329; Зимин А.А. 1) Обо-стрение классовой борьбы в середине XVI в. Восстание 1547 г. в Москве // Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV в. – начало XVII в. М., 1955. С. 278–290; 2) Реформы Ивана Грозного... С. 279–310; 3) Основные этапы и формы классовой борьбы в России конца XV–XVI века // Вопросы истории. 1965, № 3. С. 44–47; Смирнов И.И. 1) Классовая борьба в Московском государстве в первой половине XVI в. // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1935, № 9–10. С. 88–89; 2) Московское восстание 1547 г. // Вопросы истории. 1953, 3 12; 3) Очерки... С. 121–136; Шмидт С.О. 1) Становление российского самодержавства... С. 75–119; 2) У истоков российского абсолютизма... С. 81–126.

взрыве классовой борьбы в 1547 г.»¹ Критически оценивая взгляды своих предшественников, историк замечал: «Рассматривая восстание 1547 г. как явление классовой борьбы, исследователи высказывали мнение, что в нем участвовала масса посадского населения, посадские верхи, холопы. Что касается дворянства, из его среды в движении могли участвовать, естественно, только “обедневшие дети боярские”, т.е. деклассированные элементы. Источники, однако, не дают основания для проведения подобной разграничительной черты».² Р.Г.Скрынников полагает, что среди охваченной волнением толпы находились «большие люди»³ и столичные дворяне.⁴ Само восстание он рассматривает как «примитивный бунт», поскольку «посадские люди не выдвинули никаких социальных или политических требований, которые отражали бы их классовые интересы».⁵ Но именно такой «примитивный бунт» больше всего устраивал подстрекателей, так как наилучшим образом и радикально позволял им добиться главного – физического устранения Глинских.

Некоторые исследователи, стремившиеся придать событиям лета 1547 года в пострадавшей от пожара Москве классовый размах, с недоверием отнеслись к рассказу Царственной книги о сходе черных людей в Кремле на площади перед Успенским собором. И.И.Смирнов, например, считал этот рассказ тенденциозным.⁶ Версии Царственной книги он противопоставил как более правдивые известия о московских событиях 26 июня в Кратком летописце по списку Н.К.Никольского и в Продолжении хронографа редакции 1512 года.⁷ На чем основано это предпочтение? Чтобы полнее воспроизвести систему доказательств И.И.Смирнова, придется прибегнуть к пространным выдержкам из его книги. Автор говорит: «К сожалению, текст Летописца Никольского – дефектный. Приводим его целиком (в квадратных скобках

¹ Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 93.

² Там же.

³ Р.Г.Скрынников не знает, кто скрывался за термином «большие люди», – «московские дворяне, гости, бояре?» (Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 92). По С.О. Шмидту, «большие люди» – «это верхушка посада, гости и торговые люди, городской патрициат». – Шмидт С.О. 1) Становление российского самодержавства... С. 110; 2) У истоков российского абсолютизма... С. 117.

⁴ Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 92, 93.

⁵ Там же. С. 93. Необходимо заметить, что взгляд на волнения 1547 г. в Москве как на «примитивный бунт» не мешал, однако, другим историкам рассматривать эти волнения с точки зрения классовой борьбы. – См., напр.: Шмидт С.О. 1) Становление российского самодержавства... С. 114; 2) У истоков российского абсолютизма... С. 121.

⁶ Смирнов И.И. Очерки... С. 130. Надо сказать, что исследователь относился выборочно к известиям Царственной книги. В одном случае он считал эти известия тенденциозными и, следовательно, не соответствующими действительности, в другом – вполне доброкачественными и правдивыми. К числу последних историк относил известия Царственной книги о встрече царя и бояр с митрополитом в Новинском монастыре. – Там же. С. 124–126.

⁷ Там же. С. 127.

примечания издателей IV тома ПСРЛ): “На той же недели [*Далее на верхнем поле рукописи написана выноска в две строки, причем верхняя строка отрезана при переплете, а на нижней читается* в град ко двору государеву] москвичи большии [*Это слово написано позднее, под строкой*] и черные люди, изымаша князя Юрья Михайловича Глинского, дядю великого князя по матери, в церкви в Пречистей у митрополита в время обедни [*Далее было написано и затем зачеркнуто* перед великим князем], извлекше из церкви едва жива и скончаша злою смертию, извлекоша из града привязана ужем [*Слова извлекше из церкви... ужем приписаны писцом рукописи позже, на левом поле рукописи*]; бе же князь великий в то время в Воробьеве; [*Слова в Воробьеве написаны позже, над строкой, вместо зачеркнутых в строке* тут же в церкви]; потому што на них зговор приишол, буттось они велели зажигати Москву, и сердечники о них же [*Слова и сердечники о них же написаны позже, над строкой*], норовя приходу иноплемennых; бе же тогда приишол с многою силою царь Крымской и стоял в полях”».¹

Совершив этот источниковедческий экскурс, И.И.Смирнов заключает: «Итак, перед нами первоначальный текст с последующей редакторской правкой, осуществленной тем самым лицом, которое составляло (или переписывало?) основной текст. Редакционная правка заключалась частью в уточнении рассказа, частью в его дополнении. Наиболее существенное уточнение заключалось в исправлении ошибки, имеющейся в первоначальной редакции в вопросе о местонахождении Ивана IV. Другая группа исправлений носит характер дополнений к первоначальному тексту: о подробностях убийства Юрия Глинского, о том, что Глинские обвинялись не только в измене (как было в первоначальной редакции), но и в “сердечниках”, т.е. в колдовских, действиях с человеческими сердцами. К сожалению, наиболее важное дополнение первоначального текста сохранилось неполностью, и из двух строк вставки уцелела лишь нижняя строка: “... в град ко двору государеву”. Однако даже и в таком, дефектном виде данный текст представляет исключительный интерес и ценность. В самом деле, если мы не можем восстановить точный текст срезанной при переплете строки, то вместе с тем общий смысл фразы совершенно ясен и говорит о том, что московские черные люди не были кем-то с о з в а н ы в г р а д е у государева двора, а сами пришли “в град ко двору государеву”, очевидно, с требованием выдачи на расправу Глинских, на которых “зговор приишол, буттось они велели зажигати Москву”. В соответствии с таким характером прихода московских черных людей в Кремль меняется и место происходивших событий: им оказывается не площадь у Успенского собора, а площадь перед государевым двором, точнее, московские черные люди оказались на центральной кремлевской площади не потому, что на этой площади стоял Успенский собор, а потому, что на эту площадь выходил государев двор».²

Приведенные рассуждения И.И.Смирнова носят чисто гипотетический характер и потому необязательны. К тому же они основываются на летопис-

¹ Там же. См. также: ПСРЛ. Т. IV. Ч. I, вып. 3. Л., 1929. С. 620–621.

² Смирнов И.И. Очерки... С. 127–128.

ной фразе, представляющей собою заключительную часть утраченного текста. Мы не знаем, о чем шла речь в начальной части летописного текста. Нельзя ведь совершенно исключить того, что словам «в град ко двору государеву» предшествовало слово «созваны», «позваны». Однако И.И.Смирнов, не имея возможности восстановить точный текст строки, срезанной при переплете, восполняет этот пробел общим смыслом фразы, что является, в сущности, авторской интерпретацией летописной вставки. Последуем, впрочем, примеру И.И.Смирнова и выскажем несколько общих соображений, связанных с известиями Летописца Никольского.

По И.И.Смирнову, московские черные люди пришли не на площадь у Успенского собора, а на площадь перед государевым двором, чтобы требовать выдачи Глинских на расправу. Однако, как явствует из Летописца Никольского, на котором автор основывает свои наблюдения, Иван IV находился тогда вне пределов царского двора: по одной версии в Воробьеве, по другой – «туто же в церкви». Знали ли об этом московские черные люди? Если знали, то им незачем было ходить к государеву двору, но был прямой резон идти к Успенскому собору. Если же они не знали, что царя Ивана нет на государевом дворе, то, обнаружив его отсутствие там, должны были переместиться на площадь перед Успенским собором, в котором проходило торжественное воскресное богослужение, предполагавшее стояние в храме кого-нибудь из Глинских. Вот почему скопление жаждущего крови Глинских черного люда на площади перед Успенским собором должно было состояться в любом случае. Образование возбужденной толпы у собора создавало условия для провокаций типа той, что описана в Царственной книге. Думается, нет оснований пренебрегать ее данными.

Помимо Летописца Никольского, И.И.Смирнов пользуется сведениями, содержащимися в Продолжении хронографа редакции 1512 года, где читаем: «И после того пожару москвичи, черные люди, возволновались, что будется Москву зажигали Глиньских люди, и от тое коромолы князь Михайло Глиньской с жалования со Ржовы хоронился по монастырем, а москвичи, черные люди, собрався вечем, убили боярина князя Юрья Васильевича Глиньского в Пречистой в соборной церкви на обедне на иже-херувимской песни. А царь и великий князь того лета жил с великою княгинею в Острове, а после пожару жил в Воробьеве».¹ Какие выводы делает И.И.Смирнов, исходя из приведенного текста? Он говорит: «Первый вывод, который можно извлечь из приведенного текста, – это то, что рассказ Продолжения хронографа редакции 1512 года содержит в себе, по сравнению с Летописцем Никольского (а также и Царственной книги), данные о более раннем моменте восстания, о времени, предшествовавшем приходу московских черных людей в Кремль “к государеву двору”. Моментом этим явилось вече, на котором собрались “возволновавшиеся” московские черные люди. Созыв веча, несомненно, имел место на территории вне Кремля, т.е. где-либо на посаде. Если теперь (с учетом топографии веча!) связать рассказ Продолжения хро-

¹ Там же. С.128. См. также: Шмидт С.О. Продолжение Хронографа редакции 1512 г. С. 292.

нографа редакции 1512 года с рассказом Летописца Никольского, то мы получаем возможность выяснить, откуда и каким образом черные люди попали “в град, ко двору государеву”. Очевидно, что решение о походе черных людей в Кремль и было принято ими на вече».¹

Надо сказать, что мысль о созыве вече перед приходом черных людей на территорию Кремля приобрела сторонников среди некоторых историков. Впервые привлек внимание ученых к этому вечевому собранию известный знаток древних рукописей М.Н.Тихомиров. Он писал: «В 1547 г. в Москве произошло восстание, Люди, собравшись “вечьем”, напали на дворец и убили князя Глинского».² В аналогичном смысле высказывался А.А.Зимин, по словам которого «утром 26 июня 1547 г., “собрался вечьем”, посадские люди двинулись в Кремль».³ К А.А.Зимину в данном вопросе присоединилась А.Л. Хорошкевич. В их совместной работе читаем: «Собравшись “вечьем”, т.е. вспомнив исчезнувшую форму городского управления, восставшие двинулись в Кремль».⁴ О вечевом собрании (или собраниях) вне Кремля накануне убийства Ю.В.Глинского рассуждал и С.О.Шмидт.⁵ Сходные представления у Б.Н.Флори: «Москвичи, черные люди “собралась вечьем”, то есть созвав собрание всех московских горожан – “вече”, 26 ворвались в Кремль».⁶

Строгое следование показаниям источников не позволяет присоединиться к названным исследователям.⁷ Мы не располагаем сведениями о том, что решение черных людей о походе в Кремль было принято на вече за его стенами (И.И.Смирнов), что простые люди, собравшись «вечьем», напали на дворец (М.Н.Тихомиров), что посажане с вече двинулись в Кремль (А.А.Зимин), что черные люди после городского вече ворвались в Кремль (Б.Н.Флоря), что, наконец, появлению черных людей в Кремле предшествовали вечевые собрания за пределами Кремля (С.О.Шмидт). Все это – домыслы, не имеющие опоры в летописи. «Москвичи, черные люди, собрався вечьем, убили боярина князя Васильевича Глинского в Пречистой соборной церкви» – так сказано в летописном памятнике. Перед нами два действия, непосредственно связанные друг с другом, не имеющие каких-либо промежуточных ступеней и следующие сразу одно за другим. Смысл произошедшего состоял в том, что москвичи (черные люди) убили Ю.В.Глинского, «собрал-

¹ Смирнов И.И. Очерки... С. 128–129.

² Тихомиров М.Н. Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в. Т. I. М., 1940. С. 162–163.

³ Зимин А.А. 1) Укрепление Российского государства... С. 158; 2) Реформы Ивана Грозного... С. 302.

⁴ Зимин А.А., Хорошкевич А.Л. Россия времени Ивана Грозного. С. 41.

⁵ Шмидт С.О. 1) Становление российского самодержавства... С. 94; 2) У истоков российского абсолютизма... С. 101. См. также: Шмидт С.О. О московском восстании 1547 г. С. 119.

⁶ Флоря Б.Н. Иван Грозный. М., 1999. С. 22.

⁷ На более верном пути, чем эти исследователи, был А.М.Сахаров, когда говорил, что москвичи «сошлись в Кремле на вече и потребовали выдачи Глинских». – Сахаров А.М. Образование и развитие Российского государства в XIV–XVII вв. М., 1969. С. 93.

ся вечем», т.е. совершили убийство князя коллективно, или «миром», соединившись вместе. Их сходку можно назвать условно вечем. Но лишь условно, поскольку вече в качестве института власти прекратило свое существование в Москве еще во времена Дмитрия Донского.¹ Нельзя, разумеется, отрицать в народном сознании возможность возрождения в те или иные критические моменты истории древних, воспитанных веками норм общественного поведения. И в нашем случае черные люди, стремясь придать расправе над Глинским вид законного суда, прибегли к старой практике демонстрации на торгу трупа казненного преступника.² Согласно Царственной книге, убитого князя москвичи «положиша перед Торгом, идеже казнят». ³ Еще определеннее высказался Иван Грозный, по словам которого убийцы выставили мертвого Ю.В.Глинского «на торжищи яко осужденника (осуженика)». ⁴ Тем самым они, опираясь на практику, уходящую в глубь времен, пытались придать убийству Глинского легальный, законный характер. ⁵ Но все эти, так сказать, реминисценции древнего народовластия не означали восстановления вечевого организации в Москве. В нашем распоряжении нет фактов, свидетельствующих о постоянной деятельности вечевых собраний в столице во время народных волнений в июне 1547 года. Мы располагаем лишь единственным указанием на подобие вечевого собрания непосредственно перед убийством Ю.В.Глинского, указанием, которое содержится в Продолжении хронографа редакции 1512 года.

Однако наши историки, как бы компенсируя недостаток сведений на сей счет, придают данному указанию чрезмерное, на наш взгляд, значение. Так, по С.О.Шмидту, «это указание на вече, столь редкое в летописях XVI в., существенным образом меняет наши представления о ходе и характере восстания, которое теперь, при сопоставлении этого указания с другими известиями, предстает перед нами как массовое народное возмущение, вспыхнувшее по инициативе самого народа, а не бояр...». ⁶ Но разве «массовое

¹ См.: *Фроянов И.Я.* Начала русской истории. Избранное. М., 2001. С. 897, 901–903.

² Это была древняя практика, известная еще со времен Киевской Руси. – См.: *Фроянов И.Я.* Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.; СПб., 1995. С. 293.

³ ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 456.

⁴ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 29, 78.

⁵ См.: *Фроянов И.Я.* Древняя Русь... С. 293. Это, однако, не означало, что «действия восставшего городского люда приобретали характер общегородского “вечевого” суда» (*Зимин А.А., Хорошкевич А.Л.* Россия времени Ивана Грозного. С. 41). В рамках существовавшей тогда правовой системы действия черных людей являлись самосудом, самоуправством. Поэтому эти действия надо рассматривать лишь как попытку возврата к старой, отжившей свой век юрисдикции, возобновление которой в исторических условиях Руси середины XVI столетия представляло собою явный анахронизм. Следовательно, расправа возбужденной толпы над Ю.В.Глинским не имела и не могла иметь «характер общегородского “вечевого” суда», как полагают А.А.Зимин и А.Л.Хорошкевич.

⁶ *Шмидт С.О.* Продолжение хронографа редакции 1512 г. С. 258. См. также: *Шмидт С.О.* 1) Становление российского самодержавства... С. 28; 2) У истоков российского абсолютизма... С. 36.

народное возмущение» и народная инициатива исключают интриги и происки закулисных деятелей, стремящихся ввести это возмущение в нужное для себя русло, побудив народ действовать соответственно своим интересам? По-видимому, не исключают. Поэтому исследователи, ощущая, надо думать, недостаточность единичного свидетельства Продолжения хронографа о вече черного люда Москвы, принялись за умножение вечевых собраний восставших. «Летописи, – говорит С.О.Шмидт, – сообщают о событиях, происшедших 26 июня, т.е. через пять дней после начала пожара: в этот день москвичи, собравшись “вечем” или “миром”, убили Ю.В.Глинского. Но можно полагать, что собрания москвичей имели место и прежде 26 июня, и именно эти собрания и вынудили бояр явиться для уговоров (а может быть, и объяснений) на кремлевскую площадь».¹ А.А.Зимин отмечает этап в развитии летнего восстания 1547 года, «когда уже существовала такая серьезная организация городских народных масс, как вече».² Гипотетичность С.О.Шмидта и уверенность А.А.Зимина имеют общий источник – отсутствие каких-либо сведений о вечевых собраниях в Москве до 26 июня, когда черные люди, впервые «собравшись вечем», совершили великое бесчинство, пролив кровь Глинского в Успенском соборе. Весьма выразительно говорит об этом Иван Грозный, рассказывая, как «князя Юрья Васильевича Глинского, воскричав народ иудейским обычаем, изымали его в пределе великомученика Христова Димитрия Селунского, выволокли его в соборную и апостольскую церковь Пречистыя Богородицы против митрополита места, без милости его убиша и кровию церковь наполниша и выволокли его мертва в передние двери церковныя...».³

Если верить И.И.Смирнову, бесчинство толпы творилось на глазах митрополита Макария, который в тот момент находился в соборе и вел службу. Основанием здесь автору послужило сообщение Летописца Никольского о том, что Юрия Глинского убили «в церкви в Пречистой у митрополита во время обедни». Историк задается вопросами: «Что означают слова “у митрополита”? Употреблены ли они для обозначения места, где происходила обедня, в смысле “митрополичьего Успенского собора”, или слова “у митрополита в время обедни” означают, что в Успенском соборе обедню 26 июня служил сам митрополит Макарий?».⁴ Ответ И.И.Смирнов дает следующий: «Мне представляется правильным понимать слова “у митрополита” именно в последнем смысле».⁵ Думается, исследователь несколько поспешил, предложив такой ответ. Ему, на наш взгляд, не следовало препарировать летописное сообщение, выдергивая из него слова «у митрополита». Эти слова могут быть правильно поняты только в соединении с предшествующей фразой «в церк-

¹ Шмидт С.О. 1) Становление российского самодержавства... С. 91; 2) У истоков российского абсолютизма... С. 97–98.

² Очерки истории СССР. Период феодализма. С. 284; Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного... С. 302–303.

³ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 29, 78.

⁴ Смирнов И.И. Очерки... С. 129.

⁵ Там же.

ве в Пречистой». Иначе, для анализа записи летописца необходимо брать не отрывочные слова «у митрополита», а связный текст «в церкви в Пречистой у митрополита». Тогда станет понятным подлинное значение предлога «у», который, как известно, употребляется в русском языке при обозначении лица или объекта, в чьих пределах деятельности, ведения, обладания что-либо происходит. Отсюда наше разумение произошедшего в Кремле: Юрий Глинский был убит в церкви Пречистой, в митрополичьем Успенском соборе, но в отсутствие самого митрополита Макария.

И.И.Смирнов предложил свое толкование данного известия Летописца Никольского не просто так, а со смыслом, причем далеко идущим. «Если такое толкование текста признать правильным, – говорит он, – то оно дополняет картину событий дня 26 июня еще одним важным фактом. Очевидно, торжественная церемония в Успенском соборе, совершаемая самим митрополитом, имела целью попытаться разрядить атмосферу в Москве, отвлечь черных людей от обсуждения политических вопросов. Иными словами, в этой обедне у митрополита можно видеть политический шаг, имевший целью не допустить взрыва народного возмущения, – своего рода противовес вечу черных людей».¹ И.И.Смирнов очень дорожил этим наблюдением, полагая, что оно остается верным и в том случае, если митрополита во время службы в Успенском соборе вовсе не было: «Но если даже оставить открытым вопрос о личном участии Макария в “обедне” в Успенском соборе 26 июня,² то общий характер и политическая цель этой церемонии от этого не меняется».³ С.О.Шмидт поддержал оценку И.И.Смирновым богослужения в Успенском соборе 26 июня как политической акции, призванной погасить народное возмущение: «Назначенная на 26 июня торжественная служба в Успенском соборе справедливо рассматривается И.И.Смирновым как “политический шаг, имевший целью не допустить взрыва народного возмущения, – своего рода противовес вечу черных людей”».⁴

На наш взгляд, богослужение в Успенском соборе, проходившее 26 июня 1547 года, следует толковать по-другому, чем это делают И.И.Смирнов и С.О.Шмидт.⁵ В самом богослужении мы не видим ничего экстраординарно-

¹ Там же. С. 129–130.

² В некоторой неопределенности по данному вопросу находится С.О.Шмидт, который пишет: «Вероятно, большой Макарий служил молебны все-таки не в Успенском соборе, хотя не исключена и такая возможность». – Шмидт С.О. 1) Становление российского самодержавства... С. 91; 2) У истоков российского абсолютизма... С. 97.

³ Там же. С. 130 (прим.).

⁴ Шмидт С.О. 1) Становление российского самодержавства... С. 94–95; 2) У истоков российского абсолютизма... С. 101. См. также: Шмидт С.О. О московском восстании 1547 г. С. 117.

⁵ Надо согласиться с А.А.Зиминим, когда он пишет: «И.И. Смирнов видит в церемонии (в церковной службе. – И.Ф.) “политический шаг, имевший целью не допустить взрыва народного возмущения”. Сохранившиеся источники не дают оснований для подобного предположения». – Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного... С. 304 (прим. 1).

го, выходящего за рамки традиционной церковной жизни. Перед нами обязательная воскресная торжественная служба, которую ни учредить, ни отменить нельзя. Другое дело, что она проходила в чрезвычайных условиях пережитого москвичами пожара, усиливавших в молениях православного люда мотив покаяния. Вспоминается митрополит Макарий, повелевший жителям столицы «каяти отцем своим духовным о грех своих и причащаться христовым таинам».¹ В обстановке бедствия, постигшего Москву, служба в главном храме страны (Успенском соборе) становилась не только настоятельной, но и непременной. Все это не позволяет рассматривать богослужение в Успенском соборе в качестве политического противовеса вечевому собранию черных людей, как пытается доказать И.И.Смирнов. Едва ли митрополит Макарий и другие верные православию служители церкви могли думать, что в час церковных богослужений в Москве вообще и во время торжественной службы «в Пречистой» в частности, где-нибудь в городе, а тем более у стен кремлевского собора соберется шумная толпа. То же самое можно сказать и о боярах, не затронутых еретическим вольномыслием. Следовательно, ни митрополит, ни православные бояре не могли усматривать в божественной литургии политическое мероприятие, призванное «разрядить атмосферу в Москве, отвлечь черных людей от обсуждения политических вопросов». Подобная постановка вопроса не имеет под собой убедительной фактической основы. Для многих православных христиан появление толпы на площади перед Успенским собором было неожиданностью. Что привело ее к храму?

В первую очередь, конечно, чувство народного горя, вызванное жестоким пожаром и переросшее в недовольство властями. Но это чувство умело использовали противники русского самодержавного государства, направив его против православной веры, церкви и самодержавия.² Некоторые из них, по всему вероятно, находились в соборе, притворно участвуя в литургии. Они, на наш взгляд, способствовали приходу озлобленных черных людей к Успенскому собору. Вот почему нельзя согласиться с И.И.Смирновым, когда он говорит: «Тот факт, что Юрий Глинский был убит “во время обедни”, является дополнительным аргументом против версии Царственной книги о том, что московские черные люди были созваны на площади перед Успенским собором боярами для производства сыска о виновниках “великого” пожара. Ибо невозможно допустить, чтобы для опроса боярами населения Москвы было выбрано как раз то время, когда москвичам полагалось находиться на богослужении в церквях, в том числе в Успенском соборе. Невозможность этого становится еще более очевидной, если обратить внимание на ту деталь в сообщении Летописца Никольского, что Юрий Глинский был убит в “церкве в Пречистой у митрополита в время обедни”».³ Точку зрения И.И.Смир-

¹ Жарков И.А. К истории московских пожаров... С. 226.

² «“Черные люди” легко могли оказаться на поводу у тех, кто сознательно распускал слухи о поджоге Москвы Глинскими», — пишет С.О.Шмидт в одной из своих ранних работ. — Шмидт С.О. О московском восстании 1547 г. С. 128.

³ Смирнов И.И. Очерки... С. 129.

нова принял С.О.Шмидт: «Смирнов прав, утверждая, что бояре – вопреки версии Царственной книги – не могли именно в часы церковной службы чинить “сыск” о виновниках “великого пожара”».¹ Думается, Смирнов здесь все-таки не прав. Исследователь, как только что мы видели, полагает, будто «невозможно допустить, чтобы для опроса боярами населения Москвы было выбрано как раз то время, когда москвичам полагалось находиться на богослужении в церквях». Но разве московские бояре были все без исключения преданы православной вере? Разве в их головах еще со времен Ивана III не гуляла «ересь жидовствующих», отвергавшая главные догматы христианства? Ведь не случайно ересь вышла наружу в середине XVI века в лице таких ее знаменосцев, как Башкин, Артемий и Феодосий Косой, переживая новый подъем. Значит, плотность среды, в которой варились названные ересоводцы, оказалось столь значительной, что их выбросило на поверхность общественной жизни. Однако несколько ранее ересь подверглась преследованиям при Василии III, и ее последователи вынуждены были скрывать свои религиозные взгляды, хотя о подверженности части придворных влиянию нехристианских воззрений можем судить по языческим шатаниям Ф.Бармина и некоторых бояр, засвидетельствованных в Царственной книге. Следовательно, среди бояр, бывших на обедне в Успенском соборе, могли находиться и приверженцы ереси, выдающие себя притворно за правоверных христиан. Они разными путями пришли к отрицанию Христа. Одни из них сразу впали в ересь, совершив великий грех отступничества от христианства. Другие, будучи противниками самодержавной власти и убедившись в неизбежности союза церкви и государства, запечатленного симфонией светской и церковной власти, вступили в борьбу не только с самодержавием московских государей, но также с православной верой и церковью, а это неизбежно обращало их к ереси. Поэтому нет ничего невероятного в том, что представители именно этой группы боярства постарались сделать так, чтобы появление черных людей на площади перед Успенским собором совпало по времени с часами воскресного богослужения, когда православные люди должны были молиться в церквях. Таким образом в церковную жизнь Москвы, переживавшей один из наиболее драматических моментов своей истории, вносилось бесчиние, подрывающее основы и веры и церкви. Мы полагаем, что то была сознательная и рассчитанная акция врагов русского православия, церкви и самодержавного государства. Многие здесь разъясняют действия толпы, пришедшей к Успенскому собору.

Не лишним является вопрос, из кого состояла эта толпа. С.О.Шмидт предупреждает нас о том, что «состав участников восстания июня 1547 г. определить непросто».² Но это не останавливает исследователя. Последуем и мы его примеру.

¹ Шмидт С.О. 1) Становление российского самодержавства... С. 95; 2) У истоков российского абсолютизма... С. 101.

² Шмидт С.О. 1) Становление российского самодержавства... С. 110; 2) У истоков российского абсолютизма... С.117; 3) О московском восстании 1547 г. С. 124.

Летописцы, говоря о составе собравшихся на площади перед Успенским собором, пользуются терминами «москвичи», «черные люди», «чернь».¹ Под «черными людьми», «чернью» надо, по всей видимости, понимать простой народ,² причем социально разнородный (в том числе деклассированные элементы³), а не только посадских людей (посад), как полагал А.А.Зимин.⁴ Слово «москвичи» раскрывает неофициальная новгородская летопись (Летописец Никольского) как обозначение больших и черных людей.⁵ Под большими людьми следует, очевидно, понимать бояр и верхушку посадской городской общины.⁶ Если к этому добавить участие в июньских событиях 1547 года столичных дворян⁷ и холопов,⁸ а также пришельцев из других городов Руси,⁹ становится ясно, что рассуждения историков насчет посадской

¹ См.: ПСРЛ. Т. IV. Ч. I, вып. 3. С. 620–621; Т. XIII. Продолжение. С. 456; Шмидт С.О. Продолжение хронографа редакции 1512 г. С. 292.

² См.: Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. III. СПб., 1903. Стб. 1563–1564.

³ По словам С.О.Шмидта, «значительную активность в июньских событиях 1547 г. обнаружили деклассированные элементы». Исследователь полагает, что «среди деклассированных элементов немалую роль могли играть и обедневшие дети боярские – из среды тех, против похолопления которых протестовал Пересветов» (Шмидт С.О. 1) Становление российского самодержавства... С. 110; 2) У истоков российского абсолютизма... С. 117; 3) О московском восстании 1547 г. С. 124). Не меньшую роль среди этих элементов играли всякого рода бродяги и нищие, падкие на подкуп.

⁴ Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного... С. 302.

⁵ ПСРЛ. Т. IV. Ч. I, вып. 3. С. 621.

⁶ Причастность бояр к беспорядкам лета 1547 года у Р.Г. Скрынникова не вызывает сомнений (Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 94). Об участии в восстании «больших людей» – верхушки посада, городского патрициата см.: Шмидт С.О. 1) Становление российского самодержавства... С. 110; 2) У истоков российского абсолютизма... С. 117; 3) О московском восстании 1547 г. С. 124..

⁷ Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 93.

⁸ См.: Зимин А.А. И.С.Пересветов и его современники...; Клибанов А.И. Реформационные движения в России в XIV – первой половине XVI вв. М., 1960. С. 269; Шмидт С.О. 1) Становление российского самодержавства... С. 71, 111; 2) У истоков российского абсолютизма... С. 78, 118.

⁹ С.О.Шмидт предполагает участие в московских событиях июня 1547 года немосквичей, «в частности челобитчиков из других городов» (Шмидт С.О. 1) Становление российского самодержавства... С. 111; 2) У истоков русского абсолютизма... С. 118; 3) О московском восстании 1547 г. С. 125). Возможно, какие-то челобитчики, приехавшие в Москву из других русских городов, действительно были вовлечены в водоворот этих событий. Но нам известны и другие «гости» столицы, которые, не являясь челобитчиками, энергично участвовали в московском бунте. Именно о них, по нашему мнению, рассказывает Царственная книга, сообщая о том, как царь Иван велел бунтовщиков «имати и казнити; они же мнозии разбегошася по иным градом» (ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 457). Вряд ли участники московского восстания бежали в чужие города. Скорее всего, они возвращались туда, откуда пришли, а точнее, откуда их вызвали. Так восстанавливаются некоторые детали обширного заговора, составленного противниками русского самодержавия, православия и церкви.

организации, устроенной якобы по вечевому принципу, имеют не более чем условный характер.¹ Перед нами вырисовывается не собрание свободных, юридически и экономически дееспособных представителей городской общины, как это было во времена веча на Руси, а разнородное в социальном отношении сборище людей (вплоть до рабов и люмпен-пролетариев), вызвавшее в воображении летописцев необоснованные ассоциации с канувшим в прошлое вечем.

Необходимо должным образом оценить факт появления разнузданной толпы перед Успенским собором в тот час, когда в церкви шла воскресная божественная служба. Нетрудно понять, что подобная акция, независимо от субъективного настроения ее участников, вела к срыву богослужения, причем в главном храме страны и в момент особой нужды общества в защите и покровительстве Небесных сил. Пренебрегая собственными обязанностями послушных чад апостольской церкви, долженствующих быть на торжественной молитве в церквях, москвичи, образовавшие шумное и агрессивное собрание у Пречистой, мешали другим исполнить христианский долг. Ясно, что у этих с виду христиан по части православной веры были серьезные проблемы, во всяком случае, можно говорить об отсутствии у них достаточной твердости и должного стояния в вере. Более того, есть основание подозревать у части пришедших к собору и у тех, кто организовал их приход, враждебное отношение к православной вере и христианской церкви. Об этом свидетельствуют кровавые бесчинства, устроенные ими в храме, о чем с присущей ему выразительностью Иван Грозный напоминал беглому князю Андрею Курбскому.² Не чем иным, как надругательством над православным храмом и презрением к христианскому богослужению, эти злодейские действия назвать невозможно.³

Есть еще один важный штрих к содеянному разбою в Успенском соборе, на который исследователи почему-то мало обращают внимание. Толпа ворвалась в церковь и начала в ней бесчинствовать, как отмечено в Продолжении хронографа 1512 года, «на иже-херувимской песни». Летописец, на наш взгляд, не случайно подчеркивает данное обстоятельство. Херувимская песня, будучи важнейшей частью литургии, связана с таинством претворения вина и хлеба в кровь и плоть Христову с последующим причастием. Поэтому бесчинства в столь ответственный момент службы означали неприятие божественной природы Иисуса Христа и его значения в спасении рода человеческого. Но мы знаем, что именно на том стояли приверженцы «ереси жидовствующих» в эпоху правления Ивана III и те, кто продолжал их дело во времена Василия III и Ивана IV. Вот почему можно с большим вероятием

¹ Ср.: *Зимин А.А.* Реформы Ивана Грозного... С. 303.

² Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 29, 78.

³ «Совершилось дотоле неслыханное в Москве злодейство: мятежники в святом храме убили родного дядю Государева» (*Карамзин Н.М.* История Государства Российского. Кн. II. Т. VIII. Стб. 62); «Злодейство, дотоле неслыханное – осквернение храма Божия убийством близкого родственника государева!». – *Полевой Н.А.* История русского народа. Т. 3. С. 423.

предположить, что среди устроителей кощунства в Успенском соборе были сторонники этой ереси. Своими действиями они демонстрировали неприимимую вражду к христианской религии и церкви, а значит, – и к государству, теснейшими узами соединенному с православной верой и соборной церковью, что нашло реальное воплощение в «Святорусском царстве». Враждебное отношение к самодержавию Ивана IV отразилось и в убийстве Юрия Глинского, представлявшего круг государевых родичей, приложивших немало усилий в деле венчания на царство своего внука и племянника.

Аналогичное отношение проглядывает, по нашему мнению, и в происшествиях во время пожара, связанных с митрополитом Макарием.¹ Когда в городе возник пожар, святитель «притекшу в церковь соборную Пречистыя Богородица, оболокшуся в святительскую одежну и начнешу молебная <...> совершающу митрополиту Макарию молебная, и се приде от огня зной и дух, и жар, и не могущу митрополиту вара от огня и духа знойного терпети...».² В Успенском соборе, меж тем, загорелась кровля. Странно, но факт: в окружении святителя не нашлось никого, кто немедленно бы вывел его из опасного места. Макарий пробыл в соборе до тех пор, пока там не образовался «дымный дух», от которого он «мало не позадохшася». И лишь тогда «поиде митрополит из церкви».³ Отчего такое промедление? Почему главу русской церкви никто не побудил сразу выйти из огненной зоны? Невольно закрадывается мысль, нет ли в этом промедлении некоего расчета, умысла. Ведь дождались до того, что к моменту выхода Макария из Успенского собора пожар в Кремле полыхал чуть ли не повсюду. Передвижение по кремлевской территории стало очень опасным. Митрополит это сознавал и, видимо, поэтому не решался покинуть храм. По свидетельству Царственной книги, его «едва вызваша из церкви».⁴ Макарий, выйдя из собора, тут же убедился в справедливости своих опасений: рядом с ним в огне сгорели двое из сопровождавших – ясельничий Кекса Татищев и священник Иван Жижелев. Следовательно, мог сгореть и сам митрополит. Но он, к счастью, уцелел, хотя «опалеста ем очи от огня».⁵ В этой странной истории привлекает внимание Кекса Татищев, приближенный старицкого князя Владимира Андреевича.

Старицкие князья, будучи прямыми наследниками Ивана III, претендовали, как известно, на великокняжескую власть, отчего между ними и московскими правителями (Василием III и Иваном IV) возникали трения, переходящие во взаимную вражду. Довольно острая ситуация в данном отношении сложилась после смерти Василия, разрешившаяся мятежом Андрея

¹ См.: ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 153, 454.

² Жарков И.А. К истории московских пожаров... С. 225.

³ По другой версии, митрополит «убежавшу от пламени огненаго». – Жарков И.А. К истории московских пожаров... С. 225.

⁴ По М.Н. Карамзину и Н.А. Полевому, митрополита силой вывели из собора (Карамзин Н.М. История Государства Российского. Кн. II. Т. VIII. Стб. 61; Полевой Н.А. История русского народа. Т. 3. С. 423). Если это так, то тем нагляднее картина странного поведения людей из окружения Макария.

⁵ Жарков И.А. К истории московских пожаров... С. 225.

Старицкого в 1537 году.¹ Мятеж был подавлен. Великий князь Иван и его мать Елена Глинская «князя Ондreja велели поимати и в полату посадити, и тягость на него положили; а княгиню его да и сына посадили в городе за приставы на Берсенева дворе. А на бояр его, на князя Федора Дмитриевича Пронского да на князя Ивана Ондреевича Пенинского Оболенского да на дворецкого на князя Юрья Ондреевича Меншого Пенинского Оболенского да на конюшего на князя Бориса Ивановича Палецкого, да и на князей и на детей боярских на тех, которые у него в ызбе были и его думу ведали, на князя Юрья Ондреевича Болшого Пенинского Оболенского да на Ивана Умного Иванова сына Лобанова Колычева, да на шурина княжего на князя Ивана Ондреевича Хованского, опалу свою положили, велели их пытать да и казнити торговою казнью, да, оковавши, велели в Наугольную стрелницу посажать».² Опале, как видим, был подвержен не только мятежный старицкий князь,³ но и его жена Ефросинья с сыном Владимиром, а также множество «княже Андреевых» людей. Заключение не выдерживали тюремной жизни. Скоро, по свидетельству Царственной книги, скончался в заточении боярин князя Андрея князь Федор Пронский.⁴ Сам Андрей Старицкий, просидев «в той нуже с полгоду», не вынес мук и умер: «Преставися князь Андрей Иванович в нуже, старалческою смертью».⁵ Княгиню Ефросинью и сына ее князя Владимира Андреевича государь «из нятства выпустил» через несколько лет, в 1541 году. Вдова старицкого правителя, женщина с неукротимым характером, возненавидела до глубины души Ивана IV. Она никогда не простила ему смерти мужа и последующих собственных унижений.⁶ Не мог чувствовать доброго расположения к двоюродному брату и князь Владимир. Но не только субъективные чувства, порождаемые мрачными воспоминаниями, определяли характер отношений Старицких к великому князю Ивану. Представители удельного князя, каковыми они являлись, весьма неодобрительно воспринимали самодержавные устремления московских монархов. И это понятно, поскольку самодержавная власть московских государей ставила удельных князей в принципиально новые политические условия, явно для них неприемлемые. Заметим, кстати, что старицкие правители, в частности княгиня Ефросинья, покровительственно относились к еретикам. Сказывалось здесь, по-видимому, родство княгини Ефросиньи Хованской-Старицкой с Вассианом Патрикеевым⁷ – вождем еретиков во время княжения

¹ О мятеже Андрея Старицкого см.: *Смирнов И.И.* Очерки... С. 53–74.

² ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 97, 430–431.

³ О том, что предметом воцелений Андрея Старицкого был великокняжеский стол в Москве, свидетельствуют его грамоты к новгородским помещикам, в которых говорилось, что «князь великий млад, а держат государство бояре, и вам у кого служити? А яз вас рад жаловати». – Там же. С. 430.

⁴ Там же. С. 431.

⁵ Там же. С. 121.

⁶ См.: *Скрынников Р.Г.* Иван Грозный. С. 70.

⁷ *Скрынников Р.Г.* Начало Опричнины. Л., 1966. С. 87. «Старец Вассиан Патрикеев приходился двоюродным племянником кн. В.Ф.Хованскому, от которого вела свой род кн. Е.Хованская-Старицкая». – Там же. С. 87 (прим. 3).

Василия III. Троюродные братья княгини Ефросиньи дворяне Григорий Тимофеевич и Иван Тимофеевич Борисовы-Бороздины являлись членами кружка и сподвижниками известного еретика Матвея Башкина.¹ Борисовы, как предполагает А.А.Зимин, были связаны с двором старицкого князя,² являясь, по Р.Г.Скрынникову, «видными придворными князя Старицкого».³ В Москве они обосновались при дворе Ефросиньи Старицкой,⁴ расположенном в Кремле.⁵ Ересь, следовательно, снова проникла в сердце России, что, разумеется, не могло случиться без сочувственного отношения к ней некоторых представителей княжеско-боярской знати. Р.Г.Скрынников справедливо замечает: «Трудно предположить, чтобы кн. Е.Старицкая не была осведомлена о “вольномудстве” своих братьев и придворных Борисовых. Известно, что Ефросинья охотно покровительствовала иноземцам, что двое ближних ее боярынь были немками, что немки эти последовали за ней в ссылку, а позже были казнены опричниками».⁶ Поскольку еретичество на Русь шло с Запада, покровительство Ефросиньи иноземцам обуславливалось, надо полагать, покровительственным ее отношением к еретикам. И главное здесь заключалось не столько в родственных связях Е.Старицкой с еретиками, сколько в борьбе последних против русского самодержавия, а по историческим обстоятельствам того времени – против московской власти, что отвечало насущным интересам старицких правителей. Отсюда вопрос: как могли относиться они, а также их придворное окружение к главе русской православной церкви, который всеми силами своими способствовал утверждению самодержавия московского государя и организовал венчание Ивана IV на царство? Ответ ясен: с недоброжелательством, больше того – с ненавистью. И тут мы снова возвращаемся к пожару в Кремле и к тому странному промедлению выхода митрополита Макария из горящего Успенского собора. При этом возникает новый вопрос: почему случилось так, что среди людей, окружавших в тот момент митрополита, оказался ясельничий старицкого князя Кекса Татищев? Из этого вопроса вытекает другой: какая роль предназначалась Кексе? Ответить уверенно на поставленные вопросы невозможно, поскольку нет на сей счет соответствующих показаний источников. Но в одном нельзя сомневаться: Кекса Татищев по причине своей близости к старицким правителям доброжелателем Макария не был. Но если это так, то не исключено, что ему и, возможно, некоторым другим сопровождавшим митрополита лицам была предназначена мрачная, роковая роль в судьбе святителя. Но

¹ Зимин А.А. И.С.Пересветов и его современники... С. 170; Скрынников Р.Г. Начало Опричнины. С. 102.

² Зимин А.А. И.С.Пересветов и его современники... С. 170. А.А.Зимин отмечает, что в сентябре 1549 г. И.Т. Борисов присутствовал на свадьбе князя Владимира Старицкого». – Там же.

³ Скрынников Р.Г. Начало Опричнины. С. 102.

⁴ Там же. С. 103.

⁵ См.: Павлов А.П. Судьбы самодержавия и земства в России XVI века (опричнина Ивана Грозного) // История России: народ и власть. СПб., 1997. С. 216.

⁶ Скрынников Р.Г. Начало Опричнины. С. 103 (прим. 1).

Кекса промыслом Божиим сгорел сам. Однако на этом странные «случайности» не прервались.

Чудом уцелевшего Макария привели в тайник с выходом к реке. Но в тайнике, по рассказу летописца, были невыносимые «дымный дух тяжек и жар велик». И вот тут произошла новая «случайность». Митрополита стали спускать с высокой кремлевской стены, обвязав веревкой, которая оказалась негодной. «За три сажени до земли» она оборвалась («прервася ужище»), Макарий сильно расшибся, и его еле живого отвезли в Новинский монастырь.¹ Что это – торопливость, обусловленная чрезвычайными обстоятельствами, преступная халатность или намеренный расчет? Вопрос тем более уместен, что там, откуда спускали митрополита, «прилучися Ивановым людем Федорова сына Наумова с рухлядью стояти».² Они и «урунили» Макария. Отсюда ясно, что за ним никто специально не присматривал, никто его не берег.

Царственная книга, в отличие от Летописца начала царства, дополняет рассказ о беде, претерпленной митрополитом, отдельными подробностями, на наш взгляд, важными и вполне реальными, а отнюдь не вымышленными.³ Из нее узнаем, что с Макарием, помимо Кексы Татищева и Ивана Жижелева, из Успенского собора вышел протопоп Гурий. Митрополит держал перед собою икону «пречистые Богородицы Петрова чудотворцова писма», а Гурий «нес за ним правила». Образ Пресвятой Богородицы спас митрополита и протопопа, проведя их благополучно через полыхающую огнем площадь, хотя здесь, как мы знаем, сгорели их спутники – ясельничий Татищев и священник Жижелев. Далее составитель Царственной книги сообщает о приходе Макария в тайник, добавляя при этом: «а протопоп с ним». Затем появляется любопытнейшая ремарка составителя, полная намеков на то, о чем открыто и прямо, по всей видимости, сказать было нельзя. Описав падение митрополита при спуске с кремлевской стены, он многозначительно заметил: «А протопоп Гурей пробыл тут в тайнике». Эта вставка сама по себе весьма красноречива. Она явно намекает на то, что в случае с митрополитом не все так гладко, как может показаться поначалу, что тут есть проблема. Ведь в тайнике можно было все-таки отсидеться, но кто-то уговорил Макария покинуть тайник и начать рискованный спуск. Факт пребывания Гурия в тайнике, несмотря на задымленность и жару, указывает, по нашему мнению, на разногласия в митрополичьем окружении относительно дальнейших действий. Митрополиту, по-видимому, подавали дело так, что ему ничего не остается, как подняться на стену и спуститься с нее на веревке. Не исключено, что здесь проглядывает некий умысел. Результат нам известен: свяитель жестоко разбился, а мог бы легко и вовсе лишиться жизни. «С большим трудом удалось спасти митрополита Макария», – говорит А.М.Сахаров.⁴

¹ ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 153, 454; Жарков И.А. К истории московских пожаров... С. 225.

² Жарков И.А. К истории московских пожаров... С. 225.

³ ПСРЛ. Т. III. Продолжение. С. 454.

⁴ Сахаров А.М. Образование и развитие Российского государства... С. 93.

Митрополита, как видно из того, что сказано выше, спасли не столько люди из его окружения, проявлявшие подозрительную медлительность, сколько счастливая случайность, а вернее – Божий Промысел.

Во всей этой истории мы видим умысел, стремление убрать с церковно-государственной сцены митрополита Макария, выдающегося религиозного и политического деятеля, показавшего себя верным сторонником русского самодержавия, созидателем православного царства на Святой Руси. Понимал ли это сам Макарий? Наверное, понимал, но, как истинный христианин, проникнутый духом всепрощения, призывал царя Ивана проявить милость к падшим. В одном Сказании о московских пожарах 1547 года повествуется о встрече разбитого падением Макария с Иваном Васильевичем, во время которой «словесы духовными митрополит тешаше царя государя и великого князя, поучая его на всякую добродетель, елико подабае царем православным быти. Царь же и государь слушал его духовные словеса и наказание. Поминавше же великому князю о опальных и повинных людех. Царь же и государь, слушая митрополита, во всем опальных и повинных пожаловал».¹ Это был поучительный пример для тех людей, кто замышлял поджоги в Москве и готовил в ней беспорядки. Однако они пренебрегли им и, устроив бесчинство в Успенском соборе, убили Юрия Глинского. В осатанелости своей они жаждали крови бабки и дяди царя – Анны и Михаила Глинских. Быть может, и государь был предметом их кровавых вождедений. Во всяком случае, 29 июня 1547 года масса москвичей двинулась в село Воробьево, где находился царь. Вполне резонно предположение П.П.Смирнова о том, что «толпа черных людей» пришла в село Воробьево, будучи кем-нибудь наученной.²

В неофициальной Новгородской летописи (Летописец Никольского) читаем: «В том же времени бысть смятение людем московским: поидоша иногие люди черные к Воробьеву и с щиты и с сулицы, яко же к боеви обычаи имяху, по кличю палача; князь же великий, того не ведая, узрев множество людей, удивися и ужасеся, и обыскав, яко по повелению приидоша, и не учини им в том опалы, и положи ту опалу на повелевших кликати».³ Более скупым на подробности является рассказ о приходе черных людей в Воробьево, содержащийся в Царственной книге: «Приходиша многия люди чернь скопом ко государю в Воробьево, глаголюще нелепая, что будто государь хоронит у себя княгини Анну и князя Михаила и он бы их выдал. Царь же и великий князь повеле тех людей имати и казнити...».⁴ Наконец, мы имеем короткую заметку об этом самого Ивана IV, уместающуюся в одно предложение: «Нам же тогда живущим в своем селе Воробьеве, и те изменники (бояре. – И. Ф.) научили были народ и нас убити за то, что бутто мы княж

¹ Жарков А.И. К истории московских пожаров... С. 226.

² Смирнов П.П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. Т. I. М.; Л., 1947. С. 108.

³ ПСРЛ. Т. IV. Ч. I, вып. 3. С. 621.

⁴ ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 456–457.

Юрьеву мать, княгиню Анну, и брата его князя Михаила у себя хороним от них».¹

Нельзя не отметить один многозначительный, на наш взгляд, факт: отсутствие в Летописце начала царства известий о появлении черных людей в царском загородном селе.² Казалось бы, летопись, специально посвященная первым десятилетиям правления Ивана IV (1533–1553), должна была запечатлеть столь неординарное событие. Но она молчит на сей счет. Спрашивается, почему? Не потому ли, что Летописец начала царства вышел из круга Алексея Адашева³ – стратегического противника Ивана Грозного. Ответственность за умолчание о событиях, связанных с приходом бунтовщиков в Воробьево, лежит, судя по всему, на Адашеве, поскольку он имел непосредственное отношение к составлению и редактированию Летописца.⁴ Коль это так, есть основания говорить о некоторой заинтересованности А. Адашева в том, чтобы не ворошить прошлое, не напоминать о том, что компрометировало если не его самого, то близких ему по общему делу людей. Бросить же тень на этих деятелей могла их причастность к организации похода черных людей в Воробьево. Но этим не исчерпывается значение умолчания Летописца начала царства о данном походе. Оно состоит еще и в том, что своим умолчанием Летописец начала царства приоткрывает некоторые особенности работы составителей и редакторов летописных произведений, характеризующие не столько измышлением событий и фактов, сколько стремлением их замолчать. Такой подход имеет для нас принципиальное значение, позволяя пользоваться источниками (Летописец Никольского, Царственная книга, Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским), в совокупности как дополняющими друг друга.

Иной прием у И.И.Смирнова, который исходил из убеждения, что «все преимущества в смысле достоверности находятся на стороне рассказа Летописца Никольского».⁵ Комментируя соответствующее известие Летописца,

¹ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским... С. 29, 78.

² См.: ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 154; ПСРЛ. Т. 29. М., 1965. С. 54. С.О. Шмидт почему-то не заметил это весьма существенное различие между Летописцем начала царства и Царственной книгой. – См.: Шмидт С.О. 1) Становление русского самодержавства... С. 101; 2) У истоков русского абсолютизма... С. 107; 3) О московском восстании 1547 г. С. 121.

³ Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного... С. 60.

⁴ См.: Зимин А.А. И.С.Пересветов и его современники... С. 31; Шмидт С.О. 1) Становление русского самодержавства... С. 22; 2) У истоков русского абсолютизма... С. 30; Шапошник В.В. Церковно-государственные отношения в России... С. 15. Иной точки зрения придерживается А.И.Филюшкин, оспаривающий причастность Алексея Адашева к работе над Летописцем начала царства. – Филюшкин А.И. История одной мистификации... С. 301–303.

⁵ Смирнов И.И. Очерки... С. 134. С.О. Шмидт согласился с этим мнением И.И.Смирнова. Он писал: «И.И.Смирнов показал, что “все преимущества в смысле достоверности находятся на стороне” Новгородской летописи». – Шмидт С.О. 1) Становление русского самодержавства... С. 101; 2) У истоков русского абсолютизма... С. 107.

И.И.Смирнов говорил: «Самое важное из того, что сообщает Летописец Никольского, – это то, что черные люди пришли в Воробьево в полном походном снаряжении, вооруженные щитами и копьями (сулицами), соответственно требованиям боя. Второй важнейший момент в сообщении Летописца Никольского – это то, что москвичи пришли в Воробьево “по повелению”, причем они были оповещены об этом повелении “по кличу палача”». ¹ И.И.Смирнов признает вероятным, что «палач-бирич, кликавший сбор вооруженного ополчения черных людей, действовал от имени и “по велению” земских органов Москвы». ² Чтобы версия о «земских органах Москвы» выглядела в какой-то мере убедительной, историк прибегает к сопоставлению (на наш взгляд, искусственному) известий Летописца Никольского и Продолжения хронографа редакции 1512 года. Он пишет: «Если теперь сопоставить рассказ Летописца Никольского о сборе черных людей “по кличу палача” с рассказом Продолжения хронографа редакции 1512 г. о “вече” московских черных людей, то не трудно установить связь между этими двумя событиями. Призыв к оружию черных людей явился выражением воли московского посада – воли, может быть, вновь сформулированной на вече». ³ Чувствуя, по-видимому, шаткость своих построений, И.И.Смирнов снабдил приведенные слова следующим примечанием: «Вряд ли можно “веление”, о котором говорит Летописец Никольского, истолковать как повеление “бояр”, ибо нельзя допустить, чтобы в условиях бушевавшей в Москве борьбы черных людей, нашедшей свое выражение в событиях 26 июня и последующих дней, бояре могли призывать к всеобщему вооружению городских низов». ⁴ Таковы сообщения И.И.Смирнова. Едва ли можно полностью с ними согласиться.

Верно, что московские черные люди прибыли в Воробьево в походном снаряжении. Но трудно предположить, что они шли строем и в боевом порядке, как того требовали правила военного дела. Скорее всего, их следует уподобить вооруженной толпе, напоминающей собою бесформенное сборище. ⁵ Отсюда, надо полагать, и уничижительная лексика составителя Царственной книги: «приходиша многие люди чернь скопом ко государю в Воробьево». ⁶

¹ Смирнов И.И. Очерки... С. 132.

² Там же. С. 133. См. также: Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного... С. 306–307.

³ Там же. Догадка И.И.Смирнова показалась С.О.Шмидту приемлемой: «Эта воля московского посада, может быть, как полагает И.И.Смирнов, была вновь сформулирована на вече». – Шмидт С.О. 1) Становление российского самодержавства... С. 99–100; 2) У истоков российского абсолютизма... С. 106. См. также: Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного... С. 305–307.

⁴ Смирнов И.И. Очерки... С. 133 (прим. 40).

⁵ Ср.: Шмидт С.О. 1) Становление российского самодержавства... С. 99; 2) У истоков российского абсолютизма... С. 106.

⁶ Сравнивая рассказы Летописца Никольского и Царственной книги о походе москвичей в Воробьево, И.И.Смирнов не всегда строго пользуется летописными терминами. Так, он считает, что «в рассказе Летописца Никольского дана по сути дела картина мобилизации городского ополчения из состава посадских черных людей. В поход в село Воробьево двинулась не толпа (“скоп”), а войско, вооруженное,

Верно и то, что черные люди пришли в Воробьево «по повелению» и «по кличу палача». Но нет никаких данных, свидетельствующих о том, будто палач при этом действовал от имени и по поручению «земских органов Москвы». ¹ Земская организация, земские власти, управлявшие Москвой в дни июньских беспорядков 1547 года, есть ученый миф, лишенный какой-либо опоры в фактах. ² Нам ничего не известно о воле московского посада как организации торгово-ремесленного населения города. Мы знаем о слухах, которые ловила толпа, собравшаяся на площади перед Успенским собором, о ее желании расправиться с лицами, опороченными этими слухами. Вот, собственно, и вся платформа восставших. В конце концов, И.И.Смирнов был вынужден признать, что московское восстание, являясь «стихийным взрывом борьбы социальных низов Русского государства против феодального произвола бояр-правителей..., не имело, по-видимому, никакой сколько-нибудь выраженной политической программы. Единственное требование восставших москвичей, о котором упоминают источники, – это требование расправы с Глинскими, олицетворявшими в глазах народных масс все отрицательные стороны боярского правления». ³

согласно обычаю, и призванное к оружию кличем “палача”) (Смирнов И.И. Очерки... С. 132). В Царственной книге, меж тем, употреблено слово «скопом», а не «скоп» (толпа), как подается И.И.Смирновым. Тем самым составитель Царственной книги хотел, на наш взгляд, подчеркнуть, что масса вооруженных черных людей пришла в Воробьево без всякого порядка, толпою. Несколько иначе думают А.А.Зимин и А.Л.Хорошкевич, по мнению которых идти «скопом» означает илти не возбужденной толпой, а двигаться в определенном порядке. – См.: Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного... С. 306; Зимин А.А., Хорошкевич А.Л. Россия времени Ивана Грозного. С. 41.

¹ И.И.Смирнов затратил немало усилий, чтобы показать связь палача с «земскими органами» (Смирнов И.И. Очерки... С. 132–133). Он полагает, что должность палача на Руси XVI–XVII вв. была выборной, что палача избирали и нанимали земские люди. А.А.Зимин не согласился с тем, что должность палача в XVI веке являлась выборной. Согласно ему, «палачи принадлежали еще в начале XVII в. к числу приборных посадских людей, “подмогу” которым платило население губного округа» (Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного... С. 307). Однако губное строительство вряд ли непосредственно затронуло Москву середины XVI века. Оно разворачивалось преимущественно в периферийных областях Руси (см.: Носов Н.Е. Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI века. М.; Л., 1957. С. 236–288). Нельзя забывать и того, что городская община на Руси рассматриваемого времени в значительной мере подверглась огосударствлению. Поэтому московский палач действовал в общей системе государственных карательных органов, и поэтому нельзя должности московского палача приписывать исключительно земский характер, как это делает И.И.Смирнов.

² Тем не менее А.А.Зимин говорит: «То, что “палач” призывал народ двинуться в Воробьево, свидетельствует о роли посадских элементов в руководстве московским восстанием. Если учесть, что восставшие пришли к царю по чьему-то “повелению”, т.е., очевидно, тех же временных властей, руководивших московским вечем, то можно уже говорить о зачатках аппарата, создавшегося в ходе восстания». – Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного... С. 307.

³ Смирнов И.И. Очерки... С. 135.

Вряд ли можно безоговорочно согласиться с утверждением И.И.Смирнова, будто единственным требованием москвичей, пришедших в Воробьево, являлось требование расправы с Глинскими. Достаточно сказать, что у царя сложилось убеждение, что изменники престола подучили «народ и нас убить за то, что будто мы княж Юрьеву мать, княгиню, и брата его князя у себя хороним от них».¹ Проще всего отнести эти слова Ивана Грозного к проявлениям чересчур пугливого воображения или считать их полемическим преувеличением, а то и – просто наговором, клеветой.² В действительности все обстояло несколько иначе, и у Ивана IV, приказавшего произвести сыск по поводу прихода черных людей в Воробьево, имелись, видимо, основания для подобных утверждений.

Мысль о намерении бояр-изменников убить своего государя высказана Грозным, как известно, в его первом послании князю Андрею Курбскому. И что же? Курбский в ответном «писании» об этом не проронил ни слова.³ А ведь то был разговор не о «постелях» и «телогреях, по поводу чего изощрялся в острословии беглый князь. Это было тягчайшее обвинение в цареубийстве, на которое Курбский, казалось, должен был как-то откликнуться. Но он промолчал, сделав при этом, как говорится, хорошую мину при плохой игре: «А хотех на каждое слово твое отписати, о царю, и мог бы избранне, понеже за благодатию Христа моего и язык маю аттически по силе моей наказан, аще уже и во старости моей zde приучихся сему, но удержаж руку с тростию сего ради, яко и в прежнем послании моем написах ти, возлагаючи все сие на божий суд...».⁴ Это, конечно, увертка. Но Курбский пытается с ее помощью возвыситься над Иваном Грозным в вопросах чести: «А к тому еще и то, иже не достоин мужем рыцерским сваритесь, аки рабам, паче же и зело нам християном, отрыгати глаголы изо уст нечистые и кусательные, яко многажды рех и прежде. Лучше умыслих возложить упование мое на всемогущего Бога...».⁵ Однако факт остается фактом: Курбский не ответил на самое серьезное обвинение, обращенное Иваном Грозным к деятелям его круга. Данное молчание Курбского приобретает особую выразительность на фоне публичности переписки Ивана Грозного с Курбским. Их письма, как установил С.Я.Лурье (а за ним и Д.С.Лихачев), были рассчитаны не столько на формального адресата, сколько на других читателей.⁶ Эта публичность требова-

¹ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 29, 78.

² А.А.Зимин полагал, что Иван Грозный здесь «несколько сгушал краски» (Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного... С. 299). Правда, в другой раз историк говорит: «Очевидно, не обошлось даже без прямых угроз по адресу самого царя (Грозный позднее писал, что бояре “напустили были народ и нас убить”)». – Очерки истории СССР. Период феодализма... С. 286; Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного... С. 308.

³ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 101–102.

⁴ Там же. С. 102.

⁵ Там же.

⁶ Лурье Я.С. 1) Переписка Ивана Грозного с Курбским в общественной мысли древней Руси // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С.221; 2) Вопросы внешней и внутренней политики в посланиях Ивана IV // Послания Ивана Грозного. СПб., 2005. С. 471, 472, 473; Лихачев Д.С. Иван Пересветов и его литературная со-

ла, безусловно, ответа на тягчайшее обвинение придворной фронды в организации заговора с целью убийства царя. Но Курбский промолчал, признав тем самым справедливость обвинительных слов царя Ивана. Аналогичным образом поступил сподвижник Курбского Алексей Адашев, опустив в Летописце начала царства сцену появления черных людей в селе Воробьево. Умолчание Адашева и молчание Курбского имеют, на наш взгляд, общие основания, кроющиеся в преступном характере заговора против Ивана IV в июне 1547 года, составленном противниками русского самодержавия.

Нас не должно вводить в заблуждение, что черные люди выдвигали в качестве причины расправы над Иваном IV то, что он прячет у себя Анну и Михаила Глинских, ибо то была не причина, а предлог, придуманный вдохновителями бунта, чтобы избежать радикальных призывов к прямому царевубийству, весьма сомнительных в плане осуществления, но чреватых очень тяжелым исходом для их глашатаев. Тем не менее, подлинная цель тех, кто стоял за москвичами, пришедшими в Воробьево, состояла, по нашему мнению, именно в убийстве государя – носителя решительно отвергаемой ими самодержавной власти.¹ Косвенным подтверждением наличия кровавого замысла является палач, возглавлявший черных людей. По этому поводу В.Б.Кобрин замечал: «Предводительствовал толпой городской палач: должно быть, чтобы тут же привести в исполнение смертный приговор».² В.Б.Кобрин прав: палач был взят в поход на Воробьево для совершения казни. Вопрос лишь в том, чьей казни. Анны и Михаила Глинских? Едва ли.³ Ведь не понадобился палач, когда москвичи расправлялись с Юрием Глинским, его людьми, детьми боярскими «из Северы», хотя основания для этого были очень серьезные, поскольку смерти предавался царский родственник, что не осталось, кстати, без внимания Ивана Грозного.⁴ К этому надо добавить, что Михаил Глинский с матерью Анной во время похода черных людей в Воробьево были вне Москвы, находясь «на огосударском жалованье на Рже-
временность // Сочинения И.Пересветова. М.; Л., 1956. С. 52. Ср.: *Зимин А.А.* Первое послание Курбского Грозному и Василий Шибанов // *Культурное наследие Древней Руси. Истоки, становление, традиции.* М., 1976; *Скрынников Р.Г.* О заголовке первого послания Ивана IV Курбскому и о характере их переписки // *ТОДРЛ.* Т. 33. Л., 1979; *Филюшкин А.И.* История одной мистификации... С. 242.

¹ Н.И.Костомаров приписал эту цель черным людям, заявив, что «рассвирепевший народ недалек был от того, чтобы идти на самого государя». – *Костомаров Н.И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Кн. I. С. 435.

² *Кобрин В.Б.* Иван Грозный. С. 31.

³ А.А.Зимин думает иначе. Он пишет: «Активное участие палача в движении 1547 г., конечно, связано с самим характером московского восстания. Восставшие “черные люди” выставляли одним из своих основных требований казнь ненавистных им бояр Глинских. Палач, следовательно, должен был привести в исполнение эту волю народа». – *Очерки истории СССР. Период феодализма...* С. 286; *Зимин А.А.* Реформы Ивана Грозного... С. 306–307.

⁴ Грозный говорил: «И тако ли доброхотно подобает нашим бояром и воеводам нам служити, еже такими собрании собатцкими, без нашего ведома, бояр наших убивати, да еще и в черте кровной нам?». – *Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским.* С. 29, 78.

ве».¹ Надо думать, это не было секретом для сановных лиц. И, тем не менее, они не только ничего не сделали, чтобы разубедить черных людей в их заблуждении насчет Анны и Михаила Глинских, якобы скрывающихся у царя в загородном селе, но, напротив, провокационными слухами способствовали нагнетанию страстей, побудивших черный люд взяться за оружие и двинуться всей массой в Воробьево.

Одно появление «черни» во главе с палачом в резиденции государя означало, по понятиям времени, крайнюю наглость и дерзость, попрание основополагающего принципа установившейся на Руси политической системы – богоизбранности царя, неподвластного мирскому суду. Отринуть этот принцип – значит, впасть в тяжкий грех. Люди же, способные совершить столь великий грех, были способны на все, даже на цареубийство. Вот почему государь, правильно оценив обстановку, почувствовал всю ее серьезность. Но он понимал и, скорее всего, знал, что черные люди являлись орудием в руках тех, кто повелел их «кликати».

Таким же орудием был и палач, которому повелели «кликати», хотя А.А.Зимин и отводит ему роль одного из руководителей движения.² Призыв палача указывает А.А.Зимину на существенное значение «земских органов посадского населения в восстании 1547 г.».³ Исследователь предполагает, что восставшие москвичи пришли к царю в Воробьево по «повелению временных властей, руководивших московским вечем».⁴ Влияние московского боярства на события он, по сути, сводит к нулю: «Выступление народных масс против Глинских отнюдь не означало, что организующую роль в ходе восстания играли представители боярства. Наиболее достоверные источники, написанные непосредственно после восстания, об этом молчат (Летописец Никольского, Продолжение хронографа 1512 г., Летописец начала царства). Наоборот, они подчеркивают руководящую роль посада в движении».⁵ Кажется, А.А.Зимин сильно преуменьшает значение правящей верхушки, в частности боярства, в июньских событиях 1547 года в Москве. Эта недооценка роли боярства и переоценка роли посадских властей в управлении движением черных людей есть, на наш взгляд, следствие недостаточного

¹ ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 456. В исторической литературе высказывалось мнение, согласно которому Анна и Михаил Глинские во время пожара были в Москве, но успели бежать оттуда, почуяв опасность расправы со стороны черных людей (см.: *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. II. С. 266; *Смирнов И.И.* Очерки... С. 123; *Шмидт С.О.* 1) Становление российского самодержавства... С. 88; 2) У истоков российского абсолютизма... С. 95; *Флоря Б.Н.* Иван Грозный. С. 22). А.А.Зимин обоснованно отверг это мнение. – См.: *Зимин А.А.* Реформы Ивана Грозного... С. 303 (прим.).

² *Зимин А.А.* Реформы Ивана Грозного... С. 306 (прим. 6). См. также: *Альшиц Д.Н.* Начало самодержавия в России... Л., 1988. С. 38–39.

³ Очерки истории СССР. Период феодализма... С. 286; *Зимин А.А.* Реформы Ивана Грозного... С. 306.

⁴ Очерки истории СССР. Период феодализма... С. 286; *Зимин А.А.* Реформы Ивана Грозного... С. 307.

⁵ *Зимин А.А.* Реформы Ивана Грозного... С. 305.

учета историком особенностей взаимоотношений общины (посадской и сельской) с государством. Влияние государства на жизнь общины в России XVI века было столь существенным, что в исторической науке сложилось целое направление, представители которого отстаивали идею государственного происхождения общинной организации того времени.¹ Происходило в некотором роде огосударствление общины, что давало в руки московским боярам (да и вообще правящему сословию) рычаги эффективного воздействия на посадскую общину. Подобное воздействие на посад осуществлялось и посредством населения боярских белых слобод. Все это создавало условия для сближения боярства с посадской верхушкой. Уже в рассматриваемое нами время, по наблюдениям П.П.Смирнова, «обозначился контакт и союз верхушек московского посада с боярством, который держался потом до конца XVI и начала XVII вв.».² И еще: «Союзником боярства была верхушка московского посада – гости и тесно связанные с ними круги лучших торговых людей, которые вели за собой московскую чернь».³ Стало быть, бояре владели всеми нужными средствами, чтобы, как говорил Василий Шуйский в знаменитой драме А.С.Пушкина, «народ искусно волновать».

И черные люди и палач – всего лишь исполнители разработанного заговорщиками плана цареубийства. Иван IV, выдавший виды в годы боярского правления, узрев толпу, сильно «удивился и ужасеся», как заметил новгородский летописец.⁴ С замечанием новгородца перекликаются слова самого Ивана Грозного, сказанные несколько лет позже, но так, словно он говорит о пережитом вчера: «вниде страх в душу мою и трепет в кости моя».⁵ Это чувства человека, познавшего смертельную опасность.⁶ Впрочем, здесь есть предмет для дальнейших рассуждений, прежде всего по части некоторых уточнений. Связывая только что приведенные слова Ивана Грозного с событиями лета 1547 года в Воробьеве, мы следуем историографической традиции.⁷ Надо, однако, сказать, что она все же не безупречна: в лучшем случае

¹ См.: *Шатило А.Л.* Русская историография с древнейших времен до 1917 г. М., 1993. С. 427–433.

² *Смирнов П.П.* Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. Т. I. С. 107.

³ Там же. См. также: *Смирнов И.И.* Классовая борьба в Московском государстве в первой половине XVI в. С. 100; *Шмидт С.О.* О московском восстании 1547 г. С. 126.

⁴ ПСРЛ. Т. IV. Ч. I, вып. 3. С. 621.

⁵ *Емченко Е.Б.* Стоглав: Исследование и текст. М., 2000. С. 247.

⁶ См.: *Альшиц Д.Н.* Начало самодержавия в России... С. 39; *Кобрин В.Б.* Иван Грозный. С. 31; *Скрынников Р.Г.* Иван Грозный. С. 38. По Н.И.Костомарову, весьма недоброжелательно относившемуся к Ивану Грозному, то была простая трусость. – *Костомаров Н.И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Кн. I. М., 1990. С. 457.

⁷ См.: *Очерки истории СССР. Период феодализма...* С. 286; *Зимин А.А.* Укрепление Российского государства... С. 159; *Зимин А.А., Хорошкевич А.Л.* Россия времени Ивана Грозного. С. 41; *Сахаров А.М.* Образование и развитие Российского государства... С. 93; *Кобрин В.Б.* Иван Грозный. С. 31; *Альшиц Д.Н.* Начало самодер-

односторонняя, а в худшем ошибочна. Чтобы не быть голословным, обратимся к источнику.

В своем «писании» участникам Стоглавого собора царь, вспомнив о горьких годах своего малолетства и рассказав о том, как бояре, воспользовавшись его «сиротством и юностию», узурпировали власть, далее сказал: «И от того времени и донныне каких зол не сотворихом пред Богом, и каких казней не послал на нас Бог, приводя нас на покаяние: ово пленением, и святым церквам разорение, и поспание всяким святыням, и много безчисленное кровопролитие, и пожжение, и истопление, и в плен расхищения! Всякого священническаго и иноческаго чина, князей и бояр, и всякого христианского роду мужска полу и женска рассеаны по лицу всея земля и осквернены всякими нечистотами и всякими страданьми, и муками томимы, и смертем предаемы. Мы же о сем многажды покушахомся мечь сътворити врагом своим и ничто же успехом, ни уразумехом сего, еже Господь наказует нас сими, а не поганых поспешество над нами. И сими великими казньми в покаяние не внидохом — сами межоусобство зло сътворихом бедным христианом всякое насильство чинихом. И милосердый Господь за премногыя грехи наша наказая нас ово потопом, ово мором и различными болезненными бедами. И никакже наказахомся! И посла Господь на ны тяжкия и великия пожары, вся наша злая собрания потреби и прародительское благословение огонь пояде, паче же всего святыя Божия церкви и многия великия и неизреченныя святыни, и святыя мощи, и многое безчисленное народа людска. И от сего убо вниде страх в душу мою и трепет в кости моя. И смирися дух мой и умилихся, и познах своя съгрешения, и прибегах к святей соборной и апостольской Церкви, и припадох к Божию великому человеколюбию и к Пречистой Богородицы, и к всем святым, и к твоему первосвятительству, и всем, иже с тобою, святителем, умильно припадаа, с истинным покаянием прося прощения, еже зле съдеах. И Божия ради великия милости получих от вас мир и благословение, и прощение о всем, еже содеах зле».¹ Такова речь Ивана IV на Стоглавом соборе в той части, которая нас сейчас интересует. Мы привели ее как можно полнее, поскольку в противном случае легко впасть в ошибочное толкование фразы «вниде страх в душу мою и трепет в кости моя. И смирися дух мой», что, собственно, и произошло с исследователями, связавшими ее с событиями 1547 года в Воробьеве.

Иван Грозный, как явствует из приведенного текста, обходит молчанием происшествие в Воробьеве. Он говорит о пожарах, т.е. во множественном числе,² хотя, похоже, выделяет по тяжким последствиям июньский «вели-

жавия в России... С. 39; *Аль Даниил*. Иван Грозный: известный и неизвестный. От легенд к фактам. СПб., 2005. С. 24; *Флоря Б.Н.* Иван Грозный. С. 23.

¹ *Емченко Е.Б.* Стоглав: Исследование и текст. С. 246–247.

² Это заметил В.О.Ключевский, когда писал о Грозном: «Он долго не мог оправиться от впечатления московских пожаров и через три с лишком года на Стоглавом соборе описывал свой тогдашний испуг с живостью только что пережитой минуты: тогда "вниде страх в душу мою и трепет в кости моя, и смирися дух мой, и умилихся и познах своя согрешения"». — *Ключевский В.О.* Сочинения: В 9-ти томах. Т. 2. С. 350.

кий пожар» в Москве: «вся наша злая собраниа потреби и прародительское благословение огонь пояде, паче же всего святых Божия церкви и многия великия и неизреченныя святыни, и святыха мощи, и многое безчисленное народа людска». Но о случившемся в Воробьеве в царской речи не видно даже намека. Смысл ее в другом. Она сосредоточена на вопросах исполнения человеком Божьих заповедей и возмездия за их неисполнение. С душевной болью и жалостью в сердце царь Иван вынужден признать, что он вместе со своими подданными погрязли в грехе, но так и не покаяться («каких зол не сътворихом пред Богом, и каких казней не послал на нас Бог, приводя нас на покаяние... И сими великими казнями в покаяние не внидохом»). И тогда Господь обрушил на русских людей, упорствующих в грехе, страшную кару, наслав на них пожары, уничтожившие святые церкви, мощи святых, «неизреченные святыни» и множество народа. Царь, наконец, прозрел, и ужас объял его («вниде страх в душу мою и трепет в кости моя»). Государь осознал свои грехи («и познах своя съгрешения»), покался, просил прощения за содеянное зло. На него снизошло смирение и умиление перед благодатью Божьей. Врата святой, соборной и апостольской церкви распахнулись перед ним, и он припал к стопам ее служителей. Вот о чем говорил государь на церковном соборе, а отнюдь не о том, что был страшно напуган черными людьми, пришедшими в Воробьево.¹

Мы вовсе не хотим сказать, что царь не испытывал испуга перед лицом вооруженной и возбужденной толпы, хотя это, по нашему убеждению, не тот панический страх, о котором говорил Н.И.Костомаров, утверждая, будто Иван «впал в крайнюю трусость и совершенно потерялся».² Наша цель заключается в том, чтобы показать необоснованность увязки слов Ивана IV на Стоглавом соборе («и вниде страх в душу мою и трепет в кости моя») с его переживаниями лета 1547 года в Воробьеве.³ Что касается самих переживаний, то они, конечно же, были не лишены страха, о чем и поведал нам новгородский летописец, говоря о том, как государь, увидев множество людей, «удивися и ужасеся». И он, по верному суждению А.А.Зимины и А.Л.Хорош-

¹ И все же историки с завидным постоянством повторяют друг за другом эту версию. Сказывается, по-видимому, здесь идущее от В.О.Ключевского и Н.И.Костомарова более художественное, нежели реалистическое представление об Иване Грозном как человеке с чересчур пугливым воображением, склонном преувеличивать опасность, подверженном робости, страху и трусости. — *Ключевский В.О.* 1) Боярская Дума Древней Руси. М., 1902. С. 332, 344, 346; 2) Сочинения: В 9-ти томах. Т. 2. С. 173, 176, 177; *Костомаров Н.И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Кн. I. С. 457, 475, 484.

² *Костомаров Н.И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Кн. I. С. 412.

³ Эту необоснованность почувствовал, кажется, С.О. Шмидт, который, приведя упомянутые слова Ивана IV, хотя и связал их с приходом вооруженных людей в Воробьево, но предположительно, а не с уверенностью, как другие исследователи. — *Шмидт С.О.* 1) Становление российского самодержавства... С. 101; 2) У истоков российского абсолютизма... С. 107.

кевич, «не преувеличивал своих впечатлений от июньских событий». ¹ Правда, государь напрасно волновался, так как, по мнению исследователей, «особе монарха ничто не угрожало. Восставшие по-прежнему были настроены только против Глинских». ²

Мы не можем признать правильной такого рода оценку происходившего. По нашему мнению, есть основания думать, что цель заговорщиков, волновавших черных людей Москвы, предполагала возможность убийства царя Ивана. Еще на площади перед Успенским собором, по Д.Н.Альшицу, «в грозном реве толпы можно различить и царское имя. Явственно слышатся голоса, призывающие убить царя, который заодно со своими боярами и родственниками, грабившими народ и будто бы поджегшими Москву». ³ Вооруженные москвичи, оказавшиеся в Воробьеве, также были настроены, как мы знаем, самым решительным образом, вплоть до цареубийства. Вот почему нельзя полностью присоединиться к А.А.Зимину, когда он утверждает, будто восстание 1547 года в Москве «носило царистский характер: оно направлено было против правительства Глинских, но не против самого Ивана Грозного». ⁴ Поначалу это, быть может, так и было. Но очень скоро закулисным вождям восстания удалось в массе черного люда возбудить злобу не только по отношению к Глинским, но также к их коронованному родичу. Однако главная причина выступления рядового люда заключалась, конечно, не в этом, а в ухудшении положения городского плебса, бедственном положении народа, подвергавшегося чрезмерной эксплуатации властей предрежащих, особенно в годы боярского правления.

Под 1540 годом псковский книжник записал: «Быша наместники на Пскове свирепи, яко лвов, и людие его аки звери диви до крестьян и начаша подклепцы добрых людей клепати, и разбегашася добрые люди по иным городом». ⁵ Если псковский летописец мыслил местными категориями, то новгородский летописатель воспроизводил картину, общую для Русского государства: «Наипаче же в царствующем граде Москве умножившися неправде и по всей России от велможь, насилствующих к всему миру и неправо судящих, но по мзде и дани тяжкыя...». ⁶ О насильстве и грабеже, которым власти подвергали черных людей, говорит и официальная Царственная книга. ⁷ В одной государевой грамоте, относящейся к пятидесятым годам XVI века, но толкующей и о предшествующем времени, читаем: «Что наперед сего жаловали есмя бояр своих и князей и детей боярских, города и волости давали им в кормленья, и нам от крестьян челобитья великие и доука была беспрестанная, что наместники наши и волостели и их пошлинные люди,

¹ Зимин А.А., Хорошкевич А.Л. Россия времени Ивана Грозного. С. 41.

² Там же.

³ Альшиц Д.Н. Начало самодержавия в России... С. 38. См. также: Аль Даниил. Иван Грозный... С. 24.

⁴ Зимин А.А. 1) Укрепление Российского государства... С. 159; 2) Реформы Ивана Грозного... С. 298.

⁵ Псковские летописи. Вып. I. М.; Л., 1941. С. 110.

⁶ ПСРЛ. Т. IV. Ч. I, вып. 3. С. 620.

⁷ ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение С. 456.

сверх нашего жалованья указу, чинят им продажи и убытки великие; а от наместников, и от волостелей, и от их пошлинных людей, нам доука и челобитья многие, что им посадские и волостные люди под суд и на поруки не даются, и кормов им не платят, и их бьют, и в том меж их поклепы и тяжбы великие; да от того на посадах многие хрестыянские дворы, а в уездех деревни и дворы, запустели и наши дани и оброки сходятся не сполна».¹ Все это имело место в центре страны, в Переяславле. Точно такую ситуацию, характеризующую теми же словами, наблюдаем на дальней периферии, в Устюжском крае.² Можно не сомневаться, что нечто похожее встречалось на Руси повсеместно. Именно так ориентирует нас сам царь Иван Грозный, говоря о том, что бояре, пользуясь юностью его, ринулись к богатству и славе, а «бедным христианом всякое насильство чинихом».³ Причем в этом «насильстве» они проявляли чудеса изобретательности. И.С.Пересветов устами Петра Волосского рассказывает, как «велможи царьския на городех и на волостех домышлялися лукавством своим и диявольским прелщением, мертвых из гробов новопогребенных выгребали да те гробы тощи загребали; да того мертвого человека, рогатиною изколовши, или саблею изсекши, да кровию помажут, да богатаго человека в дом подкинут, да истца ему ябедника поставят, который нимало Бога не знает, да осудивши его неправым судом, да подворие его и богатество со з домом разграбят». Так вельможи «нечисто богатели», и управы («царские грозы») на них никакой не было.⁴ В том, что все это не досужие выдумки,⁵ убеждаемся, читая Максима Грека. «Иудейское сребролюбие и страсть к лихоимству, — говорит он, — так овладело судьями благоверного Царя, что они заставляют своих слуг делать самые вопиющие доносы и явно и тайно подкапываются под имена богатых. Они подкидывают в их дома краденые вещи, ...подбрасывают мертвых посреди города и как праведные мстители идут с доносом не только на целую улицу, но нередко на целую часть города, наживая таким способом большие деньги».⁶

Общество, подвергаемое насилиям и грабегам, выталкивало на поверхность деклассированные элементы — всяких «лихих людей», разбойников и душегубцев, с легкостью бравших на себя роль продажных заводил и провокаторов в дни народных волнений. Архиепископ новгородский Феодосий в своем послании Ивану IV сообщает, что чинится в «отчине» государя Великом Новгороде, как «домех и на путех и на торжищех убийства и грабления, во граде и по погостом, великие учинилися, прохода и проезду нет...».⁷ То, о чем повествует архиепископ Феодосий, не являлось спецификой Новгорода. По всей Руси, включая Москву, мы видим примерно одинаковую картину.

¹ ААЭ. Т. I, № 242. С. 261–262.

² Там же. № 243. С. 265.

³ См.: Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 27, 76; Емченко Е.Б. Стоглав. Исследование и текст. С. 247.

⁴ Сочинения И.Пересветова. М.; Л., 1956. С. 179–180.

⁵ См.: Покровский М.Н. Избранные произведения. Кн. I. М., 1966. С. 274–275.

⁶ Сочинения Максима Грека. Ч. II. Казань, 1860. С. 199.

⁷ ДАИ. Т. I, № 41. С. 55.

Достаточно было искры, чтобы воспламенился гнев народа. Но не то что искра вырвалась, а запылал «великий пожар», который довел чувство социального протеста у черных людей до кипения и расплескал его по городу.¹ Разразился народный бунт беспощадный, но не бессмысленный, поскольку был управляем со стороны теми, кто противился утверждению русского самодержавия, боролся против православия и апостольской церкви. Эти находившиеся в тени деятели ловко перехватили инициативу у черных людей, повернув их возмущение в нужное для себя русло, т.е. возглавили движение, которое вследствие того превратилось из социального в политическое. Следовательно, изначально оно не являлось политическим,² хотя очень скоро превратилось в таковое. Фиксируется, на наш взгляд, и момент, когда произошло это превращение: это – убийство князя Ю.В.Глинского.

Закулисные лица, руководившие восстанием черных людей, являлись социально неоднородными. Были среди них бояре, священнослужители, дети боярские и, возможно, представители верхушки городского торгово-ремесленного населения, т.е. посада. Важно отметить причастность некоторой части их к ереси, снова разгулявшейся на Руси в середине XVI века и доказавшейся опять до Кремля. Однако всех этих лиц объединяло неприятие самодержавной власти Ивана IV. Правда, борьба, которую они вели, имела разную окраску. Бояре, не затронутые ересью, придавали ей политический оттенок, поскольку отстаивали свои прежние привилегии.³ Приверженцы ереси придавали этой борьбе религиозно-политический, так сказать, колер, ибо выступали против православия, церкви и служащего им опорой самодержавия. При этом, повторяем, все они сходились в ненависти к самодержавной власти. Поэтому главный удар («управляемой катастрофы») (восстания черных людей) был направлен против тех, чьими усилиями состоялось венчание на царство Ивана IV, после чего русское самодержавие приобрело не только фактическую, но и юридическую постановку. Имена этих людей нам известны. Это митрополит Макарий, Глинские и сам государь. Именно они в той или иной мере (каждый по-своему) и пострадали во время июньских событий 1547 года. И это очень важно для понимания сути этих событий.

Государь не винил основную массу обманутых москвичей. Ему было известно, что они пришли в Воробьево по «повелению» других людей. Поэтому, наказав наиболее активных участников бунта, остальным он не учинил опалы.⁴ Напротив, государь проявил заботу о погорельцах. Согласно В.Н.Та-

¹ В этом плане можно согласиться с Н.Е.Носовым, который увидел в московском мятеже 1547 г. «страшный финал десятилетия боярских распрей, народного угнетения и произвола». – *Носов Н.Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России. Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л., 1969. С. 14.

² Ср.: *Покровский М.Н.* Избранные произведения. Кн. 1. С. 274.

³ Были среди боярства и такие, кто старался оттеснить правителей, пользующихся расположением царя, и занять их место. В этом смысл борьбы Захарьиных против Глинских.

⁴ См.: ПСРЛ. Т. IV. Ч. I, вып. 3. С. 621. В исторической литературе высказывалось мнение о том, что восстание было подавлено силой, что все его участники подверглись преследованиям (см.: *Карамзин Н.М.* История Государства Российского.

тищеву, царь Иван после ухода повстанцев из Воробьева «людем же повеле раздавати казну свою по рублю и по два и по пяти, а по церкви каменные положи по 20 рублей».¹ Татищевское известие находит подтверждение у Н.М.Карамзина, по словам которого государь тогда «изъявил попечительность отца о бедных: взяли меры, чтобы никто из них не остался без крова и хлеба».² С.О.Шмидт предполагает возможность амнистии, проведенной по инициативе царя.³ Надо сказать, что все это не являлось настроением минуты, а тем более проявлением вынужденной политики «уступок и поблажек».⁴

Иван IV вышел из трудного детства и сел на царский трон не безнадежно испорченным, как об этом думают многие историки, старые и новые, а расположенным к миролюбию и согласию. Он в какой-то момент осознал подлинное значение постигших Русь бедствий, узрев в них наказание Божье за грехи. Религиозно-нравственному пробуждению государя во многом способствовал митрополит Макарий. Вспомним, как святитель призвал на боярское совещание по вопросу венчания великого князя на царство всех опальных бояр, убедив, очевидно, государя в необходимости такого проявления великодушия. Вспомним прощение царем в Новинском монастыре по слову митрополита всех «опальных и повинных» людей. Святитель Макарий пробудил в царе Иване желание править людьми миром и согласием, а не яростью и враждой, хотя для этого, будь он заурядной личностью, лишенной возвышенных чувств, оснований имелось с избытком. Кончина отца, зале-

Кн. II. Т. VIII. Стб. 63; *Костомаров Н.И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Кн. I. С. 413; *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. II. С. 267; *Зимин А.А.* Реформы Ивана Грозного... С. 309; *Альшиц Д.Н.* Источники и характер редакционной работы Ивана Грозного над историей своего царствования// Труды Отдела рукописей Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Т. I (IV). Л., 1957. С. 138). Ближе к правде С.О.Шмидт. Ученый пишет: «Мнение это представляется недостаточно обоснованным. Данные источников говорят об обратном. Царь и правительство не решились казнить участников восстания ("не учини им в том опалы"). Видимо, опала "на повелевших кликати" коснулась немногих и, вернее всего, не была особенно жестокой... Политическая ситуация лета 1547 г. никак не подходила для совершения массовых казней». — *Шмидт С.О.* 1) Становление российского самодержавства... С. 101–102; 2) У истоков российского абсолютизма... С. 108. Принимая мысль С.О. Шмидта об отсутствии массовых преследований за участие в восстании, мы должны заметить, что дело тут не столько в политической ситуации лета 1547 года, не подходившей для подобных преследований, сколько в душевном состоянии государя, по-христиански настроенного более к согласию, миролюбию и прощению, чем к мщению, вражде и раздорам.

¹ *Шмидт С.О.* 1) Становление российского самодержавства... С. 102; 2) У истоков российского абсолютизма... С. 109.

² *Карамзин Н.М.* История Государства Российского. Кн. II. Т. VIII. Стб. 63–64.

³ *Шмидт С.О.* 1) Становление российского самодержавства... С. 102; 2) У истоков российского абсолютизма... С. 109.

⁴ См.: *Шмидт С.О.* О московском восстании 1547 г. С. 122. Не было это выражением отсутствия у царя, как считает Д.Н.Альшиц, достаточно прочной опоры и силы. — *Альшиц Д.Н.* Начало самодержавия в России. С. 39.

ченного до смерти, «зельное» убийство (отравление) матери,¹ суровое сиrotское детство, полное унижений и обид, — всего этого было предостаточно, чтобы, став царем, уподобиться аспиду на троне. Но доброе начало в душе Ивана IV тогда все-таки пересилило.

Итак, 1547 год в истории Руси отнюдь не рядовой. Это год венчания московского великого князя на царство, знаменовавшего не только фактическое, но и юридическое оформление самодержавия в Русском государстве, иначе — рождение «Святорусского царства». Начинаясь новый период исторического бытия России, в течение которого наша страна превратилась в одну из величайших держав мира. Вместе с тем 1547 год обнаружил наличие организованной силы, враждебной русскому «самодержавству» и стремящейся к захвату власти в Москве с целью его уничтожения изнутри. Эта

¹ Отношение историков к этому факту неоднозначное. По словам С.Ф.Платонова, Елену Глинскую, «по возникшему тогда упорному слуху, извели бояре отравой» (Платонов С.Ф. Иван Грозный. С. 35). А.А.Зимин и А.Л.Хорошкевич с оттенком сомнения говорят: «Поговаривали, что она была отравлена» (Зимин А.А., Хорошкевич А.Л. Россия времени Ивана Грозного. С. 33). Более уверенно высказывается Анри Труайя: «Послы не сомневаются, что она отравлена» (Труайя Анри. Иван Грозный. С.16). Р.Г. Скрынников в своей книге об Иване Грозном пишет, что «смерть молодой женщины была, как видно, естественной. Правда, австрийский посол Герберштейн по слухам писал об отравлении великой княгини ядом. Но сам же он удостоверился в неосновательности молвы и, издавая “Записки” во второй раз, не упомянул больше о насильственной смерти Елены. Царь Иван, негодовавший на бояр за непочтение к матери, даже не догадывался о возможном ее отравлении» (Скрынников Р.Г. Иван Грозный. С. 19). Опустить упоминание о насильственной смерти правительницы Сигизмунд Герберштейн мог и по другой причине, нежели та, на которую указывает ученый. По его собственному признанию, Елена в последний год жизни много болела (Там же). Надо полагать, что она лечилась. Врачеванием же тогда занимались иностранные лекари. Возможно, они и залечили великую княгиню, подобно тому, как залечили недавно ее мужа и государя Василия III. Не исключено, что Герберштейн, узнав об этом, решил во втором издании «Записок» умолчать о насильственной смерти Елены, чтобы не возбуждать лишних вопросов. При таком подходе становится понятным, почему Иван Грозный, клеймя бояр, ничего не говорил о возможном отравлении ими его матери. Быть может, наши слова покажутся кому-то слишком смелыми, но Грозный, по нашему убеждению, воздерживался в данном случае от обвинений бояр в том, чего они не совершили. Здесь наш ответ и В.Б.Кобрину, который, касаясь смерти Елены Глинской, спрашивает: «Почему тридцатилетняя, полная сил женщина умерла? Естественно, возникли слухи, будто великую княгиню отравили. Вряд ли они справедливы. Медицина в те времена была еще в зачаточном состоянии, люди умирали от тех болезней, которые сегодня без труда вылечивает свежий выпускник медицинского института. Любопытно, что сам царь Иван никогда нигде не писал о том, что его мать умерла насильственной смертью. А ведь он был готов обвинять бояр в любых грехах... Он не упустил бы повод еще раз поговорить о “боярских изменах”, верь он хотя бы немного этому слуху» (Кобрин В.Б. Иван Грозный. С. 22–23). Но слух-то все же имел место. И будь царь Иван таким, каким его рисует В.Б.Кобрин и другие исследователи, он обязательно воспользовался бы этим слухом, не задумываясь о степени его правдивости.

тактика врагов России с теми или иными вариациями и паузами будет продолжена. Она, собственно, продолжается и поныне, хотя ориентирована теперь не против самодержавия (что естественно, поскольку таковое удалось уже уничтожить в начале XX века), а против России и русского народа.

Иван IV не сразу понял цели своих политических оппонентов, притворно изображающих себя сподвижниками государя. Понадобился целый период правления Избранной Рады, чтобы Грозный уразумел, что к чему. А пока после драматических событий предшествующего времени, прочувствованных и осознанных им в качестве Божьей кары за грехи, он «умысли смирить всех в любовь» и управлять государством посредством правды и общего согласия.¹ С особой наглядностью это желание царя Ивана, ставшее его государственно-политическим кредо, проявилось во время так называемого «собора примирения», созванного, следовательно, не по частным мотивам, скажем, самого Грозного, желавшего оправдаться перед подданными и «сложить вину всего прошедшего зла» на бояр,² а по государственной необходимости. И, конечно же, инициатива созыва собора принадлежала царю Ивану и, вероятно, митрополиту Макарию, а не Избранной Раде, как полагали многие исследователи.³

¹ Это было следствием духовного просветления русского самодержца, а не результатом какого-то животного страха, как пытается представить дело С.Г.Пушкарёв, утверждая, будто «впечатлительный царь, напуганный жуткими картинами пожаров и бунта, каялся в своих грехах и дал обет отныне посвятить все свои силы служению государству и своему народу» (*Пушкарёв С.Г. Обзор русской истории.* М., 1991. С. 138). К сожалению, даже В.О.Ключевский отказывал Ивану Грозному в духовных переменах. Он не допускал, что после 1547 года царь нравственно изменился: «Я не думаю, чтобы в нем произошел резкий нравственный переворот, какой приписывают обыкновенно 47 году; Иван оставался тот же – воплощенная жалоба и эгоизм». Или: «В лучшие годы Иван был тем же, как в 45 и 70-х годах, изменились лишь формы обращения, переменялись лишь струны, на которых он играл, но натура оставалась та же». – *Ключевский В.О. Лекции по русской истории, читанные на Высших женских курсах в Москве в 1872–1875 гг.* / Под редакцией Р.А.Киреевой и А.Ф.Киселева. М., 1997. С. 363, 365.

² См., напр.: *Соловьёв С.М. Сочинения: В 18-ти кн. Кн. III.* С. 423. Современный исследователь В.В.Шапошник считает, что «собор был необходим детям боярским, чтобы высказать свои требования, и царю, чтобы снять с себя ответственность за бедственное положение служилых людей. Иван искал, кроме того, поддержки себе, расширения социальной базы. Видимо, после Московского восстания он перестал доверять боярству. Опора только на церковную иерархию была недостаточна и царь пытался заручиться помощью служилых людей» (*Шапошник В.В. Церковно-государственные отношения в России...* С. 85). На наш взгляд, дело здесь не в личных или групповых потребностях, а в интересах всей Руси, всего русского народа.

³ См., напр.: *Загоскин Н.П. История права Московского государства.* Т. I. Казань, 1877. С. 213–214; *Латкин В.Н. Земские соборы Древней Руси.* СПб., 1885. С. 66; *Стратонов И.А. Заметки по истории Земских соборов Московской Руси.* Казань, 1912. С. 52–53. – Ср.: *Шапошник В.А. Церковно-государственные отношения в России...* С. 85.

* * *

При обращении к «собору примирения» возникают некоторые сложности в отношении исторических фактов, а также источников. Еще В.О.Ключевский, исходя из неудовлетворительного, как ему казалось, состояния источников, относящихся к «собору примирения», говорил о том, что этот собор «надобно пока считать потерянным фактом в истории устройства соборного представительства XVI века».¹ Правда, в своем Курсе русской истории он замечал, что до конца XVI века земский собор собирали четыре раза, в том числе и в 1550 году.² Теперь он говорил, что самое событие заподозрить трудно.³ И надо сказать, что историки вновь и вновь принимались за изучение данного события. Причем среди них не было полного единства в вопросе его датировки. Даже одни и те же исследователи высказывали здесь разные суждения, порою исключавшие друг друга. Например, С.Ф.Платонов сначала утверждал, что «первый земский собор произошел по московскому счету в 7058 году, иначе в промежутке времени между 1-м сентября 1549 и 1-м сентября 1550 года».⁴ Затем он отнес собор только к 1550 году,⁵ а потом и вовсе отказался от мысли о соборе, заявив, что «это не был земский собор в обычном смысле этого слова. Предание о том, будто бы в 1550 г. Грозный созвал в Москве представительное собрание “всякого чина” из городов, признается теперь недостоверным».⁶ В книге об Иване Грозном, изданной в начале 20-х годов прошлого века (1923), историк сделал окончательный вывод, отнеся идею «о земском соборе 1547 или 1550 года» к разряду историографических легенд.⁷

Сходные колебания обнаруживаем и в советской историографии. Так, Л.В. Черепнин, следуя за С.О. Шмидтом,⁸ с которым он связывал весьма удачную попытку разобраться в вопросе о соборах в России середины XVI

¹ См.: Русская мысль. 1890, февраль. С. 157.

² Ключевский В.О. Сочинения: В 9-ти томах. Т. 2. С. 350.

³ Там же. С. 352.

⁴ Платонов С.Ф. Заметки по истории московских земских соборов // Статьи по русской истории (1883–1912). СПб., 1912. С. 4.

⁵ Платонов С.Ф. Речи Грозного на земском соборе 1550 года // Там же. С. 201–205.

⁶ Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. СПб., 1907. С. 144.

⁷ Платонов С.Ф. Иван Грозный. С.48 (прим. 9). С.О.Шмидт почему-то полагает, что С.Ф.Платонов тем самым «отказался от своего прежнего мнения, высказанного столь же безапелляционно, и признал, что до Стоглавого собора имел место “собор примирения”» (Шмидт С.О. 1) Становление российского самодержавства... С. 137; 2) У истоков российского абсолютизма... С. 160). Однако С.Ф.Платонов говорил не о «соборе примирения», а о выступлении Грозного 27 февраля 1547 года в царских палатах перед митрополитом, боярскими детьми и другими, не прибегая к словам «собор» и «примирение». Он также говорил, что летописное известие об этом выступлении «послужило к составлению легенды о земском соборе 1547 или 1550 года».

⁸ См.: Шмидт С.О. Соборы середины XVI в. // История СССР. 1960, № 4.

века,¹ датировал «собор примирения» 1547 годом, полагая, что это был первый земский собор, созданный со специальной целью «успокоения народа» и носивший «характер своеобразной политической демонстрации».² Однако «собор примирения» 1547 года должен был не только «успокоить возмущенный народ», но и «обеспечить его подчинение феодалам».³ Л.В.Черепнин заподозрил царя Ивана в неискренности (демагогии), обусловленной необходимостью защиты классовых интересов феодалов. По словам ученого, «в обстановке острых классовых противоречий сильный элемент социальной демагогии, определявший общественно-политическую направленность собора и вызванный необходимостью предотвратить возможность повторения июньских событий, сочетался с ярко выявившейся на нем тенденцией к сплочению сил господствующего класса».⁴ Впоследствии Л.В.Черепнин скорректировал свои представления о времени созыва «собора примирения». Произошло это отчасти под влиянием критики Н.И.Павленко построений С.О.Шмидта,⁵ но главным образом под воздействием собственных изысканий, вылившихся в отдельную книгу по истории земских соборов в Русском государстве XVI–XVII столетий.⁶ В ней автор заявляет, что «первым земским собором надо считать совещание, созданное Иваном Грозным в феврале 1549 г.».⁷ Это и есть знаменитый «собор примирения».⁸

Л.В.Черепнин изучал настоящий собор по соответствующей записи Продолжения хронографа редакции 1512 года, материалам Стоглава, первому посланию Ивана Грозного к Андрею Курбскому и, наконец, по Хрущовской Степенной книге, содержащей речь царя, произнесенную им перед народом с Лобного места.⁹ Из названных источников наибольшие сомнения среди части исследователей вызывает сообщение Хрущовской Степенной книги.¹⁰ К их числу принадлежал С.Ф.Платонов, который замечал, что тут «мы имеем дело с памятником, не восходящим к XVI веку; далеко не все отнесут его

¹ Черепнин Л.В. Земские соборы и утверждение абсолютизма в России // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.). Сб. статей к семидесятилетию со дня рождения и сорокапятилетию научной и педагогической деятельности Б.Б.Кафенгауза. М., 1964. С. 94.

² Там же. С. 95.

³ Там же. С. 98.

⁴ Там же. С. 95.

⁵ См.: Павленко Н.И. К истории земских соборов XVI в. // Вопросы истории. 1968, № 5.

⁶ Черепнин Л.В. Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. М., 1978.

⁷ Там же. С. 68. См. также: Сахаров А.М. Образование и развитие Российского государства... С. 96.

⁸ Черепнин Л.В. Земские соборы Русского государства... С. 76.

⁹ Там же. С. 72–76.

¹⁰ Рукопись книги в конце XVII века принадлежала окольному Семену Семеновичу Колтовскому, а потом ее владельцем стал Андрей Федорович Хрущов, «конфидент» Артемия Петровича Волынского, казненный вместе с Волынским в 1740 году. По имени последнего владельца Степенная книга и стала называться Хрущовской. – См.: Платонов С.Ф. Речи Грозного на земском соборе 1550 года. С. 203.

даже к первой половине XVII столетия. Одно это обстоятельство способно внушить некоторую осторожность: не всегда позволительно доверяться показаниям поздней летописи о событиях, о которых нет современных им известий. В данном же случае дело усложняется тем, что Хрущовская рукопись подверглась интерполяции как раз в том месте, которое нас интересует, – в 9-й главе 17-й степени, там, где говорится о “великом пожаре” и “покаянии людстем”».¹ Свои скептические соображения С.Ф.Платонов назвал догадками. «Высказывая эти догадки, – говорит он, – мы отнюдь ни на чем не настаиваем. Важно для нас лишь то, что подобные догадки становятся возможны после знакомства с Хрущовской рукописью. Уничтожить эту возможность может лишь находка новых списков “речей” Грозного, а утвердить ее – тщательное изучение Степенной книги Хрущова. Не рассчитывая на первое, призываем ко второму наших специалистов-палеографов».²

Этот призыв С.Ф.Платонова вызвал отклик со стороны ряда исследователей, которые в итоге разделились на скептиков, отрицавших историческую подлинность интересующих нас известий Хрущовской Степенной книги,³ и тех, кто воспринимал их с определенным доверием. К числу послед-

¹ Там же. См. также: *Васенко П.Г.* Хрущовский список «Степенной книги» и известие о земском соборе 1550 г. // *ЖМНП* Просв. 1903. Апрель.

² *Платонов С.Ф.* Речи Грозного на земском соборе 1550 г. С. 205. Более категоричен С.Б.Веселовский. Именуя речь Ивана Грозного на Лобном месте из Хрущовской Степенной книги «Воззванием», он писал: «Трудно преувеличить вред, причиненный этим “прославленным памятником слова” нашей историографии. За отсутствием других источников на нем основывались представления некоторых историков о необычайно ранней зрелости, государственной мудрости Ивана Грозного, а с другой стороны – о художественной натуре царя Ивана и о его склонности к театральным эффектам. Историки земских соборов из этого же источника черпали свои сведения о созыве мудрым царем “первого” земского собора, о демократизме Ивана Грозного, выразившемся в решимости царя повести борьбу с корыстным и реакционным боярством» (*Веселовский С.Б.* Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 239). По мнению историка, источниками «Воззвания» Ивана Грозного «были так называемый Стоглавник, т.е. “Деяния” церковного собора 1551 г. в позднейших переделках, “Послание” Ивана Грозного к Курбскому и, может быть, епископии Курбского к царю» (Там же. С. 254). «Воззвание» Грозного к народу и сообщение о Земском соборе 1550 года С.Б.Веселовский рассматривает «как вымысел Хрущевых, не имеющий никакой исторической цены». – Там же.

³ См.: *Васенко П.Г.* Хрущевский список Степенной книги и известие о Земском соборе 1550 года. С. 386–400; *Введенский А.А.* Фальсификация документов в Московском государстве XVI–XVII вв. // *Проблемы источниковедения*. Вып. 1. М.; Л., 1933. С. 101–102; *Автократов В.Н.* «Речь Ивана Грозного 1550 года» как политический памфлет конца XVII века // *ТОДРЛ*. Т. XI. М.; Л., 1955. С. 255–259; *Веселовский С.Б.* Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 238–254; *Павленко Н.И.* К истории земских соборов XVI в. // *Вопросы истории*. 1968, № 5. С. 86; *Морозов С.А.* К исследованию одной источниковедческой загадки (интерполяции в так называемой Хрущовской Степенной книге и методика их анализа) // *Спорные вопросы отечественной истории XI–XVIII веков*. Ч. 2. М., 1990. С. 183–186; *Козлов В.П.* Тайны

них принадлежал М.Н.Тихомиров. Он отказался видеть в речи («воззвании») Грозного на Лобном месте сплошную подделку, или фальсификацию. Он нашел здесь и реальную основу, убедившись в том, что «Степенная книга сохранила речь Грозного, сказанную им на Лобном месте во всеуслышание», тогда как другие источники, в частности Хронограф, говорят не об этой речи, «а о самом соборе, состоявшемся в царских палатах».¹

Точка зрения М.Н.Тихомирова показалась Л.В.Черепнину предпочтительной. «Думаю, — говорил он, — что Тихомировым намечен правильный путь к решению вопроса о достоверности известий, содержащихся в тексте вставки в Хрущовский список Степенной книги. Запись, несомненно, позднейшая. События в ней смещены, нарочито расставлены и сгруппированы, им придан драматический характер, быль и вымысел перемешаны. Но это не просто фальсификация. Это воспроизведение прошлого, на фактической основе которого дана литературно-политическая композиция автора, и в ней главное — не факты, а схема, тенденция».² Следуя методике своего предшественника, Л.В.Черепнин, сопоставив сведения, содержащиеся в Хрущовской Степенной книге, в Продолжении хронографа редакции 1512 года и Стоглаве, счел правомерным сделать вывод о том, что «во всех трех случаях имеется в виду один и тот же собор, но говорится о разных его моментах или обращается внимание на различные его стороны. Я бы сказал, что это три угла зрения на событие. Новое в Хрущовской вставке — это выступление Грозного на Лобном месте и подробности, связанные с организацией суда. Выступление, может быть, подразумевается как раз то самое (перед воеводами, дворянами, детьми боярскими), о котором сообщает Хронограф. А может быть, после делового совещания двух “палат” последовал торжественный выход царя на Красную площадь и обращение к народу. Успенский собор — царские палаты — Красная площадь — это те места (зафиксированные в разных источниках), на которых разворачивались последовательные фазы земского собора: молебен, заседания “палат”, царское воззвание народу».³

Вслед за М.Н.Тихомировым шел и Н.Е.Носов. Достаточно, полагал он, «сличить сообщение хронографа 1512 г. о февральских событиях 1549 г. и рассказ Хрущовской Степенной книги о царском выступлении на Лобном месте (произнесенном якобы на 20-й год его жизни), как будет ясно (на это и указывал М.Н.Тихомиров), что в основе того и другого известия лежат одни и те же события, а именно Собор 1549 г., и только об этом одном соборе “примирения” говорится в царской речи на Стоглаве».⁴ Рассмотрев соответствующие мнения, Н.Е.Носов писал: «Из всех перечисленных мнений нам представляется наиболее убедительной точка зрения тех авторов, которые

фальсификации. Анализ подделок исторических источников XVIII–XIX веков. М., 1994. С. 11–21; *Филлюшкин А.И.* История одной мистификации... С. 257–261.

¹ *Тихомиров М.Н.* Российское государство XV–XVII веков. М., 1973. С. 49.

² *Черепнин Л.В.* Земские соборы Русского государства... С. 75.

³ Там же.

⁴ *Носов Н.Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России. Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л., 1969. С. 45.

относят слова речи Ивана на Стоглаве о примирении в “преидущее лето” к февральским событиям 1549 г., когда и состоялся, по нашему мнению первый и единственный собор “примирения” и именно собор “примирения” не только в переносном, но и в прямом смысле слова».¹ Собственный анализ источников убедил Н.Е.Носова в том же: «Проведенный нами разбор показаний источников о “соборах примирения” даст нам основания сделать вывод о том, что такой собор был всего один и происходил он не 1550 г., а в феврале – марте 1549 г., и именно этот собор в “преидущее лето” имел в виду Иван Грозный в своей речи на Стоглавом соборе...».²

Итак, «в отношении к вставкам в Хрущевский список Степенной книги столкнулись две серьезно аргументированные точки зрения. Каждый вправе присоединиться к любой из них – в настоящее время наука не имеет возможности однозначно сформулировать свое отношение к этому сложному по происхождению и содержанию источнику».³ Таков итог изучения интерполяций Хрущевской Степенной книги, содержащих известия о выступлении Ивана Грозного перед народом на Лобном месте. Историк, следовательно, не может полностью пренебрегать ими.

Если Л.В.Черепнин и Н.Е.Носов считали февральский 1549 года собор-совещание единственным «собором примирения», то С.О.Шмидт насчитал их, как минимум, три: «в 1547, в 1549 и в 1550 гг.», причем, по его мнению, «различные источники упоминают о различных соборах».⁴ Что касается самих покаяний или публичных покаятельных сцен, их было и того больше: только во второй половине 1547 года царь Иван с москвичами предавались покаянию несколько раз.⁵ Для нас сейчас не столь важно, сколько было «соборов примирения»: один или несколько. Могло быть так и этак. Существеннее, с нашей точки зрения, сосредоточить внимание на способах властвования и управления обществом, провозглашенных тогда государем. Обратимся к источникам.

Из летописи (Продолжение хронографа редакции 1512 г.) узнаем о том, как 27 февраля 1549 года Иван IV «в своих царских палатах» держал речь перед митрополитом Макарием, Освященным собором, боярами, окольничими, дворецкими и казначеями. Он говорил, что «до ево царского возрасту от них и от их людей детем боярским и крестьянам чинилися силы и продажи и обиды великие и в землях и в холопех и в иных обидных делах; и они бы впредь так не чинили, детем бы боярским и крестьянам от них и от их людей силы и продажи и обиды во всяких делех не было никоторые, а кто вперед кому учинит силу или продажу или обиду какую, и тем от меня царя и великого князя быти в опале и казни. И бояре били все челом государю

¹ Там же. С. 23.

² Там же. С. 53.

³ Козлов В.П. Тайны фальсификации... С. 21.

⁴ Шмидт С.О. 1) Становление российского самодержавства... С. 149; 2) У истоков российского абсолютизма... С. 172

⁵ Шмидт С.О. 1) Становление российского самодержавства... С. 150; 2) У истоков российского абсолютизма... С. 173.

царю и великому князю, чтобы государь их пожаловал, сердца на них не держал и опалы им не учинил некоторые, а оне хотят служить государю царю и великому князю и добра хотети ему и его людем во всем вправду, безо всякие хитрости, потому ж, как служили и добра хотели государю своему, отцу своему великому князю Василию Ивановичу всяя Руси и деду своему великому князю Ивану Васильевичу всяя Руси. А которые будут дети боярские и крестьяне на них или на их людей учнут бити челом о которых делех нибуди, и государь бы их пожаловал, давал им и людем их с теми детьми боярскими и со крестьяны суд. И царь и великий князь Иван Васильевич всяя Руси перед отцом своим Макарием митрополитом и передо всем освященным собором бояр своих пожаловал, с великим благочестием и со усердием наказал их умилине, говорил им: по се время сердца на вас в тех делех не держу и опалы на вас ни на кого не наложу, а вы бы впредь так не чинили. Да и воеводам и княжатам и боярским детям и дворянам болшим тоже говорил и пожаловал их, наказал со всем благочестием умилине».¹

В цитированной речи царя Ивана² слышны отзвуки недавнего движения москвичей в июне 1547 года. Составитель Царственной книги, указывая на причины недовольства черных людей государевой родней, в частности, отмечал: «В те поры Глинские у государя в приближение и в жалование, а от их людей насилство и грабеж, они же их от того не унимаху».³ То же самое, в сущности, говорил и царь в своих палатах, обвиняя, правда, в чинившихся насилиях и обидах не отдельные семейные кланы бояр, а все боярство в целом. Этим Иван Грозный как бы облегчал вину Глинских, раскладывая ее и на других представителей высшего сословия. Тем самым он осудил весь период боярского правления, а не только время властвования Глинских. Грозный потребовал от всех бояр прекратить бесчинства по отношению к «детем боярским и крестьянам», обещая со своей стороны прощение и милость. В ответ бояре просили царя не досадовать на них сердцем и не держать опалы, обязавшись служить ему и «добра хотети». Выступление государя в царских палатах не содержит прямых призывов к покаянию и всеобщему согласию, а потому не может быть всецело истолковано в качестве «прощенно-покаянно-примирительного»,⁴ хотя мотив прощения в нем присутствует. Однако это не взаимное, а одностороннее прощение боярства Грозным с вытекающим отсюда обязательством бояр служить исправно своему государю. Оно преследует вполне конкретную цель: положить конец беззакон-

¹ ПСРЛ. Т. XXII. СПб., 1911. С. 528–529; Шмидт С. О. Продолжение хронографа редакции 1512 г. С. 295–296.

² И. И. Смирнов насчитал три выступления, три речи Ивана Грозного, а Н. Е. Носов и Л. В. Черепнин — только два выступления. — Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства 30–50-х годов XVI века. М.; Л., 1958. С. 289–290; Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. Исследования о земской реформе Ивана Грозного. Л., 1969. С. 17; Черепнин Л. В. Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. С. 68–69.

³ ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 456.

⁴ Судебники XV–XVI веков. М.; Л., 1952. С. 190 (комментарий Б. А. Романова). Таковым по характеру оно было на Лобном месте, о чем несколько ниже.

нию и произволу власть имущих по отношению к детям боярским и крестьянам. Вряд ли следовало уподоблять речь Ивана декларации, как это делают некоторые историки.¹ В ней не столько декларировалась программа дальнейших действий правительства,² сколько решался наболевший вопрос, связанный с восстановлением правого суда в государстве, нарушенного боярским своеволием. В рамках решения данного вопроса предпринимались две важные меры, как бы уравнивающие друг друга.

Первая из них заключалась в том, что царь Иван Васильевич согласился («пожаловал») предоставлять боярам и их людям суд с детьми боярскими и крестьянами, если дети боярские и крестьяне на бояр и их людей «учнут бити челом о которых делех нибуди». Этим он ставил препону наветам и ложным обвинениям, направленным против бояр и боярских людей, что, безусловно, соответствовало интересам боярства. Надо далее отметить, что сама просьба бояр оградить их от облыжных обвинений посредством суда с детьми боярскими и «христьянами» содержала в скрытом виде несогласие с тем, будто они со своими людьми везде и всегда чинили беззаконие. Эту деликатность бояр по отношению к самодержцу почувствовал С.Ф.Платонов, который говорил: «На это огульное обвинение дума ответила прилично и с достоинством...».³ Иной взгляд у И.И.Смирнова. Изучение содержания челобитья бояр привело его к выводу, что «боярство в ответ на обвинения, предъявленные в речи Ивана IV от 27 февраля, фактически оказалось вынужденным капитулировать перед правительством, хотя и облекло эту капитуляцию в форму торжественного заявления о своей лояльности в отношении царя и в просьбу о “суде” по искам детей боярских».⁴ По убеждению И.И.Смирнова, бояре капитулировали под угрозой опал и казней, которыми их якобы запугал царь Иван.⁵ Эти суждения исследователя вызывают возражение. Ведь бояре просили суда у Ивана IV по искам не только детей боярских, но и крестьян («христьян»). Следовательно, И.И.Смирнов, выделяя в данном случае одних детей боярских, не считается с показаниями источника, проявляя односторонность в его толковании. Правда, в другом месте своей книги он касается вопроса о «крестьянах»-«христианах», но приходит к выводам, на наш взгляд малоубедительным. Он пишет: «Само правительство, выступая против бояр и в защиту детей боярских – помещиков, стремилось представить себя защитником также и “всех крестьян царствия своего”. Этим надо объяснить то, что в декларации Ивана IV наряду с детьми боярскими фигурируют в качестве жертв боярского произвола также и “хри-

¹ См., напр.: *Пресняков А.Е.* Вотчинный режим и крестьянская крепость // ЛЗАК. Т. XXXIV. Л., 1927. С. 190; *Смирнов И.И.* 1) Судебник 1550 г. // Исторические записки. Т. 24. М., 1947. С. 268; 2) Очерки... С. 289, 270; Судебники XV–XVI веков. С. 185, 189 (комментарий Б.А.Романова); *Носов Н.Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России... С. 15.

² См.: *Смирнов И.И.* Очерки... С. 290; *Носов Н.Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России... С. 15.

³ *Платонов С.Ф.* Иван Грозный. С. 48.

⁴ *Смирнов И.И.* Очерки... С. 292.

⁵ Там же.

стьяне”, в соответствии с чем и в челобитье “всех бояр” в пункте о суде также названы не только дети боярские, но и “христьяне”. Совершенно очевиден демагогический характер этих заявлений о “крестьянах” – “христианах”. Кого в действительности собиралось защищать правительство Ивана IV от насилий бояр, оно достаточно ясно показало, назвав на первом месте среди “обидных дел” “обида великие в землех и холопех” – дела, касавшиеся детей боярских и не имевшие никакого отношения к “христианам” – крестьянам. В еще более неприкрытой форме действительный классовый смысл политики, декларированной в речи Ивана IV от 27 февраля, выступает в законе 28 февраля 1549 г., где ни о каких “крестьянах” даже не упоминается и речь идет исключительно о “детях боярских”. Совершенно очевидна цель того, что можно назвать элементами социальной демагогии в социальной политике правительства Ивана IV. Цель эта состояла в том, чтобы заявлениями о защите всех “крестьян” прикрыть классовый характер политики правительства Ивана IV как органа власти господствующего класса феодалов-крепостников.¹ Для доказательства своих положений И.И.Смирнов, как видим, приводит два довода: 1) в перечне обиженных боярами дети боярские поставлены впереди «христьян»; 2) в законе 28 февраля названы одни лишь дети боярские. Остальное в построениях И.И.Смирнова суть штампы классовой теории марксизма, сводящей историю обществ к антагонистической борьбе класса угнетенных с классом угнетателей.

Относительно первого довода ученого необходимо сказать, что на Руси рассматриваемого времени защита Отечества, оборона страны от врагов являлась первостепенной задачей, почему военные служилые люди (а таковыми и являлись дети боярские) пользовались повышенным вниманием со стороны государства. Следовательно, нет ничего необычного в том, что дети боярские в речи Ивана Грозного названы первыми, а посадские и сельские жители («христьяне») – вторыми. Не имеет доказательной силы, как нам кажется, и второй довод И.И.Смирнова. Нельзя забывать о составе аудитории, перед которой выступал царь, оглашая закон от 28 февраля. Тогда в кремлевских палатах находились, помимо прочих, главные виновники «уложения» дети боярские, а «христьяне», насколько явствует из летописной записи, тут не были представлены. Значит, о детях боярских государь и должен был в первую очередь позаботиться. Однако он помнил и о «крестьянах», став щитом между ними и боярами. И здесь мы не видим никакой «социальной демагогии» или попытки прикрыть заявлениями о защите «крестьян» классовый смысл политики правительства Грозного. Эти ухищрения – плод воображения историка, а не слепок с реальной жизни минувших дней. Склонность к изобретениям подобного рода выдает неверие в искренность побуждений русского самодержца, в его заботу о благе подданных, что ведет в результате к примитивному восприятию истории.

Что касается мысли И.И.Смирнова о вынужденной (под страхом опал и казней) капитуляции бояр, то она нам представляется искусственной. Ведь наказание за прежние неправды боярам не угрожало. Их прошлые провин-

¹ Там же. С. 295–296.

ности царь прощал. Опады и казни предполагались в будущем, но лишь в том случае, если бояре по-старому станут подвергать насилию и незаконным продажам детей боярских и «крестьян». Однако угроза, переносимая в будущее, да еще совсем не обязательная, не может быть причиной капитуляции в настоящем. К тому же позволительно спросить, в чем, собственно, состоит эта капитуляция? В том, что бояре обещали служить верно своему государю? Но их добровольный долг именно в том и состоял. Вот почему всякие обещания на сей счет носили весьма условный, риторический характер. Вряд ли бояре решились бы настаивать и на своей вседозволенности в будущем, ибо это выглядело бы, по меньшей мере, странно. Перед какой тогда угрозой они спасовали и капитулировали? Только перед угрозой наказания за содеянные правонарушения. Но это не должно было их пугать, поскольку прежние их проступки, как не раз уже отмечалось, были прощены. К тому же идея капитуляции какой-либо группы участников февральского совещания противоречила духу самого мероприятия, задуманного ради исправления общественных пороков и с целью сплочения общества, что, разумеется, не могло быть достигнуто за счет ущемления законных интересов какой-то части присутствующих на этом совещании. Так что идея капитуляции бояр перед царем, выдвинутая И.И.Смирновым, должна быть, по нашему мнению, отклонена.

Аналогичным образом следует поступить и с идеей боярского ультиматума царю Ивану, принадлежащей Н.Е.Носову. Размышляя о «соборе примирения» 1549 года, т.е. о выступлении Грозного в своих палатах перед митрополитом, Освященным собором, Боярской думой и другими высокими чинами, историк замечает: «Что касается хода этого собора, то даже из летописного текста (явно сглаживающего возникшее на нем серьезное политическое столкновение между царем и боярами и явно обеляющего позицию молодого царя как якобы инициатора всеобщего примирения) видно, что проходил он далеко не гладко. Царь обвинял бояр, грозил опалами, казнями, бояре каялись, обещали “служить верно”..., но упорно настаивали, чтобы впредь все жалобы на них со стороны местного населения обязательно рассматривались по суду. И это был скорее встречный ультиматум, чем капитуляция. Во всяком случае, позиция боярства настолько смутила царя, что он сразу же смягчил тон и “бояр своих” “пожаловал с великим благочестием и усердием”, сняв с них все вины. Если же учесть, что вслед за этим, но уже в другой аудитории он столь же “умильно” “то же говорил” дворянам и детям боярским, то позиция царя и его ближайшего окружения будет выглядеть далеко не столь последовательной, как пытается изобразить ее летописец. Иван IV с его обоюдоумильными речами скорее напоминает человека, как бы вертящегося между двух огней и пытающегося всеми силами снять с себя вину за происходящие события, находящего какие-либо общие компромиссные решения, чем политика, уже располагающего поддержкой широких слоев господствующего класса и имеющего возможность проводить самостоятельную, заранее выработанную антибоярскую политическую программу. Принятие боярской думой 28 февраля уложения (указа) об освобождении детей боярских от наместничьего суда – единственного поста-

новления Собора 1549 г., зафиксированного летописью, — является лучшим тому доказательством».¹

Необходимо сказать, что впечатления о «соборе примирения» 1549 года, высказанные Н.Е.Носовым, выходят за пределы летописного рассказа. Если неукоснительно следовать этому рассказу, то мы не сможем утверждать, будто собор «проходил далеко не гладко», будто на нем произошло «серьезное политическое столкновение между царем и боярами», выдвинувшими государю «встречный ультиматум». Сообщения летописца не дают нам оснований говорить о конфронтации царя с боярами. Совещание в государевых палатах проходило мирно, в духе взаимного доброжелательства. Царь хотя и напомнил боярам о произволе и насилиях, совершенных ими в предшествующие годы, но тут же простил их, правда, с условием недопустимости подобного поведения впредь, предупредив при этом, что не потерпит в дальнейшем подобные действия. На месте Ивана так поступил бы любой стремящийся к справедливости властитель. И в этом нет ничего такого, что служило бы свидетельством напряженной атмосферы на соборе. Челобитье бояр тоже понятно. Испрашивая суд в случае иска к ним со стороны детей боярских и «христьян», они хотели, как уже говорилось, избежать ложных обвинений, предъявляемых истцами. Царь удовлетворил просьбу бояр и пожаловал их правом суда с жалобщиками — детьми боярскими и «крестьянами». Но этим дело, как известно, не кончилось, и царь осуществил еще одну судебную меру.

Эта вторая мера, предпринятая на совещании 28 февраля 1549 года, заключалась в следующем: Иван IV «со отцем своим Макарием митрополитом из бояры уложил, что во всех городах Московские земли наместникам детей боярских не судити ни в чем, опричь душегубства и тадыбы и разбоя с полличным...».² Тем самым государь оградил детей боярских от судебного произвола наместников. Само собой разумеется, что восстановление правопорядка в полном объеме требовало также иных мер, но о них Иван речи не вел (не прокламировал их), сосредоточившись на незаконных продажах, насилиях и обидах, творимых детям боярским и крестьянам («христьяном») со стороны бояр и их людей. При этом властитель обозначил новый стиль обращения с подданными, говоря с ними «умилно» (ласково),³ не помня зла и не наказывая за недавние злоупотребления.

Надо отдать должное его намерению защитить слабого от сильного. В центре государева попечения низший слой служилых людей и рядового свободного людства — «всенародных человек», по терминологии того времени. Трудно согласиться с И.И.Смирновым, когда он говорит: «Основной вопрос, рассматриваемый в декларации Ивана IV,— это вопрос о детях боярских и их

¹ Носов Н.Е. Становление сословно-представительных учреждений в России... С. 17.

² ПСРЛ. Т. XXII. С. 529; Шмидт С.О. Продолжение Хронографа редакции 1512 г. С. 296.

³ См.: Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. III. СПб., 1903. Стб. 1205.

интересах. Дети боярские занимают центральное место в декларации Ивана IV, все три пункта которой посвящены им: сначала оценке положения детей боярских в прошлом, во время боярского правления, затем требованию о недопустимости продолжения “сил”, “обид” и “продаж” в отношении детей боярских и, наконец, формулировке санкции в случае, если такие “силы”, “обиды” и “продажи” все же будут иметь место. О детях боярских идет речь и в челобитье “всех бояр”, в том месте, где говорится о возможности исков детей боярских к боярам и их людям. Наконец, практический итог обсуждения вопросов, выдвинутых в речи Ивана IV 27 февраля 1549 г., – закон от 28 февраля 1549 г. также относится прямо и непосредственно к детям боярским. При этом во всех случаях вопрос о детях боярских рассматривается в позитивном плане, с позиций защиты их интересов».¹

И.И.Смирнов прав в том, что закон 28 февраля 1549 года, явившийся результатом обсуждения вопросов в предшествующий день, трактует об одних лишь детях боярских, изымая их из наместничьего суда, «опричь душегубства и татбы и разбоя с поличным». Но во всех остальных случаях, наряду с детьми боярскими, фигурируют и «хрестьяне», т.е. посадские люди и земледельцы,² причем вопрос о них, как и о детях боярских, рассматривается, по нашему убеждению, «в позитивном плане, с позиций защиты их интересов». Перед нами, пусть не покажется странным, демократическая акция русского самодержца, один из моментов формирования народной монархии в Российском государстве, отличительной особенностью которой являлся союз священного царя с народом.³ Сцена выступления Ивана IV на Лобном месте – еще более яркое тому подтверждение.

Эту сцену, как известно, воспроизводит Хрущовская Степенная книга, открытая исторической науке Н.М.Карамзиным. В книге говорится о том, как Иван IV «повеле собрати свое Государство из городов всякого чина, и в день недельный изыде со кресты на лобное место, и совершив молебная, нача речь говорити к Митрополиту: “Молю тя, Св. Владыко, да будеши помощник нам и любви поборник. Вем, блага дела и любви желатель еси. Аз, Владыко, и сам ты веси, яко аз остался отца своего четырех лет, а матери своей осьми лет. Родители о мне не брегоша, а сильнии мои Бояре и Вельможи о мне не радеша и самовластни быша, и сами себе саны и чести похитиша моим именем, им же несть возбраняющаго, и во многие корысти и в хи-

¹ Смирнов И.И. Очерки... С. 290–291.

² И.И. Смирнов в «христианах» видит крестьян (Смирнов И.И. Очерки... С. 295), тогда как Л.В.Черепнин не решается определенно сказать, кто стоял за «христианами» – посадские люди или крестьяне (Черепнин Л.В. Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. С. 70). Думаем, что это были и посадские люди и крестьяне. т.е. рядовая масса свободного населения Руси. Именно так решает вопрос Н.Е.Носов, утверждая, что под «хрестьянством» в данном случае подразумевалось «тяглое население, крестьяне и посадские люди – “городские мужики”, как зачастую прямо называют их источники того времени». – Носов Н.Е. Становление сословно-представительных учреждений в России... С. 16.

³ См.: Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2003. С. 153.

щения и в обиды упражняхуся. Аз же яко глух, и не слышах, и не имый во устех своих обличения юности ради моя и пустоты. Они же властвоваху... О неправеднии лихоимцы и хищницы и неправедный суд по себе творящее! что ныне нам ответ даете, иже многие слезы на ся воздвигосте? Аз же чист от крови сея. Ожидайте воздаяния своего". И всем поклонися на все стороны. и глагола: "Люди Божии, и нам дарования Богом! молю вашу веру к Богу и к нам любовь. Ныне ваших обид и разорений и налог исправить невозможно замедления ради юности моя и пустоты и беспомощства, и неправд ради Бояр моих и властей, и безсудства неправедного и лихоимания, и сребролюбия. Молю вас, оставите друг другу вражды и тяготы свои, разве елико чего большего дела не вместно; и в том и в иных вновь я вам, елико вместно нам, сам буду судья и оборона, и неправды разоряти, и хищения возвращати".¹

По мысли Н.Е.Носова, выступление царя на Красной площади состоялось в воскресенье 3 марта 1549 года.² Возможно, это так, хотя не исключено, что оно имело место в предшествующий воскресный день – 24 февраля.³ Для последней догадки есть тоже некоторые основания. Мы знаем, например, о присутствии детей боярских на кремлевском совещании 27–28 февраля. Не исключено, что они прибыли в Москву вместе с людьми «всякого чина», созданными сюда из других городов Руси. Прибытие в столицу представителей разных городских сословий как раз накануне открытия «собора примирения» и речь царя перед этими сословиями на Лобном месте (выбор места символический и потому едва ли случайный) с обещанием быть им «судьей и обороной», чтобы «неправды разоряти и хищения возвращати», можно рассматривать как своего рода подготовку к открытию собора-совещания в царских палатах.⁴ Установление согласия с посланцами городов, усиливая позиции Ивана IV, облегчало ему тем самым решение вопросов, поднятых на совещании в Кремле. В этом отношении государю, чтобы зара-

¹ Карамзин Н.М. История Государства Российского. Кн. II. М., 1989. Примечания к VIII тому. Стб. 28.

² Носов Н.Е. Становление сословно-представительных учреждений в России... С. 47. Предположение Н.Е.Носова показалось правомерным С.О.Шмидту. – См.: Шмидт С.О. 1) Становление российского самодержавства... С. 155–156; 2) У истоков российского абсолютизма... С. 179.

³ См.: Там же.

⁴ Примерно в такой же последовательности изображал работу собора 1549 года В.О.Ключевский (по Ключевскому, собор 1550 г.), но с той, однако, разницей, что речь, произнесенную царем Иваном, он считал началом работы самого собора, хотя и недоумевал, «почему тронная речь, которою царь открыл собор, была произнесена не в палате кремлевского дворца, а на Красной площади. Было ли это только первое, публичное заседание собора в обстановке древнерусского народного митинга с крестным ходом и молебном, или вся деятельность собора ограничилась речью царя?» (Ключевский В.О. Сочинения: В 9-ти томах. Т. 2. С. 351). Недоумения рассеиваются, если в речи на Лобном месте видеть не открытие собора, а подготовительное мероприятие к нему, организованное Иваном с целью получить поддержку прибывших в Москву людей «всякого чину» и на фоне этой поддержки уверенно приступить к соборному заседанию.

нее заручиться поддержкой «всенародных человек», целесообразнее было устроить встречу с вызванными в Москву из других городов людьми до начала заседания «собора примирения». Встреча эта, по-видимому, и состоялась в «недельный день» 24 февраля 1549 года.

В речи Ивана Грозного на Лобном месте наше внимание привлекает ряд любопытных и весьма существенных моментов. Из нее мы узнаем, что царь повелел собрать в столице (по В.О.Ключевскому, «небывалое явление в московской жизни»)¹ «государство из городов всякого чина», т.е. созвать общегосударственное совещание с широким кругом лиц, которых надо, по всей видимости, характеризовать как народных представителей. Впрочем, для некоторых историков в данном случае существует, можно сказать, непреодолимая проблема. «Прежде всего, как понять выражение *повеле собрати свое государство из городов всякого чину*? – задается вопросом В.О.Ключевский. – Здесь больше намеков, чем слов. Раскрывая эти намеки, можно так перевести эту лапидарную фразу: царь повелел вызвать из областей своего государства представителей всех чинов. Но не видно, были это выборные люди и какие именно чины, звания или классы они представляли».² Зато Л.В.Черепнину хорошо видно, что известие Хрущовской Степенной книги, предполагающее «выборное представительство со всего государства», «является не реальностью, а плодом осмысления событий середины XVI в. с точки зрения поздней практики».³ Но Хрущовская Степенная книга ничего не говорит о выборном представительстве. Она сообщает лишь, что Иван IV повелел «собрати» в Москву «из городов всякого чину». Как осуществлялся этот сбор, посредством ли выборов или назначения, данный источник умалчивает. Однако, в чем Хрущовская Степенная книга не дает нам сомневаться, так это в том, что речь она ведет о представительстве «разных чинов», т.е. сословий, причем достаточно широком, позволяющем говорить о народном представительстве. Судя по всему, костяком собрания «всякого чину» на Лобном месте являлись дети боярские и «христьяне». Так побуждают думать последующие соборные дебаты в царских палатах, в центре которых были именно эти социальные группы.

Важно отметить следующее: народным представителям царь объявляет, что будет им «сам судия и оборона», провозглашая, стало быть, принцип единения самодержавной власти с народом, что, как уже отмечалось, является если не основным, то одним из основных признаков народной монархии или, по терминологии Л.А.Тихомирова, «народного самодержавия».⁴ Царь Иван

¹ Ключевский В.О. Лекции по русской истории, читанные на Высших женских курсах в Москве в 1872–1875 гг. / Под редакцией Р.А.Киреевой и А.Ф. Киселева. М., 1997. С. 363.

² Ключевский В.О. Сочинения: В 9-ти томах. Т. 2. С. 351. Несколько увереннее рассуждал Н.И.Костомаров, полагавший, что мы имеем здесь земский собор или земскую думу «из выборных людей всей русской земли». – Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Кн. I. М., 1990. С. 414.

³ Черепнин Л.В. Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. С. 76.

⁴ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. СПб., 1992. С. 250; См. также: Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. С. 153.

в речи своей обращается к митрополиту Макарию с призывом: «Да будеши помощник нам и любви поборник». В этом призыве заключена идея совместной работы самодержца и первосвященника, или идея содружества государства и церкви, т.е. симфонии светской и церковной власти. Здесь же звучит мотив любви — всеобъединяющего русских людей начала. Ради любви и общественного согласия Иван призвал подданных простить друг другу «оби-ды», «разорения» и примириться друг с другом.

Речь царя Ивана на Красной площади произвела на В.О.Ключевского двойственное впечатление. «Читая ее, — говорил он, — прежде всего подумаешь, что это был царский призыв всего народа, всех его классов ко взаимному всепрощению и дружной деятельности на общую пользу: принимая бразды правления в свои руки, государь становился прямо перед своим народом и призывал высшего пастыря церкви и всю свою землю в лице ее представителей помочь ему в установлении государственного порядка и правосудия; верховная власть хотела прямо и откровенно объяснить с народом, указать ему направление, в каком она будет действовать, примирить враждебные стремления различных элементов. Но, призвав митрополита быть “любви поборником”, царь продолжал резким бранчливым обличением всего боярства в самовластии и хищничестве и собор, созванный с целью помирить, открыл воззванием чуть ли не к междоусобной войне. Да еще вопрос, есть ли эта речь исторический факт, а не просто чье-нибудь ораторское произведение, подобное речам, какие античная историография любила влагать в уста своим Фемистоклам и Катонам».¹

Противоречие тона в разных местах речи Ивана Грозного привело некоторых исследователей к выводу о заимствовании этих мест из различных источников и, следовательно, о ее подложности. Так, С.Б.Веселовский вслед за П.Г.Васенко² утверждал: «Первая часть “Воззвания”, или “Речей”, Ивана, обращенная к митрополиту и заимствованная из “Деяний” церковного собора (Стоглавого. — *И.Ф.*), выдержана в спокойном тоне и изложена языком памятников церковной письменности. Полную противоположность первой части представляет вторая часть, нервная, гневная и грозная по адресу боярства. И общий тон, и отдельные выражения этой части заимствованы авторами “Воззвания” из “Послания” Ивана Грозного к Курбскому».³

¹ Ключевский В.О. Сочинения: В 9-ти томах. Т. 2. С. 351–352. Особенно удивлял В.О.Ключевского резкий переход царя Ивана от мотивов всеобщего примирения и согласия к обвинениям, исполненным угроз. Он говорил: «Разве это не агитация, не манифест, способный возбудить сословную вражду? И это в то время, когда надо было примириться со всеми и всех простить» (*Ключевский В.О. Лекции по русской истории, читанные на Высших женских курсах...* С. 364). Как увидим дальше, то был своего рода тактический прием царя, учитывающий специфику аудитории у Лобного места и в кремлевских палатах.

² См.: Васенко П.Г. Хрущовский список «Степенной книги» и известие о Земском соборе 1550 г. С. 386–400.

³ Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 253. См. также: Шмидт С.О. Россия Ивана Грозного. М., 1999. С. 61.

По нашему мнению, у историков нет твердых оснований, чтобы полностью отвергнуть речь Ивана IV на Лобном месте, приводимую в Хрущовской Степенной книге. М.Н.Тихомиров после скрупулезного текстологического анализа государевой речи пришел к выводу, что «в самом “воззвании” Грозного отсутствуют черты, характерные для позднейших подделок. Наоборот. “воззвание” царя на Лобном месте соответствует историческим приемам Грозного и даже его фразеологии».¹ Обнаружены и новые данные, позволяющие более уверенно говорить о «воззвании» Ивана Грозного на Красной площади как действительном историческом факте. «Теперь, – пишет С.О.Шмидт, – после выяснения того факта, что 24 февраля 1549 г. церковный собор осудил архимандрита митрополичьего Чудова монастыря,² предположение о возможности публичной речи царя приобретает дополнительные основания».³

Композиция речи царя с ее кажущимся неожиданным поворотом от миролюбивых слов о взаимном всепрощении и «дружной деятельности на общую пользу» к «бранчливым обличениям всего боярства в самовластии» не покажется странной, если признать верным наше предположение, что на Красной площади Иван IV не собор открыл, как полагал В.О.Ключевский,⁴ а провел предварительную встречу с москвичами⁵ и прибывшими в столицу из городов Руси «всякого чину» людьми,⁶ чтобы, заручившись их поддержкой, предотвратить возможное сопротивление бояр на самом соборе. Расчет оказался правильным. Призывный, почти просительный и покаянный тон царя в обращении с народными представителями, собравшимися у Лобного места, резкие, вызывающие негодование массы обличения, брошенные в лицо вельможам, по-видимому сопровождавшим государя в момент его выхода к народу, – все это произвело нужное впечатление на бояр. И стоило государю уже на соборе несколько сбавить тон (здесь он не распалял обстановку эмоциональными восклицаниями, какой ответ дадут ему бояре за содеянное зло! Не возглашал, обращаясь к боярам: «ожидайте воздаяние своего!»), сменить угрожающую обстановку у Лобного места на более безопасную и спокой-

¹ Тихомиров М.Н. Российское государство XV–XVII веков. М., 1973. С. 47. По мнению С.О.Шмидта, «имеются основания сближать содержание и стилистику вставки с “речами” царя с содержанием (и даже стилистикой) других источников, датированных XVI или началом XVII в.». С.О.Шмидт имеет в виду материалы Стоглавого собора, сочинения Ивана Грозного и Курбского, Хронографическую и Пискаревскую летописи. – Шмидт С.О. 1) Становление российского самодержавства... С. 176. 2) У истоков российского абсолютизма... С. 199.

² Речь идет о судных списках Максима Грека и Исаака Собака (рукопись конца XVI в.), обнаруженных в 1968 году археографической экспедицией Н.Н.Покровского. – См.: Судные списки Максима Грека и Исаака Собака. М., 1971.

³ Шмидт С.О. 1) Становление российского самодержавства... С. 156; 2) У истоков российского абсолютизма... С. 179.

⁴ См.: Ключевский В.О. 1) Сочинения: В 9-ти томах. Т. II. С. 351; 2) Сочинения: В 9-ти томах. Т. VIII. М., 1990. С. 288.

⁵ См.: Полевой Н.А. История русского народа. Т. 3. С. 428.

⁶ См.: Соловьев С.М. Сочинения: В 18-ти книгах. Кн. III. М., 1989. С. 424.

ную в царских палатах, заявить о прощении виновных с условием прекращения беззакония, как бояре изъявили покорность монарху и готовность служить ему «вправду, безо всякие хитрости». Царь добился поставленной цели: примирил «враждебные стремления различных элементов», обратив их к работе на общее благо и созиданию православного царства. Он мог быть доволен столь успешным началом своего царствования.

Чтобы людское согласие не разладилось, Грозный пристально следил за соблюдением общественной правды, тщательно разбирая жалобы, поступающие от обиженных несправедливостью людей. Себе в помощники он взял Алексея Адашева. Если верить Хрущовской Степенной книге, царь, пожаловав Адашева в окольничие, говорил своему избраннику: «Алексие! Взял я тебя от нищих и самых молодых людей, слышах о твоих добрых делах, и ныне взысках тебе выше меры твоея, ради помощи души моей; хотя и твоего желания на сие нет, но обаче аз возжелах не токмо тебе, но и иных таких, чтоб печаль мою утолил и на люди моя, Богом врученные нам, призрел. Вручаю тебе челобитныя приимати у бедных и обидимых, и назирати их с рассмотрением. Да не убоишися сильных и славных, восхитивших чести на ся и своим насилием бедных и немощных погубляющих; ни [верити] беднаго слезам ложным и клеветающим напрасно на богатых, хотящим ложными слезами неправедно оболгати и правыми бытии, но вся испытно разсмотреть и к нам истину приносить, бояся суда Божия».¹ Кроме этого поручения А.Адашеву, царь Иван «избра судей праведных от Бояр и от Вельмож, и глогоя им ту речь с прещением; и оттоле нача и сам судити многие суды и разыскивати праведно».²

С.Б.Веселовский поставил под сомнение и этот фрагмент речи царя, заподозрив тут заимствование из послания Ивана Грозного к Андрею Курбскому, где «Иван писал, что он взял Алексея Адашева “от гноища”, из “батожинов”, т.е. из числа тех беспоместных детишек боярских, которые снискивали пропитание службой в приказных приставах-недельщиках, которые с батогами в руках “доправляли”, взыскивали деньги с лиц, поставленных на правех. “Воззвание”, сочиненное Хрущевыми говорит: “Взял я тебя от нищих и от самых молодых людей”. Хрущевым, конечно, было известно, что Адашевы происходили из старого и весьма зажиточного рода костромских вотчинников Ольговых, что отец Алексея Адашева был окольничим, что сам Алексей был пожалован в окольничие не в 1550 г., а через три года после этого, и что Иван Грозный, отделившись в 1560 г. от опеки Алексея Адашева, говорил о нем с презрением и с присущей ему склонностью к гиперболам. Дело в том, что “Послание” к Курбскому было написано Иваном лет через 15 после 1550 г., когда столкновения царя с боярами и дворянами достигли такой степени, что дело дошло до учреждения опричнины. Хрущевы как люди

¹ Карамзин Н.М. История Государства Российского. Кн. II. Примечания к VIII тому. Стб. 29.

² Там же. А.И.Филиюшкин, имея в виду данную речь царя, почему-то пишет, что Алексею Адашеву, «кроме разбора челобитных, поручалось избирать судей праведных от бояр и вельмож». – Филиюшкин А.И. История одной мистификации... С. 258.

ратные, плохо знакомые с историей и неопытные в деле сочинительства, использовали “Послание” Грозного, не замечая хронологических несообразностей своей компиляции».¹

Такого рода критику М.Н.Тихомиров именовал типичной гиперкритикой.² Подобно С.Б.Веселовскому, он обратил внимание на хронологическую ошибку автора занесенной в Хрущовскую Степенную книгу записи речи Грозного насчет возведения Адашева в чин окольничего, которое произошло позже, чем это значится в данной записи. Но М.Н.Тихомиров, в отличие от С.Б.Веселовского, увидел здесь не доказательство подложности текста, а указание на то, что упомянутая запись «имеет характер некоторого припоминания, сделанного спустя несколько лет после события».³ Важным для М.Н.Тихомирова стал тот факт, что Хрущовская запись «связывает пожалование Адашева окольничеством с собором примирения. Как раз это обстоятельство и вскрывает кое-какие особенности записи о соборе. По записи, царь говорил Адашеву: “Алексей! взял я тебя от нищих и от самых молодых людей”. Такое определение социального положения Адашева считают неправильным и заимствованным из послания Грозного к Курбскому, где он пишет об Адашеве: “Да того же времени бывшу сему собаке Алексею, вашему начяльнику, в нашего царствия дворе, во юности нашей, не свем каким обычаем из батожников водворишуся”. Нетрудно заметить, что определение Адашева как человека “от нищих и самых молодых людей” в записи более осторожно определяет социальное положение Адашева до его возвышения, чем послание Грозного, но все-таки отмечает его невысокое общественное положение. Между тем С.Б.Веселовский, знаток русской генеалогии XVI в., причисляет Адашева к зажиточным костромским дворянам. Но что значила эта зажиточность для Грозного, считавшего даже князей Курлятевых и Прозоровских ничтожными людьми! Для молодого царя возвышение Адашева было личным актом его милости, так как молодой костромской дворянин явно терялся среди московской знати, среди княжеских и старинных боярских фамилий. Определение “батожник”, данное Адашеву царем, может даже соответствовать действительности. Адашев был рындой при царском дворе, а рынды были обязаны стоять у трона с топориками, украшенными золотом и серебром. И Котошихин сообщает, что за послушание рынд били “перед царским окном при всех людях батогами”. Как видим, название “батожник” соответствовало в глазах Грозного прежнему положению Адашева».⁴ Приведенные соображения обладают, на наш взгляд, достаточной степенью убедительности. Они, если можно так выразиться, реабилитируют в качестве вполне пригодного источника запись слов Ивана IV, сказанных Алексею Адашеву и дошедших до нас в Хрущовской Степенной книге.

Другой источник, повествующий о деятельности А.Адашева по приему челобитных, – Пискаревский летописец, составленный в первой четверти

¹ *Веселовский С.Б.* Исследования по истории опричнины. С. 253.

² *Тихомиров М.Н.* Российское государство... С. 47.

³ Там же. С. 46.

⁴ Там же. С. 47–48.

XVII века. В нем читаем: «А как он (Адашев. – И.Ф.) был во времени, и в те поры Руская земля была в великой тишине и в благоденстве и управе. А кому откажет, тот вдругорядь не бей челом: а кой боярин челобитной волочит, тому боярину не пробудет без кручины от государя; а кому молвит хомуткою, тот больше того не бей челом, то бысть в тюрьме или сослану».¹

Еще В.О.Ключевский, произведя разбор рассказа, содержащегося в Хрущовской Степенной книге, высказал осторожное предположение, по которому Грозный вместе с поручением Адашеву «челобитные приимати» учредил и специальное ведомство по их приему – Челобитный приказ. «Вероятно, тогда, – говорил он, – учрежден был Челобитный приказ, т.е. Комиссия прошений, на высочайшее имя приносимых, и Адашев был назначен начальником этого нового приказа».² Современный историк С.О.Шмидт, опиравшийся в исследовании вопроса на известия Хрущовской Степенной книги и Пискаревский летописец, поначалу тоже проявлял некоторую гипотетичность, замечая в одной из своих ранних статей, что «Челобитенный приказ был организован, вероятнее всего, после так называемого “собора” весны 1549 г., и руководство им сразу же было передано А.Ф.Адашеву».³ Затем С.О. Шмидт сменил предположительный тон на уверенный: «С деятельностью собора 1549 г. можно связывать и начало деятельности Челобитного (или Челобитенного) приказа (руководителем которого стал А.Ф.Адашев)».⁴ Впрочем, абзацем ниже автор под организацией Челобитного приказа подразумевает «уточнение порядка приема и рассмотрения челобитных».⁵

Ученые по-разному отнеслись к построениям С.О.Шмидта: одни согласились с ними, другие их отвергли. Так, А.А.Зимин говорил: «В связи с тем, что в феврале 1549 г. решено было “давать суд”, если “дети боярские и христиане” обратятся с челобитием (“учнут бити челом”) на бояр, казначеев и дворецких, как установил С.О.Шмидт, создается особая Челобитная изба, которой ведал Алексей Адашев и, возможно, Сильвестр».⁶ И.И.Смирнов, напротив, усомнился в правомерности суждений С.О.Шмидта. Подробно рассмотрев его аргументацию, он заключил, что у нас нет «оснований гово-

¹ ПСРЛ. Т. 34. С. 181.

² Ключевский В.О. Сочинения: В 9-ти томах. Т. II. С. 351.

³ Шмидт С.О. Россия Ивана Грозного. С. 69. См. также: Шмидт С.О. Челобитенный приказ в середине XVI столетия // Изв. АН СССР. Серия истории и философии. Т. VII. № 5. 1950. С. 445–458.

⁴ Шмидт С.О. 1) Становление российского самодержавства... С. 154; 2) У истоков российского абсолютизма... С. 178

⁵ Шмидт С.О. 1) Становление российского самодержавия... С.155; 2) У истоков российского абсолютизма... С. 178.

⁶ Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного... С. 326. Ранее о Сильвестре как сотруднике Адашева по челобитным делам А.А.Зимин говорил не в предположительном, а в уверенном тоне: «Адашев и Сильвестр уже в 1549 г. фактически возглавляли Челобитную избу, куда поступали жалобы на злоупотребления вельмож и предложения о путях дальнейших реформ». – Зимин А.А. И.С.Пересветов и его современники... С. 45. См. также: Зимин А.А., Хорошкевич А.Л. Россия времени Ивана Грозного. С. 50.

речь о существовании в 1550 г. Челобитного приказа, возглавляемого А.Ф.Адашевым». ¹ Критику взглядов С.О.Шмидта продолжил А.И.Филюшкин. Он писал: «Согласно точки зрения С.О.Шмидта, в 1549 г. Алексей Федорович [Адашев] был поставлен во главе Челобитного приказа. Однако первое упоминание Челобитной избы относится к 1569 г. (в описи царского архива). Нам неизвестно ни одной челобитной или подобного документа, адресованного А.Ф.Адашеву как главе Челобитного приказа. Ни одна грамота XVI в. не упоминает его в этой должности. О разборе Адашевым жалоб в общих фразах упоминают два памятника середины и второй половины XVII в. – Пискаревский летописец и вставка в Хрущовскую Степенную книгу (по всей видимости, являющаяся поздней подделкой). На наш взгляд, этих свидетельств явно недостаточно, чтобы с уверенностью считать А.Ф.Адашева главой Челобитного приказа в 1549 г.». ² Эти свидетельства не то что недостаточны, а вовсе непригодны для обоснования того, в чем хочет убедить нас С.О.Шмидт.

Во-первых, ни Хрущовская Степенная книга, ни Пискаревский летописец о Челобитном приказе ничего не говорят. ³ Из сообщений этих источников можно заключить лишь о том, что А.Адашев принимал челобитные, но не больше. В каком качестве он это делал (главы ли Челобитного приказа или важной правительственной персоны), сказать нельзя. И когда мы изображаем его в роли руководителя учрежденного якобы в 1549 году Челобитного приказа, мы привносим в источник вымышленные нами обстоятельства, переплавляя собственные домыслы в исторический факт. Но подобная источниковедческая «алхимия» серьезному исследователю противопоказана. И очень жаль, что ее «искусству» у нас порой обучают студентов. Например, в одном учебном пособии, говорящем о подделках исторических источников, утверждается, будто в речи Грозного на Лобном месте «прямо указывалось на организацию особого учреждения во главе с А.Ф.Адашевым для рассмотрения челобитных, т.е. о Челобитенном приказе...». ⁴

Во-вторых (и это весьма существенно), Хрущовская Степенная книга и Пискаревский летописец повествуют о разных вещах. Летописец обозревает государственную деятельность Адашева в целом и на протяжении длительного периода, когда он был «во времени», т.е. временщиком, и «Русская земля была в великой тишине и во благоденстве и управе». Автор Летописца попутно охарактеризовал стиль обращения Алексея Адашева с челобитчиками и теми, кто по роду своих занятий имел дело с челобитными. Именно

¹ Смирнов И.И. Очерки... С. 226.

² Филюшкин А.И. История одной мистификации... С. 286. В другом месте своей книги автор выражается жестче, заявляя, что не может «согласиться с концепцией С.О.Шмидта, в ее пользу просто не существует документальных подтверждений. Челобитный приказ во главе с Адашевым – исторический миф». – Там же. С. 255.

³ Ср.: Тихомиров М.Н. Российское государство... С. 46.

⁴ Козлов В.П. Тайны фальсификации. Анализ подделок исторических источников XVIII–XIX веков. Пособие для студентов высших учебных заведений. М., 1994. С. 14.

на этом составитель Летописца поставил акцент, а не на том, существовал ли Челобитный приказ и являлся ли временщик главой данного приказа.

Об ином рассказывает Хрущовская Степенная книга, концентрируя внимание на индивидуальном поручении Ивана IV своему доверенному человеку «Алексию» принимать челобитные и приносить ему истину с рассмотрением, т.е. с выработанным мнением. Разумеется, из данного поручения (кстати, сделанного, по-видимому, публично при стечении народа у Лобного места¹) со временем мог образоваться Челобитный приказ, но это – уже другой вопрос. На момент же самого поручения у нас нет никаких оснований говорить об учреждении специального челобитного ведомства, или приказа. Мы не думаем, подобно С.О.Шмидту, что, поручив Адашеву принимать челобитные, государь «сам почти совсем устранился от приема челобитных на свое имя». ² С.О.Шмидт ссылается на «память» царя Ивана от 1582 года игуменье Суздальского Покровского монастыря с выговором за то, что «подал грамоту нам слуга ваш Андрей Белин невежливо. И вы б вперед к нам слуг с грамотами о таких делах не посылали, а велели отдавати нашим ближним людям, а оне их до нас донесут». ³ Перед нами документ более позднего времени сравнительно с эпохой «собора примирения». К этому времени характер правления Ивана IV заметно изменился. Переменился и сам государь, вынужденный обстоятельствами совершить немало такого, что с точки зрения современного человека является излишней и непростительной жестокостью. Отсюда и отстранение Грозного, испытывающего недоверие к людям, от непосредственного приема челобитных. Но тогда, на заре царствования, он многое воспринимал в розовом свете, уверовав, что должен и может управлять подданными посредством правды, мира, согласия и любви. Именно этим объясняется его желание отправлять суд лично, что засвидетельствовано в Хрущовской Степенной книге: «И оттоле нача и сам судити многие суды и разыскивати праведно».

Итак, если говорить о «прощенно-покаянно-примирительном выступлении царя Ивана» (Б.А.Романов), то его необходимо, по нашему мнению, относить к речи государя перед народом с Лобного места 24 февраля 1549 года. Дальнейшие соборные заседания в царских палатах Кремля, решения, принятые там, являлись следствием этого великого общенародного (всесословного) события, которое с полным правом можно считать не только началом нового периода правления Ивана IV, но и началом новой эпохи в истории России. Даже Н.И.Костомаров, весьма недружелюбно относившийся к личности Ивана Грозного, вынужден был сказать о народном собрании на Красной площади, что это «явление было новое в истории», представляющее собой «блестящую картину народа, собранного на площади, и образ царя по-

¹ См.: Шмидт С.О. 1) Становление российского самодержавства... С. 155; 2) У истоков российского абсолютизма... С. 178.

² Шмидт С.О. Россия Ивана Грозного. С. 70.

³ Там же. См. также: Катаев И., Кабанов А. Описание актов собрания графа Уварова. М., 1905, № 56. С. 63–64.

среди этого народа». ¹ Принципы самодержавной власти, обозначенные Иваном Грозным, не исчезнут и сохраняются в том или ином виде вплоть до крушения в 1917 году русского православного царства. Главным в них был, по выражению С.Ф.Платонова, «моральный элемент» (точнее было бы сказать: религиозно-моральный элемент), а также то, что власть впервые выступила «пред народом с ярко выраженными чертами гуманности, с заботой об общем благоденствии». ² Происходившее тогда в Москве представлялось В.О.Ключевскому «каким-то небывалым в европейской истории актом все-народного покаяния царя и боярского правительства в их политических грехах. Умиротворение народа и самого царя, встревоженных внешними и внутренними бедами, было, очевидно, важнейшим нравственным элементом, объясняющим цель и значение первого земского собора». ³

Во всем этом нельзя усматривать проявление случайности. Здесь отразилась особенность русской монархии как монархии православной, прочными узами связанной с апостольской церковью, проповедовавшей своим чадам всепрощение, мир, согласие и любовь. Случайным было только то, что на царском троне в ту пору оказался впечатлительный, эмоциональный молодой человек, склонный к крайностям, но незаурядный по своим способностям. Можно даже сказать, что это был великий человек, созерцающий, как и всякий великий представитель рода людского, две бездны, имя которым добро и зло. И это хорошо, ибо в том, быть может, особое благоволение Божье: «Да благословит тебя благоволениями небесными свыше, благословениями бездны, лежащей долу» (Быт.,49:25). Молодой Иван начинал царствовать добром. То был его сознательный и твердый выбор, а не смутное настроение минуты, готовое улечься, едва возникнув. Устойчивость намерений юного царя подтверждается документально.

* * *

Прошло два года с памятных событий февраля 1549 года, и царь Иван снова вспоминает о них перед митрополитом и другими святителями. Он вспоминает, как просил прощения у Освященного собора, «еже зле содеях», как получил это прощение: «И Божия ради великия милости получиши от вас мир и благословение, и прощение о всем, еже содеях зле». ⁴ Затем Грозный сказал: «Тогда же убо и аз всем своим князем и бояром, по вашему благословению, а по их обещанию на благотворение подах прощение в их к себе прегрешениях. И по вашему благому совету Богу помогающе нам, начях вкупе устроить и управляти Богом врученное ми царство...». ⁵ Следует заметить, что государь предавался не одним лишь воспоминаниям, а снова проникновенно говорил покаянные речи, утверждался в любви к ближнему.

¹ Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Кн. I. С. 414.

² Платонов С.Ф. Иван Грозный. С. 49.

³ Ключевский В.О. Сочинения: В 9-ти томах. Т. 2. С. 352.

⁴ Емченко Е.Б. Стоглав: Исследование и текст. С. 247.

⁵ Там же.

призывал всех к согласной работе на благо всех. Окинув участников Стоглавого собора светлым взором, Царь Иван вдохновенно сказал им: «Молю вас, святейшии отцы мои, аще обретох благодать пред вами. Утвердите в мя любовь, яко приснаго вам сына и не обленитесь изрещи слова к благочестию единомыслено о православной нашей христианстей вере и о благостоянии святых Божиих церквах, и о нашем благочестивом царствии, и о устроении всего православного христианства. Зело бо желаю и срадуюся и согласую съслужебен с вами быти и вере поборник въ славу Святыя и животворяща, и неразделныя Троица Отца и Сына и Святаго Духа, въ хвалу же и славу благочестивыя нашей веры и церковных устав. Тем же и всякому разгласию отныне далече быти повелеваем, всякому же съгласию и единомыслию съдържаться в нас».¹ По Ивану, как видим, православная христианская вера, святая Божья церковь, благочестивое царствие суть священная триада, на которой зиждется устроение православных христиан, живущих в любви, согласии и единомыслии. Эта благодатная симфония священства и царства, удивительная гармония духа народа, хранящего в чистоте Христову веру и боронящему ее от супостата, есть отличительные свойства Святой Руси, где все православные от царя до простого человека призваны споспешествовать друг другу: «И вы, господие, святии святителие, преосвященнейший отец мой Макарий, митрополит всея Руси, и все архиепископы, и епископы, и преподобнии архимандриты, и честнии игумени, и весь освященный събор, и иноцы, и прочии вси Божии молебници, тако же и братиа моя, и вси любимии мои князи и бояре, и воины, и все православное христианство, помагайте ми и способствуйте единомудушно вкупе».²

При сравнении февральских 1549 года обличительных речей царя Ивана, жестко порицавших беззаконие и своеволие бояр, с аналогичными по смыслу его заявлениями на Стоглавом соборе 1551 года обращает внимание более мягкий тон последних. По-видимому, Грозный находился в состоянии какой-то эйфории относительно своих знатных помощников, прилагая к ним чувствительные слова «любимии мои князи и бояре», что, признаться, совершенно не укладывается в привычный образ неистового ненавистника боярства, каковым он предстает в историографии. Надо полагать, что источником подобных сантиментов являлась уверенность Ивана в том, будто после обоюдного покаяния и примирения в 1549 году князя и бояре «вкупе» с ним приступили к устроению и управлению врученного ему Богом царства.³ Но то была иллюзия человека, преисполненного благих помыслов. Впрочем, это не значит, что молодой государь утратил вовсе способность реально смотреть на вещи и замечать «злокозньства» бояр. Он понимал, что бояре, как и все смертные, «не без греха», и потому взывал к ним: «С плачем припадем к человеколюбцу Богу, да отвярзет нам умныя очи наши, и узрим пред собою грехи наша, еже съдеахом zde въ вся дни живота нашего, и молитв ради Пречистыя Богородица и всех святых, длъготръпя, и о нас Господь Бог да обра-

¹ Там же. С. 242.

² Там же. С. 244.

³ Там же. С. 247.

тит ны на истинный путь святых его заповедей, от них же заблудихом душевное и телесное. И еже согрешихом пред Богом и человеки всяким законопреступлением, еже не мощно исписати и человеческим языком изъглаголати съеданная нами вся злая съгрешения и законопреступления грехом юности моя и неведения моего, ныне же, сих всех злых дел възненавидевше, добра и богоугодная дела възлюбим».¹ Следовательно, исправление бояр, согрешивших «законопреступлением» не только перед Богом, но и «пред человеки», целиком в руках Господа, а отнюдь не кесаря, который сам нуждается в духовной и нравственной опоре. И здесь чрезвычайно важна роль духовенства: «Мене, сына своего наказуйте и просвещайте на всяко благочестие, яко же лепо есть благочестивым царем быти во всяких царских праведных законах и во всяком благоверии и чистоте».² Бояр тем паче: «Братию же нашу и всех князей и бояр, и все православное христианство неленостно и тщательно утвержайте и вразумляйте, и просвещайте, и наказуйте, да непорочно съхранять истинный христианский закон».³

Быть может, причиной тому была сама обстановка Стоглавого собора, но на нем со стороны царя не слышно грозных обещаний подвергнуть опале и казни провинившихся бояр, и государь сулит им не царский, а Божий суд. Иван IV в эти годы переживал великий духовный подъем, оставивший в его сознании неизгладимый след. Много позже в первом послании Андрею Курбскому он вспомнит об этом времени со щемящим чувством несбывшейся надежды: «Потом же собором вся архиепископы и епископы и весь освященный собор русския митрополии, и еже убо в юности нашей содеянная, на вас, на бояр наших, наши опалы, та же и от вас, бояр наших, еже нам сопротивное и проступки, сами убо пред отцем своим и богомольцем, перед Макарием, митрополитом всеа Руси, во всем том соборне простихомся; вас же, бояр своих, и всех людей своих в проступках пожаловали и вперед того не воспоминати; и тако убо мы всех вас яко благи начахом держати. Вы же перваго своего лукаваго обычая не остависте, но паки на первая возвратистесь, и паки начасте лукавым советом служить нам, а не истинною, и вся умышлением, а не простотою творити».⁴ Лукавство бояр и людей из ближайшего окружения Иван распознает потом. А пока он верил в искренность их покаяния и готовность помогать ему в управлении подданными согласно христианским законам правды, милосердия и любви.

По предположению Л.В.Черепнина, Грозный в своем послании Курбскому вспоминал именно о соборе 1549 года.⁵ Возможно, историк прав. Но не исключено и то, что царь запечатлел здесь общую картину нескольких взаимных покаяний и прощений, имевших место на протяжении ряда лет после

¹ Там же. С. 244–245.

² Там же. С. 248.

³ Там же.

⁴ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979. С. 30, 79.

⁵ Черепнин Л.В. Земские соборы Русского государства... С. 73–74. Ср. Шмидт С.О. 1) Становление российского самодержавства... С. 143–149; 2) У истоков российского абсолютизма... С. 166–172.

«великого пожара» в Москве 1547 года. Намечая именно такой ход событий, С.О.Шмидт, как уже говорилось, выступил с гипотезой о трех, по меньшей мере, «соборах примирения», состоявшихся до знаменитого Стоглавого собора.¹ Не знаем, как насчет «соборов примирения», но в том, что «прощенно-покаянно-примирительные» встречи царя Ивана с представителями разных сословий Русского государства проводились неоднократно, у нас нет никаких сомнений. Думается, итоговую зарисовку этих встреч дает Степенная книга, где в 9-й главе 17-й степени, посвященной царствованию Ивана Грозного, имеется текст с характерным названием «О покаянии людьстем». Это название весьма красноречиво. Оно говорит о покаянии русских людей в целом, а не отдельных социальных категорий. Иными словами, речь идет о покаянии представителей всех групп свободного населения Руси (от высших до низших). Поэтому процесс покаяния оказался растянутым во времени и многоактным. Вероятно, имели место и повторы покаянных сцен, участниками которых были в основном одни и те же лица. Духовное обновление — дело очень трудное. Оно нуждается в постоянном подкреплении. Однако познакомимся с записью Степенной книги. Она гласит: «О покаянии людьстем. Все же людие умилишася и на покаяние уклонишася от главы и до ногу, яко же сам благочестивый царь, тако же и вельможи его, и до простых людей все сокрушенным сердцем, первая греховные дела возненавидевшее, и все тыщася и обещахуся Богу угодная дела сотворити, елика кому возможна. Милосердный же Бог, видя толикое смирение и сокрушение сердечное и благое произволение людей своих, и тако праведный гнев свой утоли и ярость свою отврати от них и паки благотворением обнови их и благословением благостынным благослови их и милость свою умножи на них и всякая требования и богатства и утвари драгия сугуба дарова им. И по страшном том великом пожаре летом единым святая церковь прекрасна поставлены и освящены, всякия святыня драгия исполнены быша паче древняго и дома царския, и святительския, и вельможеския, и прочих людей устроении быша паче древняго и различная имения их усугубиша и всякого блага исполнишася. Тако же и торговная купля преизобиловала».²

С.О.Шмидт в этом рассказе о людском покаянии отмечает «некоторые реальные исторические моменты: к “покаянию” “уклонились” и царь, и вельможи, и “простые люди”. Причем “покаяние” было, видимо, публичным, когда “все” “обещахуся” богоугодные дела “сотворити, елика кому возможно”». Покаяние состоялось «сравнительно скоро после пожара».³ Действительно, то было всенародное покаяние, открывавшее православным христианам путь к новой, богоугодной жизни. Оно могло быть только публичным, поскольку являлось общественным, а не индивидуальным покаянием. Поэтому предположительное слово *видимо*, используемое С.О.Шмидтом,

¹ Шмидт С.О. Становление российского самодержавства... С. 149; 2) У истоков российского абсолютизма... С. 172.

² ПСРЛ. Т. XXI. Ч. 2. С. 638.

³ Шмидт С.О. 1) Становление российского самодержавства... С. 147–148; 2) У истоков российского абсолютизма... С. 171.

здесь излишне. Исследователь, пожалуй, прав, что покаянное собрание имело место вскоре после пожара. Но оно, как отмечалось, было не единственным. Это тонко почувствовал и сам С.О.Шмидт, допустивший возможность того, что «во второй половине 1547 года имело место несколько сцен публичного “покаяния” царя и москвичей».¹ Мы только не стали бы привязывать названные сцены лишь ко второй половине 1547 года. Они могли быть растянуты во времени и, скорее всего, были растянуты на более длительный срок. Ведь покаяние в христианской религии есть процесс, а не отдельный акт. На наш взгляд, Русь в начале царствования Ивана IV пережила целый покаянный период, продолжавшийся от 1547 до 1551 года (Стоглавый собор), а быть может, – даже до 1553 года, когда в отношениях русского самодержца с ближайшим окружением возник первый глубокий разлом, когда он впервые основательно задумался по поводу своих любимцев: на самом ли деле они – те люди, за которых выдают себя. Согласившись с этим предположением, мы должны будем в очередной раз признать, что всенародное покаяние на Руси середины XVI века было не единичным и единовременным, а многоразовым и разновременным соответственно практике христианского покаяния, принятой православной церковью.²

Покаяние народа во главе со своим властителем, преследующее цель духовного очищения и устроения жизни на предписанных Богом началах, – явление небывалое в отечественной и мировой истории. Едва ли подлежит сомнению, что это – символическое, знаковое явление, сопряженное с рождением Святой Руси, отличающейся органическим единством Священства и Царства. Смысл символа и знака, как думается нам, заключен в богоизбранности России и русского народа, в их особом предназначении в истории человечества.

Царь Иван, олицетворявший русский народ, в полной мере отвечал судьбоносному для страны моменту. Он предстает пред нами не испорченным юношей, как часто изображают его историки, подражая Андрею Курбскому,³ а преображенным благочестивым мужем, жаждущим духовного подвиги-

¹ Шмидт С.О. 1) Становление российского самодержавства... С. 150; 2) У истоков российского абсолютизма... С. 173.

² Тем самым мы признаем реальность разных собраний царя и подданных с одинаковой целью и, выражаясь современным языком, повесткой дня, что выше разумения некоторых современных историков, в том числе весьма почтенных. «Маловероятно, – говорит Л.В.Черепнин, – предположение, что Грозный в речи, изложенной в Стоглаве, вспоминал не собор 1549 г., а какой-то иной, ибо тогда пришлось бы предположить, что на протяжении 1549–1551 гг. было три собора, причем два первых с одинаковой программой. Зачем же было обращаться дважды к вопросу о боярских засильях (вернее, о системе боярских засилий), причем разбирать этот вопрос в одинаковых процедурных формах?». – Черепнин Л.В. Земские соборы Русского государства... С. 71.

³ Курбский представил Ивана как «царя юнаго, и во злострастях и в самоволствии без отца воспитанного, и преизлище прелютого, крови уже напившагося всякие, не токмо всех животных, но и человеческия». – Библиотека литературы Древней Руси. Т. 11. XVI век. С. 318.

га. И Бог снизошел в благодати своей. Мы знаем, что тогда Русь, по свидетельству одной летописи, «была в великой тишине и во благоденстве и в управе». Мы также знаем, что составитель этой летописи заслугу процветания Руси приписал Алексею Адашеву, совершив явную несправедливость по отношению к Ивану Грозному. Точно так же поступают и современные авторы, ставя в заслугу религиозно-нравственное обновление Грозного, выразившееся в покаянии, кому угодно, но только не самому государю. Например, С.О.Шмидт говорит: «Вероятнее всего, именно Сильвестр, приобретший особое влияние на 17-летнего царя Ивана, вместе с Макарием и побудил его к публичному покаянию. Опытные политические демагоги Макарий и Сильвестр правильно рассчитывали, что такое публичное покаяние сможет способствовать некоторому успокоению москвичей, лишенных крова, утративших имущество, обезумевших от потери близких людей».¹ До тех пор, пока мы в покаянии самодержца будем видеть социальную и политическую демагогию,² а в самом самодержце незрелого и лишенного малейшей самостоятельности юношу, целиком зависимого от своих наставников,³ мы толком ничего не поймем в истории Руси середины XVI века. Это, конечно, не значит, что Иван был не подвержен влиянию близких ему людей. Но их влияние становилось по-настоящему действенным, когда предлагаемые ими рекомендации отвечали его убеждениям. Можно согласиться с тем, что Макарий и Сильвестр своими советами способствовали публичному покаянию царя. Однако истинным побуждением к этому явилось внутреннее, душевное состояние государя, волей Божией прозревшего, познавшего грехи свои и народа своего и возгоревшего желанием очиститься от них. Да и целевые установки митрополита и благовещенского попа, по нашему глубокому убеждению, расходились. Митрополит, как явствует из его деятельности, стремился к созиданию величия Руси, незыблемости апостольской церкви и торжеству православной веры, к созиданию «истинного христианского самодержавства», «Святोरусского царства», или Святой Руси. Сильвестр же шел во власть, чтобы воспрепятствовать тому, что так успешно начали строить Иван и Макарий. Он принадлежал к числу противников самодержавия, приступивших к тайной войне против монарха, особенно после его венчания на царство. Эти люди осложняли обстановку, устраивая в Москве пожары. Воспользовавшись людскими бедами, причиненными этими пожарами, они искусно волновали народ, поднимая его против высшей власти. Посред-

¹ Шмидт С.О. 1) Становление российского самодержавства... С. 150; 2) У истоков российского абсолютизма... С. 173.

² Этот взгляд получил широкое распространение в современной исторической литературе. — См., напр.: Смирнов И.И. Очерки... С. 295–296; Черепнин Л.В. Земские соборы и утверждение абсолютизма в России // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.). М., 1964. С. 95; Носов Н.Е. Становление сословно-представительных учреждений в России... С. 47.

³ По Н.И.Костомарову, именно эти наставники, правившие именем царя, созвали «собор примирения». — См.: Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Кн. I. С. 414.

ством назлектризованной лживыми слухами народной массы им удалось убрать с политической сцены Глинских и расчистить путь к власти Сильвестру и Алексею Адашеву. Воспользовавшись покаянным настроением царя Ивана, сопряженным с душевной открытостью, его желанием собрать вокруг себя помощников на ниве новой жизни, Сильвестр и Адашев сосредоточили в своих руках огромную власть. Несколько замечаний о каждом из них. Начнем с иерея Сильвестра.

* * *

И.И.Смирнов, изучая деятельность Сильвестра, обратил внимание на общую незначительность количества сведений о нем, отложившихся в письменных памятниках.¹ «При наличии, – говорил он, – вполне определенных и категорических характеристик и оценок Сильвестра как политика и государственного деятеля, содержащихся в публицистических произведениях, и явно тенденциозных, в источниках сохранилось очень мало данных объективного порядка, относящихся к деятельности Сильвестра-политика и могущих лечь в основу решения вопроса о том, какова же в действительности была роль Сильвестра в правительстве Русского государства в 50-х годах XVI века».² «В сущности, – продолжал историк, – твердо засвидетельствованным в источниках является одно лишь новгородское происхождение Сильвестра – то, что он был родом из Новгорода».³ Все остальное покрыто туманом, а потому познается с большим трудом и нередко на предположительной основе. Надо заметить, что И.И.Смирнов не только указывает на бедность сведений о Сильвестре, но и делает из этого факта далеко идущие выводы. Скудость известий о Сильвестре расценивалась им в качестве свидетельства достаточно скромной роли благовещенского протопопа в правительственных сферах Руси середины XVI века. «Слишком уж мало для “всемогущего” правителя государства отложилось в источниках следов его деятельности», – писал исследователь.⁴ Однако малое количество сведений о Сильвестре само по себе не решает проблемы столь однозначно. Ведь Сильвестр был неформальным лидером, обладавшим большой властью. Поэтому он часто, по-видимому, действовал не лично, а через своих посредников. А если к этому добавить предположение о том, что протопоп скрывал свои истинные цели, что они, следовательно, имели тайный характер, то станет понятным, почему так мало «отложилось в источниках следов его деятельности», принимавшей зачастую конспиративный характер. Отсюда трудности ее изучения, а также расхождения ученых по, казалось бы, элементарным вопросам. Нет, в частности, единства среди исследователей относительно обстоятельств и времени появления Сильвестра при дворе Ивана Грозного.

¹ Смирнов И.И. Очерки... С. 250.

² Там же. С. 231.

³ Там же. С. 254. См. также: Зимин А.А. И.С.Пересветов и его современники... С. 42.

⁴ Смирнов И.И. Очерки... С. 250.

Еще князь А.Курбский изображал дело так, будто Сильвестр возник пред государем чудесным образом по милости Божьей после пожара и народного бунта в Москве летом 1547 года: «Бысть возмущение великое всему народу... И в то время дивне некак Бог руку помощи подал отдохнуть земле христианской образом сим. Тогда убо, тогда, глаголю, приде к нему един муж, презвитер чином, именем Селивестр, пришлец от Новаграда Великаго, претяще ему от Бога Священными Писанми и срозе заклинающе его страшным Божиим именем; еще ктому и чудеса и аки бы явление от Бога поведаяюще ему – не вем, аще истинные, або так ужасновения пушающе, буйства его ради и для детских неистовых его нравов умыслил был себе сие... и он блаженный, лстец истиннъ, умыслил, яко и последовало дело, иже душу его от прокаженных ран исцелил и очистил был и развращенный ум исправил, тем и оным наставляюще на стезю правую».¹

Рассказ Курбского давно побудил некоторых исследователей, в частности митрополита Евгения, датировать прибытие Сильвестра в Москву и ко двору временем после летнего пожара 1547 года.² Историков же, обладавших талантом словесной живописи, он вдохновил на красочное описание явления Сильвестра царю Ивану.

Вслед за Курбским сцену неожиданного появления Сильвестра перед Иваном IV в образе пламенного проповедника и сурового обличителя пороков молодого царя изобразил Н.М.Карамзин: «В сие ужасное время, когда юный Царь трепетал в Воробьевском дворце своем, а добродетельная Анастасия молилась, явился какой-то удивительный муж, именем Сильвестр, саном Иерей, родом из Новагорода; приблизился к Иоанну с поднятым, угрожающим перстом, с видом Пророка, и гласом убедительным возвестил ему, что суд Божий гремит над главою Царя легкомысленного и злострасного; что огонь Небесный испепелил Москву; что сила Вышняя волнует народ и лиет фиал гнева в сердца людей. Раскрыв Святое писание, сей муж указал Иоанну правила, данные Вседержителем сонму Царей земных; заклинал его быть ревностным исполнителем сих уставов; представил ему даже какие-то страшные видения, потряс душу и сердце, овладел воображением, умом юноши, и произвел чудо: Иоанн сделался иным человеком; обливаясь слезами раскаяния, простер десницу к наставнику вдохновенному; требовал от него силы быть добродетельным – и приял оную. Смиранный Иерей, не требуя ни высокого имени, ни чести, ни богатства, стал у трона, чтобы утверждать, ободрять юнаго Венценосца на пути исправления...».³ Трудно было устоять перед завораживающим слогом Н.М.Карамзина, но Д.П.Голохвас-

¹ Библиотека литературы Древней Руси. Т. 11. XVI век. С. 316.

² Евгений (Болховитинов). Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина Греко-Российской церкви. Т. II. СПб., 1827. С. 201. Митрополит Евгений полагал, что Сильвестра вызвал в Москву из Новгорода первосвященник Макарий, «яко мужа примерного благочестия и добродетелей, для собеседований и наставлений юному Царю».

³ Карамзин Н.М. История Государства Российского. Кн. II. Т. VIII. М., 1989. Стб. 62–63.

тов устоял. Он говорил: «Прекрасная картина, где Карамзин изобразил нам Сильвестра являющимся перед Иоанном во время самого Московского пожара, с поднятым, угрожающим перстом, с видом Пророка, частью взята из Курбского, очень усилена в колорите и едва ли исторически верна. Мнение Преосвященного Митрополита Евгения, что Сильвестр в 1547 году вызван был Московским Митрополитом Макарием в Москву, простее ее и, кажется, ближе к истине».¹ И все же яркий рассказ Н.М.Карамзина пленил, по словам С.О.Шмидта, «последующие поколения и неоднократно повторялся в трудах историков и литературоведов».² Приведем лишь один, на наш взгляд, наиболее характерный пример, связанный с Н.И.Костомаровым, наделенным от природы, хотя и в меньшей мере, чем Н.М.Карамзин, даром красноречия и художественного восприятия истории.

Н.И.Костомаров, словно соревнуясь с Н.М.Карамзиным в изяществе и красоте слога, говорил: «Тут явился перед ним (Иваном. – *И.Ф.*) человек в священнической одежде, по имени Сильвестр. Нам неизвестна прежняя жизнь этого человека. Говорят только, что он был пришлец из Новагорода Великого. В его речи было что-то потрясающее. Он представил царю печальное положение Московской земли, указывал, что причиною всех несчастий пороки царя: небесная кара уже висела над Иваном Васильевичем в образе народного бунта. В довершение всего Сильвестр поразил малодушного Ивана какими-то чудесами и знамениями... Царь начал каяться, плакал и дал обещание с этих пор во всем слушаться своего наставника».³

Такое появление Сильвестра пред ликом царя, стремительное и эффектное, возбуждало больше воображение, нежели мысль,⁴ вызывая у критически настроенных исследователей сомнения относительно его достоверности. С.Ф.Платонов, к примеру, отмечал, что Н.М.Карамзин, воспользовавшись рассказом Курбского, «понял начальное в нем слово “прииде” в том смысле, что Сильвестр внезапно откуда-то проник к царю, не будучи ему ранее известен».⁵ Однако, по словам С.Ф.Платонова, «чуда никакого не было, как не было и внезапного появления Сильвестра, столь “усиленного в колорите” (по выражению Д.П.Голохвастова) красноречивым историком. Известно, что Сильвестр был в Москве задолго до событий 1547 года; он прибыл туда,

¹ Голохвастов Д.П. и Леонид. Благовещенский иерей Сильвестр и его писания. М., 1874. С. 9–10. Архимандрит Леонид, завершивший неоконченное исследование Д.П. Голохвастова, допускал возможность прибытия в Москву Сильвестра во время переезда в столицу Макария или по его вызову, но не ранее 1543 года. – Там же. С. 11.

² Шмидт С.О. К изучению «Истории» князя Курбского (О поучении попа Сильвестра) // Славяне и Русь. М., 1968. С. 374.

³ Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Кн. I. С. 412–413.

⁴ «Фигура Сильвестра окутана тайной – он появляется как Феникс из пепла великого московского пожара», – говорит загадочно и непонятно новейший исследователь. – Шапошник В.В. Иван Грозный: Первый русский царь. СПб., 2006. С. 81–82.

⁵ Платонов С.Ф. Иван Грозный. М., 1998. С. 42.

вероятно, в 1542 году вместе с его патроном митрополитом Макарием».¹ Надо сказать, что здесь С.Ф.Платонов не был первооткрывателем. Мысль о возможности приезда Сильвестра из Новгорода в Москву вместе с Макарием была высказана ранее архимандритом Леонидом.² Она воспроизводилась и после С.Ф.Платонова в трудах как советских, так и постсоветских историков. Ее высказывал И.И.Смирнов, полагавший, что «наиболее вероятным будет связать появление Сильвестра в Москве с занятием митрополичьей кафедры Макарием, привезшим его с собой в Москву в числе других сотрудников».³ К ней склоняется сегодня и А.И.Филюшкин, допускающий возможность приезда Сильвестра в Москву вместе с Макарием в 1542 году.⁴ Историк оспорил достоверность рассказа Курбского о нравоучении Сильвестра, преподанном царю Ивану. «Роль Сильвестра как утешителя царя в 1547 г., — пишет А.И.Филюшкин, — была вымышлена А.Курбским. За этим лубочным образом скрывается конкретная историческая фигура — митрополит Макарий».⁵ Зачем понадобился Курбскому подобный маскарад, автор толком не объясняет. Но он вступает в полемику с С.О.Шмидтом, который полагал, что Сильвестр читал мораль Ивану, когда государь после «великого пожара» приехал навестить больного митрополита Макария в Новинский монастырь. Но это — всего лишь догадка С.О.Шмидта,⁶ причем весьма зыбкая, хотя бы потому, что она не соответствует последовательности событий, представленной в рассказе Курбского, где Сильвестр поучает Грозного после убийства Юрия Глинского рассвирепевшей толпой 26 июня 1547 года («на пятый день после великого пожару»), тогда как посещение царем Макария в Но-

¹ Там же. С.43.

² См.: Голохвастов Д.П. и Леонид. Благовещенский иерей Сильвестр... С. 11.

³ Смирнов И.И. Очерки... С. 255.

⁴ Филюшкин А.И. История одной мистификации... С. 310. См. также: Шапошник В.В. Иван Грозный... С. 82–83.

⁵ Там же. С.3 10–311. См. также: Филюшкин А.И. Бунт и пожар 1547 года: Сильвестр или Макарий // Нестор. Альманах. Вып. 2. Воронеж, 1993. С. 49–54.

⁶ «Очень вероятно, — пишет С.О.Шмидт, — что поучал царя не столько старик Макарий (вряд ли достаточно оправившийся после падения с кремлевской стены во время пожара), сколько Сильвестр, конечно, известный Ивану IV как священник придворного Благовещенского собора. Это и запечатлено в первом послании царя Курбскому и в «Истории» Курбского. Сильвестр, беспощадный в своих обличениях, мог оказать сильное воздействие на предрасположенного к психическим недугам, болезненно впечатлительного и суеверного юношу Ивана IV... Не исключено, что проповедь Сильвестра была публичной и что это способствовало росту влияния Сильвестра на окружающих царя» (Шмидт С.О. К изучению «Истории» князя Курбского... С. 370). Предрасположенность «к психическим недугам», болезненная впечатлительность и суеверность — аттестации явно избыточные и по существу несправедливые. Поэтому, надо думать, что в последующих своих работах С.О.Шмидт несколько смягчил их, представив юного Ивана в качестве «впечатлительного и нервного человека», но расстаться с догадкой о поучении царя Сильвестром не пожелал. — См.: Шмидт С.О. 1) Становление российского самодержавства... С. 87; 2) У истоков российского абсолютизма... С. 93.

винском монастыре имело место 23 июня («после пожару на 2 день»). Значит, знаменитое общение Сильвестра с Иваном IV, засвидетельствованное в «Истории» Курбского, состоялось в другое время и в ином месте, нежели встреча царя с митрополитом в Новинском монастыре. Однако А.И.Филюшкин подвергает критическому рассмотрению именно шаткое предположение С.О.Шмидта и из этого мифического предположения извлекает реальный факт – не Сильвестр, а Макарий произносил “душеспасительные” речи в адрес царя Ивана.

Существует более ранняя датировка появления Сильвестра при дворе. Еще С.М.Соловьев, анализируя упомянутое выше сообщение князя Курбского, замечал: «Из слов Курбского мы не имеем никакого права заключать, что Сильвестр явился только тут внезапно пред Иоанном, не будучи вовсе известен ему прежде. По всем вероятностям, Сильвестр уже давно переселился из Новгорода в Москву и был одним из священников придворного Благовещенского собора, по этому самому был давно на глазах Иоанна, обратил на себя его внимание своими достоинствами, но теперь его внушение, его влияние получили большую силу. Царственная книга говорит, что Сильвестр был очень дружен с удельным князем Владимиром Андреевичем и его матерью, что по его старанию они были выпущены из заключения – свидетельство чрезвычайно важное, ибо мы знаем, что князь Владимир Андреевич был заключен вместе с отцом и освобожден из заключения во время правления князя Бельского и митрополита Иоасафа; о вторичном заключении его мы не находим нигде известия. Следовательно, не допуская невероятного предположения, что все летописцы, говоря об опалах и казнях боярских, пропустили известие о заключении двоюродного брата царского, и принимая, что Царственная книга говорит о единственном освобождении князя Владимира при Бельском, мы должны заключить, что Сильвестр уже тогда имел важное значение». ¹ Известие же Царственной книги звучит так: «Бысть же сей Селиверст советен и в велицей любви бысть у князя Владимира Андреевича и у матери его княгини Ефросинии, его бо промыслом и из нятства выпущены». ²

С.В.Бахрушин, подобно С.М.Соловьеву, с доверием относился к данному известию Царственной книги. «В правление князя И.Ф.Бельского, – писал он, – его (Сильвестра. – И.Ф.) “промыслом” княгиня и ее сын (Старицкие. – И.Ф.)... из “нятства” выпущены». ³

А.А.Зимину оно также показалось «вполне правдоподобным». «Связь Сильвестра с Владимиром Старицким, – говорит он, – представляется весьма вероятной: еще в 1537 г. среди зажиточных новгородцев были сторонники князя Андрея Старицкого. Новгородец Сильвестр поддерживал инициативу митрополита Иоасафа, ходатайствовавшего за сына князя Андрея. Сын Сильвестра Анфим в 50-х годах XVI в. был близок к дворецкому князя Владимира Старицкого – кн. Ю.А.Оболенскому, которого он снабжал драгоцен-

¹ Соловьев С.М. Сочинения: В 18-ти книгах. Кн. III. С. 422–423.

² ПСРЛ. Т. XIII, Продолжение. С. 524.

³ Бахрушин С.В. Научные труды. Т. II. С. 350.

ными тканями. В 50-е годы XVI в. Сильвестр был связан с нестяжательскими кругами, к которым принадлежал Иоасаф, а не с осифлянским лагерем Макария. Очевидно, близостью к Иоасафу объясняется выбор Сильвестра в состав депутации, ездившей к нему во время Стоглава. Таким образом, сведение Царственной книги о печаловании Сильвестра за Владимира Старицкого в 1540 г. представляется вполне правдоподобным. А отсюда можно связывать переезд Сильвестра в Москву с возвышением Шуйских, происшедшим после падения правительства Елены Глинской, т.е. относить его к самому концу 30-х годов XVI в.»¹

Построения А.А.Зимины оспорил А.Н.Гробовский, который при этом затруднился сказать, когда Сильвестр появился в Москве. «Несколько легче, – продолжал исследователь, – ответить на вопрос, когда он мог обратить на себя внимание царя».² По мнению Гробовского, «можно смело предположить, что священник был замечен царем в некое время между пожаром 1547 года и годом 1551-м, когда Артемий был назначен на пост игумена Троице-Сергиева монастыря, в чем Сильвестр сыграл некоторую роль».³

Зато С.Б.Веселовский, в отличие от А.Н.Гробовского, не испытывал каких-либо затруднений в определении времени прибытия Сильвестра в Москву, полагая, что это случилось не ранее 1547 года.⁴

Д.Н.Альшицу временным ориентиром появления Сильвестра при царском дворе послужило пострижение в монахи духовника Ивана Грозного благовещенского протопопа Федора Бармина, имевшее место в самом начале января 1548 года.⁵ Уход Бармина в монастырь, по мнению Д.Н.Альшица, был обусловлен «передачей обязанности царского духовника другому лицу – именно Сильвестру, тоже Благовещенскому священнику, как раз в тот момент появившемуся около царя и начавшему оказывать свое сильное и длительное влияние на Грозного».⁶ Однако здесь есть свои сложности. Дело в том, что Сильвестр формально не являлся духовником царя Ивана, как не был он и протопопом кремлевского Благовещенского собора.⁷ Федора Бармина на этом поприще сменил священник Яков (1548–1549), а Якова – Андрей (1550–1562), ставший впоследствии митрополитом Афанасием. «Эти данные, – считает А.И.Филюшкин, – опровергают точку зрения Д.Н.Альшица, утверждавшего, что пострижение в монахи Ф.Бармина было вызвано

¹ Зимин А.А. И.С.Пересветов и его современники... С. 44.

² Гробовский А.Н. Иван Грозный и Сильвестр (История одного мифа). Лондон, 1987. С. 12.

³ Там же. С. 15.

⁴ Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. С. 283.

⁵ См.: ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 458.

⁶ Альшиц Д.Н. Источники и характер редакционной работы Ивана Грозного над историей своего царствования // Труды Государственной публичной библиотеки им. М.Е.Салтыкова-Щедрина. Т. I (IV). Л., 1957. С. 139

⁷ См.: Голохвастов Д.П. и Леонид. Благовещенский иерей Сильвестр... С. 15; Розов Н.Н. Библиотека Сильвестра (XVI век) // Исследования источников по истории русского языка и письменности. М., 1966. С. 192; Филюшкин А.И. История одной мистификации... С. 316.

именно заменой его на посту государева духовника Сильвестром».¹ Историк, однако, не решается полностью отрицать роль Сильвестра как царского духовника. «Видимо, — говорит он, — неофициальная роль Сильвестра была близка к положению царского духовника».² А.И.Филюшкин при этом ссылается на обнаруженное И.В.Курукиным иностранное свидетельство о том, что сыновья бургомистра Нарвы Иоакима Крумхаузена, говоря о торговых делах в России своего родителя, упоминали и Сильвестра, называя его «духовным отцом царя» (Beichfater).³ Следовательно, при оценке деятельности Сильвестра необходимо различать официальную (формальную) и неофициальную (неформальную) ее стороны. Последняя по сравнению с первой, как явствует из духовного окормления Сильвестром царя Ивана, была безмерно важнее, поскольку именно ею, прежде всего, определяется значение «попанежежи» в качестве политического и государственного деятеля в истории Руси середины XVI века. Этот принцип, на наш взгляд, должен быть ключевым при изучении вопроса о степени придворного влияния Сильвестра той поры. Но об этом подробнее ниже. А сейчас суммируем историографические данные, приведенные выше.

Итак, в исторической литературе высказываются разные суждения относительно момента появления Сильвестра в Москве при государевом дворе. Одни исследователи относили это важное событие в жизни новгородца Сильвестра к концу 30-х годов XVI столетия, другие — к 1542 году, связывая его с назначением Макария митрополитом, который якобы взял Сильвестра с собой в Москву из Новгорода, третьи — к 1547 году, рассматривая его появление перед Иваном IV на фоне «великого пожара» и народного бунта в Москве, четвертые, наконец, — ко времени после 1547 года. Такая разногласия мнений есть следствие чрезвычайной скудости источников на сей счет.

Современный историк располагает двумя, собственно, свидетельствами о пребывании Сильвестра при дворе до 1547 года. Одно из них содержится во вкладной записи Троице-Сергиеву монастырю, где читаем: «Лета 7054 дал в дом Святых Живоначальной Троицы во Александрову пустыню святую сию книгу благовещенский поп Селивестр и сын его Анфим в вечный поминок по себе и по своих родителех». Тут же значится подпись самого Сильвестра.⁴ На основании этой записи А.А.Зимин резонно заключил: «В 1545–1546 гг. мы застаем Сильвестра уже священником придворного Благовещенского собора».⁵ Другое свидетельство, указывающее на придворный статус Сильвестра, донесла до нас Царственная книга, извещающая, как мы знаем, о великой приязни (любви) старицкого князя Владимира Андреевича и его

¹ Филюшкин А.И. История одной мистификации... С. 327.

² Там же. С. 316.

³ Там же. С. 316–317.

⁴ Зимин А.А. И.С. Пересветов и его современники... С. 44 (прим.). См. также: Буланин Д.М., Колесов В.В. Сильвестр // Словарь книжников и книжности древней Руси (вторая половина XIV–XV в.). Ч. 2. Л., 1989. С. 324; Филюшкин А.И. История одной мистификации... С. 326.

⁵ Зимин А.А. И.С. Пересветов и его современники... С. 44. См. также: Филюшкин А.И. История одной мистификации... С. 310.

матери княгини Ефросиньи к Сильвестру и об их освобождении «промыслом» последнего «из нятства» — тюремного заключения.¹ Если вкладная запись признается исследователями как подлинная, то Царственная книга толкуется нередко ими в качестве тенденциозного сочинения, отягощенного личными пристрастиями ее составителей, среди которых обычно числят и самого Ивана Грозного, усматривая в нем заинтересованного редактора, правившего официальную летопись, подправляя ее различными вставками. Подвергается сомнению и летописное сообщение о причастности Сильвестра к освобождению старицких правителей.²

«Самую решительную тенденциозность, — утверждает С.Б.Веселовский, — интерполятор проявил относительно попа Сильвестра и старицких князей... Известно, что кн. Евфросинья с сыном Владимиром была освобождена в 1540 г., а через год кн. Владимир получил удел отца. Это произошло, по сообщению московского летописца, по ходатайству митрополита Иоасафа. Сильвестр, насколько известно, появился в Москве не ранее 1547 г. Между тем интерполятор без смущения говорит неправду, будто старицкие князья были освобождены и получили удел потому, что о них «промышлял» Сильвестр».³ Слово *неправда* показалось, вероятно, здесь Веселовскому недостаточным, и он называет слова интерполятора попросту *ложью*,⁴ не замечая, по-видимому, что сам прибегает к этому предосудительному средству. Ведь «интерполятор» ничего не говорит об уделе, который получили «старицкие князья» согласно «промыслу» Сильвестра. Речь у него идет лишь о том, что они стараниями благовещенского священника были «выпущены из нятства», но не больше. С.Б.Веселовский «без смущения» привносит, следовательно, в Царственную книгу то, чего в ней нет, становясь таким образом новейшим тенденциозным интерполятором, но уже не по отношению к Сильвестру, а по отношению к царю Ивану. С.Б.Веселовский почему-то считает доказанным («как известно»!) факт появления Сильвестра в Москве «не ранее 1547 г.», что неверно, поскольку в историографии этот факт до сих пор является предметом неухающего спора. На наш взгляд, позицию историка в данном вопросе нельзя признать убедительной.

Трудно согласиться с Д.Н.Альшицем, когда он говорит, что сообщение Царственной книги об освобождении матери и сына Старицких заботами Сильвестра «не соответствует действительности, и Сильвестр не мог иметь отношение к освобождению этих узников, происшедшему 4 декабря 1542 г.»⁵

Не убеждают нас и рассуждения И.И.Смирнова, не нашедшего реальную основу под известием Царственной книги о том, что Владимир Старицкий и его мать были освобождены в декабре 1541 года «промыслом» Силь-

¹ См.: ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 524.

² Такого рода сомнения высказываются давно. См.: Карамзин Н.М. История Государства Российского. Кн. II. Примечания к VIII тому. Стб. 53 (прим. 378); Погодин М.П. Царь Иван Васильевич Грозный. СПб., 1859. С. 14–17.

³ Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. С. 283.

⁴ Там же.

⁵ Альшиц Д.Н. Происхождение и особенности источников, повествующих о боярском мятеже 1553 года // Исторические записки. Т. 25. 1948. С. 277 (прим. 48).

вестра. По словам И.И.Смирнова, «Соловьев, принимавший это известие, видел в нем указание на то, что “Сильвестр уже тогда имел важное значение”. Но о важном значении Сильвестра вряд ли можно говорить даже еще в 1548 г., не говоря уже о 1541-м. Кроме того, весьма мало вероятно, чтобы Сильвестр вообще мог быть в Москве, поскольку есть все основания считать, что Сильвестр попал в Москву вместе с Макарием в 1542 г. Поэтому в заявлении Царственной книги по поводу роли Сильвестра в освобождении Владимира Старицкого в 1541 г. едва ли не следует видеть тенденциозное возложение на Сильвестра ответственности за этот акт под влиянием того, что в событиях 1553 г. Сильвестр действительно поддерживал группировку Владимира Старицкого...».¹ И.И.Смирнов, как видим, выдвигает три аргумента для обоснования своих сомнений насчет правдивости сообщения Царственной книги об освобождении из-под стражи старицких властителей «промыслом» попа Сильвестра. Один из них состоит в том, что Сильвестр приехал в Москву вместе с Макарием в 1542 году и потому не мог находиться там в 1541 году. Допустим, это так. Но где доказательства? Их нет, кроме более или менее вероятных, но не обязательных соображений. Недаром в исторической литературе существуют и другие предположения о времени появления Сильвестра в Москве. А это означает, что И.И.Смирнов, пользуясь правом исследователя, предлагает одну из возможных версий, кающуюся ему наиболее правдоподобной. Надуманным представляется другой аргумент автора, превращающий сообщение Царственной книги об участии Сильвестра в освобождении Владимира и Ефросиньи Старицких «из нятства» лишь в отзвук событий 1553 года, тогда как тут мы имеем внутреннюю смысловую связь происшествий, позволяющую понять причину поддержки Сильвестром «группировки Владимира Старицкого» во время болезни государя. Эта причина заключалась в давней дружбе и совете Сильвестра со старицкими князьями, о чем и уведомил читателя интерполятор в своей вставке в Царственную книгу, приведя в качестве примера хлопоты благовещенского священника об отпуске своих друзей на свободу. И уж совсем некстати И.И.Смирнов приводит аргумент, навеянный критикой идеи С.М.Соловьева о «важном значении» Сильвестра в придворной жизни начала 40-х гг. XVI века. Ошибку С.М.Соловьева в интерпретации источника (неважно, явную или мнимую) ученый, быть может, незаметно для самого себя переключает на вопрос о подлинности источника как такового, подменяя, следовательно, историографический сюжет источниковедческим. В результате толкование данных источника позднейшим исследователем преподносится как сущее самого источника. Но это, конечно, ложный способ познания прошлого. В нашем случае им особенно грешит А.Н.Гробовский, который, полемизируя с А.А.Зиминим насчет времени появления Сильвестра в Москве, поступает с ним точно так же, как И.И.Смирнов с С.М.Соловьевым: неудачные доводы А.А.Зимина и случаи алогичности в его рассуждениях (так кажется Гробовскому!) он превращает в недоброкачественность соответствующего известия Царственной книги.²

¹ Смирнов И.И. Очерки... С. 257.

² См.: Гробовский А.Н. Иван Грозный и Сильвестр... С. 9–11.

Из новейших историков, сомневающих в правдивости известия Царственной книги об освобождении из заключения Владимира и Ефросиньи Старицких «промыслом» Сильвестра, упомянем А.И.Филюшкина. В примечаниях к материалам биографии благовещенского священника, помещенных в качестве приложений, сопровождающих книгу Филюшкина, говорится, что недостоверность этого известия автором «показана в третьей главе».¹ Но в третьей главе мы, как ни старались, все же не нашли заявленной автором иллюстрации недостоверности данного известия Царственной книги. Там читаем: «Недоверие к повествованию ЦК (Царственной книги. — *И.Ф.*) вызывает и то, что приписка 1553 г. носит откровенно тенденциозный характер. Явно недостоверно утверждение, что Владимира Старицкого в 1541 г. освободили из заточения по ходатайству Сильвестра. А.Л.Хорошкевич обратила внимание на многие несообразности этого рассказа...».² Эти несообразности рассказа о болезни Ивана IV в марте 1553 года, якобы выявленные А.Л.Хорошкевич, послужили А.И.Филюшкину основанием сомнений в достоверности сообщения Царственной книги об освобождении из заточения старицких князей в 1541 году. Непосредственно же об этом сообщении А.И.Филюшкин говорит лишь в примечании, предлагая следующий комментарий: «Владимир был выпущен из заточения по ходатайству митрополита Иоасафа и бояр 25 декабря 1541 г. Ему была возвращена вотчина, но дети боярские и дворовые и бояре были даны новые... Вряд ли в 1541 г. неизвестный новгородский священник обладал столь большой властью, что смог заменить здесь Иоасафа... На несообразность этого известия о Сильвестре акцентировал внимание в своей критике приписки к ЦК А.Н.Гробовский».³ Несмотря на солидную поддержку в лице А.Л.Хорошкевич и А.Н.Гробовского, мы не можем согласиться с доводами А.И.Филюшкина, а тем более полагать, будто он (как и другие скептики) показал недостоверность свидетельства Царственной книги о выходе из заключения на свободу Владимира и Ефросиньи Старицких «промыслом» Сильвестра. Чтобы не быть голословным, обратимся к соответствующему тексту Царственной книги и для удобства анализа воспроизведем его еще раз.

«Бысть же сей Селиверст советен и в велицей любви бысть у князя Владимира Андреевича и у матери его Ефросийнии, его бо промыслом и из нятства выпущены», — говорится в приписке к Царственной книге.⁴ Уместен вопрос, какова смысловая роль данного текста? Надо сказать, что он помещен в описании событий, связанных с болезнью царя Ивана (март 1553 г.), когда обнаружилось желание Владимира Старицкого «сесть на государство» в обход законного наследника царевича Дмитрия. В этой весьма неприятной для Ивана Грозного истории Сильвестр стал на сторону Владимира Андреевича. Поэтому автор интерполяции, объясняя данный поступок благовещенского священнослужителя, чтобы сделать его более понятным читателю Цар-

¹ Филюшкин А.И. История одной мистификации... С. 326 (прим. 7).

² Там же. С. 82.

³ Там же. С. 99 (прим. 14).

⁴ ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 524.

ственной книги, счел необходимым указать на давние дружественные отношения между старицкими князьями и Сильвестром, «промыслом» которого были в свое время «выпущены из нятства» Владимир Андреевич с матерью Ефросиньей. Именно в этом, по нашему убеждению, заключается смысл ремарки интерполятора по поводу освобождения из заточения Владимира и Ефросиньи.¹ И уж, конечно, автор приписки не преследовал цель «обрисовать Сильвестра как могущественнейшую фигуру при дворе» начала 40-х годов.² Употребляемая им терминология удерживает нас от такого рода поспешных выводов. Ключевым тут является слово *промысл*, означающее, помимо прочего (мало подходящего к нашему случаю), *заботу, попечение*.³ Стало быть, Владимир и Ефросинья были освобождены из-под стражи заботой и попечением Сильвестра, или его «промыслом». Но заботиться, печься об освобождении не значит демонстрировать собственное могущество при дворе или стремиться заменить здесь митрополита Иоасафа.⁴ Скорее всего, это означало обращение Сильвестра к могущественным людям по поводу Старицких, ходатайство перед ними за Владимира и Ефросинью. Летопись позволяет установить, кто они, эти могущественные люди, которые пользовались при дворе настолько большим влиянием, что могли успешно ходатайствовать перед государем об освобождении Владимира Андреевича и Ефросиньи Старицких. «Тоя же зимы, декабря 25, в неделю, на Рожество Христово, — читаем в летописи под 1542 г., — пожаловал князь великий Иван Васильевич государь всея Руси, по печалованию отца своего Иоасафа митрополита и бояр своих, князя Вълодимира Андреевича и его мать княгиню Ефросинию, очи свои им видети, да и вѣтьчину ему отца его отдал, и велел у него быти бояром иным и дворецкому и детям боярьским дворовым не отцовским».⁵ Как видим, непосредственными ходатаями за Старицких перед государем был митрополит и бояре. К ним или к кому-то из них Сильвестр, вероятно, и обращался с просьбой выхлопотать у Ивана IV помилование Владимиру и Ефросинье и выпустить их из «нытства». Но можно ли воспринимать подобное обращение как выражение важного придворного значения Сильвестра, как проявление его публичного могущества при дворе? По всей видимости, нельзя. На наш взгляд, мы вправе говорить лишь о связях Сильвестра с весьма влиятельными людьми, приближенными к государю, используя которые он шел к намеченной цели. Стало быть, Сильвестр выступал поначалу в роли достаточно скромного кремлевского священника, не имевшего прямого доступа к государю («дерзновения к державному»), но сильного своими приватными придворными связями.⁶ Следовательно, спо-

¹ Ср.: Смирнов И.И. Очерки... С. 257.

² Гробовский А.Н. Иван Грозный и Сильвестр... С. 10.

³ Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. II. СПб., 1895. Стб. 1545–1546.

⁴ Ср.: Филюшкин А.И. История одной мистификации... С. 99 (прим. 14).

⁵ ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 140, 439.

⁶ Ходатайство Сильвестра о Владимире Андреевиче и Ефросинье Старицких позволило С.М. Соловьеву заключить, что благовещенский священник «уже тогда

соб действий Сильвестра по освобождению старицких князей исключал прямой выход на великого князя и основывался на использовании им своих знакомств и связей в придворной среде.¹ Если это так, то теряют почву рассуждения исследователей о тенденциозности и несообразностях редактора Царственной книги, наделявшего будто бы непомерной властью («всемогий») Сильвестра едва ли не с того момента, как он подвизался в кремлевском храме и заслонявшего Сильвестровой фигурой настоящих столпов великокняжеского окружения. Иначе, Царственная книга, говоря о Сильвестре, «промыслом» которого Владимир и Ефросинья Старицкие были выпущены из заточения, и повествуя о митрополите Иоасафе с боярами, взявшими на себя миссию «печалования» перед великим князем за находящихся в заключении старицких правителей, нисколько не искажала реальность, а напротив, рисовала правдивую картину, отведя каждому из участников освобождения Старицких соответствующее их придворному положению и дворцовой субординации место. Так мы приходим к мысли о достоверности известия Царственной книги насчет «промысла» Сильвестра в деле освобождения старицких родичей Ивана IV, понимая под этим «промыслом» *попечение и хлопоты* о Владимире и Ефросинье, *озабоченность* их судьбой, *старание помочь им*, используя все свои знакомства с сильными мира сего, но отнюдь не личное прошение влиятельного человека, обращенное к государю, которому трудно было отклонить просьбу столь значимой персоны. Надо сказать, источниковедческое чутье А.А.Зимины, привлекавшего данное известие Царственной книги как вполне доброкачественное, оказалось значительно тоньше, чем у его оппонентов, уныло твердящих о тенденциозности ее редактора-интерполятора, якобы даже не останавливающегося перед фальсификацией фактов.

Признание достоверности сообщения Царственной книги об освобождении старицких князей «промыслом» Сильвестра влечет за собой необходимость отодвинуть время его появления в Москве к концу 30-х годов XVI века, как это сделал А.А.Зимин.² Тем самым отпадает необходимость связывать приезд новгородца Сильвестра в столицу с назначением архиепископа Макария митрополитом в 1542 году, о чем нередко пишут историки.³ Отно-

имел важное значение» (Соловьев С.М. Сочинения: В 18-ти книгах. Кн. III. С. 423). Необходимо только подчеркнуть, что это «важное значение» Сильвестр приобрел в глазах определенной группы придворных.

¹ Поэтому нельзя согласиться с А.А.Зиминим, когда он говорит о «печаловании Сильвестра за Владимира Старицкого в 1540 г.» (Зимин А.А. И.С.Пересветов и его современники... С. 44). Печаловался за Владимира Старицкого перед государем не Сильвестр, а митрополит Иоасаф с боярами, но благодаря стараниям («промыслу») благовещенского иерея, задействовавшего свои кремлевские связи и знакомства, чтобы подвинуть первосвященника и придворных сановников на эту акцию.

² Зимин А.А. И.С. Пересветов и его современники... С. 44.

³ Особенно категоричен здесь С.О. Шмидт, который говорит: «Лишь при участии митрополита, а вернее всего, и по его инициативе мог быть переведен из Новгорода в придворный храм в Кремле протопоп Сильвестр. Фактически он был представлен Макарием к юноше Ивану IV...». — Шмидт С.О. 1) Митрополит москов-

шения Макария с Сильвестром приобретают также иной характер по сравнению с бытующими в историографии представлениями. Но об этом позже. А сейчас заметим, что «печалование» митрополита Иоасафа и бояр об освобождении Владимира Андреевича и Ефросиньи Старицких вследствие «промысла» Сильвестра указывает на связи последнего с определенными боярскими кругами, а возможно, – и с митрополитом Иоасафом. Становится ясно, что приезжий новгородец имел поддержку какой-то группы дворцовой знати и, по-видимому, самого митрополита Иоасафа. Недаром позднее, в 50-е годы XVI века, Сильвестр, как заметил А.А.Зимин, «был связан с нестяжательскими кругами, к которым принадлежал Иоасаф, а не с осифлянским лагерем Макария. Очевидно, близостью к Иоасафу объясняется выбор Сильвестра в состав депутации, ездившей к нему во время Стоглава».¹ Чем были обусловлены связи Сильвестра с некоторыми представителями московской знати? Какие причины привели Сильвестра в Москву на исходе 30-х годов XVI века? Эти вопросы требуют ответа. Но из-за отсутствия данных ответить здесь можно лишь в предположительной форме, причем сделав отступление, касающееся некоторых внецерковных деталей новгородского прошлого нашего героя, а также московского периода его жизни.

Современники специально отмечали, что Сильвестр по своему происхождению являлся новгородцем, вкладывая в это, по-видимому, какой-то смысл, ныне нами утраченный. Не случайно, надо полагать, о новгородском происхождении Сильвестра сообщают письменные памятники, в которых проглядывает элемент публицистичности.² Он являлся выходцем из зажиточных торгово-ремесленных кругов жителей Новгорода.³ Любопытные сведения о занятиях Сильвестра содержит написанное им «Послание и наказание ото отца к сыну», адресованное «единородному сыну Анфиму». Здесь

ский Макарий и государственные преобразования России в середине XVI века // Тысячелетие крещения Руси. Международная церковная научная конференция «Богословие и духовность». Москва, 11–18 мая 1987 года. М., 1989. С. 290; 2) Россия Ивана Грозного. М., 1999. С. 241.

¹ Зимин А.А. И.С.Пересветов и его современники... С. 44.

² Это – Царственная книга и «История» Курбского: «Священник, зовом Селивестр, родом Ноугородец» (ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 524); «Прииде к нему (Ивану IV. – И.Ф.) един муж, презвитер чином, именем Селивестр, пришлец от Новаграда Великаго». – Библиотека литературы Древней Руси. Т. 11. XVI век. С. 316.

³ Зимин А.А. И.С.Пересветов и его современники... С. 42. По словам Д.Н.Альшица, «Сильвестр, священнослужитель по профессии, раскрывается и как выходец из определенной социальной среды, усвоивший весь комплекс присущих именно ей взглядов на жизнь. Среда эта – зажиточная верхушка городского посада, притом именно новгородского. Сильвестр родился и долго жил в Новгороде» (Аль Даниил. Иван Грозный: известный и неизвестный. От легенд к фактам. СПб., 2005. С. 55. См. также: Альшиц Д.Н. Начало самодержавия в России... С. 71, 72). Р.Г.Скрынников полагает, что Сильвестр «происходил из поповичей», что он «принадлежал к образованным кругам духовенства». – Скрынников Р.Г. 1) Начало опричнины. С. 115; 2) Иван Грозный. С. 49.

Сильвестр выступает в качестве владельца мастерских по изготовлению икон, книг и ювелирных изделий, где трудились наемные работные люди. Дело, по всей видимости, являлось для него интересным и прибыльным, а потому оно продолжено было им и после переезда в Москву: «В Нове городе и зде на Москве вскормих и вспоих до совершена возраста изучих хто чево достоин многих грамоте и писати и пети иных иконного писма инех книжного рукоделия овех серебряного мастерства и иных всяких многих рукоделеи...».¹ Сильвестр обучал своих «работных людей», или, как он по-отечески выражается, «домочадцев», не только ремеслу, но и коммерции (торговле),² ведя торговые операции как внутри, так и вне России.³ Мирская производственная и коммерческая деятельность попа Сильвестра выдавала в нем священнослужителя, поступившегося правилами христианской православной этики, запечатленной в широко известном на Руси евангельском изречении: «Немощно убо человеку едином оком на землю зрети, а другим – на небо, ни двема господиному работати: либо единого возлюбит, а другого возненавидит; или единого держится, а о друзем нерадети начнет». Сильвестр принадлежал к разряду людей, освящающих именем Бога наживу и богатство,⁴ что выдает в нем человека, испытавшего воздействие западных еретических учений.

Отсутствие должной строгости исполнения норм православной этики, книжное рукоделье, расширявшее знакомство с различными книгами (в том числе с неортодоксальными, по-видимому, в плане православной веры), торговые контакты с иностранцами – вот что делало Сильвестра открытым влиянию реформационных идей, проникающих на Русь с Запада в виде еретических учений.⁵ Да и сам Новгород, где жил Сильвестр, благодаря своему географическому положению порубежного, можно сказать, города и экономической жизни, зависевшей в значительной мере от внешней торговли с ее многочисленными купцами-иноземцами, впитывал, как губка, эти учения, заражая ими своих обитателей. «Ересь жидовствующих», распространившаяся по Руси именно из Новгорода, является ярким тому примером. И вот тут наше внимание привлекает похвальба Сильвестра о том, что он «работных своих всех свободих и наделих и ины окупих из работы и на свободу попуцах и все те работные наши свободны и добрыми домами живут...».⁶ По мнению А.А.Зиминой, «это мероприятие показывает нам дальновидность Сильвестра, понявшего, что в новых экономических условиях старые фор-

¹ Домострой. СПб., 1994. С. 131.

² «Иных всякими многими торговли изучих торговать»; «многия торгуют в лавках». – Там же.

³ «Мнози и гоздбы деют в различных землях»; «а о купли и о проджи ни с кем брань и тяжба не бывала ино добрые люди во всем верили и зде и иноземцы никому ни в чем не сълыгивано не манено ни пересрочено ни в рукодельи ни в торговли». – Там же. С. 131, 132.

⁴ См.: *Аль Даниил*. Иван Грозный... С. 55.

⁵ См.: Там же. С. 56, 58.

⁶ Домострой. С. 131.

мы хозяйства уже себя не оправдывали». ¹ Такое чисто рациональное объяснение действий Сильвестра, на наш взгляд, недостаточно. Здесь имели место идейно-религиозные мотивы, как это было, например, с Матвеем Башкиным, который, по собственному его признанию, все кабальные грамоты на принадлежащих ему холопов «изодрал» и держал их затем добровольно: «добро де ему и он живет, а недобро и он куды хочет». ² Башкин при этом исходил не столько из социально-экономической целесообразности, сколько из религиозно-этических соображений, объясняя свой необычный в общественных условиях той поры поступок не материальной выгодой, а Божьим промыслом. «Я де благодарю Бога моего», – говорил он благовещенскому попу Семену, рассказывая ему, как он уничтожил полные грамоты на своих людей. ³ Религиозная подоплека действий М. Башкина просматривается, следовательно, довольно явственно. Но религиозность Матюши Башкина по сравнению с православной верой особая, еретическая, с присущим ей вольнодумством, разрушающим традиционные церковные и светские институты. И когда он произносит слова «благодарю Бога моего», то это, по-видимому, надо понимать так, что он говорит о благодарении, действительно, *своему Божеству*, которое ближе к Богу Ветхозаветному, чем к Новозаветному. Но, как бы то ни было, ясно одно: в устах Башкина-еретика эти слова звучали двусмысленно.

У М. Башкина замечаем еще одно созвучие с тем, о чем пишет Сильвестр в послании сыну Анфиму. Согласно Башкину, отпущенные на свободу холопы если пожелают, то могут жить за ним («добро де ему и он живет»), т.е. под его патронажем, образуя категорию клиентов, зависимых от прежнего хозяина. Аналогичную картину рисует и Сильвестр: «А ныне домочадцы наши все свободны живут у нас по своей воли...». ⁴ В принципе это старая практика отношений господина с бывшими рабами, восходящая к глубокой древности ⁵ и дошедшая до рассматриваемого времени, т.е. до конца XV–XVI века. ⁶ Но в ней обнаруживается и нечто новое, состоящее в мотивациях освобождения рабов и в характере дальнейших с ними взаимоотношений, основанных на соблазнительных реформационных (еретических, а позднее – масонских) идеях свободы, равенства и братства людей, вскруживших голову русским вольнодумцам той поры.

Освобожденные холопы, пользующиеся защитой и покровительством недавнего владельца, были послушным орудием в его руках. В этой связи особый интерес представляет рассказ Сильвестра о том, что многие люди, отпущенные им на свободу, оказались затем «во священническом и во дьяконском чину и в дьяцах и в подьячих...». ⁷ С их помощью Сильвестр, надо думать,

¹ Зимин А.А. И.С. Пересветов и его современники... С. 43.

² ААЭ. Т. I. СПб., 1836, № 239. С. 249.

³ Там же.

⁴ Домострой. С. 131.

⁵ См.: Фроянов И.Я. Начала русской истории. М., 2001. С. 463–465.

⁶ См.: Колычева Е.И. Холопство и крепостничество (конец XV–XVI в.). М., 1971. С. 159–173.

⁷ Домострой. С. 131.

решал свои задачи в церковных и государственных учреждениях,¹ не всегда соответствующие действительным нуждам церковно-государственного строительства на Руси. Что касается причин, побудивших самого Сильвестра принять священнический сан, то они до сих пор остаются загадкой. Что заставило пойти в священники столь делового и прагматично настроенного человека, каким являлся купец и «производственник» Сильвестр, трудно разгадать. Можно, конечно, вообразить, что в нем произошел некий духовный и нравственный переворот, призвавший его к служению Богу. Но вряд ли было так. Сильвестр ведь не оставил прежних мирских занятий в сфере ремесла и торговли. Значит, он был привязан к ним, дорожил ими, причем, похоже, не в меньшей мере, чем занятиями служителя церкви. Показательно, что Сильвестр в «педагогическом» послании-трактате сыну Анфиму ничего не говорит о таком, казалось бы, важном и назидательном для «единородного чада» событии в своей жизни, как принятие священнического сана. Зато об организации ремесленного производства и о торговле он рассуждает с неподдельным энтузиазмом. Да и самого Анфима, как тонко заметил новейший историк, «Сильвестр пристроил не в “храбрые” и “лутчие люди” царские, не на военную службу, а в торговлю, затем испросил для него у царя назначение ведать в казне таможенными сборами».² Отсюда ясно, что Сильвестр стал священником не только, а быть может, даже не столько по зову и велению сердца, сколько по целесообразности и необходимости. Вскрыть, однако, конкретный смысл этой целесообразности/необходимости вследствие состояния источников не представляется возможным, хотя кое-какие соображения на сей счет все же могут быть высказаны.

Прежде всего, следует отметить, что Сильвестр был рукоположен в Новгороде и прибыл в Москву, как мы полагаем вслед за А.А.Зиминим, в конце 30-х годов, будучи уже священником, о чем узнаем от князя А.М.Курбского.³ По приезду в столицу он получил должность священника кремлевского Благовещенского собора – придворной, «домовой» церкви государя. Назначение, надо сказать, головокружительное, посильное лишь очень могущественным людям из окружения московского великого князя.⁴ Спрашивается, зачем понадобился Сильвестр этим людям? С какой целью они перевели его в Москву? Ответить здесь можно, конечно, только предположительно. И первый ответ, который напрашивается сам собой, обращает нас к личным дарованиям Сильвестра, отличавшегося незаурядными способностями, умением психологически воздействовать на собеседника, причем столь глубоко и радикально, что современные исследователи подозревают в нем человека, на-

¹ В исторической литературе отмечается огромная роль дьяков в правительстве малолетнего Ивана IV. – См.: *Смирнов И.И.* Очерки... С. 44.

² *Аль Даниил.* Иван Грозный... С. 57.

³ См.: Библиотека литературы Древней Руси. Т. II. XVI век. С. 316.

⁴ А.А.Зимин полагал, что то были Шуйские, пришедшие к власти после падения правительства Елены Глинской (*Зимин А.А.* И.С.Пересветов и его современники... С. 43–44). Трудно сказать, так ли это. Ясно лишь одно: Сильвестр оказался в Благовещенском соборе Кремля по очень сильной протекции.

деленного свойствами гипнотизера.¹ По-видимому, эти качества были известны некоторым лицам из правящей знати, светской и церковной. Не являлись также секретом связи Сильвестра с верхушкой посада Новгорода (потом и Москвы), обусловленные происхождением нашего героя из зажиточных торгово-ремесленных городских кругов и подкрепляемые его практической деятельностью как владельца ремесленных мастерских и торговца, связи, позволяющие (когда это было нужно) воздействовать на простых горожан (черных людей), провоцировать городские движения и управлять ими.² Не составляли тайны и многочисленные торговые контакты Сильвестра с иностранными купцами, которые при желании можно было использовать в качестве нелегального канала связи русских политических и религиозных деятелей с западными, так сказать, партнерами. Все это придавало особую цену Сильвестру в глазах явных и скрытых противников Ивана IV, способствуя его появлению в Кремле. Благовещенский поп должен был включиться в работу по разрешению ряда политических и религиозных задач, выдвинутых этими противниками после кончины Василия III. Важнейшими из них являлись: 1) сопротивление утверждающейся самодержавной власти московского государя с превращением русского самодержавия в монархию, ограниченную Советом княжеско-боярской знати; 2) борьба с православием и 3) разрушение сложившейся на Руси церковно-монастырской организации. Осуществление этих задач в целом означало уничтожение нарождающейся русской православной цивилизации. Чтобы яснее представить реальную ситуацию, в которой оказался прибывший в Москву Сильвестр, необходимо на некоторое время прервать повествование о нем и коснуться конкретных политических событий, последовавших за кончиной Василия III.

* * *

Московское самодержавие, игравшее роль *Удерживающего*, или *Гаранта* Православной Веры и Апостольской Церкви, стало подвергаться особенно яростным атакам после смерти (похоже, неестественной) Василия III – государя, как выразился И.И.Смирнов, «с ярко выраженными самодержавными тенденциями»,³ что, вероятно, наряду с некоторыми другими обстоятельствами стало роковым в судьбе великого князя. Уже тогда определились

¹ См.: Шмидт С.О. 1) Становление российского самодержавства... С. 87; 2) У истоков российского абсолютизма... С. 93.

² Ярким примером могут служить июньские события 1547 года в Москве, когда черные люди по наводке бояр и богатых посажан учинили расправу над Юрием Глинским и ходили в Воробьево, где переживал московский «великий пожар» и его последствия Иван IV.

³ Смирнов И.И. Очерки... С. 19. По нашим наблюдениям, фактически самодержавие в главных своих чертах при Василии III уже сложилось. Не хватало только его юридического оформления, что и произошло в правление Ивана IV.

два способа борьбы с русским самодержавием. Один из них состоял в образжении вокруг трона московского правителя плотного кольца «советников», узурпирующих власть самодержца с последующей перекройкой ее в ограниченную монархию. Второй способ заключался в смещении самодержавного государя и замене его на удельного князя, который, будучи ставленником определенных лиц, не имел бы полной самостоятельности и должен был делить с ними свою власть. Нельзя, разумеется, изображать удельных князей в виде пассивных участников в чужой политической игре. Они сами стремились овладеть московским столом со всеми вытекающими отсюда властными полномочиями. Но это их стремление использовали противники русского самодержавия, стараясь при этом удерживать в определенных рамках политические вожелания своих ставленников.

Примером первого способа борьбы с русским самодержавием может служить заговор М.Л.Глинского 1534 года. Этот заговор, по верному заключению И.И.Смирнова, «был обращен своим острием не против самого Ивана IV, а ставил своей целью устранение от власти тех лиц, которые осуществляли управление государством от имени малолетнего великого князя».¹ Предполагалась, следовательно, смена правительственной верхушки, состоящей при государе. Принимая во внимание личность главного заговорщика, не трудно догадаться о том, к чему привела бы эта смена. Михаил Львович Глинский, «человек к нам приезжий», как сказал о нем умирающий Василий III,² до появления на Руси «провел долгое время за границу, в Италии, Испании, при дворе императора Максимилиана, везде умел приобрести расположение, почет умом, образованностью...».³ В Италии Глинский пробыл 12 лет и принял здесь католичество.⁴ Он «был известен многим европейским государям, его любил и жаловал сам император Священной Римской империи Максимилиан I».⁵ В 1489 году Михаил Львович «прославился ратными подвигами в армии саксонского курфюрста Альбрехта (позднее на Руси Глинский получил даже прозвище Немец). Другом князя Михаила был сын Альбрехта магистр Тевтонского ордена Фридрих».⁶ Как видим, в Западной Европе Глинский завязал многочисленные связи, которые, по всей вероятности, сохранялись и в русский период его биографии. М.Л.Глинский являлся политиком западного склада и откровенных литовских симпатий.⁷ Его особенно привлекало то, что «в Польско-Литовском государстве с выборной королевской властью все больше утверждались договорные отношения между сувереном и вассалами, ограждавшие права и привилегии магнатов и шляхты».¹ Ины-

¹ Смирнов И.И. Очерки... С. 33. Н.Е.Носов усматривает в заговоре М.Л.Глинского «поползновение» последнего на «единоличное регентство». — Носов Н.Е. Становление сословно-представительных учреждений в России... С. 220 (прим. 283).

² ПСРЛ. Т. 34. С. 21.

³ Соловьев С.М. Сочинения: В 18-ти книгах. Кн. III. С. 214.

⁴ Зимин А.А. Россия на пороге нового времени... С. 85.

⁵ Флоря Б.Н. Иван Грозный. С. 7.

⁶ Зимин А.А. Россия на пороге нового времени... С. 85.

⁷ См.: Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 86.

ми словами, политическое развитие Руси и Польско-Литовского государства шло в противоположных направлениях. И вот этот человек, не скрывающий своих предпочтений в отношении польско-литовских государственных порядков перед русскими, «захотел дръжати великое государство Российскаго царствия со единомысленным своим с Михаилом Семеновичем Воронцовым...».² Не исключено, что заговор Глинского возник не без влияния извне.³ Поэтому, надо полагать, после провала заговора его участники, такие как, скажем, Семен Бельский и Иван Ляцкий, побежали в Литву под крыло своих наставников и покровителей. Просматривается, образно говоря, и коридор, по которому осуществлялось данное влияние, – Новгород и Псков, соседившие с Литвой и в лице своих состоятельных горожан то и дело соблазнявшиеся прелестями Запада. Весьма примечателен тот факт, что после раскрытия заговора М.Л.Глинского жители Новгорода и Пскова были вторично приведены к присяге на имя Ивана IV.⁴ «У нас нет возможности установить, имело ли место это вторичное приведение к присяге повсеместно или только в Новгороде и Пскове, – говорит И.И.Смирнов. – Но даже и в последнем случае этот факт показывает, насколько серьезно восприняло правительство план Михаила Глинского захватить в свои руки правление государством».⁵ Следует добавить к сказанному И.И.Смирновым, что московское правительство было, судя по всему, озабочено отношением новгородцев и псковичей к заговору Глинского. Во всяком случае, оно сомневалось в их лояльности к себе и потому потребовало новой присяги на верность государю. В чем причина такого рода сомнений? Вероятно, в том, что какая-то часть населения Новгорода и Пскова поддерживала М.Л.Глинского. То был, скорее всего, круг зажиточных людей, из которого, кстати, вышел Сильвестр.

¹ Там же.

² ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 420. Это известие Царственной книги раскрывало, по мнению И.И.Смирнова, «действительные мотивы поведения Глинского» (Смирнов И.И. Очерки... С. 41). Иной взгляд у Р.Г.Скрынникова, зараженного поветрием гиперкритики летописных источников времени Ивана Грозного. Касаясь падения М.Л.Глинского и М.С.Воронцова, исследователь пишет: «Поздние летописи объясняли опалу Глинского и Воронцова тем, что они хотели держать “великое государство Российскаго царствия”, иначе говоря, хотели править государством. Летописцы грешили против истины в угоду царю Ивану IV, считавшему мать законной преемницей власти Василия III. В действительности и Глинский и Воронцов правили государством по воле великого князя, четко выраженной в его завещании». Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 87.

³ Будучи на службе у московского великого князя, Глинский то и дело поглядывал на соседнюю Литву. Приходилось даже брать его в этой связи на поруки (см.: Абрамович Г.В. Князья Шуйские и Российский трон. Л., 1991. С. 76). Он никак не мог разорвать пуповину, связывающую его с Западом, и поэтому, помимо прочего, был склонен к измене русскому государю. – См.: Соловьев С.М. Сочинения: В 18-ти книгах. Кн. III. С. 238–240; Абрамович Г.В. Князья Шуйские... С. 74–75.

⁴ Смирнов И.И. Очерки... С. 43.

⁵ Там же. Ср.: Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного... С. 231–232.

Легко догадаться, в какую сторону поворачивал бы кормило государства М.А.Глинский, будь заговор его успешным и оказался он вместе с единомышленниками своими на вершине власти. Но «не попусти Бог таковая сотворити». Он был арестован, и вскоре «не стало его». Похоронили князя «у Троицы».¹

Второй способ борьбы с московским самодержавием демонстрируют «мятежи» Юрия Дмитровского и Андрея Старицкого, поднятые удельными князьями после смерти Василия III. Надо, впрочем, заметить, что эти «мятежи», как они изображены в летописи, являли собой не столько открытые и прямые выступления удельных князей против московского великого князя, сколько запутанные интриги, в которых сталкивались противоречивые интересы различных групп княжеско-боярской знати. К тому же обращает внимание различие в степени, так сказать, злонамеренности Юрия и Андрея. Первый из них оказался в большей мере жертвой провокации и клеветы, чем тайным заговорщиком, задумавшим «мятеж» против юного «братанича» своего великого князя Ивана Васильевича. Да и о «мятеже» Андрея Старицкого можно говорить с определенными оговорками. Однако все по порядку.

Приступая к описанию событий, последовавших после кончины Василия III и связанных с Юрием Дмитровским, летописец говорит: «А брат великого князя Василия князь Юрьи Иванович при великом князе Василии крест ему целовал, что ему брату своему великому князю Василью и его детем никоторого лиха не делати и государств их великих княжеств под ним и под его сыном князем Иваном и под их детьми никак не подыскивати. И как Божия воля сталася, великаго государя Василиа в животе не стало, и князь Юрьи крест целовал великому князю Ивану Васильевичю и его матери великой княгине Елене, что ему великому князю и его матери великой княгине лиха никакова не мыслити, ни делати, ни государств под ним великих княжений, чем его благословил отець его великий государь Василий Ивановичь вся Руси, князь Юрью под ним никакими делы злыми не подыскивати».² Далее следует повествование, сплетенное (точнее – беспорядочно склеенное) из нескольких рассказов о «мятеже» Юрия Дмитровского,³ в которых удельный князь представлен по-разному: то невинным страдальцем чрезмерной подозрительности бояр великого князя, то жертвой политической игры князя А.М.Шуйского, то потерпевшим неудачу крамольником, посягнувшим на московский великокняжеский стол.

¹ ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 420.

² Там же. С. 77.

³ На это обратил внимание еще Н.М. Карамзин, а потом – С.М. Соловьев. – Карамзин Н.М. История Государства Российского. Книга вторая. Т. VIII. Стб. 7–8; Соловьев С.М. Сочинения: В 18-ти книгах. Кн. III. С. 384–385. См. также: Смирнов И.И. Очерки... С. 30. Н.М. Карамзин, С.М. Соловьев и И.И. Смирнов отмечают наличие двух версий повествования о событиях, связанных с «крамолой» Юрия Дмитровского. По нашему мнению, в летописных записях сохранились следы трех таких версий, о чем пойдет речь ниже.

Согласно одному из этих рассказов, после похорон Василия Ивановича великокняжеские бояре начали рассуждать так: «Толко не поимати князя Юрья Ивановича, ино великого князя государству крепку быти нельзя, потому что государь еще млад, трех лет, а князь Юрьи совершенный человек, люди приучити умеет, и как люди к нему поедут, и он станет под великим князем государства его подыскивати».¹ Эти боярские размышления, как явствует из летописного повествования, возникли, так сказать, спонтанно, а не в результате действий каких-то злонамеренных людей. Поэтому летописец отнес их на счет дьявольских козней: «Ненавидяй добра враг диавол, иже всегда радуется о погибели человечестей и о кровопролитии и о межиусобной брани, вложи бояром великого князя мысль неблагоу».² Со своими опасениями (мыслью «неблагой») бояре пришли к великой княгине Елене. Та, будучи «в велице кручине по великом князе Василии», отстраненно сказала им: «Как будет пригоже, и вы так делайте». Бояре стали думать, как «поимать» дмитровского князя, хотя у него, по словам летописца, «никоторого же помышления лихого не было». Дети боярские Юрия Ивановича, чувствуя недоброе, «говорили ему, чтобы князь поехал в Дмитров; не токмо же дети боярские, но и бояре его глаголаху ему: “толко, государь, поедем в Дмитров, ино на тебя никто посмотри не сметь; а здесе тебе жить, и нас слухы доходят. кое, государь тебе быти одноконечно поиману”».³ Юрий не видел никакой вины за собой и отвечал своим боярам: «Приехал к своему государю великому князю Василию, а государь по грехом болен, и яз ему целовал крест, да и сыну его великому князю Ивану, на том, что ми ему и сыну его добра хотети въ всем и государьствъ под ним и под его сыном не подыскивати никоторыми делы; и мне как крестное целование преступити? готов есми по своей правде и умереть».⁴ Великокняжеские бояре решили, между тем, от слов перейти к делу и снова уведомили великую княгиню Елену о своем замысле. Но она опять уклончиво «рече им: “то ведаете вы”». И бояре князя Юрья изымаша месяца Декемвриа 11, в четверток, и посадиша его в полате на дворце за сторожи и его бояр».⁵ Как видим, автор данного рассказа обеляет дмитровского князя и ответственность за его арест возлагает на бояр великого князя, делая непричастной к этому аресту вдову усопшего Василия III Елену.

По другой версии, «смутотворцем» был князь Андрей Шуйский, который «помысли къ князю Юрью отъехати,⁶ и не токмо отъехати, но и на вели-

¹ ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. 77.

² Там же.

³ Там же. С. 79.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Кстати, это была не первая попытка Андрея Шуйского отъехать к Юрию Дмитровскому. Г.В.Абрамович, автор книги о князьях Шуйских, рассказывая о третьей линии этого княжеского рода, представителями которого являлись Андрей и Иван Михайловичи, пишет: «Не обладая особыми способностями, но зато имея склонность к политическим интригам, Михайловичи пытались сделать карьеру при дворе брата Василия III Юрия Дмитровского. Планы у братьев, ввиду бездетности велико-

кое княжение его поднять; а у князя сего на мысли не бывало, понеже бо крест целовал великому князю: как было ему изменити?».¹ Андрей Шуйский пытался сманить в крамолу родича своего князя Бориса Горбатого,² говоря ему лживо, будто «посылает по него князь Юрьи, и он к нему хочет отъехать, ино бы с ним ехал и князь Борис: “а здесь нам служить, и нам не выслужить, князь великий еще молод, а се слова носятся про князя Юрья; и толко будет Юрьи на государстве, а мы к нему ранее отъедем, и мы у него тем выслужим”».³ Горбатый мало того что не послушал князя Андрея и «не въсхоте отъехать ко князю, но и ему възбранише». Тогда Шуйский, опасаясь неприятных последствий своего неосторожного разговора с Горбатым, решил опередить собеседника и, явившись к великой княгине Елене и великому князю Ивану, заявил, что «присылал по него князь Борис, брат его, а говорил ему, чтобы с ним ехал ко князю [Юрию]; а князь будто к нему присылал, чтобы к нему ехал, а к нему хотят будто многие люди».⁴ Но князь Борис рассказал великой княгине все, как было на самом деле. Елена, произведя соответствующий розыск и убедившись в лживости доноса Шуйского, «велела князя Андрея посадити в стрелнице за сторожи» (Андрей Шуйский пробыл в заключении до самой смерти Елены Глинской в 1538 году).⁵ В этой второй версии Юрий Дмитриовский также представлен невиновным в крамольных замыслах, направленных против малолетнего великого князя Ивана IV. Повинным здесь оказывается А.М.Шуйский, который выступал, надо

го князя, были грандиозными. В 1528 г. они сделали попытку “отъехать” от великого князя ко двору Юрия, но их тут же арестовали и в оковах разослали по городам. Свободу Михайловичи получили лишь после поручительства за них двадцати восьми князей и детей боярских, внесших заклад в сумме 2 тыс. рублей» (*Абрамович Г.В. Князья Шуйские и Российский трон. С. 78*). Вряд ли стоит, на наш взгляд, замышлявшийся братьями Андреем и Иваном Михайловичами отъезд к удельному дмитровскому князю объяснять лишь одной их «склонностью к политическим интригам», придавая этому отъезду, следовательно, частный характер. Попытку Шуйских отъехать от московского великого князя необходимо, по нашему убеждению, рассматривать главным образом в плане придворной политической борьбы двух партий – сторонников и противников русского «христианского самодержавства».

¹ ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 78.

² Несколько односторонней в этой связи представляется характеристика Андрея Шуйского, предлагаемая Г.В.Абрамовичем: «Особого внимания заслуживает Андрей Михайлович, политический авантюрист и безудержный стяжатель, деятельность которого легла темным пятном на историю знаменитого княжеского рода. В отличие от старших представителей фамилии, он после смерти великого князя сразу ввязался в заговор Юрия Дмитриовского...» (*Абрамович Г.В. Князья Шуйские... С. 80*). Повидимому, следует говорить не о том, что Андрей Шуйский «ввязался в заговор Юрия Дмитриовского», а о том, что он выступил одним из организаторов данного заговора. Тогда становится понятным, почему Шуйский старался вовлечь в него князя Бориса Горбатого. И к этому его побуждал не столько политический авантюризм, сколько конкретный ход политической борьбы, развернувшейся после смерти Василия III.

³ ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 78.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 79, 123.

думать, не в одиночку, а во главе некой княжеско-боярской группировки. Великокняжеские бояре, верные государю, выведены за сцену. Все решения, касающиеся Шуйского, принимает великая княгиня Елена.

Наконец, согласно третьей версии, инициатором борьбы за московский трон стал удельный князь Юрий Иванович Дмитровский, который, по свидетельству летописца, послал «дьяка своего Третьяка Тишкова ко князю Андрею Шуйскому, а говорил ему Третьяк ото князя, чтобы поехал ко князю Юрию служить».¹ Шуйский якобы так ответил дьяку: «Князь ваш вчера целовал крест великому князю, что ему добра хотети а ныне от него людей зовет». Третьяк на это молвил: «Князя Юрья бояре приводили, заперши, к целованью, а сами князю Юрию за великого князя правды не дали: ино то какое целованье? То невольное целование».² А дальше все пошло как по цепочке: Андрей Шуйский передал содержание разговора с Третьяком князю Борису Горбатову, последний рассказал боярам, а бояре – великой княгине Елене, которая, «берегучи сына и земли», повелела «князя Юрья поимати и посадити. оковав, за сторожи в полату, где наперед того князь Дмитрей внук сидел».³ Так и было сделано.

Наличие в летописи нескольких версий рассказа о «крамоле» Юрия Дмитровского побуждало историков определиться в том, какую из этих версий предпочесть. Н.М.Карамзин, например, склонялся ко второй (по нашему счету) версии,⁴ а С.М.Соловьев – к третьей.⁵ Больше доверяет третьей версии и Р.Г.Скрынников, хотя при изложении событий он смешивает известия второй и третьей версий.⁶ Прав, на наш взгляд, И.И.Смирнов, когда он говорит, что «решение вопроса об источниках для изучения событий, связанных с выступлением Юрия Дмитровского в 1533 г., должно идти не по пути выбора одной из двух версий, представленных в летописях,⁷ а исходить из анализа обеих версий, что только и дает возможность использовать фактические данные, содержащиеся в них (с учетом тенденциозности освещения этих данных)».⁸ Принимая мысль И.И.Смирнова о необходимости исходить из анализа всех имеющихся в летописях версий, касающихся событий, связанных с выступлением Юрия Дмитровского в 1533 году, мы не можем признать убедительной его идею насчет тенденциозности этих версий, во всяком случае, в том виде, в каком она ему представляется. Так, по поводу версии, явля-

¹ Там же. С. 77, 419; ПСРЛ. Т. VIII. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. М., 2001. С. 286.

² ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 78, 420; ПСРЛ. Т. VIII. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. С. 286.

³ ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 78, 420; ПСРЛ. Т. VIII. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. С. 286.

⁴ Карамзин Н.М. История Государства Российского. Книга II. Т. VIII. Стб. 7–8.

⁵ Соловьев С.М. Сочинения: В 18-ти книгах. Кн. III. С. 384–386. Ср.: Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного... С. 228 (прим. 3).

⁶ Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 85.

⁷ Еще раз отметим, что, по нашему мнению, летописцы излагают не две, а три версии событий, связанных с выступлением Юрия Дмитровского в 1533 году.

⁸ Смирнов И.И. Очерки... С. 31.

ющейся в нашем перечне последней, исследователь пишет: «Основная тенденция версии Воскресенской летописи заключается в стремлении обелить Андрея Шуйского и возложить ответственность за арест Юрия на Елену Глинскую. Согласно этой версии, Андрей Шуйский отказывается примкнуть к заговору Юрия и через кн. Бориса Горбатого сообщает о заговоре Елене Глинской (об аресте Андрея Шуйского после раскрытия заговора Юрия версия Воскресенской летописи умалчивает)».¹ Вызывает сомнение главный тезис И.И.Смирнова о том, будто «основная тенденция версии Воскресенской летописи заключается в стремлении обелить Андрея Шуйского и возложить ответственность за арест Юрия на Елену Глинскую».² Достаточно сказать, что данная версия содержится в Царственной книге,³ придирчивым редактором которой, как полагают историки, являлся сам царь Иван Грозный.⁴ Если согласиться с И.И.Смирновым, придется признать, что Грозный включил в редактируемую им летопись (Царственную книгу) рассказ «О поимании князя Юрья Ивановичя», оправдывающий Андрея Шуйского, отданного в свое время царем на растерзание псарям, и возлагающий ответственность за арест Юрия Дмитровского на мать государя Елену Глинскую. Но это – явный нон-сенс.

Помимо несуразности руководящей идеи И.И.Смирнова, надо указать на определенную небрежность передачи им деталей, содержащихся в летописном повествовании. Из этих деталей отнюдь не следует, будто Андрей Шуйский отказался примкнуть к заговору Юрия и через князя Бориса Горбатого сообщил о заговоре Елене Глинской. Шуйский, если строго соответствовать словам летописца, выслушав Третьяка Тишкова, не дал ему ответа (ни положительного, ни отрицательного), хотя и выразил дьяку некоторое недоумение: «Князь ваш вчера целовал крест великому князю что ему добра хотети, а ныне от него людей зовет». И все же мы доподлинно не знаем, с чем ушел Третьяк от Андрея: с отказом ли участвовать в заговоре, с согласием ли, или же с просьбой дать время «для мысли». Точно так же нам неизвестно, с какой целью Андрей Шуйский рассказал о предложении Третьяка Тишкова князю Борису Горбатову. Тут возможны разные варианты: попытка Шуйского вовлечь Горбатого в заговор, желание разведать, как отнесутся к мятежу удельного князя Дмитрия другие бояре. Не исключено также, хотя и маловероятно, стремление Шуйского через Бориса Горбатого предупредить

¹ Там же. С. 30.

² Этот тезис содержится также в статье М.Н.Тихомирова «Записки о регентстве Елены Глинской и боярском правлении 1533–1547 гг.», опубликованной в 1951 году. Согласно ее автору, Воскресенская летопись отличается «определенным стремлением обелить боярское правление и очернить Елену Глинскую. Таковы известия о “поимании” дядей малолетнего великого князя Юрия и Андрея Ивановичей. Они носят характер официальных справок, в конечном счете возлагающих вину за гибель обоих удельных князей на правительницу Елену Глинскую». – *Тихомиров М.Н. Русское летописание*. М., 1979. С. 167.

³ См.: ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 419–420.

⁴ См.: *Шмидт С.О.* Российское государство в середине XVI столетия. Царский архив и лицевые летописи времени Ивана Грозного. М., 1984. С. 190–216.

великую княгиню Елену о готовящемся против ее сына заговоре. Маловероятно, поскольку Шуйский мог это сделать сам, не прибегая к услугам Горбатого, тем более что последний известил об угрозе мятежа Юрия Дмитровского не Елену Глинскую, как утверждает И.И.Смирнов, а великокняжеских бояр, которые затем уже уведомили о назревающей крамоле великую княгиню. Больше того, Шуйскому гораздо выгоднее было донести на Юрия лично, не доверяя кому-то другому столь важное для него в сложившихся обстоятельствах дело, особенно если вспомнить недавний отъезд Андрея и Ивана Шуйских из Москвы в Дмитров,¹ беспрекословную со стороны дмитровского князя выдачу отъехавших великому князю Василию Ивановичу и заключение провинившихся князей под стражу с рассылкой «по городом».² Это, конечно, косвенные доводы. Главное же заключается в том, что летописный текст не содержит прямых указаний, позволяющих говорить о том, что Андрей Шуйский «через князя Бориса Горбатого сообщает о заговоре Елене Глинской». Всякие рассуждения на этот счет относятся к разряду догадок, причем довольно спорных.

Приведенные соображения заставляют нас усомниться в справедливости толкования И.И.Смирновым рассказа о выступлении Юрия Дмитровского в версии Воскресенской летописи как обеляющей Андрея Шуйского. Некоторым преувеличением отмечена и мысль И.И.Смирнова относительно тенденциозности летописных рассказов о заговоре дмитровского князя. Мы допускаем определенную тенденциозность составителей этих рассказов. Но видим ее не в том, что летописцы искажали или выдумывали факты, а в выборочном подходе к ним, когда из сложного клубка реальных событий отбирались лишь те происшествия, которые, будучи предпочтительны тому или иному книжнику, отражали одну из сторон действительности, но не их совокупность. Это, разумеется, сказывалось на качестве отражения исторической жизни: вместо всеохватного ее отображения преподносилась фрагментарная картина, т.е. предлагалось то, что И.И.Смирнов именует *версией*. Во избежание подобного рода упрощенности, современный исследователь должен учитывать все сохранившиеся в летописных источниках версии, чтобы, основываясь на них, воссоздать (разумеется, по возможности) прошлое во всей его полноте.

Данный подход позволяет увидеть чрезвычайную сложность политической ситуации, сложившейся в последние годы правления Василия III, проходившие под знаком острой борьбы иосифлян с партией еретиков, возглавляемых Вассианом Патрикеевым, борьбы сторонников и противников православной веры, официальной церкви и теократического самодержавия. Соборный суд над Вассианом Патрикеевым и Максимом Греком 1531 года означал очередное поражение еретического движения на Руси и окончательное крушение лелеемых еретиками надежд использовать самодержавную власть московского монарха для реализации своих политических конфесси-

¹ И.И.Смирнов полагает, что отъезд братьев Шуйских к удельному князю имел место «в самом конце княжения Василия III». — Смирнов И.И. Очерки... С. 28.

² ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 77–78.

ональных планов. Теперь оставалось лишь одно: посадить на великокняжеский стол собственного ставленника, связав его соответствующими обязательствами и обещаниями. В этом заключался один из основных мотивов дворянской борьбы последних лет княжения Василия III.

Схватка за московский престол была жестокой. Об этом свидетельствует странная болезнь и смерть Василия Ивановича. Красноречиво также желание великого князя, чтобы о его болезни знало как можно меньше людей, особенно в Москве, куда он долго не хотел возвращаться больным. В такой обстановке становится вполне правдоподобным рассказ летописца об озабоченности великокняжеских бояр, предлагающих Елене Глинской принять превентивные меры по аресту Юрия Ивановича Дмитровского с целью предотвратить попытки злонамеренных людей вовлечь удельного князя в антиправительственный заговор. О том, что таких людей было в достатке, свидетельствует другой летописный рассказ о Шуйском, который «помысли к князю Юрию отъехать, и не токмо отъехать, но и на великое княжение его поднять». Летописец высветил лишь одного Андрея Шуйского в политической интриге, развернувшейся после кончины Василия III. Однако нет сомнений, что за князем Андреем стояла влиятельная группа княжеско-боярской знати. В противном случае увлечь Юрия в столь рискованное предприятие, как покушение на великокняжеский стол в Москве, вряд ли было бы возможно. Именно наличие в правящем сословии тех, кто готов был поддержать мятеж дмитровского князя, провоцировало последнего на активные действия, что и запечатлело сообщение летописца о визите дьяка Третьяка Тишкова к Андрею Шуйскому.

Было бы, наверное, неправильно ограничивать круг участников подготовки занимающей нас сейчас политической крамолы одними только «московитами». К ней, судя по некоторым косвенным данным, могли иметь отношение и некоторые иностранцы. Вспомним, что при возвращении больного Василия III в Москву оказались «многие люди иноземцы и послы», прознавшие, по-видимому, о болезни государя и съехавшиеся в русскую столицу, чтобы находиться поближе к событию смены властителя на московском престоле. Вряд ли все они были безучастными зрителями происходящего. В этой связи уместно напомнить об одном эпизоде, хотя и произошедшем много раньше, но весьма в нашем случае показательном. Весной 1507 года польский король Сигизмунд I через своего посла говорил Юрию Ивановичу Дмитровскому «тайные речи»: «Хочем с тобою, братом нашим, быти в любви и в крестном целованьи, приятелю твоему быти приятелем, а неприятелю неприятелем, и ко всякому твоему делу хочем тебе помочью нашею готовы быти, и к осподарству, и готовы есмо для тебе брата нашего сами своею головою на конь всести со всеми землями и со всеми людьми нашими, и дела твоего, не меньше того как и своего, доводити, сколько нам милый Бог поможет».¹ Отсюда И.И.Смирнов сделал верный вывод о том, что Сигизмунд «прямо предлагал Юрию Дмитровскому заключить секретное соглашение, по которому польский король давал обязательство поддержать вооруженной

¹ Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 2. СПб., 1848, № 19. С. 21.

силой Юрия Дмитровского в его устремлениях “к осподарству”, т.е. в борьбе за московский престол». ¹ Трудно поверить, что перед нами исключительный случай, совершенно нетипичный для европейской дипломатии, в частности для соседних с Московией государств. Напротив, можно предположить, что подобные случаи были не редки, особенно в рассматриваемое время, когда Русь предстала перед изумленной Европой в блеске, силе и мощи Третьего Рима, возглавляемого благочестивым самодержцем, оберегающим истинную святоотеческую веру и апостольскую церковь. Замена московского великого князя, проникнутого духом самодержавия, на князя удельного, скажем, Дмитровского или Старицкого, привыкшего к правилам некоторого паритета власти московского великого князя и удельных князей, наносила бы вред самодержавной власти, да и вообще отрицательно сказывалась на складывании Русского Православного Царства, что отвечало интересам зарубежных врагов Руси. Вот почему нельзя исключать причастность иностранцев к организации мятежа, целью которого, как верно заметил И.И.Смирнов, «являлся захват великого княжения, т.е. низложение Ивана Грозного и возведение на престол Юрия». ² Московские власти пресекли крамолу решительно и быстро, арестовав мятежника: «И пойман бысть князь Юрьи Декабря в 11 день, а по великого князя преставлении в 7 день, в среду, на память преподобного отца нашего Данила Столпника». ³ Дмитровский князь умер «в изымании» 3 августа 1536 года. ⁴

Вторая попытка крамолы связана с именем другого удельного князя – Андрея Ивановича Старицкого. Началось все с того, что старицкий князь «бил челом великому князю Ивану Васильевичу всея Руси и его матери великой княгине Елене, а припрашивал к своей отчине городов... И князь велики и его мати великая княгиня Елена не придали ему городов к его отчине...». ⁵ Обиженный Андрей уехал в Старицу и «учал на великого князя и на его мать на великую княгиню гнев держати о том, что ему вотчины не придали». Этим сразу же воспользовались «лихие люди». Летописец, впрочем, не называет персонально тех, кто входил в их круг. Но, судя по тому, что они имели прямой доступ как к великому князю Ивану с его матерью Еленой Глинской, так и к Андрею Старицкому, у него речь идет о представителях высшего правящего сословия, т.е. придворных: «По дьяволу действу и лихих людей возмущением учиниша великому князю замятню: начаша вадити великому князю и его матери великой княгине на князя Ондreja, что князь Ондрей на великого князя и на его мать на великую княгиню гнев держать, что ему вотчины не придали, а хочет бежати; а князю Ондрею сказывают на великую княгиню, что хотят его поимати». ⁶ В конце концов, князь Андрей «дрогнул» и 2 мая 1537 года «побежал», то ли поддавшись интриге

¹ Смирнов И.И. Очерки... С. 23.

² Там же. С. 29.

³ ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 78, 420.

⁴ Там же. С. 90

⁵ Там же. С. 91, 428.

⁶ Там же. С. 91, 117, 428.

«слихих людей», то ли почуяв реальную опасность быть арестованным.¹ Из Старицы через Торжок он направился к Великому Новгороду, намереваясь его «засести», но, не дойдя до Новгорода, «своротил влево к Русе, да стал в Тюхале, от Заячскаго Яму за пять верст».² Однако нельзя буквально воспринимать рассказ летописца о «бегстве» Андрея. То было отнюдь не паническое бегство, а вполне организованный военный поход,³ ибо мятежный князь шел к Новгороду «со многю силою».⁴ Согласно другой новгородской летописи, старицкий князь «пойде ратью к Великому Новгороду».⁵ При этом Андрей «грамоты писал к великого князя г детем боярьским помещиком да и по погостом посылал, а писал в грамотах: “Князь великий мал, а держат государство бояре, и вам у кого служити? А яз вас рад жаловати”. И иные дети боярские к нему приехали служити».⁶ Андрей Иванович, таким образом, посягнул на высшую власть в государстве, придав своему «мятежу» характер государственного переворота.

В Новгород Андрей Старицкий поехал в расчете на поддержку новгородцев, памятуя, вероятно, о недавней упорной борьбе волховской столицы с Москвой. Да и «лихие люди» внушали удельному князю, что «Новгородцы Великого Новаграда будутъ ему ради».⁷ Он поверил этим политическим интриганам и потому, надо думать, посылал грамоты новгородцам, чтобы те «ему служили и взяли его собе в Новгород».⁸ По мнению И.И.Смирнова, «социальной силой, на которую мог бы рассчитывать в Новгороде Андрей Старицкий, являлось новгородское боярство (близкие к нему по социальной природе “житий люди”)».⁹ Что же «касается основной массы городского населения Новгорода, ремесленников и торговцев, то эти социальные группы, выступавшие против новгородского боярства и являвшиеся сторонниками присоединения Новгорода к Москве, никак не могли оказать поддержку Андрею Старицкому в его борьбе против московского великого князя».¹⁰ И действительно: «Владыко новгородцкой Мокарей и намесники, и вси новгородци... [Андрея] в Новгород не пустили».¹¹ Однако И.И.Смирнов вынужден все же признать, что «правительство Елены Глинской, которому стало известно от перебежчиков о намерении Андрея “засесть” Новгород и кото-

¹ См.: Тихомиров М.Н. Русское летописание. С. 220.

² ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 95, 116, 430.

³ См.: Смирнов И.И. Очерки... С. 56.

⁴ ПСРЛ. Т. IV. Ч. I. М., 2000. С.577. См. также: Шахматов А.А. О так называемой Ростовской летописи // ЧОИДР. 1904. Кн. I. С. 159. Об организованности похода говорит и тот факт, что накануне этого похода в Старицу к Андрею съехались «прибылые люди», которые «не всегда у него живут». – ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 93, 429.

⁵ Новгородские летописи. СПб., 1879. С. 69.

⁶ ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 95, 430.

⁷ Там же. С. 117.

⁸ Сборник Русского исторического общества. Т. 59. СПб., 1887, № 8. С. 137.

⁹ Смирнов И.И. Очерки... С. 58.

¹⁰ Там же. С. 59.

¹¹ Новгородские летописи. С. 69.

рое получило в свои руки грамоты, рассылавшиеся Андреем, очень серьезно отнеслось к угрозе превращения Новгорода в базу борьбы старицкого князя против Москвы и московского великого князя». ¹ Ситуация была для правительства особенно опасной вследствие того, что к заговору Андрея Старицкого имела отношение определенная группа московских княжат и бояр, о чем узнаем из первого послания Ивана Грозного князю Андрею Курбскому: «Тако же потом дядю нашего, князя Андрея Ивановича, изменники на нас подъяша, и с теми изменники пошел был к Новугороду (и которых хвалиши! Доброхотных и души за нас полагающих называеши!), и те в те поры от нас отступили и приложились к дяде нашему ко князю Андрею, а в головах твой брат, князь Иван князь Семенов сын... и иные многие. И тако Божиею помощию тот совет не совершися. Ино то ли тех доброхотство, которых ты хвалиши? И тако ли душу за нас полагают, оже нас хотели погубити, а дядю нашего воцарити?» ² По-видимому, «изменники», о которых говорит царь Иван Грозный в своем послании Курбскому, и есть те «лихие люди», что фигурируют в летописях (Летописце начала царства и Царственной книге). Во всех названных источниках они выступают как пособники мятежа Андрея Старицкого, как вдохновители и организаторы дворцового переворота, направленного против великого князя Ивана IV и его матери, правительницы Елены Глинской. Цель заговорщиков, как явствует из послания Грозного, состояла в том, чтобы «воцарити» Андрея Ивановича вместо Ивана Васильевича. Иными словами, крамольники подобно тому, как это произошло в случае с Юрием Дмитровским, попытались низложить Ивана IV и возвести на престол удельного князя Андрея Ивановича Старицкого. Замысел и в том и в другом случае был один: остановить развитие самодержавия на Руси. Если это верно, то едва ли можно полностью согласиться с И.И.Смирновым, когда он говорит, что к Андрею Старицкому *присоединилась* «какая-то часть московских княжат и бояр». ³ То же самое надо сказать и относительно заявления А.А.Зиминой о том, будто «на сторону князя Андрея *перешел* (курсив наш. — И.Ф.) ряд представителей феодальной знати...». ⁴ Подобного рода заявлениями упомянутые исследователи несколько снижают активность и самостоятельность действий придворной группировки, именуемой Смирновым «какой-то частью княжат и бояр», а Зиминым — «рядом представителей феодальной знати». У наших историков получается так, будто Андрей Старицкий, независимо от московской княжеско-боярской знати, задумал и поднял мятеж. И лишь затем к нему пристали знатные люди из Москвы. Думается, здесь следует иначе расставить акценты, выдвинув вперед группу княжат и бояр, враждебных русскому самодержавию и провоцирующих крамолу удельных князей, чтобы, используя их в качестве своих ставленников, повернуть эволюцию московской великокняжеской власти в сторону ограниченной монархии западного типа, в частности литовско-польского образца.

¹ Смирнов И.И. Очерки... С. 63. См. также: Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного... С. 245–246.

² Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 27, 75–76.

³ Смирнов И.И. Очерки... С. 66.

⁴ Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного... С. 246.

Эта группа, как следует из свидетельства Грозного, была достаточно многочисленной, составляя, по-видимому, одну из придворных партий, находящихся во взаимных столкновениях. Весьма существенно другое сообщение государя о том, что «в головах» данной группы находился родич Андрея Курбского — князь И.С.Ярославский. И.И.Смирнов по достоинству оценил это сообщение царя, заметив, что «Иван Грозный не только в общей форме говорит о переходе на сторону Андрея Старицкого группы княжат и бояр, но и называет имя одного из них — И.С.Ярославского».¹ Кажется, Грозный называет нам еще одно имя — М.В.Тучкова, бывшего дедом Андрею Курбскому по матери.² Он пишет, укоряя своего корреспондента: «Тако же и дед твой, Михайло Тучков, на преставление матери нашей, великие царицы Елены, про нее дьяку нашему Елизару Цыплятеву многая надменная словеса изрече...».³ Разумеется, сам по себе факт высказывания М.В.Тучковым «надменных словес» в адрес скончавшейся Елены Глинской не является указанием на его принадлежность к враждебной великому князю придворной группе.⁴ Тем не менее определение Грозным «словес» Тучкова как «надменных» выдает их содержание и характер. Надо полагать, то были «словеса» непочтительные, унижающие достоинство Елены в качестве законной жены Василия III и наследственной правительницы, что бросало в свою очередь тень на легитимность власти малолетнего великого князя и порождало соблазн покушения на нее. Не случайно Грозный поставил Михаила Тучкова в один ряд с княжатами и боярами, чьи «изменные дела» не вызвали у него никаких сомнений.⁵ И если царь имел на то основания (а думать иначе у нас нет причин⁶), то придется признать, что «изменники», воспользовавшись смертью Василия III, приобрели огромное влияние и власть. Достаточно вспомнить, что Михайло Тучков стал членом регентского совета при малолетнем великом князе Иване и Елене Глинской.⁷

¹ Смирнов И.И. Очерки... С. 66. Эти данные, содержащиеся в письме Ивана Грозного к Курбскому, исследователь справедливо считает «исключительно важными». — Там же.

² См.: Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988. С. 240.

³ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 25, 57, 74.

⁴ Н.Е.Носов на этом основании пришел к выводу о том, что М.В.Тучков «был личным врагом Елены Глинской». — Носов Н.Е. Становление сословно-представительных учреждений в России... С. 220-221.

⁵ Не потому ли в Царственной книге, отредактированной Грозным, имя Тучкова исключено из состава регентского совета при мальчике Иване IV, на что обратили внимание некоторые исследователи. — См.: Пресняков А.Е. Завещание Василия III... С. 77-78; Шмидт С.О. Новое о Тучковых (Тучковы, Максим Грек, Курбский) // Исследования по социально-политической истории России. Л., 1971. С. 131.

⁶ Носов Н.Е. Становление сословно-представительных учреждений в России... С. 221. Ср.: Альшиц Д.Н. Иван Грозный и приписки к лицевым сводам его времени // Исторические записки. Т. 23. 1947. С. 263-264. Возражения Д.Н.Альшицу см.: Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 69-70.

⁷ Смирнов И.И. Очерки... С. 33, 34, 44, 176. Ср.: Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного... С. 225-226.

Небезынтересны обстоятельства вхождения Тучкова в этот совет. Вопросы, связанные с регентством, Василий III, как известно, решал предварительно в очень узком составе советников: с тверским дворецким И.Ю.Шигоной-Поджоговым и с введенным дьяком Г.Н.Меншим-Путятиным.¹ Так вот на этом этапе среди намечаемых членов опекунского совета М.В.Тучков не значился. Он был введен в совет по просьбе ближнего советника государя М.Юрьева-Захарьина.² «У постели больного (Василия III. – *И.Ф.*), – пишет Р.Г. Скрынников по этому поводу, – произошел политический торг».³ Много в данном торге остается загадкой, хотя кое-что представляется более или менее ясным.

В частности, вполне очевидно то, что М.Юрьев-Захарьин, ходатайствуя за М.Тучкова перед великим князем, исходил, помимо прочего, из побуждений, обусловленных семейно-родственными связями (М.Юрьев-Захарьин приходился двоюродным дядей М.Тучкову). Однако резонно предположить наличие и других побудительных мотивов у М.Юрьева, но в чем они состояли, мы точно не знаем.

Не является большой загадкой само желание Тучкова приобщиться к верховной власти, понятное с точки зрения людской психологии. И он здесь, можно сказать, преуспел. В показаниях польского жолнера Войтеха из Познани, побывавшего в русском плену и бежавшего из Москвы в июле 1534 года, говорится, что «старшими воеводами на Москве» являются «князь Василий Шуйский, Михайло Тучков, Михайло Юрьев сын Захарьина, Иван Шигона, а князь Михайло Глинский, тые всею землею справуют...».⁴ Среди правителей государства, которые «землю справуют», Михайло Тучков, как видим, фигурирует у Войтеха на втором месте после князя Василия Шуйского, но впереди своего ходатая М.Юрьева-Захарьина, чем, вероятно, подчеркивались вес и значение его в совете.⁵ Вряд ли, однако, М.Тучков тянулся к власти ради самой власти. Стремясь попасть в опекунский совет, он, безусловно, преследовал какие-то конкретные политические цели. И, судя по негативному отношению к нему со стороны Ивана Грозного, эти цели, мягко говоря, не совпадали с интересами малолетнего государя и его матери Елены Глинской. Значит, Михаил Тучков если и не принадлежал к лагерю противников Ивана Васильевича и Елены Глинской, то, по крайней мере, был предрасположен к нему и, следовательно, в любой момент мог оказаться в числе «лихих людей», подбивавших Андрея Старицкого на мятеж.⁶

¹ ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 410. См. также: *Смирнов И.И.* Очерки... С. 25.

² См.: *Скрынников Р.Г.* 1) Царство террора. С. 83; 2) Иван Грозный. М., 2002. С. 12.

³ *Скрынников Р.Г.* Иван Грозный. С. 11.

⁴ Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 2. № 179. С. 331.

⁵ См.: *Шmidt С.О.* Новое о Тучковых (Тучковы, Максим Грек, Курбский) // Исследования по социально-политической истории. Сб. статей памяти Бориса Александровича Романова. Л., 1971. С. 131.

⁶ К этому надо добавить, что между А.И.Старицким и М.В.Тучковым существовали какие-то личные отношения. В январе 1533 г., например, М.В.Тучков присутствовал на свадьбе Андрея Старицкого. – *Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии в России... С. 240.

К «лихим людям», по всему вероятно, относились и отдельные представители старомосковского боярского рода Колычевых, связанные с князем Андреем.¹ Некоторые из них, будучи новгородскими помещиками, принимали непосредственное участие в мятеже старицкого князя, за что жестоко поплатились.² Другие были подвергнуты опале и наказанию, а кое-кто в великом страхе спасался бегством. Так, в дни розыска о мятеже торопливо покинул Москву, спасая свою жизнь, Федор Колычев³ – будущий митрополит Филипп. По мнению ряда исследователей, побег Колычева являлся следствием его причастности к мятежу Андрея Старицкого.⁴ Вина Федора являлась столь очевидной, а возможность наказания настолько вероятной, что беглец какое-то время скрывался в «веси» Кижии на Онежском озере, нанявшись пастухом овец к одному местному жителю по прозвищу Субота.⁵ «Деревенский пастух, – пишет Р.Г.Скрынников, – принадлежал к низшим группам сельского населения. Но в пастухах Колычеву было легче укрыться от глаз царских дозорщиков и посыльных».⁶ О том, где он находится, не знали даже его родители: «Родителем же его взысканию велику бывшу о нем, поискавше его в царствующем граде всюду, и по окрестным градовом и весем, и не обретше, и плакашеся, яко по мертвом».⁷ Пробыв «не мало дней» в пастухах, Федор Колычев перебрался затем в Соловецкий монастырь (около 1538–1539 гг.⁸), где принял постриг под именем Филиппа («и в Феодора ме-

¹ Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России... С. 182. См. также: Скрынников Р.Г. Государство и церковь на Руси XIV–XV вв.: Подвижники русской церкви. Новосибирск, 1991. С. 281.

² Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 144–145; Зимин А.А. 1) Колычевы и русское боярство XIV–XVI вв. // Археографический ежегодник за 1963 год. М., 1964. С. 60; Опричина Ивана Грозного. М., 1964. С. 215; Скрынников Р.Г. 1) Государство и церковь на Руси... С. 281–282; 2) Царство террора. С. 323; 3) Крест и корона. Церковь и государство на Руси IX–XVII вв. СПб., 2000. С. 266; Колобков В.А. Митрополит Филипп и становление московского самодержавия: Опричина Ивана Грозного. СПб., 2004. С. 102.

³ См.: Скрынников Р.Г. Государство и церковь на Руси... С. 282; Колобков В.А. Митрополит Филипп... С. 101, 104.

⁴ См.: Леонид. Жизнь святого Филиппа, митрополита Московского и всея России. М., 1871. С. 20; Савич А.А. Соловецкая вотчина XV–XVII вв. (Опыт изучения хозяйства и социальных отношений на крайнем Севере в Древней Руси). Пермь, 1927. С. 10–11; Федотов Г.П. Святой Филипп митрополит Московский. М., 1991. С. 23; Зимин А.А. 1) Митрополит Филипп и опричина // Вопросы истории религии и атеизма. Вып. 11. М., 1963. С. 273; 2) Опричина Ивана Грозного. С. 224–225; Скрынников Р.Г. 1) Государство и церковь на Руси... С. 282; 2) Царство террора. С. 324; 3) Крест и корона... С. 266–267; Колобков В.А. Митрополит Филипп... С. 103–104.

⁵ Лобакова И.А. Житие митрополита Филиппа: Исследование и тексты. СПб., 2006. С. 169.

⁶ Скрынников Р.Г. 1) Государство и церковь на Руси... С. 282; 2) Крест и корона... С. 267.

⁷ Лобакова И.А. Житие митрополита Филиппа... С. 170.

⁸ Зимин А.А. Опричина Ивана Грозного. С. 225.

сто нарекоша имя ему Филипп»¹). Р.Г. Скрынников обратил внимание на одну существенную деталь: «...новый послушник не открыл Соловецкому игумену и братии своего родового имени и чина».² Страх возмездия за содеянное в Москве владел им, следовательно, и в северной глуши.

Далее историк спрашивает: «Сделал ли он это смирения ради или по соображениям безопасности?». И отвечает: «Конечно, у Колычева была возможность уйти в монастырь с ведома властей, сдав поместье. Но он избрал другой путь. В новгородских документах того времени можно найти много указаний на то, что помещиков сажали в тюрьму и подвергали наказаниям за уклонение от службы. Опасность преследований грозила и Федору».³ Стало быть, у исследователя получается так, будто Федор Колычев скрытно от властей оставил поместье и ушел в монастырь, что означало по тогдашним временам уклонение от службы. Но ведь сам Р.Г.Скрынников заявляет, что утверждение, согласно которому «Колычев уже в момент бегства из Москвы решил постричься в Соловецком монастыре, вызывает большие сомнения. Помещик избрал не прямую дорогу на Белое море, а сначала отправился в свое поместье в Новгороде, а уже оттуда бежал в глухие заонежские погосты. Там он нашел прибежище в деревне “имянуемо Кижы” на Онежском озере».⁴ Значит, ни в Москве, ни в Новгороде Федор Колычев не помышлял об уходе в монастырь и о монашеском пострижении. Судя по всему, у него не было такого намерения и тогда, когда он достиг заонежских весей. В противном случае ему незачем было засиживаться в селении Кижы и пасти овец. Отнюдь не сразу, а по прошествии времени Федор решил отправиться на Соловки. Надоумил ли кто его совершить этот поступок или он сам додумался до него, мы не знаем. Но, даже появившись в Соловецком монастыре, Колычев скрывал свое настоящее имя, боясь обнаружить себя. Становится ясно, что не жажда духовного подвига побудила Федора Колычева бежать на Север, а страх перед наказанием за причастность к мятежу Андрея Старицкого. И лишь познав на собственном опыте превратности судьбы человеческой и призрачность жизни людской на сем свете, он обратился к Богу – благодетельному источнику вечной благодати.⁵

В исторической литературе предпринимались попытки изобразить события, связанные с бегством Федора Колычева, в сочувственном и выгодном для беглеца свете. Так, по словам П.Г.Федотова, «исторический излом русской жизни», вызванный мятежом Андрея Старицкого, «прошел жестоким рубцом через его среду, его семейный круг, раздавив его собственную

¹ Лобакова И.А. Житие митрополита Филиппа... С. 171.

² Скрынников Р.Г. 1) Государство и церковь на Руси... С. 283; 2) Крест и корона... С. 267.

³ Там же.

⁴ Скрынников Р.Г. 1) Государство и церковь на Руси... С. 282; 2) Крест и корона... С. 267.

⁵ А.А.Зимин, умаляя некоторым образом самостоятельность решения Федора Колычева, говорит о том, что «в 1537 г. в связи с делом князя Старицкого были казнены троюродные братья Федора (Филиппа), а сам он был пострижен в монахи». – Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного... С. 378.

карьеру».¹ Вместе с тем этот «исторический излом» оказался весьма поучительным для Федора Колычева: «Не ослабленным человеком партии вышел он из кризиса, но зрелым мужем, который зорко видит и по ту и по другую сторону рубежа, знает цену вещей и умеет различать Божеское от человеческого. Для будущего митрополита не могло быть лучшей начальной школы».² Непонятно, о какой «раздавленной» карьере Федора Колычева говорит П.Г.Федотов. Если о светской карьере, то, возможно, это справедливо, хотя однозначно сказать тут ничего нельзя. Что же касается духовной карьеры, то она была вполне успешной. Через сравнительно короткое время после пострижения («минувшим убо девятым летом») инок Филипп сделался игуменом прославленного Соловецкого монастыря. Вряд ли подобное возвышение Филиппа могло состояться без ведома и согласия митрополита Макария и царя Ивана IV. Ведь Соловецкий монастырь являлся одним из известнейших и крупнейших на Руси, будучи к тому же крепостью-форпостом Русского государства на Севере. Государь, конечно, помнил о недавней крамоле Федора Колычева, но простил, видно, виновного и не препятствовал его поставлению на игуменство.³ Больше того, со временем по настоянию Грозного, как известно, Филипп был возведен в сан митрополита. Все это, безусловно, характеризует царя Ивана и отнюдь не с худшей стороны, опровергая расхожие представления о его злопамятном и мстительном нраве. Следует согласиться с П.Г.Федотовым в том, что Федор Колычев вышел из кризиса, связанного с мятежом Андрея Старицкого, не ослабленным человеком, а зрелым мужем, познавшим сложность и опасность политической борьбы. Но при этом он не утратил партийных предпочтений. Понятно, почему позднее Филипп, вступив на митрополию, возобновил прежние связи с семьей старицкого князя,⁴ действуя порою вызывающе: «В своих первых посланиях в Соловецкий монастырь в июле – августе 1566 г. пастырь приказывал братии молиться за благоверного князя Владимира».⁵ В конкретных исторических условиях того времени подобная демонстрация расположения к Владимиру Старицкому не могла не вызвать осложнений в отношениях митрополита с царем. По этой, вероятно, причине «в последующих грамотах в Кирилло-

¹ Федотов Г.П. Святой Филипп... С. 23.

² Там же. С. 24.

³ Столь снисходительно-милосердное отношение государя тем более правдоподобно, что имело место в прощено-покаянный период правления Ивана IV, когда, наряду с Филиппом (Федором), прощены были и другие Колычевы. Р.Г.Скрынников в данной связи пишет: «Иван IV принял царский титул и венчался шапкой Мономаха. Колычевы заслужили прощение, и сначала один дядя Филиппа – И.И.Рудак, а затем другой – И.И.Умной вошли в Боярскую думу в чине окольничих. После десяти лет пребывания в Соловках положение Филиппа тоже переменялось. Старый игумен Алексей сложил с себя сан, и братия направила в Новгород Филиппа на рукоположение». – Скрынников Р.Г. 1) Государство и церковь на Руси... С. 283–284; 2) Крест и корона... С. 267–268.

⁴ Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 324. См. также: Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного... С. 378.

⁵ Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 324.

Белозерский монастырь (24 ноября 1567 г.) и на Соловки (30 января 1568 г.) имя Старицкого не упоминалось».¹

Возможно, из-за длительного пребывания в Соловецком монастыре, т.е. вдали от Москвы, Филипп утратил умение ориентироваться в тонкостях придворной политической борьбы. Однако он сохранил, как мы только что убедились, приязнь к старицким князьям, подогревая ее воспоминаниями о мятежных днях 1537 года, когда «лихие люди», в числе которых был и наш герой, «учиниша замятну велику и възмутиша князя Андрия Ивановича», чтобы воспрепятствовать превращению московской монархии в теократическое самодержавие. Выступая на стороне Андрея Старицкого, Федор Колычев следовал примеру своих родичей, многие из которых служили удельному князю.² Последнее обстоятельство вызвало у А.А.Зими́на некоторое недоумение. «Остается не вполне понятным, – говорит он, – почему ряд Колычевых сделались вассалами старицкого князя Андрея Ивановича. Возможно, дальнейшее изучение их землевладения даст ключ к решению этой загадки».³ Думается, что ключ к решению этой загадки следует искать в религиозно-политической борьбе, заметно обострившейся в конце правления Василия III и углубившей разделение княжеско-боярской знати на два лагеря – сторонников и противников самодержавной власти.

К числу противников московского самодержавия принадлежали и ярославские князья. Из послания Грозного князю Курбскому выявляется давняя, так сказать, фамилно-родовая оппозиционность потомков удельных ярославских князей к московским великим князьям. Еще дед Курбского Михайло Карамыш вместе с Андреем Углицким «умышлял» против Ивана III «изменные обычаи».⁴ Особый интерес для нас представляет сообщение Ивана Грозного об отце Андрея Курбского. «Тако же и отец твой, князь Михайло, – говорит царь Андрею, – с великим князем Дмитрием внуком на отца нашего, блаженные памяти великого государя Василия, многия пагубы и смерти умышлял...».⁵ М.М.Курбский, следовательно, принадлежал к партии Дмитрия-внука, которая, как известно, являлась придворной партией еретиков, возглавляемых Еленой Волошанкой и Федором Курицыным. Эта партия, несмотря на ряд тяжелых поражений, сопровождавшихся казнями и преследованиями «жидовствующих», продолжала существовать подпольно, превратившись в центр притяжения вольнодумства, расшатывавшего устои православной веры, в оплот борьбы с русским самодержавием и русской церковью. Ей противостояла партия сторонников самодержавной власти, православия и апостольской церкви. Две названные партии, собственно, и образовывали, если дозволено так выразиться, придворный политический пейзаж на Руси

¹ Там же.

² Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России... С. 176, 180–181, 182.

³ Зимин А.А. Колычевы и русское боярство XIV–XVI вв. С. 60.

⁴ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 25, 57, 74.

⁵ Там же.

конца XV – середины XVI столетия. Других религиозно-политических группировок тогда не было. Следовательно, по тому, как те или иные представители княжеско-боярской знати относились к упомянутой триаде и, в частности, к русскому самодержавию, олицетворяемому московским великим князем, можно безошибочно определить их, условно говоря, партийную принадлежность. И если князь И.С.Ярославский, по словам Ивана Грозного, «приложился» к Андрею Старицкому,¹ используемому некоторыми княжатами и боярами в борьбе с утверждающимся в Москве самодержавием, то можно почти наверняка сказать, что он либо был причастен к партии еретиков, либо сочувственно относился к ней.

Менее отчетливо вырисовывается религиозно-политическая физиономия Михаила Тучкова. Однако нет ничего невероятного в том, что М.В.Тучков придерживался одинаковых с князем И.С.Ярославским воззрений. Правда, у нас нет прямых данных, подтверждающих это предположение, но кое-какие косвенные сведения все же имеются. Мы знаем, например, о длительном пребывании (1511–1515 гг.) Тучкова с дипломатической миссией в Крыму,² где с давних времен существовала иудейская община, переживавшая в конце XV – начале XVI века известный подъем в связи с массовым переселением евреев из Западной Европы в Турцию.³ Переселенцы прочно осели в Константинополе – Стамбуле.⁴ Тактика их поведения здесь, впрочем как и везде, «состояла в том, чтобы быть в постоянных сношениях с властями, ладить с ними, подкупать», помогая «друг другу проникать в правящие сферы».⁵ Поскольку крымский хан являлся вассалом турецкого султана, укрепление позиций евреев в Османском государстве благотворным образом сказывалось на положении еврейской общины в Крыму, стимулируя ее религиозно-политическую активность в деле распространения еретических учений, оформившихся на Руси в виде «ереси жидовствующих». Не случайно некоторые исследователи выводят ересиарха Схарию, посеявшего семена этой ереси в Новгородской земле, именно из Крыма.⁶ Там, по-видимому, существовал центр подготовки кадров для работы в христианских странах, прежде всего в Русском государстве, о чем, по нашему мнению, довольно красноречиво свидетельствует странная на первый взгляд почти двухлетняя задержка в Крыму Максима Грека на пути его в Москву. М.В.Тучков мог тоже подвер-

¹ По Я.С.Лурье, это означало участие И.С.Ярославского в заговоре Андрея Старицкого. – Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 389.

² Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России... С. 240.

³ См.: Поляков Л. История антисемитизма. Эпоха веры. М.; Иерусалим. 1997. С. 130, 142–144.

⁴ См.: Петросян Ю.А. Османская империя. Могущество и гибель: Исторические очерки. М., 1990. С. 74.

⁵ Тихомиров Л. Религиозно-философские основы истории. М., 1997. С. 356.

⁶ См.: Лурье Я.С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV – начала XVI века. М.; Л., 1960. С. 130–133; Прохоров Г.М. Прение Григория Паламы «с хионы и турки» и проблема «жидовская мудрствующих» // ТОДРЛ. Т. XXVII. Л., 1972.

гнуться определенному воздействию во время своего нахождения в Крыму и, вернувшись домой, влиться в ряды еретической партии, вскоре вступившей в непримиримую борьбу с московским самодержавием.

Примечательно, что М.В.Тучков выдал свою дочь замуж за князя М.М.Курбского.¹ От этого брака родился сын Андрей – знаменитый впоследствии враг «самодержавства» Ивана Грозного и, как мы покажем ниже, не лишенный проявлений вольнодумства в вопросах православной веры. Что касается М.М.Курбского, нами уже отмечалась его принадлежность к сторонникам Дмитрия-внука, составивших еретическую партию, возглавлявшуюся великой княгиней Еленой Стефановной и дьяком Федором Курицыным. Едва ли М.М.Курбский переменял свои взгляды впоследствии. Похоже, он их передал сыну Андрею. Но коль это так, то вряд ли женитьба Курбского на дочери Тучкова состоялась, если бы тесть и зять относились к разным придворным партиям и являлись бы политическими противниками.

Нельзя пройти мимо некоторых других деталей, выдающих людские предпочтения М.В.Тучкова. Они довольно показательны. Тучков, насколько известно, выступил в 1527 году одним из поручителей по князе М.Л.Глинском,² засвидетельствовав тем самым свое, по крайней мере, расположение к нему, если не идейную близость. Поэтому вряд ли прав Н.Е.Носов, когда он причисляет М.В.Тучкова к старым «супротивникам» князей Глинских и, в частности, Михаила Львовича Глинского.³ Это не так. И поручительство Тучкова за Глинского здесь показательно. Важно иметь в виду, что М.В.Тучков взял на себя поручительство за человека западной политической культуры, чуждой опыту строительства самодержавного государства, как это было в России. Мы не знаем, в какой мере взгляды «старомосковского» боярина соответствовали представлениям «залетного» князя о пределах власти монарха. Но какие-то идейные созвучия здесь у них, по-видимому, были. Отсюда, надо полагать, их взаимная приязнь, а вероятно – и сотрудничество. Относительно последнего говорят некоторые косвенные факты, прежде всего тесная связь М.В.Тучкова с князем И.Ф.Бельским,⁴ который сочувственно относился к заговору М.Л.Глинского. Когда этот заговор провалился и в Литву побежали его участники князь Семен Федорович Бельский и окольничий Иван Васильевич Ляцкий⁵ вместе со многими детьми боярскими (дворянами великого князя), то советчиком беглецов был Иван Федорович Бельский⁶ – родной брат Семена Федоровича. Не исключено, что советы Бельского, помимо про-

¹ Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России... С. 92, 240.

² Там же. С. 240.

³ Носов Н.Е. Становление сословно-представительных учреждений в России... С. 220.

⁴ Исследователи называют М.В.Тучкова сторонником Бельских и, в частности, И.Ф.Бельского, ближайшим союзником последнего. – См.: Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России... С. 240; Шмидт С.О. Новое о Тучковых... С. 131; Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 88.

⁵ См.: Смирнов И.И. Очерки... С. 40.

⁶ ПСРЛ. Т. VIII. С. 267; Т. XIII. Продолжение. С. 79. См. также: Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного... С. 229–230.

чего, касались того, как вести себя беглецам в Литве и, быть может, какую веру там исповедовать. Конфессиональные наставления Ивана Бельского тем более вероятны, что он, как поведал нам князь Андрей Курбский, «не токмо был мужествен, но и в разуме мног, и *Священных Писаний в некоторых искусен*» (курсив наш. – И.Ф.).¹ Что скрывается у Курбского за некоторыми священными писаниями, в которых И.Бельский был «искусен», догадаться трудно. Ясно лишь одно: речь у него идет не только о православии, но и о других вероучениях, в том числе, возможно, еретических. Курбский, подверженный сам религиозному шатанию, знал, надо думать, что говорил.

Бежавшие в Литву Семен Бельский и Иван Ляцкий, следуя советам Ивана Бельского, всеми силами старались угодить тамошней власти. Иван Грозный свидетельствует: «Князь Семен Бельской да Иван Ляцкой оттекоша в Литву и тамо скакаша бесящася и во Царьград, и в Крым, и в нагаи, и отвсяду на православие рати воздвизающе...».² Их старания были хорошо оплачены. Ляцкий, в частности, получил в Литве щедрое вознаграждение.³ Но главное для нас не в этих наградах, а в том, что Семен Бельский и Иван Ляцкий, по словам Грозного, «отвсяду на православие рати воздвизающе», т.е. со всех сторон поднимали рати на православную веру, разумеется, с целью ее искоренения.⁴ Именно к такому толкованию слов царя Ивана склоняет ключевое в тексте выражение *бесящася*, связывающее Бельского и Ляцкого с *бесовищиной* – враждебной православному христианству силой. Надо сказать, что здесь Иван Грозный перекликается с летописцем, который сообщал: «И въсхотеша въ государеве царстве учинити мятежь князь Семен Федоровичъ Бельской, Иван Лятского, с великого князя службы збежали от православныя веры христианьския и от благочестиваго государя въ Латыньство къ Жигомонту королю Польскому».⁵ Напомним, что под «латынством» наши предки, жившие в XVI веке, понимали не только одно католичество, но и все западные религиозные учения. В целом же летописец говорит не только об участии Бельского и Ляцкого в политической акции («мятеже»), но и об их отступничестве от православной веры, соединяя одно с другим взаимозависимостью, или причинно-следственной связью. Возникает вопрос, нет ли тут намек на принадлежность беглецов к религиозно-политической партии противников православного «Святорусского царства» и «христианского самодержавства», ведущих свое происхождение от «жидовствующих» конца XV века и активизировавших свою деятельность в исходе правления Василия III? Утвердительный ответ здесь не покажется натянутым. И вот эти люди

¹ Библиотека литературы Древней Руси. Т. 11. XVI век. С. 314.

² Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 75.

³ Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России... С. 188.

⁴ Я.С. Лурье и О.В.Творогов предлагают несколько иной перевод: «отовсюду шли (Бельский и Ляцкий. – И.Ф.) войной на православных». Но их перевод не точен, поскольку в тексте послания Грозного употреблено слово «православие», а не «православные». К тому же войной шли не Бельский с Ляцким, а насылаемые ими на православие вражеские рати.

⁵ ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 83; Т. XX. Ч. 2. СПб., 1914. С. 424.

следуют советам Ивана Бельского, что, конечно же, невозможно представить без наличия у них доверительных отношений и определенной близости мировоззрений. Так по некоторым косвенным деталям и признакам очерчивается круг единомышленников, включающий М.Л.Глинского, С.Ф.Бельского, И.В.Ляцкого, И.Ф.Бельского. Нельзя при этом забывать, что с князем Иваном Бельским был тесно связан боярин Михаил Тучков. Поэтому их постигла общая судьба. Они оба подверглись преследованиям со стороны пришедших к власти Шуйских.¹

Продолжая анализ косвенных данных (других, к сожалению, нет), касающихся религиозной направленности М.В.Тучкова, можем в какой-то мере судить о том, насколько он был крепок в православной вере. Эту возможность получаем, присмотревшись к деятельности его старшего сына Василия, известного среди современников своей образованностью, начитанностью и литературными наклонностями.²

Тучков-сын, по свидетельству келейного старца Афанасия, был частым гостем у Максима Грека.³ Принадлежность В.М.Тучкова к кружку Максима Грека, как и его «культурная близость» с ним, установлена исследователями.⁴ Во время душевных бесед «Максим объяснял Тучкову некоторые неясные места священных текстов, переводил и комментировал по его просьбе отрывки из трудов византийских авторов». ⁵ Святогорец, как мы знаем, плохо кончил, будучи обвинен в ереси, причем небезосновательно, поскольку судебное разбирательство над ним показало, что он допускал еретические отклонения от православных установлений. Свои сомнительные с точки зрения православной ортодоксии мысли Максим Грек, надо полагать, сообщал Василию Тучкову, а тот, по-видимому, сочувственно внимал ученому монаху. Недаром специалисты, изучавшие творчество «Максима Философа» числили В.М.Тучкова среди его «последователей, учеников и почитателей». ⁶

Обсуждение религиозных вопросов в келье Максима Грека носило отнюдь не отвлеченный характер, затрагивая реальные проблемы церковно-монастырской жизни и государственного строительства на Руси. «В кружке Максима, — пишет С.О.Шмидт, — беседовали не только на религиозные темы, но и на общественно-политические: Максима “вспрашивали”, “как устроить государю землю свою и как людей жаловати, и как митрополиту жити”; затрагивались и волновавшие посетителей кельи острые вопросы внутренней и внешней политики, придворной жизни». ⁷ Соединение религиозной теории с церковно-монастырской и государственно-политической практикой

¹ ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 98, 432.

² Шмидт С.О. Новое о Тучковых... С. 133.

³ ААЭ. Т. I. СПб., 1836, № 172. С. 141.

⁴ См.: Ржизга В.Ф. Опыты по истории русской публицистики XVI века. Максим Грек и его время // ТОДРЛ. Т. I. 1934. С. 37, 81; Шмидт С.О. Новое о Тучковых... С. 136.

⁵ Шмидт С.О. Новое о Тучковых... С. 136.

⁶ Иконников В.С. Максим Грек и его время. Киев, 1915. С. IV.

⁷ Шмидт С.О. Новое о Тучковых... С. 136–137.

есть отличительный признак, характеризующий деятельность еретической партии конца XV – середины XVI века. Поэтому кружок Максима Грека, занимавшийся обсуждением широкого круга религиозных и политических вопросов, следует, на наш взгляд, рассматривать как своеобразную школу подготовки и формирования кадров для этой партии.

Весьма значим вопрос, знал ли М.В.Тучков о встречах своего сына с Максимом Греком и о содержании их бесед. Скорее всего, знал. Так позволяют думать некоторые обстоятельства, связанные с доносом Тучковых на Максима. Когда религиозные и политические высказывания Грека получили огласку и приобрели скандальный характер, М.В.Тучков поспешил понудить сына донести Василию III на Максима. По словам С.О.Шмидта, «судный список Максима Грека дает основание думать, что большую роль в доносителестве играл не Василий Тучков, а его отец, более искушенный в политических обстоятельствах, именно М.В.Тучков бил челом государю по этому поводу, что и позволяет говорить о “доносе Тучковых, а не одного В.Тучкова”».¹ Старший Тучков, следовательно, был осведомлен о посещении своим сыном кружка Максима Грека и разговорах, ведущихся в келье ученого старца. Но он молчал, одобряя, по-видимому, сыновнее увлечение «Максимом Философом», а значит, – и науку иночествующего мудреца. И лишь с опалой Максима и привлечением его к судебной ответственности за высказывания еретических взглядов последовал донос Тучковых на Святоторца. Не составляет труда догадаться, что сделано это было ими с целью упредить роковое развитие событий, обезопасить себя от возможных подозрений в причастности к ереси и обвинений в политической фронде по отношению к самодержавной власти московского государя.

Итак, приведенные выше факты и суждения позволяют говорить о существовании в Москве на протяжении 30-х годов XVI века достаточно многочисленной княжеско-боярской партии с поврежденным ересью «жидовствующих» религиозным сознанием² и оппозиционно настроенной к русскому самодержавию, партии, идеалом которой являлась ограниченная монархия наподобие королевской власти соседнего Польско-Литовского государства. Подтверждается свидетельство Ивана Грозного о «многих изменниках» времен регентского правления его матери Елены Глинской, отступивших от законного государя и «приложившихся» к удельному князю.³ Этим «изменникам», представлявшим сплоченную группу (партию), противостояли сторонники московского «самодержавства», преданные православной вере и церкви. Борьба между ними особенно обострилась в последний период правления Василия III и в годы малолетства Ивана IV, внешним выражением чего ста-

¹ Там же. С. 138.

² Фактически это признает и А.А.Зимин, относя свои наблюдения к правлению Василия III в целом. Он пишет: «Василий III оставался всю жизнь врагом еретического вольномыслия. Но в его окружении было немало людей с несомненными гуманистическими взглядами и интересами». – *Зимин А.А.* Россия на пороге нового времени... С. 421.

³ См.: Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 27, 76.

ли судебные разбирательства по делу Вассиана Патрикеева и Максима Грека, а также мятежи Юрия Дмитровского, Андрея Старицкого и М.Л.Глидского.

Важно отметить, что еще тогда у «изменников» обнаружился тактический прием, характеризующийся умением «искусно волновать» горожан в наиболее драматические и решающие моменты политического противоборства. Делалось это с целью вызвать общественные беспорядки и тем устрасить власть, заставив ее пойти на уступки. На волнения городского люда, сопровождавшие мятеж старицкого князя, обратили внимание некоторые исследователи. Так, И.И.Смирнов замечал: «По-видимому, мятеж Андрея Старицкого дал толчок к какому-то выступлению московских городских низов».¹

П.П.Смирнов рассматривал это выступление в ряду «первых политических выступлений горожан – посадских людей».² Историк предложил своеобразную трактовку причин народных волнений в Москве. Он писал: «Уже в 1537 г., когда правительство фаворита великой княгини, князя Овчины Телепнева-Оболенского, расправлялось при помощи карательной экспедиции с движением новгородских землевладельцев, хотевших отъехать от великого князя к дяде его, удельному старицкому князю Андрею Ивановичу, в Москве произошло какое-то движение, вызванное, возможно, перспективой отпадения Новгородской земли».³

Высказывался по поводу выступления москвичей в 1537 году и А.А.Зимин. «В самой Москве происходило, очевидно, волнение горожан», – писал он, касаясь заговора старицкого князя.⁴ В другой раз он говорит более определенно: «Как бы то ни было, но отрицать возможность участия в волнениях 1537 г. посадских людей нельзя».⁵ Этими словами А.А.Зимин реагировал на утверждение С.В.Бахрушина, по которому волнение, «происшедшее в Москве в 1537 г. в связи с мятежом удельного князя Андрея Ивановича Старицкого, коснулось не столько посада, сколько феодалов».⁶

К сожалению, в источниках сохранились единичные и довольно глухие известия о волнениях 1537 года в Москве. Новгородский летописец, приступая к рассказу о мятеже Андрея Старицкого, сообщает: «Божиим поущением за грехи наша бысть на Москве волнение велико, хотя бо враг, искони ненавистник добру человеку, внести межусобную брань».⁷ Второе известие о московском волнении 1537 года содержит Летописец начала царства, где читаем: «И князь великий и его мати великая княгиня на князя Андрея гнев свой и опалу положили в том, чтобы вперед такие замятни и волнения

¹ Смирнов И.И. Очерки... С. 74. См. также: Смирнов И.И. Классовая борьба в Московском государстве в первой половине XVI в. С. 91.

² Смирнов П.П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. Т. I. С. 104–105.

³ Там же. С. 105.

⁴ Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного... С. 246.

⁵ Там же. С. 289.

⁶ Бахрушин С.В. Научные труды. Т. I. М., 1952. С. 208 (прим. 17).

⁷ ПСРЛ. Т. IV. Ч. I. С. 576.

не было, понеже многие люди Московские поколебались были. И велел князя Андрея поимати и посадити его в полате за сторожи...».¹ Вторая летописная запись, как видим, более информативна, чем первая. Если из первой записи можно узнать лишь о факте волнения, случившегося в Москве в 1537 году, то вторая позволяет связать непосредственно московскую «замятню» с мятежом князя Андрея. Поэтому арест удельного князя представлен в ней в качестве меры, предупреждающей возможность повторения «волнения».

Летописные известия не содержат прямых указаний насчет участников «замятни». Но для И.И.Смирнова тут нет никакой загадки. Исследователь пишет: «Известие “Летописца начала царства”, сопоставленное с известием Новгородской летописи, дает возможность более конкретно представить себе характер “волнения великого”, бывшего в Москве в 1537 г. Вряд ли можно сомневаться, что под “многими людьми московскими”, которые “поколебались” во время мятежа Андрея Старицкого, “Летописец начала царства” подразумевает московские городские низы, волнения которых во время мятежа Андрея Старицкого явились, несомненно, формой антифеодальной борьбы социальных низов. Потрясения внутри господствующего класса феодалов, вызванные выступлением Андрея Старицкого, способствовали обострению противоречий внутри городского населения Москвы, выражением чего и явилось “волнение велико” на Москве. Вряд ли поэтому можно принять предложение П.П.Смирнова о том, что движение в Москве во время мятежа Андрея Старицкого было вызвано, “возможно, перспективой отпадения Новгородской земли”. Правильная оценка характера волнений в Москве в 1537 г. может быть дана, если рассматривать их в перспективе развития классовой борьбы в Москве в 30–40-х годах XVI в. – борьбы, высшей точкой подъема которой явилось восстание московских черных людей в июне 1547 г.».²

И.И.Смирнов поступает, на наш взгляд, правильно, не соглашаясь со своим однофамильцем П.П.Смирновым, который причину московских волнений 1537 года пытался объяснить возможной «перспективой отпадения Новгородской земли» от Москвы. Однако он едва ли прав, когда связывает эти волнения только с городскими низами, исключая участие в них представителей привилегированных сословий. Выражение летописца «многие люди московские» указывает, по нашему мнению, на более широкий круг людей, причастных к движению, чем один лишь городской плебс (городские низы, по И.И.Смирнову). Выступление новгородских дворян на стороне Андрея Ивановича Старицкого делает вероятным нечто такое же и в Москве. Весьма красноречив здесь пример с Федором Колычевым, сбежавшим из Москвы после подавления мятежа старицкого князя. Надо думать, что и «лихие люди» из княжеско-боярской знати внесли свою лепту в московское движение 1537 года, сея смуту в сознание посадских людей ложными сведениями и побуждая их к беспорядкам, как это было, скажем, во время июньского восстания 1547 года в Москве. Столь пестрый состав людей (от простых до знатных),

¹ ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 118.

² Смирнов И.И. Очерки... С. 74.

имевших отношение к движению в Москве 1537 года, предостерегает нас от истолкования данного движения как социального, а тем более — как антифеодалного. Это по сути своей движение социально-политическое, в основе которого была борьба за власть и влияние, но не ради власти и влияния как таковых, а с целью остановить созидание на Москве «истинного христианского самодержавства», соединяющего в единое целое власть и веру, церковь и государство. Вопреки И.И.Смирнову, правильная оценка характера волнений 1537 года в Москве не может быть дана, если рассматривать их в перспективе развития классовой борьбы в Москве в 30–40-х годах XVI века. Верная оценка характера этих волнений может быть дана, по нашему убеждению, в том случае, если рассматривать их в перспективе развития самодержавия на Руси и в плане борьбы с самодержавной властью в Москве на протяжении 30-х — начала 60-х годов (вплоть до Опричнины) XVI века.

Важно иметь в виду, что вступление враждебных Святой Руси сил в противоборство с московским самодержавием не означало противодействие централизации Русского государства. Следует, в частности, согласиться с В.Б.Кобриным в том, что любой результат мятежа Андрея Старицкого «укреплял централизацию. Победы Андрей, стань он великим князем, его княжество было бы тем самым ликвидировано так же, как и при его поражении».¹

Надо сказать, что становление самодержавной власти никогда не было связано напрямую с ходом государственной централизации, хотя определенные взаимосвязи между этими процессами имели место.² Даже в период боярского правления, заметно ослабившего власть самодержца, политика строительства Русского централизованного государства не подвергалась пересмотру, и мы не видим каких-либо попыток со стороны княжеско-боярской аристократии задержать это строительство,³ а тем более повернуть вспять процесс централизации.⁴ А.А.Зимин прав, когда говорит: «В годы боярского правления вопрос уже не шел и не мог идти о возвращении к временам феодальной раздробленности. Во время княжеско-боярских свар борьба шла не за расчленение государства на удельные “полугосударства”, а за овладение центральным правительственным аппаратом, за превращение его

¹ Кобрин В.Б. Иван Грозный. М., 1989. С. 22.

² Ср.: Смирнов И.И. Очерки... С. 27; Скрынников Р.Г. Опричный террор. С. 79.

³ Ср.: Смирнов И.И. Очерки... С. 3.

⁴ Г.В.Абрамович, касаясь правительственной деятельности Ивана Васильевича Шуйского при малолетнем Иване IV, подчеркивал его положительную роль в деле государственного строительства, говоря, что князь Шуйский «продолжал линию, направленную на дальнейшее укрепление Русского централизованного государства, намеченную предшествующими правителями: выпускал и рассылал на места губные грамоты, укрепляющие позиции и права местного дворянства и крестьянства в борьбе с разбоями — страшным злом тех времен. В интересах поместного дворянства, главной социально-политической опоры центральной власти, Иван Васильевич продолжил большое поместное верстание, начатое в 1538 г.». — Абрамович Г.В. Князя Шуйские и Российский трон. Л., 1991. С. 83.

в орудие корпоративных интересов феодальной аристократии».¹ Обладание центральным правительственным аппаратом давало лицам, захватившим рычаги управления государством, кроме материальных выгод, огромное политическое влияние и власть, способную сдерживать самодержавные стремления московских государей и даже вести дело к установлению в Русском государстве ограниченной монархии, как это наблюдалось во времена Избранной Рады.

Таким образом, княжеско-боярская группировка, генетически, так сказать, связанная с еретической партией Елены Волошанки и Федора Курицына, предприняла после смерти Василия III ряд акций, призванных остановить процесс развития самодержавия на Руси, но в очередной раз потерпела поражение. Нужно было снова собирать силы для дальнейшей борьбы с самодержавной властью. В это трудное и сложное для противников русского самодержавия время и вызывается в Москву из Новгорода Сильвестр.

* * *

Очень скоро обозначилась политическая позиция новгородского переселенца. Сильвестр, как мы знаем, выступил инициатором освобождения из заключения старицкого князя Владимира Андреевича и его матери княгини Ефросиньи. Инициатива Сильвестра была, на наш взгляд, обусловлена не столько чувством христианского милосердия, сколько соображениями политического свойства, связанными с перспективой борьбы против самодержавия Ивана IV. Последующие события, о которых речь впереди, подтверждают данное предположение. Особенно красноречивы здесь тесные контакты Сильвестра со старицкими правителями,² вылившиеся в попытку государственного переворота весной 1553 года. Следовательно, Сильвестр изначально проявил себя как противник самодержавия. В этом качестве он, судя по всему, и был востребован в Москве определенными придворными кругами, вынашивавшими планы борьбы с московским самодержавством.³

¹ *Зимин А.А.* Реформы Ивана Грозного... С. 224. «Боярское правление, — пишет Р.Г.Скрынников, — не привело к распаду единого государства. Более того, в 1534–1537 гг. были ликвидированы два крупнейших в стране удельных княжества — Дмитровское и Старицкое». — *Скрынников Р.Г.* Царство террора. С. 89.

² См.: *Скрынников Р.Г.* Начало опричнины. С. 87, 98, 113–114. «Симпатии Сильвестра, — пишет А.А. Зимин, — всецело принадлежали Владимиру Старицкому... в силу его давних связей со старицким двором...» (*Зимин А.А.* И.С.Пересветов и его современники... С. 48). Весьма вероятной представляется А.А.Зимину связь Сильвестра и с самим Владимиром Старицким. — Там же. С. 44.

³ А.А.Зимин правильно, на наш взгляд, освещает вопрос, рассуждая о боярской группировке, «интересы которой фактически отражал Сильвестр» (*Зимин А.А.* И.С.Пересветов и его современники... С. 45). Но с ним нельзя безоговорочно согласиться, когда он заявляет о том, будто Сильвестр служил «удобной ширмой» для «определенных боярских кругов» (Там же). Если это и было так, то до возникновения Избранной Рады, со времени которой «поп-невежа» стал неформальным лидером боярской партии, оппозиционному самодержавному режиму.

Отсюда наше решение проблемы митрополит Макарий – поп Сильвестр. О том, что такая проблема существует, свидетельствуют многолетние на сей счет споры, ведущиеся в историографии. Недавно В.В.Шапошник, рассмотрев относящиеся к данной проблеме суждения историков, выделил значительную группу исследователей, писавших об отношениях приязни и сотрудничества Сильвестра с Макарием.¹ В эту группу у него вошли Евгений (Болховитинов), Н.В.Толстой, Д.П.Голохвастов и Леонид, В.Малинин, П.Миртов, С.Ф.Платонов, И.И.Смирнов, И.У.Будовниц, С.О.Шмидт, Д.Н.Альшиц, Н.М.Рогожин, В.В.Колесов, А.И.Филюшкин.² Данный перечень можно было бы пополнить именами Н.М.Карамзина, Н.Лебедева, А.В.Михайлова, В.И.Сергеевича, Р.Ю.Виппера.³ Существует и другая, правда, менее многочисленная группа историков, отрицающих близкую политическую связь митрополита с благовещенским священником (К.Заусцинский, И.Н.Жданов, П.Г.Васенко, Г.Флоровский, С.В.Бахрушин, А.А.Зимин, Б.Н.Флоря).⁴

¹ Шапошник В.В. Церковно-государственные отношения в России в 30–80-е годы XVI века. СПб., 2002. С. 62, 99 (прим. 220).

² Евгений (Болховитинов). Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина Греко-Российской церкви. Т. 2. СПб., 1827. С. 14; Толстой М.В. История русской церкви. 1991. С. 388; Голохвастов Д.П. и Леонид. Благовещенский иерей Сильвестр и его писания. М., 1874. С. 9–11; Малинин В. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его писания. Киев, 1901. С. 677; Мартов П. Знаменитый древнерусский священник // Странник. 1903, март. С. 392–399; Платонов С.Ф. 1) Сочинения по русской истории. Т. I. Л., 1993. С. 200–201; 2) Иван Грозный М., 1998. С. 43; Смирнов И.И. Очерки политической истории Русского государства 30–50-х годов XVI века. М.; Л., 1958. С. 136, 233, 242, 253, 255; Будовниц И.У. Русская публицистика XVI века. М.; Л., 1947. С. 193; Шмидт С.О. 1) Становление российского самодержавства (Исследования социально-политической истории времени Ивана Грозного). М., 1973. С. 150; 2) Митрополит московский Макарий и государственные преобразования России в середине XVI века // Тысячелетие крещения Руси. Международная церковная научная конференция «Богословие и духовность». Москва, 11–18 мая 1987 года. М. 1989. С. 290–291; 3) Россия Ивана Грозного. М., 1999. С. 241; Альшиц Д.Н. 1) Начало самодержавия в России. Государство Ивана Грозного. Л., 1988. С. 72; 2) Иван Грозный: известный и неизвестный. От легенд к фактам. СПб., 2005. С. 89; Рогожин Н.М. Иван Михайлович Висковатый // «Око всей великой России». М., 1989. С. 38; Колесов В.В. Домострой как памятник средневековой культуры // Домострой. СПб., 1994. С. 308; Филюшкин А.И. История одной мистификации: Иван Грозный и «Избранная Рада». М., 1998. С. 310.

³ Карамзин Н.М. История Государства Российского. Кн. II. Т. VIII. М., 1989. С. 65; Лебедев Н. Стоглавый собор (1551 г.) // Чтения в обществе любителей духовного просвещения. 1882, кн. I. С. 19; Михайлов А.В. К вопросу о редакциях Домостроя. его составе и происхождении // ЖМНПросв. 1889, № 3. С. 131; Сергеевич В.И. Древности русского права. Т. II. СПб., 1908. С. 401; Виппер Р.Ю. Иван Грозный. М. 1998. С. 133.

⁴ Заусцинский К. Макарий, митрополит всея России // ЖМНПросв. 1881, № 10. С. 251–257; Жданов И.Н. Сочинения. Т. I. СПб., 1904. С. 190–203. Васенко П.Г. «Книга Степенная царского родословия» и ее значение в древнерусской письменности. Ч. I.

Что касается В.В.Шапошника, то он на стороне первой группы ученых, объединяющих Сильвестра с Макарием. По его мнению, «из имеющихся в распоряжении исследователей источников можно сделать вывод: Сильвестр являлся лицом тесно связанным с митрополитом Макарием, выдвинувшимся благодаря его покровительству и до конца своей карьеры находившимся под опекой и сильным влиянием Макария. Постепенное уменьшение влияния митрополита вследствие старости – ему в 1560 г. было уже около 80 лет – неизбежно вело и к уменьшению влияния Сильвестра. Также представляется очевидным, что ошибочным является мнение ряда историков о существовании в это время некой значительной внутрицерковной группы “нестяжателей”, руководителем которой обычно считается благовещенский поп».¹ «Митрополит Макарий и Сильвестр: союзники или враги?» – так ставит вопрос В.В.Шапошник.² Всем ходом своих рассуждений автор подводит к мысли, что Макарий и Сильвестр – союзники, а не враги.³

Существенную роль в системе своих доказательств В.В.Шапошник отводит опровержению положений А.А.Зими́на, считавшего Сильвестра нестяжателем⁴ и представившего наиболее подробную, как полагает историк, аргументацию идеи о нестяжательстве благовещенского попа.⁵ Однако суть проблемы заключена отнюдь не в доводах А.А.Зими́на (они могут быть в одном случае убедительными, в другом – нет), а в политике правительства (если не управляемого, то направляемого Сильвестром и его группой) в сфере монастырского землевладения и иммунитета. Важным показателем здесь является Стоглавый собор, как, впрочем, и все соответствующие правительственные меры конца 40-х – начала 50-х гг. XVI века, вызывавшие сопротивление церковных иерархов во главе с митрополитом Макарием,⁶ вступавшим порой в борьбу и непосредственно с Сильвестром.⁷ Оно и понятно, поскольку Сильвестр, как обоснованно замечал А.А. Зимин, «оказывал большое

СПб., 1904. С. 193–194; *Флоровский Г.* Пути русского богословия. Минск, 2006. С. 27–28; *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. II. С. 334–335; *Зимин А.А.* И.С.Пересветов и его современники... С. 63–64; *Флоря Б.Н.* Иван Грозный. С.25.

¹ *Шапошник В.В.* Церковно-государственные отношения в России... С. 73.

² Там же. С. 63.

³ Там же. С. 63–73. См. также: *Шапошник В.В.* Иван Грозный... С. 83.

⁴ *Зимин А.А.* 1) И.С.Пересветов и его современники... С. 44, 46–47, 50, 64; 2) Реформы Ивана Грозного... С. 319, 321, 375, 383. А.А. Зимин являлся далеко не единственным историком, кто относил Сильвестра к нестяжателям. См.: *Шапошник В.В.* Церковно-государственные отношения в России... С. 62, 99 (прим. 219).

⁵ *Шапошник В.В.* Церковно-государственные отношения в России.. С. 63–64.

⁶ См., напр.: *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. II. М., 1954. С. 272–273; *Зимин А.А.* Реформы Ивана Грозного... С. 320, 383, 385, 391; *Черепнин Л.В.* Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. М., 1978. С. 86–87; *Скрынников Р.Г.* Крест и корона. Церковь и государство на Руси IX–XVII вв. СПб., 2000. С. 234–236; *Флоря Б.Н.* Иван Грозный. С. 50.

⁷ «Следы борьбы между митрополитом и Сильвестром можно угадать на Стоглавом соборе», – говорил С.В.Бахрушин. – *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. II. С. 334. См. также: *Зимин А.А.* Реформы Ивана Грозного... С. 383 (прим. 2).

влияние на всю правительственную деятельность конца 40-х – начала 50-х годов XVI в.», являясь «инициатором секуляризационных проектов».¹ Поэтому А.А.Зимин, имея в виду историков, развивавших идею тесного альянса Макария и Сильвестра, мог с полным основанием сказать, что «превращение идейного противника осифлян в их соратника достигается путем отрицания единодушных показаний большинства сохранившихся источников о деятельности Сильвестра...».²

Необходимо указать на еще один источник разлада Макария с Сильвестром, проистекающий из их соперничества за влияние на государя. Митрополит Макарий, бывший наставником Ивана IV до выдвижения Сильвестра, стал сдавать свои наставнические позиции по мере сближения царя с «попом-невежей». И это не осталось незамеченным историками. С.В.Бахрушин наблюдал, как Макария «оттеснила восходящая звезда его подчиненного, благовещенского попа Сильвестра».³ Другой исследователь истории России XVI века полагал, что Сильвестр «похитил у митрополита долю влияния на государя».⁴ Сказано, на наш взгляд, слишком осторожно. Можно было бы высказаться и смелее, особенно если учесть, что именно Сильвестром, скорее всего, были внушены царю Ивану планы секуляризации монастырских земель, против чего решительно выступал митрополит Макарий. Иными словами, речь следует вести об усилении влияния попа Сильвестра на Ивана IV за счет ослабления влияния на него митрополита Макария.

Таким образом, интересы Сильвестра и Макария вошли в непримиримое противоречие в трех, по крайней мере, моментах: в области развития русского самодержавства, на путях церковно-монастырского строительства и в сфере личного взаимодействия с государем. Этого вполне достаточно, чтобы отказаться от иллюзий по поводу отношений между святителем и кремлевским священником и убедиться в том, что перед нами отношения соперничества, а не дружбы и сотрудничества.

Необходимо отметить, что на протяжении 40-х годов XVI века эти отношения складывались в условиях обострения борьбы по вопросам самодержавного строительства Российского государства, борьбы, которая особенно накалилась после январского 1547 года венчания Ивана IV на царство, знаменовавшего новое поражение противников московского самодержавия. Известна выдающаяся теоретическая и практическая роль митрополита в идейном обосновании самодержавной власти⁵ и в организации царского венча-

¹ Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного... С. 321. В другой раз А.А.Зимин говорит: «Реформы конца 40-х – начала 50-х годов XVI в. проводились в известной мере за счет ущемления интересов церкви и были враждебно ею встречены». – Там же. С.320.

² Там же. С.321.

³ Бахрушин С.В. Научные труды. Т. II. С. 334.

⁴ Шмидт С.О. 1) Митрополит московский Макарий и государственные преобразования России... С.290; 2) Россия Ивана Грозного. С. 241.

⁵ По словам С.О.Шмидта, «убежденный иосифлянин, Макарий много сделал для утверждения идеологии самодержавства и единообразия политической доктрины на всем огромном пространстве Российского государства». – Шмидт С.О. Россия Ивана Грозного. С. 243.

ния великого князя Ивана. В проведении венчания митрополиту и его сподвижникам пришлось преодолеть мощное сопротивление. Достаточно сказать, что коронация Ивана произошла лишь спустя полтора года по достижении им совершеннолетия. Значит, кто-то противился ей, нарушая завет великого князя Василия III, повелевавшего своему наследнику принять царский титул. Благодаря преимущественно митрополиту Макарию сопротивление было сломлено, и венчание, как мы знаем, все-таки состоялось. Последовала яростная атака на возведенное христианскому миру русское самодержавие. Противники самодержавной власти посредством всякого рода интриг, подстрекательств и провокаций (включая злостные поджоги) вызвали великое «нестроение» в Москве, завершившееся в июне 1547 года грандиозным народным волнением, которое, поколебав самодержавный трон, едва не привело к гибели царя и митрополита.

С отстранением от власти Глинских, сделавших немало для утверждения московского самодержавия, вокруг царского престола образовался некий правительственный вакуум, который и был заполнен партией, возглавлявшейся сравнительно недавно протопопом Алексеем, дьяком Федором Курицыным и князем-иноком Вассианом Патрикеевым. Теперь ее лидером (точнее одним из лидеров) стал Сильвестр. Представ пред Иваном IV, потрясенным летними событиями 1547 года, он жаркой проповедью своей произвел глубокое впечатление на государя, был им приближен и вскоре завладел его душой, что, впрочем, оказалось не столь уж трудным делом, поскольку в царстве начиналось глубокое нравственное обновление, характеризующееся покаянием, смирением и желанием привести всех в любовь. Можно сказать, что Сильвестр, будучи тонким психологом и, не исключено, экстрасенсом, ловко воспользовался этим душевным состоянием самодержца, вошел к нему в полное доверие и приобрел духовную власть над ним.

«Явление», так сказать, Сильвестра царю Ивану говорит исследователю о многом. Становится ясно, что благовещенский поп был личностью, известной прежде царю Ивану. В противном случае он вряд ли мог явиться перед государем, а тем более — поучать его. Еще С.М.Соловьев, касаясь данного вопроса, писал: «По всем вероятностям, Сильвестр уже давно переселился из Новгорода в Москву и был одним из священников придворного Благовещенского собора, по этому самому был давно на глазах Иоанна, обратил на себя его внимание своими достоинствами, но теперь его внушение, его влияние получили большую силу».¹ Современный исследователь Б.Н.Флоря резонно предполагает личную известность попа Сильвестра царю Ивану: «Так как Благовещенский собор в Кремле был домовою церковью великих князей Московских, то Сильвестр и прежде мог быть лично знаком молодому государю».² Однако факт нравоучительной встречи Сильвестра с Иваном озна-

¹ Соловьев С.М. Сочинения: В 18-ти книгах. Кн. III. С. 422. «Уже перед восстанием 1547 г., — говорит новейший историк, — Сильвестр играл какую-то роль при дворе — иначе трудно объяснить его появление во время московских пожаров». — Шапошник В.В. Церковно-государственные отношения в России... С. 70.

² Флоря Б.Н. Иван Грозный. С. 25.

чал не только определенную известность благовещенского священника при дворе, его личную известность царю. Он свидетельствовал также о том, что за годы служения в Благовещенском храме Сильвестр заметно укрепил свое положение в придворных сферах и даже выступил в роли одного из лидеров группировки, стремившейся к ограничению самодержавной власти и, следовательно, оппозиционно настроенной к митрополиту, царю и Глинским.

Судя по тому, как развивались события в дальнейшем, назидательное выступление Сильвестра перед Иваном не было импульсивным поступком непосредственно самого Сильвестра, а представляло собою продуманное предприятие некоего весьма влиятельного при дворе сообщества, приуроченное к народным волнениям в столице, в немалой мере спровоцированным тем же сообществом. Менее всего это выступление походит на импровизацию. Напротив, по исполнению и полученному результату оно напоминает тщательно разработанную операцию.

Сильвестр — не юродивый, который по собственному почину мог заговорить с государем где-нибудь на улице. Встреча Сильвестра с царем состоялась, конечно, в палатах, причем не с глазу на глаз, а в присутствии приближенных к царю людей, будучи в определенном смысле публичной.¹ Но, как бы то ни было, ее в любом случае кто-то должен был организовать. Нам говорят, что это сделал митрополит Макарий. По мнению С.О.Шмидта, поп Сильвестр читал нотации Ивану в Новинском монастыре, куда монарх приехал навестить расшибшегося при падении с большой высоты митрополита: «Очень вероятно, что поучал царя не столько старик Макарий (вряд ли достаточно оправившийся после падения с кремлевской стены во время пожара), сколько Сильвестр, конечно, известный Ивану IV как священник придворного Благовещенского собора».² Произносилось это поучение, предполагает С.О.Шмидт, «в покоях митрополита».³ По ряду обстоятельств, указанных выше, с такой версией согласиться невозможно. Сомнительно, что Сильвестр вообще находился в Новинском монастыре, когда туда приехал государь. Во всяком случае, нет никаких известий, подтверждающих его присутствие там. Более предпочтительной представляется точка зрения Б.Н.Флори, который посредником между царем и благовещенским священником считает Алексея Адашева, тогда как посреднические функции митрополита Макария от-

¹ Н.И.Костомаров рисует совершенно фантастическую картину встречи царя с Сильвестром, который будто бы вместе с возбужденной толпой народа пришел в Воробьево после московских событий июня 1547 года и перед вконец напуганным Иваном произнес свою знаменитую обличительную речь, отмеченную чудесами и знаменами. — *Костомаров Н.И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Кн. I. С. 412–413.

² *Шмидт С.О.* 1) К изучению «Истории» князя Курбского (О поучении попа Сильвестра) // *Славяне и Русь*. М., 1968. С. 370; 2) Становление российского самодержавства (Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного). М., 1973. С. 87; 3) У истоков российского абсолютизма: Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М., 1996. С. 93.

³ *Шмидт С.О.* Россия Ивана Грозного. С. 241.

вергает.¹ Вполне возможно, что именно Адашев устроил встречу царя Ивана с благовещенским попом Сильвестром, где последний держал свою обличительную речь. Примечательно, что Андрей Курбский вслед за рассказом о страшных заклинаниях Сильвестра, обращенных к молодому государю, говорит: «С ним же (Сильвестром. – И.Ф.) соединяется во общение един благородный тогда юноша ко доброму и полезному общему, имянем Алексей Адашев. Цареви же той Алексей в то время зело любим был и согласен; и был он общей вещи зело полезен...».² Какой смысл заключен в последней фразе? Что скрывается за «общей вещью», которой был «зело полезен» в тот момент Алексей Адашев? Не исключено, что под «общей вещью» Курбский подразумевал интересы группы, в которую входили Сильвестр и Алексей. Ради этих интересов Адашев, пользуясь расположением к себе Ивана IV, и организовал его встречу с благовещенским «презвитером», продемонстрировав тем самым, что он «общей вещи зело полезен».

* * *

До сих пор появление Алексея Адашева на исторической сцене, в частности при государевом дворе, представляет некую загадку, которую каждый исследователь разрешает в меру своих научных способностей. Бывают и курьезные случаи, когда реальное историческое лицо, каковым, несомненно, являлся А.Ф.Адашев, благодаря избыточной фантазии превращается в «собирательный образ». «Может быть, Адашев Грозного и Курбского, – говорит В.В.Шапошник, – это собирательный образ, объединивший черты нескольких реальных деятелей, упоминание которых, в силу различных причин, могло быть нежелательно».³

Иван Грозный в первом послании Андрею Курбскому, вспоминая об Алексее Адашове, заявил, что не знает, «каким обычаем» он «из батожников водворишася», т.е. как оказался при дворе рядом с государем. Царь помнил только то, что случилось это в «юности нашей».⁴ Можно доверять этим словам Ивана? Думается, можно.

С.О.Шмидт, определяя время окончания юности Грозного, назвал начало 40-х годов XVI века.⁵ Следовательно, Алексей Адашев появился «во дворе» великокняжеском не позже того времени. Но это не означает, что тогда же (в начале 40-х годов) Адашев, как полагает С.О.Шмидт, был приближен к Ивану IV.⁶ В противном случае Иван Грозный знал бы, «каким обычаем» Алексей «водворишася». Похоже, кто-то из влиятельных придворных помог

¹ Флоря Б.Н. Иван Грозный. С. 25.

² Библиотека литературы Древней Руси. Т. 11. XVI век. С. 316.

³ Шапошник В.В. Церковно-государственные отношения в России... С. 85–86.

⁴ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 30, 78.

⁵ Шмидт С.О. Россия Ивана Грозного. С. 56.

⁶ Там же. С. 55. Ср.: «Никак нельзя начало 40-х годов считать тем моментом, с которого начинается возвышение А.Ф.Адашева, его политическое влияние». – Смирнов И.И. Очерки... С. 213.

ему «вводиться». Но делалось это помимо участия Ивана, которого поставили, как говорится, перед фактом,¹ и государь увидел Алексея Адашева уже, вероятно, при исполнении им службы, о которой М.Н.Тихомиров говорит так: «Определение “батожник”, данное Адашеву царем, может даже соответствовать действительности. Адашев был рындой при царском дворе, а рынды были обязаны стоять у трона с топориками, украшенными золотом и серебром. И Котошихин сообщает, что за ослушание рынд били “перед царским окном при всех людях батогами”».² Впрочем, все могло быть куда прозаичнее, без театрального стояния у трона с отделанными золотом и серебром топориками, а соответственно прямому смыслу слова *батог*, означающего *палку*.³ Тогда *батожник* в устах Грозного – это *служитель с палкой, очищающий дорогу от народа*⁴ перед процессией, возглавляемой государем. Именно так понял царя Ивана знаток истории России того времени С.Ф.Платонов, который писал: «Батожник – служитель с батогом (палкой), идущий впереди царского или боярского поезда и расчищающий путь...».⁵ Аналогичную мысль высказывает и С.О.Шмидт: «“Батожничество” Адашева находит также и филологическое объяснение. Так называли не только помощников “недельщиков” на правеже, но и служителей, очищающих дорогу перед государем...».⁶ Приходят на память слова А.К.Толстого, великолепно изобразившего подобную сценку:

Вдруг гремят тулумбасы; идет караул,
Гонит палками встречных с дороги;
Едет царь на коне, в зипуне из парчи...
(Поток-богатырь).

¹ В свое время Н.П.Лихачев отмечал, что Иван IV, будучи в детском возрасте, не сам выбирал себе слуг. – Лихачев Н.П. Происхождение А.Ф.Адашева, любимца Ивана Грозного // Исторический вестник. 1890, май. С. 381–382.

² Тихомиров М.Н. Российское государство XV–XVII веков. М., 1973. С. 48. О том, что служба Алексея Адашева рындой при царском дворе дала повод Ивану Грозному называть его «батожником», писал ранее С.В.Бахрушин. – См.: Бахрушин С.В. Научные труды. Т. II. С. 337.

³ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1. М., 1975. С. 79.

⁴ Там же. Я.С.Лурье и О.В.Творогов переводят слово «батожник» словом «телохранитель», что сомнительно. – См.: Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 140.

⁵ Платонов С.Ф. Иван Грозный. М., 1998. С. 46.

⁶ Шмидт С.О. Россия Ивана Грозного. С. 61. Не следует, однако, смешивать батожника с рындой, как это делает С.О.Шмидт (Там же), а до него – М.Н.Тихомиров (Тихомиров М.Н. Русское государство XV–XVII веков. С. 179). Рында есть оруженосец (Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. III. СПб., 1903. Стб. 211; Кочин Г.Е. Материалы для терминологического словаря древней России. М.; Л., 1937. С. 308; Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 22. М., 1997. С. 276). В этом своем качестве рында являлся куда более значимой придворной фигурой, нежели батожник, разгонявший встречных на пути государя.

Вопрос, конечно, в том, как воспринимать утверждение царя, будто Алексей Адашев «из батожников водворишася»: метафорически или реалистически. У нас нет веских оснований отрицать ни одно, ни другое. Но, поверив Грозному в том, что он не знал («не вем»), каким образом Адашев оказался при дворе («водворишася»), придем к выводу о незнатности (если даже не худородности¹) Адашевых, провинциальное происхождение которых не очень-то способствовало их известности при дворе.² Поэтому юный Иван IV мог сначала попросту и не слышать о существовании Алексея Адашева. Следовательно, царь имел основание сказать, что взял Алексея «от гноища» и «учиних с вельможи». ³ Существо дела не меняется от того, что Грозный, говоря это, воспользовался литературным штампом библейского происхождения, употребительным в письменной практике той поры. ⁴ Фразой «взяв сего от гноища» он хотел, как нам кажется, указать на худородность Адашева. Это подчеркивается идущими вслед за ней словами «и учиних с вельможи».

Столь нелестное свидетельство Ивана Грозного относительно Алексея Адашева было расценено С.Б.Веселовским как «злое заявление», дающее «извращенное представление» об истинном положении семейства Адашевых.⁵ Не отвергая эмоционального характера высказываний Грозного, нельзя все-таки согласиться с тем, что они дают «извращенное представление» о появлении в великокняжеском дворе Алексея Адашева. Ведь сам Веселовский считает Адашевых «примером выдвижения по милости великого князя». В боярской среде, полагает историк, они были «выдвиженцами. Федор Григорьевич Адашев своими заслугами сделал исключительную карьеру и получил боярство, но не успел закрепить свое положение родственны-

¹ Довольно примечательно, что в Государевом Родословце, составленном в середине XVI века, род Адашевых начинается непосредственно с Ф.Г.Адашева – отца А.Ф.Адашева. Стало быть, Алексей Адашев, по инициативе которого была сделана соответствующая запись в Родословце (см.: *Шмидт С.О.* Россия Ивана Грозного. С. 79, 82), не мог назвать ни одного сколько-нибудь значительного по родовитости своего предка. Что касается родителя Алексея-«батожника» Федора Григорьевича Адашева, то он был, как замечает С.Б.Веселовский, «человек новый в боярской среде, неродовитый и небогатый». – *Веселовский С.Б.* Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 282 См. также: *Скрынников Р.Г.* Царство террора. С. 98. Ср.: *Лихачев Н.П.* 1) Происхождение А.Ф.Адашева...; 2) «Государев Родословец» и род Адашевых. СПб., 1897; *Зимин А.А.* Реформы Ивана Грозного. С. 312–313; *Шмидт С.О.* Россия Ивана Грозного. С. 57–62.

² А.А.Зимин относит Алексея Адашева к «богатому придворному дворянству» (*Зимин А.А.* Реформы Ивана Грозного. С.312). Ему резонно возразил Р.Г.Скрынников, отметив, что мнение А.А.Зимины «содержит некоторое преувеличение. Дворяне Ольговы, из рода которых вышли Адашевы, были мелкими костромскими вотчинниками. Данные об их землевладении указывают на весьма невысокое социальное положение этой семьи». – *Скрынников Р.Г.* 1) Начало опричнины. Л., 1966. С. 82 (прим. 3); Царство террора. С. 98.

³ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 30, 78.

⁴ См.: *Шмидт С.О.* Россия Ивана Грозного. С. 61.

⁵ *Веселовский С.Б.* Исследования по истории опричнины. С. 354.

ми связями и богатством».¹ Продвижение Ф.Г.Адашева являлось в некотором роде отклонением от нормы: «Пожалование Федора Григорьевича Адашева в 1548 г. в окольничие, а в 1553 г. в бояре действительно было необычным явлением».² По Веселовскому, как видим, не порода, а выслуга, получившая признание со стороны государя, была двигателем в карьере Ф.Г.Адашева. Тогда в чем, собственно, проблема? В чем состоит «извращенное представление», о котором пишет С.Б.Веселовский? Выходит, что не в сути, а в форме ее выражения: Иван Грозный в язвительном тоне напомнил о родовой захудалости Алексея Адашева, не возводя на него при этом никакой напраслины.

Между тем, у некоторых историков возникает непреодолимый соблазн уколоть Грозного за якобы допущенные им наветы на Адашева, в частности относительно его появления при дворе. Не устоял перед этим соблазном и Р.Г.Скрынников. «Вспоминая о возвышении Адашева, – говорит он, – царь Иван после смерти бывшего любимца писал о том, что тот в “юности нашей” “не вем каким обычаем из батожников водворишася” при царском дворе, “так, взяв сего от гноища и учинив с вельможами, а чающее от него прямые службы”. В действительности А.Ф.Адашев попал ко двору благодаря успешной и длительной службе отца».³ Чтобы определить сына ко двору, особенно в ближний круг государев, мало было Ф.Г.Адашеву успешно выполнить несколько поручений Василия III и боярского правительства, на что ссылается Р.Г.Скрынников для обоснования своей версии.⁴ Кроме этого, ему надо было еще обладать соответствующей породой и достаточно высоким социальным статусом. Но ни то ни другое за ним не значилось. Единственное, чем мог Адашев-отец «козырять», – это недавнее прошлое, когда он находился при Василии III в качестве «ближнево своего человека».⁵ Правда, на положении «ближнево человека» Ф.Г.Адашев имел возможность обзавестись придворными связями.⁶ И все же само это положение ко времени, когда Алексей Адашев оказался при дворе, ушло в прошлое. Значит, кто-то из довольно влиятельных при дворе людей составил протекцию Алексею и помог ему войти в состав придворных слуг. Кто мог это сделать и ради чего? Р.Г.Скрынников на данный вопрос не отвечает.

Скептически воспринимает рассказ Ивана Грозного насчет обстоятельств появления Алексея Адашева в государевом дворе и С.О.Шмидт. Он пишет: «Остается выяснить, на чем основано мнение о внезапном появлении А.Ф.Адашева. Легенда эта, которой так долго верили наши историки, основана на словах Грозного в первом послании к Курбскому: “До того же времени бывшу сему собаке Алексею, вашему начальнику, в нашего царствия дворе, во юности нашей, не свем каким обычаем из батожников водворив-

¹ Там же. С. 132.

² Там же. С. 354.

³ Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 98.

⁴ Там же.

⁵ Лихачев Н.П. «Государев Родословец»... С. 5.

⁶ О «политических связях Ф.Г.Адашева» говорит И.И.Смирнов. – Смирнов И.И. Очерки... С. 214.

шуся, нам же такие измены от вельмож своих видевше, и тако взяв его от гноища и учиних с вельможами, а чаючи от него прямые службы"... К сведениям о событиях и лицах, содержащимся в переписке Ивана IV с Курбским, следует относиться чрезвычайно осторожно, так как она далека от беспристрастного освещения событий. В своих посланиях Грозный всячески старался унижить "собаку" Адашева, руководителя "собацкого собрания" — "Избранной рады", участником которого был князь Курбский.¹ Конечный вывод С.О.Шмидта назидателен: «Слова Грозного о происхождении А.Ф.Адашева нельзя понимать буквально».² Соображения С.О.Шмидта полностью разделяет А.И.Филюшкин: «Представляется совершенно верной точка зрения С.О.Шмидта, оспаривавшего тезис Ивана Грозного (и частично — Курбского) о "внезапном", "от гноища" возвышении А.Ф.Адашева, впоследствии подхваченный многими историками».³

Непонятно, от чего отгалкиваются в своих доводах С.О.Шмидт и А.И.Филюшкин. Ведь о «внезапном появлении» или «внезапном возвышении» Алексея Адашева в послании Грозного Курбскому не сказано ни слова. Напротив, царь, как явствует из текста послания, удрученный изменами вельмож, сознательно и обдуманно взял Адашева в помощники себе, «чаючи от него прямые службы». Разумеется, С.О.Шмидт отчасти прав, говоря о том, что не следует «слова Грозного о происхождении А.Ф.Адашева понимать буквально». Нельзя, например, сказанное Иваном Грозным разумеать натурально, т.е. так, будто он возвысил Адашева, взяв его из навоза («гноища»). Но в то же время нельзя считать случайным это словоупотребление. Прибегая к данному слову, Грозный подчеркивал низкое происхождение Адашева сравнительно с делом, к которому тот был приставлен и которым по праву знатности занимались вельможи. Нет ничего невероятного в том, что Алексей Адашев был взят в государев двор на службу в качестве «батошника» и лишь затем уже вошел в число слуг, непосредственно окружавших государя. Скажем определеннее: в силу местнических правил на большее он и не мог рассчитывать.

С помощью некоторых летописных известий современный исследователь имеет возможность установить обстоятельства и приблизительное время вступления Адашева в дворцовую должность «батошника». Пискаревский летописец, открытый и опубликованный в середине прошлого века О.А.Яковлевой,⁴ под 1547 годом сообщает: «Царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси послал в Царьгород гонца своего костромитина Федора Адашева и сына его Алексея. И Федор у царя был, и царь его пожаловал великим жалованьем. И приехал [к] государю, и государь его пожаловал. А сын его Алексей разболелся и тамо остался у царя, а был з год. И приехал к великому

¹ Шмидт С.О. Россия Ивана Грозного. С. 61.

² Там же.

³ Филюшкин А.И. История одной мистификации: Иван Грозный и «Избранная Рада». М., 1998. С. 285.

⁴ См.: Яковлева О.А. Пискаревский летописец// Материалы по истории СССР. Т. II. Документы по истории XV–XVII вв. М., 1955.

князю, и князь велики его пожаловал и взял его к себе в приближение, и отца для его пожаловал боярством, а его окольничим. И много лет был в царской милости и до опришнины».¹

Приведенный летописный текст демонстрирует распространенную среди книжников Средневековья манеру изображения событий, так сказать, в хронологически спрессованном виде, когда под одним годом сводятся происшествия, имевшие место в разные годы. Так и тут с пометой «в лето 7055-г.» повествуется о посылке царем Федора и Алексея Адашевых в Константинополь, их возвращении в различные годы домой, о приближении А.Ф.Адашева к Ивану IV и пожаловании старшего Адашева боярином, а младшего – окольничим. О том, что перед нами сжатый обзор, можно сказать, всей служебной карьеры Алексея Адашева, говорит фраза: «И много лет был в царской милости и до опришнины».

Необходимо датировать посольскую миссию Ф.Г.Адашева, упомянутую в Пискаревском летописце, и определить время появления А.Ф.Адашева при великокняжеском дворе. По мнению С.О.Шмидта, основанному на некоторых летописных сообщениях и данных Второй Посольской книги Турецких дел, «Ф.Г.Адашев выехал из Москвы 26 декабря 1538 г., возвратился в ноябре 1539 г. Таким образом определяется время пребывания А.Ф.Адашева при дворе султана; это – 1539–1540 гг.».² С хронологическими выкладками С.О.Шмидта согласился И.И.Смирнов. «Мне представляется весьма вероятным предположение С.О.Шмидта и относительно датировки посольства Ф.Г.Адашева, и относительно времени появления А.Ф.Адашева при дворе Ивана IV», – писал он.³ К предложенной С.О.Шмидтом версии склоняются и другие авторы,⁴ но, разумеется, не все. Так, М.Н.Тихомиров, допускавший возможность двух поездок Ф.Г.Адашева к туркам, говорит: «Пискаревский летописец указывает время возвышения Алексея Адашева. Это будто бы случилось после возвращения Алексея Адашева из Константинополя, куда он ездил вместе со своим отцом Федором, посланным гонцом к султану. Доступные нам свидетельства относят поездку Федора Григорьевича Адашева, отца Алексея, в Константинополь к 1539 г. Но могла быть и другая посылка к султану тех же Адашевых. В Турецких делах Посольского приказа сохранились сведения о приезде в Москву в качестве посла турецкого купца Мустафы Чилибея в 1549 г. Обычно приезд турецких послов был ответом на царское посольство в Константинополь. К этому времени и могло относиться возвращение Алексея Адашева в Москву, который после долгого пребывания при дворе султана мог научиться турецкому языку и стать незаменимым посредником в казанских делах, в которых он и на самом деле принимал большое участие».⁵ В построениях М.Н.Тихомирова особого внимания заслуживает догадка о двух посольствах Ф.Г.Адашева с участием сына Алек-

¹ ПСРЛ. Т. 34. М., 1978. С. 181.

² Шмидт С.О. Россия Ивана Грозного. С. 55.

³ Смирнов И.И. Очерки... С. 213.

⁴ См., напр.: Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 98; Флоря Б.Н. Иван Грозный. С. 24; Филюшкин А.И. История одной мистификации... С. 282–283.

⁵ Тихомиров М.Н. Российское государство XV–XVII веков. С. 48–49.

сея. Если эта догадка верна,¹ то деятельность А.Ф.Адашева, в том числе и реформаторская, получает дополнительное освещение, позволяющее увидеть то, что оставалось до сих пор в неизвестности. Но об этом в своем месте, а сейчас вернемся к дипломатической миссии Ф.Г.Адашева конца 30-х годов.

Вместе с «гонцом» Адашевым-старшим в Стамбул поехал, как мы знаем, и Адашев-младший. Не следует усматривать в этом исключительно частную инициативу Ф.Г.Адашева, поскольку оба Адашевых, согласно летописцу, были посланы в турецкую столицу Иваном IV: «Царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси послал в Царьгород гонца своево костромитина Федора Адашева и сына ево Алексея». Следовательно, дипломатическое поручение дано было не только Федору Адашеву, но и сыну его Алексею, хотя при этом главная роль отводилась Федору, который выступал в статусе посла, тогда как Алексей – в качестве помощника, товарища посла. Об этом, на наш взгляд, свидетельствует приведенная только что формула, взятая, по всей видимости, летописцем из соответствующего документа (указа или посольской грамоты) и пересказанная им в своей летописи. Надо, конечно, понимать, что Иван IV, будучи восьмилетним отроком, едва ли сам принимал решение по организации посольства. Подготовкой посольской миссии в Стамбул занимались, вероятно, представители княжеско-боярской знати, находившиеся тогда у власти. И вот они сочли необходимым включить в состав посольства, помимо Федора Адашева, еще и Алексея Адашева, наделив последнего полномочиями как члена посольской миссии. Подобное не могло произойти, будь Алексей Адашев недорослем. Поэтому нельзя согласиться с И.И.Смирновым в том, что Алексей был ровесник Ивану IV.² Более предпочтительно мнение Н.П.Лихачева, по которому Алексей Адашев «был на несколько лет старше государя».³ По резонному замечанию Б.Н.Флора, старший Адашев «вряд ли возил с собой в Стамбул восьми- или девятилетнего мальчика».⁴ Мы полагаем, что Алексей Адашев отправлялся «в Царьгород», будучи уже совершеннолетним молодым человеком (не моложе 15-ти лет). В противном случае, его имя не могло фигурировать в официальном документе наряду с именем посла Федора Адашева. Больше того, оно вряд ли было бы упомянуто вообще. Но коль скоро Алексей Адашев назван как один из посланников государя, то не исключено, что он ехал в Стамбул со специальным заданием, причем с таким заданием, прикрытием которому служила миссия «гонца» Федора Адашева.⁵

¹ Она подкрепляется еще и титулом Ивана IV, примененным составителем Пискаревского летописца, – «царь и великий князь всеа Руси». Т.е. титулом, указывающим на время после января 1547 года, когда состоялось венчание Ивана на царство.

² Смирнов И.И. Очерки... С. 213–214 (прим. 8).

³ Лихачев Н.П. Происхождение А.Ф.Адашева... С. 381.

⁴ Флоря Б.Н. Иван Грозный. С. 24.

⁵ Ср.: Филюшкин А.И. История одной мистификации... С. 283. «Согласно сообщениям Пискаревского летописца, – пишет Филюшкин, – в этой поездке вместе с отцом был и юный Алексей Федорович. Естественно, что мальчик никаких официальных должностей не занимал, а только сопровождал отца».

Чтобы лучше вникнуть в суть вопроса, надо вспомнить политическую конъюнктуру, сложившуюся на тот момент в Москве. Р.Г.Скрынников ее характеризует так: «Смерть Е.Глинской в апреле 1538 г. изменила ситуацию в государстве. Князья Шуйские и прочие уцелевшие душеприказчики Василия III поспешили возродить систему боярской опеки. Временщик правительницы конюший И.Ф.Овчина-Оболенский был брошен в темницу... По случаю смерти Елены свободу получили князья А.М.Шуйский и И.Ф.Бельский, а также бояре Юрия Дмитровского и Андрея Старицкого, содержавшиеся в заточении. Старшими среди опекунов после гибели Старицкого стали Василий и Иван Шуйские. Они-то и извлекли наибольшие выгоды из переворота. Они постарались упрочить свои позиции в думе, добившись боярства для крамольного князя А.М.Шуйского и его брата И.М.Шуйского... Вспоминая детство, Иван IV с гневом и раздражением писал, что Василий и Иван Шуйские “самовольством” приблизились к его особе, “самовольством” у него “в бережении учинились и тако воцаришася”... Придя к власти, Шуйские не пожелали возродить регентский совет».¹

Конец 30-х – начало 40-х годов XVI века характеризовались, как видим, ослаблением самодержавных начал власти великого князя и усилением «самовольства» бояр. Но особенно тревожным для судеб самодержавия на Руси был новый выход на политическую сцену врагов московского «самодержавства» – выпущенных из «нютства» князей Старицких, а также А.М.Шуйского, И.Ф.Бельского и других деятелей из разряда упоминавшихся нами выше «лихих людей». Изрядно побитые и потрепанные в последний период правления Василия III противники созидания «Святорусского царства» оживились и начали готовиться к схватке с русским самодержавием, православной верой и церковью. В этой ситуации и было снаряжено посольство «в Царьгород». Плохо верится, что Алексей задержался там «з год» по нездоровью, как говорит о том летописец.² Подобная задержка для столь молодого человека, каковым являлся младший Адашев, выглядит, по крайней мере, странно. Иное дело, если предположить, что он прибыл на берега Босфора с каким-то особым, не подлежащим разглашению «партийным» заданием, выполнение которого требовало сравнительно длительного пребывания в Турции. Невольно напрашивается сопоставление странной задержки Алексея Адашева с не менее странной задержкой Максима Грека на пути следования последнего в Москву. По-видимому, в турецких владениях находились люди, с которыми русские «реформаторы» были как-то связаны. Разумеется, мы отдаем себе отчет в сугубой гипотетичности наших соображений. Но они наилучшим образом, как нам думается, объясняют последующую деятельность Алексея Адашева при великокняжеском, а потом и царском дворе.

Выполнив поручение, А.Ф.Адашев вернулся в Москву где-то в самом конце 40-го или в начале 41-го года. По чьей-то протекции, как уже отмечалось нами, он сразу же был приставлен к великокняжескому двору в качестве «батожника». Трудно сказать, кто непосредственно протезировал ему.

¹ Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 88.

² ПСРЛ. Т. 34. С. 181.

Одно лишь ясно, что получение им придворной должности не являлось выражением признания заслуг его отца Ф.Г.Адашева. Оно стало следствием, как нам думается, успешной (с точки зрения определенных придворных кругов) деятельности Алексея Адашева в Турции. Правда, в исторической литературе встречаем и другое мнение. Так, А.И.Филюшкин, рассмотрев «послужной список» старшего Адашева, заявляет: «Мы специально столь подробно осветили карьеру отца А.Ф.Адашева – Федора Григорьевича. Мы показали, что он занимал ответственные военные, дипломатические посты. Успешен и его чиновный рост: окольный, боярин, одно время – Угличский дворецкий. Ф.Г.Адашев добился прочного положения в московской политической элите. Этим он обеспечил проникновение в нее своим сыновьям, продолжателям московского рода Адашевых – Алексею и Даниле».¹ Соображения А.И.Филюшкина имеют один существенный недостаток. Они не учитывают того, что Ф.Г.Адашев «добился прочного положения в московской политической элите» позднее описываемых нами сейчас событий. Правда, при Василии III, как мы знаем, он выступал в роли доверенного, или «ближнево своего человека». Но по смерти Василия Ивановича официальное положение Федора Григорьевича не улучшилось, а скорее, наоборот, ухудшилось. Не случайно Ф.Г.Адашев в начале 40-х годов (т.е. после посольства 1538–1539 гг. к турецкому султану) выполнял, по признанию самого А.И.Филюшкина, «мелкие служебные поручения внутри страны».²

Об аналогичных переменах у Ф.Г.Адашева по службе говорил еще И.И.Смирнов: «С возвращением из Турции характер деятельности Ф.Г.Адашева меняется, и в 40-х годах он меняет профессию дипломата на службу внутри государства. Основное, что сообщают источники о деятельности Ф.Г.Адашева в 40-х годах, – это его участие в общем описании земель Русского государства, предпринятом в годы боярского правления. Ф.Г.Адашев участвует в этом описании вместе с кн. Р.Д.Дашковым в качестве “московского писца”, т.е. руководит составлением писцовых книг по Московскому уезду».³ И.И.Смирнов забывает только сказать, что Ф.Г.Адашев в этом деле выступает как *товарищ* Р.Д.Дашкова и потому в документах фигурирует на втором месте после него.⁴ В *товарищи* писцу назначались дьяки и подьячие. И эта практика была настолько обычной, что в одной монастырской копийной книге Ф.Г.Адашев ошибочно, как считает И.И.Смирнов, назван *дьяком*.⁵ Надо сказать, что «служба в писцах», по словам известного знатока истории

¹ Филюшкин А.И. История одной мистификации... С. 285. См. также: Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 98.

² Филюшкин А.И. История одной мистификации... С. 283.

³ Смирнов И.И. Очерки... С. 215.

⁴ «... и всего они с тех девяти деревень, по книгам писма князя Романа Дашкова да Федора Адашева лета 7051, с полусохи давали дани и ямских денег оброку по двадцати рублей и по двадцати по пяти алтын на год...». – ААЭ. Т. I. СПб., 1836. № 256. С. 279.

⁵ Речь идет о копийной книге Троице-Сергиева монастыря, где читаем: «У подлинной грамоты припись дьяка Федора Адашева». – Смирнов И.И. Очерки... С. 215 (прим. 14).

писцового дела С.Б.Веселовского, являлась «вовсе не из таких, на которой можно было сделать быстро хорошую карьеру, Это равно применимо как к писцам-дворянам, так и к их товарищам — дьякам и подьячим. Службу в писцах, в этом отношении, никак нельзя сравнить с ратной или посольской». ¹ Вот почему смену служебных поручений Ф.Г.Адашева с посольских на писцовые И.И.Смирнов верно рассматривает как «переломный момент в служебной карьере Ф.Г.Адашева». ² То был «переломный момент» не в лучшую, а в худшую сторону: «Превращение Ф.Г.Адашева из посланника к турецкому султану в “московского писца” никак нельзя расценивать в плане повышения Ф.Г.Адашева». ³

По мнению И.И.Смирнова, «в превращении Ф.Г.Адашева из посла в писца нашло свое отражение стремление захватившей власть княжеско-боярской реакции к оттеснению на второй план тех элементов, которые при Василии III и Елене Глинской являлись активными проводниками политики строительства централизованного государства». ⁴ То, что служебное понижение Ф.Г.Адашева было следствием борьбы придворных групп и партий, едва ли может вызвать сомнение. Вопрос в том, вокруг чего шла эта борьба. Она разворачивалась, по нашему убеждению, не столько в связи с централизацией Русского государства, ⁵ сколько в связи с превращением московской монархии в русское самодержавие. К середине 40-х годов XVI века перевес оказался на стороне тех представителей правящего сословия, которые поддерживали самодержавные устремления высшей власти. Внешним выражением этого перевеса сил стало венчание великого князя Ивана на царство в январе 1547 года. Однако после драматических событий лета того же года политическая ситуация существенно изменилась, и при дворе возобладала партия противников самодержавия, православной веры и церкви, что резко сказалось на служебной карьере Ф.Г.Адашева. Он быстро пошел в гору и уже в конце 1547 года получил чин окольничего, ⁶ а к ноябрю 1548 года становится углицким и костромским дворецким. ⁷ В том же 1548 году Федор Григорьевич сопровождает царя Ивана во время похода из-под Казани в Нижний Новгород. ⁸ В мае-июне 1553 года Ф.Г.Адашев «производится» в бояре. ⁹ Возвращается Ф.Г.Адашев и к дипломатической деятельности. ¹⁰ Нет сомне-

¹ *Веселовский С.Б.* Сошное письмо. Исследование по истории кадастра и по-сошного обложения Московского государства. Т. II. М., 1916. С. 37.

² *Смирнов И.И.* Очерки... С. 216.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ См.: *Зимин А.А.* Реформы Ивана Грозного... С. 224; *Скрынников Р.Г.* Царство террора. С. 88.

⁶ *Зимин А.А.* Реформы Ивана Грозного... С. 313.

⁷ Там же. См. также: *Скрынников Р.Г.* Царство террора. С. 98.

⁸ *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. II. С. 337.

⁹ *Зимин А.А.* Реформы Ивана Грозного... С. 372, 414; *Филюшкин А.И.* История одной мистификации... С. 283–284.

¹⁰ *Смирнов И.И.* Очерки... С. 217 (прим. 21); *Филюшкин А.И.* История одной мистификации... С. 284.

ния в том, что служебные успехи Ф.Г.Адашева в немалой мере зависели от А.Ф.Адашева, ставшего одним из руководителей царского правительства и фаворитом Ивана Грозного.¹ Именно Адашев-младший, по нашему мнению, помог Адашеву-старшему взобраться на высшие ступени служебной лестницы и, следовательно, способствовал упрочению его положения при дворе и проникновению в ряды московской политической элиты, а не наоборот. Отсюда ясно, что А.Ф.Адашев после своего возвращения из Турции в конце 40-го – начале 41-го года оказался при дворе великого князя Ивана отнюдь не в силу каких-то особых заслуг своего отца Ф.Г.Адашева или принадлежности последнего к «среднему придворному кругу», одинаково связанному «и с боярством, и с остальными служилыми людьми», а в результате «промысла» некоторых влиятельных лиц, продвигавших вверх этого молодого человека.²

Алексея Адашева пристроили ко двору на одну из самых низших должностей – на должность *ботожника*. Причиной тому была, по-видимому, как худородность Алексея, так и желание во что бы то ни стало ввести его в государев двор.³ Вряд ли он тогда же был представлен государю, как полагает Р.Г.Скрынников.⁴ Это, собственно, подтверждает и царь Иван, говоря, что не знает, «каким обычаем» попал «собака Алексей Адашов» к нему во двор.⁵

Обращает внимание тот факт, что приблизительно тогда же придворным священником становится Сильвестр, выписанный из Новгорода. Примечательное совпадение. И оно, на наш взгляд, не случайно, особенно если учесть последующую совместную и солидарную деятельность Алексея Адашева и Сильвестра, образовавших позднее некое подобие правительственного дуумвирата, ограничившего власть самодержца. Похоже, что наступление на самодержавие готовилось основательно и велось постепенно. При этом важная роль в нем отводилась А.Ф.Адашеву и Сильвестру в качестве будущих реформаторов общественно-политического строя Руси. Довольно показателен здесь пример с Алексеем Адашевым, с его карьерой при дворе. Начал он, как мы знаем, с мало престижной должности ботожника. И удивительное дело: в то время как служебное положение Ф.Г.Адашева явно ухудшалось, придворный статус А.Г.Адашева круто пошел вверх. В считанные годы Алексей (не без чьей-то помощи, конечно) приобрел расположение и доверие Ивана IV, войдя в круг его ближайших слуг. В разряде свадьбы Ивана (февраль 1547 г.) Алексей Адашев упоминается среди тех, кто удостоился

¹ С.В.Бахрушин замечал, что назначение Федора Григорьевича Адашева окольничим, как и включение его в число лиц, сопровождавших царя в походе 1548 года из-под Казани в Нижний Новгород, являлось «признаком возросшего значения молодого Адашева». – *Бахрушин С.В. Научные труды. Т. II. С. 337.*

² Ср.: *Шмидт С.О. Россия Ивана Грозного. С. 60.*

³ С.Ф.Платонов изображает дело так, будто Алексей Адашев «ко двору попал случайно, всего вероятнее, в числе тех “потешных робяток”, которые были взяты во дворец для игр к маленькому великому князю Ивану» (*Платонов С.Ф. Иван Грозный. С. 46*). С этим согласиться никак нельзя.

⁴ *Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 98.*

⁵ Ср.: *Платонов С.Ф. Иван Грозный. С. 46.*

чести мыться с государем в бане.¹ Он был в числе стеливших постель новобрачным Ивану и Анастасии.² 3 ноября 1547 года А.Ф.Адашев в числе избранных придворных участвует в свадьбе брата царя Юрия Ивановича и готовит постель для новобрачных.³ Во второй половине 1547 года Алексей Адашев упоминается среди царских рынд.⁴ Наконец, в марте 1548 года Адашев фигурирует «в списке наиболее влиятельных при дворе лиц, которым посылает подарки архиепископ новгородский и псковский Феодосий».⁵ Из названных фактов следуют, по крайней мере, три вывода. Во-первых, возвышение Алексея Адашева началось не после московского восстания летом 1547 года, как считает А.А.Зимин,⁶ а несколько ранее.⁷ Иначе он вряд ли бы оказался среди участников царской свадьбы. Во-вторых, возвышение это шло в основном помимо Федора Григорьевича Адашева, отца Алексея, и, следовательно, в-третьих, кто-то из влиятельных придворных был заинтересован в продвижении младшего Адашева,⁸ связывая с ним осуществление планов, о которых можно судить по деятельности Избранной Рады.

¹ См.: Бычкова М.Е. Состав класса феодалов России в XVI в. М., 1986. С. 118; Филюшкин А.И. История одной мистификации... С. 285.

² См.: Филюшкин А.И. История одной мистификации... С. 285

³ См.: Шмидт С.О. Россия Ивана Грозного. С. 62.

⁴ См.: Бахрушин С.В. Научные труды. Т. II. С. 337; Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного... С. 313; Шмидт С.О. Россия Ивана Грозного. С. 61.

⁵ Шмидт С.О. Россия Ивана Грозного. С. 62. См. также: Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного... С. 313.

⁶ Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного... С. 312.

⁷ И.Граля считает карьеру Алексея Адашева и стремительной и ошеломляющей. – См.: Граля И. Иван Михайлов Висковатый. Карьера государственного деятеля в России XVI в. М., 1994. С. 75, 76.

⁸ Не следует, на наш взгляд, ограничивать этот круг придворных Захарьиными – родичами Адашевых. Между тем Р.Г.Скрынников говорит: «Родство с Захарьиными, а через них с царской семьей и обеспечило заурядной дворянской семье (Адашевых. – И.Ф.) блестящую придворную карьеру» (Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 99). Отрицать здесь определенную роль Захарьиных, конечно, нельзя. Но ее надо, по-видимому, рассматривать как дополнительный фактор в продвижении Алексея Адашева, поскольку «придворную карьеру» он начал ранее того, как «царская семья» породнилась с Захарьиными, а сами Захарьины приобрели значительное влияние при дворе. Значит, существовали другие силы, укреплявшие положение А.Ф.Адашева при дворе.

Глава VI. КУЛЬМИНАЦИЯ: ИЗБРАННАЯ РАДА И ЕЕ ПОЛИТИКА

Проблема Избранной Рады в отечественной историографии была и остается дискуссионной. Что это за учреждение, когда оно в точности возникло, каково его место в системе органов власти Руси середины XVI века – вопросы, до сих пор не нашедшие удовлетворительного разрешения, несмотря на упорное желание многих поколений историков добраться до их сути. Некоторые исследователи пошли по пути отождествления Избранной Рады с уже существующими государственными институтами. Так, еще Н.П.Загоскин усматривал в ней «не что иное, как государеву думу, очищенную и обновленную в своем составе».¹ По словам В.О.Ключевского, «трудно разобрать, что разумел кн. Курбский под “избранной радой”». Но, вероятнее всего, он «имел в виду большую думу».²

Помимо старой, традиционной Боярской Думы («большой думы»), имеющей давнюю историю, письменные источники времени Ивана Грозного упоминают *Ближнюю Думу*. «С царствования Грозного, – говорит В.О. Ключевский, – ближняя дума не раз мелькает в своих и иностранных известиях о высшем московском управлении».³ Например, «в грамоте цесаревым послам 1575 г. царь пишет о Н.Р. Юрьеве, кн. В.А. Сицком и дьяке ближнем А.Щелкалове, что посылал к ним, послам, для переговоров “бояр, ближнюю свою думу”; думные дворяне Зюзин и Черемисинов, бывшие в числе уполномоченных при заключении перемирия с Баторием в 1578 г., названы “ближние

¹ Загоскин Н.П. История права Московского государства. Т.II. Центральное управление Московского государства. Вып. I. Дума Боярская. Казань, 1879. С. 31.

² Ключевский В.О. Боярская дума древней Руси. М., 1882. С. 342 (прим.). В другой раз В.О.Ключевский говорит, что Курбский Избранной Радой «называет думу, составившуюся при царе Иване под влиянием Сильвестра и Адашева» (Ключевский В.О. Боярская дума древней Руси. М., 1902. С. 270; Пгр., 1919. С. 267). В третий раз историк заявляет: «Едва вышедши из малолетства, еще не имея 20 лет, царь Иван с необычайной для его возраста энергией принялся за дела правления. Тогда по указаниям умных руководителей царя митрополита Макария и священника Сильвестра из боярства, разбившегося на враждебные кружки, выдвинулось и стало около престола несколько дельных, благомыслящих и даровитых советников – “избранная рада”, как называет Курбский этот совет, очевидно получивший фактическое господство в боярской думе, вообще в центральном управлении. С этими доверенными людьми царь и начал править государством» (Ключевский В.О. Сочинения: В 9-ти томах. Т.II. Курс русской истории. М., 1987. С. 162). Разные мнения В.О.Ключевского по одному и тому же вопросу являются отражением большой сложности изучения проблемы Избранной Рады.

³ Ключевский В.О. Боярская дума древней Руси. М., 1902. С. 322.

думы дворянами»¹. Понятие *ближняя дума* неоднократно встречается в письменных и устных заявлениях митрополита Макария, относящихся к середине XVI века.² Неудивительно, что некоторые историки в Избранной Раде увидели Ближнюю Думу. Уже В.О.Ключевский, склонный рассматривать Избранную Раду как «большую думу», замечал при этом, что ее «название напоминает ближнюю думу».³

Однако другие ученые, в отличие от В.О.Ключевского, обнаружили в Избранной Раде полное соответствие Ближней Думе. С.В.Бахрушин спрашивал: «Не следует ли в “Избранной раде” видеть “ближнюю думу” официальных источников». Ответ у него был утвердительный.⁴ Избранную Раду С.В.Бахрушин представлял в качестве «правительственного кружка», проводившего реформы 1550-х годов.⁵ Вместе с тем историк видел в Раде «учреждение неофициальное».⁶

С догадкой С.В.Бахрушина согласился А.А.Зимин. Он писал: «В литературе уже ставился вопрос о так называемой Избранной раде, которая, по словам Курбского, в 50-е годы XVI в. осуществляла правительственные мероприятия. С.В.Бахрушин показал, что это название было переводом термина “Ближняя дума”. С этим объяснением в целом следует согласиться. Выделение Ближней думы было одним из следствий расширения состава Боярской думы».⁷ А.А.Зимин, как и С.В.Бахрушин, усматривал в Избранной Раде «правительственный кружок, осуществлявший в 50-х годах XVI в. важнейшие реформы государственного аппарата».⁸ Этот кружок исследователь называет *правительством Адашева*, которое «выступило с развернутой программой, имевшей своей основной целью укрепление централизованного аппарата власти в интересах класса феодалов в целом». По Зимину, то «было правительство компромисса между отдельными группами феодалов, правительство консолидации сил господствующего класса вокруг растущей великокняжеской власти».⁹

В русле бахрушинских идей размышлял об Избранной Раде и В.М.Панеях, наблюдавший, как вокруг царя Ивана в период с 1547 по 1549 г. сложилась «немногочисленная группа советников», из которой образовался «пра-

¹ Там же.

² См.: *Смирнов И.И.* Очерки политической истории Русского государства 30–50-х годов XVI века. М.; Л., 1958. С. 151–152.

³ *Ключевский В.О.* Боярская дума древней Руси. 1882. С. 342 (прим.).

⁴ *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. II. М., 1954. С. 336–338.

⁵ Там же. С. 331.

⁶ Там же.

⁷ *Зимин А.А.* Реформы Ивана Грозного. Очерки социально-экономической и политической истории России середины XVI в. М., 1960. С. 318. См. также: Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV в. – начало XVII в. М., 1955. С. 293; История СССР. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Т. II. М., 1966. С. 160; *Зимин А.А., Хорошкевич А.Л.* Россия времени Ивана Грозного. М., 1982. С. 44.

⁸ Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV в. – начало XVII в. С. 293.

⁹ Там же.

вительственный кружок», названный князем Андреем Курбским Избранной Радой. В.М.Панеях не исключает того, что «Андрей Курбский заменил этим термином синонимические термины “Ближняя дума”, “Тайная дума”. Несомненно, Ближняя дума в еще меньшей мере, чем Боярская дума, может быть охарактеризована как институционализированный орган государственной власти или управления».¹

Сходным образом рассуждали об Избранной Раде А.Г.Кузьмин и В.Д.Назаров. Первый из названных исследователей, наблюдая за расширением в конце 40-х годов XVI века состава Боярской Думы, увидел возникновение «внутри ее “Ближней думы”, более известной в литературе под данным Курбским названием “Избранная рада”». Никакими специальными установлениями эта структура не утверждалась, но фактически именно здесь решались все принципиальные вопросы государственного управления. И главной фигурой “Ближней думы” становится Алексей Адашев, не имея на первых порах боярского звания».² По В.Д.Назарову, Избранная Рада и Ближняя Дума – различные наименования одного и того же учреждения. Историк говорил: «Для человека, знакомого с текстами документов 50-х годов XVI в., словосочетание “Избранная рада” звучит необычно. Термин, однако, давно прижился в научной, да и популярной литературе. Говорят нередко о правительстве “Избранной рады”, хотя подобное сочетание суть тавтология. Князь Андрей Курбский, уже будучи в эмиграции, изобрел “Избранную раду” как привычное для шляхетского уха Великого княжества Литовского понятие. Если сделать его кальку на тогдашний русский язык, то получим ближнюю думу или ближний совет при царе».³

С сожалением надо признать: не отличал Избранную Раду от Ближней Думы и автор настоящих строк.⁴

Мысль С.В.Бахрушина об Избранной Раде как Ближней Думе разделял в ранней своей работе Р.Г.Скрынников. «Высшим правительственным органом в середине XVI в., – говорил он, – была “ближняя дума”, выделившаяся из Боярской думы. Ближняя дума 50-х гг. известна в исторической литературе под названием Избранной рады. Впервые она получила это наименование в сочинениях Курбского».⁵ Избранная Рада (Ближняя Дума), согласно Р.Г.Скрынникову, являлась новым правительством, выдвинувшим «в конце 40-х гг. широкую программу реформ».⁶ Избранную Раду исследователь считал возможным «рассматривать как правительство компромисса», хотя и «с существенными оговорками».⁷ Кроме правительства, т.е. Избранной Рады,

¹ Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб., 1996. С. 58–59.

² Кузьмин А.Г. 1) Адашев и Сильвестр // Великие государственные деятели России. М., 1996. С. 131; 2) История России с древнейших времен до 1618 г. В двух книгах. Кн. II. М., 2003. С. 237.

³ История России. С древнейших времен до конца XVII века. М., 1996. С. 418–419.

⁴ См.: Фроянов И.Я. Начала русской истории. М., 2001. С. 915.

⁵ Скрынников Р.Г. Начало опричнины. Л., 1966. С. 74–75.

⁶ Там же. С. 74.

⁷ Там же. С. 127.

Р.Г.Скрынников обнаруживает наличие кружков («группировок»), занимавшихся правительственной деятельностью и входивших полностью или частично в правительство. То были «кружок Адашева»¹ и «кружок Сильвестра».² Наиболее значимым, по мнению историка, являлся «кружок Сильвестра»: «Правительство середины 50-х гг. называют обычно правительством Адашева и Сильвестра. Но доминирующее положение в нем занимал, бесспорно, кружок Сильвестра и князя Д.И.Курлятева, пользовавшийся поддержкой могущественной Боярской думы»;³ «дворянский кружок Адашева занимал в правительстве Сильвестра подчиненное положение»;⁴ «дворянский кружок А.Ф.Адашева занимал подчиненное положение в ближней думе».⁵

В скором времени взгляд на Избранную Раду и ее руководителей у Р.Г.Скрынникова изменился. И уже в книге об Иване Грозном он по-другому трактует реформаторскую роль Алексея Адашева, выставляя его впереди Сильвестра, и отказывается от концепции «кружков» Сильвестра и Адашева, заменяя ее теорией партии Адашева: «Возглавленная Адашевым партия реформ стала ядром правительства, получившего в литературе не вполне удачное наименование Избранной рады».⁶ Новый шаг в эволюции взглядов Р.Г.Скрынникова на Избранную Раду представлен в его книге «Царство террора», изданной в 1992 году. Отдельную ее главу, посвященную Избранной Раде, он начинает словами: «В своей "Истории о великом князе Московском" Андрей Курбский упомянул о том, что при Сильвестре и Адашеве делами государства управляла Избранная рада. Если верить письмам Грозного, Рада состояла сплошь из изменников бояр. По Курбскому, в Избранную раду входили мудрые мужи. Несмотря на то, что "История" несколько не уступала по тенденциозности письмам царя, предложенный Курбским термин "Избранная рада" получил признание в исторической литературе и лег в основу многих историографических оценок».⁷ Получается, следовательно, что пристрастный Курбский, тенденциозно рассказывавший об истории правления Ивана IV, ввел в заблуждение доверчивых историков, соблазнив их тем, чего в действительности не было, – мифической Избранной Радой. Правда, Р.Г.Скрынников не решается сказать об этом прямо и потому оставляет читателя с чувством неопределенности. Это чувство по прочтении главы еще больше обостряется, поскольку в ней нет ни определения Избранной Рады как института,⁸ ни описания ее функциональной роли. Мы узнаем только,

¹ Там же. С. 80, 82, 84, 85, 94, 98, 124, 127.

² Там же. С. 87, 98, 107, 113, 115, 119.

³ Там же. С. 115.

⁴ Там же. С. 119.

⁵ Там же. С. 127.

⁶ Скрынников Р.Г. Иван Грозный. М., 1975. С. 36.

⁷ Скрынников Р.Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 108.

⁸ Р.Г.Скрынников замечает, что историки, как правило, «использовали понятие "Избранная рада" для обозначения правительства реформ 1550-х гг.» (Там же). Но дальше этого не идет, заявляя лишь, что «обращение к "Истории" Курбского позволяет выявить ошибку в исходном пункте всех рассуждений о раде» (Там же). Этим

что Избранная Рада, вроде бы, существовала,¹ что она, кажется, не совпадала с Ближней Думой.² Впрочем, Р.Г.Скрынников высказал все же некоторые, так сказать, не акцентированные суждения об Избранной Раде, в частности, по социальному и персональному составу этого учреждения. Он разошелся с Д.Н.Альшицем, опровергавшим «представление о пробоярском составе и ориентации рады». Но вместе с ним отказался признать членство в Избранной Раде князя А.М.Курбского,³ говорил о вхождении в Раду Алексея Адашева и боярина Д.И.Курлятева, которого назвал «одним из главных вождей» ее.⁴ Как бы вскользь, но совершенно неожиданно Р.Г.Скрынников отождествляет Избранную Раду с «сигклитом» царя Ивана,⁵ а этот «сигклит» – с Боярской Думой.⁶ Но тут же вхождение Курлятева в Раду истолковывает как его приобщение к кругу «избранных» друзей царя.⁷ Выходит, что Избранная Рада – это не Боярская Дума («сигклит»), а небольшая группа «избранных», находящихся в дружбе с государем. Словом, перед нами какая-то историческая крошка, приготовленная Р.Г.Скрынниковым, возможно, под воздействием английского историка А.Гробовского, упорно отрицавшего историческую достоверность сведений, содержащихся в сочинениях Ивана Грозного и Андрея Курбского, особенно по части Избранной Рады, а также относительно деятельности Сильвестра.⁸ О том, что здесь мы наблюдаем определенную идейную зависимость российского специалиста от английского, говорит переход Р.Г.Скрынникова на позиции А.Гробовского в вопросе о вымышленном характере Избранной Рады. Произошло это буквально в последние годы. Еще в 1997 году ученый говорит о том, что Избранная Рада образовалась во второй половине 1550-х годов, что «деятельность рады имела важные последствия: именно в середине 50-х гг. были проведены самые значительные и последовательные реформы».⁹ При этом он пользуется понятиями *Избранная Рада* и *Ближняя Дума* как взаимозаменяемыми.¹⁰ Примерно так же Р.Г.Скрынников рассуждал и несколько позже: «Династичес-

как бы утверждается мысль о необходимости переоценки «всех рассуждений» отечественных исследователей об Избранной Раде.

¹ Там же. С. 117, 118

² Там же. С.110, 112, 120

³ Там же. С.117, 118.

⁴ Там же. С. 118.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С.116, 118.

⁷ Там же. С. 118.

⁸ Р.Г.Скрынников очень ценит исследования А.Гробовского за то, что в них, как он полагает, «традиционная точка зрения подверглась основательной критике» (Там же. С.121). Однако достоинства исследований А.Гробовского не столь безусловны, как представляется Р.Г.Скрынникову. – См.: *Граля И. Иван Михайлов Висковатый. Карьера государственного деятеля в России XVI в. М., 1994. С. 165–167; Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003. С. 42–43, 77 (прим. 67).*

⁹ *Скрынников Р.Г. История Российская. IX–XVII вв. М., 1997. С. 282.*

¹⁰ Там же. С. 282–283.

кий кризис [1553 г.] привел к важным переменам. По словам Курбского, Адашеву и придворному священнику Сильвестру удалось с помощью бояр и митрополита Макария “отогнать” от царя бояр Захарьиных и составить из мудрых бояр новое правительство – Избранную раду. По словам Грозного, это сонмище (рада) состояло сплошь из изменников – бояр. Несмотря на то, что сочинение Курбского нисколько не уступало по тенденциозности писаниям царя, предложенный термин “Избранная рада” получил признание среди историков. Им стали обозначать правительство реформ. На самом деле реформы начали Захарьины, а закончила враждебная им рада во главе с князем Д.И.Курлятевым-Оболенским». ¹ Однако в недавнем новом издании книги Р.Г.Скрынникова об Иване Грозном читаем: «Историю рады невозможно связать ни с пожаром 1547 г., ни с удалением “ласкателей”. Захарьины не только не лишились влияния после пожара, но, напротив, вошли в силу. Ни о какой замене “ласкателей” мудрыми мужами – радой – не было и речи. Приходится признать, что путанный рассказ Курбского может дать лишь превратное представление о правительстве реформ середины XVI в. В отличие от Избранной рады Ближняя дума была реальным учреждением, действовавшим на протяжении многих лет». ² Так историк перевел Избранную Раду в разряд нереальных учреждений. Все эти его идейные перепады могут говорить, на наш взгляд, лишь об одном: недостаточной продуманности исследователем показаний источников.

В последнее время И.П.Ермолаев развивал мысль об Избранной Раде как «кружке приближенных» Ивана IV, который он вслед за другими историками называл правительством царя. ³

Отождествление Избранной Рады с Ближней Думой (тем более с большой Боярской Думой) было отвергнуто рядом историков. По словам С.Ф.Платонова, Избранная Рада формировалась постепенно за спиной Ивана Грозного, по молодости лет не занимавшегося государственными делами, «из людей, привлеченных временщиками Сильвестром и Адашевым». Историк вынужден признать, что «состав этого собрания, к сожалению, точно не известен; но ясно, что он не совпадал ни с составом думы “бояр всех”, исконного государева совета, ни с ближней думой, интимным династическим советом. Это был частный кружок, созданный временщиками для их целей и поставленный ими около царя не в виде учреждения, а как собрание “доброхотающих” друзей». Приведенные высказывания С.Ф.Платонова взяты нами из его книги об Иване Грозном. ⁴ В лекциях по русской истории он говорил о

¹ Скрынников Р.Г. Русь. IX–XVII века. СПб., 1999. С. 197–198.

² Скрынников Р.Г. Иван Грозный. М., 2002. С.75.

³ Ермолаев И.П. Становление Российского самодержавия. Истоки и условия его формирования: Взгляд на проблему. Казань, 2004. С. 257.

⁴ Платонов С.Ф. Иван Грозный. М., 1998. С. 45. Эти высказывания созвучны тому, что говорил об Избранной Раде Н.И.Костомаров, усматривавший в ней подобраный Сильвестром и Адашевым «кружок людей, более других отличавшихся широким взглядом и любовью к общему делу», «кружок любимцев» Ивана IV, «кружок бояр и временщиков». – Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Кн. I. М., 1990. С. 413, 414.

Сильвестре, который «собрал около царя особый круг советников, называемый обыкновенно “избранною радю”... Это не была ни “ближняя дума”, ни дума вообще, а особая компания бояр, объединившихся в одной цели овладеть московскою политикою и направить ее по своему... Нет сомнения, что “избранная рада” пыталась захватить правление в свои руки и укрепить свое влияние на дела рядом постановлений и обычаев, не удобных для московских самодержцев».¹ С.Ф.Платонов полагал, что Избранная Рада «служила орудием не бюрократически-боярской, а удельно-княжеской политики», желая «ограничения царской власти не в пользу учреждения (думы), а в пользу известной общественной среды (княжат)».²

В рецензии А.Е.Преснякова на книгу С.Ф.Платонова «Иван Грозный» проводится прямое противопоставление Избранной Рады Ближней Думе.³

М.К.Любавский в Избранной Раде видел совет, без которого царь не решал никаких дел. «На первый взгляд, — замечал он, — кажется, что эта избранная рада была все тот же интимный совет, ближняя дума или комнатная, с которой вершил всегда дела отец Ивана Грозного Василий Иванович. С формальной стороны избранная рада, конечно, была продолжением ближней думы. Но по действительному значению своему она была далеко не то, что прежняя ближняя дума: избранная рада стала не только помогать самодержавной царской власти, но и опекать ее, ограничивать ее».⁴

Избранная Рада представлялась Р.Ю.Випперу «тесным советом» при Иване Грозном. Отметив, что название *Избранная Рада* принадлежит кн. Курбскому, историк говорит: «Ни у кого другого этого названия не встречаем; а русский эмигрант, разумеется, применяет его недаром: у него перед глазами высший совет, ограничивающий власть польского короля, “паны-рада”».⁵

По мнению К.В.Базилевича, «инициаторами в образовании “Избранной рады” были близкие к великому князю священник Сильвестр и дворянин Алексей Адашев... После пожара и московского восстания 1547 г. они собрали вокруг себя из княжеской и боярской знати людей, образовавших неофициальный совет при московском государе. Его следует рассматривать как собрание людей, принадлежавших к дворцовой знати, одинаково смотревших на задачи внутренней и внешней политики. Позже князь Курбский называл его “Избранной радой” (советом) лучших, избранных людей».⁶ К.В.Базилевич полагал, что Рада «не имела постоянного состава». Историк верно, на наш взгляд, угадал характер Избранной Рады, считая ее «неофициальным

¹ Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. СПб., 1907. С. 143.

² Там же. С. 146.

³ Пресняков А. Е. Рецензия на книгу С. Ф. Платонова «Иван Грозный» // Века. Пгр., 1924. С. 180–181.

⁴ Любавский М. К. Лекции по древней русской истории до конца XVI века. СПб., 2000. С. 386–387.

⁵ Виппер Р. Ю. Иван Грозный. М., 1998. С. 154.

⁶ Базилевич К. В. История СССР от древнейших времен до конца XVII века. М., 1950. С. 279.

советом». Но с ним трудно согласиться, когда он говорит, что этот совет (Рада) не имел постоянного состава, Если бы это было так, то Избранная Рада была бы долговечнее, чем это произошло в действительности.

Д.Н.Альшиц, обращаясь к Избранной Раде, подчеркивает, что царь Иван никогда не отождествлял ее «со своим официальным, лучше сказать традиционным “синклитом”, т.е. Боярской думой или даже с Ближней думой».¹ Довольно показательно, по Д.Н.Альшицу, то, что «оба полемиста – Иван Грозный и Курбский наделяют “совет”, о котором у них идет речь, – Избранную раду функциями директории, фактического правительства. Поэтому точнее всего... Избранную раду правительством и называть. Это тем более верно, что в отличие от органа совещательного и законодательного – Боярской думы Избранная рада была органом, который осуществлял непосредственную исполнительную власть, формировал новый приказный аппарат и руководил этим аппаратом. Царь входил в правительство, фактически управлявшее страной в конце 40–50-х гг., и был удостоен в нем “честью председания” (по его утверждениям, лишь номинального). Он участвовал в его работе вместе со своими “друзьями и сотрудниками” Сильвестром и Адашевым. Это важнейшее обстоятельство придавало Избранной раде характер управляющей инстанции».²

Группа, правившая в 50-е годы XVI века, – так характеризовал Избранную Раду Я.С.Лурье.³

Интересные соображения по вопросу о соотношении понятий *Избранная Рада* и *Ближняя Дума* привел В.Б.Кобрин. Имея в виду своих предшественников в деле изучения эпохи Ивана Грозного, он пишет: «Предполагали, что термином “Избранная рада” Курбский передал русский термин “Ближняя Дума”, круг наиболее близких к царю бояр, с которыми он советуется постоянно. Однако источникам XVI века Ближняя дума еще не известна, она появляется только в XVII веке. Кроме того. Сильвестр, будучи священником, не мог входить ни в Боярскую думу, ни тем более в ее часть – Ближнюю. Отсюда порой делают вывод, что Сильвестр не входил в Избранную раду. Но ведь вопрос можно поставить и иначе: раз Сильвестр входил Избранную раду, она не была Ближней думой. Ведь об участии Сильвестра в правительственной деятельности сохранилось немало известий, возникших самостоятельно, независимо друг от друга... Вполне вероятно, что этот правительственный кружок был неофициален и не имел твердого, прочного названия».⁴ Среди названных положений В.Б.Кобрина наибольшую ценность, по нашему мнению, представляет положение о неофициальном статусе Избранной Рады, т.е. о ее неформальном характере. Именно неформальный характер данного государственного института позволяет понять многое в его загадочной и во многом темной истории.

¹ Альшиц Д. Н. Начало самодержавия в России. Государство Ивана Грозного. Л., 1988. С. 45–46.

² Там же. С. 49.

³ Лурье Я. С. Переписка Ивана Грозного с Курбским в общественной мысли древней Руси // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979. С. 215.

⁴ Кобрин В. Б. Иван Грозный. М., 1989. С. 35.

Возражения историков против отождествления Избранной Рады с Ближней Думой не произвели серьезного впечатления на И.Гралья. И он убежденно заявил, что точка зрения С.В.Бахрушина «решающим образом повлияла на историографию», что вывод его «не был опровергнут», и «большинство исследователей признает существование Избранной рады», отождествляя ее с Ближней Думой.¹ Предшествующий историографический обзор показывает поспешность подобных заключений. Сам же И.Гралья считает бесспорным «факт образования на рубеже 50-х при царе группы советников, тесно связанной с Ближней думой или даже идентичной ей».²

Следует упомянуть еще об одной концепции Избранной Рады, основанной на толковании слова *избранный* в значении *выборный, избранный*. Еще В.И.Сергеевич, отвечая на вопрос, из кого состояла Рада, замечал, что в нее «входили не все думные чины, а только некоторые из них, избранные».³ М.Н.Покровский, касаясь сюжета об управлении государством «в дни молодости Грозного», говорил, что во главе этого управления «стояла не вся дума, а небольшое совещание отчасти думных, а отчасти, может быть, и недумных людей, но члены этого совещания были избраны не царем, а кем-то другим. В пылу полемики Грозный даже утверждал потом, что туда нарочно подбирались люди для него неприятные, но из его же слов видно, что неприятны они были своей самостоятельностью по отношению к царской власти, и возможно, что именно этот признак и решал выбор. Если понимать слова Курбского буквально, то это совещание и называлось “советом выборных” – *избранной радой*, выборных, разумеется, от полного состава боярской думы, хотя и не всегда из этого состава. Повинуясь обстоятельствам, бояре должны были допустить сюда людей, не принадлежавших к их корпорации...».⁴

Представления М.Н.Покровского об Избранной Раде получили недавно развитие в исследовании В.В.Шапошника, который, как и его предшественник, полагает, будто Курбский слово *избранная* применяет в значении *выбранная*.⁵ Правда, здесь же мы узнаем от автора, что «беглый боярин» хотя и пользуется данным словом в указанном значении, но подразумевает в нем и другой смысл – *лучшая*.⁶ Хотелось бы, конечно, большей определенности в этом принципиальном вопросе. Разумеется, вряд ли кто-нибудь решится возражать В.В.Шапошнику в том самоочевидном вопросе, что лица, входящие в Раду, не избирались «прямым, равным и тайным голосованием».⁷ Сомне-

¹ Гралья И. Иван Михайлов Висковатый... С. 91.

² Там же.

³ Сергеевич В.И. Русские юридические древности. Т. II. Вече и князь. Советники князя. СПб., 1900. С. 369.

⁴ Покровский М.Н. Избранные произведения: В 4-х книгах. М., 1966. Кн. 1. С. 294.

⁵ Шапошник В.В. 1) Церковно-государственные отношения в России в 30–80-е годы XVI века. СПб., 2002. С. 77; 2) Иван Грозный: Первый русский царь. СПб., 2006. С. 85.

⁶ Шапошник В.В. 1) Церковно-государственные отношения в России... С. 77; 2) Иван Грозный... С. 85.

⁷ Шапошник В.В. 1) Церковно-государственные отношения в России... С. 77; 2) Иван Грозный... С. 85.

ние в другом: избирались ли они вообще. Подобное сомнение тем более уместно, что к мысли об избрании «радников» историк приходит довольно оригинальным способом. Он утверждает, будто лица, входящие в Раду, пользовались поддержкой «определенных социальных групп», чьи интересы отражали, и потому были «более-менее самостоятельны по отношению к царской власти». ¹ Этой поддержке В.В.Шапошник придает особое значение, поскольку «в глазах беглого боярина (Курбского. – *И.Ф.*) именно поддержка определенных общественных сил делала членов “Рады” “избранными”», т.е. выбранными. ² Тогда при чем, спрашивается, здесь выборы? При том, оказывается, что царь по собственному усмотрению выбирал из различных общественных групп (сословий) своих советников и вводил их в Избранную Раду, полагая, что они «будут выражать интересы различных групп – бояр, дворян и духовенства». ³ Но царский выбор есть, собственно, назначение. В результате получается так, будто Иван IV назначил представителей от разных сословий и собрал их вокруг себя в качестве советников, «зависимых не только и не столько» от него, сколько от этих сословий. ⁴ Неудивительно, что для В.В.Шапошника Избранная Рада стала воплощением «некой формы представительства», схожей с Земским собором. ⁵ И В.В.Шапошник говорит об этом вполне определенно: «Рада являлась представительным органом, своего рода моделью Земского собора...». ⁶

Если названные выше исследователи, несмотря на расхождения во взглядах на Избранную Раду, все же признавали ее реальность, то в лице И.И.Смирнова, А.Гробовского и А.И.Филюшкина мы встречаемся с историками, подвергающими сомнению сам факт существования данного института.

И.И.Смирнов, рассмотрев ряд исследований, затрагивающих проблему Избранной Рады, пишет: «Обзор литературы вопроса показывает, что независимо от имеющихся у тех или иных авторов различий во взглядах на “из-

¹ Шапошник В.В. 1) Церковно-государственные отношения в России... С. 79, 81, 85; 2) Иван Грозный ... С. 86.

² Шапошник В.В. 1) Церковно-государственные отношения в России... С. 77–78; 2) Иван Грозный... С. 85–86.

³ Шапошник В.В. Церковно государственные отношения в России... С. 85–86; 2) Иван Грозный... С. 86.

⁴ Шапошник В.В. Церковно-государственные отношения в России... С. 81.

⁵ Там же. С. 79, 81. Помощь в данном вопросе В.В.Шапошник ищет у Д.Н. Альшица, который якобы «увидел в “Раде” некую форму представительства» (Там же. С. 79). Но Д.Н.Альшиц говорит нечто иное: «Система реформ, предпринятых фактическим правительством (Избранной Радой. – *И.Ф.*) в конце 40-х и в 50-х гг., по самой своей сути была изначально связана с идеей ограничения царской власти “мудрым советом” – той или иной формой представительства, выражающим в отличие от кастовой Боярской думы преимущественно интересы служилой массы и верхов посада» (Альшиц Д.Н. Начало самодержавия в России... С. 53). Как видим, Избранная Рада, по Д.Н.Альшицу, – это не «некая форма представительства», а «фактическое правительство», которое посредством системы реформ стремилось к ограничению царской власти и установлению той или иной формы представительства.

⁶ Шапошник В.В. Иван Грозный... С. 86.

бранную раду”, общей чертой всех исследователей этого вопроса является то, что все они берут за исходный момент своих исследований понятие “избранная рада” как нечто наперед данное и подлежащее лишь истолкованию и расшифровке. Иными словами, все исследователи молчаливо признают за некую аксиому то, что “избранная рада” – это реально существовавший факт, и дело исследователя – лишь правильно понять и объяснить существо этого факта. При этом странным образом забывается о том, что, прежде чем предлагать то или иное толкование “избранной рады”, следует исследовать вопрос о происхождении этого понятия. Речь в данном случае идет, конечно, не о разъяснении этимологии термина “избранная рада”, а о выяснении литературной истории этого термина, т.е. о выяснении того, что за источник, откуда мы узнаем об “избранной раде”, и насколько можно доверять этому источнику». ¹ Изучив под этим углом зрения соответствующие исторические данные, И.И.Смирнов пришел к выводу о том, что «рассказ Курбского об “избранной раде”, содержащийся в “Истории о великом князе Московском” и являющийся основным источником по вопросу об “избранной раде”, представляет собою образец применения Курбским своих теоретических воззрений к освещению событий политической истории Русского государства и не может быть правильно оценен вне общей теории Курбского о принципах управления государством». ² Концепцию Избранной Рады надлежит, следовательно, рассматривать как отражение этой теории, а самое Раду – как некий идеальный тип государственного учреждения, существующий в теории, а не в жизни. Вот почему, «изображая “избранную раду” как продукт творчества Сильвестра и Адашева, Курбский коренным образом искажает ту реальную обстановку, в которой сложилось правительство Русского государства в 50-х годах XVI в.». ³ Но это не значит, что Курбский летал в заоблачной выси фантазии, будучи совершенно оторванным от исторической действительности. Преподнося Избранную Раду в качестве правительства царя Ивана, он мог «опираться на реальную практику управления государственными делами в Русском государстве XVI в. Этой реальной основой рассказа Курбского об “избранной раде” являлась та роль, которую играла в Русском государстве XVI в. Боярская дума как в полном ее составе (“все бояре”), так и особенно в форме “ближней думы”, представляющей собой ядро наиболее приближенных к царю бояр, своего рода правящую верхушку Боярской думы». ⁴

¹ Смирнов И.И. Очерки... С. 145–146.

² Там же. С. 146.

³ Там же. С. 160. И.И.Смирнов снова возвращается к этой мысли, указывая на искажение Курбским объективной исторической действительности, которое состояло «в изображении “избранной рады” как некоего новообразования, новшества, причем новшества, имевшего чрезвычайный характер и существовавшего лишь при Сильвестре и Адашеве, которые, по Курбскому, и являлись создателями “избранной рады”». – Там же. С. 159.

⁴ Там же. С. 150. В другом месте книги И.И.Смирнов пишет: «Вряд ли может быть сомнение в том, что, создавая свою концепцию “избранной рады”, Курбский опирался на ту роль, какую играла в Русском государстве XVI в. Боярская дума». – Там же. С. 157.

Отвечая на вопрос о происхождении термина «Избранная Рада», И.И.Смирнов говорит: «Можно считать весьма вероятным, что он был если не прямо взят Курбским из Степенной книги с дальнейшим полонизированием (вместо “думы” “рада”), то, во всяком случае, образован в стиле и манере макарьевской литературной школы. Таким образом, под “избранной радой” Курбский, несомненно, имел в виду “ближнюю думу”».¹

Идеи И.И.Смирнова были восприняты А.Н.Гробовским, который полностью отрицал существование Избранной Рады как некоего государственного органа, считая ее историографической легендой. «Избранная рада с ее обширным составом, программами и политикой, — писал он, — ничто иное, как чистый вымысел».²

Пример А.Н.Гробовского увлек А.И.Филюшкина, который, рассмотрев переписку Ивана Грозного с Курбским, а также «Историю и великом князе Московском», написанную беглым князем, пришел к следующему выводу: «До известий ППГ (Первого послания Грозного. — И.Ф.) о “Раде” Курбский не знал о существовании такого правительства. Все его известия вторичны, представляют собой вывернутые наизнанку идеи Грозного».³ Использование Курбским термина «Рада» доказывает, по Филюшкину, лишь одно: «выдуманность этого правительства».⁴ Вместе с тем оно «указывает на памфлетный, пропагандистский характер ИВКМ (Истории о великом князе Московском), нацеленной целиком на читателя из Польши и Литвы».⁵ Не лучше обстоит дело и с информацией о Сильвестре и Адашеве, сообщаемой Иваном Грозным. Она скорее отражает «сформировавшиеся к 1564 г. представления Ивана IV об истории 1550-х гг., чем реальное положение вещей».⁶ Общий вывод А.И.Филюшкина состоит в том, что «история “Избранной Рады” — это политическая и историографическая легенда, сформировавшаяся на страницах переписки Грозного с Курбским. Эта легенда в большей степени отражает процессы полемики и политической борьбы в общественной мысли в 1560–70-е гг., чем реальную историю 1550-х гг.».⁷

Современные историки по-разному относятся к построениям А.Н.Гробовского и А.И.Филюшкина — положительно и отрицательно. А.П.Павлов, например, вслед за этими исследователями серьезно сомневается «в самом факте существования особого правительства реформаторов — так называемой “Избранной Рады”. Скорее всего, под “Избранной Радой” у Курбского

¹ Там же. С. 159.

² Гробовский А.Н. Иван Грозный и Сильвестр (История одного мифа). Лондон, 1987. С. 62. См. также: Grobovsky A.N. The “Chosen Council” of Ivan IV: A Reinterpretation. N.-Y., 1969.

³ Филюшкин А.И. История одной мистификации: Иван Грозный и «Избранная Рада». М., 1998. С. 231.

⁴ Там же. С. 241.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 238.

⁷ Там же. С. 246. «Есть основания считать содержащуюся в переписке концепцию “Избранной Рады” политической и историографической легендой, искажившей состав и деятельность правящих кругов России 1550-х гг.». — Там же. С. 246–247.

следует понимать собирательный, литературный образ “добрых”, “избранных” советников, прежде всего Адашева и Сильвестра, в противовес “злым” советникам, которые подтолкнули царя Ивана к установлению единодержавного тиранического правления».¹

Однако новации А.Н.Гробовского и А.И.Филюшкина встретили критику со стороны других известных историков русского средневековья. По словам И.Грали, «труд Гробовского, хотя и вызывает интерес, имеет существенные недостатки, которые серьезно ослабляют убедительность выдвинутых аргументов».² А.Л.Хорошкевич, оценивая наблюдения А.Н.Гробовского и А.И.Филюшкина в области изучения истории Избранной Рады, говорит: «Попытка современного английского историка А.Н.Гробовского пересмотреть вопрос о существовании Избранной рады и преуменьшить значение Алексея Адашева, поддержанная А.И.Филюшкиным, предпринявшим чисто формальное исследование политической элиты России середины XVI в., основана на полном недоразумении, игнорировании нарративных и некоторых делопроизводственных источников».³ Далее А.Л.Хорошкевич замечает: «Отрицая роль Сильвестра в государственной деятельности и его влияние на царя, А.Гробовский не использовал посольских дел. То же самое проделал и А.И.Филюшкин, формально, как и А.Н.Гробовский, рассматривающий кадровые передвижки в составе Боярской думы».⁴ Эти критические замечания И.Грали и А.Л.Хорошкевич, обращенные в адрес А.Н.Гробовского и А.И.Филюшкина, далеко не беспочвенны.

Думается, что дальнейшее изучение Избранной Рады должно выйти за рамки сопоставления ее (а тем более отождествления) с формальными институтами – Боярской Думой, Ближней Думой, правительством, представительными учреждениями и т.п. На наш взгляд, Избранная Рада нуждается в рассмотрении как неформальная и в некотором роде негласная организация лиц, объединенных общей идеей и преследующих цель «обволакивания» самодержавной власти ради реализации собственных интересов. И здесь нет ничего сугубо специфического, характерного лишь для середины XVI века. В данном случае перед нами известное продолжение политики, заявившей о себе в конце XV столетия, когда при дворе Ивана III возникла еретическая партия, атаковавшая православную веру и церковь, пользуясь попустительством и даже поддержкой московского великого князя. Большие надежды в осуществлении своих замыслов еретики, возглавляемые протопопом Алексеем, дьяком Федором Курицыным и великой княгиней Еленой Волошанкой, возлагали на сильную, неограниченную великокняжескую власть. Чтобы добиться управляемости властью великого князя и превратить ее в послушный инструмент своей политики, они выдвинули план передачи

¹ Правящая элита Русского государства IX – начала XVIII вв.: Очерки истории. СПб., 2006. С. 204.

² Грала И. Иван Михайлов Висковатый... С. 165.

³ Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. С. 42.

⁴ Там же. С. 77 (прим. 67).

великокняжеского стола сыну Волошанки Дмитрию. Этот план не состоялся. На престол взошел Василий III. Еретики подверглись казням и преследованиям. Атака враждебных русской церкви сил была отбита. Но, оправившись от разгрома, партия еретиков, руководимая теперь Вассианом Патрикеевым, попыталась, хотя бы частично, сделать то, что не удалось совершить Федору Курицыну и его единомышленникам. Казалось, для этого сложилась благоприятная конъюнктура: Вассиан сблизился с Василием III, вошел к нему в доверие и стал «временным человеком», которого люди боялись больше, нежели великого князя. Однако снова суд, опалы и преследования. Вторая попытка наступления на русский церковно-монастырский уклад и святоотеческую веру окончилась провалом. Рассыпались надежды и на самодержавную власть, связь которой с церковью становилась все более прочной, а самодержец все зримее выступал в роли *Удерживающего*, или *Заступника* святой апостольской церкви. Так перед врагами русского православия и церкви встала задача ограничения самодержавия, превращения его из власти «по Божьему изволению» во власть «по многомятежному человеческому хотению». ¹ Подобное превращение самодержавной власти являлось началом разрушения «Святорусского царства», только что возвестившего о себе всему тогдашнему миру. Названную задачу, не подлежащую, разумеется, разглашению, и предстояло решить Избранной Раде. Этим, по-видимому, объясняется негласный, в определенной степени скрытый характер Рады и, в частности, то обстоятельство, что до сих пор нам практически неизвестен ее персональный состав, тогда как по вполне ясным намекам источников это было достаточно многочисленное сообщество.

В самом деле, когда исследователи говорят об Избранной Раде как учреждении, отличном от Ближней Думы (а таковой Рада и являлась), то обычно приводят считанные имена лиц, причастных к ней: Сильвестр, А.Ф.Адашев, Д.И.Курлятев, а также Макарий и А.М.Курбский, но оба – под сомнением. ² Может показаться, что причиной затруднений ученых в данном вопросе послужило то, что Рада «не оставила никаких следов в официальных памятниках, и сведения о ней мы черпаем почти исключительно из публицистики XVI века». ³ Пусть будет так. И все же главная причина, на наш взгляд, состоит не в этом, во всяком случае, – не только в этом. Весьма красноречив тот факт, что и Грозный и Курбский завели речь на тему о советниках, стеснявших самодержавную власть, уже после того, как с ними было покончено. Ранее об их действительной роли, судя по всему, мало кто знал, особенно за пределами дворца. Завуалированности их действий способствовало то обстоятельство, что они проводили свою политику не столько через

¹ Ср.: *Шапошник В.В.* Церковно-государственные отношения в России... С. 86.

² Наиболее основательная попытка установления персонального состава Избранной Рады принадлежит С.В.Бахрушину. Однако полученные им результаты также достаточно скромны. Надо при этом иметь в виду, что на подсчеты историка существенное влияние оказывало его убеждение в тождестве Избранной Рады с Ближней Думой. – См.: *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. II. С. 333–340.

³ Там же. С. 331.

официальные институты и учреждения, сколько посредством прямых контактов с государем.¹ Отсюда следуют, по меньшей мере, два вывода: 1) Избранная Рада, имея неформальный характер, представляла собой поставленное над существующими государственными органами негласное политическое объединение,² официальные сведения о котором не доводились до русского общества;³ 2) В нераспространении этих сведений, хотя и по разным основаниям, были равно заинтересованы как царь Иван, так и Курбский вместе с другими своими сотоварищами: царь потому, что огласка политики Рады, обсевшей государя плотным кольцом, бросала тень на самодержца как суверена и вообще на русское «самодержавство», только что торжественно провозглашенное актом венчания Ивана IV на царство и объявленное божественным по происхождению; князь же Андрей со своими единомышленниками потому, что эта огласка обнажала предосудительные планы их организации. И только после разгрома Избранной Рады, когда ни одной, ни другой стороне скрывать было нечего, она стала предметом обсуждения в переписке Ивана Грозного с Андреем Курбским и в «Истории» последнего. О чем извещали современников и потомков царь Иван и бывший его боярин Андрей Курбский? Что они сообщали об Избранной Раде?

* * *

Высказывания Грозного, которые можно связать с Избранной Радой, сосредоточены главным образом в первом царском послании Курбскому (Москва, 5 июля 1564 г.). Долго, стало быть, молчал Иван Васильевич и, наконец, заговорил, побуждаемый к тому «бесосоставной грамотой» князя-изменника. Надо заметить, однако, что в лексике государя термин «Избранная Рада» отсутствует. Зато он нередко пользуется словами: *сигклит* (*синклит*),⁴ *синклитство*,⁵ *советники*,⁶ *согласники*,⁷ *единомысленники*.⁸

¹ См.: *Филюшкин А.И.* История одной мистификации... С. 268–269.

² Именно по этой причине Избранная Рада, как отмечал С.В.Бахрушин, слова которого мы только что привели, «не оставила никаких следов в официальных памятниках».

³ Постановка этой политической организации явственно проглядывает на фоне деятельности отдельных ее представителей, в частности А.Ф.Адашева, о котором И.И.Смирнов писал: «Анализ данных, относящихся к политической деятельности А.Ф.Адашева, заставляет прийти к выводу о том, что эта деятельность не может быть уложена в рамки обычной должностной службы в тех или иных органах власти. Напротив, характерной чертой А.Ф.Адашева как политика было то, что в своей деятельности он находился вне рамок служебной иерархии и зачастую н а д этой иерархией». — *Смирнов И.И.* Очерки... С. 229.

⁴ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979. С. 19, 31.

⁵ Там же. С. 32.

⁶ Там же. С. 13, 15, 31, 32, 33, 43.

⁷ Там же. С. 14.

⁸ Там же. С. 17, 31.

Слово «сигклит» («синклит») означало в устах Ивана, по всей видимости, Боярскую Думу.¹ «Аще благ еси и прав, — писал он Курбскому, — почто имея в сигклите пламени паляще, не погасил еси, но паче разжегл еси?».² Я.С.Лурье и О.В.Творогов предлагают следующий перевод этого текста: «Если же ты добр и праведен, то почему, видя, как в царском совете разгорелся огонь, не погасил его, но еще сильнее разжег?».³ «Царский совет» есть, по-видимому, Боярская Дума. К этому добавим: Грозный винил Сильвестра и Адашева за то, что они «единомысленника своего, князя Дмитрия Курлятева к нам в синклит припустили».⁴ Царь в данном случае имел в виду, скорее всего, Боярскую Думу.⁵ Важно отметить, что Сильвестр и Адашев «припустили» Курлятева в Думу после московского восстания 1547 года⁶ (где-то в самом конце 40-х годов⁷), когда они вошли во власть. Грозный вспоминал также случай с князем Семеном Ростовским, который, как выразился самодержец, «по нашей милости, а не по своему достоинству, сподобен быти от нас синклитства»,⁸ т.е. введен в Боярскую Думу.⁹

Несколько сложнее обстояло дело с употреблением Иваном Грозным слова «советник» («советники»). Выявляются, по крайней мере, два смысловых значения, вкладываемых царем Иваном в данное слово. Грозный, во-первых, понимает в нем государевых советников, роль которых издавна присвоили себе бояре, с которыми князья обязаны были думу думать и совет держать.¹⁰ Подобная практика сохранялась очень долго, видоизменяясь по ходу времени и приспособляясь к новым историческим условиям. В модифицированном виде мы ее встречаем и в XVI веке. Известное ее отражение находим в преамбуле первого Послания Ивана Грозного к Андрею Курбскому: «Сего православного истинного христианского самодержавства, многими владычествами владеющего, повеления, наш же христианский смиренный ответ бывшему прежде православнаго истиннаго христианства и нашего самодержавия боярину и советнику и воеводе, ныне же крестопреступнику честнаго и животворящаго креста Господня...».¹¹ Здесь царь называет придворные чины и звания, упоминая среди них боярскую должность советника. сочета-

¹ См.: *Альшиц Д.Н.* Начало самодержавия в России... С. 45–46; *Скрынников Р.Г.* Царство террора. С. 116, 118.

² Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 19.

³ Там же. С. 129.

⁴ Там же. С. 31.

⁵ См.: *Скрынников Р.Г.* Царство террора. С. 118. С.Ф.Платонов полагал, что Сильвестр провел Курлятева «в ближние бояре». — *Платонов С.Ф.* Иван Грозный. С. 64.

⁶ См.: *Зимин А.А.* Реформы Ивана Грозного... С. 317.

⁷ *Скрынников Р.Г.* Царство террора. С.118.

⁸ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 32.

⁹ См.: *Смирнов И.И.* Очерки... С. 152 (прим. 29).

¹⁰ См.: *Ключевский В.О.* Боярская Дума древней Руси. М., 1902; *Сергеевич В.И.* Русские юридические древности. Т. II. С. 337–417; *Фроянов И.Я.* Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980. С. 77–85.

¹¹ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 13.

ющую одновременно право и обязанность боярина подавать государю советы по обсуждаемым в Боярской и Ближней Думах вопросам государственной жизни и текущей политики. Наряду с этим значением термина «советник» как придворной должности, Грозный пользуется словом «советники», придавая ему иной смысл: *союзники, сообщники, единомышленники*, т.е. учинившие сговор «*согласники*», группирующиеся вокруг Сильвестра и Алексея Адашева. Отношение к ним у государя весьма негативное. Он дает им резко отрицательную оценку, именуя их «сатанинскими слугами»,¹ «бесовскими служителями»,² «злобесовскими советниками»,³ «злобесными единомышленниками»,⁴ «злыми советниками»,⁵ «злодейственными изменными человеки». ⁶ Чем заслужили советники Сильвестра и Адашева столь нелестные аттестации?

Иван Грозный, обращаясь к Андрею Курбскому, так отвечает на этот вопрос: «Понеже бо есть вина и главизна всем делом вашего злобеснаго умышления, понеже с попом положисте совет, дабы аз словом был государь, а вы б с попом делом (владели)». ⁷ Аналогичная мысль звучит и во втором Послании Грозного Курбскому: «Или вы растленны, что не токмо похотесте повинными мне быти и послушными, но и мною владесте, и всю власть с меня снясте, и сами государилися, как хотели, а с меня есте государство сняли: словом яз был государь, а делом ничево не владел». ⁸ Так Курбский и его «единомышленники» отторгли под свою власть державу, данную Ивану Богом и полученную им от прародителей. ⁹

Главными виновниками покушения на власть были, по словам Грозного, поп Сильвестр и Алексей Адашев, которые «сдружились и начаша советовать отаи нас, мневше нас неразсудных суще; и тако, вместо духовных, мирская нача советовати, и тако помалу всех вас бояр в самовольство нача приводити, нашу же власть с вас снимающе, и в супротисловие вас приводяще, и честию вас мало не с нами равняющее, молотчих же детей боярских с вами честию уподобляюще». ¹⁰ Особенно раздражал Ивана поп Сильвестр, забывший о своем священническом сане ради мирской власти: «Или мниши сие светлость благочестива, еже обладатися царьству от попа невежи и от злодейственных изменных человек, и царю повелеваемому быти?»; «или убо сие свет, яко попу и прегордым лукавым рабом владети, царю же токмо председанием и царскою честию почтенну быти, властию же ничим же лучше быти раба?». ¹¹

¹ Там же. С. 14.

² Там же.

³ Там же. С. 15.

⁴ Там же. С. 17.

⁵ Там же. С. 32.

⁶ Там же. С. 20.

⁷ Там же. С. 21, 70.

⁸ Там же. С. 104.

⁹ Там же. С. 15, 65.

¹⁰ Там же. С. 30–31, 79.

¹¹ Там же. С. 20, 21.

Заслуживает пристального внимания свидетельство Ивана Грозного о политике Сильвестра и Адашева, приводящей в «самовольство» и «супротисловие» бояр царю, производящей «поравнение» в чести бояр с государем, а бояр – с детьми боярскими. Если оно соответствовало действительно, то придется признать, что реформаторы, возглавляемые Сильвестром и Адашевым, склонялись к переустройству русского служилого сословия на манер литовско-польского шляхетства, воспринимавшего своего короля как первого среди равных (и потому – выборного), но отнюдь не как Богом данного государя (и поэтому – наследственного). Речь, в конечном счете, шла об изменении политического строя Руси, причем о таком изменении, какое в исторических условиях той поры, характеризующих смертельной угрозой извне, было бы, несомненно, гибельным для страны. Но, чтобы добиться успеха, реформаторы должны были заставить самодержца поделиться с ними властью. И, казалось, они здесь преуспели. Во всяком случае, Иван Грозный писал Андрею Курбскому, напоминая ему о Сильвестре, Адашеве и Курлятеве, которые «от прародителей наших данную нам власть от нас отъяша, еже вам бояром нашим по нашему жалованию честию и преседанием почтенным быти; сия убо вся по своей власти, а не в нашей положиша, яко же вам годе, и яко же кто как восхощет; потом же утвердися дружбами, и всю власть во всей своей воли имый, ничто же от нас пытая, аки несть нас, вся строения и утверждения по своей воле и своих советников хотения творяще».¹

Само собой разумеется, что без кадровой опоры осуществить все это узурпаторам было бы невозможно. И они, по свидетельству царя, «ни единыя власти оставиша, идеже своя угодники не поставиша, и тако во всем свое хотение улучиша».² Сейчас не время рассуждать о том, насколько справедливы жалобы Ивана Васильевича.³ Достаточно в данный момент подчеркнуть, что Сильвестр и Адашев вместе со своими «советниками», как утверждал Иван Грозный, не только противились самодержавной власти, но добились еще и фактического ее ограничения. Однако этим не исчерпывались, по Грозному, «злобесные» дела Курбского, его «друзей и назирателей».

Иван говорит, что они, помимо «истиннаго христианского самодержавства», нападали также на православную Веру и апостольскую Церковь. Это и понятно, поскольку Самодержавие и Церковь составляли, согласно воззрениям тех времен, единое целое, что превосходно выражено в грамоте (1393)

¹ Там же. С. 31, 79.

² Там же.

³ Отметим только, что, согласно Р.Г.Скрынникову, «царь не без основания утверждал, будто Сильвестр и Курлятев самовольно распоряжались государственными делами, «строениями и утверждениями», раздавали чины и должности и «ни единыя власти не оставиша, идеже своя угодники не поставиша»» (Скрынников Р.Г. Начало опричнины. С. 112). В недавней своей работе исследователь писал: «Утверждение царя насчет насаждения радой своих «угодников» на высшие посты в приказах не было сорвавшейся в порыве раздражения фразой». – Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 118.

константинопольского патриарха Антония великому московскому князю Василию Дмитриевичу, где читаем: «Невозможно христианам иметь церковь и не иметь царя. Ибо царство и церковь находятся в тесном союзе и общении между собою, и невозможно отделить их друг от друга».¹ Поэтому всякое выступление против русского самодержавия означало, в конечном счете, выступление против существующей в России православной церкви, и наоборот. Понятно также, что любое противоцерковное действие являлось по существу антиправославным деянием.

В исторической науке обвинениям религиозного свойства, вмененным Курбскому царем Иваном, не уделялось должного внимания,² что приводило историков, сосредоточенных исключительно на политической борьбе вокруг самодержавия, к одностороннему освещению деятельности Избранной Рады. Это тем более досадно, что Грозный ясно и определенно, притом неоднократно, заявляет о попрании Курбским и другими представителями Рады «православного истинного христианства». Он пишет ответ свой князю Андрею Михайловичу Курбскому – «крестопреступнику честного и животворящего креста Господня, и губителю хрестиянскому, и ко врагом хрестиянским слагателю, отступшему божественного иконного поклонения и поправшему вся священная повеления, и святые храмы разорившему, осквернившему и поправшему священныя сосуды и образы, яко же Исавр, Гноетезный, Арменин...».³ В.Б.Кобрин и Я.С.Лурье, комментируя цитированный текст, говорят: «"Врагами христианства" царь называет польско-литовских правителей и военачальников, которых русские источники того времени неоднократно обвиняли в разграблении православных церквей; с этим связано и сравнение их с тремя византийскими императорами-иконоборцами – Львом III Исавром (717–741 гг.), Константином V Копронимом (т.е. "Навозоименным", по-древнерусски "Гноетезным", 741–775 гг.) и Львом V Армянином (813–820 гг.)».⁴ Ради точности надо заметить, что Грозный в данном случае сравнивает с тремя византийскими императорами-иконоборцами не польско-литовских правителей и военачальников, а князя Курбского, отвергшего «иконное поклонение». Следовательно, данное сравнение между Курбским и названными басилевсами проводилось царем Иваном, прежде всего, по линии отказа от почитания икон. Оно должно было подчеркнуть всю серьезность обвинения, высказанного Иваном Грозным в адрес Андрея Курбского, поскольку упомянутые византийские монархи принадлежали к

¹ Памятники древнерусского канонического права. Ч. I. (Памятники XI–XV в.). Приложения. СПб., 1880. Стб. 274.

² До сих пор в современной историографии существует большой пробел в области изучения религиозных основ правления Ивана Грозного. Правда, в последнее время наметилось стремление восполнить этот пробел. – См.: Митрополит *Иоанн*. Самодержавие духа. Очерки русского самосознания. СПб., 1995. С. 132–170; *Юрганов А.Л.* Категории русской средневековой культуры. М., 1998; *Шапошник В.В.* Церковно-государственные отношения в России... С. 408–503.

³ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 13.

⁴ Там же. С. 380.

числу наиболее активных иконоборцев. Лев III, например, законодательным путем отменил культ икон, собрав заседание «синклита» («селений»), на котором «предложил высшей знати подписаться под эдиктом, запрещающим иконопочитание».¹ Другой иконоборец Константин V пытался укрепить иконоборчество «решениями вселенского собора. С 10 февраля по 27 августа 754 г. заседал собор в одном из предместий Константинополя. 338 представителей церкви единогласно приняли положения о том, что иконопочитание возникло вследствие козней сатаны. Писать иконы Христа, Богоматери и святых – значит оскорблять их “презренным эллинским искусством”. Запрещалось иметь иконы в храмах и частных домах... Все “древопоклонники и костепоклонники” (т.е. почитавшие мощи святых) предавались анафеме и особо Иоанн Дамаскин и Герман (константинопольский патриарх. – И. Ф.)».²

Важно напомнить, что отвержение почитания икон было присуще ересям тех времен – несторианской, монофиситской, монофелитской, павликианской и пр.³ Поэтому императоры-иконаборцы благосклонно относились к еретикам. В частности, Лев III и Константин V известны терпимостью к павликианам, которых они причисляли к своим союзникам в борьбе против иконопокклонников.⁴ Такого рода отношение верховной власти к еретикам способствовало оживлению и некоторому подъему еретических движений в Византии. По степени активности этих движений можно судить о том, насколько терпимым и, быть может, сочувственным являлось отношение к ересям наверху в тот или иной период византийской истории. Данный принцип универсален. Он применим и к истории Руси. Мы ведь видели, как покровительственное отношение Ивана III к еретикам послужило мощным стимулом развития «ереси жидовствующих» в Русском государстве конца XV – начала XVI века. Забегая несколько вперед, скажем: названный принцип позволяет многое понять и в исторической ситуации, сложившейся на Руси в середине XVI века. Детальнее об этом потолкуем позже, а сейчас вернемся к Андрею Курбскому и его товарищам, обвиняемым Иваном Грозным в религиозных преступлениях.

Грозный изображает Курбского в компании злобных врагов православия («к ним же ты любительне совокупился еси»⁵), которые, отвергнув иконы и таинства, отпали от Бога («не токмо тебе сему ответ дати, но и противу поправших святые иконы, и всю христианскую божественную тайну отвергшим, и Бога отступльшим»⁶). «Христианская Божественная Тайна» есть, надо думать, установленные Иисусом Христом таинства, такие, например, как Крещение, сообщающее благодать Св. Духа, очищающее от грехов и перерождающее, как Причащение, соединяющее со Христом, делающее причаст-

¹ История Византии. В трех томах. Т. 2. М., 1967. С. 53.

² Там же. С. 58.

³ Там же. С. 52, 59.

⁴ Там же. С. 59.

⁵ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 15. 64.

⁶ Там же. С. 14–15. 64.

ником жизни вечной, и Покаяние, дарующее прощение грехов.¹ Царь Иван вполне обоснованно трактует отвержение таинств как отступничество от Господа Бога Иисуса Христа, обвиняя в этом отступничестве князя Курбского и его друзей.

Отступив, по версии Грозного, от Христа, Курбский не мог не отпасть от православной Церкви. Иван Грозный говорит: «Ваша злобесная на церковь восстания разсыплет сам Христос».² При этом он не поясняет, в чем заключалось «злобесное на церковь восстание» Курбского с единомышленниками. Правда, Иван уподобляет поведение князя поступкам библейского царя Иеровоама I. Грозный писал Курбскому: «Смотри же и древняго отступника Еровоама, сына Наващца, како отступи здесятью колени израиловыми, и сотвори царство в Самарии и отступи от Бога жива и поклонися тельцу, и како убо смятеся царство Самарийское неудержанием и вскоре погibe...».³

Из Ветхого Завета узнаем о разделении Израиля на два царства, произошедшем при Ровоаме, сыне Соломона и Наамы: «И разошелся Израиль по шатрам своим. Только над сынами Израиловыми, жившими в городах Иудиных, царствовал Ровоам» (3 Царств, 12). Отделившиеся десять колен Израиля послали за вернувшимся из Египта Иеровоамом, сыном Наваца, и «воцарили» его. И вот «обстроил Иеровоам Сихем на горе Ефремовой и поселился в нем; оттуда пошел и построил Пенуил. И говорил Иеровоам в сердце своем: царство может опять перейти к дому Давидову, если народ сей будет ходить в Иерусалим для жертвоприношения в доме Господнем, то сердце народа сего обратится к государю своему, к Ровоаму, царю Иудейскому. И посововетавшись царь сделал двух золотых тельцов и сказал [народу]: не нужно вам ходить в Иерусалим; вот боги твои, Израиль, которые вывели тебя из земли Египетской. И поставил одного в Вефиле, а другого в Дане. И повело это к греху, ибо народ стал ходить к одному из них, даже в Дан, [и оставил храм Господень]. И построил он капище на высоте и поставил из народа священников, которые не были из сынов Левиных. И установил Иеровоам праздник в восьмой месяц, в пятнадцатый день месяца, подобный тому празднику, какой был в Иудее, и приносил жертвы на жертвеннике; то же сделал он в Вефиле, чтобы приносить жертву тельцам, которых сделал. И поставил в Вефиле священников высот, которые устроил, и принес жертвы на жертвеннике, который он сделал в Вефиле, в пятнадцатый день восьмого месяца, который он произвольно назначил; и установил праздник для сынов Израиловых, и подошел к жертвеннику, чтобы совершить курение» (Там же).

Можно думать, что сравнение Курбского с Ровоамом, отступившим «от Бога жива» и воскурившим фимиам «тельцу», понадобилось Грозному для того, чтобы усилить впечатление от возлагаемых на Курбского «со товарищи» обвинений в измене православию и русской церкви. Для нас, однако, важен сам факт обвинения Курбского в предательстве веры и церкви, в злоумышле-

¹ См.: Полный православный богословский энциклопедический словарь. М., 1992. Стб. 2140–2141.

² Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 18, 58.

³ Там же.

нии по отношению к ним, идущем от происков сатаны: «Антихриста же вемы: ему же вы подобная творите злая советующе на церковь Божию».¹

О «восстании на церковь» кн. Курбского с «единомысленники» Иван Грозный говорит на протяжении своего послания неоднократно. Вот еще один характерный пример: «На церковь восстаеи и не престающе нас всякими озлоблении гонити, и иноплемennых язык на нас совокупляюще всякими видами, гонения ради и разорения на христианство, яко же выше рех, на человека възъярився, на Бога вооружилися есте и на церковное разорение. К гонению — яко же рече божественный апостол Павел: “Аз же, братие, аще обрезание еденаче проповедую, что и еще гоним есмь; убо упразднися соблазн креста. Но да и содрогнутся развещавающи сия!” И аще убо, яко же вместо креста обрезание тогда потребна быша, тако же убо и вам, вместо государского владения, потребно самовольство. Ино ныне свободно есть: почто и еще не престаеи гонити?».² В.Б.Кобрин и Я.С.Лурье следующим образом комментируют данный текст: «Иван сравнивает “избранную раду” с гонителями христианства — сторонниками ортодоксального иудейства...».³ Имел ли Грозный хоть какие-нибудь основания для столь смелых сравнений? Не сочинял ли он? Если исходить из сведений, содержащихся в его послании Курбскому, придется признать, что некоторые основания для такого рода сравнений царь имел.

Согласно намекам государя, Андрей Курбский был любителем Ветхого Завета: «Аще ветхословие любиши, к сему ты и приложим».⁴ Это — многозначительный намек, косвенно уличающий Курбского в склонности к «ереси жидовствующих», возникшей на Руси в конце XV века и в различных модификациях дошедшей до времен Ивана Грозного. Приверженцы этой ереси, как известно, отдавали предпочтение Ветхому Завету перед Новым Заветом. По-видимому, Курбский испытал некоторое их влияние. Следы подобного влияния видны в некоторых местах писем Курбского Грозному. В третьем Послании князя Курбского царю Ивану встречаем, как нам кажется, довольно примечательный в данном отношении текст: «Очуются и воспрями! Некогда поздно, понеже самовластие наше и воля, аже до распоряжения души от тела ко покаянию данная и вложенная в нас от Бога, не отъемлетца исправления ради нашего на лутчее».⁵ Самовластие и воля — понятия, связанные с поднятыми в еретической литературе конца XV — середины XVI века проблемами самовластия человека и его души, свободы воли и выбора. Вспомним «Лаодикийское послание» Федора Курицына, открывающееся загадочными словами: «Душа самовластна, заграда ей вера».⁶ Как справедливо замечает Я.С.Лурье, «начало “Лаодикийского послания” представляет несом-

¹ Там же. С. 47, 86.

² Там же. С. 34, 82.

³ Там же. С. 395.

⁴ Там же. С. 17, 59, 67.

⁵ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 118.

⁶ Источники по истории новгородско-московской ереси конца XV — начала XVI в. // Казакова Н.А. и Лурье Я.С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — начала XVI века. М.; Л., 1955. С. 265.

ненный интерес для характеристики мировоззрения вождя московских еретиков». ¹ По мнению исследователя, Федор Курицын, начиная свое сочинение с утверждения о самовластии души, «выступает в качестве решительного сторонника теории свободы воли». ² Это означает, что он был противником учения о божественной предопределенности всего сущего, включая судьбу человека, что было тогда не чем иным, как проявлением религиозного вольномыслия. По наблюдениям А.И.Клибанова, «мотивы Лаодикийского послания навеяны Ветхим заветом и подобраны тенденциозно в духе реформационных идей. К их числу, конечно, прежде всего относится идея самовластии души, первоисточники которой действительно прослеживаются во Второзаконии...». ³ Если это так, то любитель «ветхословия» Курбский тем более был расположен к идее самовластии души и воли.

Иван Грозный нисколько не сомневался насчет еретической сути учения о самовластии человека. Он затрагивает это учение, реагируя на слова Курбского, относящиеся, казалось бы, к несколько иной материи, нежели людское самовластие. Факт довольно показательный, свидетельствующий о том, что идея самовластии человека являлась предметом неумолкающих споров среди русских интеллектуалов той поры. Андрей Курбский писал царю: «Али ты безсмертен, царю, мнишися, и в небытную ересь прельщен, аки не хотя уже предстати неумытному судие, надежде христьянской, богоначальному Иисусу, хотящему судити вселенней в правду...». ⁴ Обширным рассуждением ответил царь на эту реплику Курбского. ⁵ Он, в частности, писал: «А еже писал еси, аки не хотящу ми предстати неумытному судищу, – ты же убо на человека ересь покладываешь, сам подобно манихейстей злобесной ереси пиша. Яко же они блядословят, еже небом обладати Христу, на земле же самовластным быти человеком, преисподними же дьяволу...». ⁶ Самовластие (самовольство) Иван Грозный воспринимает как непокорство Богу и, стало быть, отпадение от Него. Клеймя Курбского за бегство к польскому королю Сигизмунду II Августу, он говорит: «А еже от него надеешься много пожалован быти – се убо подобно есть, понеже не хотесте под Божиею десницею власти быти и от Бога нам данным и повинным быти нашего повеления, но в самовольстве самовластиа жити...». ⁷

Было ошибочно возлагать обвинения Грозного в отступничестве от православной веры и церкви на одного лишь Курбского. Эти обвинения царь обращал не только к своему корреспонденту, но также к Сильвестру, Алексею Адашеву и ко всем их «советникам». Именно поэтому Иван Васильевич

¹ Лурье Я.С. Новгородско-московская ересь конца XV – начала XVI в. // *Казакова Н.А. и Лурье Я.С. Антифеодальные еретические движения...* С. 174.

² Там же.

³ Клибанов А.И. Реформационные движения в России в XIV – первой половине XVI вв. М., 1960. С. 66.

⁴ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 7, 9.

⁵ См.: Там же. С. 38–39.

⁶ Там же. С. 39, 90.

⁷ Там же. С. 46–47, 60.

связывал положительные перемены в жизни русской церкви с разгромом сильвестро-адашевской придворной группировки: «Праги же церковные, — елико наша сила и разум осязает, яко же подовластные наши к нам службу свою являют, сице украшенми всякими, церкви Божия светится, всякими благостинями, елико после вашей бесовския державы сотворихом. не токмо праги и помост, и предверия, елико всем видима есть и иноплеменным украшения». ¹ Грозный, следовательно, хочет сказать, что Курбский и его «согласники» противодействовали украшению церковей драгоценностями — дорогами иконами, предметами культа и пр. Они не одобряли также одаривание церковей «всякими благостинями». Но такую политику могли проводить люди, разделявшие еретические убеждения о недопустимости церковных богатств. Самодержец хорошо понимал это и потому характеризовал их власть как бесовскую, вкладывая в этот термин вполне определенный антицерковный смысл.

По версии царя Ивана, Сильвестр, Адашев и другие, не довольствуясь религиозным вольномыслием, покушались, кроме того, на церковную власть, стремясь овладеть и царством и священством. Историки на это мало обращают внимание (если вообще обращают), сосредоточившись на борьбе Избранной Рады с самодержавием Ивана IV. Между тем, Грозный говорит: «Паче убо вы гордитесь дмящися, понеже раби суще, святительский сан и царский восхищаете, учаше, и запрещающе и повелевающе». ²

Таким образом, по свидетельству Ивана IV, в середине XVI века при царском дворе образовалась группа царских советников во главе с Адашевым и Сильвестром, которая, пользуясь полным доверием государя, пыталась захватить светскую и духовную власть в стране с целью изменения ее церковно-государственного строя и религиозной направленности. И тут Иван в некоторых моментах сходится с Андреем Курбским, сообщавшим также о всемогущих «советниках» государя, собранных Сильвестром и Адашевым. Расходится Курбский с Иваном IV лишь в оценочных взглядах относительно деятельности «советников», всячески восхваляя их.

В «Истории о великом князе московском» Курбский рассказывает, как Сильвестр и Адашев собирают вокруг царя Ивана «советников, мужей разумных и совершенных, во старосте мастите сущих, благочестием и страхом Божиим украшенных, других же, аще и во среднем веку, тако же предобрых и храбрых, и тех и оных в военных и земских вещах по всему искусных. И сице ему их в приязнь и в дружбу усвоят, яко без их совету ничесоже устроить или мыслити... И нарицалися тогда оные советницы у него избранная рада. Воистину, по делом и наречение имели, понеже все избранное и нарочитое советы своими производили, сиречь суд праведный, нелицеприятен яко богатому, так и убогому, еже бывает в царствие наилучшее, и ктому воевод искусных и храбрых мужей сопровит врагов избирают и стратилацкие чины устроят, яко над езными, так и над пешими. И аще кто явитца мужественным в битвах и окровил руку во крови вражии, сего дарованми почита-

¹ Там же. С. 26, 74–75.

² Там же. С. 46, 97.

но, яко движными вещи, так и недвижимыми. Некоторые же от них, искуснейшие, того ради и на высшие степени возводились. А парозитов, или тунейдцов, сиречь подобедов или *товарищей* трапезам, яже блаженством или шутками питаются и кормы хают, не токмо тогда не дарованно, но и отгоняемо, вкупе с скомрахи и со иными прелукавыми и презлыми таковыми роды. Но токмо на мужество человек подвизаемо и на храбрость всякими роды даров или мздовоздаянми, каждому по достоянию».¹

Курбский очень высоко, в отличие от Грозного, ставил Сильвестра и Алексея Адашева, называя первого «блаженным презвитером», а второго – «благородным юношей».² Разумея Русию, он вопрошает: «Что же сие мужие два творят полезное земле оной, опустошенной уже воистинну и зело бедне сокрушенной?». Курбский отвечает на свой вопрос, призывая читателя выслушать себя внимательно: «Приклони же уже уши и слушай со прилежанием! Сие творят, сие делают – главную доброту начинают: утверждают царя! И якого царя? Юнаго, и во злострастиях и в самоволствии без отца воспитанного, и приизлище прелютого, и крови уже напившихся всякие, не токмо всех животных, но и человеческия! Паче же и согласных его на зло прежде бывших, овых отделяют от него (яж быша зело люты), овых же уздают и воздержат страхом Бога живаго. И что же еще по сем придают? Наказуют опасне благочестию – молитвам же прилежным ко Богу и постом, и воздержанию внимати со прележанием. Завещивает оной презвитер и отгоняет от него оных предреченных прелютейших зверей (сииречь ласкателей и человекоугодников, над нихже ничтоже может быти поветреннейшаго во царстве) и отсылает и отделяет от него всяку нечистоту и скверну, прежде ему приключшуюся от Сатаны. И подвижет на то и присовокупляет себе в помощь архиерея оного великого града, и ктому всех предобрых и преподобных мужей, презвитерством почтенных. И возбуждают царя к покаянию, и исчистив сосуд его внутренний, яко подобает, ко Богу приводят и святых непорочных Христа нашего тайн сподобляют, и в сиевую высоту *онаго*, прежде бывшего окаяннаго, возводят, яко и многих окрестным языком дивитися обращение его к благочестию».³

Сопоставление упомянутых сочинений Грозного и Курбского обнаруживает в них, с одной стороны, согласие, а с другой – разноречивость. Согласие обоих авторов наблюдается преимущественно в сфере изложения фактов, тогда как разноречивость выявляется прежде всего в области истолкования и оценки этих фактов.

В самом деле, и царь Иван и князь Андрей согласно говорят о появлении возле трона Сильвестра и Адашева в окружении советников, о приобретении ими огромного влияния на самодержца. Они оба рассказывают о том, как царские любимцы вместе со своими советниками лишили самостоятельности государя, так что без их совета (указания) он не мог ничего предпринять. Вместе с тем Курбский утверждает такое, во что очень трудно пове-

¹ Библиотека литературы Древней Руси. Т. 11. XVI век. С. 318, 320.

² Там же. С. 316.

³ Там же. С. 9–10.

рять. Например, он говорит, будто Сильвестр и Адашев «утверждают царя». Если под этим утверждением подразумевалось венчание на царство Ивана IV, то надо признать, что Курбский, случалось, перевирал факты. И все же многие из его сообщений находят подтверждение со стороны Ивана Грозного.

Однако Грозный и Курбский решительно расходятся, когда надо охарактеризовать личности Сильвестра и Адашева или когда необходимо оценить их деятельность. Так, по Андрею Курбскому, Сильвестр – «блаженный презвитер», а по Ивану Грозному – «поп-невежа», Адашев, по Курбскому, – «благородный юноша», а по Грозному, – «собака». Радикальным образом расходятся наши информаторы в оценке деятельности Сильвестра и Адашева с «единомысленниками»: у царя она резко отрицательная, а у князя-изменника сугубо положительная. Кто из них прав? Как соотносятся их свидетельства с известиями других источников? Являлась ли Избранная Рада исторической реальностью или она есть фикция, изобретенная Андреем Курбским, как считают некоторые историки?¹ Пришло время ответить на эти вопросы. Однако сперва о термине «Избранная Рада» и его значении.

* * *

Этот термин, как известно, фигурирует в «Истории о великом князе Московском», принадлежащей Андрею Курбскому. Но не следует думать, будто Курбский изобрел названный термин, не имея перед собой каких бы то ни было современных лексических аналогий и, возможно, даже – прецедентов. Нельзя, во всяком случае, полностью игнорировать сообщение Курбского о том, что *Избранной Радой* называл советников, собранных Сильвестром и Адашевым, не кто иной, как Иван Грозный («И нарицались тогда оные советницы у него *избранная рада*»). Следует далее сказать, что слово «рада» являлось вполне употребительным со стороны русских при их общении с людьми из Литвы и Польши. Еще В.О.Ключевский отмечал, что московские дипломаты, встречаясь с польско-литовскими послами, называли Боярскую Думу *радой государя и своей господою*.² Причем данное обстоятельство он связал с соответствующим терминологическим творчеством Курбского: «"Избранною радой" и кн. Курбский называет думу, составившуюся при царе Иване под влиянием Сильвестра и Адашева».³ В.О.Ключевский прекрасно понимал всю условность подобного словопроизводства. Историк писал: «Московские бояре хорошо знали литовскую раду и в переписке с ней даже себя звали "радой" своего государя. Но московская боярская дума мало похожа была на эту раду по своему политическому значению, как и по должно-

¹ См., напр.: Grobovsky A.N. 1) The «Chosen Council» of Ivan IV: A Reinterpretation; 2) Иван Грозный и Сильвестр (История одного мифа); Филюшкин А.И. История одной мистификации...

² Ключевский В.О. Боярская дума древней Руси М., 1902. С. 270 (прим.); Пгр., 1919. С.267 (прим.).

³ Там же.

стному составу». ¹ Развивая мысли знаменитого историка, можно сказать, что Избранная Рада по своему должностному составу была мало похожа на Боярскую Думу. Что же представляла собою Избранная Рада? В чем смысл терминов, составивших данное понятие?

Со словом рада нет особых проблем. Это – *совет, советники*. Отсюда *Избранная Рада* есть избранный совет, избранные (лучшие) советники царя Ивана, ² рекомендованные ему Сильвестром и Алексеем Адашевым. Необходимо, однако, заметить, что вопрос о советниках этим не исчерпывается, поскольку Грозный, как мы знаем, неоднократно говорит о «злых», «злобесовских» советниках, группирующихся вокруг Сильвестра и Адашева. Надо полагать, что между советниками государя и советниками его любимцев не было непреодолимой грани, и многие из советников Сильвестра и Адашева выступали также в роли советников Ивана. К ним и прилагалось определение *избранные*, т.е. *лучшие, особенно ценимые*, ³ что послужило основанием для их вхождения в число советников Ивана IV. Именно так изображает дело Курбский, характеризуя царских советников как «мужей разумных и совершенных», «благочестием и страхом Божьим украшенных», «предобрых и храбрых», «в военных и земских вещах по всему искусных». ⁴ Не зря, полагает князь, их называли *Избранной Радой*, ибо «все избранное и нарочитое (*лучшее и значительное, выдающееся*) ⁵ советы своими производили». ⁶ Перед нами похвала людям, так сказать, высшего сорта, в чем и состоит их избранность. Но тут, конечно, выражено личное отношение Курбского к членам Избранной Рады, и мы не знаем, насколько его столь высокие аттестации соответствовали действительным свойствам «радных» мужей.

Не следует всех советников, составивших Избранную Раду, относить лишь к одной княжеско-боярской знати. ⁷ Принадлежность к Раде Сильвестра и Адашева, ⁸ людей вовсе неродовитых, характеризует ее в качестве надсловной организации (в рамках привилегированных сословий), представители которой присутствовали в различных правительственных учреждениях – Ближней Думе, Боярской Думе, Приказах и пр. Эта организация не при-

¹ Там же. М., 1902. С. 298; Птг., 1919. С. 294.

² Именно так раскрывает понятие Избранная Рада Курбский в третьем послании Грозному, называя ее «избранным советом нарочитых синглитов». – Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 108.

³ См.: Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 6. М., 1979. С. 102.

⁴ Библиотека литературы Древней Руси. Т. 11. XVI век. С. 318.

⁵ См.: Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 6. С. 102; Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 10. М., 1983. С. 220, 221.

⁶ Библиотека литературы Древней Руси. Т. 11. С. 318.

⁷ Ср.: Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. С. 143.

⁸ См.: Сергеевич В. И. Русские юридические древности. Т. II. С. 369; Любавский М. К. Лекции по древней русской истории до конца XVI века. С. 386; Платонов С. Ф. Иван Грозный. С. 45; Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного... С. 322; Альшиц Д. Н. Начало самодержавия в России... С. 49; Кобрин В. Б. Иван Грозный. М., 1989. С. 32, 35; Власть и реформы... С. 59.

обрела формальный статус государственного учреждения, являясь неформальным образованием, действующим приватно, если не скрытно, то без широкой огласки. По нашему убеждению, остается до сих пор отчасти актуальным определение, данное Избранной Раде С.Ф.Платоновым. «Это был,— говорил ученый,— частный кружок, созданный временщиками для своих целей и поставленный ими около царя не в виде учреждения, а как собрание “доброхотающих” друзей».¹ Весьма ценной является мысль С.Ф.Платонова о том, что Избранная Рада существовала не в виде государственного учреждения, а в виде частного кружка-собрания, поставленного Сильвестром и Адашевым рядом с царем Иваном. Надо только понять, что Сильвестр и Адашев прежде, чем стать временщиками, сами были сведены с юным царем придворными политиками, плетущими интригу против русского самодержавства, что Избранная Рада есть видимая, как у айсберга, вершина достаточно многочисленной и довольно разветвленной организации, заявившей о себе еще в конце XV века и дожившей до середины XVI века, приспособившаяся к меняющимся историческим условиям. И, конечно же, «советников», обступивших вместе с Адашевым и Сильвестром царский престол, нельзя рассматривать как доброхотствующих царю искренних друзей. То были замаскированные недруги русского царства и, следовательно, Ивана Грозного. Негативное их отношение к самодержавной власти отразилось, по нашему мнению, в самом названии *Избранная Рада*, приводимом Андреем Курбским. Правда, некоторые историки объясняют использование Курбским термина *рада* тем, что беглый боярин писал свою Историю, рассчитывая якобы на польских и литовских читателей, и поэтому стремился обставить ее привычными и понятными для заграничной читательской аудитории словами.² Отсюда у него и этот полонизм. Однако более основательной представляется точка зрения Р.Ю.Виппера, обратившего внимание на то, что «Курбский очень характерно называет тесную думу, в которой он и сам участвовал, “избранной радой”». Ни у кого другого этого названия не встречаем; а русский эмигрант, разумеется, применяет его недаром: у него перед глазами высший совет, ограничивающий власть польского короля, “паны-рада”. Представитель старинного княжеского рода, родня литовских и польских панов, естественно увлекается примером олигархии у западного соседа. Называя именем этой верхней палаты аристократической республики тесную думу при московском царе, Курбский только подтверждает правильность жалоб Ивана IV на то, что советники отстранили его от дел, “снимали его власть”, приводили “в противословие” бояр, раздавали самовольно чины и земли и т.п.».³ Значит, не для удобства заграничных читателей князь Курбский прибегал к понятию *рада*, а с целью подчеркнуть особую роль Избранной Рады, ограничиваю-

¹ Платонов С.Ф. Иван Грозный. С. 45.

² См., напр.: Кобрин В.Б. Иван Грозный. С. 34–35; Филюшкин А.И. История одной мистификации... 243–244; Шапошник В.В. Церковно-государственные отношения в России... С. 77.

³ Виппер Р.Ю. Иван Грозный. С. 154.

щей русское самодержавие и тем существенно отличающейся от традиционных политических институтов Руси, призванных укреплять самодержавную власть, а не сковывать ее действие. Вот почему Избранную Раду необходимо рассматривать как новое явление в политической системе Русского государства, ранее не известное и занесенное в Московское царство со стороны, с Запада. Это, собственно, и объясняет, почему А.М.Курбский воспользовался для его обозначения «иноземным» термином «Рада», позволяющим более точно (сравнительно с любым русским термином) определить функциональное предназначение Избранной Рады.¹

Не исключено, однако, что словосочетание *Избранная Рада* было в придворном политическом обиходе середины XVI века. Возможно также то, что оно звучало и в устах царя Ивана,² очарованного Сильвестром и Адашевым с их советниками. Степень этого очарования оказалась столь сильной, что царь Иван долго не мог понять, куда ведет путь, намечаемый Избранной Радой. Поэтому он длительное время не вступал с нею в конфликт. К тому же политика Избранной Рады была двойственной, что мешало царю до конца разобраться в замыслах Сильвестра и Адашева. С одной стороны, они выступали инициаторами реформ, в которых нуждалась страна, а с другой — вели скрытый подкоп под фундаментальные основы Святой Руси, а именно под самодержавие, православную веру и церковь. То была выработанная веками изощренная тактика тайных организаций, применяемая ими по сей день. Обманутый ею молодой государь находился в полном согласии с Избранной Радой. А.А.Зимин в этой связи писал: «В конце 40-х — начале 50-х годов XVI в. представления Ивана IV о путях преобразования государственного аппарата совпадали с предложениями Адашева и Сильвестра. Избранная рада не противостояла царю, а проводила единую с ним политическую линию. В какой мере при этом Иван IV находился под влиянием временщиков, установить гораздо труднее, но вопрос этот имеет значение скорее для изучения характера царя Ивана, чем для исследования самой сущности реформ середины XVI в.»³ Думается, едва ли можно говорить о стихийном совпадении представлений царя насчет реформирования России с предложениями Адашева и Сильвестра. Временщики умели не только предложить Ивану IV ту или иную реформу, но и убедить его в обоснованности своих предложений или, во всяком случае, получить у него согласие на осуществление задуманных мер. В этом, помимо прочего, выражалось их влияние на государя, и оно, если судить по интенсивности реформаторской деятельности правительства середины XVI века, было весьма и весьма значительным,

¹ Ср.: *Филошкин А.И.* История одной мистификации... С. 241.

² Так позволяет думать уже упоминавшееся нами свидетельство Курбского о советниках Ивана: «И нарицались тогда оные советницы у него избранная рада» (Библиотека литературы Древней Руси. Т. II. XVI век. С. 318). К этому надо добавить, что Грозный в своих посланиях (1567 г.) полякам пользовался выражениями «панов рад», «добрая рада», свидетельствуя тем самым, что слово «рада» ему хорошо было известно. — См.: *Филошкин А.И.* История одной мистификации... С. 241.

³ *Зимин А.А.* Реформы Ивана Грозного... С. 324–325.

что подтверждают соответствующие свидетельства Грозного и Курбского. Влияние на Ивана Избранной Рады, ее руководителей Сильвестра и Адашева представляет интерес для исследователя не только со стороны изучения личного характера царя, но и с точки зрения сущности реформ конца 40-х – 50-х годов.

Эти реформы, как уже отмечалось, не были едины в плане конечных целей. Некоторые из них (военная реформа, преобразования в области местного управления и др.) имели созидательный характер. Но они служили своего рода завесой реформам, разрушительным по своей направленности, бьющим по московскому «самодержавству», православной вере и церкви.

* * *

Важной вехой на пути к этим гибельным для Святой Руси реформам явился 1547 год. То был год венчания Ивана IV на царство и «великого пожара» в Москве, вызвавшего восстание черного люда, едва не завершившееся убийством молодого царя. Пытаясь понять душевное состояние Ивана, подчинившегося Сильвестру и Адашеву, а также другим деятелям Избранной Рады, историки нередко придавали особое значение впечатлениям, которые он вынес из столичных пожаров и народного бунта. По мнению В.О.Ключевского, например, царь сам отдался в руки своих советников, «испуганный событиями 1547 года».¹ Другой исследователь русской старины, М.К.Любавский, говорил: «Страшный пожар и народный мятеж произвели сильное впечатление на молодого царя. Напоенный библейскими представлениями о царской власти, Иван пришел к заключению, что Бог покарал народ за его, царя, грехи, и сильно был удручен этим сознанием... Этим настроением, как мы знаем от Курбского, и воспользовалось духовенство и благомыслящая часть боярства. Нравственную поддержку удрученному царю оказал сначала придворный священник Сильвестр, а затем митрополит Макарий и другие мужи, “пресвитерством почтенные”. К ним присоединился царский постельничий Алексей Адашев, а за ним и некоторые бояре...».²

На наш взгляд, и В.О.Ключевский и М.К.Любавский чересчур преувеличивают воздействие на психику царя Ивана событий, связанных с пожаром и восстанием москвичей лета 1547 года. Не отрицая их существенное значение во внутренних переживаниях государя, мы все-таки должны сказать, что не с этих событий начался его душевный переворот, сопровождаемый осознанием своего божественного предназначения как истинно православного царя. Венчание Ивана на царство в январе 1547 года, предпринятое им по собственному желанию и при активном содействии митрополита Макария, показывает, что это осознание уже произошло к нему. Поэтому летние события 1547 года, способствуя, безусловно, углублению самосознания самодержца, послужили преимущественно толчком к переходу его от умозрительных воз-

¹ Ключевский В.О. Боярская дума древней Руси. М., 1902. С. 344; Пгр., 1919. С. 340.

² Любавский М.К. Лекции по древней русской истории... С. 86.

зрений к практическому строительству русского православного царства. И в этом великом строительстве ему, конечно же, нужны были помощники. Душой Иван был открыт к сотрудничеству с ними. Этим состоянием царя и воспользовались умело Сильвестр с Адашевым, а также те, кто помогал им.

Предварительно они убрали с политической сцены Глинских, спровоцировав против них мятеж московских черных людей. Молодой и неопытный государь приблизил к себе Адашева и Сильвестра, наделил этих людей огромной властью. Об этом, как мы знаем, сохранились свидетельства Ивана Грозного и Андрея Курбского. Но среди некоторых историков эти свидетельства слывут как тенденциозные, субъективные и недостоверные. Так, для А.А.Зимины тенденциозный характер высказываний царя Ивана о Сильвестре и Адашеве очевиден: «Иван IV хотел задним числом обосновать свою опалу на когда-то всесильных временщиков».¹ Но и Курбский, по словам А.А.Зимины, «не менее субъективен, чем Грозный».² Твердых оснований для подобного рода заключений, разумеется, нет. Есть лишь догадки, порожденные личными ощущениями историка, его интуицией. Во имя справедливости, однако, надо сказать, что А.А.Зимину хватило объективности, чтобы оценить данные свидетельства Ивана Грозного и Андрея Курбского как одинаково неудовлетворительные. Другие же исследователи, явно нерасположенные к Ивану IV, всю свою источниковедческую критику адресуют только ему, оставляя вне ее царского оппонента. С.Б.Веселовский, к примеру, находит у Курбского «чрезвычайно важные и достоверные сведения», тогда как высказывания Грозного, будучи полемическими, малозначимы и тенденциозны.³ В аналогичном ключе рассуждает Д.Н.Альшиц. Он говорит: «Характеристика, данная Курбским правительству конца 40–50-х гг., в основном соответствует действительности. У Курбского нет причин искажать в данном пункте прошлое. Этого нельзя сказать об Иване Грозном, имевшем веские причины, для того чтобы вымарать дегтем своих бывших соратников. Царю нужно было оправдать тот крутой поворот, который он совершил в начале 60-х гг. от политики Избранной рады к политике опричнины».⁴ Отсюда следует, что для выработки объективного взгляда на деятельность правительства конца 40–50-х гг. необходимо освободить изучение Избранной рады от влияния ее первого историка – царя Ивана Грозного».⁵ Логика, посредством которой Д.Н.Альшиц так эффектно «пригвоздил» царя Ивана, применима и к Андрею Курбскому, правда, с противоположным смыслом. В самом деле, если Грозному понадобилось очернить «своих бывших сорат-

¹ *Зимин А.А.* Реформы Ивана Грозного... С. 323.

² Там же. С. 324.

³ *Веселовский С.Б.* Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 103, 105, 108.

⁴ Сходным образом рассуждает А.И.Филюшкин: «Концепция Грозного о временщиках Адашеве и Сильвестре была лишь одной из пропагандистских версий, исходящей от Ивана Васильевича и направленной на оправдание его опричной политики». – *Филюшкин А.И.* История одной мистификации... С. 276.

⁵ *Альшиц Д.Н.* Начало самодержавия в России... С. 47.

ников», чтобы оправдать поворот к Опричнине, то Курбскому надо было высказать сподвижников Ивана, чтобы осудить этот поворот. Как видим, и у того и у другого имелись веские причины исказить «в данном пункте прошлое». При таком логическом раскладе отдавать предпочтение Ивану Грозному или Андрею Курбскому – значит проявить предвзятость. Д.Н.Альшиц несколько поспешил, когда призвал «освободить изучение Избранной рады от влияния ее первого историка – царя Ивана Грозного». С тем же основанием можно взывать о необходимости освободить изучение Избранной Рады от влияния князя Курбского. Счет здесь, как говорится, по нулям.

Куда важнее иное: совпадение фактов, приводимых Грозным и Курбским, что вызывает у отдельных историков некоторое замешательство. «Как это ни парадоксально, – замечал А.А.Зимин, – идейный противник Ивана IV – князь Андрей Курбский дает сходную с ним характеристику роли царя в проведении реформ середины XVI в.: царь выступает лишь как простое орудие предначертаний Сильвестра и Адашева, которые окружили его советниками...».¹ По нашему мнению, тут нет ничего парадоксального, поскольку и царь Иван и князь Курбский описывали реально существовавший факт всевластия Сильвестра и Адашева. Их согласие в изложении фактов повышает доверие к тому, о чем они повествовали в своих сочинениях. Кроме того, существуют другие источники, подтверждающие правдивость Ивана Грозного и Андрея Курбского в передаче фактической стороны дела, касающейся властных полномочий Сильвестра и Адашева.

* * *

В Пискаревском летописце (первая половина XVII века) говорится об Адашеве следующее: «А как он был во времени, и в те поры Руская земля была в великой тишине и во благоденстве и управе. А кому откажет, тот вдургорядь не бей челом: а кой боярин челобитной волочит, и тому боярину не пробудет без кручины от государя; а кому молвит хомутовкою, тот больши того не бей челом, то бысть в тюрьме или сослану. Да в ту же пору был поп Селивестр и правил Рускую землю с ним задин, и сидели вместе в ызбе у Благовещения, где ныне полое место межу полат».²

О.А.Яковлева, нашедшая и опубликовавшая в середине 50-х годов прошлого столетия этот летописный памятник,³ говоря о предполагаемом авторе его, замечала: «В царствование Грозного человек этот был ребенком или подростком, так как описал это царствование в основном по рассказам людей более старшего, чем он, возраста и лишь в небольшой степени по своим собственным воспоминаниям... Сведения, сообщаемые москвичом-современником, его суждения и оценки, вошедшие в “Пискаревский летописец”, имеют большую историческую ценность».⁴ Эти предположения О.А.Яков-

¹ Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного... С. 323–324.

² ПСРЛ. Т. 34. М., 1978. С. 181–182.

³ См.: Материалы по истории СССР. Вып. II. М., 1955.

⁴ Там же. С. 14.

левой вызвали сомнение у М.Н.Тихомирова, который писал: «Прежде всего вызывает сомнение само определение записей Пискаревского летописца как “воспоминаний” москвича, так как невозможно приписать одному и тому же автору разнородные по стилю и политической направленности летописные записи нашего источника. Перед нами текст, явно написанный разными людьми в разное время».¹ И все же, что касается рассказа Пискаревского летописца об Алексее Адашеве, то перед нами, по словам М.Н.Тихомирова, «действительно, “воспоминание” москвича, записанное, однако, не по личным наблюдениям, а по рассказам».² Но «это очень интересное припоминание, хорошо характеризующее Адашева как всесильного временщика, который “правил Русскую землю”, заслонив собою царя».³

Иную позицию занимает А.И.Филюшкин, отрицающий доброкачественный характер известий Пискаревского летописца о политической деятельности А.Ф.Адашева. Рассмотрев сообщения Пискаревского летописца об этой деятельности, автор приходит к следующим выводам: «ПЛ – позднее по происхождению произведение компилятивного характера; его рассказ о деятельности правительства Адашева–Сильвестра содержит ряд фактических неточностей; он написан в соответствии с историографическими воззрениями, сходные (сходными?) с концепцией “Избранной Рады” Курбского, которая, возможно, в трансформированном виде (в качестве слуха, пересказа) была источником данной статьи ПЛ; вследствие этого известие ПЛ о правительстве Адашева – Сильвестра не может считаться безусловным свидетельством существования “Избранной Рады” и нуждается в подтверждении другими, независимыми источниками».⁴ Что можно сказать по поводу этих выводов А.И.Филюшкина?

О том, что Пискаревский летописец является компилятивным произведением, что заключенный в летописце рассказ об Адашеве записан много лет позже описываемых в этом рассказе событий, известно давно, чуть ли не с момента издания памятника.⁵ Однако названные особенности Летописца не помешали М.Н.Тихомирову отнести содержащиеся в нем известия о государственной деятельности Адашева к разряду чрезвычайно интересных и соответствующих исторической реальности.⁶ Они также не стали помехой другим историкам, изучавшим служебную биографию Алексея Адашева, пользоваться сведениями этого источника.⁷ Высокую оценку Пискаревскому летописцу как источнику, освещающему начальный период придворной жизни Адашева и Сильвестра, дал А.А.Зимин. «В изданном О.А.Яковлевой

¹ Тихомиров М.Н. Русское летописание. М., 1979. С. 233.

² Там же. С. 235.

³ Там же. С. 235–236.

⁴ Филюшкин А.И. История одной мистификации... С. 256.

⁵ См.: Тихомиров М.Н. Пискаревский летописец как исторический источник о событиях XVI – начала XVII в. // История СССР. 1957, № 3.

⁶ Тихомиров М.Н. Русское летописание. С. 235–236.

⁷ См.: Шмидт С.О. 1) Челобитенный приказ в середине XVI столетия // Изв. АН СССР, Сер. истории и философии. Т. VII. 1950, № 5; Правительственная деятель-

Пискаревском летописце начала XVII в. содержится новая характеристика деятельности Адашева и Сильвестра, раскрывающая обстановку начального этапа в истории “Избранной рады”». ¹ Больше того, Пискаревский летописец, основанный, как показал Р.Г.Скрынников, на разнообразных источниках и вобравший в себя немало достоверных и наиболее полных сведений, имеет важное значение для изучения эпохи Ивана Грозного в целом. ² При этом он содержит и отдельные фактические неточности, что, однако, не умаляет его ценность. Сходным образом аналогичные неточности рассказа об Адашеве, отмеченные А.И.Филюшкиным, ³ не должны, на наш взгляд, подрывать доверие ко всему рассказу. Тем более, что факты, приводимые в Летописце, не однородны, ибо есть факт-событие и факт-явление. Легко на основе припоминаний ошибиться в передаче факта-события, перепутав, например, время поездки Адашева в Турцию или год его смерти и место упокоения. Но значительно труднее позабыть политическую роль, в которой открылся обществу тот или иной деятель, в частности А.Ф.Адашев. Эту трудность не обойти простой ссылкой на то, что рассказ Пискаревского летописца об Адашеве написан в соответствии с концепцией Избранной Рады Курбского, которая послужила якобы его источником, тем более что Адашев и Сильвестр изображены в Летописце очень похожими на Адашева и Сильвестра, вышедших из-под пера Ивана Грозного. Сходство иногда наблюдается даже в формулировках: «Тако убо и вы мнесте под ногами быти у вас всю Рускую землю...». ⁴ Это очень напоминает выражение Пискаревского летописца «правил (правили) Рускую землю». Следовательно, при желании можно говорить о зависимости упомянутого рассказа Пискаревского летописца от сочинений Ивана IV, пусть даже через концепцию Избранной Рады князя Курбского. Но не слишком ли длинная получается цепь предполагаемых заимствований? И, вообще, зачем мудрить? Не проще ли и плодотворнее было бы признать, что сходство в изображении Адашева и Сильвестра царем Иваном, Курбским и автором соответствующей статьи Пискаревского летописца проистекает из того, что все они обращались к одним и тем же известным им фактам и явлениям политической истории Руси середины XVI века. Неуместным, по нашему мнению, является последний вывод А.И.Филюшкина о том, что «известие ПЛ о правительстве Адашева–Сильвестра не может считаться безусловным свидетельством существования “Избранной Рады”».

ность А.Ф.Адашева // УЗ МГУ. Вып. 167. М., 1954; Смирнов И.И. Очерки... С. 225–226, 229–230. См. также: Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного... С. 321, 324, 326–328.

¹ Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного... С. 61.

² См.: Скрынников Р.Г. 1) Начало опричнины. С. 61–64; 2) Царство террора. С. 34–35.

³ Автор справедливо указывает на неточности повествования Пискаревского летописца, связанные с датировкой поездки отца и сына Адашевых в Константинополь, с определением времени и места похорон Алексея Адашева. – См.: Филюшкин А.И. История одной мистификации... С. 253–254.

⁴ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 105.

Неизвестно, откуда у А.И.Филюшкина взялось «известие ПЛ о правительстве Адашева–Сильвестра». Ведь в Летописце о таком правительстве не сказано ни слово. Там говорится о Сильвестре, который «заодин» с Адашевым «правил Рускую землю». Иными словами, речь в Пискаревском летописце идет об индивидуальных властных полномочиях Адашева и Сильвестра, которые автору летописного повествования кажутся настолько значительными, что сопоставимы с властью правителей.¹ Что же касается непосредственно Алексея Адашева, то в Летописце он представлен всемогущим временщиком, грозой нерадивых бояр, которых он волен был заточить в тюрьму либо сослать, куда захочет. В руках Адашева мощный рычаг власти – прием и разбор челобитных с докладом государю, склонному безоговорочно поддержать своего любимца («а кой боярин челобитной волочит, и тому боярину не пробудет без кручины от государя»). Алексей такой же «всемогущий», как и Сильвестр. В этом отношении автор летописного рассказа об Адашеве подтверждает высказывания о нем Ивана Грозного и Андрея Курбского.

Другой независимый, по нашему убеждению, источник, рисующий А.Ф.Адашева в роли правителя Московского государства, связан с представлениями о нем за пределами Руси. В отчете московского посла к цесарю Луки Новосильцева сообщается о том, как он, Лука, обедал по пути в Вену (1585) у гнезненского архиепископа Станислава Карнковского, который был «в Польше другой король». Во время обеда зашел разговор о Борисе Годунове, а затем – об Алексее Адашеве. Архиепископ говорил послу: «Сказывали нам вязни наши: есть на Москве шурин государской Борис Федорович Годунов, правитель земли и милостивец великой и нашим вязнем милость казал, и на отпуске их у себя кормил и поил, и пожаловал всех сукны и деньгами, и как были в тюрьмах, и он им великие милости присылал; и нам то добре за честь, что у такого великого государя таков ближней человек разумен и милостив; а прежде сего был у прежнего государя Алексей Адашев, и он Государство Московское таково же правил, а ныне на Москве Бог вам дал такого же человека присужего».² Новосильцеву не понравилось такое сравнение Годунова с Адашевым, и он заметил собеседнику: «Олексей был разумен, а то не Олексеева верста: то великий человек, Боярин и Конюшей, а Государыне

¹ И.И.Смирнов писал: «Целью рассказа Пискаревского летописца являлось продемонстрировать роль и значение А.Ф.Адашева, когда он был “во времени”, и подкрепить характеристику правления Адашева той поры, когда “Русская земля была в великой тишине и во благоденстве и управе”». – *Смирнов И.И.* Очерки... С. 225.

² *Шмидт С.О.* Россия Ивана Грозного. М., 1999. С. 83. Н.М.Карамзин предложил следующий перевод данного текста: «Сей муж знаменитый (Годунов. – *И.Ф.*) питал, утешал наших пленников, когда они сидели в темнице, и дав им свободу, милостиво угостил их в своих палатах, одарив каждого сукнами и деньгами. Слава его везде разносится. Вы счастливы, имея ныне Властителя подобного Алексею Адашеву, великому человеку, который управлял Россиею в царствование Иоанново». – *Карамзин Н.М.* История Государства Российского. Кн. III. Т. X. М., 1989. Стб. 29. См. также: *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. IV. М., 1989. С. 200

нашой брат родной, а разумом его Бог исполнил всем, и о земле великой печальник».¹

Историки по-разному воспринимают рассказ Луки Новосильцева. Так, С.О.Шмидту этот рассказ послужил свидетельством, что за границей знали о «большом влиянии Адашева на правительственную деятельность». Поэтому «не случайно через 25 лет после смерти Адашева его сравнивали в Польше с царским шурином Борисом Годуновым».² С.О.Шмидт, исходя из отчета русского посла, замечал, что «в представлении иностранцев А.Ф.Адашев был “правителем земли” и “ближним человеком” государя».³ Однако А.И.Филюшкин решительно выступил против такого рода интерпретаций. Имея в виду слова Станислава Карнковского, сказанные Луке Новосильцеву, он пишет: «Данная речь часто используется исследователями в качестве “неопровержимого доказательства” обладания А.Ф.Адашевым реальной властью и статусом временщика, равным Борису Годунову. Но они не обращали внимания на ответ Л.Новосильцева на слова С.Карнковского (например, С.О.Шмидт просто опустил его в своей публикации данного отрывка из посольских книг). А реакция русского посланника весьма примечательна. Дело в том, что он... категорически опроверг заявление С.Карнковского! Л.Новосильцев прокомментировал его следующим образом: “Олекей был разумен, а то не Олексеева верста, то великий человек, боярин и конюший... а разумом его Бог исполнил всем, и о земле великой печальник”. Таким образом, с точки зрения русского дипломата, статус Адашева оказывается гораздо ниже статуса Годунова (“не Олексеева верста”), то есть он не являлся временщиком. Он не был ни политически весомым (“великим”) человеком, ни “печальником о земле”. Видеть же в словах “Олекей был разумен” что-либо, кроме признания незаурядных талантов государственного деятеля (коиными, как мы знаем, Адашев, несомненно, обладал), будет некорректным. Фигура Адашева была хорошо известна в Литве из-за его дипломатической деятельности в 1559–60 гг., и поэтому нет ничего удивительного, что о нем слышал гнезненский епископ. Источником же его трактовки роли Адашева как временщика, с нашей точки зрения, могла стать имевшая хождение в Литве и Польше ИВКМ».⁴

Мы намеренно привели столь пространную выдержку из книги А.И.Филюшкина, чтобы нагляднее продемонстрировать исследовательские приемы автора. Начнем с последнего утверждения его о том, что источником трактовки Станиславом Карнковским роли Алексея Адашева в качестве временщика могла стать известная в Литве и Польше «История о великом князе Московском» (ИВКМ) Андрея Курбского. Это допущение было бы уместным в том случае, если бы Карнковский не сказал, откуда он почерпнул сведения об Адашеве. Но он прямо указал на источник своей информации, упомянув в данной связи «вязней» (пленников), побывавших в плену у русских.

¹ Карамзин Н.М. История Государства Российского. Кн. III. Примечания к тому X. Стб.19 (прим. 82). См. также: Соловьев С.М. Сочинения. Кн. IV. С. 201.

² Шмидт С.О. Россия Ивана Грозного. С. 83.

³ Там же.

⁴ Филюшкин А.И. История одной мистификации... С. 243.

Это они, «взяни», воротясь домой из плена, рассказывали своим соотечественникам об увиденном и услышанном в Москве, где еще хранили память об Адашеве, находя общее между ним и Годуновым. От этих бывших пленников Станислав Карнковский узнал о добродетелях Бориса Годунова и его сходстве в качестве правителя с Алексеем Адашевым, о чем гнезненский архиепископ поведал сам московскому послу Л.Новосильцеву. Вот почему иные предположения, на наш взгляд, здесь совершенно излишни. Однако важно отметить, что независимо от сочинения Курбского (ИВКМ) в Москве после смерти Ивана IV курсировали сведения об Алексее Адашеве, в которых он как правитель Руси уподоблялся Борису Годунову. Перед нами, следовательно, еще один, хотя и своеобразный, по-видимому, устный, но самостоятельный источник, подтверждающий правдивость характеристики правительственной роли Алексея Адашева, данной Иваном Грозным и Андреем Курбским.

А.И.Филюшкин упрекает С.О.Шмидта, который якобы опустил невыгодный ему текст посольской книги, содержащий ответ посла Новосильцева архиепископу Карнковскому, попытавшемуся сравнить Адашева с Годуновым. Русский посол, оказывается, «категорически опроверг заявление С.Карнковского», указав ему на то, что «статус Адашева» «гораздо ниже статуса Годунова», что Адашев «не являлся временщиком» и не был «политически весомым (“великим”) человеком». Справедливы ли эти утверждения?

Прежде всего, хотелось бы заметить, что А.И.Филюшкин, предъявив претензии С.О.Шмидту по части использования источника, сам, казалось, должен быть здесь, как говорится, на высоте. Но этого, к сожалению, не случилось. Он также «урезает» источник, причем в очень важном месте, содержащем ключ к пониманию смысловой направленности ответа Л.Новосильцева. У Филюшкина посол говорит, что Годунов – «не Олексеева верста»: «то великий человек, боярин и конюший... а разумом его Бог исполнил всем, и о земле великой печальник». В источнике, между тем, фигурирует еще одно высказывание Новосильцева о Годунове, опущенное А.И.Филюшкиным: «То великий человек, Боярин и Конюшей, а Государыне нашей брат родной, а разумом его Бог исполнил всем, и о земле великой печальник». Фраза «а Государыне нашей брат родной» особенно наглядно показывает, в чем решительно, с точки зрения Луки Новосильцева и современников, уступал Алексей Адашев Борису Годунову. Он уступал ему породой и чином. В самом деле, Годунов был боярином и конюшим (высший придворный чин), тогда как Адашев – всего лишь окольным. Годунов являлся родным братом царицы Ирины, тогда как Адашев – дальним родственником Захарьиных. Первый был родовитым, а второй – худородным. Именно по всему этому Борис Годунов «не Олексеева верста», но отнюдь не потому, что Годунов правил Московским государством, а Адашев не правил. Добавим к этому, что термины «в версту» и «не в версту» суть технические термины, применявшиеся при местнических счетах. Говоря о том, что Годунов «не Олексеева верста», царский посол стремился подчеркнуть очевидную для него мысль: «великий человек» Борис Годунов не равня Алексею Адашеву и упоминание их имен рядом «невместно», несмотря на то, что оба они (Адашев в про-

шлом, а Годунов в настоящем) правили Московским государством. Надо полагать, Лука Новосильцев поправил Станислава Карнковского не только ради одной истины. Будучи официальным представителем московского правительства, он не мог допустить в своем присутствии порухи чести руководителя этого правительства, зная какие неприятные последствия навлечет тем на себя по возвращении в Москву. Однако все это не дает оснований утверждать, будто Новосильцев оспорил Карнковского, представившего Адашева «ближним человеком» Ивана IV, т.е. временщиком. Смысл возражений посланника иной: нельзя сравнивать Бориса Годунова с Алексеем Адашевым, поскольку с точки зрения знатности и чина это – несопоставимые политические фигуры.

Таким образом, из отчета посла Луки Новосильцева следует, что в Москве середины 80-х годов XVI века, а также в Речи Посполитой того времени велись разговоры об Адашеве – правителе Московского государства времени Ивана IV. Перед нами еще один источник, свидетельствующий об огромной власти, которой обладал Алексей Адашев благодаря особому к себе отношению царя Ивана.

О могуществе Адашева можно судить по некоторым обстоятельствам, всплывшим в ходе местнического спора князя А.Д.Хилкова с Ф.М.Ласкиревым. Последний в своей челобитной писал: «По недружбе Алексей Одашев отца моего послал в Казань в городничие, сковав».¹ Отсюда С.О.Шмидт верно заключил: «А.Ф.Адашев был настолько всемогущ, что имел возможность неугодного ему служилого человека (“по недружбе”) назначить на низкую в местническом отношении должность и послать его туда силой (“сковав”)».²

Не считаясь с местническими правилами, Алексей Адашев, пользуясь своим положением и властью, вносит в середине 50-х годов XVI века род Адашевых, доселе мало выдающийся, в «Государев Родословец», запечатлевший, можно сказать, цвет русской знати, к которой теперь «примазался» и адашевский род. С.О.Шмидт вполне правомерно усмотрел в этом, помимо прочего, подтверждение словам Ивана Грозного «об А.Ф.Адашеве и его советниках, что они “сами государилися, как хотели”».³

Следует, наконец, сказать о непосредственном участии Алексея Адашева в распределении по службе служилых людей «государева двора», отраженном в Дворовой тетради 50-х годов XVI века.⁴ Это давало возможность Адашеву с единомышленниками обзавестись сторонниками в придворной служилой среде и тем самым укрепить свое положение и власть.

Итак, есть основания говорить о том, что Иван Грозный и Андрей Курбский, характеризуя Алексея Адашева как всесильного временщика, рисовали его реальный, а не вымышленный образ.

И.И.Смирнов, изучавший политическую биографию А.Ф.Адашева, обратил внимание на два типа временщиков, властвовавших по-разному в зависимости от конкретных обстоятельств. В деятельности временщика «мог

¹ Шмидт С.О. Россия Ивана Грозного. С. 64.

² Там же.

³ Там же. С. 82.

⁴ См.: Там же. С. 80.

преобладать или элемент исполнителя воли самодержавного государя, или, напротив, временщик-правитель мог фактически узурпировать права государя и, действуя формально от его имени, по существу сам выступать в роли носителя самодержавной власти централизованного государства». ¹ По мнению историка, «ярким представителем последнего типа временщика-правителя может служить Борис Годунов, не только правивший именем Федора Ивановича, но и фактически заменивший во главе государства слабоумного царя. Напротив, в отношении Адашева вряд ли можно его “правительство” рассматривать как некую личную диктатуру молодого костромского дворянина. И гораздо правильнее объяснить размеры власти Адашева и характер его влияния тем, что в своей деятельности Адашев выступал именно как доверенное лицо Ивана IV, как проводник той политики укрепления централизованного государства, идеологом и вдохновителем которой был сам Иван IV». ² Эти суждения И.И.Смирнова не являются, на наш взгляд, безупречными. В самом деле, если А.Ф.Адашев, как считает исследователь, был доверенным лицом царя и проводником его политики, то чем вызваны неоднократные обвинения в узурпации власти, обращенные Иваном к своему прежнему любимцу и его «согласникам»? Правда, ответ здесь у многих историков готов заранее: Иван Грозный несправедлив по отношению к Адашеву; он тенденциозен и субъективен в оценке деятельности Адашева. Эту заезженную пластинку историки старательно крутят не одно десятилетие. Но позволено спросить, кто такой по сравнению с богоизбранным царем Иваном князь Курбский, чтобы государь в своем послании к нему юлил, изворачивался и лгал, т.е. внутренне унижался? Надо обладать безбрежной фантазией, чтобы вообразить подобную сцену между господином и холопом, каковым по отношению к Грозному и являлся Курбский. Разумеется, А.Ф.Адашев не сразу покусился на власть. Приближенный и обласканный царем, он какое-то время действительно выступал в качестве доверенного лица Ивана IV и проводника его политики. Вскоре, однако, Адашев вместе с Сильвестром и другими деятелями Избранной Рады, пользуясь расположением молодого и неопытного государя, перетянули высшую власть на себя, оставив за Иваном роль номинального или титульного правителя. В результате была установлена своеобразная групповая диктатура во главе с Адашевым и Сильвестром, ограничившая власть царя посредством сосредоточения ее в руках царских советников, о чем говорил в своих посланиях князю Курбскому Иван Грозный, а Курбский – в своей «Истории о великом князе московском».

Слова Грозного об Алексее Адашеве подтверждаются другими источниками. Сложнее с попом Сильвестром, изучение политической деятельности которого связано с трудностями, состоящими в том, что источники сохранили очень мало данных, «относящихся к деятельности Сильвестра-политика и могущих лечь в основу решения вопроса о том, какова же в действительности была роль Сильвестра в правительстве Русского государства в 50-х годах XVI в.». ³

¹ Смирнов И.И. Очерки... С. 230.

² Там же.

³ Там же. С. 231.

* * *

Скудость исторических сведений о Сильвестре-политике объясняется двумя, по крайней мере, обстоятельствами. Во-первых, Сильвестр являлся священником, которому по сану не положено было вторгаться в мирскую жизнь. Поэтому он предпочитал не афишировать свои занятия политикой. Во-вторых, благовещенский поп, будучи неформальным лидером группы, именуемой Избранной Радой, и влиятельной придворной персоной, имевшей прямой выход на государя, старался держаться в тени, чтобы не обнаружить свои подлинные замыслы относительно реформирования религиозно-политического строя Руси. Да и сам царь вряд ли был заинтересован в огласке столь необычного влияния, которое оказывал на него рядовой придворный священник. Вот почему, надо полагать, о Сильвестре сохранилось так мало данных. Но кое-что все же до нас дошло.

Отзывы Ивана Грозного о политических устремлениях Сильвестра мы уже слышали. Государь решительно осуждал его за претензии на мирскую власть и узурпацию ее вместе с Адашевым. Пискаревский летописец, как мы знаем, также рассказывает о Сильвестре, который правил Русской землей вместе с Адашевым, сидя «в избе у Благовещения, где ныне полое место между полат».¹

Исследователи по-разному оценивают это сообщение летописца. А.Н.Гробовский и А.И.Филюшкин отказывают ему в независимости, полагая, что здесь Пискаревский летописец воссоздает образы Сильвестра и Адашева, сошедшие со страниц переписки Грозного с Курбским и других публицистический произведений.² Знаток же русского летописания М.Н.Тихомиров находил в этом сообщении вполне реальные черты и даже высказал предположение насчет времени, когда образовалось «полое место между полат», т.е. пустое место, «где стояла изба у Благовещенского собора, в которой сидели Алексей Адашев и поп Сильвестр». Оно возникло в результате летнего пожара 1571 года,³ вызванного нападением на Москву крымского хана, запалившего русскую столицу, вследствие чего Кремль выгорел так, что в нем «не осталось ни единые храмины».

Известия Пискаревского летописца С.О.Шмидт воспринимал как свидетельство о существовании особой Челобитной избы, которой ведали Адашев и Сильвестр.⁴ Историк, следовательно, придавал этим известиям реальное значение. К признанию обоснованности догадки С.О.Шмидта склонялся А.А.Зимин,⁵ тогда как И.И.Смирнов возражал ему.⁶ Но это не значит, что

¹ ПСРЛ. Т. 34. С. 181–182.

² См.: Гробовский А.Н. Иван Грозный и Сильвестр (История одного мифа). С. 146–147; Филюшкин А.И. История одной мистификации... С. 254. Ср.: Смирнов И.И. Очерки... С. 253; Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 121.

³ Тихомиров М.Н. Русское летописание. С. 235.

⁴ Шмидт С.О. Челобитенный приказ в середине XVI столетия. С. 447.

⁵ Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного... С. 326, 328.

⁶ Смирнов И.И. Очерки... С. 223–227.

И.И.Смирнов скептически относился к самому рассказу Пискаревского летописца о совместном правлении Русской землей Адашевым и Сильвестром. Согласно исследователю, «характеристика Сильвестра в Пискаревском летописце представляет большой интерес... Сообщаемая Пискаревским летописцем деталь – то, что Адашев и Сильвестр “сидели вместе в избе у Благовещения”, – позволяет более конкретно представить себе, как осуществляли Адашев и Сильвестр свое “правительство”, и не исключено, что, например, обсуждение дела Башкина Иваном IV с участием Адашева, Сильвестра и благовещенского протопопа Андрея происходило как раз в “избе у Благовещения” (равно как и то, что приходивший к Сильвестру для “проверки” перед поставлением в Троицкие игумены старец Артемий встречался с попом Сильвестром именно здесь)».¹

Доверял Пискаревскому летописцу и такой осторожный в обращении с источниками ученый, как В.Б.Кобрин. Он писал: «Есть сообщения так называемого “Пискаревского летописца”, не официального, а частного происхождения, в котором собраны разнообразные придворные слухи. В этом источнике говорится, что Сильвестр “правил Русскую землю” с Адашевым “заодин, и сидели вместе в избе у Благовещения, где ныне полое место между полат”». Таким образом, соправительство Сильвестра совершенно неоспоримо».²

По мнению Р.Г.Скрынникова, политической фигурой благовещенский поп сделался не сразу: «Лишь сближение с главным деятелем реформ А.Адашевым открыло перед Сильвестром более широкое поле деятельности. Об их сближении упоминается не только в Переписке Грозного с Курбским, но и в Пискаревском летописце. Вопреки мнению А.Гробовского, нет доказательств того, что автор названного летописца черпал сведения из писем Грозного или “Истории” Курбского. Летописец знал такие подробности о жизни названных лиц (например, о поездке Адашевых в Турцию), которые отсутствуют в сочинениях царя и Курбского. Пискаревский летописец подтверждает сведения о дружбе двух царских советников: “В ту пору был поп Сельвестр и правил Рускую землю с ним заодин, и сидели вместе в избе у Благовещения”. Воспоминания, записанные летописцем, не отличались точностью. Сильвестр служил, как и положено попу, в Благовещенском соборе, а Адашев судил в приказной избе, стоявшей напротив названного собора. Однако основной факт – тесное их сотрудничество – летописец, по-видимому, уловил верно».³ Надо заметить, что не все приведенные суждения Р.Г.Скрынникова одинаково равноценны. Важным является признание исследователем возможности использования Пискаревского летописца в качестве независимого источника, запечатлевшего реальные моменты политической истории Руси середины XVI века. Но сказать о том, что Пискаревский летописец подтверждает сведения о дружбе и тесном сотрудничестве двух царских совет-

¹ Там же. С. 253.

² Кобрин В.Б. Иван Грозный. С. 35.

³ Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 121.

ников (Адашева и Сильвестра), – значит задержаться на полуслове. Ибо главное, о чем сообщает летописец, заключается в совместном правлении Адашева и Сильвестра Русским государством.¹

Таким образом, Пискаревский летописец наделяет Сильвестра ролью одного из двух правителей Русской земли.² И у нас нет веских оснований, чтобы подвергать сомнению этот рассказ летописца.

Если Пискаревский летописец рисует обобщенный образ Сильвестра-правителя, то так называемая Царственная книга, близко отстоящая от описываемых ею событий,³ детализирует этот образ: «Бысть же сей священник Селиверст у государя в великом жаловании и в совете духовном и в думном, и бысть яко всемогий, вся его послушаху и никтоже смеяше ни в чемъже противитися ему ради царского жалования: указываше бо и митрополиту и владыкам и архимандритом и игуменом и чрънцом и попом и бояром и дияком и приказным людям и воеводам и детям боярским и всяким людем; и, спроста рещи, всякия дела и власти святителския и цръския правяше, и никтоже смеяше ничтоже сътворити не по его велению, и всеми владаше обема властми, и святителскими и царскими, якоже царь и святитель, точию имени и образа и седалища не имеяше святительского и царского, но поповское имевше, но токмо чтим добре всеми и владеяше всем с своими съветники».⁴

Приведенный летописный текст, являясь фрагментом приписок к Царственной книге, написанных несколько позже трактуемых ими событий,⁵

¹ Д.Н.Альшиц, имея в виду Пискаревский летописец, замечал: «Итак, Адашев “правил русскую землю” вместе со священником Сильвестром – утверждает источник, совершенно независимый от писаний Грозного и Курбского, утверждающих то же самое». – *Альшиц Д.Н. Начало самодержавия в России...* С. 37.

² По этому поводу И.И.Смирнов замечал: «Характеристика Сильвестра в Пискаревском летописце представляет большой интерес. Рассматривая, подобно Ивану Грозному и Курбскому, Сильвестра как соправителя Адашева, автор Летописца вместе с тем, однако, вкладывает в понятие “править Русской землей” существенно иное содержание, по сравнению с Иваном Грозным и Курбским, видя в “правлении” Адашева и Сильвестра не проявление самовольства и всевластия этих двух деятелей, а выражение “царской милости”, доверия Ивана IV к Сильвестру и Адашеву» (*Смирнов И.И. Очерки...* С. 253). Начнем с того, что Грозный видел в Сильвестре не соправителя Адашева, а сотоварища по узурпации царской власти. Что касается Курбского, то он изображал Сильвестра и Адашева в роли помощников и советников Ивана Грозного. Пискаревский же летописец подает их как правителей Русской земли, осуществлявших реальную власть в стране от имени царя. Но это не значит, что они неотступно следовали царским предначертаниям. Не случайно Летописец, сообщая о государственной деятельности Алексея Адашева, вносит в нее зримый элемент самостоятельности.

³ О времени составления Царственной книги в литературе нет единого мнения. Одни исследователи полагают, что она была составлена в 1560-е годы, другие – в конце 1570-х – начале 1580-х годов. – См.: *Шмидт С.О.* 1) Становление российского самодержавства... С. 42; 2) У истоков российского абсолютизма... С. 50; *Филюшкин А.И.* История одной мистификации... С. 77.

⁴ ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. М., 2000. С. 524.

⁵ См.: *Скрынников Р.Г.* Царство террора. С. 20.

долгие годы не вызывал у историков (как, впрочем, и приписки в целом) сомнений относительно своей подлинности и достоверности. Ситуация существенно переменялась, когда С.Б.Веселовский, по каким-то причинам явно не симпатизирующий Ивану Грозному, опубликовал в 1947 году статью «Последние уделы в Северо-Восточной Руси», где автор утверждал, что «все поправки, приписки и интерполяции Царственной книги, сделанные одним почерком и одним лицом, позднего происхождения; они сделаны лет восемнадцать-двадцать спустя после болезни царя в 1553 г. при непосредственном близком участии самого царя и с определенной тенденцией – оправдать царя в казни старицких князей в 1569 г.».¹ С.Б.Веселовский подготовил также работу «Интерполяции так называемой Царственной книги о болезни царя Ивана 1553 г.», увидевшую свет лишь в 1963 году. В летописном рассказе о болезни царя историк нашел «зловую карикатуру на попа Сильвестра»,² принадлежащую автору приписок к Царственной книге – царю Ивану. И еще: «Самую решительную тенденциозность интерполятор проявил относительно попа Сильвестра и старицких князей... Сильвестр, насколько известно, появился в Москве не ранее 1547 г. Между тем, интерполятор без смущения говорит неправду, будто Старицкие князья были освобождены и получили удел потому, что о них “промышлял” Сильвестр. В связи с этой ложью интерполятор дает гиперболическую характеристику всемогущества Сильвестра, которую историки принимали на веру».³ Но если благовещенский поп, рассуждает С.Б.Веселовский, «был так всемогущ у царя, то почему он не принимал никакого участия в суматохе о присяге? Далее, если Сильвестр скомпрометировал себя в глазах царя своей близостью к старицким князьям, то непонятно, почему царь продолжал держать его у себя в приближении еще шесть лет после выздоровления».⁴

Трудно уяснить, почему С.Б.Веселовский говорит о «зловую карикатуру на попа Сильвестра». В Царственной книге Сильвестр изображен как «все-могий» (всемогущий) и находящийся в близких отношениях с князьями старицкими – Владимиром и его матерью Ефросиньей. Но разве это карикатурное изображение да еще к тому же злобное? Едва ли. Так кто же злобствовал: царь Иван или историк Степан? Вопрос, пожалуй, риторический...

«Сильвестр, насколько известно, появился в Москве не ранее 1547 г.», – безапелляционно заявляет С.Б.Веселовский. Позволительно спросить, кому это известно? Похоже, прежде всего самому С.Б.Веселовскому, поскольку вопрос о времени появления Сильвестра в Москве дискуссионный. Исследователи предлагали различные его решения, о чем, несомненно, знал С.Б.Веселовский, но почему-то сделал вид, будто не знает. Между тем, есть основания относить приезд Сильвестра в Москву к концу 30-х годов XVI века. Если это так, то становятся надуманными и несправедливыми упреки во лжи,

¹ Веселовский С.Б. Последние уделы в Северо-Восточной Руси // Исторические записки. Кн. 22. М., 1947. С. 106.

² Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. С. 258.

³ Там же. С. 283.

⁴ Там же. С. 284.

обращенные Веселовским к Ивану Грозному, который будто бы соврал, говоря, что «промышлением» Сильвестра князь Владимир и княгиня Ефросинья Старицкие вышли из-под стражи на свободу. Как показывает анализ соответствующих данных, именно по инициативе Сильвестра был поднят вопрос об освобождении старицких князей. А это означает, что, вопреки утверждению С.Б.Веселовского, Иван-интерполятор дал «характеристику всемогущества Сильвестра» вне связи с какой бы то ни было ложью. Другое дело, являлась ли царская характеристика попа Сильвестра, как выразился С.Б.Веселовский, «гиперболической» и насколько. Здесь есть еще какой-то предмет для обсуждений, хотя и сомнительный, на наш взгляд.¹

Не согласуется с рассказом Царственной книги и другое утверждение С.Б.Веселовского о том, что Сильвестр якобы «не принимал никакого участия в суматохе о присяге» наследнику престола младенцу Дмитрию. На самом деле это было не так, хотя, действительно, мы не видим Сильвестра среди тех, кто должен был целовать крест Дмитрию, что, впрочем, естественно, поскольку Сильвестр, будучи священником, не имел думного чина и потому формально не входил ни в *Ближнюю Думу*, ни в большую *Боярскую Думу*, а значит, не мог участвовать в присяге. Но он активно содействовал старицкому князю Владимиру в его стремлении сесть на московский трон, дойдя до открытого столкновения с теми боярами, которые оставались верными Ивану и Дмитрию, и вынудил их объясняться с собой. Чтобы решиться на такое, благовещенскому попу надо было обладать немалым влиянием и реальной властью.² Иначе не понять, что позволило ему консолидировать вокруг себя группу советников, т.е. бояр, подобно своему лидеру настроенных в пользу старицкого князя. С.Б.Веселовский не в силах понять, как могло такое случиться, что взявшего сторону Владимира Старицкого и тем ском-

¹ Попутно заметим, что С.Б.Веселовский в другой своей работе изображает Сильвестра в качестве царского опекуна, которым тяготился Иван, не зная, как избавиться от него. Историк готов назвать Сильвестра временщиком, но только не узурпатором (*Веселовский С.Б. Исследования по истории oprичнины*. С.97, 98, 106, 107). Опекун и временщик – лицо, конечно, влиятельное, обладающее большой властью. Но автор утверждает свое: «Влияние Сильвестра на царя и на дела управления тенденциозно преувеличено самим Иваном и официальным летописцем» (Там же. С.108). Но тут же мы узнаем, что удаление Сильвестра и Адашева «было первым этапом на пути царя Ивана к свободе действий и независимости от совета думных людей». Иван, по признанию С.Б.Веселовского, боролся за «неограниченное самодержавие» (Там же). Следовательно, царь Иван не имел свободы действий, находился в такой зависимости от советников, что власть его была ограничена. Но, согласившись с этим, мы должны согласиться с тем, что часть властных полномочий государя оказалась отторгнутой и сосредоточенной в руках его временщиков – Сильвестра и Адашева.

² И.И.Смирнов, затрагивая данный сюжет, «поймал» летописного рассказчика на собственном противоречии: «Нарисовав образ “всемогущего” правителя государства, автор рассказа переходит к описанию столкновения между Сильвестром и боярами, получившегося в результате того, что Сильвестр сделал попытку добиться пропуска Владимира Старицкого к больному Ивану IV (к которому его не пускали

прометированного Сильвестра царь Иван продолжал держать у себя не один год в приближении. С точки зрения рациональной это объяснить, конечно, трудно. Но если вспомнить о душевном состоянии Ивана IV, глубоко религиозного человека, охваченного чувством всепрощения и объятых желанием «свести всех в любовь», то невольно возникает вопрос: не простил ли государь провинившегося Сильвестра? Митрополит Иоанн имел основания утвердительно ответить на этот вопрос: «Царь всех простил! Царь посчитал мечь чувством, недостойным христианина и монарха».¹ Так выявляются некоторые чисто субъективные мотивы событий царствования Ивана Грозного.

В этой связи необходимо заметить, что получившие широкое распространение в исторической науке представления о тенденциозности сочинений царя Ивана, об отступлении их автора от правды в угоду собственным, далеко не всегда верным взглядам, а также ради оправдания совершенных им жестокостей и просчетов, нуждаются в комментариях. Современные историки никак не могут хотя бы чуть-чуть проникнуться мироощущением наших предков и забывают главное: Иван IV – Богоизбранный, Богоданный и Боговенчанный Царь, разумеющий Царское предназначение, состоящее в служении Богу и ответственности его перед Богом не только за себя, но и за своих подданных: «Аз убо верую, о всех своих согрешениях вольных и невольных суд прияти ми, яко рабу, и не токмо о своих, но и о подовластных дати ми ответ, аще что моим несмотрением погрешится».² Царь Иван верил, что единственный ему судия – это Бог, который все видит, все знает. Так стал бы он оправдываться перед своими подданными, за которых он сам ответствен, или изворачиваться и лгать, выгораживая себя? Вряд ли. Такое могли придумать лишь позднейшие историки, не вникающие в психологию людей прошлого и модернизирующие ее.

бояре). Казалось бы, всемогущему Сильвестру не могло стоить никакого труда заставить бояр подчиниться его воле, но в действительности бояре категорически отказались следовать совету Сильвестра – в разительном контрасте со всем тем, что говорится о Сильвестре в общей его характеристике» (*Смирнов И.И. Очерки... С. 249–250*). И.И.Смирнов не учитывает должным образом того обстоятельства, что отказ верных царю бояр следовать настояниям Сильвестра имел место в чрезвычайных условиях открытой борьбы двух придворных группировок – сторонников и противников Ивана. Это, безусловно, сказалось на отношении преданных государю бояр к Сильвестру, представившему враждебную им партию. И они отказались повиноваться Сильвестру. Но в обычных условиях дворцовой жизни власть Сильвестра, насколько явствует из приписки к Царственной книге, была непререкаемой уже потому, что за ним, как знали люди, стоял Иван IV, у которого благовещенский поп был «в великом жаловании». Во время мартовских событий 1553 года Сильвестр не ассоциировался с Иваном, поскольку оказался в лагере противников царя. В результате власть его была поколеблена непослушанием части бояр, а затем все более слабела во «вражде» с ними.

¹ *Иоанн (Снычев). Самодержавие духа. Очерки русского самосознания. СПб., 1995. С. 143.*

² *Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 39.*

Кроме С.Б.Веселовского и независимо от него проблему интерполяций Царственной книги вообще и применительно к событиям 1553 года в частности изучал Д.Н.Альшиц.¹ Его работы прочно вошли в обиход исторической науки и были положительно оценены известными специалистами. Среди них был, естественно, С.Б.Веселовский.² Одобрительно отозвался об исследованиях Д.Н.Альшица и другой знаток истории Руси XVI века, А.А.Зимин, который говорил: «Одним из основных источников для изучения политической истории 40–50-х годов XVI в. являются вставки в Лицевой летописный свод, содержащий красочный рассказ о мятеже 1553 г., восстании 1547 г., выступлении пищальников 1546 г. и некоторые другие интересные сведения. Д.Н.Альшиц благодаря тонкому источниковедческому анализу выяснил, что составителя всех этих приписок следует искать в канцелярии Ивана Грозного. Он также убедительно показал, что приписки имеют тенденциозную направленность, связанную с событиями 60–70 годов XVI в.»³

К чести Д.Н.Альшица нужно сказать, что он, доказывая авторство приписок Ивана Грозного к Лицевому своду (в том числе касающихся событий 1553 г.), не стал на путь полного отрицания их как важного исторического источника, несмотря на то, что в своих приписках царь, по словам исследователя, «нередко сбивается с летописной манеры изложения, и рассказы его приобретают характер острых памфлетов», в которых нарушается действительная связь и последовательность событий. Ибо «при всем том объективная правота Грозного в его борьбе обеспечила общую правильность его оценок событий и деятелей. К тому же... было бы неправильно делать вывод, что все приписки Грозного неверно передают исторические факты, которым они посвящены. Приписок – много десятков, но лишь некоторые могут быть признаны искажающими действительность. Большинство приписок Грозного является результатом его работы с документами и отражает своим содержанием подлинные документы того времени. Даже множество мелких поправок к тексту летописи свидетельствует о том, что главное направление его редакторской деятельности вело к восстановлению правильности изложения, к уточнению истины».⁴ Д.Н.Альшиц специально отмечает, что в своем исследовании останавливается лишь на приписках Грозного, искажающих действительность, «а не на тех, которые верно передают факты».⁵ Это замечание имеет для нас существенное значение, поскольку, надо полагать, про-

¹ См.: *Альшиц Д.Н.* 1) Иван Грозный и приписки к лицевым сводам его времени // Исторические записки. Т. 23. М., 1947; 2) Происхождение и особенности источников, повествующих о боярском мятеже 1553 года // Исторические записки. Т. 25. М., 1948; 3) Источники и характер редакционной работы Ивана Грозного над историей своего царствования // Труды Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Т. IV. 1957.

² *Веселовский С.Б.* Исследования по истории опричнины. С. 255–256.

³ *Зимин А.А.* Реформы Ивана Грозного. С. 44.

⁴ *Альшиц Д.Н.* Происхождение и особенности источников, повествующих о боярском мятеже 1553 года. С. 291–292.

⁵ Там же. С. 292.

ясняет отношение автора к тексту приписки, где Сильвестр охарактеризован как «всемогий». Д.Н.Альшиц не останавливается на данном тексте. Не следует ли это понимать так, что исследователь признает правильной такую характеристику?

Не отвергал ее и Смирнов, полагавший, что содержащаяся в Царственной книге характеристика Сильвестра «находит свое подтверждение в объективных данных источников. Так, важнейшее заявление Царственной книги о том, что Сильвестр был у государя “в совете духовном и думном”, вполне отвечает тем наблюдениям, которые вытекают из рассмотрения послания Сильвестра кн. Горбатову-Шуйскому (которое очень ясно говорит об отношении Сильвестра к “думному совету”) и материалов о Башкине (сохранивших картину государева “совета” с участием Сильвестра). То же можно сказать и о словах Царственной книги о том, что Сильвестр “всякие дела и власти святительския и царския правяше”. Мы видели, что диапазон деятельности Сильвестра был весьма широк – от обсуждения вопросов казанской политики до переговоров с Иоасафом по делам Стоглавого собора; от дел, связанных с судьбой опальных бояр, до руководства работами по восстановлению икон и росписей кремлевских соборов и дворцов; от инструкций по проведению в жизнь решений Стоглавого собора (в письме Горбатову-Шуйскому) до весьма тесных связей с таможенными делами и финансовыми операциями (в которых Анфим Сильвестров выступает вряд ли самостоятельно или независимо от своего отца). Источники сохранили определенный материал, позволяющий комментировать и слова Царственной книги о том, что Сильвестр “указываше” митрополиту, владыкам, игуменам, попам, боярам, дьякам, воеводам, детям боярским “и всяким людям”. Мы видели, что среди лиц, о сношениях с которыми Сильвестра имеются данные источников, есть и митрополит (правда, бывший) Иоасаф, и будущий новгородский архиепископ Серапион Курцов (вместе с которым – тогда еще игуменом Троице-Сергиева монастыря – Сильвестр ездил к Иоасафу), и кандидат в троицкие игумены Артемий, и поп Симеон (авторитарный характер отношений к которому со стороны Сильвестра очень ярко отражен в “жалобнице” Симеона). Не менее выразителен и перечень светских лиц, к которым можно отнести слова Царственной книги о том, как “указывал” Сильвестр, включающий в себя и кн. Горбатого-Шуйского, и не названного по имени опального боярина (из письма к нему Сильвестра), и такого приказного деятеля, как дьяк Висковатый..., и казначей Хозяин Тютин, и даже “сын боярский” Матвей Башкин. Наконец, в источниках сохранились данные и о “советниках” Сильвестра, в том числе и об Алексее Адашеве (в “совете” с которыми Сильвестр участвовал в обсуждении дела о ереси Башкина)».¹

После столь тщательно рассмотрения И.И.Смирновым элементов, из которых составлена характеристика Сильвестра, имеющая, как справедливо утверждает автор, реальную основу, он вдруг дает ход назад, заявляя: «Однако взятая в целом, эта характеристика, напротив, никак не может быть призвана отвечающей той действительной роли, которую Сильвестр играл в

¹ Смирнов И.И. Очерки... С. 248–249.

политической жизни Русского государства 40–50-х годов, ибо элементы реального, имеющиеся в характеристике Царственной книги, содержатся в ней в столь гиперболизированной форме, что это привело к полному нарушению пропорций и перспективы, в результате чего и получился образ Сильвестра – всемогущего, держащего в своих руках всю власть в государстве, и “святительскую”, и “царскую”, и “владеюще всем”. В этом искажении реальных пропорций и отношений с сознательной целью чрезмерного преувеличения размеров власти и степени влияния Сильвестра и заключается основная, враждебная Сильвестру тенденциозность рассказа Царственной книги».¹

И.И.Смирнов полагает, будто «образ “всемогущего” Сильвестра, нарисованный Царственной книгой, опровергается прямыми показаниями источников, позволяющими определить степень влияния Сильвестра и составить себе представление о реальных масштабах его власти».² В качестве доказательства историк ссылается на поездку Сильвестра к бывшему митрополиту Иоасафу, организованную во время работы Стоглавого собора, а также на испытание старца Артемия перед назначением его игуменом Троице-Сергиева монастыря. Эти факты, по Смирнову, «скорее рисуют Сильвестра как доверенного исполнителя, чем как руководителя и вдохновителя правительства».³ Следует, однако, не забывать, что названные поручения особого свойства. В них очень был заинтересован не кто иной, как Сильвестр. Это лишь по форме царские поручения, а по сути – предприятия самого Сильвестра. К Иоасафу он ездил, чтобы заручиться авторитетной поддержкой иницируемого реформаторами нестяжательского проекта, застопорившегося на Стоглавом соборе. Сильвестр имел основания надеяться на успешный исход своего свидания с экс-митрополитом, поскольку Иоасаф разделял взгляды нестяжателей.⁴ К тому же между Иоасафом и Сильвестром давно установились добрые отношения, о чем можно судить по истории освобождения из-под стражи Владимира и Ефросиньи Старицких.

Участие Сильвестра в судьбе старца Артемия тоже говорит о многом. Известно, что Артемий принадлежал к радикальному направлению нестяжателей.⁵ Это он, Артемий, обращался к Стоглавому собору с призывом «села отнимати у монастырей».⁶ Кроме того, Артемий, как установил церковный собор 1553–1554 гг., сочувствовал еретикам и даже сам был заражен ересью.⁷ Во всяком случае, его богословские взгляды «давали возможность для критики официальной церкви».⁸ Все это в Артемии привлекало Сильвестра,

¹ Там же. С. 249.

² Там же. С. 250.

³ Там же.

⁴ Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного... С. 253, 387.

⁵ Там же. С. 375, 406

⁶ РИБ. Т. 4. Стб. 1440.

⁷ Зимин А.А. И.С.Пересветов и его современники. Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI века. М., 1958. С. 157–166.

⁸ Там же. С. 168.

и он, присмотревшись к старцу, рекомендовал его на пост игумена Троице-Сергиева монастыря.¹

Как видим, Сильвестру давались поручения, в которых он был непосредственно заинтересован и, надо думать, по собственной инициативе взялся их исполнить, хотя внешне это выглядело как задание царя и собора. Следовательно, «реальные масштабы власти» и влияния Сильвестра являлись таковыми, что позволяли ему брать в свои руки любое дело, если того требовали интересы Избранной Рады.

Еще один момент, опровергающий, согласно И.И.Смирнову, идею всевластия благовещенского попа, – «это общая незначительность количества сведений о Сильвестре. Слишком уж мало для “всемогущего” правителя государства отложилось в источниках следов его деятельности».² Однако Сильвестр, по нашему убеждению, действовал в рамках неформальной власти, приводя в движение других людей, посредством которых добивался поставленных целей. Вынашивая планы, не подлежащие оглашению, Сильвестр старался держаться в тени, предпочитая скрытность открытости, тайное явному. Поэтому источники так скупы на сведения о нем.

Данное объяснение применимо к некоторым частным фактам, привлекаемым И.И.Смирновым для опровержения характеристики, данной Сильвестру Царственной книгой. Речь идет о факте «отсутствия Сильвестра в списке лиц, получивших пасхальные подарки от новгородского архиепископа в 1548 г.». И.И.Смирнов полагает, что «неофициальный характер этого списка, превращавший его... в своего рода барометр, чутко реагирующий на изменения в политической обстановке в стране после ликвидации боярского правления, казалось бы, делал само собою разумеющимся включение Сильвестра в подарочный список. И тем не менее Сильвестр подарков от новгородского архиепископа не получил, хотя в подарочном списке значатся не только представители высшей церковной иерархии, вроде тверского епископа Акакия, но и такие лица, как симоновский архимандрит Трифон, духовник Ивана IV протопоп Яков и даже келейник митрополита Макария Селиван».³ Отсутствие Сильвестра в подарочном списке новгородского архиепископа Феодосия было истолковано И.И.Смирновым (кстати сказать, и другими учеными) как указание на ограниченное политическое влияние Сильвестра, его достаточно скромную роль в придворной жизни.⁴ Но эту версию историка нельзя считать единственно возможной. Можно также предположить, что Сильвестр не попал в число лиц, получивших пасхальные подношения, по

¹ Рекомендация Сильвестра была единственной и решающей, хотя вопрос о назначении игумена в такую прославленную обитель, как Троице-Сергиев монастырь, являлся весьма значимым и потому предполагающим участие в этом назначении митрополита Макария. Но царь Иван и Сильвестр обошлись здесь, похоже, без митрополита, что лишний раз свидетельствует о большом влиянии Сильвестра на государя.

² Смирнов И.И. Очерки... С. 250.

³ Там же. С. 251.

⁴ Там же.

причине сравнительной незначительности своего духовного чина. Являясь по должности церковным попом, он с точки зрения служебного положения уступал и симоновскому архимандриту Трифону, и духовнику царя Ивана протопопу Якову, и даже келейнику митрополита Трифону. Не исключено здесь, впрочем, и другое: неразглашение усиливающегося влияния Сильвестра на молодого государя, вследствие чего новгородский архиепископ не знал пока ничего о подлинной роли благовещенского священника и потому не включил его в список одариваемых. Но ближе к истине, на наш взгляд, третье, к чему почти подошел Е.Е.Голубинский, который отсутствие имени Сильвестра в списке Феодосия понял так, что в 1547 году Сильвестр «еще не был приближенным к государю».¹ Точка зрения Е.Е.Голубинского нуждается, по нашему мнению, в некотором коррективе. Ведь, например, келейник митрополита Трифон тоже «не был приближенным к государю». Но в список новгородского владыки он все-таки попал. Значит, вопрос не в том, был ли на момент составления списка Сильвестр «приближенным к государю» или нет. Вопрос скорее в том, обладал ли Сильвестр властью, пользовался ли влиянием на царя к этому моменту и каковы масштабы того и другого.

Судя по всему, Сильвестр вошел в круг приближенных Ивана IV после событий, связанных с «великим пожаром» в Москве в июне 1547 года. Но «всемогим» он стал не сразу, а по мере того, как входил в доверие к государю и подчинял его своему влиянию. Перед нами процесс становления Сильвестра в роли всевластного временщика. К пасхальному празднику 1548 года Сильвестр только начинал свое восхождение на вершину власти. Тогда благовещенский поп был еще малозаметной придворной фигурой. Видимо, поэтому в списке Феодосия нет его имени. Но в начале 50-х годов XVI века Сильвестр превращается во всесильного правителя, властвовавшего вместе со своим собратом по Избранной Раде Алексеем Адашевым.

Иное мнение у И.И.Смирнова, который пишет: «Если от 1548 г. продвигаться несколько вперед, к началу 50-х годов – к тому отрезку времени, в котором можно видеть период наибольшей политической активности Сильвестра, то и здесь источники дают основание говорить в гораздо более ограничительной форме о степени и размерах политического влияния Сильвестра, чем это сделано в Царственной книге».² И.И.Смирнов вспоминает историю с дьяком И.М.Висковатовым, на протяжении трех лет публично («вопил и возмущал народ») обвинявшим Сильвестра в ереси. Эта история укрепила сомнения исследователя насчет «всемогущества» Сильвестра. И.И.Смирнов говорит: «Казалось бы, – если стоять на позициях формулы Царственной книги о “всемогущем” Сильвестре, – Сильвестру не предстояло никакого труда пресечь действия дьяка-возмутителя и расправиться с ним. Однако “поношение” Сильвестра Висковатым никак не отразилось на политической карьере Висковатого, который именно в 1551–1554 гг. играет особенно крупную роль и в дипломатической деятельности, и в делах общегосударствен-

¹ Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. II. Первая половина тома. М., 1997. С. 770 (прим.).

² Смирнов И.И. Очерки... С. 251.

ного характера. Больше того, в борьбе Висковатого с Сильвестром роль нападающей стороны принадлежала не попу, а дьяку, и Сильвестру пришлось даже давать специальные объяснения собору 1554 г., отводя от себя обвинения со стороны Висковатого».¹ Есть, однако, другая сторона вопроса, оставляемая И.И.Смирновым без внимания: степень эффективности обвинений Висковатого. Иными словами, возымели ли действие громогласные разоблачения Сильвестра в ереси, упорно повторяемые Висковатым. Казалось бы, столь тяжкие обвинения должны были очень навредить Сильвестру. Но этого не произошло. Сильвестр не только не пострадал, но, напротив, достиг своего политического зенита, что могло состояться лишь при наличии у него мощных рычагов власти. И только тогда, когда пик власти им был пройден,² а ересь приобрела угрожающий для Руси характер, у Сильвестра потребовали объяснений, в результате чего наказанию подвергся не он, а Висковатый, хотя обвинения последнего не являлись, как мы знаем, беспочвенными. Подобный ход событий свидетельствует, на наш взгляд, о том, что Сильвестр обладал такой властью и влиянием, о которые разбились все попытки Висковатого убрать его с политической сцены. Наскоки И.М.Висковатого на Сильвестра, незыблемость позиций последнего, несмотря на эти наскоки, отражают, по-видимому, напряженную придворную борьбу, сопровождавшую деятельность Избранной Рады, у которой среди придворных имелось, несомненно, немало противников, стоявших за сохранение и упрочение русского самодержавия, чистоту православной веры и нерушимость святой апостольской церкви. В ряду этих противников Избранной Рады Висковатый выделялся незаурядными способностями, волевым характером и решительностью, почему представлял для Сильвестра «со товарищи» серьезную опасность. И они поступили разумно, перетянув Висковатого на свою сторону, о чем можно судить по совместной дипломатической работе посольского дьяка с Алексеем Адашевым в период Ливонской войны, дающей примеры предательства государственных и национальных интересов России.

И.И.Смирнов полагает, что источником власти Сильвестра являлось благоволение к нему Ивана IV. «Степень веса и влияния Сильвестра как политика, – говорит он, – должна быть поставлена в прямую связь и зависимость с тем, что в своих действиях Сильвестр опирался на авторитет царской власти, действуя от имени этой власти».³ Это верно, но отчасти, поскольку И.И.Смирнов, как нам кажется, фиксирует лишь один из моментов превращения Сильвестра во всемогущего временщика. Необходимо понять, что Сильвестр и Адашев всесильными стали не сразу, а пройдя несколько этапов на пути к своему могуществу. Сначала надо было ближе познакомиться с царем, попасть в его окружение, вызвать у него расположение к себе и стать царским любимцем. Затем наступало время, когда государь поручал избранныкам исполнение от своего имени тех или иных дел. На этом этапе

¹ Там же. С. 251–252.

² Случилось это в 1553 году, о чем речь ниже.

³ Смирнов И.И. Очерки... С. 250.

поручения исполнялись в строгом соответствии с инструкциями и указаниями самодержца. И только потом исполнитель, выступая формально от лица царя и якобы по его велению, вносил элемент самостоятельности в осуществление власти, концентрируя ее в собственных руках, что превосходно выражено в известной формуле Ивана Грозного: «Посем же... от прародителей наших данную нам власть себе отъяша». Следовательно, перед нами не одноактное действие, а целый процесс постепенного освоения высшей власти Сильвестром и Адашевым. В источниках данный процесс запечатлен по-разному: в одном случае фрагментарно, т.е. в виде отдельных этапов, а в другом – целостно, с описанием всех ступеней отторжения власти от царя. Так, Хрущовская Степенная книга рассказывает о двух начальных этапах проникновения во власть Адашева – о приближении его к себе царем Иваном¹ и поручении ему, которое открывало перед царским избранником огромные властные перспективы.² Царственная же книга, минуя предшествующие этапы продвижения Сильвестра к власти, характеризует благовещенского священника как уже состоявшегося всеильного правителя, пребывающего у государя «в великом жаловании» и вершащего государевым именем все дела, «святительские и царские», правителя, повелевающего всеми людьми, церковными и светскими. Есть, однако, источники, где завладение властью Сильвестром и Адашевым представлено в полной последовательности. В первую очередь здесь надо назвать переписку Ивана Грозного с Андреем Курбским, где царь напоминает беглому князю, как приблизил к себе Адашева и Сильвестра, «чая» от первого «прямые службы», а от второго – «совета духовного». Вынашивая далеко идущие планы, они служили государю, но притворно («не истинно, а лукавым советом»). Затем, войдя в тайный сговор («и начаша советовати отаи нас»), Адашев и Сильвестр со своими советниками посягнули на самодержавную власть, низвели Ивана до роли председателя в Боярской Думе, удостоив чести царя по названию, государя на словах, а не на деле. Так представитель «священства» (Сильвестр) и представитель «рядничества» (Адашев) стали «государиться», лишив царя Ивана полноты власти. Аналогичную картину трехступенчатого восхождения Адашева на вершину власти рисует и Пискаревский летописец, повествуя о том, как царь Иван приблизил к себе Алексея Адашева после возвращения его из поездки в Турцию, как государь поручил ему рассмотрение челобитных и контроль за своевременным ответом властей на жалобы подданных, как Адашев, в конце концов, выступил в роли властителя, правившего вместе с Сильвестром Русской землей. Пора, однако, вернуться к Царственной книге в части ее характеристики Сильвестра.

¹ «Алексие! взял я тебя от нищих и от самых молодых людей... и ныне взысках тебе выше меры твоея, ради помощи души моей». – Карамзин Н.М. История Государства Российского. Кн. II. Примечания к VIII. М., 1989. Стб. 29.

² «Вручаю тебе челобитныя приимати у бедных и обидимых, и назирати их с рассмотрением. Да не убоишися сильных и славных, восхитивших чести на ся...». – Там же.

Под влиянием исследования И.И.Смирнова и особенно работ С.Б.Веселовского в современной исторической науке сложилось нечто вроде стереотипа в оценке политической характеристики Сильвестра, данной Царственной книгой. «Исследователи справедливо отмечают, что эта характеристика полна тенденциозных преувеличений», – говорит новейший автор труда об Иване Грозном.¹ Полагаем, однако, что высказанные нами соображения позволяют признать исторически достоверным образ Сильвестра, запечатленный Царственной книгой. Быть может, в ней кое-что и преувеличено. Но главное, а именно то, что Сильвестр обладал властью, стесняющей власть самодержца и ограничивающей ее, Царственная книга уловила верно.² Важно отметить, что Сильвестр, по рассказу летописца, «владеюще всем» не единолично, а в компании со «своими советники», т.е. вместе с группой лиц, именуемых Избранной Радой.

Если Пискаревский летописец и Царственная книга недвусмысленно и прямо свидетельствуют о могуществе Сильвестра, то некоторые другие источники содержат косвенные указания на сей счет. К ним относится послание Сильвестра казанскому наместнику князю А.Б.Горбатову-Шуйскому,

¹ *Флоря Б.Н.* Иван Грозный. М., 1999. С. 59.

² Оспорить это едва ли возможно. Не случайно Р.Г.Скрынников в своей ранней книге, более объективной, чем позднейшие его работы, писал: «В известных приписках к летописи царь Иван ярко живописует правление Сильвестра. “Некий священник”, служивший в церкви Благовещения у царского двора, “бысть яко всемогый, вся его послушаху и никто не смеяше ни в чем же противитися ему ради царского жалования: указывающее бо и митрополиту... и бояром, и дьяком” и т.д. Впадая в полемическое преувеличение, царь утверждал, что поп-невежа склонен был “спросота реши, всякия дела и власти святительския и царския правяше, и никтоже смеяше ничтоже сътворити не по его велению, и всеми владаше, обема властми, и святительскими и царскими, якоже царь и святитель...”. Могущественный временщик, объединивший в своих руках духовную и светскую власть, – таким предстает Сильвестр в рассказах Грозного. При всей тенденциозности подобных рассказов в основе их лежит несомненный факт: во второй половине 50-х гг. Сильвестр оказывал всестороннее влияние на управление государственными и церковными делами» (*Скрынников Р.Г.* Начало опричнины. Л., 1966. С. 116). Другой разговор в книге со специфическим названием «Царство террора»: «Сведения приписки (к Царственной книге. – *И.Ф.*) поражают своей пристрастностью. К тому же царь противоречит себе, как только начинает излагать конкретные факты, доказывающие рассуждения о всемогущии Сильвестра. В дни болезни царя священник лишь однажды подал голос, советуя допустить Старицкого к постели царя. Но на его слова никто не обратил внимания. При всей тенденциозности Грозный верно указала на два источника влияния придворного проповедника. Во-первых, “никто не смеяше ни в чем противитися ему ради царского жалования” и, во-вторых, он был “чтим добре всеми”. Будучи не столько политиком, сколько церковным пастырем, Сильвестр пользовался большим моральным авторитетом» (*Скрынников Р.Г.* Царство террора. С. 122). Сравнение этих разновременных высказываний Р.Г.Скрынникова убеждает в том, что и сам историк может впасть в противоречие с собой, а также быть пристрастным и тенденциозным.

отправленное адресату где-то в конце 1552 года или в начале (январь-февраль) 1553 года, скорее всего до марта 1553 года, т.е. до болезни царя Ивана.¹ Это послание кремлевского попа являлось ответом на письмо к нему Горбатого-Шуйского, в котором наместник просил Сильвестра сообщить ему, как оценивает царь его службу в Казани, о которой он извещал Ивана IV в специальном послании-отчете. В ответ Сильвестр писал: «А еже убо издалека зрех и овогда слышах благоразумное твое и премудрое писание к Царю, и к ближним твоим, насладихся сего и порадовался, и всячески удивихся многим твоим трудом и великим подвигом, иже строеши и утверждаеши град и живущих в нем, по Царскому наказу, и по своему, Богом дарованному, разуму. Велми о сем Государь и вси ближнии благодарят твоего разума делу о всем. И о воинстве також устрояеши».² Отсюда следует, что Сильвестр был в курсе вопросов, связанных с управлением страной. Он имел даже доступ к служебной переписке, в частности к посланиям, приходящим на царское имя. Однако Сильвестр старался не выпячивать эти необычные для священника (пусть даже священника домового храма Благовещения в Кремле) возможности. Видимо, поэтому он говорит Горбатову, что его «премудрое писание к царю» не читал, а иногда только слышал о нем и «зрех издалека». Той же цели камуфляжа подлинной роли Сильвестра при царе Иване служит уничижительная риторика, присутствующая в его послании Горбатову-Шуйскому: «благовещенский поп», «последняя нищета», «грешный», «неключимый», «непотребный раб Сильвестришко» и пр.³

Обращает внимание знакомство «раба Сильвестришки» с письмами казанского наместника своим родичам («ближним»). Это можно понять лишь в том смысле, что родственникам А.Б.Горбатого Сильвестр казался человеком, обладавшим большой властью и влиянием да к тому же расположенным к членам их семейства и конкретно, в частности, к «ближнему», несущему службу в Казани.⁴

Следует сказать, Сильвестр выставляет главными героями взятия Казани воевод, в особенности А.Б.Горбатого-Шуйского: «Еже соверши граду сему Казанскому царским повелением, а вашим храбрством и мужеством, наипаче твоим крепким воеводством и сподручными ти»; «царь и великий князь

¹ Смирнов И.И. Очерки... С. 243; Филюшкин А.И. История одной мистификации... С. 317, 328 (прим. 30). Ср.: Малинин В. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901. С. 180; Зимин А.А. И.С.Пересветов и его современники... С. 48.

² Голохвастов Д.П. и Леонид. Благовещенский иерей Сильвестр и его писания. М., 1874. С. 88.

³ Там же.

⁴ Вопрос этот, впрочем, не прост. И.И.Смирнов под «ближними» в данном случае усматривает Боярскую Думу или, еще вероятнее, – Ближнюю Думу (Смирнов И.И. Очерки... С. 243). Возможно, это так, но только применительно к тексту: «Велми о сем государь и вси ближнии благодарят твоего делу о всем». Когда же Сильвестр говорит, что «издалека зрех и овогда слышах благоразумное твое и премудрое писание к царю и ближним твоим», то он под словосочетанием «ближние твои» разумет, по нашему мнению, родичей Горбатого.

Иван Васильевич... град Казань разори своим благородием и вашим храброством... купно же и вашим подвигом мужествене пособствующу ему...».¹ По И.У.Будовницу, здесь «царь уже не выступает единоличным вершителем судьбы, действующим как божий посланец. Наоборот, тут всячески подчеркивается подвиг воевод, без которых царь бессилен».² Сильвестр, полагает Р.Г.Скрынников, в послании «без обиняков заявлял, что Горбатову принадлежит главная заслуга в покорении Орды».³ А.А.Зимин услышал в приведенных словах Сильвестра «новые нотки» в отношении к царской власти.⁴ Историк заметил, что, согласно Сильвестру, сподвижники царя дополняют власть монарха,⁵ образуя полномочный совет при нем,⁶ т.е. ограничивают власть государя, лишая ее самодержавных начал. Оценивая послание в целом, И.У.Будовниц замечает, что в нем «Сильвестр, правда в несколько завуалированном виде, развивает мысль об ограниченности царской власти».⁷ Скажем больше: Сильвестр решается даже на откровенный выпад против царя, заявляя, что «добродетель есть лутчы всякого сана Царскаго».⁸ Во всем этом благовещенский поп выступает как проводник идей Избранной Рады, нацеленной на изменение самодержавного строя Руси.

Сильвестр в своем письме к Горбатову вторгается в «широкий круг вопросов, связанных с положением в Казани и Казанском крае, а также с деятельностью казанского наместника и других представителей властей»,⁹ высказывая при этом нечто вроде предписаний по управлению покоренной земли. Подобные вещи имел, наверное, в виду Грозный, когда говорил о Сильвестре: «И тако вместо духовных, мирская нача советовати». И, конечно же, Сильвестр в своих внушениях казанскому наместнику предстает перед нами весьма важной персоной в московских правящих кругах середины XVI века. Это подтверждает и тот факт, что послание Сильвестра носило далеко не частный характер. Не случайно Сильвестр рекомендует Горбатову-Шуйскому прочесть его «прочим Государьским Воеводам, советным ти о Государеве деле, и священному чину, и Христоимянному стаду».¹⁰ Следовательно, в компетенцию Сильвестра-правителя входили все российские подданные, находящиеся в Казани.

Наставления и рекомендации, адресованные Сильвестром князю Горбатову-Шуйскому, касались не только светских, но и духовных дел. По этому поводу И.И.Смирнов писал: «Особо выделен в послании вопрос о деятель-

¹ Голохвастов Д.П. и Леонид. Благовещенский иерей Сильвестр... С. 90, 91.

² Будовниц И.У. Русская публицистика XVI века. М.; Л., 1947. С. 202.

³ Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 120.

⁴ Зимин А.А. И.С.Пересветов и его современники... С. 61.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 62.

⁷ Будовниц И.У. Русская публицистика XVI века. С. 201.

⁸ Голохвастов Д.П. и Леонид. Благовещенский иерей Сильвестр... С. 93. Правда, он затем, будто опамятававшись, говорит о «богодарованном Государе и Царе». — Там же. С. 96, 98.

⁹ Смирнов И.И. Очерки... С. 243.

¹⁰ Голохвастов Д.П. и Леонид. Благовещенский иерей Сильвестр... С. 100.

ности церкви, причем, указывая Горбатову-Шуйскому на то, что на нем как наместнике лежит обязанность наблюдения и руководства деятельностью церковных властей в крае. Сильвестр, можно сказать, прямо инструктирует Горбатого-Шуйского, указывая, что он должен действовать в церковных вопросах «по Соборному Уложению, а та книжка соборная [Стоглав] есть списана в новом городе в Свияжском у протопопа».¹ Сильвестр, стало быть, считает себя вправе вмешиваться в церковное управление Казанским краем. Ему даже известна такая деталь, как наличие у свияжского протопопа копии Стоглава. Сильвестр, следовательно, был осведомлен насчет обеспечения епархий этим новым соборным документом, по которому надлежало строить жизнь церкви на местах.

Важным элементом религиозной политики Москвы являлось отношение к населяющим Казанский край нехристианским народам. Сильвестр затронул и этот весьма щекотливый вопрос, призвав своего адресата к насильственной христианизации жителей Поволжья, хотя и под внешне благовидным предлогом: «Зело бо хочет сего Бог, дабы вся вселенная наполнилася православия».² Характерно и то, что инструментом принудительного обращения неверных в православную веру Сильвестр считает царскую власть, а не мирную проповедь миссионеров, убеждающих иноверцев в истинности православия. «Ни что же бо тако пользует православных Царей, яко же се, еже неверных в веру обращати, аще и не восхотят...», – писал он, выбрасывая явно провокационный лозунг.³ Чтобы понять меру его провокационности, надлежит вспомнить мятежную обстановку в Поволжье после взятия Казани⁴ и политику Ивана IV в отношении народов Поволжья, подчинявшихся ранее татарам. Царь, как известно, «разослал по всем улусам черным ясачным людям жалованные грамоты, писал, чтоб шли к нему без страха, он их пожалует, а они платили ему ясак, как и прежним казанским царям».⁵ Государь здесь придерживался старой, оправданной жизнью практики русских князей, оставлявших внутренний уклад жизни (в том числе и верования) подвластных племен нетронутым и довольствовавшихся исправной выплатой дани,⁶ в отличие от западных завоевателей, которые утверждали

¹ Смирнов И.И. Очерки... С. 243–244. См. также: Голохвастов Д.П. и Леонид. Благовещенский иерей Сильвестр... С. 94

² Голохвастов Д.П. и Леонид. Благовещенский иерей Сильвестр... С. 89.

³ Там же. Сильвестр, разумеется, не исключал проповеди, но в случае упорства «заблудших Агарян и Черемисы» настаивал на применении понуждения и запретов. – Там же. С. 95.

⁴ См.: Карамзин Н.М. История Государства Российского. Кн. II. Т. VIII. М., 1989 Стб. 124; Соловьев С.М. Сочинения: В 18-ти книгах. Кн. III. М., 1989. С. 463; Ермолаев И.П. Становление Российского самодержавия... 2004. С. 280; Котляров Д.А. Московская Русь и народы Поволжья в XV–XVI веках: У истоков национальной политики России. Ижевск, 2005. С. 257.

⁵ Соловьев С.М. Сочинения: В 18-ти книгах. Кн. III. С. 458. См. также: Котляров Д.А. Московская Русь и народы Поволжья... С. 256–257.

⁶ Летописец рассказывает, как после взятия Казани приезжали к Ивану IV представители местных племен с изъявлением покорности. Царь «велел их к шерти (клят-

католическую веру в покоренных землях жестокой силой. Что касается обращения в православную веру поволжских людей, то Иван уповал на волю «милосердного Бога», моля его, чтобы он «в граде казанском» утвердил «благоеверие, истинный закон христианской, и неверных бы обратил ко истинному христианскому закону».² Наставления же Сильвестра по части насильственного обращения в православие населения бывшего Казанского ханства шли, как видим, вразрез с политикой царя Ивана, «лаской» привлекавшего поволжских инородцев под «высокую государеву руку», и больше соответствовали западным, нежели отечественным приемам распространения христианства. Эти наставления были особенно опасны в обстановке мятежных настроений местных племен, то и дело поднимавших войну против русских. Своими призывами к насильственной христианизации Казанского края Сильвестр мог лишь усилить мятежный дух народов Поволжья и тем самым осложнить процесс освоения присоединенных к Руси земель. Осознавал ли Сильвестр вредоносность для Русского государства предлагаемых им принудительных мер при осуществлении религиозной политики в Поволжье – вот в чем вопрос. На наш взгляд, благовещенский поп не был столь простодушен, чтобы не понимать этого.

Политический вес и значение Сильвестра вполне определенно проецируются в самом факте обращения к нему А.Б.Горбатого-Шуйского. В историографии на это уже обращалось внимание. Так, И.И.Смирнов замечал, что «для характеристики положения, занимавшегося Сильвестром, чрезвычайно показателен самый факт обращения к нему Горбатого-Шуйского. То, что кн. Горбатый-Шуйский, занимавший по своему весу и значению одно из первых мест среди боярства, действует именно через Сильвестра, стремясь, таким образом, обеспечить себе поддержку при обсуждении царем и его ближними людьми деятельность казанского наместника, свидетельствует, конечно, об очень большом политическом весе попа Сильвестра».³ И.И.Смирнов тут, конечно, прав.

Затронул данный сюжет и Б.Н.Флоря, который говорил, что «деятельность Сильвестра далеко выходила за рамки того, что мог позволить себе рядовой священник, даже если бы он и являлся царским духовником. В этом плане весьма показательно, что один из наиболее знатных представителей московской аристократии (его род уступал по своему значению только близким родственникам царя по отцу – князьям Бельским и Мстиславским), князь Александр Борисович Горбатый-Шуйский, первый наместник покоренной Казани, счел нужным обратиться к Сильвестру с просьбой о совете, как управлять покоренным краем, и Сильвестр написал ему подробные рекомендации по разным вопросам. Само послание Сильвестра заканчивалось предложением прочесть его текст “прочим государьским воеводам... и священ-

ве) привести и ясаки на них имати и во всем их управляти» или «к шерти приводить и управу чинить» (см.: ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. М., 2000. С. 222, 516). Присяга на верность и уплата ясака-дани – вот что нужно было Ивану, не больше.

¹ ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 225, 520.

² Смирнов И.И. Очерки... С. 244.

ному чину и христоименитому стаду". Все это дает основание говорить о Сильвестре как о человеке, пользующемся особым доверием царя (иначе казанский наместник не стал бы обращаться к простому священнику) и погруженном в обсуждение разных проблем конкретной политики». ¹ Не отрицая «особого доверия», которым Сильвестр пользовался со стороны царя Ивана, необходимо все-таки заметить: благовещенский поп на определенном этапе своей придворной карьеры выступал в качестве самодостаточного государственного деятеля, ведущего собственную политическую игру, что явствует из содержания его послания Горбатову, где встречаем высказывания, противоречащие, как мы уже убедились, установкам государя.

Послание попа Сильвестра кн. А.Б.Горбатову-Шуйскому позволяет говорить об его авторе как о человеке, обладавшем большой властью, которая простиралась на широкий круг государевых подданных, включая как светских лиц, так и людей духовного звания. Оно, стало быть, согласуется с рассказом Ивана Грозного о том, что поп Сильвестр сосредоточил в руках своих мирскую и духовную власть. В этой связи необходимо отметить, что в концовке письма Сильвестра к Горбатову-Шуйскому есть одна очень существенная деталь, не привлекавшая должного внимания исследователей. В состоянии непомерного самомнения автор послания называет свое сочинение «божественным писанием» и даже – «святым», ² считает его богоугодным, для мирян и «священного чина» душеполезным, душеспасительным и учительным: «не скрый сего святого писания... да со вниманием прочетше на пользу душам своим, и начнут вся сия творити и учити, яже есть писано, Господу поспешествующу и слово утверждающе, и велию благодать обрящете от Бога вкупе, и многим душам спасение получите, во оставление грехов и жизнь вечную». ³ Говорить такие слова мог позволить себе человек, претендующий на духовную власть, если не превосходящую, то равную святительской власти. Данные слова, принадлежа самому Сильвестру (в чем их огромная ценность), подтверждают правдивость сообщения Ивана Грозного о «восхищении» благовещенским попом «святительского сана». Эти слова, обращенные не только к Горбатову, но ко всему «христоименитому стаду» в Казани, согласуются также с Царственной книгой, извещающей о том, что Сильвестр «указываше бо и митрополиту и владыкам и архимаритом и игуменом и чернцем и попом и бояром и дьяком и приказным людям и воеводам и детям боярским и всяким людям...».

Слухи относительно властных возможностей Сильвестра, его влияния при дворе московского царя доходили до русского общества того времени. На это указывает послание Максима Грека Сильвестру. Уже одно подобострастное обращение к адресату, открывающее письмо «Святогорца», говорит о многом: «Честнейшему во Иереях Вышнего, и всякими цветы добродетельными преукрашенному, и во искусстве и разуме Богодухновенных Писании изящному разсудителю, Господину Селивестру и благодетелю моему,

¹ Флоря Б.Н. Иван Грозный. С. 59–60.

² Голохвастов Д.П. и Леонид. Благовещенский иерей Сильвестр... С. 100.

³ Там же.

неключимый чернец он сице, смея и не смея много челом быю до земли».¹ Максим пишет Сильвестру, что о его милосердии и содействии «требующим помощи» слышал «от всех».² И вот теперь и он, Максим, просит Сильвестра похлопотать перед государем о вдове и детях одного умершего князя, оказавшихся в бедственном положении: «Сего ради и аз с добрым упованием смею и быю челом твоему благоутробию, дабы еси пожаловал поминал благоверному Царю и Самодержцу всея Руси о детях покойника Никиты Борисовича, чтобы Государь умилился и показал милость к ним, в великой скудости и нужде живущим. Се долг мног, се три сестры, да нечим отдати их. Умилился Бога ради, прости руку помощи, по твоему обычному Богоугодному милосердию. Ей, молю тя, честнейший Иерей! помози многоскорбной вдове и сиротам ея, угаси росою благоутробия твоего горькия слезы безпрестани изливаемы. Буди вдовам предстатель и сиротам отец, по оному праведному многострадальцу».³ Данная просьба Максима Грека не оставляет сомнений в том, что Сильвестр пользовался в общественных кругах репутацией придворного, в высшей степени влиятельного во власти, имеющего прямой выход на государя («дерзновение к державному») и способного своим заступничеством облегчить судьбу любого человека, даже провинившегося перед царем. В письме Максима отражен именно такой случай, поскольку был связан с Никитой Борисовичем, которого архимандрит Леонид отождествил с князем Ростовским-Приимковым,⁴ причастным к государственной измене своего родственника князя Семена Ростовского. Летописец сообщает, что в июле 1554 года побегал в Литву князь Никита Ростовский, но на пути туда в пограничном Торопце был схвачен детьми боярскими и приведен к царю Ивану, который велел спросить беглеца, «отчего побегал». Князь Никита ответил, что «его отпустил в Литву боярин князь Семен Ростовской х королю сказати про себя, что он х королю идеть, а с ним братия его и племянники...».⁵ Государь приказал «поймать князя Семена и выпросить его», т.е. допросить. Наряду с прочим Семен Ростовский показал, что «с ним ехати хотели... Ростовские князи, Лобановы и Приимковы, и иные клятвопреступники».⁶ В числе князей Приимковых, изготовившихся к бегству в Литву, был, по всей видимости, и Никита Борисович, сурово за то поплатившийся.⁷ За его вдову и детей хлопочет, как видим, Максим Грек, взявшись за дело довольно щекотливое, поскольку речь шла о семье государственного изменника. Но Грек, судя по всему, знал, к кому обращался. Он знал, по-видимому, не только о всеилии Сильвестра, но также о его расположении к Семену Ростовскому и родственникам князя, о чем с негодованием говорил Иван Грозный впоследствии Курбскому: «Поп Селивестр и с вами,

¹ Там же. С. 31.

² Там же. С. 32.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 31.

⁵ ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 237.

⁶ Там же. С. 238.

⁷ Недаром Максим Грек называет князя Никиту Борисовича многострадальцем.

своими злыми советники, того собаку (Семена Ростовского. — *И. Ф.*) учал в велице бжежение держати и помогати ему всеми благими, и не токмо ему, но и всему его роду». ¹ Примечательно то, что Максим Грек, не опасаясь за свои слова, называет Никиту Борисовича «праведным многострадалцем» (значит, невинным), становясь, следовательно, как бы в оппозицию царской власти и надеясь, вероятно, что найдет понимание у Сильвестра...

Итак, рассказы Ивана Грозного и Андрея Курбского о Сильвестре и Алексее Адашеве как о всевластных советниках, ограничивающих вместе с другими членами Избранной Рады русское «самодержавство» середины XVI века, находят убедительное подтверждение в некоторых независимых источниках, рассмотренных нами выше. Практическая деятельность Сильвестра и Адашева является ярким свидетельством их доминирующей роли в политической жизни Руси обозначенного времени.

* * *

Сильвестр и Адашев вряд ли достигли бы столь значительной власти, не осуществи они «кадровой перетряски», преследующей цель внедрения своих агентов в правительственные сферы. Едва войдя в доверие к царю Ивану, эти деятели кардинальным образом изменили состав Боярской Думы. Большой интерес в этой связи представляют наблюдения А.А.Зимины, который пишет: «Состав Думы резко увеличился: вместо 12 человек бояр, входивших в нее в 30-х годах XVI в., в Думе к концу 1549 г. насчитывалось 32 боярина, причем характерно, что десять бояр получили свои звания уже после февраля 1549 г., в их числе был ряд сподвижников главы правительства Алексея Адашева. О князе Дмитрие Ивановиче Курлятеве как о «единомысленнике» князя Курбского и его «приятелей» говорит сам Иван Грозный. Близок к Адашеву был и Иван Васильевич Шереметьев, постриженный позднее в цитадели нестяжательства Кирилло-Белозерском монастыре, который поддерживал Сильвестра. Входил в Избранную раду Михаил Яковлевич Морозов. Всего боярами стали после московского восстания 1547 г. 18 человек, т.е. больше половины состава бояр Думы в конце 1549 г. получило свои звания после восстания... Сходная картина наблюдается и при изучении состава окольничих. Из девяти человек шестеро получили свои звания в 1549 г., двое в 1547 г. (в годы боярского правления было всего 2–3 окольничих)». ² Перед нами настоящая, так сказать, кадровая революция, произведенная теми, кто спровоцировал народные волнения в Москве летом 1547 года, кто воспользовался в своих интересах душевным состоянием Ивана IV, возжелавшего править поданными во имя правды, любви и согласия.

А.А.Зимин полагает, что «увеличение в три раза численности состава Думы свидетельствовало о стремлении правительства ослабить политическое влияние нескольких аристократических фамилий, монопольно распоря-

¹ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 32. 81.

² Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного... С. 317–318. См. также: Зимин А.А. Состав Боярской думы в XV–XVI вв. // Археографический ежегодник за 1957. М., 1958; Филюшкин А.И. История одой мистификации... С. 37.

жавшихся Думой в малолетство Ивана Грозного».¹ Быть может, А.А.Зимин прав, но лишь отчасти. Основной смысл столь решительных перемен в количественном составе Боярской Думы заключался, на наш взгляд, в стремлении создать Сильвестру и Адашеву опору большинства в этом высшем государственном учреждении страны. Цель здесь ясна: усиление власти Сильвестра и Адашева, необходимое для успешного проведения намеченных Избранной Радой реформ. Следует согласиться с А.И.Филюшкиным, что в данном случае надо вести речь о приходе в правительство будущих реформаторов.² Их значительный приток в Боярскую Думу расширил фактические prerogatives и степень участия этого правящего органа в государственных делах.³ Прав, таким образом, и А.Г.Кузьмин, верно уловивший «тактический характер расширения состава Думы».⁴ Однако не следует забывать, что за этим в придворной игре тактическим ходом скрывалась политика, затрагивающая основы Русского государства в его прошлом, настоящем и будущем. Поэтому следует согласиться с И.И.Смирновым, который говорил, что изменения в составе Боярской Думы после 1547 года «носят отчетливо выраженный политический характер».⁵ В этой общей постановке вопроса И.И.Смирнов, безусловно, прав. Но с ним нельзя солидаризоваться в определении конкретных политических причин, вызвавших радикальные изменения в составе Боярской Думы. Исследователь уверен, будто все эти изменения «стоят в прямой связи с общим характером политики правительства Ивана IV – политики, обращенной своим острием против “великих родов” княжеской знати, и вместе с тем свидетельствуют о выдвижении на первый план политической сцены представителей тех кругов, которые поддерживали эту политику».⁶ Не следует преувеличивать степень борьбы правительства царя Ивана против «великих родов», хотя нельзя не признать того, что она велась, стимулируемая дурными воспоминаниями государя о времени боярского правления. И все же борьба против родовитого боярства, призванная подорвать политическое могущество отдельных аристократических фамилий, не могла быть сокрушающей, поскольку наталкивалась на местничество, имеющее глубокие и прочные корни в московской жизни той поры. А.А.Зимин, говоря о резком увеличении в конце 40-х – начале 50-х гг. численного состава Боярской Думы как меры по ослаблению политического влияния «нескольких аристократических фамилий», замечал, что «в силу существования системы местничества это мероприятие было половинчатым: в Думу попадали новые лица, но все же из знатнейших боярских и княжеских фамилий».⁷

Трудно поверить, что Сильвестр и Адашев, склонившие Ивана к обновлению и увеличению состава Боярской Думы, не понимали слабой в услови-

¹ Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного... С. 318.

² Филюшкин А.И. История одной мистификации... С. 41.

³ Там же. С. 37.

⁴ Кузьмин А.Г. Адашев и Сильвестр. С. 131.

⁵ Смирнов И.И. Очерки... С. 188.

⁶ Там же. С. 191.

⁷ Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного... С. 318.

ях существования местничества эффективности этих перемен в борьбе против «великих родов» русского боярства. Значит, дело было не столько в аристократических родах, сколько в конкретных лицах, которым доверяли и на которых полагали опираться Сильвестр и Адашев. Отсюда следует, что поп Сильвестр с Алексеем Адашевым могли убеждать Ивана IV произвести решительные перемены в составе Боярской Думы, играя на негативном со времен боярского правления отношении царя к «великим родам» княжеской знати, тогда как на самом деле думали о том, как расширить Думу за счет своих реальных и потенциальных сторонников, чтобы таким образом укрепить собственное политическое положение. И они сумели добиться желаемого, перехитрив молодого, а потому неопытного и доверчивого царя.

А.Л.Хорошкевич делит обновленную Думу на две группы – сторонников царя и приверженцев прежнего, боярского правления.¹ Но боярское правление – явление исключительное, возможное при чрезвычайных обстоятельствах: пустующем троне или малолетстве государя. В середине XVI века не было ни того, ни другого, и вопрос о боярском правлении не стоял. Правда, он, было, обозначился во время тяжелой болезни царя в марте 1553 года, но очень скоро по выздоровлении государя потерял реальный смысл. Поэтому правильнее, на наш взгляд, предполагать наличие в измененном составе Думы групп сторонников Ивана IV и приверженцев («советников») политического тандема Сильвестр–Адашев. Доброхоты временщиков, как показали дальнейшие события, господствовали в Боярской Думе. Кстати, нелишне было бы напомнить о том, что схожую картину рисовал также Иван Грозный, рассказывая о том, как Сильвестр и Адашев верховодили в Думе, «припустив» в нее своих людей. Следовательно, царь в данном случае, как и во множестве других, воспроизводил не вымышленные, а действительные факты.

Кадровые перемены коснулись не только Боярской Думы, но и других правительственных учреждений. Произошли, в частности, изменения и в персональном составе дворцовых учреждений² и приказов.³ Можно думать, что так было повсюду, во всех властных структурах. Не зря Иван Грозный потом скажет, что Сильвестр и Адашев с «единомысленниками» своими «ни единыя власти оставиша, идеже своя угодники не поставиша».⁴ Одних людей они привлекали на свою сторону членством в Боярской Думе⁵ и разными

¹ *Хорошкевич А.Л.* Россия в системе международных отношений середины XVI века. С. 81.

² Там же.

³ См.: *Скрынников Р.Г.* Царство террора. С. 118; *Граля И.* Иван Михайлов Висковатый... С. 61.

⁴ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 31, 79. Это утверждение Грозного, полагает Р.Г.Скрынников, «не было сорвавшейся в порыве раздражения фразой». – *Скрынников Р.Г.* Царство террора. С. 118.

⁵ Исследователи говорят о расширении состава Думы «за счет родов, ранее не допускавшихся до властных структур узким кругом боярских группировок» (*Кузьмин А.Г.* Адашев и Сильвестр. С.131). Таким способом инициаторы кадровых перемен «припускали» в Боярскую Думу людей, обязанных им, а потому – послушных.

должностями, а других – всякого рода пожалованиями, в том числе земельными («почали причитати к вотчинам и ко градом и к селом; еже деда нашего великого государя уложение, которые вотчины у вас взимати и которым вотчинам еже несть потреба от нас даятися, и те вотчины, ветру подобно раздавали неподобно, и то деда нашего уложение разрушили, и тем многих людей к себе примирили»¹). При этом Сильвестр и Адашев старались привлечь к себе «молотчих детей боярских», надеясь на их поддержку.² Но это не значит, что временщики отдавали безусловное предпочтение дворянам перед боярами. Стремление Сильвестра и Адашева обновить кадры во всех звеньях государственного управления свидетельствует, на наш взгляд, о том, что для них борьба с боярской аристократией являлась если не вовсе незаменимой, то, во всяком случае, второстепенной. Главную задачу они видели в том, чтобы подчинить своему влиянию властные структуры Русского государства. Но разрешить эту задачу можно было лишь при содействии представителей «великих родов». Сильвестр и Адашев, конечно же, пользовались услугами высшей знати, имея в ее рядах немало сторонников.

Р.Г.Скрынникову кажется, что перемены в составе правящих верхов, происшедшие после Московского восстания и падения Глинских в июне 1547 года, не имели принципиального значения.³ «Сколь бы существенными ни были перемены в составе придворных группировок, не они определяли ход и направление преобразований», – утверждает историк.⁴ По нашему мнению, это – ложный взгляд, уводящий в сторону от действительного развития событий. Растянувшиеся на некоторое время радикальные изменения в кадровом составе правящей верхушки необходимо рассматривать как некое подобие ползучей революции, направленной на ликвидацию сложившегося в России к середине XVI века церковно-политического строя. Эта направленность обнаруживается в практической деятельности новой власти.

* * *

В 1549 году истекал срок перемирия между Русью и Польско-Литовским королевством, заключенный семью годами раньше. Князь Д.Ф.Бельский и другие бояре напомнили об этом царю Ивану и просили («били челом») снестись с королевскими панами, чтобы начать переговоры о продлении перемирия. И вот в Москву в январе 1549 года прибыло посольство панов радных в составе витебского воеводы Станислава Кишки, маршалка Яна Кама-

¹ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 31, 79.

² Эта «прелестная» тактика, рассчитанная на создание социальной базы для Сильвестра и Адашева, в различных вариациях повторялась много позже. В частности, отражение ее наблюдаем в осеннем верстаньи 1605 года, произведенном по указу Лжедмитрия I. – См.: Воробьев В.М. Лжедмитрий I и судьбы службы «по отечеству» и поместной системы // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Материалы научной конференции 18–20 ноября 2003 года. Великий Новгород, 2003. С. 98–122.

³ Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 94.

⁴ Там же.

евского и писаря Глеба Есмана (Есмановича). С русской стороны для ведения переговоров были определены дьяк Бакака Карачаров и подьячий Иван Висковатый – доверенное лицо государя.¹ Переговорный процесс оказался на грани срыва из-за несогласия иноземных послов включить в договорные документы царский титул Ивана IV и упорства русских дипломатов, настаивавших на этом включении. И тут обнаружилось, что у государя нет достаточной власти, чтобы разрешить возникшую проблему самостоятельно. Он вынужден был обратиться к боярам: «Царь и великий князь о том говорил много с бояры, пригоже ли имя его не сполна написати». А.Л.Хорошкевич по этому поводу замечает: «Примечателен сам факт такого обсуждения. Царь, которого в историографии ничтоже сумняшеся называют самодержцем, в решении весьма существенного для него и для судеб страны титулатурного вопроса обращается к мнению бояр».² Действительно, Ивана в этой истории можно назвать самодержцем с большой натяжкой. Видимо, за время, прошедшее с момента июньских потрясений 1547 года, придворная партия Сильвестра и Адашева сумела укрепиться и несколько ограничить власть государя. Однако в итоге консультаций царя с боярами возобладала точка зрения Ивана, настаивающего на включении царского титула в текст перемирия.³ Похоже, обсуждение вопроса проходило не просто. Царю пришлось долго убеждать бояр, что, по нашему мнению, отражено в словах «царь и великий князь о том говорил много с бояры». Но буквально через считанные дни Дума качнулась в противоположную сторону. И теперь Иван услышал иное: «Тако писати (без царского титула. – И.Ф.) пригоже для покою христьянского и для того, что крымской и казанской в великой недружбе».⁴ Свое мнение бояре мотивировали тем, что «против трех недругов стояти вдруг истомно», что «которые крови христианские прольютца за одно имя, а не за земли, ино от Бога о гресе сумнительно». Отстранив от ведения переговоров неуступчивых Карачарова и Висковатого,⁵ проводивших линию Ивана IV, Боярская Дума, несмотря на сопротивление царя, сообщила польско-литовским послам «о своей воле заключить перемирие на очередные пять лет и об отказе

¹ Во всяком случае, Иван IV доверял Висковатому «больше других» (*Граля И. Иван Михайлов Висковатый...* С. 74). Он, по-видимому, возлагал большие надежды на Висковатого и наделил его большими полномочиями. И.Граля по этому поводу говорит: «Случай с Висковатым был беспрецедентным – впервые в истории московской дипломатии в составе боярской комиссии, ведущей переговоры с иностранным посольством, в качестве ее полноправного члена оказался подьячий. Мнимый дьяк имел такие же полномочия, как и его титулованные сотоварищи, участвовал в церемонии ознакомления послов с царским ответом». – Там же. С. 63.

² *Хорошкевич А.Л.* 1) Царский титул Ивана IV и боярский «мятеж» 1553 года // *Отечественная история.* 1994, № 3. С. 28; 2) *Россия в системе международных отношений середины XVI века.* С. 74.

³ «Царская делегация, – пишет И.Граля, – получив категорические рекомендации думы, ... энергично потребовала указать в документах о перемирии новый титул Ивана Васильевича...». – *Граля И. Иван Михайлов Висковатый...* С. 72.

⁴ *Сборник Русского исторического общества.* Т. 59. СПб., 1887. С. 297, 300.

⁵ См.: *Граля И. Иван Михайлов Висковатый...* С. 73.

Ивана от требования указать в литовском документе царский титул...».¹ При этом бояре, желая, видимо, подсластить государю пилюлю, поманили его возможностью разрешить вопрос по-своему в будущем: «Вперед с крымским делом поделаетца, а с Казанью государь переведаетца ж, ино вперед с королем за то крепко стояти и дела с ним никакого не делати».² Но Иван IV не поддался на дешевый соблазн и, вопреки заявлению бояр о его отказе внести в литовский документ свой царский титул, твердо стоял на прежней позиции: «И нам ныне которое име Бог дал от нашего прародителя, царя и великого князя Владимирера Мономаха, и нам в том своем имени и быти, а без того нам своего имени ни в миру, ни в перемирье быти нельзя».³ Что же случилось? Чем объяснить такое колебание Думы?

Конечно же, тем, что среди бояр развернулась острая борьба по данному вопросу, в которой верх одержала думская фракция, управляемая Сильвестром и Адашевым. И тут надо заметить, что А.Л.Хорошкевич, изучавшая ход январско-мартовских переговоров 1549 года, пришла к выводу о причастности Сильвестра к составлению боярского приговора 5 февраля 1549 года, отвергнувшего требование Ивана IV относительно необходимости включения царского титула в «перемирную грамоту».⁴ Основанием для этого вывода ей послужила аргументация позиции Боярской Думы, имеющая нравственный, религиозный характер, запечатленный приговором 5 февраля 1549 года.⁵ Этот приговор, считает А.Л.Хорошкевич, «и содержанием, и тоном, и стилистикой резко выделяется среди всех официальных документов эпохи. Ни в предшествующих (XV – первая половина XVI в.), ни в последующих (вторая половина XVI – XVII в.) сообщениях посольских книг подобной аргументации внешнеполитической позиции Боярской думы – нравственной, религиозной (а не прагматической) – не встречается. В связи с этим напрашивается предположение, что к составлению приговора 5 февраля 1549 г. оказалось причастным духовное лицо (или лица), но мыслящее, впрочем, как истинный политик и легко отказывающееся от упреков в богопротивности войны как таковой... Имя одного из тех, кто совмещал политическую деятельность с духовным саном, достаточно хорошо известно. Это благовещенский поп Сильвестр».⁶

Развивая догадку А.Л.Хорошкевич, можно сказать, что причастность Сильвестра к составлению боярского приговора выдает явно сквозящее в нем нежелание воевать с западным соседом. Особенно наглядно оно проявится позднее в период Ливонской войны, когда Сильвестр и Адашев всеми силами старались воспрепятствовать началу и продолжению войны, при-

¹ Грабя И. Иван Михайлов Висковатый... С. 73. См. также: Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. С. 79.

² Сборник Русского исторического общества. Т. 59. С. 291.

³ Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. С. 76.

⁴ Ср.: Филюшкин А.И. История одной мистификации... С. 312–313.

⁵ Хорошкевич А.Л. 1) Царский титул Ивана IV... С. 28; 2) Россия в системе международных отношений середины XVI века. С. 76.

⁶ Хорошкевич А.Л. 1) Царский титул Ивана IV... С. 28; 2) Россия в системе международных отношений середины XVI века. С. 76.

бегая, помимо прочего, к религиозным доводам о греховности пролития христианской крови, будто с той, западной стороны никто никогда не воевал с русскими, проливая кровь православного люда и разоряя святыне храмы. Царя, хорошо знакомого с чувством христианской любви, настолько раздражали нравоучения на сей счет, что однажды он в сердцах воскликнул: «Ныне же ве мы, в тех странах несть христиан, разве малейших служителей церковных и сокровенных раб господних».¹ Однако Грозный все же понимал определенную правоту своих оппонентов, поскольку ему хорошо было известно, что на русских землях, оказавшихся в составе Литвы и Польши, проживает немалое количество православных христиан, которые, несомненно, пострадали бы, случись война между Русью и Польско-Литовским королевством. Поэтому много позднее, в июне 1570 года, он по поводу заключения перемирия в 1549 году с Литвой и Польшей говорил послам Речи Посполитой: «Мы, как есть государи правые христьянские, жалея о христьянстве и не хотячи видети розлития крови христьянские, будучи в терпении и на себя для христьянства поступаясь, и для бояр своих челобитья, послов есмь брата своего воротити велели и потому с ними перемирье по прежним обычаям зделали».² А.Л.Хорошкевич следующим образом прокомментировала эти слова Ивана Грозного: «Здесь нет и речи о той сложной международной обстановке, в которой находилась Россия в момент заключения перемирия. Зато настойчиво звучит мотив христианской любви, что, конечно, к 1570 г. стало очень актуальным для тирана, утопавшего в крови собственных подданных. Иван IV рассматривал этот акт как уступку боярам... Царь проявлял якобы образец долготерпения (“на себя поступаясь”), смирения, платой за которое стали зверские казни 1570 г.»³ Сказывается здесь неприязнь к Ивану Грозному, переполняющая А.Л.Хорошкевич. Будь иначе, она вспомнила бы о том, что Грозный являлся глубоко религиозным, православным человеком, для которого чувство смирения и любви к ближнему не являлось чем-то неведомым и чуждым. Во всяком случае, А.Л.Хорошкевич, наверное, припомнила бы, что именно во время переговоров о перемирии с королевскими послами, обнаруживших интригу Сильвестра и дерзкое неповиновение Боярской Думы царю Ивану, в Москве состоялся (конец февраля 1549 года) «Собор примирения», где государь воочию показал свою способность к смирению и проявлению действенной христианской любви.⁴ Понятно, почему Грозный говорил о своей уступке боярам. К 1570 году он значительно продвинулся в восстановлении самодержавия и мог теперь позволить себе такие речи. Пора, впрочем, вернуться к Сильвестру «с товарищи».

¹ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 13–14.

² Сборник Русского исторического общества. Т. 71. СПб., 1892. С. 679.

³ *Хорошкевич А.Л.* 1) Царский титул Ивана IV... С. 29–30; 2) Россия в системе международных отношений середины XVI века. С. 81–82.

⁴ А.Л.Хорошкевич говорит о «Соборе примирения», но «в контексте внутривосточных событий», а не религиозно-нравственных установок. – *Хорошкевич А.Л.* 1) Царский титул Ивана IV... С. 29; 2) Россия в системе международных отношений середины XVI века. С. 79–80.

Факты, связанные с январско-мартовскими 1549 года переговорами в Москве, убеждают нас в том, что негативное отношение Сильвестра к войне Русского государства с Западом, сочетающееся с идеей необходимости военных действий Руси против Востока, возникло отнюдь не в связи с подготовкой к Ливонской войне. Оно было свойственно Сильвестру с самого начала правительственной деятельности в качестве временщика и отражало, судя по всему, его положительное отношение к странам Запада как родственным Руси по вере и более привлекательным в сфере политического устройства. Царь же Иван придерживался совсем другого взгляда, полагая, что западные народы, пребывающие в «папешской» схизме и зараженные «плутовой прелестью», отошли от истинной Христовой веры, и только русский народ во главе со своим богоизбранным государем является носителем и хранителем ее. Отсюда расхождение царя с попом Сильвестром в вопросах внешней политики. Это расхождение отмечает и А.Л.Хорошкевич. «Теперь, – пишет она, – можно сказать, что взгляд Сильвестра на внешнюю политику отличался от царского. Он пренебрегал престижем и достоинством государя, все помыслы которого были направлены на самоутверждение в качестве царя, и при этом удачно играл на религиозных чувствах членов Думы, предостерегая их от опасности впасть в грех в случае борьбы лишь за «имя». Это с пониманием было воспринято боярами, вовсе не заинтересованными в изменении баланса сил, определявших международные отношения России, и понимавшими невозможность борьбы с несколькими противниками».¹ Надо заметить, что не все положения А.Л.Хорошкевич для нас одинаково убедительны. Не вызывают возражений ее утверждения о различии взглядов на внешнюю политику Сильвестра и царя Ивана, о пренебрежительном отношении Сильвестра к «престижу и достоинству государя». Но нельзя согласиться с ней в том, что помыслы Ивана были направлены только «на самоутверждение в качестве царя» и борьбу лишь за царское «имя». Это поверхностный и упрощенный взгляд, восходящий к Сильвестру, интриговавшему в Думе. На самом же деле все обстояло значительно сложнее.

Нельзя забывать, что к моменту приезда литовских послов в Москву прошло всего два года, как в русской столице произошло событие величайшего государственного значения – венчание Ивана IV на царство. Непосредственное участие в этом событии принимал митрополит Макарий, бывший одним из инициаторов провозглашения Ивана царем. Именно он совершил обряд венчания. Венчание на царство, таким образом, принимало церковно-политический характер. Но это не все. Обряд венчания включал элемент Помазания на царство – некое подобие Таинству Помазания. В итоге венчание на царство превращалось в религиозно-церковно-государственный акт, завершающий этап становления самодержавия на Руси и начинающий новую эпоху в истории Российского государства. Но вот являются послы из страны, погрязшей в схизме, послы от правителя, божественное происхождение власти которого под большим вопросом. И эти послы требуют от богоизбранного

¹ *Хорошкевич А.Л.* Царский титул Ивана IV... С. 29; 2) Россия в системе международных отношений середины XVI века. С. 78.

государя отказаться от царского титула. Что это означало? В принципе это означало признание недействительности царского венчания с вытекающим отсюда пренебрежением к православной вере и церкви, а также умалением чести русского государя и митрополита как внутри Святорусского царства, так и вне его. Требование послов отказаться от титула царя при составлении договора о перемирии ставило вообще под сомнение царское достоинство Ивана IV и тем поощряло московских противников самодержавия к дальнейшей крамоле. Вот почему государь долго говорил в Думе, убеждая бояр не отступать от недавно провозглашенного русского царства. Казалось, бояре поняли всю ответственность решения, которое им предстояло принять, и согласились с доводами царя, но затем перевернулись, поддержав «непризнание царского титула со стороны Сигизмунда II Августа»,¹ т.е. став фактически на сторону иноземного властителя. Это походило на коллективную измену бояр царю Ивану. Сильвестр же, извратив суть дела, подал все происходившее в Думе как тщеславную борьбу Ивана «за имя», а современные историки бездумно приняли поповскую версию.

Сильвестр к этому времени обладал уже столь сильным влиянием и властью, что сумел переубедить Думу и склонить ее принять решение о необходимости писать в договоре о перемирии с Великим княжеством Литовским государево имя «несполна», опустив царский титул Ивана. А.Л.Хорошкевич в связи с этим пишет: «Таким образом, бояре отказались поддержать собственного государя в том вопросе, который задевал его честь. И это несмотря на то, что в составе Боярской думы к этому времени оставалось лишь четверо получивших звание бояр до 1547 г., а 18 человек... стали боярами после восстания 1547 г. Кроме того, к этому же времени относится возвышение А.Ф.Адашева, который был близок к царю. Казалось бы, все новые члены думы должны были поддерживать Ивана IV в его начинаниях, в том числе и внешнеполитических, однако этого не случилось. Основным принципом внешнеполитической позиции боярства было стремление избежать войны на два или даже на три фронта».² Думается, здесь не все так очевидно, как представляется А.Л.Хорошкевич. И потому тут есть необходимость кое в чем разобраться.

Бояре, за которыми стоял Сильвестр и его вдохновители, готовы были воевать с двумя недругами – ханами крымским и казанским. Но драться с тремя врагами (крымским ханом, казанским ханом и польско-литовским королем) они не хотели, ибо стоять против трех неприятелей одновременно им представлялось «истомно». Вопрос, однако, в том, насколько тогда реальной являлась война с польско-литовским соседом. А.Л.Хорошкевич со ссылкой на историка Я.Ясновского говорит: «Невольные союзники – литовский великий князь и король польский и русские бояре – были единомышленны ... в нежелании воевать друг с другом. Объясняя позицию литовской стороны в

¹ *Хорошкевич А.Л.* 1) Царский титул Ивана IV... С. 30; 2) Россия в системе международных отношений середины XVI века С. 85.

² *Хорошкевич А.Л.* 1) Царский титул Ивана IV... С. 28; 2) Россия в системе международных отношений середины XVI века. С. 74–75.

этом вопросе. Я.Ясновский ссылается на горький опыт так называемой Тридцатилетней войны (то есть серии войн конца XV – начала XVI вв. между княжествами всея Руси и Литовским), приведшей не только к потере восточных земель Литовского княжества, но и к его общему ослаблению. Нежелание Сигизмунда Августа воевать с Россией объясняется сложностью внутриполитического положения в объединенных личной унией государствах (Литва и Польша), долгой неопределенностью в отношении второго брака молодого короля на Барбаре Радзивилл со стороны польской и литовской знати, набегами крымских татар, отсутствием денег в королевской казне..., трудностями сбора серебщизны для обороны территории панств». ¹ Не думаем, чтобы многое из того, о чем пишет А.Л.Хорошкевич, не было известно московским боярам и в особенности – Сильвестру, осведомленному, надо полагать, в такого рода вещах. К тому же сами литовские послы не лучшим образом сыграли свою роль, выдав собственную тревогу (если не страх) в связи с возможностью войны Руси с Литвой и Польшей. Правда, они не раз угрожали покинуть Москву в том случае, если русские не откажутся от требования внести в составляемый договор царский титул Ивана. Но послы блефовали, а потому легко откликались на просьбу бояр повременить и не уезжать домой. Весьма показательно, что они, соглашаясь остаться, говорили боярам «с великим умилением», чтобы те били челом царю Ивану о непротитии христианской крови. ² Когда же русские выражали готовность их отпустить восвояси, «Кишка и Камаевский сами потребовали новых переговоров». ³ Литовско-польская сторона, следовательно, воевать на тот момент с Россией явно не желала. Все это склоняет нас к мысли, что идея о войне на три фронта, изобретенная, по нашему мнению, Сильвестром и внушенная им боярам в качестве аргумента в споре с государем, служила завесой подлинных причин, побуждавших его действовать в интересах иностранного государства. Эти причины были внешнего и внутреннего порядка. Относительно внешних причин надо сказать, что Сильвестр в силу своих политических и религиозных взглядов симпатизировал Великому княжеству Литовскому и поэтому являлся противником войны с западным соседом Руси. Что касается внутренних причин, то они были связаны с отрицательным отношением Сильвестра к русскому «самодержавству», которое он вместе со своими единомышленниками стремился ограничить. Такова подоплека рассуждений в Думе об опасности войны на три фронта, не разгаданная, к сожалению, А.Л.Хорошкевич. По сути, перед нами не столько позиция Боярской Думы, сколько политический умысел Сильвестра и его советников, скрывавших свои действительные планы.

«Бояре отказались поддерживать собственного государя в том вопросе, который больно задевал его честь», – заявляет А.Л.Хорошкевич. Это пра-

¹ *Хорошкевич А.Л.* Россия в системе международных отношений середины XVI века. С. 85.

² Там же. С. 78.

³ *Соловьев С.М.* Сочинения: В 18-ти книгах. Кн. III. М., 1989. С. 495.

вильно, однако совершенно недостаточно. Боярская Дума задевала не только честь государя, но также международный престиж Русского государства, достоинство митрополита, святость и непререкаемость православной веры и церкви, задевала потому, что игнорировала акт венчания великого князя Ивана на царство, где концентрировались все названные моменты.

Непонятно, почему А.Л.Хорошкевич кажется, что «новые члены Думы должны были поддерживать Ивана IV в его начинаниях». Как раз наоборот: бояре, которых Сильвестр и Адашев, по лексике Ивана Грозного, «припустили» в Думу, должны были противодействовать самодержавию царя Ивана, осуществляя реформаторскую политику Избранной Рады. И они в данном случае сделали то, что от них ожидали Сильвестр, Адашев и К°, поступив самоуправно, вопреки воле самодержца.

Согласно А.Л.Хорошкевич, «в 1549 г. в отношениях царя и бояр обозначилась первая трещина...».¹ Думается, что в плане субъективном до «трещины» в отношениях государя с боярами дело пока не дошло, хотя некоторая настороженность у Ивана к своим «друзьям» (Сильвестру и Адашеву) могла все же возникнуть. Однако если рассматривать поведение Боярской Думы с точки зрения объективной, то надо, очевидно, признать: перед нами первое после венчания на царство Ивана IV организованное выступление противников русского самодержавия. Чем ответил своим недругам Иван IV?

Он взошел на Лобное место и призвал всех подданных к христианскому примирению, всепрощению и любви. Созван был «Собор примирения», принципы которого государь старался воплотить в жизнь. Сильвестр же, Адашев и другие восприняли миролюбие царя и его любовь к ближнему как проявление слабости. И они поспешили закрепить свой успех. С этой целью ими (формально, разумеется, с «согласия» царя) производится новое расширение состава Думы. По наблюдениям А.И.Филюшкина, в 1549 году «происходит второй рывок в пополнении состава Боярской думы, по масштабам сравнимый с 1547 г.».² В 1549 году, как и в 1547, имели место кадровые изменения и в других правящих учреждениях.³ «В результате кадровых перемен 1547–1549 гг., – говорит А.И.Филюшкин, – в высших правительственных кругах был в основном сформирован тот состав аппарата, который и начал первый приступ к реформаторству 1550-х гг.»⁴ Иными словами, Сильвестр, Адашев и их сторонники создали кадровую основу для осуществления своих планов. Впрочем, И.Гралья, замечая, что «1549 г. был богат пожалованиями в бояре в невиданном до сих пор масштабе», говорит: «Дождь пожалований, пролившийся на особ, близких ко двору, способствовал как усилению влияния царской фракции в думе, так и ограничению самостоятельной политической роли думы».⁵ В действительности все было наоборот: расшире-

¹ *Хорошкевич А.Л.* 1) Царский титул Ивана IV... С. 30; 2) Россия в системе международных отношений середины XVI века. С. 85.

² *Филюшкин А.И.* История одной мистификации... С. 48.

³ Там же. С. 49.

⁴ Там же.

⁵ *Гралья И.* Иван Михайлов Висковатый... С. 75. Ср.: *Хорошкевич А.Л.* Россия в системе международных отношений середины XVI века. С. 81.

ние состава Боярской Думы способствовало упрочению в ней позиций Сильвестра и Адашева, а также усилению ее самостоятельной политической роли. Судебник 1550 года служит, кажется, тому подтверждением.

* * *

В этом Судебнике наше внимание привлекает ст.98, гласящая: «А которые будут дела новые, а в сем Судебнике не написаны, а как те дела с государева доклада и со всех бояр приговору вершается, и те дела в сем Судебнике приписывати». ¹ В исторической науке эта статья породила многолетние споры, вращавшиеся вокруг вопроса о политическом статусе Боярской Думы в России середины XVI века. Еще В.О.Ключевский, имея в виду данную статью Судебника 1550 года, утверждал: «В XVI в. было формально утверждено политическое значение думы: боярский приговор был признан необходимым моментом законодательства, через который должен был проходить каждый новый закон, прибавлявшийся к судебнику». ²

Н.А.Рожков, рассматривая период с конца XV века до половины XVI столетия как «первый, зачаточный период развития самодержавной власти русских государей», пришел к выводу о том, что «этот период закончился временным торжеством боярской олигархии, выразившимся не только в том определяющем влиянии, какое принадлежало “избранной раде” до шестидесятих годов XVI века, но и в юридической норме, внесенной в Судебник 1550 года, по которому новые законы должны были устанавливаться “с государева указа и со всех бояр приговора”». ³ По Н.А.Рожкову, следовательно, и Боярская Дума, и Избранная Рада – органы боярской олигархии, взявшей в середине XVI века верх над самодержавной властью, что было юридически оформлено Судебником 1550 года.

Согласно В.И.Сергеевичу, «организованный Сильвестром и Адашевым совет похитил царскую власть, царь был в нем только председателем, советники решали все по своему усмотрению, мнения царя оспаривались и отвергались; должности, чины и награды раздавались советом. Это говорит царь, это подтверждает и противник его, кн. Курбский. Но избранная рада не ограничилась одной практикой, ей удалось оформить свои притязания и провести в Судебник ограничения царской власти». В.И.Сергеевич ссылается на ст. 98 Судебника 1550 года, предлагая следующий ее комментарий: «Для дополнения Судебника новыми законодательными определениями требуется приговор “всех бояр”. Это несомненное ограничение царской власти и новость: царь только председатель боярской коллегии и без ее согласия не может издавать новых законов. Жалобы Грозного были совершенно основательны. Требование Судебника о приговоре “всех бояр” относится к будущему и, конечно, никогда не было приведено в исполнение; в настоящее же время царя ограничивал не совет всех бояр, а только некоторых». В.И.Серге-

¹ Судебники XV–XVI веков. М.; Л., 1952. С. 176.

² Ключевский В.О. Боярская Дума Древней Руси. М., 1902. С. 317.

³ Рожков Н. Происхождение самодержавия в России. М., 1906. С. 184–185, 189.

евич задается вопросом: «Из кого же состоял этот совет, продиктовавший ограничение царской власти?». И отвечает: «Судя по тому, что Курбский называет его “избранной радой”, надо думать, что в состав его входили не все думные люди, а только некоторые из них, избранные. Во главе этого совета стояли поп Сильвестр и окольничий Алексей Адашев».¹

Построения В.И.Сергеевича в довольно мягкой форме оспорил С.Ф.Платонов, который по поводу утверждения ученого о том, что Сильвестр с «угодниками» провел в Судебник ограничение царской власти, замечал: «Осторожнее на этом не настаивать, но возможно и необходимо признать, что для самого Грозного боярская политика представилась самым решительным покушением на его власть».² Более энергично и определенно с критикой взглядов В.И.Сергеевича выступил М.Ф.Владимирский-Буданов. Он исходил из убеждения, что Боярская Дума «есть учреждение, не отделимое от царской власти; поэтому, подобно правам этой последней, права думы не были определены законом, а держались как факт бытовой, на обычном праве».³ По мнению исследователя, ко времени Сильвестра и Адашева «относятся самые мудрые меры ограничений боярского произвола», а отнюдь не самодержавной власти.⁴ М.Ф.Владимирский-Буданов приводил факты, которые, как ему казалось, вели к «неизбежности совсем отказаться от идеи об ограничении царской власти Судебником».⁵

Критические замечания последовали и со стороны М.А.Дьяконова: «Ограничение царской власти, бесспорно, крупный исторический факт, который должен быть подготовлен предшествующими историческими условиями. Но каковы же эти условия? Проф. Сергеевич не приводит никаких новых указаний и ограничивается лишь общеизвестными выдержками из переписки Курбского с Грозным в довольно обычном ее освещении. Немногие его замечания могут показаться и не вполне последовательными».⁶ Отвечая на вопрос о том, что же означает формула Судебника 1550 года «с государева доклада и со всех бояр приговору», М.А.Дьяконов утверждал: «Она означает то же самое, что и другая формула – “государь указал и бояре приговорили”, т.е. совместное решение вопроса государем и всеми наличными членами боярской думы, и ничего более».⁷

Несмотря на эту критику, идеи В.И.Сергеевича не заглохли. В работе М.Н.Покровского «Боярство и боярская дума» они приобрели еще более ра-

¹ Сергеевич В.И. 1) Русские юридические древности. Т. II. СПб., 1900. С. 368–369; 2) Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб., 1910. С. 170–171.

² Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. С. 164.

³ Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. СПб.; Киев. 1907. С. 170.

⁴ Там же. С. 171.

⁵ Там же. С. 171, 172.

⁶ Дьяконов М. Очерки общественного и государственного строя древней Руси. СПб., 1912. С. 439.

⁷ Там же. С. 441.

дикальный характер. Статью 98 царского Судебника 1550 года М.Н.Покровский именoval «феодальной конституцией середины XVI в.». ¹ Главный смысл ее заключался в том, что «московский великий князь, только что ставший царем, не мог издавать никаких законов без согласия боярской думы». М.Н.Покровский, подобно Н.А.Рожкову, в статье 98 видел «высший момент торжества феодальной знати». ²

Когда в конце 30-х гг. XX века историческая концепция М.Н.Покровского была низвергнута с научного пьедестала, подверглись критике и эти его представления о Боярской Думе середины XVI века. К.В.Базилевич, принимавший участие в борьбе против, как тогда выражались, «антиленинских, антиисторических взглядов М.Н.Покровского», писал: «Еще в начале XVI в. Боярская дума не могла помешать великому князю решать важнейшие дела “сам третьей у постели”. Было бы ошибочным рассматривать законодательные функции Боярской думы как ограничение законодательных прав царской власти. Появление ст. 98 Судебника 1550 г. не помешало Ивану IV действовать в ближайшие годы после принятия этого Судебника независимо от боярского приговора в важнейших вопросах внутренней политики». ³

И.И.Смирнов поставил М.Н.Покровского в один ряд с В.О.Ключевским и В.И.Сергеевичем, поскольку все они «единодушны в понимании содержания ст. 98 и оценке ее политического значения как закона, утверждающего господствующую роль Боярской думы, боярства в верховных органах власти». ⁴ Одно из важнейших обстоятельств, препятствующих такому пониманию, И.И.Смирнов усматривал в том, «если ст. 98 Судебника 1550 г. знаменует собой “момент высшего торжества феодальной знати”, то очевидно, что Судебник 1550 г. не может являться антибоярским кодексом, направленным на ограничение роли боярства в управлении и имеющим целью укрепление аппарата власти и управления централизованным государством». ⁵ Более обоснованной И.И.Смирнову показалась точка зрения М.Ф.Владимирского-Буданова и М.А.Дьяконова: «Аргументация, развитая М.Ф.Владимирским-Будановым и М.А.Дьяконовым, с достаточной убедительностью доказывает ошибочность трактовки ст. 98 Судебника 1550 г. как конституционного закона, внесшего коренное изменение в характер государственной власти Русского государства. Основной их вывод, — что ст. 98 говорит об обычном порядке, в каком происходило издание новых законов в Русском государстве, — является совершенно верным и должен быть принят». ⁶ И.И.Смирнова, правда, не удовлетворила позитивная часть построений М.Ф.Владимирского-Бу-

¹ Покровский М.Н. Русская история с древнейших времен. Т. I. Приложение. М., 1933. С. 231.

² Там же. С. 232.

³ Базилевич К. «Торговый капитализм» и генезис московского самодержавия в работах М.Н.Покровского // Против исторической концепции М.Н.Покровского. Сб. статей. Ч. I. М.; Л., 1939. С. 157.

⁴ Смирнов И.И. Очерки... С. 386.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 387.

данова и М.А.Дьяконова.¹ Что предложил он взамен? Историк говорит: «Боярская дума во второй половине XVI в. представляла собой одно из звеньев в государственном аппарате Русского централизованного государства, и хотя аристократический состав думы давал ей возможность занимать позицию защиты княжеско-боярских интересов, но как учреждение дума являлась царской думой, собранием советников царя, к выяснению мнений которых по тем или иным вопросам обращался царь, когда он считал это нужным. Поэтому видеть в обсуждении закона в Боярской думе нечто похожее на обсуждение закона в парламенте – значит совершенно произвольно переносить на Боярскую думу Русского самодержавного государства черты законодательных учреждений конституционного государства. По тем же самым основаниям нельзя видеть в обсуждении законов в Боярской думе ограничения царской власти».² Что касается ст. 98 Судебника 1550 года, то она «не дает никаких оснований для вывода об ограничении Судебником власти царя. Подобная интерпретация ст. 98 не имеет под собой объективных данных и историографически может быть лишь истолкована как одно из выражений либеральной идеологии историков направления В.О.Ключевского».³

Приступая к комментированию ст. 98 Судебника 1550 года, Б.А.Романов замечал: «Эта статья, смысл которой с первого взгляда представляется совершенно ясным, породила, однако, целый историографический спор, взявший у его участников много труда на дополнительные далеко идущие исследования».⁴ Б.А.Романов полагал, что повод к данному спору подала «писательская манера составителя Судебника»,⁵ которая прежде всего отразилась в формуле «с государева докладу и со всех бояр приговору». Исследователь не исключал в будущем возможности установления в этой «литой формулировке» некой толики словотворчества составителя. Подобные признания свидетельствуют, на наш взгляд, о том, что Б.А.Романов, понимал определенное несоответствие содержания упомянутой формулы ст. 98 тому ее истолкованию в историографии, с которым ему пришлось согласиться. А согласился он с толкованием И.И.Смирнова, чье исследование, как ему казалось, «ликвидирует спор, возникший вокруг ст. 98 по вопросу, к которому она сама по себе никакого отношения не имеет, и отвечает именно на тот вопрос, который поставлен в ст. 98 самим ее автором».⁶ Б.А.Романов несколько поспе-

¹ Там же.

² Там же. С.397–398.

³ Там же. С. 398. См. также: *Смирнов И.И.* Судебник 1550 г. // Исторические записки. Т. 24. М., 1947.

⁴ *Романов Б.А.* Комментарий // Судебники XV–XVI веков. С. 334.

⁵ Там же. С. 335.

⁶ Там же. С. 337. Несколько иначе оценивал результаты исследования И.И. Смирнова историк русского права Г.Б.Гальперин, заявлявший, будто из его схемы «совершенно выпала боярская дума как орган, осуществляющий совместно с царем законодательные функции в стране. Все законодательные памятники свидетельствуют, что в большинстве случаев государь законодательствует вместе с боярами». – *Гальперин Г.Б.* Форма правления Русского централизованного государства XV–XVI вв. Л., 1964. С. 45.

шил с заявлением о том, будто исследование И.И.Смирнова положило конец спору по поводу ст. 98 царского Судебника 1550 года.

Точно такую же поспешность проявил и В.М.Панеях, когда утверждал, будто «исследованиями И.И.Смирнова и Б.А.Романова спор (по ст. 98 Судебника. – *И. Ф.*) можно считать исчерпанным: участие бояр в законодательном процессе не дает оснований “говорить о дуализме законодательных органов Русского государства”, а только о том, что к собранию советников царь обращался для выяснения их мнения “по тем или другим вопросам <...>, когда <...> считал это нужным”». ¹ Согласно В.М.Панеяху, «думные чины, участвовавшие в подготовке законов, не могли ограничить и не ограничивали самодержавную власть царя». ² По словам В.М.Панеяха, ст. 98, «интерпретация которой стала предметом многолетних дискуссий, не внесла принципиальных изменений, а только кодифицировала сложившуюся практику...». ³

Вопреки заявлениям В.М.Панеяха, историографическое направление, восходящее к В.О.Ключевскому и В.И.Сергеевичу, продолжало развиваться. С.В.Бахрушин в книге об Иване Грозном, опубликованной в 1942 году и переизданной в 1945 году, замечал, что Избранная Рада, внушавшая Ивану IV чувство послушания своим мудрым советникам, «внесла даже в “Судебник” особую статью, согласно которой все добавления к нему делаются царем лишь “по приговору всех бояр”, т.е. Боярской думы». ⁴ В связи с этим законодательством Избранной Рады С.В.Бахрушин говорит о «боярской теории двоевластия царя и его советников». ⁵

А.Г.Поляк в историко-правовом обзоре к Судебнику 1550 года, изданному в серии «Памятники русского права», писал: «Судебник вводит постановление об издании законов “с государева доклада и всех бояр приговору”, то есть указывает на необходимость санкционирования закона представителями господствующего класса», а также «на необходимость участия в выработке закона представителей господствующего класса». ⁶ «Большинство новых законов, – говорит А.Г.Поляк, – принималось царем совместно с боярской думой. Это показывает, что хотя норма ст. 98 о совместном законодательствовании царя и боярской думы и не была безусловно обязательной для царя, но весьма возможно, что у составителей Судебника было стремление сделать ее таковой». ⁷

А.А.Зимин в соответствии со своей концепцией политики компромисса Избранной Рады замечал: «Чрезвычайно интересна статья 98 Судебника, устанавливавшая, что законы должны были приниматься (“вершатца”)

¹ Власть и реформы... С. 62.

² Там же.

³ Там же. С. 61.

⁴ Бахрушин С.В. Научные труды. Т. II. С. 292.

⁵ Там же. С. 293.

⁶ Памятники русского права. Вып. IV. Под редакцией проф. Л.В.Черепнина. М., 1956. С. 340.

⁷ Там же. С. 339.

“с государева доклада и со всех бояр приговору”. Двойственная природа Судебника в этой формуле отразилась как нельзя лучше: дела должны были сначала докладываться государю, после чего принимался приговор при участии Боярской думы. Судебник и в этой заключительной статье отражает компромисс между растущим дворянством, сторонником укрепления царского самодержавия, и феодальной знатью, цеплявшейся за права и привилегии Боярской думы».¹

Позднейшие комментаторы подчеркивают новизну ст. 98 Судебника. Так, С.И.Штамм пишет: «Впервые в истории русского законодательства определяется порядок издания и опубликования новых законов. При отсутствии в законе указания на порядок решения того или иного дела оно вершится вышестоящей инстанцией – Боярской Думой. Такой прецедент становится по существу новой законодательной нормой».²

Очень важной и необычной представлялась ст. 98 А.Г.Кузьмину: «Поистине историческое значение имеет статья 98 Судебника, уникальная во всем российском законодательстве. Статья предусматривает, что “которые будут дела новые, а в сем Судебнике не написаны, и как те дела с государева доклада и со всех бояр приговору вершатца, и те дела в сем Судебнике приписывати”, смысл этой статьи позднее прокомментировал сам Иван Грозный, заодно разрешив спор историков: выполняли ли советники его поручения, или он озвучивал подготовленные ими тексты».³ Всем ходом своих рассуждений А.Г. Кузьмин склоняется к последнему варианту, принимая, таким образом, точку зрения В.О.Ключевского, В.И.Сергеевича и Н.А.Рожкова.

А.Л.Янов в статье 98 Судебника Ивана IV обнаружил «попытку Правительства компромисса ограничить в 1550-е годы власть царя».⁴ Историк рассматривает ее как «конституционное ограничение» царской власти, возрождая в некотором роде идеи М.Н.Покровского.

Свои соображения насчет статьи 98 Судебника 1550 года высказала А.Л.Хорошкевич. По ее мнению, «статья 98 закрепила верховную власть Думы: впредь законы и установления должны были приниматься, а дела “вершитца” “з государева доклада и со всех бояр приговору”. Избранная рада этой статьей судебника достойно увенчала свою деятельность, несколько изменив роли царя и Думы».⁵ Судебник, утверждает А.Л.Хорошкевич, «отводил царю лишь совещательную роль».⁶ Более того, в Судебнике, по словам А.Л.Хорошкевич, «предусматривалась возможность “приговора” одних толь-

¹ Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного... С. 365.

² Российское законодательство X–XX веков: В 9 томах. Т. II. М., 1985. С. 170.

³ Кузьмин А.Г. 1) Адашев и Сильвестр. С. 135; 2) История России с древнейших времен до 1618 г. В двух книгах. Кн. II. М., 2003. С. 240.

⁴ Янов А.Л. Россия: У истоков трагедии. 1462–1584. Заметки о природе и происхождении русской государственности. М., 2001. С. 500.

⁵ Хорошкевич А.Л. 1) Царский титул Ивана IV... С. 31; 2) Россия в системе международных отношений середины XVI века. С. 89.

⁶ Хорошкевич А.Л. 1) Царский титул Ивана IV... С. 31; 2) Россия в системе международных отношений середины XVI века. С. 89.

ко бояр. В случае вызова на суд наместника, боярина или сына боярского “запись велят дати бояре, приговоря вместе” (ст. 75). Видимо “заслуга” в подобном изменении баланса внутривластных сил принадлежала ближайшим сподвижникам царя – членам Избранной рады – А.Ф.Адашеву и дьяку И.М.Висковатому.¹ Согласно Судебнику 1550 года, полагает А.Л.Хорошкевич, «изменилось соотношение сил царя и бояр».² Она подчеркивает, что в толковании ст. 98 Судебника солидаризуется с мнением В.О.Ключевского, В.И.Сергеевича и М.Н.Покровского.³

Таковы суждения отечественных историков о статье 98 царского Судебника 1550 года. Длительные расхождения и споры в исторической литературе по данному вопросу свидетельствуют о его сложности, порожденной неоднозначностью сведений, содержащихся в источнике. Поэтому здесь могут быть только догадки, более или менее обоснованные, различающиеся большей или меньшей степенью убедительности. Для нас наиболее вероятной является версия В.И.Сергеевича. Почему? По ряду обстоятельств.

Необходимо сразу же отметить: статья 98 – новая,⁴ отсутствующая в великокняжеском Судебнике 1497 года. Это, по-видимому, означает, что появление ее в законодательном кодексе (Судебнике 1550 года) обусловлено историческими реалиями, приобретшими особую общественную значимость и политическую актуальность между 1497–1550 годами, т.е. между временем издания великокняжеского и царского Судебников. К разряду этих реалий в первую очередь следует отнести самодержавную власть московских государей, сложившуюся фактически и юридически в сравнительно короткий срок (конец XV – середина XVI в.). Отношениям нового института самодержавной власти с традиционным властным учреждением, олицетворяемым Боярской Думой, и посвящена статья 98 Судебника 1550 года. Поэтому едва ли правильным является утверждение, будто данная статья «не внесла принципиальных изменений, а только кодифицировала сложившуюся практику».⁵ Вернее было бы сказать, что она и «внесла» и «кодифицировала». Однако новации в ней – все-таки главное.

Ст. 98 представляла собой попытку законодательно оформить отношения самодержца с Боярской Думой в сфере правотворчества, определить их роль и место в законотворчестве. Нетрудно догадаться, какие «преференции» должна была получить Дума, если учесть, что составление Судебника 1550 года совпало со временем могущества Сильвестра, Адашева и возглавляемой ими Избранной Радой. Как и следовало ожидать, в статье 98 реформаторы попытались ограничить самодержавную власть в пользу Думы. И здесь В.И.Сергеевич, на наш взгляд, прав. Ведь что означает обязательное

¹ Хорошкевич А.Л. 1) Царский титул Ивана IV... С. 31–32; 2) Россия в системе международных отношений середины XVI века. С. 89–90.

² Хорошкевич А.Л. Царский титул Ивана IV... С. 31.

³ Хорошкевич А.Л. 1) Царский титул Ивана IV... С. 41 (прим. 61); 2) Россия в системе международных отношений середины XVI века. С. 89 (прим. 122).

⁴ Романов Б.А. Комментарий. С. 334.

⁵ Власть и реформы... С. 61.

участие Боярской Думы в законодательстве наряду с государем, участие, которое самодержец не в силах отменить? Это означает отсутствие полноты самодержавной власти, ее разделение между Боярской Думой и царем, утратившим право править государством самостоятельно, ни на кого не оглядываясь. Здесь тот самый случай, о котором Иван Грозный говорил: «Како же и самодержец наречется, аще не сам строит?». Но это еще не все.

Статья 98 сформулирована так, что допускает возможность двойственного толкования содержащегося в ней текста, т.е. составлена таким образом, что включает в себе некоторую двусмысленность, выгодную Боярской Думе, но не государю. Видимо, Б.А.Романов имел в виду данную особенность ст. 98, когда говорил о словотворчестве составителя Судебника 1550 года. Трудно, однако, поверить, что тот внес в Судебник пусть даже «некую толику» личного творчества или в неудачных выражениях записал текст интересующей нас сейчас статьи. Это полностью исключено, поскольку запись законов осуществляли высокочеловеческие, вышколенные специалисты. Статья 98, надо полагать, задумывалась именно в том виде, в каком записана в Судебнике 1550 года. И тут, конечно, центральной является формула *с государева доклада и со всех бояр приговору*. Может показаться, что смысл названной формулы прост и ясен. Но это только кажется.

Обычно за словосочетанием *с государева доклада* исследователи видят доклад государю по тому или иному делу, требующему законодательного приговора Боярской Думы. Так, А.А.Зимин в качестве иллюстрации подобной практики привел доклад князя И.А.Булгакова царю о татевных делах: «Лета 7064-го (1555) ноября в 26 день докладывал царя государя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси боярин князь Иван Андреевич Булгаков... И ноября в 28 день сего доклада царь государь князь великий Иван Васильевич всеа Руси слушав, и велел указ учинити».¹ Но языковое построение фразы *с государева доклада и со всех бояр приговору* *вершется* позволяет сделать два, по крайней мере, предположения. Первое предположение заключается в том, что за этой фразой скрывалось единое действие, не разорванное во времени и состоящее из двух актов – государева доклада и приговора всех бояр. Второе предположение касается формулы *с государева доклада* и состоит в толковании этой формулы не как *доклада государю*, а как *доклада государя*. Если последнее предположение верно, то получается, что статья 98, устанавливая порядок дополнения Судебника 1550 года новыми законами, предусматривает совместное заседание царя и Боярской Думы, на котором государь (или кто-нибудь из приказных людей от его имени) произносит доклад по вопросу об издании нового закона, а Дума своим *приговором* утверждает его, и затем производится соответствующая дополнительная запись в Судебнике.

Чтобы понять подлинный смысл законодательной процедуры, вводимой ст. 98 Судебника 1550 года, надо вспомнить значение термина *доклад*, принятое в то время. В академическом Словаре русского языка XI–XVII вв. при-

¹ Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного... С. 365 (прим. 1); Памятники русского права. Вып. IV. С. 360, 361.

ведены три значения слова *доклад*: 1) Изложение дела вышестоящему лицу для решения; 2) Разбирательство судебного дела в вышестоящей инстанции; 3) Официальное утверждение (сделки, акта, документа).¹ Как видим, термин доклад предполагал обращение докладчика к вышестоящей инстанции. Получается, таким образом, что в статье 98 Судебника царь был поставлен ниже Боярской Думы, которая, являясь теперь высшим органом власти, принимала окончательное решение «с государева доклада» в важнейшей и определяющей области государственной жизни – законодательстве. Спрашивается, как могло такое случиться? Как удалось вписать в Судебник положение, производящее переворот во властных структурах Русского государства? Удалось все это благодаря огромному политическому влиянию реформаторов-законотворцев, а также их юридической изобретательности и хитрости. Вступление закона в силу они отнесли на будущее,² что в значительной мере сглаживало остроту «законодательной инициативы», исходящей от них. Аналогичное впечатление должны были произвести используемые в ст. 98 традиционные выражения и формулы. Вместе с тем закон ими был сформулирован так, что давал возможность, как уже отмечалось нами выше, двоякого его толкования. Достигалось это посредством применения привычных понятий, наполняемых новым содержанием. Конечный же результат зависел от реального соотношения сил. Реформаторы круга Сильвестра и Адашева надеялись, судя по всему, на полную узурпацию власти. Но напрасно. Самодержец все-таки удержал власть в своих руках. Поэтому, надо думать, ст. 98 Судебника 1550 года никогда не была приведена в исполнение.³ Характерна, однако, попытка узаконить главенство Боярской Думы в системе власти на Руси середины XVI века, попытка придать Думе статус, схожий со статусом Рады соседнего Великого княжества Литовского, стоящей над королем и обладающей реальной властью.⁴ Для Русского государства, теснимого врагами со всех сторон, такой порядок был не только неприемлем, но и губителен, поскольку разрушал общественную дисциплину и ответственность, особенно в высшем сословии княжеско-боярской знати, в силу исторических обстоятельств поставленной в положение правящей элиты страны. Это хорошо видно на примере поведения князя Андрея Курбского в Литве, куда он бежал, изменив своему природному государю. Оно характеризует амбиции и замашки русской знати, которую пришлось вразумлять Ивану Грозному.

Будучи в Литве, Курбский отличался властолюбием и непокорством королю. Так, получив королевский приказ, повелевающий ему дать удовлетворение одному тамошнему магнату за разбой и грабеж своих крестьян в Смедыне, он в присутствии свидетелей вызываяще ответил: «Я-де у кгрунт Смедынский уступоватися не кажу; але своего кгрунту, который маю з'лас-

¹ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 4. М., 1977. С. 290.

² См.: *Сергеевич В.И.* Русские юридические древности. Т. II. С. 369.

³ Там же.

⁴ См.: *Бычкова М.Е.* Русское государство и Великое княжество Литовское с конца XV в. до 1569 г. Опыт сравнительно-исторического изучения политического строя. М., 1996. С. 31–39.

ки Божое господарское, боронити велю. А естли ся будут Смедынцы у кгрунт мой Вижовский вступовать, в тые острова, которые Смедынцы своими быть менят, тогда кажу имать их и вешать».¹

Суд и расправу Курбский и его люди творили самовольно. Случилось так, что урядник нашего князя Иван Калымет по жалобе крещеного еврея Лаврина на бегство его должника Агрона Натановича велел схватить жену бежавшего и двух за него поручителей, Юска Шмойловича и Авраама Яковича, посадить в яму с водой, кишашую пиявками, а дома их и лавки опечатать. Соплеменники бросились спасать своих, обратившись к местному подстаросте с просьбой послать к Калымету и потребовать от него ответа, по какой причине он, в нарушение прав и вольностей, дарованных королем, велел схватить ни в чем неповинных евреев и посадить их в жестокое заключение. И вот поветовый возный, окруженный выборными людьми, приехал в Ковель к замку князя, но уперся в закрытые ворота. Привратник объявил прибывшим, что «пан Калымет вас в замок пустити не казал». Долго стоял представитель власти у замковых ворот. Он слышал несущиеся из-за стены вопли несчастных, посаженных в жуткую яму. «Терпим везенье и мордованье окрутное бесправне и безвинне», – кричали те. Наконец, Калымет соблаговолил выйти. Его спросили: «За что поймал и посадил в заключение евреев ковельских?». «За поручительство по Агрону Натановичу», – невозмутимо ответил княжеский урядник и внушительно добавил: «Чи невольню подданных своих не тылько везеньем, або чим иншим, але и горлом карати? А я што чиню, теды за росказаньем пана моего, его милости князя Курбского: бо пан мой, князь Курбский, маючи тое именье Ковельское и подданных в моцы своей, волен карати, як хочет. А король его милость и ништо инший до того ничего не мает. А иж ся Жидове королем оzywають, нехай же их король оборонит; а я их з'везенья не пуцу, ниж пять сот коп грошей Лавринови». Так безрезультатно окончились первые хлопоты о заключенных.

На следующий день приехал в Ковель по своим делам урядник Каширский. Сердце сжалось у него, когда он увидел страдальцев в яме. Урядник просил Калымета о милосердии. И тот, казалось, сжалился. «Он за просьбою нашою, – доносил потом сострадатель, – их при нас выпустил, которых мы видели есмо кровавых, што п'явки смоктали (сосали)». Но едва каширский урядник уехал, люди вновь оказались по приказу Калымета в яме. Дошло дело до короля, который выдал декрет об освобождении арестованных. Но Калымет проигнорировал королевский декрет. Тогда его специальным королевским мандатом вызвали в суд. Он мандат не взял, велел прочитать документ перед собой, а затем сказал нарочному: «Для чого до мене мандат носишь королевский? Бо я королю не служу, служу я князю, пану своєму». Лишь через полтора месяца Курбский по ходатайству великого канцлера коронного и пана великого маршалка распорядился освободить невинных евреев и отпечатать их дворы и лавки.²

¹ Сказания Князя Курбского. СПб., 1868. С. XVIII.

² Там же. С. XVIII–XX.

Эти и другие эпизоды жизни Курбского,¹ именуемого некоторыми новейшими историками «князем-диссидентом», «первым русским диссидентом»,² показывают, о каком «правовом обществе» мечтали его сподвижники на Руси, утверждению какого «правового порядка» способствовала ст. 98 Судебника 1550 года. Понимали ли это соратники Грозного? Данный вопрос обращает нас к одному безымянному посланию, адресованному царю Ивану.

* * *

Анонимное «Послание царю Ивану Васильевичу», дошедшее до нас в так называемом Сильвестровском сборнике (т.е. в книге, принадлежавшей предположительно некогда попу Сильвестру), вызывает у исследователей большие затруднения как по части установления автора этого сочинения, так и относительно времени его написания. Высказывались мнения о принадлежности Послания перу митрополита Даниила,³ епископа Вассиана Топоркова,⁴ старца Артемия,⁵ митрополита Макария,⁶ попа Сильвестра⁷ и, наконец, либо митрополита Макария, либо попа Сильвестра.⁸ Нет уверенности и в том, когда было составлено Послание царю Ивану Васильевичу: одни исследователи этого письма называют 1547 год,⁹ другие – 1550 (1551) год¹⁰

¹ См.: Там же. С. XX–XXI.

² *Филошкин А.И.* История одной мистификации... С. 215, 227.

³ См., напр.: *Карамзин Н.М.* История Государства Российского. Кн. II. Примечания к тому VIII. М., 1989, Стб. 16 (прим. 80); *Николаевский П.Ф.* Русская проповедь в XV и в XVI вв. // ЖМНПросв., 1868, февраль.

⁴ *Барсов Н.И.* К вопросу об авторе «Послания к царю Ивану Васильевичу» Сильвестровского сборника С.-Петербургской Духовной академии // Сб. Археологического ин-та. Кн. IV. СПб., 1880. С. 90–130.

⁵ *Кононов Н.* Разбор некоторых вопросов, касающихся Стоглава // Богословский вестник. 1904, апрель. С. 674–677.

⁶ *Смирнов И.И.* Очерки... С. 238; *Шапошник В.В.* Церковно-государственные отношения в России в 30–80-е годы XVI века. С. 127.

⁷ *Голохвастов Д.П.* и *Леонид.* Благовещенский поп Сильвестр... С. 13–14; *Жмакин В.* Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881. С. 272–273; *Жданов И.Н.* Сочинения. Т. I. СПб., 1904. С. 193–197; *Будовниц И.У.* Русская публицистика XVI века. С. 198; *Зимин А.А.* И.С. Пересветов и его современники; *Альшиц Д.Н.* 1) Начало самодержавия в России... С. 64–68; 2) Публицистические выступления Сильвестра в эпоху реформ «Избранной Рады» // ТОДРЛ. Т. 42. Л., 1989. С. 94–103; 3) Иван Грозный: известный и неизвестный. От легенд к фактам. СПб., 2005. С. 44–51; *Флорья Б. Н.* Иван Грозный. С. 103, 104; *Филошкин А.И.* История одной мистификации... С. 318.

⁸ *Макарий.* История русской церкви. Т. VII. СПб., 1891. С. 346.

⁹ *Голохвастов Д.П.* и *Леонид.* Благовещенский иерей Сильвестр... С. 13–12, 64; *Смирнов И.И.* Очерки... С. 237–238; *Альшиц Д.Н.* Публицистические выступления Сильвестра... С. 95, 100, 101.

¹⁰ *Жданов И.Н.* Сочинения. Т. I. С. 194–201; *Зимин А.А.* И.С. Пересветов и его современники... С. 53; *Моисеева Г.Н.* Валаамская беседа – памятник русской публицистики середины XVI века. М.; Л., 1958. С. 12.

или год 1552,¹ а третьи относят его составление к временам Опричнины.² Материя, как видим, темная. Впрочем, количественное сопоставление исследователей, изучавших Послание, показывает, что их большая часть связывает авторство памятника с именем Сильвестра. Но это не означает, что они на сто процентов правы, поскольку научные проблемы не разрешаются посредством голосования. Мнение большинства, насколько известно, не является в науке критерием истины.

Авторская атрибуция, проделанная находящимся в меньшинстве И.И.Смирновым, нам кажется более предпочтительной, несмотря на то, что такой авторитетный ученый, как А.А.Зимин, решительно отверг ее. «Крайне неудачным, — писал он, — является предположение И.И.Смирнова о том, что Послание написано митрополитом Макарием».³ Какие доводы, вызвавшие несогласие А.А.Зимины, привел И.И.Смирнов в пользу своего предположения? Он пишет: «Против авторства Сильвестра прежде всего говорит то, что мало вероятным является, чтобы Сильвестр, претендовавший (вместе с Алексеем Адашевым) на роль ближайшего советника царя, мог главный огонь в послании царю направить именно против “советников” из числа “ближних людей”, причем даже без противопоставления, скажем, неразумным советникам советников “мудрых”, “добрых” и т.п. Второе соображение, говорящее против того, что автором послания царю был Сильвестр, является тон послания, резко контрастирующий своей авторитарностью и независимостью в обращениях к царю тем риторическим формам, которые употребляет Сильвестр, например, в послании кн. Горбатову-Шуйскому (“Благовещенский поп, последняя нищета, грешный, неключимый, непотребный раб Сильвестришко” и т.д.)».⁴ А.А.Зимин, возражая И.И.Смирнову, утверждал: «Прежде всего не убедительны доводы этого исследователя против авторства Сильвестра, который, во-первых, не мог выступать против советников царя, поскольку сам принадлежал к ним, а во-вторых, не мог писать царю в столь авторитарной форме, тогда как его Послание боярину А.В.Горбатову составлено в более мягких тонах. Однако Сильвестр осуждал отнюдь не всех, а только лживых советников (осифлян), как позднее делал кн. Андрей Курбский, восхвалявший советников мудрых. Независимый тон вполне соответствует всем тем сведениям об отношениях Сильвестра к царю, которые нам сообщают источники (Послания Грозного, Курбский и др.)».⁵

Надо сказать, что идеи И.И.Смирнова ослабил, как ни странно, не столько А.А.Зимин своими возражениями, сколько сам И.И.Смирнов собственными рассуждениями насчет датировки Послания. Разойдясь с И.Н.Ждановым, относившим составление Послания к 1550 году, он заявляет: «Если исхо-

¹ Шапошник В.В. Церковно-государственные отношения... С. 127.

² Барсов Н.И. К вопросу об авторе... С. 90–130; Бычков А.Ф. Описание церковно-славянских и русских рукописных сборников Публичной библиотеки. Ч. I. СПб., 1882. С. 57–58.

³ Зимин А.А. И.С.Пересветов и его современники... С. 52.

⁴ Смирнов И.И. Очерки... С. 238.

⁵ Зимин А.А. И.С.Пересветов и его современники... С. 52.

дить из предложенной И.Н.Ждановым датировки времени написания послания царю 1550 г., т.е. временем, непосредственно предшествующим созыву Стоглавого собора, то в этом случае в неразумных советниках следовало бы видеть новых руководителей правительства Ивана IV. Но такая интерпретация темы о «советниках» исключается как потому, что новые советники царя не могли нести ответственности за события 1547 г., так и по общей политической направленности послания, идеологической основой которого являлась защита самодержавной власти царя, т.е. обоснование той самой политики, которая нашла свое выражение в реформах, проводившихся после ликвидации боярского правления новым правительством. Однако тема о неразумных советниках приобретает совершенно новый смысл, если отказаться от датировки послания царю кануном созыва Стоглавого собора, а датировать его временем непосредственно после «великих пожаров» и июньского восстания 1547 г. В этом случае «неразумными советниками» оказываются те, кто являлись «ближними людьми» накануне июньских событий 1547 г., т.е. Глинские и их окружение, а призыв к царю порвать с неразумными советниками приобретает характер требования довести до конца борьбу за ликвидацию боярского правления. В пользу такого понимания послания царю можно дополнительно сослаться на следующее место послания. Указав на то, что в числе «казней», посланных на Русскую землю богом, было «пленение» «погаными» (т.е. татарами) русских людей, автор продолжает: «А оставльшихся сильнии сами своих плениша и поругаша, и всякими насилии, лукавыми коварствы мучиша». В этих «сильных», занимавшихся насилиями и мучениями «своих», т.е. русских же людей, нетрудно угадать княжат и бояр, стоявших у власти в годы боярского правления».¹

Построения И.И.Смирнова обнаруживают, на наш взгляд, ряд фактических и хронологических неточностей. Что бы историк ни говорил о «советниках»,² он все же должен признать, что «проблема советников», ставшая предметом оживленного обсуждения в русской публицистике, возникла в середине XVI века в связи с деятельностью Сильвестра, Адашева и руководимой ими Избранной Радой, объединенных в неформальную группу, плотным кольцом окружившую царский трон. Это с полной ясностью вытекает из сочинений Ивана Грозного и Андрея Курбского. Следовательно, политическую остроту, порожденную борьбой за власть, данная проблема приобрела не «после ликвидации боярского правления», в частности падения Глинских и их окружения, как считает И.И.Смирнов,³ а по мере нарастания противоречий между царем Иваном и Избранной Радой во главе с Адашевым и Сильвестром, стремившимся к ограничению самодержавной власти. И.И.Смирнов, по нашему мнению, ошибается, утверждая, будто идеологической основой Послания, защищавшего «самодержавную власть царя», являлось «обосно-

¹ Смирнов И.И. Очерки... С. 237–238.

² См. также: Алышев Д.Н. Публицистические выступления Сильвестра... С. 95, 103.

³ Смирнов И.И. Очерки... С. 236, 238. Глинские и их окружение были разгромлены в результате июньского восстания и выведены из политической игры.

вание той самой политики, которая нашла свое выражение в реформах, проводившихся после ликвидации боярского правления новым правительством».¹ В основе этой ошибки И.И.Смирнова лежит, как нам кажется, убеждение исследователя в том, что «самодержавие московских государей представляло собой формулу, выражавшую сущность нового типа государственной власти, закономерно связанного со складывающимся централизованным государством».² На наш взгляд, между утверждением самодержавной власти и государственной централизацией не было жесткой взаимозависимости. Развитие централизованного государства отнюдь не всегда предполагало самодержавную форму правления. Наглядным примером здесь служит политика Избранной Рады, направленная на формирование централизованного государства,³ с одной стороны, и на ограничение самодержавия в пользу расширения прав сословий – с другой.

Однако вследствие того, что к началу деятельности Избранной Рады самодержавие на Руси уже сложилось и фактически и юридически, причем с богатым опытом построения централизованного государства, между самодержцем и вождями Рады, Сильвестром и Адашевым, возник острейший конфликт, разрешившийся падением временщиков. Но это случится позже, а в самом начале 50-х годов XVI века было еще неизвестно, кто пересилит: царь Иван или Сильвестр с Адашевым. Понятно, почему деятельность советников, обступивших государя после свержения Глинских, вызывает у автора Послания к царю Ивану Васильевичу тревогу за судьбу русского «самодержавства». И он счел необходимым напомнить о божественной природе власти Ивана IV, который, будучи «Богом утвержден», есть «Царь Великий, Самодержец Христианстей области, скипетры царствия великаго державу по закону прием крестною силою Царя Царем и Господа Господем».⁴ Иван «в православной своей области Богом поставлен и верою утвержден, и огражен святостию, глава всем людем своим, и Государь своему царствию, и наставник крепок людем своим, и учитель, и ходатай к Богу, и тепл представитель...».⁵

Факт такого прославления царя, которое И.И.Смирнов правильно понимает в смысле защиты самодержавной власти, весьма и весьма симптоматичен. Перед нами, несомненно, реакция на попытки ограничения этой власти царскими «ближними людьми», подающими государю «чужие» и «неразумные» советы. Причем это – не осуждение «плохих советников», противопоставляемых «хорошим советникам», как можно подумать, следуя за А.А.Зиминим,⁶ а резко отрицательная оценка деятельности лиц, окружавших царя Ивана на тот момент, когда составлялось письменное обращение к нему. «И

¹ Там же. С. 237.

² Там же. С. 118.

³ См.: Бахрушин С.В. Научные труды. Т. II. С. 348; Граля И. Иван Михайлов Висковатый... С. 92.

⁴ Голохвастов Д.П. и Леонид. Благовещенский иерей Сильвестр... С. 69.

⁵ Там же. С. 82.

⁶ См.: Зимин А.А. И.С.Пересветов и его современники... С. 52.

тебе, Великому Государю, – резонно спрашивает автор Послания, – которая похвала в таковых чюжих мерзостех? В гнилых советах неразумных людей, раб своих, сам себе хоцещи обесчестити перед враги своими». ¹ Эта реакция составителя письма к Ивану IV на попытки ограничения самодержавной власти государя его «советниками» имеет, по нашему убеждению, явные атрибутивные признаки как хронологического, так и авторского свойства. По времени она ведет к годам правления временщиков Сильвестра и Адашева, покушавшихся на самодержавие царя Ивана. Глинские здесь, вопреки доводам И.И.Смирнова, отпадают, поскольку они, будучи наряду с митрополитом Макарием инициаторами венчания Ивана IV на царство, являлись сторонниками укрепления самодержавной власти, сулившей им как родичам государя несомненные выгоды. А вот что касается авторства Послания к царю Ивану Васильевичу, то И.И.Смирнов прав: автором Послания был митрополит Макарий. Зря только историк датировал написание Послания 1547 годом, мотивируя эту датировку тем, что новые советники царя, возглавляемые Сильвестром и Адашевым «не могли нести ответственности за события 1547 г.». ² Неизвестно, из чего И.И.Смирнов заключил о том, будто автор Послания возлагает на кого-то «ответственность за события 1547 г.». Он вспоминает об этих и других событиях как о наказании Господнем за грехи: «Какии казни и всякия наказания Господь наведе, грех ради наших...». ³ Точно так же вспоминали о них и при иных обстоятельствах, к примеру, на Стоглавом соборе в речи царя Ивана. ⁴ Совершенно очевиден назидательный характер такого рода воспоминаний.

Надо заметить, что автор Послания не ограничивается перечнем «казней» и «наказаний» за грехи, содеянные в недавнем прошлом. Он рисует картину самых что ни на есть последних грехопадений русских людей: «Возста убо в нас ненависть, и гордость, и вражда, и маловерие к Богу, и лихоимство, и грабление, и насилие, и лжа, и клевета, и лукавое умышление на всяко зло, паче же всего блуд и любодеяние, и прелюбодеяние, и Содомский грех, и всякая скверна и нечистота. Преступихом заповедь Божию, возненавидихом, по созданию Божию, свой образ, и строимся женскою подобою, на прелесть блудником, главу и браду и усе бреем, ни по чему не обрящемся крестьяне: ни по образу, ни по одеянию, ни по делом, кленемся именем Божиим во лжу, к церквам Божиим не на молитву сходимся... несть на нас истинного крестного знамения, по существу, персты управити по чину, вообразити Господне древо и животворящий крест, и Троица: Отца, и Сына, и Святаго Духа, и показати божество и человечество, и крещение, покаяние, Ердань, и Спас, и Предтеча, и вся сия святолепно в руце устроив, назnamenовати крест Христов: первее на челе, потом на персех, на сердци, таж на правую плещу и на левую, ино, по существу крест воображен, телу на здравие, а

¹ Голохвастов Д.П. и Леонид. Благовещенский иерей Сильвестр... С. 80.

² Смирнов И.И. Очерки... С. 237.

³ Голохвастов Д.П. и Леонид. Благовещенский иерей Сильвестр... С. 87.

⁴ См.: Емченко Е.Б. Стоглав. Исследование и текст. М., 2000. С. 246–247.

души на спасение, рукою себя перекрестити, а телом поклонится Господу Богу, а умом молится от всея душа и от всего помышления...».¹ Многие из того, что здесь упомянуто, было весьма злободневно в начале 50-х годов XVI века и потому стало предметом обсуждения и соответствующих постановлений Стоглавого собора 1551 года. Это – и неправый суд, сопряженный с насилием,² и «маловерие к Богу» (еретичество),³ и клятва Божьим именем,⁴ и немолитвенное поведение в церкви,⁵ и бритье головы, бороды и усов,⁶ и ношение одежды иноверцев,⁷ и содомский грех.⁸ В свое время И.Н.Жданов обратил внимание на то, что заключительная часть Послания «представляет большое сходство с некоторыми местами в царских посланиях и вопросах, предложенных на соборе 1551 г.».⁹ Выявляется словесное совпадение наставлений Послания и Стоглава относительно правильного возложения крестного знамени.

Послание

«Первые на челе, потом на персех, на сердци, таже на правую плещу и на левую, ино, по существу крест воображен, телу на здравие, а души на спасение, рукою себя перекрестити, а телом поклонится Господу Богу, а умом молится от всея душа и от всего помышления».¹⁰

Стоглав

«Первое возлагати на чело, также на перси, сиречь на сердце, и потом на правое плече, таже на левое плече – то есть истинное изображение крестного знамени. И потом поклонятися душою и телом, умом и сердцем и всемпомышлением».¹¹

О чем говорят подобного рода текстуальные совпадения? По-видимому, о временной близости составления текстов Послания и Стоглава. Следовательно, соответствующий текст Послания царю Ивану Васильевичу был написан незадолго до 1551 года, т.е. в преддверии работы Стоглавого собора. Данный вывод, полагаем, можно распространить на все Послание в целом.

Помимо формальных хронологических привязок, в Послании имеются довольно выразительные событийные намеки, обозначающие примерное время написания Послания. Рассказав о том, как великий князь Владимир «великое православие, яко на камени, непоколебимо утверди», автор Посла-

¹ Голохвастов Д.П. и Леонид. Благовещенский иерей Сильвестр... С. 86–87.

² См.: Емченко Е.Б. Стоглав... С. 255.

³ Там же. С. 310, 312–313.

⁴ Там же. С. 262.

⁵ Там же. С. 261.

⁶ Там же. С. 262, 302.

⁷ Там же. С. 262.

⁸ Там же. С. 294.

⁹ Жданов И.Н. Сочинения. Т. I. С. 200.

¹⁰ Голохвастов Д.П. и Леонид. Благовещенский иерей Сильвестр... С. 87.

¹¹ Емченко Е.Б. Стоглав... С. 291.

ния говорит: «И ныне малым неким небрежением поколебася, и всяко ослабе и распадеся, велико некое безаконие внезапно восташа, и мнози помрачашася безумием...».¹ Эти «мнози», по его словам, «уклонишася вкупе» и «вооружившеся и возшаташа на Бога, и хотяща им утаити сия».² Они «убо мудрствуют паче, хотяще превратити истину Господню во лжу».³ Составитель Послания не раз вопрошает царя Ивана Васильевича: «И тебе, великому государю, которая похвала: в твоей великой области множество Божиих людей заблудиша? На ком то ся възыщет?»;⁴ «А се тебе, великому государю, которая похвала? В твоей области православных веры толико множество Божиих людей заблудиша, и Господню зданию диявол посмехаетца...».⁵ Он ожидает от царя решительных действий: «И не подобает ли тебе, великому государю, праведную добродетель исполнити, и осквернившееся очистить и заблудившееся на ramo взяти и ко Христу привести...».⁶

В Послании, таким образом, описывается ситуация, характеризующаяся распространением еретических учений («мудрствуют, хотяще превратити истину Господню во лжу») на Руси в середине XVI века. Как и раньше, еретики были организованы в кружки и объединения («уклонишася вкупе»), собиравшиеся тайно («хотяща им утаити сия»). Вскоре, однако, их деятельность выплеснулась наружу, что засвидетельствовал летописец, сообщив под 1553 годом: «Прозябе ересь и явися шатание в людех в неудобных словес о божестве».⁷ Состоялись церковные соборы «на еретики», осудившие отступников и подвергшие их суровому наказанию.

Нельзя сказать, что православные христиане до этого не замечали проявления еретических настроений в обществе. Еще за три года до того (т.е. в 1550 г.) дьяк Иван Висковатый прилюдно обвинял Сильвестра в еретичестве.⁸ И с еретиком Матвеем Башкиным он «брань воздвигл, слыша от него нов хуления глагол на непорочную нашу веру христианскую».⁹ Кстати сказать, о Башкине еще до соборов 1553–1554 гг. ходила «недобрая слава».¹⁰ Следовательно, первые тревоги по поводу вновь явившейся ереси возникли в самом конце 40-х – начале 50-х годов XVI века. А это означает, что Послание к царю Ивану Васильевичу едва ли может быть датировано ранее названного срока. Но его нельзя отнести и к 1553 году, когда вожди еретиков были арестованы и предстали перед соборным судом, нельзя потому, что в Послании содержится призыв очистить скверну и вернуть заблудших на путь истины, что свидетельствует об отсутствии на момент его написания каких-либо серьезных мер со стороны власти против отступников от православия.

¹ Голохвастов Д.П. и Леонид. Благовещенский иерей Сильвестр... С. 72.

² Там же. С. 73.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 82.

⁵ Там же. С. 84.

⁶ Там же. С. 73.

⁷ ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 232.

⁸ См.: ЧОИДР. 1858. Кн. II, отд. III. С. 9–10.

⁹ Там же. С. 12.

¹⁰ См.: ААЭ. Т. I. СПб., 1836. С. 246.

Итак, с учетом сказанного выше правильнее было бы, на наш взгляд, датировать Послание к царю Ивану Васильевичу 1550 годом, т.е. временем незадолго, по всей видимости, перед Стоглавым собором, заседавшим, как считает ряд исследователей, в январе-феврале 1551 года.¹

Эта датировка определяет предполагаемых авторов Послания, сводя их к двум, собственно, лицам – митрополиту Макарию или попу Сильвестру. Свой выбор мы останавливаем на святителе Макарии. Однако прежде чем привести доводы в пользу нашего утверждения, коснемся аргументации исследователей, усматривающих в Сильвестре автора Послания к царю Ивану Васильевичу. Для обоснования своей версии авторства Послания они прибегают к палеографическим и текстологическим наблюдениям.

Еще Н.Коншин, знакомясь с Сильвестровским сборником, где, наряду с Поучением митрополита Фотия и Посланием митрополита Даниила, заключено Послание безымянного автора, писал: «От 358 до 382, на 24-х листах, находится предмет величайшего любопытства для современности, без всякого заглавия и нераскрашенный (отсюда киновари не являются уже до конца книги), прямо из текста, с начала страницы, на обороте 358 листа начинающийся: Послание к Царю Ивану Васильевичу, в коем изложено бедственное растление нравов Двора, и он, угрожаемый Богом-мстителем, умоляется искоренить разврат».² Н.Коншин, исходя из убеждения в принадлежности рукописного сборника Сильвестру, сделал вывод, согласно которому «благовещенский иерей» на оставшихся «белых листах вписывал для себя, собственно свое, не устаивая расцвечивать то краскою, не делая никаких заглавий и не ставя при начале очередной цифры: последняя цифра стоит при последнем Послании Данииловском».³ Но отсутствие киновари не может служить неоспоримым аргументом для вывода об авторской принадлежности Сильвестру нераскрашенного текста рукописи. Это невольно подтвердил Д.Н.Альшиц, добавив к наблюдению Н.Коншина, как он выразился, «еще одно»: «Последняя киноварная заглавная буква поставлена в рукописи за пятнадцать строк до начала послания “Царю Ивану Васильевичу”. И начинается эта буква служебное слово – “Паки”. В послании, начинающемся на

¹ См.: *Стефанович Д.* О Стоглаве. Его происхождение, редакции и состав. СПб., 1909. С. 88–89; *Зимин А.А.* Реформы Ивана Грозного... С. 378; *Носов Н.Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России. Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л., 1969. С. 72; *Шмидт С.О.* 1) Становление российского самодержавства. Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М., 1973. С. 179; 2) У истоков российского абсолютизма. Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М., 1996. С. 202. Полной уверенности в том, что Стоглавый собор заседал именно в указанное время, у нас, разумеется, нет. По этому поводу Л.В.Черепнин однажды заметил: «При бедности источниковедческой базы трудно в достаточной степени убедительно и точно определить исходную и конечную грани деятельности собора». – *Черепнин Л.В.* Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. М., 1978. С. 79.

² *Голохвастов Д.П. и Леонид.* Благовещенский иерей Сильвестр... С. 66.

³ Там же. С. 68.

обороте того же листа обращением “Царю”, заглавная буква “Ц” написана теми же обычными чернилами, что и весь текст. Далее, ни в этом послании, ни в двух других сочинениях, бесспорно принадлежащих Сильвестру, киновари нет. Если бы послание к царю принадлежало митрополиту Макарию, оно, надо полагать, было бы оформлено так же, как послания двух других митрополитов. Поскольку же оно палеографически приравнено к сочинениям владельца сборника Сильвестра, помещенным вслед за ним, — следует заключить, что это послание также принадлежит ему».¹ Надо заметить, что Д.Н.Альшиц не добавляет к наблюдению Н.Коншина «еще одно», а уточняет наблюдение, высказанное предшественником. Н.Коншин, оказалось, допустил неточность, заявив, будто нерасцвеченный текст Сильвестровского сборника начинается непосредственно с Послания царю Ивану Васильевичу, тогда как на самом деле это имеет место за пятнадцать строк до начала данного Послания. Но такой поворот меняет существо дела, во всяком случае, требует объяснения. К сожалению, Д.Н.Альшиц не приводит разъяснений на сей счет, зароняя, таким образом, сомнение относительно справедливости своих палеографических доказательств.

В арсенале сторонников идеи авторства Сильвестра есть некоторые соображения текстологического порядка. Уже Н.Коншин говорил: «В слоге этого Послания (царю Ивану Васильевичу. — *И.Ф.*) я не усомнился: это слог Сильвестра, один и тот же и в Послании к сыну Анфиму, уцелевшему при Домострое, и в Послании к князю Александру Борисовичу, и в последнем, в конце прописанном».² Н.Коншин не конкретизировал эти общие слова сопоставлением текстов названных им сочинений.

Более убедительными, казалось бы, выглядят текстологические построения Д.Н.Альшица, согласно которым «и в послании царю, и в посланиях Сильвестра князьям — Горбатову-Шуйскому и Ростовскому — есть много мест, сходных текстуально. Более того, и автор писем князьям, и автор послания царю опираются на один и тот же источник XV в.».³ Здесь историк имеет в виду «Послание владычне на Угру к великому князю», направленное в 1480 году Ивану III ростовским архиепископом Вассианом Рыло. Следует, однако, заметить, что Послание на Угру ростовского владыки было хорошо известно митрополиту Макарию. Святитель не только знал это Послание, но и пользовался им при написании своих сочинений.⁴ Кроме того, хотелось бы напомнить заключение И.П.Жданова о том, что ни сходство слога Послания к царю Ивану Васильевичу с Посланием благовещенского попа князю Горбатову-Шуйскому, ни помещение подряд этих Посланий в Сильвестровском сборнике «не имеют решающей силы» для утверждения мысли об авторстве Сильвестра.⁵

¹ Альшиц Д.Н. Публицистические выступления Сильвестра... С. 94–95.

² Голохвастов Д.П. и Леонид. Благовещенский перей Сильвестр... С. 67.

³ Альшиц Д.Н. Публицистические выступления Сильвестра... С. 95. См. также: Альшиц Д.Н. Начало самодержавия в России... С. 64.

⁴ См.: Зимин А.А. И.С.Пересветов и его современники... С. 52–53.

⁵ См.: Жданов И.Н. Сочинения. Т. I. С. 199–202.

Как бы там, однако, ни было, но против отождествления Сильвестра с автором Послания царю Ивану Васильевичу можно выставить несколько достаточно серьезных, на наш взгляд, соображений. О чем речь? О стиле Послания.

И.Н.Жданов, склонный видеть в авторе Послания священника Сильвестра, отмечал, что Послание Ивану написано «человеческим, очень близким к царю, очень влиятельным», говорящим «смело, даже фамильярно».¹ «Авторитарность и независимость в обращениях к царю», как уже говорилось, отмечал в Послании И.И.Смирнов.² Этот авторитарный и независимый тон, по справедливому мнению исследователя, резко контрастирует «тем риторическим формам, которые употребляет Сильвестр, например, в послании кн. Горбатову-Шуйскому (“Благовещенский поп, последняя нищета, грешный, неключимый, непотребный раб Сильвестришко” и т.д.)».³ Данное обстоятельство было одним из тех, что убедили И.И.Смирнова в несостоятельности предположения о Сильвестре как авторе Послания царю Ивану Васильевичу. И в этом случае историк, на наш взгляд, был прав. Но он, к сожалению, не развил свое наблюдение и не воспользовался его познавательными возможностями.

Возникает вопрос, мог ли Сильвестр в 1547 году (после июньских событий в Москве), когда он только что приблизился к Ивану IV и вступил в непосредственное с ним общение, писать государю «смело, даже фамильярно», в «авторитарном и независимом тоне»? Вряд ли. Подобная ситуация, по нашему убеждению, исключена полностью. К тому же Сильвестр, насколько известно, сразу же избрал устную проповедь и беседу в качестве главного средства воздействия на царя. Обращаться к Ивану письменно у него не было никакой надобности, поскольку он имел возможность сказать государю при личной их встрече все, что хотел или считал нужным. Впрочем, не в этом главное, а в том, повторяем, что в 1547 году Сильвестр, еще не приобретший власть и силу, не мог писать Послание царю Ивану в стиле, столь не соответствующем своему реальному положению. Но не стало ли невозможное в 1547 году возможным несколько позже, скажем, в 1550–1551 гг., т.е. в то время, когда Сильвестр превратился во всесильного временщика. Так думал, как мы знаем А.А.Зимин, который, датируя Послание к царю Ивану Васильевичу 1550 годом,⁴ полагал, что независимый тон этого Послания «вполне соответствует всем тем сведениям об отношениях Сильвестра к царю, которые нам сообщают источники...».⁵ Этому утверждению А.А.Зимина противоречат данные, характеризующие стиль посланий Сильвестра другим лицам, написанных в период его политического могущества при дворе. Например, в послании А.Б.Горбатову, что уже отмечалось И.И.Смирновым, Сильвестр прибегает к уничижительной лексике, именую собственную персону «непот-

¹ См.: Там же.

² Смирнов И.И. Очерки... С. 238.

³ Там же.

⁴ Зимин А.А. И.С.Пересветов и его современники... С. 53.

⁵ Там же. С. 52.

ребным рабом Селивестришко» и называя себя «последней нищетой, грешным», а свой разум – «скудным» и пр.¹ Утешительное послание неизвестному лицу, написанное предположительно Сильвестром, содержит сходные по характеру выражения: «требующи помощи от моея худости, и яз, грубый, не уразумею, что отвещати тебе».² Обращаясь к митрополиту Макарию и Освященному собору, Сильвестр пишет: «Благовещенский поп Селиверстишко челом бьет».³ Стало быть, если стать на точку зрения А.А.Зими́на, то получится, что Сильвестр в своих письменных обращениях к митрополиту, церковным иерархам и к боярам пользуется заискивающей риторикой, а в послании, адресованном царю, говорит «смело» и «фамильярно», «авторитарно и независимо». Кто – как, а мы не верим в такие чудеса и потому автором Послания к царю Ивану Васильевичу считаем вместе с И.И.Смирновым митрополита Макария.

Другое соображение И.И.Смирнова против авторства Сильвестра, уже приводившееся нами, состоит в том, что вряд ли Сильвестр, претендовавший «на роль ближайшего советника царя, мог главный огонь в послании царю направить именно против “советников”».⁴ А.А.Зимин, возражая И.И.Смирнову, говорит совсем некстати о том, будто «Сильвестр осуждал отнюдь не всех, а только лживых советников (осифлян)».⁵ Во-первых, неизвестно, когда и где Сильвестр осуждал лживых советников – иосифлян. Во-вторых, в конце 40-х – начале 50-х годов XVI века главными советниками царя, вытеснившими остальных советников, были те, кто входил в Избранную Раду. И поэтому выступление против царских советников того времени означало выступление против (и тут И.И.Смирнов прав) Сильвестра, Адашева и других членов Избранной Рады. Приписать такое Сильвестру как автору Послания царю Ивану Васильевичу можно лишь в состоянии чрезмерной, так сказать, ученой агитации.

Куда естественнее видеть за критикой советников Послания царю митрополита Макария, встревоженного политикой новых придворных консультантов, ставших стеной между самодержцем и святителем. С.О.Шмидт полагает, что Сильвестр «похитил у митрополита долю влияния на государя».⁶ Однако вернее было бы сказать, что Сильвестр, перехватив влияние Макария на Ивана IV вскоре после июньских событий в Москве 1547 года, постарался оттеснить его от государя и на некоторое время, кажется, преуспел в этом. Не потому ли митрополит, лишенный непосредственного (один на один) выхода на царя Ивана, вынужден обратиться к нему письменно? Во всяком случае, факт письменного обращения Макария к Ивану примечателен и может быть истолкован так, что митрополит либо не имел тогда возможности получить аудиенцию у государя вообще, либо, добившись встречи с царем,

¹ Голохвастов Д.П. и Леонид. Благовещенский иерей Сильвестр.... С. 88, 100.

² Там же. С. 100.

³ ААЭ. Т. I. С. 246.

⁴ Смирнов И.И. Очерки... С. 238.

⁵ Зимин А.А. И.С.Пересветов и его современники... С. 52.

⁶ Шмидт С.О. Россия Ивана Грозного. С. 241.

окруженным советниками, не мог быть с ним вполне откровенным. Иное дело Сильвестр, пользующийся расположением и полным доверием царя Ивана, «имущий ко Государю дерзновение». Ему незачем было писать пространные послания монарху, поскольку любой вопрос он мог обсудить с ним устно.

Это, конечно, не значит, что митрополит Макарий был полностью отторгнут от власти и потерял какое-либо политическое значение. Отчасти по инерции, отчасти в результате борьбы за власть, обострившейся в то время, он сохранял властные права, хотя и все более ущемляемые набирающей политической вес Избранной Радой во главе с ее «начальниками» Сильвестром и Адашевым. Известно, например, что Иван IV, выступая в декабре 1547 года в Казанский поход, оставил в Москве для управления государственными делами группу бояр во главе с Владимиром Старицким. При этом «о всех своих делах царь и великий князь велел князю Володимеру Андреевичу и своим бояром приходить к Макарию митрополиту».¹ В этой связи Р.Г.Скрынников замечал, что после пожара Москвы влияние Макария «на дела управления заметно усилилось. Отправляясь под Казань в конце 1547 г., Иван поручил брату Владимиру Андреевичу и боярам “ведать” Москву, приказав им со всеми своими делами “приходить к Макарию митрополиту”».² Более предпочтительной нам представляется другая формулировка: после пожара Москвы влияние Макария на дела управления некоторое время еще сохранялось. Ведь то, что повелел царь Иван остающимся в Москве Владимиру Старицкому и боярам, сопоставимо с тем, как государь «по великому пожару» приезжал к митрополиту в Новинский монастырь на думу «со всеми бояры».³ Следовательно, царь, уходя в поход, повелел Владимиру Старицкому и боярам советоваться по вопросам управления с митрополитом, тогда как правила делами они сами в соответствии с принятой ранее практикой. Нельзя, по-видимому, согласиться и с И.И.Смирновым, который истолковал поручение царя в том смысле, будто «Макарий занимал во время отсутствия Ивана IV в Москве положение своего рода наместника – правителя государства, которому были подотчетны во всех делах по управлению государством как бояре, так и Владимир Старицкий».⁴ Вместо себя царь Иван в данном случае оставил все-таки князя Старицкого, а не Макария, которому отводилась роль высшего советника и наставника, освящавшего своим авторитетом правительственную деятельность оставленных в Москве Владимира Старицкого и бояр. И здесь Иван не вводил каких-либо новшеств, невиданных раньше. Наконец, продолжением начатой в 1547 году канонизации русских святых, имевшей важное государственное значение, был церковный собор 1549 года. Оба со-

¹ Милоков П.Н. Древнейшая разрядная книга официальной редакции (по 1565 г.). М., 1901. С. 129.

² Скрынников Р.Г. 1) Государство и церковь на Руси XIV–XVI вв.: Подвижники русской церкви. Новосибирск, 1991. С. 226; 2) Крест и корона. Церковь и государство на Руси IX–XVII вв. СПб., 2000. С. 227.

³ См.: ПСРЛ. Т. 34. М., 1978. С. 30.

⁴ Смирнов И.И. Очерки... С. 195.

бора – детища митрополита Макария. Но из всего этого не следует, что в 1547–1549 гг. положение Макария укреплялось.¹ Теснимый новыми советниками царя (Сильвестром и Адашевым), он вынужден был сдать некоторые позиции и уйти в оборону.

Началась борьба «за душу» Ивана. Митрополит Макарий, чтобы вернуть свое бывшее влияние на царя и ослабить влияние попа Сильвестра, сделал в конце 1549 – начале 1550 года близкого себе человека священника Андрея (Афанасия) протопопом Благовещенского собора и, следовательно, царским духовником, переведя его в Москву из Переяславля Залесского.² Но сделать это было, по всей видимости, не просто. Достаточно сказать, что Федор Бармин, предшественник Андрея, оставил место протопопа Благовещенского собора и ушел в монахи 6 января 1548 года.³ Миновал, стало быть, целый год, прежде чем освобожденное Барминым место благовещенского протопопа было прочно занято Андреем, сменившим промежуточную фигуру какого-то иерея Якова.⁴ Видно, по поводу протопопского места шла «пря» и развернулась борьба, в которой Сильвестр, похоже, фактически присвоил себе функции царского духовника. Вспомним в связи с этим слова кн. А. Курбского о Сильвестре, который душу Ивана «от прокаженных ран исцелил и очистил был и развращенный ум исправил, тем и овым наставляюще на стезю правую».⁵ Курбский говорит, в сущности, о духовном окормлении царя Ивана, входившем в обязанности духовника. В другой раз он прямо называет «презвитера» Сильвестра «исповедником» Ивана.⁶ Красноречиво в данном случае и признание Ивана Грозного в том, что он «приях попа Сильвестра совета ради духовного, и спасения ради души своея».⁷ Только вот какая незадача: Сильвестр так и не стал протопопом Благовещенского собора, прослужив до конца своей политической деятельности рядовым соборным священником,⁸ т.е. не получил официальное право на статус царского духовника, санкционированное русской православной церковью. Как это объяснить?

По нашему мнению, тут далеко не последнюю роль сыграл митрополит Макарий, вступивший в борьбу с новыми советниками и заблокировавший церковную карьеру Сильвестра. Едва ли это нравилось Сильвестру и тем, кто управлял им. Ведь его поставили попом Благовещенского собора с явным прицелом на место соборного протопопа и царского духовника с выте-

¹ Ср.: Там же. С. 195–196.

² См.: *Покровский Н.Н.* Афанасий (в миру Андрей) // *Словарь книжников и книжности древней Руси*. Вып. 2. Ч. 1. Л., 1988. С. 73; *Шмидт С.О.* Россия Ивана Грозного. С. 245.

³ См.: ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 458.

⁴ См.: *Грбовский А.Н.* Иван Грозный и Сильвестр... С. 13.

⁵ Библиотека литературы Древней Руси. Т. 11. XVI век. С. 316.

⁶ Там же. С. 400.

⁷ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 30.

⁸ См.: *Голохвастов Д.П. и Леонид.* Благовещенский иерей Сильвестр... С. 15; *Розов Н.Н.* Библиотека Сильвестра (XVI век) // *Исследования источников по истории русского языка и письменности*. М., 1966. С. 192; *Филюшкин А.И.* История одной фальсификации... С. 316.

кающей отсюда возможностью оказывать влияние на государя. Но Сильвестр дальше должности священника не пошел. Его мог остановить лишь митрополит Макарий, вызывавший и без того злобное недовольство в определенных кругах.

Насколько напряженной и даже опасной для Макария являлась политическая ситуация, сложившаяся в конце 40-х – начале 50-х годов, можно судить по концовке Послания к царю Ивану Васильевичу, где читаем: «Сие убо писание прочет, и разсуди себе, и умолчи до времени».¹ Конфиденциальность Послания выдает обеспокоенность его отправителя за себя и за успех предлагаемых им мер по наведению порядка в стране, очищению общества от всякой скверны, освобождению государя от влияния неразумных советников. Царь обманут своими советниками, и ему надлежит хорошенько подумать над тем, о чем говорится в Послании («рассуди себе»). Автор Послания верит в государя, но просит его сохранить втайне содержание своего письма до лучших времен, дабы не навредить делу.

Таким образом, Послание к царю Ивану Васильевичу следует рассматривать как документальное свидетельство борьбы митрополита Макария с царскими советниками, возглавляемыми Сильвестром и Адашевым. Об этой борьбе сообщают и другие источники.

До нас дошло несколько писем Максима Грека митрополиту Макарию, относящихся, по мнению И.И.Смирнова, к 1547–1548 годам.² В одном из них речь идет о противниках Макария, противящихся «священным поучениям» митрополита, о чем Грек слышит «во вся дни».³ В другом письме Максим говорит о «воздвизаемых» на митрополита «не праведно стужаний от непокоряющихся по безумию священным твоим наказанием...».⁴ Но особую ценность в данном отношении представляет анонимное публицистическое сочинение «Повесть некоего боголюбивого мужа».⁵ По словам И.И.Смирнова, «к созданию “Повести” имел прямое отношение Макарий, и она адресовалась непосредственно Ивану IV».⁶ Повесть предостерегает царя от неверных «синклит» (советников), могущих увлечь его чародейскими книгами, написанными «по действу диаволу».⁷ Согласно П.А.Садикову, под видом советников-чародеев «Повесть» прозрачно разумела сотрудников царя по Избранной Раде и стремилась «доказать необходимость для него и государства осуществления подлинного, ни от кого не зависимого “самодержавства”».⁸

Итак, Послание митрополита Макария царю Ивану IV, дополненное другими источниками, приобретает чрезвычайную важность как документ, ха-

¹ Голохвастов Д.П. и Леонид. Благовещенский иерей Сильвестр... С. 87.

² Смирнов И.И. Очерки... С. 201.

³ Сочинения Максима Грека. Ч. II. Казань, 1860. С.362.

⁴ Москвитянин. 1842, № 11. С. 91.

⁵ См.: Буслаев Ф.И. Историческая хрестоматия церковно-славянского и древнерусского языков. 1861. С. 877–884.

⁶ Смирнов И.И. Очерки... С. 202.

⁷ Буслаев Ф.И. Историческая хрестоматия... С. 879.

⁸ Садиков П.А. Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950. С. 11–12.

рактизирующий политическую обстановку, сложившуюся на Руси в конце 40-х – начале 50-х годов XVI века. В этом Послании обозначены болевые точки Русского государства той поры, названы фундаментальные религиозно-политические институты Святорусского царства, находящиеся в опасности. Сделано это в несколько завуалированном виде, в форме обращения, открывающего Послание: «Царю и Государю Великому Князю Ивану Васильевичю всеа Руси Самодержца вечна, православныя веры истиннаго наставника, на Божиа враги крепкаго борителя, Христови Церкви столпа непоколебимаго и основание недвижимо и стена непобедимая...».¹ Данное обращение Макария показывает, на чем сконцентрировано внимание святителя. Это – Царь, Православная Вера и Христова Церковь, т.е. основания, на которых поднялась Святая Русь. Всем дальнейшим содержанием своего послания митрополит старается убедить государя в том, что все эти основания поколеблены: Самодержавие – «чужими», «неразумными» и «гнилыми» советами; Православие и Церковь – ересью («мудрствуют») и маловерием к Богу, неправдами, пороком и содомским развратом. Государь должен с помощью Бога истинного отвести беду, постигшую Русь: «Ты ж убо, Благоутробный Царю, пролей слезы теплыя к Создателю своему и воздай молитву от всея души и помышления, яко да наставит тя исправити сие, и заблужших души на покаяние привести, и от вечныя муки избавити, и Божию милость получить, со всеми рабы своими, о Христе Исусе и о Господе нашем, ему же слава и держава со Отцем, Сыном и Святым Духом. Аминь».²

Иван IV внимательно и вдумчиво прочел Послание митрополита Макария. Он прислушался к тому, о чем писал святитель, и трезвым взглядом посмотрел на своих любимцев-советников – Сильвестра с Адашевым и на Избранную Раду в целом. Начиналось медленное прозрение государя. Иван мало-помалу стал понимать, кто ему друг, а кто – недруг. Возвращалось прерванная на короткое время былая власть и влияние митрополита. Убедительной иллюстрацией тому служат события, связанные с Казанским походом 1552 года.

* * *

Царь принимает решение идти на Казань, посоветовавшись с митрополитом Макарием и всем Освященным собором.³ Митрополичье Послание обострило, очевидно, в нем чувство ответственности и вины за неустойства и беды, вновь посетившие Русь. Недаром он, воротившись из похода, скажет встречающим его священнослужителям, что несчастья, пережитые Русью и православным людом, случились «грех ради наших, наипаче же моих ради согрешений».⁴ Да и сам поход государь воспринимал в личном плане как жертвенный поступок и способ пострадать за православную веру и цер-

¹ Голохвастов Д.П. и Леонид. Благовещенский иерей Сильвестр... С. 69.

² Там же. С. 87.

³ См.: ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 188, 223–224.

⁴ Там же. С. 224.

ковь. Перед отъездом он, прощаясь с женой своей Анастасией, говорил: «Аз, жено, надеяся на Вседръжителя и премилостиваго и всещедрого и человеколюбиваго Бога, дерзаю и хощу итти против нечестивых варвар и хощу страдати за православную веру и за святые церкви не токмо до крови, но и до последнего издыхания. Сладко убо умерети за православие; ни есть смерть еже страдати за Христа, се есть живот вечный...».¹ Государь наказывал царице: «Тебе же, жено, повелеваю никамо о моем отшествии скорбети, но пребывати повелеваю в великих подвизех духовных и часто приходити к святым Божиим церквам и многы молитвы творити за мя и за ся и многу милостыню убогим творити, и многих бедных и в наших царских опалах разрешати повелевай и в темницы заключимые испущати повелевай, да сугубу мзду от Бога примем, аз за храбрство, а ты за сия благая дела».² Речь Ивана была столь искренней и неподдельной, настолько назидательной и внушительной, что с Анастасией приключился обморок, но «царь свою супружницу своими рукама удръжал, хотяше бо пастися на землю, и на мног час безгласна бывши...».³

Но самое важное для нас распоряжение царь отдал митрополиту: «Ты же, господине отець мой Макарий митрополит всея Руси, подиися, елико тебе Бог дастъ, во всем береги царства сего Владыку нашего Христа моли; брата же нашего на благодарныя дела поучай, такожде и бояр оставших zde, въ всем наказуй; такоже, господине, и жену мою царицу Анастасию, непраздну сушу, духовне въ всем побереги».⁴ Помимо этого летописного сообщения, существует еще одно известие, касающееся поручения Ивана IV митрополиту Макарию накануне Казанского похода. Оно принадлежит Исааку Массе (1587–1635), голландскому купцу и торговому резиденту в Москве, писавшему о событиях в Русском государстве начала XVII века. Рассказывая об отъезде Ивана Васильевича к войску, стоявшему под Казанью, Исаак Масса говорит, что в Москве царь «оставил вместо себя митрополита Макария».⁵ Несмотря на ряд неточностей и анахронизмов, содержащихся в рассказе голландца, И.И.Смирнов признал его достоверность в той части, где извещается «об оставлении Иваном IV на время своего отсутствия, “вместо себя”, т.е. наместником, митрополита Макария».⁶ Относительно же летописной записи речи царя перед митрополитом И.И.Смирнов говорит, что эта «речь Ивана IV обязывает Макария: 1) выполнять свои обязанности главы церкви; 2) “поучать” царева брата, кн. Юрия Васильевича; 3) “наставлять” во всем оставленных Иваном IV в Москве бояр; 4) беречь царицу Анастасию. Из этих четырех пунктов, составляющих содержание царской речи, основным и центральным является, конечно, пункт третий, определявший

¹ Там же. С. 184–185.

² Там же. С. 185.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 186.

⁵ *Масса Исаак*. Краткое известие о начале и происхождении современных войн и смут в Московии до 1610 года за короткое время правления нескольких государей // *О начале войн и смут в Московии*. М., 1997. С. 21.

⁶ *Смирнов И.И.* Очерки... С. 195.

отношение Макария к боярам, оставленным в Москве для управления государством во время отсутствия в столице царя».¹ И.И.Смирнов приходит к выводу, что митрополиту Макарию в период пребывания царя за пределами Москвы была определена «роль наместника-правителя, замещающего в качестве высшей власти в государстве отсутствующего в данный момент царя».²

Соглашаясь с основными положениями И.И.Смирнова, попытаемся все же несколько уточнить и детализировать проблему наместничества митрополита Макария в отсутствие на Москве государя. Вопрос заключается в том, с ограниченными ли полномочиями был оставлен в Москве Макарий или же как полномочный правитель. Иными словами, являлся ли митрополит представителем находящегося в отлучке государя или же сам в определенной мере олицетворял высшего властителя. Мы склоняемся ко второму варианту, полагая, что митрополит Макарий, оставаясь в Москве, принял светскую власть полностью, без каких-либо изъятий, заменив всецело государя. Со стороны царя эта мера была естественной и осмысленной, поскольку никто не мог поручиться, чем закончится военный поход и вернется ли из него Иван живым и невредимым. Самодержец отдавал власть в руки надежного человека, которому верил, как себе. Он передал на попечение митрополита то, чем дорожил больше всего на свете, – любимую жену Анастасию, приготавливавшуюся принести ему, как он, очевидно, надеялся, наследника.

Полноту власти митрополита, призванного править в отсутствие государя, подтверждают некоторые летописные сведения. И.И.Смирнов, на наш взгляд, прав, выделяя в качестве основного и центрального пункт речи Ивана IV, «определявший отношения Макария к боярам, оставленным в Москве для управления государством во время отсутствия в столице царя». Неясно только, как понимать слова *бояр во всем наказуй*. Можно так, как у И.И.Смирнова: *наставляй во всем бояр*. Но можно, а по нашему мнению, и нужно связывать с термином *наказуй* другое значение – *повелевай, приказывай*.³ Отсюда следует, что остающийся в Москве митрополит вместо ушедшего в Казанский поход царя Ивана наделялся властью, аналогичной власти самодержца. Это вытекало из религиозно-политических представлений о симфонии (гармонии) духовной и светской властей, о теократическом характере русского «самодержавства», разделяемых царем Иваном и митрополитом Макарием. В основе подобных представлений лежала идея, которую в чеканной форме выразил Иван IV в своем послании из похода митрополиту Макарию: «А царство бы наше, порученное Богом тебе и нам, въ время отшествия нашего и впредь покрыл благодатию своею...».⁴ Здесь заключена мысль об известном равенстве двух средоточий власти – святительской и царской и, следовательно, о соправительстве митрополита и царя. Поэтому

¹ Там же. С. 195–196.

² Там же. С. 196.

³ См.: *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т. II. СПб., 1895. Стб. 291; Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 10. М., 1983. С. 112.

⁴ ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 198.

царь Иван именует митрополита Макария отцом, господином и государем.¹

Поход 1552 года принес Русскому государству, как известно, долгожданную победу: Казанское ханство пало, открыв путь нашим на Астрахань. Оставались считанные годы до того времени, когда великая Волга на всем своем тысячеверстном протяжении стала русской рекой, в бассейне которой проживали многочисленные иноверцы, вошедшие в круг подданных московского государя. Началось движение Руси к Российской Империи. И начало этому движению положил царь Иван Васильевич Грозный.

Иван IV возвращался в Москву как национальный герой, победивший «супостаты». Летописец рассказывает: «И прииде государь к царствующему граду Москве, и стречаху государя множество народа. И толико множество народа, – и поля не вмещаху их: от реки от Яузы и до посада и по самой град по обе страны пути бесчисленно народа, стари и унии, велиими гласы вопиующии; ничтоже ино слышати, токмо: “многа лета царю благочестивому, победителю варварскому и избавителю христианьскому”». ² В «Казанской истории» неизвестного автора середины XVI века (очевидца событий) наблюдаем такую же, но усиленную некоторыми деталями и подробностями картину: «И позвоне весь великий град Москва, изыдоша на поле за посад в сретение царя и великого князя князи и велможи его и вси старейшины града, богатии и убозии, юноша и девы, и старцы со младенцы, черньцы и черницы, и спроста все множество бесчисленное народа московского, и с ними же вси купцы иноязычныя, турцы, и армены, и немцы, и литва, и многия странницы. И встретиша за 10 верст, овии же за 5, овии же за 3, овии же за едино поприще, оба полы пути стояще со единого, и угнетающися и стесняющися; и видевшие самодержца своего... и возрадовашася зело хваляще и славяще и благодаряще его <...> Овии же народи московстии, возлезше на высокия храмины и на забрала и на полатныя покровы, и оттуду зряху царя своего, овии же далече наперед заскакаше, и от инех высот неких, лепяшеся, смотряше, да всяко возмогут его видети. Девица же чертожныя и жены княжия и боярския, им же нелзе есть в такая позорища великая, человеческого ради срама, из домов своих изходити и ни из храмин излазити не полезне есть, и где седяху и живяху яко птица брегоми в клетцах, – они же сокровенне принимающе из дверей и из оконц своих, а в малыя скважницы глядаху и наслажахуся многого видения того чудного, и доброты и славы блестящаяся». ³ То был всенародный праздник и всеобщее ликование.

Надо сказать, что эта поистине историческая победа не вскружила голову Ивану. Отвечая на поздравления князя Владимира Старицкого, бояр и воевод с взятием Казани, государь говорил: «Бог сия содеал твоим, брата моего, попечением и всего нашего воинства страданием и всенародною молитвою; буди Господня воля!». ⁴ В речи, обращенной к митрополиту и ко всему

¹ Там же. С. 186, 198.

² Там же. С. 223, 518.

³ Казанская история. М.; Л., 1954. С. 166–168.

⁴ ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 2219–220, 514.

Освященному собору, царь заявил, что победа над врагом добыта «попечением и мужеством и храбростию брата нашего князя Владимира Андреевича и всех наших бояр и воевод, и всего христианского воинства тщанием и страданием за непорочную нашу истинную святую христианскую веру и за святые церкви и за единокровную нашу братию православных христиан. И милосердый Бог призре с высоты небесныя и излиа щедроты благодати своея на ны, неблагодарныя рабы своя, и не по нашему согрешению дарова нам благодать свою: царствующее место, многолюдный град Казань, и со всеми живущими в нем предаде в руце наши и Магметову прелесть прогна и водрузил животворящий крест в запустенной мерзости Казаньстей».¹

Приведенные сейчас тексты содержатся, как мы могли убедиться, и в Летописце начала царства и в Царственной книге, подвергшейся внимательному редактированию со стороны Ивана Грозного. Смысл этих текстов не позволяет присоединиться ни к Д.Н.Альшицу, воспринимавшему редакторскую работу Грозного как царское самовосхваление,² ни к С.Б.Веселовскому, усматривавшему в ней стремление царя «очернить, осудить или просто оклеветать бояр и дворян, то вообще всех, то некоторых персонально».³ Позиция Грозного-редактора была не столь прямолинейна и субъективна, как думают названные исследователи. И уж, конечно, цитированные летописные записи никак не согласуются с придуманным А.Л.Хорошкевич и подхваченным другими историками образом царя – «эгоиста или даже супер-эгоиста на троне».⁴

Еще накануне взятия Казани царь Иван, «призва к собе» старицкого князя, бояр, воевод и всех воинов, говорил им так: «И яз вас рад жаловати великим жалованием, своею любовию, и всех вас недостаточная наполнати и всяко пожаловать, сколько милосердый Бог поможет; а кому от нас лучится пострадати, и яз рад жены их и дети до века жаловати».⁵ Если послушать князя Курбского и поверивших ему некоторых позднейших историков, то придется признать эти слова государя лживыми и лицемерными. Курбский рассказывает, что на третий день после «преславной победы» Иван якобы «отрыгнул нечто неблагодарно, вместо благодарения, воеводам и всему воинству своему – на единого разгневався, таковое слово рек: “Ныне, рече, обронил мя Бог от вас!” Аки бы рекл: “Не возмогл есма вас мучити, паки Казань стояла сама во собе: бо ми есть потребны были всячески, а ныне уже волно мне всякую злость и мучительство над вами показывати”».⁶ Повествователь старается заклеить царя: «О, слово сатанинское, являемое неизреченную лютость человеческому роду! О, наполнение меры кровопийства

¹ Там же. С. 224–225, 519.

² См.: *Альшиц Д.Н.* Иван Грозный и приписки к лицевым сводам его времени// *Исторические записки.* Т. 23. 1947. С. 267.

³ См.: *Веселовский С.Б.* Исследования по истории опричнины. С. 258.

⁴ *Хорошкевич А.Л.* Россия в системе международных отношений середины XVI века. С. 129. См. также: *Филюшкин А.И.* История одной мистификации... С. 82.

⁵ ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 204, 500.

⁶ Библиотека литературы Древней Руси. Т. II. XVI век. С. 348.

отческого!».¹ Уже одних этих мелодраматических восклицаний достаточно, чтобы понять стилизованный характер приведенного «свидетельства» Курбского. Но «дивны дела твои, Господи»: столь очевидному, сколь и нелепому поклепу на Ивана IV безоглядно поверил С.Б.Веселовский, шумно изобличавший тенденциозность Грозного и не замечавший таковой у Курбского. По С.Б.Веселовскому, здесь Курбский «сообщает колоритный эпизод отношений царя к его соратникам»,² не греша, следовательно, против правды. Перед нами какая-то источниковедческая «вкусовщина», проистекающая из резкого неприятия личности Ивана Грозного, чем, несомненно, страдал С.Б.Веселовский. Избирателен в данном случае и новейший историк Б.Н.Флоря, который говорит: «Первый биограф [?!] Ивана Грозного, князь Андрей Михайлович Курбский, писал, что истинное отношение царя к своим советникам проявилось на третий день после взятия Казани, когда, разгневавшись за что-то на одного из вельмож, Иван произнес: “Ныне оборонил мя Бог от вас!” Однако это сообщение Курбского не подтверждается какими-либо другими источниками, и в сочинениях царя нет упоминания об этом эпизоде. Очевидно, что если у Ивана IV и вырвались в тот момент какие-то гневные слова, то он не придавал им значения и забыл о них».³ Б.Н.Флоря, как видим, опустил наиболее важные слова, произнесенные якобы царем Иваном: «Не возмогл есма вас мучити, паки Казань стояла сама во себе, бо ми есть потребны были всячески; а ныне уже волно мне всякую злость и мучительство над вами показывати».⁴ В этих словах, по концепции Курбского, вся последующая программа правления Ивана IV. И если бы царь действительно говорил эти зловеющие слова, то едва ли бы забыл о них, поскольку обладал феноменальной памятью, поражавшей современников.⁵ Но в том то и дело, что государь не мог, на наш взгляд, произносить подобных слов, так как был настроен на иной совершенно лад благодарности и любви к своим подданным, ратным трудом и подвигом которых была завоевана «подрайская земля». Этот настрой монарха подтверждается его конкретными поступками.

Летописец рассказывает о том, как 8 ноября 1552 года Иван IV дал в Кремле торжественный обед в честь победы русского воинства над Казанью: «Был стол у царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси в болшей палате в Грановитой, что от Пречистой с площади; а ел у него митрополит Макарей с архиепископы и епископы, архимариты и игумены, да ел

¹ Там же.

² Веселовский С.Б. Исследования по истории Oprичнины. С. 271.

³ Флоря Б.Н. Иван Грозный. М., 1999. С. 67.

⁴ Точно так же поступает и Р.Г.Скрынников. «На третий день после падения Казани, — пишет он, — самодержец, как вспоминал Курбский, произнес: “Ныне оборони мя Бог от вас!”. Одаренный от природы умом и наблюдательностью, Иван понимал двусмысленность своего положения, полную зависимость от собственной аристократии» (Скрынников Р.Г. Иван Грозный. С. 66). Историк, следовательно, поверил А.Курбскому, но, чтобы, по-видимому, лучше верилось, опустил дальнейшие слова, приписываемые князем царю, ввиду их очевидной нелепости.

⁵ См.: Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений... С. 125.

у государя брат его князь Юрьи Васильевич да князь Владимир Андреевич и многие бояре и воеводы, которые с ним мужествовали в бранех. И дарил царь и государь Макария митрополита и владык всех, в то время прилучшихся, что их святыми молитвами и всенародною молитвою даровал Бог неизреченную свою милость. А брата своего Владимира Андреевича жаловал государь шубами и великими фрязьскими кубки и ковши златыми; такоже жаловал государь бояр своих и воевод и дворян и всех детей боярьских и всех воинов по достоянию, шубами многоценными своих плечь, бархаты з золотом, на соболях, и купки, иным же шубы и ковши, иным шубы, иным кони и доспехы, иным из казны денги и платие. Сие же торжество у государя бысть по три дни в той полату, и в те три дни роздал государь казны своей, по смете казначеев за все денгами, платья и судов, доспеху и коней и денег, oprичь вотчин и поместей и кормленей, 48.000 рублей. А кормлении государь пожаловал всю землю».¹ Все это очень не похоже на «злость и мучительство», о которых распространялся Курбский. Стоимость подарков, исчисляемая почти пятьюдесятью тысячами рублей, впечатляет. По тем временам то была весьма внушительная сумма. Привлекает также внимание и награда в виде кормлений.² Помимо раздачи кормлений, наряду с вотчинами и поместьями, государь пожаловал «кормлении всю землю». По-видимому, здесь раздача кормлений участникам торжества и пожалование «всей земли» кормлениями – разные вещи. Как понимать фразу «а кормлении государь пожаловал всю землю»?

С.Б.Веселовский, разъясняя данную фразу, утверждал: «Право на кормления имели только дворяне, т.е. лица, служившие по дворовому списку, а их было в то время около 2700 чел. Высшие чины, служившие большей частью в Москве постоянно, получали кормления, в той или иной норме, ежегодно, а огромное большинство дворян получало кормления и денежное жалованье раз в три-четыре года или в связи с походами в виде подъемных денег и наградных. Таким образом, “всю землю”, т.е. всех разом пожаловать было невозможно, и предстояло распределять на несколько лет вперед очереди получения кормлений с учетом, конечно, чина и службы более двух с половиной тысяч людей».³ В исторической литературе имеются и другие разъяснения упомянутой формулы, более соответствующие, по нашему мнению, ее подлинному содержанию.

Так, согласно С.Ф.Платонову, «в 1552 году осенью, после Казанского похода царь, празднуя победу над татарами, сыпал милости и награды, “а кормлении государь пожаловал всю землю”. Это значило, что царь объявил о своем решении отменить кормления и перейти на новый порядок местного управления, более льготный и приятный для населения».⁴ В данном случае, как и в других, царская власть провозглашала новые принципы, выступая

¹ ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 227–228, 522.

² В «Казанской истории» также говорится о раздаче кормлений участникам царского пиршества. – Казанская история. С. 170.

³ Веселовский С.Б. Исследования по истории oprичнины. С. 265.

⁴ Платонов С.Ф. Иван Грозный. С. 51.

«пред народом с ярко выраженными чертами гуманности, с заботою об общем благоденствии». ¹ Перед нами один из моментов формирования в России народной монархии, отличающейся попечением государя обо всех людях православного царства независимо от их социального ранга: «Любовь же его по Бозе ко всем под рукою его, к велможам и к средним и ко младым ко всем равна: по достоянию всех любит, всех жалует и удовлетворяет уроки вправду, против их трудов, и мзды им въздает по их отечеству и службе; ни единого же забвена видети от своего жалования хочет, такоже никого ни от кого обидима видети хошет». ²

Версию С.Ф.Платонова принял И.И.Смирнов, по мнению которого победа царя над Казанью дала ему возможность «провозгласить программу дальнейшего проведения реформ в области управления – реформ, которые должны были явиться продолжением и развитием мероприятий, осуществленных в 1549–1551 гг. Официальная летопись – “Летописец начала царства великого князя Ивана Васильевича” – изображает содержание этой программы реформ, провозглашенной царем, как “пожалование” им “всей земли”: “А кормлении государь пожаловал всю землю”. Эта краткая летописная формула обычно истолковывается как заявление царя о намерении отменить кормления и установить новую систему местного управления. Вряд ли можно возражать против подобного понимания формулы о “пожаловании кормления” “всей земли”». ³

Иван IV не ограничился прокламированием улучшения народной жизни в будущем. Кое-что в этом плане он предпринял незамедлительно. Если верить составителю «Казанской истории», ⁴ государь «земские дани своя лю-

¹ Там же. С. 49.

² ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 268.

³ Смирнов И.И. Очерки... С. 265.

⁴ По вопросу достоверности сведений, содержащихся в «Казанской истории», нет единого мнения. Г.З.Кунцевич, написавший специальное исследование, посвященное «Истории», отмечал в ней как историческом источнике «много неточностей, недостатков, ошибок» (Кунцевич Г.З. История о Казанском царстве. СПб., 1905. С. IX). И все же, по словам Г.Н.Моисеевой, «не объяснив отличий в описании одних и тех же событий в “Казанской истории” и в документальных и литературных памятниках этого времени, Кунцевич не раскрыл намеренного, тенденциозного отступления автора в ряде случаев от достоверной передачи фактов во имя осмысления прошлого в свете общественно-политической борьбы времени создания произведения» (Казанская история. С. 19. См. также: Моисеева Г.Н. Автор «Казанской истории» // ТОДРЛ. Т. IX. М.; Л., 1953). Имея в виду «Казанскую историю, или Историю о Казанском царстве», М.Н.Тихомиров писал: «В исторической литературе это произведение считается мутным. Тем не менее почти все историки им пользуются из-за богатства фактическим материалом истории Казани, отсутствующим в других источниках» (Тихомиров М.Н. Источниковедение истории СССР с древнейший времен до конца XVIII в. Курс источниковедения истории СССР. Т. I. М., 1940. С. 132–133). К этому надо добавить, что к данному памятнику обращаются исследователи и за материалом по истории Руси эпохи Ивана IV. – См., напр.: Смирнов И.И. Очерки... С. 265–266.

дям облегчи»,¹ т.е. ослабил податное государственное бремя. Кроме того, он порадовал людей разовой милостью и щедротами своими: «И многу того дне милостину нищим и по монастырем чернцем и по градским церквам нереом вда. И всех осуженных на смерть и в темницах сидящих на волю испусти <...> И милостину разосла по всей державе своей, по градом и по селом, и по монастырем по всем, по малым же и великим, и по пустыням, и по всем церквам святым, где есть свеща и просвира отправляти, и да молятся прилежно Богу все о телесном здравии его и о душевном спасении, игумени и попы».² Нельзя, конечно, данное описание милостей царя воспринимать буквально. Но не приходится сомневаться в том, что массовые благодеяния Ивана в ознаменование победы над Казанью имели место и потому отмечены современником.

Сокрушение Казанского ханства, многочисленные пожалования, дары, милости и щедроты Ивана IV в честь великой победы – все это очень возвышало царя в общественном сознании, превращая его в национального героя. Следует согласиться с И.И.Смирновым, когда он говорит: «Казанский поход 1552 г. и блестящая победа Ивана IV над Казанью не только означали крупный внешнеполитический успех Русского государства, но и способствовали укреплению внутриполитических позиций Ивана IV».³ Это, безусловно, так. Но было бы половинчатым остановиться на этом, поскольку русские вели войну не просто с внешним врагом, но с врагом иноверным, чему придавалось тогда далеко не второстепенное значение. Вот почему победа над казанцами означала для наших предков торжество православия над верой «бурсурман», что поднимало престиж русской церкви и ее главы митрополита Макария, способствуя, как и в случае с царем Иваном, укреплению его внутриполитических позиций. Обе власти – царская и святительская – поднимались на небывалую доселе высоту, образуя гармоническое единство. Союз церкви и государства, засвидетельствованный пребыванием в Москве митрополита Макария в качестве полновластного правителя, оставленного Иваном IV вместо себя на время Казанского похода, еще более окреп.

Можно вообразить, какой переполох вызвал такой поворот событий в стане Сильвестра и Адашева. Они поняли, что их влияние и власть могут развеяться, как мираж, если того захочет царь, проникающийся все большим доверием к святителю и своему богомольцу. Им надо было, не мешкая, искать случай, чтобы решить вопрос с Иваном и его семейством радикально. Казалось, такой случай представился в марте 1553 года. И что особенно примечательно – так это то, что противники самодержца были, похоже, подготовлены к нему как идейно, так и организационно, выступив, можно сказать, консолидированно.

¹ Казанская история. С. 169.

² Там же.

³ Смирнов И.И. Очерки... С. 265.

* * *

Вспоминается в этой связи поездка царя и царицы в Троице-Сергиев монастырь с целью крещения младенца Дмитрия, предпринятая ими в декабре 1552 года.¹ Необходимо сказать, что в Синодальном списке Лицевого свода запись об этой поездке царской четы и крещении наследника отсутствует, в чем нельзя не заметить некую странность, поскольку перед нами официальная летопись. И естественно было ждать упоминания в официальной хронике такого события, как крещение восприемника царского престола. Однако этого не произошло. Видимо, на то имелась какая-то причина, которую составитель летописи счел необходимым скрыть. Для кого-то, вероятно, было нежелательно ворошить память о царевиче. Иное дело – Иван Грозный. Он не мог пройти мимо печальной истории своего сына. Поэтому в Царственной книге, правленной им, сообщение о крещении Дмитрия помещено в виде приписки.

В Синодальном списке не значится и другая запись, представленная в Царственной книге также в виде приписки к основному тексту. Она сообщает о поручении Ивана боярам во время своей поездки в Троицу «о Казанском деле промышляти да и о кормлениях сидети; они же от великого такого подвига и труда утомишася и малого подвига и труда не стерпеша докончати и възжелаша богатества и начаша о кормлениях сидети, а Казанское строение потложиша; и в те поры Луговая и Арская отложилися и многия беды христианству и крови наведоша. Се первое зло случися христианству».² С.Б.Веселовский предложил следующий комментарий к этому сообщению: «Весьма возможно, что распределение кормлений прошло не без греха, но заявление интерполятора, будто из-за этого бояре отложили устройство казанских дел и вызвали тем пролитие христианской крови, нельзя назвать иначе, как смелой полемической неправдой».³ Пересказывая содержание интерполяции, С.Б.Веселовский допускает неточность, говоря, будто из-за одного только распределения кормлений бояре отложили устройство казанских дел. На самом же деле была еще одна, названная в летописной вставке, причина нерадения бояр: «они же от великого такого подвига и труда утомишася и малаго подвига и труда не стерпеша докончати». То есть бояре, устав от казанских походов и войны с Казанью, не захотели завершить столь успешно начатое дело устройством завоеванного края, способствуя тем восстанию местного населения против русской власти.⁴ Некоторые бояре, как, например, князь

¹ ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 522–523.

² Там же. С. 523.

³ Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. С. 265.

⁴ А.И.Филюшкин чересчур расширительно толкует данное известие, чем сглаживается конкретный ее смысл: «Забвение аристократией свих обязанностей управлять государством, по Грозному, немедленно привело к мятежу казанских татар: взбунтовались Луговая и Арская стороны» (Филюшкин А.И. История одной мистификации... С. 78). Царь говорил не об управлении государством вообще, а о «казанском строении» конкретно.

Семен Лобанов-Ростовский, вообще сомневались в том, удастся ли царю удержать Казань. Поэтому князь Семен говорил однажды главе литовско-польской дипломатической миссии Станиславу Довойне: «А Казани царю и великому князю не здержати, ужжо ее покинет».¹

Нельзя, однако, нерасторопность бояр объяснять их сомнениями в конечном успехе казанского предприятия, а тем более – усталостью от ратных дел. Прав, на наш взгляд, И.И.Смирнов, истолковавший поведение бояр с точки зрения политической. Исследователь полагает, что в казанском деле «позиция бояр определилась как демонстративный отказ обсуждать вопрос о “Казанском строении”. Вопрос же о “кормлениях” бояре стали рассматривать не в плане осуществления реформы, провозглашенной царем, а прямо с противоположных позиций: “возжелаша богатства”, т.е. тех доходов, которые шли в пользу наместников-кормленщиков с населения и которых предстояло лишиться боярам в случае, если бы “кормления” были ликвидированы».² Во всем этом И.И.Смирнов видит открытую демонстрацию боярства «против политики Ивана Грозного».³ И.И.Смирнов обратил внимание на то, что «Царственная книга ставит в прямую связь поведение бояр в вопросе о “Казанском строении” и о “кормлениях” с теми “бедами”, которые обрушились на Русское государство – сначала в виде восстания луговых и арских людей в Поволжье, а затем в виде болезни царя и боярского “мятежа”. Иными словами, Царственная книга прямо и непосредственно ставит в связь позицию боярства в вопросе о Казани и о кормлениях с “мятежом”, поднятым боярами в марте 1553 г.»⁴

Соглашаясь с общей направленностью построений И.И.Смирнова, обозначим некоторые расхождения с историком, касающиеся отдельных, причем немаловажных, деталей. Если рассматривать поведение бояр во время отсутствия царя в Москве с политической точки зрения и связывать, как это правильно делает И.И.Смирнов, их действия с боярским «мятежом» в марте 1553 года, то станет ясно, что суть противоречий и конфликта между государем и боярами коренилась отнюдь не в вопросах о «Казанском строении» или о «кормлениях». Она коренилась в недовольстве княжеско-боярской знати усилением самодержавной власти Ивана IV вследствие победы царских войск над Казанью, возросшим в связи с этой победой авторитетом царя в народном сознании. Надо отдать должное политическому чутью Ивана, верно угадавшего огромное значение для судеб русского самодержавства «казанского взятия» и забот об общественном благе, достигаемом в тот момент отменой корыстной системы кормлений. Понятно, почему царь Иван встретил сопротивление боярства, отложившего, вопреки указаниям государя, обустройство Казани и сменившего акценты при рассмотрении проблемы кормлений. То был, по существу, откровенный со стороны бояр демарш против самодержавия Ивана IV. Но не следует думать, будто все московские бояре участвовали

¹ ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 237 (прим. 4).

² Смирнов И.И. Очерки... С. 266.

³ Там же. С. 267.

⁴ Там же.

в этой акции. Часть боярства, несомненно, была и оставалась верной самодержцу. Против него выступали те бояре, которые группировались вокруг Сильвестра и Адашева. Да и не только бояре, а также отдельные духовные лица и служилые люди – дворяне или дети боярские. Бояре в этом сообществе были заметнее, чем другие, являясь верхушечным слоем многочисленной и разветвленной организации, которая, воспользовавшись отсутствием в Москве самодержавного монарха, повела Боярскую Думу за собой. Судя по дальнейшим событиям, к этой организации примыкали старицкие князья. Согласно догадке И.И.Смирнова, князь Владимир Андреевич Старицкий во время поездки царя в Троице-Сергиев монастырь находился в Москве и участвовал в заседаниях Боярской Думы.¹

Обструкция «самодержавству» Ивана, устроенная партией противников неограниченной монархии в России, сопровождалась международной акцией (не было ли здесь согласованности?), преследующей аналогичную цель. Для царя Ивана она не была неожиданностью, поскольку 24 ноября 1552 года его информировали из Смоленска о том, что «в Москву к боярам (а не к нему) едет посланник “королевы Рады” Я. Гайко».² Царь проявил достоинство и выдержку, покинул столицу, связав свой отъезд с крестинами младенца-сына. Это был тонкий дипломатический ход, парировавший замысел «западного соседа»: Иван продемонстрировал полное пренебрежение к послу Польско-Литовского государства. Ян Гайко приехал в Москву, когда там государя уже не было. Эффект, на который рассчитывал «западный сосед», не состоялся.³

Грамота, привезенная в Москву посланником панов радных, была обращена к митрополиту Макарию, а также к боярам И.М.Шуйскому и Д.Р.Юрьеву: «Велебному отцу, архиепископу митрополиту московскому Иасафу (так в грамоте. – *И.Ф.*), а Данилу Романовичю, дворотцкому, а князю Ивану Плетеню Шуйскому».⁴ Это очень напоминало грубую провокацию, поскольку, как справедливо на этот раз заметила А.Л.Хорошкевич, «обращение панов Рады к боярам и митрополиту через голову царя ущемляло престиж нововенчанного государя».⁵ Но она поспешила, заявив, что «обращение панов Рады к митрополиту, минуя царя, лишь подчеркивало значение высшего церковного иерарха для западных соседей России».⁶ Православный иерарх едва ли много значил для тех «западных соседей» России, которые исповедовали католичество, а православие воспринимали как схизму. Насмешливое отношение к русскому митрополиту, граничащее с издевательством, проглядывает уже в том, что в грамоте перепутано имя Макария с именем его предше-

¹ Там же. С. 267 (прим. 11).

² *Хорошкевич А.Л.* Россия в системе международных отношений середины XVI века. С. 113.

³ Стало быть, «увесистую оплеуху», которую, по А.Л.Хорошкевич, якобы получил Иван IV от «западного соседа», исследовательница может оставить при себе.

⁴ Сб. Русского исторического общества. Т. 59. СПб., 1887. С. 366.

⁵ *Хорошкевич А.Л.* Россия в системе международных отношений середины XVI века. С. 113.

⁶ Там же. С. 114.

ственника по митрополичьему столу Иоасафа. Смысл акции панов радных, конечно же, не в том, чтобы подчеркнуть значение «высшего церковного иерарха для западных соседей России». Скорее всего, он состоял в намерении посеять недоверие между государем и митрополитом, чьи отношения накануне и после казанского взятия переживали подъем, благотельный для России, и тем самым навредить крепнущему союзу между священством и царством.

Был, по-видимому, еще один расчет у «западного соседа», проявившийся в формуле обращения к московским боярам. В этом обращении, вопреки правилам местничества, первым назван Д.Р.Юрьев, а вторым – И.М.Шуйский. Представитель одного из знатнейших русских княжеских родов, потомков Рюрика, И.М.Шуйский, игравший видную роль в политической жизни Руси 30–50-х годов XVI века,¹ поставлен ниже представителя менее древнего и менее знатного рода московских бояр Захарьиных, вызывавших раздражение у княжеско-боярской знати из-за того, что они находятся у государя в приближении не по отчеству. Вряд ли паны радные не знали, что творили. Они подогревали недовольство княжат, которые брюзжали по поводу того, что их государь «теснит» и «бесчестит», жалуя «молодых людей». В мартовских событиях 1553 года это недовольство вырвется наружу, способствуя разладу в Боярской Думе.

Ян Гайко думал, наверное, что ведет искусную дипломатическую игру. Но он заблуждался. Играли с ним русские. После первой встречи с польско-литовским посланником митрополит и бояре тут же сообщили о ней государя: «И митрополит и бояре, слушав грамоты, послали ко царю и великому князю к Троице».² С московской стороны, стало быть, переговоры митрополита и бояр с Гайкой являлись не более чем инсценировкой.³ Они велись под строгим контролем царских дипломатов и при их непосредственном участии.⁴ По словам, И.Грали, «на всякий случай за послами и “переговорщиками” был учрежден надзор. Приставленный к послу Константин Мясоед Вислый, числившийся придворным митрополита, на самом деле был поставлен царской администрацией... В режиссуре спектакля, при отсутствии царя, пребывавшего в Троице-Сергиевом монастыре, большую роль играл Висковатый».⁵ Последнюю точку в этом спектакле поставил митрополит Макарий, который на прощальной аудиенции сказал Яну Гайке, что поскольку он, Гайка, «привез грамоту о государских делах, а не о церковных делах», то ему, митрополиту, «до тех дел дела нет, о тех государских земских делах епископу и паном ведомо учинят государские бояре».⁶ Так конфузливо закончилась затея «западного соседа» испортить отношения между митрополитом Макарием и царем Иваном.

¹ См.: *Абрамович Г.В.* Князья Шуйские и Российский трон. Л., 1991. С. 81–115.

² Сб. Русского исторического общества. Т. 59. С. 367.

³ См.: *Грала И.* Иван Михайлов Висковатый. С. 89.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Сб. Русского исторического общества. Т. 59. С. 368.

Несколько иной результат имела, вероятно, попытка радных панов усилить неприязнь княжеско-боярской знати к Захарьиным – родичам жены государя Анастасии. Здесь их интрига могла иметь некоторый успех, о чем судим по событиям в марте 1553 года. Вообще же дипломатическая миссия Гайки указывает на то, откуда «дул ветер перемен» в Русском государстве. Однако вернемся на минуту к боярам, оставленным царем сидеть и думать о казанском строении и о кормлении всей земли.

Поведение бояр, действовавших вразрез с указаниями государя, вряд ли было стихийным. Надо полагать, что они вели себя так по договоренности. Значит, имел место сговор, в котором участвовал, вероятно, и Владимир Старицкий. Поэтому события декабря 1552 года в Москве можно рассматривать как начальную фазу боярского «мятежа», достигшего высшей точки в марте 1553 года во время тяжелой болезни царя Ивана.

* * *

Д.Н.Альшиц, специально изучавший происхождение и особенности источников, повествующих о боярском «мятеже» 1553 года, насчитал три источника, содержащих сведения об этом событии: «Первый из них – приписка, сделанная Иваном Грозным на полях Синодального списка последнего тома Лицевого свода под 1554 г., где рассказывается об отъезде и пытке князя Семена Лобанова-Ростовского. Второй – приписка, сделанная его же рукой несколькими годами позже на полях Царственной книги под 1553 г. Это единственное подробное описание “мятежа”. Наконец, третий – это письмо Ивана Грозного к Курбскому от 5 июля 1564 г.».¹ По мнению Д.Н.Альшица, приписки к Синодальному списку появились «в 1563 г., во всяком случае, до опричнины, до бегства Курбского, до объявления царем открытой борьбы со старыми и новыми изменниками», а приписки к Царственной книге делались «в годы этой борьбы, в суровые годы между установлением опричнины (1564) и московскими казнями (1570)».²

Исследователь полагает, что «все сведения, касающиеся мятежа 1553 г., исходят от одного лица – от Ивана Грозного. Казалось бы, что рассказы, имеющие единое происхождение и посвященные одному и тому же факту, должны совпадать между собой в передаче событий, а если и отличаться один от другого, то разве лишь своими размерами или количеством подробностей. В действительности же дело обстоит совершенно иначе: все три рассказа не только не сходны между собой, не только противоречат один другому, но и взаимно исключают друг друга».³

¹ Альшиц Д.Н. Происхождение и особенности источников, повествующих о боярском мятеже 1553 года // Исторические записки. Т. 25. 1948. С. 266. См. также: Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного... С. 407.

² Альшиц Д.Н. Происхождение и особенности источников... С. 286. См. также: Альшиц Д.Н. Начало самодержавия в России... С. 209–210.

³ Там же. С. 266. Позднее Д.Н.Альшиц, видимо, под воздействием критики его построений, несколько смягчит свои суждения: «В самом тексте Царственной книги о мятеже 1553 г. ничего не сказано. Рассказ, который счел необходимым приписать редактор, весьма пространен. Сливив его с тем, что об этих же событиях пишет Гроз-

Д.Н.Альшиц приходит к выводу о том, что «достоверность рассказа приписки к Царственной книге под 1553 г. об открытом мятеже во время царской болезни является во многих отношениях сомнительной», ибо никакого боярского мятежа в действительности не было, хотя тайный заговор бояр, о котором стало известно лишь в 1554 году при расследовании дела князя Семена Лобанова-Ростовского, имел место.¹

Построения Д.Н.Альшица встретили неоднозначную реакцию в ученом мире: одни исследователи соглашались с ним полностью,² другие – частично, находя в его суждениях «рациональные зерна»,³ а третьи выступили с возражениями против предложенной им концепции, отрицающей правдивость известий, сохранившихся в приписках к Царственной книге. К числу последних исследователей принадлежал И.И.Смирнов, написавший специальную заметку «Об источниках для изучения “мятежа” 1553 г.» и опубликовавший ее в Приложениях к своим «Очеркам».

И.И.Смирнов, допуская участие Ивана IV в редактировании Лицевых сводов XVI века, замечал, что «большой материал в обоснование этого положения содержится в работе Д.Н.Альшица».⁴ Однако более внимательное, нежели у Д.Н.Альшица, «рассмотрение данных, содержащихся в Царственной книге, равно как и в других источниках, позволяет существенным образом изменить оценку этих источников».⁵ Исследователь следующим образом оценил приписку к Царственной книге в плане достоверности сообщаемых ею сведений: «Основным источником для изучения мартовских событий 1553 г. является Царственная книга, точнее, скорописная приписка на полях ее основного текста. Я считаю бесспорным высокую степень достоверности рассказа Царственной книги».⁶

По словам А.А.Зиминой, «в построениях Д.Н.Альшица есть рациональное зерно: приписки к Царственной книге, действительно, тенденциозно

ный в своем письме (Курбскому. – И.Ф.), мы убедимся, что приписка, как и в прежних случаях, лишь расширяет и детализирует написанное в нем» (*Альшиц Д.Н.* Начало самодержавия в России... С. 214). Следовательно, соотношение сведений приписки к Царственной книге и письма Ивана Грозного к Андрею Курбскому о боярском «мятеже» 1553 года иное, чем заявлял об этом ранее Д.Н.Альшиц: они взаимно не исключают, а дополняют друг друга.

¹ Там же. С. 266, 267, 285, 288, 289. См. также: *Альшиц Д.Н.* Крестоцеловальные записи Владимира Андреевича Старицкого и недошедшее завещание Ивана Грозного // История СССР. 1959, № 4.

² См., напр.: *Веселовский С.Б.* Исследования... С. 255–257; *Гротовский А.Н.* Иван Грозный и Сильвестр... С. 65–69; *Филюшкин А.И.* История одной мистификации... С. 77.

³ См., напр.: *Зимин А.А.* 1) Реформы Ивана Грозного... С. 408; 2) Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 72; *Скрынников Р.Г.* Царство террора. С. 23, 25.

⁴ *Смирнов И.И.* Об источниках для изучения «мятежа» 1553 г. // *Смирнов И.И.* Очерки... С. 485.

⁵ Там же. С. 484.

⁶ Там же. С. 483. См. также: *Смирнов И.И.* Иван Грозный и боярский мятеж 1553 г. // Исторические записки. Т. 43, 1953.

излагают события марта 1553 г., но отнюдь не измышляют их».¹ Поэтому «отрицать вероятность основного содержания приписок к Царственной книге нет никаких оснований».²

Р.Г.Скрынников в своей ранней книге «Начало опричнины» назвал наиболее аргументированным мнение, согласно которому «приписки к Царственной книге были составлены самим царем Иваном или при его непосредственном участии».³ Но вместе с тем он замечал: «Д.Н.Альшиц строит свою аргументацию на сопоставлении рассказа о боярском “мятеже” 1553 г. в послании Курбскому и приписок к Синодальному списку и Царственной книге. По его мнению, приписка к Синодальной рукописи появилась до полемики царя с Курбским в 1564 г., а приписка к Царственной книге после этой полемики. Основанием для этого вывода служат противоречия и расхождения приписок между собой. На наш взгляд, расхождения приписок носят по большей части мнимый характер. Летописные приписки имеют один общий сюжет – заговор, организованный боярами во время болезни царя в марте 1553 г. Сведения, касающиеся этого сюжета, не противоречат друг другу, а напротив, почти полностью совпадают»,⁴ различаясь порою лишь полнотой изложения.⁵

Подробный рассказ об открытом мятеже бояр в марте 1553 года носит, по мнению Р.Г.Скрынникова, легендарный характер, воспроизведенный по памяти, задним числом.⁶ Наиболее недостоверными Р.Г.Скрынникову представлялись обращенные к боярам в Думе речи умирающего царя, которые «должны были доказать, что боярский мятеж был прекращен исключительно благодаря вмешательству монарха».⁷ И все же «летописные приписки очень близки между собой по содержанию, стилю и т.д. в той части, в которой речь идет об одном и том же сюжете, боярском заговоре 1553 года. Можно полагать, что в этом случае в основу их был положен один и тот же источник. Достоверность материала и подробности, сообщаемые в приписках, наводят на мысль, что при составлении их могли быть использованы подлинные документы следствия о боярском заговоре».⁸ Это касается приписок не только к Синодальному списку, но и к Царственной книге: «Д.Н.Альшиц первым высказал предположение о том, что царь внес в Синодальный список подробный рассказ о заговорщицкой деятельности Старицких в 50-х гг., желая оправдать расправу с ближайшей родней в 1563 году. Во время суда над Старицким в 1563 г. царь затребовал из архива судное дело боярина князя С.В.Ростовского 1554 года, содержавшее документальные материалы относительно тайного боярского заговора в пользу Старицкого в 1553 году. По-

¹ Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного... С. 408.

² Там же. С. 409.

³ Скрынников Р.Г. Начало опричнины. С. 30 (прим. 1).

⁴ Там же. С. 30.

⁵ Там же. С. 31.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 31–32.

видимому, названные материалы были непосредственно использованы при составлении приписок к Синодальному списку и, возможно, Царственной книге».¹

Впоследствии Р.Г.Скрынников заметно изменил свои взгляды. Теперь он приписку на полях Царственной книги, повествующую о боярской крамоле 1553 года, не связывает со следственным делом. Р.Г.Скрынников полагает, что эту приписку можно назвать «Повестью о мятеже», которую сочинил царь Иван «с помощниками, подбиравшими для него материал, подготовлявшими черновик, а затем следившими за изготовлением беловика».² Если «при составлении синодальной приписки редактор опирался на документы», то, сочиняя Повесть, он прибегал к воспоминаниям, устным свидетельствам, что сближает его произведение «с мемуарным жанром».³ Общий вывод у Р.Г.Скрынникова такой: «Сведения о мятеже в думе в 1553 году были вымышленными».⁴ Автор, таким образом, стал на точку зрения Д.Н.Альшица.

Сходную позицию занял и Г.В.Абрамович, логика рассуждений которого довольно проста: «поскольку данная приписка сделана более чем через 10 лет после 1553 г., уже в период опричнины, ей нельзя придавать серьезного значения».⁵

С Д.Н.Альшицем решительно разошелся Н.Е. Андреев, признавший достоверность интерполяции Царственной книги о болезни царя и боярском

¹ Там же. С. 32. Об использовании следственного дела при составлении приписки к Царственной книге о боярском мятеже в марте 1553 года говорил С.В.Бахрушин еще за двадцать лет до выхода книги Р.Г.Скрынникова. В статье «"Избранная рада" Ивана Грозного», увидевшей свет в 1945 году, он писал о содержащих дополнительные сведения вставках в Синодальный список и Царственную книгу следующее: «Мы можем угадать источники, откуда черпались эти дополнительные сведения. В ряде случаев это, несомненно, следственные дела о "поносительных словах" и об измене (например, следственные дела о князе Лобанове-Ростовском и о "мятеже" при крестном целовании маленькому царевичу Дмитрию), в других случаях — разрядные выписки...» (*Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. II. С. 333). В другой раз С.В.Бахрушин, касаясь лишь известия Царственной книги о боярском мятеже 1553 года, утверждает, что в основе этого известия «лежит следственное дело по поводу "мятежа"». — Там же. С. 349.

² *Скрынников Р.Г.* Царство террора. С. 27, 112. Мысль Р.Г.Скрынникова о Повести не оригинальна. С.А.Морозов, анализируя приписки к Царственной книге, пришел к выводу о том, что в их основе было оригинальное литературное произведение, условно названное исследователем «Летописная повесть о болезни царя Ивана Васильевича в марте 1553 г.». Автором Повести являлся, по С.А.Морозову, дьяк Иван Висковатый. — *Морозов С.А.* Летописные повести по истории России 30–70-х гг. XVI века. Автореф. канд. дисс. М., 1979. С. 14–19. См. также: *Шмидт С.О.* Российское государство в середине XVI столетия. Царский архив и лицевые летописи времени Ивана Грозного. М., 1984. С. 210.

³ *Скрынников Р.Г.* Царство террора. С. 27.

⁴ Там же. С. 29.

⁵ *Абрамович Г.В.* Князья Шуйские и Российский трон. С. 105.

мятеже 1553 года. При этом он, в отличие от Д.Н.Альшица, автором приписки считал не Ивана Грозного, а посольского дьяка И.М.Висковатого.¹

И.Граля, обозрев историографию вопроса об интерполяциях Синодального списка и Царственной книги, убедился в том, что «главной целью исследователей было установить авторство и время написания текста, и лишь затем – определить степень его достоверности. Часто выдвигался априорный тезис о присутствии в источнике доминирующей над фактами пропагандистской тенденции, благодаря чему приписка считалась едва ли не политическим манифестом автора. Исследовательские результаты, полученные таким методом, следует оценить негативно. Приписка должна рассматриваться как типичный повествовательный источник...».² В итоге такого рассмотрения И.Граля пришел к заключению, что в основе приписки к Царственной книге, «толкующей о событиях марта 1553 г. вокруг наследования трона Дмитрием Ивановичем, лежал в высшей степени достоверный отчет, составленный хорошо информированным очевидцем, возможно, самим Висковатым».³ И.Граля сомневается лишь в одном – в информации «о действиях Сильвестра в пользу дома Старицких».⁴ Относительно же приписок к Синодальному списку и Царственной книге И.Граля говорит: «Мнима кажущаяся противоположность содержания интерполяций о заговоре Лобанова-Ростовского Синодального списка и данных Царственной книги, поскольку оба источника, как нам кажется, рассказывают о разных аспектах одного и того же события: Царственная книга описывает разногласия в Думе, лично известные царю и его советникам и, вне всякого сомнения, понятные в сложившейся ситуации; а Синодальный список содержит сведения об интригах сторонников Старицких, проявлением которых было выступление Турунта-Пронского, но существование которых в виде заговора стало известно царскому окружению лишь в ходе следствия 1554 года».⁵

Совершенно иное отношение у И.Граля к свидетельствам Ивана Грозного о предательском поведении Алексея Адашева, представленным в переписке государя с Андреем Курбским: «Выдвинутое самим царем спустя много лет после рассматриваемых событий обвинение в предательстве и пособничестве Старицким носит черты пасквиля, составленного непосредственно для целей полемики с Курбским...».⁶

Противоречивое мнение о приписках к Царственной книге высказывает А.Л.Хорошкевич. С одной стороны, она говорит, что «достоверность приписок не может быть оспорена»,⁷ а с другой – заявляет, будто «характер сооб-

¹ См.: Андреев Н.Е. 1) Interpolations in the 16th Century Muscovite Chronicles// Slavonic and East European Review. Vol. 35, № 84. 1956. P. 96–115; 2) Об авторе приписок в лицевых сводах Грозного // ТОДРЛ. Т. 18. М.; Л., 1962. С. 117–148.

² Граля И. Иван Михайлов Висковатый... С. 98–99.

³ Там же. С. 108.

⁴ Там же. С. 103.

⁵ Там же. С. 176 (прим. 206).

⁶ Там же. С. 173 (прим. 190).

⁷ Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. С. 125.

щений в приписках Царственной книги о болезни царя заставляет усомниться в том, насколько правдиво изложен ход событий».¹

Подводя итог нашей краткой историографической справке о мартовских событиях 1553 года, необходимо сказать, что вопрос о достоверности источников, сообщающих о боярском «мятеже» в марте 1553 года, остается спорным, несмотря на более чем полувековые усилия историков разрешить его.² Несомненно лишь то, что не требует никаких доказательств: исторические сведения о мартовских 1553 года событиях дошли до нас преимущественно в форме приписок к Синодальному списку и Царственной книге, внесенных в летописи уже после этих событий. Все остальное – сплошные догадки и предположения, более или менее правдоподобные. Достаточно убедительным, например, является, на наш взгляд, определение времени появления интерполяций Синодального списка и Царственной книги, произведенное Д.Н.Альшицем, который, как мы знаем, датировал приписки к Синодальному списку примерно 1563 годом, а к Царственной книге – периодом между 1564 и 1570 гг. Принимая хронологические выкладки Д.Н.Альшица, никак нельзя согласиться с ним в том, что источники, повествующие о боярском «мятеже» 1553 года (приписки к Синодальному списку и Царственной книге, первое послание Грозного князю Курбскому), не сходны между собой, противоречат один другому и взаимно исключают друг друга.³ По нашему убеждению, это не так. Названные источники согласуются между собой, дополняют друг друга, рисуя вместе вполне ясную картину произошедшего в марте 1553 года. Итак, как это было?

Изучая политическую обстановку при московском дворе, сложившуюся к марту 1553 года, важно иметь в виду, что укрепление самодержавной и святительской власти, упрочение союза Царства и Церкви, усилившиеся после великой победы над Казанским ханством, пришлось сильно не по нраву придворной политической группировке, стремящейся к установлению в России ограниченной монархии. Минуло почти шесть лет с тех пор, как эта группировка, возглавляемая Сильвестром и Адашевым, пришла к власти, но ей так и не удалось радикальным образом изменить политический строй Русского государства посредством ликвидации «самодержавства» и установления на манер соседней Польши и Литвы боярской олигархии с номинальным монархом. Правда, Сильвестр и Адашев сумели все-таки сковать отчасти самодержавную власть Ивана IV, хотя до окончательного торжества над нею им было еще далеко. Главным препятствием на их пути к успеху был царь Иван – человек неукротимого нрава, большого ума и таланта, человек, уверовавший в свое особое предназначение заступника Отечества, храните-

¹ Там же. С. 126.

² И.Гралья верно заметил, что до момента появления работ С.Б.Веселовского и Д.Н.Альшица в конце 40-х гг. прошлого века достоверность сведений этих источников «не вызывала у исследователей ни малейших сомнений». – Гралья И. Иван Михайлов Висковатый... С. 169 (прим. 167). См. также: Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. С. 123.

³ Ср.: Шапошник В.В. Иван Грозный: Первый русский царь. С. 189.

ля истинного православия и «самодержавства», дарованного ему Богом. И вот первого марта 1553 года государь неожиданно и опасно занемог. Возникает вопрос: кому это было на руку? Конечно, это было на руку придворной партии Сильвестра–Адашева. Но обо всем по порядку.

В Синодальном списке о болезни Ивана IV сказано нравоучительно, но кратко: «За многое наше неблагодарение и в то время прииде грех ради наших, посети немощь православного нашего царя, прииде огонь велий, сиречь огневая болезнь: и збыться на нас Евангельское слово: поразисте пастыря, разыдутся овца».¹

Лапидарность приведенной летописной записи не соответствует тому, что нам известно о болезни царя, сопровождавшейся драматическими событиями, характеризующимися в исторической литературе как династический кризис. Складывается впечатление, будто летописец крепко держал себя за язык, чтобы не наговорить лишнего. Как бы там ни было, в любом случае эта лапидарность симптоматична. Она указывает на нежелание летописца касаться подробностей, связанных с болезнью Ивана. Что скрывалось за этим нежеланием – самоконтроль летописателя или запрет свыше, – сказать трудно. Но следует отметить, что составитель записи все-таки оставил нам кое-какие намеки, воспользовавшись иносказательными средствами и евангельскими образами. Ключевой здесь является фраза «поразисте пастыря, разыдутся овца». Данная короткая фраза говорит о многом: о религиозных функциях царя (он пастырь, причем «пастырь добрый»²), о людских раздорах и смуте («разыдутся овца»), вызванных «немощью» царя, но самое главное – о том, что «поразить» государя – значит породить эти раздоры и смуту. Последняя мысль летописца звучит настолько многозначительно, что заставляет задуматься относительно настоящей причины болезни царя Ивана. И здесь открывается нечто любопытное. Летописец имеет в виду следующий евангельский текст: «Тогда глагола им Иисус: вси вы соблазнитесь о мне в ночь сию: писано бо: поражу пастыря, и разыдутся овцы стада» (Матф., 26: 31). Нетрудно заметить, что летописец изменил лицо и время глагола *поразить*: вместо первого лица единственного числа будущего времени *поражу* он употребил второе лицо множественного числа прошедшего времени (аорист) *поразисте*. В результате изменился смысл евангельских слов: [вы] *поразили пастыря*. Получается так, что кто-то из царского окружения «поразил пастыря» – царя Ивана. Не означает ли это, по летописцу (автору основного текста Синодального списка!), что болезнь царя была рукотворной?..

¹ ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 230. Р.Г.Скрынников предложил слишком упрощенный, по нашему мнению, комментарий к данному тексту: «Официальная летопись, составленная при Адашеве, обрисовала ситуацию с помощью библейской цитаты: «Посети немощь православного нашего царя... и сбытся на нас евангельское слово: поразисте пастыря, разыдутся овца». Адашев явно желал предать забвению “вся злая и скорбная”» (Скрынников Р.Г. Иван Грозный. С. 68). Историк не задался даже вопросом, почему Адашев так поступил.

² Летописец так и говорит: «Он государь, добрый пастырь». – Там же.

Столь же немногословен при рассказе о болезни царя и князь Курбский. В своей Истории он рассказывает, как царь, вернувшись из Казанского похода, «по двух месяцах или по трех разболелся зело тяжким огненным недугом так, иже никтоже уже ему жити надеялся. По немалых же днях, помалу оздравляти почал».¹ И еще в июне 1553 года Иван «не зело оздравел».² Немногословность Курбского понять легко: он не заинтересован был в пересказе подробностей, характеризующих поведение его друзей во время государственной болезни далеко не с лучшей стороны. Поэтому сообщение князя о заболевании царя имеет небольшую цену, за исключением одной детали, свидетельствующей о длительных последствиях болезни государя, что дает еще одно основание задуматься о причине этой болезни.

С большей обстоятельностью повествуется о хвори государя и событиях вокруг нее в приписке к Царственной книге, где читаем: «В среду третия недели Поста, марта 1 дня, разболелся царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси, и бысть болезнь его тяжка зело, мало и людей знаяше, и тако бяше болен, яко многим чаяти: х концу приближися. Царя же и великого князя диака Иван Михайлов воспомяну государю о духовной; государь же повеле духовную съвершити, всегда бо бяше у государя сие готово. Съвершивши же духовную, начаша государю говорити о крестном целовании...»³ И вот тут-то все и началось. Но, прежде чем говорить об этом, несколько замечаний в связи с только что цитированным текстом.

Обращает внимание точность автора приписки в обозначении времени начала болезни царя: среда третьей недели Великого поста действительно приходилась на первое марта.⁴ О чем свидетельствует такая точность? Надо думать, о том, что автор приписки либо обладал необыкновенной памятью, легко воспроизводившей давние события, либо располагал какими-то записями об этих событиях. Однако в любом случае перед нами, по всей видимости, манера рассказчика, привыкшего к строгости передачи происшествий прошлого. Тем удивительнее, что он не говорит конкретно о болезни царя, характеризуя ее в общих словах как очень тяжкую, внушающую опасение за жизнь государя. В Синодальном списке и в Истории Курбского, как мы знаем, болезнь Ивана называется *огневою*, *огненной*. Кстати сказать, Андрей Курбский, описывая последние дни Алексея Адашева, сообщает, что тот «в недуг огненный впал»,⁵ дав повод его недругам «возопити «цареву: “Се твой изменник сам себе здал яд смертоносный и умре”».⁶ Не означает ли это, что «огненный недуг» в своих проявлениях походил на отравление?

¹ Библиотека литературы Древней Руси. Т. 11. XVI век. С. 350.

² Там же. А.Л.Хорошкевич не учла этого свидетельства Курбского, когда рассуждала насчет «молниеносного выздоровления» царя Ивана (*Хорошкевич А.Л. Русское государство в системе международных отношений середины XVI века*. С. 129). Впрочем, в другой раз она говорит, что болезнь царя «длилась долго». — Там же. С.125.

³ ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 523.

⁴ См.: *Граля И.* Иван Михайлов Висковатый... С. 168 (прим. 161).

⁵ Библиотека литературы Древней Руси. Т. 11. XVI век. С. 400.

⁶ Там же.

В историографии высказывались разные мнения о болезни Ивана IV. Одни исследователи считали ее горячкой,¹ другие – лихорадкой,² а третьи – не более чем «душевным смятением», «психическим срывом».³ Последнее мнение следует, на наш взгляд, решительно отвергнуть как произвольное и абсолютно безосновательное.⁴ Что касается двух первых, то в них есть предмет для обсуждения. Горячкой или же лихорадкой заболел царь – вот ближайший вопрос, на который нужно ответить. По объяснению В.И.Даля, горячка есть «общее воспаление крови в человеке или животном: жар, частое дыхание и бой сердца; огневица... У нас неясно различают слова *горячка* и *лихорадка*: обычно *лихорадкой* зовут небольшую и недлительную горячку... а *горячкой* – длительную и опасную...».⁵ Если учесть, что царь Иван, как свидетельствует князь Курбский, даже в июне еще «не зело оздравел», то признаки его болезни следует отнести к горячке, по словам В.И.Даля, *длительной* и *опасной*. Но эти же признаки (воспаление крови, жар, сердцебиение) могут указывать и на отравление. Тогда становится понятно, почему Грозный в составленной или продиктованной им приписке не называет конкретно своего заболевания, отмечая лишь тяжкий его характер. По-видимому, он был не согласен с официальной версией болезни, основанной, скорее всего, на диагнозе придворных лекарей, обычно иноземцев, готовых выполнить, как мы не раз убеждались ранее, любые «деликатные» поручения. Сам Иван нисколько не сомневался в том, что его хотели «истребить»,⁶ т.е. отправить на тот свет. И это – не фантом испуганного воображения, а суровая реальность, подтверждаемая рядом косвенных данных, приведенных нами выше.

Болезнь царя, как явствует из приведенных сообщений Царственной книги, протекала очень тяжело. И все же нельзя бросаться в крайность, как это делают некоторые исследователи. А.Л.Хорошкевич, например, утверждает, будто Иван IV «смертельно занемог».⁷ Будь так, как говорит А.Л.Хорошке-

¹ См., напр.: *Костомаров Н.И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Кн. I. М., 1990. С. 434; *Скрынников Р.Г.* 1) Святители и власти. Л., 1990. С. 189; 2) Государство и церковь на Руси XIV–XVI вв.: Подвижники русской церкви. Новосибирск, 1991. С. 246; 3) Корона и крест: Церковь и государство на Руси IX–XVII вв. СПб., 2000. С. 241.

² *Граля И.* Иван Михайлов Висковатый... С. 94.

³ *Хорошкевич А.А.* Россия в системе международных отношений середины XVI века. С. 129.

⁴ У Ивана IV не было причин для душевных потрясений. Сложности и неудачи в переговорах с польско-литовской стороной, на которые указывает А.Л.Хорошкевич в подтверждение своей искусственной догадки, совершенно несопоставимы с «казанским взятием» и рождением наследника, переполнявшими радостью душу царя. Сравнительно с этим все остальное на тот момент для него было не столь значимо.

⁵ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. М., 1956. С. 385.

⁶ См.: Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 25, 57, 73.

⁷ *Хорошкевич А.Л.* Русское государство в системе международных отношений середины XVI века. С. 123.

вич, царь непременно бы умер: на то она и смертельная болезнь.¹ Но, к счастью, он остался жив. «Серьезно захворал»,² «тяжело заболел»,³ «серьезно заболел»⁴ — так было бы сказать лучше и, разумеется, правильнее. К сожалению, А.Л.Хорошкевич в своих увлечениях не останавливается. Ее начинает настораживать «удивительная активность “умирающего”», выразившаяся, в частности, в том, что «по совету Висковатого... он “совершил” духовную». ⁵ Однако можно было и не настораживаться, поскольку государь не «совершил» духовную, а «повелел совершить духовную» ближним людям, и они ее «совершили». Конечно, все эти тревоги и волнения сами по себе не стоят того, чтобы заострять на них внимание. Но они призваны посеять сомнение в правдивости сведений, заключенных в приписке, и в этом отношении не безобидны.

Ту же цель преследует и стремление истолковать летописную фразу «мало и людей знаяше» в смысле *не узнавал людей*.⁶ Это — вольное толкование, не соответствующее точному значению словосочетания «мало знаяше». Оно, прежде всего, касается слова *мало*, которое несет в себе не полное отрицание, а лишь частичное. В языке той поры данное слово имело значения *немного, едва, недостаточно*.⁷ Слово же *знаяше* связано со *знати*, которое означало: *знать, иметь сведения, знания, представление о чем-л.; уметь что-л. делать, быть обученным чему-л.; знать человека, быть знакомым с ним; узнать, отличать; признавать (признать); ведать, распоряжаться, владеть чем-л.; быть подведомственным кому-, чему-л.; иметь что-л.*⁸ Подбирая из представленных смысловых вариантов наиболее подходящие к выражению «мало знаяше людей», мы останавливаемся на *едва* и *узнать (отличать)*. Следовательно, «мало знаяше людей» означало *едва узнавал людей*.⁹ Царь, стало быть, в момент тяжелых приступов болезни хотя и едва, но все-таки узнавал находившихся у его постели. Говорить о том, что Иван бредил, приписка нас не уполномочивает.¹⁰

¹ Смертельная болезнь, по В.И.Далю, безусловно смерть причиняющая, лишаящая жизни. — *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. С. 234.

² Бахрушин С.В. Научные труды. Т. II. С. 335.

³ Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 110. Страницей ниже Р.Г.Скрынников говорит об «умирающем царе», допуская, как и А.Л.Хорошкевич, лексическую, так сказать, неряшливость: умирающий царь не умер. Слово «умирающий» происходит от умирать, т.е. помирать, кончать земную жизнь. — См.: *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. С. 492.

⁴ Граля И. Иван Михайлов Висковатый... С. 94.

⁵ Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. С. 126.

⁶ Скрынников Р.Г. 1) Царство террора. С. 112; 2) Иван Грозный. М., 2002. С. 70.

⁷ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 9. М., 1982. С. 14–15.

⁸ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 6. М., 1979. С. 49.

⁹ Можно, впрочем, и так, как у И.Граля: «Иван с трудом узнавал окружающих». — Граля И. Иван Михайлов Висковатый... С. 94.

¹⁰ Ср.: Там же. Нельзя согласиться и с Б.Н.Флорей, толкующим фразу «мало и людей знаяше» так, будто царь Иван «часто находился в беспамятстве». — Флоря Б.Н. Иван Грозный. С. 68.

И, наконец, еще об одной весьма любопытной, на наш взгляд, особенности начальной части приписки к Царственной книге, повествующей о болезни государя. Мы обращали внимание на удивительную точность ее автора в обозначении времени возникновения «немощи» Ивана. Но нельзя не заметить и другого: скрупулезного перечисления обстоятельств, создающих своеобразный и загадочный фон заболевания. Сюда относятся и Великий пост, и первое марта, и третий день недели среда, третья неделя Великого поста. Случаен ли этот набор знаковых обстоятельств или же за ним скрывается нечто такое, что придает событиям вокруг болезни первого православного царя символический смысл, а самой болезни – искусственный, т.е. рукотворный характер. Разобраться в этой проблеме – задача будущих исследований. Но уже и сейчас кое-что более или менее понятно.

Заболевание Ивана IV пришлось на Великий пост, что символично, поскольку этот сорокадневный пост установлен в ознаменование важнейших библейских событий: сорок дней и ночей лил дождь во время Всемирного потопа, сорок лет Моисей водил израильский народ по пустыне, сорок дней постились в пустыне пророк Илия и Христос. К сорокадневному сроку Великого поста присоединяется еще одна седмица в память о страданиях и смерти Спасителя.¹ Следовательно, случись смерть царя Ивана в Великий пост, она приобрела бы неординарное значение.

Важную символическую роль играет среда, особенно в предпасхальный Великий пост. Именно в среду Иуда предал Христа, вследствие чего «среда сделалась напоминанием о предании Иисуса Христа на смерть, происшедшем в этот день».² Кроме того, среда еще и *третий по счету день недели*. Если к этому прибавить *третью неделю поста*, упомянутую в приписке, то невольно закрадывается мысль о том, что число 3 в данном случае выделено особо. В древности это число называлось «мудростью, потому что люди организуют настоящее, предвидят будущее и используют опыт прошлого».³ Это священное число. «Священность триады... следует из того факта, что она делается из монады и дуады. Монада есть символ Божественного Отца, а дуада – Великой Матери. Триада, будучи сделана из них... символизирует тот факт, что Бог порождает Свои миры из Себя...».⁴ О том, чей это Бог, говорит отмеченное в приписке 1 марта, которое, по библейским понятиям, является началом творения мира и священного года у древних евреев.⁵

Разумеется, сказанное нами не исчерпывает всей символики, запечатленной в приписке к Царственной книге. Вопрос лишь поставлен, но не разрешен. Целесообразность постановки данного вопроса подтвердит или опро-

¹ См.: Колесникова В.С. Краткая энциклопедия православия. Пусть к храму. М., 2001. С. 258.

² Храм Божий и церковные службы. СПб., 1912. С. 57.

³ Холл М.П. Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии. Новосибирск, 1993. С. 246.

⁴ Там же.

⁵ См.: Жития святых Святителя Дмитрия Ростовского. Сентябрь. М., 1903. С. 7 (прим. 3).

вергнет дальнейшее его изучение. Но и того, что сказано, достаточно, чтобы догадаться о рукотворном характере заболевания царя Ивана с предполагавшимся смертным исходом. Об искусственной природе болезни Ивана IV говорят, как думается, символические знаки, свидетельствующие о религиозно-политическом существе мартовских событий 1553 года. Их приоткрывшийся смысл указывает на религиозное сообщество, где находили применение эти знаки и откуда, следовательно, исходила смертельная опасность, угрожавшая русскому самодержцу. Это – приверженцы ереси, которые осели в Кремле с конца XV века и с тех пор гнездившиеся там, временами затихая, а при благоприятных обстоятельствах усиливая свою деятельность. Периоды благоприятствования для них наступали с появлением на самом верху государственной власти людей, покровительствующих им. Так было при великом князе Иване III, так случилось при великом князе Василии III, так произошло и при царе Иване IV, когда центром притяжения еретиков стал кремлевский двор Владимира Старицкого,¹ тесными узами связанного с попом Сильвестром и его придворной партией, активно поддерживавшей претензии удельного князя на московский трон. Настал момент вновь вернуться в покои умирающего, как многим тогда казалось, царя.

Надо полагать, что «совершение» духовной много времени не потребовало, так как «всегда бо бяше у государя сие готово». Сколько дней прошло с начала болезни Ивана 1 марта до составления духовной, сказать трудно.² Однако характер болезни Ивана IV (горячка), протекавшей, по-видимому, достаточно интенсивно, очень скоро мог внушить царскому окружению мысль, будто он умирает. Следовательно, речь идет, по всей видимости, о нескольких днях, во всяком случае, о недельном сроке, не более. Но если признать правомерным предположение об отравлении царя, то все это должно было произойти в считанные дни. И вот когда духовная была подготовлена, «начаша государю говорити о крестном целовании, чтобы князя Владимира Андреевича и бояр привести к целованию на царевичево княже-Дмитреево имя».³ Употребляемый здесь глагол прошедшего времени (аорист) 3-го лица множественного числа *начаша* указывает на группу людей, находившихся при больном государе и заговоривших о необходимости привести к присяге Владимира Старицкого и бояр. Надо думать, то были «ближние люди», сохранявшие верность Ивану. Важно запомнить, что крестное целование поначалу замышлялось на «царевичево княже-Дмитреево имя», что и было проделано «ближними боярами» князем И.Ф.Мстиславским, князем В.И.Воротынским, И.В.Шереметевым, М.Я.Морозовым, князем Д.Ф.Палецким, боярином Д.Р.Юрьевым, боярином В.М.Юрьевым, а также посольским дьяком И.М.Висковатым. Тогда же целовали крест и думные дворяне А.Ф.Адашев и И.М.Вешняков.⁴

¹ См.: *Скрынников Р.Г.* 1) Начало опричнины. С. 102, 103, 104.; 2) Иван Грозный. М., 1975. С. 52.

² Ср.: *Филюшкин А.И.* История одной мистификации... С. 78–79.

³ ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 523.

⁴ Там же. Присяга на имя Дмитрия людей «ближнего круга» состоялась, судя по всему, несколько дней спустя после начала болезни Ивана IV, во всяком случае,

Не следует чересчур упрощать факт целования креста на верность царевичу Алексеем Адашевым, как это делает, например, Р.Г.Скрынников: «В письме Курбскому Грозный прямо приписал Алексею Адашеву намерение “известить” царевича Дмитрия. Однако из “Повести о мятеже”, сочиненной самим царем, следует, что Алексей верноподданнически и без всяких оговорок целовал крест Дмитрию в первый день присяги».¹ Из приписки следует лишь то, что Алексей Адашев, действительно, без оговорок (по С.В.Бахрушину, «беспрекословно»²) целовал крест Дмитрию после вышеназванных деятелей, проявив удивительную пассивность в чрезвычайной ситуации. Пассивность эта не только удивляет, но и настораживает, невольно заставляя задуматься над тем, а все ли здесь чисто.³ Ведь еще С.М.Соловьев отмечал, что «всего более должны были поразить Иоанна бездействие, молчаливая присяга Алексея Адашева».⁴ Несомненно, впрочем, одно: целовал Адашев крест верноподданнически или же с затаенным чувством неприятия царского наследника, т.е. двоедушно, сказать, исходя из факта присяги, нельзя. Тем не менее, возможность подобной неискренности не исключена, что засвидетельствовал своим двурушничеством князь Д.Ф.Палецкий, который, как мы видели, присягнул вместе с другими «ближними боярами» Дмитрию, но тут же послал «ко княгине Офросинье и к сыну к ея ко князю Владимиру зятя своего Василия Петрова сына Борисова Бороздина» сказать, что он не «супротивен» тому, чтобы быть Старицким «на государстве», и готов им «служить».⁵ Уклонились от крестоцелования князь Д.И.Курлятев и казначей (тогда печатник⁶) Н.А.Фуников, сославшись на болезнь. Однако ходили слухи «про князя Дмитрея Курлятева да про Микиту Фуникова, будто они ссылалися с княгинею Офросиньею, с сыном ея с князем Владимиром, а хотели его на государство, а царевича князя Дмитрея для младенчества на государство не хотели».⁷ Дмитрий Курлятев и Никита Фуников целовали крест, когда все

не 11 марта, как полагают некоторые исследователи. – См., напр.: *Скрынников Р.Г. Царство террора*. С. 110; *Граля И. Иван Михайлов Висковатый...* С. 94

¹ *Скрынников Р.Г.* 1) *Царство террора*. С. 112; 2) *Иван Грозный*. М., 2002. С. 69.

² *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. II. С. 348.

³ С.В.Бахрушин усматривал в ней простую осторожность. «Алексей Адашев, – говорил историк, – держался очень осторожно во время “мятеже” и “шума” во дворце» (*Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. II. С. 294). Нам, однако же, эта пассивность напоминает поведение человека, запустившего механизм и наблюдающего со стороны за тем, как он действует.

⁴ *Соловьев С.М.* Сочинения: В 18-ти книгах. Кн. III. М., 1989. С. 511.

⁵ И.Граля видит в этом маневрировании князя Палецкого «классический пример страховки на случай любого поворота событий» (*Граля И. Иван Михайлов Висковатый...* С. 99–100). По мнению же А.Л.Хорошкевич, действия Палецкого отчасти определялись «его родственными связями: он, с одной стороны, был тестем царского брата Юрия и, с другой, дальним родственником – через Бороздиных и Хованских – Владимира Старицкого» (*Хорошкевич А.Л.* Россия в системе международных отношений середины XVI века. С. 126).

⁶ См.: *Филюшкин А.И.* История одной мистификации... С. 78.

⁷ ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 523.

улеглось и поле битвы, так сказать, осталось за царем Иваном. Если о действиях Д.Ф.Палецкого автор приписки к Царственной книге заявляет уверенно как о факте установленном, то о связи Курлятева и Фуникова со старицкими князьями он сообщает в предположительном тоне, замечая, что об этом поговаривали люди («глаголаху»). Перед нами лишнее подтверждение стремления составителя приписки к точности передачи событий, соответствующей времени их происшествия. Будь иначе, он едва ли бы придерживался подобного различия. Обозначив ненадежность князя Курлятева (пусть даже предполагаемую), автор приписки дает повод современному исследователю заподозрить в том же и Алексея Адашева, поскольку этот князь, как мы знаем со слов Ивана Грозного, являлся «единомысленником» Адашева и Сильвестра, введенным ими в «синклит» при государе.¹ Понятно, почему С.М.Соловьев называл Дмитрия Курлятева «самым приближенным к Сильвестру и Адашеву человеком»,² а С.В.Бахрушин – «приятелем» Алексея Адашева, «ближайшим сотрудником Адашева и Сильвестра»³ И тот факт, что Курлятева ввели в государев «синклит» Адашев и Сильвестр, а не наоборот, не оставляет сомнений насчет того, кто кем управлял и кто кого направлял. Ведущая роль здесь Сильвестра и Адашева очевидна.

Во время болезни Ивана замысел государственного переворота, вынашиваемый противниками «Святорусского царства», обозначился со всей определенностью: «А в то же время князь Володимер Андреевич и мати его събрали своих детей боярских, да учили им давати жалование денги...».⁴ В.В.Шапошник усматривает в поведении старицких правителей «стремление заручиться поддержкой военной силы в случае каких либо осложнений».⁵ Однако данное короткое известие содержит более емкую информацию, чем ему представляется.

Судя по всему, старицкие правители собрали детей боярских в своем кремлевском дворе. Дело это не простое, поскольку служилые люди, как тогда выражались, «сидели по домам» или находились в служебных посылках.⁶ Значит, о сборе их нужно было специально оповещать, для чего требовалось, по крайней мере, несколько дней. Возможно, однако, что оповещение и сбор детей боярских состоялись накануне мартовских событий 1553 года. Если согласиться с первым заключением, надо будет признать, что болезнь царя сразу же побудила Старицких и придворную «фронду» к активным действиям по захвату московского трона. Без предварительного сговора между ними, квалифицируемого как антигосударственный заговор,⁷ это предста-

¹ См.: Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 31.

² Соловьев С.М. Сочинения. Кн. III. С. 511.

³ Бахрушин С.В. Научные труды. Т. II. С. 294, 348.

⁴ ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 523.

⁵ Шапошник В.В. Иван Грозный... С. 191.

⁶ Б.Н.Флоря справедливо заметил, что детей боярских, т.е. военных вассалов, Владимир и Ефросинья призвали в Москву «с территории своего Старицкого княжества». – Флоря Б.Н. Иван Грозный. С. 70.

⁷ О заговоре Старицких пишет и Р.Г.Скрынников. – Скрынников Р.Г. Начало опричнины. С. 92.

вить, на наш взгляд, невозможно.¹ Еще более укрепляет мысль о заговоре догадка, согласно которой оповещение о сборе в Москве детей боярских старицкого князя имело место до болезни государя. Но тогда окажется, что об этой болезни и времени ее возникновения Владимир и Ефросинья Старицкие знали наперед и потому заранее собрали своих детей боярских у себя на кремлевском дворе, где держали их наготове. Опасность скопления в Кремле служилых людей соперника царь Иван осознал в ходе мартовского «мятежа», вследствие чего в крестоцеловальную грамоту старицкого князя Владимира на имя государя и его новорожденного сына Ивана (май 1554 г.) было внесено обязательство: «А жити ми (Владимиру. – *И. Ф.*) на Москве в своем дворе; а держати ми у себя своих людей всяких сто восемь человек, а боле ми того людей у себя во дворе не держати; а опричь ми того служилых своих всех держати в своей отчине».²

Признав заблаговременный сбор служилых людей старицких правителей в их кремлевском дворе, мы снова упираемся в догадку об искусственном происхождения заболевания царя, предполагающую отравление. Однако при любом раскладе событий ясно видна конечная цель Старицких и спешествующей им придворной группировки – захват высшей власти.³ Особенно наглядно это демонстрирует выдача князем Владимиром и княгиней Ефросиньей денег детям боярским. По заведенному в ту пору порядку жалование служилым людям, в первую очередь деньгами, выдавалось перед военным походом. Поэтому раздача денег детям боярским, находящимся на службе у старицких князей, означало лишь одно: приготовление к вооруженному выступлению против царя Ивана и его наследника Дмитрия.⁴ Следует согласиться с Р.Г.Скрынниковым, когда он говорит: «Судя по некоторым их (Старицких. – *И. Ф.*) действиям, они подготавливали дворцовый переворот. В дни кризиса Старицкие вызвали в Москву удельные войска и стали демонстративно раздавать им жалование».⁵ Бояре, верные государю, не заб-

¹ По словам И. Грали, во время болезни Ивана «противники царевича Дмитрия вступили в тайные отношения с претендентом, обещая поддержать его кандидатуру...» (*Граля И. Иван Михайлов Висковатый... С.94*). Думается, это произошло не на один год раньше. Болезнь царя лишь активизировала данные «отношения с претендентом».

² СГГид. Ч. I. М., 1813. С. 466.

³ «Старицкие, – говорит Р.Г.Скрынников, – пытались использовать благоприятную ситуацию и втайне готовились захватить власть». – *Скрынников Р.Г. Начало опричнины. С. 92*.

⁴ См.: *Смирнов И.И. Очерки... С. 268; Филюшкин А.И. История одной мистификации... С. 79*.

⁵ *Скрынников Р.Г. Начало опричнины. С.92*. В книге «Царство террора», изданной много позже, Р.Г.Скрынников убрал идею о заговоре Старицких и несколько приглушил мысль о затеваемом ими перевороте. Оказывается, Владимира Старицкого «заподозрили в подготовке военного переворота, что удостоверено записями 1554 г.» (*Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 109*). И уж вовсе далекое от действительности объяснение сбора детей боярских князем Владимиром и княгиней Ефросиньей приводит Б.Н.Флоря: «Старицкий князь, конечно, знал, что сразу после смерти

луждались на сей счет ни на минуту: «И бояр о том (о жаловании деньгами детей боярских. — *И. Ф.*) князю Володимеру учили говорить, что мати его и он так не гораздо делает: государь недомогает, а он людей своих жалует».¹ Владимир и Ефросинья, уверенные, вероятно, в своей силе, «почали на бояр велми негодовати и кручинитися». Но бояре не растерялись и «начаша от них беречися и князя Володимера Ондреевича ко государю часто не почали пушати».² Сторонники царя, следовательно, проявили твердость и прекратили доступ удельного князя к больному, не без основания усматривая опасность для него такого рода посещений. Следовательно, скрытое противостояние противников и сторонников Ивана IV превратилось в конфликт, еще не вооруженный, но открытый. И вот в этот конфликт, свидетельствующий о накале страстей при дворе, вмешивается политический, так сказать, «тяжеловес» поп Сильвестр, причем на стороне старицких властителей: «Сей убо тогда начат бояром въспрещати, глаголя: “про что вы ко государю князя Володимера не пушаете? Брат вас, бояр, государю доброхотнее”. Бояре же глаголаша ему: на чем они государю и сыну его царевичу князю Дмитрею дали правду, по тому и делают, как бы их государству было крепче. И оттоле бысть вражда межи бояр и Селиверстом и его советники».³

Василия III Боярская дума арестовала и заключила в тюрьму его дядю, брата великого князя Юрия, опасаясь его притязаний на трон в малолетство наследника, и мог поэтому принимать меры по обеспечению своей безопасности с помощью военных слуг». — *Флоря Б.Н.* Иван Грозный. С. 70.

¹ ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 523–524.

² Там же. С. 524.

³ Там же. С.Б.Веселовский по какой-то причине перепутал последовательность описанных в интерполяции событий. Он писал: «Мысль привести кн. Владимира ко кресту царевичу Дмитрию возникла у приближенных царя в первый же день, но распри бояр, по-видимому, заставили отложить это дело. “А как привел государь бояр к целованию, и государь велел записать запись целовальную, на чем приводит к целованию кн. Володимира Ондреевича”. На отказ кн. Владимира присягать царь будто бы сказал: “То ведаешь сам: коли не хочешь креста целовати, то на твоей душе; што ся станет, мне до того дела нет”. После этой угрозы царь удалился в свои покои, приказав боярам действовать без него. Бояре заявили князю, что они не выпустят его, пока он не поцелует крест. “И одва князя Володимира принудили крест целовати, и целовал крест поневоле”. Кн. Евфросинья отказалась привесить свою печать к записи сына, со словами: “Что то де за целование, коли невольное? и много речей бранных говорила. И оттоле бысть вражда велия государю с князем Володимером Ондреевичем, а в боярех смута и мятеж”. Создавшееся положение грозило старицким князьям “нятством” и смертью в тюрьме, и только тут выступил Сильвестр...» (*Веселовский С.Б.* Исследования по истории опричнины. С.284). Сильвестр, как следует из приписки к Царственной книге, выступил после того, как ближние бояре «часто не почали пушати» Владимира Старицкого к больному Ивану, т.е. раньше, чем это изображает С.Б.Веселовский. Кроме того, исследователь небрежно излагает мартовские события 1553 года, в результате чего в его изложение вкрадываются отдельные неточности, странные для историка, пользующегося репутацией тонкого источниковеда. Так, целование креста Владимиром Старицким пришлось отложить не из-за боярских распри, а по причине, прежде всего, отказа большинства бояр

Некоторые историки недооценивают факт вмешательства Сильвестра в придворную борьбу вокруг московского престола. К примеру, С.Б.Веселовский утверждал, будто Сильвестр «не принимал никакого участия в суматохе о присяге»,¹ будто он «по неизвестным нам причинам стоял в стороне от боярских распрей по поводу присяги», а значит, «нет оснований считать его сторонником “воцарения” кн. Владимира», и если благовещенский поп все-таки «выступил в конце концов на защиту старицких князей, то только потому, что хотел предотвратить расправу бояр с ними, которая могла вызвать тяжелые последствия не только для царя, но и для всего государства».² По мнению И.Грали, «активность Сильвестра проявилась только в том, что он обратил внимание бояр на предосудительность недопущения Владимира Андреевича к умирающему царю».³ Вместе с тем исследователь указывает на то, что Сильвестр вступил в тайные отношения с Владимиром Старицким, обещая поддержать его кандидатуру на московский престол.⁴ Следовательно, «активность Сильвестра проявилась» еще и в тайной сфере, причем преимущественно именно в тайной сфере. Стало быть, деятельность Сильвестра обнаруживается не только в том, «что он обратил внимание бояр на предосудительность недопущения Владимира Андреевича к умирающему князю». Однако выявить ее детально нет возможности, поскольку она (как, впрочем, и вся деятельность Сильвестра⁵) покрыта тайной. Можно лишь говорить об общем ее характере как направленной против воли царя и в пользу удельного князя. Тем не менее, даже краткие сведения о поведении Сильвестра во время царской болезни, содержащиеся в приписке к Царственной книге, позволяют составить относительно ясное представление о его роли в политической борьбе той поры. И что тут интересно, так это то, что рядовой,

присягать царевичу Дмитрию, вызвавшего столкновение Боярской Думы с Ближней Думой. Когда Дума была приведена к присяге, настал черед и князя Старицкого. Далее, княгиня Ефросинья отказывалась привесить к целовальной грамоте не свою, но, как в источнике сказано, княжью печать, т.е. печать кн. Владимира, хранимую старицкой княгиней. К сожалению, уже во время издания документа в начале XIX века на этой восковой печати, привешенной к грамоте «на шелковом малиновом шнурке», «за растоплением воску никакого изображения на оной видеть не можно». – СГГД. Ч. I. С. 461.

¹ Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. С. 284.

² Там же. С. 285, 286.

³ Граля И. Иван Михайлов Висковатый... С. 104.

⁴ Там же. С. 94.

⁵ Следует согласиться с А.Л.Дворкиным, когда он говорит: «Крайняя осторожность и смирение Сильвестра позволяли ему всегда оставаться в тени, не занимая никакого официального положения при дворе, поэтому его истинная роль и не могла быть заметна большинству современников. Громадное влияние Сильвестра заключалось в том, что он был одним из главных идеологов политики Избранной Рады и духовным вождем ее участников» (Дворкин А.Л. Иван Грозный как религиозный тип. Статьи и материалы. Нижний Новгород, 2005. С. 74). Тут все, на наш взгляд, верно, за исключением смирения Сильвестра, чье активное вмешательство в мирские дела свидетельствует об обратном.

казалось бы, священник вторгается в дела огромной, можно сказать, судьбоносной государственной важности и позволяет себе перечить представителям княжеско-боярской знати, укоряя их за недостойный, как ему мнится, поступок.¹ Больше того, Сильвестр, если строго следовать летописной записи, «начат бояром въспречати», т.е. препятствовать, мешать им.² Что это: беспредельная наглость или же уверенность в собственном могуществе и в конечном успехе затеянного предприятия? Скорее всего, — второе.³

Получив неожиданный для себя отпор, Сильвестр озлобился. «И оттоле бысть вражда межи бояр и Селиверстом и его советники», — читаем у летописца. Вполне понятен политический апломб благовещенского попа: за ним стояли организованные «советники», единомышленники, т.е. придворная партия, которую И.И.Смирнов справедливо назвал «группировкой Сильвестра и Адашева».⁴ И.И.Смирнов так охарактеризовал позицию Сильвестра в мятежные дни марта 1553 года: «Сильвестр открыто вмешивался в борьбу между сторонниками царя и группировкой Старицких, пытаясь помешать принятию предупредительных мер против Владимира Старицкого, принимавшихся верными царю боярами, и демонстративно заявляя, что Владимир Старицкий “вас, бояр, государю доброхотнее”. Такая позиция вела к острому конфликту между ним и верными Ивану Грозному боярами...».⁵

Надо полагать, Сильвестр, скрывающий свои истинные планы, не стал бы обнаруживать себя и не пошел бы на открытый конфликт с боярами, не случись чрезвычайное, по-видимому, непредугаданное заговорщиками обстоятельство: прямой и резкий разговор приверженцев московского самодержца с Владимиром Старицким и последующее запрещение ему посещать больного государя. Это было для «группировки Сильвестра и Адашева» серьезным предзнаменованием провала задуманного государственного переворота. Сильвестр встревожился и поспешил спасать положение, считая, вероятно, что сумеет своим вмешательством поправить дело. Но, «увы ему», он ошибся и проиграл, встретив решительную отповедь бояр, сохранявших верность присяге и долгу.

Для современного наблюдателя, занятого рассмотрением мартовских событий 1553 года, безрезультатность попыток Сильвестра и Владимира Старицкого развить начатую акцию по захвату власти означает, бесспорно, некоторое изменение соотношения сил в пользу сторонников Ивана IV. Это изменение, впрочем, было обусловлено не столько военно-политическими обстоятельствами, сколько психологическими мотивами, связанными непосредственно с больным государем. Несмотря на смертельную, казалось, бо-

¹ А.Л.Дворкин старается изобразить Сильвестра в мартовских событиях 1553 года некой «овечкой». Оказывается, Сильвестр «лишь спросил» бояр, «может ли двоюродный брат царя, князь Владимир Старицкий, повидать больного» (Там же. С. 119). Неизвестно только, откуда историк почерпнул такого рода сведения.

² См.: Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 3. М., 1976. С. 50.

³ Ср.: Веселовский С.Б. Исследования по истории oprичнины. С. 283–285.

⁴ Смирнов И.И. Очерки... С. 272 (прим. 21).

⁵ Там же. С. 271.

лезнь, царь все-таки оставался жив, что обнадеживало его сторонников и приводило в замешательство противников. И чем дальше, тем больше это настроение усиливалось.

После очевидного провала Владимира Старицкого и Сильвестра становилось ясно, что заговор срывается, и заговорщикам следовало бы остановиться и дать ход назад. Но они, чрезмерно уверовав в успех, продолжали свою уже бесперспективную игру, нагнетая обстановку в Кремле. Между тем, Иван призвал «бояр своих всех и начал им говорити, чтобы они целовали крест к сыну его царевичю ко князю Дмитрею, а целовали бы в Передней избе, понеже государь изнемога же велми, и ему при собе их приводит к целованию истомно...».¹ Быть при целовании царь поручил ближним своим боярам князю Ивану Федоровичу Мстиславскому и князю Владимиру Ивановичу Воротынскому «съ товарищи». Но тут заупрямился боярин и князь Иван Михайлович Шуйский, который «учал противу государевых речей говорити, что им не перед государем целовати не мочно: перед кем им целовати, коли государя тут нет?».² Выходка И.М.Шуйского не осталась незамеченной историками.

С.В.Бахрушин, касаясь ее, замечал: «Князь Иван Михайлович Шуйский отказался целовать крест (присягать) на том основании, что “государя тут нет”».³ Более обстоятельно характеризовал поведение крамольного князя И.И.Смирнов, по мнению которого И.М.Шуйский «открыто выступил против царя, заявив об отказе целовать крест на имя Дмитрия».⁴ При этом князь, полагает исследователь, «обусловил свой отказ чисто формальными мотивами: “что им не перед государем целовати не мочно: перед кем им целовати, коли государя тут нет”». Но значение выступления кн. И.М.Шуйского определялось не характером его аргументации (искусственность которой была очевидна), а самим фактом того, что в его лице против царя выступал виднейший представитель княжат, глава наиболее мощной боярской группировки, державшей власть в годы боярского правления».⁵

А.А.Зимин увидел в поступке Шуйского невинное, можно сказать, желание уклониться от присяги царевичу Дмитрию.⁶

По мнению Р.Г.Скрынникова, перед началом церемонии крестоцелования наследнику «боярин князь И.М.Шуйский с полным основанием протестовал против нарушения традиций, принесения присяги в отсутствие царя... Протест старшего из бояр носил формальный характер и вовсе не означал отказа от присяги по существу. Причиной недовольства Шуйского и других

¹ ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 524.

² Там же.

³ Бахрушин С.В. Научные труды. Т. II. С.294, 349. Аналогичным образом рассуждает новейший исследователь А.И.Филошкин. – Филошкин А.И. История одной мистификации... С.79.

⁴ Смирнов И.И. Очерки... С. 272.

⁵ Там же (прим. 21).

⁶ Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного. С. 411. См. также.: Зимин А.А., Хорошкевич А.Л. Россия времени Ивана Грозного. М., 1982. С. 70.

старейших бояр было то обстоятельство, что руководить церемонией присяги было поручено не им, а молодым боярам князьям И.Ф.Мстиславскому и В.И.Воротынскому.¹ В книге «Царство террора» Р.Г.Скрынников рисовал похожую картину.² Однако в других изданиях, посвященных, например, Ивану Грозному как деятелю русской истории, встречаются противоречивые и даже взаимоисключающие суждения. В одном случае Р.Г.Скрынников пишет: «Перед началом церемонии (присяги Дмитрию. – И.Ф.) боярин князь Иван Шуйский заявил, что крест следует целовать в присутствии царя, но его протест вовсе не означал отказа от присяги по существу. Причиной недовольства старейшего боярина было то, что руководить церемонией поручили не ему, а молодому боярину Воротынскому».³ В новом варианте книги об Иване Грозном автор говорит: «Торжественное начало (церемонии присяги царевичу. – И.Ф.) омрачилось тем, что старший боярин отказался от присяги... Протест Шуйского носил формальный характер. Руководить присягой мог либо сам царь, либо старшие бояре. Вместо этого церемония была поручена Воротынскому».⁴ В результате получается какая-то запутанная комбинация: Иван Шуйский то отказывается от присяги, то протестует, а если отказывается, то по формальным соображениям, а не по существу. Что означает все это, приходится лишь догадываться.

Согласно И.Грале, поведение И.М.Шуйского не имело крамольного смысла. «Кульминация кризиса, – говорит он, – наступила 12 марта, когда царь потребовал присяги от всех членом Боярской думы. По его поручению присягу принимали члены Ближней думы во главе с князьями Мстиславским и Воротынским. Этому воспротивился предводитель Думы князь Иван Михайлович Шуйский, заявивший, что крест следует целовать только в присутствии царя».⁵ Далее И.Гралья замечает: «Нежелание князя Ивана Михайловича Шуйского принимать присягу в отсутствие царя обычно трактовалось как отказ от декларации верности царевичу, прикрытый надуманной причиной, а также как проявление отрицательного отношения к наследнику представителей знатных княжеских родов, особенно могущественного рода ростово-суздальских князей».⁶ И.Гралья думает иначе: «Но есть основания для того, чтобы трактовать слова Шуйского дословно – как проявление ущемленной гордости Рюриковича и представителя думы, поскольку представлять царя было поручено не ему, а Мстиславскому и Воротынскому, людям менее знатного происхождения, что он расценивал как покушение на положение своего рода. Слова Шуйского не совпадают с высказываниями противников наследника, приведенными в записи, а в его дальнейшей карьере нет и малейшего следа царской немилости».⁷ Здесь И.Гралья близок к точке зрения Р.Г.Скрынникова.

¹ Скрынников Р.Г. Начало опричнины. С. 93–94.

² Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 111.

³ Скрынников Р.Г. Иван Грозный. М., 1975. С. 48–49.

⁴ Скрынников Р.Г. Иван Грозный. М., 2002. С. 69.

⁵ Гралья И. Иван Михайлов Висковатый... С. 94–95.

⁶ Там же. С. 102.

⁷ Там же.

В том же духе рассуждает А.Л.Хорошкевич. По ее словам, заявление И.М.Шуйского «было следствием ущемленной гордости Рюриковича и представителя Думы, которому не поручили ответственное и почетное дело (так полагает И.Граля¹), поставив тем самым даже ниже думных дворян (Адашева и Вешнякова), присягавших непосредственно самому царю».²

Наконец, в исторической литературе высказывалось сомнение относительно того, имел ли место вообще эпизод с Шуйским, запечатленный в приписке к Царственной книге. «Поскольку данная приписка, – рассуждал Г.В.Абрамович, – сделана более чем через 10 лет после 1553 г., уже в период опричнины, ей нельзя придавать серьезного значения».³ Подтверждение своей мысли Г.В.Абрамович находил в благожелательном отношении Грозного к И.М.Шуйскому после 1553 года: «Отправляясь в 1555 г. в Коломенский поход, Иван IV оставляет в Москве в качестве советников при слабоумном брате царя Юрии, которому формально было поручено управление столицей в отсутствие царя, именно И.М и Ф.И.Шуйских».⁴ Метод, применяемый Г.В.Абрамовичем для определения достоверности источника, нам представляется сомнительным, ибо сам по себе факт появления письменных сведений о тех или иных событиях позже этих событий не может служить критерием их доброкачественности. Больше того, нередко бывает так, что подлинный смысл произошедшего познается лишь по истечении времени, причем длительного времени. Что касается решения царя, оставившего Ивана Шуйского советником при брате Юрии на время своего Коломенского похода в 1555 году, то оно не может быть истолковано как свидетельство, исключающее неповиновение князя Шуйского государю, проявленное им в марте 1553 года. Г.В.Абрамович прибегает к порочному, на наш взгляд, доводу: коль Грозный положительно относился к И.М.Шуйскому после 1553 года, поручив ему быть советником при брате Юрии Васильевиче в 1555 году, – значит, не было и непокорства князя, когда возникла необходимость присяги на имя царевича Дмитрия. В том-то и дело, что имело место и непокорство, и почетное поручение. Почему так вышло, скажем ниже. А сейчас вернемся в Переднюю избу, где разыгралась настоящая драма.

С.В.Бахрушин и И.И.Смирнов, думается нам, правы: Иван Шуйский **отказался** целовать крест наследнику престола. Но сделал он это под внешне благовидным предлогом: «не перед государем целовати не мочно». С формальной точки зрения Шуйский имел основания поступить подобным образом. Однако то была формальность, которая переходила в существо вопроса:

¹ А.Л. Хорошкевич должна была бы сказать: так полагают Р.Г. Скрынников и И.Граля.

² *Хорошкевич А.Л.* Россия в системе международных отношений середины XVI века. С. 126. В книге, написанной в соавторстве с А.А.Зиминым, А.Л.Хорошкевич придерживалась несколько иного взгляда, полагая, что И.М.Шуйский «хотел уклониться» от присяги. – *Зимин А.А., Хорошкевич А.Л.* Россия времени Ивана Грозного. С. 70.

³ *Абрамович Г.В.* Князья Шуйские и Российский трон. С. 105.

⁴ Там же.

присягать или не присягать. Иван Шуйский избрал второе. Поэтому не следует, на наш взгляд, рассуждать так, будто протест Шуйского «носил формальный характер и вовсе не означал отказа от присяги по существу». Перед нами та формальность, о которой говорят: по форме правильно, а по существу издевательство. Свой отказ от присяги по существу И.М.Шуйский завуалировал формальной причиной. Целовать крест царевичу Дмитрию князь, как видно, не хотел и потому свел всю проблему к отсутствию государя на церемонии присяги. Он ведь ничего не сказал насчет замены молодых бояр, руководивших присягой, боярами старшими,¹ поскольку понимал, что провозвести такую замену проще и легче, чем вынудить изнемогающего от хвори государя быть при утомительной процедуре крестоцелования. И тогда присяга могла бы состояться. А этого-то заговорщикам и не хотелось. Вот почему Шуйский сосредоточил внимание на царе Иване, требуя его присутствия на крестоцеловальной церемонии, открыто проявив тем самым несогласие с государем, т.е. неповиновение ему. Недаром автор приписки заметил, что Шуйский «учал противу государевых речей говорить». Это был хорошо рассчитанный беспроектный маневр. В самом деле, если бы царь отсутствовал во время присяги, ее можно было бы попытаться сорвать, что, собственно, Шуйский и затеял; а если бы крестоцелование проходило в присутствии государя, на чем настаивал титулованный оратор, то эта уступка обнаружила бы слабость Ивана IV перед боярами, побудив их к новому самовольству. Однако в любом случае открытое неповиновение столь знатной персоны распоряжениям Грозного создавало атмосферу вседозволенности.

Ситуация усугублялась для царя Ивана тем, что И.М.Шуйский говорил не от себя лично, а от лица «всех бояр» (за исключением, разумеется, ближних), или Боярской Думы, о чем свидетельствует летописная фразеология: «им целовати не мочно»; «перед кем им целовати». Правда, можно подумать, что местоимение «им» обозначает представителей рода Шуйских – членов Боярской Думы. Но это было бы так, если бы Иван Шуйский возражал непосредственно против церемонии присяги, руководимой Иваном Мстиславским и Владимиром Воротынским. Он же был озабочен не частным случаем, а общим правилом порядка крестоцелования наследнику престола, предусматривающим присутствие государя на церемонии присяги, т.е. правила, затрагивающего интересы всей Боярской Думы. Вот почему акция Ивана Шуйского (на это, кстати сказать, не обращалось должного внимания в историографии) была не индивидуальной или узкоклановой, а коллективной, за которой стояла Боярская Дума, во всяком случае, ее большинство, кроме, разумеется, Ближней Думы, которая, как мы видели на примере князя Дмитрия Палецкого, князя Дмитрия Курлятева, Никиты Фуникова и тщательно скрывавшего свои замыслы Алексея Адашева, не была, однако, монолитной.

¹ Шуйский вообще обошел молчанием проблему взаимоотношений старших и молодых бояр. Поэтому рассуждения Р.Г.Скрынникова, будто Иван Шуйский был недоволен тем, что руководить церемонией присяги поручили не ему, а молодому боярину Воротынскому, повисают в воздухе.

Заявление И.М.Шуйского послужило сигналом для других. Вслед за ним (видимо, по заготовленному сценарию) выступил окольничий Ф.Г.Адашев, который молвил: «Ведает Бог да ты, государь: тебе, государю, и сыну твоему царевичю князю Дмитрею крест целуем, а Захарьиным нам Данилу с братиею не служивати; сын твой, государь наш, еще в пеленицах, а владети нами Захарьиным Данилу з братиею; а мы уже от бояр до твоего возрасту беды видели многия». Выслушав старшего Адашева, «царь и великий князь им молил. И бысть мятеж велик и шум и речи многия въ всех боярах, а не хотят пеленичнику служити».¹ Как понять Адашева-отца?

Еще в досоветской историографии высказывались мнения о том, что Федор Адашев оказал явное сопротивление присяге царевичу Дмитрию,² что он смело отказался присягать наследнику,³ не желая воцарения Дмитрия.⁴

Аналогичные суждения встречаем и в советской исторической литературе. Отец А.Адашева, согласно С.В.Бахрушину, открыто и категорически отказался присягать Дмитрию.⁵ Столь же определенно охарактеризовал поступок Ф.Г.Адашева и другой знаток истории России XVI века, И.И.Смирнов, по словам которого тот «не только отказался целовать крест на имя царевича Дмитрия, но и открыто выступил против Захарьиных».⁶ И.И.Смирнов пришел к важному заключению о том, что характер позиции Алексея Адашева «в борьбе вокруг кандидатуры преемника Ивана Грозного определял не этот формальный акт, а поведение его отца, окольничего Ф.Г.Адашева».⁷ О сопротивлении Ф.Г.Адашева присяге царевичу писал Б.Н.Флоря.⁸

Другие современные историки пытались смягчить заявление Ф.Г.Адашева, придав ему хотя бы отчасти позитивный смысл. Так, А.А.Зимин полагал, будто «Ф.Г.Адашев согласился принести присягу царю и Дмитрию, но при этом сделал оговорку...».⁹ В другой раз А.А.Зимин, разгорячившись, видно, в полемике с И.И.Смирновым, высказался еще решительнее, заявив, будто Ф.Г.Адашев «присягнул Дмитрию, но опасался повторения тех же боярских распрей при малолетнем царевиче, какие были в “несовершенные лета” Ивана IV».¹⁰ По В.Б.Кобрину, «отец Алексея Адашева боярин Федор Григо-

¹ ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 524.

² Соловьев С.М. Сочинения. Кн. III. С. 511.

³ Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Кн. I. М., 1990. С. 434.

⁴ Платонов С.Ф. Иван Грозный. М., 1998. С. 65.

⁵ Бахрушин С.В. Научные труды. Т. II. С. 294, 348.

⁶ Смирнов И.И. Очерки... С. 271.

⁷ Там же.

⁸ Флоря Б.Н. Иван Грозный. С. 68.

⁹ Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного. С. 411. «Отец Алексея Адашева окольничий Ф.Г.Адашев хотя и принес присягу, но сделал при этом оговорку...» – читаем в книге А.А.Зиминой, вышедшей посмертно и в соавторстве с А.Л.Хорошкевич (Зимин А.А., Хорошкевич А.Л. Россия времени Ивана Грозного. С. 71). Текст, как видим, несколько изменен (наверное, А.Л.Хорошкевич), причем не лучшим образом – с неточностями.

¹⁰ Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного. С. 413.

рьевич, согласно официальной летописи, говорил царю, что хотя он и поцеловал крест царевичу Дмитрию, но все же испытывает сомнения...».¹

В исторической науке обозначилась также тенденция представить Ф.Г.Адашева всецело лояльным по отношению к царю Ивану и, таким образом, снять с него вину за «мятеж», возникший в Боярской Думе. Так, по С.Б.Веселовскому, смысл «заявления Федора Адашева ясен: он не склонялся на сторону кн. Владимира, а указывал царю на необходимость назначить таких авторитетных регентов, которые были бы в состоянии предотвратить боярское своеволие в правление недостаточно авторитетных Захарьиных».² С.Б.Веселовский подменяет факты, содержащиеся в данной части интерполяции, своей трактовкой этих фактов, украшенной догадками ученого. Приписка сообщает о том, что Федор Адашев, выражая согласие целовать крест царю Ивану и царевичу Дмитрию, заявил об отказе служить Захарьиным, что могло стать, если целовать крест наследнику и в случае смерти государя. Старший Адашев напомнил Ивану о бедах времен его несовершеннолетия. Как видим, это не совсем то, о чем говорит С.Б.Веселовский.

Наиболее заметным проводником идеи лояльности Ф.Г.Адашева Ивану IV является Р.Г.Скрынников. Сопоставление его работ, написанных в разное время, наглядно показывает, как усиливалась эта тенденция. В книге «Начало опричнины», появившейся в 1966 году, читаем: «В день присяги 12 марта 1553 г. окольничий Ф.Г.Адашев заявил, что целует крест царю и его сыну, а “Захарьиным нам Данилу з братиею не служивати: сын твой, государь наш, ещо в пеленицах, а владети нам Захарьиным Данилу з братиею, а мы уже от бояр до твоего возрасту беды видели многия”». Заявление Ф.Г.Адашева не имело ничего общего с поддержкой Старицких».³ Р.Г.Скрынников прямо не говорит, но из цитированных слов следует, что Ф.Г.Адашев не отказывался целовать крест царевичу, как и его сын Алексей, который «присягнул наследнику без всяких оговорок».⁴ Различие между отцом и сыном, стало быть, состояло в том, что первый сопровождал свою готовность присягнуть наследнику определенными условиями, а второй принес присягу без каких бы то ни было условий. Несмотря на спорность подобной трактовки, она все-таки ближе к летописному тексту, чем последующие аналогичные опыты автора. Однако уже здесь историк допускает неточность, с виду несущественную, но по сути важную. У Р.Г.Скрынникова окольничий Ф.Г.Адашев заявляет, что *целует* крест царю и его сыну, тогда как в источнике сказано: «тебе, государю, и сыну твоему царевичю князю Дмитрею крест *целуем*». Кому-нибудь это покажется мелочью. Но эта «мелочь» меняет ситуацию, высвечивая своеобразную роль старшего Адашева в событиях 1553 года, о чем ска-

¹ Кобрин В.Б. Иван Грозный. С. 53. Во-первых, Федор Адашев являлся тогда окольничим, а не боярином. Во-вторых, когда он выражал свои «сомнения», он еще не поцеловал крест царевичу Дмитрию. В-третьих, он не делился сомнениями, а высказал свое твердое неприятие Захарьиных в качестве регентов при малолетнем Дмитрии.

² Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. С. 282.

³ Скрынников Р.Г. Начало опричнины. С. 94.

⁴ Там же.

жем чуть ниже. К сожалению, такого рода неточности будут возобновляться в последующих работах Р.Г.Скрынникова. Так, в книге 1975 года об Иване Грозном говорится: «Близкий к царю Федор Адашев заявил, что целует крест наследнику, а не Даниле Захарьину с братьями. “Мы уже от бояр до твоего (царя) возрасту беды видели многие”, – заявил он при этом. Таким образом. Адашев вслух выразил разделявшуюся многими тревогу по поводу опасности возврата к боярскому правлению».¹ Как видим, исследователь повторяет здесь допущенную ранее неточность, пользуясь словом *целует* (единственное число) вместо фигурирующего в летописи слова *целуем* (множественное число).² Мало того, он усугубляет эту неточность, привнося в летописный рассказ свои вымыслы. Согласно летописцу, Федор Адашев вел речь о целовании креста государю и его наследнику, а не одному наследнику, как получается у Р.Г.Скрынникова. Присягать царю с наследником или только наследнику – вещи разные. И не замечать этого – значит, не до конца понимать суть происходившего в царском дворце. Р.Г.Скрынников приписал Ф.Г.Адашеву совершенно нелепое заявление о том, что он «целует крест наследнику, а не Даниле Захарьину с братьями», поскольку в данном случае Данило с братьями абсолютно неуместен: никто не предлагал, не мог предлагать Адашеву или кому бы то ни было целовать крест Даниле с братьями.³ Подобная неряшливость изложения событий противопоказана ученому. И очень жаль, что она прокралась в позднейшие труды историка. В книге «Царство террора» (1992) он говорит: «Выступив после Шуйского, окольный Ф.Г.Адашев обратился к думе со следующим заявлением: “Ведает Бог да ты, государь: тебе, государю, и сыну твоему царевичю Дмитрею крест целуем [и дальше по тексту]”. Протест Ф.Г.Адашева дал повод для инсинуаций. В письме Курбскому Грозный прямо приписал Алексею Адашеву намерение “известить” царевича Дмитрия».⁴ Все это – наветы, считает Р.Г.Скрынников: «Отец А.Адашева недвусмысленно высказался за присягу законному наследнику, но при этом выразил неодобрение по поводу регентства Захарьиных».⁵ Федор Адашев обратился не к Думе, как утверждает Р.Г.Скрынников, а к царю, что с очевидностью явствует из цитированного самим же исследователем летописного текста. Опять-таки следует заметить, что Ф.Г.Адашев выразил согласие присягать государю и его сыну, а не одному наследнику престола.

¹ Скрынников Р.Г. Иван Грозный. М., 1975. С. 49.

² См. также: Скрынников Р.Г. 1) Государство и церковь на Руси XIV–XVI вв. ... С. 242; 2) Крест и корона. ... С. 239.

³ Эту нелепость повторяет А.Л.Дворкин. «Адашев заявил, что “целует крест” наследнику, но не Захарьиным», – пишет он. – Дворкин А.Л. Иван Грозный как религиозный тип. С. 119.

⁴ Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 111–112. См. также: Скрынников Р.Г. Иван Грозный. М., 2002. С. 69.

⁵ Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 112. Эта концовка выглядит иначе в книге 2002 года об Иване Грозном: «Адашев старший недвусмысленно высказался за присягу законному наследнику, но при этом выразил недоверие Захарьиным. Выступление Федора Адашева отличалось большой откровенностью». – Скрынников Р.Г. Иван Грозный. М., 2002. С. 69.

Несколько идеализирует Ф.Г.Адашева и И.Гралья. «Окольничий Федор Адашев, – говорит он, – выразил опасение, что присяга на верность царевичу может усилить власть его дядьев Захарьиных».¹ И.Гралья считает необоснованной интерпретацию заявления Федора Адашева «как протеста против царской воли и доказательства участия его сына Алексея в заговоре против наследника Дмитрия. Содержание заявления не дает оснований для таких выводов. На самом же деле Адашев, говоря, как можно думать, от имени группы лиц, представителей незнатных родов, выразил свою и их готовность к присяге наследнику трона, но высказал при этом опасение по поводу регентства Захарьиных. Он сослался на недобрый прецедент боярского правления в период несовершеннолетия самого Ивана».² И.Гралья, как и Р.Г.Скрынников, допускает неточность, заявляя о готовности Федора Адашева присягнуть наследнику трона, тогда как в летописи говорится о его готовности целовать крест Ивану и Дмитрию в связке.

Не избежал аналогичной неточности и В.В.Шапошник: «Окольничий Федор Григорьевич Адашев (отец Алексея) сказал о том, что было, вероятно, на уме у многих, – они целуют крест именно Дмитрию, а не Захарьиным».³ Ничего такого Ф.Г.Адашев, как мы знаем, не говорил. Во избежание подобных недоразумений следует внимательно относиться к летописному тексту.

Версию, придающую безобидный характер (по отношению к царю) речи Федора Адашева в Передней избе, развивает А.И.Филюшкин: «В марте 1553 г., согласно приписке к Царственной книге, Ф.Г.Адашев активно выступал против регентства Захарьиных во время споров, проходивших во время принесения присяги царевичу Дмитрию. Фактически это должно было бы означать “бунт” против предсмертного желания царя. Однако этот факт (если он, конечно, имел место) никакого отрицательного влияния на карьеру Федора Григорьевича не оказал. Уже через месяц (в мае-июне) он получил боярство».⁴ Следовательно, «должно было бы означать», но не означило.

В дискуссии исследователей о том, соглашался или не соглашался Федор Адашев целовать крест царевичу Дмитрию, мы принимаем сторону тех, кто говорил об отказе Адашева присягать наследнику. При этом считаем необходимым привести некоторые дополнительные соображения по поводу действий Ф.Г.Адашева в тот памятный мартовский день 1553 года.

На наш взгляд, выступления боярина князя Ивана Шуйского и окольничего Федора Адашева не были стихийными и разрозненными, а являлись заранее предусмотренной единой акцией неповиновения государю, переходящей (будь она успешна) в захват высшей власти. Весьма красноречив в данном отношении тот факт, что Адашев, как и Шуйский, говорил не от собственного имени, а от лица «всех бояр», т.е. Боярской Думы (или большинства ее), о чем свидетельствуют употребляемые им выражения: «крест *целу-*

¹ Гралья И. Иван Михайлов Висковатый... С. 95.

² Там же. С. 102.

³ Шапошник В.В. Иван Грозный... С. 191.

⁴ Филюшкин А.И. История одной мистификации... С. 284.

ем»; «*нам* не служить»; «владети *нами*»; «*мы* уже от бояр видели беды многие». Но такого рода выступление требует предварительной согласованности, договоренности, сговора, что вполне соответствует заговору.

Довольно любопытна и формула присяги, предложенная Федором Адашевым: «тебе, государю, и сыну твоему царевичю князю Дмитрею крест целуем». Стало быть, Адашев изъявил согласие (свое и Думы) присягнуть одновременно государю и наследнику, тогда как царь Иван хотел привести бояр «к целованию на царевичево княже-Дмитреево имя»¹ и потому «начал им говорить, чтобы они целовали крест к сыну его царевичю Дмитрею».² Со стороны Ф.Г.Адашева и его единомышленников то была хитрость, уловка: строптивцы вроде бы не отступали от Ивана, но, умри царь (а на это они очень надеялись), присяга утратила бы силу, и тогда можно было бы распорядиться московским тронном по-своему. К этому надо добавить, что поведение Адашева-отца не может рассматриваться вне связи с позицией Адашева-сына в борьбе вокруг кандидатуры преемника Ивана IV, поскольку здесь очевидна их взаимозависимость.³

Таким образом, выступления Ивана Шуйского и Федора Адашева преследовали одну конечную цель: воспрепятствовать целованию креста на имя царевича Дмитрия. Открытое неповиновение царю двух влиятельных деятелей (один был «принцем крови», а другой – отцом всесильного временщика) возбудило страсти: «И бысть мятеж велик и шум и речи многия въ всех боярех, а не хотят пеленичнику служитьи».⁴ Значит, Боярская Дума (или ее большая часть⁵), солидарная со своими лидерами, отказалась присягать царевичу Дмитрию, проявив явное непослушание государю, что было равносильно бунту, хотя и, так сказать, тихому, пассивному, т.е. не сопровождавшемуся насилием.⁶

Едва ли поэтому прав А.А.Зимин, когда говорит, что «события 1553 г. не были ни боярским мятежом, ни заговором. Царственная книга сообщает лишь о толках в Боярской думе».⁷ Нельзя согласиться и с Р.Г.Скрынниковым, по словам которого «ближайшее рассмотрение обнаруживает ряд противоречий в летописном рассказе. Утверждение насчет мятежа в думе автор летописи не смог подтвердить ни одним конкретным фактом. Во-первых, он не мог назвать ни одного члена думы, который бы отказался от присяги наследнику. Во вторых, из его собственного рассказа с полной очевидностью следует, что прения в Боярской думе в день присяги носили вполне благонаме-

¹ ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 523.

² Там же. С. 524.

³ См.: *Смирнов И.И.* Очерки... С. 271.

⁴ ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 524.

⁵ См.: *Зимин А.А.* Реформы Ивана Грозного... С. 412–413.

⁶ Вот почему в высшей степени проблематичным является утверждение А.Л.Дворкина о том, что никто из бояр «не отказывался от крестного целования наследнику, в том числе и те, кого беспокоило усиление Захарьинных-Юрьевых». – *Дворкин А.Л.* Иван Грозный как религиозный тип. С. 119.

⁷ *Зимин А.А.* Реформы Ивана Грозного... С. 414.

ренный характер». ¹ Мысль о благонамеренности, царившей якобы «в Боярской думе в день присяги», опрокинул позже сам Р.Г.Скрынников, заявив, что «фактически дело шло к государственному перевороту». ²

Здесь исследователь сближается с И.И.Смирновым, который в свое время писал: «Боярский “мятеж”, вспыхнувший в марте 1553 г., явился одной из первых попыток враждебных Ивану IV княжеско-боярских кругов открыто выступить против политики царя и захватить власть в свои руки». ³ Мятежники, по И.И.Смирнову, стремились осуществить переворот в пользу Владимира Старицкого. ⁴ Принимая мысль И.И.Смирнова о мартовском «мятеже» 1553 года как попытке государственного переворота и захвата власти с возведением на московский престол князя Старицкого, нельзя, однако, согласиться с ним в том, что этот «мятеж» был поднят одной лишь княжеско-боярской знатью, тоскующей по прошлым сеньориальным вольностям. Д.Н.Альшицу удалось убедительно доказать, что разделение участников мартовских событий 1553 года «не совпадает с их разделением по социальному происхождению, по занимаемому общественному положению. Поэтому всякое распределение их по графам той или иной предвзятой схемы является искусственным, противоречащим источнику и навязывающим автору рассказа (о событиях марта 1553 года. — И.Ф.) то, чего он не хотел сказать. Автор приписки делит героев своего рассказа на две, и только на две группы: на тех, кто оставался верен царю, и на тех, кто оказался враждебным ему и его роду, проявив свою измену в той или иной форме. Как в ту, так и в другую группу совершенно одинаково попадают родовитые князья и бояре наряду с дворянами весьма незнатного рода». ⁵ Все это создавало для царя Ивана более опасную, чем сословный мятеж, ситуацию, поскольку втягивало в политическую борьбу представителей различных групп господствующего класса, расширяя тем самым социальную базу противников самодержца.

О том, насколько высокой была степень опасности, с которой столкнулся Иван IV в марте 1553 года, свидетельствуют не только военные приготовления Старицких, дерзкое неповиновение государю Боярской Думы и смешанный сословный состав «мятежников», но и загадочное отсутствие митрополита Макария на протяжении всей истории кремлевских потрясений. Историки обратили внимание на это странное, прямо скажем, выходящее из ряда вон обстоятельство и попытались уяснить, почему так случилось. Мнения, естественно, звучали разные.

С.Б.Веселовский говорил: «Отсутствие царского духовника и митрополита Макария при написании духовной можно было бы объяснить крайней поспешностью действий и болезненным состоянием царя, но, к удивлению, и в последующие дни мы не видим этих обычных участников предсмертных

¹ Скрынников Р.Г. Начало опричнины. С. 93.

² Скрынников Р.Г. Иван Грозный. М., 2002. С. 71.

³ Смирнов И.И. Очерки... С. 264.

⁴ Там же. С. 268.

⁵ Альшиц Д.Н. Происхождение и особенности источников, повествующих о боярском мятеже 1553 года // Исторические записки. Т. 25. 1948. С. 277–278.

дум и действий московских государей. По церковным правилам приводить ко кресту мог только священник. В частном обиходе можно было подкрепить свое слово целованием креста, иконы и какой-либо “святости”. Так, например, поступали заговорщики и крамольники, чтобы не выносить, что называется, сора из избы приглашением священника, но присяга наследнику престола без участия духовенства была совсем необычным актом».¹ По С.Б.Веселовскому, «больной царь и его ближайшие советники» отстранили от участия в мартовских событиях 1553 года «всеми уважаемого митрополита Макария».²

Согласно С.В.Бахрушину, митрополит Макарий, «отнюдь не боец, человек уступчивый, всегда терпеливо сносивший, когда в пылу борьбы та или иная сторона наступала на подол его святительской мантии», действовавший «уклончиво и осторожно», как бы самоустранился, в стороне ожидая исхода схватки за власть в марте 1553 года.³ Макарий, по словам С.В.Бахрушина, «выступал во всех торжественных случаях с красноречивыми речами и посланиями, но в такой ответственный момент, когда в марте 1553 г. решалась судьба династии, мы слышим только голос Сильвестра и не видим никаких попыток со стороны Макария оказать воздействие на непокорных, в полную противоположность поведению его предшественника Даниила в момент смерти Василия III».⁴ Близкую к точке зрения С.В.Бахрушина идею высказал С.О.Шмидт, отметивший «нечеткую позицию митрополита в вопросе о престолонаследии (в момент тяжелой болезни Ивана IV в 1553 г.)».⁵

Зато И.И.Смирнову версия С.В.Бахрушина показалась неубедительной, поскольку «и само положение Макария как главы церкви, и та активная роль, которую Макарий играл в политической жизни 40–50-х годов, исключают возможность того, чтобы Макарий оставался вне политической борьбы, развернувшейся в марте 1553 г.»⁶ И.И.Смирнов говорит, что ему, «в отличие от Бахрушина, представляется более правильным видеть в молчании о Макарии источников, относящихся к боярскому “мятежу” 1553 г., не показатель политической пассивности Макария, а нечто совсем иное: тенденциозное стремление этих источников скрыть действительную роль и позицию Макария во время мартовского “мятежа” 1553 г.»⁷ В частности, Царственная книга обнаруживает, согласно И.И.Смирнову, «сознательное стремление умолчать о Макарии», несмотря на то, что «свершение» духовной Ивана происходило в присутствии святителя, «который как митрополит должен был скрепить своей подписью царскую духовную».⁸ В чем причина столь странного умолчания? Оказывается, «Макарий в какой-то форме или степени во

¹ *Веселовский С.Б.* Исследования по истории опричнины. С. 280.

² Там же. С. 281.

³ *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. II. С. 334, 335.

⁴ Там же. С. 335.

⁵ *Шмидт С.О.* Россия Ивана Грозного. С. 244.

⁶ *Смирнов И.И.* Очерки... С. 275.

⁷ Там же. С. 275–276.

⁸ Там же. С. 276.

время мартовского “мятежа” разделял позицию Сильвестра и Адашева.¹ Поэтому автор внесенного в Царственную книгу рассказа о мартовских событиях 1553 года не хотел, очевидно, «компрометировать Макария, связывая его имя с борьбой, направленной против Ивана IV (особенно, если учесть, что, по-видимому, рассказ Царственной книги был составлен уже после смерти Макария). Это и заставило автора рассказа вовсе умолчать о позиции и поведении Макария во время боярского “мятежа”». ² И.И.Смирнов заключает: «Итак, молчание источников о Макарии в связи с мартовскими событиями 1553 г., как мне кажется, свидетельствует не о политической пассивности Макария, а о том, что он в какой-то мере оказался втянутым в борьбу политических группировок за власть и при том не в числе сторонников царевича Дмитрия».³

С основным выводом И.И.Смирнова, будто митрополит Макарий склонялся на сторону противников царя Ивана, согласиться, по нашему убеждению, невозможно. Все, что нам известно о Макарии, все, что уже приведено было нами выше касательно его, безусловно, говорит о верности главы православной церкви русскому самодержцу. Твердое стояние в православной вере, молитвенное окормление апостольской церкви, стойкая приверженность идее самодержавия, постоянная забота о союзе церкви и государства, выраженном в учении о симфонии духовной и светской властей, единстве священства и царства – все это явилось непреодолимой преградой между митрополитом Макарием, с одной стороны, и Сильвестром и Адашевым – с другой. Следовательно, русский архипастырь не мог по определению стать в ряд противников Ивана IV. Не поэтому ли точка зрения И.И.Смирнова осталась длительное время не востребованной в исторической науке.⁴ Исследователи старались найти другое объяснение столь неординарному случаю.

Н.Е.Андреев, к примеру, высказал догадку о том, что Макарий попросту отсутствовал в Москве в те беспокойные мартовские дни.⁵ По мнению А.Л.Хорошкевич, митрополит Макарий хотя и склонялся к кандидатуре Владимира Старицкого, но отнюдь не по политическим соображениям, поскольку являлся верным и последовательным сторонником Ивана IV, а исходя из оцен-

¹ Там же.

² Там же. С. 276–277.

³ Там же. С. 277.

⁴ Недавно она была в некотором роде воспроизведена В.В.Шапошником: «Было и еще одно, что не может не броситься в глаза, – в рассказе о царской болезни ни словом не упоминается митрополит Макарий – один из виднейших деятелей правительства того времени. Предположить, что он просто не присутствовал при бурных событиях, невозможно: тяжелая болезнь правителя не могла обойтись без присутствия первоиерарха Русской церкви. Вполне вероятно, что и Макарий оказался не в числе сторонников кандидатуры царевича Дмитрия. Просто авторы приписок к летописи не сочли нужным упоминать об этом неприятном для царя факте. О позиции Макария говорит позиция его ставленника Сильвестра». – *Шапошник В.В.* Иван Грозный... С. 194.

⁵ *Андреев Н.Е.* Об авторе приписок в лицевых сводах Грозного // ТОДРЛ. Т. 18. М.; Л., 1962. С. 129.

ки человеческих качеств претендентов на престол: «пеленочник» Дмитрий решительно проигрывал «мудрому» и «одаренному военачальнику» Владимиру.¹ «Противопоставлять такой кандидатуре младенца Дмитрия, – пишет А.Л.Хорошкевич, – было действительно трудно. Этим обстоятельством объясняется, по-видимому, и отсутствие среди присягавших митрополита».²

Р.Г.Скрынников, опубликовавший книгу «Начало опричнины» вскоре после «Очерков» И.И.Смирнова, развивал поначалу идеи, близкие к представлениям С.В.Бахрушина: «Митрополит Макарий, благополучно управлявший церковью при самых различных правительствах, не склонен был участвовать в борьбе между Захарьиными и Старицкими. Примечательно, что в летописных приписках вовсе не названо имени Макария, не отмечена его роль в утверждении царской духовной и церемонии присяги, невысказанных без его участия. Последний момент наводит на мысль, что митрополит Макарий, “великий” дипломат в рясе, предпочел умыть руки в трудный момент междоусобной борьбы».³ В первом издании книги об Иване Грозном находим схожий, но несколько видоизмененный текст: «Исход династического кризиса зависел в значительной мере от позиции церкви. Но официальное руководство церкви ничем не выразило своего отношения к претензиям Старицких. Замечательно, что летописные приписки вовсе не называют имени Макария и не упоминают о его присутствии на церемонии присяги, невысказанной без его участия. Это наводит на мысль, что ловкий владыка предпочел умыть руки в трудный час междоусобной борьбы и сохранил нейтралитет в борьбе между Захарьиными и Старицкими».⁴

Не касаясь пока вопроса о позиции митрополита Макария в мартовских событиях 1553 года, заметим, однако, что Р.Г.Скрынников смещает смысловые акценты «мятежа», сводя его к борьбе между Захарьиными и Старицкими. Эта борьба, конечно, имела место, но не она являлась главной осью, вокруг которой вращались данные события. Соперничество Захарьиных и Старицких представляло собой поверхностную возню двух кланов, под видимым покровом которой происходило главное: столкновение двух группировок – сторонников и противников русского самодержавия, от исхода противостояния которых зависело будущее России и, разумеется, будущее русской церкви, а значит, зависела личная судьба Макария. Понятно, что персонально это противостояние концентрировалось на Иване IV, воплощавшем «истинное христианское самодержавство». Ясно также и то, что митрополит Макарий в данном случае не мог «умыть руки» и оставить самодержца, им же венчанного, без церковной опоры и поддержки, обрекая вместе с ним и себя на погильель.

Слабые основания идеи о нейтралитете святителя в мартовских событиях 1553 года осознал, очевидно, сам Р.Г.Скрынников. И поэтому, вероятно, он со временем попытался иначе истолковать поведение Макария в те дни.

¹ Хорошкевич А.Л. Царский титул Ивана IV... С. 37.

² Там же. С. 37–38.

³ Скрынников Р.Г. Начало опричнины. С. 98.

⁴ Скрынников Р.Г. Иван Грозный. М., 1975. С. 51.

Теперь полное умолчание о роли митрополита Макария и духовника царя Андрея в событиях 1553 года Р.Г.Скрынников объясняет тенденциозностью летописного рассказа. «Глава церкви, – говорит историк, – не подвергался опале и до последних дней пользовался исключительным уважением Грозного. Почему же в рассказе о событиях 1553 года имя Макария даже не упомянуто? Это тем более удивительно, что по традиции умирающий государь поступал на попечение митрополита и духовенства, которые должны были позаботиться об устройении его души. По-видимому, болезнь царя была связана с обстоятельствами, о которых он не хотел вспоминать и о которых можно только догадываться».¹ Р.Г.Скрынников задается вопросом: «Не связано ли это со стремлением обойти деликатный вопрос о пострижении умирающего монарха?». Вопрос этот кажется исследователю тем более уместным, что в то время обычай пострижения уходящего в мир иной государя уже стал, как он полагает, наследственным в роду Калиты.² Пораженный «тяжким огненным недугом» царь Иван, полагает Р.Г.Скрынников, «надолго терял сознание»,³ «впадал в беспамятство и не узнавал людей».⁴ Казалось, он умирает. «Не лишено вероятности, – говорит историк, – что с одобрения регентов Захарьиных Макарий и старцы возложили на полумертвого царя чернеческое платье. Конечно, это предположение не является доказанным. Но некоторые признаки его подтверждают. В годы опричнины Иван IV подолгу носил иноческое платье и с большим усердием разыгрывал роль игумена в созданном им подобии опричного монастыря в Александровской слободе. Грозный знал, что его отец собирался постричься в Кирилло-Белозерском монастыре, и сам готовился к этому».⁵ Из-за этого посвящения в монахи «полумертвого», но неожиданно выздоровевшего царя автор рассказа о мартовских событиях 1553 года и не упомянул митрополита Макария, обойдя тем самым, по Р.Г.Скрынникову, «деликатный вопрос о пострижении умирающего монарха».

К сожалению, приходится признать, что выдвинутое Р.Г.Скрынниковым предположение не только, как он выражается, не доказано, но и не доказуемо. Утверждения исследователя, будто больной государь «надолго терял сознание», «впадал в беспамятство и не узнавал людей», выходят за рамки летописного рассказа о болезни царя в марте 1553 года, привнося в него не свойственные ему подробности. Этот рассказ позволяет нам говорить лишь о том, что Иван IV, будучи в тяжелом состоянии, порой с трудом узнавал

¹ Скрынников Р.Г. 1) Святители и власти. С. 186–187; 2) Государство и церковь на Руси... С. 243; 3) Царство террора. С. 113; 4) Крест и корона... С. 239.

² Скрынников Р.Г. 1) Святители и власти. С. 188; 2) Государство и церковь на Руси... С. 245; 3) Царство террора. С. 113; 3) Крест и корона... С. 240.

³ Скрынников Р.Г. 1) Святители власти. С. 189; 2) Государство и церковь на Руси... С. 246; 3) Крест и корона... С. 241.

⁴ Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 114.

⁵ Там же. См. также: Скрынников Р.Г. 1) Святители и власти. С. 189–190; 2) Государство и церковь на Руси... С. 246; 3) Крест и корона... С. 241.

людей, не больше. На всем протяжении повествования летописи нет ни одного указания на то, что у больного монарха наступало бессознательное состояние. Были моменты, когда он «изнемога велми», когда ему было «истомно» и, по собственному признанию, «не до того», чтобы увещевать крамольных бояр и князя Старицкого.¹ Но при всем том он пребывал в разуме, и никто не мог видеть государя «полумертвым». «Признаки» и «дополнительные данные», приводимые Р.Г.Скрынниковым для подтверждения своего столь заманчивого и, пользуясь лексикой известного писателя, «зернистого» предположения, совершенно не оправдывают надежд исследователя, дошедшего, наверное, незаметно для себя до чересчур нестандартных умозаключений. Так, догадку о «пострижении умирающего» царя Ивана историк подтверждает тем, что впоследствии Иван «готовился постричься» в Кирилло-Белозерском монастыре. Очень трудно взять в толк, зачем царю пришлось в голову «готовиться постричься», если уже постригся раньше. Чтобы избавиться от подобного недоумения, придется измышлять новые недоказанные предположения, одно искусственнее другого. Можно, скажем, предположить, что Иван Грозный самовольно или с согласия и помощью того же «дипломата в рясе» митрополита Макария сложил с себя иноческий чин и стал расстригой на троне, так сказать, предтечей Гришки Отрепьева. Не нравится это предположение, можно выдвинуть другое: царь Иван готовился принять двойной постриг, решившись на святотатство. Думается, такого рода предположения отвергнет и сам Р.Г.Скрынников, тем более что, по его убеждению, «Иван относился к иноческому житию очень серьезно и не был склонен к пародии или профанации идеала монашества».² Надо только быть последовательным и не профанировать царя Ивана легковесными предположениями.

Что касается ношения монашеского платья и роли игумена, разыгрываемой царем в Александровой слободе, то одной из причин этого была внутренняя тяга самодержца к монашеству и монашеской жизни, давнее желание принять постриг. Это свое желание государь явил в Послании инокам Кирилло-Белозерского монастыря (1573).³ Впечатлительный Иван чувствовал себя так, будто он наполовину уже монах: «И мне мнится, окаянному, яко исполу есмь чернец».⁴ К тому же «общежитийный монастырь, в котором у монахов отсутствовали особое имущество и особые занятия, в котором весь распорядок жизни подчинялся нормам устава, определяемым суровой волей настоятеля, чем дольше, тем больше становился для царя идеальным образцом человеческого сообщества».⁵

Итак, нет никаких оснований говорить о совершении митрополитом Макарием и старцами обряда пострижения над «полумертвым Иваном». Следовательно, умолчанию имени митрополита в рассказе Царственной кни-

¹ ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 524, 525.

² Скрынников Р.Г. Иван Грозный. М., 2002. С. 298.

³ «Аз грешный вам известих желание свое о пострижении». – Послания Ивана Грозного. СПб., 2005. С.164.

⁴ Там же.

⁵ Флоря Б.Н. Иван Грозный. С. 74.

ги о событиях 1553 года надо искать иное объяснение, чем предлагает Р.Г.Скрынников в последних своих работах.¹ Заметим кстати, что И.Гралья, опубликовавший обширное исследование о деятельности посольского дьяка Ивана Висковатого после того, как Р.Г.Скрынников высказал уже версию о пострижении «полумертвого Ивана», обошел ее стороной, вспомнив лишь ту, что представлена в книге «Начало опричнины».²

Сам И.Гралья определяет позицию митрополита Макария как пассивную, имевшую «логическое обоснование – политическая ситуация во время болезни царя была настолько неясной, что занятие чьей бы то ни было стороны было сопряжено с серьезным риском. Ставка не на того кандидата могла легко привести митрополита к утрате престола, как это было с митрополитом Иоасафом в 1542 г. Падение Бельских и приход к власти Шуйских обеспечили самому Макарию при поддержке придворной клики трон митрополита. Возможное регентство Захарьиных не давало митрополиту достаточных гарантий безопасности; дворцовые интриги и борьба партий когда-то вынесли его наверх, но в 1543 г. после расправы Шуйских с Федором Воронцовым они же явили ему болезненную зависимость главы церкви от капризов правящей боярской фракции. Победа Старицких, столь же ненадежная, не сулила Макарию особых выгод – для князя Владимира митрополит был запятнан личным участием в подавлении бунта его отца, Андрея Ивановича, в 1537 г. Итак, менее рискованным был нейтралитет, в котором Макария могли укрепить зримые знаки царской немилости последних лет».³

Идея о пассивности и нейтралитете митрополита Макария во время «боярского мятежа» 1553 года, как мы уже старались показать, несостоятельна. Насчет же «знаков царской немилости» по отношению к святителю следует сказать, что если таковые имели место, то были инспирированы группой Сильвестра–Адашева, пришедшей к власти после июньского восстания в Москве 1547 года. Было бы, однако, правильнее говорить о некотором охлаждении царя к митрополиту, возникшем под влиянием интриг Избранной Рады и ее вождей Сильвестра и Адашева, пользовавшихся какое-то время безраздельным доверием Ивана IV. Но самодержцу и святителю все-таки

¹ Надо сказать, что творческая изобретательность Р.Г.Скрынникова не оскудевает. Недавно он предложил новую версию умолчания имени митрополита Макария в мартовских событиях 1553 года. Ему, наконец, стало «понятным замечание Курбского о том, что Сильвестру удалось отогнать от царя Ивана “ласкателей” после того, как он “присовокупляет себе в помощь архиерея онаго великаго града” Москвы, иначе говоря, митрополита Макария. Вот причина, почему Грозный ни словом не обмолвился о Макарии в своем отчете о кризисе 1553 г. Смертельная болезнь государя [почему не умер, коль смертельная!] и династический кризис выдвинули фигуру митрополита на первый план. Если монарх в своем отчете о “мятеже” вообще не упомянул имени Макария, то лишь потому, что щадил его память. Он не стал обвинять пастыря церкви в том, в чем обвинял “изменных бояр”, а именно во вражде к Захарьиным» (Скрынников Р.Г. Иван Грозный. М., 2002. С. 86).

² Гралья И. Иван Михайлов Висковатый... С. 137, 186 (прим. 326).

³ Там же. С. 137–138.

удалось преодолеть возникшее было отчуждение между ними и восстановить былое взаимопонимание и сотрудничество, что особенно наглядно проявилось в 1552 году, когда царь Иван, уходя в поход на Казань, оставил вместе себя на Москве митрополита Макария, доверив ему свой дом и государство. Поэтому творцы мартовского кризиса 1553 года не тешили себя иллюзией относительно того, какую позицию в нем займет Макарий. Они и поступили с митрополитом в соответствии со своим прогнозом. Но чтобы понять, как это было, необходимо вернуться к одной проницательной, по нашему мнению, догадке С.Б.Веселовского.

Историк, как мы знаем, полагал, что митрополит Макарий не самоустранился от участия в мартовских событиях 1553 года, а был отстранен от него «больным царем и его ближайшими советниками».¹ Мысль об отстранении представляется весьма правдоподобной. Не верится только, что виновником отстранения стал царь с верными ему людьми. Иван не был в этом заинтересован по двум причинам. Во-первых, Макарий являлся союзником и сотрудником государя в вопросах строительства Святой Руси, увенчанной «истинным христианским самодержавством». Во-вторых, именно Макарием и по его инициативе Иван IV был венчан на царство и упрочен как богоизбранный царь, воля которого непререкаема. В-третьих, неучастие митрополита в церемонии крестоцелования, противоречащее обычаю, ставило под сомнение сам факт крестоцелования и открывало возможность в дальнейшем оппортировать присягу, объявив ее недействительной. К этому необходимо добавить красноречивое отсутствие при умирающем, как многим казалось, царе его духовника протопопа Андрея,² что являлось вопиющим нарушением христианского канона, делая предсмертные распоряжения государя, запечатленные в духовной грамоте, нелегитимными. Спрашивается, кому это было выгодно? Царю Ивану? Конечно же, нет. Это было выгодно противникам Ивана IV. Они, судя по всему, изолировали митрополита Макария, зная его проивановскую позицию, и помешали протопопу Андрею быть рядом с сыном своим духовным в его предсмертный час. Кстати сказать, отсутствие духовника у изголовья больного государя довольно показательно. Оно служит веским аргументом против предположения о пассивности и нейтралитете митрополита Макария, указывая скорее на нейтрализацию этих двух наиболее близких Ивану церковных деятелей, чем на их самоустранение, совершенно несовместимое со статусом главы церкви и духовного наставника. Изоляция митрополита Макария и протопопа Андрея преследовала одну цель: сорвать процедуру целования креста или сделать ее недействительной.

Бесцеремонное обращение с митрополитом и духовником царя свидетельствует о том, какую огромную власть и силу сконцентрировали в своих руках противники русского «самодержавства». Царю, и без того измученному болезнью, пришлось неоднократно уговаривать крамольников. Р.Г.Скрынникову это показалось измышлением составителя приписки к Цар-

¹ Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. С. 281.

² На это обратил внимание Р.Г.Скрынников, но не сделал из этого никаких выводов. — Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 113.

ственной книге: «Царские речи, без сомнения являются вымыслом. Иван был при смерти, не узнавал людей и не мог говорить. Но даже если бы он сумел что-то сказать, у него не было повода для “жесточкого слова” и отчаянных призывов».¹ Тут все построено на передержках, ибо речей Иван не произносил, если под ними разумеать не короткие разговоры, а долгие прения.² Все его так называемые речи умецаются в несколько фраз, произносимых если не в короткие секунды, то в считанные минуты. Составитель приписки не скрывает того, что государю порою, когда ему становилось хуже, трудно было говорить: «и яз с вами говорити не могу»; «бояре су, яз не могу, мне не до того».³ Будь увещевания царя вымыслом автора интерполяции, он вряд ли стал бы уточнять, каких трудов это государю стоило. Относительно того, будто царь не узнавал людей, мы знаем, что это – преувеличение. Царь «не мог говорить»? Это – тоже преувеличение, основанное на избирательном подходе к сообщениям Царственной книги, состоящем в безотчетном доверии к одним летописным известиям (тяжелая болезнь царя) и столь же безотчетном недоверии к другим («речи» царя) с последующим отрицанием того, во что не верится. Но при таком субъективном подходе к источнику можно с равным успехом поменять местами объекты веры и недоверия, заявив, что тяжкая болезнь царя является вымыслом, поскольку Иван произносил «речи» и вообще подавал признаки жизни.⁴ Не правильнее было бы соответствовать источнику, изображая ситуацию, как она в летописи нарисована: несмотря на тяжелую болезнь, царь, преодолевая ее, говорил с боярами, доходя иногда до резких выражений. В частности, он словно хлестнул бояр

¹ Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 112. «Центральное место в “Сказании о мятеже”, – пишет в другой своей книге Р.Г.Скрынников, – занимают царские речи, произнесенные в день “мятежа” в думе. Сочинение вымышленных речей, соответствующих характеру героя, отвечало издавна сложившимся канонам летописания. Речи “Сказания” не были исключением. Но их своеобразие заключалось в том, что царские речи были сочинены не летописцем, а самим государем» (Скрынников Р.Г. Иван Грозный. М., 2002, С. 135). Однако, коль Иван – не летописец, а государь, то незачем ему приписывать исполнение «канонов летописания», тем более что он воспроизводил не чужие слова, как это делали летописцы, а собственные. Вопрос, следовательно, в том, насколько хорошо царь запомнил собою сказанное и насколько точно передавал его. Мартовские события 1553 года, памятные своим драматизмом, стали к тому же поворотными в отношении царя Ивана к Сильвестру и Адашеву. Иван IV прекрасно помнил о том, что тогда с ним приключилось, помнил как по причине экстраординарности произошедшего, так и благодаря своей феноменальной памяти, поражавшей современников. – См.: Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. С. 125.

² Некоторые историки «зациклились», что называется, именно на речах. – См., напр.: Хорошкевич А.Л. Царский титул Ивана IV...; Филюшкин А.И. История одной мистификации... С. 79; Дворкин А.Л. Иван Грозный как религиозный тип. С. 119.

³ ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 525.

⁴ Так, собственно, и поступает А.Л.Хорошкевич, для которой «бурная активность» Ивана, в том числе его неоднократные речи, служат признаком душевного смятения, нежели настоящей болезни. – См.: Хорошкевич А.Л. Царский титул Ивана IV... С. 37.

словами: «Коли вы сыну моему Дмитрею крест не целуете, ино то у вас иной государь есть... и то на ваших душах». Это – прямое обвинение бояр в заговоре, измене и мятеже,¹ а также предупреждение, что вину за последствия этой крамолы они берут на себя.² Следует согласиться с И.И.Смирновым, который истолковал слова Ивана как ультиматум мятежникам, поставивший «бояр-мятежников перед перспективой прямой войны против них со стороны сторонников царя».³

После «жестоких слов» государевых бояре «поустрашилися и пошли в Переднюю избу целовати».⁴ Они поняли, что царь догадался об их заговоре, и порядком испугались. «Твердая решимость Ивана Грозного идти на любые средства для достижения цели, заявленная царем в его речи, произвела потрясающий эффект», – пишет И.И.Смирнов.⁵ Однако мятежники оробели, по-видимому, не только от царского «жестокоего слова», избличающего составленный ими заговор, но и потому, что ошиблись в своих расчетах: Иван, по всему, должен был бы уже умереть, а он жив да еще произносит «жестокое слова», не сулящие боярам ничего хорошего. Надежда на его кончину растворялась бесследно, и впереди все явственнее вырисовывалась плаха. Тут было от чего «поустрашиться».

О том, что бояре больше всего боялись выздоровления Грозного, а также обвинений в заговоре и измене государю, свидетельствует сцена, разыгравшаяся между боярином князем Владимиром Ивановичем Воротыньским, стоявшим по поручению царя у креста, и боярином князем Иваном Ивановичем Пронским-Турунтаем, целовавшим крест: «И как пошли (бояре. – И. Ф.) целовати и пришел боярин князь Иван Иванович Пронский-Турунтай да почал говорити князю Володимеру Воротыньскому: “твой отец да и ты после великого князя Василия первой изменник, а ты приводишь к кресту”. И князь Володимер ему отвечал: “я су изменник, а тебя привожу крестному целованию, чтобы ты служил государю нашему и сыну его царевичю князю Дмитрею; а ты су прям, а государю нашему и сыну его царевичю князю Дмитрею креста не целуешь и служить им не хочешь”. И князь Иван Пронской истопяся целовал».⁶

Приведенная запись представляет интерес еще и в том отношении, что она позволяет уяснить, на чье имя, в конце концов, целовали крест бояре. Это – царь Иван и царевич Дмитрий. Похоже, этому предшествовала острая борьба. Иван хотел, чтобы бояре присягали на имя царевича. Но те устами Федора Адашева, как мы знаем, заявили: «Тебе, государю, и сыну твоему царевичю князю Дмитрею крест целуем». В итоге все сошлись на этом боярском варианте клятвы, но, по всей вероятности, не сразу, а в ходе столкнове-

¹ См.: Смирнов И.И. Очерки... С. 273.

² Здесь лежит и наш ответ Р.Г.Скрынникову относительно того, был ли у Ивана повод «для “жестокоего слова” и отчаянных призывов».

³ Смирнов И.И. Очерки... С. 273–274.

⁴ ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 525.

⁵ Смирнов И.И. Очерки... С. 274.

⁶ ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 525.

ний и в результате перемены обстоятельств, связанных с болезнью самодержца, который, вопреки всем ожиданиям, поправлялся, не оставляя своим противникам надежд на успешное завершение государственного переворота. Именно такое развитие событий, надо полагать, подтверждает крестоцеловальная грамота Владимира Старицкого, датированная 12 марта 1553 года. В грамоте читаем: «Се яз Князь Володимер Ондреевич целую крест к своему Государю Царю и Великому Князю Ивану Васильевичу всея Руси, и его сыну Царевичю Дмитрею: хотети мне добра Государю своему Царю и Великому Князю Ивану, и его сыну Царевичю Дмитрию, и его Царице Великой княгине Анастасие, и их детям, которых им вперед Бог даст, и их государствам во всем в правду безо всякие хитрости, и держати их во всем честно и грозно безо всякие хитрости». ¹ Формула грамоты «и их детям, которых им вперед Бог даст», хотя, возможно, и трафаретная, но, тем не менее, в данном случае показательная: будь Иван безнадежен, ее вряд ли бы внесли в документ. Также едва ли сторонники Ивана IV и сам государь стали бы приводить к присяге бояр на два имени: на имя умирающего царя и беспомощного царевича-младенца. Ибо, случись царева смерть, присягу можно было оспорить как недействительную. Однако Старицкие и те, кто доброхотствовал им, сохранили все же для себя лазейку, отстранив митрополита Макария от участия в процедуре целования креста и оставив крестоцеловальную запись без скрепляющей подписи святителя. ² Не оформленную должным образом клятвенную грамоту всегда можно было объявить недействительной.

По некотором прошествии времени летописатели, воспроизводившие мартовские события 1553 года, перестали различать формулы присяги (царскую и боярскую). Тонкости формул их уже, по-видимому, не занимали. Произошло это, насколько можно догадаться, вследствие того, что династический вопрос утратил былую остроту. Поэтому они, не придавая, очевидно, особого значения различию этих формул, отождествляли их. В противном случае трудно понять, как мог появиться в летописном рассказе о боярском мятеже следующий текст: «Бояре же, которые не захотели целовати государю и сыну его царевичю князю Дмитрею, с теми бояры, которые государю и сыну его крест целовали, почали бранитися жестоко, а говорячи им, что они хотят сами владети, а они им служити и их владения не хотят». ³ На первый взгляд тут все перепутано: бояре, согласившиеся присягать государю и его сыну, но не пожелавшие целовать крест «на царевичево княже-Дмитреево имя», представлены как отказавшиеся от крестоцелования Ивану и Дмитрию, а бояре, присягнувшие Дмитрию, изображены в качестве целовавших крест царю и царевичу. К слову сказать, подобная подмена формул встречается в призывах самого царя Ивана: «А бояром государь молил, которые ввечеру целовали: «... а вы на чом мне и сыну моему Дмитрею крест целовали, и вы по тому

¹ СГГид. Ч. I. С. 460.

² См.: Там же. С. 461. В крестоцеловальных грамотах на имя царя Ивана и царевича Ивана (апрель и май 1554 г.) эта подпись наличествует. – Там же. С. 464, 468.

³ ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 524.

и делайте».¹ Эту подмену следует, по нашему мнению, объяснять не забывчивостью Ивана Грозного, а переменной обстоятельств, сделавшей династический кризис достоянием прошлого.² К тому же, как известно, Владимир Старицкий отказывался целовать крест даже на формуле, озвученной Ф.Г.Адашевым, что в условиях 60-х годов XVI века, когда составлялись приписки к Царственной книге, представляло для Грозного больший интерес, нежели формула, связанная с давно погибшим царевичем Дмитрием и потому потерявшая всякую актуальность. Непокорство же старицких правителей сохраняло свою злободневность, особенно в период редактирования Царственной книги, откуда узнаем, что Иван IV, приведя к целованию Боярскую Думу, «велел написать запись целовальную, на чем приводит к целованию князя Володимера Ондреевича; и как запись написали, а князь Володимер к государю пришел, и государь ему велел на записи крест целовати. И князь Володимер не похотел, и государь ему молил: "то ведаешь сам: коли не хочешь креста целовати, то на твоей душе; што ся станет, мне до того дела нет"».³

Царь, как видим, снимал с себя всякую ответственность за последствия поступков Владимира Старицкого, и это было очень плохим знаком для последнего, знаком, грозящим ослушнику смертью.⁴ Но тот продолжал упираться, не осознавая, наверное, что дело проиграно и замысел государственного переворота провалился. Тогда ближние бояре во главе с князем Владимиром Воротынским и дьяком Иваном Висковатым попытались его снова урезонить, говоря, чтобы он «не упрямливался, государя бы послушал и крест бы целовал». Однако тщетно: старицкий князь «почал» сильно сердиться («кручинитися прытко») и с плохо скрываемой угрозой сказал Воротынскому: «Ты

¹ Там же. С. 525–526.

² Иван не мог забыть формулу присяги на имя царевича Дмитрия, поскольку сам настаивал на ней. О том, что он помнил об этой формуле, свидетельствует рассказ Царственной книги, принадлежащий, по всему вероятно, самому царю: «Да государю же сказывал околничей Лев Андреевич Салтыков, што говорил ему, едучи на площади, боярин князь Дмитрий Иванович Немово: "Бог то знает: нас де бояре приводят к целованию, а сами креста не целовали..."» (ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 525). Слова недовольного боярина могут показаться странными, поскольку бояре, о которых он говорил, будто они «креста не целовали», в действительности крест целовали, когда их «въ вечеру» приводил к присяге на «княже-Дмитриево имя» сам царь Иван. По мнению Р.Г.Скрынникова, Д.И.Немого-Оболенский «негодовал на то, что регенты принесли присягу не на общем заседании Боярской думы на глазах у всех, а за спиной думы, на день раньше» (Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 111). Догадка Р.Г.Скрынникова не имеет под собой никаких оснований, так как Д.И.Немого-Оболенский вообще отрицает принесение присяги ближними боярами. Это следует понимать, на наш взгляд, только так, что Боярская Дума присягала на иной формуле (на имя государя и его сына), чем Ближняя Дума (на имя царевича Дмитрия), вследствие чего присяга ближних бояр теряла силу и, значит, ее как бы и не было. Тогда становится понятно, почему Д.И.Немого упрекал ближних бояр в том, что они «креста не целовали».

³ ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 525.

⁴ См.: Смирнов И.И. Очерки... С. 275 (прим. 30).

бы де со мною не бранился, ни мало б де ты мне и не указывал, а против меня и не говорил».¹ Боярин отпарировал: «Яз, государь, дал душу государю своему царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Руси и сыну его царевичю князю Дмитрею, что мне служить им въ всем вправду; и с тобою мне они же, государи мои, велели говорить, и служу им, государем своим, а тебе служить не хочю, я за них, за государей своих, с тобою говорю, а будет где доведетца по их государей своих велению и драться с тобою готов». То было последнее предупреждение, но и его «Володимер Ондреевич» не уразумел. Истошив терпение, ближние бояре решительно заявили ему, чтобы он «целовал, а не учнет князь креста целовати, и ему оттудова не выйти».² В конце концов, бояре принудили Владимира Старицкого «крест целовати, и целовал крест поневоле».³

А.А.Зимин, несколько отходя от летописного повествования, изображает дело так, будто князь Владимир дал крестоцеловальную запись после некоторого запирательства.⁴ Ближе к истине подошел И.И.Смирнов: «Под угрозой смерти, в случае если он будет упорствовать в отказе целовать крест Дмитрию, Владимир Старицкий “целовал крест поневоле”».⁵

Принудительным целованием креста дело, однако, не закончилось: «И после того посылал государь ко княгине [Ефросинье] з грамотою с целовальною, чтобы велела в той грамоте печать княжюю привесити, боярина своего князя Дмитрея Федоровича Палетцкого да дияка своего Ивана Михайлова; и они ко княгине ходили трижды, а она одва велела печать приложити, а говорила: “что то де за целование, коли неволное?” и много речей бранных говорила».⁶ Чем объяснить столь неразумное упорство Старицких?

А.Л.Хорошкевич на этот вопрос отвечает так: «Упорство Старицких объясняется ростом авторитета Владимира Андреевича накануне и после казанской победы. Он был допущен к деятельности Боярской думы. Приговоры 1550 г. и 1552 г. принимались от лица царя, князя Старицкого и бояра».⁷

То, о чем говорит А.Л.Хорошкевич, имело, прежде всего, значение при выдвижении мятежниками Владимира Старицкого претендентом на московский трон. Но, разумеется, и Старицкие, утратив чувство реальности, могли упираться, переоценив свои возможности. И тут они зашли, похоже, очень далеко. По словам С.М.Каштанова, «Претензии Владимира Андреевича на великокняжеский престол, обнаружившиеся явственно в марте 1553 г., в пе-

¹ ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 526.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного... С. 412.

⁵ Смирнов И.И. Очерки... С. 275. Автор еще раз подчеркивает, что летописный текст, относящийся к истории с целованием креста Владимиром Старицким, нужно толковать «не в плане угрозы Владимиру Старицкому заключением в тюрьму, а именно как угрозу смертью». – Там же. С. 275 (прим. 30).

⁶ ПСРЛ. Т. XIII. С. 526.

⁷ Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. С. 128.

риод тяжелой болезни Ивана IV, нашли, как думается, отражение в грамоте, выданной князем Ферапонтову монастырю в 1552/53 г. (скорее всего, во время болезни царя). Грамота, к сожалению, не сохранилась и упоминается лишь в монастырских описных книгах XVII–XVIII вв., но сведения о ней весьма показательны. Это была грамота “великого князя” Владимира Андреевича, писанная “на харатье, в лист... за красной печатью”. Видимо, титул князя описные книги заимствуют из подлинника. Торжественное оформление грамоты: сам материал для письма (пергамен, столь редкий в то время в практике выдачи грамот внутреннего предназначения), красная печать – подтверждает возможность такой интитуляции. Едва ли слово “великого” привнесено в опись ее составителем.¹ Старицкий князь, как видим, мнил себя великим князем – верховным правителем Московской Руси, присвоив соответствующий титул и его атрибут – красную печать. Косвенное подтверждение притязаниям старицкого князя находим, кажется, в сообщениях летописи, где Владимир Андреевич именуется *государем*.² Амбиции его, помимо прочего, подогревали и конкретные обстоятельства, связанные с болезнью царя.

После приведения к присяге Боярской Думы Ивану опять стало плохо, и он снова слег в постель, поручив ближним боярам самим управиться с Владимиром Старицким. Новое ухудшение самочувствия царя, по всей вероятности, окрылило старицкого князя и его сторонников. Отсюда, думается, угрожающий тон Владимира Андреевича в разговоре с князем Воротынским и упорство старицкого князя в нежелании целовать крест, а также попытки отказа княгини Ефросиньи привесить «княжью печать» к крестоцеловальной грамоте. Надо было очень надеяться на смерть царя, чтобы проявлять такое упрямство после присяги «всех бояр», означавшей сдачу позиций мятежниками и, следовательно, крушение плана государственного переворота. Невольно закрадывается мысль, что Владимиром и Ефросиньей управляла не слепая надежда, а знание некой роковой тайны болезни Ивана. Кое-что здесь проясняет, как нам кажется, последующая гибель самого Владимира Старицкого.

Надо сказать, что обстоятельства смерти князя Старицкого до сих пор остаются до конца не выясненными. Еще С.М.Соловьев говорил: «В русских летописях нет подробностей о смерти князя Владимира; иностранные свидетельства противоречат друг другу: по одним его отравили, по другим зарезали, по третьим отрубили голову...».³ С.М.Соловьеву не был известен так называемый Пискаревский летописец, найденный и опубликованный в середине прошлого, XX века. В Летописце имеется рассказ о том, как в 1569 году «положил князь великии гнев свой на брата своего князя Володимера Андреевича и на мать его. И посла его на службу в Нижней, а сам поезде на Вологду. И побыв тамо и поезде с Вологды к Москве. А по князя Володимера посла, а велел ему быти на ям на Богону и со княгинею и з детьми. И поиде с Москвы в Слободу и из Слободы, вооружая все, кобы на ратной. И заехал

¹ Капитанов С.М. Финансы средневековой Руси. М., 1988. С. 94–95.

² ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 526.

³ Соловьев С.М. Сочинения. Кн. III. С. 710 (прим. 90).

князь велики на ям на Богону и тут его опоил зелием...». ¹ По мнению М.Н.Тихомирова, это известие о Владимире Андреевиче Старицком внесено в летопись «сорок лет спустя после описываемой смерти Владимира, по слухам и с явным намерением очернить Ивана IV». ² Историк не ручался за его точность. ³ Однако с версией об отравлении Владимира Старицкого Иваном Грозным мы встречаемся и в других источниках отечественного происхождения, в частности во Временнике дядя Ивана Тимофеева, согласно которому царь Иван, поверив клеветникам, «порази» кн. Владимира «напоением смертным». ⁴ Дрaму, разыгравшуюся именно в Богане (ямская станция между Троице-Сергиевым монастырем и Переяславлем-Залесским⁵), подтверждает «Синодик опальных царя Ивана Грозного», составленный в 1582–1583 гг. по приказу государя, ⁶ где читаем: «На Богане благоверного князя Владимира Андреевич со княгинию да з дочерью». ⁷

Версия об отравлении Владимира Старицкого представлена и в сочинениях иностранцев. Так, в Послании гетману Я.Ходкевичу (1572) неких И.Таубе и Э.Крузе, попавших в русский плен во время Ливонской войны и благодаря пронырливости своей оказавшихся в опричнине, рассказывается, как царь Иван отправил из Александровой слободы своих поваров за рыбой в Нижний Новгород, где тогда находился Владимир Старицкий, который якобы подкупил одного из этих поваров, дав ему 50 рублей и снабдив ядовитым порошком, чтобы подсыпать его государю в пищу. Учинив соответствующее дознание, Иван Грозный велел самому Владимиру выпить яд. ⁸ Сходные сведения сообщает А.Шлихтинг, говоря о том, что «тиран» (Иван Грозный) приговорил к смерти своего повара, «оклеветав его, что он получил 50 серебряников от брата Владимира, чтобы извести тирана ядом. Но у этого несчастного никогда не было в душе ничего подобного; наоборот, сам тиран погубил ядом своего двоюродного брата...». ⁹ Об отравлении ядом Владимира говорит и датский посол Ульфельд, приезжавший в Россию в 1578 году. ¹⁰

Итак, отравление Владимира Старицкого царем Иваном засвидетельствовано различными источниками, как отечественными, так и зарубежными, и

¹ ПСРЛ. Т. 34. М., 1978. С. 191.

² Тихомиров М.Н. Русское летописание. М., 1979. С. 238.

³ Там же.

⁴ Временник Ивана Тимофеева. СПб., 2004. С. 23.

⁵ Тихомиров М.Н. Русское летописание. С. 237.

⁶ См.: Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 11.

⁷ Там же. С. 535.

⁸ См.: «Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе» // Русский исторический журнал. Кн. 8. Пгр., 1922. С. 46–47.

⁹ Новое о России времени Ивана Грозного. «Сказание» Альберта Шлихтинга. Л., 1934. С. 48.

¹⁰ См.: Карамзин Н.М. История Государства Российского. Кн. III. Примечания к IX тому. М., 1989. Стб. 63 (прим. 277); Устрялов Н. Примечания // Сказания князя Курбского. СПб., 1868. С. 324 (прим. 140).

потому выглядит вполне правдоподобно.¹ Многие современные историки придерживаются именно этой версии смерти старицкого князя.²

Владимир принял смерть перед лицом Ивана Грозного и в присутствии, судя по всему, царских слуг, т.е. не в тайной обстановке, а явной – открыто и публично. Вместе с князем Владимиром были умерщвлены его жена и девятилетняя дочь, что подтверждают синодики, упоминающие о гибели удельного князя «с княгиней и со дщерью».³

Однако Н.М.Карамзин, следуя сведениям, почерпнутым из Послания И.Таубе и Э.Крузе, писал, дав простор словесной живописи, по части которой был великий мастер: «Ведут несчастного (Владимира Старицкого. – И.Ф.) с женою и с двумя юными сыновьями⁴ к Государю: они падают к ногам его, клянутся в своей невинности, требуют пострижения. Царь отвечив: “Вы хотели умертвить меня ядом: пейте его сами!” Подали отраву. Князь Владимир, готовый умереть, не хотел из собственных рук отравить себя. Тогда супруга его, Евдокия (родом княжна Одоевская), умная, добродетельная – видя, что нет спасения, нет жалости в сердце губителя – отвратила лице свое от Иоанна, осушила слезы, и с твердостью сказала мужу: “Не мы себя, но мучитель отравляет нас: лучше принять смерть от Царя, нежели от палача”. Владимир простился с супругою, благословил детей и выпил яд: за ним Евдокия и сыновья. Они вместе молились. Яд начинал действовать. Иоанн был свидетелем их терзания и смерти».⁵

Н.М.Карамзин предпочел известия Таубе и Крузе сообщению князя Андрея Курбского о том, что царь Иван, умертвив Владимира, «тогда же разстреляти с ручниц [ружей] повелел жену брата своего Евдокию, княжну Одоевскую <...> и дву младенцев, сынов брата своего <...>: единому было имя Василий, аки десяти лет, а другой мнейши. Запмятовах уже, яко было имя его...».⁶ Н.М.Карамзин считал это сообщение Курбского менее достоверным, чем «сказание» Таубе и Крузе, поскольку названные иностранцы «находились тогда при царе, а Курбский в Литве».⁷

Последующие историки установили, что вместе с Владимиром и его женой были преданы смерти не два сына, как писал Н.М.Карамзин, а одна де-

¹ См.: Флоря Б.Н. Иван Грозный. С. 236.

² См., напр.: Бахрушин С.В. Научные труды. Т. II. С. 302; Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 290; Зимин А.А., Хорошкевич А.Л. Россия времени Ивана Грозного. С. 119; Скрынников Р.Г. 1) Опричный террор. Л., 1969. С. 22; 2) Царство террора. С. 356; Кобрин В.Б. Иван Грозный. С. 78; Флоря Б.Н. Иван Грозный. С. 236.

³ ЧОИДР. 1859. Кн. III. С. 95.

⁴ Здесь Н.М.Карамзин, сбиваясь на версию Курбского (Библиотека литературы Древней Руси. Т. 11. XVI век. С. 420), расходится с Таубе и Крузе, говорившими о двух дочерях и двух сыновьях. – См.: Устрялов Н. Примечания. С. 323.

⁵ Карамзин Н.М. История Государства Российского. Кн. III, т. IX. М., 1989. Стб. 83–84.

⁶ Библиотека литературы Древней Руси. Т. 11. XVI век. С. 420.

⁷ Карамзин Н.М. История Государства Российского. Кн. III. Примечания к IX тому. Стб. 63 (прим. 277).

вятилетняя дочь Евдокия,¹ тогда как сын старицкого князя Василий «прожил еще несколько лет, а старшая дочь Мария в 1573 г. была выдана замуж за датского герцога Магнуса»² и умерла лишь в конце XVI века, в 1597 году.³

Курбский, как видим, недаром «запамятовах» имя второго младшего сына Владимира Старицкого. Столь серьезные провалы в памяти нашего информатора, странные уже потому, что Владимир вторым браком был женат на двоюродной сестре Курбского, едва ли могут укрепить доверие к его рассказу о гибели Старицких. Скажем больше, этот рассказ выдает стремление беглого князя обвинить Грозного в том, что он не совершал. Видно, Таубе и Крузе, действительно, сообщали более надежные сведения о способе умерщвления старицких князей, чем пребывающий вдали от России Андрей Курбский, хотя и они не всегда безупречны в передаче фактов.⁴ Возникает вопрос, что хотел подчеркнуть царь Иван, принудив Владимира Старицкого принять яд.

Свой ответ на этот вопрос дали Таубе и Крузе, приведя слова Грозного: «Ты искал моей жизни и короны, ты приготовил мне яд: пей его сам».⁵ Стало быть, по Таубе и Крузе, Иван Грозный в назидание окружающим привел в исполнение то, что против него замыслил Владимир Старицкий.

Современные исследователи находят дополнительные мотивы, объясняющие поступок царя. «После очной ставки с дворцовым поваром и короткого разбирательства “дела”, – говорит Р.Г.Скрынников, – Владимир Андреевич и его семья были осуждены на смерть. Из родственного лицемерия царь не пожелал прибегнуть к услугам палача и принудил брата к самоубийству. Безвольный Владимир, запуганный и сломленный морально, выпил кубок с отравленным вином. Вторым браком Владимир был женат на двоюродной сестре беглого боярина Курбского. Мстительный царь велел отравить ее вме-

¹ См.: Устрялов Н. Примечания. С. 325; Гириберг В.Б. Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV–XVII вв. // Нумизматика и эпиграфика. Вып. I. М., 1960. С. 59; Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 290–292; Скрынников Р.Г. 1) Опричный террор. С. 22; 2) Царство террора. С. 356; Кобрин В.Б. Иван Грозный. С. 78; Флоря Б.Н. Иван Грозный. С. 236. В безымянной статье о Владимире Старицком, помещенной в «Советской исторической энциклопедии», говорится, что в октябре 1569 года Владимир Андреевич Старицкий «был казнен вместе с женой и младшими детьми (два сына и две дочери)...» (Советская историческая энциклопедия. 3. М., 1963. Стб. 524). Автор энциклопедической статьи тут следовал за Таубе и Крузе.

² Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. С. 292. А.А.Зимин, следовательно, считал у Старицкого троих детей: сына и двух дочерей. По Р.Г.Скрынникову, у Владимира Старицкого детей было четверо – сын Василий, две дочери от первого брака и одна дочь от второго брака, казненная вместе с отцом и матерью «на Богане». – См.: Скрынников Р.Г. Иван Грозный. М., 1975. С. 149; М., 2002. С. 251.

³ Карамзин Н.М. История Государства Российского. Кн. III. Примечания к X тому. Стб. 31 (прим. 152); Устрялов Н. Примечания. С. 325 (прим. 142).

⁴ См.: Скрынников Р.Г. 1) Начало опричнины. С.56; 2) Опричный террор. С. 24; 3) Царство террора. С. 38, 356.

⁵ «Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе». С. 46.

сте с девятилетней дочерью».¹ Лицемерие и мстительность вряд ли здесь играли основную роль, поскольку расправа со Старицкими являлась проявлением не бытовой склоки, а политической борьбы, имеющей определенную логику поведения ее участников, которая, как известно, выражается в литой формуле: *кто кого*. Уводит в сторону от сути события и Б.Н.Флоря, заявляя, будто «соображения престижа, почти сакральный ореол, окружающий членов царского дома, не давали возможности ни устроить суд, ни тем более казнить двоюродного брата царя. Поэтому по приказу Ивана Владимир Андреевич, его жена и девятилетняя дочь 9 октября 1569 года были отравлены».² Напрасно Б.Н.Флоря усложняет картину, поскольку в распоряжении Ивана IV были хорошо опробованные ранее приемы, посредством которых московские великие князья избавлялись от опасных соперников – членов великокняжеского дома, замучивая их до смерти в темницах. Царь, конечно, мог прибегнуть к этой испытанной в прошлом практике. Но Иван избрал именно публичное отравление Старицких.

Нам известна официальная точка зрения на причину казни Владимира Старицкого, отраженная в инструкции московским послам, направленным в Литву вскоре после драмы «на Богане». В случае вопросов относительно того, почему государь положил свою опалу на князя Владимира, инструкция предписывала послам «говорити: князь Володимер был с матерью учал умышляти над государем нашим царем и великим князем и над его государскими детьми всякое лихо, хотели государя и государских детей испортити, да воры из бояр к ним пристали, и государь наш, сыскав, потому и учинил».³ Владимир Старицкий, как видим, «умышлял» не на собственный страх и риск, а в сообществе с противниками русского самодержца, будучи послушным орудием в их руках. Именно такую ситуацию, помимо упомянутой инструкции, рисует хранившийся в Посольском приказе один «статейный список из сыского из изменного дела», откуда узнаем, что новгородский архиепископ Пимен и другие новгородцы «ссылалися к Москве з бояры с Олексеем Басмановым, и с сыном ево с Федором, и с казначеем с Микитою Фуниковым, и с печатником с-Иваном Михайловым Висковатым, и с Семеном Васильевым сыном Яковля, да с дьяком Степановым, да с Ондреем Васильевым, до со князем Офонасьем Вяземским, о сдаче великого Новгорода и Пскова, что архиепископ Пимин хотел с ними Новгород и Псков отдать литовскому королю, а царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси хотели злым умышленьем извести, а на государство посадити князя Володимера Андреевича...».⁴ Наше внимание останавливает фраза «царя и великого князя Ивана Васильевича злым умышленьем извести», т.е. отравить. Трудно сказать,

¹ Скрынников Р.Г. Иван Грозный. М., 1975. С. 149; М., 2002. С. 250–251.

² Флоря Б.Н. Иван Грозный. С. 236.

³ Сборник Русского исторического общества. Т. 71. СПб., 1892. С. 777.

⁴ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950. С. 480.

знал ли об этом преступном замысле Владимир Старицкий.¹ Но само существование князя и особенно претензии его на московский стол, зримо обозначившиеся с памятных мартовских дней 1553 года, порождали у ненавистников Ивана соблазн пойти на крайние меры. Царя, судя по всему, не покидало чувство опасности быть вместе со своей семьей отравленным врагами. Имел ли он на то основания?

Важными в этой связи представляются наблюдения А.А.Зими́на. Историк говорил: «6 сентября 1569 г. скончалась вторая жена Ивана Грозного — Мария Темрюковна. С ее смертью могла быть как-то связана гибель князя Владимира. Ведь еще в 1560 г. царь Иван обвинил в отравлении Анастасии Романовой Адашева и Сильвестра. Подобные обвинения могли царем выказываться и в связи со смертью Марии, которую ненавидели в княжеско-боярской среде».² Царь, конечно, мог говорить об отравлении Марии его недоброжелателями.³ Но это в источниках не отмечено. Зато есть коллективное признание пастырей русской церкви, зафиксированное в Соборном приговоре 1572 года, где записано, что царица Мария, с которой Иван прожил восемь лет, «вражиим злокозньством отравлена быть».⁴ Перед нами, можно сказать, документальное свидетельство Освященного собора. Поэтому странное впечатление производят слова Р.Г.Скрынникова: «Ходили слухи об отравлении Марии Черкасской. Но эти слухи легендарны».⁵

Современный исследователь располагает не слухами об отравлении царицы Марии, а весьма авторитетным подтверждением этого факта со стороны высших церковных иерархов России. И здесь особую ценность приобретает предположение А.А.Зими́на о возможной связи гибели князя Владимира со смертью царицы Марии. Если это так, то отравление Владимира Старицкого стало в определенной мере реакцией Ивана Грозного на смерть

¹ Р.Г.Скрынников утверждает: «В розыском деле о новгородской измене, хранившемся в царском архиве, значилось, что Владимир Андреевич с единомышленниками “хотели злым умыслом извести” царя и великого князя Ивана Васильевича» (*Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 356*). Автор здесь допускает очередную неточность. В розыском деле говорилось, что «извести» государя хотели архиепископ Пимен с новгородцами и московские бояре с приказными людьми, а не «Владимир Андреевич с единомышленниками». Что же касается Владимира Старицкого, то его злоумышленники намеревались «на государство посадити».

² *Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. С. 289–290.*

³ Те же, по-видимому, недоброжелатели распространили слух о том, что Марию отравил сам царь, о чем заявляет Пискаревский летописец: «Да тогда же опоил царицу Марию Черкаскову» (ПСРЛ. Т. 34. С. 191). Подобная версия присутствует в исторических песнях, где, впрочем, отравление Марии связывается с ее собственным желанием умертвить своего мужа (см.: *Шамбинаго С.К. Песни времени царя Ивана Грозного. Сергиев Посад, 1914. С. 56–57*). Существует еще одна версия, согласно которой Иван велел постричь Марию и отправить ее в монастырь. — *Горсей Дэжером. Записки о России. XVI – начало XVII в. М., 1990. С. 55.*

⁴ ААЭ. Т. I. С. 329.

⁵ *Скрынников Р.Г. Иван Грозный. М., 2002. С. 431. Ср.: Скрынников Р.Г. Иван Грозный. М., 1975. С. 209.*

своей жены, отравленной, несомненно, врагами государя, к которым на протяжении длительного времени имел то прямое, то опосредованное отношение старицкий удельный князь. Более того, Иван, повелевая князю Владимиру выпить чашу с ядом, помнил, конечно же, о смерти любимой жены своей Анастасии, также отравленной недругами самодержца. В том же Соборном приговоре 1572 года говорится: «Царь и Великий Князь женился первым браком, понял за себя Романову дочь Юрьевича Анастасию и жил с нею полчевертантцата лет, и вражиим наветом и злых людей чародейством и отравами Царицу Анастасию изведоша...».¹ Сам Иван в этом также нимало не сомневался.² Уверенно свидетельствует на сей счет и немец-опричник Генрих Штаден.³ В глубоком сомнении лишь позднейшие историки. Один из них, С.Б.Веселовский, писал: «Анастасия умерла после медленного угасания в том возрасте, когда женщина обыкновенно достигает полного расцвета сил. Об отравлении ее не может быть и речи, да и сам Иван об этом не говорит, а в колдовство и чары мы, люди XX в., не верим. Остается предположить, что здоровье ее было подорвано ранним браком и частыми родами и окончательно расшатано постоянными поездками с мужем на богомолье и потехи».⁴ С.Б.Веселовскому вторит Р.Г.Скрынников: «Частые роды истощили организм царицы, она не дожила до 30 лет».⁵ У нас нет желания оспаривать детородные аргументы названных авторов, поскольку ныне факт отравления Анастасии научно доказан: обнаруженное при антропологическом исследовании ее останков высокое содержание солей ртути в волосах, обрывках погребальной одежды и тлена не оставляют сомнений насчет отравления царицы.⁶

На фоне всех этих обстоятельств приобретает особую значимость предположение о связи гибели князя Владимира Старицкого с редакторской работой Грозного над Царственной книгой, в частности с интерполяцией, повествующей о мартовских событиях 1553 года. На эту связь обратил внимание еще С.Б. Веселовский, но истолковал ее, на наш взгляд, неудовлетворительно. Историк полагал, что «династический вопрос, поставленный остро в 1553 г., и казнь близких родственников (Владимира с родичами. — И.Ф.) продолжали тревожить сознание царя и много позже» и «вызывали его на самооправдания»,⁷ что нашло отражение в приписке к Царственной книге под 1553 годом.

Однако психологические мотивы являлись здесь, по нашему мнению, отнюдь не основными. Главной тут все-таки была, как нам представляется, государственная целесообразность. Поэтому надо согласиться с А.А.Зими-

¹ ААЭ. Т. I. С. 329.

² См.: Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 104.

³ Штаден Генрих. Записки немца-опричника. М., 2002. С. 100.

⁴ Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. С. 94.

⁵ Скрынников Р.Г. Иван Грозный. М., 1975. С. 207; М., 2002. С. 430.

⁶ См.: Панова Т. Химия уточняет историю. Жена Ивана Грозного царица Анастасия была отравлена — это подтвердил химический анализ, проведенный в наше время // Наука и жизнь. 1997, № 4. С. 82–86.

⁷ Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. С. 290.

ным, который, говоря о распоряжении царя Ивана «внести в официальную летопись новый рассказ о мартовских событиях 1553 г.», уловил в данном распоряжении стремление Грозного «задним числом обосновать государственную необходимость казни Владимира Старицкого».¹ Это, бесспорно, так, но не все. Ставя в один ряд мартовские события далекого 1553 года с произошедшим в 1569 году «на Богане» и таким образом объясняя избранный способ казни Владимира и некоторых членов его семьи, Иван Грозный как бы утверждал библейский принцип: «какою мерою мерите, такою и вам будут мерить» (Матф., 7:2). Тем самым царь намекал на характер своего заболевания в марте 1553 года, вызванного «злокозньством» врагов русского «самодержавства», с которыми тогда «сложился» князь Владимир. Иначе, он намекал на отравление. Так получаем еще одно косвенное указание на рукотворное происхождение болезни Ивана IV в марте 1553 года, сопровождавшейся спланированным заранее дворцовым мятежом, в основе которого лежал преступный заговор. Этот заговор преследовал цель государственного переворота, состоящего в устранении от власти законного государя и его наследника с заменой их на московском троне удельным князем Владимиром Старицким.

Следует сказать, что Иван IV и люди, сохранявшие ему верность, догадывались о сути происходившего. Они понимали, что имеют дело с тайным заговором и мятежом, принявшим форму открытого неповиновения, но не переросшего в кровавое столкновение, хотя все реальные предпосылки для такого оборота дела были налицо, включая военную силу, сосредоточенную Старицкими в своем кремлевском дворе. Не надо было обладать особым даром прозрения, чтобы уразуметь все это. Тут даже не требовалось знание деталей, поскольку само поведение заговорщиков во время болезни царя, их поступки и слова были достаточно красноречивы, чтобы представлять для него какую-то загадку.

Иван мог также открыть для себя нечто новое относительно Сильвестра и Алексея Адашева. Сильвестр своим расположением к Владимиру Старицкому в столь угрожающей царю ситуации подавал для подобных прозрений прямой повод. Адашев же хотя и был скрытен, но все-таки настораживал, поскольку действия наиболее близких ему людей, отца Федора Адашева и друга Сильвестра, царь Иван не одобрял.²

Итак, мартовские события 1553 года убедили Ивана IV в том, что против него и сына-наследника был составлен заговор и организован мятеж. Замысел заговорщиков строился на предполагавшейся болезни и смерти Ивана. Поэтому, когда царь, вопреки их расчетам, стал выздоравливать, рассыпался

¹ Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. С. 292–293.

² У А.Л.Дворкина не вяжутся концы с концами, когда он говорит, что Сильвестр и Адашев придерживались «неустойчивого нейтралитета, явно желая воцарения их друга, князя Владимира Старицкого» (Дворкин А.Л. Иван Грозный как религиозный тип. С. 118). Явное желание воцарения друга и нейтралитет, пусть даже неустойчивый, совместить, на наш взгляд, невозможно.

и этот замысел.¹ Можно было ожидать, что Грозный сурово накажет виновников. Но он повел себя по-другому.

В этой связи «интересно отметить, что мятежники Дмитрий Федорович Палецкий, Никита Фуников, Дмитрий Иванович Курлятев, Дмитрий Иванович Немой, Петр Михайлович Щенятев еще в 1554 г. (т.е. после мятежа, но до ареста князя Лобанова Ростовского) занимали почетнейшие места на самых почетных церемониях, точно так же, как они занимали их в 1552 г., т.е. до болезни царя».² Не утратил благосклонности государя и князь И.М.Шуйский, «заваривший кашу» в Думе: уходя в 1555 году в Коломенский поход, царь оставляет его в Москве консультантом при слабоумном брате своем Юрии, доверяя ему управление столицей.³ Вскоре после событий 1553 года Федор Адашев, перечивший государю в Боярской Думе, получил боярство. Алексей Адашев стал окольничим.⁴ На повышение пошли и сторонники партии Адашева–Сильвестра – П.В.Морозов и Л.А.Салтыков. Первый был пожалован в бояре, а второй – в окольничие.⁵ Оставался в силе Сильвестр.⁶ Старицкие по-прежнему пребывали в чести. Князь Владимир Андреевич, обласканный царем, именуется в летописях того времени «государевым братом».⁷ Поэтому совершенно безосновательным представляется утверждение А.М.Сахарова о том, будто «после эпизода с присягой» подозрительность и жестокость царя Ивана «еще более усилились».⁸

Историки-рационалисты, мыслящие прагматически, проявляют полную неспособность понять мотивы поведения Ивана IV. «Проблема в том, – писал, к примеру, А.И.Филюшкин, – что названные в интерполяции “недоброхоты” царя (кроме Н.А.Фуникова) – Д.И.Курлятев, Ф.Г.Адашев, Сильвестр, Владимир Андреевич, Д.И.Немой-Оболенский, С.В.Ростовский, колебавшиеся А.Ф.Адашев и И.М.Вешняков не только не поглотились в 1553 г. за свои “мятеж” и “предательство”, но, наоборот, многие из них в 1553 г. усилили свою реальную роль в политической иерархии (что демонстрирует разряд июньского выхода на Коломну и кадровые перемещения 1553 г.)... События 1553 г. не внесли резких изменений в состав думы, хотя, судя по тональнос-

¹ По словам С.Б.Веселовского, «смута, мятеж и распри... продолжались не менее двух недель и закончились тогда, когда царь вполне поправился и опасность его смерти миновала». – *Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины*. С. 285.

² *Альшиц Д.Н. Происхождение и особенности источников, повествующих о боярском мятеже 1553 года // Исторические записки*. Т. 25. 1948. С. 282.

³ *Абрамович Г.В. Князья Шуйские и Российский трон*. С. 105.

⁴ См.: *Бахрушин С.В. Научные труды*. Т. II. С. 348; *Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного...* С. 414.

⁵ См.: *Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного...* С. 414.

⁶ *Альшиц Д.Н. Происхождение и особенности источников, повествующих о боярском мятеже 1553 года*. С. 283. Ср.: *Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного...* С. 414.

⁷ См.: *Альшиц Д.Н. Происхождение и особенности источников, повествующих о боярском мятеже 1553 года*. С. 283.

⁸ *Сахаров А.М. Образование и развитие Российского государства в XIV–XVII вв.* М., 1969. С. 100.

ти приписки 1553 г., после таких великих мятежей и крамол чистка правящего аппарата была бы неизбежной».¹ Отсюда у А.И.Филиюшкина недоверие к повествованию Царственной книги.² Скепсис этот не нов. В конце 40-х годов прошлого века Д.Н.Альшиц говорил: «Казалось бы, столь резкое выступление против царя группы мятежников, воспользовавшихся его беспомощностью, должно было после выздоровления царя вызвать преследование, наказание хотя бы главных виновников. Между тем ничего подобного не произошло. Никаких опал не последовало».³ Значит, заключает Д.Н.Альшиц, и мятежа никакого не было, хотя «тайный заговор группы князей» имел место.⁴ Но в историографии есть иное объяснение незлобivosti Ивана, хорошо известное Д.Н.Альшицу.

Еще Н.М.Карамзин, описав мартовский мятеж, говорил: «Что же сделал Иоанн? Встал с одра исполненный милости ко всем Боярам, благоволения и доверенности к прежним друзьям и советникам <...> не хотел помнить, что случилось в болезнь его, и казался только признательным к Богу за свое чудесное исцеление <...> не мстил никому, но с усилием, которое могло ослабеть в продолжение времени».⁵ По Н.М.Карамзину, следовательно, государь простил вину мятежникам, делая, правда, над собой усилие.

Согласно С.М.Соловьеву, у выздоровевшего царя затаились на дне души мрачные чувства подозрения и обиды, но «выздоровление, неожиданное, чудесное избавление от страшной опасности, располагало к чувству иному; радость, благодарность к Богу противодействовали чувству мести к людям».⁶ Впрочем, С.М.Соловьев, в отличие от Н.М.Карамзина, вышел за пределы чувствований царя Ивана и перевел вопрос в политическую плоскость: «С другой стороны, надобно было начать дело тяжелое, порвать все установившиеся уже отношения; тронуть одного значило тронуть всех, тронуть одного из приятелей Сильвестра и Адашева значило тронуть их самих, а это по прежним отношениям было очень трудно, к этому вовсе не были приготовлены; трудно было начать борьбу против вождей многочисленной стороны, обступившей престол, не имея людей, которых можно было бы противопос-

¹ Филиюшкин А.И. История одной мистификации... С. 81–82.

² Там же. С.82.

³ Альшиц Д.Н. Происхождение и особенности источников, повествующих о боярском мятеже 1553 года.. С. 280. Сходную логику демонстрирует А.Л.Дворкин. «Зная характер Грозного, – говорит он, – трудно поверить, что он (Грозный. – И.Ф.), потеряв доверие к ближайшим друзьям и советникам, мог терпеть их у власти еще восемь-девять лет. Напротив, известно, что сразу же по выздоровлении он пожаловал Алексея Адашева чином окольничего, а отца его сделал боярином; князь же Владимир Старицкий был объявлен правителем государства и опекуном наследника в случае Ивановой смерти». – Дворкин А.Л. Иван Грозный как религиозный тип. С. 119.

⁴ Альшиц Д.Н. Происхождение и особенности источников, повествующих о боярском мятеже 1553 года. С. 283, 285, 288.

⁵ Карамзин Н.М. История Государства Российского. Кн. II. Т. VIII. М., 1989. Стб. 129–130.

⁶ Соловьев С.М. Сочинения: В 18-ти книгах. Кн. III. М., 1989. С. 512.

тавить ей; наконец, при явном, решительном действии, что можно было выставить против Сильвестра и Адашева? Они не подавали голоса против Дмитрия, в пользу Владимира Андреевича».¹

Д.Н.Альшица не удовлетворили эти высказанные Н.М.Карамзиным и С.М.Соловьевым объяснения причины отсутствия чувства мести у Ивана IV по отношению к мятежникам. Не удовлетворили потому, что не только не исключали мартовского мятежа 1553 года, но и оставляли его безнаказанным. «Если считать, – пишет Д.Н.Альшиц, – что мятеж 1553 г. имел место, то следует признать, что он прошел не только безнаказанно, но и что самые активные его участники были вскоре после того возвышены царем. Тем самым пришлось бы возвратиться к точке зрения Н.М.Карамзина и С.М.Соловьева, что “радость и благодарность к богу противодействовали чувству мести к людям”. Нам это не представляется возможным».² Тут, конечно, ничего не поделаешь, коль «не представляется возможным». Однако же заметим, что Н.М.Карамзин и С.М.Соловьев в данном случае не одиноки. Так, Н.А.Полевой говорил: «Не боялись ли, не трепетали ль крамольные вельможи, когда болезнь Иоанна постепенно прекращалась, и наконец – он восстал с одра своего в новой силе. Может быть, но их опасения оказались напрасны: Иоанн, по-видимому, забыл все, что происходило во время его болезни. Он являлся милостивым, ласковым по-прежнему; не было ни опал, ни ссылок, ни гнева. Этого мало: отец Адашевых был произведен в бояре, вместе с князем Пронским и Симеоном Ростовским. Выехав на охоту в октябре, царь весело пировал в селе Владимира Андреевича».³ Сходные суждения высказывал Н.Г.Устрялов: «Иоанн не мстил ни боярам, ни брату; ласкал, честил его, нередко вверял главное начальство над войском, и дал ему в обмен вместо Верей, Алексина и Старицы Дмитров, Боровск, Звенигород».⁴ Вспомним, наконец, владыку Иоанна, его пронизательные слова: «Царь всех простил! Царь не помнил зла. Царь посчитал месть чувством, недостойным христианина и монарха».⁵

Думается, митрополит Иоанн дал самое точное объяснение тому, что никак не могли взять в толк историки, чуждые христианскому сознанию и православной этике, а потому не способные понять мотивы поведения глубоко верующего человека, каковым являлся Иван Грозный. Царь не мог поступить иначе не только в силу общих норм христианской морали, но и вследствие некоторых конкретных обстоятельств. Еще во время соборов примирения он заявил о своем намерении царствовать посредством любви и милости к подданным. Естественно было ожидать от него прощения заблудших мятежников, тем более что о многих деталях произошедшего в мартов-

¹ Там же.

² *Альшиц Д.Н.* Происхождение и особенности источников, повествующих о боярском мятеже 1553 года. С. 283.

³ *Полевой Н.А.* История русского народа: В трех томах. Т. III. М., 1997. С. 459–460.

⁴ *Устрялов Н.* Примечания. С. 322 (прим. 140).

⁵ *Иоанн (Снычев).* Самодержавие духа. Очерки русского самосознания. СПб., 1995. С. 143.

ские дни 1553 года государь не знал. О том, что Иван IV оставался верен провозглашенной в им 1547 году политике мира, согласия и любви, свидетельствует официальная летопись: «Он государь, добрый пастырь, егда възмогл, тогда у Бога милости просил и нас добре хранил. и благоразсудным его утверждением всегда съхранены есмя; и мало время премолче к Богу о нас моления простирати и нас на благое утверждати...».¹ К прощению располагал и сам факт чудесного исцеления от, казалось бы, смертельной болезни. Божья милость, снизошедшая на болящего Ивана, не могла, по евангельским заповедям, оставаться безответной. Она требовала и от государя проявления милости. К всепрощению побуждал царя и трагический случай, произошедший в июне 1553 года, о котором надлежит сказать особо.

Летописец повествует, как в мае 1553 года во исполнение взятого на себя обета «поехал царь и великий князь Иван Василиевич всея Руси и съ своею царицею и съ своим сыном царевичем Димитрием и з братом князем Юрьем Василиевичем помолитися по монастырем: къ живоначалной Троице, да оттоле въ Дмитров по монастырем, на Песношу къ Николе; да тут государь сел въ суды въ Яхроме-реке, да Яхромою на Дубну, да был у Пречистые въ Медведеве пустыне, да Дубною въ Волгу, да был государь въ Калязине монастыре у Макария чюдотворца, да оттоле на Угличь и у Покрова въ монастыре, да оттоле на усть Шексны на Рыбную, да Шексною вверх къ Кирилу чюдотворцу; да на Кирилове монастыре государь молебная совершив, учредив братию, да ездил един в Ферапонтов монастырь и по пустыням, а царица великая княгиня была въ Кирилове монастыре. И оттоле царь и государь поиде опять Шексною вниз, да Волгою вниз на Романов и въ Ярославль; и въ Ярославле государь был у чюдотворцов, да поехал въ Ростов и был у чюдотворцов, да въ Переславль, къ живоначалной Троице; и приехал государь къ Москве месяца июня».² За приведенным рассказом о поездке Ивана IV на богомолье по заволжским монастырям и пустыням следует сообщение о событии, случившемся во время этой поездки, но обособленном от повествования о ней: «Того же лета, месяца июня, не стало царевича князя Димитрия въ объезде въ Кириловском, назад едучи къ Москве; и положили его въ Архаангеле въ ногах у великого князя Василия Ивановича».³ Летописец, как убеждаемся, довольно подробно описывает маршрут поездки государя, упоминает места его посещений, названия монастырей, совершенные в них службы и поклонения чюдотворцам. При этом он очень скуп по части подробностей смерти царевича Димитрия и говорит о ней в самой общей форме («не стало царевича князя Димитрия»), не желая, по-видимому, заострять внимание на том, как и при каких обстоятельствах она случилась. «О смерти царевича официальный летописец говорит глухо», – справедливо замечает С.Б.Веселовский.⁴ Мало того, сообщение о кончине царевича составитель летописи выносит за скобки своего рассказа о поездке государя по монастырям, раз-

¹ ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 230–231.

² Там же. С. 231–232.

³ Там же. С. 232.

⁴ Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. С. 481.

рывающая живую ткань событий и, следовательно, затушевывающая реальные черты весьма неординарного события. Во всем этом проглядывает определенная заинтересованность. Уместно спросить: чья заинтересованность? По всей видимости, А.Ф.Адашева и К°, поскольку рассказ о поездке царя на богомолье и сообщение о смерти царевича Дмитрия, рассматриваемые сейчас нами, заключены в «Летописце начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича», составителем или редактором которого являлся именно он, Алексей Адашев, или лицо, близкое ему.¹

Та же заинтересованность видна и у князя Андрея Курбского, о чем судим по его «Истории о великом князе Московском», где читаем, как царь Иван «поплыл в путь свой Яхромою-рекою аже до Волги, Волгою ж плыл колко десять миль до Шексны-реки великие, и Шексною вверх аже до озера великаго Белаго, на немже место и град стоит. И не доезжаячи монастыря Кирилова, еще Шексною-рекою плывучи, сын ему <...> умре». ² Курбский, подобно составителю Летописца, опускает подробности смерти царевича, не желая, очевидно, лишний раз привлекать к этому внимание своих читателей. Его сообщение о смерти царевича Дмитрия, по тонкому наблюдению С.Б.Веселовского, «носит оттенок какой-то недоговоренности». ³ Но Курбский, в отличие от автора летописной записи, отнесшего «преставление» Дмитрия к моменту возвращения царственных богомольцев из Кириллова монастыря в Москву («назад едучи к Москве»), связал смерть наследники престола со временем на пути к обители («не доезжаячи монастыря Кирилова»). Разумеется, оба информатора не могут быть правы, и кто-то из них либо невольно ошибается, либо сознательно запутывает последовательность событий, чтобы сбить читателя с толку. Полагаем, что А.М.Курбский, писавший свою «Историю о великом князе Московском» если не тридцать, ⁴ то двадцать лет спустя с момента смерти царевича Дмитрия, ⁵ был меньше озабочен этим, чем А.Ф.Адашев, имевший непосредственное отношение к созданию «Летописца начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича», составленного, можно сказать, по горячим следам трагической кончины царского наследника. ⁶ Поэтому сообщение Курбского о гибели царевича до приезда в Кириллов монастырь более, по нашему мнению, соответствует

¹ См.: *Зимин А.А.* И.С. Пересветов и его современники. Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI в. М., 1958. С. 38; *Шмидт С.О.* 1) Становление российского самодержавства... С. 22; 2) У истоков российского абсолютизма... С. 30.

² Библиотека литературы Древней Руси. Т. 11. XVI век. С. 360.

³ *Веселовский С.Б.* Исследования по истории опричнины, С. 482.

⁴ См.: *Калугин В.В.* Андрей Курбский и Иван Грозный: (Теоретические взгляды и литературная техника древнерусского писателя). М., 1998. С. 44.

⁵ См.: *Жданов И.Н.* Сочинения. Т. I. СПб., 1904. С. 158; *Зимин А.А.* Когда Курбский написал «Историю о великом князе Московском»? // ТОДРЛ. Т. XVIII. М.; Л., 1962. С. 306; *Скрынников Р.Г.* Начало опричнины. С. 39.

⁶ См.: *Шмидт С.О.* 1) Становление российского самодержавства... С. 22; 2) У истоков российского абсолютизма... С. 30.

действительности, нежели известие Летописца о «преставлении» Дмитрия на пути в Москву. Версия Курбского лучше согласуется и с попытками «кружка Сильвестра» воспрепятствовать поездке царя Ивана в Кирилло-Белозерский монастырь. Но это отнюдь не значит, что Курбский, повествуя о паломничестве государя в заволжские монастыри, был во всем остальном правдив и объективен.

Предвзятость – наиболее характерная черта рассказа Курбского о поездке государя на моление по знаменитым русским монастырям. Он умудряется даже обвинить царя в смерти царевича: «Егоже (Дмитрия. – И. Ф.) своим безумием погубил».¹ А было это, по Курбскому, так. Царь Иван, выехав из столицы, отправился «первие в монастырь Троицы живоначалные, глаголемый Сергиев, яже лежит от Москвы двадесять миль на великой дорозе, которая идет к Студеному морю».² В ту пору в Троице «обитал Максим преподобный, мних святыя горы Афонские, Ватапеда монастыря, грек родом, муж зело мудрый и не токмо в ритарском искустве мног, но и философ искусен...».³ Максим обосновался здесь благодаря ходатайству старца-еретика Артемия, бывшего одно время игуменом Троице-Сергиева монастыря, и хлопотам попа Сильвестра. Единомышленник Артемия, друг Сильвестра и учитель Курбского,⁴ Максим Грек, возможно, по наущению названных лиц стал отговаривать царя от поездки в заволжские монастыри: «Аще, – рече, – и обещался еси тамо ехати, подвижуще святаго Кирилу на молитву ко Богу, но обеты таковыя с разумом не согласуют. А то сего ради: егда доставал еси так прегордаго и силнаго бусурманского царства, тогда и воинства христианскаго храброго тамо немало от поганов падоша, яже брашася с ними крепце по Бозе за православие. И тех избивенных жены и дети осиротели и матери обнищадели, во слезах многих и в скорбех пребывают. И далеко, – рече, – лучше те тебе пожаловать и устроить, утешающе их от таковых бед и скорбей, собравше их ко своему царственнейшему граду, нежели те обещания не по разуму исполняти».⁵

Удивляет настойчивость, с которой Максим убеждал царя Ивана отказаться от поездки в заволжские монастыри: «И аще, – рече, – послушаеши мене, здрав будеши и многолетен, со женою и отрочатем. И иными словесы множайшими наказуя его, воистину сладчайшими, паче меда, каплющего ото усть его преподобных».⁶ Но Ивана, пережившего недавно столько душевных потрясений, чудом выздоровевшего и обещавшего в благодарение

¹ Библиотека литературы Древней Руси. Т. 11. XVI век. С. 350. Подобно Курбскому, винят Ивана в гибели Дмитрия и некоторые современные историки. – См., напр.: *Дворкин А.Л.* Иван Грозный как религиозный тип. С. 179.

² Библиотека Древней Руси. Т. 11. XVI век. С. 350.

³ Там же.

⁴ Максима Грека князь Курбский сам называл своим «превозлюбленным учителем». – Там же. С. 564. См. также: *Скрынников Р.Г.* Иван Грозный. М., 2002. С. 73; *Дворкин А.Л.* Иван Грозный как религиозный тип. С. 138, 143.

⁵ Библиотека литературы Древней Руси. Т. 11. XVI век. С. 352.

⁶ Там же.

Господу совершить паломничество в Кириллов монастырь, доводы Грека не убедили. Государь решил продолжить свой путь. Курбский приписал это упрямству Ивана Васильевича и рекомендациям «мнихов», по всей видимости троицких, с которыми государь, несколько, вероятно, смущенный беседой с Максимом Греком, советовался, как ему поступить, и которые укрепили его в подвижничестве: «Он же, яко гордый человек упрямяся, толико: “Ехати да ехати, – рече, – ко святому Кирилу”. Ктому ласкающе его и поджигающе миролюбцом и любоименным мнихом и похваляюще умиление царевно, аки богоугодное обещание. Бо те мнихи боготолубные не зрят богоугоднаго, а ни советуют по разуму духовному, чему были должны суще паче в мире живущих человеков, но всячески с прилежанием слухают, чтобы угодно было царю и влаstem, сииречь чем бы угодно бы выманити имения к монастырем или богатство многое и жити в сладострастиях скверных яко свиньям питающися, а не глаголю, в кале валяющися».¹ Курбский, как видим, не отказал себе в удовольствии лишний раз уколоть ненавистных врагов своих – иосифлян. Но суть не в этом удовольствии, а в том, что Максим, удостоверившись в твердом, вопреки всему, намерении царя ехать «ко святому Кирилу», пустился в прорицания, представляющие для современного исследователя весьма существенный интерес: «Егда же видев преподобный Максим, иже презрел его совет и ко еханию безгодному устремился царь, нисполнися духа пророческаго, начал прорицати ему: “Аще, – рече, – не послушаеши мене, по Бозе советующаго, и забудеши крови оных мучеников, избиенных от поганов за правоверие, и презриши слезы сирот оных и вдовиц, и поедиши со упрямством, ведай о сем, иже сын твой умрет и не возвратится оттуды жив. Аще же послушаеши и возвратишися, здрав будеши яко сам, так и сын твой”».² Любопытная деталь: свое пророчество Максим передает Грозному через посредников. «И сия словеса, – рассказывает Курбский, – приказал ему четырьмя нами: первый – исповедник его, презвитер Андрей Протопопов, другий – Иоанн княжа Мстиславский, а третий – Алексей Адашев, ложничей его, четвертым – мною. И те слова слышав от святаго, исповедахом ему по ряду».³

Приведенные факты ставят перед историком два вопроса: 1) чем объяснить противодействие Максима Грека и, надо полагать, его сотоварищей поездке Ивана IV в Кириллов монастырь и другие заволжские обители; 2) почему Максим Грек предрек смерть царевича не сразу, а с некоторой паузой, воспользовавшись при этом для передачи государю своего пророчества услугами посредников.

При обращении к первому вопросу можно подумать, что ответ на него уже дан в рассказе Курбского о встрече Ивана с Максимом Греком, который, как явствует из этого рассказа, призывал царя, не тратя даром времени, вернуться в «царственнойший град» и позаботиться о матерях, женах и детях

¹ Там же.

² Там же. С. 352, 354.

³ Там же. С. 354.

воинов, погибших в Казанском походе. Но этот призыв не мог побудить самодержца немедленно прервать богомолье и воротиться в Москву, поскольку война с Казанью закончилась много месяцев назад, и попечительские меры относительно вдов, сирот и матерей, потерявших на войне сыновей, уже, по всему вероятно, стали осуществляться. Что касается личного попечения государя, то оно, прерванное на короткий срок (месяц-два) богомолья, снова должно было возобновиться без нанесения особого ущерба нуждающимся в нем. Следовательно, Максим Грек, отговаривая царя Ивана от путешествия в завожские края, выдвигал скорее благовидный предлог, нежели формулировал действительную причину своего отрицательного отношения к этому путешествию. Вот почему некоторые историки пытались по-своему объяснить скрытые помыслы Максима. Так, по мнению Р.Г.Скрынникова, родители царицы Захарьины, обеспокоенные «значительным влиянием» попа Сильвестра на личность царя, стремились ослабить это влияние и поэтому «стали искать поддержку у осифлян старшего поколения, находившихся не у дел со времени боярского правления. По их совету царь, едва оправившись от болезни, предпринял путешествие в Кирилло-Белозерский монастырь. Там жил на покое Вассиан Топорков, престарелый советник Василия III и братанч Иосифа Санина. Вассиан прославился жестокими гонениями против нестяжателей и их главного идеолога Максима Грека. Встревоженный этим обстоятельством кружок Сильвестра пустил в ход все средства, чтобы воспрепятствовать свиданию царя с Топорковым».¹ В частности, «Алексей Адашев и Андрей Курбский противились поездке, но, в конце концов, приняли в ней участие».²

К сожалению, Р.Г.Скрынников здесь, как и в ряде других случаев, небрежен в изложении фактов. Он говорит, что царь предпринял путешествие в Кирилло-Белозерский монастырь по совету (даже по настоянию³) Захарьиных, тогда как Курбский довольно внятно извещает об обете самого Ивана совершить богомольную поездку в эту обитель: «Егда же уже оздравел, обещался, скоро по недуге оном, и умыслил ехати сто миль от Москвы да единого монастыря, глаголемаго Кирилова».⁴ У нас нет оснований не доверять князю Андрею, непосредственному участнику царской поездки, и верить на слово Р.Г.Скрынникову. Историк ошибается и тогда, когда утверждает, будто в Кирилло-Белозерском монастыре имело место свидание царя Ивана с бывшим коломенским епископом Вассианом Топорковым. Это свидание состоялось, но не в Кирилловом монастыре, а на пути к нему в Песношском монастыре, где тогда находился Вассиан, о чем и сообщает Курбский.⁵ Возмож-

¹ Скрынников Р.Г. Начало опричнины. С. 98–99.

² Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 116.

³ Там же.

⁴ Библиотека литературы Древней Руси. Т. II. XVI век. С. 350.

⁵ Там же. С. 354, 356, 358, 360. См. также: Соловьев С.М. Сочинения: В 18-ти книгах. Кн. III. С. 515; Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного... С. 414; Флоря Б.Н. Иван Грозный. С. 73. Р.Г.Скрынников повторил эту неточность и в новейшей своей книге, утверждая, что инок Вассиан находился в Кириллове (Скрынников Р.Г. Цар-

но, это свидание было непреднамеренным.¹ Во всяком случае, ему не придавалось то значение, о котором говорит Р.Г.Скрынников. Но что касается догадки исследователя насчет встревоженности «кружка Сильвестра» поездкой Ивана в заволжские монастыри, то она заслуживает пристального внимания. Чем была вызвана подобная тревога?

Чтобы ответить на поставленный вопрос, нужно вспомнить о той религиозно-политической роли, какую играли заволжские монастыри в конце XV – середине XVI века. Они были не только оплотом нестяжательства, но и прибежищем еретиков. Сюда в начале XVI века сбегались и находили здесь укрытие преследуемые властями отступники от православной веры. Сюда ссылали вождей придворной еретической партии, таких как, скажем, Вассиан Патрикеев, поселенный в Кирилло-Белозерском монастыре. В эти места бежал в середине XVI века знаменитый еретик Феодосий Косой со своими единомышленниками. Отсюда на игуменство в Троице-Сергиев монастырь был взят стараниями Сильвестра старец Артемий, обвиненный вскоре в ереси и осужденный соборным судом вместе с некоторыми его учениками. Заволжье стало своеобразным заповедником, где еретики чувствовали себя в безопасности.

Для того чтобы понять меру озабоченности «кружка Сильвестра» поездкой государя в заволжские монастыри и пустыни, надо также вспомнить особенность момента, когда царь Иван отправлялся на богомолье. Это было время, когда на Руси, по выражению летописца, «прозябе ересь и явился шатание в людех в неудобных словес о божестве». Можно представить, что тогда творилось в Заволжье, – этой, так сказать, кузнице еретических кадров. Вожди Избранной Рады, покровительствовавшие еретикам, не хотели, по-видимому, дать царю возможность увидеть все собственными глазами. Они решили помешать царской поездке, пустив в ход «тяжелую артиллерию» в лице Максима Грека, связанного с попом Сильвестром и через него с Избранной Радой. Ими, похоже, был разработан еще один план, касающийся царевича Дмитрия. Так позволяет думать рассказ Курбского и дополнительные летописные сведения, проливающие свет на обстоятельства гибели царственного младенца.

Важно отметить, что Максим «начал прорицать» насчет смерти царевича не сразу, ограничившись сперва намеками на возможный для Дмитрия печальный исход дальнего путешествия («Максим начал советовати ему, да не едет на так далекий путь, но и паче же со женою и с новорожденным отрочатем»; «послушаеши мене, здрав будеши и многолетен со женою и отрочатем»). Максим Грек говорил так, будто знал об опасности, грозившей

ство террора. С. 116). Впрочем, ради справедливости надо сказать, что не только Р.Г. Скрынников заслуживает здесь упрека. С.В. Бахрушин, например, также говорил, что Иван IV, посетив в 1553 году Кирилло-Белозерский монастырь, «зашел к проживавшему там бывшему епископу коломенскому Вассиану Топоркову». – *Бахрушин С.В. Научные труды. Т. II, С. 293.*

¹ Флоря Б.Н. Иван Грозный. С. 73.

царскому наследнику, и пытался предупредить об этом Ивана. И на том ему спасибо! Но царь, по всей видимости, не понял намек и заявил о своем решении продолжить путь. Тогда-то Максим и стал пророчествовать, причем не лично государю, а через посредников. Если предполагать план, задуманный недругами Ивана IV, этот ход «святогорца» приобретает ясность. Становится понятен подбор Максимом посредников, в число которых вошли протопоп Благовещенского собора Андрей, ближний боярин Иван Мстиславский, Алексей Адашев и Андрей Курбский. Привлекая к посредничеству царского духовника Андрея и сохранившего верность царю во время мартовских событий 1553 года князя Ивана Мстиславского, Максим Грек и стоявший за ним «кружок Сильвестра» могли думать, что Иван Грозный с доверием и полной серьезностью воспримет акцию посредников. Вхождение в число посреднической группы А.Адашева и А.Курбского должно было, видимо, отвести подозрения в причастности к предрекаемой гибели Дмитрия как их самих, так и партии Сильвестра – Адашева, т.е. создать им, так сказать, алиби. В этом, пожалуй, был главный смысл участия в посредничестве Алексея Адашева и Андрея Курбского.

Такой ответ напрашивается на поставленный нами выше второй вопрос. Резонность подобного ответа доказывают обстоятельства смерти наследника, замалчиваемые, как мы убедились, летописцами и свидетелями этой смерти, как, например, князь Курбский. «Вероятно, и летописцу и Курбскому, – замечает С.Б.Веселовский, – было неприятно говорить о нелепых обстоятельствах гибели младенца».¹ Но так ли нелепы на самом деле эти обстоятельства?

В одном летописном источнике С.Б.Веселовский обнаружил известие о том, что «царевич был оброне мамкой в Шексну при пересадке из одного судна в другое».² Это известие представлялось С.Б.Веселовскому более вероятным, нежели «сообщение, будто царевича обронила в воду сонная мамка».³ По Р.Г.Скрынникову, «придворные следили за строгим соблюдением церемониала. Когда нянька шла на струг с царевичем на руках, ее поддерживали под руки братья царицы. Во время одной остановки на Шексне сходни не выдержали тяжести и перевернулись. Участники процессии оказались в реке. Младенца выхватили из воды, но он был уже мертв».⁴ Б.Н.Флоря рисует несколько иную картину: «...произошло трагическое событие: в реке Шексне утонул малолетний наследник трона царевич Дмитрий – кормилица уронила ребенка в воду, когда Данила Романович и Василий Михайлович Юрьевы вели ее по сходням на судно».⁵ При некотором расхождении в деталях истории сходятся в мысли о случайности смерти царевича Дмитрия, отме-

¹ Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. С. 482.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 117.

⁵ Флоря Б.Н. Иван Грозный. С. 74.

чая ее нелепость,¹ неожиданность,² нечаянность,³ внезапность.⁴ Думается, тут больше подошло бы слово «загадочность» и выражение «загадочная смерть», ибо очень трудно уразуметь, как могла мамка (кормилица) уронить вдруг в реку младенца или как могли перевернуться сходы, не выдержав тяжести. Ведь речь идет не о простом ребенке, а «царском корени», монаршем сыне и наследнике престола, путь которого всегда тщательно готовился, не раз проверялся, как говорится, вылизывался детьми боярскими, сопровождавшими государя. Вероятность случайности тут сведена к нулю, т.е. практически исключена. Отсюда вывод: кто-то из свиты Ивана IV очень постарался, чтобы царевича не стало. Конечно, в жизни всякое бывает. И все же нельзя отвергать полностью возможность преднамеренного убийства царевича, смерть над которым витала с памятных дней марта 1553 года. «Младенца же нашего, еже от Бога данного нам, хотеша подобно Ироду погубити...», – скажет много позже Иван Грозный, вспоминая эти дни.⁵

Вопреки распространенному в историографии мнению о том, будто эти слова Грозного суть плод воспаленной фантазии, заметим: в них есть реальный смысл. Смерть Дмитрия следует, на наш взгляд, рассматривать как подтверждение обоснованности подозрений царя Ивана. Каковы возможные мотивы людей, организовавших убийство царевича?

Надо полагать, они хотели любой ценой помешать поездке самодержца в Заволжье. Авторитет Максима Грека, мобилизованный ими, оказался здесь бессилён. Тогда сработал более радикальный вариант плана, предусматривающий физическое устранение царевича Дмитрия. Важно отметить, что злодейство было осуществлено на подъезде к Кириллову монастырю, как об этом сообщает князь Курбский. Расчет тут очевиден: заставить царя прервать поездку и воротиться в Москву. Но государь превозмог личное горе и не свернул с пути. Он приехал в Кириллов монастырь, затем отправился в Ферапонтов монастырь и совершил объезд заволжских пустынь. Этот объезд особенно примечателен. Он свидетельствует о том, что не только ради богомолья, посещения святых мест и поклонения чудотворцам ездил в «пределы Белозерския» царь Иван Васильевич. Наслышанный, вероятно, о скопище еретиков в тамошних местах, государь решил сам убедиться, насколько верна дошедшая до него информация. Увиденное и услышанное им на Белозерье произвело на него, судя по всему, столь сильное впечатление, что по возвращении в Москву он распорядился о начале суда над еретиками.⁶ Следовательно, убийство царевича не возымело того действия, на которое

¹ Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. С. 482.

² Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного... С. 415. В совместной работе с А.Л.Хорошкевич историк говорит, что царевич просто умер: «В июне 1553 г. во время поездки Ивана IV на богомолье царевич Дмитрий умер». – Зимин А.А., Хорошкевич А.Л. Россия времени Ивана Грозного. С. 71.

³ Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 117.

⁴ Дворкин А.Л. Иван Грозный как религиозный тип. 121.

⁵ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 32, 80.

⁶ См.: Скрынников Р.Г. Начало опричнины. С. 103.

рассчитывали его организаторы. Но некоторых результатов они все же достигли. Во-первых, они лишили Ивана законного наследника, усилив возможность политических интриг вокруг царского трона. Во-вторых, им удалось оттеснить от власти Захарьиных, взвалив на них вину за то, что те не уберегли царевича. «В соперничестве за влияние на молодого государя, — пишет Р.Г.Скрынников, — верх взяли Сильвестр и Адашев, тогда как Захарьиным пришлось пожать плоды своих неудач».¹

Предложенная версия смерти царевича Дмитрия — не более чем догадка, причем не обязательная, хотя она, по нашему убеждению, имеет основания, чтобы быть принятой исследователями во внимание. Бесспорно лишь то, что смерть Дмитрия потрясла царя Ивана. И он, будучи глубоко религиозным человеком, воспринимал ее, несомненно, как наказание Господне за грехи. А это, конечно же, возбуждало в нем чувства милости и всепрощения, которые распространялись и на участников мартовских событий 1553 года. Именно о прощении Иваном «мятежников» мы должны говорить, поскольку он не только догадывался, но и знал о сути происходившего в марте 1553 года, располагая некоторыми конкретными фактами. Об этом судим по сообщению Царственной книги, согласно которому боярин Иван Петрович Федоров «сказывал» царю Ивану Васильевичу, что «говорили с ним бояре, а креста целовати [Дмитрию] не хотели, князь Петр Щенятев, князь Иван Пронский, князь Семен Ростовский». Свое нежелание присягать царевичу они, по свидетельству Ивана Петровича, подкрепляли следующим рассуждением: «Ведь де нами владети Захарьиным, и чем нами владети Захарьиным, а нам служити государю малому, и мы учнем служити старому — князю Володимеру Ондреевичу».² Помимо И.П.Федорова-Челяднина, «государю же сказывал околничей Лев Андреевич Салтыков, што говорил ему, едучи на площади, боярин князь Дмитрей Иванович Немово: "... а как де служити малому мимо старого? а ведь де нами владети Захарьиным"».³

Бояре П.М.Щенятев, И.И.Пронский, С.В.Ростовский и Д.И.Немой пели ту же песню, какую заводил на заседании Боярской Думы окольничий Ф.Г.Адашев. Нетрудно сообразить, что то была согласованная позиция большинства Думы, или сговор противников самодержца. Важно установить, хотя бы приблизительно, время, когда Иван Федоров и Лев Салтыков «сказывали» Ивану Васильевичу о речах упомянутых бояр. В летописи об этом говорится глухо: «после того», то есть, как явствует из летописного текста, после присяги бояр, проявлявших несговорчивость и строптивость. Фраза «после того» означала, очевидно, вскоре после окончания боярского мятежа. Стало быть, до поездки царя Ивана на богомолье в Кириллов монастырь и уж точно до 1554 года, когда в ходе следствия по делу о бегстве в Литву князя

¹ Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 117. См. также: Назаров В.Д. Из истории центральных государственных учреждений России середины XVI века // История СССР. 1976, № 3. С. 82–83, 87–97; Филюшкин А.И. История одной мистификации... С. 82.

² ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 525.

³ Там же.

Семена Ростовского обнаружился новые подробности мартовских событий 1553 года. Вот почему мы не можем согласиться с Д.Н.Альшицем в том, что царь Иван и его окружение узнали о тайном сговоре бояр в марте 1553 года «лишь через год после того, как он существовал, узнали от Семена Лобанова-Ростовского, который признался в этом под пыткой».¹ Данный вывод Д.Н.Альшица основан главным образом на том, что приписка к Синодальному списку Лицевого свода, повествующая о попытке отъезда в Литву князя Семена Ростовского, была сделана раньше, чем приписка к Царственной книге, рассказывающая о боярском мятеже в марте 1553 года. Но первенство во времени той или иной интерполяции не может служить решающим аргументом в вопросе о характере заключенных в ней сведений.

Итак, если во время мартовских событий 1553 года Иван IV лишь догадывался, что имеет дело с тайным заговором враждебных русскому самодержавству сил, то вскоре после этих событий он получил от боярина И.П.Федорова-Челяднина и окольничего Л.А.Салтыкова некоторые факты, подтверждающие его догадку. В дальнейшем эти факты множились, и постепенно у Ивана складывалась полная картина произошедшего в начале марта 1553 года. Многое раскрылось во время следствия по делу князя Семена Лобанова-Ростовского, о «подвигах» которого царь уже кое-что слышал от боярина Ивана Федорова-Челяднина.

Из приписки к Синодальному списку Лицевого свода, составленной на документальной основе (следственном деле), узнаем, что боярин князь С.В.Ростовский, чувствуя свою вину за происшедшее в марте 1553 года и опасаясь наказания, задумал бежать в Литву. Но начал он с прямой измены, связавшись с литовским послом Станиславом Довойной, находившимся в Москве на исходе лета 1553 года. Ростовский передал Довойне секретные сведения, касающиеся решений Боярской Думы,² отговаривал посла заключать с русскими соглашение о перемирии («чтобы они с царем и великим князем не мирились»), ссылаясь на трудности, переживаемые якобы Московским государством: «А царство оскудело, а Казани царю и великому князю не здержати, ужюко ее покинет».³ Вспоминая о государственной измене Семена Ростовского, царь потом скажет: «Своим изменным обычаем литовским послом пану Давойну с товарищи нашу думу изнесе».⁴

Предательством государственных интересов Руси князь Семен надеялся заслужить расположение к себе польского короля Сигизмунда II Августа, в чем, кажется, преуспел. Где-то через полгода (если не больше) после встреч с послом Довойной Семен Лобанов-Ростовский «послал х королю человека своего Бакшея опасной просить». При этом, как выяснилось затем, в письме к польскому королю князь Семен «писал хулу и укоризну на государя и на всю землю», что опять-таки превращало замышляемый им отъезд в государ-

¹ Альшиц Д.Н. Происхождение и особенности источников, повествующих о боярском мятеже 1553 года. С. 267.

² См.: Граля И. Иван Михайлов Висковатый... С. 117.

³ ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 237.

⁴ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 32, 81.

ственную измену. Затем в июле 1554 года С.В.Ростовский направил к Сигизмунду сына своего Никиту¹ «сказать про себя, что он х королю идетъ, а с ним братиа его и племянники». ² Но на границе с Литвой, в Торопце, Никиту Лобанова-Ростовского «поимали дети боярские и привели к царю и великому князю». Измена раскрылась. Князя Семена государь велел арестовать и допросить («поимать и выпросить»). На допросе тот изворачивался, как уж между вилами, говорил, что «хотел бежати от убожества и от малоумьства, понеже скудота у него была разума и всяким добрым делом, туне и в пустошь изъедаючи царское жалование и домашняя своя». «Поиманный» князь показал, что с ним хотели «ехати такие же палоумы Ростовские князи, Лобановы и Приимковы, и иные клятвопреступники». ³ Здесь же в приписке упомянут князь Андрей Катырев-Ростовский. ⁴ Царь распорядился создать «следственную бригаду» из 11 человек, куда вошли бояре Иван Федорович Мстиславский, Иван Васильевич Шереметев, Дмитрий Иванович Курлятев, Михаил Яковлевич Морозов, Дмитрий Федорович Палецкий, Даниил Романович и Василий Михайлович Юрьевы, окольный Алексей Федорович Адашев, постельничий Игнатий Вешняков, казначей Никита Фуников, дьяк Иван Михайлович Висковатый. ⁵ Персональный состав этой «бригады» вконец запутал А.И.Филюшкина: «Картина оказывается еще более запутанной: в комиссии оказываются лица, названные в приписке 1553 г. мятежниками (Д.И.Курлятев, Н.А.Фуников, Д.Ф.Палецкий, колебавшиеся А.Ф.Адашев, И.М.Вешняков)». ⁶ Однако никто из названных лиц в приписке 1553 года прямо мятежником не назван. Тут у А.И.Филюшкина явный перегиб. Но, даже согласившись с ним, мы не увидим в перечне участников следственной комиссии 1554 года «запутанной картины», зная, что монарх простил «мятежников», не держал на них зла и поэтому включил в следственную группу. Вместе с тем Иван, возможно, хотел проверить их и проследить за тем, как они поведут себя при расследовании новой измены.

Расследование выявило немало подробностей мартовского мятежа 1553 года. Семен Лобанов-Ростовский рассказал, как во время болезни государя к нему на подворье приезжали «ото княгини от Офросиньи и от князя Володимера Ондреевича, а чтобы... [он] поехал ко князю Володимеру служити да и людей перезывал, да и со многими есмя думали бояре, толко нам служити царевицю Дмитрею, ино нами владети Захарьиным, и чем нами владети Захарьиными, ино лутчи служити князю Владимирю Андреевичу. А были в той думе многие бояре и княз Петр Щенятев, и княз Иван Турунтай Пронской, и Куракины родом, и княз Дмитрей Немой, и княз Петр Серебряной, княз Се-

¹ См.: *Скрынников Р.Г.* 1) Начало опричнины. С. 106; 2) Царство террора. С. 115. Ср.: *Гралья И.* Иван Михайлов Висковатый... С. 117; *Хорошкевич А.Л.* Россия в системе международных отношений середины XVI века. С. 139.

² ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 237.

³ Там же. С. 237, 238.

⁴ Там же. С. 238 (прим. 1).

⁵ Там же. С. 238.

⁶ *Филюшкин А.И.* История одной мистификации... С. 80.

мен Микулинский и иные многие бояре, и дети боярские, и княжата, и дворяне с ними в той думе были...».¹

Д.Н.Альшиц, комментируя данное показание князя Семена, замечал: «Кто имеется в виду под этими “иными многими” – неизвестно. Ясно лишь, что в числе их не может быть никто из тех лиц, которые поименованы тут же в качестве приближенных царя, пытавших Семена Ростовского и вскрывших факт заговора».² Другими словами, по логике Д.Н.Альшица, участники заговора 1553 года не могли находиться среди тех, кто пытал Семена Ростовского и вскрыл факт этого заговора. Историк, наверное, не был бы столь категоричен, если бы допускал возможность христианского прощения царем Иваном виновников мартовского «мятежа» 1553 года. И уж, конечно, он как исследователь должен был бы осмыслить то обстоятельство, что «лица, поименованные в качестве приближенных царя» («судная комиссия»), пытали Семена Ростовского не по факту заговора 1553 года, а в связи с его попыткой бегства в Литву, о чем с полной определенностью сказано как в основном тексте Синодального списка, так и в приписке к нему.³ И только в процессе дознания всплыли обстоятельства, связанные с мартовскими событиями 1553 года. Однако знать заранее, какие конкретные показания даст Семен Лобанов-Ростовский, никто, разумеется, не мог. Поэтому (заметим еще раз) следственная комиссия создавалась лишь по случаю приготовления князя Семена Ростовского к бегству за рубеж, и принцип ее формирования не соответствовал тому, о чем пишет Д.Н.Альшиц. Нельзя согласиться с Д.Н.Альшицем и тогда, когда он утверждает, будто «перечисленные 11 лиц в июле 1554 г. впервые узнали от Семена Лобанова-Ростовского о том, что за год до этого, во время болезни царя, существовал заговор, имевший целью возвести на престол Владимира Андреевича».⁴ Мы иначе представляем, как у Ивана IV и преданных ему людей формировался взгляд на события начала марта 1553 года.

Сопоставление приписок к летописным текстам под 1553 и 1554 гг. показывает, что первоначально (как явствует из приписки к летописной записи под 1553 годом) царь и его ближайшее окружение лишь догадывались о существовании тайного заговора придворных, преследующего цель смены правителя на московском троне. Это более или менее ясно было из мобилизации старицкими князьями служилых людей, отказа Владимира Андреевича целовать крест наследнику престола и, конечно же, из нежелания большинства Боярской Думы присягать «пеленочнику» Дмитрию. По некоторым данным можно было догадаться и о причастности к заговору конкретных лиц. Уже тогда было известно о двурушничестве боярина князя Д.Ф.Палецкого. Тогда же ходили слухи о связях с Ефросиньей и Владимиром Стариц-

¹ ПСРЛ. Т. XIII. С. 238.

² Альшиц Д.Н. Происхождение и особенности источников, повествующих о боярском мятеже 1553 года. С. 267.

³ ПСРЛ. Т. XIII. С. 237, 238.

⁴ Альшиц Д.Н. Происхождение и особенности источников, повествующих о боярском мятеже 1553 года. С. 267.

кими князя Д.И.Курлятева и печатника Н.А.Фуникова. Подозрительным могло казаться поведение Сильвестра, доброхотствующего Владимиру Андреевичу. Недоверие внушали боярин князь И.М.Шуйский и окольничий Ф.Г.Адашев, распалывшие страсти в Боярской Думе.¹ По действиям Ф.Г.Адашева, отца Алексея Адашева, и Сильвестра, друга Алексея, можно было судить о помыслах самого Алексея Адашева. Чуть позже царь Иван получил информацию, компрометирующую князей Дмитрия Немого-Оболенского, Ивана Пронского, Семена Ростовского и Петра Щенятева. Отсюда следует, что государь, как и близкие ему люди, изначально не заблуждался насчет смысла мартовских (1553) событий. Они сразу же поняли, что имеют дело с тайным заговором и попыткой государственного переворота. «Ино то у вас иной государь есть», – говорил больной царь мятежникам. В этих словах как нельзя лучше отразилось понимание сути происходящего. Были известны, как мы убедились, и отдельные лица, причастные к заговору. Предположения и догадки насчет тайного заговора, некоторые единичные факты, относящиеся к нему, получили подтверждение в показаниях князя Семена Лобанова-Ростовского, арестованного и допрошенного по другому делу.

Таким образом, одно из значений приписки к Синодальному списку, помеченной 1554 годом, заключалось в том, что с момента появления приписки к Царственной книге под 1553 годом она стала служить дополнением последней, т.е. дополнением, подтверждающим существование тайного заговора против Ивана IV и расширяющим круг заговорщиков.² Если же свести воедино сведения Царственной книги и Синодального списка, получится длинная вереница лиц, состоявших в заговоре против царя и царевича: княгиня Ефросинья Старицкая, князь Владимир Андреевич Старицкий, поп Сильвестр, думный дворянин и постельничий Алексей Адашев, князья и бояре И.М.Шуйский, Д.Ф.Палецкий, Д.И.Курлятев, С.В.Ростовский, И.И.Пронский-Турунтай, Д.И.Немой-Оболенский, П.М. Щенятев, П.С.Серебряный, С.И.Микулинский, окольничие Федор Адашев и Семен Морозов, печатник Н.А.Фуников. В приписке к Синодальному списку после персонального перечисления бояр, не желавших целовать крест царевичу Дмитрию, следует, как мы знаем, глухая фраза «и иные многие бояре». По А.А.Зимину, «среди “многих” бояр, возможно, были князь Ф.И.Шуйский, князь П.И.Шуйский, князь А.Б.Горбатый и князь Ю.В.Темкин-Ростовский (родичи И.М.Шуйского)», а также «брат П.С.Серебряного – князь В.С.Серебряный».³ Князя Владимира Андреевича, полагает А.А.Зимин, поддерживал, очевидно, «его “свойственник” Ф.М.Нагой, который входил в группу бояр, выступивших против Глинских во время восстания 1547 г. Окольничий И.И.Колычев также скорее всего держался ориентировки на князя Стариц-

¹ «Выступления кн. И.М.Шуйского и Ф.Г.Адашева, означавшие прямой призыв к Боярской думе перейти на сторону Владимира Старицкого, – говорит И.И.Смирнов, – вызвали бурную реакцию со стороны боярства...». – *Смирнов И.И. Очерки...* С. 272. Ср.: *Абрамович Г.В. Князья Шуйские и Российский трон.* С. 105.

² См.: *Флоря Б.Н. Иван Грозный.* С. 82.

³ *Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного...* С. 412–413.

кого в силу связи Колычевых с двором этого князя. Михаил и Гаврила Ивановичи Колычевы были племянниками князя К.И.Курлятева».¹

Ценность приписки к Синодальному списку заключается не только в том, что она расширяет сравнительно с припиской к Царственной книге круг участников мартовской крамолы 1553 года, но еще и в том, что эта интерполяция раздвигает социальные рамки мятежа, указывая на причастность к нему, помимо княжеско-боярской знати, дворян и детей боярских («и дети боярские и дворяне с нами в той думе были»).

Благодаря показаниям Семена Ростовского, отраженным в приписке к основному тексту Синодального списка, стали известны новые свидетельства неблаговидной активности Ефросиньи и Владимира Старицких, перезывавших к себе на службу государевых людей.²

В результате вырисовывается более полная картина событий начала марта 1553 года, чем это изображено в приписке к Царственной книге. Следовательно, приписки к Синодальному списку и Царственной книге не противоречат друг другу, а дополняют одна другую, создавая целостное описание мартовских событий 1553 года.³ Полагаем, что мысль об их несовместимости, принадлежащую Д.Н.Альшицу,⁴ следует отбросить.

Приписка 1554 года к Синодальному списку примечательна еще и тем, что позволяет судить о том, понесли ли кару участники мятежа 1553 года. Из ее содержания (в дополнение к сказанному уже выше) можно еще раз сделать вывод о том, что крамольники благополучно избежали каких-либо наказаний. Иначе трудно понять, почему на следствии Семен Ростовский столь подробно рассказывал о собственной причастности к мартовскому мятежу 1553 года. Во всяком случае, вряд ли потому, что не хотел облегчить свою участь. Напротив: ему, наверное, казалось, что, связывая свое последнее преступление с происшествием, не повлекшим наказание его участников, он может и на сей раз рассчитывать на снисхождение и милость государя. Весьма показательным и то, что князя Семена судили не по совокупности преступлений (за участие в мартовском мятеже 1553 года и за последующую измену), а только по обвинению в государственной измене, выразившейся в передаче секретной информации зарубежному послу и намерении бегства к иноземному властителю. Отсюда ясно, что вина за мятеж 1553 года была царем Иваном прощена, наказанию за нее никто не подвергался, почему она и не была предъявлена Лобанову-Ростовскому.

¹ Там же. С. 413.

² См.: Флоря Б.Н. Иван Грозный. С. 82.

³ Уместно еще раз напомнить слова из ранней книги Р.Г.Скрынникова относительно интерполяций Синодального списка и Царственной книги: «Летописные приписки имеют один общий сюжет – заговор, организованный боярами во время болезни царя в марте 1553 года. Сведения, касающиеся этого сюжета, не противоречат друг другу, а напротив, почти полностью совпадают». – Скрынников Р.Г. Начало опричнины. С. 30.

⁴ Альшиц Д.Н. Происхождение и особенности источников, повествующих о боярском мятеже 1553 года. С. 268.

Касаясь вопроса о судебном расследовании по делу Семена Ростовского, Р.Г.Скрынников пишет: «Боярский суд вел дело весьма осмотрительно и осторожно. Судьи намеренно не придавали значения показаниям князя Семена насчет заговора княгини Евфросиньи и знатных бояр». ¹ По нашему мнению, боярский суд не придавал значения показаниям Ростовского о мартовском заговоре 1553 года не потому, что вел дело осмотрительно и осторожно, а потому, что по велению Ивана IV вопрос об этом заговоре был закрыт, а его участники прощены. Едва ли Р.Г.Скрынников прав и тогда, когда говорит, будто «показания Ростовского на суде скомпрометировали многих знатных бояр, составивших заговор в целях передачи трона удельному князю». ² Большая часть бояр, названных Семеном Ростовским при допросе, вызвала подозрения (а в отдельных случаях – определенную уверенность) в заговоре еще во время мартовских событий 1553 года. Поэтому князь Ростовский вряд ли мог скомпрометировать этих бояр. Он лишь подтвердил обоснованность догадок государя и преданного ему окружения относительно их принадлежности к заговорщикам. Однако Р.Г.Скрынников настаивает на том, что «судебное дознание скомпрометировало многих знатных персон», отмечая при этом старания «руководства» замять дело. ³ На наш взгляд, следовало бы говорить не о «руководстве», а о «судной комиссии».

Надо думать, что на работе комиссии не могло не отразиться вхождение в нее А.Ф.Адашева, Д.И.Курлятева, Д.Ф.Палецкого, Н.А.Фуникова – лиц, причастных к мартовскому заговору 1553 года и в этом отношении являющихся сотоварищами С.В.Лобанова-Ростовского. Названные лица, особенно могущественный и влиятельный Алексей Адашев, за которым стоял не менее могущественный и влиятельный Сильвестр, сумели убедить «судную комиссию» в том, что князь Семен совершил измену не по злему умыслу, а по своему ничтожеству и глупости – «убожеству», «малоумству» и «скудоте разума». ⁴ Эту явно искусственную версию Адашев поместил в официальную летопись. В данной связи Б.Н.Флоря замечает: «Алексей Адашев, работавший в конце 50-х годов над официальным продолжением “Летописца начала царства”, записал в нем признания князя Семена, что тот “хотел бежати от убожества и от малоумства, понеже скудота у него была разума”. Царский советник не был заинтересован в том, чтобы предавать гласности обнаружившиеся в связи с делом князя Семена Ростовского разногласия в среде правящей элиты». ⁵ «Царский советник», думается, был главным образом заинтересован в облегчении участи Семена и потому всячески выгораживал его, выдавая совершенную им государственную измену за дурацкую затею выжившего из ума старика. Не без стараний Адашева эта выдумка превратилась в официальную точку зрения. Так, согласно инструкции, дан-

¹ Скрынников Р.Г. 1) Царство террора. С. 116–117; 2) Иван Грозный. М., 2002. С. 72.

² Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 117.

³ Там же. С. 116.

⁴ ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 237.

⁵ Флоря Б.Н. Иван Грозный. С. 82.

ной русским послам, отъезжавшим в Польшу осенью 1554 года, на вопросы о Лобанове-Ростовском следовало отвечать, что он «малоумством шатался», что вместе с ним «воровали его племя, такие же дураки».¹ Данная инструкция, как видим, проходила по ведомству (Посольский приказ), руководителем которого являлся И.М.Висковатый, бывший, как и А.Ф.Адашев, членом следственной комиссии, образованной для суда над С.В.Ростовским. Стало быть, Висковатый присоединился к Адашеву, стремившемуся смягчить вину князя Семена. Не являлось ли это одним из проявлений начавшегося сближения Ивана Висковатого с группой Сильвестра-Адашева?

Старания Алексея Адашева и других доброхотов Семена Ростовского не были напрасны, хотя внешне судебный приговор соответствовал тяжести преступления князя: «И царь и великий князь поговорил з бояры, по его делом и по его словом осудил его казнити смертию...».² Но «митрополит Макарей со владыками и архимариты отпросил его от смертны казни; и послал [царь] его на Белоозеро в тюрьму».³ Недолго князь Семен сидел в тюрьме. Вскоре он вышел из заключения, «получил земли и служил воеводой». Князь же Катырев-Ростовский, заподозренный в сообщничестве с князем Семеном, через три года после осуждения последнего произведен в бояре.⁴ Перед нами все та же политика прощения и примирения, провозглашенная Иваном IV в 1549 году. Нельзя, конечно, здесь не учитывать поддержку и помощь, которую оказывали С.В.Ростовскому как своему «единомысленнику» Сильвестр и Адашев. Иван Грозный рассказывает, что после суда над ростовским князем Семеном, «собакой и изменником старым», поп Сильвестр «того собаку учал в велице брежении держати и помогати ему всеми благими и не токмо ему, но и всему его роду».⁵ Эти слова Грозного, справедливо полагает Р.Г.Скрынников, не являлись преувеличением, а тем более – домыслом.⁶ По мнению исследователя, «кружок Сильвестра принял самое непосредственное участие в судьбе боярина князя С.В.Ростовского».⁷

После сказанного не покажутся преувеличением или домыслом другие слова Ивана Грозного из послания Андрею Курбскому, касающиеся боярского мятежа 1553 года: «Та же нам пришедшим в царствующий град Москву. Богу же милосердие свое к нам множащу и наследника нам тогда давшу, сына Димитрия. Мало же времени минувшу, еже убо в человеческом бытии случается, нам же немощию одержимым бывшим и зельне изнемогшим, тогда убо еже от тебе нарицаемая доброхотны возшаташася, яко пиянии, с попоп Селивестром и начальником вашим Алексеем Адашовым, мневше нас небытию быти, забывше благодетей наших, ниже своих душ еже отцу нашему

¹ Сборник Русского исторического общества. Т. 59. СПб., 1887. С. 453.

² ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 238.

³ Там же.

⁴ См.: Скрынников Р.Г. 1) Начало опричнины. С. 108; 2) Царство террора. С. 119; 3) Иван Грозный. М., 2002. С. 73.

⁵ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 32, 81.

⁶ Скрынников Р.Г. 1) Начало опричнины. С. 108; 2) Царство террора. С. 119; 3) Иван Грозный. М., 2002. С. 72–73.

⁷ Скрынников Р.Г. Начало опричнины. С. 107.

целовали крест и нам, еже кроме наших детей иного государя себе не искази; они же хотеша воцарити, еже от нас разстояшася в коленех, князя Володимера; младенца же нашего, еже от Бога данного нам, хотеша подобно Ироду погубити (и како бы им не погубити!), воцарив князя Владимира... Та же Божиим милосердием, нам узнавшим и уразумевшим внятно, и сий совет их рассыпая».¹ Во второй редакции данного послания Грозного последнее предложение читается иначе: «Та же Божиим милосердием, нам оздравившим, и тако сий совет рассыпая...».² Обе формулировки не исключают, по видимому, друг друга. Взятые вместе, они показывают, что замысел бояр, возглавляемых Сильвестром и Адашевым, провалился вследствие выздоровления Ивана, который вскоре узнал и ясно понял суть случившегося («узнавшим и уразумевшим внятно»³).

Рассказ царя Ивана примечателен тем, что определяет мартовскую 1553 года акцию бояр как заговор («совет»), вдохновляемый и руководимый Алексеем Адашевым и Сильвестром. «Возшаташася, яко пьянии», — так говорится в рассказе о поведении бояр. За этим образным выражением скрывался, по нашему мнению, боярский мятеж. Перед нами, как видим, общая характеристика событий марта 1553 года, не требующая детализации. Иной взгляд у Д.Н.Алышца.

«В словах царя, — замечает он, — отсутствует как раз то, что нам было бы всего желательнее в них найти. В них нет как раз указаний на то, как происходили события. Рассказ царя может одинаково подтверждать оба известных нам противоречивых варианта (приписка к Синодальному списку и приписка к Царственной книге. — *И.Ф.*). В самом деле, выражение письма об участниках событий “возшаташася яко пьяни” в образной форме лишь указывает на факт измены, брожения, шатания ряда лиц, но ничего не говорит ни в пользу версии о тайном заговоре, ни в пользу версии об открытом мятеже. Дальнейший текст письма, говорящий о том, что изменники, забыв присягу, “хотеша воцарити” Владимира Андреевича, также указывает лишь на цель измены, но ничего не говорит, в какой из двух обсуждаемых нами форм она имела место. Наконец, то, что когда царь поправился, “сий совет рассыпая”, — одинаково верно для обоих случаев. Как и когда вскрылось дело: потом, в 1554 г., или же все происходило открыто — также неясно из письма. Не давая, таким образом, подтверждения ни тому, ни другому рассказу приписок, письмо вносит новое противоречие. Грозный пишет, что Алексей Адашев стоял во главе изменников. Благодаря этому, о роли Адашева в событиях 1553 г. имеются три взаимно исключающие друг друга версии. Согласно первой, Адашев узнал о заговоре 1553 г. в 1554 г., когда пытал Семена Лобанова-Ростовского. Царское письмо рассказывает, что, напротив, он сам был во главе изменников. Приписка к Царственной книге сообщает, что в момент открытого мятежа он в числе первых добровольно целовал крест на верность царю и царскому сыну. Уже из одного этого видно, что царь, автор

¹ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 32, 80.

² Там же. С. 81.

³ См.: Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 2. М., 1975. С. 246–247.

трех этих рассказов, обращался с фактами самовластно, передавая их каждый раз так, как ему это казалось наиболее подходящим в каждом случае».¹ Что можно сказать по поводу этих заявлений Д.Н.Альшица?

Когда исследователь сетует на отсутствие в послании Грозного указаний на то, как происходили мартовские события 1553 года, он забывает о жанре анализируемого памятника. Жанр послания, письма не предусматривает обязательной детализации описываемых событий. Автор того или иного послания может ограничиться общим взглядом и оценкой упоминаемых им событий, не входя при этом в подробности. Иное дело летописный жанр, требующий внимания к частностям. Поэтому в данном случае важнее было бы установить, насколько рассказ Ивана Грозного, содержащийся в послании Андрею Курбскому, соответствует по смыслу припискам к Царственной книге и Синодальному списку. К сожалению, у Д.Н.Альшица тут ясности нет. С одной стороны, он полагает, что «рассказ царя может одинаково подтверждать оба известных нам противоречивых варианта», т.е. приписки к Царственной книге и Синодальному списку. С другой стороны, ему представляется, что письмо Грозного не дает подтверждения «ни тому, ни другому рассказу приписок» и «вносит новое противоречие».

Д.Н.Альшицу кажется, будто письмо царя «ничего не говорит ни в пользу версии о тайном заговоре, ни в пользу версии об открытом мятеже». С этим трудно согласиться. Желание бояр «воцарить» Владимира Старицкого возникло, несомненно, в результате их взаимных консультаций и общей договоренности – совета, по терминологии Ивана Грозного. Надо полагать, желание и договоренность свою они держали втайне. Можно ли это назвать иначе, чем тайным сговором или тайным заговором? По-видимому, нельзя. Следовательно, письмо Грозного, вопреки заявлению Д.Н.Альшица, все-таки говорит в пользу версии о тайном заговоре. Этот заговор, как явствует из царского послания, обнаружил себя в открытых действиях бояр, которые Иван, склонный к художественным образам, уподобил пьяному разгулу («возшаташася, яко пьянии»). Д.Н.Альшиц тут видит, как мы знаем, «брожение», «шатание». Но ничто не мешает назвать боярские действия, направленные против воли государя, непослушанием, неповиновением и, наконец, мятежом. Следовательно, письмо Грозного, опять-таки вразрез утверждению Д.Н.Альшица, свидетельствует в пользу версии об открытом неподчинении царю, т.е. о мятеже. Стало быть, боярская измена, о которой в данном случае говорит Иван Грозный, приобрела форму тайного заговора, переросшего в открытый мятеж. Именно такой ход событий запечатлен, по нашему убеждению, посланием Грозного князю Курбскому.

Нет оснований для утверждения Д.Н.Альшица, что «о роли Адашева в событиях 1553 г. имеются три взаимно исключаяющие друг друга версии». Мы не располагаем данными, свидетельствующими о том, будто Адашев узнал о заговоре 1553 года только во время допроса Семена Лобанова-Ростовского в 1554 году. Приписка к Синодальному списку позволяет заклю-

¹ *Альшиц Д.Н.* Происхождение и особенности источников, повествующих о боярском мятеже 1553 года. С. 269–270.

чить лишь следующее: Алексей Адашев в 1554 году услышал показания Семена Ростовского о мартовских событиях 1553 года. Но это отнюдь не означает, что Адашев тогда же узнал о заговоре 1553 года. Поэтому приписка к Синодальному списку никоим образом не противоречит царскому письму, говорящему об Адашеве как «начальнике» изменников. Что касается приписки к Царственной книге, то сообщаемый ею факт «добровольного», по выражению Д.Н.Альшица, целования креста Адашевым «на верность царю и царскому сыну» не решает существа вопроса. Ведь «добровольно» целовал крест и боярин князь Д.Ф.Палецкий. Но это несколько не помешало ему тут же снестись с Ефросиньей и Владимиром Старицкими. Неизвестно, насколько искренно присягал царю с наследником и А.Ф.Адашев. Мы не знаем, что было у него в душе. Судя по поведению его отца Ф.Г.Адашева и близкого ему Сильвестра, не все там было столь однозначно и ясно, как представляется Д.Н.Альшицу. На наш взгляд, исследователю не удалось установить правильное отношение толкуемого нами сейчас текста из письма Ивана Грозного к соответствующим интерполяциям Синодального списка и Царственной книги. Со временем сам Д.Н.Альшиц убедился в непрочности своих построений и стал развивать другие идеи. Он увидел содержательное «родство приписок к Синодальному списку и письма Грозного к Курбскому».¹ Аналогичное родство Д.Н.Альшиц обнаружил, сопоставляя послание царя Ивана Грозного князю Андрею Курбскому с припиской к тексту Царственной книги под 1553 годом.²

Следовательно, приписки к Синодальному списку и Царственной книге, а также послание царя Ивана князю Андрею представляют собой единый в плане содержания комплекс источников по истории мартовских событий 1553 года. Взятые вместе и выстроенные в определенном порядке, они дают возможность проследить за тем, как у Грозного мало-помалу складывалась картина боярской крамолы, происшедшей в марте 1553 года. Но при этом необходимо помнить, что все три рассказа о боярском мятеже 1553 года, содержащиеся в летописных интерполяциях и в письме Ивана Грозного к Андрею Курбскому, появились тогда, когда Грозный имел более или менее полное представления о мартовских событиях 1553 года. Признание данного обстоятельства требует иного, чем у Д.Н.Альшица, подхода к систематизации упомянутых рассказов, т.е. замены принципа хронологического принципом содержательным. Таким образом, не время появления рассказов о боярском мятеже 1553 года в летописях и царском послании, а их содержание должно быть положено прежде всего в основу изучения данной проблемы. С этой точки зрения поздние приписки могут содержать более ранние сведения, чем приписки, составленные прежде. И здесь первой надо назвать приписку к тексту Царственной книги под 1553 годом.

В этой приписке отражены первоначальные впечатления Ивана Грозного, вызванные событиями 1553 года. Они еще преимущественно основаны

¹ Альшиц Д.Н. Начало самодержавия в России... С. 212.

² Там же. С. 214–215.

на предположениях и догадках, вполне правомерных, но не вполне доказанных. Некоторые факты, ставшие известными царю Ивану во время мятежа и вскоре после него, еще недостаточны, чтобы явить полную картину случившегося в марте 1553 года. Таков характер приписки к Царственной книге. Но составлялась эта приписка, как установлено наукой, значительно позднее 1553 года,¹ собственно, тогда, когда Иван Грозный знал все, что можно было знать о мартовских событиях названного года, во всяком случае, намного больше того, что заключено в данной приписке. Казалось бы, весьма осведомленный составитель приписки должен был воспользоваться случаем, чтобы внести в летопись (Царственную книгу) по возможности исчерпывающий рассказ о боярском мятеже 1553 года. Однако он так не поступил, оставив многое за скобками своего повествования. Возникает вопрос, почему? Полагаем, не потому что обращался с фактами, как считал Д.Н.Альшиц, «самовластно, передавая их каждый раз так, как это ему казалось наиболее подходящим в каждом случае». Напротив, автор приписки, демонстрируя приверженность исторической правде, воспроизвел мартовские события 1553 года такими, каковыми они были в действительности и как они виделись ему в тот момент.

Тот же принцип приверженности исторической правде лег в основу составления приписки к Синодальному списку. Ее сведения, дополняющие рассказ Царственной книги основаны, как известно, на документальном материале – судом деле боярина князя Семена Ростовского 1554 года.² Необходимо отметить, что эта приписка в изложении фактов боярского мятежа 1553 года не выходит за рамки показаний, добытых в процессе следствия. Для определения правдивости приписки это особенно важно, если учесть, что она составлялась в то время, когда Ивану Грозному стали известны факты, не показанные Лобановым-Ростовским, в частности такой фундаментальный факт, как тайное руководство боярским мятежом 1553 года со стороны Сильвестра и Адашева. Никто не мог помешать Ивану Грозному рассказать об этой роли своих бывших фаворитов в приписке к Синодальному списку. Но он не стал править показания Ростовского и воспроизвел их без изменений, следуя принципу исторической правды. И только через десять лет, когда тайное стало явным, когда обнаружилось, кто управлял мартовским мятежом 1553 года, царь назвал имена Сильвестра и Адашева в своем разящем послании Андрею Курбскому. Здесь же он дал общую оценку тому, что случилось в марте 1553 года.

¹ См.: *Веселовский С.Б.* Последние уделы в северо-восточной Руси // Исторические записки. Т. 22. 1947. С. 106; *Альшиц Д.Н.* 1) Иван Грозный и приписки к личным сводам его времени // Исторические записки. Т. 23. 1947. С. 285–286; 2) Происхождение и особенности источников, повествующих о боярском мятеже 1553 года. С. 266; *Зимин А.А.* Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 71–72; *Шмидт С.О.* Российское государство в середине XVI столетия... С. 205–210. Ср.: *Скрынников Р.Г.* 1) Начало опричнины. С. 28–32; 2) Царство террора. С. 25–29.

² См.: *Альшиц Д.Н.* Происхождение и особенности источников, повествующих о боярском мятеже 1553 года. С. 274; *Скрынников Р.Г.* Начало опричнины. С. 32.

Таким образом, понимание подлинной сути мартовских событий 1553 года пришло к царю Ивану не сразу, а постепенно, по мере обнаружения неизвестных ему ранее обстоятельств и появления новых свидетельств. Приписки к Царственной книге и Синодальному списку, послание Грозного князю Курбскому следует рассматривать как отражения этапов прозрения Ивана IV относительно действительного смысла события марта 1553 года. Как они видятся современному исследователю – вот вопрос, на который пришла пора ответить.

Среди новейших историков, пожалуй, один И.И.Смирнов приблизился к пониманию подлинной сути мартовских событий 1553 года, воспринимая их как «попытку реакционных княжеско-боярских кругов произвести государственный переворот и захватить власть в свои руки».¹ Тут все, на наш взгляд, верно, за исключением «княжеско-боярских кругов», поскольку состав участников государственного переворота выходил за рамки отдельных общественных категорий.² Тем не менее, И.И.Смирнов выгодно отличается от тех исследователей, которые стараются упростить проблему, сводя случившееся в 1553 году то к «боярскому брожению»,³ то к «толкам в Боярской думе»,⁴ то к «самым общим разговорам»,⁵ то к «спорам или просто каким-то разговорам», ставшим впоследствии известным царю.⁶ Не обошлось без попыток изобразить происшедшее в марте 1553 года как заурядный дворцовый эпизод, типичный не только для Руси, но и для государств Западной Европы. «Следует отметить, – говорил Б.Н. Флоря, – что для русского двора середины XVI века, как и для любого другого европейского двора того времени, была характерна постоянная борьба отдельных групп знати за степень участия во власти и за влияние на государя. В условиях, когда монарх уверенно выступал в традиционной роли верховного арбитра в отношениях между этими группами, такая борьба протекала в скрытой форме, но когда монарх (по тем или иным причинам) не мог выполнить эту роль, трения вырывались наружу. Это и произошло во время царской болезни».⁷ То была, по мысли Б.Н.Флоры, «банальная история из сферы дворцовых интриг», «не имевшая никаких серьезных последствий».⁸ С этими положениями исследователя невозможно согласиться, ибо в марте 1553 года решался вопрос не о степени участия отдельных дворцовых групп во власти и о мере влияния их на царя, а об узурпации власти и передачи ее новому монарху с целью изменения государственно-политического строя Руси.

¹ Смирнов И.И. Очерки... С. 265.

² См.: Альшиц Д.Н. Происхождение и особенности источников, повествующих о боярском мятеже 1553 года. С. 275–278.

³ Альшиц Д.Н. Начало самодержавия в России.... С. 211.

⁴ Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного... С. 414.

⁵ Флоря Б.Н. Иван Грозный. С. 71.

⁶ Кобрин В.Б. Ивана Грозный. С. 52.

⁷ Флоря Б.Н. Иван Грозный. С. 68.

⁸ Там же. 72.

Нельзя согласиться также и с Р.Г.Скрынниковым, когда он утверждает, будто «перемена лица на троне едва ли изменила бы главные тенденции политического развития государства, тем более что сторонник реформ А.Адашев и его сотоварищ Сильвестр ориентировались скорее на Старицких, чем на Захарьиных».¹ В марте 1553 года решался вопрос отнюдь не о простой перемене лица на троне, перемене, не затрагивающей религиозно-политические основы власти московского государя. Одно дело – возведенный на царский трон Дмитрий, являющийся прямым наследником российского самодержца, восприемником всей полноты самодержавной власти, дарованной Богом. Другое дело – Владимир Старицкий, оказавшийся на троне не по «Божьему изволению, а по человеческому хотению». В случае с ним власть московского правителя теряла в значительной мере ореол божественного происхождения, а значит, и сакральный характер. Тем самым наносился непоправимый урон теократическому самодержавию, едва возникшему на Руси. Кроме того, переход трона к Старицкому таил опасность, угрожающую чистоте и незыблемости православной веры. Достаточно вспомнить, что ересь, снова поднявшая голову на Руси в середине XVI века, «свила себе гнездо... при дворе княгини Ефросиньи Старицкой».² Известно также о том, что «Ефросинья охотно покровительствовала иноземцам, что двое ближних ее боярынь были немками...».³ Нетрудно догадаться, перед какой незавидной перспективой оказалось бы Святорусское царство, взойди на трон Владимир Старицкий, находившийся под сильным влиянием своей матери – женщины властной, всеми фибрами души ненавидевшей московское самодержавство.

«Перемена лица на троне» влекла за собой и очень важные политические последствия, касающиеся прерогатив власти московского государя. Ставленник придворной клики Владимир Старицкий уже по этому своему качеству не мог быть полноправным правителем, независимым от тех, кто посадил его на царский престол. Не исключено, что у старицкого князя с партией Сильвестра–Адашева состоялась некая договоренность относительно условий, на которых предстояло ему править. И, конечно же, то были условия, связанные с ослаблением самодержавных прав московского властителя и усилением значения *советников*, что, как мы знаем, соответствовало установкам Избранной Рады. Тем самым создавалась реальная почва для применения положений статьи 98 Судебника 1550 года, предусмотрительно введенной в законодательство Избранной Радой и являющейся, по определению многих авторитетных исследователей, конституционным актом, ограничивающим самодержавную власть. Но это не все. «Перемена лица на троне», обусловленная волей большинства Боярской Думы, есть в сущности избрание верховного правителя. Поэтому «воцарение» Владимира Старицкого создавало прецедент, открывая возможность установления нового порядка замещения царского стола, основанного не на наследовании, а на из-

¹ Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 115.

² Скрынников Р.Г. Начало опричнины. С. 103.

³ Там же.

брании, т.е. порядка, схожего с тем, который существовал тогда в Польско-Литовском государстве.¹

Андрей Курбский, как известно, отрицал замысел мятежников посадить на царство Владимира Старицкого. В третьем послании Грозному он писал: «А о Володимере, брате своем, воспоминаешь, аки бы есмо его хотели на государство; воистину, о сем не мыслих, понеже и не достоин был того».² Если Курбский говорил здесь правду, то не всю, а лишь касающуюся князя Старицкого. У бояр, похоже, имелся еще один вариант плана передачи царского стола. Иван Грозный, обращаясь к Андрею Курбскому, говорит: «Тако же убо и вы... похотеста в царствии царей достойных истребити, да еще и не от наложницы, но от царствия разстоящеся колена, и хотеста воцарити. И се ли убо доброхотны есте и души за мя полагаете, еже, подобно Ироду, сущего млеко младенца моего смертию погубною хотесте света сего лишити, чюжого же царя в царство ввести?».³ Нет сомнений, что Грозный в данном случае имел в виду мартовские события 1553 года, во время которых, как явствует из его слов, крамольники хотели «воцарити» Владимира Старицкого – дальнего родственника («от царствия разстоящеся колена»)⁴ царя Ивана. Но они разрабатывали и второй вариант плана, предусматривающий передачу московского престола «чужому царю», которого не следует смешивать с князем Владимиром Андреевичем Старицким. «Нам кажется трудным предположить, – писал В.Д.Корольюк, – что под “чюжого же царствия царем” Грозный понимал удельного князя Владимира Андреевича Старицкого».⁵ В.Д.Корольюк ищет «чужого царя» на Западе, в Литве и Польше, полагая, что появление его на московском престоле означало бы нечто подобное унии Руси с Польско-Литовским государством.⁶ Так открывается иноземный элемент в мартовском мятеже 1553 года. В этой связи существенное значение приобретает догадка А.Л.Хорошкевича о том, что «конфликт 1553 г.» был инспирирован «агентами Сигизмунда Августа».⁷ Возможно, А.Л.Хорошкевич несколько преувеличивает роль польских агентов в событиях марта 1553 года, но без их работы вряд ли могла возникнуть идея «чужого царя в царство ввести». Не исключено, что эту идею поддерживал князь С.В.Ростовский и те, кто собирался вместе с ним бежать в Литву, где знали об их пособничестве и готовы были предоставить им укрытие от преследований на Родине.

¹ Этим, по-видимому, объясняется активное участие в мартовской политической интриге князя И.М. Шуйского. Успех Владимира Старицкого подавал роду Шуйских-Рюриковичей заманчивые надежды на будущее, которым суждено было осуществиться лишь во времена Смуты при необычных обстоятельствах пресечения династии великих князей Московского дома.

² Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 109.

³ Там же. С. 25.

⁴ Там же. С. 135.

⁵ Корольюк В.Д. Ливонская война. Из истории внешней политики Русского централизованного государства во второй половине XVI в. М., 1954. С. 29.

⁶ Там же.

⁷ Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. С. 556.

Таким образом, «перемена лица на троне» была бы не столь безобидной, как кажется Р.Г.Скрынникову. Произойди она, существенным образом изменился бы вектор религиозной и политической истории России.

Мартовские события 1553 года в данном отношении являют собою нечто вроде развилки истории русской государственности, открывающей два пути дальнейшего ее развития. Один путь, указываемый Избранной Радой, направлял Русь в сторону западных религиозных реформаций и вел московское «самодержавство» к ограниченной монархии, а другой, обозначенный венчанием Ивана IV на царство, – к укреплению союза русской церкви с государством и восстановлению самодержавных начал, поколебленных Избранной Радой.

Если говорить о непосредственных результатах мартовского мятежа 1553 года, необходимо отметить, что этот мятеж, несмотря на неудавшуюся попытку смены властителя на троне, заметно ослабил власть царя Ивана, а власть так называемых советников его, деятелей Избранной Рады, напротив, усилил. Подтверждение тому находим в одной, казалось бы, неприметной летописной записи, повествующей об отправке осенью 1553 года русского войска в поход на Астрахань. Как свидетельствует летописец, окончательное решение по данному вопросу принимали Алексей Адашев с Иваном Висковатым: «И по цареву и государеву велению и по приговору околничей Алексей и диак Иван приговорили на том, что царю и государю великому князю послати Дербыша-царя на Асторохан да воевод своих в судах Волгою многих и с нарядом <...> и нечто, даст Бог, възмут Астороханьской юрт и царевых и великого князя воеводам посадить на Асторохань царя Дербыша». ¹ По словам А.Л.Хорошкевич, «в этой летописной записи авторами “приговора” наряду с самим царем называются Адашев и Висковатый. Они выступают в двоякой роли: то равных государю (вынося “приговор”), то распорядителей его воли (решая дело в соответствии с его “велением” и “приговором”). Парадоксальность этой ситуации – лучшее доказательство причастности Адашева и соответственно Избранной рады к решению внешнеполитических задач». ² Не все в данном комментарии А.Л.Хорошкевич, на наш взгляд, убедительно. Так, вызывает сомнение ее мысль насчет «парадоксальности ситуации», представленной в интересующей нас сейчас летописной записи. Эта запись, судя по всему, запечатлела возникшее в результате мартовского мятежа 1553 года реальное соотношение властных возможностей Алексея Адашева «и соответственно Избранной Рады», с одной стороны, и царя Ивана IV – с другой. И тут важно отметить, что «приговор» Адашева и Висковатого обращен не только к царским воеводам, превосходящим родовитостью как окольничего, так и дьяка, но и к самому государю («приговорили на том, что царю послати»). Кроме того, «приговор» предписывает воеводам, в случае взятия Астрахани, посадить на ханский стол «царя Дербыша». Все это нельзя рассматривать иначе, как покушение на верхов-

¹ ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 235.

² Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. С. 90.

ную власть и явное ущемление самодержавной власти Ивана. Следует оценить тот факт, что разбираемая нами летописная запись внесена в известный Летописец начала царства, к составлению которого, как не раз уже отмечалось выше, имел прямое отношение Алексей Адашев. Данный факт делает еще более очевидными притязания Адашева «и соответственно Избранной Рады» на высшую власть в России. По верному наблюдению А.А.Зимины, «вскоре после событий 1553 г. позиции Адашевых и их сторонников усиливаются».¹ Однако с историком трудно согласиться, когда он говорит, что «влияние Сильвестра и его нестяжательского окружения с 1553 г. резко падает».² Нельзя, на наш взгляд, отрывать Сильвестра от Адашева. Эти деятели находились в тесном единстве до самого конца своей политической карьеры, являясь лидерами одной придворной партии. Поэтому укрепление позиций Адашева косвенно указывает на упрочение положения Сильвестра и наоборот.

Показателем ослабления власти царя Ивана после мартовских событий 1553 года служат также факты, свидетельствующие о возросшей политической силе Владимира Старицкого. В исторической литературе высказывалось мнение, что «около 1554–1556 гг. Иван IV пошел на известные уступки князю Владимиру Андреевичу. Вероятно, к этому времени относится передача старицкому князю ряда волостей в Дмитровском уезде, в бывших владениях князя Юрия Ивановича, на которые давно претендовал Владимир».³ Но особенно примечательно то, что в крестоцеловальной записи Владимира Андреевича на имя царя Ивана и царевича Ивана (1554) старицкий князь фигурирует в качестве регента при малолетнем наследнике,⁴ тогда как в крестоцеловальной записи на имя государя и царевича Дмитрия (1553) этого нет.⁵ Д.Н.Альшиц, обративший внимание на данную особенность крестоцеловальных записей, увидел здесь свидетельство о росте доверия царя Ивана к Владимиру Андреевичу.⁶ Вряд ли это так, поскольку мартовские события 1553 года навсегда поселили в Ивана настороженность в отношении Владимира Старицкого. Вот почему появление в крестоцеловальной записи 1554 года старицкого князя в роли опекуна при несовершеннолетнем наследнике престола говорит, по нашему мнению, не столько о росте доверия Ивана IV к Владимиру, сколько о возросшей политической силе последнего, а точнее сказать, о возросшей власти придворной группировки Сильвестра–Адашева, поддерживающей стремление удельного правителя сесть на московский трон.

Итак, приведенные факты рисуют довольно сложную ситуацию, сложившуюся в высшем эшелоне власти после мартовского мятежа 1553 года, а

¹ Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного... С. 414.

² Там же.

³ Там же. С. 417.

⁴ «И придет воля Божия над тобою Государем нашим: и мне Князю Володимеру Ондреевичу, по твоей Государя моего душевной грамоте, держати сына твоего Царевича Ивана в твое место Государя своего...». – СГГД. Ч. I. С. 463, 465.

⁵ Там же. С. 460–461.

⁶ Альшиц Д.Н. Крестоцеловальные записи Владимира Андреевича Старицкого и недошедшее завещание Ивана Грозного // История СССР. 1959, № 4. С. 148–149.

лучше сказать, после выхода на историческую сцену в конце 40-х годов XVI века Избранной Радой. Противникам царя Ивана в ходе хитрой политической игры и ожесточенной борьбы удалось в определенной мере если не ограничить, то потеснить самодержавие московского государя. Как выражается В.М.Панеях, «самодержавные амбиции первого русского царя при данном раскладе политических сил оказывались не во всем удовлетворенными».¹ Установилось в некотором роде неустойчивое равновесие самодержавной власти и враждебных ей сил. Было неясно, какая чаша перевесит. Перевесило все же русское самодержавие как более других государственных форм соответствующее «реальным социально-экономическим и политическим условиям развития страны».² К сожалению, из-за отсутствия соответствующих источников современный исследователь не может проследить, какие конкретные обстоятельства склонили чашу весов в его пользу. Но зримым рубежом перелома в соотношении сил двух враждебных сторон следует, по всему вероятию, считать начало Ливонской войны.

* * *

По словам С.Ф.Платонова, «московские умы, занимавшиеся вопросами внешней политики, должны были в то время держаться двоякой “ориентации”. Для одних главной задачей момента было укрепление за Москвою сделанных ею завоеваний и оборона, по возможности активная, южных границ. Для других очередным делом представлялось приобретение торговых путей на западе и выход на Балтийское море. Первые считали главным врагом Москвы крымцев, а за ними турецкого султана. Вторые считали своевременным удар на Ливонию, которой не могли в данную минуту помочь ни Швеция, ни Литва, только что связавшие себя мирными трактатами с Москвой. Первых следует считать более осторожными политиками, чем вторых: вторые же, без сомнения, были более чуткими и смелыми людьми. К первым принадлежали Сильвестр и его друзья – рада; на сторону вторых стал сам Грозный».³ С.Ф.Платонов, впрочем, затрудняется сказать, куда настойчивее в тот момент «звало время» – на Ливонию или Крым. Но ему ясно, что поход с большим войском на Крым «представлял величайшие трудности, а Ливония была под рукою и явно слаба. Наступать через “дикое поле” на Перекоп тогда надобно было с тульских позиций, так как южнее Тулы уже “поле бе”. то есть начинались необитаемые пространства нынешней черноземной полосы, и в них не было еще таких опорных пунктов, какими в свое время против Казани стали Васильсурск и Свияжск. Активная оборона южной окраины и ее постепенное заселение были делом исполнимым и целесообразным, и поскольку это дело занимало раду Сильвестра, постольку рада была права. Но фантастический проект перебросить через “дикое поле” всю гро-

¹ Власть и реформы... С. 78. Здесь все верно, за исключением, пожалуй, слова «амбиции», неуместного в данном случае.

² Алышев Д.Н. Начало самодержавия в России... С. 106.

³ Платонов С.Ф. Иван Грозный. М., 1998. С. 70.

маду московских полевых войск на Черноморское побережье был, вне всякого сомнения, неисполним. Он являлся вопиющим нарушением осторожной последовательности действий. Только через двадцать лет после этого проекта Москва достигла заметных результатов в деле заселения и укрепления “дикого поля” и перенесла границы государственной оседлости с тульских мест приблизительно на р. Быструю Сосну. В начале XVII века с Быстрой Сосны, от Ельца и Ливен, первый самозванец предполагал начать свой поход против татар и турок. Но и этот поход был, конечно, политической мечтой авантюриста, а не зрелым планом государственного дельца. В исходе XVII века с еще более южной базы пробовал атаковать Крым князь В.В.Голицын, но, как известно, безо всякой удачи. Позднейшие и более удачные походы в Черноморье Петра Великого и Миниха столь же наглядно, как и походы Голицына, показали громадные трудности дела и послужили тяжким, но полезным уроком для последующих операций». ¹ С.Ф.Платонов полагал, что Сильвестр с Избранной Радой толкали Ивана Грозного «на рискованное, даже безнадежное дело», тогда как «время звало» Москву «на запад, к морским берегам». ²

К этому надо добавить, что внушаемая Избранной Радой царю Ивану идея мира на западе и войны на востоке вполне соответствовала дипломатии Габсбургов и папской курии, отводивших Москве роль застрельщика в осуществлении задач антитурецкой лиги. ³ Прозападная внешняя политика Избранной Рады шла, таким образом, вразрез с национальными интересами Русского государства. К чести Ивана Грозного нужно сказать, что он, обладая гениальной прозорливостью, поднимался до осознания враждебности России не отдельных западных стран, а всей Западной Европы в целом. Поэтому его не раз посещала мысль о создании русско-турецкой антиевропейской лиги. Он хотел, чтобы турецкий султан бы с ним «в братстве и любви и заодно был бы на цесаря римского и на польского короля и на чешского и на французского и на иных королей и на всех государей италийских». ⁴ Отсюда ясно, что время, действительно, звало Москву на запад, но отнюдь не только к морским берегам.

Между тем в историографии, в особенности советской, утвердилось мнение, согласно которому «очень важное значение для Русского государства имело разрешение прибалтийского вопроса, установление нормальных экономических связей с Западной Европой. Правительство Ивана IV правильно поняло сущность этой внешнеполитической проблемы и начало упорную двадцатипятилетнюю борьбу за выход и утверждение на Балтике. Программа борьбы за Прибалтику отвечала интересам не только русского дворянства, но и посадской верхушки. Дворянство рассчитывало на новые поместные раздачи земель в Прибалтике. Кроме того, все больше втягивающееся в

¹ Там же. С. 71.

² Там же. С. 71–72.

³ Полосин И.И. Социально-политическая история России XVI – начала XVII в. М., 1963. С. 69.

⁴ Там же. С. 70.

рыночные отношения дворянское хозяйство нуждалось в установлении систематических торговых отношений со странами Восточной и Западной Европы. Особенно большое значение торговля через Прибалтику имела для растущих русских городов. Русское купечество стремилось к тому, чтобы открыть русским товарам европейские рынки. Поэтому вполне естественно, что дворянство и посадские верхи поддерживали это направление русской внешней политики».¹

Сравнительно недавно В.М.Панеях подверг сомнению это укоренившееся в историографии мнение. Причину Ливонской войны, говорит он, «обычно связывают с интересами внешней торговли, нуждавшейся в выходе на Балтику. Однако власть вряд ли это осознала. Когда в результате успешной кампании весны – лета 1558 г. русское войско вышло на берега Финского залива, здесь даже не приступили к строительству торговых портов, а стали раздавать земли в поместья».²

Усомнилась в данном мнении и А.Л.Хорошкевич: «В советской историографии, как правило, подчеркивались внешнеторговые перспективы присоединения Прибалтики. Действительно, расширение границ на запад и завоевание морских портов сулило России свободу торговли, открывало то окно в Европу, в котором в наибольшей степени нуждалось русское купечество и, в первую очередь, сам царь – крупнейший поставщик русской пушнины на мировой рынок и потребитель сукон и предметов роскоши, поступающих с запада. Поддержка русским крупнейшим купечеством Ивана IV в его стремлении к Балтике и создала превратное представление у историков нашего времени, будто царь не только ясно и четко осознал пользу прямых торговых контактов со странами Северной, Западной и отчасти Центральной Европы, но именно торговые интересы и толкали его к войне с Ливонским Орденом. Этот, с нашей точки зрения, объективный фактор был, возможно, не главным в ряду причин, приведших к началу Ливонской войны. Для государя России середины XVI в. мог быть более весомым “субъективный” фактор – стремление обладать “всею вселенною”, гипертрофированное желание утвердить себя в качестве истинного и законного преемника и наследника Пруса. Кроме того, достаточно уверенно в литературе того времени звучит тема России как последнего православного царства и его главы как наследника православного императора. Даже если доктрина “Москва – третий Рим” не стала политическим обоснованием нападения на Ливонию и вообще внешних акций Российского государства, то она, как и “Сказание о князьях владимирских”, создавала базу для развития и поддержания идеи о божественном происхождении и назначении главы Российского царства. Одна из функций его – поддержание истинного христианства, а посему ему надлежало вести борьбу с ересями как в пределах России, так и вне ее».³

¹ Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV в. – начало XVII в. М., 1955. С. 370. См. также: История СССР. С древнейших времен до наших дней. Т. II. М., 1966. С. 181.

² Власть и реформы... С. 78.

³ Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. С. 203–204.

А.Л.Хорошкевич устанавливает «еще один объективный фактор, способствовавший эскалации войны Россией – присоединение двух ханств – Казанского и Астраханского – и подчинение одной орды – Ногайской. Большая часть населения этих государственных образований привыкла добывать пропитание и одежду путем грабежа и захвата. Перестройка хозяйств новоприсоединенных земель, разумеется, не произошла. Вхождение их в состав Российского царства поставило перед его главой задачу обеспечения знатной верхушки покоренных ханств средствами существования. Иной альтернативы, кроме войны, в то время у России объективно не было».¹

Наконец, по А.Л.Хорошкевич, существенное значение в выборе Иваном IV направления военных действий «сыграл Посвольский договор 15 сентября 1557 г. Великого княжества Литовского и Ордена, создавший угрозу установления литовской власти в Ливонии».²

Трудно согласиться со всеми мыслями А.Л.Хорошкевич, но ее заключение о том, что выход к морским берегам и внешнеторговые интересы России не являлись главными «в ряду причин, приведших к Ливонской войне», представляется нам плодотворным. Оно позволяет несколько иначе взглянуть на события того времени, чем принято в историографии, включая, впрочем, и труд А.Л.Хорошкевич.

Завоевание Казанского и Астраханского ханств заметно улучшило безопасность южных границ России. Это позволяло русским повернуться на запад и сосредоточиться на главном и наиболее опасном противнике, олицетворяемом Польшей, Литвой и Ливонским орденом. Если со стороны мусульманского Востока Русскому государству угрожали разорительные военные набеги и домогательства по части уплаты даней, не затрагивающие основ его внутренней жизни, то со стороны католического и протестантского Запада шла политическая и религиозная экспансия, ставящая под сомнение само существование Святой Руси с ее важнейшими институтами – самодержавием, православной верой и церковью. Именно Запад принимал и укрывал изменников и государственных преступников; прямо или косвенно поддерживал политические интриги, направленные против самодержавной власти Ивана IV, превращенного западной пропагандой в кровавого тирана. Именно с Запада накатывались на Русь волны папской агрессии; отсюда же проникали в Россию и ереси, разрушавшие православную веру и апостольскую церковь, следовательно, – русскую государственность. Навредив порядком на Руси, еретики, спасаясь от справедливого наказания, бежали (и это – факт!) на Запад, в соседние Литву и Польшу, находя там надежное укрытие. Вот почему Иван Грозный, начиная Ливонскую войну, старался защитить свое царство с наиболее опасного западного рубежа, а отнюдь не стремился, как наивно считает А.Л.Хорошкевич, «обладать “всею вселенною”», чтобы удовлетворить свое «гипертрофированное желание утвердить себя в качестве истинного и законного преемника и наследника Пруса». Хотя Иван и был отчасти мечтателем, но не до такой степени, как полагает

¹ Там же. С. 204.

² Там же. С. 205.

А.Л.Хорошкевич. И уж совсем несправедливо корить Россию за эскалацию войны, как это делает А.Л.Хорошкевич. Война была неизбежной.¹ «Вина» царя Ивана состояла лишь в том, что он сумел выбрать самый благоприятный для России момент начала похода на Ливонию.²

Итак, «время звало» Москву на запад, но не только к морским берегам, а к достижению таких жизненно важных для России геополитических перемен, которые позволили бы ей сохранить свою национальную, государственную, религиозную независимость и самобытность. В условиях ползущей из западных стран экспансии этого можно было добиться, лишь сдвинув границы Руси на запад и взяв под контроль важнейшие портовые города, расположенные, кстати сказать, на землях, находившихся раньше в сфере русского влияния, утраченного в результате управляемого папской курией германского «натиска на Восток».³ Соппротивление такой политике, шедшее со стороны Избранной Рады и ее лидеров являлось предательством национальных интересов России.⁴ Иван IV преодолел это сопротивление, что сви-

¹ См.: *Королюк В.Д.* Ливонская война. С. 35–36.

² Там же. С.36.

³ См.: *Паиуто В.Т.* 1) Героическая борьба русского народа за независимость (XIII век). М., 1956. С. 92–118, 133–146; 2) *Внешняя политика Древней Руси.* М., 1968. С. 226–241.

⁴ С.О.Шмидт полагает, что «и накануне Ливонской войны, и в ее первые годы руководитель внешней политики Российского государства Адашев отнюдь не был противником активизации борьбы за выход России к Балтийскому морю, и само назначение воеводой на фронт военных действий не воспринималось первоначально как опала» (*Шмидт С.О.* Россия Ивана Грозного. С. 247). И.В.Курукин, ученик С.О.Шмидта, в свою очередь считает, что и Сильвестр не являлся противником войны на западных рубежах России (см.: *Курукин И.В.* К изучению источников о начале Ливонской войны и деятельности правительства А.Ф.Адашева и Сильвестра // *Источниковедческие исследования по истории феодальной России.* М., 1981). У нас нет оснований, чтобы согласиться с этими положениями С.О.Шмидта и И.В.Курукина. Традиционная точка зрения насчет позиции Сильвестра и Адашева в ливонском вопросе нам представляется более обоснованной, чем взгляд С.О.Шмидта и И.В.Курукина, противоречащий как отечественным, так и зарубежным источникам. К числу последних принадлежит дневник и отчет дипломата Томаса Хорнера. Их анализ, проделанный шведским историком Свенссоном, убеждает в отрицательном отношении Адашева к войне в Ливонии. Даже первый поход в Ливонию «не положил конец дипломатическим переговорам и стремлениям А.Адашева добиться мирного исхода конфликта» (*Зимин А.А.* Реформы Ивана Грозного... С. 472–474). Противоречивые суждения по вопросу об отношении Алексея Адашева к Ливонской войне высказывает Р.Г.Скрынников. В своей недавней книге об Иване Грозном он заявляет, что Адашев и его окружение не были противниками войны в Ливонии (*Скрынников Р.Г.* Иван Грозный. М., 2002. С. 103, 104). В первом издании той же книги он утверждает иное: «В московском правительстве образовались две партии: Адашев настаивал на продолжении активной восточной политики и снаряжал экспедиции против Крыма, а его противники выступали за войну с Ливонией». – *Скрынников Р.Г.* Иван Грозный. М., 1975. С. 66. См. также: *Скрынников Р.Г.* Начало опричнины. С. 128–137.

детельствовало о приближающемся конце всевластия Сильвестра и Адашева. Но пока партия Сильвестра–Адашева была еще сильна. И царю Ивану было, по-видимому, очень не просто заставить замолчать в Думе горластых противников военной кампании на западе.

Говоря о противниках и сторонниках войны с Ливонским орденом вообще, не следует, на наш взгляд, делить их по социальному признаку: бояре – противники, дворяне и богатые торговцы – сторонники. Линия раздела между ними проходила не в общественной, а религиозно-политической сфере. характеризуемой положительным или отрицательным отношением к самодержавию Ивана, соблюдением или нарушением чистоты православия и незыблемости православной церкви. За Иваном шла часть боярства, причем, похоже, большая часть, если судить по возобладанию решения воевать с Ливонским орденом, а не с Крымским ханством. Несомненно и то, что в числе противников войны на западе были, помимо бояр, и дворяне, так или иначе связанные с княжеско-боярской знатью.¹

Несмотря на свое поражение, противники войны с немцами не складывали оружие, перейдя к скрытым методам борьбы, переходящей нередко в прямую измену и предательство. А.Л.Хорошкевич описывает примечательный в данной связи случай. «Началу военных действий, – говорит она, – предшествовал весьма любопытный эпизод. Павел Петрович Заболоцкий, “знатый боярин”, названный гонцом фогта Нейшлосса “Bawick”, предупреждал о грозящем Ливонии нападении царского войска из Пскова, причем в этом походе он должен был участвовать и сам. “Bawick” советовал свезти весь хлеб в замок, пока войско еще не покинуло Пскова. 11 января 1558 г. фогт передал новость ливонскому магистру, позднее аналогичное сообщение поместил Й.Реннер в своей хронике, добавив, что русский воевода был очень хорошо настроен по отношению к немцам (“gut deutsch”)».² П.П.Заболоцкий, по всему вероятно, принадлежал к партии Сильвестра–Адашева.

Главой войска, выступавшего из Пскова в поход на Ливонию, был назначен, как известно, бывший казанский хан Шигалей (Шах-Али).³ По некоторым известиям, татарин не обрадовался такому назначению и, согласно многочисленным слухам, не хотел воевать с немцами.⁴ Его нежелание сражаться с ливонцами во многом объяснялось влиянием А.Ф.Адашева, с которым он, по догадке некоторых исследователей, находился в близких отношениях.¹

¹ Р.Г. Скрынников вслед за другими историками говорит: «Планы Ливонской войны получили поддержку со стороны московского дворянства» (*Скрынников Р.Г. Иван Грозный. М., 1975. С. 66*). Но однозначные решения здесь вряд ли плодотворны.

² Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. С. 206.

³ ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 287. См. также: *Грига II. Иван Михайлов Висковатый...* С. 218; Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. С. 206, 208.

⁴ Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. С. 208.

По-видимому, эти отношения завязались во время пребывания Шигалея в конце 40-х годов при царском дворе в Москве,² когда к власти пришла Избранная Рада со своими вождями Сильвестром и Адашевым. Впрочем, у Шигалея имелись и свои резоны: будучи наследником ханов Большой орды, Шах-Али враждовал с крымскими Гиреями, претендовавшими на Казань.³ Этим также объясняется его заинтересованность «в проведении восточной политики».⁴ Важно, однако, отметить согласие Шигалея и Адашева относительно внешнеполитических приоритетов Русского государства середины XVI века, их общее стремление воевать с Крымом, а не с Ливонским орде-ном. Не потому ли и не по инициативе ли Адашева Шигалей был поставлен командовать царским воинством в походе на Ливонию?..

В январе 1558 года Шигалей во главе сорокатысячного войска,⁵ сконцентрированного в районе Пскова, перешел ливонскую границу. Орден оказался бессилен перед лицом русских войск, которые «Немецкую землю повье-вали и выжгли и людей побили въ многих местех и полону и богатства мно-жество поимали».⁶ Были взяты Новгородок, Алыст, Корслов, Костер.⁷ Казалось, следовало бы развивать успех. Но Шигалей ни с того ни с сего ушел из Ливонии и, «вышедчи» из нее, отправил послания ливонскому ма-гистру, рижскому архиепископу и дерптскому епископу, наивно предлагая им «исправитца», начать переговоры с Иваном IV и покориться ему. Про-изошло это, по всему вероятно, не без стараний Сильвестра и Адашева. У нас нет причин подозревать Ивана Грозного в неправде, когда он рассказы-вает: «Како убо, егда начася брань, еже на германы, тогда посылали есмя слугу своего царя Шихалея и боярина своего и воеводу князя Михаила Васи-льевича Глинсково с товарищи германы воевати и от того времени от попа Силивестра и от Алексея и от вас каковая отягчения словесная пострадах, ихже несть мощно подробну изглаголагати! Еже какова скорбная ни сотво-рится нам, то вся сия герман ради случися!»⁸ И еще: «Како же убо воспомяну о германских градах супротисловия попа Селивестра и Алексия Адашова и всех вас на всяко время, еже бы не ходити бранию...».⁹

Историки по-разному рассматривают прекращение военных действий рус-скими зимой 1558 года. «Первое вторжение русской армии в пределы Ливо-

¹ См.: *Зимин А.А.* И.С.Пересветов и его современники... С. 37 (прим. 67); *Хорош-кевич А.Л.* Россия в системе международных отношений середины XVI века. С. 208.

² См.: *Граля И.* Иван Михайлов Висковатый... С. 77.

³ *Хорошкевич А.Л.* Россия в системе международных отношений середины XVI века. С. 208.

⁴ Там же.

⁵ См.: *Соловьев С.М.* Сочинения: В 18-ти книгах. Кн. III. М., 1989. С. 486; *Хорош-кевич А.Л.* Россия в системе международных отношений середины XVI века. С. 206.

⁶ ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 290.

⁷ *Хорошкевич А.Л.* Россия в системе международных отношений середины XVI века. С. 205.

⁸ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 38, 86.

⁹ Там же.

нии, — говорит В.Д.Королюк, — не преследовало цели осады и захвата городов и замков. В его задачи входило разведать силы противника и настроение местного населения».¹ Вместе с тем «параллельно в Русском государстве велись приготовления к организации планомерного завоевания Прибалтики».² И вот для того, чтобы скрыть эти приготовления и «усыпить бдительность встревоженных январским походом 1558 г. Литвы, Польши, Швеции и Дании», Шигалей прервал столь успешно начатую кампанию и вернулся в Псковскую область.³

Январский поход 1558 года Б.Н.Флоря назвал «скромным военным предприятием», представлявшим собою «военную демонстрацию, которая должна была принудить Орден отказаться от своей тактики саботажа финансовых претензий царя».⁴ По мнению Б.Н.Флори, русское правительство, посылая войска в Ливонию, «еще не приняло решения о войне. Речь шла о мерах давления, которые должны были заставить Орден выполнить взятые на себя обязательства. Не случайно, возвращаясь из похода, командующий войсками касимовский хан Шах-Али призывал власти Ордена, “будет у вас есть хотения перед государем исправитца”, прислать в Москву послов, обещая в этом случае вместе с боярами ходатайствовать за них».⁵ Сходным образом рассуждает И.Граля. Он пишет: «Учитывая военный потенциал Ордена, сближение Ливонии с Польско-Литовским государством и назревающий конфликт с Данией, зимнее наступление царский войск было задумано лишь как демонстрация силы с целью вынудить ливонцев сесть за стол переговоров, которые в конечном итоге могли привести к подчинению Ливонии власти Ивана IV. Об этом свидетельствуют и два послания-манифеста, которые командующий московским войском Шах-Али направил магистру Ордена и церковным иерархам Ливонии, уговаривая их положиться на царскую милость, выплатить задолженность, но прежде всего — возобновить переговоры».⁶

Более убедительной нам представляется догадка А.Л.Хорошкевич, по словам которой «уже на первом этапе Ливонской войны дали знать о себе разные подходы к этому военному начинанию царя. Задуманный с огромным размахом, поход разбился о подводные камни внутриполитических разногласий, которые сопровождали Ливонскую войну на протяжении почти всего ее хода».⁷ Что касается посланий Шигалея, то царь Иван, «уступая боярской оппозиции, возглавляемой или вдохновляемой Сильвестром и Алексеем Адашевым», «приказал направить эти послания ливонским властям».⁸

¹ Королюк В.Д. Ливонская война. С. 36.

² Там же.

³ Там же. С. 36, 37.

⁴ Флоря Б.Н. Проект антитурецкой коалиции середины XVI в. // Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII вв. М., 1979. С. 76–77.

⁵ Флоря Б.Н. Иван Грозный. С. 128.

⁶ Граля И. Иван Михайлов Висковатый... С. 218.

⁷ Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. С. 210.

⁸ Там же. С. 209.

Отдавая в данном случае должное исторической интуиции А.Л.Хорошкевич, следует все же заметить, что она сглаживает остроту ситуации, говоря о «разных подходах к военному начинанию царя» и «внутриполитических разногласиях» по данному вопросу в правящей верхушке, тогда как, по нашему убеждению, речь должна идти о предательстве России придворной партией Сильвестра–Адашева, способствующей успеху противника и военному поражению своей страны.

Это предательство выступало в разной форме, в том числе в виде саботажа и нерадивости. Иван Грозный, вспоминая о возобновлении военных действий летом 1558 года, говорит Андрею Курбскому: «Егда же вас послахом на лето на германские грады, – тебе бо тогда сущу в нашей вотчине, во Пскове, своя ради потребы, а не нашим посланием, – множае убо седми посланников послали есмя к боярину нашему и воеводе, ко князю Петру Ивановичу Шуйскому, и к тебе; вы же егда пойдосте с малейшими людьми, и нашим многим посланием напомниманием множае пятнадцать градов взясте. Ино, се ли убо тщание разума вашего, еже нашим посланием напомниманием грады взясте, а не по своему разуму».² Все это не похоже на выдумку. И что же мы видим? Мы видим одного из виднейших военачальников, занятым в военное время своими нуждами и, следовательно, не радеющим о воинских делах. Мы видим двух воевод, игнорирующих приказы государя, которому приходится неоднократно («множае убо седми») отдавать эти приказы, пока воеводы изволят подчиниться им, а точнее – имитировать послушность. Мы, наконец, видим безынициативных командиров, действующих на территории врага не по собственному желанию и разумению, а по принуждению и указаниям из Москвы. Трудно все это именовать иначе, чем неисполнение долга и нарушение присяги, данной государю. А.Л.Хорошкевич, комментируя цитированный текст из письма Грозного Курбскому, замечает: «Оппозиционные настроения по отношению к Ливонской войне... дали о себе знать уже накануне ее. Должно быть, у Ивана IV имелись основания для жалоб на П.И.Шуйского и А.М.Курбского, которым он якобы направил семь посланий...».³ Слово «якобы» выдает недоверчивое отношение исследовательницы к свидетельствам Ивана Грозного. И все же она вынуждена признать обоснованность высказанных царем претензий к Шуйскому и Курбскому. Вряд ли стоит называть их жалобами, как это делает А.Л.Хорошкевич. Грозный не жаловался, а обвинял! Не следует также, на наш взгляд, прибегать к неопределенному выражению «оппозиционные настроения», когда налицо, если называть вещи своими именами, неповиновение государю, правда завуалированное и скрытое. Эту и ей подобные акции на Западе могли только приветствовать.

Надо сказать, что уже первый поход на Ливонию зимой 1558 года вызвал настоящий переполох в Европе, став предметом толков на имперских, реги-

¹ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 38, 86.

² *Хорошкевич А.Л.* Россия в системе международных отношений середины XVI века. С. 206.

ональных и ганзейских съездах, во множестве летучих листков и в частной корреспонденции.¹ Из одного безымянного конспективного обзора международной конъюнктуры в начальный период Ливонской войны, хранящегося во флорентийском архиве Медичи, узнаем о том, что «польский король, герцог саксонский, свободные города Северной Германии (*del mare di Germania*) совместно решили потребовать от “Московита”, чтобы он отступил в пределы своей земли и покинул Ливонию. “Московит” ответил на это, что он так и сделает, но сначала возвратит те земли, которые ливонцы оккупировали. И после того, как ливонцы пообещают, что в будущем не будут менять границ, строить укрепления, они останутся в пределах своей страны».² Короли и государи, получившие такой ответ, «стали помышлять о войне, но не для того, чтобы помочь Ливонии, а чтобы удержать этого “варвара”».³ Западная пропаганда превращала Ивана Грозного «в “наследственного врага христианства” (*Erbfeind der Christenheit*), а его подданных в “кровавых собак московитов”».⁴ Цивилизованному Западу мерещилось, будто на него с востока надвигается нечто громадное и опасное. Один французский протестант, Юбер Лангэ, проживавший в саксонском Виттенберге, в таких гиперболических выражениях писал Кальвину: «Московский государь опустошил почти всю Ливонию и взял города Нарву и Дарбат [Дерпт]. Говорят, что совсем недавно он занял Ревель [!], большой приморский город с очень удобной и безопасной гаванью. В Любеке снаряжается флот на средства саксонских городов для подания помощи ливонцам. Но это больше ничего, как приготовление легкой добычи Мосху, который собирает до 80 или 100 тысяч конницы. Король польский остается праздным зрителем этой трагедии; но Мосх выбьет из него эту лень, если займет Ливонию, потому что Литва, Пруссия и Самогития граничат с нею. Да и не похоже, чтобы властитель Московитский успокоился: ему двадцать восемь лет, он с малого возраста упражнялся в оружии и по натуре очень свиреп, причем эта воинственность еще усилилась благодаря ряду удачных войн с татарами, которых он, говорят, побил до 300 или 400 тысяч. Он постоянно возит за собою трех пленных царей, между ними того, у которого он вырвал Казань. В недавнем времени он жестоко напал на шведского короля, который только ценой денег смог купить себе мир. Если суждено какой-либо державе в Европе расти, так именно этой».⁵

Все это показывает, что война России с Ливонским орденом имела не региональное, а общеевропейское значение, что, стало быть, Ливония являлась одновременно и форпостом Запада в его продвижении на Восток, и оборонительным валом, защищающим европейские государства от России, и в некотором роде буфером, отделяющим «просвещенную» Европу от «варварской» Руси. По сути, то была война двух цивилизаций: католико-протестант-

¹ Там же. С. 207.

² Там же. С. 210.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 207.

⁵ Виттер Р.Ю. Иван Грозный. М., 1998. С. 145.

ского Запада, отошедшего от истинного христианства и погрязшего в ересь, с православным Востоком, хранящим в чистоте святоотеческую веру. Вот почему Сильвестр и Адашев со своими сторонниками, выступая против войны с Орденом и чиня затем всяческие помехи ее ведению, действовали в угоду интересам Запада и во вред интересам России.

К весне 1558 года царю Ивану удалось, надо полагать, преодолеть сопротивление группы Сильвестра–Адашева и возобновить военные действия. И опять – большой успех. В мае названного года русским сдалась Нарва, а в июле пал Дерпт. В итоге весной и летом 1558 года русские овладели всей восточной частью Эстонии.¹ Однако вскоре русские рати прекратили наступление, дав возможность орденским войскам в октябре – ноябре 1558 года попытаться перейти в контрнаступление.² Не исключено, что и здесь поработали Сильвестр с Адашевым.

В январе 1559 года наступление нашей армии возобновилось. «Крупные русские силы были двинуты под Ригу. Под Тирзеном (Тирзе) были разгромлены войска рижского архиепископа. Русские войска доходили до самой Риги. У Дюнамюнде (Даугавгриве) были сожжены рижские корабли. Военными действиями была охвачена северная часть Латвии. Русские войска проникали в Курляндию и доходили до границ Восточной Пруссии и Литвы».³ В результате Ливонский орден в январе – феврале 1559 года оказался на грани полного разгрома. И вот «при таких, казалось бы, необычайно благоприятных для Русского государства обстоятельствах, буквально накануне полного разгрома и подчинения Ливонии, в военных и политических планах русского правительства произошел неожиданный поворот. Ливонии было предоставлено продолжительное перемирие – с марта по ноябрь 1559 г.».⁴ По справедливому мнению В.Д.Корольюка, чьи слова только что приведены, «перемирие 1559 г. было заключено под влиянием группировавшихся вокруг Алексея Адашева участников “Избранной рады”, в руках которых в это время все еще оставалось практическое руководство военными и политическими делами».⁵ Стало быть, «вместо того, чтобы продолжать успешно начатое наступление против Ливонии, московское правительство, по настоянию Адашева, предоставило Ордену перемирие».⁶ Это было «алогичное с военной и политической точки зрения перемирие».⁷

Следует со всей определенностью подчеркнуть, что «перемирие 1559 г. было невыгодно для Русского государства. Ливонские феодалы получили

¹ Корольюк В.Д. Ливонская война. С.38.

² Там же. С. 39.

³ Там же. С. 39-40.

⁴ Там же. С. 40.

⁵ Там же. С. 41.

⁶ Скрынников Р.Г. Начало опричнины. С. 133. См. также: Скрынников Р.Г. Иван Грозный. М., 1975. С. 66.

⁷ Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. С. 224.

совершенно необходимую им в военном отношении передышку.¹ Это прекрасно понимал и сам Грозный, когда писал Курбскому: «Лето цело дасте безлепа фифлянтон збиратися».² Но не менее важными оказались военно-политические последствия этого «перемирия». 31 августа 1559 года в Вильно (Вильнюсе) между Ливонским орденом и Польско-Литовским государством было заключено соглашение, по которому польский король Сигизмунд II Август принимал в свою «клиентелу и протекцию» Орден, обещая защищать ливонских рыцарей от Руси. Очень скоро (15 сентября) королевский протекторат распространился и на рижское архиепископство. Стратегическая победа ускользала из рук русских. И виной тому были Сильвестр и Адашев с подельниками. Иван Грозный, имея в виду перемирие 1559 года, скажет потом Андрею Курбскому: «И аще не бы ваша злобесная претыкания была, и з Божиею помощию уже бы вся Германия была за православием».³ Или: «К сему же и Ливонская брань учинилася вашею изменою и недоброхотством и нерадением безсоветным».⁴ Царь был тут, конечно, прав.⁵ Становится также ясно, что не он являлся инициатором заключения перемирия, нанесшего русским национальным интересам, можно сказать, непоправимый вред. «Виленские соглашения 31 августа и 15 сентября 1559 г. Литовского княжества и Ливонии, – говорит А.Л.Хорошкевич, – полностью переломили ситуацию в Ливонии. Сигизмунд Август принимал под свою протекцию и клиентелу Ливонский орден и рижского архиепископа, получив в залог юго-восточную часть орденской территории вдоль Двины, которая тотчас была занята литовскими войсками. Ливонская война грозила превратиться в русско-литовско-датско-крымскую».⁶

По словам другого исследователя, «виленское соглашение круто изменило ход Ливонской войны. Для русской дипломатии оно было тяжелым пора-

¹ *Королюк В.Д.* Ливонская война. С. 41. Аналогичным образом рассуждают и такие выдающиеся исследователи эпохи Ивана Грозного, как С.Ф.Платонов, А.А.Зимин и Р.Г.Скрынников. «Ливонцы, – говорит С.Ф.Платонов, – воспользовались перемирием для того, чтобы найти покровителей и союзников против Москвы» (*Платонов С.Ф.* Иван Грозный. С. 73). По словам А.А.Зиминой, «"прекословие" Адашева по вопросу о целесообразности Ливонской войны дорого стоило России: получив в 1559 г. благодаря заключению перемирия передышку, ливонские рыцари втянули в конфликт польского короля Сигизмунда II Августа...» (*Зимин А.А.* Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 81. См. также: *Зимин А.А.* Реформы Ивана Грозного. Очерки социально-экономической и политической истории России середины XVI в. М., 1960. С. 474; *Зимин А.А., Хорошкевич А.Л.* Россия времени Ивана Грозного. М., 1982. С. 94–95). «Рыцари использовали перемирие, предоставленное им Москвой для сбора военных сил», – пишет Р.Г. Скрынников. – *Скрынников Р.Г.* 1) Иван Грозный. М., 1975. С. 67; 2) Иван Грозный. М., 2002. С. 105.

² Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 38.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 14.

⁵ См.: *Королюк В.Д.* Ливонская война. С. 44.

⁶ *Хорошкевич А.Л.* Россия в системе международных отношений середины XVI века. С. 234.

жением. Теперь России противостояло не слабое, раздробленное государство, а мощное Литовско-Польское государство». ¹ Больше того, «война между Русским государством и немецко-ливонскими сословиями превратилась в борьбу за ливонское наследство между всеми заинтересованными в балтийском вопросе государствами». ² Помимо Польши и Литвы, то были Дания и Швеция. Так война с одним противником переросла в войну с рядом европейских государств, а по существу с Западной Европой. ³ Это произошло опять-таки по вине Избранной Рады и ее лидеров – Сильвестра и Адашева, предоставивших возможность Западу произвести, пользуясь перемирием, перегруппировку сил и поставить Россию перед необходимостью вести войну на несколько фронтов. «Та же оттоле, – говорил царь Иван, – литаонский язык и готфейский и ина множайшая воздвигосте на православие». ⁴

Трудно согласиться с Р.Г.Скрынниковым, когда он, вопреки своим прежним утверждениям о роли Адашева в выборе направления главного удара, заявляет, будто «в Москве, наконец, осознали, какими опасностями грозит одновременная война в Прибалтике и в ордынских степях. Чтобы избежать распыления сил, русское правительство предоставило Ордену перемирие и предприняло выступление против Крыма», ⁵ поскольку, полагает исследователь, «в глазах опытных политиков главную угрозу для России представляли степные кочевники». ⁶ Согласно мнению другого исследователя, А.И.Филюшкина, Алексей Адашев как «опытный и талантливый дипломат, видимо, понимал опасность для России перспектив развития Ливонской войны. Начавшись как локальный конфликт, она быстро обнаружила тенденцию к перерастанию в большую войну европейского масштаба. А к такому крупному масштабному конфликту Россия была явно не готова. На наш взгляд, пониманием Адашевым этих обстоятельств можно объяснить его настойчивое стремление к перемирию и поиску компромисса с противником, его отзывчивость на частые просьбы дипломатов “склонить царя на мир”». ⁷ Вряд ли это так: московское правительство, управляемое Адашевым и стоящим за ним Сильвестром, предоставило перемирие Ордену отнюдь не потому, что стремилось «избежать распыления сил», и не потому, что понимало «опас-

¹ Скрынников Р.Г. Начало опричнины. С.134. «Магистр Кетлер, – пишет Р.Г.Скрынников в другой своей работе, – подписал договор с литовцами. Орден решил под патронат Литвы и Польши. Договор круто изменил ход Ливонской войны... Конфликт с Ливонией стремительно перерастал в более широкий вооруженный конфликт с Литвой и Польшей в тот самый момент, когда Россия ввязалась в войну с Крымским ханством». – Скрынников Р.Г. Иван Грозный. М., 1975. С. 67.

² Королюк В.Д. Ливонская война. С. 43.

³ С.Ф.Платонов отмечал, что против Москвы стали Швеция, Дания, Речь Посполитая, «а за ними император и вообще Германия». – Платонов С.Ф. Иван Грозный. С. 72.

⁴ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 38.

⁵ Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 132.

⁶ Скрынников Р.Г. Иван Грозный. М., 2002. С. 104.

⁷ Филюшкин А.И. История одной мистификации... С. 294–295.

ность для России перспектив Ливонской войны» или быстро обнаружило тенденцию к ее перерастанию «в большую войну европейского масштаба», а потому, что желало спасти Ливонский орден от полного разгрома. Кстати сказать, именно Адашев своей «миролюбивой» дипломатией способствовал такому перерастанию. В.Д.Корольюк справедливо квалифицирует перемирие с Орденом, заключенное правительством Адашева, как «предательство русских государственных интересов».¹ Вот почему трудно согласиться с Б.Н.Флорей, который характеризует заключение перемирия с Орденом в качестве одной из ошибок Алексея Адашева.² Перед нами отнюдь не случайная ошибка, а осознанное стремление спасти Орден от катастрофы военного поражения, что нельзя именовать иначе, чем изменой Русскому государству и его главе – российскому самодержцу.³ Имеют место попытки некоторых историков вставить предательское перемирие 1559 года с Орденом в ряд неудач внешней политики России. Так, А.И.Филюшкин утверждает, будто «неудачи русской дипломатии были очевидными: ей не удалось предотвратить вмешательства в конфликт Польско-Литовской стороны. И они были в первую очередь связаны с именем Алексея Федоровича Адашева».⁴ Но это, как посмотреть: с точки зрения интересов Русского государства или же со стороны тайных замыслов Алексея Адашева «со товарищи». В последнем случае вряд ли стоит говорить о неудаче Алексея. Напротив, надо вести речь об удаче Адашева, озабоченного положением находящегося на грани ликвидации Ордена и сумевшего дать ливонцам передышку. Иное дело, если исходить из русских государственных интересов. Здесь им был нанесен несомненный урон, предопределивший в известной мере поражение России в Ливонской войне. Следует также заметить, что после завоевания русскими Казани и Астрахани главную угрозу для России представляли не столько степные кочевники, в частности Крымское ханство, сколько Запад. Это с особой наглядностью показала Смута начала XVII века.

Что касается «выступления против Крыма», предпринятого «русским правительством» в летний период 1559 года, то оно было организовано, по всей

¹ Корольюк В.Д. Ливонская война. С. 45.

² Флора Б.Н. Иван Грозный. С. 134.

³ В.Б.Кобрин пытался снять с Адашева ответственность за предательское перемирие с Орденом в 1559 году и возложить ее на Ивана IV. Историк писал: «Иван Грозный впоследствии обвинял Адашева в том, что по его инициативе было заключено перемирие с Ливонским орденом, которое дало противнику возможность оправиться от поражений. Когда результаты известны, всегда легко обвинить в злонамеренности того, кто совершил ошибку. Еще легче и приятнее списать свою ошибку на другого: ведь перемирие не могло быть заключено без санкции царя, а он был мастером перекладывать ответственность на чужие плечи» (Кобрин В.Б. Иван Грозный. М., 1989. С. 54–55). Думается, психологические мотивы здесь неуместны. Следует, прежде всего, исходить из реальной позиции и политики Адашева. А он вместе с Сильвестром, как мы знаем, являлся стойким противником войны с Орденом в частности и с Западом вообще, в чем сказывались прозападные симпатии того и другого.

⁴ Филюшкин А.И. История одной мистификации... С. 292.

видимости, с целью перевода внимания царя Ивана с западного фронта на южный фронт, с целью прекращения войны с Орденом, чего упорно добивалась придворная партия Сильвестра–Адашева, болевшая за Ливонию – «сирую вдовицу», по жалостливому выражению благовещенского попа. Поэтому, надо полагать, Адашев и его советники намеревались увлечь в это предприятие самого царя, который, по их плану, должен был возглавить поход на Крым. Началась даже соответствующая подготовка. Так, князю М.И.Воротынскому был отдан приказ идти за города Тулу и Дедилов «на Поле мест розсматривать, где государю царю и великому князю и полком стоять».¹ Личным участием царя в южной экспедиции Сильвестр, Адашев и К^о хотели придать войне с Крымским ханством первостепенное значение сравнительно с Ливонской войной. Государь, однако, в поход не пошел. Крымский же поход брата А.Ф.Адашева окольного Д.Ф.Адашева не принес существенных успехов.² Больше того, война с Крымом нанесла непоправимый вред Русскому государству: «Военные операции против Крыма, поглотившие немало средств и сил, не принесли результатов, обещанных Адашевым, а благоприятные возможности победы в Ливонии были безвозвратно упущены».³ Однако, вопреки всему этому, официальная летопись, к составлению которой Алексей Адашев имел непосредственное отношение, всячески расхваливала поход Даниила Адашева.⁴ Столь же хвалебен и князь Андрей Курбский, по словам которого Данила Адашев с «другими стратилаты» «немалу тщету учиниша во Орде: яко самых побиша, такоже жен и детей их немало поплениша, и христианских людей от работы освободили немало, и возвратишася восвоюи здравы».⁵ По справедливому мнению С.Г.Скрынникова, ближе к истине был царь Иван, «указывавший на полную безрезультатность похода».⁶ Грозный писал Курбскому: «Что же убо и ваша победа, еже за Днеп-

¹ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. I. М., 1981. С. 48.

² Скрынников Р.Г. 1) Начало опричнины. С. 134; 2) Царство террора. С. 132. Иной точки зрения придерживается Б.Н.Флоря. «Благодаря успешным действиям военных отрядов, – говорит он, – Крымская орда оказалась запертой на Крымском полуострове и впервые за много лет сама стала объектом нападений. Как с энтузиазмом записал на страницах официальной летописи Алексей Адашев, “русская сабля в нечестивых жилищах тех по се время кровава не бывала...”, а теперь “морем его царское воинство в малых челнех... якоже в кораблех ходяще... на великую орду внезапно нападале и повоевав и, мстя кров крестианскую поганым, здорую отъидоша”. Войско во главе с Даниилом Адашевым, разорив побережье Крыма и освободив “русский” и “литовский” полон, благополучно вернулось на русскую территорию, нанеся серьезные потери орде, пытавшейся задержать его на днепровских переправах. Вернувшиеся из похода в сентябре 1559 года Данила Адашев и Игнатий Вешняков были пожалованы царем за службу». – Флоря Б.Н. Иван Грозный. С. 131.

³ Скрынников Р.Г. Иван Грозный. М., 1975. С. 67.

⁴ См.: ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 318–320.

⁵ Библиотека литературы Древней Руси. Т. 11. XVI век. С. 380.

⁶ Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 132. «Безрезультатность широко задуманного похода Даниила Адашева на Крым в 1559 г., – говорит новейший исследова-

ром и Доном? И koliko убо злая истощения и пагуба християном содеяшася, супротивным же ни малая досады!». ¹ Вряд ли перед нами поздние впечатления монарха. Это скорее оценка результатов крымского похода, относящаяся к тому времени, когда он состоялся. Поэтому Иван не поддался на уговоры Адашева и его друзей, увлекавших государя заманчивыми перспективами борьбы с Крымской ордой. Курбский свидетельствует: «Мы же паки о сем (войне с Крымом. — *И. Ф.*), и паки царю стужали и советовали: или сам потщился итти, или бы войско великое послал в то время (после возвращения Даниила Адашева из крымского похода. — *И. Ф.*) на Орду. Он же не послушал...». ² Нежелание царя Ивана слушать советы Адашева и других представителей Избранной Рады еще больше накалило между ними и без того не простые отношения. К тому же Иван мог ощутить горькие плоды внешнеполитического курса своих бывших любимцев.

Перемирие, предоставленное Ордену, позволило ливонским рыцарям собрать военные силы и напасть на русских, не ожидая окончания времени перемирия. «За месяц до истечения срока перемирия орденские отряды появились в окрестностях Юрьева и обратили в бегство воеводу З.И.Плещеева. 11 ноября 1559 г. магистр Кетлер нанес московским войскам второе поражение, разгромив близ Юрьева отряды З.И.Плещеева и З.И.Сабурова. Ливонцы осаждали Юрьев в течение всего ноября». ³ На фоне этих поражений «в декабре 1559 г. литовский посол А.И.Хоружий проводил сепаратные переговоры с дипломатической комиссией Боярской думы — А.Ф.Адашевым, Ф.И.Сукиным, И.М.Висковатым. Речь шла о необходимости найти способ повлиять на Ивана IV, склонить его к прекращению войны. В январе 1560 г. посол М.Володкевич передал российской стороне ультимативное требование немедленно прекратить войну в Ливонии. Он также пытался добиться частной встречи с А.Ф.Адашевым и И.М.Висковатым». ⁴ Подобные «сепаратные переговоры» и «частные встречи» с иноземными послами не были случайными. К ним нередко прибегали дипломаты Избранной Рады, проводившие «свой курс вопреки воле царя». ⁵ Возможно, под впечатлением этого дерзкого своеволия, а также военных неудач осени 1559 года царь Иван послал Алексея Адашева на Ливонский фронт в качестве одного из воевод. Впрочем, вполне вероятно и еще одна причина удаления А.Ф.Адашева из Москвы, связанная с царицей Анастасией. Дело в том, что об осеннем 1559 года поражении русских войск и об осаде ливонцами Юрьева царь узнал в Можайске, будучи там на богомолье. Сильвестр и Адашев настаивали на срочном возвращении Ивана в Москву. Государь, всерьез обеспокоенный их призывами, прервал богомолье и с тяжело больной царицей отправился в

тель, — могла вызвать только раздражение у своенравного монарха». — *Зимин А.А.* Опричнина Ивана Грозного. С. 81.

¹ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 37.

² Библиотека литературы Древней Руси. Т. 11. XVI век. С. 380.

³ *Скрынников Р.Г.* Начало опричнины. С. 134–135.

⁴ *Филошкин А.И.* История одной мистификации... С. 292.

⁵ *Гралья И.* Иван Михайлов Висковатый... С. 232.

обратный путь, несмотря на жестокую осеннюю распутицу, превратившую дороги в труднопроходимые болота. По свидетельству летописца, ехать «невозможно было ни верхом, ни в санях: беспута была кроме обычая на много время. А се грех ради наших царицы не домогла».¹ Каково же было удивление и негодование царя, когда он, воротившись в столицу, обнаружил, что зря спешил, что для столь срочного его возвращения в Москву не было никакой надобности.² Потом Грозный с досадой и раздражением скажет: «Како убо воспомяну, иже во царствующий град с нашею царицею Анастасиею с немощною от Можайска немилостивное путное прехождение? Едина ради мала слова непотребна!».³ Царь имел все основания и в данном случае быть недовольным Адашевым и Сильвестром, мог даже подозревать своих советников, понудивших его отправиться в столь трудную дорогу, в желании навредить «немощной» Анастасии, чтобы ускорить ее кончину. Но как бы то ни было, посылка Адашева на Ливонский фронт являлась знаковой. Она свидетельствовала о немилости Ивана Грозного по отношению к своему недавнему фавориту, будучи, в сущности, началом царской опалы.⁴ Что касается самого Адашева, бывшего главой московского правительства,⁵ то отрешение от этой должности и отъезд из столицы означали начало конца его политической карьеры. Вряд ли это было полной неожиданностью, свалившейся, как снег, на голову Алексея. Предвестником падения могущественного правителя можно считать уход в монастырь старшего Адашева – Федора Григорьевича, который постригся в монахи (около 1555–56 гг.⁶) под именем Арсения. Не уловил ли Ф.Г.Адашев начавшуюся перемену в отношении царя Ивана к своему сыну Алексею? И не потому ли он счел за благо укрыться в монашеской келье? Утвердительный ответ здесь весьма возможен. Однако вернемся опять на ливонский театр военных действий.

Летом 1560 года война в Ливонии распространилась на значительную территорию.⁷ Русская армия, возглавляемая И.Ф.Мстиславским и А.Ф.Адашевым, перешла в наступление. В результате, несмотря на мощные укрепления, пал город Мариенбург (Алуksна). Затем московские рати двинулись на Феллин (Вильянди), славшийся лучшей крепостью Ливонии. На пути к этому городу стала орденская армия, которую наши наголову разгромили в битве 2 августа 1560 года. Вскоре русское войско под командованием А.М.Курбс-

¹ ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 321.

² Скрынников Р.Г. Иван Грозный. М., 2002. С. 106.

³ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 33.

⁴ Некоторую неуверенность в данном вопросе проявляет А.А.Зимин. Он пишет: «В мае 1560 г. в Ливонию был отправлен Алексей Адашев. Здесь его назначили третьим воеводой большого полка (после князя И.Ф.Мстиславского и М.Я.Морозова) <...>. Трудно сказать, была ли опалой посылка Адашева в войска, но, вероятно, в ней можно увидеть первое предзнаменование царской немилости». – *Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного...* С. 475.

⁵ Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 133.

⁶ Филюшкин А.И. История одной мистификации... С. 285.

⁷ См.: *Королюк В.Д. Ливонская война.* С. 47.

кого осадил Феллин и взял его. Среди взятых в плен рыцарей оказался также престарелый магистр Ордена Фюрстенберг, отправленный к царю Ивану и милостиво принятый им. Военный успех Москвы не был, однако, безоблачным: русские потерпели неудачу под Вейсенштейном (Пайде). Тем не менее В.Д.Корольюк резонно говорит, что «военные действия 1560 г. в целом нельзя не признать удачными. Главным результатом их был полный разгром Ордена как военной силы».¹ И все же, по словам В.Д.Корольюка, «царь не был доволен поведением своих командующих и впоследствии упрекал своих бывших сотрудников по “Избранной раде” во главе с Адашевым в нерасторопности, считая успехи 1560 г. явно недостаточными».² Действительно, Грозный писал Курбскому: «Потом же послахом вас с начальником вашим Алексеем и зело со многими людьми, вы же едва один Вельян взясте, и туто много наряду нашего погубисте. Како же убо тогда от литовские рати детскими страшили устрашистесь. Под Пайдю же нашим повелением неволею пойдосте, и каков труд воином сотвористе и ничтоже успесте!».³ В.Д.Корольюк, толкуя данные упреки Ивана Грозного, замечает: «Возможно, что причиной недовольства царя был отказ воевод двинуться под Ревель (Таллин), на чем настаивал Грозный. Вместо того была предпринята неудачная осада Вейсенштейна (Пайде)... В поведении обоих воевод (Алексея и Даниила Адашевых. – И.Ф.) царь, по-видимому, угадывал теперь сознательное стремление ограничить в Прибалтике успехи русского оружия».⁴ От исследователя ускользнула одна существенная деталь в словах государя, а именно то, что воеводы под Феллином «много наряду нашего погубисте». Царь, очевидно, хотел этим указать на ничем не оправданное, чрезмерное расходование воеводами воинского снаряжения,⁵ а сказать конкретнее – на потери в оружейном парке.⁶ Учитывая саботаж военачальников, о котором догадывался В.Д.Корольюк, можно предположить намеренное с их стороны небрежное отношение к армейскому снаряжению, к важнейшей его пушечной части с тем, чтобы затруднить дальнейшее ведение военных действий. Царь Иван понимал реальность подобных нежелательных последствий, осознавал их пагубность для русских войск в войне с Орденом и потому вспомнил в своем послании Курбскому предосудительное поведение

¹ Там же. С. 48.

² Там же.

³ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 38.

⁴ Корольюк В.Д. Ливонская война. С. 48.

⁵ См.: Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 10. М., 1983. С. 227–228. Я.С.Лурье и О.В.Творогов, не отличая «наряд» от «народа», предлагают следующий перевод данного текста: «погубили много нашего народа». – Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 148.

⁶ О том, что слово «наряд» обозначало артиллерию, свидетельствует летопись: «приходил маистр къ Лаюсу со многими людьми Неметцкими и съ нарядом со многим и, поставя туры, били по городу из наряду»; «из города изъ наряду две пушки розбили»; «наряд прикатя, и учали бити съ утра до обеда и стену до основания розбили», и т.д. – ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 323, 325. См. также: Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 10. С. 228.

воевод под Феллином. И, тем не менее, успехи летнего наступления 1560 года открывали «возможность быстрого завершения войны с Ливонией. Военные силы Ордена были сокрушены, по всей Эстонии крестьяне восстали против немецкого дворянства. Однако русское командование в Ливонии, во главе которого оказался тогда А.Ф.Адашев, не использовало благоприятной обстановки». Адашев «противился расширению военных действий против ливонцев».¹

Сопровождавшие войну в Ливонии бесконечные интриги, нерадивость, саботаж и предательство воевод, связанных с Алексеем Адашевым и попом Сильвестром, переполнили чашу терпения царя Ивана. Последней каплей, выплеснувшей его гнев наружу, стала кончина царицы Анастасии 7 августа 1560 года.²

* * *

Летописец сообщает: «Преставися благоверного царя и великого князя Ивана Василиевича вся Руси царица и великая княгиня Анастасия и погребена бысть въ Девичье монастыре у Вознесения Христова въ городе у Фроловских ворот. Та бысть первая царица Русская Московского государства, а жила со царем и великим князем полчетвертанатцата году, а остались у царя и великаго князя от нее два сына: царевич Иван 7 лет, а царевич Федор на четвертом году. Бе же на погребении ея Макарей митрополит всея Руси и Матфей епископ Крутицкий и архимандриты и игумены и весь освященный собор, со царем же и великим князем брат его Юрьи Василиевич и князь Володимер Ондреевич и царь Александр Сафа-Киреевич и бояре и велможы. И не токмо множество народу, но и все нищии и убозии со всего града приидоша на погребение, не для милостыни, но со плачем и рыданием велием провожаше; и от множества народу въ улицах едва могли тело ея отнести въ монастырь. Царя и великаго князя от великаго стенания и отъ жалости сердца едва под руце ведяху. И роздаде же по ней милостыню доволну по церквам и по монастырем въ митрополие и во архиепископиях, и во всех епископиях, не токмо по градским церквам, но и по всем уездом, много тысящ рублей; и во Царьград и во Ерусалим и во Святую гору и в ыные тамошние страны и во многие монастыри многую милостыню посла. Бяше о ней плачь не мал, бе бо милостива и беззлобна во всем».³ Как видим, смерть и похороны Анастасии вылились в событие огромного общественного значения. Москва погребала первую русскую царицу и добрую, милостивую женщину, готовую всегда прийти на помощь ближнему. Тем тяжелее вина людей, возможно, повинных в ее смерти.

¹ Скрынников Р.Г. Начало опричнины. С. 136, 137. См. также: Зутис Я.Я. К вопросу о ливонской политике Ивана IV // Известия АН СССР. Серия истории и филологии. Т. IX, № 2. 1952.

² См.: Кобрин В.Б. Иван Грозный. С. 56–57.

³ ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 328.

Надо сказать, Иван Грозный был уверен в насильственной смерти своей супруги. Современная наука подтвердила эту уверенность.¹ Он также нисколько не сомневался в том, среди кого надо искать виновников этой трагедии. Царь говорил Курбскому: «А из женоу вы меня про что разлучили? Толко бы вы у меня не отняли юницы моея, ино бы Кроновы жертвы не было».² Грозный был уверен, что Анастасия погибла вследствие заговора Адашева, Сильвестра и К°. Не случайно также за повествованием государя о тяжком пути из Можайска в Москву с больной царицей, предпринятом по вине Сильвестра, за рассказом о том, что из-за неожиданного отъезда в «царствующий град» пришлось прервать богомолье и тем лишиться покрова Божьего и, следовательно, защиты Господа, за словами об отсутствии врачебной помощи Анастасии и «чадам» ее следует такое заявление Грозного: «И сице убо нам в таковых зеленых скорбех пребывающим, и понеже убо такова отягчения немогохом понести, еже нечеловечески сотвористе, и сего ради, сыскав изменны собаки Алексея Адашева со всеми его советники, милостивно ему свой гнев учинили; смертны казни не положили».³ Иван, как видим, поставил в прямую связь судьбу царицы Анастасии с изменой «собаки Алексея Адашева». Однако, когда государь проявлял «милостивный» гнев по отношению к своему недавнему любимцу, ему, судя по всему, не было еще известно о причастности Адашева к смерти Анастасии. Вскоре эта причастность вскрылась. И теперь уже ничто не могло его спасти. Р.Г.Скрынников отмечает, что «в дни отставки Адашева в Москве не было влиятельных членов Избранной рады. Д.И.Курлятев с весны находился в Туле, откуда его перевели в Калугу. И.Ф.Мстиславский и М.Я.Морозов сражались в Ливонии».⁴ Д.И.Курлятев, кстати сказать, тоже находился в Ливонии, сидя в Юрьеве, куда в 1558 году царь послал его на год воеводой.⁵ Но, будь даже эти влиятельные люди в Москве, они все равно не сумели бы защитить Алексея Адашева, судьба которого царем Иваном была уже решена бесповоротно.

Несмотря на пришедшее к государю в августе 1560 года известие от воевод об одержанных победах и, следовательно, о заслугах Адашева, являвшегося во время этих побед помощником главнокомандующего,⁶ тот был снят с должности третьего воеводы Большого полка и определен воеводой в Феллин.⁷ Надо заметить, это произошло через три недели после смерти царицы Анастасии, что косвенно свидетельствует о связи данных событий. Назначение Адашева в Феллин, пусть даже воеводой, означало отстранение назначенца от руководства Ливонской кампанией. Царь явно не доверял своему

¹ См.: Воронова Н., Панова Т. Химик уточняет историю. Жена Ивана Грозного, царица Анастасия была отравлена – это подтвердил химический анализ, проведенный в наше время // Наука и жизнь. 1997, № 4. С. 82–86.

² Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 104.

³ Там же. С. 33.

⁴ Скрынников Р.Г. Царство террора. С.134.

⁵ См.: ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 306, 312–313.

⁶ См.: Скрынников Р.Г. Иван Грозный. С. 109.

⁷ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. I. С. 82.

прежнему фавориту. Однако посылка Адашева в Феллин не являлась в строгом смысле слова отставкой, как считает Р.Г.Скрынников,¹ или почетной отставкой, как об этом пишут А.А.Зимин и А.Л.Хорошкевич.² Правильнее, на наш взгляд, было бы рассматривать назначение А.Ф.Адашева воеводой в Феллин как резкое понижение по службе.

Согласно Р.Г.Скрынникову, Феллин – «замок, стоявший на острие русского копья, направленного в глубь Ливонии».³ То была «самая опасная точка».⁴ Но опасность здесь грозила Адашеву не столько от ливонцев, сколько от своих. Едва он появился в Феллине, как один из дворянских голов О.В.Полев, не имевший ни думного, ни воеводского чина, затеял тяжбу с ним о местах, бив челом государю, что ему, Полеву, «меньши Алексея Одашева быть невместно».⁵ В этом местническом споре царь Иван стал на сторону Полева, не отказав себе в удовольствии лишний раз показать, что взял и высил Адашева «из гноища».

В Феллине Адашев навлек, по-видимому, на себя со стороны Ивана Грозного новое серьезное подозрение. Князь Андрей Курбский, рассказывая о пребывании Алексея Адашева в Феллине, говорит о том, будто «не мало градов вифлянских, еще не взятых, хотяще податись ему, его ради доброты...».⁶ Трудно поверить в такую готовность «градов вифлянских».⁷ Но, быть может, в приведенном рассказе Курбского заключена завуалированная информация о контактах Адашева с ливонцами, что и насторожило царя Ивана. Понятным тогда становится перевод его в Дерпт (Юрьев) под начало и надзор боярина князя Дмитрия Хилкова. Юрьев – последнее пристанище Алексея Адашева. Здесь вкусил он горечь лишений и унижений. Отсюда он ушел на тот свет. О предсмертных днях Адашева узнаем из Истории о великом князе московском А.М.Курбского и Пискаревского летописца.

В Истории Курбского читаем: «И абие повелел (Царь Иван. – И. Ф.) оттуду (из Феллина. – И. Ф.) свести в Дерпт и держан быти под стражею. И по

¹ Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 134. Одну из глав своей книги об Иване Грозном историк называет «Отставка Адашева». – Скрынников Р.Г. Иван Грозный. М., 1975. С. 68–70; М., 2002. С. 107–113.

² Зимин А.А., Хорошкевич А.Л. Россия времени Ивана Грозного. С. 95.

³ Скрынников Р.Г. Иван Грозный. М., 2002. С. 109.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 135.

⁶ Библиотека литературы Древней Руси. Т. 11. XVI век. С. 400.

⁷ Следует заметить, что А.Г.Кузьмин чересчур доверял этому рассказу А.М.Курбского и строил на нем своего рода концепцию истории взаимоотношений России с покоряемыми военной силой народами. «Курбский в “Истории”, – говорил он, – отмечает, что, будучи, в Ливонии. Адашев умел расположить к себе города и народы, так что они сами готовы были пойти “под руку” московского царя. Ранее та же политика была испытана в Поволжье. Для России она стоила недешево: приходилось отнимать у себя, чтобы передать другим. И все же дешевле, чем при лобовом пробивании “окна в Европу”». – Кузьмин А.Г. Адашев и Сильвестр // Великие государственные деятели России. М., 1996. С. 145.

дву месяцах потом в недуг огненный впаде, исповедався и взяв святых Христа Бога нашего тайны, к нему отыде. Егда же о смерти его услышавше, клеветницы возопиша цари: “Се твой изменник сам себе здал яд смертоносный и умре”». ¹ Другой источник, Пискаревский летописец, сообщает: «И как почал множитца грех земской и оприщина начинатися, и князь великий его послал на службу в Юрьев Ливонской к воеводе ко князю Дмитрею Хилкову, а велел ему быти в нарядчиках. И князь Дмитрей ему быти в нарядчиках не велел, и он ему бил челом многожды, и он не велел быти... И послал его убить князь великий. Пригнал гонец убить, а он преставился за день и лежит в гробу. И послали о нем государю».²

А.А.Зимин, оценивая приведенные известия, замечал: «Обстоятельства последней ссылки Адашева неясны. Курбский пишет, что царь его “повелел отсюда свести в Дерпт, и держан бысть под стражею”. По словам автора Пискаревского Летописца, царь “его послал на службу в Юрьев Ливонский, а велел ему быти в нарядчиках. И князь Дмитрей ему быти в нарядчиках не велел, и он ему бил челом многожды, и он не велел быти”». ³ Историк, похоже, усматривал в Истории о великом князе московском и Пискаревском летописце источники, освещающие последнюю ссылку Алексея Адашева разноречиво и несогласованно, тогда как они, на наш взгляд, не противоречат друг другу, а скорее, дополняют друг друга. Из них явствует, что перевод А.Ф.Адашева из Феллина в Юрьев означал окончательное падение временщика, хотя внешне могло показаться, что он еще остается при деле. Ведь царь велел Адашеву быть в Юрьеве «нарядчиком», т.е. командиром крепостной артиллерии.⁴ И это было в порядке вещей. Известно, например, по летописи, что в один из моментов Ливонской войны «нарядчиком» выступал брат Алексея Адашева Даниил Адашев: «А у наряду околничей и воевода Данило Федорович Адашев да Дмитрей Пушкин да с ними дети боярские многие и головы стрелецкие».⁵ Назначался на ту же должность и Г.Нагой:

¹ Библиотека литературы Древней Руси. Т. 11. XVI век. С. 400.

² ПСРЛ. Т. 34. М., 1978. С. 181.

³ Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного... С. 475 (прим. 7).

⁴ Р.Г.Скрынников почему-то испытывает затруднение в истолковании термина «нарядчик» («нарядчик» в транскрипции автора): «Что именно должен был “нарядить” окольничий, неясно» (Скрынников Р.Г. Иван Грозный. М., 2002. С. 110). Другой исследователь, Б.Н.Флоря, вопреки сообщению Пискаревского летописца, утверждает, будто царь велел быть Адашеву в Юрьеве, «не давая ему никакой должности. В “Пискаревском летописце, неизвестный составитель которого написал в начале XVII века рассказы старших современников о времени правления Ивана IV, сохранились припоминания, что Алексей Федорович “бил челом многожды” наместнику Юрьева князю Дмитрию Ивановичу Хилкову, чтобы тот дал ему какую-нибудь должность, но тот “не велел быти”, очевидно, потому, что не имел на этот счет никакого приказа от царя. Во всем этом, как представляется, явно проявилось желание царя отстранить своего бывшего ближайшего друга и советника от всякого участия в государственной деятельности» (Флоря Б.Н. Иван Грозный. С. 136). Известия Пискаревского летописца Б.Н.Флоря, как видим, переиначил.

⁵ ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 327.

«А у наряду Григорий Нагой».¹ Так что назначение Адашева в Юрьев на роль «нарядчика» вряд ли могло вызвать у Алексея особые опасения. Правда, это назначение сравнительно даже с его положением воеводы Феллина, не говоря уже о предшествовавших постах, являлось существенным понижением по служебной лестнице. Трагический поворот в собственной судьбе Адашев в полной мере осознал, вероятно, по прибытии в Юрьев в распоряжение воеводы князя Д.И.Хилкова, который обошелся с недавним своим начальником самовластно, запретив ему быть «нарядчиком». Как понимать поведение Хилкова? Так ли, что тот нарушил повеление государя? По-видимому, нет. И вот, надо думать, почему.

На наш взгляд, Грозный о посылке Адашева в Юрьев «нарядчиком» распорядился устно: он *велел*, а не *указал* быть ему при «наряде». О том, что слово *велел* в рассказе Пискаревского летописца употребляется в смысле устного распоряжения, говорит текст, относящийся к Хилкову, который Алексею «быти в нарядчиках не велел, и он бил ему челом многожды, и он не велел быти». Едва ли воевода оформлял свой запрет письменно. И здесь Хилков, конечно, следовал примеру царя. Но, если бы существовал письменный указ Ивана Грозного о назначении Алексея Адашева «нарядчиком» в Юрьев, воевода вряд ли посмел нарушить его. Не исключено также и то, что Иван, передав через гонца устный приказ Адашеву, одновременно через другого посланца инструктировал Дмитрия Хилкова, как обращаться с Адашевым. Грозный играл с Адашевым как кошка с мышью. Подобные игры были в духе его артистической натуры. О негласной инструкции царя Ивана воеводе Хилкову свидетельствует, по нашему мнению, арест Адашева, о котором сообщает Курбский, и реальность которого признают современные исследователи.² Жизнь свою Алексей Адашев закончил в тюрьме.

Причина его смерти остается до сих пор не выясненной, и исследователи высказывают по этому поводу разные версии. Например, А.А.Зимин говорит о том, что Адашев умер «неожиданной смертью» от непонятого «огненного недуга».³ С.Г.Шмидт, не касаясь подробностей кончины Адашева, пишет: «В 1560 г. был заключен под стражу в Юрьеве (Тарту), где и умер».⁴ Столь же немногословен А.Г.Кузьмин: «В 1560 г. умерла Анастасия. В том же году умер в Юрьеве и Адашев».⁵ Согласно Р.Г. Скрынникову, «Адашев не выдержал свалившихся на его голову бед и “в огненный недуг впал”. Он умер от нервной горячки».⁶ По догадке В.Б.Кобрин, Адашев умер накануне ареста, должно быть оттого, что «сердце не выдержало тяжелых переживаний, связанных с падением Избранной рады».⁷

Сразу после смерти Адашева возникли слухи, что он сам покончил с собой, приняв яд. По-видимому, проявления «огненного недуга» походили на

¹ Там же. С. 323.

² См., напр.: Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 137.

³ Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного... С. 476.

⁴ Советская историческая энциклопедия. Т. 1. М., 1961. Стб. 202.

⁵ Кузьмин А.Г. Адашев и Сильвестр. С. 145.

⁶ Скрынников Р.Г. Иван Грозный. М., 2002. С. 112.

⁷ Кобрин В.Б. Иван Грозный. С. 54.

отравление. Однако князь Курбский отрицал самоубийство Адашева, называя эти слухи клеветническими.¹ Поступить иначе Курбский не мог. В противном случае Адашев предстал бы как великий грешник, совершивший богопротивное дело – самоубийство. К тому же это самоубийство легко истолковывалось людьми того времени как признание самоубийцей своей виновности. Курбский, изображавший Адашева человеком, который «ангелом подобен»,² ни под каким видом не мог принять версию о его самоубийстве. Но это не значит, что данная версия должна быть отброшена как несостоятельная. Нам она кажется вполне допустимой. По всему вероятно, Алексей Адашев совершил самоубийство после собора 1560 года, признавшего его виновным в смерти царицы Анастасии.³ Воображение внушало ему, что теперь от жизни ждать нечего, кроме страшных мучений. И он решился на крайнюю меру. Нельзя, конечно, исключать и того, что князь Хилков или его люди заставили Адашева принять яд, выполняя приказ Грозного. Если это так, то царь «отмеривал мерой», какую «мерили» его противники, пытавшиеся отравить государя. И в этом отношении смерть Алексея Адашева предвосхищает смерть Владимира Старицкого.

И последнее замечание относительно судьбы Алексея Адашева. Возникает вопрос, почему Иван Грозный не захотел доставить Адашева для разбирательства в Москву. Думается, потому, что, во-первых, он не сомневался в его виновности и, во вторых, в столице у Адашева было еще немало сторонников, по терминологии царя Ивана, «единомысленников», которые могли вступить за опального. Это показали ближайшие события после падения Адашева. Но, прежде чем говорить об этом, предельно кратко об уходе Сильвестра с политической сцены.

Грозные тучи, нависшие над Алексеем Адашевым, убедили Сильвестра в безвыходности собственного положения. Он счел за благо ретироваться и просил царя Ивана отпустить его на покой в монастырь. У исследователей нет твердой уверенности, в каком монастыре оказался Сильвестр. Одни из них называют местом его пребывания Кирилло-Белозерский монастырь,⁴ другие – Соловецкий,⁵ третьи говорят, что Сильвестра постригли в монахи и «отправили сначала в Кирилло-Белозерский, а потом еще дальше – в Соловецкий монастырь»,⁶ наконец, четвертые колеблются, упоминая в данной связи то Соловецкий, то Кириллов монастырь.⁷ Для нас неважно, в каком

¹ Библиотека литературы Древней Руси. Т. 11. XVI век. С. 400.

² Там же. С. 316.

³ См.: *Скрынников Р.Г.* Иван Грозный. М., 1975. С. 69.

⁴ *Кузьмин А.Г.* Адашев и Сильвестр. С. 145; *Филошкин А.И.* История одной мистификации... С. 325; *Флоря Б.Н.* Иван Грозный. С. 135.

⁵ *Зимин А.А.* Реформы Ивана Грозного... С. 476.

⁶ *Кобрин В.Б.* Иван Грозный. С. 53–54.

⁷ Примером здесь может служить Р.Г.Скрынников. В книге «Начало опричнины» он писал: «Сознавая безвыходность положения, Сильвестр объявил царю о том, что намерен уйти на покой в монастырь. Иван не стал удерживать своего старого наставника и отпустил его “благодаря” на Белоозеро в Кириллов монастырь» (*Скрынников Р.Г.* Начало опричнины. С. 138). Немного позднее автор рисует не-

монастыре поселился Сильвестр. Более существенно то, что Грозный, положив опалу на Адашева и Сильвестра, обошелся с ними сравнительно милостиво. Напомним, как Иван сам говорил об этом: «Сыскав измены собаки Алексея Адашева со всеми его советники, милостивно ему свой гнев учинили; смертные казни не положили, но по розным местом розослали. Попу же Сильвестру, видевше своих советников ни во что же бывше, и сего ради своею волею отоиде, нам же его благословне отпустившим, не яко устыдившеся, но яко не хотевшу ми судитися здесь, но в будущем веце, пред агньцем божиим, еже он повсегда служа и презрев лукавым своим обычаем, злая сотвори ми; но в будущем веце хошу суд приятии, елико от него пострадах душевные и телесне... И того ради убо попу Селивестру ничего зла не сотворих». ¹ Царь не тронул и Анфима – сына Сильвестра: «Того ради и чаду его сотворих и по се время во благоденстве пребывати; точию убо лица нашего не зря». ² Государь пощадил Сильвестра даже после того, как собор признал его вместе с Адашевым виновным в смерти царицы Анастасии. Преставился Сильвестр, по предположению исследователей, где-то около 1570 года. ³

Как видим, Иван IV, проявляя «милость к падшим», еще не убедился в необходимости «Кроновых жертв». Примечательно, что царь мирно обошелся с «единомысленниками» и «советниками» Адашева и Сильвестра, приведя их к новой присяге на верность престолу, но, увы, напрасно: «Исперва же убо казнию конечною ни единому коснухомся; всем же убо, иже к ним (Адашеву и Сильвестру. – *И.Ф.*) не приставше, повелехом от них отлучитися, и к ним не приставати, и сию убо заповедь положивше и крестным целованием утвердихом». Однако, продолжает Иван, «наша заповедь ни во что же бысть и крестное целование приступивше, не токмо отсташа от тех изменников, но и болми начаша им помогати и всячески промышляти, дабы их на первый чин возвратити и на нас лютейшее составляти умышление...». ⁴ Измены, следовательно, не прекратились и после падения Сильвестра и Адашева. Можно сказать больше: они, судя по всему, даже умножились. Для этого были свои причины. Главная из них состояла в том, что «опала на Адашева и Сильвестра означала крушение всей Избранной рады, в которой они были ключевыми фигурами». ⁵ Это крушение затрагивало «интересы влиятельных поли-

сколько иную картину: «Созванный в Москве собор осудил их (Сильвестра и Адашева. – *И.Ф.*) как “ведомых” злодеев. Сильвестра перевели в Соловки на вечное поселение» (*Скрынников Р.Г. Иван Грозный. М., 1975. С. 69*). Недавно Р.Г.Скрынников вернулся «на прежнее»: «Сильвестр, оставшийся в Москве после отъезда Адашева в Ливонию, предпринимал отчаянные попытки предотвратить его отставку. Но успеха не добился. Иван не стал удерживать своего старого наставника и, благословив, отпустил в Кириллов монастырь». – *Скрынников Р.Г. Иван Грозный. М., 2002. С. 110*.

¹ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 33, 81.

² Там же.

³ См.: *Зимин А.А.* 1) *И.С.Пересветов и его современники...* С. 49–50; 2) *Реформы Ивана Грозного...* С. 476; *Филюшкин А.И.* *История одной мистификации.* С. 325.

⁴ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 33, 82.

⁵ *Скрынников Р.Г. Царство террора.* С. 136.

тических сил»,¹ прежде всего тех, что стремились переделать самодержавство Ивана IV в ограниченную монархию наподобие королевской власти в Польско-Литовском государстве. Именно Избранная Рада, возглавляемая Сильвестром и Адашевым, пыталась «утвердить в Русском государстве систему ограниченной монархии, где царь “почтен” лишь “председанием”, обладает лишь номинальной властью, в то время как власть реальная находится в руках его советников».² С падением Избранной Рады рушились и планы переустройства Русского государства на западный манер. Становилось ясно, что парламентаризм в России Ивана Грозного не пройдет.³ Но оставшиеся при власти члены упраздненной Избранной Рады, а также их сторонники не расставались с надеждой изменить политическую систему на Руси в соответствии с западными образцами. Скомпрометированные участием в политике Избранной Рады, враждебной русскому самодержавию, лишенные опоры в Избранной Раде, ликвидированной Грозным, они вынуждены были перейти от легальной борьбы к борьбе нелегальной, воплотившейся в разного рода изменах.

* * *

Эти измены нередко принимали форму побегов от царя в Литву, к польскому королю Сигизмунду II Августу. То были отнюдь не безобидные «перелеты», как может показаться с первого взгляда. В бегство обычно пускались те, кто обладал ценной информацией о Руси, часто информацией секретной. Ценой измены престолу и выдачи государственных секретов беглецы покупали благорасположение к себе короля и безбедную жизнь в Польско-Литовском государстве.

Сохранилась крестоцеловальная Запись князя Василия Михайловича Глинского, родича государя по материнской линии, составленная в связи с чрезвычайным обстоятельством, произошедшим с ним. О том, что этот случай имел место, удостоверяет начальный текст Записи: «Се яз князь Василей Михайлович Глинский, что есми перед своим Государем перед Царем и Великим князем Иваном Васильевичем всеа Руси проступил, и яз за свою вину бил челом Государю своему Царю и Великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси, отцем его, господином своим, Макарием Митрополитом всеа Руси и его детми, своими господами...».⁴ Глинский не уточняет своей вины перед Иваном. «В чем состоял проступок Глинского, — говорит А.А.Зимин, — сказать трудно. Возможно, князь Василий, как и многие в придворной среде, выражал недовольство браком царя с “бусурманкой”», т.е. с Марией

¹ Там же.

² Альшиц Д.Н. Начало самодержавия в России... С. 99.

³ Не случайно Д.Н.Альшиц одному из параграфов своей книги о начале самодержавия в России дал характерное название: «Парламентаризму — нет». — Там же. С. 93–101.

⁴ СГГид. Ч. I, № 172. С. 470.

Темрюковной.¹ Но из содержания Записи, толкующей в первую очередь о недопустимости отъезда князя в Литву,² с полной очевидностью, как нам представляется, следует, что провинность его связана с неудавшейся попыткой бегства за рубеж или, во всяком случае, с замыслом этого бегства. Польский король, тамошние князья и паны часто провоцировали такого рода побег, посылая к потенциальным беглецам через лазутчиков³ соблазнительные грамоты и речи.⁴ Они замыслили лихо и на русского государя, засылая к нам исполнителей лихих дел – «лиходеев», по терминологии крестоцеловальной грамоты. Это следует из таких ее слов: «А к лиходеем ми Государя своего Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Руси в здешней земле, и в иных землях (выделено нами. – И.Ф.) ни в которых никак не приставати никакими делы, никоторую хитростию. А хто мне ухнет говорить какие речи на Государя моего лихо Царя и Великого князя Ивана Васильевича всеа Руси, и о его Царице и Великой Княгине Марье, и о Государя моего детех и о их землях, Русин, или Литвин, или Лях, ино иной хто ни буди: и мне ко Государю своего лиходеем не приставати никакими делы, никоторую хитростью...».⁵ Следовательно, измена таких людей, как В.М.Глинский, таила опасность не только Русскому государству, но также лично Ивану Грозному и всей его семье. И все же царь, идя навстречу просьбе митрополита Макария и Освященного собора, простил князя и «вину ему отдал».⁶ Это прощение приобретает особую значимость, если учесть, что В.М.Глинский приходился родным племянником боярину Д.И.Немому, являвшемуся сторонником князей Старицких,⁷ доставивших царю Ивану массу неприятностей. По весьма вероятному предположению Р.Г.Скрынникова, «Глинский через свою родню боярина князя Немого не раз “износил” Старицким царскую думу».⁸ И все же царь не держал зла на Глинского. Напротив, он «возводит его в бояре (в конце 1561 – начале 1562)... Осенью 1562 г. князя Василия Михайловича мы встречаем третьим в “навысшей раде” (ближней думе), после И.Д.Бельского и И.Ф.Мстиславского, и вторым (после Бельского) в комиссии бояр, ведших переговоры с литовским посольством».⁹

Аналогичный происшествию с В.М.Глинским случай был у князя И.Д.Бельского, тоже царского родственника, но дальнего. В отличие от Глинского, «Бельский был не заподозрен, а уличен в измене и намерениях бежать в Литву».¹⁰ Согласно летописи, в январе 1562 года «царь и великий князь

¹ Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. С. 90.

² СГГид. Ч. I, № 172. С. 471.

³ См.: Скрынников Р.Г. Начало опричнины. С. 162.

⁴ СГГид. Ч. I, № 172. С. 471.

⁵ Там же. С. 472.

⁶ Там же. С. 471.

⁷ См.: Скрынников Р.Г. Начало опричнины. С. 162 (прим. 4).

⁸ Там же. С. 162.

⁹ Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. С. 90.

¹⁰ Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. С. 124. См. также: Скрынников Р.Г. Начало опричнины. С. 163.

положил опалу свою на боярина на князя Ивана Дмитриевича Бельского за его измену, что преступил крестное целование и клятвенную грамоту, а царю и великому князю изменил, хотел бежати в Литву и опасную грамоту у короля взял; а с князем Иваном хотели бежать дети боярские царя и великого князя Богдан Посников сын Губин, Иван Яковлев сын Измайлов да голова стрелецкий Митка Елсуфьев: тот ему дорогу на Белую выписывал. И царь и великий князь князя Ивана посадил за сторожи на Угрешском дворе, а животы его велел запечатати, а з двора возити их не велел; а Митке Елсуфьеву велел вырезать язык за то, что князя Ивана подговаривал в Литву бежати он; а Ивана Михайлова и Богдана Посникова велел казнити торговою казнью, бити кнутъем по торгу, и сослал их с Москвы на заточение в Галичь».¹

Помимо летописи, сведения об «измене» князя Ивана Бельского сохранились в крестоцеловальной Записи, составленной в апреле 1562 года с учетом материалов его допроса, на котором он повинился, признав, что изменил царю Ивану: «Преступил есми крестное целованье и свое обещанье, по которой есми грамоте положил на себя клятву и неблагословение, и, забыв жалованье Государя своего, Государю есми своему Царю и Великому Князю Ивану изменил, з Жигимонтом Августом Королем есми ссылался, и грамоту есми от него себе опасную взял, что мне к нему ехати, и хотел есми бежати от государя своего Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Руси к Жигимонту Королю...».² Бельский присягнул на том, что «к Жигимонту Августу Королю Польскому и Великому Князю Литовскому, или иной хто Государь будет на Литовской земле, и мне к ним не отъехати; также ми и к иным Государем ни х кому не отъехати и до своего живота... А которые дети Государя моего на уделех, и мне к ним не отъехатиж; также ми и к удельным князем ни х кому не отъехати, и не приставати ми к удельным князем ни в какове деле некоторую хитростию; и с ними ми не думати ни о чем, и с их бояры и со всеми их людьми не дружитесь, и не ссылатися с ними ни о каком деле».³ В поручной грамоте бояр, поручившихся за князя Бельского, среди возможных мест, куда он мог бежать, называется еще и Крым: «Ему [Бельскому] за нашу порукою от Государя нашего Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Руси, и от его детей от Царевича Ивана да от Царевича Федора не отъехать в Литву, ни в Крым, ни в иные некоторые государства ни в уделы».⁴ Поручная запись «по тех бояр, кои поручились по Князе Иване Дмитриевиче Бельском», содержит тот же перечень мест княжеского отъезда.⁵ Вряд ли приходится сомневаться в том, что иноземные правители, принимавшие беглецов, были настроены враждебно по отношению к русскому царю.

Довольно симптоматичны с точки зрения политической ситуации в Русском государстве начала 60-х годов XVI века другие клятвенные обязатель-

¹ ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 339–340.

² СГГД. Ч. I, № 177. С. 484–485.

³ Там же. С. 485.

⁴ Там же. С. 476.

⁵ Там же. С. 479.

ства И.Д.Бельского и, в частности, следующее: «а к лиходеем ми Государя своего Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русии никак не приставати никакими делы, никоторую хитростию. А хто ни буди учнет мне говорити какие речи на Государское лихо Царя и Великого Князя Иванова, и его Царицы и Великие Княгини, и их детей, и о их землях: и мне к Государскому лиходею не приставати ни какими делы, никоторую хитростью; а которые речи учнет мне говорити, и мне речи их сказати своему Государю Царю и Великому князю Ивану Васильевичу всеа Русии, и его детям в правду, безо всякие хитрости. Или где которого лиходея Государя своего Царя и Великого Князя Иванова изведаю, или услышу думаючи на Государя своего лихо, или от кого ни буди что изведаю или услышу о Государя своего Царя и Великого Князя Иванова, и о его Царице и Великой Княгине, и о их детях и о их землях о добре или о лихе: и мне то сказати Государю своему Царю и Великому Князю Ивану Васильевичу всеа Русии, и его детям в правду безо всякие хитрости, по сей укрепленной грамоте».¹

Существенный интерес представляет обязательство Бельского, в соответствии с которым он клятвенно обещает: «Иноземцев мне никаких к себе не приемати, и с ними не говорити ни о каком деле, ни приказывати ми к ним ни с кем никакова слова. А хто мне иноземцы учнут говорити, или ко мне что прикажут с каким человеком ни буди: и мне те их речи все сказати Государю своему безо всякие хитрости, а не угаити мне у Государя никакова слова никакою хитростью, по сему крестному целованью».² Это обязательство, сходное с тем, которое давал князь В.М. Глинский, свидетельствует об актуальности вопроса, связанного с политическими происками иностранцев, приезжающих со «спецзаданиями» в Россию.

Какие наблюдения и выводы можно вывести из летописи и крестоцеловальной грамоты, где заключены известия об «измене» князя Дмитрия Ивановича Бельского, о попытке его бегства за рубеж к польскому королю и великому князю литовскому Сигизмунду II Августу? Первое, о чем надлежит сказать, заключается в том, что за годы правления Избранной Рады измена русскому самодержцу и, следовательно, самодержавному государству пустила длинные корни, пронизавшие всю толщу господствующего класса от княжеско-боярской знати до низших слоев служилого люда.³ Недаром к измене князя Бельского пристали дети боярские Б.Ф.Губин-Маклаков (Богдан Посников), И.Я.Измайлов (Иван Яковлев), а с ними стрелецкий голова Н.В.Елсуфьев (Митька Елсуфьев),⁴ причем то были дети боярские царя и великого князя Ивана, а что касается Елсуфьева, то еще пуще, поскольку перед нами не рядовой служилый человек, а один из начальников трехтысячного корпуса стрельцов – личной охраны царя,⁵ дислоцированной в «Во-

¹ Там же. С. 485–486.

² Там же. С. 486.

³ В данном случае речь, разумеется, идет не обо всем господствующем классе в целом, а об отдельных его представителях.

⁴ *Скрынников Р.Г.* Царство террора. С. 149.

⁵ *Альшиц Д.Н.* Начальный этап истории самодержавия // Вопросы истории. 1985, № 9. С. 52.

робьевской слободе». ¹ Этот Елсуфьев, имевший поместье в Белой, расположенной поблизости от литовского рубежа, ² не только подговаривал Бельского бежать в Литву, но и составил для него, как свидетельствует летопись, подорожную роспись до границы, проявив тем самым деятельное участие в подготовке побега. Показательна причастность к измене князя Бельского и Б.Ф.Губина-Маклакова, отец которого Постник Федор Губин-Маклаков во время правления Алексея Адашева служил в Посольском приказе, принадлежал к числу самых влиятельных приказных дельцов ³ и, по-видимому, был связан с вождями Избранной Рады. Вот почему участие его сына в измене Бельского приобретало для государя особый смысл. «В глазах царя, – справедливо замечает Р.Г.Скрынников, – заговор Бельского, вероятно, был связан с семенами “измены”, посеянными Избранной Радой». ⁴ Следует только добавить, что так оно и было в действительности.

Если изменники находились в близком служилом кругу Ивана Грозного, то можно представить, сколько их было среди детей боярских, служивших княжеско-боярской знати и прочно связанных с ней. А это означает, что угроза русскому «самодержавству» исходила не только от боярства, но и от определенной части дворянства. Вспомним хотя бы детей боярских старицкого князя Владимира, приготавливавшихся в 1553 году к захвату власти в пользу своего сюзерена, что, несомненно, привело бы к уничтожению московского «самодержавства». Вспомним также сына боярского Матвея Башкина и группировавшихся вокруг него детей боярских, которые уже вследствие приверженности еретическим воззрениям являлись противниками теократического самодержавия, выпестованного православным учением о высшей земной власти. Вспомним еще и о том, что «первые опалы царя Ивана поразили главным образом рядовых дворян, и в особенности родственников и “согласников” павших вельмож...». ⁵ Поэтому принятая в советской историографии мысль о том, будто дворянство, в отличие от боярства, являлось главной опорой самодержавия, ⁶ нуждается, по крайней мере, в оговорках.

Иван IV жил в постоянной тревоге за безопасность собственную и своей семьи. Отсюда, надо полагать, требование к И.Д.Бельскому сторониться «лиходеев», замышляющих зло в отношении царя и его домашних, а также извещать государя о подобных «лиходеях». Это требование согласуется со словами Грозного о том, что после падения Сильвестра и Адашева их сторонники начали «на нас лютейшее составлять умышление», ⁷ т.е. искать случая, чтобы совершить цареубийство и произвести замену на троне.

¹ Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного... С. 346.

² Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 149.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. С. 112.

⁶ См., напр.: Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV – начало XVII в. С. 291; Альшиц Д.Н. Начальный этап истории самодержавия. С. 54.

⁷ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 33, 82.

Эти помыслы соответствовали интересам удельного княжья, в первую очередь интересам старицкого князя Владимира Андреевича. Поэтому Запись требует от князя Бельского не отъезжать и не «приставать» к удельным князьям, ни в каком деле и думе с ними не быть, с их людьми и боярами не дружить и «не ссылатися с ними ни о каком деле». По Р.Г.Скрынникову, данный «запрет имел в виду удельных князей Старицких, Воротынских, Вишневецких и т.д.».¹ Возможно, это так. Но главная опасность все-таки исходила от Владимира Старицкого и его матери княгини Ефросиньи. Поэтому, несмотря на широкую формулировку этого запрета, включающую всех удельных князей (даже не существующих, но могущих появиться в будущем), он прежде всего подразумевал, на наш взгляд, старицких князей. Вскоре жизнь снова подтвердила названную опасность.

Непосредственно царю Ивану грозили не только враги внутренние, но и внешние. Здесь весьма характерен запрет, налагающий на князя И.Д.Бельского обязанность никаких иноземцев у себя не принимать, никакие дела с ними не обсуждать, ничего им не «приказывать» и «приказов» их не слушать, а обо всех их речах докладывать государю «безо всякие хитрости». Последнее обстоятельство указывает на государственную важность вопросов, поднимаемых иноземными вояжерами. Значит, иностранцы, приезжающие в Россию, вмешивались во внутреннюю жизнь Русского государства, действуя через влиятельных в Москве людей в интересах правительств своих стран. Деятели типа князя Бельского, сотрудничающие с враждебными Руси иностранцами, являют собой яркий пример изменников и предателей. И таких тогда было немало. Недаром в польском сейме существовало преувеличенное, но не беспочвенное мнение о том, что при одном появлении королевского войска на территории Русского государства «много бояр московских, много благородных воевод, притесненных тиранством этого изверга (Ивана Грозного. – *И.Ф.*), добровольно будут приставать к его королевской милости и переходить в его подданство со всеми своими владениями».

Р.Г.Скрынников, характеризуя случай с И.Д.Бельским, говорит: «На допросе Бельский во всем повинился и признал, что изменил государю <...>. Несмотря на признание, следствие по делу Бельского вскоре зашло в тупик. Слишком много высокопоставленных лиц оказалось замешанным в заговоре. Среди подозреваемых оказался Вишневецкий. Причастность этого авантюриста к заговору не вызывает сомнения. Бельский получил тайные грамоты из Литвы к январю 1562 г. Обмен письмами с королем должен был отнять не менее одного-двух месяцев. Следовательно, тайные переговоры начались не позднее ноября-декабря 1561 г. Но именно в это время в Москву приехал Вишневецкий, уже имевший охранные от короля грамоты. Нити измены тянулись в Белевское удельное княжество и, возможно, в другие, более крупные уделы. В такой ситуации правительство сочло благоразумным вовсе прекратить расследование».²

¹ Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 150.

² Там же. С. 149.

С князем Бельским Иван Грозный поступил милостиво, тем более что Освященный собор во главе с митрополитом Макарием ходатайствовал за него. За Бельского поручились влиятельные члены Боярской Думы и «более сотни княжат, дворян и приказных».¹ Это солидарное поручительство выдается в некоторой мере умонастроения поручителей, причем отнюдь не лучшего свойства. Однако ради прощения и челобитья отцов церкви государь простил Ивана Бельского.² После освобождения князь «вернулся к исполнению функций официального руководителя Боярской Думы, хотя доверие Ивана он надолго потерял».³ По-другому он обошелся со своими детьми боярскими, вина которых усугублялась тем, что они были царскими служилыми людьми. Стрелецкому голове Елсуфьеву царь «велел вырезати язык» за то, что подговаривал Бельского бежать в Литву. Остальных было приказано подвергнуть торговой казни и отправить в заточение в Галич. Важно отметить, что ни один из изменников не был казнен смертной казнью. Тут опять-таки проявился нрав Ивана IV, отнюдь не кровожадный, как об этом принято думать. На первых порах Грозный не хотел прибегать к репрессиям.⁴ Однако класть голову в песок и не замечать «изменных дел» своих недругов царь уже не мог, так как слишком опасными и рискованными для Русского Православного Царства они становились.

В конце июля 1562 года царь Иван, будучи в Можайске, узнал об измене князя Д.И.Вишневецкого. Летописец сообщает: «Приехали ко царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси в Можаяск с Поля з Днепра Черкасские казаки Михалко Кирилов да Ромашко Ворыпаев и сказали, что князь Дмитрий Вишневецкой государю царю и великому князю изменил, отъехал с Поля з Днепра в Литву к Полскому королю со всеми своими людьми, которые с ними были в Поле; а людей его было триста человек». Вишневецкий взял также с собой в Литву «казацкого Московского атамана Водопьяна с его прибором, с полскими (службу несущими в Поле. — *И. Ф.*) казаки, а казаков с ним было с полтора человека». Часть казаков перебежчик пытался увести к польскому королю принудительно, но не сумел: «А которые Черкасские Каневские атаманы служат царю и великому князю полскую службу, а живут на Москве, а были на Поле со князем Дмитрием же Вишневецким, Сава Балыкчей Черников, Михалко Алексиев, Федка Ялец, Ивашко Пирог Подолянин, Ивашко Бровко, Федийко Яковлев, а с ними Черкасских казаков четьреста человек, — и князь Дмитрий имал их в Литву к королю Полскому с собою силно, и они со князем Дмитрием в Литву не поехали и королю служити не похотели и приехали ко царю и великому князю со своими приборами, со всеми Черкасскими казаки, на Москву служити государю царю и великому князю всеа Руси».⁵ Князь Д.И.Вишневецкий, как видим, привел к Сигизмунду Молодому пятьсот пятьдесят воинов, т.е. за малым вычетом целый

¹ Там же.

² См.: СГГид. Ч. I, № 177. С. 484–485.

³ Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 167 (прим. 56).

⁴ Там же. С. 150.

⁵ ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 343.

полк. Это – существенное воинское прибавление к королевскому войску. Мало того, он оголил важный участок русской обороны на юге. Однако была еще одна очень важная (быть может, самая главная) услуга, оказанная Вишневецким польскому королю. Оправдываясь перед «Жигомонтом» за свой прежний отъезд к русскому царю на Русь, он писал польскому властителю, что хотел «годне» ему служить, «справы того неприятеля (Ивана IV. – И. Ф.) выведавши».¹ Вероятно, с этими «справами» (московскими государственными секретами) Вишневецкий и ехал в Литву. Комментарии здесь, как говорится, излишни.

Новая царская опала обрушилась на князей Воротынских. В сентябре того же года «царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси положил свою опалу на князя Михаила да князя Олександра на Воротынских за их изменные дела, и вотчину их Новосиль и Одоев и Перемышль и в Воротынску их доли велел взяти на себя, и повеле князя Михаила посадити в тюрьму со княгинею на Белеозере, а князя Александра и со княгинею велел посадити в тыне в Галиче за сторожи».² Важный штрих, дополняющий картину, содержится в описи царского архива, в котором, как явствует из нее, находился «сыскной список и расспросные речи боярина князя Михаила Ивановича Воротынского людей 71-го году».³ Дознание показало, что Михаил Воротынский «пытался околдовать (“счаровать”) царя и добывал на него “баб шепчущих”».⁴ Тогда это было равносильно покушению на жизнь государя, бывшему по тем временам наиболее тяжким преступлением. Если сюда добавить подозрение Грозного (по всей видимости, обоснованное) о приготовлении Воротынских к отъезду в Литву,⁵ то станет ясно, что Иван Грозный не без основания опалился на них.⁶ Тем удивительнее обращение царя с М.И. Воротынским. В тюрьму «опальному боярину было разрешено взять с собой 12 слуг и 12 черных мужиков и “женок”. На содержание семьи опального князя отпускалось ежегодно около 100 рублей. В июне 1563 г. опальному были присланы из Москвы шубы, кафтаны, посуда и т.д. Только в счет за 1564 г. Воротынский получил в следующем году “жалованье” три ведра рейнского вина, 200 лимонов, несколько пудов ягод (изюма), а также 30 аршин бурской тафты, 15 аршин венецианской на платье княгине и т.д.».⁷ Одним словом, не тюрьма, а курорт какой-то. Однако наши историки продолжают уныло твер-

¹ Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. Т. II. СПб., 1865. С. 155.

² ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 344.

³ Описи царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 г. М., 1960. С. 50. По свидетельству другого источника, по материалам сыска «измены» Воротынских было составлено «сыскное дело», к сожалению не сохранившееся: «Столп, дело сыскное про князя Михаила да про князя Олександра Воротынских, которова году, того не написано, вверху нет, весь росклеился». – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950. С. 480.

⁴ Скрынников Р.Г. Иван Грозный. М., 1975. С. 77.

⁵ См.: Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 151.

⁶ Ср.: Флоря Б.Н. Иван Грозный. С. 144.

⁷ Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 151.

дить о зломном, жестоком и злопамятном нраве царя Ивана IV. Но справедливо ли?

А.А.Зимин, а вслед за ним и Р.Г.Скрынников, как бы смягчая действительную вину Воротынских, замечают, что на князя А.И.Воротынского царь со времени свадьбы своей с Марией Темрюковной «косо смотрел» и даже «на него гнев великой держал».¹ «Причиной раздора, — полагает Р.Г.Скрынников, — был, вероятно, вопрос о выморочной трети Новосильско-Одоевского удельного княжества, перешедшего после смерти князя А.И.Воротынского (1553) в руки его вдовы княгини Марьи. Земельное уложение 1562 г. начисто лишило двух младших братьев Воротынских права на выморочный “жеребей”, включающий лучшие земли удела. Новый закон обсуждался в Боярской думе в январе 1562 г., и Воротынские, надо думать, выразили свое отношение к нему. Обсуждение затрагивало имущественные интересы, и бояре не выбирали выражений. Официальная версия сводилась к тому, что “князь Михайло государю погрубил“, что и явилось причиной опалы на Воротынских. Помимо того, власти подозревали, что Воротынские намерены идти по стопам Бельского и Вишневецкого и готовят почву для отъезда в Литву. Опасения подкреплялись тем, что Новосильско-Одоевское удельное княжение расположено было на самой литовской границе».² С нашей точки зрения, личные стычки царя Ивана с князьями Воротынскими нельзя считать основной причиной их опалы и ареста. Таковой были «изменные дела» удельных князей, включавшие, судя по всему, покушение на жизнь государя со стороны Михаила Воротынского, который посредством «чар» и «шепчущих баб» старался известить его. Перед нами еще одно свидетельство правдивости Ивана Грозного, говорившего в послании Курбскому о том, что после отставки Сильвестра и Адашева бояре не только не исправились, но стали «составляти» на самодержца «лютейшее умышление». Веским основанием для изоляции Воротынских послужило также подозрение насчет подготовки ими почвы для отъезда в Литву на службу к «Жигимонту». Здесь благодушие и выжидательность могли обернуться крупными потерями для Руси, и лучше было перестараться, нежели дать свершиться измене. Ведь владельцы князья уходили к новому сюзерену вместе с людьми, над которыми властвовали. В условиях Ливонской войны такого рода потери были для Русского государства совершенно нежелательны. Что касается неприятия удельными князьями, в частности Воротынскими, земельного уложения 1562 года, то за этим неприятием надо видеть отвержение самодержавия Ивана Грозного, распоряжающегося по собственному усмотрению и в интересах государства земельными владениями своих вассалов. Поэтому за официальным сообщением о том, что при обсуждении земельного уложения 1562 года «князь Михайло государю погрубил», скрывалось раздражение самодержавными приемами властвования царя Ивана. Воротынские боролись против русского «самодержавства». На фоне наших суждений странно звучат слова

¹ Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. С. 90; Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 150.

² Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 150–151.

С.Б.Веселовского, размышлявшего над причиной наказания Воротынских. «На этот раз, – говорит он, – дело шло не о побеге, и неизвестно, были ли Воротынские в чем-либо уличены. Летописец говорит коротко, что за “изменные дела” царь положил опалу на Воротынских...».¹ Летописец, на самом деле, говорит кратко. Но это не значит, что «дело шло не о побеге», что «неизвестно, были Воротынские в чем-либо уличены». Летописец недвусмысленно заявляет об их «изменных делах», оставляя нас, правда, догадываться относительно конкретного содержания этих дел. Но о самой измене удельных князей он заявляет ясно и прямо. Однако мы знаем, что измена князей в рассматриваемое время главным образом состояла в бегстве к иностранному правителю. Вот почему в поручной записи бояр «по князе Александре Ивановиче Воротынском» речь идет только о гарантиях поручителей относительно такого бегства и ни о чем другом: «Ему [А.И.Воротынскому] за нашею порукою от Государя нашего Царя Великого Князя Ивана Васильевича всеа Руси, и от его детей от Царевича Ивана, да от Царевича Федора, да от Царевича Василья не отъехати в Литву, ни в Крым, ни в иные ни в которые государства, ни в уделы».² Поручная за князя А.И.Воротынского была составлена по случаю прощения Иваном Грозным преступления удельного правителя. Царь простил, в конце концов, и Михаила Воротынского, который в специальной поручной (1566) признал, что «проступил» против государя, и тот своего «холопа пожаловал» и «вины ему отдал».³

29 октября 1562 года Иван положил опалу на близкого друга, соратника Сильвестра и Адашева боярина князя Д.И.Курлятева, бывшего в Избранной Раде ключевой фигурой, одним из «подлинных вершителей дел при Адашеве», по выражению Р.Г.Скрынникова.⁴ Для Грозного это было, безусловно,отягчающим вину опального боярина обстоятельством. «Царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси, – сообщает летописец, – положил свою опалу на князя Дмитрея Курлятева за его великие изменные дела; а велел его и сына его князя Ивана постричи в черныцы и отослати в Коневец в монастырь под начало; а княгиню княже Дмитриеву Курлятева и дву княжон велел постричи в Оболенску, а, постригши их, велел вести в Каргополе в Челмьской монастырь».⁵

По словам С.О.Шмидта, отдаленность от столицы Коневецкого Рождественского монастыря, расположенного на острове Коневец на Ладожском озере, «и соответственно известная независимость ссыльных и монастырских властей от правительства допускали возможность – реальную или кажущуюся царю – облегчения участи осужденных. Кроме того, местонахождение монастыря недалеко от западной границы государства могло вызвать опасения, что Курлятев снова предпримет попытку бегства...».⁶ Для подоб-

¹ Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. С. 113.

² СГГид. Ч. I, № 178. С. 487–488. Та же формула содержится в поручной записи за бояр, взявших на поруки А.И.Воротынского. – Там же, № 179. С. 490.

³ Там же, № 189. С. 534.

⁴ Скрынников Р.Г. Иван Грозный. М., 2002. С. 123.

⁵ ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 344.

⁶ Шмидт С.О. Российское государство в середине XVI столетия. Царский архив и лицевые летописи времени Ивана Грозного. М., 1984. С. 129–130.

ных опасений у царя Ивана были основания. Дело в том, что после суда над Сильвестром Д.И.Курлятева назначили воеводой в Смоленск. Оттуда вскоре Курлятев прислал в Москву грамоту, которая хранилась в государевом архиве в «коробочке 187» со следующей пометой: «Да тут же грамота князя Дмитриева Курлятева, что ее прислал государь, а писал князь Дмитрий, что поехал не тою дорогою; да и список воевод смоленских, в котором году, сколько с ними было людей».¹ Р.Г.Скрынников по этому поводу ставит ряд правомерных вопросов (он их называет «недоуменными») и дает на них, по нашему мнению, правильный ответ: «Зачем сосланному в Смоленск Курлятеву понадобилось оправдываться перед царем за то, что он поехал не тою дорогой? Куда мог захватить опальный боярин, если иметь в виду, что Смоленск стоит на самом литовском рубеже? Для какой цели царю нужны были сведения о воеводах, служивших в Смоленске до Курлятева, о численности их вооруженных свит и т.д.? Все эти вопросы получают объяснения в том случае, если предположить, что во время пребывания в Смоленске Курлятев предпринял попытку уйти за рубеж в Литву, но был задержан и оправдался тем, что заблудился. То обстоятельство, что он “заблудился” со своим двором и вооруженной свитой, вызвало особое подозрение у правительства и служило уликой против опального».² Следует поставить еще два вполне уместных в данном случае вопроса. Почему Курлятев был назначен в порубежный город, откуда легко было уйти в Литву? Как такое назначение могло состояться? По свидетельству Ивана Грозного, уже приводимому нами, «приятели» Адашева и Сильвестра после отставки этих «изменников» начали им всячески помогать и «промышляти, дабы их воротить на первый чин». Нет ничего невероятного в том, что друзья Сильвестра и Адашева, а значит и Курлятева, позаботились об опальном боярине и сумели добиться его посылки в Смоленск, чтобы облегчить ему бегство в Литву. И Курлятев попытался бежать, но был задержан. Данное предположение приобретает еще большую убедительность при сопоставлении с другим событием, связанным с Дмитрием Курлятевым. Известно, что постриженного в монахи Курлятева отправили в Коневецкий монастырь, расположенный, как отметил С.О.Шмидт, неподалеку от западной границы России.³ Оттуда хотя сложнее и труднее, чем из Смоленска, но все-таки можно было бежать за рубеж. Облегчало побег и то обстоятельство, что Курлятев, несмотря на пребывание в Коневецком монастыре «под началом», находился там в качестве чернеца, а не узника. Возможно, московские друзья Курлятева помогали ему и здесь. Царь, по-видимому, понял это и распорядился перевести «изменника» в другой монастырь.

В описи посольского Приказа 1626 года читаем: «Столпик, а в нем государева (Ивана IV. – *И.Ф.*) грамота из Троицы из Сергиева монастыря к Москве, к дияку к Ондрею Васильеву, да другая ко князю Дмитрею Хворостини-

¹ Описи царского архива и архива Посольского приказа 1614 г. С. 36.

² Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 152.

³ А.А.Зимин на основании одной записи из царского архива полагает, что то был Каргопольский монастырь. – Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. С. 99.

ну да к дияку к Ивану Дубенскому, писана о князе Дмитрее Курлятеве, как велено ево вести в монастырь к Спасу на Волок...».¹ Надо полагать, то был Иосифо-Волоколамский монастырь, хотя абсолютной уверенности тут у исследователей нет.² Но если это так, то перед нами знаковое событие. По замечанию Р.Г.Скрынникова, «именно этот монастырь служил тюрьмой для наиболее опасных государственных преступников».³ Следует добавить: Иосифо-Волоколамский монастырь «служил тюрьмой для наиболее опасных государственных преступников», поврежденных, как правило, ересью. По всей видимости, не являлся здесь исключением и Курлятев, так как другие руководящие деятели Избранной Рады, насколько мы знаем, не отличались чистотой православной веры. Если верить А.М.Курбскому, князь Д.И.Курлятев и его сродники через какое-то время («по коликих летех») были погублены («подавлено их всех»)⁴.

В деле Курлятева внимание С.Б.Веселовского привлекло то, что можно, как он полагает, «нередко наблюдать в опалах царя Ивана, это – тесное сплетение политических мотивов опалы с личными счетами царя».⁵ Поэтому исследователь предлагает двойственное определение причины расправы с Курлятевым и его семьей. Он пишет: «Из послания царя Ивана к Курбскому видно, что кн. Дмитрий Курлятев был “единомысленником” Сильвестра и Алексея Адашева, т.е. в числе бояр, которые, по представлению царя, отняли у него всю власть. Можно думать, что Д.Курлятев продолжал держать себя независимо и высказывать непрощенные и неугодные царю советы, и в этом была вся суть его вины. Но оказывается, что дело было не только в этом. В том же послании <...> царь с большой горечью вспоминает такие интимные подробности своих ссор с боярами, которые нам совершенно непонятны, но очень характерны: “А Курлятев был почему меня лучше? Его дочерям всякое узорочье покупай, – благословно и здорово, а моим дочерям – проклято да за упокой. Да много того, что мне от вас бед, всего того не исписати”».⁶

Весьма сомнительно, что князь Курлятев после опалы своих друзей Сильвестра и Алексея Адашева «продолжал держать себя независимо и высказывать непрощенные и неугодные царю советы». Не такой он был простак, чтобы не чувствовать заколебавшейся под собою почвы. Внимательное прочтение приведенного отрывка из послания Грозного Курбскому убеждает в том, что царь, действительно, вспоминает непонятные современному исследователи интимные подробности, но ничего не говорит о ссорах с боярами. Из слов Ивана следует, по нашему мнению, лишь одно: «единомысленники» вождей Избранной Рады вели себя недостойно, обидно и оскорбительно по

¹ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. 1950. С. 480.

² См.: Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 153.

³ Там же.

⁴ Библиотека литературы Древней Руси. Т. 11. XVI век. С. 414.

⁵ Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. С. 113.

⁶ Там же. С. 113–114.

отношению к государю; он это запомнил и по прошествии многих лет выказал свою обиду Курбскому. Но то была обида не столько на самого Курлятева, сколько на тех, кто унижал государя. Поэтому при объяснении опал Ивана Грозного не стоит столь усердно сплетать политические мотивы с личными счетами царя, хотя отвергать последние полностью тоже не следует. Вопрос в том, что превалировало в решениях Ивана Грозного. По нашему убеждению, Иван IV, будучи, как сейчас выражаются, государственным, исходил, прежде всего, из государственных интересов страны, которой правил. Вот почему, говоря о Курлятеве, необходимо сказать, что он подвергся опале по совокупности преступлений перед самодержавным государством и поплатился за все «изменные дела», содеянные им в период правления Избранной Рады и несколько позже, за близость к Сильвестру и Адашеву – недругам российского самодержца и Святорусского царства.

Громкую известность приобрело бегство к польскому королю князя А.М.Курбского, в недавнем прошлом видного деятеля Избранной Рады,¹ ставшего главнокомандующим русскими войсками в Ливонии и наместником ее.² Было это в конце апреля 1564 года.³ Бежал Курбский под покровом ночи из Юрьева, куда царь его направил на годичную службу после полоцкого похода. Князь, вероятно, воспринял приказ государя как дурное предзнаменование.⁴ Он мог вспомнить, что «Юрьев послужил местом ссылки "правителя" Алексея Адашева. Не прошло и трех лет с того дня, как Адашев после победоносного похода в Ливонию отбыл к месту службы в Юрьев, где он был заключен в тюрьму и умер в опале».⁵ Это, наверно, побудило его задумать побег. Однако не следует думать, будто Курбский неожиданно снялся с места и гонимый страхом побежал в Литву. Его бегству предшествовали достаточно длительные секретные переговоры с польско-литовской стороной. «Сначала царский наместник Ливонии получил "закрытые листы", т.е. секретные письма, не заверенные и не имевшие печати. Одно письмо было от литовского гетмана князя Н.Ю.Радзивилла и подканцлера Е.Воловича, а другое – от короля. Когда соглашение было достигнуто, Радзивилл отправил в Юрьев "открытый лист" (заверенную грамоту с печатью) с обещанием личного вознаграждения в Литве. Курбский получил тогда же и королевскую грамоту соответствующего содержания».⁶ В решающую фазу, согласно предположению Р.Г.Скрынникова, переговоры вступили «в то самое время, когда военная обстановка приобрела кризисный характер. Сильная московская армия вторглась в пределы Литвы, но гетман Н.Радзивилл, располагающий

¹ Кобрин В.Б. Ивана Грозный. С. 61.

² Скрынников Р.Г. Переписка Ивана Грозного и Курбского. Парадоксы Эдварда Кинана. Л., 1973. С. 61.

³ См.: Скрынников Р.Г. 1) Царство террора. С. 182; 2) Иван Грозный. М., 2002. С. 159, 162.

⁴ См.: Кобрин В.Б. Иван Грозный. С. 61.

⁵ Скрынников Р.Г. 1) Переписка Ивана Грозного и Курбского... С. 56; 2) Иван Грозный. М., 1975. С. 88–89.

⁶ Скрынников Р.Г. Иван Грозный. М., 1975. С. 90.

точной информацией о ее движении, устроил засаду и наголову разгромил царских воевод. Произошло это 26 января 1564 года. Через три месяца Курбский бежал в Литву».¹ Становится ясно, что князь Андрей оказывал услуги врагам России уже во время переговоров с ними, причем не бесплатно. Он продал свое Отечество, получив за предательство немалые деньги. Русско-литовскую границу беглец перешел с мешком золота, в котором звенели 300 золотых, 30 дукатов, 500 немецких талеров и 44 московских рубля. Но, как говорится, «Бог шельму метит». Когда Курбский добрался до замка Гельмет, где его поджидали королевские люди, то тамошние «немцы» отняли у него золото. В замке же Армус местные дворяне забрали у перебежчика лошадей и даже содрали с головы лисью шапку.²

Курбский служил польской короне старательно. «Интриги против “божьей земли”, покинутого отечества, занимали теперь все внимание эмигранта. По совету Курбского король натравил на Россию крымских татар, а затем послал свои войска к Полоцку. Курбский участвовал в литовском вторжении. Несколько месяцев спустя с отрядом литовцев он вторично пересек русские рубежи. Как свидетельствуют о том вновь найденные архивные документы, Курбский благодаря хорошему знанию местности сумел окружить русский корпус, загнал его в болота и разгромил. Легкая победа вскружила боярскую голову. Изменник настойчиво просил короля дать ему 30-тысячную армию, с помощью которой он намеревался захватить Москву. Если по отношению к нему есть еще некоторые подозрения, заявлял Курбский, он согласен, чтобы в походе его приковали цепями к телеге, спереди и сзади окружили стрельцами с заряженными ружьями, чтобы те тотчас же застрелили его, если заметят в нем неверность; на этой телеге, окруженный для большего устрашения всадниками, он будет ехать впереди, руководить, направлять войско и приведет его к цели (к Москве), пусть только войско следует за ним».³ Предатель служил новым господам истово, «не за страх, а за совесть». Только совесть эта, как сказал бы царь Иван, «прокаженна».

Прав Р.Г.Скрынников, когда говорит: «На родине Курбский не подвергался прямому преследованиям. До последнего дня он пользовался властью и почетом. Когда же он явился на чужбину, ему не помогли ни охранная королевская грамота, ни присяга литовских панов-сенаторов. Он не только не получил обещанных выгод, но, напротив, подвергся прямому насилию и был ограблен до нитки. Он разом лишился высокого положения, власти и золота. Жизненная катастрофа исторгла у Курбского невольные слова сожаления о земле божьей – покинутом отечестве. Изменник не мог сказать ничего конкретного по поводу несправедливостей, причиненных ему на родине. Но он должен был как-то объяснить свое предательство. Именно поэтому он встал в позу защитника всех обиженных и угнетенных на Руси, в позу критика и

¹ Скрынников Р.Г. Переписка Ивана Грозного и Курбского... С. 59.

² См.: Кунцевич Г.З. Акт Литовской метрики о бегстве князя А.М. Курбского// Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. 1914. Ч. XIX, кн. 2. С. 284.

³ Скрынников Р.Г. Иван Грозный. М., 1975. С. 97.

обличителя общественных пороков... Курбский ничего не мог сказать о преследованиях на родине, лично против него направленных. Поэтому он прибегнул к обширным цитатам богословского характера, чтобы обличить царя в несправедливости».¹

Таким образом, князь Курбский, отвергавший вместе с другими деятелями Избранной Рады самодержавное развитие Руси, стал на путь сознательной измены и предательства своей родной Земли и своего Государя,² угождая польскому королю, чья ограниченная вольностями вельможных панов власть являлась для беглого князя притягательней и выгодней, чем самодержавие русского царя. Курбский не был гоним на Руси. Он сам погнался за идеей «конституционной монархии». Этот «первый диссидент», как его иногда называют в современной историографии, мечтал о «феодальной демократии». Перед нами, так сказать, продавший душу мамоне первый феодальный демократ на Руси – исторический предтеча нынешних российских демократов.

С.Б.Веселовский верно указал на то, что во времена Ивана Грозного и раньше побеги за границу не имели уже ничего общего с правом отъезда служилых людей от сюзерена к сюзерену, что «огромное большинство московских служилых родов уже более двухсот лет служило наследственно, от отца к сыну, что случаи отъездов в этой среде были крайне редким исключением даже в XV в. ...».³ Посему так называемые отъезды, имевшие место при Иване Грозном, необходимо квалифицировать в качестве бегства, являвшегося не чем иным, как клятвопреступлением, т.е. одним из серьезнейших правонарушений. Однако едва ли можно согласиться с С.Б.Веселовским, когда он сводит опалы, направленные против именитых бояр и удельных князей, к личным конфликтам Ивана Грозного со знатью, не пытаясь уловить в этих опалах смысл государственной необходимости.⁴ Затушевывая изменнический характер побегов, историк склонен видеть в них форму «уклонения от грозы гонений, к которой прибегали слуги царя Ивана».⁵ Подобный упрощенный подход к политике Ивана IV для нас неприемлем, как неприемлемо и то, что говорит С.Б.Веселовский, устанавливая последовательность царских опал и предательских побегов за рубеж: «Опалы вызывали побеги, и обратно, побеги влекли за собой новые опалы...».⁶ На самом деле ситуация была, по нашему мнению, несколько сложнее. Как уже отмечалось, «опала на Адашева и Сильвестра означала крушение всей Избранной рады».⁷ И это, безусловно, явилось толчком к побегам. Царь Иван, по всей видимости, предвидел подобные последствия отстранения от власти Адашева и Сильвестра. Отсюда отчасти его стремление обойтись со всеми мирно, приведя к

¹ Скрынников Р.Г. Переписка Ивана Грозного и Курбского... С. 61–62.

² Ср.: Кобрин В.Б. Ивана Грозный. С. 61–62.

³ Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины... С. 118.

⁴ Там же. С. 112–113. См. также: Флоря Б.Н. Иван Грозный. С. 143, 144.

⁵ Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. С. 122.

⁶ Там же. С. 120.

⁷ Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 136.

новой присяге на верность государю княжеско-боярскую знать, связанную с руководителями Избранной Рады. Присяга, увы, оказалась напрасной: бояре побежали, а с ними – их люди. Последовали опалы. Если рассматривать события начала 60-х годов XVI века (до введения Опричнины) в данной плоскости, то придется согласиться с тем, что в тот короткий период не опалы порождали побег, а, напротив, побег вызывали опалы.

В истории побегов XVI века начало 60-х годов занимает особое место. Из спорадических и двусторонних (из Литвы в Россию и в Литву из России) они превращаются в одностороннюю систему побегов из Руси за рубеж. Ко времени учреждения Опричнины бегство становится, по верному наблюдению С.Б.Веселовского, «заурядным явлением».¹ Разумеется, нельзя представлять себе это так, будто исследователь имеет дело с повальным бегством. Бежали главным образом лица, замешанные в изменах времени правления Избранной Рады, бежали, опасаясь справедливого возмездия. Особенно возрастает количество побегов таких лиц после изгнания из власти Адашева и Сильвестра. Расширяется также и география «изменных» побегов. Поначалу изменники бежали преимущественно в Литву, а затем и в другие страны. С.Б.Веселовский, помимо Литвы, называет Швецию и Турцию.² Но это – далеко не полный перечень. Более обстоятельное представление о нем дает поручная запись Михаила Ивановича Воротынского (апрель 1566 г.), в которой князь обещает «от своего Государя Царя и Великого князя Ивана Васильевича всея Руси, и от его детей от Царевича Ивана и от Царевича Федора, и от тех детей, которых детей ему Государю вперед Бог пошлет из их земли в Литву к Жигимонту Августу Королю Польскому и к Великому Князю Литовскому, и к его детям, или иной хто на Королевстве Польском или на Великом Княжестве Литовском будет, и к Папе Римскому, и к Цесарю, и к Королю Угорскому, и к Королю Датцкому, и к Королю Свейскому, и ко всем Италийским Королем и ко Князем, и поморским Государем не отъехати и до своего живота; и не ссылатися в Литву и Польшу с Королевскою с Литовскою и с Лятцкою радою, и с иными ни с кем на Государское лихо не ссылатися. Также мне не отъехати к Турскому Салтану, и к Крымскому Царю, и в Нагай и в иные бесерменские государства, и не ссылатися с ними ни грамотою, ни человеком...».³

Список властителей и государств, куда стремились «отъехати» изменники русского самодержца, составлен, без сомнений, на основании прецедентов, связанных с их побегами. Ясно также и то, что они бежали отнюдь не к друзьям царя Ивана, которые могли вернуть беглецов обратно, выдав московским властям, а к врагам и недоброжелателям. И что же мы видим? Мы видим, что к середине 60-х годов XVI века количество побегов возрастает, что тогда Русскому государству так или иначе противостояла почти вся Западная Европа и Восток в лице Турции, Крыма и Ногайской орды. Причи-

¹ Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. С. 122. См. также: Флоря Б.Н. Иван Грозный. С. 147.

² Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. С. 114.

³ СГГД. Ч. I, № 189. С. 534.

ной, судя по всему, послужило успешное Казанское и Астраханское «взятие» и начавшаяся удачно Ливонская война. Казалось, весь мир объединился против России. И вина за это лежит на Избранной Раде и партии Адашева–Сильвестра, намеренно упустивших победу над Ливонией в самом начале войны с ней и всячески препятствующих налаживанию отношений между Русью, Крымом и Турцией.

* * *

Однако и после отставки Сильвестра и Адашева сторонники политики этих вождей Избранной Рады продолжали противиться успеху русского оружия в Ливонской войне. Вспоминается такой, в данной связи довольно характерный эпизод. Осенью 1562 года, когда шла подготовка к Полоцкому походу, на литовском фронте по распоряжению боярина, воеводы и наместника «града Юрьева и иных Ливонские земли» Ивана Петровича Федорова-Челяднина были вдруг прекращены все военные действия. В результате «совершенно неожиданно для царя и великого князя страна оказалась в состоянии перемирия с Великим княжеством Литовским».¹ Что побудило И.П.Федорова на столь неожиданный и рискованный для него шаг? Оказывается, адресованная ему грамота (10 сентября 1562 г.²) литовского надворного гетмана и троцкого воеводы Григория Александровича Ходкевича, который призывал юрьевского воеводу остановить войну и ненависть, никаких «шкод» друг другу не чинить и кровь людскую не проливать.³ Гетману, вероятно, были известны некоторые слабые струны тщеславного боярина, и он не скупился на льстивые слова: «А иж слышу о том гораздо, иж ты, брат мой, будучи от государя своего на той украине [Ливонии], всякое дело по радно и промышлено доспеваешь, и домысл твой люди во многом хвалят, для того виделося мне до тебе брата моего грамоту мою выписати и в познание с тобою приити. И игдыж слышу о тебе брате моем, иж еси человек побожного и справедливого живота, яко один с православия сущих хрстиан, чаю, иж от доброго дела слуху своего не отлучишь...».⁴

Обращение надворного гетмана произвело на Ивана Петровича самое хорошее впечатление, пробудив в нем приятные исторические воспоминания, относящиеся к совсем недавнему прошлому: «А и преж сего бывало, государя нашего царя и великого князя отец князь великий Василей Иванович, бывший государь, с вашего государя отцем, с бывшим королем с Жигимонтом-Августом, меж государей розмирье станетца и меж их война учинитца, и от королевских панов великих и от ваших отцов и от ваших дядь

¹ Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. С. 301.

² Боярин получил грамоту 15 сентября, о чем и сообщил гетману: «Прислал еси к нам лист свой чохном Андрешом сентября в 15 день». – Сборник Русского исторического общества. Т. 71. СПб., 1892, № 5. С. 70–71.

³ Там же. С. 70.

⁴ Там же.

присылали бывали ко государя нашего бояром, ко отцем нашим, к дядям нашим, чтоб бояре московские государя своего великого князя наводили, чтоб меж государей был мир и братство и доброе пожитье и кровь бы хрестьянская на обе стороны не лилася, а вашего государя паны также наводили своего государя. Яз помню, брат твой при бывшем государе нашем, при великом князе Василье Ивановиче всеа Руси, как Миколай Миколаевич Радивил присылал на Москву к дяде моему Григорью Федоровичю Давыдовичю, чтоб бояре государя, своего великого князя Василья Ивановича всеа Руси, бывшего государя наводили с вашим государем с королем Жигимонтом, бывшим государем, в дружбу и в братство и в доброе пожитье, чтоб кровь христианская межи ими не лилася, да по той ссылке меж государей и мир составлен. И мы нынеча также хотим, чтоб меж государя нашего и меж вашего государя дружба и братство и смолва сталася и кровь бы христианская не лилася».¹

И вот ливонский наместник без «обсылки» с царем Иваном и Боярской Думой отдал приказ о прекращении в Ливонии военных действий: «И мы ныне для доброго дела, чтоб меж государей дал Бог доброе дело ссталось, государя своего воеводам по городом Ливонские земли и всем воинским людем заказали, чтоб вашего государя людем войны некоторые не чинили до государева указу...».² Услужливость Ивана Петровича очень понравилась Г.А.Ходкевичу, и в одном из последующих своих писем он любовно обращается к боярину: «брат наш милый и приятель».³ Но та же услужливость дала литовским панам повод писать ему отнюдь не в просительном тоне, примером чего может служить грамота князя Александра Ивановича Полубенского, где читаем: «И ты бь, господин Иван Петрович <...> своей господе и братье бояром писал, штоб они православного и благочестивого государя, царское его величество, молили умильно, чтоб с нашим государем мир взял о земли свои, о люди, о города, о землю Ливонскую помирились; а в те поры накрепко прикажи до Алыста и до Вельяна и по нашим городом, штоб люди твои не входили в землю Ливонскую...».⁴ Это уже похоже на приказ, возможный лишь при одном условии: какой-то зависимости «господина Ивана Петровича» от литовских панов. В чем она состояла конкретно, сказать определенно, конечно, нельзя из-за отсутствия у нас источников, раскрывающих ее.

И.П.Федоров-Челяднин принял, очевидно, единоличное решение о перемирии, не удосужившись выслушать других царских воевод, о чем можно судить по датам переписки литовского гетмана с московским боярином: 15 сентября 1562 года «чухна Андреш» вручил И.П.Федорову грамоту Г.А.Ходкевича, а на следующий день 16 сентября ответ был уже готов и отправлен адресату.⁵ Ясно, что за такое короткое время наместник вряд ли мог оповестить воевод и сообразовать свое решение с их позицией. Эта поспеш-

¹ Там же. С. 72–73.

² Там же. С. 73.

³ Там же. С. 85.

⁴ Там же. С. 82.

⁵ Там же. С. 71, 73.

ность, с какой Федоров откликнулся на послание Ходкевича, выдает в боярине и осмысленность совершенных им поступков, и его предрасположенность к ним. Понятно, что с уведомлением государя о своей «миролюбивой» акции Федоров не спешил. Только 25 сентября, т.е. через 10 дней после получения грамоты Ходкевича, он написал царю о произошедшем.¹ По-видимому, ему надо было время, чтобы повязать остальных воевод круговой порукой и, самое главное, полностью остановить войну в Ливонии, поставив Ивана Грозного перед свершившимся фактом. И.П.Федорову удалось сплотить своих подчиненных: грамота царю была отправлена из Юрьева от имени воеводы Ивана Петровича Федорова и всех воевод да дьяка Шемета Шелепина.²

Самоуправство И.П.Федорова-Челяднина вызвало у Грозного явное неудовольствие, отразившееся в ряде посланий (грамот), отправленных государем из Москвы в Юрьев. Судя по этим посланиям, обстановка в столице была непростой. Боярская Дума во главе с «навышшим боярином» Иваном Дмитриевичем Бельским готова была поддержать своего собрата, допустившего, с точки зрения самодержца, непростительное своеволие. Бояре били челом государю, «учинися все поспол». Но царь настоял на том, чтобы Федоров послал Ходкевичу вторую грамоту, текст которой он, очевидно, составил сам. Ливонскому наместнику надлежало переписать этот текст «слово в слово» и отправить своему корреспонденту.³ Грозный справедливо считал, что установлению перемирия должны предшествовать переговоры, для чего польско-литовской стороне предлагалось направить в Москву «своих послов или посланников с таким делом, которое на доброе дело постановити могло».⁴ А пока Иван Грозный, в сущности, отменил решение И.П.Федорова-Челяднина, причем весьма дипломатично и умно. Царь так распорядился: «А что он (Г.А.Ходкевич. – И.Ф.) съ своей стороны людем государя своего приказал чтоб зацепки и шкоты нашим людем не чинили, а ты бь нашим людем их земли воевати не велел, а доколе к тебе от нас в том деле отписка будет, а к нему от короля какова отписка будет, и о том бы приказал ты накрепко, чтоб наши люди их людем, которые в Лифлянской земле, зацепки не чинили».⁵ Наряду с тем Иван указал: «А нечто вперед к тебе Григорей Хоткеевич пришлет грамоту о том, чтоб тебе боярину нашему нашим воинским людем из Смоленска, с Велижа, с Невля, с Заволочья, с Опочки, с Себежа и иных наших порубежных городов войны на литовские места чинити не велети, и ты б о том к нему отписал, что ты боярин наш и наместник и воевода Вифляндские земли, и ты нашим Вифляндские земли воинским людем литовским людем зацепки и шкоты чинити не велел на время <...>; а по иным порубежным городом нашим воеводы наши иные, и по тем городом те воеводы наши о порубежных делех и ведают, и тебе к нему про те порубежные

¹ Там же. С. 69.

² Там же.

³ Там же. С. 76.

⁴ Там же. С. 75.

⁵ Там же. С. 80.

города, чтоб из них война унять, без нашего ведома отписать нельзя».¹ Следовательно, царь Иван приказал боярину самому дезавуировать перед Ходкевичем свое решение о перемирии, расписавшись в бессилии обеспечить в полном объеме реализацию этого решения и «унять войну», поскольку не обладал властью над «воинскими людьми» порубежных городов, откуда совершались военные рейды. Таким образом, боярину было указано его место.²

В грамоте от 4 октября 1562 года государь строго предупреждал Федорова на будущее: «А нечто вперед какова от Григорья Ходкева к тебе грамота будет, и ты бы по той грамоте отписки к нему не учинил до нашего указу, а тое бы еси его грамоту прислал к нам».³ Ивану хорошо был знаком боярский нрав, и, надо полагать, поэтому он повторил данный наказ в другой своей грамоте, датированной 11 октября 1562 года: «А нечто Григорей Хоткевич к Ивану отпишет, и Иван бы тое грамоту прислал ко государю; а без государевы бы обсылки Иван к Григорью Хоткееву грамоты от себя не посылал, а присылал бы те грамоты ко государю часу того».⁴ С другой стороны, неоднократное напоминание Федорову о недопустимости самостоятельной переписки с Ходкевичем характеризует вину и степень ответственности, взятой на себя юрьевским воеводой. Более конкретно сказать об этом царь повелел самому И.П.Федорову в грамоте Г.А.Ходкевичу: «А яз, сколько могу, взял на свою голову через царское повеление, столко о покое христианском на границах в своем управлении берег».⁵ Действительно, боярин взял на себя слишком много, вступив в самостоятельную переписку с надворным гетманом и приняв решение без ведома государя. Конечно, он понимал это и раньше, а вместе с ним – воеводы, сидевшие в ливонских городах и поддерживавшие его, да дьяк Шемет Шелепин, находившийся при нем. Все они, наверное, наделялись, что их самоуправство останется без последствий. Но просчитались. И тогда, оробев, писали Ивану: «Государю царю и великому князю Ивану Васильевичю всяя Руси холопи твои Иванец Петров Федоров и все воеводы да Шеметец Шелепин челом бьют».⁶ Причина для страха была нешуточная: к чему бы сами ни стремились И.П.Федоров и воеводы, затеянное ими не санкционированное царем перемирие полностью противоречило русским интересам и могло если не сорвать, то, по крайней мере, затруднить поход на Полоцк, подготовка к которому шла полным ходом с осени 1562 года, если не раньше.⁷ Независимо от субъективных целей наместника Ли-

¹ Там же. С. 80–81.

² Ср.: *Хорошкевич А.Л.* Россия в системе международных отношений середины XVI века. С. 308.

³ Сборник Русского исторического общества. Т. 71, № 5. С. 76.

⁴ Там же. С. 78.

⁵ Там же, № 6. С. 120.

⁶ Там же, № 5. С. 83.

⁷ По словам А.Л. Хорошкевич, «уже осенью 1562 г. царь основательно готовил свой поход на Полоцк» (*Хорошкевич А.Л.* Россия в системе международных отношений середины XVI века. С. 308). А.Л.Хорошкевич также замечает, что царь Иван планировал на конец 1562 года «грандиозное наступление на Великое княжество Литовское». – Там же. С. 301.

вонии, установленное им де-факто перемирие с Литвой объективно являлось очередным предательством по отношению к России, напрягавшей силы в борьбе с наседавшими на нее со всех сторон врагами. Однако, сказать по правде, в данном случае, на наш взгляд, субъективные и объективные моменты совпадали. Возникает вопрос, почему так повел себя И.П.Федоров-Челяднин?

Отвечая на этот вопрос, А.Л.Хорошкевич говорит: «Показательна приверженность Федорова к давним традициям внешних сношений. Он с удовольствием вспоминал, как в 1520–1522 гг. его дядя стал инициатором заключения перемирия с Великим княжеством Литовским. Он верил, что его авторитет как представителя “Ближней рады” царя ничуть не ниже, нежели его дяди 40 годами раньше. Поэтому Федоров решился на весьма опасный, как показала его будущая судьба, дипломатический шаг: он самостоятельно, даже без уведомления царя де-факто установил перемирие с Литовским княжеством. На совершение столь смелого поступка оказали влияние и воспоминания о родственных традициях, и новая для Руси практика боярского правления в период малолетства Грозного, когда именно бояре самостоятельно решали все сложные международные вопросы. Однако с тех пор ситуация изменилась кардинальным образом, а Федоров оказался недостаточно дальновиден. Для Грозного единственным авторитетом в области международных отношений давно стал только он сам, поэтому Федоров получил отповедь, читавшуюся между строк послания, направленного ему царем для пересылки Ходкевичу. И на протяжении каких-нибудь двух месяцев – конца сентября – конца ноября 1562 г. – Федоров должен был твердо усвоить непреложную для самодержавия истину: власть в международных отношениях всецело и полностью принадлежит царю».¹

И.П.Федоров-Челяднин был, надо думать, не настолько глуп, чтобы не понимать безвозвратность ушедших в прошлое традиций, на основе которых строились взаимоотношения великих московских князей с высшей знатью. Поэтому его поведение обуславливалось не воспоминаниями о недавних временах, а явлениями современной ему жизни, в которой он занимал вполне осознанную политическую позицию, отвергающую самодержавную власть, причем не только в сфере международной политики, но и в области всей функциональной деятельности Русского государства середины XVI столетия. Или «самодержавство» Ивана Грозного, или ограниченная Боярской Думой монархия по типу Польско-Литовского королевства – так стоял вопрос. Федоров был в ряду тех, кто противился восстановлению поколебленного Избранной Радой царского самодержавия. Противники самодержавной власти в России искали и находили поддержку и помощь в Литве, а сказать точнее, – на Западе. Вот почему их борьба с самодержавием и лично с Иваном IV как его носителем имела не только внутривнутриполитический, но и внешнеполитический характер. Именно на этой почве и происходили смычки с внешними силами русских бояр, детей боярских и других, выливавшиеся нередко в прямую измену и предательство. Таково, по нашему мнению, про-

¹ Там же. С. 312–313.

исхождение «самостоятельной» политики боярина и воеводы И.П.Федорова в «Вифлянской земле» и, в частности, прекращение здесь военных действий без каких-либо консультаций с Москвой, но в угоду надворному гетману Г.А.-Ходкевичу и, в конечном счете, – враждебной Руси Литве.

Сходного происхождения оказались и события, последовавшие за взятием 15 февраля 1563 года Полоцка, «ключевого пункта на Двине».¹ Элементарная военная логика требовала не останавливаться на достигнутом и развивать наступательные действия. Вот почему царь Иван уже на следующий день, т.е. 16 февраля 1563 года, послал «Литовские земли воевати царевича Ивана да воеводу своего князя Юрия Петровича Репнина, а с ним Татар пятнацать тысяч, oprичь иных загонщиков».² Но вдруг все застопорилось: «Февраля в 21 день,³ по Полоцкое взятие в 6 день, прислали из Литовского войска в царевы и великого князя полки к боярину и воеводе ко князю Ивану Дмитриевичу Белскому и к иным бояром королевска рада пан Николай Янович Радивил, воевода Виленский, да пан Николай Юриевич Радивил, воевода Троцкий, да Григорей Александрович Хоткевич Павла Бережницкого с листом, а писали о том, чтобы они государя своего царя и великого князя на то не наводили, чтобы государь их царь и великий князь болши того крестьянские крови розливати не велел и миру и покою со государем их Жигимонт-Августом королем похотел, а государь Жигимонт-Август король послов своих пришлет ко Успению святей Богородицы».⁴

Обращает внимание тот факт, что литовский посланец, как свидетельствует летописец, едет «с листом» не прямо к царю Ивану, а «к боярину и воеводе ко князю Ивану Дмитриевичу Белскому и к иным бояром».⁵ О том же узнаем из ответной грамоты русских бояр литовским панам: «Что прислали есте ко мне, боярину навышшему и наместнику володимерскому, ко князю Ивану Дмитриевичу Белскому, и ко мне боярину и наместнику псковскому, и государя нашего царя и великого князя державце полотцкому, ко князю Петру Ивановичу Шуйскому, к боярину и наместнику тверскому к Данилу Романовичу Юрьевича-Захарьина, и к боярину и наместнику ржевскому к Василью Михайловичу Юрьевича-Захарьина, и ко мне к боярину и воеводе и наместнику коломенскому к Ивану Петровичу Яковля-Захарьина; и к иным государя нашего, царского величества, к бояром и воеводам ты пан Миколой Янович Радивил, и пан Миколой Юрьевич Радивил, и пан тротцкий Григорей Александрович Хоткевича посланника своего Павла Бережницкого с листом».⁶

¹ Там же. С. 329.

² ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 363.

³ В Посольских книгах несколько иная хронология: «И после того (после взятия Полоцка 15 февраля. – И.Ф.) на шестой день, февраля 20 день, прислали из литовского войска к боярину и воеводе ко князю Ивану Дмитриевичу Белскому и к иным бояром королевская рада...». – Сборник Русского исторического общества. Т. 71. № 7. С. 121.

⁴ ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 364.

⁵ См. также: Сборник Русского исторического общества. Т. 71. С. 123–124.

⁶ Там же. С. 125.

Литовские паны хорошо знали, к кому обращаться, они знали, кто им поможет. Дальше летописец извещает: «И царь и великий князь по грамоте королевские рады войну уняти велел и от Полотцка в дальние места поход свой отложил. А в грамоте королевские рады велел бояром князю Ивану Дмитриевичу Белскому и иным бояром своим отписать от себя грамоту к Виленскому воеводе пану к Миколаю Яновичу Радивилу с товарищи, что их для челобития государь их царь и великий князь к иным городом к Литовским не пошел и мечь свой унял...».¹ Стало быть, князь Бельский и бояре «навели» царя на то, что было выгодно Литовско-Польскому государству. Вряд ли можно сомневаться, что Иван принял это, мягко говоря, странное решение под давлением известного своими симпатиями к Литве князя И.Д.Бельского и других бояр,² которых литовские паны просили повлиять на царя Ивана так, чтобы «границам государя нашего, городом, двором, селом и всим землям покой был захован».³ Литовская сторона, как видим, очень боялась продолжения войны. И вот на помощь Сигизмунду и панам пришел Бельский с собратьями по Боярской Думе. Они старались изо всех сил, о чем сообщали радным панам неоднократно, будто ставя это себе в заслугу перед литовской стороной: «сколко нашии мочи было, столко есмя государю своему били челом, а послом было притти мочно и врать»;⁴ «извещаем сем своим листом, и сколко нашии мочи было, столко есмя о добре христьянском настояли и государя своего к началу к покою христьянскому навели»;⁵ «а мы сколко нашии мочи, и мы столко государю своему радили и вперед думаем, чтоб государь наш похотел с братом своим, с государем вашим доброго пожития и смолвы».⁶ Им удалось побудить царя Ивана дать Литве перемирие, а на подмогу привлечь к себе Владимира Старицкого, заручившись его поддержкой. Чтобы царь «с вашим государем похотел миру», сообщали панам радным наши «миротворцы», «мы, поговоря з братьею своею, все поспол

¹ ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 364. В посольских книгах читаем: «И царь и великий князь, по литовской грамоте, войну уняти велел и от Полотцка в дальние мест поход отложил; а по литовской раде грамоте велел бояром, князю Ивану Дмитриевичу Белскому и иным бояром своим отписать от себя грамоту к виленскому воеводе к пану Миколаю Яновичу Радивилу и к воеводе тротцкому Миколаю Юрьевичу и к Григорью Хоткеву, что их для челобитья, государь к иным городом не пошел...». — Сборник Русского исторического общества. Т. 71. С. 124.

² А.Л.Хорошкевич замечает, что «именно Боярская дума оказалась инициатором прекращения военных действий» (*Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века*. С. 339). Это согласуется со сведениями, содержащимися в Посольских книгах, где устами бояр говорится о том, что царь Иван принял выгодное для Литвы решение «за нашим челобитьем». — Сборник Русского исторического общества. Т. 71. С. 123.

³ Сборник Русского исторического общества. Т. 71. С. 123. Бояре Даниил Романович и Василий Михайлович Захарьины в тот момент отсутствовали, находясь «для царских справ на Москве». — Там же. С. 126–127.

⁴ Там же. С. 127.

⁵ Там же. С. 130.

⁶ Там же. С. 130–131.

учинися рада государская, били челом брату его царского величества князю Володимеру Андреевичю и с ним вместе молили царское величество, чтоб он з братом, с вашим государем, похотел миру и согласия...».¹

По верному замечанию А.Л.Хорошкевич, «бояре решили заручиться поддержкой Владимира Андреевича, а не обращаться к царю напрямую».² Иначе говоря, они плели интригу, и Старицкий князь активно включился в нее. Нельзя, впрочем, считать правильным мнение А.Л.Хорошкевич, согласно которому решение о перемирии «принималось в спешке и необдуманно».³ Боярам не надо было долго рассуждать над решением о перемирии и обдумывать свои ходы, поскольку они являлись проводниками тщательно продуманной политики, осуществлявшейся до того Избранной Радой и, в частности, ее руководителями Адашевым и Сильвестром. Это, собственно, невольно признает и А.Л.Хорошкевич, когда говорит: «Согласившись на заведомо невыгодные для России условия перемирия с ВКЛ, бояре из верных государевых слуг превратились в “изменников”». Они незаметно для себя продолжили линию внешней политики Адашева, явно расходившуюся с намерениями царя».⁴ Позволим себе здесь несколько замечаний. И.Д.Бельский, В.М.Глинский, И.Ф.Мстиславский П.И.Шуйский и другие, кто доброхотствовал польскому королю и панам Рады, никогда не были «верными государевыми слугами». Они то и дело норовили изменить московскому царю: вспомним совсем недавнее дело о бегстве в Литву князей И.Д.Бельского и М.В.Глинского, не забудем и того, как князь И.Ф.Мстиславский водил с литовцами шашни, получая от них секретные послания.⁵ Нельзя изображать этих тертых в политике калачей наивными людьми, не ведающими, что творят. Эти бояре прекрасно понимали, что продолжают на новом этапе и в новых условиях внешнеполитический курс Алексея Адашева, расходящийся не только с планами царя, но и с государственными интересами России.

Однако, если все же говорить о том, что решение насчет перемирия «принималось в спешке и необдуманно», то скорее применительно только к царю Ивану, которого бояре намеренно торопили, чтобы нахрапом вырвать у него согласие на прекращение военных действий. И здесь они также выполняли пожелание панов Рады, ждавших возвращения своего посланца не иначе как во вторник 24 февраля 1563 года.⁶ «А того у нас гораздо просите и напоминаете, — отвечали московские бояре литовским панам, — чтоб посланник ваш с отказом нашим в сесь овторник у вас был поздорову безо всякие зацепки был отправлен. И того посланца вашего Павла Бережитцкого поздорову на тот час и день к вам отправили».⁷ При этом бояре, стремясь, по-видимому,

¹ Там же. С. 129.

² Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. С. 338–339.

³ Там же. С. 338.

⁴ Там же. С. 339.

⁵ См.: Скрынников Р.Г. Переписка Ивана Грозного и Курбского... С. 57–58.

⁶ См.: Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI. С. 338.

⁷ Сборник Русского исторического общества. Т. 71, № 7. С. 126.

произвести благоприятное впечатление на панов королевской Рады, подчеркивали свою расторопность, с какой отнеслись к их просьбе: «И мы тот ваш лист у вашего посланника у Павла Бережитцкого приняли в понедельник, а он приехал в неделю вечером».¹ Паны могли быть довольны: в понедельник Павел Бережицкий вручил Бельскому «с товарыщи» панский «лист», а во вторник уже возвращался с военно-дипломатической победой. Впрочем, бояре несколько поспешили обрадовать свою литовскую «братью». поскольку на деле Бережицкий уехал не во вторник, а в среду. Бояре униженно оправдывались: «А вашего есмя человека, Павла Бережитцкого во вторник не отпустили к вам, потому что в неделю приехал к нам поздно, а отпустили есмя его к вам в среду, февраля месяца 24 [?] день».²

Размышляя о поведении бояр, добивавшихся перемирия с Литвой, А.Л.Хорошкевич приходит к довольно интересным, но не всегда, на наш взгляд, обоснованным выводам. «Поставленные литовцами, – говорит она, – перед необходимостью в кратчайший срок решать, продолжать ли военные действия или заключить перемирие на условиях статус-кво, они пошли на поводу у литовцев и под аккомпанемент слов о непролитии христианской крови, обычный для риторики того времени, дружно приняли условия, предложенные побежденной стороной. Возглавил боярскую “коалицию” и поддержал ее позицию Владимир Андреевич Старицкий. В нем царь, естественно, мог увидеть своего главного оппонента по военным проблемам, как до того увидел его в лице Сильвестра. Зависимость царя, по сути самодержца, как утверждает большинство современных российских историков, хотя пока и без официального титула (царского титула. – *И.Ф.*),³ от мнения Боярской думы продемонстрирована весьма наглядно эпизодом с остановкой в Полоцке. Кто он – нерешительный политик, никудышный стратег и тактик или игрушка в руках боярства, прочно стоявшего на позиции “худой мир лучше доброй ссоры”? С военной точки зрения остановка войска в пределах городской черты Полоцка и прекращение боевых действий – грубейшая ошибка, не только тактическая, но и стратегическая. Очередная бесплодная попытка примирения с ВКЛ, где и после взятия Полоцка не признавали его царского титула, – сродни химере, в чем Грозный имел возможность убедиться неоднократно на протяжении 40–60-х гг. Трудно допустить, что царь не обладал качествами даже заурядного политического деятеля и не был в состоянии понять, чем грозило ему вступление в новые переговоры с Литовским княжеством. Остается предположить, что вплоть до 1563 г. он не чувствовал в себе силы

¹ Там же.

² Там же. С. 131.

³ С мыслью А.П.Хорошкевич о том, что Иван IV обходился без официального царского титула, нельзя согласиться полностью. Со времени венчания на царство в 1547 году царский титул, по верному замечанию В.А.Шарова, «становится официальным атрибутом монарха в России» (*Шаров В.А.* Опричнина Ивана Грозного: что это такое?// Археографический ежегодник за 2003 год. М., 2004. С. 124). Другое дело – непризнание царского титула Польско-Литовским государством. Однако позиция западного соседа мало что значила во внутривнутриполитической жизни Руси.

для реализации собственной внешнеполитической линии».¹ Разберемся, однако, во всем по порядку.

А.Л.Хорошкевич, безусловно, права, когда замечает, что «с военной точки зрения остановка войска в пределах городской черты Полоцка и прекращение боевых действий – грубейшая ошибка, не только тактическая, но и стратегическая». Она права и в том случае, когда говорит, что Грозный понимал ошибочность вступления «в новые переговоры с Литовском княжеством», т.е. ошибочность заключения перемирия с точки зрения интересов России. Возникает естественный вопрос, сознавали ли это бояре и князь В.А.Старицкий, настаивавшие на перемирии? Думается, хорошо сознавали, тем более что среди них были такие опытные военачальники, как И.Ф.Мстиславский и П.И.Шуйский, отлично разбирающиеся в военном искусстве. Следовательно, как со стороны Ивана Грозного, так и со стороны бояр-пацифистов на этот счет не было никаких заблуждений. Спрашивается, почему же все сошлось на одном – на целесообразности заключения невыгодного для русских перемирия. Судя по всему, у каждой стороны были свои резоны. Мотивы бояр, которых возглавил Владимир Старицкий, не представляют большой загадки. Все они так или иначе стояли на позициях недавно упраздненной Грозным Избранной Рады и ее руководителей Адашева и Сильвестра – ярых противников Ливонской войны, а если сказать больше, то войны с Западом вообще. В этом плане нет, по-видимому, принципиальной разницы между перемирием с Ливонским орденом в 1559 году, заключенным стараниями Алексея Адашева, и перемирием 1563 года, предоставленным Литве благодаря усилиям бояр и старицкого князя. Оба дипломатических акта являлись предательством русских государственных и национальных интересов. Поэтому их творцов должно и нужно считать изменниками и предателями Святорусского царства.

Что касается царя Ивана, то он оказался в очень сложном положении. Сторонники перемирия, находившиеся в русском лагере и старавшиеся угодить литовским панам и польскому королю, сумели сплотить всех бояр, заручиться поддержкой Владимира Старицкого и выступить единым, так сказать, фронтом, или, по боярскому выражению, «все поспол учинися рада государская». Что же оставалось делать Ивану? Неужели он, действительно, не чувствовал «в себе силы для реализации собственной политической линии»? Нет, у него было достаточно сил, чтобы заставить бояр продолжать войну. Ведь принудил же государь бояр идти на Ливонскую войну, несмотря на упорное сопротивление Избранной Рады, Адашева и Сильвестра в частности. Ведь хватило у него сил, чтобы убрать с политической сцены и того и другого. Царь Иван был уже не тот, каким мы видели его после мартовских событий 1553 года. Самодержавство его постепенно восстанавливалось, и к 1563 году оно уже заметно продвинулось в этом направлении. Повторяем, Грозный мог заставить своих слуг продолжить войну после взятия Полоцка. Но он не сделал этого и поступил в высшей степени разумно и осмотритель-

¹ *Хорошкевич А.Л.* Россия в системе международных отношений середины XVI века. С. 340.

но.¹ Воевать руками тех, кто решительно не хотел воевать, было опасно. Война велась не первый год, и царь уже не раз наблюдал подозрительную медлительность воевод, проигранные странным образом сражения, ему известны были случаи сдачи врагу крепостей. Он не мог не считаться с этим и потому решил, вероятно, сохранить то, что уже завоевал, удовлетвоваввшись тем на данном этапе войны. В создавшейся ситуации то было единственно верное решение, свидетельствующее о государственном уме русского государя, его умении ждать нужного момента и принимать взвешенные решения. Царь Иван прекрасно справился с этой непростой для себя задачей, изобразив трогательное согласие с «миротворцами»: «И царь и великий князь Иван Васильевич, выслушав литовского короля рады грамоты, и приговорил со князем Володимером Андреевичем и со всеми своими бояры и с воеводами...».²

К сказанному надо добавить еще и то, что, склоняя Ивана IV к перемирию с Литвой, И.Д.Бельский и другие бояре играли на самых чувствительных душевных струнах православного монарха – его благочестии, набожности и глубокой религиозности, мотивируя свои уговоры «христианским добром», «покоем христианским», греховностью «пролития крови христианской». Когда Грозный поймет, наконец, эти уловки, он в сердцах воскликнет: «В тех странах (Ливонии и Литве. – *И.Ф.*) несть христиан, разве малейших служителей церковных и сокровенных раб господних».³

После предоставления Литве стараниями Бельского и боярской «братии» перемирия Грозный, по всей видимости, в очередной раз имел возможность убедиться в том, что дело Адашева живет, что сам он стал жертвой очередной боярской измены. Не потому ли он так круто обошелся со своим близким другом князем Андреем Курбским, велел ему ехать в Юрьев на воеводскую службу, а не в Москву за наградами и почестями. Если верить боярскому посланию панам Рады, будто бояре в вопросе о перемирии «поспол учиняся», то надо признать, что Курбский являлся сторонником прекращения военных действий, к чему, по-видимому, склонял и Грозного. За это он, вероятно, и поплатился. Ведь о связях Курбского с польским королем и панами, о готовящейся измене князя Андрея царь Иван тогда еще не знал, даже не догадывался.⁴ Своими уговорами Курбский, наверное, вызвал в памяти Ивана Грозного образ ненавистного Алексея Адашева и тем самым рассердил государя. Гнев Грозного был тем более силен, поскольку он понимал, что по взятии Полоцка перед русским оружием открывалась победоносная перспектива, которая была, к сожалению, потеряна вследствие государственной измены, невольным участником которой стал он сам. Поэтому, видимо, Иван не поднял шума вокруг совершенной измены, но кое-кого наказал и, в

¹ Потом царь Иван скажет, что согласился заключить перемирие, «свою трудность персоне своей отлагая», т.е. сообразуясь с обстоятельствами. – Сборник Русского исторического общества. Т. 71, № 8. С. 145. Ср.: *Хорошкевич А.Л.* Россия в системе международных отношений середины XVI века. С. 345.

² Сборник Русского исторического общества. Т. 71. С. 123.

³ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 13–14.

⁴ См.: *Скрынников Р.Г.* Переписка Ивана Грозного и Курбского... С. 57.

частности, своего друга Андрея Курбского.¹ Однако мысль об измене в Полоцке, судя по всему, не покидала царя.² Отсюда понятно, почему Иван Васильевич столь болезненно и мгновенно реагировал на случаи новых измен. Взять хотя бы заговор стародубских воевод.

Было это так. В конце марта 1563 года царь Иван, возвращавшийся из похода на Полоцк, получил, будучи в Великих Луках, вестовую отписку от смоленского воеводы М.Я.Морозова – недавнего деятеля Избранной Рады. Желая, быть может, выслужиться и загладить свою вину за сотрудничество с Адашевым и Сильвестром или просто отвлечь от нее внимание государя, Морозов сообщал, что прислал к нему «казачей атаман Олексей Тухачевский литвина Курняка Созонова, а взяли его на пяти верст от Мстиславля, и Курьянко сказал: король в Польше, а Зиновьевич [литовский воевода] пошел к Стародубу в чистой понедельник [21 февраля 1563 г.] и с ним литовские люди из Мстиславля, из Могилева, из Пропойска, из Кричева, из Радомля, из Чечерска, из Гоим, а вышел по ссылке Стародубского наместника – хотят город сдать».³ Как явствует из Разрядов, наместником Смоленска тогда служил князь В.С.Фуников-Белозерский, а с ним воевода «для осадного времени» И.Ф.Шишкин, дальний родич Алексея Адашева.⁴ Последнее обстоятельство особенно насторожило царя, пославшего в спешном порядке в Стародуб воеводу Д.Г.Плещеева, а буквально вслед за ним воеводу С.А.Аксакова «и еще несколько дворян».⁵ Фуникова и Шишкина арестовали и доставили в Москву. Началось следствие, которое вывело на родственник адашевский клан. В результате под стражу были взяты, а затем казнены брат Алексея Федоровича Адашева окольничий Даниил Федорович Адашев с сыном Тархом, тесть Даниила костромич Петр Иванович Туров, а также «шурья» Алексей Адашева – Алексей и Андрей Сатины. Жестокость наказания была, ве-

¹ В исторической литературе высказывались и другие догадки. Так, А.А.Зимин говорил: «Казнь Шаховского и известие об измене Шишкина могли послужить поводом для опалы на князя Андрея Курбского, который 8 марта получил назначение “годовать” в далекий Юрьев» (Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного. С. 102–103). А.А.Зимин не разъясняет, почему эти разноплановые события (казнь Ивана Шаховского и измена Ивана Шишкина) могли так существенно повлиять на судьбу Андрея Курбского.

² Иван и впоследствии «полностью возлагал ответственность» за заключение перемирия на бояр (Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. С. 345). И в этом он был прав.

³ Витебская старина. Т. IV. Витебск, 1888. С. 65–66. Эту официальную отписку А.Л.Хорошкевич почему-то уподобляет слухам. – Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. С.341.

⁴ Библиотека литературы Древней Руси. Т. 11. XVI век. С. 412. См. также: Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. С. 472; Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. С. 102; Скрынников Р.Г. 1) Начало опричнины. С. 178; 2) Царство террора. С. 157; Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. С. 341.

⁵ Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 158. См. также: Скрынников Р.Г. Начало опричнины. С. 179 (прим. 3).

роятно, обусловлена не только родственными связями казенных с Алексеем Адашевым, но и тем, что измены приобрели к середине 60-х годов XVI столетия катастрофический для Святорусского царства характер.

Выразительным контрастом здесь служит «дело Тарваское про тарваское взятие». Во время осады города Тарваста в 1561 году литовский гетман Радзивил предлагал тарвастским воеводам князю Т.А.Кропоткину, князю М.Путятину и Г.Трусову изменить русскому «окрутному и несправедливому государю» и «з неволи до вольности» перейти на службу к польскому королю. Гетман пугал воевод жестокостями, которые творит «Иван Васильевич, бездушный государь».¹ Тарваст враги взяли. Грозный подозревал, что воеводы сдали город. Когда они вернулись из плена, был произведен розыск, и Кропоткин со своими сослуживцами угодили в узилище, просидев там около года. Выступая же в поход на Полоцк, царь Иван простил их: «пожаловал» и велел «вымать» из тюрьмы.² Однако уже через два-три года обстановка в стране настолько изменилась, что прощение изменников стало губительным для Русского государства. Репрессии, таким образом, превращались в историческую необходимость, которая, к несчастью, часто соседствует с несправедливостью. К тому же опять обострилась опасность, идущая со стороны князей Старицких, особенно со стороны неукротимой княгини Ефросиньи.

* * *

В официальной летописи под 1563 годом помещен следующий рассказ: «Того же лета, Июня, царь и великий князь положил был гнев свой на княже Ондрееву Ивановича княгиню Ефросинию да на ее сына на князя Володимера Ондреевича, потому что прислал ко царю и великому князю в Слободу княже Володимеров Ондреевича дьяк Савлук Иванов память, а в памяти писал многие государские дела, что княгини Офросиния и сын ее князь Володимер многие неправды ко царю и великому князю чинят и того для держат его скована в тюрьме. И царь и великий князь велел княгине Офросиние и князю Володимеру Савлука к себе прислати. И Савлук сказывал царю и великому князю на княгиню Ефросинию и на князя Володимера Ондреевича многия неисправления и неправды. По его слову многие о том сыски были и те их неисправления сыскана. И перед отцем своим и богомолцом Макарием митрополитом и перед владыками и перед освещенным собором царь и великий князь княгине Ефросиние и ко князю Владимиру неисправление их и неправды им известил и для отца своего Макария митрополита и архиепископов и епископов гнев свой им отдал. И княгини Ефросиния была челом государю царю и великому князю, чтобы государь позволил ей постричися; и царь; и царь и великий князь княгине Ефросиние постричися поволил. И постриг ее на Москве на Кириловском дворе Кириловской игумен Вассиан Августа в 5 день, и наречено бысть имя ей во иноцех Евдокия. А похоте же

¹ См.: Сборник Русского исторического общества. Т. 71, № 12. С. 235.

² Скрынников Р.Г. 1) Начало опричнины. С. 177; 2) Царство террора. С. 157.

житии на Белеозере в Воскресенском девичьем монастыре, где прежде того обет свои положила и тот монастырь соружала. А провожали ее до Белаозера боярин Федор Иванович Умного-Колычев да Борис Иванович Сукин да дьяк Рахман Житково; отец же ея духовной Кириловской игумен Вассиан проводил до монастыря. Поволи же ей государь устроить ествою и питием и служебники и всякими обиходы по ее изволению, а для бережения велел у нее в монастыре быти Михаилу Ивановичу Колычеву да Андрею Федорову сыну Щепотеву да подъячему Ондриюше Щулепникову, и обиход ее всякой приказано им ведати. У князя Володимера Андреевича повеле государь быти своим бояром и дьяком и столником и всяким приказным людем; вотчиною же своєю повеле ему владети по прежнему обычаю. Бояр же его и дьяков и детей боярских, которые при нем блиско жили, взял государь в свое имя и пожаловал их, которой же которого чину достоинт».¹

Кроме летописи, сведения о соборном суде над Владимиром и Ефросиньей Старицкими содержатся (с некоторыми сокращениями и небольшими разночтениями) в наказной памяти боярину Федору Ивановичу Умному-Колычеву, отправленному в феврале 1567 года во главе посольства «в Литву к Жигимонту-Августу королю польскому и великому князю литовскому». Царь наказывал боярину: «А нечто вспросят про князя Володимера Андреевича и про мать его княгиню Офросинью, чего для царь и великий князь на князя Володимера гнев держал и мать его постриг и бояр и детей боярских от него отвел? И боярину Федору Ивановичю с товарищи говорити: княгиня Офросинья и сын ея князь Володимер Андреевич во многих делех учили были государю нашему не прямити, и государь наш того дела сыскал, и княгиня Ефросинья и сын ея князь Володимер Андреевич, узнав свои вины, били челом государю нашему царю и великому князю за свои вины преосвященным Макарием, митрополитом всея Руси, и архиепископы и епископы и всем освященным собором. И государь наш для отца своего и богомолца Макария, митрополита всея Руси, и архиепископов и епископов и всего освященного собора княгиню Офросинью и сына ея князя Володимера пожаловал, вины их великие им отдал, а для тех вин бояр его и диаков у князя Володимера отвел, потому что они в той же думе были, а дал государь наш от себя своих бояр и диаков; а в вотчины место старые пожаловал его государь наш иными города в вотчину же. И князь Володимер Андреевич теми города владеет потомуже, как и старую вотчиною владел, и государь его ныне жалует по прежнему обычаю. А княгиня Офросинья била челом государю нашему, чтоб ей поволил постричься, и государь наш на то волю ей дал, и она и постриглася по своему хотению в том монастыре, которой прежде того сама же строила, и по своему произволению обиход ей всякой и дворовые люди всякие у нее учинены и ества и питье ей устроена, сколько ей надобно, и во все том государь наш поволности у нее не отнял».²

Мы привели сообщения источников о «неисправлениях» и «неправдах» старицких правителей полностью, без малейших сокращений, чтобы избе-

¹ ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 368.

² Сборник Русского исторического общества. Т. 71, № 18. С. 466–467.

жать возможных в таких случаях неточностей и домыслов, нередко возникающих при пересказе текстов, в частности летописных. Причиной тут пороку служит заявленное в исторической литературе ложное ощущение, будто «с ведома царя официальная летопись поместила краткий и нарочито туманный отчет о суде над старицким удельным князем и о выдвинутых против него обвинениях».¹ В тумане же, как известно, мерещится всякое. Р.Г.Скрынников, к примеру, воспринимает произошедшее не с точки зрения отношений Ивана IV с Владимиром и Ефросиньей Старицкими, а в плане взаимоотношений Захарьиных со Старицкими. По его словам, «приход к власти Захарьиных оживил давнее соперничество между Старицкими и их заклятыми врагами Захарьиными. Вполне понятно, что Старицкие не только примкнули к удельно-княжеской оппозиции, но и возглавили ее. Со стороны Захарьиных лишь ждали удобного повода, чтобы избавиться от опасной родни. После Полоцкого похода такой повод, наконец, представился. Едва правительство завершило расследование о заговоре Стародубских воевод, как был получен донос на Старицких».² Р.Г.Скрынников как бы заслоняет фигуру Ивана Грозного правительством Захарьиных, делая его послушным орудием в руках последних. Летопись, между тем, ясно и недвусмысленно говорит об отношениях царя со Старицкими без посредничества Захарьиных. Ясно также, что дело Старицких 1563 года возникло не по случайному поводу, а по причине их «неисправлений» и «неправды», о чем дал весть Ивану дьяк старицкого князя Савлук.

Исследователь также преувеличивает, как нам кажется, негативные последствия для Старицких перехода на сторону врага дворянина Б.Н.Хлызнева-Колычева. «Есть все основания полагать, — пишет Р.Г.Скрынников, — что перешедший к литовцам дворянин был вассалом князя В.А.Старицкого. Семья Хлызневых издавна служила при дворе Старицких князей, вследствие чего ее члены не значатся в списках царского двора 50-х годов. Старший из рода Хлызневых И.Б.Колычев был членом думы Старицкого княжества и одним из главных воевод удельной армии. Родным племянником его был бежавший в Литву Б.Н.Хлызнев. Полагая, что беглец имел какие-то поручения к королю от своего сюзерена, царь утвердил бдительный надзор за семьей удельного князя. На другой день после падения Полоцка он направил в Старицу доверенного дворянина Ф.А.Басманова-Плещеева с речами к княгине Ефросинье. Когда 3 марта 1563 г. князь В.А.Старицкий выехал из Великих Лук в удел, его сопровождал царский пристав И.И.Очин-Плещеев. Спустя три месяца, в июне царь, будучи в слободе, объявил Старицким опалу. Интересно, что к началу июня царь вызвал митрополита Макария и почти все руководство Боярской думы. Официально было объявлено, будто царь с боярами уехал в село (слободу) на потеху. На самом деле переезд думы в слободу был вызван отнюдь на “потешными” делами».³

¹ Скрынников Р.Г. Иван Грозный. М., 1975. С. 80; М., 2002. С. 128.

² Скрынников Р.Г. Начало опричнины. С. 181. Ср. его же: Царство террора. С. 159.

³ Скрынников Р.Г. Начало опричнины. С. 182–183. См. также: Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 159.

При чтении данного отрывка из книги Р.Г.Скрынникова можно подумать, будто с целью надзора за княгиней Ефросиньей был отправлен в Старицу Ф.А.Басманов-Плещеев. По правде сказать, в летописи, на которую ссылается исследователь, нет полной ясности в том, что Басманова царь направил именно в Старицу. Летописец рассказывает, как после взятия Полоцка государь направил князя Михаила Темрюковича Черкасского с вестью о победе в Москву «ко отцу своему и богомолцу к Макарию митрополиту всеа Руси и ко царице и великой княгине Марие и к детям своим, ко царевичю Ивану и к царевичю Федору, и къ брату своему ко князю Юрию Василиевичю».¹ Перед названными лицами Михаил Черкасский держал речи от имени государя. А вот перед Ефросиньей Старицкой речь говорил Федор Басманов, что и понятно, поскольку М.Т.Черкасский должен был произносить речи только перед членами царской семьи и митрополитом. Не исключено, что княгиня Старицкая находилась тогда в Москве на своем кремлевском подворье, где слушала речь из уст Басманова. Но как бы то ни было, эта речь была весьма лояльна по отношению к Ефросинье. Посланец говорил ей: «Царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси велел тебе княже Ондрееве Ивановича княгине Офросиние челом ударити и велел тябя о здравии спросити: как тебя Бог милует? Государь наш царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси велел тебе сказати: Божиим милосердием и пречистые Богородицы и великих чудотворец молитвами, да и отца нашего и богомолца Макария митрополита всеа Руси молитвами, мы по се часы дал Бог, здорово».² Эта речь, по сути, не отличается от речи, которую произнес князь Черкасский, обращаясь к митрополиту Макарию: «Царь и великий князь Иван Василиевич всеа Руси тебе, отцу своему и богомолцу Макарию митрополиту всеа Руси, велел челом ударити и велел тебя о здравии спросити, как тебя, отца нашего, Бог милует? Государь наш царь и великий князь Иван Василиевич всеа Руси велел тебе, отцу своему и богомолцу, сказати: Божиим милосердием и пречистые Богородицы и великих чудотворец молитвами, да и твоими отца нашего и богомолца молитвами, и родителей наших молитвами мы, дал Бог, по се часы здорово».³ Сразу после речи Басманова к Ефросинье летописец замечает: «А речь ему и список дан таков же, з болишие речи».⁴ Надо полагать, что в «большой речи» сообщалось о победе русского воинства в Литве – взятии Полоцка. Следовательно, речь Федора Басманова являлась в принципе созвучной речам, произнесенным князем М.Т.Черкасским перед митрополитом Макарием и членами царской семьи. А это означает, что она никак не связана с высказываемой Р.Г.Скрынниковым мыслью о бдительном царском надзоре над княгиней Ефросиньей и вообще за семейством удельного князя.

Вряд ли можно извлечь что-либо конкретное из сообщения о том, что царский пристав И.И.Очин-Плещеев сопровождал старицкого князя, вые-

¹ ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 360.

² Там же. С. 362.

³ Там же. С. 361.

⁴ Там же. С. 362.

хавшего в свой удел из Великих Лук. И уж вовсе не оправдывает надежд исследователя источник, используя который Р.Г.Скрынников заявляет, будто еще в начале июня 1563 года царь Иван вызвал в Александрову слободу «митрополита Макария и почти все руководство Боярской думы». Причиной вызова, как явствует из рассуждений автора, приведенных нами выше, явилось замышляемая Грозным опала на Ефросинью и Владимира Старицких. Но при внимательном чтении Посольских книг, на которые, кстати сказать, ссылается Р.Г.Скрынников, вырисовывается несколько иная картина.

24 мая 1563 года «писал ко царю и великому князю из Смоленска боярин и воевода Михайло Яковлевич Морозов, да дияки Онфим Селиверстов, да Истома Кузмин, что прислали к ним из Орши оршинской державца Ондрей Одинцович грамоту о том, что государь его король отпускает ко царю и великому князю посланника; а будет посланник на границе после Велика дни перед седмою суботою, а имени посланнику не писал». ¹ В ту пору государь «для своего дела ездил в Одоев и в Белев». Соответствующие грамоты он получил на стане в деревне Лыково, когда «ехал из Колуги к Москве». Вскоре выяснилось, «что идет ко царю и великому князю королевский посланник Юрьи Быковский, а людей с ним двенатцать человек, да с ним же вместе идет посланник Войтех к Макарию митрополиту и ко царевым великого князя бояром от королевские рады». ² Дипломатическая миссия двух посланников, Юрия Быковского и Войтеха Сновицкого (Новицкого), истолкована А.Л.Хорошкевич так, что якобы «в Литве считали равными партнерами и царя, и бояра». ³ При этом она в данном случае упустила из вида митрополита Макария, к которому, наряду с боярами, ехал Войтех Сновицкий. Стремление литовской стороны вовлечь Макария в несвойственные его сану земские дела, о чем он сам неоднократно заявлял ранее, ⁴ свидетельствовало о провокации со стороны короля и панов, преследующей цель омрачить отношения между святителем и царем. Государь это понял и принял необходимые меры. Сна-

¹ Сборник Русского исторического общества. Т. 71, № 8. С. 132.

² Там же. С. 133.

³ Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. С. 344.

⁴ В грамоте (ноябрь 1562 г.), отправленной митрополитом Макарием епископу виленскому Валериану и виленскому же воеводе Н.Я.Радзивиллу, читаем: «Что ты князь Валериан бискуп виленский, и ты Миколай Янович Радивил, воевода виленский, присылали к нам паробка своего Семена с грамотою, а в грамоте своей, быючи челом, писали есте, чтоб мы благочестивому государю, боговенчанному царю, воспоминали, чтоб он с братом своим, с вашим государем, хотел доброго пожитья и миру, и об иных о многих делех государских писали есте; и мы то ваше челобитье выслушали и вразумели гораздо. И вы и преж того многижда есте к нам присылавали посланников своих, и мы всем тем посланником вашим отказывали, что нам до тех дел дела нет, зане мы люди церковные, пасем стадо Христово словесных овец, и строим вещи церковные, а те дела ведают государские бояре и с паны ссылалися; а к прежним митрополитом, к нашим братьям, о таких делех от государя вашего рады присылки не бывало: и вы б и впредь о таких делех нашему смирению не стужали». – Сборник Русского исторического общества. Т. 71, № 6. С. 101.

чала, когда он еще не знал даже имени литовского посланника, предполагалось принять посольство в Москве. Поэтому русскому приставу, сопровождавшему посольство, предписывалось следующее: «А как приедет пристав на остановной ям от Москвы, и он бы обослался к Москве».¹ Но как только царю Ивану стало известно, что вместе с Юрием Быковским едет Войтех Сновицкий к митрополиту Макарию и к боярам от королевской Рады и от епископа виленского Валериана, он сразу же изменил место встречи. Приставу Патрикею Бестужеву было велено, «чтоб он с литовским посланником ехал ко царю и великому князю в слободу, не ездя к Москве, из Можайска на Дмитров, а из Дмитрова к Троице в Сергеев монастырь, а от Троицы в слободу».² Изменение маршрута Патрикей Бестужев должен был так объяснить посланнику Быковскому: «Государь поехал по селам, а ему (Патрикею. — И. Ф.) с посланником велено ехать прямо ко царю и великому князю в Олександровскую слободу».³ К этому времени царь уже вызвал в слободу «навышшего» боярина Ивана Дмитриевича Бельского и других бояр. Под видом человека Бельского государь также послал Казарина Трегубова навстречу Войтеху Сновицкому сказать ему, «что князь Иван Дмитриевич и все государевы бояре с царем и великим князем на потехе в селе, в слободе».⁴ Приведенные факты говорят о том, что бояре были вызваны царем в Александрову слободу не по делу Старицких, как полагает Р.Г.Скрынников, а в связи с прибытием посольства из Литвы. Прием посланников Быковского и Сновицкого не в Москве, но в Слободе объясняется, по всей вероятности, двумя причинами: нежеланием Ивана Грозного вовлекать митрополита Макария в земские дела и стремлением Ивана ограничить контакты посольства с посторонними людьми. Последнее обстоятельство особенно беспокоило царя, наученного горьким опытом измен и предательства: «А пристава б с ним (посланником. — И. Ф.) дорогою идти велели бережно, чтоб к посланнику опричные люди не приходили и не говорил с ним никто ничего»;⁵ «и ехать ему с ним бережно и беречи того, чтоб с ним опричные люди не говорил никто».⁶

Что касается митрополита Макария, то в Александрову слободу его, вопреки утверждению Р.Г.Скрынникова, царь не вызывал. Не случайно Патрикей Бестужев получил от Грозного такое указание: «А которой посланник послан к митрополиту и к бояром, и ты бы ему молвил, что бояря наши все с нами, *а и про митрополита бы еси ему молвил, что чаешь* (курсив наш. — И. Ф.) и митрополит с нами».⁷ Аналогичный наказ был дан Казарину Трегубову: «А спросит про митрополита где, и ему молвити, что митрополит был с государем у Живоначалные Троицы в Сергееве монастыре у праздника, а ныне его чаят со государем же; а он до полна не ведает, что был в име-

¹ Сборник Русского исторического общества. Т. 71, № 8. С. 132.

² Там же. С. 133.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 134.

⁵ Там же. С. 132.

⁶ Там же. С. 134.

⁷ Там же. С. 133.

нье».¹ Стало быть, и Бестужев, и Трегубов высказывались в предположительном тоне (чают, т.е. надеются²), якобы не зная точно, в Слободе ли митрополит Макарий. Но они лукавили, ибо, по всей видимости, знали, что святого там нет.

Об отсутствии в Александровой слободе митрополита свидетельствуют дипломатические встречи гонца Войтеха Сновицкого только с Иваном Дмитриевичем Бельским и другими думцами (бояре И.Ф.Мстиславский, Д.Р.Юрьев, князь И.И.Пронский и др.), хотя «грамота королевы рады» была адресована митрополиту и боярам.³ На прощальной аудиенции поклон виленскому епископу передал вместо митрополита Макария все тот же И.Д.Бельский: «Да молвил князь Иван, приподвывая: Войтех, бископу Валеариану от нас поклон».⁴ Отсюда ясно, что Макарий с Войтехом не встречался, о чем, кстати, прямо говорит летописец: «А у Макария митрополита Войтех Сновитцкой не был».⁵ Литовский посланник не посетил Макария потому, что митрополит в Александровой слободе тогда отсутствовал, пребывая, очевидно, в Москве, куда литовское посольство не заезжало. Получается, таким образом, что царь Иван с конца мая 1563 года, когда он узнал об отъезде в Россию королевского посланника,⁶ по 18 июня того же года, когда Юрий Быковский и Войтех Сновицкий отбыли из Александровой слободы домой,⁷ был занят подготовкой приема посланников, самим приемом и отправлением их обратно в Литву. Митрополита Макария все это время в Слободе не было. Поэтому мысль Р.Г.Скрынникова о том, что в июне 1563 года Иван Грозный, будучи в Александровой слободе, «объявил Старицким опалу» и по их делу в начале июня «вызвал в слободу митрополита Макария и почти все руководство Боярской думы»,⁸ виснет в воздухе. В первой, по крайней мере, половине июня 1563 года царь, судя по всему, еще ничего не знал о «неисправлениях» и «неправдах» старицких правителей. Государь к Ефросинье и Владимиру Старицким относился тогда вполне благожелательно. Об этом говорит посылка царем Ф.А.Басманова к Ефросинье с пригожими речами после взятия Полоцка в феврале 1563 года. О том же свидетельствует и тот факт, что Иван, возвращаясь из Полоцкого похода, заехал «на городок на Старицу; а в Старице пожаловал, был у княже Ондреевы Ивановича у княгини Ефросинии и у сына ее у князя Володимера Ондреевича, их жало-

¹ Там же. С. 134.

² См.: *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. Т. III. СПб., 1903. Стб. 1486.

³ Сборник Русского исторического общества. Т. 71. С. 139, 140, 142. См. также: ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 367.

⁴ Сборник Русского исторического общества. Т. 71. С. 143.

⁵ ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 367.

⁶ Сборник Русского исторического общества. Т. 71. С. 132.

⁷ Там же. С. 149, 150, 151.

⁸ *Скрынников Р.Г.* 1) Начало опричнины. С. 182–183; 2) Царство террора. С. 160. См. также: *Скрынников Р.Г.* Иван Грозный. М., 2002. С. 126–127.

вал, у них пировал». ¹ По тем временам, пированье — знак полного расположения и доверия. Этого и удостоились старицкие князья.

Надо думать, где-то во второй половине июня 1563 года Ивану Васильевичу в Александрову слободу поступила «память» от дьяка Савлука Иванова, где сообщалось, что «княгини Офросиния и сын ее князь Володимер многие неправды ко царю и великому князю чинят». ² Тогда же государь велел начать расследование, что подтверждает летопись: «Того же лета [1563], Июня, царь и великий князь положил был гнев свой на княже Ондрееву Ивановича княгиню Ефросинию да на ее сына на князя Володимера Ондреевича...». ³

Летописец говорит о «неисправлениях» и «неправдах» Ефросиньи и Владимира глухо, не поясняя, о чем у него идет речь. В Посольских книгах содержится несколько иная формула: «Княгиня Офросинья и сын ея князь Володимер Андреевич во многих делех учали были государю нашему не прямити...». ⁴ Здесь, на наш взгляд, проглядывает намек на измену клятве, данной царю и великому князю по части «прямой» службы. И все же летописный текст вызывает у некоторых исследователей затруднения в истолковании. «В чем состояли “неправды” и “неисправления” старицких князей, — замечает С.Б.Веселовский, — неизвестно. Неисправлением называлось вообще всякое нарушение присяги». ⁵ Заслуживают внимания соображения на сей счет Б.Н.Флоря, который с сожалением отмечает, что «официальная летопись ни одним словом не объясняет, в чем состояли “многие неисправления и неправды” старицких князей перед Иваном IV. Одна деталь дала возможность исследователям высказать догадки о характере “неправд”. В описи царского архива XVI века имеется помета, что 20 июля было послано царю во “княж Володимере деле Ондреевича” дело, “а в нем отъезд и пытка княже Семенова деле Ростовского” <...>. Судя по сохранившимся свидетельствам, в нем приводились показания о том, что во время тяжелой болезни Ивана IV многие бояре вступили в тайные переговоры со старицким князем о возведении его на трон в случае смерти царя. Это позволяет думать, что в начале 60-х годов царь получил какие-то новые сведения о сношениях Владимира Андреевича с недовольной знатью». ⁶

Б.Н.Флоря правильно, на наш взгляд, связал интерес Ивана Грозного к архивным материалам с поведением старицких князей в начале 60-х годов XVI века. Этот интерес был обусловлен отнюдь не тем, будто Грозному, как полагает Р.Г.Скрынников, не хватало улик «для открытого осуждения Старицкого», ⁷ а тем, что события десятилетней давности, запечатленные архивными документами, стояли в одном ряду с поступками старицких правите-

¹ ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 365.

² Там же. С. 368.

³ Там же.

⁴ Сборник Русского исторического общества. Т. 71. С. 467.

⁵ Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. С. 115.

⁶ Флоря Б.Н. Иван Грозный. С. 148.

⁷ Скрынников Р.Г. Начало опричнины. С. 183.

лей, ставшими предметом летнего сыска 1563 года. Политический, по сути, антигосударственный характер поведения Ефросиньи и Владимира Старицких приобретает достаточную наглядность, если учесть распоряжение Ивана Грозного «быти» у князя Владимира Андреевича «своим боярам и дьяком и столником и всяким приказным людям... Бояр же его и дьяков и детей боярских, которые при нем блиско жили, взял государь въ свое имя и пожаловал их, которой же которого чину достоин». ¹ Люди князя Владимира от боярина до сына боярского, поддерживавшие политические амбиции своих удельных властителей, ² готовы были идти с ними на самые крайние меры вплоть до убийства законного государя. Поменяв названных людей на своих бояр, стольников и пр., царь Иван, образно говоря, вырвал жало у старицких князей. ³ И сделал он это с полным основанием, поскольку действия Старицких приобрели, как показал розыск, характер заговора, не исключавшего цареубийства.

Р.Г.Скрынников, отдавая дань распространенной среди исследователей склонности находить у Ивана Грозного необоснованные страхи, говорит, что в 1563 году «власти приписали заговорщикам планы убийства царя и двух его сыновей». ⁴ По нашему мнению, слово *приписали* здесь неуместно, поскольку ничем не обосновано. Скорее, власти резонно предполагали возможность подобного убийства. Вероятно, государь проявил интерес к мартовским событиям 1553 года еще и потому, что тогдашними заговорщиками, желавшими посадить на московский трон Владимира Старицкого, была принята неудачная попытка цареубийства. Сам Иван нисколько не сомне-

¹ ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 368.

² О том, что эти амбиции имели место, говорят конкретные факты. Так, в 1560/61 г. княгиня Ефросинья пожертвовала Троице-Сергиеву монастырю плащаницу, на правой стороне которой была выткана «надпись, гласившая, что “сии воздух” сделан “повелением благоверного государя князя Владимира Андреевича, внука великого князя Ивана Васильевича, правнука великого князя Василия Васильевича Темного”» (Маясова Н.А. Мастерская художественного шитья князей Старицких// Сообщения Загорского государственного историко-художественного музея-заповедника. Вып. 3. Загорск, 1960. С. 51). Мечты о высшей власти не оставляли Владимира Старицкого и после летних событий 1563 года. На другой плащанице, пожертвованной в Кирилло-Белозерский монастырь, значится надпись: «Повелением благоверного князя Владимира Андреевича, внука великого князя Ивана Васильевича» (Там же. С. 56). По поводу данных фактов А.А.Зимин пишет: «Напоминая таким образом о своем происхождении от великих князей Василия II и Ивана III, старицкий князь тем самым недвусмысленно заявлял свои права на наследование московского престола: он, так же как и Иван IV, был внуком Ивана III, а прецедент коронации внука великого князя существовал уже с 1498 г.». – Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. С. 104.

³ По словам А.А. Зимина, «наиболее преданные князю Владимиру бояре, дети боярские и дьяки переведены были в государев двор, а к старицкому князю приставлены царские бояре и дворовые люди». – Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. С. 105.

⁴ Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 160.

вался в том, что ему в начале 60-х годов, как и в 1553 году, грозила смерть. Царь долго помнил об этом и во втором послании Курбскому вопрошал: «А князя Владимира на царство чего для естя хотели посадити, а меня и з детьми известь?».¹ Необходимо заметить, что Курбский, отвечая на сей страшный для него вопрос, обошел стороной столь тяжкое обвинение, затронув лишь тему о воцарении Владимира Старицкого: «А о Володимере, брате своем, воспоминаешь, аки бы есмо его хотели на государство; воистину, о сем не мыслих, понеже и не достоин был того».² Беглый князь об одном умалчивал, а по поводу другого явно лукавил, ибо московским западникам середины XVI века, к числу которых принадлежал князь А.М.Курбский, вовсе не нужен был властитель, по-настоящему достойный царского престола. Им необходим был покорный исполнитель воли боярского «сингклита», послушное орудие в руках советников, окружавших царя. Слабый и недалекий Владимир Старицкий,³ воспитанный матерью в повиновении, как нельзя лучше подходил к такой роли.

Официальная летопись в той части, где речь идет о суде над старицкими князьями, содержит известие, не оцененное еще в должной мере исследователями. Согласно этому известию, Ефросинью и Владимира Старицких судило высшее духовенство, причем без участия Боярской Думы: «И перед отцем своим и богомолцем Макарием митрополитом и перед владыками и перед освещенным собором царь и великий князь княгине Ефросинье и ко князю Владимиру неисправление их и неправды им известил».⁴ По словам Р.Г.Скрынникова, «Боярская дума участвовала в рассмотрении дела Старицких, но не в его решении. Царь не желал делать бояр судьями в своем споре с братом. Участь удельной семьи предстояло решить духовенству».⁵ В других своих работах историк объясняет, почему Грозный не захотел привлечь Боярскую Думу к суду над удельной родней. «Спустя несколько дней после ознакомления с архивами, — говорит он, — царь созвал для суда над Старицкими священный собор. Боярская дума формально в соборе не участвовала. Во-первых, царь не желал делать бояр судьями в своем споре с двоюродным братом и, во-вторых, в думе было немало родственников и приверженцев Старицких...».⁶ Возможно, Р.Г.Скрынников прав. Но есть еще один элемент судебного разбирательства, проливающий свет на то, почему судил Старицких Освященный собор, а не Боярская Дума. Все приобретает ясность, если допустить, что новый заговор Старицких, как и старый (в марте 1553 года), не исключал убийства Ивана Грозного — Богоданного и Богоизбранного Царя,

¹ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 104.

² Там же. С. 109.

³ См.: Скрынников Р.Г. Начало опричнины. С. 184. См. также: Скрынников Р.Г. 1) Иван Грозный. М., 1975. С. 79; 2) Царство террора. С. 161; 3) Иван Грозный. М., 2002. С. 217.

⁴ ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 368.

⁵ Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 160.

⁶ Скрынников Р.Г. Начало опричнины. С. 183. См. также: Скрынников Р.Г. 1) Иван Грозный. М., 1975. С. 79; 2) Иван Грозный. М., 2002. С. 127.

посредника между людьми и Богом, личность, по понятиям того времени, сакральную. Предметом судебного обсуждения был, следовательно, вопрос о судьбе теократического самодержавия и царя, его олицетворяющего. Это было главным во всех «неисправлениях» и «неправдах» Ефросиньи и Владимира Старицких. Понятно, что в данной ситуации высшее духовенство во главе с митрополитом Макарием, являвшимся одним из наиболее активных созидателей самодержавной монархии в России, не могло оставаться в стороне. Больше того, Освященный собор должен был выйти на первый план.

Улики оказались настолько очевидны,¹ что княгиня Ефросинья, игравшая, вероятно, основную роль в заговоре против государя, заявила о желании уйти в монастырь замаливать свой смертельный грех. Впрочем, об этом несколько историографических замечаний.

В исторической литературе нередко высказывается мнение, согласно которому Ефросинью Старицкую постригли в монахини насильно. Так думал П.А.Садиков, утверждавший, будто Иван приказал Ефросинью «постричь в монахини».² Таково суждение и А.А.Зимины, который писал: «Царь Иван внял извету дьяка (Савлука Иванова. – *И.Ф.*) и “положил был гнев свой” на Ефросинью, а 5 августа даже насильно постриг ее в монахини».³ Сомневается в добровольном уходе княгини Ефросиньи в монастырь и Б.Н.Флоря: «Мать Владимира Андреевича, княгиня Ефросинья (якобы по ее собственному желанию) 5 августа была пострижена в монахини в Воскресенском девичьем монастыре на Белоозере».⁴ Особенно настойчиво проводит идею принудительного пострижения старицкой княгини Р.Г.Скрынников, повторяя ее с некоторыми вариациями из одной своей книги в другую: «Официальная версия гласила, будто княгиня Ефросинья, уведав свои вины, сама просила у царя позволения постричься в монастырь, что совершенно не соответствует ни обстоятельствам дела, ни характеру действующих лиц. Непреложным фактом остается то, что правительство добилось от высшего духовенства осуждения Старицких и что по приговору собора Ефросинья была заточена в один из отдаленных северных монастырей. Грозный “простил” Старицких вовсе не на соборе, как утверждает официозная летопись, а значительно позже, когда старица Евдокия была водворена в монастырь. 5 августа 1563 г. княгиня Ефросинья была принудительно пострижена в монахини на подворье Кирилловского монастыря в Москве»;⁵ «свою тетку – энергичную и честолюбивую княгиню Ефросинию – Иван не любил и побаивался. В отношении нее он дал волю родственному озлоблению. Ефросинии пришлось разом ответить за все. Нестарой еще женщине, полной сил, приказали надеть монашеский куколь. Удельная княгиня приняла имя старицы Евдокии и стала

¹ Ср.: Садиков П.А. Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950. С. 14.

² Там же.

³ Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. С. 105.

⁴ Флоря Б.Н. Иван Грозный. С. 148. Автор здесь допускает неточность: Ефросинью постригли не в Воскресенском девичьем монастыре на Белоозере, а «на Москве на Кирилловском дворе». – См.: ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 368.

⁵ Скрынников Р.Г. Начало опричнины. Л., 1966. С. 183–184.

жить в Воскресенском женском монастыре, основанном ею самой неподалеку от Кириллова <...>. Воскресенская обитель не была для Ефросинии тюрьмой. Изредка ей позволяли ездить на богомолье в соседние обители»;¹ «Иван считал душой заговора не своего недалекого брата, а его мать. Ее постигло суровое наказание. Ефросинью доставили из Старицы на подворье Кирилло-Белозерского монастыря, и 5 августа 1563 г. игумен Васьян постриг ее в монашеский чин. Официальная версия гласила, будто тетка царя, уедава свои вины, сама попросилась в монастырь. Но эта версия едва ли соответствует обстоятельствам дела. Ефросинья была полна сил, ее обуревали честолюбивые замыслы, и по своей воле она никогда бы не покинула мир <...>. Местом заточения удельной княгини стал Воскресенский Горицкий монастырь».² И еще: «Ефросинья подверглась принудительному пострижению и была отправлена к месту заточения...».³ Здесь же Р.Г.Скрынников говорит о ссылке Ефросиньи.⁴ Что можно сказать по поводу этих суждений историка?

Желательно все же было бы иметь ясность в вопросе о том, являлся ли Воскресенский монастырь для старицкой княгини тюрьмой и местом заточения или не являлся, находилась ли она здесь в ссылке или на иноческом жительстве. Неопределенность в данном вопросе, а тем более разноречивые ответы, предлагаемые Р.Г.Скрынниковым, запутывают и без того сложную историю с Ефросиньей Старицкой.

Р.Г.Скрынников полагает, будто «Старицкие были в опале в течение нескольких месяцев».⁵ «Опалу» же удельных князей, по всей видимости, надо начинать с так называемого «принудительного пострижения» Ефросиньи, которая состоялось, как известно, 5 августа 1563 года. Однако уже 15 сентября, согласно вкладной в Симонов монастырь, упоминаемой Р.Г.Скрынниковым, царь, пожертвовав деньги в обитель, велел молиться о здравии инокини Евдокии.⁶ Следовательно, к этому времени «опальная» княгиня была прощена царем. А это означает, что Р.Г.Скрынников, говоря о нескольких месяцах опалы Старицких, увлекается. Но была ли в действительности сама опала и последующее прощение княгини Ефросиньи и князя Владимира? Какие факты приводит исследователь в обоснование своей точки зрения?

«В царском архиве в ящике 214, – отмечает Р.Г.Скрынников, – подле дела об отпуске на Белоозеро “княж Ондреевы Ивановича княгини во иноцех Евдокии” хранился особый документ – “отписка, как государь со старицы Евдокеи и сына со князя Володимера Ондреевича с сердца сложил”. Данные

¹ Скрынников Р.Г. Иван Грозный. М., 1975. С. 79. См. также: Скрынников Р.Г. Иван Грозный. М., 2002. С. 127.

² Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 161.

³ Там же.

⁴ Там же. См. также: Скрынников Р.Г. Начало опричнины. С. 184 (прим. 2).

⁵ Скрынников Р.Г. Начало опричнины. С. 184 (прим. 7). В другой своей работе эти «несколько месяцев» автор уместает в один-два: «Старицкие вышли из опалы не ранее сентября-октября 1563 г. – Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 161.

⁶ Скрынников Р.Г. 1) Начало опричнины. С. 185 (прим. 7); 2) Царство террора. С. 161.

подлинной архивной описи не оставляют сомнения в том, что сначала Ефросинья подверглась принудительному пострижению и была отправлена к месту заточения, и лишь после этого государь специальной грамотой объявил о прощении опальной семьи». ¹ Обратимся к описи: «Ящик 214. А в нем отпуск на Белоозеро, в Воскресенский монастырь, княж Одреевы Ивановича княгини, во иноцех Евдокеи, о обиходе, как быти ей на Белеозере, и отписка, как государь со старицы Евдокеи и сына ее со князя Володимера Одреевича с сердца сложил...». ² В данном случае, как видим, ничего не сказано об опале Ефросиньи. Это особенно показательно при сравнении с дальнейшим текстом, относящимся к М.И.Воротынскому: «И отписки, в опале о князе Михаиле Воротынском, на Белоозеро». ³ Надо думать, что, будь Ефросинья Старицкая (инокиня Евдокия) в опале, была бы и соответствующая отписка. Но о ней в описи нет упоминаний. Относительно Ефросиньи (Евдокии) в описи говорится только в связи с документами, толкующими об *отпуске* княгини в Воскресенский монастырь, о ее *обиходе* в обители и о том, как она и ее сын были *прощены* («с сердца сложил») царем Иваном. Все это – звенья одной цепи. Поэтому рассматривать их следует не отдельно друг от друга, а в комплексе. В результате получается, что прибытие княгини Старицкой на Белоозеро, в Воскресенский монастырь, было обставлено если не тремя, то, по крайней мере, двумя грамотами, определяющими ее положение на новом месте. Это, во-первых, – грамота об отпуске Ефросиньи в женскую обитель с определением *обихода*, «как быти ей на Белеозере». ⁴ Слово *отпуск*, которое, по нашему убеждению, необходимо понимать в смысле *отпустить, разрешить уйти*, ⁵ указывает на добровольный характер пострижения княгини Старицкой и ухода ее в монастырь, что соответствует сообщению официальной летописи, подтверждаемому, таким образом, документально. О том же говорит и поселение ее в Воскресенский монастырь по собственному выбору. Окажись она в опале и постриженной насильно, вряд ли Иван согласился бы отпустить Ефросинью в облюбованный ею же сооруженный монастырь. Неизвестно в таком случае, куда бы забросила ее судьба. Ясно одно: ее содержали бы в строгости, как это практиковалось в отношении государственных преступников. Но тут ей установили такой «обиход», т.е. *повседневную потребность, потребление, расход*, ⁶ какому любой опальный мог бы только позавидовать. Старице Евдокии государь распоря-

¹ Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 161. См. также: Скрынников Р.Г. Начало опричнины. С.184 (прим. 1).

² ААЭ. Т. I. СПб., 1836, № 289. С. 352; Государственный архив России XVI столетия. Подготовка текста и комментарии А.А. Зимина. Т. I. М., 1978. С. 89–90.

³ Там же.

⁴ Возможно, установлению этого «обихода» была посвящена специальная грамота.

⁵ См.: Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 13. М., 1987. С. 306, 309. См. также: Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. II. СПб., 1895. Стб. 808.

⁶ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 12. М., 1987. С. 60.

дился «устроить ествою и питием и служебники [прислугой] и всякими обиходы по ее изволению...».¹ За «несчастной» княгиней последовали 12 человек — ближние боярыни и слуги, имена которых частично восстанавливаются по Синодику опальных Ивана Грозного: Иван Ельчин, Петр Качалкин, Федор Неклюдов, Марфа Жулебина и Акулина Палицына.² Знатной инокине позволили организовать в обители некое подобие вышивальной мастерской, собрав под монастырской крышей «искусных вышивальщиц. Изготовленные в ее мастерской вышивки отличались высокими художественными достоинствами».³ Ей даже дозволено было держать при себе детей боярских, которых испоместили на Белоозере. В одной Памяти (1568) из приказа Большого Прихода в Поместный приказ говорится: «Бил челом царю государю и великому князю Кирилова монастыря игумен Кирил з братьею, а сказал, что их монастырская вотчина в Белозерском уезде в Городецком стану на Мауриных горах деревня Кнутово и иные деревни, а сошного в них письма было полтретей сохи; и тое-де их вотчину деревню Кнутово отписал Михайло Колычов и роздал-де тое землю по двory княжи Володимеровы Ондреевича матери княгине Евдокее детям боярским...».⁴ Эти дети боярские старицкой княгини, обосновавшейся в монастыре, получили в его окрестностях около 2000 четвертей пахотной земли в одном поле, «а в дву по тому же».⁵ Исходя из принятых тогда минимальных для детей боярских норм поместного оклада, можно предположить, что количество испомещенных служилых людей «княгине Евдокее» составляло около двадцати. Что это означало на практике относительно крестьян? По данным, изученным А.Л.Шапиро, еще в конце XV века в Новгородской земле, т.е. в регионе, соседствующим с Белоозерьем, однолошадные-однобежные крестьянские хозяйства «составляли львиную долю всех крестьянских хозяйств».⁶ Если считать, что обжа в среднем равнялась 10 четвертям пахотной земли в поле,⁷ то количество крестьянских дворов, розданных детям боярским Ефросиньи Старицкой, будет исчисляться примерно двумя сотнями. Эти 200 крестьянских дворов государство отписало на себя, а затем часть доходов с них передало служилым людям «опальной» удельной княгини, обеспечив за счет государственных средств содержание ее служилых людей. Опала, таки, очень странная.

Столь необычный «обиход», предназначенный княгине-инокине, испытывавшей давние враждебные чувства к Ивану IV (и это в русском обществе не являлось секретом), мог повергнуть в недоумение белозерские власти и

¹ ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 368.

² Скрынников Р.Г. Начало опричнины. С. 184 (прим. 2).

³ Скрынников Р.Г. Иван Грозный. М., 1975. С. 79; М., 2002. С. 127.

⁴ Садиков П.А. Очерки по истории опричнины. С. 443.

⁵ По словам Р.Г.Скрынникова, «вассалы Ефросиньи получили в окрестностях монастыря земли от 4500 до 6000 четвертей пашни в трех полях». — Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 162.

⁶ Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV — начало XVI в. Л., 1971. С. 22.

⁷ См.: Аграрная истории Северо-Запада России XVI века. Л., 1974. С. 10–15.

даже вызвать некоторую неуверенность в том, действительно ли так надо обхаживать и ублажать новоприбывшую. Поэтому в специальной грамоте царь во избежание, надо полагать, возможных недоразумений простил Ефросинью и Владимира,¹ о чем посредством письменного уведомления («отписки»²) были извещены местные власти.

Итак, «отпуск», «обиход» и «прощение» представляли собою единую подборку документов, которые современному исследователю надлежит рассматривать не врозь, а в общем пакете. При таком подходе теряет всякую убедительность догадка о принудительном пострижении Ефросиньи Старицкой.

В этой связи весьма красноречив тот факт, что С.Б.Веселовский, не упустивший случая, чтобы уязвить Грозного, должен был признать добровольный характер ухода старицкой княгини в монастырь: «Кн. Ефросинья изъявила желание постричься и удалиться в построенный ею Воскресенский Горицкий монастырь на р. Шексне, получила на это милостивое разрешение царя...».³

А.Л.Хорошкевич также поддерживает мысль о добровольном пострижении Ефросиньи Старицкой: «Княгиня Евфросиния была Ивану IV челом о разрешении принять постриг и 5 августа получила милостивое позволение».⁴

Необходимо согласиться с названными исследователями и отвергнуть идею принудительного ухода в монастырь старицкой княгини. Не кто иной, но именно она проявила желание укрыться от мира в монастырской келье. Сделано это было, вероятно, под впечатлением неопровержимости доказательств «неисправлений» и «неправд» старицких князей, о которых царь «известил» митрополиту и Освященному собору, а также под влиянием миролюбия государя, сложившего свой гнев и простившего виновных, пойдя навстречу просьбе иерархов церкви. О том, что Ефросинья была прощена на Соборе и не подверглась опале, свидетельствуют ее проводы в Воскресенский монастырь: «А провожали ее на Белоозеро боярин Федор Иванович Умного-Колычев да Борис Иванович Сукин да дьяк Рахман Житково; отец же ея духовной Кирилловской игумен Вассиан проводил до монастыря».⁵ Правда, некоторые историки, стремящиеся в поведении царя Ивана найти во что бы то ни стало негативные мотивы и побуждения, рисуют мрачными красками отъезд Ефросиньи Старицкой в избранную ею обитель. Так, Р.Г.Скрынников, изображая ее уход в монашество как ссылку, замечает: «Эта ссылка имела в глазах царя столь важное значение, что он поручил сопровождать Евдокию на Белоозеро члену регентского совета ближнему бояри-

¹ Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 161.

² Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 13. С. 299.

³ Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. С. 115.

⁴ Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. С. 348. Ради точности надо сказать, что 5 августа 1563 года состоялось пострижение старицкой княгини на подворье Кириллова монастыря в Москве. Свое согласие на уход Ефросиньи в монастырь Иван IV дал несколько раньше.

⁵ ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 368.

ну Ф.И.Умному-Колычеву». ¹ Сопровождение Евдокии на Белоозеро, о котором говорит Р.Г.Скрынников, сильно похоже на доставку преступника в тюрьму, что и понятно, поскольку исследователь, как мы знаем, отождествлял пребывание Евдокии в монастыре с заключением. Сходным образом изображает отъезд старицкой княгини А.И. Филюшкин: «Ефросинья Старицкая отправилась в ссылку под конвоем боярина Ф.И.Умного-Колычева, а также Б.И.Сукина, Р.Житкова». ² Двойственную позицию в вопросе о характере отъезда Ефросиньи-Евдокии заняла А.Л.Хорошкевич, по словам которой «проводы ее в Воскресенский Белозерский монастырь были обставлены весьма торжественно. Она уезжала в сопровождении (или под конвоем?) Ф.И.Умного-Колычева, Б.И.Сукина и дьяка Рахмана Житкова». ³ И тут опять для назидания всем скептикам, не верящим в добрые побуждения царя Ивана, вспомним о С.Б.Веселовском, не отличавшемся какими-либо симпатиями к Грозному, но вынужденном признать, что Ефросинья «с почетом была отправлена на Белоозеро». ⁴

Царь Иван, разумеется, не был простодушным человеком. Он знал, с кем имеет дело, и понимал, что за неукротимой теткой нужен глаз да глаз. Поэтому не исключено, что Ф.И.Умной-Колычев получил некоторые инструкции на этот счет. Но главное все же было не в присмотре за Ефросиньей, а в том, чтобы окружить почетом отправление родственницы царя в монастырь. Не потому ли Федор Умной-Колычев, Борис Сукин и Рахман Житков сопровождали постриженицу только до Белоозера, а уже кирилловский Вассиан проводил ее до Воскресенского монастыря. Во всяком случае, односторонний подход к факту проводов старицы Евдокии, особенно в рамках конвойной, так сказать, концепции, должен быть, на наш взгляд, скорректирован. Почетные проводы Ефросиньи означали, что конфликт, возникший между ней и государем, исчерпан, что она прощена царем Иваном. Последующие события свидетельствуют о том же.

Летопись сообщает: «Для бережения [Ефросиньи] велел [царь] у нее быти Михаилу Ивановичу Колычеву да Андрею Федорову сыну Щепотеву да подъячему Ондриюше Щулепникову, и обиход ее всякой приказано им ведати». ⁵ Если по вопросу о проводах старицкой княгини из Москвы в Воскресенский монастырь мнения ученых разошлись, то здесь они сошлись, причем не в положительном для Ивана Грозного смысле. «"Для бережения", т.е., попросту сказать, для надзора к ней был приставлен Михаил Иванович Колычев», — писал С.Б.Веселовский. ⁶ С почетом отправлена на Белоозеро под надзор надсмотрщиков — таково несколько причудливое представление С.Б.Веселовского об отъезде княгини Ефросиньи в монастырь. О «присмот-

¹ Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 161.

² Филюшкин А.И. История одной мистификации... С. 184.

³ Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. С. 348–349.

⁴ Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. С. 115.

⁵ ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 368.

⁶ Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. С. 115.

ре» за Старицкой М.И.Колычева и других лиц говорит А.А.Зимин.¹ Точку зрения С.Б.Веселовского повторил Р.Г.Скрынников: «"Для бережения" (надзора) к старице был приставлен М.И.Колычев, двоюродный брат Умного».² В аналогичном плане рассуждает Б.Н.Флоря: «"Для бережения" царь приставил к тетке своих доверенных людей, которые должны были контролировать ее контакты с внешним миром».³ Согласно А.Л.Хорошкевич, «доглядывать за княгиней в монастыре были назначены М.И.Колычев, А.Ф.Щепотев и подъячий А.Шулепников».⁴

Обращаясь к летописи, откуда наши историки почерпнули свои сведения о пребывании Ефросиньи Старицкой в монастыре, встречаем вполне определенное свидетельство о том, что приставленным к старице М.И.Колычеву и другим лицам государь повелел быть для «бережения» столь знатной особы, а также для того, чтобы «обиход ее всякой ведати». В Академическом словаре русского языка XI–XVII вв. приводится несколько значений слова «береженье»: 1) *Охрана, защита*; 2) *Предосторожность, принятие мер для ограждения от какой-нибудь опасности, вреда*; 3) *Оберегание, заботливое отношение, присмотр*; 4) *Бережливость, расчетливость*.⁵ Кроме того, в Словаре раскрывается содержание фразы «держати береженье»: а) *охранять, оберегать*; б) *содержать под стражей, стеречь, следить, внимательно наблюдать за кем-либо*.⁶ Казалось бы, семантика слова «береженье» позволяет согласиться с исследователями, говорящими о присмотре М.И.Колычева, А.Ф.Щепотева и А.Шулепникова за старицей Евдокией. Но это будет полуправдой, поскольку в летописном контексте данное слово имеет по отношению к старицкой княгине позитивный смысл, означающий ее *оберегание, заботливое отношение* к ней. Именно поэтому Колычеву с товарищами велено ведать всякий обиход, установленный для старицы. Потому же мы видим «Михайлу Колычева» раздающим земли детям боярским старицкой княгини. Надо полагать, что названная тройка присматривала за Ефросиньей, но вместе с тем она обязана была заботиться о княгине, исполняя ее пожелания.

Таким образом, ни о насильственном пострижении Ефросиньи, ни об опале, наложенной на нее, говорить не приходится.

Из летописи мы знаем, что князю Владимиру Старицкому, как и его матери, княгине Ефросинье, царь Иван «гнев свой отдал», т.е. простил, в присутствии митрополита Макария и высших иерархов церкви, выслушавших государя, известившего о «неисправлениях» и «неправдах» старицких князей, признавших вину последних, но просивших о снисхождении и мило-

¹ Государственный архив России XVI столетия. Опыт реконструкции. Подготовка текста и комментарии А.А.Зими́на. Т. III. М., 1978. С. 475.

² Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 161.

³ Флоря Б.Н. Иван Грозный. С. 148–149.

⁴ Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. С. 349.

⁵ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. I. М., 1975. С. 143.

⁶ Там же. С. 143–144.

сердии к ним.¹ Прощение последовало без промедления и было объявлено тут же на Освященном соборе, а не через месяц или два и неизвестно где, как полагают отдельные историки. Но коль так, то о какой тогда опале на Владимира Старицкого можно рассуждать? Тем не менее в исторической литературе подобные рассуждения встречаются.

А.А.Зимин, например, пишет: «Опале на некоторое время подвергся и князь Владимир Андреевич Старицкий. Наиболее преданные князю Владимиру бояре, дети боярские и дьяки переведены были в государев двор, а к старицкому князю приставлены царские бояре и дворовые люди».² При этом А.А.Зимин, вспоминая события 1541–1542 гг., когда произошло нечто подобное, замечает: «Смена ближайшего окружения старицкого князя была проведена не впервые».³ Необходимо, однако, учесть, что замена дворецкого, а также бояр и детей боярских из ближайшего окружения Владимира Андреевича, произведенная в самом начале 40-х гг., не носила опальный характер, поскольку была осуществлена во время прекращения опалы на старицких князей и освобождения их из «нютства».⁴ Значит, и смена в 1563 году бояр, детей боярских и дьяков Владимира Старицкого на таковых из государственного двора не может рассматриваться исключительно как проявление царской опалы. И все ж А.Л.Хорошкевич повторяет А.А.Зимина в данном вопросе, добавляя, правда, некоторые спорные подробности: «В опалу попал и Владимир Старицкий, вскоре лишившийся своего двора, переведенного государем “в свое имя”: “у князя Володимера Ондреевича повеле государь быти своим бояром, и дьяком, и стольником, и всяким приказным людем”. Однако полностью расправиться с Владимиром Андреевичем – неудачливым (?) победителем Полоцка, пользовавшимся поддержкой и, вероятно, симпатией боярства, он тогда еще не решился».⁵ По-видимому, так вопрос не стоял. Царь Иван обошелся с Владимиром милостиво не столько потому, что с пугливой оглядкой смотрел на бояр, симпатизирующих и поддерживающих старицкого князя, сколько потому, что не исчерпал пока терпения и надежды на исправление удельных правителей, как-никак приходившихся ему все же родичами. Кроме того, он слишком почтительно относился к своему «отцу и богомольцу» митрополиту Макарию и Освященному собору, чтобы не прислушаться к их просьбе о помиловании Владимира и Ефросиньи Старицких.

¹ В.Б.Кобрин причину прощения старицких князей видит в ином, перенося проблему в плоскость общих явлений истории общественной жизни: «Князь и его мать повинились (в невинных, признающих в преступлениях, в годы террора никогда нет нехватки). Царь их милостиво простил: должно быть, раскаяние было условием прощения» (*Кобрин В.Б. Иван Грозный. С. 61*). Мы все-таки считаем, что они повинились, поскольку были виноваты, что вина их была доказана в процессе розыска, а помилование получили не столько под условием раскаяния, сколько в результате «печалования» митрополита, владык и Освященного собора.

² *Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. С. 105.*

³ Там же.

⁴ См.: ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 135, 140.

⁵ *Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. С. 349.*

Так что Иван не решился полностью расправиться с Владимиром Андреевичем не потому, что не мог, а потому, что не захотел, движимый, по всей вероятности, желанием все уладить миром.

Обращался к царской «опале» на Владимира Старицкого в 1563 году и такой видный знаток истории России времен Ивана Грозного, как Р.Г.Скрынников. «Во время розыска об измене Старицких князь Владимир подвергся опале и был сослан в Старицу. Только осенью царь объявил о прощении брата и вернул ему наследственный удел. Но при этом прежнее правительство Старицкого было распущено», — пишет Р.Г.Скрынников в книге «Начало опричнины».¹ В последующей своей работе, написанной четверть века спустя, исследователь как бы усилил мысль об опале Владимира, сделав ее пространнее, чем это мы наблюдаем у других исследователей: «Обвинив брата в измене, Грозный велел взять его под стражу и отправил в ссылку в Старицу. Среди документов 1563 г. в царском архиве хранилась “свяска, а в ней писана была ссылка князя Володимера Ондреевича в Старицу...”. Опала и ссылка Владимира сопровождалась конфискацией его удельного княжества <...>. Пока князь Владимир пребывал в опале, власти осуществили далеко идущие санкции. После династического кризиса 1553 г. Старицким запретили вызывать в столицу удельных бояр и “двор”. В 1563 г. в связи с возвращением удела Владимиру его “двор” подвергся самой основательной чистке. Власти позаботились о роспуске удельной Боярской Думы... Приставив к князю Владимиру верных людей, правительство Грозного учредило своего рода опеку над удельным князем, взяв под контроль всю жизнь Старицкого удельного княжества. Суд над Владимиром дал повод правительству перекроить границы удельного княжества. Давнис соперники Старицких Захарьины торжествовали победу. После конфискации удела они приглядели самые ценные из удельных ссел и добились их передачи Дворцовому приказу, который они возглавляли. 23 ноября 1563 г. князь Владимир лишился городка Вышгорода и удельных дворцовых волостей Алешни и Петровской в Можайском уезде, а взамен получил земли в восточных уездах — городок Романов с селами».²

Одним из важных проявлений царской опалы, которой подвергся старицкий князь, Р.Г.Скрынников считает, как мы могли убедиться, конфискацию удельного княжества. Фактов, подтверждающих эту конфискацию, исследователь не приводит, и не потому, что они общеизвестны, а потому, что их нет. Правда, отдельные историки пытаются подвести под частичное изъятие удела обмен землями между царем Иваном и князем Владимиром. «У Владимира Андреевича забрали часть его удела, дав, впрочем, взамен другие земли», — пишет В.Б.Кобрин.³ Но обычно в трудах историков царствования Ивана Грозного речь о конфискации старицкого удела в 1563 году не идет.⁴ И это, на наш взгляд, правильно. Владимир Старицкий вместе с мате-

¹ Скрынников Р.Г. Начало опричнины. С. 184–185.

² Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 161, 162.

³ Кобрин В.Б. Иван Грозный. С. 61.

⁴ См., напр.: Веселовский С.Б. 1) Последние уделы в Северо-Восточной Руси // Исторические записки. Т. 22. 1947; 2) Исследования по истории опричнины. С. 115;

рю своей княгиней Ефросиньей был прощен царем Иваном по «печалованию» митрополита и Освященного собора на самой встрече государя с иерархами церкви. Тем самым устранялись основания для наказания провинившихся. Поэтому не надо мудрить. Надо просто прислушаться к летописцу и согласиться с ним в том, что после прощения Владимира, объявленного на Соборе, государь повелел старицкому князю владеть своей вотчиной «по прежнему обычаю».¹ Если владельческие права удельного князя и были прерваны, то лишь на время розыска, когда он находился под следствием, и до соборного заседания, на котором Владимир получил прощение своего венценосного брата и восстановление в правах. Теперь о так называемой ссылке князя Владимира Андреевича в Старицу.

Мы видели, что мысль о ссылке Владимира в Старицу Р.Г.Скрынников доказывает, утверждая, будто «среди документов 1563 г. в царском архиве хранилась "свяска, а в ней писана была ссылка князя Владимира Одреевича в Старицу"».² Можно подумать, что исследователь располагает документом того времени, свидетельствующим о ссылке Владимира в Старицу. В действительности же это не так. Р.Г.Скрынников забывает сказать, что имеет дело с выдержками из описи Посольского приказа 1626 года, когда «по государеву, цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу okolничей Федор Левонтьевич Бутурлин да дияки Иван Болотников да Григорей Нечаев переписывали в Посольском приказе всякие дела, что остались после пожару, как горело в Кремле городе в прошлом во 134-м году, мая в 3 день...».³ Именно в этой описи читаем: «Свяска, а в ней писана была ссылка князя Володимера Одреевича и князя Михаила Воротынсково на Белоозеро и отписки из-Ывьяна города о приезде свейского королевича Густава и о вестях, и наказы черные дворяном, как посыланы с Москвы в Слободу и по всем городом на псковичи».⁴ Обращает внимание грамматический строй текста: «Свяска, а в ней писана была ссылка князя Володимера Одреевича в Старицу». Смысл его состоит в том, что на момент составления описи в данной связке отсутствовал документ, говорящий о ссылке Владимира в Старицу и хранившийся, по сведениям переписчиков, там ранее. Если ссылка Владимира Андреевича в Старицу «писана была», то другие архивные материалы имелись в наличии: «Свяска, а в ней... отписки из-Ывьяна города»; «свяска, а в ней... наказы черные дворянам». Особенно наглядно различие формулировок выглядит на фоне перечисления переписчиками других связок: «Свяска, а в ней рознь всякая надобная, грамотки посыльные...»; «свяска, а в ней списки свадебные черные великого князя Василья Ивановичи-

Садиков П. А. Очерки по истории опричнины. С. 14–15; Зимин А. А. Опричнина Ивана Грозного. С. 104–106.

¹ ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 368.

² Скрынников Р. Г. 1) Начало опричнины. С. 184 (прим. 6); 2) Царство террора. С. 161.

³ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. С. 459.

⁴ Там же. С. 482.

ча...»; «свяска, а в ней грамоты от великой княгини Елены и от сына ее, от великого князя Ивана Васильевича, ко князю Ондрею Ивановичю и ото князя Ондрея Ивановича к великой княгине и к сыну ее, великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси, и к Данилу митрополиту, и к бояром...»; «связачка в листу, а в ней грамоты посыльные к великому князю Василью Ивановичу всеа Руси от великие княгини Елены и от князя Михайла Глинсково»; «свяска старых дел великого князя Василья Ивановича и царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси, грамоты черные, и судные, и приказные доводные дела, ветхи все и роспались и иная всякая рознь».¹

Отсюда вывод: дьяки Иван Болотников и Григорий Нечаев, разбиравшие интересующую нас сейчас связку архивных материалов, обнаружили утрату одного из хранившихся в ней документов. Но о том, что исчезнувший документ должен был находиться в связке, они доподлинно знали. Поэтому ими (или одним Иваном Болотниковым²) была сделана помета в прошедшем времени: «в ней [связке] писана была ссылка Володимера Ондреевича в Старицу». Современный историк, следовательно, располагает не первичным, а вторичным документом, представляющим собой краткую ремарку составителей описи царского архива, трудившихся по прошествии полувека после событий 1563 года. Возникает вопрос, насколько аутентичным является термин-ссылка, примененный в описи XVII века к событиям пятидесятилетней давности? Этот вопрос тем уместнее, что ссылка, о которой говорится в описи, довольно необычна для времени Ивана Грозного. Ее местом названа Старица – родовое гнездо старицких князей. За многие «неисправления» и «неправды» в такого рода ссылку тогда не отправляли, прибегая к более суровым репрессивным мерам, чаще всего к заключению в темницу. Не скрывается ли за словом «ссылка» дьяков XVII века предписанный государем переезд князя Владимира Андреевича из Москвы в Старицу на время сыска по его делу? Подобный переезд был целесообразен тем, что позволял изолировать Владимира, прервать его связь с внешним миром, в частности со своими сторонниками из числа московских бояр, замышлявших отстранение Ивана IV от власти. Интересы следствия обусловили решение царя направить князя Владимира в Старицу. Судя по всему, поздние составители описи царского архива поняли это решение самодержца как ссылку Владимира Андреевича в Старицу. В любом, однако, случае необходимо осмотрительно пользоваться сведениями описи, составленной много позже 1563 года, избегая буквальных ее толкований.

Вряд ли стоит рассматривать обмен землями между Иваном и Владимиром в качестве следствия суда над старицким князем. Этот суд дал якобы «повод правительству перекроить границы удельного княжества», а Захарьиным поживиться за счет наиболее ценных старицких сел, как считает Р.Г.Скрынников.³ Приготовления к обмену и сам обмен производились тог-

¹ Там же.

² В преамбуле к описи сказано: «А у сех книг рука одного диака Ивана Болотникова, а Григорья Нечаева руки нет, потому что Григорей не переписав дел, послан на государеву службу в Астрахань». – Там же. С. 459.

³ Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 162.

да, когда старицкие князья, даже по Р.Г.Скрынникову, были уже прощены государем – в октябре–ноябре 1563 года. В этом обмене не видно никаких карательных санкций. Для Владимира Старицкого земельная мена, по верному наблюдению С.Б.Веселовского, «была вполне безобидной».¹ Нельзя, впрочем, согласиться с его утверждением, будто «эта мена имела исключительно хозяйственное значение».² Шире взглянул на проблему П.А.Садиков. Он писал: «С 1563 г. Иван стал, по-видимому, готовиться к назревающим реформам, так как продолжение войны все настоятельнее требовало упорядочения и финансового хозяйства, запутанного управлением приказных дьяков, и какого-то решительного поворота в отношениях между верхушкой феодального класса, его основной массой, дворянством – “воинниками”, и лично Грозным – носителем самодержавной власти. Иван во время своих ежегодных поездок по монастырям “на богомолье” и “по потехам” тщательно присматривается к хозяйственному строительству в своих собственных дворцовых селах, знакомится с положением дел в гуще “удельных” княжеческих вотчин по “заокским городам”, заглядывает постоянно в настоящий “удел” кн. Владимира Андреевича, разъезжает с ним по его вотчине и “выменивает” у него немедленно по приезду в Москву понравившиеся, очевидные, благоустроенные хозяйственно, земельные единицы».³

А.А.Зимин, одоббивший догадку П.А.Садикова о том, что обмен землями между царем Иваном и Владимиром Старицким указывал на подготовку Грозного к продолжению государственных реформ, внес некоторые дополнительные штрихи к этому обмену. «Ежегодные поездки на богомолье и “потехи”, – замечал исследователь, – могли использоваться царем для изучения организации удельного управления, опыт которого он использовал в недалеком будущем. С этим же замыслом как-то связывается и начало обмена землями с Владимиром Старицким».⁴

Бесспорный интерес представляет мнение А.Л.Хорошкевич в той его части, где обмен землями между Иваном и Владимиром не соотносится не только с внутрисполитической ситуацией в России, но и с обстоятельствами внешнеполитического свойства. Вспомнив о смерти Юрия Васильевича, родного брата Ивана IV, а также земельную мену последнего с князем Старицким, А.Л.Хорошкевич говорит: «События, несомненно, были связаны. К опасениям царя из-за влияния Владимира Андреевича на боярство добавлялся страх перед его возможными претензиями на наследство кн. Юрия и вообще на царский престол. Этот обмен произошел 26 ноября, на третий день после смерти Юрия Васильевича, вероятно, вскоре после похорон, на которых присутствовал и Владимир Андреевич, и сарский и подонский епископ Матвей, и весь освященный собор. Вместо Вышгорода на Протве и ряда Можайских волостей (Олешни, Петровской, Воскресенской) старицкий князь получил далекий от Москвы г. Романов на Волге с уездом, кроме Рыбной слободы и

¹ Веселовский С.Б. Последние уделы Северо-Восточной Руси. С. 108.

² Там же.

³ Садиков П.А. Очерки по истории опричнины. С. 15.

⁴ Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного. С. 106.

Пошехонья. Видимо, царь руководствовался не только хозяйственными побуждениями: ему было важно лишить Владимира Старицкого земель на запад от Москвы, расположенных по пути следования литовско-польских походов». ¹

На наш взгляд, ларчик открывается проще. Судя по всему, замысел обмена возник у государя не мгновенно. Не стал он неожиданностью и для Владимира Старицкого, которому было известно о намерениях Ивана. Показательно в этом отношении следующая летописная запись: «Сентября в 21 день (1563)... царь и великий князь поехал в объезд к Троице Живоначальной в Троицкой монастырь молиться, а от Троицы из Сергиева монастыря поехал на Можаяск. А в Можайску свещал государь церковь Успения пречистые Богородицы дубовую брусеную о пяти верхах, что против государева двора, а у нее пять пределов, а освящена бысть Октября в 3 день, а свещал ее Ростовский архиепископ Никандр. А из Можайску государь ездил в Старицу, во княже Володимирову отчину Ондреевича дворцовым селам, а князь Володимер Ондреевич с ним же; а в Верее у князя Володимера Ондреевича государь был и пировал, и по Верейским селом и по Вышегородским государь ездил. А на Москву государь приехал Ноября в 1 день». ² О чем говорит эта запись?

Она говорит о том, что Иван IV отправился из Москвы «в объезд» (*поездка, выезд с целью осмотра, контроля*)³ западных русских городов и сел, расположенных на территории Старицкого удельного княжества. Всякое общественное дело, в особенности государственное, тогда начинали с публичного моления Богу. Вот почему царь заехал «молиться» в Троице-Сергиев монастырь и уже оттуда «поехал на Можаяск». Обнаруживается устоявшийся интерес государя к Можайску. Здесь у царя свой двор,⁴ здесь по его повелению строится Успенский храм, в освящении которого он принимает непосредственное участие. Сюда государь всей своей семьей приезжает молиться и отдыхать: «Поехал царь и великий князь в Можаяск к Николе Чюдотворцу и въ монастыри помолиться и по селом прохладится, а с ним его царица и дети его цевевичи Иван и Федор Ивановичи». ⁵ Можайск – резиденция, можно сказать, царя Ивана. ⁶ Тут он проводит длительное время, принимает различных иноземных послов, вестников и гонцов. ⁷ Обращает внимание весьма важное военно-стратегическое значение Можайска, ставшего

¹ Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. С. 362.

² ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 370.

³ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 12. М., 1987. С. 199.

⁴ Посетивший Россию в начале XVII века немецкий герцог Ганс видел в Старице царский дворец «со множеством шпицов и выступов». – Путешествие герцога Ганса Шлезвиг-Гольштинского в Россию в 1602 году // ЧОИДР. 1911. Кн. 3. С. 13.

⁵ ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 320.

⁶ См.: Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 197.

⁷ Там же. С. 321, 347. См. также: Полосин И.И. Социально-политическая история России XVI – начала XVII в. С. 88, 92.

местом сбора и концентрации русских войск перед походом на Литву,¹ а в некоторых случаях вследствие сравнительно небольшого расстояния от Берега – и крымских татар.² Этот город на западных рубежах Руси являлся самым крупным,³ представляя собою мощную деревянную крепость, построенную по новым образцам.⁴ В Ливонскую войну Можайск приобрел существенное военно-стратегическое значение. Естественно, что аналогичное значение имели также близлежащие уезды, волости и села.⁵ По всей видимости, Иван совершил «объезд» именно этих земель, чтобы присмотреться к ним и при необходимости договориться с Владимиром Старицким о передаче их в ведомство Дворцового приказа, что в условиях войны было крайне необходимо с точки зрения государственных интересов. Договоренность, надо полагать, состоялась. И старицкий князь, понимая государственную потребность перехода удельных земель, соседствующих с Можайском, в ведение Москвы, не усматривал в этой договоренности давления на себя, а тем более какого-то наказания за недавние свои «неисправления» и «неправды» по отношению к царю. При чтении летописи складывается впечатление, что царь Иван и князь Владимир решали общее дело. Поэтому они вместе объезжали удельные дворцовые волости и села, вместе пировали, демонстрируя взаимное согласие.

Договоренность Ивана с Владимиром, достигнутая во время поездки государя по удельному княжеству в октябре 1563 года, была реализована 26 ноября, когда «царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси менил со князем Володимиром Ондреевичем землями: выменил у князя Вышегород на Петрове и с уезды да на Можайском уезде княжие волости, волость Олешню, волость Воскресеньскую, волость Петровскую; а променил государь князю Володимеру город Романов на Волге и с уездом, опричь Рыбные слободы и Пошехония».⁶ Сам по себе обмен примечателен. После только что неопровержимо доказанных розыском «неисправлений» и «неправд» Владимира и Ефросиньи Старицких, в обстановке тяжелой войны с Польшей и Литвой, за которыми стоял, собственно, весь Запад, Иван IV компенсирует Владимиру Андреевичу взятые на себя в силу военной надобности стариц-

¹ «И государь царь и великий князь в то время был в Можайску в великом собрании для Литовского дела»; «царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси для своего дела Литовского стоял на Можайску»; «пришел государь в Можаяск..., а с ним царь Александр Сафа-Киреевич Казанской» (Там же. С. 342, 343, 347); «царь и великий князь как пошел на свое дело из Можайску к Лукам»; «царь и великий князь пойдет на свое дело на земское из Можайска к Великим Лукам». – Сборник Русского исторического общества. Т. 71. С. 99, 115. См. также: Полосин И.И. Социально-политическая история России... С. 75; Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. С. 95.

² ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. 342. См. также: Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. С. 96.

³ Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. С. 125.

⁴ См.: Епифанов П.П. Крепости // Очерки русской культуры XVI века. Ч. I. М., 1977. С. 322.

⁵ См.: Сборник Русского исторического общества. Т. 71. С. 115.

⁶ ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 372.

кие земли, тогда как мог попросту их изъять и конфисковать, что было бы принято московским обществом как должное. Но царь поступил иначе, не желая, вероятно, чтобы его, совсем недавно перед лицом Освященного собора простившего старицких князей, заподозрили в мести. Он и здесь оказался на высоте православного самодержавства, управлявшего подданными посредством мира, любви и согласия, а потребуетеся и – грозы.

Итак, летом 1563 года Иван Грозный «сложил свой гнев и отдал вину» Ефросинье и Владимиру Старицким, творившим всякие «неисправления» и «неправды», нацеленные на то, чтобы «извести» царя и его детей, как он сам скажет позже. Но перед нами отнюдь не единственный случай прощения государем изменников незадолго до учреждения Опричнины. Иван простил М.В.Глинского, И.Д.Бельского, М.И.Воротынского, воевод, сдавших врагу Тарваст, и др. После этого странными, по меньшей мере, кажутся слова В.О.Ключевского, который так охарактеризовал Ивана Грозного, когда он прогнал своих прежних советников – Сильвестра и Адашева: «Иван остался опять один на один со своими злыми чувствами и страстями, не находя опоры, лишенный любви и преданности, он опять начал действовать коренными инстинктами своей души: ненавистью, мстительностью и недоверием».¹ В этих словах проглядывает не столько исторический портрет Ивана, сколько его художественный образ, порожденный творческой фантазией В.О.Ключевского, образ захватывающий, но далекий от реальности. Неубедительным представляется и утверждение С.Ф.Платонова, будто проведенный Грозным «неискусно и грубо» разрыв с Избранной Радой «превратился в глухую вражду» царя «с широкими кругами знати», будто «со стороны последней не было заметно ничего похожего на политическую оппозицию».² Ведь разрыв с Избранной Радой, осуществленный Грозным постепенно, осторожно и с большой выдержкой, был обусловлен ее борьбой против царского самодержавства и стремлением партии Сильвестра–Адашева реформировать государственно-политическую систему так, чтобы превратить самодержавную власть в некое подобие королевской власти Польско-Литовского государства. И едва ли следует противопоставлять царя Ивана «широким кругам знати», среди которой было немало приверженцев русского самодержавия, разделявших идеи Грозного о царской власти. Любопытным в этой связи представляется одна из грамот Боярской Думы начала 60-х гг. XVI века, направленная панам королевской Рады. В этом послании-грамоте развиваются мысли, под которыми, не колеблясь, мог подписаться Иван Грозный. «Наши государи самодержцы, – писали бояре, – никем не посажены на своих государствах, но от всемогуща Божия десницы государи, так и ныне на своих государствах государи, а ваши государи посаженные государи; ино которые крепче, вотчинный ли государь, или посаженной государь, сами то разсудите».³ Бояре говорили то, что В.О.Ключевский приписал одному Грозному:

¹ Ключевский В.О. Лекции по русской истории, читанные на Высших женских курсах в Москве в 1872–1875 гг. М., 1997. С. 365.

² Платонов С.Ф. Иван Грозный. (1530–1584). М., 1998. С. 83.

³ Сборник Русского исторического общества. Т. 71. С. 108.

«Он сам для себя стал святыней и в помыслах своих создал целое богословие политического самообожания в виде ученой теории своей царской власти. Тоном вдохновенного свыше и вместе с обычной тонкой иронией писал он во время переговоров о мире врагу своему Стефану Баторию, коля ему глаза его избирательной властью: “Мы сиренный Иоанн, царь и великий князь всяя Руси *по божію изволению, а не многмятежному человеческому хотению*”».¹ Иван высказывал такие вещи, которые вращались в кругу политического, так сказать, истеблишмента той поры. Особенно примечательна формула, употребленная боярами в грамоте: «А государь наш волен своих холопей казнити и жаловати».² В данной формуле В.О.Ключевский видел яркое проявление сугубо индивидуального творчества царя Ивана. «Вся философия самодержавия у царя Ивана, — утверждал историк, — свелась к одному простому заключению: “Жаловать своих холопей мы вольны и казнить их вольны же”. Для подобной формулы вовсе не требовалось такого напряжения мысли».³ Не говоря о столь упрощенном и даже вульгаризированном подходе к «философии самодержавия у царя Ивана», заметим, что упомянутая формула являлась плодом творчества политического класса России середины XVI века в целом. независимо от положительного или отрицательного отношения к ней отдельных его представителей, в чьей борьбе и столкновениях формировалось русское самодержавство. Вернемся, впрочем, к прежней теме.

На последнем этапе существования Избранной Рады и особенно после ее падения сторонники Сильвестра и Адашева, терпя поражение, пустились, как мы знаем, в разные измены, перешедшие в многочисленные побеги из России, сопровождавшиеся нередко выдачей государственных тайн и секретов. Заметное распространение получило скрытое противодействие бояр и воевод войне с Литвой и Польшей, что, безусловно, играло на руку врагу. Всем этим они сами упорно толкали Ивана Грозного к чрезвычайным мерам. К тому же вела политика Избранной Рады по отношению к русской церкви и православной вере.

* * *

Наблюдение за церковной политикой московского правительства в конце XV — середине XVI века выявляет одну любопытную закономерность: ужесточение этой политики (особенно по части церковно-монастырского землевладения) в моменты, когда оживлялось еретическое движение на Руси, а к правительственной власти приходили или приобретали большое влияние на нее лица, либо принадлежащие к еретикам, либо покровительствующие им. Вспомним последний период правления Ивана III. Еретики Федор Курицын, Елена Волошанка, протопоп Алексей и другие представители еретической партии «жидовствующих», проникшей внутрь Кремля, оказались у

¹ Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. Т. 2. М., 1988. С. 184–185.

² Сборник Русского исторического общества. Т. 71. С. 110.

³ Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. Т. 2. С.158.

кормила власти. Именно они, прикрываясь государственными интересами испомещения служилых людей, а на самом деле следуя своей ереси, отвергавшей монашество, побуждали Ивана III к ликвидации церковно-монастырского землевладения, находя себе при этом сторонников среди нестяжателей, так сказать, «первой волны», возглавляемых Нилом Сорским, который, будучи идеалистом, лишенным должного прагматического чутья, вряд ли осознавал, какое церковно-политическое, в конечном счете, государственное крушение подстерегает Русь при осуществлении его, безусловно, симпатичной (если судить абстрактно) теории на практике.

Следует далее заметить, что проблема земельного обеспечения служилых людей не являлась тогда и позже столь острой, как об этом нередко говорят наши историки, желая подвести под ограничительные и конфискационные меры правительства Ивана III идею исторической необходимости, чтобы лишний раз выставить православную церковь той поры в качестве реакционного учреждения, стоящего на страже своих богатств и препятствующего поступательному развитию Русского государства. К сожалению, об искусственности представлений о правительственном «земельном голоде» той поры можно судить преимущественно по косвенным данным, современным эпохе конца XV – середины XVI века и более поздним. Что касается последних, то на память приходят факты, связанные с разбором в октябре 1665 года князем Иваном Андреевичем Хованским и дьяком Ларионом Пашиным Новгородского Разряда, говоря новейшим языком, Северо-Западного военного округа. То был смотр служилых людей (дворян и детей боярских) всех пятин. В.М.Воробьев, внимательно изучавший это событие, обнаружил крайне любопытную вещь: из общего числа участвовавших в смотре служилых людей 38,4% составляли беспоместные воины, состоящие на царском жаловании.¹ Важно иметь в виду, что данное обстоятельство никоим образом не сказывалось на боеспособности русского войска. Логично предположить наличие беспоместных служилых людей и в первой половине XVI века. Так позволяют думать Писцовые книги, содержащие соответствующие сведения.² Существование беспоместных в те времена нельзя, по нашему убеждению, рассматривать как свидетельство земельной скудости, ощущае-

¹ Воробьев В.М. Как и с чего служили на Руси в XVII в. (К истории русского дворянства) // Средневековая и новая Россия. Сб. статей. СПб., 1996. С. 460.

² «Слободка Николское Стучево на тверском рубеже на рече на Медведице на Захарьинской земле Овиново в Николском погосте, что была за князем за Осифом Дорогобужским, а после того была в поместье за Борисом за Федоровым сыном Волинцова, а ныне дана Митке Григорьеву сыну Волинцова, беспоместно» (НПК, VI, II, 159–161); «в Сорогошине ж в Защижье деревня Кирилловское Босоволкова да брата его Июдинская Клементьевых, а была в поместье за Нечаем да за Федком за Некрасовыми детми Нечаева за Федком за Соломеиным, а ныне дана Васюку Михайлову сыну Корнилову, беспоместному (Там же. 441); «в Слезкине ж в Ыльинском погосте великого князя деревня и пустошь, а были в поместье за Ондреем за Крюком за Парфеньевым сыном Баскакова да за его сыном за Якушем, а ныне та деревня и пустошь даны беспоместному Ондрюше Васильеву сыну Бирилева» (Там же. 537), и др.

мой русскими государями конца XV – середины XVI века. Не случайно, по-видимому, И.С.Пересветов, предлагая Ивану IV проект обустройства «воинов» (служилых людей), считает предпочтительным государево денежное жалование.¹ Надо думать, Пересветов прибегал здесь не только к опыту фантазмагорического «Магмет-Салтана», но и к русской реальности середины XVI века, в которой обеспечение беспоместных служилых людей государевым денежным жалованием было достаточно распространенным явлением. И реформатор предлагал царю придать данному явлению всеобщий характер. Для этого имелись все необходимые условия. Но жизнь пошла по иной колее, в чем еще надлежит разобраться исследователям.

Учитывая сказанное, мы не станем вслед за другими историками толковать конфискацию Иваном III земель дома Св. Софии и новгородских монастырей, их раздачу служилым людям как указание на недостаток земельного фонда у самого великого князя. Исполнение московских служилых людей в Новгородской земле имело не столько экономическое, сколько военно-политическое значение. Образование корпуса помещиков в Новгородской земле преследовало три, как минимум, основные цели: 1) сделать прочным и необратимым территориально-политическое объединение Новгорода с Москвой;² 2) наладить управление вновь присоединенной землей;³ 2) обезопасить границы Русского государства на западе.

Едва ли произведенное Иваном III изъятие церковных земель в Новгороде означало *секуляризацию*, пусть даже «местную» и «случайную», как полагал, например, А.С.Павлов.⁴ Особенно проблематичной является мысль о подобной сути земельных конфискаций, осуществленных вслед за присоединением Новгорода к Москве в 1478 году под предлогом восстановления прежнего княжеского домена: «А государство нам свое держати, ино на чем великим князем быти в своеи отчине, волостем быти, селом быти, как у нас в Низовской земле, а которые земли наши великих князей за вами, а то бы было наше».⁵ Перед нами, несомненно, акция победителя в стане побежденных, долженствующая покрепче связать только что покоренное Новгородское государство с Московским княжеством. «В положении победителя, умеющего пользоваться своей победой и хорошо понимающего значение при-

¹ См.: Сочинения И.Пересветова. М.; Л., 1956. С. 155, 156, 158.

² См.: Греков Б.Д. Избранные труды. Т. IV. М., 1960. С. 295. Перед Иваном III, по выражению Б.Д.Грекова, стояла задача «ассимилировать вновь приобретенное большое государство». – Там же. С. 290.

³ См.: Бернадский В.Н. Новгород и новгородская земля в XV веке. М.; Л., 1961. С. 314, 315.

⁴ Павлов А. Исторический очерк секуляризации церковных земель в России. Ч. I. Одесса, 1871. С. 32. В связи с секуляризацией рассматривают конфискации в Новгороде, осуществленные Иваном III в конце XV века, и некоторые современные исследователи. – См., напр.: Моисеева Г.Н. Валаамская беседа – памятник русской публицистики середины XVI века. М.; Л., 1958. С. 16.

⁵ ПСРЛ. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV века. М.; Л., 1949. С. 318. См. также: Бернадский В.Н. Новгород и новгородская земля... С. 322; Скрынников Р.Г. Трагедия Новгорода. М., 1994. С. 20.

обретенного, — говорит Б.Д. Греков, — иначе поступать, быть может, и нельзя было».¹ В результате «первые конфискации новгородских земель дали московской казне 17 тысяч обож. Из них... 15 тысяч обож были включены в фонд дворцовых и великокняжеских оброчных и только 2 тысячи со временем пошли в раздачу. После 1483–1484 годов в собственность великого князя поступило еще 12 тысяч обож. Княжеский домен в Новгороде был восстановлен, поэтому львиную долю вновь конфискованных земель — до 10 тысяч обож — казна раздала московским боярам и служилым людям. К концу XV века в собственность государства перешло свыше 72 тысяч обож, из которых более половины осталось под непосредственным управлением великокняжеского ведомства, а меньшая часть попала в руки служилых людей».² По расчетам Ю.Г. Алексеева, после конфискации новгородских земель Иваном III великокняжеские оброчные и дворцовые земли составляли 50,8% от общего числа земельных угодий, а поместные земли — только 36,3%.³ О чем все это говорит? Прежде всего о том, что для испомещения служилых людей в конце XV — начале XVI века у московского великого князя земель было в избытке. «К концу XV в. оставался весьма значительный фонд оброчных земель, еще не пущенных в раздачу помещикам», — замечает В.Н. Бернадский.⁴ Если в чем и ощущался недостаток, так это в служилых людях. По словам А.М. Андрияшева, «даже в 1498 г., во время переписи Валуева, желающих и достойных получить поместья все еще оказывалось очень и очень недостаточно».⁵

Изъятия и посягательства на земельные владения духовенства в Новгороде не являлись совершенной новостью. Светские власти волховской столицы в прошлом не раз покушались на земли местной церкви. Именно по этому поводу митрополит Филипп в апреле 1467 года в специальном послании увещевал новгородцев, которые «хотят грубость чинити святей Божией Церкви и грабити святыя церкви и монастыри», то есть «имения церковныя и села данаа хотят имати себе... да сами тем хотят ся корыстовати».⁶ Что касается отчуждения в 1478 году новгородских духовных вотчин, то оно было произведено «по предложению боярского правительства Новгорода»,⁷ опиравшегося на существующие, как мы видели, прецеденты. Иван III, следовательно, не вводил совершенно новую практику в отношения государственной власти с церковью.⁸ Он потряс новгородцев лишь масштабностью своего предприятия.

¹ Греков Б.Д. Избранные труды. Т. IV. С. 284. Ср.: Алексеев Ю.Г. «К Москве хотим». Закат боярской республики в Новгороде. Л., 1991. С. 141.

² Скрынников Р.Г. Трагедия Новгорода. С. 20.

³ Аграрная история северо-запада России. Вторая половина XV — начало XVI в. Л., 1971. С. 333.

⁴ Бернадский В.Н. Новгород и новгородская земля... С. 324.

⁵ Андрияшев А.М. Материалы по исторической географии Новгородской земли. Шелонская пятина по писцовым книгам 1498–1576 гг. М., 1914. С. VIII.

⁶ АИ. Т. I. СПб., 1841, № 82.

⁷ Скрынников Р.Г. Крест и корона. Церковь и государство на Руси. СПб., 2000. С. 175.

⁸ Ср.: Алексеев Ю.Г. «К Москве хотим»... С. 141. Покушения на земельную собственность духовенства со стороны представителей светской власти, в том числе

Московский властитель, насколько известно, отбирал земли не только у духовных, но и у светских землевладельцев.¹ И, надо сказать, мало кого «миновала чаша сия». А.М.Андряшев, изучавший проблему по материалам Шелонской пятины, пишет: «Все новгородцы, владеющие землей, кто бы они ни были, — бояре, купцы или житьи люди, богатые собственники многих десятков сох и бедняки, сидевшие на одной обже, сторонники литовской партии и сторонники московской партии — все должны были оставить свои насиженные гнезда».² Новгородцев, покинувших «свои насиженные гнезда», поселяли в Московском княжестве. Для примера приведем лишь два случая, датируемых летописцем 1489 годом. Зимой этого года «привели из Новгорода на Москву болши семи тысящ житиих людей».³ Той же зимой «князь велики Иван Васильевич переведе из Великого Новгорода многих бояр и житиых людей и гостей, всех голов болши 1000, и жаловал их, на Москве давал поместья, и в Володимери, и в Муроме, и в Новгороде в Нижнем, и в Переяславле, и в Юрьеве, и в Ростове, и на Костроме, и по иным городом. А в Новьгород в Велики на их поместья послал Москвичь лучших многих, гостей и детей боярьских, и из ыных городов из Московьския отчины многих детей боярьских, и гостей, и жаловал их в Новгороде в Великом».⁴

Из всех этих фактов, нами упомянутых, следует, что Иван III располагал и в центральных уездах, и в новгородских пятинах земельным фондом, значительно превышающим потребность обеспечения земель служилых людей.

князей, имели место едва ли не со времени возникновения этой собственности. В одной древней жалованной грамоте новгородскому Пантелеймонову монастырю говорится: «А кто почьнеть вступатися въ тое землю, и въ воду, и въ пожни или князь или епискуп, или хто иметь силу деяти, и он въ второе пришествие станеть тяжатися съ святым Пантелеимоном» (ГВНП. М.; Л., 1949, № 82. С. 141). Среди потенциальных нарушителей права собственности Пантелеймонова монастыря на пожалованные земли фигурирует, как видим, и князь.

¹ См.: *Бернадский В.Н.* Новгород и новгородская земля... С. 314–352.

² *Андряшев А.М.* Материалы по исторической географии... С. LVI–LVII.

³ ПСРЛ. Т. XII. СПб., 1901. С. 220. См. также: ПСРЛ. Т. XXIV. М., 2000. С. 237.

Это событие летописцы объясняют тем, что приведенные в Москву новгородцы хотели якобы «убити Якова Захариича, наместника Новгородскаго». Однако трудно поверить в такое количество заговорщиков, тем более что «иных многих думцев Яков пересек и перевешал». Скорее всего, здесь мы имеем дело с волнениями «житиых людей», вызванных перспективой их вывода в Москву, сопровождавшегося, по В.Н.Бернадскому, «острой борьбой» (*Бернадский В.Н.* Новгород и новгородская земля... С. 322). Впрочем, согласно версии, заключенной в Софийской второй летописи, Иван III повелел вывести из Новгорода житиых людей «обговору деля, что наместники и волостели их продавали, и кои на них продажи взыщут, и они борются тем, что их, рекши, думали убить: и князь великий москвичь и иных городов людей посла в Новгород на житье, а их вывел, а многих иссечи велел на Москве, что рекши, думали Якова Захарыича убити» (ПСРЛ. Т. VI. СПб., 1853. С. 239). Думается, одно не исключает другого.

⁴ ПСРЛ. Т. XII. С. 220.

Поэтому едва ли можно согласиться с утверждением, будто «после присоединения Твери и конфискации земель новгородского боярства правительство исчерпало основные земельные фонды, которые оно могло широко использовать для испомещения значительных масс служилых людей».¹ Земельный фонд, образованный в Новгородской земле посредством конфискаций земель светских и церковных собственников, московское правительство, как мы видели, еще далеко не исчерпало. И всякие рассуждения насчет остроты земельного вопроса в России на рубеже XV–XVI веков нам представляются искусственными.

Другой вывод, вытекающий из приведенных выше фактов, состоит еще и в том, что первые конфискации церковных и монастырских земель Ивана III в Новгороде не являлись, строго говоря, секуляризацией, т.е. политикой обращения государством церковной собственности в светскую. Прав Б.Д. Греков, когда говорит: «Это не “секуляризация”, а конфискация земель без различия – и светских и церковных – по чисто политическим мотивам, результат завоевания, а не акт внутренней политики».² Вместе с тем, однако, нельзя не заметить, как эти конфискации, производившиеся не менее 5 раз, если не больше,³ «перерастали в секуляризацию (правда, в рамках одной области)».⁴

В соответствии с мнением А.А. Зимина, «ликвидация монастырского землевладения отвечала насущным потребностям военно-служилого люда и феодального государства».⁵ Думается, это – некоторое преувеличение. Ликвидацией земельной собственности церкви и монастырей были озабочены преимущественно еретики, тесным кольцом окружавшие великого князя Ивана и настойчиво побуждавшие его к этой крайней и, надо сказать, опасной мере, вносящей раздор между государством и церковью, чреватый распадом русской государственности. В сущности, их влияние на великого князя в данном вопросе признает и А.А. Зимин: «Было еще одно средство (расширения земельных резервов государства. – *И.Ф.*), которое отвечало представлениям московского кружка единомышленников-вольнодумцев, опиравшегося на Дмитрия-внука, – полная ликвидация (секуляризация) монастырского землевладения».⁶ Это влияние, радикальное по своей сути, началось, очевидно, с первых конфискаций недвижимости новгородского духовенства. Иначе трудно понять ошеломившее новгородцев требование великого князя уступить ему половину земельных владений владыки и шести наиболее крупных новгородских монастырей. Скрытую пружину такой необыкновенной прыти Ивана Васильевича сумел разглядеть В.Н. Бернадский. «Как далеко готов был идти Иван III в борьбе с главою новгородской

¹ Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий: (Очерки социально-политической истории). М., 1982. С. 199.

² Греков Б.Д. Избранные труды. Т. IV. С. 158 (прим. 69).

³ См.: Бернадский В.Н. Новгород и новгородская земля... С. 322.

⁴ Казакова Н.А. Очерки по истории русской общественной мысли. Первая треть XVI века. Л., 1970. С. 54.

⁵ Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий... С. 199.

⁶ Там же.

церкви в 1480 г., — говорит он, — можно судить по тому, что именно к этому времени относится начало сближения Ивана III с новгородскими еретиками. Возвращаясь в феврале 1480 г. в Москву, Иван III вез с собой двух руководителей новгородской ереси, один из которых (Алексей) стал с тех пор духовником московского государя и пользовался большим влиянием на Ивана III. Если в 1478 г., отстаивая свои права на землю, Иван III ссылался на “старину”, на древние летописи, то теперь помощи ученого знатока летописей — Степана Бородатого уже было недостаточно. Нужно было оправдать свои действия по отношению к главе новгородской церкви и его имуществу добавочными доводами идеологического порядка. Ими снабжали Ивана III еретики, снимающие грех с души Ивана».¹

Полагаем, что дело не столько в дополнительных доводах идеологического порядка, в которых нуждался Иван III, покусившийся на земельные богатства новгородской церкви, сколько в прямом воздействии на московского государя еретиков, приобретших огромное на него влияние. Вполне возможно, великий князь, отправляясь покорять Новгород, знал заранее, с кем ему там надлежит встречаться и чьими советами пользоваться. Соответствующие рекомендации он мог получить от Федора Курицына, связанного, несомненно, с новгородскими еретиками.² Я.С.Лурье не уверен, «по своей инициативе или по совету кого-либо из приближенных Иван III, завоевав Новгород, пригласил тамошних противников церковных “имений” и “стяжаний” (еретиков. — И. Ф.) к себе в Москву».³ По-видимому, здесь было и то и другое. Чтобы взять с собой в Москву новгородских священников-еретиков Алексея и Дениса, надо был видеть их, беседовать с ними, причем неоднократно. Но подобные встречи едва ли могли состояться случайно, так сказать, без наводки. И, конечно же, последнее слово в решении брать или не брать Алексея с Денисом в Москву, оставалось за великим князем. Перевод их туда свидетельствовал о том, что они полюбились Ивану Васильевичу за дельные, как ему показалось, советы, в числе которых были, вероятно, и те, что касались конфискаций владычных и монастырских земельных владений. Могло стать, что именно эти «эксперты», близко знавшие положение дел в Новгородской епархии и враждебно настроенные к православной церкви, побудили Ивана III выставить непомерное требование о передаче ему «половины всех земель Софийского дома, т.е. новгородского владыки и монастырей».⁴ Любопытно отметить, что после переговоров по данному воп-

¹ *Бернадский В.Н.* Новгород и новгородская земля... С. 319–320. См. также: *Казакова Н.А.* Очерки... С. 58.

² Я.С.Лурье относит установление связей между Ф.Курицыным и новгородскими еретиками ко времени не ранее лета 1479 года, когда Иван III уже побывал в Новгороде (*Лурье Я.С.* Русские современники Возрождения. Л., 1988. С. 101). Полагаем, что эти связи между братьями по еретическому цеху, очные или заочные, существовали ранее, быть может, с момента возникновения ереси в волховской столице.

³ Там же.

⁴ *Веселовский С.Б.* Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. I. М.; Л., 1947. С. 285.

росу, великий князь уступил владыке, удовольствовавшись не половиной его земельных владений, а десятью волостями, тогда как относительно монастырей остался непреклонен и отобрал-таки у шести крупнейших новгородских монастырей половину их земель.¹ Невольно закрадывается мысль, не внушено ли это ожесточенное отношение к новгородским монастырям еретиками-советчиками (в том числе Алексеем и Денисом), отвергавшими не только монастырские «стяжания», но и самое монашество как институт.

Логично допустить, что и в дальнейшем Иван III прислушивался к советам еретиков, когда приступал к очередной конфискации земельной собственности новгородского духовенства. В их поведении, помимо прочего, нельзя не почувствовать проявление злобной мести, обращенной к новгородской церкви, глава которой архиепископ Геннадий не только первым обнаружил «ересь жидовствующих», но и сделал все зависящее от него, чтобы покарать вероотступников. Новый удар по церкви Новгорода последовал в 1499 (1500) году, когда с благословения «Симона митрополита поимал князь великий Иван Василиевич в Новгороде в Великом церковные земли за себя, владычни и монастырские, и роздал детям боярским в поместье».² Можно лишь догадываться, насколько острой была ситуация, если для отторжения церковных земель понадобилось благословение митрополита, который, казалось бы, по должности своей являлся стражем земельных владений церкви и монастырей. Обстановка, по всей видимости, достигла крайней остроты вследствие перерастания более или менее эпизодичных конфискаций церковного земельного имущества в секуляризацию как государственную политику, отрицающую землевладение духовенства вообще и, прежде всего, право монастырей на владение селами. Эта политика затронула в первую очередь Новгород. Не случайно именно здесь, в Новгороде, где-то в самом начале XVI века (а быть может, и в конце XV в.³), но до 1503 года в «Чин Православия» включается ежегодно возглашаемое на первой неделе Великого поста анафематствование: «Вси начальствующие и обидящие святых Божии церкви и монастыреве, отнимающие у них данные тем села и винограды, аще не престанут от такового начинания, да будут прокляты».⁴ Показательно и другое: в литературном кружке архиепископа Геннадия создается теория, обосновывающая святость и неприкосновенность земельной собственности церкви.⁵ Из кружка Геннадия вышел трактат «Слово кратко противу тех, иже в вещи священные, подвижные и неподвижные, съборные церкви вступаются и отимати противу спасения души своеа дръзают, заповеди божии и церковные прозирающе, и православных царей и великих князей истинное, клят-

¹ Там же.

² ПСРЛ. Т. XII. С. 249.

³ И.У.Будовниц полагает, что это произошло между 1491 и 1504 гг. – Будовниц И.У. Русская публицистика XVI века. С. 69.

⁴ Павлов А. Исторический очерк секуляризации церковных земель в России. Ч. I. С. 51.

⁵ См.: Казакова Н.А. Очерки... С. 58.

вою законоположение разаяюще, и заповеди божия прииблидѣще».¹ Существует мнение, согласно которому составителем трактата был некий доминиканец Вениамин, находившийся на службе у новгородского архиепископа.² «Святейшему и разумнейшему, о Христе отцу духовнейшему господину», – с нескрываемым пиететом обращается автор «Слова кратка» к своему патрону.³ В добродетелях, оказывается, ему нет равных среди настоятелей «в сей пресветлой русской стране».⁴ Он «всякому писанию учен», а «на враги церковные и еретики ратователь крепчайший».⁵ За этими характеристиками угадывается новгородский архиепископ Геннадий.

Именно Геннадий, по свидетельству нашего книжника, «о церковных грабителях написати повелел».⁶ Их злые деяния легли грехом на все русское племя: «мы же хрестъяне греци русь», хоть и «под бременем благодати рождены есмы», но «горе нам, тяжек бо грех творит противу Бога, иж нечист совестью к церкви божии приступает».⁷ Всякие попытки завладения церковным имуществом автор рассматривает как неугодные Богу: «Отняти благая церковнаа есть предкновение Богови, и ему обида творити».⁸ Он приравнивает такие попытки к святотатству⁹ и обещает святотатцу, обижающему церковь, вечные муки в аду.¹⁰ Этими обидчиками у него выступают цари и начальники, т.е. мирские власти. К ним обращено его поучение: «Властелю мирскому не достоин быти сребролюбну хищнику, и на церковнаа благая села и имения наступати и къ своим приписовати и пастырем своим претыкание творити, но паче достоин быти мудру и силну, злых наказующу».¹¹ Все это живо напоминает Ивана III, отписывавшего церковные и монастырские земли на себя, круто обходившегося с иерархами церкви. Есть и другие намеки автора «Слова кратка» на современную ему действительность. Говоря о римском императоре Юлиане-отступнике, он замечает, что тот свое «желание святотатства еуагельским свидетельством покрываше, егда имена и стяжания отимаша у хрестъян и церкви божии...».¹²

К тому же приему прибегали и сторонники «ереси жидовствующих», которым внимал Иван III. Великий князь, как известно, не только покровительствовал еретикам, призывавшим к изъятию сел, принадлежащих русскому духовенству, но и защищал их от преследований со стороны правоверных иерархов церкви. Сочинитель «Слова кратка» искал и находил в про-

¹ ЧОИДР. М., 1902. Кн. II, отд. II. С. 3.

² См.: Седельников А.Д. К изучению «Слова кратка» и деятельности доминиканца Вениамина // ИОРЯС АН СССР. Т. XXX.

³ ЧОИДР. М., 1902. Кн. II, отд. II. С. 1.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 2.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 22.

⁸ Там же. С. 12.

⁹ Там же. С. 18.

¹⁰ Там же. С. 12.

¹¹ Там же. С. 4–47.

¹² Там же. С. 26.

шлом аналогичные примеры, перекликающиеся с современной ему действительностью: «Анастасии кесарь, побарая по еретицех, церковь божию с пастыри ея гоняше, стяжания их отемлюще и къ скровищу своему прилагающее и приписующе»;¹ «и Ераклии кесарь, тогож сребролюбия и порока ради ереси монохелиския...».² Разумеется, церковная политика Ивана III имела свою специфику, обусловленную исторической обстановкой, в условиях которой она осуществлялась. Автор «Слова кратко» это хорошо понимал. Но он также знал, что Иван Васильевич был очень расположен к советам еретиков, выступавших против земельных «стяжаний» монастырей и церкви. Не потому ли «Слово кратко» упоминает тех, кто «съветуяй отемлющему», т.е. советников, обещая им равную казнь – смерть, «понеже творяй и съветуяй вменяются за едино».³ Всем ходом своих рассуждений составитель «Слова» подводит к следующему положению: «Всяк убо, иже церковнаа стяжания, села или скровище отемлет или насилствует и врежает, от святых отець отречен и отлучен наричесьа zde и в будущем».⁴

Несмотря на анафематствование и обличения в публицистике, направленные «противу тех, иже в вещи священные, подвижные и неподвижные съборные церкви вступаются», великий князь московский продолжал покушаться на церковные земли в Новгороде. Новгородцы имели некоторые основания упрекать Ивана III в том, что он обращается с ними, «яко с пленными». Несколько иначе развивались события в центральных уездах Русского государства.

«В коренных областях северо-восточной Руси, – замечает С.Б.Веселовский, – вопрос о монастырском землевладении был значительно сложнее. Здесь многочисленные и богатые монастыри были такой силой, с которой нельзя было не считаться. В борьбе за землю иосифляне взяли верх, и вел. кн. Иван ограничился частными мерами, вероятно косвенными».⁵ Кроме отмеченных С.Б.Веселовским обстоятельств, следует, по нашему мнению, сказать и об отсутствии в «коренных областях северо-восточной Руси» острого дефицита земель, потребных для испомещения здесь служилых людей. Ведь изыскало же земли правительство даже в середине XVI века, когда вознаменилось испоместить в Московском и соседних уездах так называемую избранную тысячу.⁶ И все-таки исследователи отмечают введение в конце XV –

¹ Там же. С. 40.

² Там же.

³ Там же. С. 15.

⁴ Там же. С. 57.

⁵ Веселовский С.Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. Т. I. С. 90.

⁶ См.: Платонов С.Ф. 1) Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время). СПб., 1910. С. 134–135; 2) Иван Грозный. С. 54; Веселовский С.Б. 1) Первый опыт преобразования центральной власти при Иване Грозном // Исторические записки. Т. 15. 1945. С. 57–59; 2) Феодальное землевладение... С. 315–321; 3) Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 77–80; Смирнов И.И. Очерки политической истории Русского государства 30–50-х годов XVI века. М.; Л., 1958. С. 407–

начале XVI века некоторых ограничительных мер, касающихся земельной собственности монастырей,¹ что вызвало замедление роста монастырских вотчин как в центральных,² так и периферийных районах страны.³ «В истории таких крупнейших монастырей, как Троицкий Сергиев и Кириллов Белозерский, – писал опять-таки С.Б.Веселовский, – мы наблюдаем в конце XV и в начале XVI в. такое замедление роста их землевладения, что естественно возникает предположение о каких-то запретительных мерах, принятых вел. кн. Иваном».⁴ С.М.Каштанову дело представляется так, что «с конца XV в. московским великокняжеским правительством твердо был взят курс на ограничение роста монастырского землевладения».⁵

В наступлении правительства Ивана III на церковные земли непосредственно участвовали, надо полагать, московские правители-еретики. Примером, хотя и не прямым, здесь может служить относящаяся к 1490 году и подписанная Федором Курицыным грамота, «ограничивающая земельные приобретения пермской епископии; уже присоединенные епископом [Филофеем] волостные земли должны были быть возвращены “тем людям, кого владыка те земли и воды и угоды поимали”».⁶ Если согласиться с тем, что

422; Павлов А.П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). СПб., 1992. С. 86–95; Власть и реформы. От самодержавной к советской России. С. 64–65. – В исторической литературе высказывалось мнение, будто искомещение «тысячников» осталось нереализованным проектом (Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного... С. 366–371. Ср.: Павлов А.П. Государев двор... С. 94–95). «Проект реформы, – говорил А.А.Зимин, – вероятно, остался неосуществленным потому, что у правительства не было необходимого фонда свободных земель под Москвой» (Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного... С. 371). Очень трудно поверить в то, что правительство, приступая к столь масштабному предпринятию и даже издав соответствующий указ, не имело сведений о том, располагает ли оно для осуществления его необходимым фондом земель.

¹ См., напр.: Павлов А.С. Исторический очерк секуляризации церковных земель в России. Ч. I. Одесса, 1871. С. 37; Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV–XV веков. Ч. 2. М., 1951. С. 31, 32; Каштанов С.М. Социально-политическая история России конца XV – первой половины XVI в. М., 1967. С. 12, 14; Ивина Л.И. 1) Судебные документы и борьба за землю в Русском государстве во второй половине XV – начале XVI в. // Исторические записки. 86. М., 1970. С. 335–336; 2) Крупная вотчина Северо-Восточной Руси конца XIV – первой половины XVI в. Л., 1979. С. 105.

² См.: Алексеев Ю.Г. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV–XVI вв. Переяславский уезд. М.; Л., 1966. С. 95; Ивина Л.И. Крупная вотчина... С. 126.

³ См.: Копанев А.И. История землевладения Белозерского края XV–XVI вв. М.; Л., 1951. С. 86–87.

⁴ Веселовский С.Б. Феодальное землевладение... С. 90.

⁵ Каштанов С.М. Историко-правовой обзор // Памятники русского права. Вып. IV. М., 1956. С. 128.

⁶ Лурье Я.С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV – начала XVI века. М.; Л., 1960. С. 49. См. также: Зимин А.А. Об участии Иосифа Волоцкого в соборе 1503 г. // Послания Иосифа Волоцкого. М.; Л. 1959. С. 370.

«Федор Курицын принимал участие в оформлении тех юридических актов, которые совершались с ведома И.Ю. и В.И. Патрикеевых»,¹ то круг противников церковно-монастырской земельной собственности расширится, причем за счет весьма знатных и влиятельных политических деятелей конца XV века. Правомерность подобного умозаключения выглядит вполне обоснованной на фоне яростной последующей борьбы князя-инока Вассиана Патрикеева против земельных стяжаний церкви.

Партия еретиков, враждебных русской православной церкви, заронила в сознание Ивана III идею о необходимости секуляризации и укрепила его в этой идее. Великий князь не скрывал своих замыслов. «Период с сентября 1502 по август 1503 г., – говорит С.М.Каштанов, – время большой сдержанности в имущественной и земельной политике. Позиция, занятая великокняжеским правительством, откровенно демонстрировала его секуляризационно-ограничительные намерения».² Вопрос о секуляризации церковно-монастырской земельной собственности призван был решить собор 1503 года. Понимал ли Иван III, что, выступая против сложившегося экономического уклада жизни монастырей, он расшатывает усердно создаваемую им русскую государственность, сказать трудно. К счастью, большинство духовных иерархов, заседавших на соборе, отвергло притязания правительства,³ осуществлявшего земельную программу «жидовствующих». Это было провалом политики не столько самого великого князя Ивана, сколько еретической придворной партии, что не могло остаться без последствий для приверженцев ереси. «Победа воинствующих церковников на соборе 1503 г., – резонно (лексическая экспрессия не в счет. – И. Ф.) замечает А.А.Зимин, – предрешила судьбу кружка вольнодумцев, которые группировались вокруг дьяка Федора Васильевича и Ивана Волка Курицыных».⁴ Собор 1504 года приговорил наиболее опасных еретиков к смертной казни.⁵ По нашему мнению, есть основания говорить об известной обусловленности собора 1504 года победой русских иерархов на соборе 1503 года. Если это так, то естественным образом напрашивается вывод о том, что план секуляризации, вынесенный на собор 1503 года, был разработан еретиками, окружавшими Ивана III. А это означает, что собор 1504 года следует рассматривать как завершающий момент торжества православного духовенства над «жидовствующими», а соборы 1503 и 1504 годов – как этапы его достижения.

¹ Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. Ч. 2. С. 313. См. также: Каштанов С.М. Социально-политическая история России... С. 107. Ср.: Казакова Н.А. и Лурье Я.С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV – начала XVI века. М.; Л., 1955. С. 168.

² Каштанов С.М. Социально-политическая история России... С. 191.

³ Подробнее о соборе 1503 года см.: Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий: (Очерки социально-политической истории). М., 1982. С. 197–211.

⁴ Там же. С. 212.

⁵ О разгроме еретиков подробнее см.: Казакова Н.А. и Лурье Я.С. Антифеодальные еретические движения... С. 194–220; Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий... С. 212–232.

Казни еретиков не сопровождалась, по-видимому, полной заменой правительственных лиц в Москве. Многие бояре, служившие великому князю, оставались по-прежнему еретиками, хотя и старались держать свою причастность к ереси в тайне. Присутствие еретиков во власти, особенно в начальный период княжения Василия III, способствовало известной ее преемственности с предшествующей властью, находившейся в руках Федора Курицына и К°. Вот почему политика ограничений в области монастырского землевладения продолжалась и после того, как Василий Иванович занял великокняжеский стол. С.М.Каштанов, глубоко исследовавший проблему, говорит о том, что «мероприятия Василия III в области иммунитета являлись продолжением начинаний Ивана III, направленных на сокращение феодальных привилегий. В 1505–1507 гг. правительство произвело частичный пересмотр старых жалованных грамот».¹ В ближайшие годы предпринимались аналогичные ограничительные меры: «До середины 1511 года правительство чрезвычайно строго придерживалось принципов иммунитетной политики, выработанных в последние 15 лет княжения Ивана III».² По словам С.М.Каштанова, «промежуток с конца 1505 до середины 1511 гг. был временем наиболее последовательной борьбы правительства Василия III за ограничение податного иммунитета».³ Сокращались льготы митрополичьего дома и монастырей.⁴ Не произошло существенных перемен в этом отношении и в 1512–1514 гг.,⁵ несмотря на то, что лично великий князь Василий, судя по всему, не испытывал желания покушаться на церковную собственность. По словам А.С.Павлова, «даже в тех случаях, когда этот государь находился в таком же положении относительно церковных и монастырских вотчин, в каком его отец – при покорении Новгорода, он поступал совершенно вопреки отцовскому примеру. Так в 1510 году, при взятии Пскова, великий князь, отобрав несколько вотчин у лучших псковичей, “не вступился в церковные земли, благоговеинства ради псковских иереев”, а при покорении Смоленска в 1514 году он даже торжественно обещал охранять неприкосновенность прав местной церкви»,⁶ обязавшись «в дом Пречистые, и в скарб, и во все монастыри, и в церковные земли и в воды не вступатися и не рушити их ничем».⁷ Но то были единичные, так сказать, проявления, отклоняющиеся от общей политики, которая продолжала развиваться в заданном Иваном III направлении.

На наш взгляд, продолжение Василием III политики Ивана III в сфере церковно-монастырского землевладения объясняется двумя причинами: наличием в правительстве прямых еретиков или их сторонников, а также появ-

¹ Каштанов С.М. Социально-политическая история России... С. 243.

² Там же. С. 244.

³ Там же. С. 246.

⁴ Там же. С. 244, 245.

⁵ Там же. С. 257.

⁶ Павлов А. Исторический очерки секуляризации церковных земель в России. Ч. I. С. 83.

⁷ Собрание государственных грамот и договоров. Ч. I. М., 1813. С. 412.

лением во власти людей, придерживающихся теории нестяжателей, которых Иосиф Волоцкий считал, по мнению, А.А.Зими́на, еретиками.¹ К их числу принадлежал Вассиан Патрикеев, переведенный, по всей видимости, стараниями упомянутых выше бояр из далекого Белоозера в Москву, где ему удалось войти в доверие к Василию III, стать всесильным временщиком и ближайшим советником великого князя. Старец Вассиан пользовался, естественно, этим положением, чтобы проводить в жизнь свои отчасти нестяжательские, отчасти еретические идеи. На ключевые места он старался посадить своих людей. Нам неизвестна в деталях его «кадровая политика». Но есть основания полагать, что не без хлопот со стороны Вассиана в 1511 году на митрополичью кафедру был возведен Варлаам, живший одно время вместе с Патрикеевым в Кирилло-Белозерском монастыре — основной, по выражению А.А.Зими́на, цитадели нестяжателей.² До посвящения в сан митрополита Варлаам являлся архимандритом Симонова монастыря, в котором поселился приехавший в Москву Вассиан Патрикеев. Варлаам и Вассиан сблизились не только на бытовой,³ но и на идейной почве. О позиции Варлаама исследователи говорят как о «недвусмысленно нестяжательской» или «близкой к нестяжателям».⁴ А.А.Зимин пишет о «нестяжательском окружении митрополита Варлаама».⁵

Все это привело к перестановке кадров среди высших иерархов русской церкви. Если к 1509 году, по наблюдениям А.А.Зими́на, «минимум пять епархий из восьми были в руках иосифлян, а одна [Новгородское архиепископство] оставалась вакантной»,⁶ то после вступления на митрополичий престол Варлаама ситуация существенно изменилась. «В 1515 г. скончались архиепископ ростовский Вассиан и епископ суздальский Симеон. В Ростове кафедру 9 февраля 1520 г. получил Иоанн, бывший архимандрит Симонова монастыря (где долгое время жил Вассиан Патрикеев), в Симонов же он попал в 1514 г., будучи до этого с 1505 г. кирилло-белозерским игуменом».⁷ Епис-

¹ Источники по истории еретических движений XIV – нач. XVI в. // Казакова Н.А. и Лурье Я.С. Антифеодальные еретические движения... С. 518. Ср.: Лурье Я.С. Идеологическая борьба в русской публицистике... С. 464.

² Зимин А.А. 1) Россия на пороге нового времени: (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972. С. 133; 2) Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV–XVI в.). М., 1977. С. 93–94. См. также: Павлов А. Исторические очерки секуляризации церковных земель в России. Ч. I. С. 66.

³ См.: Казакова Н.А. Очерки... С. 106–107.

⁴ См.: Зимин А.А. Крупная феодальная вотчина... С. 93, 283; Лурье Я.С. Идеологическая борьба в русской публицистике... С. 468; Ивина Л.И. Крупная вотчина... С. 138. Н.А.Казакова полагает, что «Варлаам, не будучи сам нестяжателем, сочувствовал им». — Казакова Н.А. Очерки... С. 107.

⁵ Зимин А.А. И.С.Пересветов и его современники... С. 417.

⁶ Зимин А.А. Крупная феодальная вотчина... С. 282–283.

⁷ Следовательно, пять лет ростовская епархия оставалась незанятой, что, по-видимому, свидетельствует о напряженной борьбе за место архиепископа в Ростове, в ходе которой одолели нестяжатели.

копом суздальским 10 февраля 1517 г. был поставлен архимандрит рождественский из Владимира (с 1509 г.) Геннадий. После присоединения Смоленска епископом там 15 февраля 1515 г. был назначен архимандрит придворного Чудова монастыря Иосиф. Близкий к иосифлянам епископ рязанский Протасий покинул свою кафедру в 1516 г. и умер в апреле 1520 г.¹ В 1514 г. ушел на покой вологодско-пермский епископ Никон. Рязанская епархия была занята сразу же после отставки Протасия: 12 февраля 1516 г. епископом поставлен архимандрит придворного Андроникова монастыря Сергей (был им еще в 1509 г.). Возможно, он был близок к нестяжателям, ибо покинул кафедру на четвертый день после поставления в митрополиты иосифлянина Даниила. Пермскую епархию занял только 16 февраля 1520 г. [!] игумен соловецкий Пимен. Не исключено, что и он входил в состав иерархов нестяжательского блока, ибо получил свою епархию в том же месяце, когда и двое других владык, сочувствовавших деятельности митрополита Варлаама. «Согнан» с престола он был сразу после поставления митрополита Даниила. Наконец, воинствующий иосифлянин Митрофан покинул Коломенскую епархию и ушел на «покой» в Троицу 1 июня 1518 г. На его место был назначен угрешский игумен Тихон (14 февраля 1520 г.). До своего назначения он был игуменом Кирилло-Белозерского монастыря (1515–1517 гг.), а покинул епархию после прихода к власти Даниила». ² Следовательно, «к началу 20-х годов XVI в. среди восьми высших иерархов примерно четверо были близки к нестяжателям, двое были иосифлянами (крутицкий епископ Досифей и тверской Нил), позиции двух неясны (смоленский епископ Иосиф, суздальский епископ Геннадий)». ³

Благодаря этим кадровым изменениям в высшем эшелоне руководства русской церкви оказалось возможным то, о чем говорят новейшие историки. «1512–1513 гг., – замечает С.М.Каштанов, – явились кульминационным моментом союза Василия III с нестяжателями. Летом 1511 г. митрополитом стал видный последователь Нила Сорского Варлаам. Очевидно, при поддержке Варлаама правительству Василия III удалось каким-то образом приостановить рост монастырского землевладения». ⁴ По словам Л.И.Ивиной, избрание митрополитом «Варлаама, человека близкого к нестяжателям, исследователи расценивают как важное событие в истории борьбы между иосифлянами и их противниками, способное влиять на приостановку в государстве роста монастырского землевладения». ⁵

Однако роль митрополита Варлаама в этой «приостановке», судя по всему, была пассивной, так сказать, непротивленческой. Более активно и напористо вел себя Вассиан Патрикеев, религиозно-политическая деятельность которого внушала ревнителям русской церкви большие опасения. Видно, этим

¹ Не исключено, что Протасий оставил Рязанское епископство не без давления и происков со стороны нестяжателей.

² *Зимин А.А.* Крупная феодальная вотчина... С. 283–284.

³ Там же. С. 284.

⁴ *Каштанов С.М.* Социально-политическая история России... С. 257.

⁵ *Ивина Л.И.* Крупная вотчина... С. 138.

было вызвано обращение к Василию III старца псковского Елеазарова монастыря Филофея, наставлявшего великого князя: «Не преступай, царю, заповеди, еже положиша твои прадеды – великий Константин, и блаженный святой Владимир, и великий богоизбранный Ярослав и прочие блаженнии святии, ихъж корень и до тебе. Не обиди, царю, святых Божиих церквей и честных монастырей, еже данное Богу в наследие вечных благ на память последнему роду, о сем убо святой великий Пятый собор страшное запрещение положи». ¹ По вполне правдоподобной версии А.С.Павлова, «в этих словах скорее содержится предостережение от возможного посягательства на церковные имущества, чем жалоба на факт, уже свершившийся. Вероятно, старец Филофей намекал вел. князю на Вассиана Патрикеева, который в это время так страшен был для защитников монастырской собственности». ² Конечно, проблема не сводилась к одному лишь Патрикееву. Защитников церковных и монастырских сел, или любостяжателей, по терминологии А.С.Павлова, ³ тревожило нестяжательское окружение великого князя, преобладание нестяжателей в церковном руководстве той поры.

Надо сказать, что союз Василия III с нестяжателями, за которыми нередко скрывались прямые вероотступники, выдававшие себя за последователей Нила Сорского, а в действительности являвшиеся продолжателями дела Федора Курицына и его сотоварищей, длился примерно до конца 1510 – начала 1520-х годов. Но и за это сравнительно короткое время «нестяжатели», возглавляемые Вассианом Патрикеевым, нанесли ощутимый урон Русскому государству. Во-первых, внушаемая ими государю политика ограничения прав церкви (в том числе монастырей) и земельных конфискаций замедляла процесс церковно-государственного соединения, лежащего в основе строительства православного «самодержавства», или «Святорусского царства». То была политика, шедшая наперекор исторически обусловленному развитию теократического самодержавия в России, и в этом ее существенный вред. Во-вторых, открытые выступления Вассиана Патрикеева и его единомышленников против смертной казни еретиков, на чем настаивал Иосиф Волоцкий, в тех конкретных исторических условиях являлись не чем иным, как поддержкой приверженцев еретических учений. В Руси, таким образом, создавалась благоприятная обстановка для нового подъема ереси. Митрополит Варлаам вел себя, по меньшей мере, странно. Он не предпринимал каких-либо решительных действий против еретиков, тем самым покровительствуя им. По-видимому, это послужило основной причиной того, что Варлаам был сведен с митрополичьего престола. Правда, С. Герберштейн повествует иное, сообщая о том, что митрополит, возмущенный поведением Василия III, нарушившего клятву, данную князю Василию Шемяичу, сам отказался от должности, после чего был закован в кандалы и отправлен в заточение на Бело-

¹ Библиотека литературы Древней Руси. Т. 9. Конец XV – первая половина XVI века. СПб., 2000. С. 302.

² Павлов А. Исторический очерк секуляризации церковных земель в России. Ч. I. С. 83 (прим. 1).

³ Там же. С. 85.

озеро, а затем остаток жизни провел в монастыре простым иноком.¹ Версию С. Герберштейна принял А.А.Зимин: «Современники (Герберштейн. – И. Ф.) считали, что он (Варлаам. – И. Ф.) был сведен с престола за то, что отказался помочь Василию III в захвате его “запазушного врага” Василия Шемячича».² Однако еще Макарий замечал: «В рассказе Герберштейна есть важная ошибка: событие с Шемячичем случилось вовсе не при Варлааме, а при его преемнике (в 1523 г.), и эту ложь могли сообщить немецкому послу (в 1526 г.) намеренно люди партии, враждебной великому князю Василию Ивановичу. Но прочие частности рассказа не заключают в себе ничего невероятного».³ Макарий, к сожалению, не называет эти частности, опасаясь, вероятно, ошибиться в них. Более свободно высказался Е.Е.Голубинский: «Шемячич (Василий Иванович, внук Дмитрия Шемяки, князь новгород-северский), вопреки клятвенным охранным грамотам великого князя и митрополита, был схвачен в Москве не при Варлааме, а при его преемнике Данииле; следовательно, в этом случае Герберштейн говорит неправду. Можно, однако, подозревать, что он говорит не совершенную неправду, а именно – могло быть так, что великий князь предлагал Варлааму вызвать обманным образом Шемячича в Москву и что этот не согласился. В остальных неопределенных словах Герберштейна о причине удаления митрополита с кафедры, очевидно, должно разумеать то, что, что великий князь хотел в каких-то отношениях присвоить себе власть последнего. Если бы Варлаам, как говорит Герберштейн, сам отказался от кафедры, то великому князю не за что было бы ссылать его. Эта ссылка, о которой говорит и наша летопись, дает знать, что митрополит пытался было протестовать против посягательства на его власть со стороны великого князя и что государь, в гневе на стойкость митрополита, и не ограничился только тем, чтобы низвести его с кафедры, но и послал в заточение. Наложение на низведенного митрополита желез или оков как будто представляет нечто не совсем вероятное; однако с решительностью объявлять за невероятное мы не находим возможным».⁴

Сложность, конечно, состоит в том, что наши летописные источники сообщают об уходе Варлаама с митрополии довольно глухо: «Варлаам митрополит остави святительство»;⁵ «митрополит Варлам оставил митрополию».⁶ На этом фоне известие Софийской второй летописи выглядит почти как повествование: Варлаам «поиде на Симоново, а с Симонова сослан в вологодский уезд на Каменое».⁷ Похоже, все-таки митрополит Варлаам не по соб-

¹ См.: *Герберштейн С.* Записки о московитских делах. СПб., 1908. С. 41.

² *Зимин А.А.* Крупная феодальная вотчина... С. 285. А.А.Зимин, уточняя Герберштейна, говорит, что Варлаам «съехал на Симонов, а позднее был сослан в Каменский монастырь» (Там же. С. 284).

³ *Макарий (Булгаков).* История русской церкви. Кн. IV. Часть первая. М., 1996. С. 94.

⁴ *Голубинский Е.Е.* История русской церкви. Т. II. Первая половина тома. М., 1997. С. 698.

⁵ ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение С. 43.

⁶ Там же. Т. IV. Ч. I. С. 541.

⁷ Там же. Т. VI. С. 264.

ственной воле покинул кафедру, уйдя в Симонов монастырь, откуда был сослан в далекую обитель, где какое-то время находился в заточении. Возможно, его скомпрометировали связи с нестяжателями, среди которых имелись склонные к «ереси жидовствующих» люди, подобные Вассиану Патрикееву. Дружба с ними или покровительственное отношение к ним сильно подвели митрополита. Наше предположение не покажется надуманным, если учесть, что в это время разворачивается активная борьба государства с еретиками, о чем свидетельствуют собор, созванный по поводу некоего еретика-еврея Исаака, соборные суды над Максимом Греком (1525, 1531), в особенности – соборное осуждение (1531) Вассиана Патрикеева, обвиненного в еретичестве. Весьма красноречив и тот факт, что на смену Варлааму пришел не его единомышленник-нестяжатель, а иосифлянин Даниил – непримиримый противник еретиков.

С приходом на митрополию Даниила началась чистка среди высших церковных иерархов. По наблюдениям А.А.Зими́на, в русской церкви «ключевые позиции занимают постриженники Волоколамского монастыря. 30 марта 1522 г. вместо умершего Нила Гречина епископом тверским стал волоцкий постриженник Акакий... Коломенским епископом становится племянник Иосифа Волоцкого Вассиан Топорков (2 апреля 1525 г.)».¹ Вместо сосланного с «владычества» в апреле 1523 года вологодско-пермского епископа Пимена тамошнюю епархию возглавил (апрель 1525 г.) кирилло-белозерский игумен Алексей.² Двухлетняя вакансия вологодско-пермского епископства намекает, возможно, на борьбу, развернувшуюся вокруг ее замещения. В марте 1526 года новгородским архиепископом назначается последовательный иосифлянин Макарий – будущий митрополит Московский и всея Руси. Эти и другие назначения³ говорят нам о том, что святителю Даниилу удалось добиться занятия иосифлянами, а также их сторонниками «почти всех высших постов на церковно-иерархической лестнице».⁴

Успех последователей Иосифа Волоцкого, возглавляемых митрополитом Даниилом, значил много больше, чем простое одоление одной группы церковных деятелей другой в их внутренней взаимной борьбе. Этот успех являлся внешним выражением усиления союза церкви и государства в деле построения самодержавства и православного царства на Руси с «земным Богом» на престоле.⁵ В данных условиях земельная политика, ущемляющая права церкви и монастырей, неизбежно должна была смениться на политику предоставления этим важнейшим институтам теократического государства всякого рода льгот и привилегий. Последний десятилетний период (1522–1533) правления Василия III служит тому наглядным подтверждением.⁶ Важно при этом иметь в виду, что всякого рода пожалования Василия Ивановича

¹ Зимин А.А. Крупная феодальная вотчина... С. 285.

² Там же.

³ Там же. С. 285–286.

⁴ Там же. С. 286.

⁵ См.: Зимин А.А. Россия на пороге нового времени... С. 124–141.

⁶ См.: Каштанов С.М. Социально-политическая история России... С. 267–274.

церкви и монастырям, связанные с землей, проистекали не столько из чувства признательности великого князя иосифлянам-«любостяжателям» за разработку ими угодного ему учения о теократическом характере самодержавной власти московского государя, сколько из того, что церкви и, следовательно, монастырям в этом учении отводилась важнейшая роль опорной конструкции всего здания российского самодержавства и, прежде всего, власти самодержца. Может показаться странным, но это так: жалую церкви и монастыри, Василий III, как и впоследствии Иван IV, укреплял свою самодержавную власть. И это стало одной из причин нападков на церковное и монастырское землевладение, за которыми на самом деле скрывалось неприятие самодержавного строя Русского государства. Нельзя также забывать и о том, что Василий III вместе с руководством русской православной церкви приступил к активному подавлению вновь ожившей ереси, вследствие чего еретики утратили свое влияние при дворе, особенно после того, как пал «великой временной человек» Вассиан Патрикеев, призывавший государя «отъимати» села у монастырей и «мирских церквей».¹ На некоторое время еретики, их покровители и сторонники, притихнув, затаились.

Годы регентства Елены Глинской (1534–1538) не внесли принципиальных изменений в политику государства по отношению к церковно-монастырским корпорациям. Изучение источников показывает, что правительство Е. Глинской «продолжило начатое при Василии III отступление от строго ограничительного курса имунитетной политики».² Согласно С.М. Каштанову, чьи слова приведены сейчас, «этому способствовало присоединение последних уделов, где поддерживалась традиция более широкого податного имунитета монастырей, чем на основной территории государства. Будучи не в состоянии сразу преодолеть эти традиции, центральное правительство узаконило их в выданных монастырям грамотах».³ Не отрицая того, что факторы, указанные С.М. Каштановым, в какой-то мере воздействовали, по всему вероятию, на имунитетную политику «центрального правительства», зададимся все же вопросом, насколько желанным по сути было для «центрального правительства» Елены Глинской ограничение податного имунитета монастырей, т.е. ущемление прав субъекта строительства «Святорусского царства». Не являлась ли политика правительства Елены Глинской в этой области прямым продолжением политики Василия III, твердой рукой развернувшего государство на сближение и конечное соединение с церковью? Как бы то ни было, не подлежит сомнению одно: при великом князе Василии III и в период правления Елены Глинской наблюдается рост церковно-монастырского землевладения,⁴ свидетельствующий о сближении, ска-

¹ Казакова Н.А. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.; Л., 1960. С. 279.

² Там же. С. 326.

³ Там же. Ранее С.М. Каштанов развивал несколько иные взгляды: «Пожалование вотчин монастырям при Василии III и в период регентства Елены Глинской (1534–1538 гг.) приобрело характер исключений из общего правила...». — Каштанов С.М. Историко-правовой обзор. С. 128.

⁴ См.: Веселовский С.Б. Феодальное землевладение... С. 90–91.

жем больше, — о переплетении интересов православной церкви и русского государства.

Правда, в исторической литературе высказывалось мнение, будто в правление Елены Глинской «сделано было несколько замечательных распоряжений в ущерб землевладельческим правам духовенства. Так в 1535 году подтверждено запрещение монастырям покупать и брать в заклад или по душам вотчинные земли служилых людей, без ведома правительства. В следующем году у новгородских церквей и монастырей еще раз отобрано в казну довольно значительное количество земель, именно — все подгородные пожни».¹ Это мнение, принадлежащее А.С.Павлову, основано на двух свидетельствах источников. Первое свидетельство заключено в грамоте, данной в 1535 году вологодскому Глушецкому монастырю. А.С.Павлов полагает, что названная грамота составлена в соответствии с общей законодательной мерой, «которая касалась всех монастырей».² «В нашем государстве, — говорит великокняжеская грамота, — покупают к монастырям у детей боярских вотчины многие, села и деревни, да и в заклад и в закуп монастыри вотчины емлют; а покупают деи вотчины дорого, а вотчинники деи, которые тем землям вотчичи, с опришными перекупаются, и мимо монастырей вотчин никому ни у кого купити не мочно. А иные дети боярские вотчины свои в монастыри подавали по душе того для, чтобы их вотчины ближайшему роду не достались». Констатируя это явно ненормальное и, конечно же, нетерпимое положение, государь предписал: «И будете купили вотчины у детей у боярских или в заклад или в закуп взяли, или будут которые дети боярские вотчины свои подавали вам в монастырь по душе своей до сей нашей грамоты, за год или за два, и ты б богомолец наш игумен Феодосий с братиею прислали ко дьяку нашему к Феодору Мишурину, что естя до сей нашей грамоты за год или за два в Глушицкий монастырь купили вотчин у детей боярских, или в заклад или в закуп или по душе взяли, и сколько в котором естя городе у которых детей у боярских вотчин купили, или в заклад или в закуп или по душе взяли, и сколько в которой вотчине сел и деревень и починков, и что в них дворов и людей и пашни в одном поле, а в дву потомуж, и что сена и лесу и всяких угодей. А впредь бы есте, без нашего ведома, однолично вотчин не купили и в заклад и в закуп и по душе не взяли ни у кого. А учнете без нашего ведома вотчины купити, или в заклад или в закуп или по душе имати, и мне у вас те вотчины велети отписывати на себя».³ Из приведенного текста явствует, что никакой «общей законодательной меры», запрещающей описанные в грамоте земельные операции, на момент ее составления не было. В противном случае земли, приобретенные монастырем указанным в грамоте образом, государь отписал бы на себя. Но он этого не сделал, отнеся санкцию на будущее и объявив ее основанием выданную монастырю грамоту, а не «общую законодательную меру». Тон грамоты, вполне благожелательный

¹ Павлов А. Исторический очерк секуляризации церковных земель в России. Ч. I. С. 102–103.

² Там же. С. 102.

³ Там же. С. 102, 103.

по отношению к государеву богомольцу игумену Феодосию с братией, вместе с тем исполнен обоснованной тревоги, вызванной бесконтрольным оборотом вотчинных земель детей боярских, в чем, как явствует из грамоты, повинны обе стороны: и дети боярские, стремящиеся сорвать куш на продаже земель или по каким-то соображениям не хотящие, чтобы их вотчины достались «ближайшему роду», и монастыри, намеренно предлагающие столь высокие цены на землю, что «мимо монастырей вотчин никому ни у кого купити не мочно». По-видимому, такого рода практика получила широкое распространение, и московское правительство не только не наладило контроль над ней, но даже не имело касательно ее конкретных сведений, необходимых для реальной оценки ситуации. Все это отнюдь не способствовало укреплению военной организации страны и требовало вмешательства со стороны государственной власти. Дело было начато с того, с чего и нужно было начать: со сбора информации о совершенных за последние два года земельных операциях детей боярских с монастырями, включая данные о каждом объекте сделки (селе, деревне, починке) с указанием количества дворов и людей, размеров пашни, количества сенокосов, лесных и прочих угодий, а также с установления наблюдения за этими операциями в будущем («а впредь бы есте без нашего ведома однолично вотчин не купили и в заклад и в закуп и по душе не имали ни у кого»). Вряд ли это замышлялось «в ущерб землевладельческим правам духовенства», как считал в свое время А.С.Павлов. Ибо требование вершить поземельные акты не «однолично», а с ведома представителей власти, затрагивало не только покупателей и получателей, или монастыри, но также продавцов и дарителей – детей боярских. Поэтому с тем же успехом можно утверждать, что распоряжения, о которых идет речь, были приняты «в ущерб землевладельческим правам» детей боярских, коим вменено теперь в обязанность распоряжаться своими вотчинами только с уведомления властей. Однако, по нашему глубокому убеждению, рассматриваемая грамота не содержит данных, позволяющих заключить об ущербе землевладельческих прав духовенства, об их ущемлении или ограничении, предпринятых государством. Если и можно, исходя из нее, говорить о государственной политике в поземельном вопросе, то лишь в смысле упорядочения земельных сделок и пресечения всякого рода ухищрений на этой почве.

Второе свидетельство, характеризующее «состояние вопроса о церковных и монастырских вотчинах» в годы правления Елены Глинской, А.С.Павлов находит в известиях новгородского летописца, который под 1536 годом сообщает: «...прислал государь князь велики Иван Васильевич всея Руси с Москвы своего сына боярского и конюха Бунду да подъячего Ивана, а повеле пожни у всех монастырей отняти, отписати около всего града и у церкви Божьих во всем граде, и давати их въ бразгу, что которая пожня стоит, тем же монастырем и церковником; а се учинилося по оклеветанию некоего безумна человека».¹ Иван Васильевич, как видим, отписал на себя, т.е. конфисковал, пригородные пожни, принадлежавшие новгородским монастырям и церквам. При этом он лишил полностью духовных владельцев взятых у них угодий.

¹ ПСРЛ. Т. IV. I. М., 2000. С. 574.

дий, но дал им отнятые земли в празгу, т.е. в пользование за плату,¹ определяемую тем, «что которая пожня стоит». Не думаем, чтобы данный случай свидетельствовал о политике секуляризации недвижимых имуществ церкви, проводимой правительством Елены Глинской, поскольку он произошел вследствие особых обстоятельств: «по оклеветанию некоего безумна человека». Приходится только сожалеть, что нам осталось неизвестным, в чем состояло это «оклеветание».

Время боярского правления, наступившее после смерти великий княгини Елены Глинской в апреле 1538 года и продолжавшееся до венчания Ивана IV на царство в январе 1547 года, нередко воспринимается новейшими историками как проявление княжеско-боярской реакции, как возврат к удельным порядкам, застопоривший процесс централизации Русского государства. Эти ощущения не лишены известных преувеличений, поскольку боярское правление с присущей ему ожесточенной борьбой группировок бояр за власть не привело, по замечанию Р.Г.Скрынникова, «к распаду единого государства» и не сопровождалось «феодальной анархией» или «массовыми репрессиями», став, однако, «временем экономического процветания страны».² По достоинству должен быть оценен и тот факт, что именно в период боярского правления было подготовлено и, можно сказать, осуществлено (разумеется, не без противодействия определенных политических сил) венчание на царство Ивана IV, знаменовавшее важнейший этап формирования Русского самодержавного государства. С учетом данных обстоятельств надлежит, на наш взгляд, рассматривать политику бояр-правителей в земельном вопросе, связанном с церковью и монастырями. И уж никак нельзя согласиться с тем, что «своеволие боярщины (1538–1547) пошло» так, что, «захватывая себе дворцовые села и волости, бояре щедро раздавали их духовенству (монастырям и владыкам)».³ Подобный упрощенный подход, на наш взгляд, неприемлем.

Как убедительно показал С.М.Каштанов, «время боярского правления представляет собой период самой интенсивной выдачи грамот с иммунитетными привилегиями в первой половине XVI в. За этот сравнительно небольшой хронологический отрезок (11 лет) великокняжеское правительство составило... 222 жалованные и 56 указных грамот».⁴ Требуется, впрочем, некоторых оговорок причина, выдвигаемая С.М.Каштановым для объяснения предоставления духовным учреждениям этих привилегий. По мнению исследователя, в годы боярского правления «незавершенность процесса создания централизованного государства оставалась характерной чертой развития России. Вот почему реальной оказалась в 1538–1548 гг. возможность увеличения иммунитета ряда духовных корпораций, в чьей поддержке нуждались боярские группировки, неуверенно чувствовавшие себя у руля госу-

¹ См.: Кочин Г.Е. Материалы для терминологического словаря древней России. М.; Л., 1937. С. 275.

² Скрынников Р.Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 89.

³ Павлов А. Исторический очерки секуляризации церковных земель в России. Ч. I. С. 103.

⁴ Каштанов С.М. Социально-политическая история России... С. 329.

дарственной машины».¹ Заключая свою книгу, С.М.Каштанов формулирует мысль о связи «возможности увеличения иммунитета духовных корпораций» с незавершенностью процесса централизации государства в качестве общего принципа, определяющего суть вопроса: «В XVI в. процесс образования сословного строя находился на ранней стадии, когда прежний иммунитет различных землевладельцев и корпораций еще не мог превратиться в общесословное право. В развитии иммунитетной политики побеждали поэтому то тенденции, предвосхищающие абсолютизм (унификация и строгое ограничение иммунитета), то другая линия, которая была обусловлена сохранением экономической раздробленности страны и незавершенностью процесса политической централизации».²

Вряд ли иммунитетные пожалования духовенству находились в жесткой зависимости от степени централизации Русского государства. Будь иначе, мы, наверное, наблюдали бы свертывание иммунитетов по мере усиления государственной централизации на Руси. Однако в жизни было иначе. Так, после реформ 50-х годов XVI века, заметно продвинувших Россию по пути централизации, в 60–70-е годы происходит расширение иммунитетных прав, жалуемых церкви и монастырям, что, кстати, отмечает и сам С.М.Каштанов.³ Может показаться парадоксальным утверждение, что иммунитеты, порожденные эпохой политической раздробленности и бывшие опорой ее, к середине XVI века стали отчасти инструментом государственной централизации, превратившись в льготы и привилегии, даруемые или изымаемые из центра власти, каковым выступала Москва. Поэтому расширение практики освобождения от налогов и земельных пожалований церковным учреждениям, наблюдаемое в годы боярского правления, не следует истолковывать как уступку политике государственной децентрализации, олицетворяемой имунистами. Совсем напротив. Ведь, к примеру, Шуйские или Бельские, «неуверенно чувствовавшие себя у руля государственной машины» и потому нуждавшиеся в поддержке крупных и влиятельных духовных корпораций (С.М.Каштанов⁴), не сидели в удельных гнездах, а пребывали в Москве – столице государства, куда сходились нити управления всей страной. Они не распыляли власть по уделам, а концентрировали ее в Москве, держали власть

¹ Там же.

² Там же. С. 376.

³ Каштанов С.М. Финансы средневековой Руси. М., 1988. С. 156–176. См. также: Каштанов С.М. 1) Историко-правовой обзор. С. 128, 166, 167; 2) К изучению опричнины Ивана Грозного // История СССР. 1963, № 2. С. 113; Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. С. 106; Колычева Е.И. Аграрный строй России XVI века. М., 1987. С. 141. Аналогичные суждения высказывал еще ранее П.А. Садиков. – См.: Садиков П.А. 1) Из истории опричнины царя Ивана Грозного // Дела и дни. 1921. Книга вторая. Пгр., 1921. С. 20–29; 2) Из истории опричнины XVI в. // Исторический архив. III. М.; Л., 1940. С. 171–174.

⁴ К этой мысли С.М.Каштанов пришел давно. Еще в 1956 году он замечал: «Непрочность положения боярских временщиков заставляла их искать союзников в среде крупнейших духовных феодалов». Отсюда земельные раздачи духовенству. – См.: Каштанов С.М. Историко-правовой обзор. С.128.

в своих руках, опираясь на помощь этих корпораций. Не случайно Р.Г.Скрынников, распространяющий боярское правление и на годы регентства Елены Глинской, счел необходимым подчеркнуть, что в ту пору «были ликвидированы два крупнейших в стране удельных княжества – Дмитровское и Старицкое».¹ Показательно и то, что Иван Грозный, пуская гневные стрелы в бояр, правивших государством во время его малолетства, обвинял их главным образом не столько в рассеянии центральной власти, сколько в сосредоточении этой власти в своих руках и пренебрежительном отношении к ее подлинному носителю – московскому великому князю. Говоря о Шуйских, он прибегает к довольно любопытному словоупотреблению: «И тако князь Василей и князь Иван Шуйские самовольством у меня в бережении учинилися, и тако вацаришася»;² «и тако свое хотение во всем учиниша, и сами убо царствовать начаша».³ По Грозному, следовательно, Шуйские узурпировали государеву власть, не суживая при этом ее пределы и не делясь ею ни с кем. К тому же стремились, надо полагать, и соперники Шуйских.

Борьба боярских группировок за преобладание и власть, развернувшаяся в годы малолетства Ивана IV, привела к ряду негативных последствий, в том числе и к временному прекращению служебной функции московского государя как Удерживающего.⁴ В результате мы видим новое оживление ереси, разгромленной и загнанной в подполье великим князем Василием III и митрополитом Даниилом. Еретики в очередной раз проникли в святая святых Руси – московский Кремль – и приобрели большое влияние на верховного правителя. Произошло это вследствие государственного переворота, осуществленного в июне 1547 года, когда к власти пришли лица, образовавшие вскоре группу царских советников во главе с попом Сильвестром и костромским дворянином Алексеем Адашевым, ставшую именоваться Избранной Радой. Среди людей, входивших в Избранную Раду, были, по-видимому, те, кто принадлежал к еретикам или же сочувствовал им. В некотором роде повторялась ситуация, которую нам пришлось наблюдать при дворе Ивана III, где сторонники «ереси жидовствующих» занимали прочные позиции. Именно приходом к власти в конце 40-х гг. XVI века, если не еретиков, то, по крайней мере, сочувствующих и покровительствующих им деятелей, следует, на наш взгляд, объяснять ужесточение политики государства в отношении церковного, прежде всего, монастырского землевладения, а не переменной победой двух тенденций: то предвосхищавшей абсолютизм (унификация и строгое ограничение иммунитета), то сохранявшей старый строй жизни (экономическая раздробленность страны и незавершенность процесса политической централизации). Иными словами, решающую роль здесь играл субъективный фактор, хотя и действующий в условиях объективных тенденций.

¹ Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 89.

² Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979. С. 27, 76.

³ Там же. С. 28, 76.

⁴ См.: Тимофей, Дионисий. О Церкви, православном Царстве и последнем времени. М., 1998. С. 20–24.

* * *

Окинув взором реформы конца 40-х – начала 50-х годов XVI века, А.А.Зимин убедился в том, что они «проводились в известной мере за счет ущемления интересов церкви».¹ Однако наступление на церковь началось не сразу после известных событий июня 1547 года. Несмотря на то, что к власти пришли люди с нестяжательскими взглядами, родственными еретическим, практика иммунитетных пожалований и раздачи земель монастырям пока продолжалась.² Новым властителям, по всей видимости, надо было укрепить свои позиции. Как только это было сделано, они повели атаку на земельную собственность монастырей, причем, разумеется, под благовидным предлогом забот о российской государственности и служилом воинстве. К 1548–1549 гг. относятся первые попытки нового правительства ревизии тарханов.³ Но, как полагает С.М.Каштанов, систематическая борьба с финансовыми льготами и привилегиями «крупных феодалов» (т.е. церкви и монастырей) началась после февральского собора 1549 года, когда полностью, можно сказать, сформировалось правительство Сильвестра – Адашева.⁴ По словам исследователя, «в 1549–1551 гг., с приходом к власти Адашева и Сильвестра, практика предоставления монастырям жалованных грамот заметно ослабевает».⁵ В целом «земельная политика Адашева и Сильвестра не благоприятствовала росту монастырского землевладения».⁶

Новая политика правительства сопровождалась идейным столкновением сторон, представляющим для современного исследователя большой интерес. Она вовлекла в свой круговорот большое число людей, самых разнообразных по индивидуальным способностям и общественному положению. Среди них, по мысли исследователей, встречаются признанные интеллектуалы вроде Максима Грека, высокопоставленные и рядовые монахи. В полемику был вовлечен даже митрополит Макарий. Не остался равнодушным к ней и сам царь Иван IV.

Согласно А.С.Павлову, «в самом начале самостоятельного правления Ивана IV старец Максим послал к нему через Адашева 27 “поучительных глав” о государственном управлении», где содержалась «жалоба на то, что “все имущества, данные благочестивыми царями и князьями святым Божиим церквам, архиереи обращают на свои излишние потребности и житейские устройства: сами они живут в полном довольстве, роскошно питаются и обогащая своих сродников, а нищие Христовы, погибающие от голода, наготы и болезней, совершенно ими позабыты”». Юному государю внушается обязанность “исправлять такие священнические недостатки, по примеру великих

¹ Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного... С. 320.

² Каштанов С.М. Историко-правовой обзор. С. 129; Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного... С. 313.

³ Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV в. – начало XVII в. С. 346.

⁴ См.: Каштанов С.М. Финансы средневековой Руси. С. 98.

⁵ Каштанов С.М. Историко-правовой обзор. С. 129.

⁶ Там же.

царей Константина, Феодосия и Юстиниана”. Хотя вскользь, затронуто и монашество: “мы всю надежду спасения полагаем на том, чтобы в постные дни воздерживаться от мяса, рыбы и масла, но не перестаем обижать бедных крестьян и разорять их своим лихоимством и сутяжничеством”¹. По А.С.Павлову, «влияние этих наставлений на молодую и впечатлительную душу Ивана IV несомненно – тем более, что в числе друзей и почитателей Максима находились такие лица, как известные временщики, священник Сильвестр и Адашев, которых царь приблизил к себе “на помощь душе своей”»². Мы не знаем, насколько глубоко западали в душу царя Ивана подобные наставления. Но, несомненно, Сильвестр и Адашев старались тут что есть мочи. Не исключено и то, что они также инициировали написание полемических сочинений, направленных против монастырского землевладения. Во всяком случае, согласно П.Н.Милюкову, святогорец Максим подавал свой голос государю «по призыву Сильвестра и Адашева»³. Затевалось это с целью «идеологической» подготовки к Стоглавому собору, с которой, кстати сказать, Г.Н.Моисеева связывает упомянутую только что пересылку Максимом Греком своей «тетратки» царю Ивану.⁴

Незадолго перед Стоглавым собором тоже, по-видимому, в плане идейного приготовления к нему Ивану «говорил и писал» известный старец Артемий, еретик и нестяжатель, бывший короткое время игуменом Троице-Сергиева монастыря.⁵ Он убеждал государя «села отнимати у монастырей».⁶ Тесно связанный с попом Сильвестром, а через него – с Алексеем Адашевым и другими деятелями Избранной Рады (например, с А.М.Курбским),⁷ Артемий, очень могло статься, действовал по наущению Сильвестра и Адашева.⁸ Но, когда над ним во время суда над еретиками нависла угроза расправы, он стал отрекаться от того, что внушал государю письменно и устно. «А все ныне съгласно враждуют. – оправдывался Артемий, обращаясь к царю, – будтось аз говорил и писал тебе – села отнимати у монастырей... а не говаривал есми о том, ни тебе ли советую нужением и властью творити что таково. Разве межи собою говорили есмо, как писано в книгах быти иноком».⁹ Артемий, отводя от себя обвинение в том, будто он призывал государя «села отнимати у монастырей», свидетельствует тем самым не только о чрезвычайной остроте в середине XVI века проблемы монастырского землевладе-

¹ Павлов А. Исторический очерк секуляризации церковных земель в России. Ч. I. С. 106–107.

² Там же. С. 107.

³ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. В трех томах. Т. 3. М., 1995. С. 67.

⁴ Моисеева Г.Н. Валаамская беседа – памятник русской публицистики середины XVI века. М.; Л., 1958. С. 56.

⁵ РИБ. Т. IV. СПб., 1878. Стб. 1440.

⁶ См.: Зимин А.А. И.С.Пересветов и его современники... С. 155.

⁷ Там же. С. 46–48, 64, 153–154

⁸ См.: Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 3. С. 67.

⁹ РИБ. Т. IV. Стб. 1440.

ния, но и о том, что всякие рассуждения на сей счет стали опасными и, следовательно, план секуляризации церковных земель, вынашиваемый Избранной Радой и ее сторонниками, не состоялся, но вызвал большое возбуждение общественной мысли.

* * *

Одним из ярких памятников полемики вокруг монастырских «стяжаний», развернувшейся накануне Стоглавого собора, является «Валаамская беседа» («Беседа Валаамских чудотворцев Сергия и Германа»), принадлежащая, по верному замечанию И.И.Смирнова, к числу самых известных, но «вместе с тем наименее ясных публицистических произведений XVI в.».¹ Вот почему, замечает И.И.Смирнов, «довольно богатая литература о “Беседе” характеризуется удивительным отсутствием единства во взглядах на этот памятник и столь же бросающейся в глаза шаткостью представленных точек зрения: и по вопросу об авторе “Беседы”, и по вопросу о хронологии, да и по самому вопросу о политической физиономии этого публицистического произведения».²

Очень широк спектр мнений относительно датировки «Валаамской беседы»: начало XVI века,³ 30-е годы XVI века,⁴ середина XVI века,⁵ после 1550 года,⁶ 60-е годы XVI века,⁷ конец XVI – начало XVII века.⁸

¹ Смирнов И.И. «Беседа Валаамских чудотворцев» и ее место в русской публицистике XVI века // Исторические записки. Т. 15. 1945. С. 248.

² Там же.

³ Стратонов И.А. Заметки по истории земских соборов Московской Руси. Казань, 1912. С. 23–30.

⁴ Авалиани С.Л. «Беседа преподобных Сергия и Германа, Валаамских чудотворцев» как исторический источник // Богословский вестник. Сергиев Посад, 1909, март. Т. 1. С. 381–383.

⁵ Дружинин В.Г., Дьяконов М.А. Беседа преподобных Сергия и Германа, Валаамских чудотворцев. Апокрифический памятник XVI в. // ЛЗАК. Вып.Х. 1889; Петров Н. Беседа преподобных Сергия и Германа, Валаамских чудотворцев // Филологические записки. Вып. V–VI. Воронеж, 1905. С. 51–53; Бельченко Г.П. К вопросу о составе и об авторе «Беседы преподобных Сергия и Германа, Валаамских чудотворцев». Одесса, 1914. С. 2–3; Седельников А.Д. Две заметки по эпохе Ивана Грозного // Сборник статей к 40-летию ученой деятельности акад. А.С.Орлова. Л., 1934; Тихомиров М.Н. Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в. Т. I. М., 1940. С. 142; Смирнов И.И. «Беседа Валаамских чудотворцев» и ее место в русской публицистике XVI века. С. 258–259; Будовниц И.У. Русская публицистика XVI века. С. 247. Моисеева Г.Н. Валаамская беседа... С. 78, 84, 87; Черепнин Л.В. Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. М., 1978. С. 92 (прим.1).

⁶ Ключевский В.О. Боярская дума Древней Руси. М., 1902. С. 284.

⁷ Павлов А. Исторический очерк секуляризации церковных земель в России. Ч. I. С. 137 (прим.).

⁸ Пресняков А.Е. Рецензия на ЛЗАК. Вып. X // ЖМНПросв. 1896, сентябрь. С. 161–162; Зимин А.А. 1) «Беседа Валаамских чудотворцев» как памятник позднего нестяжательства // ТОДРЛ. Т. XI. М.; Л., 1955. С. 198–208; 2) И.С.Пересветов и его современники... С. 431.

Не менее разноречивы суждения исследователей об авторстве «Валаамской беседы». Высказывалось предположение, что она вышла из монашеской среды, причем сочинил ее, по догадке одних ученых, «постриженник из бояр»,¹ а по мнению других – «рядовой монах».² Существуют мнения о боярском³ (или околбоярском⁴), дворянском⁵ и даже крестьянском⁶ происхождении «Беседы».

Понимая важность вопроса о том, из каких социальных кругов вышла «Валаамская беседа», мы все же первостепенное значение придаем политической ее направленности. И здесь весьма существенным представляется подход П.Н.Милюкова к этому произведению как документу «московских конституционалистов XVI в.», отразившему программу партии «молодых реформаторов», возглавлявших Избранную Radу.⁷ Столь же важным нам кажется наблюдение П.Н.Милюкова насчет «программы вопросов», заложенной в «Валаамской беседе». «На первом плане, – пишет он, – стоял здесь вопрос о монастырских имуществах, за ним тотчас возникал другой, не менее серьезный для государства вопрос о форме вознаграждения за военную службу, то есть о служилых землях. С монастырской собственностью связан был <...> вопрос о правах и о внутренней дисциплине духовенства» и т. д.⁸ «Из других источников, – продолжает П.Н.Милюков, – мы знаем, что только что очерченный на основании “Валаамской беседы” круг вопросов сильно занимал “избранную раду” Ивана IV накануне созыва соборов».⁹ Сходным образом рассуждает Г.Н.Моисеева: «Целый комплекс идей связывает это произведение с новым этапом борьбы за землю в период конца 40 – начала 50-х

¹ Павлов А. Исторический очерк секуляризации церковных земель в России. Ч. I. С. 136. Некоторые историки полагали, что это был Вассиан Патрикеев. – См.: История российской иерархии, собранная... Амвросием. Ч. II. М., 1810. С. XXVI–XXVII; Бодянский О. М. Рассуждение инока-князя Вассиана о неприличии монастырям владеть отчинами // ЧОИДР. Т. III. 1859. С. VIII; Хрущов И. Исследование о сочинениях Иосифа Санина. СПб., 1868; Невоструев К. И. Рассмотрение книги И. Хрущова // Отчет о XII присуждении наград гр. Уварова. СПб., 1869. С. 64–65; Жмакин В. Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881; Авалиани С. «Беседа преподобных Сергия и Германа, Валаамских чудотворцев» как исторический источник. С. 381–383; Иконников В. С. Максим Грек и его время. Киев, 1910.

² Будовниц И. У. Русская публицистика XVI века. С. 247, 251.

³ Ключевский В. О. Боярская дума Древней Руси. С. 275–276; Вальденберг В. Древнерусские учения о пределах царской власти. Пгр., 1916. С. 306.

⁴ Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 3. С. 65–66.

⁵ Рыбаков Б. А. Воинствующие церковники XVI века // Антирелигиозник. 1934, № 3. С. 26; Моисеева Г. Н. Валаамская беседа... С. 103, 112, 114. См. также: Черепнин Л. В. Земские соборы Русского государства... С. 92 (прим. 1).

⁶ Смирнов И. И. «Беседа Валаамских чудотворцев» и ее место в русской публицистике. С. 257–259.

⁷ Милюков П. Н. Очерки по истории культуры. Т. 3. С. 65–67.

⁸ Там же. С. 67.

⁹ Там же.

годов XVI в. – период деятельности “Избранной рады”, подготовки и проведения Стоглавого собора 1551 г.).¹

Можно полагать, что «Валаамская беседа» возникла в атмосфере ожесточенных споров о церковных недвижимых имениях в качестве подготовки к Стоглавому собору, на который партия Сильвестра–Адашева возлагала большие надежды, связанные с реализацией выдвинутого Избранной Радой проекта секуляризации монастырских земель. Однако было бы ошибочно, как нам думается, сводить главное содержание «Беседы» к полемике против монастырских вотчин, как это нередко делается исследователями.² Это лишь часть задачи, поставленной перед собой анонимным автором «Валаамской беседы», что, впрочем, не означает, будто «церковные споры нестяжателей и иосифлян здесь отодвинуты на задний план, а на первое место выдвинуты вопросы государственного устройства». ³ Если брать эту задачу в полном объеме, то она, по нашему убеждению, состояла в попытке нанести удар по русской церкви в целом, по ее экономическим и политическим основам, заодно бросив тень на официальную религию, исповедуемую православным людом. То была идеологическая акция, бьющая по самому церковно-государственному фундаменту Святोरусского царства. Во избежание упреков в голословности, обратимся непосредственно к тексту памятника.

Прежде всего, не надо обманываться словами автора «Беседы» о том, будто он сочинение свое «спроста написавше простую своею и неученою речию». ⁴ Перед нами простота, которая, как говорится, хуже воровства. К сожалению, это не поняли некоторые ученые. Так, издатели «Валаамской беседы» В.Г.Дружинин и М.А.Дьяконов замечали, что «простота и неученость автора бросаются в глаза и без его признания». ⁵ По Г.П.Бельченко, «автор Беседы – простой, неученый человек, в чем он и сам признается». ⁶ К тому же склоняется и И.У.Будовниц, заявляя, будто автор «Валаамской беседы» «был слишком груб, прост, неотесан и мало начитан в священных книгах. Он сам признает, что написал “Беседу” “спроста... простотою своею и неученою речью”». ⁷ Правда,

¹ *Моисеева Г.Н.* Валаамская беседа... С. 50.

² См., напр.: *Павлов А.* Исторический очерк секуляризации церковных земель в России. Ч. I. С. 136–137; *Милюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. Т. 3. С. 67; *Тихомиров М.Н.* Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в. Т. I. С. 142; *Смирнов И.И.* «Беседа Валаамских чудотворцев» и ее место в русской публицистике XVI века. С. 253; *Будовниц И.У.* Русская публицистика XVI века. С. 247; *Моисеева Г.Н.* Валаамская беседа... С. 48–50, 74–77; *Буланкина Т.В.* Валаамская беседа // *Словарь книжников и книжности древней Руси*. Вып. 2. Ч. I. Л., 1955. С. 104.

³ *Кузьмин А.Г.* Публицистика и общественная мысль // *Очерки русской культуры XVI века. Часть вторая*. М. 1977. С. 123.

⁴ *Моисеева Г.Н.* Валаамская беседа... С. 177, 190.

⁵ *Дружинин В.Г., Дьяконов М.А.* Беседа преподобных Сергия и Германа, Валаамских чудотворцев. С. XIII.

⁶ *Бельченко Г.П.* К вопросу о составе и об авторе «Беседы преподобных Сергия и Германа, Валаамских чудотворцев». С. 58.

⁷ *Будовниц И.У.* Русская публицистика XVI века. С. 249–250.

чуть ниже И.У.Будовниц несколько отступает от этой аттестации автора «Беседы». Полемизируя с И.И.Смирновым, насчитавшим в «Беседе Валаамских чудотворцев» свыше 60 упоминаний о мире (в том числе о черной волости) и пришедшим к выводу о крестьянской принадлежности ее автора, И.У.Будовниц пишет: «Не имеет особого значения и то, что автор более 60 раз говорит о мире, поскольку и прочие свои положения он повторяет десятки раз. В этом сказывается либо его “простота и неученая речь”, либо же мы имеем тут дело с извечным пропагандистским приемом – вдалбливать в головы людям свои тезисы путем бесконечного их повторения».¹

Уничижительные слова автора «Беседы» о самом себе есть тоже прием, а точнее сказать, «этикетная формула» (трафарет), применявшаяся в средневековой русской литературе.² Не всегда, однако, это учитывается исследователями, которые «делают ответственные выводы, рассматривая “этикетную формулу” средневековых произведений как индивидуальную особенность памятника». Д.М.Буланин, чье суждение мы привели, далее говорит: «Неверной или, во всяком случае, не совсем верной оказывается характеристика рассмотренной “этикетной формулы” как “самоуничижительного” заявления автора, характеристика, широко распространенная в научной литературе».³ Данная характеристика затронула, как видим, и составителя «Валаамской беседы».

Но в действительности он не так прост, как старается это представить читателю. Его повествование представляет собою хитросплетение религиозных, политических и, если можно так сказать, экономических идей, за которым угадывается целая программа партии, оппозиционной церковно-государственному строю Руси середины XVI века.⁴ То была, несомненно, партия Сильвестра–Адашева, собравшая под свои знамена реформаторов, задумавших перестроить Россию на западный манер. Что касается непосредственно самого автора «Валаамской беседы», то его главным образом занимают три основных вопроса, относящихся к вере, собственности и власти.

Весьма примечательны слова, содержащиеся в преамбуле «Беседы»: «Сице обличение на еретики и на неверныя вся, победа и одоление на цареви враги и поправление на вся премудрости их. Беседа и видение преподобных отец наших, игуменов Сергия и Германа Валаамского монастыря начальников, иноков, о Бозе на большее спасение».⁵ Во Второй редакции «Беседы» связность текста выражена более ясно: «Сице обличение на еретики и на неверныя, победа и одоление на враги цареви, и видение, и поправление на вся премудрости их. Беседа и видение преподобных отец наших, игуменов Сергия и Германа, Валаамского монастыря начальников, иноков, о Бозе на большее

¹ Там же. С. 251.

² Об этом см.: Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979. С. 80–102.

³ Буланин Д.М. Трудности изучения биографии древнерусских писателей // Русская литература. 1980, № 3. С. 140.

⁴ См.: Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 3. С. 65.

⁵ Моисеева Г.Н. Валаамская беседа... С. 161.

спасение».¹ Собственное намерение сочинитель «Беседы», следовательно, не скрывает, сразу заявляя, что собирается обличать еретиков и неверных, одолеть и победить «враги царевы», поправ «вся премудрости их». Он, таким образом, разводит царя с теми, кого хочет обличать и ниспровергать, старается вбить клин между ними, чтобы привлечь его на свою сторону и сделать орудием своей политики. Перед нами прием, практиковавшийся «реформаторами» со времен Ивана III и успешно применявшийся некоторое время Избранной Радой во главе с Адашевым и Сильвестром. По этой детали можно догадаться, к какому лагерю принадлежал автор «Валаамской беседы» или, во всяком случае, чьи интересы отстаивал. Ситуация еще больше проясняется, когда происходит персонификация еретиков, неверных и врагов царя. «Не погребенные мертвецы», т.е. иноки, – вот кто они.

Автор «Беседы» – лютый ненавистник монашеского владения вотчинами, волостями и селами. С маниакальным упорством твердит он так и этак об одном и том же: «а вотчин и волостей со христианы отнюдь иноком не подобает давати»;² «обители и храмы устроили святии отцы на спасение роду человеческому, а не на высокоумство и не на величество иноком, ниже волостем за монастыри быти»;³ «а волостей со христианы за монастыри не залучали, а того бы бегали»;⁴ «а иноческая бесконечная погибель, что иноком волости владети»;⁵ «при последнем времен иноком невозможно спастися будет, отнюдь невозможно, что иноки возлюбят пьянство, блуд, нечистоту, свирепство и немилосердство, и волости со христианы, и вся неподобная мира сего»;⁶ «а ныне мы, окаянии (иноки. – *И.Ф.*), тем себя высим и исправляем, и превозносим превыше дел своих своим малодушием, под собою имеем волости со христианы и над ними властвуем, немилосердство и злобу показуем и всякую неправду»;⁷ «иноков от всего суетнаго и мирскаго отставити, отнюдь отставити, волостей со христианы не давати».⁸ Все эти восклицания преследуют одну цель: опорочить русское монашество, погрязшее якобы в «злокозньстве».

Однако составитель «Валаамской беседы» идет еще дальше, замахиваясь не только на иноческое, но и священническое житие, т.е. на духовенство Руси в целом. Не зря в преамбуле «Беседы» говорится: «Аггельское житие на небесех свет показывает, а священническое и иноческое житие доброе и образ их на земли верным человеком свет являет».⁹ Но «увы нам грешным, увы», ибо в жизни все по-другому: «Вопиет к Богу грех священнический и иноческий».¹⁰ Грех священнический и даже святительский заключается в том,

¹ Там же. С. 178.

² Там же. С. 162, 179.

³ Там же. С. 164, 181.

⁴ Там же. С. 165, 181.

⁵ Там же. С. 168, 183.

⁶ Там же. С. 168, 184.

⁷ Там же. С. 170, 185.

⁸ Там же. С. 174, 188.

⁹ Там же. С. 161, 178.

¹⁰ Там же. С. 165, 181.

что священники и святители, подобно инокам, владеют волостями «со христианы», окунаясь в мирские дела, тогда как им надобно «пещись» «о законе и благоверии и о спасении мира всего с цареvy небесной грозы».¹ Необходимо, впрочем, заметить, что термин *иноки* употребляется автором «Беседы», судя по всему, не только для обозначения монахов в прямом смысле слова как членов монастырских корпораций. Под этим термином он, похоже, подразумевает и представителей высшей церковной иерархии, которые в силу своего положения также являлись монахами. Тогда понятно, почему иноки выступают у него в качестве владельцев не только вотчин или волостей с селами, но и городов,² почему в их руках сосредоточена большая власть, пользуясь которой они творят суд и расправу: правят волостями, судят мирских людей, посылают «по христианом приставам ездити» и велят «на поруки их давати».³

Составитель «Беседы» пытается бросить тень на святителей православной церкви, подавая двусмысленный совет «избирати на святительскую власть крепко и подлинно ведущих иноков на всякую добродетель, и ставити их на таковой чин не по дружбе, ниже по посулам, но истинно по правде, нелицемерных постников и к Богу подвижников».⁴ Во второй редакции «Беседы» *посулы* заменены *мздой*, а к фразе *и к Богу подвижников* добавлено *и к миру добродетельных же*.⁵

Этот «совет», имеющий явный подтекст, отнюдь не содействовал поддержанию авторитета высших чинов (митрополита, архиепископов и епископов) русской церкви, зароняя червь сомнения относительно чистоты российского святительства и тем самым отвращая паству от священнослужителей. Но, судя по всему, то была частная задача автора «Беседы». Требуя ограничить святительскую власть только заботами о «законе, благоверии и спасении всего мира», он, в сущности, ревизует учение о теократическом государстве, в котором церковные и государственные институты находятся в органическом единстве, переплетаясь друг с другом, отвергает построение Святорусского царства, где церковь является своего рода продолжением государства и наоборот. У него принципиально иная позиция, утверждающая идею разделения светской и духовной властей. Другой строй власти, уверяет составитель «Беседы», не от Бога: «Аще где в мире будет власть иноческая, а не царских воевод, ту милости Божия несть. Таковые властвующие иноки не богомолцы, но гневители. Горе иноком, возлюбившим мир и яже в нем! Горе иноком, возлюбившим суету света сего и не сохранившим заповедей иночества и умершим не в покаянии царскою простотою! Всем владети уставлено и повелено заповедати о всем царем и его в мире везде влаstem мирским владети, а не святительскому, ниже священническому и иноческому чину...».⁶

¹ Там же. С. 174, 188.

² Там же. С. 164, 180.

³ Там же. С. 168, 183.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 188.

⁶ Там же. С. 173–174.

Перед нами текст Первоначальной редакции «Валаамской беседы». Во Второй редакции концовка приведенного фрагмента «Беседы» выглядит несколько иначе и, на наш взгляд, более соответствует протографу: «Всем влады и уставлено и повелено заповедати о всем царем и его в мире и везде влаstem мирским влады, а не святителскому чину...».¹ Здесь отсутствует упоминание о «священническом и иноческом чине», а говорится лишь о «святительском чине», что лучше согласуется с примыкающим текстом (причем обеих редакций), в котором фигурирует только «святительская власть».² Признав правильным данное наблюдение, мы должны констатировать выпад автора «Валаамской беседы», направленный против митрополита Макария, чья власть и влияние на царя Ивана IV, поколебленные было группой Сильвестра–Адашева после известных событий 1547 года, стали в самом конце 40-х – начале 50-х гг. постепенно восстанавливаться вновь. Начало опять усиливаться и тесное сотрудничество церкви с государством, не входившее в планы реформаторов. Именно в контексте этих событий раскрывается пафос «Валаамской беседы». Приобретает ясность и то, по какой конечной цели бил ее сочинитель. Он бил, как сейчас говорят, по штабам: по русской православной церкви и государству. Чтобы представить, насколько то было опасно, необходимо вспомнить религиозно-политическую ситуацию, сложившуюся тогда в стране.

Середина XVI века – время нового оживления еретических движений на Руси. В такие моменты особенно важен вразумляющий глас пастырей, оберегающих от еретических соблазнов врученное им Богом стадо. И вот в час испытаний церкви, когда пастырское слово приобретает великое значение, появляется в публицистике сочинение, возбуждающее если не сомнения, то, по крайней мере, вопросы насчет добропорядочности поставляемых в святители людей и честности самой процедуры поставления. Трудно назвать это иначе, нежели враждебной акцией против высших церковных иерархов и лично митрополита Макария, а значит – против православной церкви и государства. Исходила она, по всему вероятно, либо из еретической среды, либо из кругов, сочувствующих еретикам. Понятно, что решиться на такую акцию можно было лишь при условии, когда у власти находились лица, или покровительствующие еретикам, или настроенные оппозиционно по отношению к святоотеческой православной вере, апостольской церкви и самодержавному государству, или то и другое вместе. Именно таких лиц, сплотившихся вокруг Сильвестра и Адашева, мы видим у кормила власти в середине XVI века. Их поддержкой, видимо, пользовался анонимный автор «Валаамской беседы», не стеснявшийся в полемических приемах, называя белое черным, сваливая с больной головы на здоровую. Кстати сказать, обычно так поступали еретики, поднаторевшие в вековых спорах с христианами.

В «Беседе» есть одно любопытное место, содержащее такого сорта авторский прием: «Ведомо буди о сем и известно миру всему спроста объявяхом: то есть, возлюбленная братия, от беса противо новыя благодати – новая

¹ Там же. С. 188.

² Там же. С. 174, 188.

ересь, что иноком волости со христианы владети...».¹ Иноки, владеющие «волостями со христианы», названы в «Беседе» иконоборцами: «Таковые иноки труды своими питаются не хотят, накупаются на мирския слезы и хотят быти сыты от царя по их ложному челобитию. Таковые иноки не богомолцы, но иконоборцы».² Здесь, как и в других случаях, слово иноки не замыкается непосредственно на монашеской братии. Оно подразумевает (особенно в первой цитате), помимо монахов как таковых, иноков и несравненно более высокого ранга – святителей, т.е. высшее духовенство, имевшее вотчины, волости и села, а стало быть – церковь.

Согласно автору «Беседы», «новая благодать» – это «еуаггелская благодать», т.е. Евангелие.³ Следовательно, не по Евангелию живут владельцы волостей «со христианы», но по «ветхой лже», или Ветхому Завету. Больше того, как утверждается в «Беседе», они идут наперекор «новой благодати», исполняя волю «беса», «лукаваго врага диявола». Умышленные приписки, подтасовки и вставки – вот их аргументы, обосновывающие право владения селами и волостями: «А сего царие не ведают и не внимают, что мнози книжницы во иноцех по диявольскому наносному умышлению из святых божественных книгах и из преподобных жития выписывают, и выкрадывают из книг подлинное преподобных и святых отец писание, и на тож место в теж книгах приписывают лучшая и полезная себе, носят на соборы во свидетельство, будтося подлинное святых отец писание».⁴ Не исключено, что эти слова явились откликом автора «Валаамской беседы» на ответ митрополита Макария царю Ивану IV «О недвижимых вещех, в данных Богови в наследие благ вечных», основанный на божественных правилах «святых апостол и святых отец седми собор, и поместных, и особь сущих святых отец, и от заповедей святых православных царей». Однако вместе с тем необходимо заметить, что перед нами расхожие, дезавуирующие доказательства иосифлян, доводы, которые пускали в ход противники монастырских стяжаний, например старец-князь Вассиан Косой Патрикеев, обвинявший Иосифа Волоцкого и его сторонников в нарушении евангельских заповедей и забвении святоотеческих преданий.⁵ Разница, правда, в том, что нестяжатели типа Вассиана обличали главным образом несправедливые дела монахов, хотя осуждали и богатства церкви и роскошь ее иерархов. Безымянный же автор делает новый шаг, подвергая резкой критике иночество, священничество и святительство, т.е. в целом духовенство (= церковь), причем обвиняет его в еретичестве и как следствие того – в приверженности «ветхой лже», т.е. Ветхому Завету. Тут все поставлено с ног на голову, исполнено глубокой вражды к русской церкви и ее священнослужителям.

Автор «Беседы», разумея, по-видимому, на какой скользкий и гибельный для себя путь он стал, старается замазать эту враждебность, призывая по-

¹ Моисеева Г.Н. Валаамская беседа... С. 172, 187.

² Там же. С. 167–168, 183.

³ Там же. С. 169, 184

⁴ Там же. С. 167, 183.

⁵ Г.Н.Моисеева обратила внимание на сходство аргументации в данном вопросе автора «Валаамской беседы» и еретика Матвея Башкина. – Там же. С. 110.

клоняться «праведному и страшному царю небесному» Господу Богу и Спасу Иисусу Христу, Пречистой Богородице и всем святым, чтить «новую благодать» Евангелия и «апостольскую проповедь», не поддаваться «на прелестную незаконную нам латынскую и многих вер веру», «стояти против врагов креста Христова крепко и неподвижно».¹ Все эти призывы служили, по нашему мнению, только для отвода глаз. Главное же состояло в том, что анонимный (не случайно!) автор «Валаамской беседы» нанес удар в самое сердце русского православия, объявив еретической нашу апостольскую церковь и ее служителей в сложной и напряженной обстановке нового оживления еретических учений на Руси середины XVI века. Чтобы решиться на такую дерзость, надо было иметь покровителей на самом верху власти.

Своеобразной завесой сочинителю «Беседы» служили также его рассуждения насчет человеческого самовольства, связанного с проблемой самовластия души, обсуждаемой в среде еретиков и вольнодумцев еще со времен Федора Курицына. Можно подумать, что ему чужда мысль об этом самовольстве (самовластии). «Мнози убо глаголют в мире, – говорит он, – яко самоволна человека сотворил есть Бог на сесь свет. Аще бы самовластна человека сотворил Бог на сесь свет, и он бы не устави царей и великих князей и прочих властей, и не разделил бы орды от орды. Сотворил Бог благоверныя цари и великия князи и прочии власти на воздержание мира сего для спасения душ наших. Аще в мире о сем всегоднем посту не царская всегодная гроза, ино в волях своих не каются по вся годы, ниже послушают попов».² П.Н.Милюков полагал, что данное возражение «направлено прямо по адресу Пересветова».³ Едва ли это так, хотя бы потому, что у Ивана Пересветова (если, разумеется, относить к его творчеству «Сказание о Петре, воеводе Волосском») о самовластии человека речь идет в другом ключе, чем у составителя «Валаамской беседы». В «Сказании» читаем: «И так рек волосский воевода: “Господь Бог милосерд надо всею вселенною искупил нас кровию своею от работы вражия; мы же приемлем создание владычне, такова же человека в работу и записываем их своими во веки, а те от бедностей и от обид в работу придаются и прелщаются на ризное украшение; и те оба, приемлющий и дающий, душою и телом перед Богом погибают во веки, занеже Бог сотворил человека самовластна и самому себе повеле быть владыкою, а не рабом”».⁴ Как видим, позиции автора «Валаамской беседы» и Пересветова отчасти совпадают, но отчасти и разнятся. Оба писателя в своих рассуждениях о самовластии человека сходят с религиозно-философской почвы, на которой изначально возникла данная проблема. Но, как говорит восточная мудрость, стоя на одном ковре, они смотрят в разные стороны: первый обращен к явлениям политическим,⁵ а второй – социальным. И, конечно

¹ Там же. С. 162, 168, 169, 173, 177, 179, 184, 187, 190.

² Там же. С. 174–175, 188–189.

³ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 3. С. 65.

⁴ Сочинения И.Пересветова. М.; Л., 1956. С. 347.

⁵ См.: Моисеева Г.Н. Валаамская беседа... С. 108; Черепнин Л.В. Земские соборы Русского государства... С. 92–93.

же, нельзя не заметить того, что сочинитель «Валаамской беседы» отрицает идею о самовластном человеке, а Пересветов, напротив, признает ее. Однако это не означает, что это отрицание «направлено прямо по адресу Пересветова». По-видимому, надо согласиться с А.И.Клибановым, когда он говорит: «Вопрос о самовластии, будучи вопросом о свободе, задевал коренные интересы общества. Этим объясняется, что вопрос этот составлял одну из тем русской религиозной и светской публицистики конца XV и всего XVI в.». ¹ Не являются здесь исключениями «Валаамская беседа» и «Сказание о Петре, воеводе Волосском».

Следует далее признать еще и то, что автор «Беседы» перевел вопрос о самовластии души (человека) из богословско-философской области в политическую плоскость не случайно, а с определенным умыслом, чтобы еще раз вернуться к сюжету о сотворении и об установлении Богом правителей (царей, великих князей и пр.), о разделении им государств («орды от орды»), об удерживающем характере власти, еще раз вернуться с тем, чтобы опять-таки уколоть попов, недостойных послушания и, стало быть, почитания. Неприязнь к православному клиру прорывается у него и в данном случае.

Уличая духовенство во всех, так сказать, смертных грехах, составитель «Беседы» ищет главных виновников такого положения и находит их, указывая на «простоту» и «маломыслие» государей (царей), проявляющих небрежение к своим обязанностям: «А маломыслии цари, Христу противницы, иноков жалуют и дают иноком свои царские вотчины, грады и села, и волости со христианы, и отдают их из миру от христиан своих завидная и вся лутчая в монастыри иноком. Отнюдь то иноком не надобно и не потребно, и не подобает <...>. Таковыми неподобными статиями и мирскими суетами царие иноков потворяют и от обещания иноков, и от молитвы отвращают, и в бесконечную погибель их вводят...». ² К подобным царям наш автор суров и беспощаден: «Лучше степень и жезл, и царский венец с себя отдати и не имети царского имени на собе, и престола царства своего под собою, нежели иноков мирскими суеты от душевного спасения отвращати». ³

Надо было обладать безудержным воображением и немалой злобой, чтобы решиться причислить русских государей к противникам Христа, опорочив в одночасье их многолетние усилия по обустройству святых монастырей Руси, огромное значение которых в истории страны уже тогда являлось очевидным. Перед нами полное отсутствие чувства меры, вызывающее эффект, прямо противоположный тому, на какой мог рассчитывать полемист, предусмотрительно пожелавший остаться неизвестным. Но, увлекшись, он уже не в силах был остановиться и продолжал запугивать читателей «Беседы», как сказал бы Иван Грозный, «детскими страшилы»: «И за таковы иноческие грехи и за царскую простоту попускает Бог и на праведные люди свой праведный гнев <...>. И сего ради при последнем времени начнут люди

¹ Клибанов А.И. Реформационные движения в России... С. 338.

² Моисеева Г.Н. Валаамская беседа... С. 166–167, 182.

³ Там же. С. 163, 179–180.

напрасными бедами спастися, и по местом за таковые грехи начнут быти глады и морове частые, и многие частые трусы и потопы. И межеусобные брани и войны, и всяко в мире начнут гинути грады, и стеснятся, и смятения будут во царствах велика, и ужаста, и будут никим гонимы. Волости и села запустеют, дома христианския, люди начнут всяко убывати, и земля начнет пространнее быти, а людей будет менши, и тем досталным людям будет на пространной земли жити негде».¹ Апокалипсические пророчества о конце мира автор «Беседы», таким образом, приспособливает к собственной концепции Господнего воздаяния за «иноческие грехи и царскую простоту», обедняя картину Второго пришествия и, следовательно, совершая над «святыми божественными книгами» то, в чем корил своих оппонентов, – вольное обращение с этими книгами.

Описание всяких «ужастей», в кои будут ввергнуты люди (праведные и неправедные), служило для составителя «Валаамской беседы» ступенью к устрашению властей предрежащих: «Царие на своих степенех царских не возмогут держатися и почасту пременяться за свою царскую простоту и за иноческие грехи, и за мирское невоздержание».² В политических условиях Русского государства середины XVI века подобные суждения могли восприниматься как идеологическое обоснование учреждения выборной царской власти взамен наследственной, к чему стремилась Избранная Рада и что ее деятели безуспешно попытались осуществить в марте 1553 года. Под завесой Божьего наказания сочинитель «Беседы» старается протащить идею выборности часто сменяемой монаршей власти.

Осуждая владение иноков волостями и селами «со христиань», автор «Валаамской беседы» допускает обзаведение ими ненаселенными землями, в частности «особными от мирян» промысловыми угодьями или «промышленными улусами», по терминологии памятника.³ Кроме угодий, инокам и всему «священническому чину» надлежит давать на пропитание «урочные годовые милостыни»,⁴ т.е. нечто схожее с ругой – государственным жалованьем, пособием.⁵ Однако иноки обязаны все же «питатися от своих праведных трудов, и своею потною прямою силою, а не царским жалованием, и не христианскими слезами».⁶ Они должны следовать примеру («последовати») «прежним иноком, и во всем быти аки прочии преподобнии и пустынные жители».⁷ Видимо, составитель «Беседы», утверждая, будто иноки «возлюбили пустынное и преподобное отец житие»,⁸ несколько поспешил. Не случайно, надо полагать, во Второй редакции памятника вместо этого безапел-

¹ Там же. С. 165–166, 182.

² Там же. С. 166, 182.

³ Там же. С. 174. Во Второй редакции «Беседы» термин *улусы* заменен словом *угодия*: «И давати им (монахам. – И.Ф.) ... промышленныя угодия». – Там же. 188.

⁴ Там же. С. 162, 174, 175, 179, 188, 189.

⁵ См.: Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 22. М., 2004. С. 230–231.

⁶ Моисеева Г.Н. Валаамская беседа... С. 167, 183.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 169.

ляционного утверждения встречаем призыв, обращенный к русскому монашеству: «Возлюбите, братия, пустынное и преподобных отец житие, пищу и питье».¹ Призывая *возлюбить* «пустынное житие» безымянный литератор реально оценивал положение дел в сфере тогдашнего устройства монастырей. Когда же он говорил, будто иноки *возлюбили* «пустынное житие», то он выдавал желаемое за действительное. Но в любом случае ясно одно: автор «Валаамской беседы» был сторонником пустынножительства монахов и противником сложившегося на Руси монастырского уклада. Здесь, как и во многом другом, он сходиллся с нестяжателями и ловко спекулирующими их идеями еретиками. То была опасная по своим последствиям идейная игра. Сойди русское монашество на путь, указываемый сочинителем «Валаамской беседы», Русское государство оказалось бы в состоянии глубочайшего религиозно-политического кризиса и распада создававшейся на протяжении длительного времени церковно-монастырской системы, основы которой были заложены преподобным Сергием Радонежским и митрополитом Алексеем.² Этот кризис, несомненно, поразил бы и православную государственность, разрушающе действуя на русское «самодержавство», только что установившееся на Руси. О том, что смена вех в развитии монархии в России при таком повороте событий стала бы неизбежной, свидетельствуют взгляды автора «Валаамской беседы» на характер царской власти.

В историографии существует мнение, согласно которому автор «Валаамской беседы» являлся приверженцем самодержавия. По словам И.И.Смирнова, автор «Беседы» «выступает как сторонник царской власти».³ Однако, полагает И.И.Смирнов, точка зрения автора «Беседы» по вопросу о власти «не исчерпывается простым признанием необходимости царской власти. Автор выступает как сторонник с а м о д е р ж а в н о й власти царя».⁴ На той же позиции стоит и Г.Н.Моисеева, заявляя, будто «автор “Валаамской беседы” сторонник сильной, единодержавной власти московского царя, повелевающего своими “советниками”».⁵ Несколько иной взгляд у Л.В.Черепнина, по которому автор «Беседы» «является сторонником сословно-представительной монархии».⁶ Что можно сказать по поводу этих суждений исследователей?

В «Валаамской беседе», действительно, встречаются высказывания, позволяющие предположить в ее авторе человека, симпатизирующего самодержавной власти московских государей. Об этом, казалось бы, говорит развиваемая им идея божественного происхождения царской власти: «Богом бо вся свыше предана есть помазаннику царю и великому Богом избранному

¹ Там же. С. 185.

² См.: Будовниц И.У. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV–XVI веках (по «житиям святых»). М., 1966. С. 77–111.

³ Смирнов И.И. «Беседа Валаамских чудотворцев» и ее место в русской публицистике XVI века. С. 251.

⁴ Там же.

⁵ Моисеева Г.Н. Валаамская беседа... С. 100.

⁶ Черепнин Л.В. Земские соборы Русского государства... С. 92.

князю. Благоверным князем русским свыше всех дана есть Богом царю власть над всеми...». ¹ Отсюда и название *самодержеца*: «Бог повеле ему царствовать и мир воздержати [и управлять], и для того цареви в титулах пишутся самодержцы». ² По убеждению составителя «Беседы», перекликающегося идейно с Иваном Пересветовым, ³ «достоит царю грозному быти». ⁴ Обращаясь к русскому иночеству, он взывает: «Возлюбленнии отцы и драгая братия, покаряйтесь благоверным царем и великим князем русским радейте и во всем им прямите. И Бога за них молитесь, аки сама за себя и паче за себя, да таковыми ради молитвы и мы помилованы будем. И добра государем своим во всем хотите, и за их достоин животою своим помирить и главы покладати...». ⁵ Не следует, однако, чересчур доверчиво относиться к этим словам автора «Валаамской беседы» и принимать их за чистую монету. Вчитываясь в текст памятника, убеждаемся, что в нем не все так просто, как может показаться с первого взгляда.

Начнем с понятия *самодержец*. И тут уместно вспомнить Ивана Грозного, который говорил Андрею Курбскому: «Како же и самодержец наречется, аще не сам строит?». ⁶ И еще: «А Российское самодержавство изначала сами владеют своими государствами, а не бояре и вельможи»; ⁷ «а се... нечестие, еже от Бога данные нам власти самем владети...». ⁸

Сопоставление этих положений царя Ивана, выдержанных в духе официальной доктрины о характере самодержавной власти, с высказываниями автора «Валаамской беседы», посвященными тому же предмету, обнаруживает как сходство, так и различие их позиций. Сходство заключается в признании ими божественного происхождения власти самодержца. Но затем идут различия, причем существенные. Само возникновение названия *самодержец* Иван Васильевич и сочинитель «Беседы Валаамских чудотворцев» объясняют по-разному. Если, согласно Ивану IV, самодержцем государь называется потому, что «сам строит», сам владеет властью и государством, а не бояре и вельможи, то, по автору «Беседы», цари «в титулах пишутся самодержцы» вследствие того, что Бог повелел им «царствовать и мир воздержати и управлять». Причем автор «Валаамской беседы» в этот раз не уточняет, самовластно ли должен «воздержати и управлять» царь или же вместе с вельможами. Но следом он начинает рассуждать о том, что царю предназначено данное ему Богом царство «воздержати» отнюдь «не собою», но в сообществе «с своими приятелями с князи и з бояры». ⁹ О том, что это именно так, а не иначе надо понимать автора «Беседы», недвусмысленно свидетельствует его утверждение: «Не с иноки Господь повелел царю царство и грады, и волос-

¹ Моисеева Г.Н. Валаамская беседа... С. 162, 179.

² Там же. С. 163, 179.

³ См.: Черепнин Л.В. Земские соборы Русского государства... С. 95.

⁴ Моисеева Г.Н. Валаамская беседа... С. 166, 182.

⁵ Там же. С. 161–162, 178.

⁶ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 21, 70.

⁷ Там же. С. 16, 65.

⁸ Там же.

⁹ Моисеева Г.Н. Валаамская беседа... С. 163, 179.

ти держати, и власть имети – с князи и з боляры, и с прочими миряны, а не с ыноки». ¹ Этому утверждению созвучны другие слова, содержащиеся в «Беседе»: «А царем и великим князем достоин <...> всякие дела делати милосердно с своими князи и з боляры с протчими миряны, а не с ыноки». ²

Подобный ход рассуждений не мог не привести составителя «Беседы» к проблеме царя и советников. И он, коснувшись ее, выразил вполне определенно свою точку зрения: «А царю достоин не простотовати, с советники совет совещевати о всяком деле, а святыми божественными книгами сверх всех советов внимати и «Беседы» Иосифа Прекрасного повести дозирати». ³ По поводу цитированного текста Беседы Г.Н.Моисеева пишет: «Глагол “простотовати” <...> в “Валаамской беседе” имеет отрицательный смысл, поэтому данное выражение следует понимать как назидание царю решать государственной важности вопросы самому, руководствуясь чтением “божественных книг” и повести об Иосифе Прекрасном». ⁴ Противоположным образом думает Л.В.Черепнин: «Царь должен править вместе с лицами, составляющими его “совет”». ⁵ Кто из исследователей прав? Похоже, не Г.Н.Моисеева.

Верно, конечно, то, что глагол *простотовати* употребляется автором «Валаамской беседы» в отрицательном смысле. Но ошибочно думать, будто он внушает царю «решать государственной важности вопросы самому». Как раз наоборот. Его сентенция, на наш взгляд, состоит в том, что царю «достоит не простотовати», или, так сказать, дурью не маяться, а советоваться с советниками «о всяком деле», внимая помимо того «священным книгам» и мудрому Иосифу Прекрасному. В подтверждение правомерности такого прочтения «данного выражения» сошлемся на другой текст «Беседы», не оставляющий, по нашему мнению, никаких сомнений на сей счет: «А царем з боляры и з ближними приятели о всем советовати накрепко, а сверх всех советов доложитися божественных и святых книг, и внимати Беседа Иосифа Прекрасного, царя египетского повесть». ⁶ Во Второй редакции «Валаамской беседы» зависимость царя от советников и консультантов еще более усилена: «А царем з бояры и со ближними приятели о всем советовати и думати (подчеркнуто нами. – И.Ф.) накрепко-накрепко, а потом смотрити известными своей царьския полаты людми (подчеркнуто нами. – И.Ф.) святых божественных книг, и внимати Беседа Иосифа Прекрасного царя египетскаго». ⁷ Как видим, этих советников и консультантов автор «Беседы» делит на две группы – бояр и ближних приятелей. Не подразумевает ли он здесь Боярскую

¹ Там же. Во Второй редакции данный текст читается несколько по-другому: «Государем царем уставлено царство и грады, с волостми держати, и власть имети – со князи из боляры, и с протчими великородными и приближными своими мирскими людми, а не с иноки». – Там же. С. 180.

² Там же. С. 162. «Протчие миряны» заменены во Второй редакции «Беседы» «протчими великородными и праведными мирскими людми». – Там же. С. 179.

³ Там же. С. 166, 182.

⁴ Там же. С. 94–95.

⁵ Черепнин Л.В. Земские соборы Русского государства... С. 93.

⁶ Моисеева Г.Н. Валаамская беседа... С. 176.

⁷ Там же. С. 190.

Думу (бояре) и Избранную Раду (ближние приятели)? При положительном ответе на вопрос обнаруживается большая его осведомленность в придворных делах Руси середины XVI века. А если учесть проявляемую им заботу о ближних приятелях, с которыми должен советоваться царь, то становится ясной принадлежность нашего писателя к реформаторскому кругу.

Итак, термин *самодержец*, понятый автором «Валаамской беседы» в качестве обозначения государя, царствующего по воле Бога, не только не исключает участия во власти советников (князей, бояр, «ближних приятелей»), но, напротив, предполагает это участие, поскольку оно угодно Богу и осуществляется согласно Божьему повелению. Перед нами, надо сказать, довольно своеобразное толкование слова *самодержец*, выхолащивающее его истинное содержание. Не чем иным, нежели стремлением теоретически обосновать ограничение самодержавной власти Ивана IV, эту понятийную акробатику объяснить невозможно. Однако позиция сочинителя «Валаамской беседы» будет охарактеризована не полно, если опустить одну весьма существенную деталь: нескрываемое желание поставить в ряд советников царя «протчих мирян», т.е. земских, по всей видимости, представителей или «всенародных человек», по терминологии князя А.М.Курбского.¹ И здесь, конечно же, нельзя пройти стороной мимо одного из прибавлений (добавлений) к «Валаамской беседе».

«Ино сказание тоеже Беседы» – так называется это прибавление. В нем наше внимание останавливают несколько сюжетов, расположенных автором последовательно и представляющих отдельные смысловые звенья или блоки: 1) «Подобает благоверным и христолюбивым царем и богоизбранным, благочестивым и великим князем русския земли избранные воеводы своя и войско свое крепити и царство во благоденство соединити и распространити от Москвы семо и авамо, всюду и всюду. И грады, аки крепкия и непоколебимые богоутвержденные столпы, крепко скрепити, и область вся держати не своею царьскою храбростию, ниже своим подвигом, но славным войском и царьскою премудрою мудростию»;² 2) «И на таковое дело благое достоин святейшим вселенским патриархом и православным благочестивым папам, и преосвященным митрополитом, и всем священноархиепископом, и епископом, и преподобным архимаритом, и игуменом, и всему священническому и иноческому чину благословити царей и великий князей на единомысленный вселенский совет»;³ 3) «И с радостию царю воздвигнути, и от всех градов своих, и от уездов градов тех, без величества и без высокоумныя гордости, хриstopодобною смиренною мудростию, беспрестанно всегда держати погодно при себе и себе ото всяких мер всяких людей, и на всяк день их добре и добре распросити царю самому о всегодном посту и о покаянии мира сего, и про всякое дело мира сего»;⁴ 4) «А разумных мужей, добрых и надежных приближенных своих воевод и воинов со многими войсками ни

¹ Ср.: Черепнин Л.В. Земские соборы Русского государства... С. 93.

² Моисеева Г.Н. Валаамская беседа... С. 191.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 191–192.

на один день не разлучати от себя. Да таковою царьскою мудростию и воинным валитовым разумом ведома да будет царю самому про все всегда самодержавства его, и может скрепити от греха власти и воеводы своя, и приказные люди своя, и приближенных своих от поминка и от посула, и от всякия неправды, и сохранит их от многих безчисленных властелиных грехов, и ото всяких лстивых лстецов, и ото обавников их. И объявлено будет теми людьми всякое дело пред царем. Таковою царьскою мудростию и валитовым разумом да правдою тою держатца во благоденство царство его и войско все без измены крепко всегда».¹

Прежде чем приступить к выявлению содержания приведенных фрагментов «Иного сказания», необходимо коснуться вопроса о происхождении самого памятника. Ближайшая задача, встающая перед исследователем, заключается в установлении соотношения, связи основного текста «Валаамской беседы» с этим прибавлением. Иначе, является ли «Иное сказание» непосредственным продолжением «Валаамской беседы», принадлежащим перу одного и того же автора, или представляет собою самостоятельное произведение, хотя и тесно связанное с «Беседой». Ученые по-разному решают данную задачу. Еще дореволюционные издатели «Валаамской беседы» В.Г.Дружинин и М.А.Дьяконов доказывали позднее происхождение «Иного сказания» сравнительно с «Беседой» и, следовательно, принадлежность этих письменных памятников различным авторам.² В советской историографии точка зрения В.Г.Дружинина и М.А.Дьяконова получила поддержку со стороны Г.Н.Моисеевой, высказавшей ряд дополнительных соображений (в том числе текстологических) в пользу этой точки зрения.³ В том же направлении рассуждал и Л.В.Черепнин. «Как известно, — писал он, в некоторых списках “Беседы Валаамских чудотворцев” к ней приписан другой памятник под заглавием “Ино сказание то же Беседы”. Автор “Иного сказания”, как видно, знал текст “Беседы” и касался некоторых вопросов, в ней поднятых, однако решал их в ряде случаев иначе».⁴ Следовательно, по Г.Н.Моисеевой и Л.В.Черепнину, «Беседу» и «Сказание» составили разные лица. Однако уже некоторые современники В.Г.Дружинина и М.А.Дьяконова принимали «Иное сказание» и «Валаамскую беседу» за одно целое.⁵ К тому же склонялись и отдельные новейшие исследователи.⁶ В исторической литературе обращалось внимание и на неосновательность попыток приписать «Иное сказание» и «Валаамскую беседу» различным авторам.⁷

¹ Там же. С. 192.

² Дружинин В.Г., Дьяконов М.А. Беседа преподобных Сергия и Германа, Валаамских чудотворцев. С. XIII–XVII. При этом В.Г.Дружинин и М.Я.Дьяконов замечали, что автору «Сказания» «очень хотелось, чтобы оно стало неотъемлемой прибавкой “Беседы”». — Там же. С. XV. Об авторах «Беседы» и «Сказания» см. также: Бельченко Г.П. К вопросу о составе... С. 47.

³ Моисеева Г.Н. Валаамская беседа... С. 140–148.

⁴ Черепнин Л.В. Земские соборы Русского государства... С. 94.

⁵ См., напр.: Стратонов И.А. Заметки... С. 22–23.

⁶ См., напр.: Зимин А.А. «Беседа Валаамских чудотворцев»... С. 201–202.

⁷ Милоков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 3. С. 66.

По нашему мнению, надо все-таки признать, что «Беседа» и «Сказание» написаны разными людьми. Об этом, по-видимому, свидетельствует само название «Иное сказание тоеже Беседы», означающее другое повествование (рассказ)¹ о той же «Беседе». Вряд ли автор «Валаамской беседы» взялся бы за подобную, прямо скажем, странную работу, имея возможность высказать в основном тексте своего сочинения все, что считал нужным. Верно и то, что «Иное сказание» появилось *после* составления «Валаамской беседы». Но это *после* нельзя, на наш взгляд, понимать как *позже*, а тем более – как *много позже*. «Сказание», скорее всего, создавалось если не сразу, то по горячим следам «выхода в свет» «Валаамской беседы». На это указывает идейная связь «Сказания» с «Валаамской беседой», свидетельствующая об актуальности поднятых в «Беседе» проблем на момент создания «Иного сказания». Отсюда ясно, что между написанием памятников не могло пройти много времени.

На идейную связь «Иного сказания» и «Валаамской беседы» обращал внимание И.И.Смирнов, который подчеркивал, что «факт присоединения к первичной редакции “Беседы” этого дополнения («Иного сказания». – И.Ф.) представляет большой интерес. Ибо в глазах автора “Иного сказания” оно составляло <...> органическое единство с текстом “Беседы”. Мы можем, следовательно, рассматривать “Иное сказание” как дальнейшее развитие той политической программы, которая содержится в основном тексте “Беседы”».² Принимая тезис И.И.Смирнова в общем, принципиальном плане, мы не можем признать правильным конкретное его раскрытие. К тому же (и это надо особо подчеркнуть) «Сказание» не являлось простым развитием «политической программы» «Беседы». Оно вносило в эту программу и нечто новое, свое, будучи, таким образом, некоторым дополнением к «Валаамской беседе». Но при всем том «Беседа» и «Сказание», конечно же, не должны рассматриваться изолированно друг от друга, поскольку находятся в тесной взаимосвязи, являя собою хотя и двухчастное, но, тем не менее, цельное сочинение. Обратимся непосредственно к тексту «Иного сказания», к выделенным нами смысловым блокам, формирующим «политическую программу», пропагандируемую его автором.

Первое, что старается внушить русскому царю и великому князю сочинитель «Сказания», это – необходимость «крепить» войско и царство с целью распространения Московского государства (царства) «семя и авамо, всюду и всюду». Завоеванные земли он советует «крепко скрепити», возводя там «грады, аки крепкия и непоколебимые богоутвержденные столпы». Нет сомнений в том, что речь у него идет об авантюрном и провокационном проекте установления со стороны России мирового господства, разумеется в пределах, соответствующих понятиям того времени. Отсюда, очевидно, предложение автора собрать «царей и великих князей на единомысленный вселенский совет», который порою историки безосновательно относят к ряду земских соборов. Так, еще В.О.Ключевский, имея в виду «Иное сказа-

¹ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 24. М., 1999. С. 163.

² Смирнов И.И. «Беседа Валаамских чудотворцев»... С. 260. Ср.: Моисеева Г.Н. Валаамская беседа... С. 141–142.

ние», писал: «Здесь, наставляя русских царей и великих князей, как крепить своих воевод и войско и соединить во благоденство царство свое, автор предлагает более определенный план всесословного земского собора».¹ О земском соборе в данной связи говорили также другие исследователи, например И.И.Смирнов.²

Однако данное истолкование «Сказания» упирается в серьезные противоположения. В частности, термин *всесословный* не равнозначен термину *вселенский*, употребляемому автором «Иного сказания». Первый имеет внутренний (внутригосударственный) характер, тогда как второй – внешний (мировой). Если созыв «земского всесословного собора» зависел, как известно, только от решения московского государя и митрополита всея Руси, то собрание, именуемое составителем «Сказания» «единомысленным вселенским советом», требовало благословения «святейших вселенских патриархов», «православных благочестивых пап» и других церковных иерархов. Оно и понятно, поскольку «вселенский совет» созывался в связи с экспансией «Москвы семо и авамо, всюду и всюду», но не по вопросам строительства Русского государства. Этот «вселенский совет» царей и великих князей (но отнюдь не сословий!) предназначался, по всей видимости, для того, чтобы санкционировать создание вселенского православного царства, а лучше сказать, чтобы поманить московского государя соблазнительной перспективой установления православного царства. То была ловушка, в которую автор «Иного сказания» и те, чьи интересы он представлял, думали заманить царя, так как условием созыва «вселенского совета» являлось благословение церковных иерархов, в том числе «православных благочестивых пап». При поверхностном взгляде может показаться, что «православные папы» – нелепость, случайно допущенная сочинителем «Сказания». На самом же деле перед нами, скорее всего, хитрость, пущенная в ход, чтобы смазать различия между православием и католичеством, изобразив их как единоверие. Во всяком случае, сведя в одну компанию православных вселенских патриархов и римских понтификов, автор «Иного сказания» утверждал таким образом идею единства христианских иерархов и, следовательно, идею единства христианских церквей, выступая глашатаем унии. Не указывает ли это на литовско-русское происхождение нашего публициста или на его связи с Литвой, где унийное движение в рассматриваемое время заметно активизировалось под воздействием нового наступления католичества на православие.³ Эмиссары католицизма, одурманенные успехом в Литве, предвкушали свою победу и в России. Один из них, Антонио Поссевино, писал: «Божественное провидение указало, что для истинной веры может открыться широкий доступ, если это дело (проповедь католической веры. – И.Ф.) будет проводиться с долготерпеливым усердием теми способами, с помощью которых так много дру-

¹ Ключевский В.О. Боярская дума Древней Руси. С. 284.

² Смирнов И.И. «Беседа Валаамских чудотворцев»... С. 248–249. Ср.: Черепнин Л.В. Земские соборы Русского государства... С. 94–95.

³ См.: Теплова В.А. Брестская церковная уния. Предыстория, причины и следствия // Уния в документах. Минск, 1997. С. 34–36.

гих государств приняло на себя иго христово. Ведь не без божьего соизволения нам открылся — и это уже что-нибудь да значит — путь в Московию <...>. В том, что нынешний великий князь московский ищет дружбы с папой и другими христианскими государями, в этом мы также увидели удивительные пути божественного промысла...».¹

Признавая «Иное сказание» и «Валаамскую беседу» составными частями единого произведения, мы должны признать и то, что униатские мотивы автора «Сказания» являются логическим продолжением и развитием выпадов против православной веры и церкви автора «Беседы», выявленных нами в процессе исследования памятника. В той же логической схеме находится проблема о причастности к власти непривилегированного сословия мирян. Если составитель «Валаамской беседы» говорит в общем плане о привлечении мирян государем к управлению государством, то автор «Иного сказания» предлагает институализировать это участие мирян (горожан и крестьян)² в государственном управлении посредством постоянно находящегося при государе собрания выборных «от всех градов» и «от уездов тех городов» с ежегодной их ротацией. Мы ошибемся, если отождествим, подобно В.О.Ключевскому, это собрание, обладающее постоянным статусом, с всесословным земским собором,³ созываемым нерегулярно, от случая к случаю. Вряд ли будем правы и тогда, когда вслед за Л.В.Черепниным станем утверждать, будто «в «совете» с участием «мирских людей» можно видеть прообраз земского собора в его начальной форме».⁴ Ведь, несмотря на то что данное собрание, по замыслу автора «Иного сказания», имело совещательный характер, оно все же ущемляло самодержавную власть царя, бравшего на себя обязанность совета с выборными. Иначе незачем ему было специально отмечать, что государь, учреждая собрание выборных «хриstopодобною смиренною мудростию», должен отрешиться от «величества» и «высокоумной гордости», т.е. обуздать свои властные амбиции ради выборного представительства. Едва ли мы погрешим против истины, если скажем, что автор «Иного сказания» побуждал русского царя учредить нечто подобное западноевропейскому парламенту, обнаружив тем самым свои прозападные увлечения и симпатии, расходящиеся с московским самодержавством.

В том же направлении шли рекомендации «Иного сказания» насчет приближенных к царю «разумных мужей, воевод и воинов со многими войски». Эти мужи, образующие военное сословие, должны неотступно находиться при государе, которому подобает править государством своею мудростью и «валитовым» (общим, коллективным) разумом воинов, пользующихся правом объявлять «всякое дело пред царем». Тут, по всей видимости, мы имеем дело с намеком на некий коллегиальный орган военного сословия типа литовско-польского сейма, ограничивавшего королевскую власть.

¹ Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. М., 1983. С. 33, 36.

² Ср.: Черепнин Л.В. Земские соборы Русского государства... С. 93.

³ См.: Ключевский В.О. Боярская дума Древней Руси. С. 283–284.

⁴ Черепнин Л.В. Земские соборы Русского государства... С. 93.

Если суммировать наши наблюдения над «Иным сказанием», относящиеся к прерогативам царской власти, то станет ясно, что военное сословие в лице «воевод и воинов», а также земство в лице выборных от городов и уездов – вот та реальная сила, которой, согласно автору «Сказания», пристало управлять государством, тогда как царю надлежит взять на себя роль наделенного «христоподобною смиренною мудростию» государя, чутко прислушивающегося к советам своего окружения. Исходя, очевидно, из тактических соображений, он обращается к термину *самодержавство*, но обозначает им государство как территориально-политическое образование, а не форму правления.¹ В целом же «Иное сказание» и «Валаамская беседа», связанные друг с другом столь органично, что их можно рассматривать как один памятник, трактуют самые злободневные вопросы общественно-политической жизни России середины XVI века, касающиеся веры, церкви и государства. Взятые вместе, они составляют, можно сказать, политическую программу, разработанную в атмосфере споров накануне Стоглавого собора и нацеленную на реформирование религиозно-политического строя Руси. По духу и сути эта программа настолько близка реформаторству Избранной Рады, что ее смело можно назвать политической программой партии Сильвестра–Адашева.

* * *

Приготовления к Стоглавому собору осуществлялись не только в форме назидательных обращений отдельных лиц к царю Ивану и вбрасываемых в общество публицистических сочинений, но и в виде коллективных челобитных, адресованных государю.² В качестве примера назовем «Челобитную иноков царю Ивану Васильевичу». По предположению Г.Кунцевича, издателя этого памятника, «Челобитная иноков» «была написана до собора 1551 года и послужила, вместе с другими данными, материалом для Стоглава».³ Касаясь вопроса об авторстве произведения, Г.Кунцевич говорил: «Назвать автора Ч е л о б и т н о й трудно. Можно только заметить, что написавший просьбу был видимо человек книжный и, судя по слогу, не лишенный опытности в написании».⁴ Последнее наблюдение исследователя имеет важное значение, поскольку подводит к выводу о том, что «Челобитная иноков» появилась не вдруг, а будучи порождением идейной борьбы, развернувшейся накануне Стоглавого собора по вопросам церковного реформирования. Это отчетливо понимал и сам Г.Кунцевич, когда замечал: «Партия “нестяжателей” могла поддержать Ч е л о б и т н у ю, если уж не подвинуть написание ее».⁵ Существенно и то, что Г.Кунцевич, как видим, не исключал возможность инициирования «Челобитной иноков» со стороны нестяжателей.

¹ Моисеева Г.Н. Валаамская беседа... С. 192.

² См.: Зимин А.А. Крупная феодальная вотчина... С. 299.

³ Кунцевич Г. Челобитная иноков царю Ивану Васильевичу. СПб., 1912. С. 9, 11.

⁴ Там же. С. 11.

⁵ Там же.

А коль так, то правомерно и другое предположение, связывающее происхождение «Челобитной» непосредственно с нестяжательскими кругами. В этом случае обращение иноков к царю являлось лишь формой, за которой скрывалась идейная борьба людей, предпочитавших оставаться в тени. Подобные мысли возникали, кажется, и у Будовница, когда он заявлял: «Нет никаких положительных данных, что челобитная действительно написана иноками какого-то подмосковного монастыря, принадлежавшими к низшей братии. Во время ее появления заметные и влиятельные публицисты охотно пользовались псевдонимами или выступали анонимно».¹ К сожалению, затем И.У.Будовниц сводит на нет свою, как нам представляется, интересную мысль о том, что автором «Челобитной иноков» мог быть кто-либо из заметных и влиятельных публицистов того времени. «Под видом “крылошан” (клирики, лица духовного звания),² – продолжает он, – мог выступить и мирянин, противник монашеских верхов, захвативших в свои руки огромные богатства и пользовавшихся большой властью. Но кто же в таком случае мог быть автором “челобитной”? Дворянин прямо писал бы об интересах и требованиях своего класса, о том, что святым отцам следовало бы поделиться своей землей с “воинниками”. Посадский человек, взявшийся за перо, чтобы обличить монастырские “нестроения”, обязательно привнес бы еретические моменты. Боярин не стал бы прославлять общежительные формы монастырского устройства, за которые так ратовал Иосиф Волоцкий, да еще ставить в пример Волоколамский монастырь. Остается допустить, что челобитная действительно написана иноками из низшей монастырской братии...».³ И.У.Будовниц усматривает в «Челобитной» «литературный памятник, стоящий на защите интересов низшей монастырской братии».⁴ Так ли это? Прислушаемся к словам «Челобитной».

Из этих слов узнаем, как иноки подмосковных монастырей «плачутся и челом бьют» «державному государю, православному царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси», умоляя его об устройении монастырском: «Сотвори обычая жительства во окрестных обителях града Москвы, дабы наши архимариты и игумены попечение имели о душах братия своя мнишеского чину, дабы радели о своем спасении».⁵ У челобитчиков, стало быть, выходит так, что «архимариты и игумены» подмосковных монастырей при наличном устройстве обителей о своей монашеской братии не пекутся и о собственном спасении не радуют. Трудно придумать более серьезное обвинение в адрес монастырского начальства, чем только что упомянутое, ибо, по сути, оно обличает монастырские власти в неисполнении

¹ Будовниц И.У. Русская публицистика XVI века. С. 255.

² «Челобитная крылошан ко государю царю» – так называет наш памятник И.У.Будовниц (Там же. С. 254), следуя за его рукописным заглавием (Кунцевич Г. Челобитная иноков... С. 12). Однако, по справедливому замечанию Г.Кунцевича, «из текста памятника не видно, чтобы *Челобитная* шла именно от крылошан». – Там же. С. 4 (прим. 1).

³ Будовниц И.У. Русская публицистика XVI века. С. 255–256.

⁴ Там же. С. 254.

⁵ Кунцевич Г. Челобитная иноков... С. 12–13.

церковных заповедей и взятого на себя долга, т.е. в грехопадении. Неудивительно, что «архимариты и игумены» ведут порочный образ жизни, предаются обжорству, «обыкли бо суть пирове наряжати, и мирским человеком соводворятися, и от них тщетныя хвалы желающе, принимающе, да егда мирстии человецы они, честь приемше, друг со другом сошедшееся глаголют: “вчера убо или оном дни бых во оном монастыри и велию честь восприях; игумен в нем вельми добр и зело очестлив, не токмо самому честь воздаде, и слуги моя различным питием упоени быша”». ¹ Какая польза от таких благ, вопрошают челобитчики и отвечают: «По истине от таковых пиров и тщетных похвал многи монастыри запустиша...». ²

Небрежением монастырских властей обители обезлюдели, а «сущии под рукою их убогая братия мнишеского чину во всех оных презераеми и небрегомы духом скитаются безпутием, яко отца не имуще пастыря». ³ И некому постоять за них. Раньше были блаженные старцы, которые, видя, как «обычая монастырския изменяемы и благочиние отметаемо, не молчаще, ниже в небрежение полагаху сего, но възбраняху, не попущающе бесчинию и мятежу бывати...». ⁴ Ныне, как явствует из «Челобитной», нет таких старцев.

Идеалом челобитчиков является «общее житие», по правилам которого «ядению и питию предложение равно учинена суть: якова же игумену и соборным братиям, такова и последнему брату; такожде и одежда и обуца все имеют от монастырския дохия, всем же по равенству, ни малым чем разньствующе, ниже никто какова стяжания в келии имейше, разве образов и книг и нужных свит, их же ношаше». ⁵ Устами настоятелей «Челобитная» говорит, что в «монастырех московских такого чину не повелося». ⁶ Иная картина наблюдается «во всех Заволских монастырех, и в Соловецком монастыри, такоже и на Ладоском озере, на Валаме, и на Коневце, и на Сеинном такоже и во обители преподобного старца Иосифа, иже на Волоце...». ⁷ Перед нами откровенное противопоставление московских обителей заволжским монастырям. причем в выгодном для последних свете. Автора «Челобитной» несколько не смущает тот факт, что Заволжье стало средоточием жизни монахов в скитах и пустынях, располагавших иноков больше к отшельничеству, нежели к «общему житию», как это имело место в Центре Русского государства. Он с большим воодушевлением вспоминает «преподобного игумена Кирила чудотворца», «чин и устав», введенные в Белозерском монастыре, ⁸ и странным образом забывает Сергия Радонежского, который, как известно, в сотрудничестве с митрополитом Алексеем распространял в Северо-Восточной Руси общежитийные монастыри, игуменами которых, как

¹ Там же. С. 17.

² Там же.

³ Там же. С. 17–18.

⁴ Там же. С. 15.

⁵ Там же. С. 14.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 13.

⁸ Там же.

правило, становились ближайшие ученики и сподвижники святого старца.¹ Созданный Сергием общежитийный Троицкий монастырь превратился, так сказать, в инкубатор игуменов и высших иерархов русской церкви.² Такая «забывчивость» составителя «Челобитной», конечно, не случайна и вполне объяснима. Ему надо было убедить читателя в том, что в окрестных обителях города Москвы «общежитийного чину не повелось», и мотивировать обращенную к государю просьбу: «Не о множестве бо потребных пекущиеся молим твое державство, дабы на братию ядения или пития много было и преизлишно. Несть тако, не буди сего, господи! Не [Но?] о равенстве и о общем пребывании: аще воздержание, да вси имуть равно; аще недостатки, да все купно потерпят; аще ли прохлаждение, то вси же равно; а не два бы или три в монастыри покоины были, а всеи братии тыщета и унижение. Приклонися, христолюбче, Господа ради, и умильным сим молением к твоеи Богом хранимеи державе исполнити таковое прошение в конец».³

Мы ошибемся, если смысл «Челобитной» сведем лишь к просьбе иноков о введении общежитийного устава в подмосковных монастырях. За этой просьбой скрывалось нечто более важное, обусловленное религиозно-политической борьбой конца 40-х – начала 50-х годов XVI века. В частности, есть основание говорить о скрытой здесь попытке выступления против митрополита Макария, который, с одной стороны, являлся представителем русской православной церкви в целом, а с другой – главой московской епархии в отдельности. Поэтому автор «Челобитной», говоря о «нестроениях» в окрестных обителях Москвы, тем самым молчаливо возлагал вину за них на Макария как руководителя столичной епархии, у которого под боком творились перечисляемые жалобщиками безобразия. К этому надо добавить, что «Челобитная» обращена непосредственно к царю Ивану через голову митрополита, в чем опять-таки нельзя не видеть выпад против Макария, стремление вбить клин между ним и государем.

Осуждая жизненный уклад подмосковных обителей, сочинитель «Челобитной» всячески расхваливает быт Заволжских монастырей. Он, безусловно, не мог не знать, что Заволжские монастыри служили в ту пору пристанищем и укрытием для еретиков, развращавших русское общество с конца XV века, и в этом отношении пользовались дурной репутацией. Выдавать их за образец мог человек, не отличающийся особой твердостью в православной вере. В «Челобитной» есть соответствующий намек, выраженный в словах: «Кто имеет тело и душа едино и смысл един».⁴ Тут душа и тело выступают, можно сказать, на равных и в тесном единстве, тогда как, согласно православному вероучению, «душа человека сотворена была Богом как нечто отдельное, самостоятельное и отличное в материальном мире, способом, который называется вдуновением Божиим... Особенные свойства души состоят в единстве, духовности и бессмертности ее, в способности разума,

¹ Будовниц И. У. Монастыри на Руси... С. 92.

² Там же. С. 99.

³ Кунцевич Г. Челобитная иноков... С. 19.

⁴ Там же. С. 13.

свободы и дара слова».¹ Утверждая «смысл един» тела и души, автор «Челобитной» отрицает, в сущности, идею бессмертия души. Кроме того, он этим своим утверждением как бы реабилитирует людскую плоть, являвшуюся, по понятиям того времени, средоточием пороков человека. Здесь слышны отзвуки западных гуманистических учений, возникавших нередко на еретической почве. Становится ясно, в какой общественной среде составлялась «Челобитная иноков». То была среда, враждебная русской православной церкви, но рядящаяся под ее доброхотов. Конец 40-х – начало 50-х годов были периодом наибольшей активности представителей этой среды. Не случайно именно тогда «прозябе» ересь на Руси.

В «Челобитной» содержится одна деталь, служащая датирующим признаком документа. Вот она: «Токмо приносим многотрудное моление твоему благородию, его же прием с обычною *тихостию твоею* (курсив наш. – И. Ф.), возри свои богомоли».² На данную деталь обратил внимание еще Г. Кунцевич, который, комментируя «Челобитную», писал: «Далее читаем “со обычною тихостию твоею”. Это выражение, во всяком случае, более идет к юному царю, времени *С т о г л а в а*, чем к Грозному времени казней».³ Г. Кунцевич, безусловно, прав: к Ивану Грозному «времени казней» приведенное выражение не подходит. Иное дело Иван, переживший после летних событий 1547 года душевное потрясение и нравственный переворот, возжелавший свести всех в любовь, царствуя кротостью и миром. По-видимому, государь тогда отличался «тихостию» своей, о чем и сказано в адресованной ему «Челобитной иноков», полученной им, надо думать в конце 40-х или в самом начале 50-х годов, но до начала работы Стоглавого собора.

Писания Максима Грека царю Ивану IV, советы старца Артемия, обращенные к государю, «Валаамская беседа» и «Челобитная иноков» – все это свидетельствует о напряженной идейной борьбе вокруг монастырского землевладения и русской церкви вообще. Естественно, что в этой ситуации митрополит Макарий не мог молчать и отсиживаться, наблюдая со стороны за идейной схваткой, а тем более – за приготовлениями наступления на православную церковь. Известен «Ответ Макария, митрополита всея Руси от божественных правил святых апостол и святых отец семи собор, и поместных, и особь сущих святых отец, и от заповедей святых православных царей, к благочестивому и христолюбивому и боговенчанному царю великому князю Ивану Васильевичю, всеа Руси самодръжцу, о недвижимых вещех, ванных Богови в наследие благ вечных».⁴

¹ Полный православный богословский энциклопедический словарь. Т. I. М., 1992. Стб. 806.

² Кунцевич Г. Челобитная иноков... С. 12.

³ Там же. С. 10.

⁴ Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI века. IV. М., 1988. С. 723–743.

* * *

Некоторые исследователи полагают, будто ближайшим поводом к написанию «Ответа» послужило то обстоятельство, что царь Иван, «идя навстречу настойчивым требованиям “избранной рады”, особенно сторонников попа Сильвестра, обратился непосредственно к митрополиту Макарию с запросом относительно возможности секуляризации домовых митрополичьих вотчин», на что святитель и откликнулся в виде специального открытого послания.¹ Возможно, это так. Но из текста послания не видно, чтобы митрополит Макарий писал его в качестве ответа на запрос Ивана IV. Поэтому не исключено, что слово *ответ*, содержащееся в заголовке послания, означало *оправдание, защита*.² Митрополит, таким образом, располагая информацией о ведущейся правительством Избранной Рады законодательной подготовке по отчуждению церковного имущества, обратился к царю Ивану с открытым посланием, в котором *оправдывал* и *защищал* «имения» церкви. Это обращение позволяет представить, насколько остро стоял тогда вопрос о церковных владениях.

По мнению А.А.Зиминой, «Ответ Макария» был написан до сентября 1550 года.³ А.А.Зимин, однако, не исключал и того, что «Макарий отвечал на вопросы, поставленные Иваном IV еще в феврале того же года».⁴ Вскоре исследователь предложил иную датировку памятника: «Очевидно, около 15 сентября 1550 г. митрополит Макарий произнес большую программную речь в защиту права монастырей на владение недвижимыми имуществами».⁵ Позднее А.А.Зимин высказал уже другую версию: «Около 1550 г. Макарий пишет послание (ответ) Ивану Грозному, посвященное монастырскому земле-владению».⁶ В одном из разделов обобщающего труда по истории русского православия А.А.Зимин вместе со своими соавторами А.М.Сахаровым и В.И.Корецким относит «Ответ» к 1550 году: «В 1550 г. появился “Ответ” митрополита Макария, в котором говорилось о принципиальной допустимости для церкви владеть недвижимым имуществом».⁷ Хронологические колебания, проявленные А.А.Зиминим, – показатель сложности проблемы датировки источника. Поэтому, надо полагать, А.И.Плигузов поступает более осторожно, устанавливая временные рамки возможного появления митро-

¹ Носов Н.Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л., 1969. С. 75 (прим. 83). См. также: Павлов А. Исторический очерк секуляризации церковных земель в России. Ч. I. Одесса, 1871. С. 109.

² См.: Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 13. М., 1987. С. 195.

³ Зимин А.А. И.С.Пересветов и его современники... С. 75.

⁴ Там же.

⁵ Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного... С. 376.

⁶ Зимин А.А. Крупная феодальная вотчина... С. 274.

⁷ Русское православие: веки истории. М., 1989. С. 122. А.М.Сахаров придерживался этой точки зрения и ранее. – См.: Церковь в истории России (IX в. – 1917 г.). Критические очерки. М., 1967. С. 102.

поличьего ответа между 16 января 1547 года – июлем 1551 года,¹ считая, что в нем нашел отражение «самый напряженный этап полемики о методах государственной регламентации церковного и монастырского землевладения».² С.Н.Кистерев несколько сузил промежутки времени, в течение которого мог быть составлен «Ответ Макария», ограничив его маем 1549 года – февралем 1551 года (до начала работы Стоглавого собора).³ Эту датировку принял В.В.Шапошник.⁴ Она и нам кажется приемлемой, правда с небольшой поправкой: верхнюю хронологическую грань написания «Ответа» следует, на наш взгляд, отодвинуть ко времени, предшествующему июню 1550 года, когда «царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси <...> Судебник уложил».⁵

Определяя главное содержание «Ответа Макария», одни историки говорят о защите митрополитом монастырского землевладения,⁶ другие – церковных земель,⁷ третьи – церковного и монастырского землевладения.⁸ Ученые, как видим, расходясь в несущественных деталях, едины в основном, а именно в том, что в своем ответе митрополит Макарий отстаивал неприкосновенность земельной собственности духовенства. Но если строго следовать источнику, придется признать, что Макарий рассуждал не о монастырских или церковных землях, а о принадлежащих святым монастырям и святым церквям «недвижимых вещей, вданных Богу в наследие благ вечных».⁹ К числу этих «недвижимых вещей» он относит храмовый «завес», церковные сосуды и книги, а также «непродаваемые вещи, рекше села, нивы, земли, винограды, сеножати, лес, борти, воды, озеро, источницы, пажити и прочая...».¹⁰ Митрополит Макарий приводит данный перечень еще раз: «Аще кто от церковнаго имениа святых завес или святых съсуд, или святых книг, или от иных вещей, их же не подобает продати или отдати, възложенных Богу в наследие благ вечных недвижимыя вещи, рекше села, нивы, винограды, сеножати, лес борти, воды, озера, источницы, пажити и прочая, вданная Богу в наследие благ вечных».¹¹ Иногда Макарий заводит речь о «недвижимых вещах» вообще без какой-либо их конкретизации.¹² В тех случа-

¹ Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI века. IV. С. 722.

² Там же. С. 717.

³ Кистерев С.Н. Дело Аграфены Волынской и «Ответ» митрополита Макария // Археографический ежегодник за 1998 год. М., 1999.

⁴ Шапошник В.В. Церковно-государственные отношения в России в 30–80-е годы XVI века. СПб., 2002. С. 90.

⁵ Судебники XV–XVI веков. М.; Л., 1952. С. 141.

⁶ См.: Зимин А.А. 1) Реформы Ивана Грозного... С. 376; 2) Крупная феодальная вотчина... С. 274.

⁷ Шапошник В.В. Церковно-государственные отношения в России... С. 88–91.

⁸ Павлов А. Исторический очерк секуляризации церковных земель в России. Ч. I. С. 109–111; Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI века. IV. С. 717.

⁹ Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI. IV. С. 723–724.

¹⁰ Там же. С. 724.

¹¹ Там же. С. 741.

¹² Там же. С. 728, 729, 735, 740, 742.

ях, когда он говорит о селах и угодьях, то обычно добавляет: «и прочие недвижимые вещи».¹ Помимо упомянутых «недвижимых вещей», он еще называет пошлыны,² суды³ и др. Включенные митрополитом Макарием в «недвижимые вещи» храмовые завесы, церковные сосуды и книги, пошлыны и суды подводят нас к пониманию термина *недвижимые* как *неотъемлемые*. По Макарию, *недвижимые вещи* нельзя *двинуть*, поскольку они *недвижимы* (т.е. неотчуждаемы).⁴ «Никто не может, – возглашает святитель, – церкви Божия оскорбити или поколебати, или недвижимая от церкви Божия двинуть, понеже бо церкви Божия небес вышше и твердейше, и земли шире, и моря глубочайше, и солнца светлейши, и никто не может ея поколебати, основана бо бе на камени, сиречь на вере Христова закона».⁵

Если следовать историкам, полагающим, что митрополит Макарий посвятил свой ответ исключительно защите церковного и монастырского землевладения, станет не совсем понятно, почему среди «недвижимых вещей» он счел необходимым упомянуть церковную утварь, книги, а также неземельные доходы церкви. Конечно, можно думать так, будто ему это понадобилось для усиления идеи неотъемлемости церковных и монастырских земельных владений. Но с равным основанием мы можем предположить, что Макарий выступил в защиту церковно-монастырского «имения» в целом, утверждая мысль о неприкосновенности имущества духовных учреждений. Надо еще раз вспомнить то, в какой исторический момент состоялось выступление митрополита Макария. Как мы знаем, то было время когда, по выражению летописца, «прозябе ересь на Руси». Еретики снова, как и на исходе XV века, проникли в Кремль, окопавшись во дворе князей Старицких. Их отношение к церковному богатству и к самой православной церкви хорошо известно. Оно было резко отрицательным. Надо полагать, они вели соответствующую пропаганду. К тому же сравнительно недавно в княжеском дворце проповедовал свои идеи друг «жидовствующих» Вассиан Патрикеев, являвшийся противником украшения церковных икон и зданий драгоценностями.⁶ Старец Вассиан призывал вернуть церковь к ее «первой духовной красоте».⁷ Своей агитации князь-инок придавал вид благопристойности, апеллируя к авторитету Иоанна Златоуста и Нила Сорского, в особенности последнего, говорившего в своем «Предании» о ненужности украшения церквей драгоценностями.⁸ Правящая группировка, возглавляемая Адашевым и Сильвестром, близкими к нестяжателям и даже – еретикам, не только прислушивалась к противникам русской церкви, но и пыталась реформировать

¹ Там же. С. 724, 728, 730.

² Там же. С. 726.

³ Там же. С. 723, 725, 728, 729, 735, 743.

⁴ Там же. С. 735.

⁵ Там же.

⁶ Казакова Н.А. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.; Л., 1960. С. 87.

⁷ Казакова Н.А. Очерки по истории русской общественной мысли. Первая треть XVI века. Л., 1970. С. 153.

⁸ Казакова Н.А. Вассиан Патрикеев... С. 91.

ее в духе их высказываний. Необходимо подчеркнуть, что инициатива здесь шла не от царя Ивана, а от людей из его окружения,¹ прежде всего, по-видимому, со стороны Сильвестра,² соперничавшего с митрополитом Макарием из-за власти и влияния на государя.

Глухие намеки на это имеются в «Ответе». Там читаем следующее наставление царю: «...тебе, царю, от Бога ныне възвышенному и почтенному, единовластному царю в всем великом Российском царствии, самодержцу сушу и в конец сведущему Христов закон евангельскаго учения и святых апостол и святых отец заповеди, и вся тебе божественная писания в конец ведущу и на языке носящу не человеческим бо учением, но данною ти от Бога премудростию. И сего ради, благочестивый царю, подобает тебе, разсудив, смотрити и творити полезная и богоугодная, яко же и прочии благочестивии цари, блюди и храни свою царскую душу и свое христолюбивое царство от всех врагов видимых и невидимых».³ Митрополит, таким образом, призывает Ивана исполнить свой долг самодержца, знающего «Христов закон и евангельское учение», опирающегося на данную ему Богом премудрость, а не на человеческое учение, идущее от врагов видимых и невидимых на погибель царской души и христолюбивого царства. Макарий, как бы разумея, в какой сложной ситуации оказался царь Иван, говорит: «Человецы бо есмы, плаваем в многомлввленем сем море. Въпрядь что будет нам, не вемы».⁴ О том, что партия Адашева – Сильвестра зло на церковь замышляла, будет позднее свидетельствовать сам Иван Грозный: «Антихриста же вемы: ему же вы подобная творите, злая советующе на Церковь Божию».⁵

Итак, есть основания предполагать, что в конце 40-х – начале 50-х годов XVI века московское правительство, руководимое А.Ф.Адашевым и попом Сильвестром, планировало крупную церковную реформу с конфискацией «недвижимых вещей» церкви, состоящих не только из сел и других земельных владений, но также из всякого рода церковных ценностей. Характерны в этой связи слова Ивана Грозного: «Праги же церковныя, – елика наша сила и разум осязает, яко же подовластные наши к нам службу свою являют, сие украшени всякими Церкви Божия светится, всякими благодостинями, елико после ваша бесовския державы сотворихом, не токмо праги и помост, и предверия, елико всем видима и иноплеменным украшения».⁶ Отсюда следует, что реформаторы, группировавшиеся вокруг Сильвестра и Адашева, противились украшению и одариванию церковей. Они, похоже, не почитали должным образом иконы и отвергали некоторые таинства. Грозный говорил

¹ Шапошник В.В. Церковно-государственные отношения в России... С. 89.

² Ср.: Там же.

³ Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI века. IV. С. 740.

⁴ Там же. С. 742.

⁵ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 47, 86. Согласно А.С.Павлову, царь Иван укорял Сильвестра и его пособников в том, что они «злая советовали царю на Церковь Божию». – Павлов А. Исторический очерк секуляризации церковных земель в России. Ч. I. С. 108 (прим. 1).

⁶ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 26, 74–75.

Курбскому: «Жив Господь мой, жива душа моя, — яко не токмо ты, но вся твои согласники, бесовские служители, не могут в нас сего обрести. Паче же уповаем, Божия слова воплощением и пречистые его матери, заступницы христианския, милостию и всех святых молитвами, не токмо тебе сему ответ дати, но и противу поправших святяя иконы, и всю христианскую божественную тайну отвергшим, и Бога отступльшим (к ним же ты любительно совокупился еси)...».¹ Иван Грозный уверенно предрек: «И ваша злобесная на Церковь восстания разсыплет сам Христос».² Однако, чтобы «восстать» на церковь и подвергнуть ее реформированию, надо было обладать огромной властью, святительской и царской. Грозный прямо обвиняет своих бывших советников в покушении на эту власть: «Святительский сан и царский восхищаете, учаете, и запрещающе, и повелевающе».³ Да и письменный «Ответ» митрополита Макария во многом показателен. Он свидетельствует о том, что глава русской церкви был отстранен от обсуждения и подготовки замышляемой партией Сильвестра — Адашева реформы, что он был лишен возможности непосредственного влияния на государя, и единственным средством воздействия на него оставалось лишь публичное письменное заявление предстоятеля православной церкви.

Все это позволяет, на наш взгляд, увидеть направление намечавшейся партией Сильвестра — Адашева церковной реформы. Она, по всему вероятию, должна была идти путем «опрощения» церковной организации по типу западной протестантской церкви, что означало слом апостольской церкви в России, доселе заботливо оберегаемой. Царь Иван если не сразу, то вскоре понял, чем русской церкви угрожает реформа. «На церковное разорение стали есте», — скажет он потом.⁴ Митрополит же Макарий разгадал это изначально. Вот почему святитель, по свойству характера своего не склонный к открытым конфликтам и ссорам, решительно, твердо и смело выступил против пагубного для русской церкви начинания, заявив в «Ответе» царю: «Егда рукополагахся, сиречь поставляхся в святительский сан, и тогда посреди священнаго събора в святей съборней апостольстей церкви пред Богом и пред всеми небесными силами, и пред всеми святыми, и пред тобою, благочестивым царем, и пред всем сунклитом, и пред всем народом кляхся судьбы и законы, и оправдание наше хранить, елика наша сила. И пред цари за правду не стыдиться, аще и нужда будеть ми от самого царя или от велможь его, что повелят ми говорити, кроме божественных правил, не послушати ми их, но аще и смертью претясть, то никако же не послушати их. И сего ради бояхся, глаголю ти, о благочестивый царю, и молю твое царское величество: останися, государь, и не сътвори такова начинания, его же Бог не повеле вам, православным царем, таковая творити. Но и вси святии его възбраниша вам, православным царем, и нам, архиереом, священными правилами зело претиша и запечатлеша седмью съборы по данней им благодати от святого и жи-

¹ Там же. С. 14–15, 64.

² Там же. С. 18.

³ Там же. С. 46, 97.

⁴ Там же. С. 13, 63.

вотворящего духа. И того ради молим твое царское величество и много с слезами челом бием, чтобы еси, царь и государь, князь великий Иван Васильевич всея Руси самодержец, по тем божественным правилам у Пречистой Богородицы и у великих чудотворцев из дому тех недвижимых вещей, вданных Богу в наследие благ вечных, не велел взятьи».¹

«Ответ» митрополита Макария, заявившего о своем намерении стоять за истину и правду до смерти, охладил реформаторов и вынудил их отступить. Три, по крайней мере, обстоятельства способствовали тому. Во-первых, негибкая позиция Макария, готового положить жизнь на алтарь русской православной церкви и предавшего гласности планы реформаторов. Во-вторых, поддержка митрополита большинством церковных иереев и, несомненно, частью бояр и дворян, а также массой православного люда. И, наконец, в-третьих (а может быть, во-первых), инициатива реформирования церкви исходила не от самого государя, а от временщиков – Сильвестра с Адашевым и других членов Избранной Рады.² Иван IV некоторое время стоял как бы над схваткой придворных группировок. Но, будучи глубоко православным человеком, вскоре принял сторону митрополита. А.С.Павлов в свое время писал: «После такого ответа (митрополита Макария. – *И.Ф.*) “благочестивому царю” оставалось только заняться другими сторонами вопроса о церковных и монастырских вотчинах».³ Историк прав, за исключением «благочестивого царя», поскольку заниматься «другими сторонами вопроса о церковных и монастырских вотчинах» пришлось не столько ему, сколько тем, кто задумал церковную реформу, – царским советникам во главе с Сильвестром и Адашевым. Современный исследователь говорит: «Давая раз и навсегда категорическое несогласие на уступку церковных земель, митрополит резко сузил поле действия для сторонников секуляризационных проектов. Им оставалось только одно – обратить главное внимание на ограничение дальнейшего роста церковных земель и на решение финансовых проблем государства за счет (или при участии) Церкви».⁴ По нашему мнению, существо вопроса заключалось не в «секуляризационных проектах», а в более широком реформировании церкви, задуманном Избранной Радой. Натолкнувшись на мощное сопротивление руководства православной церкви, реформаторы, изменив тактику, перешли к маневрированию, полагая добиться своего «не мытьем, так катаньем». Отказавшись от общей церковной реформы, они повели наступление на иммунитетные привилегии и земельную собственность духовенства, особенно на монастырские права и льготы. Сделать это было не так уж трудно, поскольку в прошлом имелись подобного рода прецеденты.

¹ Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI века. IV. С. 743.

² См.: Шапошник В.В. Церковно-государственные отношения в России... С. 89.

³ Павлов А. Исторический очерк секуляризации церковных земель в России. Ч. I. С. 111.

⁴ Шапошник В.В. Церковно-государственные отношения в России... С. 91.

* * *

Данное наступление нашло отражение в Судебнике 1550 года, где наше внимание привлекает статья 43, которая гласит: «А велит государь кому какову грамоту дати льготную, или уставную, или полетную с красной печатью, и что возмет печатник от печати от которые грамоты, а дьяку от подписи взяти то же. Торханных вперед не давати никому; а старые тарханные грамоты поимати у всех».¹ Важно отметить, что статья эта – новая.² Не менее важным является наблюдение Б.А.Романова, согласно которому «категорическое постановление о тарханных грамотах имеет здесь вид как бы приписки к тексту, вполне законченному и изготовленному, возможно, даже в иной момент: он не имеет здесь никакого отношения ни к побору печатника, ни к доходу дьяка».³ Следовательно, статья 43 составлялась в два приема: сначала был написан текст о льготных уставных и полетных грамотах с указанием оплаты услуг печатника и дьяка, а затем к этому тексту законодатель присовокупил распоряжение о прекращении выдачи новых тарханных грамот и об изъятии старых. Приписка, надо думать, появилась в результате возникновения каких-то неожиданных обстоятельств. Нет ничего невероятного в том, что эти обстоятельства были вызваны решительным противодействием митрополита и верного православным традициям клира попыткам изъятия церковных «недвижимых вещей», т.е. захвата государственной властью, оказавшейся в руках чуждых Святोरусскому царству элементов, имущества церквей и монастырей. Реформаторам на ходу пришлось перестраиваться, несколько умерить свой пыл и зайти к цели с другой стороны.

Следует, впрочем, сказать, что по поводу статьи 43 у исследователей нет единого суждения. Некоторые из них сомневаются в том, применялась ли эта статья вообще. Так, по мнению А.С.Павлова, «предположение Судебника (ст. 43) об отобрании старых тарханов, по отношению к монастырям, так и осталось одним предположением».⁴ Сходные мысли высказывал С.В.Рождественский, согласно которому «постановление Судебника [ст.43] совсем почти не применялось на практике».⁵ Аналогичным образом рассуждал Н.П.Павлов-Сильванский: «Царским судебником тарханы были отменены... Но постановление это совсем почти не применялось на практике».⁶ С точки зрения Б.А.Романова, статья 43 носила «чисто декларативный характер», будучи предписанием, обращенным «к самой верховной власти».⁷ В комментариях к Судебнику 1550 года он отмечал, что вопрос «об о с у щ е с т в -

¹ Судебники XV–XVI веков. М.; Л., 1952. С. 153.

² Романов Б.А. Комментарий // Судебники XV–XVI веков. С. 218.

³ Там же. С. 219–220.

⁴ Павлов А. Исторический очерк секуляризации церковных земель в России. Ч. I. С. 116.

⁵ Рождественский С.В. Служилое землевладение в Московском государстве XVI века. СПб., 1897. С. 140, прим. 1.

⁶ Павлов-Сильванский Н.П. Государевы служилые люди. М., 2001. С. 114.

⁷ Романов Б.А. Судебник Ивана Грозного // Исторические записки. 29. М., 1949. С. 211.

лени и постановления ст. 43 Судебника 1550 г. о “тарханных грамотах”» является малоизученным как в досоветской, так и в советской исторической литературе.¹ При этом Б.А.Романов снова возвращается к идее о декларативном характере статьи 43: «Общая форма ст. 43 лишила ее практически применимого содержания. Она носит чисто декларативный характер и сформулирована как предписание, обращенное не к подчиненным органам управления или подданным, а к самой верховной власти (потому что только она сама и выдает тарханные грамоты и аннулирует их, давая “грамоту на грамоту”). Можно говорить о более или менее полном или неполном исполнении заключающейся в ст. 43 программы, а не о нарушении или соблюдении закона».² В отзыве о дипломной работе С.М.Каштанова, посвященной феодальному иммунитету в XVI веке (1954), А.Т.Николаева писала о том, что статья 43 Судебника 1550 года «реализована не была, т.к. создавшаяся обстановка заставила Ивана IV отступить от намеченного плана в этом вопросе».³

Необходимо все-таки признать, что статья 43 Судебника 1550 года имела практическое применение, и сомнения на сей счет, по-видимому, избыточны.⁴ Другое дело, в полной ли мере применялся закон или частично, избирательно. Здесь среди историков также нет согласия.

Необходимо заметить, что закон предписывал «тарханные грамоты поимати у всех», т.е. равно как у светских, так и духовных землевладельцев. Это предписание было истолковано некоторыми исследователями в качестве общего принципа законоприменительной практики. П.П.Смирнов, рассмотрев соответствующий материал, замечал: «Из сделанного перечня, конечно, далеко не полного и случайного, грамотчиков, представлявших для пересмотра свои жалованные грамоты в мае – июне 1551 г., можно сделать заключение, что пересмотр касался не того или иного грамотчика, а очень многих из них, возможно, даже всех, потому что статья 43-я Царского судебника говорит именно о всех: “а тарханных вперед не давати никому, а старые тарханные грамоты поимати у всех”. Поэтому, хотя наш материал касается исключительно монастырей, можно думать, что были затребованы также тарханы и митрополита, архиепископов и епископов, а также светских лиц, хотя мы не располагаем ни одной такой грамотой».⁵ И еще: «Статьей 43-й Царского судебника было запрещено выдавать тарханы кому бы то ни было, следовательно, и церковным учреждениям, а “старые тарханные грамоты поимати у всех”».⁶

¹ Романов Б.А. Комментарий. С. 223.

² Там же. С. 226.

³ Ad fontem / У источника : Сборник статей в честь С.М. Каштанова. М., 2005. С. 98–99.

⁴ См.: Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного... С. 352–354; Каштанов С.М. Финансы средневековой Руси. С. 111–136. См. также: Ad fontem / У источника... С. 103.

⁵ Смирнов П.П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. Т. I. М.; Л., 1947. С. 126.

⁶ Там же. С. 113.

Согласно И.И.Смирнову, статья 43 «наносила удар по основным группам привилегированных землевладельцев – тарханников».¹ На ее основе в мае 1551 года был произведен пересмотр жалованных грамот, затронувший не только монастыри, но и все категории грамотчиков имунистов как церковных, так и светских.² Сходным образом рассуждал и Н.Е.Носов: «Ставя вопрос об отмене тарханов, правительство имело в виду их упразднение у всех категорий феодалов, ранее обладавших правом на получение тарханов и несудимых грамот, а не только у одних монастырей. И именно это общее правило было закреплено в <...> новом Судебнике: “тарханных вперед не давати никому, а старые тарханные грамоты поимати у всех” (ст. 43). А коли даже бояре поступились в угоду своих общеклассовых интересов тарханскими грамотами <...>, то тем труднее было духовенству отстаивать право на отарханивание только церковных земель – митрополичьих, епископских и монастырских вотчин».³

Более доказательной нам представляется другая точка зрения, высказанная, кажется, впервые С.М.Каштановым. Комментируя статью 43 Царского судебника, он говорил: «Статья 43 была направлена не против светских феодалов, а против духовных вотчинников, получивших в период боярского правления много щедрых тарханов».⁴ Дальнейшее изучение источников лишь укрепляло С.М.Каштанова в данном мнении. Поэтому в книге, трактующей о финансах в средневековой Руси, историк скажет, что цель майской 1551 года ревизии тарханов, осуществленной в плане реализации статьи 43, «заключалась не в рассмотрении отдельных конкретных грамот, а в широком проведении в жизнь принципа централизации государственных финансов путем ограничения главных податных привилегий духовных феодалов <...>. Принципом ограничения тарханов в мае 1551 г. было уничтожение привилегий монастырей в отношении уплаты важнейших налогов».⁵ С.М.Каштанов в этом вопросе поддержал А.А.Зимин, который замечал: «Анализ жалованных грамот, произведенный С.М.Каштановым, позволил сделать вывод, что статья 43 Судебника имела совершенно конкретное содержание, т.е. ликвидацию тарханов».⁶ Причем «статья 43 своим острием была направлена против податных привилегий духовных феодалов».⁷ Не случайно, надо думать, другие историки, изучавшие практику применения статьи 43, констатировали отсутствие соответствующих документов, относящихся к светским землевладельцам. «Наш материал касается исключительно монастырей», – от-

¹ Смирнов И.И. Судебник 1550 г.// Исторические записки. 24. М., 1947. С. 264.

² Смирнов И.И. Очерки... С. 365, 366.

³ Носов Н.Е. Становление сословно-представительных учреждений в России... С. 91.

⁴ Памятники русского права. Вып. IV. М., 1956. С. 289. Ср.: Смирнов И.И. Очерки... С. 366 (прим. 104).

⁵ Каштанов С.М. Финансы средневековой Руси. С. 119.

⁶ Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного... С. 352–354.

⁷ Там же. С. 352.

мечал П.П.Смирнов.¹ «К сожалению, в отношении ст. 43 Судебника, – говорил Б.А.Романов, – мы не располагаем материалом общего значения, и далее приходится ограничиться материалом, относящимся лишь к монастырскому землевладению».²

Нам представляется, что концовка статьи 43 Судебника 1550 года, составленная в спешном порядке, была действительно направлена главным образом против привилегий монастырских земельных собственников, хотя положения закона, заключенного в ней, касались всех землевладельцев – и светских, и духовных («торханых вперед не давати никому; а старые тарханские грамоты поимати у всех»). Но эта всеобщность закона носила, по всему вероятию, формальный характер, являясь видимостью справедливости и равенства всех тарханников перед законом. Это был юридический прием, рассчитанный на то, чтобы затруднить несогласие духовенства с отменой податных привилегий в сфере монастырского землевладения, т.е. обеспечить успешное прохождение статьи 43 Судебника.³ Добившись принятия закона, можно было ограничить его действие определенной группой грамотчиков, что мы, собственно, и наблюдаем в практике ревизии тарханов, последовавшей за принятием статьи 43 и затронувшей преимущественно монастырское землевладение. Для этого Избранная Рада обладала необходимыми рычагами власти. Статья 43 дает возможность заглянуть в механизм политики Избранной Рады, построенной на ложных и обманчивых движениях, предпринимаемых ради того, чтобы сбить с толку и заморочить голову противникам проводимого ею курса. Разумеется, бывало и так, что расхождение между законодательством и практикой возникало не по задуманному плану, стихийно, о чем говорит Н.Е.Носов: «Одно дело законодательство, другое – практика, которая зачастую вносила не только коррективы, но и видоизменяла уже принятые правительством общенормативные предписания».⁴ Однако в данном случае мы имеем дело с преднамеренностью.

* * *

В связи с обсуждаемой нами сейчас проблемой вспоминается и статья 91 Судебника 1550 года, где говорится: «А попа, и дьякона, и черныца, и черницу, и старую вдовицу, которые питаются от церкви божией, ино их судити святителю или его судьям; а будет простой человек с церковным, ино суд вопчей; а которая вдовица питается не от церкви божией, а живет своим домом, ино то суд не святителской. А торговым людем городцким в монастырех в городских дворах не жити, а которые торговые люди учнут жити на

¹ Смирнов П.П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. Т. I. С. 126.

² Романов Б.А. Комментарий. С. 224. Ср.: Носов Н.Е. Становление сословно-представительных учреждений в России... С. 91–92.

³ См.: Носов Н.Е. Становление сословно-представительных учреждений в России... С. 91.

⁴ Там же. С. 115.

монастырех, и тех с монастырей сводити да и наместником их судити. А на монастырех жыти нищим, которые питаются от церкви божией милостиною».¹ Толкуя данную статью, И.И.Смирнов, пишет: «Вопросам привилегированного землевладения посвящена также ст. 91 Судебника. Статья эта по содержанию непосредственно примыкает к ст. 43, с той только разницей, что в отличие от ст. 43, рассматривающей вопрос о тарханах в общей форме, ст. 91 рассматривает вопрос о привилегиях монастырского землевладения».² Видит связь между названными статьями Судебника 1550 года и Н.Е.Носов, полагая, что они закрепили принятое по рекомендации Собора 1549 года «общее решение о ликвидации тарханов».³ Как мы уже отмечали, общая форма статьи 43 служила завесой, скрывающей частный замысел законодателя, направленный против монастырей. Вот почему, на наш взгляд, сходство статей 43 и 91 обнаруживается, прежде всего, в вопросе об отношении законодателя к монастырским привилегиям, которое в обоих случаях является явно негативным, что позволяет усматривать в этих статьях правовую акцию, подрывающую традиционные устои жизни русских монастырей.

Статью 91 Царского судебника исследователи обычно сравнивают со статьей 59 Судебника 1497 года,⁴ которая гласит: «А попа, и диакона, и черныца, и черницу, и строя, и вдову, которые питаются от церкви божия, то судить святитель или его судия. А будет простой человек с церковным, ино суд вопчий. А котораа вдова не от церкви божии питается, а живет своим домом, то суд не святительской».⁵ Сопоставляя статью 59 Великокняжеского судебника со статьей 91 Царского судебника, Б.А.Романов замечал: «Дополнение, сделанное к ст. 59 Судебника 1497 г. составителем Судебника 1550 г., придало статье 91 остро политический характер».⁶ Для убедительности он при этом ссылаясь на исследования некоторых ученых, в частности на труды М.Ф.Владимирского-Буданова, Н.П.Павлова-Сильванского и М.А.Дьяконова.

М.Ф.Владимирский-Буданов, оценивая статью 91, писал: «Это первое известие о прикреплении посадских людей к посаду (к тяглу). Воспрещается задаваться за частных лиц во избежание тягла (причем и право суда в известных границах переходило к частному владельцу, здесь к церкви). Вместе с тем отсюда же вытекает и следующее постановление: люди монастырские не имеют права заниматься торговлею не неся тягла».⁷

¹ Судебники XV–XVI веков. С. 174.

² Смирнов И.И. Очерки... С. 366.

³ Носов Н.Е. Становление сословно-представительных учреждений в России... С. 105. См. также: Смирнов П.П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. Т. I. С. 113.

⁴ См.: Владимирский-Буданов М.Ф. Хрестоматия по истории русского права. Вып. II. Киев; СПб., 1887. С. 103 (прим. 95); Памятники русского права. Вып. IV. С. 336; Судебники XV–XVI веков. С. 326; Российское законодательство X–XX веков. В девяти томах. Т. 2. М., 1985. С. 168.

⁵ Судебники XV–XVI веков. С. 27.

⁶ Романов Б.А. Комментарий. С. 326.

⁷ Владимирский-Буданов М.Ф. Хрестоматия по истории русского права. Вып. II. С. 175 (прим. 230).

Н.П.Павлов-Сильванский, говоря о закладничестве, замечал: «Впервые было оно воспрещено в середине XVI в. ст. 91 царского судебника 1551 г.».¹

М.А.Дьяконов нашел в статье 91 Судебника 1550 года указание на существенное ограничение тяглых городских людей «в праве перехода».²

В советской историографии по-разному отнеслись к этим высказываниям дореволюционных авторов. П.П.Смирнов, например, возражал им: «Запрещение “торговым людям городским” жить “в монастырях”, в подмонастырных слободах и около церквей не является новостью. Оно воспроизводит соответствующие положения законодательства Ивана III, писцы которого отбирали у монастырей дворы за исключением одного и все слободки в городах. Возможно даже предположить, что в статьях Судебника мы имеем воспроизведение несохранившегося “указа слободам” Ивана III, на который ссылался для оправдания своего законодательства Иван IV в речи Стоглавуму собору. Во всяком случае, статья 91-я Царского судебника говорит об ограничении права церковных слободчиков, а не об ограничении права посадских людей на выход из посада. Торговых и городских людей выводят из слобод по торгу и промыслу, а не по посадской старине. Статья ни в коем случае не может быть истолкована как указание на прикрепление посадских людей к тяглу, как это думали Н.П.Павлов-Сильванский и М.А.Дьяконов».³

Иначе была принята идея о закладчиках и закладничестве согласно статье 91 Судебника 1550 года. Так, А.А.Зимин говорил: «Посадским людям – закладчикам посвящена статья 91, провозгласившая, что “торговым людям городским в монастырях в городских дворах не жити”. П.П.Смирнов полагал, что в статье воспроизведен в какой-то мере текст несохранившегося указа о слободах Ивана III, на который ссылался Иван Грозный в речи, обращенной к Стоглаву. Так это или иначе, но статья 91 еще не решала вопроса о слободах по существу, и к этой теме правительству пришлось вернуться уже в конце 1550 г. Общее постановление, направленное на борьбу с закладничеством, показывало возросшую роль посада и стремление правительства учесть в какой-то мере требования горожан».⁴

Довольно обстоятельно развивает тему о закладчиках и закладничестве применительно к статье 91 Царского судебника И.И.Смирнов. Приведем его суждения по возможности полнее. «Одной из важнейших привилегий монастырского землевладения, – пишет он, – было право принимать закладчиков. Лица, заложившиеся за монастырь, попадали под защиту монастыря (так как на них распространялось действие монастырских иммунитетов), становясь вместе с тем и подсудными монастырскому суду. Закладничество представляло собой широко распространенное явление в XVI в. Закладчики составляли основной контингент населения монастырских слобод, насчи-

¹ Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в России. М., 1988. С. 517.

² Дьяконов М.А. Очерки из истории сельского населения в Московском государстве XVI–XVII вв. СПб., 1901. С. 3.

³ Смирнов И.И. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. Т. I. С. 114–115.

⁴ Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного... С. 356–357.

тывавшихся в большом количестве в XVI в. и быстро увеличивавшихся в числе. Причины развития закладничества надо искать в общих процессах социально-экономического развития Русского государства. Закладничество было одним из каналов, дававших возможность торгово-ремесленному населению посадов освобождаться от все растущего посадского тягла, создавая вместе с тем для закладчиков более благоприятные условия их хозяйственной деятельности. Монастыри в свою очередь были заинтересованы в росте количества закладчиков, с которых монастырь взимал подати в свою пользу. Напротив, правительство Ивана IV заняло в вопросе о закладничестве резко отрицательную позицию. Политика правительства Ивана IV в вопросе о закладчиках являлась политикой борьбы с закладничеством и была направлена на создание условий, долженствовавших, если не ликвидировать закладничество совсем, то во всяком случае, ограничить его размеры и затруднить дальнейшее развитие закладничества. Вместе с тем это была политика укрепления позиций посада, население которого особенно ощущало на себе результаты развития закладничества. Ст. 91 Судебника явилась конкретным выражением этой политики. Статья эта запрещала городским торговым людям жить “в монастырех” (т.е. на монастырской “белой” земле), предписывая им жить в городских дворах. При этом ст. 91 устанавливала, что в случае нарушения городскими людьми запрещения жить в монастырях, их следовало “сводить” с монастырей в посад. Запрещая таким образом закладничество торговых людей за монастыри, ст. 91 одновременно изымала этих торговых людей – бывших закладчиков – из-под монастырской юрисдикции, восстанавливая подсудность их наместникам (“да и наместником их судити”)).¹

В приведенных словах И.И.Смирнова немало верных наблюдений. Но это отнюдь не означает, что к ним нечего больше добавить. Нуждается в дальнейшем обсуждении вопрос о закладничестве в контексте событий середины XVI века и в том числе с точки зрения религиозно-нравственной и моральной. Нет должной ясности и в том, какую цель преследовало правительство Сильвестра и Адашева, вступая в борьбу с монастырским закладничеством. Мысль об «укреплении позиций посада» здесь хотя и правильна, но, по нашему мнению, недостаточна, поскольку Избранная Рада, как мы неоднократно убеждались, подстраиваясь под запрос текущего момента и якобы соответствуя велению времени, на самом деле проводила свою политику и решала собственные задачи, расходившиеся с историческими потребностями Русского государства.

Н.П.Павлов-Сильванский, характеризуя закладничество, писал: «Закладничество было не сделкой залога лица, но добровольным подчинением одного лица другому, более сильному, с целью снискания защиты, покровительства господина. Закладень и закладчик был не заложным человеком, закупом или кабальным холопом; он был клиентом господина-патрона».² Важно иметь в виду, что между господином-патроном (в нашем случае монастырем) и закладчиком устанавливались такого рода отношения, которые

¹ Смирнов И.И. Очерки... С. 366–367.

² Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в России. С. 531.

позволяли последнему ближе познакомиться с монастырской жизнью и оценить ее привлекательные стороны. Наверное, кое-кто из закладчиков уходил потом в монахи, а кто-то через своих родственников, оставшихся на посаде, содействовал связям посадских людей с тем или иным монастырем. Следовательно, закладничество являлось, помимо прочего, фактором определенного влияния монастырей на посадские миры, линией связи посадского люда с духовными корпорациями, причем связи многосторонней: экономической, политической, культурной и религиозной.

Мы полагаем, что именно против этих связей русских монастырей с посадскими людьми и монастырского влияния на посадские миры была направлена статья 91 Судебника 1550 года, подготовленного правительством Избранной Рады, хотя внешне все выглядело так, будто власть намеревается осуществлять политику ограничения закладничества ради укрепления позиций посада. Избранная Рада, как нам представляется, старалась не столько укрепить позиции посада (подобное укрепление безусловно имело место), сколько усилить свои позиции среди посадского населения. Перед нами политическая борьба за влияние на горожан, особенно жителей Москвы и других, расположенных поблизости, крупнейших городов Руси. Этот своеобразный интерес Избранной Рады к посадскому люду объясняется, по всей видимости, возможностью его использования в политических целях. Пример тому – спровоцированные противниками русского «самодержавства» июньские 1547 года события в Москве, которые покончили с правлением Глинских и едва не оказались роковыми для Ивана IV и, следовательно, самодержавия, а вместе с ним и православной церкви. Избранная Рада, таким образом, могла рассматривать население посадов как свою политическую опору в борьбе с самодержавной властью царя Ивана. Однако не только с нею, но и с православной церковью. Опять и опять нужно вспомнить религиозную ситуацию, возникшую в середине XVI века. То было время нового оживления ереси в России. И надо сказать, что восприимчивость к ней нередко демонстрировали как раз жители городов, т.е. представители посадских общин. Руководители Избранной Рады, в частности Сильвестр, благосклонно относились к еретикам, усматривая в них своих политических союзников. Вот почему, помимо прочего, они проявляли особый интерес к посадам, где часть людей, напоминавших бюргерство Западной Европы, расположена была (как и на Западе) к ересям. Поэтому ограничение влияния монастырей на жизнь посадов, изоляция их от православных духовных корпораций составляли для Сильвестра и К^о одну из важнейших задач.

Если оценивать в целом политику Избранной Рады относительно монастырей, отраженную частично в статье 91 Судебника, то надо согласиться с А.Г.Поляком, который писал: «Запрещение Судебника жить посадским людям в монастырях препятствовало закладническим тенденциям церковных феодалов и являлось законодательным отражением борьбы, которую вело правительство с церковью».¹ Речь только следует вести о специфическом правительстве во главе с Сильвестром и Адашевым.

¹ Памятники русского права. Вып. IV. С. 336.

* * *

Положения статьи 91 Судебника 1550 года, по мнению А.А.Зими́на, подверглись конкретизации 15 сентября 1550 года, когда «правительство обсуждало с митрополитом Макарием вопрос о церковно-монастырских слободах».¹ Сам факт совещания по этому вопросу, состоявшегося *после* записи статьи 91 Судебника, запрещающей торговым городским людям «жити» в монастырских дворах, свидетельствует о напряженной борьбе, развернувшейся вокруг статуса церковно-монастырских слобод в городах и, в конечном счете, – вообще вокруг земельных прав монастырей. Сентябрьское совещание являлось частным эпизодом общей ситуации, сложившейся к 1550 году и состоявшей, как верно заметил А.А.Зимин, в том, что «правительство Адашева и Сильвестра, используя поддержку близких к ним нестяжателей, рассматривало вопрос о ликвидации церковно-монастырского землевладения. Однако иосифлянскому большинству русской церкви удалось воспрепятствовать осуществлению секуляризационных планов русского правительства».² Тут у А.А.Зими́на все правильно, за исключением словосочетания *русское правительство*. Более удачно, на наш взгляд, выражение *правительство Адашева – Сильвестра*, проводившее во многих фундаментальных вопросах государственной жизни, касающихся, прежде всего, русского самодержавия, апостольской церкви и православной веры, антирусскую, прозападную политику.

Совещание 15 сентября 1550 года – пример подобного воспрепятствования осуществлению секуляризационных планов правительства Сильвестра–Адашева. По его итогам был составлен «приговор» о монастырских слободах,³ утвержденный впоследствии Стоглавым собором и дошедший до нас в

¹ Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного... С. 376.

² Памятники русского права. Вып. IV. С. 595.

³ Вопрос этот, впрочем, спорный. Современные историки решают его по-разному. «К какому времени относится издание этого приговора, – замечал И.И.Смирнов, – точно установить нельзя. В тексте гл. 98 [Стоглава] есть лишь ссылка на то, что 15 сентября митрополит Макарий “говорил” по поводу этого приговора с царем. Можно полагать, что время издания этого приговора не отделено слишком большим промежутком времени от объяснения по поводу его между митрополитом и царем. Поэтому можно допустить, что издание приговора о новых слободах относится примерно к тому же времени, что и выработка статьи 91 Судебника, или во всяком случае стоит в связи с обсуждением вопросов о слободах правительством Ивана IV в период определения общего направления политики по важнейшим вопросам государственного устройства, т.е. относится к 1549–1550 гг.» (Смирнов И.И. Очерки... С. 367–368). Н.Е.Носов в этой связи писал: «Был ли оформлен указанный проект в виде особого приговора 15 сентября 1550 г., как полагает И.И.Смирнов, сказать трудно. Мы думаем, что нет. Окончательно вопрос был решен лишь на Стоглаве...» (Носов Н.Е. Становление сословно-представительных учреждений в России... С. 108). На наш взгляд, ближе к истине А.А.Зимин, который относил появление «приговора» к 15 сентября 1550 года (Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного... С. 376). Во всяком случае, как нам кажется, «приговор» был оформлен в сравнительно короткий срок

главе 98 Стоглава.¹ «Приговор» гласит: «Лета 7059 сентября в 15 день говорил с государем царем и великим князем преосвященный митрополит Макарий московский и всеа Руси: приговорил еси государь, прежде сего с нами с своими богомолцы, и со архиепископы, и епископы о наших митрополичьих слободах, и о архиепископльих, и епископльих, и о монастырских, что слободам всем новым тянути с городскими людьми всякое тягло и с судом; и мы ныне тот приговор помним: в новых слободах ведает Бог да ты, опричь суда; а ныне наместники твои государевы и властели тех слобожан хотят судити, и в том тем слобожанам нашим запустети; а прежде того твои государевы наместники и властели наших слобожан не суживали; а ты бы, государь, своим наместником и властелем впредь наших слобожан судити не велел. А ныне твой царский приговор с нами: что в те новые слободы вышли посацкие люди после писца, и тех бы людей из новых слобод опять вывести в город на посад, и о том ведает Бог да ты, государь, как тебе Бог известит; а впредь бы митрополиту, и архиепископом, и епископом, и монастырем держати свои старые слободы по старине, а судити о всяких делех по прежним грамотам; а новых бы слобод не ставити и дворов новых в старых слободах не прибавляти, разве от отца детям, или от тестя зять, или от брата братия отделяются и ставят свои дворы; а в которых старых слободах дворы опустеют, и в те дворы звати сельских людей пашенных и непашенных по старине, как прежде сего было, а отказывати тех людей на срок о Юрьеве дни осеннем по государеву указу по старине же; а с посаду впредь градских людей в слободы не называти и не принимать, разве казаков нетяглых людей; а которые христиане митрополичьи или архиепископльи и епископльи похотят из слобод ийти на посад или в села жити, и тем людям ити вольно на тот же срок».²

Рассматривая данный «приговор» и называя его *уложением (положением) о слободах*,³ П.П.Смирнов обращает внимание на следующие его установления:

«1. Новых слобод не ставить. Возникшие новые слободы лишить всяких привилегий по суду и налогам и включить в тягло: “слободам всем новым тянут з градскими людьми во всякое тягло и з судом”. Вышедших в них после писцов посадских людей вернуть в город на посад.

между 15 сентября 1550 года и временем составления Стоглава. Заметим, кстати, что в издании «Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века», вышедшем под редакцией Н.Е.Носова, данный документ датирован 15 сентября 1550 года и назван «Соборным приговором о новых монастырских слободах». – Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века. Тексты. Л., 1986, № 3. С. 30.

¹ Емченко Е.Б. Стоглав: Исследование и текст. М., 2000. С. 408–409.

² Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века... С. 30.

³ Смирнов П.П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. Т. I. С. 118, 119.

2. В старых слободах дворов не прибавлять. Новые дворы можно ставить только в случаях семейных разделов среди слобожан, “а опричным прихожим людем градским в тех старых слободах дворов не ставити”.

3. Только в запустевшие дворы разрешается называть “по старине” пашенных и непашенных людей, но исключительно из волостей и сел, а не городских людей. Из городов допускается прием в пустые места лишь казаков, т.е. работных наемных бестяглых людей, но не посадских тяглых людей.

4. “Отказывать” таких приходцев можно только в Юрьев день осенний. Также и своих слободчан владельцы слобод обязаны выпускать в Юрьев день как в посад, так и в села).¹

По П.П.Смирнову, «эти решения царь Иван Васильевич не напрасно мотивировал законами своего деда и отца: принципиально нового в них не было ничего».² В последний тезис П.П.Смирнова следует внести ясность и подчеркнуть: эти решения не содержали ничего принципиально нового не потому, что находились в главном русле политики предшественников Ивана IV, а потому, что имели прецеденты, обусловленные влиянием на верховную власть еретических группировок Федора Курицына и Вассиана Патрикеева. И в этом отношении в середине XVI века имело место возвращение к тому, что мы наблюдали в княжения деда и отца Ивана Грозного: хозяйничанье во власти фаворитов, проводивших чуждую национальным интересам Руси политику. Уложение о слободах, согласно П.П.Смирнову, отразило стремление царя Ивана Васильевича и правительство Избранной Рады ликвидировать новые слободы церковных учреждений, «а равно удержать старые владельческие слободы в прежних размерах и роли XIV–XV вв., уничтожая в их лице конкурентов посадскому населению государевых городов».³

И.И.Смирнов, в отличие от П.П.Смирнова, резюмировал содержание «приговора» о слободах «в виде пяти пунктов:

1. Посадские люди, вышедшие в новые слободы “после описи”, должны быть выведены обратно “в город на посад” с оговоркой, что в каждом отдельном случае вопрос о выводе решается по усмотрению государя.

2. В отношении старых слобод церковные и монастырские власти сохраняли прежние права “о суде и о всяких делех, по прежним грамотам”.

3. Запрещалось ставить новые слободы и новые дворы в старых слободах (в отношении “опричных прихожих людей”, городских и сельских, запрет носил абсолютный характер; старым слобожанам разрешалось “выставлятися и своими дворами жити” в случае семейных разделов: “от отца детем или от тестя зятни или от братии братии”).

4. Владельцы слобод сохраняли право “называть” в запустевшие дворы в старых слободах “сельских людей пашенных и непашенных”; посадских же людей (кроме нетяглых “казаков”) запрещалось как “называть” самим, так и принимать пришедших добровольно.

¹ Там же. С. 119–120.

² Там же. 120.

³ Там же. С. 121.

5. За населением же церковных и монастырских слобод, напротив, сохранялось право выхода как “в город на посады”, так и “села”, с соблюдением правил Судебника о крестьянском отказе».¹

«Приговор» о слободах, по словам И.И.Смирнова, «не разрешил вопроса во всем его объеме. Линия правительства Ивана IV на ликвидацию привилегированных слобод и на слияние их с тяглыми посадами <...> встретила упорное сопротивление со стороны церкви. Правительство Ивана IV оказалось не в силах преодолеть это сопротивление и вынуждено было пойти на компромисс, уступив в ряде пунктов требованиям церковных и монастырских властей. Наиболее крупной уступкой церкви со стороны правительства Ивана IV было оставление за церковью в неприкосновенности ее иммунитетных привилегий в отношении старых слобод. Уступив церкви в этом основном вопросе, отказавшись от мысли ликвидировать привилегированные слободы, правительство Ивана IV, тем не менее, существенно ограничило сферу действия церковных и монастырских иммунитетов запрещением устройства новых слобод и новых дворов в старых слободах. А также выводом тех посадских людей, которые поселились в новых слободах после “описи”, обратно на посад. Другим направлением, по которому шло ограничение церковных и монастырских привилегий, был запрет перезывать или принимать на запущенные дворы в старых слободах пришлых посадских людей. Запрещая, таким образом, закладничество посадских людей за церковь и монастыри, правительство Ивана IV одновременно стимулировало обратный процесс – выход закладчиков из церковных и монастырских слобод, как в посад, так и в села».²

Б.А.Романов рассматривает «приговор» 15 сентября 1550 года в качестве представления о слободах, сделанного в тот день митрополитом Макарием царю Ивану.³ Указав на то, что И.И.Смирнов резюмирует «текст закона о слободах» в 5 пунктах, а П.П.Смирнов – в 4-х (несмотря на количественное различие тождественных друг другу), Б.А.Романов предлагает выделить «следующие пять моментов: 1) изложение Макарием прежнего приговора о новых слободах, который он, митрополит, “помнил”, 2) жалоба его на расширительное толкование наместниками этого приговора (отразившегося в ст. 43 Судебника) в смысле распространения его на старые слободы <...>, 3) пожелание-просьба к царю прекратить это самоуправство (“и ты бы государь своим наместником впред... не велел судить”), 4) изложение приговора, текст которого был в руках митрополита (“с нами”) и не подлежал ни перетолковыванию, ни оспариванию: “что в теновые слободы вышл и посадские люди после писца, и тех бы людей из новых слобод опять вывести в город на посад”, и тут же выражение готовности против приговора не возражать: “и о том ведает бог да ты, государь, как тебе о них бог известит”, и 5) изложение в виде пожелания-просьбы, проекта указа о слободах старых и новых <...>».⁴

¹ Смирнов И.И. Очерки... С. 371.

² Там же. С. 371–372.

³ Романов Б.А. Комментарий. С. 331.

⁴ Там же. С. 330, 331.

Обращался к содержанию сентябрьского «приговора» и А.А.Зимин. «Согласно “приговору” 15 сентября 1550 г., духовным феодалам запрещалось основывать новые слободы, хотя старые за ними сохранялись. В церковно-монастырских слободах запрещалось ставить новые дворы (за исключением случаев семейного раздела) <...>. Из новых слобод на посад выводились бежавшие туда посадские люди закладчики. Запрещался впредь прием в эти слободы городских людей новоприходцев (кроме казаков). В запустевшие слободы разрешалось сзывать людей, но из сельских местностей (за неделю до и после Юрьева дня), а не с посада. В те же сроки разрешался выход слободским людям духовных беломестцев на посад или в деревню. В целом же “приговор” 15 сентября 1550 г. носил компромиссный характер, ибо сохранял за духовными феодалами старые слободы и предоставлял им даже некоторые возможности для пополнения их населения со стороны».¹

Довольно обстоятельный, можно сказать, детальный обзор положений «приговора» 15 сентября 1550 года произвел Н.Е.Носов:

«1). “Что в те *новые слободы* вышли посацкие люди после писца, и тех бы людей из новых слобод опять вывести в город на посад, и о том ведает Бог да ты государь, как тебе о них Бог известит”. Итак, предполагалось, чтобы критерием для определения факта – является ли слобода новой или старой – было последнее государево письмо безотносительно времени, когда оно было произведено. Слободы, попавшие в него, считаются “старыми”, не попавшие – “новыми”. Критерий же давности, таким образом, терял силу, а главное, все церковные приобретения времени царского малолетства (после Василия III), попавшие в письмо, считались уже не подлежащими действию нового закона. Но тогда получается, что большинство церковных городских приобретений времени боярского правления не попадало под действие нового закона, поскольку последние наиболее широкие поуездные переписи были проведены правительством в середине 40-х годов XVI в., когда уже имело место явное ограничение боярского произвола. В то же время правительство 50-х годов <...> добивалось как раз обратного – ограничения льгот белых слобод, полученных церквами именно “при боярах”. Значит, и тут предложения церковных иерархов отнюдь не совпадали с намерениями правительства. И Макарий это прекрасно понимал. Не случайно же он ставил принятие нового приговора в зависимость от царской совести: “о том ведает Бог да ты государь, как тебе о них Бог известит” (ясен и подтекст: пусть царь еще раз взвесит, достойно ли утеснять церковь, ведь ликвидация белых слобод – дело Богу неугодное, и ответственность за это небогоугодное деяние лежит на самом царе).

2) “А впредь бы митрополиту и архиепископом, и епископом, и монастырем держати свои *старые слободы* по старине, а судьи о всяких делах по прежним грамотам”. Тут уже все в пользу церкви – полное сохранение старых слобод и старых тарханов.

¹ Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного... С. 376–377.

3) “А новых бы слобод не ставити и дворов новых в старых слободах не прибавляти, разве от отца детям, или от тестя зять, или от брата братия отделяются и ставят свои дворы”. Но это на будущее – запрет создания новых слобод. Конечно, церковных иерархов это вряд ли радовало, но зато не влекло ни к каким ограничениям уже имеющихся городских льгот.

4) “А в которых старых слободах дворы опустеют, и в те дворы звати сельских людей пашенных и непашенных по старине, как преже сего бывало, а отказывати тех людей на срок о Юрьеве дни осеннем по государеву указу по старине же”. Опять рекомендация отнюдь не ограничительного свойства в отношении “старых слобод” – обеспечение их законного людского “воспроизводства”.

5) “А с посаду впредь градских людей в слободы не называть и не приимати, разве казаков нетяглых людей. А которые христиане митрополичьи или архиепископльи и епископльи похотят из слобод итти на посад или в села житии, и тем людям ити вольно на тот же срок”. Постановления, явно направленные в защиту интересов черных посадских людей, поскольку, с одной стороны, оберегали черные миры от “переманивания” посажан в белые слободы. А с другой – открывали даже “старым” беломестцам широкие и “законные” возможности выхода из феодальной зависимости от церкви на посад. Значит, именно в данном вопросе требования посадских людей были настолько решительными, что не считаться с ними было уже невозможно.¹

Свою задачу мы видим не в том, чтобы вслед за упомянутыми исследователями «разложить» сентябрьский 1550 года «приговор» на содержательные составляющие элементы. Это сделано ими достаточно хорошо и основательно. Для нас сейчас важнее оценить «приговор» со стороны религиозно-политической борьбы, развернувшейся в верхах русского общества середины XVI века. И здесь весьма существенным является тот факт, что «приговор» о слободах состоялся в обстановке подготовительных мер к секуляризации церковно-монастырского землевладения, предпринимаемых правительством Сильвестра – Адашева,² что этот приговор вырабатывался на фоне «того радикализма в отношении ограничения церковных имуществ, который столь явственно дает о себе знать во всей правительственной политике после 1549 г. и особенно в канун Стоглавого собора».³

Не менее значимо и то обстоятельство, что встреча и разговор митрополита с царем о слободах имели место уже после включения в Судебник 1550 года статей о церковно-монастырских слободах, к чему привлек внимание Н.Е.Носов.⁴ Им же высказана догадка, согласно которой встреча и беседа Макария с Иваном, завершившаяся принятием «приговора» о монастырских

¹ Носов Н.Е. Становление сословно-представительных учреждений в России... С. 107–108.

² Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного... С. 375.

³ Носов Н.Е. Становление сословно-представительных учреждений в России... С. 75.

⁴ Там же. С. 75 (прим. 82).

слободах, состоялась по ходатайству первосвященника.¹ Не от хорошей, разумеется, жизни митрополит Макарий просил государя об аудиенции. Русская православная церковь переживала тогда тревожные дни в один из наиболее опасных и критических моментов в своей истории. Государственная власть, оказавшаяся в руках противников Святой Руси, наносила церкви удар за ударом. Их отзвуки слышны и в сентябрьском «приговоре» («а ныне наместники твои государевы и власти тех слобожан хотят судити, и в том тем слобожанам нашим запустети; а преже того твои государевы наместники и власти наших слобожан не суживали»). О чем тут речь? По-видимому, как только вопрос о слободах вошел в Судебник 1550 года, наместники и волостели, исполняя указание центрального правительства, руководимого Сильвестром и Адашевым, начали судить церковно-монастырских слобожан, не дожидаясь окончательного утверждения закона, почему митрополит Макарий и обратился к царю Ивану.² Но главная причина обращения Макария к Ивану IV заключалась в самом государе, его личном отношении к православной церкви.

Секуляризационную политику середины XVI века в России некоторые историки всецело связывают непосредственно с Иваном IV, в крайнем случае – с правительством Ивана IV, выводя на авансцену этой политики царя и делая его чуть ли не вдохновителем ее. Под их пером царь Иван выглядит как «самостоятельная политическая сила», как «активный политический деятель», знающий, чего он добивается, и выступающий в «ряде острых вопросов против интересов церкви».³ Это – спорная, если не ошибочная точка зрения. Прав был Н.Е.Носов, когда говорил: «Царь вряд ли уж был так последователен в своих взглядах на церковь, к которой он всегда имел особое пристрастие».⁴ Возражая А.А.Зимину, писавшему о провале «царской программы реформ», предусматривающей секуляризацию церковных земель,⁵ Н.Е.Носов замечал: «Правильно ли так уж подчеркивать, что это была именно “царская” программа, ведь отношение самого царя к вопросу о секуляризации далеко не так уже ясно».⁶ Эти ремарки Н.Е.Носова тем более оправданны, что сам А.А.Зимин в другой части своей книги писал: «Сильвестр оказывал большое влияние на всю правительственную деятельность конца 40-х – начала 50-х годов XVI в. и явился инициатором секуляризационных проектов...».⁷ Есть основания полагать, что «программа секуляризации цер-

¹ Там же.

² Ср.: *Смирнов И.И.* Очерки... С. 368; *Носов Н.Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России... С. 106.

³ *Будовниц И.У.* Русская публицистика XVI века. С. 232. См. также: *Смирнов И.И.* Иван Грозный; *Зимин А.А.* Реформы Ивана Грозного... С. 324–325.

⁴ *Носов Н.Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России... С. 74.

⁵ См.: *Зимин А.А.* Реформы Ивана Грозного... С. 386, 388.

⁶ *Носов Н.Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России... С. 74.

⁷ *Зимин А.А.* Реформы Ивана Грозного... С. 321.

ковных земель» была навязана Ивану IV Сильвестром и Адашевым «с товарищи», т.е. Избранной Радой. Царя, впрочем, не трудно было в данном случае уговорить, поскольку предшествующий период боярского правления надолго оставил в нем тяжелые воспоминания. А ведь именно в данный период щедро раздавались монастырям податные и судебные льготы.¹ Спекулируя на этих воспоминаниях, партия Сильвестра – Адашева добивалась своих целей в борьбе с церковно-монастырским землевладением. Однако необходимо подчеркнуть, что при всем том Иван Грозный всегда являлся верным сыном православной церкви, что митрополиту Макарию, конечно же, было хорошо известно. Поэтому он и обратился к царю с жалобой на утеснение церкви представителями светской власти, ободряемыми правительством Избранной Рады.

Результатом встречи с государем митрополит мог быть доволен. Иван IV подтвердил права духовенства на *старые слободы* («а впредь бы митрополиту, и архиепископом, и епископом, и монастырем держати свои старые слободы по старине, а судити о всяких делах по прежним грамотам»). «Полное сохранение старых слобод и тарханов» – так резюмировал, насколько мы знаем, данное решение Н.Е.Носов.² «Оставление за церковью в неприкосновенности ее иммунитетных привилегий в отношении старых слобод», – говорил, как известно, по тому же поводу И.И.Смирнов.³ Иван, стало быть, в своем благожелательном отношении к царским богомольцам (митрополиту, архиепископам, епископам и монастырям) зашел настолько далеко, что пренебрег собственным Судебником, в частности статьей 43, предписывающей «старые тарханные грамоты поимати у всех». Думается, здесь заключено, помимо прочего, свидетельство о том, что к составлению статьи 43 Иван IV был не причастен, что это дело рук Сильвестра и его друзей.⁴

Распоряжением царя Ивана насчет *новых слобод* митрополит Макарий был, по-видимому, также удовлетворен, поскольку, согласно этому распоряжению, к новым относились лишь те слободы, куда «вышли посацкие после писца», т.е. после переписи середины 40-х годов XVI века.⁵ Стало быть, *белые слободы*, которыми обзавелось духовенство, можно сказать, совсем недавно, в годы боярского правления, переводились в соответствии с «приговором» в разряд *старых*, находящихся в собственности «по старине» с правом суда «о всяких делах по прежним грамотам». Это полностью противоречило усилиям правительства Избранной Рады, добивавшегося «как раз обратного – ограничения льгот белых слобод, полученных церквами именно “при боярах”».⁶ В этой связи Н.Е.Носов заключает: «Значит, и тут предложения

¹ Носов Н.Е. Становление сословно-представительных учреждений в России... С. 158.

² Там же. С. 107.

³ Смирнов И.И. Очерки... С. 371.

⁴ См.: Бахрушин С.В. Научные труды. Т. II. С. 346.

⁵ Носов Н.Е. Становление сословно-представительных учреждений в России... С. 107.

⁶ Там же.

церковных иерархов отнюдь не совпадали с намерениями правительства».¹ Следовало бы, на наш взгляд, сказать, что и тут царь защитил своих богомольцев, разойдясь с установками Сильвестра и Адашева, настроенных явно не в пользу русской православной церкви.

Ограничения, касающиеся *новых слобод*, не затрагивали основ церковного здания и потому с легким сердцем могли быть приняты митрополитом Макарием и другими иерархами русской церкви, прекрасно осознававшими финансовые нужды государства, начавшего войну с давним врагом – Казанским ханством. Но и в вопросе о *новых слободах* Иван IV сделал серьезное послабление духовенству, состоявшее в том, что в них всем ведал государь, «опричь суда». Правда, формула «опричь суда» вызывает у исследователей разное видение проблемы. М.А.Дьяконов, к примеру, полагал, что эта формула была составлена на Стоглавом соборе, который «вспомнил недавний приговор 1550 года 15 сентября и внес его в Стоглав с некоторыми изменениями. По старому приговору было поставлено, “что слободам всем новым тянути з градскими людьми во всякое тягло и з судом”. Собор постановил: “и мы ныне тот приговор помним, – в новых слободах ведает бог да ты, государь, о п р и ч ь с у д а”».²

И.И.Смирнов не согласился с М.А.Дьяконовым в истолковании формулы *опричь суда*: «С таким толкованием формулы “в новых слободах ведает бог да ты, государь, опричь суда” согласиться нельзя. Формула эта никак не может быть признана за новый приговор».³ И.И.Смирнов предлагает перевести ее словами *кроме наместничьего суда*.⁴ В результате «исследуемый текст принимает следующий вид: новыми слободами ведает бог да государь, кроме наместничьего суда».⁵ Затем историк спрашивает: «В чем смысл этой формулы?». И отвечает: «Я полагаю, что смысл ее заключается в утверждении, что, за исключением вопросов суда (подлежащих ведению наместников), никто, кроме государя, не имеет права вмешиваться в дела новых слобод. Иными словами, я считаю, что в словах “в новых слободах ведает бог да ты, государь, опричь суда” следует видеть формулу, определяющую характер и объем иммунитетных привилегий новых церковных и монастырских слобод».⁶

Наблюдения И.И.Смирнова показались А.А.Зимину неосновательными. Он писал: «И.И.Смирнов слова “опричь суда” трактует как указание на наместничий суд, который он почему-то противопоставляет подведомственности слобод царю. Скорее всего речь шла о сохранении подсудности церковных людей митрополиту <...>».⁷

¹ Там же.

² Дьяконов М.А. Очерки из истории сельского населения... С. 3.

³ Смирнов И.И. Очерки... С. 368.

⁴ Там же. С. 369.

⁵ Там же. С. 369–370.

⁶ Там же. С. 370.

⁷ Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного... С. 376 (прим. 3).

Формула сентябрьского «приговора» 1550 года *опричь суда* навела Н.Е.Носова на мысль о существовании *«двух приговоров»* о новых слободах – *первого*, отменяющего все их тарханные и судебные привилегии, и *второго*, отменяющего лишь тарханные привилегии. Иначе говоря, первый (“прежний”) царский приговор о ликвидации тяглых и судебных привилегий новых церковных городских слобод к сентябрю 1550 г. имел силу (и то по усмотрению царя) лишь в отношении тягла, а в отношении же суда он якобы уже был изменен (и именно об этом митрополит и напоминал царю) – теперь слобожане снова, как и в старину, подсудны лишь церковным властям.¹

Для нас не столь важно, был ли один «приговор» о церковно-монастырских слободах или два. Нам представляется более существенным, что Иван IV внял просьбе митрополита и, вопреки наставлениям своих советников из круга реформаторов, вооружившихся, как он потом скажет, на церковь, и даже вопреки закону (ст. 43 Судебника 1550 г.), восстановил в значительной мере иммунитетные права церкви и монастырей на городские слободы, включая определенную подсудность новослободчиков церковным властям. Вот почему мысль о компромиссном характере «приговора» 15 сентября 1550 года, развиваемая некоторыми историками,² является, по нашему мнению, весьма условной и не вполне соответствующей реальному ходу событий. Царю Ивану не было никакой надобности идти на компромисс с митрополитом Макарием, поскольку государь всегда сохранял верность православной церкви. И уж если говорить о компромиссе, то по отношению к Ивану и его советникам, начавшим атаку на апостольскую церковь. Но и здесь Иван Васильевич поступил так, как это едва ли могло понравиться Сильвестру и другим деятелям Избранной Рады, оставив им в «утешение» запрет на учреждение новых церковно-монастырских слобод, а в остальном восстановив отнятые было реформаторами права церкви и монастырей на городские слободы и население этих слобод. Сильвестр, Адашев и другие их «приятели» готовились к решающей схватке с митрополитом и его сторонниками на Стоглавом соборе.³

* * *

Однако, судя по всему, они переоценили свои силы и упустили время, пребывая в некоторой самоуверенности насчет исхода борьбы. И для них, похоже, была неожиданной неколебимая стойкость митрополита Макария и других высших иерархов, решительно отвергающих планы изъятия церковного имущества. Но особенно ошеломляющее впечатление на временщиков, по-видимому, произвела уступчивость по отношению к митрополиту, проявленная царем Иваном, который, как им казалось, должен был поступать согласно предписаниям Избранной Рады и ее вождей Сильвестра с Ада-

¹ Носов Н.Е. Становление сословно-представительных учреждений в России... С. 106.

² Смирнов И.И. Очерки... С. 371; Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного... С. 377.

³ См.: Церковь в истории России (IX – 1917 г.)... С. 98.

шевым. Случилось, однако, нечто иное: появились признаки восстановления былого согласия митрополита и царя. Вот почему правительство Избранной Рады пытается в спешном порядке укрепить «свои позиции среди высших церковных иерархов. В конце 1550 – начале 1551 года епископом рязанским был назначен архимандрит новгородского Юрьева монастыря Кассиан, откровенный противник иосифлян. Во время Стоглава в Москву вызывается игумен Соловецкого монастыря Филипп, принадлежавший к известной боярской фамилии Колычевых. В 1537 г. в связи с делом князя Старицкого были казнены троюродные братья Федора (Филиппа), а сам он был пострижен в монахи. Колычевы принадлежали к оппозиционному боярству. Характерна близость Филиппа к заволжским старцам и Сильвестру, который, как и семейство Колычевых, поддерживал старицких князей».¹ Кроме того, в самый канун открытия Стоглавого собора игуменом крупнейшего Троице-Сергиева монастыря назначается старец Артемий² – известный нестяжатель и еретик, зарекомендовавший себя ярким противником монастырского землевладения.³ Это назначение состоялось, как полагает А.А.Зимин, при активном участии попа Сильвестра.⁴ По словам ученого, «подготавливая созыв Стоглавого собора, Сильвестр и другие сторонники нестяжательства стремились назначить Артемия как своего единомышленника на важный церковный пост троицкого игумена».⁵ Надо сказать, что Н.А.Казакова несколько иначе расставляет акценты, приписывая инициативу назначения заволжского старца на столь ответственный пост всецело Ивану IV: «Из Порфирьевой пустыни в 1551 г. по повелению царя Артемий был вызван в Москву и поставлен в игумены Троице-Сергиева монастыря. Перемена в судьбе Артемия была связана с намерением Ивана IV поставить на Стоглавом соборе вопрос о секуляризации монастырских земель: готовясь к проведению этой важной меры, царь нуждался в единомышленниках».⁶ Полагаем, что роль царя Ивана здесь была в значительной мере формальной: хотя Артемий и

¹ Зимин А.А. 1) И.С.Пересветов и его современники... С. 92; 2) Реформы Ивана Грозного... С. 378; 3) Крупная феодальная вотчина... С. 298.

² Носов Н.Е. Становление сословно-представительных учреждений в России... С. 73. В досоветской исторической литературе высказывалась версия, согласно которой это назначение состоялось 17 мая 1551 года (Занков П.М. Старец Артемий, писатель XVI в. // ЖМНПросв. 1887, ноябрь. С. 50) или около 17 мая 1551 года (Вилинский С.Г. Послания старца Артемия. Одесса, 1906. С. 45). Разные варианты на сей счет предлагает А.А.Зимин. Согласно одному из них, Артемий стал троицким игуменом «после окончания заседаний Стоглава» (Зимин А.А. И.С.Пересветов и его современники... С. 155), а соответственно другому варианту – «около мая 1551 г.» (Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного... С. 389). Наконец, по третьему варианту назначение Артемия на пост игумена Троице-Сергиева монастыря состоялось «во время Стоглавого собора». – Зимин А.А. Крупная феодальная вотчина... С. 297.

³ Зимин А.А. И.С.Пересветов и его современники... С. 155.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Словарь книжников и книжности древней Руси. Вып. 2. Ч. 1. Л., 1988. С. 71.

стал игуменом Троице-Сергиева монастыря «по государеву велению»,¹ но с подачи попа Сильвестра² и, конечно же, под его влиянием.³ Артемий потянул за собой своих единомышленников: «В свою очередь Артемий добивается назначения одного из видных заволжских старцев – Феодорита архимандритом суздальского Ефимьева монастыря».⁴ Большие надежды реформаторы возлагали на авторитетное слово Максима Грека, переведенного в Троице-Сергиев монастырь по ходатайству новоиспеченного игумена Артемия,⁵ за которым, безусловно, стоял все тот же Сильвестр. Все названные лица (за исключением Максима Грека) так или иначе участвовали в работе Стоглавого собора.

Несмотря на эти меры, противникам митрополита Макария не удалось создать среди духовенства, присутствующего на соборе, сколько-нибудь серьезную группу поддержки секуляризационного проекта. Показательно, что в составе святителей (архиепископов и епископов), которые на соборных заседаниях имели решающий голос,⁶ идеи нестяжателей разделял, по наблюдению А.А.Зимины, лишь один рязанский епископ Кассиан.⁷ Понятно, отчетливо в исторической литературе не раз высказывалось мнение об «иосифлянском большинстве» на Стоглавом соборе.⁸ Это верно, но, пожалуй, отчасти. И поэтому Н.Е.Носов имел основание усомниться в мысли о «полном засилии иосифлян на соборе».⁹ Однако эти историографические контрверсы нуждаются в пояснении.

Дело в том, что каждая из них, на наш взгляд, частично воспроизводит реальную картину, запечатлевшую состав участников Стоглавого собора. Как явствует из обращения царя к собравшимся в Кремле, на Сборе присутство-

¹ ААЭ. Т. I. СПб., 1836, № 238. С. 246.

² Там же.

³ Р.Г.Скрынников по этому поводу говорит совершенно определенно: «По настоянию Сильвестра известный нестяжатель старец Артемий был назначен игуменом крупнейшего в стране Троице-Сергиева монастыря». – *Скрынников Р.Г.* Начало опричнины. С. 88.

⁴ *Зимин А.А.* Реформы Ивана Грозного... С. 389.

⁵ Там же. См. также: *Казакова Н.А.* Очерки по истории русской общественной мысли. Первая треть XVI века. Л., 1970. С. 177.

⁶ *Шапошник В.В.* Церковно-государственные отношения в России... С. 145.

⁷ *Зимин А.А.* 1) И.С.Пересветов и его современники... С. 97; 2) Реформы Ивана Грозного... С. 382–383. Ср.: *Лебедев Н.И.* Стоглавый собор 1551 года. М., 1882. С. 43; *Бочкарев В.А.* «Стоглав» и история собора 1551 года. Юхнов, 1906. С. 20, 27, 32; *Стефанович Д.* О Стоглаве. Его происхождение, редакции и состав. СПб., 1909. С. 60–61; *Моисеева Г.Н.* Валаамская беседа... С. 67.

⁸ См., напр.: *Веселовский С.Б.* Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 252; *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. II. С. 272–273; *Зимин А.А.* 1) И.С.Пересветов и его современники... С. 99; 2) Реформы Ивана Грозного... С. 386; *Шмидт С.О.* 1) Становление российского самодержавства... С. 182; 2) У истоков российского абсолютизма... С. 204.

⁹ *Носов Н.Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России... С. 73.

вали не только представители духовенства (в том числе, возможно, белого¹), но и миряне: «И вы, господие, святии святителие, пресвященнейший отец мой Макарий, митрополит всея Руси, и все архиепископы, и епископы, и преподобнии архимандриты, и честнии игумени, и весь освященный събор, и иноцы, и прочии вси Божии молебници, тако же и братия моя, и вси любии мои князи и бояре, и воины, и все православное христианство...».² О присутствии мирян на Стоглавом соборе историки говорят сравнительно давно,³ хотя роль им при этом отводят разную: одни – пассивную, другие – активную. По мнению Л.В.Черепнина, «наряду с царем и духовными иерархами на соборе присутствовала боярская дума. Юридически это было совещание церковное; очевидно, духовенству принадлежало и решение разбиравшихся там дел; фактически же то или иное соборное постановление подсылавалось реальным соотношением сил представителей господствующего класса, встретившихся на соборе».⁴ И надо заметить, что это соотношение сил было не в пользу реформаторов.⁵

У них, по-видимому, имелось немало сторонников среди светских лиц, принимавших участие в обсуждении вопросов, вынесенных на соборное рассмотрение.⁶ Некоторая, причем весьма незначительная, часть духовенства шла в фарватере их секуляризационной политики. Отсюда Н.Е.Носов мог заключить об отсутствии полного засилья иосифлян на соборе. Но среди тех же мирских людей, участвовавших в соборной деятельности, особенно среди духовенства и, прежде всего, высшего, подавляющее число оставалось за приверженцами традиционного уклада церковной жизни, что позволило исследователям говорить об «иосифлянском большинстве» на Стоглавом соборе. Следовательно, обе точки зрения допустимы, поскольку каждая из них по-своему права. Ну, а что Иван IV? Какова его роль на Стоглавом соборе?

С.Б.Веселовский, касаясь данного сюжета, замечал: «Обе стороны, т.е. нестяжатели и иосифляне, стремились в борьбе использовать авторитет царской власти и вовлекали в свою борьбу молодого царя, облекая свои реше-

¹ См.: *Шапошник В.В.* Церковно-государственные отношения в России... С. 146. 150.

² *Емченко Е.Б.* Стоглав. Исследование и текст. М., 2000. С. 244.

³ См., напр.: *Жданов И.Н.* Сочинения. Т. I. СПб., 1904. С. 374; *Веселовский С.Б.* Исследования по истории опричнины. С. 252; *Шмидт С.О.* 1) Соборы середины XVI в. // История СССР. 1960, № 4. С. 81–83; 2) Становление российского самодержавства... С. 179; 3) У истоков российского абсолютизма... С. 202; *Черепнин Л.В.* 1) Земские соборы и утверждение абсолютизма в России // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.). М., 1964. С. 96; 2) Земские соборы русского государства... С. 80.

⁴ *Черепнин Л.В.* Земские соборы русского государства... С. 80. Об участии Боярской Думы в работе Стоглавого собора писали и некоторые досоветские историки. – См., напр.: *Латкин В.Н.* Лекции по внешней истории русского права. СПб., 1888. С. 73–74.

⁵ Р.Г.Скрынников считает, что «нестяжатели составляли на соборе ничтожное меньшинство». – *Скрынников Р.Г.* Начало опричнины. С. 87.

⁶ *Черепнин Л.В.* Земские соборы и утверждение абсолютизма в России. С. 96.

ния в форму “царских вопросов и ответов”». ¹ Еще более безвольным выглядит царь Иван под пером И.Н.Жданова, согласно которому государь «во всяком деле полусознательно и полуохотно должен был подчиняться влиянию других». ² И уже вовсе опереточный образ Ивана встает перед взором В.В.Шапошника: «Иван, как маятник, качался из одной стороны в другую – то поддерживал церковное руководство, то Адашева». ³ На Стоглавом соборе «царь выступал лишь рупором сторон, озвучивал поступавшие к нему предложения». ⁴

Несмотря на молодость, царь не был столь безынициативен и безволен, как его изображают названные историки. Он был глубоко верующим православным христианином, преданным всей душой русской церкви, и с этой позиции государь не сходил до конца своих дней. К церковно-монастырскому землевладению Иван относился более чем терпимо, можно сказать, благосклонно. Его в данном случае никоим образом нельзя объединять с Избранной Радой и ее «начальниками» Сильвестром и Адашевым. Мы видели, как легко митрополит Макарий и царь Иван нашли общий язык относительно церковно-монастырских слобод. На Стоглавом соборе наблюдалось нечто схожее. Иван не дал реформаторам увлечь себя, выступив в качестве арбитра, стоявшего над противоборством сторон. Здесь, кажется, партия Сильвестра – Адашева сильно просчиталась, полагая, что самодержец будет послушным орудием в ее руках. Этого, однако, не произошло. В речах Ивана IV на соборе прямых выводов о необходимости секуляризации мы не найдем. ⁵ Такая уклончивая и потому исполненная скрытого смысла позиция царя Ивана не могла не вдохновлять иосифлян. Следовательно, «иосифлянское большинство» обеспечило хотя и не полную, но все же таки победу церкви в спорах о церковно-монастырском землевладении на Стоглавом соборе, тогда как предопределило эту победу поведение царя, хотя и произносившего на нем немало слов, но занявшего в данном вопросе неопределенную, как бы отстраненную позицию, стимулировавшую и в известном смысле поощрявшую активность противников секуляризации, которые, воодушевившись, реализовали свое большинство.

Судя по всему, борьба в преддверии Стоглавого собора и на самом Соборе приобрела весьма острый характер. Сторонники ликвидации церковно-монастырского землевладения цеплялись за любую возможность, чтобы провести свое соборное решение. Они пытались мобилизовать даже тех сторонников, которые не принимали непосредственного участия в работе Собора. А.А.Зимин пишет: «После окончания основной части работ Стоглава Иван Грозный предпринимает еще одну попытку добиться изменения принятых решений в духе его программы. По его настоянию решения Стоглава были посланы в Троице-Сергиев монастырь трем сведенным с престола “святите-

¹ Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. С. 252.

² Жданов И.Н. Сочинения. Т. I. С. 207.

³ Шапошник В.В. Церковно-государственные отношения в России... С. 89.

⁴ Там же. С. 126.

⁵ См.: Черепнин Л.В. Земские соборы русского государства... С. 86.

лям” – бывшему митрополиту Иоасафу, бывшему ростовскому архиепископу Алексею и бывшему Троицкому игумену Ионе Шелепину, которые должны были высказать свое мнение о соборных постановлениях». ¹ Мы не стали бы утверждать, что секуляризация входила в программу Ивана Грозного. Она являлась частью программы Избранной Рады, против которой Грозный по ряду политических причин и обстоятельств середины XVI века не мог пока открыто выступить. ² Не все просто и со временем отправки соборных материалов на «экспертизу» «трем сведенным с престола “святителям”». Надо сказать, что в этом вопросе А.А.Зимин шел вслед за Д.И.Стефановичем, который заседания Стоглавого собора приурочил к январю – февралю 1551 года (не исключая, впрочем, их продолжения вплоть до 11 мая), а поездку соборных посланцев в Троицу отнес ко времени «около 23 февраля», когда завершилась основная работа собора. ³ Точка зрения Д.И.Стефановича оказалась убедительной и Н.Е.Носову, который писал: «Собор 1551 года <...> проходил, как установил Д.Стефанович, в январе – феврале, завершив основную работу до 23 февраля, когда было начато составление самого соборного уложения, т.е. Стоглава. Примерно в это же время (около 23 февраля) решения Стоглава были направлены в Троице-Сергиев монастырь на просмотр бывшему митрополиту Иоасафу, ответ которого, адресованный, как полагает Д.Стефанович, видимо, непосредственно самому царю, был получен около 10 марта...». ⁴

Другой срок прибытия делегации собора в Троице-Сергиев монастырь, причем довольно неопределенный, называет Л.В.Черепнин: «До 11 мая текст “Соборного уложения” посылался еще на просмотр бывшему митрополиту Иоасафу в Троице-Сергиев монастырь». ⁵ Несколько иную картину, чем Д.И.Стефанович и его продолжатели, рисует Р.Г.Скрынников: «После собора Иван IV направил в Троице-Сергиев монастырь своего ближайшего советника попа Сильвестра. Реформаторы надеялись, что крупнейший русский монастырь станет их надежным союзником в деле преобразований. Формально Сильвестр ездил в Троицу к бывшему митрополиту Иоасафу с просьбой одобрить решения Стоглава». ⁶

Для датирования пересылки решений Стоглавого собора бывшему митрополиту Иоасафу, предложенного Д.И.Стефановичем, А.А.Зиминим и Н.Е.Носовым, есть, казалось бы, некоторое основание. В начале Стоглава говорится: «В лето 7059-е месяца февраля въ 23 день. Быша сии въпроси и ответы мнози о различных церковных чинех въ царствующем граде Моск-

¹ Зимин А.А. 1) И.С.Пересветов и его современники... С. 100; 2) Реформы Ивана Грозного... С. 387; 3) Крупная феодальная вотчина... С. 300.

² Ср.: Моисеева Г.Н. Валаамская беседа... С. 64.

³ Стефанович Д. О Стоглаве... С. 81–95.

⁴ Носов Н.Е. Становление сословно-представительных учреждений в России... С. 72.

⁵ Черепнин Л.В. Земские соборы русского государства... С. 79 (прим. 99).

⁶ Скрынников Р.Г. 1) Государство и церковь на Руси XIV–XVI вв... С. 240; 2) Крест и корона... С. 237.

ве въ царских полатах от благоверного и боговенчанного царя и государя великого князя Ивана Васильевича всея Руси самодръжца къ отцу его Макарию, митрополиту всея Руси, и ко всему священному собору въ осмонадесять лето царства его, в двадесять же первое лето от рожества его, при его отце Макарии, митрополите всея Руси, в десятое лето святительства его...».¹ Тем не менее хронологическая версия Д.И.Стефановича, А.А.Зимина и Н.Е.Носова (а тем более Л.В.Черепнина и Р.Г.Скрынникова) упирается в серьезное препятствие. Чтобы яснее это видеть, необходимо вспомнить рассказ Стоглава о доставке Иоасафу соборных решений и передаче им в Москву своего ответа.

Из этого рассказа узнаем следующее: «По совету благочестиваго царя и митрополита, и архиепископов, и епископов царское предисловие соборному совету и о всяких потребах вопросы, и противу царского предложения ответы святительскими писанию преданы по правилу святых апостол и святых отец, и по прежним царских и великих князей православных законов. И сиа вся писания царьских вопросов и святительских ответов посылаю к живоначальной Троицы в Сергиев монастырь к бывшему Иасафу митрополиту и Ростовскому архиепископу бывшему Алексею, и Чюдовскому бывшему архимандриту Васиану, и Троецкому бывшему игумену Ионе, и всем соборным старцом. Иасаф митрополит со всеми, выслушав царское и святительское уложение, и всему тому соборному уложению согласуют вкупе, и о которых делех поразсудя, и писанием съгласуются съ царем и святители и приказывают съ Троецким игуменом с Серапионом и с Осифовским соборным старцом з Герсимом с Ленковым и з Благовещеньским попом с Селиверстром. И сий совет царю и государю и святителем и всему собору предан бысть...».² Как видим, к бывшему митрополиту Иоасафу вместе с попом Сильвестром и соборным старцем Герасимом Ленковым был направлен действующий игумен Троице-Сергиева монастыря Серапион. Но не кто иной, как сам Н.Е.Носов обратил внимание на документ, свидетельствующий о том, что еще в начале февраля 1551 года троицким игуменом был уже не Серапион, а старец Артемий, что явствует из царского подтверждения от 9 февраля 1551 года на жалованной грамоте Троице-Сергиеву монастырю от сентября 1550 года.³ Следовательно, Серапион не мог быть направлен к Иоасафу в должности игумена Троицкого монастыря, если речь идет о времени «около 23 февраля» 1551 года, поскольку в то время он уже не являлся главой Троицкой обители. Тем более это относится ко времени «около 10 марта» – предполагаемому Д.И.Стефановичем и другими исследователями моменту получения Иваном IV ответа Иоасафа, доставленного из Троицы в Москву все теми же Серапионом, Герасимом Ленковым и Сильвестром.⁴ Та-

¹ Емченко Е.Б. Стоглав. Исследование и текст. С. 238.

² Там же. С. 409–410.

³ Носов Н.Е. Становление сословно-представительных учреждений в России... С. 73 (прим. 78).

⁴ Ср.: Зимин А.А. 1) И.С.Пересветов и его современники... С. 100; 2) Реформы Ивана Грозного... С. 387, 388; 3) Крупная феодальная вотчина... С. 301.

ким образом, вопрос о времени посещения посланцами Стоглавого собора бывшего митрополита остается пока открытым, во всяком случае далеко не однозначным. Однако сам факт этого посещения не подлежит сомнению. И тут важно уяснить, кем и с какой целью оно было организовано.

А.А.Зимин, как мы знаем, полагал, что решения Стоглава были посланы в Троицкий монастырь бывшим святителям – митрополиту Иоасафу, ростовскому архиепископу Алексею и троицкому игумену Ионе Шелепину – по настоянию царя Ивана. «При этом, – замечает историк, – ответ Иоасафа передается собору с Сильвестром».¹ Однако чуть ниже он говорит: «Иосифлянам удалось также послать с Сильвестром своего видного представителя – старца Герасима Ленкова, который вместе с ним доставил собору ответ Иоасафа».² Несмотря, впрочем, на это замечание, Сильвестр здесь играет, так сказать, первую скрипку. Не то в другой книге А.А.Зимина, где, хотя и говорится о том, что «ответ Иоасафа передается собору с Сильвестром», вместе с тем сказано: «Иосифлянам удалось также послать с Сильвестром своего видного представителя – старца Герасима Ленкова. Они доставили собору ответ Иоасафа».³ Тут Сильвестр и Герасим Ленков выступают как бы на равных. Однако в исследовании А.А.Зимина о реформах Ивана Грозного акценты снова меняются. Оказывается, ответ Иоасафа был передан Собору *Сильвестром*,⁴ а не с *Сильвестром*, как это изображено в других работах того же автора. Герасим же Ленков, который доставил с Сильвестром ответ Иоасафа собору, является теперь чем-то вроде «пристяжного». И уж, конечно, нельзя согласиться с Р.Г.Скрынниковым, когда он говорит о том, будто Иван IV направил в Троице-Сергиев монастырь одного лишь Сильвестра.⁵

Если следовать тексту источника, придется признать, что в нем говорится о факте посылки Стоглава в Троице-Сергиев монастырь безотносительно к царю Ивану или к кому-то другому, т.е. безлично, глухо: «И сия вся писания царских и святительских ответов посылаю к живоначальной Троицы в Сергиев монастырь...».⁶ Эти «писания», как мы знаем, были оформлены по согласному решению царя и митрополита с остальными святителями: «По совету благочестиваго царя и митрополита, и архиепископов, и епископов царское предисловие соборному совету и о всяких потребах вопросы, и противу царского предложения ответы святительские писанию преданы по правилу святых апостол и святых отец, и по прежним царских и великих князей православных законов».⁷ Логично предположить, что и решение о направлении делегации к бывшему митрополиту Иоасафу в Троицу прини-

¹ Зимин А.А. 1) И.С.Пересветов и его современники... С. 100; 2) Крупная феодальная вотчина... С. 301.

² Зимин А.А. И.С.Пересветов и его современники... С. 100.

³ Зимин А.А. Крупная феодальная вотчина... С. 301.

⁴ Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного... С. 387.

⁵ Скрынников Р.Г. 1) Государство и церковь на Руси... С. 240; 2) Крест и корона... С. 237.

⁶ Емченко Е.Б. Стоглав. Исследование и текст. С. 410.

⁷ Там же. С. 409–410.

малось «по совету» упомянутых лиц, или коллегиально, соборно. Не думаем, чтобы инициатива здесь исходила от государя. Скорее всего, она принадлежала одной из борющихся на Соборе партий иосифлян и нестяжателей, а быть может, – обеим партиям одновременно. Возможно, на Соборе велись споры, кому ехать к бывшему митрополиту.¹ В конце концов, сошлись на игумене Серапионе Курцеве, соборном старце Герасиме Ленкове и попе Сильвестре. Случаен ли данный подбор посланцев? По-видимому, не случаен. Он, надо полагать, соответствовал раскладу сил на соборе, где большинство имели иосифляне. Поэтому в число посланцев вошли, с одной стороны, двое иосифлян, приверженцев церковно-монастырской земельной собственности (Серапион Курцев и Герасим Ленков),² а с другой – один ее противник (Сильвестр).³ Стало быть, Серапион, Герасим и Сильвестр были посланы в Троице-Сергиев монастырь не по настоянию отдельных лиц (царя Ивана или митрополита Макария), но по решению самодержца, всех духовных иерархов и, можно думать, от лица Собора.

А.А.Зимин, характеризуя ситуацию с посланцами, говорит, что иосифлянам удалось «послать с Сильвестром своего видного представителя старца Герасима Ленкова».⁴ Вернее, на наш взгляд, было бы сказать: нестяжателям удалось вместе с Серапионом Курцевым и Герасимом Ленковым послать своего представителя. Этим представителем стал «всемогий» тогда Сильвестр, что свидетельствует о важном значении, какое придавали поездке делегатов собора в Троицу благовещенский поп и его «нестяжательское окружение». В чем оно заключалось? Отнюдь не в желании со стороны царя и Собора соблюсти этикет, проявив знак любезности в отношении бывшего митрополита Иоасафа, как считал Д.И.Стефанович,⁵ а вслед за ним – В.В.Шапошник,⁶ и, конечно же, не в просьбе «одобрить решения Стоглава», обращенной к Иоасафу, как думал Р.Г.Скрынников.⁷ Более убедительной нам представляется точка зрения А.А.Зимины, который увидел здесь стремление повлиять на соборные решения. Жаль только, что исследователь односторонне смотрит на проблему, находя в поездке посланцев собора (прежде всего Сильвестра) в Троицу попытку изменения принятых решений в духе нестяжательской программы,⁸ и не учитывает противоположной цели, преследуемой Серапионом Курцевым и Герасимом Ленковым. У иосифлян ведь тоже была своя задача, состоявшая в том, чтобы вернуться в Москву с одобрени-

¹ См.: Бочкарев В.А. «Стоглав» и история собора 1551 года. Историко-канонический очерк. С. 118–119.

² См.: Зимин А.А. 1) И.С.Пересветов и его современники... С. 100; 2) Реформы Ивана Грозного... С. 387–388.

³ См.: Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного... С. 375, 378, 379.

⁴ Зимин А.А. Крупная феодальная вотчина... С. 301.

⁵ Стефанович Д. О Стоглаве... С. 92–93.

⁶ Шапошник В.В. Церковно-государственные отношения в России... С. 175.

⁷ Скрынников Р.Г. 1) Государство и церковь на Руси... С. 240; 2) Крест и корона... С. 237.

⁸ Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного... С. 387.

ем принятых на Соборе решений. И представители каждой из соперничавших партий надеялись на успех. Сильвестр, придерживающийся секуляризационных идей,¹ возлагал надежды на Иоасафа, близкого, по мнению ряда исследователей, к нестяжателям.² Аналогичные ожидания Сильвестр, очевидно, связывал с бывшим ростовским архиепископом Алексеем, дружески расположенным к Иоасафу.³ Что касается бывшего архимандрита Чудовского монастыря Вассиана Глазатого, получившего наряду с другими священнослужителями решения Стоглава, то сказать что-либо определенное о его воззрениях затруднительно.⁴ Несколько иначе обстоит дело с бывшим троицким игуменом Ионой Шелепиным. Он являлся, как полагают некоторые историки, противником Сильвестра, Артемия и Иоасафа, будучи соратником иосифлян.⁵ На его поддержку могли рассчитывать Серапион Курцев и Герасим Ленков. Но основная группа поддержки этих иосифлян, судя по всему, состояла из соборных старцев, находившихся в Троицком монастыре. Их также привлекли к обсуждению решений Стоглавого собора.⁶ Кстати сказать, рассмотрение решений и подготовка соответствующего ответа осуществлялись не в индивидуальном, а соборном порядке: «Иасаф митрополит со всеми ими [архиепископом Алексеем, игуменами Вассианом, Ионой и соборными старцами], выслушав царское и святительское уложение, и всему тому соборному уложению согласуют вкупе, и о которых делех поразсудя, и писанием съгласуются съ царем и святители...».⁷ Перед нами нечто вроде минисобора, производящего экспертную оценку постановлений Стоглава. С учетом данного обстоятельства необходимо воспринимать и ответ, направленный в Москву от имени бывшего митрополита Иоасафа, т.е. индивидуально, но составленного на общем собрании в Троице, или коллективно.

Содержание ответа не оставляет сомнений в том, что на данном собрании иосифляне если не возобладали, то, во всяком случае, блокировали включение в ответ Иоасафа таких положений, которые позволили бы внести соответствующие замыслам реформаторов-нестяжателей изменения в принятые Стоглавым собором решения, особенно в сфере церковного землевладения. Возможно, впрочем, и то, что сам Иоасаф, зная о перевесе

¹ Зимин А.А. И.С. Пересветов и его современники... С. 64, 74.

² См.: Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного... С. 387; Церковь в истории России (IX в. – 1917 г.)... С. 102; Русское православие: вехи истории. С. 123. Ср.: Шапошник В.А. Церковно-государственные отношения в России... С. 175.

³ Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного... С. 388.

⁴ Зимин А.А. 1) И.С. Пересветов и его современники... С. 100 (прим. 217); 2) Реформы Ивана Грозного... С. 388 (прим. 1).

⁵ Вилинский С.Г. Послания старца Артемия. С. 69; Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного... С. 388.

⁶ На то, что среди адресатов Стоглава были также «соборные старцы», обращал особое внимание и А.Н. Гробовский. Но он не сделал из этого факта должных выводов. – См.: Гробовский А.Н. Иван Грозный и Сильвестр... С. 20.

⁷ Емченко Е.Б. Стоглав. Исследование и текст. С. 410.

иосифлян на Соборе, не стал из осторожности противоречить его решениям, сосредоточившись на второстепенных вопросах соборных обсуждений.

Отстраненность ответа бывшего митрополита от наиболее острых проблем дискуссии на Стоглавом соборе обратила на себя внимание исследователей. Например, по словам Г.Н.Моисеевой, «близкий к “нестяжателям”, живший “на покое” бывший митрополит Иоасаф, к которому благовещенский протопоп (?) Сильвестр свез решения Стоглавого собора, ограничился небольшими замечаниями по вопросу о выкупе пленных на деньги митрополичьего двора (замечания эти также не были приняты). Основное внимание Иоасаф направил на высказывание “обиды” “нестяжателей” по поводу того, что в решениях Стоглавого собора было упомянуто имя только Иосифа Волоцкого...».² В целом это верно, но в отдельных деталях – не вполне. В ответе Иоасафа речь все же идет о некоторых церковных льготах, но в связи с «пустыми» церквями: «О пустых церквах. Пригоже, государь, лгота им дати, а отдати бы им пошлина десятинична и заезд, и все мелкие пошлины митрополичичи. А дань митрополича имати на попех, да тем церковь соружати. А збирали бы тот приход люди лутчие и сооружали тем церкви. А священники бы тех церквей жили о приходе да о церковной земле».³ Некоторым, кажется, отступлением от заветов Нила Сорского прозвучало замечание Иоасафа о мелких пустынях, содержащееся в ответе: «Пригоже, государь, тебе велеть их сносить в-ъдну пустыню, где пригоже, или в монастыри упокоити, как им мочно питатися».⁴

Наиболее значительным, по нашему мнению, предложением святителя было то, что касалось выкупа пленных: «О искуплении пленных. Чтобы государь не с сох имати откуп, имати бы откуп из митрополичичи и из архиепископли, и изо всех владычнич казны, и с монастырей со всех, кто чего достоин, как, государь, ты пожелаешь, положишь, на ком что велишь взяти. А крестяном, царь государь, и так твое много тягли в своих податех. Государь, покажи им милость, как тебе, государю, Бог положит на сердце».⁵ Иоасаф знал, на каких душевных струнах царя надо играть, чтобы вызвать в нем сочувствие к своему предложению. Он вспомнил об отце государя, великом князе Василии III, при котором «имали с митрополита и с архиепископов, и со владык ис казны владыке Смоленскому пошину для его недостатков, и они, государь, о том не тужили, а полоняники, государь, нужнее того».⁶ Здесь как бы в скрытом виде противопоставляются потребности общества и государства материальным интересам иерархов русской церкви, не желающих якобы поступиться частью церковных богатств ради общественных нужд. Перед нами своеобразное проявление нестяжательских настроений, присутствующих, как мы знаем, митрополиту Иоасафу.

¹ См.: *Зимин А.А.* И.С.Пересветов и его современники... С. 100.

² *Моисеева Г.Н.* Валаамская беседа... С. 69.

³ *Емченко Е.Б.* Стоглав. Исследование и текст. С. 412.

⁴ Там же. С. 413.

⁵ Там же. С. 412.

⁶ Там же.

Стоглавый собор не согласился с этим предложением святителя, приняв решение о выкупе пленных «из цареvy казны» с последующей раскладкой «на сохи по всей земли, чей кто ни буди – всем равно, занеже таковое искупление обща милостыня нарицается, и благочестиву царю и всем православным велика мзда от Бога будет».¹

Зная, как вырабатывался ответ митрополита Иоасафа, можно полагать, что его предложение выкупа пленнх за счет средств духовенства исходило если не от всех, то, по крайней мере, от большинства священнослужителей, обсуждавших решения Стоглава в стенах Троице-Сергиева монастыря. Следовательно, среди духовенства в целом не было единства по этому вопросу. Но возобладала все ж таки другая точка зрения, требующая посошного обложения для выкупа русских христиан, оказавшихся в плену. Обосновывалась она религиозно-этическими соображениями, обусловленными заветами Христа, поучениями пророков и праведных мужей: «...рече праведный Иенoх: “Не пощадите злата и сребра брата ради, но испуи его, да от Бога сторицею приимете”. И пророком рече Бог: “Не пощади сребра человека ради”. Христос же не токмо сребра, но и душу свою повелевает по братии положить. “Болши бо тоя рече любви никто же не имать, аще кто душу свою положить по братии своей”. И того ради Христова слова благочестивым царем и всем православным христианом не токмо пленнх окупати, но и душу свою за них полагати, да сторицны мзды въ он день сподобятся. Не лож бо реки: “В нюже меру мерите, взмерится и вам”».²

Новейший историк, неверующий и невоцерковленный, может легко вообразить, что за этими доводами Собора скрыта банальная корысть, нежелание церкви поделиться своими богатствами и обратить их на общественные нужды. Но думать так – значит упрощать прошлое, подгоняя его под привычные для нас сегодня понятия и нравы. Было бы, по нашему мнению, намного плодотворнее толковать решение Стоглава о выкупе пленнх с точки зрения религиозно-нравственной и общественно-воспитательной. Тогда в этом соборном решении наблюдателю откроется главное: забота русской церкви о морали своей паствы, воспитуемой в духе действенной любви к ближнему, приучаемой к чувству коллективизма, взаимопомощи и взаимной выручки, т.е. к тому, что запечатлела известная формула *один за всех и все за одного*. Данное решение способствовало сплочению русского народа перед лицом внешнего врага, укрепляло в нем решимость защищать Веру и Отечество, что было особенно важно в исторических условиях середины XVI века, характеризующихся войнами с ханствами Поволжья и надвигающейся Ливонской войной. Таковым нам представляется внутренний смысл решения Стоглавого собора о выкупе пленнх. Предложение Иоасафа брать деньги на откуп полонянников из одной лишь церковной казны, уступало по общественной значимости решению Стоглава, поскольку превращало общенациональное дело в фискальную обязанность отдельного сословия. Сознал ли это Иоасаф и те священнослужители, которые были с ним в совете, сказать труд-

¹ Там же. С. 374–375.

² Там же. С. 375.

но. Столь же трудно судить о том, понимал ли он, что ставит митрополита Макария и церковных иерархов в неловкое положение, заставляя их отклонить внешне привлекательное, но ошибочное и вредное по своей сути предложение. Если понимал, то не было ли в его поступке группового умысла, направленного против тогдашнего руководства русской православной церкви в угоду партии Сильвестра – Адашева. Все эти вопросы останутся, по-видимому, навсегда без ответа. Тем не менее они должны быть обозначены.

Довольно прозрачно бывший митрополит намекнул на неполадки в церковном суде, существовавшие до Стоглавого собора и допущенные по недосмотру руководства церкви, – упрек, направленный своим острием в сторону митрополита Макария: «А суд уложен по правилу: архимандритом и игуменом, и всякого священническаго и иноческаго чину самим святителем судити, – и будет по правилу суд. Ино то достойно и праведно. А только одному таков суд, а иному не таков, ино то не по Бозе. Яко же ныне слышим». ¹ Еще один укол митрополиту!

Мы упомянули наиболее крупные проблемы, затронутые в ответе Иоасафа. Остальное, – можно сказать, мелочи, вроде колокольного звона, общих трапез в обителях, монастырских квасов («старых» и «черствых», «выкислых» и «слатких», «жытных» и «сычевых»), «молодых строев, которые волосаты ходят по миру», скоморохов и пр.

Важно еще раз отметить, что в ответе Иоасафа самый острый вопрос, дебатировавшийся на Стоглавом соборе, – вопрос о церковно-монастырском землевладении, – обойден. Как уже нами отмечалось, в бывшем митрополите возобладала, по-видимому, осторожность. Надо полагать, Иоасаф был осведомлен о ситуации, сложившейся на Соборе, где нестяжатели оказались в меньшинстве. И он не стал, как говорится, «лезть на рожон», хотя и не удержался от соблазна лишний раз задеть иосифлян, разразившись простран- ным рассуждением «О игумене Иосифе Волоцком». Вот что он сказал: «Написано, государь, в твоих списках: у деда твоего, государя нашего, у великого князя Ивана Васильевича на соборе был игумен Иосиф Волоцкой, как, государь, соборовал дед твой, государь наш, о вдовых священниках. И на том соборе у деда твоего были многих монастырей честные архимандриты и игумены, и старцы многие, тех же монастырей пустынники, которые житием были богоугодны и святое писание известно разумели, по тому же, государь, как ныне у тебя, государь, на соборе многие архимандриты и игумены, и многие старцы из всех монастырей. И опричь, государь, игумена Иосифа никто не написан, кто у деда твоего на том соборе был. И будет, государь, тебе угодно деда твоего, государя нашего тот собор, и ты бы, государь, Бога ради и тех честных монастырей архимандритов и игуменов, и старцев велел написати в той статьи в своем списке. А спрашивай, государь, о том соборе бояр своих старых – те, государь, помнят, кто на том соборе был – архимандритов и игуменов, и честных старцов. А о всем о том, государь, ведает Бог да ты, как тебе, царю государю, Бог известить». ³

¹ Там же. С. 411.

² Там же. С. 413.

Данное рассуждение весьма примечательно. Иоасаф, как бы восстанавливая справедливость, напомнил Ивану IV, что в деятельности Собора о «вдовых попах» (1503), помимо Иосифа Волоцкого и его сторонников, принимали активное участие (причем в достаточном количестве) и другие высокочтимые священнослужители. То были нестяжатели, лидером которых выступал Нил Сорский.² Поднимая их престиж, Иоасаф тем самым возвышал присутствующих на Стоглавом соборе нестяжателей. Что это так, видно из прямого сопоставления соборов 1503 и 1551 гг. в плане их участников («по тому же, государь, как ныне у тебя, государь, на соборе многие архимандриты и игумены, и многие старцы из всех монастырей»). Отсюда сам собою напрашивался вывод о том, что государь должен прислушиваться к мнению этих почтенных «соборян», подобно тому, как к ним в свое время прислушивался дед царя Иван III, являющийся примером, достойным подражания. Надо заметить, что преклонение Ивана Грозного перед памятью отца и деда, с одной стороны, и резко негативное его отношение ко времени боярского правления – с другой, партия Сильвестра – Адашева умело использовала в борьбе с церковно-монастырским землевладением. Такого рода спекуляцию на чувствах молодого Ивана IV следует, по-видимому, рассматривать как некий способ психического воздействия, применяемый кликой Сильвестра и Адашева с целью управления поведением монарха. И отставной митрополит Иоасаф действовал в том же ключе, побуждая царя Ивана вспомнить, кроме вопроса о вдовствующих священниках, кое-что еще о соборе 1503 года, в частности неудавшуюся попытку добиться соборного решения относительно ликвидации церковной собственности на землю. Тем самым Иоасаф старался возбудить в молодом самодержце ревность относительно начинаний чтимого им прародителя. Но сделано это довольно туманно и завуалировано: «А о всем о том, государь, ведает Бог да ты, как тебе, царю государю, Бог известить».

Поездка к Иоасафу не оправдала надежд реформаторов. Бывший митрополит повел себя уклончиво, ограничившись малозначимыми замечаниями, а серьезные вопросы либо обошел, либо истолковал обтекаемо. Но обращение Иоасафом внимания Грозного к делам Ивана III все же не «ушло в песок». Под занавес Стоглавого собора противникам русской церкви удалось склонить Ивана IV к «приговору», где опять-таки фигурируют ссылки на порядки, установленные дедом и отцом государя – Иваном III и Василием III. «Приговор», состоявшийся 11 мая 1551 года, установил жесткий контроль государственных органов над приобретением вотчин духовенством: «Царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси приговорил с отцом своим с Макарьем с митрополитом всеа Руси, и с архиепискупами, и епискупами, и со

¹ См.: *Зимин А.А.* Россия на рубеже XV–XVI столетий: (Очерки социально-политической истории). М., 1982. С. 200–207. Касаясь данной темы ответа Иоасафа, А.А.Зимин говорил: «Речь шла, конечно, о главе нестяжателей Ниле Сорском и Серапионе, архиепископе новгородском, т.е. о старинных противниках иосифлян». – *Зимин А.А.* Реформы Ивана Грозного... С. 388; 2) Крупная феодальная вотчина... С. 301.

всем собором, что вперед архиепископом, и епископом, и монастырем вотчин без царева и великого князя ведома и без доклада не покупати ни у кого: а князем и детем боярским и всяким [людем] вотчин без доклада им не продавати же; а хто купит или продаст вотчину без доклада, и у тех, хто купит, денги пропали, а у продавца вотчина взяти на государя царя и великого князя безденежно».¹

В этом контроле над земельными операциями духовенства «приговор» опирался на прецеденты, связанные с именами деда и отца царя Ивана, которые запрещали давать «без доклада в монастыри вотчины», расположенные в Твери, Микулине, Торжке, Оболенске, на Белоозере и в Рязани: «А что изстарины по уложению великого князя Ивана Васильевича всеа Руси и по уложению великого князя Василья Ивановича всеа Руси во Твери, в Микулине, в Торшку, во Оболенску, на Белоозере, на Резани мимо тех городов людей иных городов людем вотчины не продавали и по душам в монастыри по душам не давали».² Затем в «приговоре» сказано: «А Суздальские князи, да Ярославские князи, да Стародубские князи без царева и великого князя ведома вотчин своих мимо вотчич не продавали никому же и в монастыри по душам не давали; а ныне деи в тех городах князи и дети боярские в монастыри отчины свои продавали и по душам давали».³ И вот теперь – строгий наказ: «Суздальским, и Ярославским, и Стародубским князем вотчин никому без царева и великого князя ведома не продати и по душе не дати. А хто вотчину свою без царева и великого князя ведома через сесь государев указ кому продаст, и у купца денги пропали, а отчичи отчины лишены. А хто без царева великого князя ведома в сех городех во Твери, в Микулине, на Белоозере, на Резани, да Суздальские князи, да Ярославские князи, да Стародубские князи в которой монастырь кто даст по душе без государева доклада, и та отчина у монастырей безденежно на государя имати. А которые вотчины свои в монастыри по душам до сего приговору давали без государева доклада, и те отчины имати на государя, да за них по мере денги платити, да те отчины отдавати в поместье».⁴ Далее закон гласит: «А хто без государева ведома в которой монастырь вотчину свою даст по душе, и та вотчина у монастырей безденежно имати на государя».⁵

Приведенный материал позволяет увидеть, как из частных правительственных распоряжений, имеющих местное значение, возникал закон, изменявшийся повсеместно. Б.Д. Греков по этому поводу замечал, что при сыне Ивана III Василии «было издано Уложение, в котором запрещалось жителям некоторых городов и некоторым северо-восточным князьям давать вотчины в монастыри без доклада и без ведома великого князя. 11 мая 1551 г. это

¹ Законодательные акты русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века. Тексты. Л., 1986, № 5. С. 31–32.

² Там же. С. 32.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 32–33.

⁵ Там же. С. 33.

правило получило силу общего закона».¹ Этот закон, как мы видели, касался не только земельных вкладов, но и купли-продажи земли.

Само по себе появление подобного закона нельзя, по нашему мнению, рассматривать как меру, направленную против монастырского землевладения. В Московском царстве, где служба с земли получила базовое развитие, учет земельного фонда являлся важнейшей государственной потребностью. Поэтому земельные сделки и мобилизация земли не могли находиться вне поля зрения и контроля правительства. Это вполне естественно. Другое дело, каково это правительство и какую политику оно проводит, определяя конкретное содержание закона. Что касается московского правительства середины XVI века, т.е. правительства Избранной Рады, то мы неоднократно убеждались в негативном его отношении к русскому самодержавству и, следовательно, к православной церкви, пестовавшей самодержавную власть. Стало быть, в конкретных условиях того времени контроль за монастырскими операциями по земле, требующий вершить эти операции «с государева ведома» и «с доклада государю», использовался в качестве средства борьбы с землевладением монастырей, нацеленной на секуляризацию церковно-монастырской земельной собственности. Вот почему «в 50-х годах прекратилась покупка земель крупными монастырями. Не приобретали в 50-х годах земли покупкой ни Волоколамский, ни Троице-Сергиев, ни многие другие монастыри».²

Кроме закона, запрещавшего бесконтрольный оборот земли, связанный с церковью и монастырями, майский «приговор» 1551 года содержал распоряжения об изъятии церковно-монастырских земель, добытых духовенством якобы силой и пособничеством писцов, а также полученных в годы боярского правления: I.«А которые царевы и великого князя поместные и черные земли задолжали у детей боярских и у крестьян и насилством поотымали владыки и манастиры или которые земли писцы, норовя владыкам же и манастирем, подавали, а называют владыки и манастиры те земли своими, а иные починки поставляли на государевых землях, и того сыскати: чьи земли были изстари, за тем те земли и учинити»; II.«А которые села, и волости, и рыбные ловли, и всякие угодыя, и оброчные деревни после великого князя Василья бояре подавали архиепискупом, и епискупом, и манастирем и, того сыскав, учинити так, как было при великом князе Василье».³

«Приговор» привел в соответствие с тем, как было при деде и «батке» Ивана IV, выдачу «руг» и «милостыней» церковно-монастырским корпора-

¹ Греков Б.Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. Кн. II. М., 1954. С. 69. См. также: Павлов А. Исторический очерк секуляризации церковных земель в России. Ч. I. С. 122.

² Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного... С. 390. См. также: Кобрин В.Б. Власть и собственность в средневековой России. М., 1985. С. 81; Законодательные акты русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века. Комментарии. Л., 1987. С. 18.

³ Законодательные акты русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века. Тексты. С. 32.

циям: I. «А которые будут монастыри или х которым церквам к нищим в ругах и в милостынях придача ново после великого князя Василья, и те руги и милостыни новопридачные, сыскав, отставити; а учинити по старине по тому же, как где давали руги и милостыни наперед сего при великом князе Иване и при великом князе Василье Ивановиче всеа Русии»; II. «А которые милостыни будут наперед же сего в которые монастыри или х которым церквам временем шли, года в два, или в три, или болши, или менши, в приказ, а не ежегод, а они будут после великого князя Василья поимали грамоты, что иматъ им милостыни те ежегод, и, того сыскав, отставити же, а давати им милостыня в приказ по старине же, в колко годов как государь пожалует».¹

«Приговором» 11 мая 1551 года Стоглавый собор, судя по всему, завершил свою работу.² Необходимо подчеркнуть, что данный «приговор» состоялся именно в конце соборных заседаний, а не после, когда участники собора покинули Москву. Впрочем, поскольку «приговор» принимался в самый последний момент деятельности Стоглава, то не исключено, что часть духовенства, бывшего на Соборе, могла уже разъехаться по домам.³ Тем не менее, то был соборный документ,⁴ что со всей очевидностью явствует из его преамбулы: «Царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии приговорил со отцем своим с Макарьем, митрополитом всеа Русии, и со архиепископы и епископы, и со всем собором».⁵ Отсюда понятно, почему он помещен в Стоглаве (в ряде списков, причем самых ранних) и даже обозначен в перечне глав памятника: «Царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии приговорил со отцем своим Макарием, митрополитом всеа Русии, и со всем, и со всем священным собором о всяких вотчинах».⁶

Иное дело, кому принадлежала инициатива подготовки и сама подготовка этого документа. В.В. Шапошник высказал вполне правдоподобную в данном случае версию, согласно которой «приговор формулировал не государь», а правительственная группа во главе с А.Ф. Адашевым.⁷ Исследователь полагает, что «после составления так называемой первой редакции “Стоглава”, отправленной в Троицу к Иоасафу и другим, большая часть игуменов.

¹ Там же.

² Шапошник В.В. Церковно-государственные отношения в России... С. 190. Ср.: Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. II. Первая половина тома. М., 1997. С. 796, 798.

³ См.: Шапошник В.В. Церковно-государственные отношения в России... С. 176, 190.

⁴ См.: Макарий. История русской церкви. Кн. IV. Ч. I. М., 1996. С. 135.

⁵ Емченко Е.Б. Стоглав. Исследование и текст. С. 413. Р.Г. Скрынников допустил неточность, когда говорил, что «приговор был утвержден Боярской думой». — Скрынников Р.Г. Начало опричнины. С. 88.

⁶ Емченко Е.Б. Стоглав. Исследование и текст. С. 238. По словам митрополита Макария (Булгакова), майский приговор не был внесен «в книгу Стоглав самим Собором», а помещался переписчиками в конце ее (Макарий (Булгаков). История русской церкви. Кн. IV. Ч. I. С. 135–136). Но это, на наш взгляд, не исключает мысли о соборном происхождении документа.

⁷ Шапошник В.В. Церковно-государственные отношения в России... С. 176.

считая дело сделанным, разъехалась. Этим моментом и воспользовались деятели, группировавшиеся вокруг А.Ф.Адашева – сумев убедить царя в своей правоте, они добились у усеченного состава Собора согласия на вошедшие в Приговор меры.¹ Если это так, то здесь должен быть обязательно помянут и Сильвестр – сподвижник Адашева, принимавший активное участие в деятельности Стоглавого собора.

Ясно также и то, что ни царь, ни митрополит не могли выступать здесь законодателями. Эту роль взяли на себя Сильвестр и Адашев со своими сторонниками. Именно они составили проект «приговора» и добились согласия государя представить этот проект Собору на утверждение, причем без предварительного обсуждения в самый последний момент соборных заседаний, так сказать, в «Разном» и при неполном, возможно, числе его участников.² Поспешность, с которой была проделана данная операция, на наш взгляд, не случайна. Она выдает преднамеренность составителей приговора, обусловленную их стремлением во что бы то ни стало протаскать закон, явно не устраивающий соборное большинство, тем более что некоторые пункты «приговора», по наблюдениям новейшего исследователя, вошли в противоречие с только что принятыми решениями Стоглава. «Удивляет сама возможность принятия подобного Приговора, противоречащая в некоторых пунктах соборным постановлениям», – говорит он.³ Удивляться тут, однако, нечему. Сильвестр, Адашев и руководимая ими Избранная Рада обладали в ту пору влиянием и властью, достаточными, чтобы настоять на своем если не целиком, то в значительной мере. В могуществе этих людей и крылась причина того, что им удалось провести через собор документ, принципиально иного характера, нежели главные соборные постановления, касающиеся церковно-монастырской земельной собственности. Поэтому едва ли можно согласиться с Н.Е.Носовым в том, будто майский «приговор» 1551 года явился итогом «обсуждения на Стоглавом соборе вопроса о секуляризации церковных земель».⁴ На самом деле это не так. Итогом названного обсуждения стало заявление собора о неприкосновенности церковных «стяжаний» и «пошлин», аттестация посягающих на церковные «имения» и «приношения» как «татей», «хищников» и «разбойников», подтверждение, наконец, незыблемости правил «святаго Седьмаго вселенского собора и прочих святых отец», где «речено бысть о недвижимых вещех, ванных Богови в наследие благ вечных, рекше: и села, нивы, винограды, сеножати, лес, борти, воды, источ-

¹ Там же. С. 190.

² В.В.Шапошник полагает, что Приговор «был составлен с участием Собора – об этом говорит его преамбула “и со всем собором”...» (*Шапошник В.В. Церковно-государственные отношения в России...* С. 176). Однако преамбула Приговора говорит о другом, а именно о том, что государь «приговорил» с митрополитом, архиепископами, епископами и «со всем собором». В преамбуле, таким образом, речь идет не о составлении Приговора, а об его утверждении «всем собором».

³ Там же. С. 190.

⁴ Носов Н.Е. Становление сословно-представительных учреждений в России... С. 109.

ницы, езера и прочее, вданное Богови в наследие благ вечных – никто же их может от Церкви Божии восхытити или отъяти, или продати, или отдати».¹

Что касается «приговора» 11 мая 1551 года, то он представлял собою определенную оппозицию итогам обсуждения на Стоглавом соборе вопроса о церковно-монастырском землевладении, поскольку «предусматривал частичную секуляризацию церковных владений»,² «частичную конфискацию монастырских земель»,³ нарушив, следовательно, правила Вселенских соборов (в частности, 38-е апостольское правило Седьмого собора), святых отцов церкви и христианских властителей. Поэтому вряд ли безоговорочно можно принять рассуждения некоторых историков о провале на Стоглавом соборе программы секуляризации церковных земель или утверждения их о том, будто секуляризация не прошла.⁴ Майский «приговор» 1551 года, навязанный Стоглавому собору группой Сильвестра – Адашева, свидетельствует о частичном изъятии государством земель, принадлежавших духовенству. И тут важны не столько масштабы этого изъятия, сколько отход от принципа неприкосновенности церковных «стяжаний», освященного авторитетом Вселенских соборов и отцов церкви. Тем самым создавался прецедент, открывающий возможность осуществления в будущем более радикальных мер по части ликвидации церковно-монастырской земельной собственности. Как видим, реформаторы нанесли русской православной церкви отнюдь не роковой, но все же таки ощутимый удар.⁵ И мы не стали бы в данном случае разделять интересы белого и черного духовенства, как это делает В.В.Шапошник, заявляя, будто «святители, как определенная часть духовенства, оказались в наибольшем выигрыше. Видимо, их общие интересы перевесили их интересы как представителей определенных корпораций. Может быть, на Соборе состоялся определенный торг за архиерейские места (ведь практически сразу же после Стоглава в составе иерархии произошли некоторые изменения). Одно белое духовенство почти не затронули финансовые изменения – оно лишь получило твердые размеры пошлин. Таким образом, решения собора определялись борьбой внутри церковной организации между отдельными группами духовенства и представителями различных духовных корпораций. Этой борьбой в самом конце Стоглава умело воспользовалась светская часть правительства и провела решения несколько облегчавшее положение государственной казны. Т.е., можно сказать, что в самом конце работы Собора

¹ Емченко Е.Б. Стоглав. Исследование и текст. С. 343, 350, 377.

² См.: Скрынников Р.Г. 1) Начало опричнины. С. 88; 2) Царство террора. С. 104–105; 3) Иван Грозный. М., 1975. С. 39–40; М., 2002. С. 62.

³ Смирнов И.И. Очерки... С. 442.

⁴ См.: Зимин А.А. 1) И.С.Пересветов и его современники... С. 99, 100; 2) Реформы Ивана Грозного... С. 386, 388.

⁵ С.В.Бахрушин недооценил, как нам кажется, серьезность ситуации, когда писал: «Дело свелось к ничтожным ограничениям в области как землевладения, так и суда, да и те едва ли целиком вошли в жизнь». – Бахрушин С.В. Научные труды. Т. II. С. 273.

произошел фактически сговор иерархов с правительством *за счет монастырей*».¹

Противопоставление интересов белого и черного духовенства, церковных иерархов и монастырских настоятелей, проводимое В.В.Шапошником, нам представляется искусственным уже потому, что архиереи православной церкви являлись одновременно монахами и многие из них в прошлом, близком или далеком, вышли из игуменов крупнейших русских монастырей, попавших под удар «приговора» 11 мая 1551 года. Весьма спорен и тезис автора о том, будто «решения собора определялись борьбой внутри церковной организации между отдельными группами духовенства и представителями духовных корпораций». Решения собора, по нашему глубокому убеждению, определялись борьбой не внутри церковного лагеря, а между светскими реформаторами во главе с Адашевым в смычке с Сильвестром и поддерживающей их группой духовенства нестяжательского толка, с одной стороны, и иосифлянским большинством собора, возглавляемым митрополитом Макарием, – с другой. Царь Иван стоял, похоже, над схваткой, но в душе все-таки тяготел к митрополиту.

Таким образом, если исходить из решений одного лишь майского «приговора» 1551 года, то вряд ли можно считать доказанной мысль о том, что «наибольшие экономические потери» понесли тогда монастыри.² Но, если учесть совокупность мер по ограничению и утеснению церковно-монастырского землевладения, предпринятых Избранной Радой в 1549–1551 годах, включая, помимо прочего, постановление Судебника 1550 года о тарханах и решения «приговора» от 11 мая 1551 года, то данная мысль получит достаточные основания. Получается, следовательно, что реформаторы сконцентрировали свою «преобразовательную», а по сути разрушительную политику в сфере церковной жизни православной Руси прежде всего на монастырях.³ Понятно, почему они лишили обители финансовой самостоятельности и поставили под контроль назначение архимандритов и игуменов со стороны государственной власти, принудив Стоглавый собор принять соответствующие постановления.

Об избрании монастырских настоятелей в Стоглаве сказано следующее: «Избирати митрополиту и архиепископом, и епископом, коемуждо въ своем пределе, архимандритов и игуменов в честныа монастыри по цареву слову и совету и по священным правилом <...>, и избрав, посылают их ко благочестивому царю. И аще будет Богу угоден и царю – и таковый архимандрит и игумен по священным правилом да поставлен будет».⁴ Судя по всему, подобный способ поставления архимандритов и игуменов явочным порядком уже применялся Избранной Радой, и Собор лишь юридически оформил его легитимность. Вспомним старца Артемия, назначенного игуменом Троице-Сер-

¹ Шапошник В.В. Церковно-государственные отношения в России... С. 195.

² См.: Там же. С. 189–190.

³ Ср.: Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. II. Первая половина тома. С. 797.

⁴ Емченко Е.Б. Стоглав. Исследование и текст. С. 392.

гиева монастыря по совету, данному царю попом Сильвестром.¹ Вряд ли то был единичный случай.

Как видно из постановления Стоглава, высшие монастырские чины только формально избирались митрополитом, архиепископами и епископами, тогда как последнее слово здесь принадлежало царю, фактически на тот момент – Избранной Раде и ее вождям Сильвестру и Адашеву, которые получали возможность таким способом сажать в монастыри на командные посты своих людей, облегчая тем задачу реформирования, а точнее сказать – уничтожения традиционного монастырского уклада в России.

Ту же цель, как нам думается, преследовало, несомненно, навязанное Стоглавуму собору решение, изымавшее у монастырей право самостоятельно распоряжаться собственными финансами: «А монастыри и казну монастырскую, и всякие обиходы монастырские царя и великого князя дворетцким по всем монастырем ведати и посылати считати и отписывати, и отдавати по книгам архимандритом и игуменом, и строителем с соборными старци в коемждо монастыре».² Избранная Рада и ее лидеры, державшие в своих руках нити управления государством, могли через дворецких контролировать денежные расходы монастырей, лишая их свободы хозяйствования и, в конечном счете, подчиняя светской власти.

Возникает вопрос, по какой причине правительство Избранной Рады нанесло удар в первую очередь по монастырям? В исторической литературе бытуют разные мнения на сей счет. Б.Д. Греков, например, замечал, что «растущее централизованное государство проявило максимум стараний к тому, чтобы расширить свои военные кадры и обеспечить армию землей. Созданы были новые тысячи землевладельцев, далеко не всегда имевших возможность удовлетворять свои растущие потребности».³ Ради удовлетворения этих «растущих потребностей» и предприняты были меры, которые «несколько затруднили дальнейшее расширение монастырских земельных владений».⁴

По мнению Б.А. Романова, как в Судебнике 1550 года, так и в «приговоре» 11 мая 1551 года «все должно было быть пересмотрено под углом зрения ликвидации последствий боярского правления».⁵ При этом основной проблемой здесь являлось «обуздание владычного, и особенно монастырского, безудержного и бесконтрольного, напора на земли всего светского сектора вотчинного землевладения безотносительно к калибрам и общественному положению его представителей вплоть до детей боярских и даже “всяких людей”».⁶ Б.А. Романов не жалеет черных красок, говоря, что «монастыр-

¹ См.: ААЭ. Т. I. №. 238. С. 246. См. также: Зимин А.А. И.С.Пересветов и его современники... С. 155.

² Емченко Е.Б. Стоглав. Исследование и текст. С. 233.

³ Греков Б.Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. Кн. II. С. 70.

⁴ Там же. С. 69.

⁵ Романов Б.А. 1) К вопросу о земельной политике Избранной рады // Исторические записки. 38. 1951. С. 262; 2) Комментарий // Судебники XV–XVI веков. М.; Л., 1952. С. 311.

⁶ Романов Б.А. К вопросу о земельной политике Избранной рады. С. 265; 2) Комментарий. С. 315.

ский ростовщический капитал» выступал «в совершенно разнузданном виде, как грызун, принявшийся точить оборонный земельный фонд государства по линии простого кредита».¹

Согласно И.И.Смирнову, меры «правительства Ивана IV» середины XVI века в отношении земельной собственности монастырей обуславливались стремлением разрешить три задачи: 1) остановить монастырскую экспансию в земельном вопросе; 2) поставить под правительственный контроль дальнейший рост монастырского землевладения; 3) свести «на нет те успехи, которые сделало монастырское землевладение за годы господства княжеско-боярской реакции».² Осуществлялось это в интересах дворянства.

«Обширные земельные владения, за неприкосновенность которых ратовали оифильне,— писал С.В.Бахрушин, — привлекали внимание бояр, которые мечтали за счет церковных земель удовлетворить интересы дворян».³ К чести автора надо сказать, что ему удалось преодолеть узкосословный подход при объяснении причин наступления на монастырское землевладение и льготные права монастырей, предпринятого правительством Избранной Рады, и взглянуть на проблему шире, в плане реформирования церковной организации как таковой: «На Стоглавом соборе правительство выступило с законченной программой реорганизации церкви в духе нестяжательских учений. От имени царя были внесены предложения, клонившиеся к умалению как церковного землевладения, так и судебных прав церкви».⁴ Важным в этой связи является наблюдение исследователя о существовании «реформационных течений в среде самого духовенства».⁵ Оно позволяет предположить о том, что эти течения уносили некоторых церковников очень далеко от православия в сторону ересей и протестантизма, с позиций которых они затем вели борьбу с русской православной церковью и ее передовым отрядом — монастырями.

В обстановке резкого обострения классовых противоречий и подъема реформационного движения в середине XVI века решался, по А.А.Зимину, вопрос о церковно-монастырском землевладении. Историк пишет: «Правительство было крайне заинтересовано в уменьшении податных и судебных привилегий крупных духовных феодалов и рассчитывало поставить вопрос об ограничении (если не о полной ликвидации) прав церкви на владение недвижимыми имуществами в городах и сельских местностях. Монастырское землевладение являлось важным резервуаром, за счет которого можно было удовлетворить дворянские требования. Ликвидации монастырских слобод и беломестных дворов в городах добывалось посадское население страны».⁶ Существенную роль А.А.Зимин отводит здесь духовенству, разделявшему

¹ Романов Б.А. К вопросу о земельной политике Избранной рады. С. 263.

² Смирнов И.И. Очерки... С. 441–443.

³ Бахрушин С.В. Научные труды. Т. II. С. 272.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 273.

⁶ Зимин А.А. И.С.Пересветов и его современники... С. 91.

идеи нестяжательства и потому выступавшему против монастырской земельной собственности. «Требование осуществить ряд важнейших преобразований, – говорит он, – высказывались также нестяжательским духовенством, которое в середине XVI в. фактически возглавлял Сильвестр – один из руководителей правительства того времени. Нестяжатели выступали против землевладения духовных корпораций...».¹ В книге, изданной двумя годами позже, А.А.Зимин усиливает последний мотив, указывая на то, что «нестяжательское окружение Сильвестра, одного из фактических руководителей правительства компромисса, как ранее в начале XVI в. Нил Сорский и Василий Патрикеев, идеологически обосновывало необходимость ликвидации земельных богатств церкви. Представитель крайнего течения нестяжателей – старец Артемий сначала говорил Ивану IV, а затем и писал в послании к церковному собору 1551 г., что следует “села отнимати у монастырей”».² Весьма существенным представляется наблюдение А.А.Зимина, по которому правительство Сильвестра и Адашева, проводя нестяжательскую политику, старалось воспользоваться заинтересованностью «боярства и дворян в ликвидации земельных богатств церкви».³ Тем самым исследователь, хотел он того или нет, поставил на первое место религиозно-политические причины борьбы вокруг земельной собственности духовенства, развернувшейся в середине XVI века, а все остальные, включая потребность обеспечения земель служилого сословия, отодвинул на второй. Отсюда был, можно сказать, один шаг до верного понимания сути происходившего на Стоглавом соборе. Тем досаднее, что в другой своей книге А.А.Зимин снова возвращается к земельным нуждам служилого люда, ставшим якобы главной причиной секуляризационных попыток середины XVI столетия, а царя Ивана изображает инициатором этих попыток и автором экспроприаторской программы, изложенной в царских вопросах к Собору 1551 года.⁴ Среди требований, исходящих непосредственно от Сильвестра и близких ему людей, А.А.Зимин теперь не упоминает мер по ликвидации или ограничению монастырской земельной собственности. «Стоглавый собор, – читаем у него, – пошел на ряд уступок, которые требовали Сильвестр и его союзники из числа нестяжателей. Отцы собора вынуждены были декларировать запрет симонии (поставления по “мзде”), а также провозгласить борьбу с злоупотреблениями властью в монастырях-вотчинниках».⁵

Нуждами дворянства, не обеспеченного землями, объяснял изъятие монастырских земель царским правительством в середине XVI века Р.Г.Скрынников. Он, в частности, писал: «Реформаторская деятельность адашевского кружка, критика злоупотреблений боярского правления, возведенная в ранг официальной доктрины, способствовали пробуждению общественной мысли в России. Вслед за Ивашкой Пересветовым на общественную арену выс-

¹ Там же. С. 92.

² *Зимин А.А.* Реформы Ивана Грозного... С. 375.

³ Там же. С. 378.

⁴ *Зимин А.А.* Крупная феодальная вотчина... С. 298–299.

⁵ Там же. С. 300.

тупает другой талантливый публицист поп Ермолай-Еразм. Дворянская публицистика подвергает всестороннему обсуждению вопрос об “оскудении” дворянства и необходимости “землемерия”, т.е. перераспределения земель в пользу дворянства. Официальные проекты дворянского “землемерия”, составленные в кружке Адашева, получили наиболее полное обоснование в так называемых царских вопросах митрополиту (февраль 1550 г.).¹ Вслед за этим правительство «выдвигает вопрос о частичной секуляризации монастырского землевладения. Планы секуляризации получили энергичную поддержку со стороны придворного духовенства в лице благовещенского протопопа Сильвестра и тяготевших к нему монахов-нестяжателей».² Сходные суждения Р.Г.Скрынников высказывает в книге об Иване Грозном (1975). Но при том у него в данном конкретном случае куда-то ушла дворянская публицистика, стимулировавшая секуляризационные замыслы власти, и скрылся благовещенский поп Сильвестр, оказывавший поддержку планам секуляризации.³ Вместо последнего в этом качестве появились вызванные царем в Москву «заволжские старцы»,⁴ возглавляемые Артемием.⁵ Р.Г.Скрынников снова возвращается к вопросу о причинах секуляризации церковных земель в Руси середины XVI века в книге «Царство террора», в которой читаем: «Приняв на себя обязательство об обеспечении поместными землями всех служилых людей и их сыновей, казна принуждена была постоянно искать новые источники для пополнения фонда поместных земель. По этой причине власти время от времени возвращались к проектам частичной секуляризации церковных вотчин. В речи к членам Стоглавого собора в начале 1551 г. Иван IV весьма недвусмысленно указал на то, что монастыри не умеют как следует распорядиться доставшимися им землями и доходами. Одновременно старец Артемий подал собору совет “села отымати у монастырей”. Митрополит Макарий употребил все старания, чтобы доказать царю греховность и преступность любых покушений на церковное имущество и доходы. Тем не менее церкви пришлось поступиться частью своих земельных богатств».⁶

Потребностями казны обусловил изъятия земельной собственности у монастырей и другой новейший исследователь, В.В.Шапошник.⁷ В результате этих изъятий, замечает он, «в распоряжение правительства поступало некоторое количество земель».⁸

Итак, в исторической литературе сложилось устойчивое мнение, усматривающее причину наступления государственной власти на церковно-монастырское землевладение во времена правления Избранной Рады в стремле-

¹ Скрынников Р.Г. Начало опричнины. С. 85.

² Там же. С. 86–87.

³ См.: Скрынников Р.Г. Иван Грозный. М., 1975. С. 39–40.

⁴ Там же. С. 39.

⁵ Там же. С. 40. См. также: Скрынников Р.Г. Иван Грозный. М., 2002. С. 60–61.

⁶ Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 105.

⁷ Шапошник В.В. Церковно-государственные отношения в России... С. 194–195.

⁸ Там же. С. 195.

нии оградить служилый люд от монастырской экспансии и получить земли, необходимые для обеспечения исправной службы дворянства. Полагая, что в этом мнении есть определенный резон, мы все-таки не можем останавливаться на нем и считать его исчерпывающим. Больше того, следует подчеркнуть, что оно, на наш взгляд, страдает некоторым преувеличением земельного дефицита, «земельного голода», якобы испытываемого государством, и несет на себе печать ограниченности, поскольку не выходит за рамки сугубо материальных интересов и хозяйственных потребностей служилого сословия, с одной стороны, и монастырских корпораций – с другой. Приверженцы этого мнения не считают с тем, что существует духовная мотивация поведения людей, в том числе и в сфере политики.¹ И вот если взглянуть на дело с точки зрения духовной, или культурно-исторической, то придется признать, что секуляризационные меры инициировали религиозные и политические деятели, стоявшие на нестяжательских и еретических позициях, что разрушительная политика, проводимая ими в отношении церковно-монастырского землевладения, являлась следствием их религиозного мировоззрения. Придется также признать преемственную связь этих деятелей с кремлевскими священнослужителями Алексеем и Денисом, дьяком Федором Курицыным, князем-иноком Вассианом Патрикеевым и другими еретиками, достигшими на некоторое время огромного влияния и власти при дворе московских великих князей в лице Ивана III и Василия III, но потерпевшими в конечном счете крушение своих планов. Наконец, придется признать и то, что курс Избранной Рады на секуляризацию церковно-монастырских земель являлся продолжением в новых исторических условиях курса, начатого при Иване III группой еретиков во главе с Федором Курицыным и пропагандируемого при Василии III сановным старцем Вассианом Патрикеевым и его единомышленниками. Главной целью этого курса было реформирование русской православной церкви в духе еретических идей, занесенных в Россию с Запада.² Реформаторы шли к ней, прикрываясь лозунгами защиты служилого землевладения от расхищения его монастырями.

Кроме продолжения старых попыток реформирования традиционной церковной организации, передаваемых с конца XV века еретиками, как по цепочке, от поколения к поколению, в середине XVI столетия появились новые причины, побуждавшие определенные круги княжеско-боярской знати включаться в борьбу с православной церковью. Эти причины были связаны с завершением процесса формирования московского самодержавства, озна-

¹ По верному замечанию А.Л. Дворкина, «духовно-религиозный и идеологический аспекты» царствования Ивана Грозного «не получили должного освещения ни в русской, ни в зарубежной историографии» (*Дворкин А. Иван Грозный как религиозный тип. Статьи и материалы. Нижний Новгород, 2005. С. 21*). Редкими исключениями здесь являются книга А.Л. Юрганова и соответствующий раздел исследования В.В. Шапошника. – См.: *Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. М., 1998; Шапошник В.В. Церковно-государственные отношения в России... С. 408–509.*

² Ср.: *Шапошник В.В. Церковно-государственные отношения в России... С. 125.*

менованным венчанием Ивана IV на царство. Противники самодержавной власти, которых насчитывалось немало среди тех, кто входил в Избранную Раду, неизбежно оказывались в оппозиции к официальной церкви, являвшейся структурной опорой царского самодержавия. Целясь в русское самодержавие, они били по православной церкви, по ее важнейшему звену – монастырям, стремясь лишить монашество экономической основы посредством государственной конфискационной политики и добиться в результате двойного эффекта, состоящего в разрушении сложившегося на Руси церковно-монастырского уклада и в расстройстве союза церкви с государством.

Существо обсуждаемых нами сейчас событий почувствовал Г.Флоровский. Протоиерей Георгий Флоровский усмотрел в начинаниях попа Сильвестра влияние Запада, прежде всего немецкое влияние, т.е. протестантское, или, по понятиям Восточной церкви, еретическое.¹ Весьма любопытно охарактеризовал он Стоглавый собор, который, по его словам, «был задуман как “реформационный”», но «осуществился как реакционный».² Надо сказать, что тут есть предмет для размышлений.

Действительно, группа Сильвестра – Адашева готовила Собор как в некотором роде реформационный, призванный осуществить первый, но довольно решительный шаг на пути реформирования русской церкви в соответствии с еретическими учениями Запада. Этот шаг предусматривал секуляризацию церковно-монастырской земельной собственности и ликвидацию единства церкви с государством, что резко меняло положение православной церкви в экономической, социальной и политической жизни Руси. Трудно было предугадать, куда могла завести подобная реформа. Ясно только было, что она разрушала основы теократического самодержавия, подрывала устои Святорусского царства, или Святой Руси.

Г.Флоровский, говоря о том, что Стоглавый собор «осуществился как реакционный», подчеркнул тем свое отрицательное отношение к итогам соборной деятельности, поддавшись субъективному восприятию события. Но позволительно спросить, почему Собор «осуществился как реакционный»? Не потому ли, что иосифляне не позволили реформаторам провести всеобщую секуляризацию церковно-монастырского землевладения, экономически удушить церковь и разорвать ее союз с государством, поставив русское общество на грань национальной катастрофы. Если это так, то мы не найдем ничего реакционного в том, как Собор «осуществился». Напротив, любому не зашоренному либеральными идеями исследователю ясно, что на Стоглавом соборе здоровые национальные силы взяли верх над деструктивными антицерковными и противогосударственными элементами, хотя и с некото-

¹ См.: *Флоровский Георгий*. Пути русского богословия. Минск, 2006. С. 27. Зря только Флоровский, хотя и с оговоркой, объединил здесь митрополита Макария с Сильвестром: «Взаимное отношение “Избранной рады” и митрополита остается неясным – политически Сильвестр и Макарий не были единомышленниками, но в культурном отношении они принадлежали, скорее, к одному кругу». – Там же. С. 27–28.

² Там же. С. 29.

рыми потерями. Однако эти потери оказались с лихвой восполненными превращением собора из духовного учреждения в институт, наделенный как церковными, так и государственными функциями. В исторической науке это превращение не осталось незамеченным.

Историки давно уже говорят о том, что Стоглавый собор, приняв постановления, касающиеся церковно-монастырской жизни, утвердил, кроме того, документы внецерковного характера – Судебник 1550 года, Уставные грамоты, относящиеся к местному управлению, ввел общий налог на выкуп пленных и т.п.¹ Некоторые исследователи считают, что при непосредственном участии собора был составлен и утвержден «приговор» 11 мая 1551 года.² Высказывалось также предположение о рассмотрении на Стоглавом соборе вопросов, связанных с предстоящей новой кампанией против Казани.³ Не знаем, как насчет войны с Казанью, но относительно утверждения Судебника, Уставных грамот и совета «о всяких земских строениях» сомнения излишни, ибо в речи Ивана IV, обращенной к участникам Собора, сказано: «Се Судебник пред вами и уставные грамоты. Прочтете и разсудите, чтобы было наше дело по о Бозе в род и род неподвижно по вашему благословению, аще достойно сие дело на святом соборе утвердив и вечное и благословение получив, и подписати на Судебнике и на уставной грамоте, которой в казне быти. Да с нами соборне попрося у Бога помощи во всяких нуждах, посоветуйте и разсудите, и уложите, и утвердите по правилам святых апостол и святых отец и по прежним законом прародителей наших, чтобы всякое дело и всякие обычеи строилися по Бозе в нашем царствии при вашем святительском пастве, а при нашей дряхлости. А которые обычеи в прежние времена после отца нашего, великого князя Василия Ивановича всея Руси, и до сего настоящего времени поизшталоса или в самовластии учинено по своим волям или в предние законы, которые порушены, или ослабно дело, и небрегомо Божиих заповедей что творилося, и о всяких земских строениях, и о наших душах заблуждение о всем о сем довольно себе духовне посоветуйте, и на среду собора. И сие нам возвестите, и мы вашего святительского совета и дела требуем и советовати с вами желаем – о Бозе утвержати нестройное во благо. А что наши нужи или которые земские нестроения, и мы вам о сем возвещаем. И вы, разсудя по правилу святых апостол и святых отец, утвержате во общем согласии вкупе, а яз вам, отцем своим и з братиею, и з своими бояры челом быю».⁴

¹ См., напр.: *Платонов С.Ф.* Иван Грозный. С. 56; *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. II. С. 269; *Будовниц И.У.* Русская публицистика XVI века. С. 233; *Носов Н.Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России. Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л., 1969. С. 53, 74; *Шмидт С.О.* 1) Становление российского самодержавства... С. 180; 2) У истоков российского абсолютизма... С. 203; *Черепнин Л.В.* Земские соборы русского государства в XVI–XVII вв. С. 83–84. – Ср.: *Колычева Е.И.* Аграрный строй России XVI века. М., 1987. С. 121.

² *Шапошник В.В.* Церковно-государственные отношения в России... С. 176, 190.

³ *Шмидт С.О.* 1) Становление российского самодержавства... С. 181; 2) У истоков российского абсолютизма... С. 204.

⁴ *Емченко Е.Б.* Стоглав. Исследование и текст. С. 253.

Существенное значение для понимания исторической ситуации, отраженной в приведенном тексте, имеют так называемые «дополнительные царские вопросы», сохранившиеся в рукописи игумена Волоколамского монастыря Ефимия Туркова, найденные И.Н.Ждановым и отнесенные им к деяниям Стоглавого собора.¹ Однако привязка этих вопросов к Стоглавому собору была не без основания оспорена как в досоветской,² так и в советской историографии.³ В преамбуле к ним читаем: «Говорити перед государем, и перед митрополитом, и передо владыки, и передо всеми бояры дияку, как было перед великом князе Иване Васильевиче, при деде, и при отце моем, при великом князе Василье Ивановиче, всякие законы тако бо и ныне устроити по святым правилом и по праотеческим законом, и на чом святители, и царь, и все приговорим и уложим, кое бы было о Бозе твердо и неподвижно в веки».⁴ Далее идут разнообразные вопросы, касающиеся земельной, торговой и таможенной политики, местничества, вотчин и поместий, новых слобод, корчем, мытных, перевозных и мостовых пошлин, пограничных застав, вотчинных и писцовых книг, вдовых боярынь и пр.⁵

За сведениями, заключенными в преамбуле к «царским вопросам», не просматривается, как нам кажется, ни церковный, ни земский собор. Препятствует тому усеченный состав слушателей, перед которыми велено было «говорити дияку». Это – царь, митрополит, владыки (архиепископы и епископы), а также все бояре (Боярская Дума). Но для того, чтобы назвать данное совещание земским собором, необходим более широкий круг его участников: для церковного собора – весь Освященный собор, а не только митрополит и владыки; для земского собора – хотя бы на крайний случай представители дворян, а не одни лишь бояре. По-видимому, то было некое подготовительное совещание, предшествующее Стоглавому собору, независимо от того, когда были составлены и предложены «царские вопросы»: около февраля 1550 года,⁶ между мартом–сентябрем 1550 года,⁷ одновременно с Судебни-

¹ См.: Жданов И.Н. Материалы для истории Стоглавого собора // ЖМНПросв. 1876, июль-август.

² См., напр.: Кононов Н. Разбор некоторых вопросов, касающихся Стоглава // Богословский вестник. 1904, № 4. С. 697–699; Стефанович Д. О Стоглаве. Его происхождение, редакции и состав. С. 23, 55.

³ См., напр.: Зимин А.А. 1) Историко-правовой обзор // Памятники русского права. Вып. IV. М., 1956. С. 592; 2) К истории военных реформ 50-х годов XVI века // Исторические записки. Т. 55. 1956. С. 345–346; 2) Реформы Ивана Грозного... С. 336–338, 349–350; Шмидт С.О. 1) Соборы середины XVI века // История СССР. 1960, № 4. С. 77–80; 2) Становление российского самодержавства... С. 166; 3) У истоков российского абсолютизма... С. 189; Носов Н.Е. 1) Становление сословно-представительных учреждений в России... С. 31; 2) Собор «примирения» 1549 года и вопросы местного управления // Внутренняя политика царизма (середина XVI – начало XX в.). Л., 1967. С. 36. – Ср.: Смирнов И.И. Очерки... С. 486–488.

⁴ Памятники русского права. Вып. IV. С. 576.

⁵ Там же. С. 576–580.

⁶ Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного... С. 338.

⁷ Кононов Н. Разбор некоторых вопросов...

ком в июне 1550 года¹ или, наконец, в летние месяцы 1550 года.² Не столь существенно и то, состоялось ли заседание, на котором рассматривались эти вопросы,³ или же дело ограничилось только составлением «проекта реформ».⁴ Куда важнее засвидетельствованный источником принцип совместного обсуждения и решения носителями светской и церковной власти проблем государственной жизни. Этот принцип был реализован в полном объеме на Стоглавом соборе 1551 года, что стало весьма наглядным фактом сращения государства и церкви. Таким образом, «царские вопросы», обращенные к руководству православной церкви, возможное их обсуждение с принятием соответствующих решений на совете (собрании) царя с высшими церковными иерархами и Боярской Думой явились своеобразной технической подготовкой к Стоглавому собору и вместе с тем определенным этапом на пути формирования теократической монархии в России.

В своей речи на открытии Стоглавого собора царь Иван IV, как мы видели, очертил весьма широкий круг соборной компетенции, распространявшейся и на церковные, и на светские дела. Земские интересы Собора 1551 года долгое время находятся в поле зрения исследователей.⁵ Возникла версия о Стоглавом соборе как церковно-земском, основанная на том, что в работе Собора участвовали светские представители власти (Боярская Дума) и что предметом обсуждения на нем, помимо церковных вопросов, были еще и земские вопросы. Эта версия, заявленная впервые И.Н.Ждановым,⁶ приобрела немало сторонников среди именитых историков. Назовем лишь некоторых, в частности М.А.Дьяконова, признававшего «вполне правильной мысль Жданова, что земский собор “вырастает на одном стволу с собором церковным”, которым на первых шагах своей жизни значительно и закрывается. Поэтому Жданов и назвал Стоглавый собор “церковно-земским”».⁷

На Стоглавом соборе, по С.Ф.Платонову, царь Иван «выражает намерение обращаться к собору со всем тем, что “наши нужи или которые земские нестроения”. Правильно поэтому некоторые исследователи называют Стоглавый собор не просто церковным, а “церковно-земским” собором».⁸ В другой раз С.Ф.Платонов говорит: «Одновременно с Казанскими походами Гроз-

¹ Носов Н.Е. Собор «примирения» 1549 года... С. 36.

² Шмидт С.О. 1) Становление российского самодержавства... С. 169–170; 2) У истоков российского абсолютизма... С. 192–193.

³ Шмидт С.О. 1) Становление российского самодержавства... С. 170; 2) У истоков российского абсолютизма... С. 192.

⁴ Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного... С. 337–338.

⁵ См.: Лебедев Н. Стоглавый собор 1551 г. С. 45; Бочкарев В. Стоглав и история собора 1551 года. С. 78–79; Жданов И.Н. Сочинения. Т. I. С. 175 (прим. 3); Шмидт С.О. 1) Становление российского самодержавства... С. 179; 2) У истоков российского абсолютизма... С. 202; 3) Россия Ивана Грозного. М., 1999. С. 54.

⁶ См.: Жданов И.Н. Церковно-земский собор 1551 г.// Исторический вестник. 1880, февраль.

⁷ Дьяков М. Очерки общественного и государственного строя древней Руси. СПб., 1912. С. 454–455.

⁸ Платонов С.Ф. Иван Грозный. С. 56.

ного шла его внутренняя реформа. Начало ее связано с торжественным “собором”, заседавшим в Москве в 1550–1551 годах. Это не был земский собор в обычном смысле этого термина <...>. Как показал впервые И.Н.Жданов, в Москве заседал тогда собор духовенства и боярства по церковным делам и “земским”». ¹

Некоторые видные советские ученые также соглашались с терминологией И.Н.Жданова. С.О.Шмидт, например, говорил: «Стоглавый собор, по содержанию своей работы и по составу напоминавший собор весны 1549 г., еще И.Н.Жданов и М.А.Дьяконов с полным основанием называли церковно-земским». ² Называл церковно-земским Стоглавый собор и Н.Е.Носов. ³ Знарок истории соборов в России XVI–XVII веков Л.В.Черепнин полагал «достаточно обоснованным наименование, данное И.Н.Ждановым Стоглавому собору: церковно-земский». ⁴ Были, конечно, и оппоненты, возражавшие против такого наименования.

К ним относился В.Н.Латкин, отвергавший название «церковно-земский» по отношению к Стоглавому собору. Суть его возражений сводилась к тому, что, во-первых, церковно-земский собор, как и земский, предполагает присутствие всех сословий, чего не было на Стоглаве, во-вторых, земские вопросы решались и на других церковных соборах, вследствие чего их тоже следовало бы именовать церковно-земскими, что не правомерно. ⁵ Второй довод В.Н.Латкина показался В.В.Шапошнику особенно привлекательным. ⁶ И он, подобно Латкину, не нашел «убедительных причин считать Собор 1551 г. церковно-земским». ⁷

Своими сомнениями насчет термина «церковно-земский» применительно к Стоглавому собору поделилась Т.Е.Новицкая. В обращении государя к собору она обнаружила не только духовенство, но и князей, бояр, воинов, православное христианство, что заставило ее подумать, «о каком соборе здесь идет речь. И.Н.Жданов и многие другие авторы видят в соборе 1551 года церковно-земский собор, а в Стоглаве – один из документов, принятых на этом соборе». Однако, замечает Т.Е.Новицкая, «обращение царя к князьям, боярам и народу в целом можно рассматривать и как публицистический прием». ⁸ Верно: можно рассматривать. Но можно и не рассматривать. Следовательно, тут все амбивалентно.

¹ Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. СПб., 1907. С. 144.

² Шмидт С.О. 1) Становление российского самодержавства... С. 181; 2) У истоков российского абсолютизма... С. 204.

³ Носов Н.Е. Становление сословно-представительных учреждений в России... С. 72.

⁴ Черепнин Л.В. Земские соборы русского государства... С. 81.

⁵ Латкин В.Н. Лекции по внешней истории русского права. С. 73–74. См. также: Кононов Н. Разбор некоторых вопросов, касающихся Стоглава // Богословский вестник. 1904, апрель.

⁶ Шапошник В.В. Церковно-государственные отношения в России. С. 154.

⁷ Там же.

⁸ Российское законодательство X–XX веков. В девяти томах. Т. 2. М., 1985. С. 409.

Тем не менее надо признать, что именование Стоглавого собора *церковно-земским*, действительно, порождает сомнения, особенно с точки зрения характера соборных решений. В этом плане Собор 1551 года выступает не в качестве совещательного органа, каковым преимущественно являлся каждый земский собор XVI века, а как высший законодательный орган государства, с одной стороны, и как высшая церковная инстанция – с другой. Вот почему мы предлагаем его называть не *церковно-земским*, а *церковно-государственным* собором и видеть в нем важнейший элемент русской государственности середины XVI века, возведенной на основе единения церкви с государством.

На эту особенность Стоглавого собора обратили внимание еще досоветские историки. «Церковный собор XVI–XVII вв., – писал Н.Ф.Каптерев, – это орган, при посредстве которого царь осуществлял свои верховные права».¹ Однако наиболее, на наш взгляд, проникательные суждения о Стоглавом соборе принадлежат И.В.Беляеву и А.Я.Шпакову. По словам И.В.Беляева, «Стоглав – образец сближения государственного и церковного права». Это сближение «так многосторонне и так тесно, что лучшего образца, по которому бы мог историк составить понятие об отношении на Руси церкви и государства в XVI в., трудно и найти».² Весьма примечательны наблюдения А.Я.Шпакова, который обнаружил в Стоглаве «обильнейший материал, освещающий отношение государственной власти и церкви». Исследователь усматривал в Стоглавом соборе – «кульминационный пункт теократического характера Московского государства, когда государство и церковь, слитые в единой организации, осуществляют совместную также единую программу».³

Таким образом, перед нами высший законодательный церковно-государственный орган, только что возникший в итоге формирования Святोरусского царства. Церковь и государство сошлись в этом царстве, образовав единство, составившее фундамент государственного здания России того и последующего времени. Вряд ли нужно распространяться о том, сколь благодатным для обеих сторон и для России в целом был этот редчайший в истории религиозно-политический альянс. Заметим только, что церковь, соединяясь с государством, получала мощную ограду от врагов внешних и внутренних, что было чрезвычайно важно в условиях, когда соседние западноевропейские страны раздирали ереси. В свою очередь государство, оцерковляясь, обновляло и умножало собственные силы, а посредством церковной организации проникала в глубокие сферы народного бытия, преобразуясь в государствен-

¹ Каптерев Н.Ф. Царь и церковные московские соборы XVI–XVII столетий // Богословский вестник. 1906, декабрь. С. 631.

² Беляев И.В. Об историческом значении деяний Московского собора 1551 г. // Русская беседа. Ч. 4. М., 1858. С. 8.

³ Шпаков А.Я. Стоглав (К вопросу об официальном и неофициальном происхождении этого памятника) // Сборник в честь профессора М.Ф.Владимирского-Буданова. Киев, 1904. С. 306. См. также: Писаревский Н. Значение Стоглавого собора в истории русской церкви // Богословский вестник. 1895, июнь.

ную систему, блестяще обрисованную в свое время Л.А.Тихомировым и И.Л.Солоневичем.¹ Что касается России, то ее величие и особая роль в мировой истории в значительной мере определялись союзом самодержавия с православной церковью.

Возвращаясь к Стоглавому собору, засвидетельствовавшему единство православной церкви и русского самодержавства, заметим, что такой ход событий не устраивал реформаторов, потерпевших, несмотря на некоторые тактические успехи, общее стратегическое поражение. Рушились их планы по переустройству православной церкви на реформационный лад и преобразованию русского самодержавия в ограниченную монархию западного типа. Чем они ответили на это поражение?

Прежде всего реформаторы приступили к чистке иерархов православной церкви, причем не медля² и не разбираясь в средствах. Иван Грозный впоследствии вспомнит о жестоких гонениях, которым Сильвестр и Адашев подвергали церковных деятелей.³ В частности, царь расскажет о том, как по их наущению был избит камнями сторонник иосифлян Феодосий,⁴ епископ коломенский, согнанный с престола: «Гонения же аще на люди воскладаете: вы ли убо с попом и с Алексеем не гонили? Како убо епископа Коломенского Феодосия, нам советна, народу града Коломны повелесте камением побити? И его Бог ублюде, и вы его со престола прогнали».⁵ Данное свидетельство примечательно не только тем, что содержит упоминание о факте низложения коломенского владыки, но еще и тем, что позволяет составить представление о возможностях Сильвестра и Адашева, способных управлять поведением населения целых городов.

* * *

Попутно наступлению на русское самодержавство и апостольскую церковь реформаторы вели подкоп под православную веру. Они, судя по всему, поощряли еретиков, способствуя оживлению их деятельности после Стоглавого собора. Ересь приобрела столь широкий размах, что потребовалось созвать специальный церковный собор с целью суда над лицами, причастными к ней.

Особую опасность представляло проникновение ереси в верхние слои общества. Как и при Иване III, она просочилась в Кремль, где ее средоточи-

¹ См.: Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. СПб., 1992; Солоневич И.Л. Народная монархия. М., 2002.

² См.: Зимин А.А. 1) И.С.Пересветов и его современники... С. 47; 2) Реформы Ивана Грозного... С. 388–389; 2) Крупная феодальная вотчина... С. 301–302; Скрынников Р.Г. Начало опричнины. С. 88.

³ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 40.

⁴ Зимин А.А. 1) Реформы Ивана Грозного... С.382; 2) Крупная феодальная вотчина... С. 302, 303, 307 (прим. 143). См. также: Корецкий В.И. Новые послания Зиновия Отенского // ТОДРЛ. Т. XXV. М.; Л., 1970. С. 120.

⁵ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 40.

ем стал двор князей Старицких.¹ Как и при Иване III, воздействию еретических учений подверглись люди, правившие страной, на сей раз Сильвестр, Адашев, Курбский и др. Свое сочувственное отношение к ереси (а тем более причастность к ней) эти люди держали в глубокой тайне. И только по некоторым косвенным сведениям, намекам и отрывочным данным источников можно догадываться об этой потаенной стороне их жизнедеятельности. Возьмем для начала Сильвестра.

Со слов Ивана Висковатого мы заключаем, что поп Сильвестр «ссылался» и был «в совете» с еретиками Матвеем Башкиным и старцем Артемием.² Мы знаем также, что Сильвестр отрицал свою связь с еретиками.³ Однако иначе он поступить не мог. В противном случае ему пришлось бы разделить судьбу с осужденными церковным собором 1553–1554 гг. отступниками от православной веры, закончив свой век в какой-нибудь монастырской темнице. Помимо этого общего соображения, есть и другие основания для сомнений в правдивости Сильвестра. И уж никак нельзя не замечать обстоятельств, вводивших благовещенского попа в круг достаточно специфических связей. Сильвестр, как известно, был в приятельных отношениях со старицкими князьями, родственники которых дворяне Г.Т.Борисов и его брат И.Т.Борисов-Бороздин входили в еретический кружок Матвея Башкина.⁴ Борисовы, будучи троюродными братьями княгини Ефросиньи Старицкой, занимали видное положение при дворе удельного старицкого князя Владимира Андреевича.⁵ По резонному мнению Р.Г.Скрынникова, «трудно предположить, чтобы кн. Е.Старицкая не была осведомлена о “вольномудстве” своих братьев и придворных». Не менее трудно предположить и другое, а именно, что Сильвестр, этот давний доброхот семьи Старицких, не имел никакого понятия насчет еретичества братьев Борисовых. Но коль так, то логично допустить, что посредством этих родичей княгини Ефросиньи он мог установить связь с Матвеем Башкиным. Чем привлекали Сильвестра и его сотоварищей дворяне Борисовы и сын боярский Башкин?

Надо полагать, не только своими еретическими увлечениями, но и тем, что это были военные, служилые люди, которые, являясь еретиками и в силу того оппозиционерами существующей власти, могли использоваться временщиками в нештатных, так сказать, придворных ситуациях, как это, к примеру, имело место в марте 1553 года, когда острейшим образом встал вопрос о престолонаследии. Летописец, повествуя о мартовских событиях 1553 года, сообщает о привлечении к разрешению возникшего вследствие тяжелой бо-

¹ См.: *Скрынников Р.Г.* Начало опричнины. С. 102–103.

² ААЭ. Т. I, № 238. С. 246. См. также: *Зимин А.А.* И.С. Пересветов и его современники... С. 172, 174; *Грбовский А.Н.* Иван Грозный и Сильвестр (История одного мифа). С. 34.

³ ААЭ. Т. I, № 238. С. 246.

⁴ См.: *Зимин А.А.* И.С. Пересветов и его современники... С. 170; *Скрынников Р.Г.* Начало опричнины. С. 102.

⁵ *Зимин А.А.* И.С. Пересветов и его современники... С. 170; *Скрынников Р.Г.* Начало опричнины. С. 102.

лезни Ивана IV династического кризиса детей боярских, служивших старицким князьям. Едва ли братья Борисовы-Бороздины находились в стороне от борьбы своих родичей-сюзеренов за московский престол, развернувшейся в те памятные мартовские дни. Что касается Матвея Башкина, несшего службу в Москве,¹ то ему удалось собрать вокруг себя значительную, по всей видимости, группу служилых людей и приобщить их к ереси, о чем узнаем из соборной грамоты в Соловецкий монастырь, где говорится о том, как «еретик и отступник» Матвей Башкин «начат своих единомысленников пред Царем на соборе с очей на очи обличати; единомысленицы же его начат запирались, неции ж от них и сами сказали на себя, что святым иконам не поклонялись да и уложили перед сего под Казанью, что и впредь святым иконам не поклоняться».² Данное свидетельство, недостаточно оцененное исследователями, указывает на участие единомысленников Башкина в Казанском походе 1552 года в качестве, несомненно, «воинников», т.е. служилых людей. Даже во время похода они не прекращали своих тайных собраний, однажды условившись «и впредь иконам не поклоняться». К этому их побудило, очевидно, то обстоятельство, что в походах на иноверных поклонению святым иконам придавалось особенно важное значение, тем более в таком победоносном, каким стал поход 1552 года. Быть может, под впечатлением такого рода иконного моления присутствующие в русском войске еретики во главе с Матвеем Башкиным подтвердили вновь и сообщая свое негативное отношение к иконам. На Башкина, как и на Борисовых-Бороздиных, поп Сильвестр мог смело положиться.

Довольно правдоподобным выглядит предположение А.А.Зимина относительно того, что в марте 1553 года кружок Матвея Башкина «поддерживал кандидатуру старицкого князя Владимира»,³ действуя, следовательно, соответственно планам Сильвестра и стоявшей за ним Избранной Рады. Кстати сказать, А.А.Зимин отмечает близость Башкина к деятелям «правительства компромисса», т.е. Избранной Рады.⁴ Он же говорит о близости Сильвестра к еретикам.⁵ Как видим, для Сильвестра, Адашева и других «реформаторов» еретики были естественными союзниками.

Иван Висковатый не только указывал на связь Сильвестра с еретиками Матвеем Башкиным и Артемием, но и прямо уличал его в ереси, проявленной им в подборе икон и аллегорических изображений на библейские сюжеты для Благовещенского собора и царских палат в Кремле. В «жалобнице»,

¹ См.: Зимин А.А. И.С.Пересветов и его современники... С. 169–170; Скрынников Р.Г. Начало опричнины. С. 102; Назаров В.Д. К истории церковных соборов и идейно-политической борьбы в России первой половины XVI в. // Церковь, общество и государство в феодальной России. Сб. статей. М., 1990. С. 206; Шапошник В.В. Церковно-государственные отношения в России... С. 215.

² ААЭ. Т. I, № 239. С. 250–251.

³ Зимин А.А. И.С.Пересветов и его современники... С. 171. Ср.: Шапошник В.В. Церковно-государственные отношения в России... С. 215, 216.

⁴ Зимин А.А. И.С.Пересветов и его современники... С. 169.

⁵ Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. С. 81.

поданной митрополиту Макарию и «всему освященному собору» на посольского дьяка, сам Сильвестр говорил об этом так: «Да писал (Висковатый. — И. Ф.), что яз из Благовещенья образы старинные выносил, а новые своего мудрования поставил, да в жертвеннике от своего же умышления престол сделал, сказывает нигде того нет, да иные иконы писаны не по существу, как что в грамоте писано, да и в полате де притчи писаны не по подобию».¹ Далее Сильвестр напоминал: «Что о иконах Иван писал и то, государь святой Митрополит и весь освященный собор, ведомо: был, по грехом, великий пожар в сем царствующем граде Москве и все освященные церкви и честныя иконы, и царьский двор, и полаты, и многие стяжанья и посады все, огнем погорели, и Государь православный Царь сам жил в Воробьеве; а розослал по городом по святыя и честныя иконы, в Великий Новгород, и в Смоленск, а в Дмитров, и в Звенигород, и из иных многих городов многия чудныя святыя иконы свозили и в Благовещенье поставили на поклонение цареву и всем християном, доколе новые иконы напишут; и послал Государь по иконописцов в Новгород и во Псков и в иные города, и иконники съехались, и Царь Государь велел им иконы писати, кому что приказано, а иным повелел полаты подписывати и у града над враты Святых образы писати; и я, доложу Государя Царя, велел есми Новгородским иконником написати святую Троицу Живоначальную в Деяниях, да Верую во единого Бога Отца, да Хвалите Господа с небес, да Софию Премудрость Божию, да Достойно есть, а перевод у Троицы имали иконы, с чего писали, да на Симонове; а Псковские иконники, Останя, да Яков, да Михайло, да Якушко, да Семен Высокой Глагол с товарищи, отпросилися во Псков, и ялися тамо написати четыре болшия иконы: 1 Страшной Суд, 2 Обновление храма Христа Бога нашего Воскресения, 3 Страсти Господни в евангельских притчах, 4 икона, на ней четыре праздники: И почи Бог в день седмый от всех дел своих, да Единородный Сын Слово Божие, да Придете людие трисоставному Божеству поклонимся, да Во гробе плотски; и как иконописцы иконы написали, Деисус, и праздники, и пророки, и местныя болшия иконы, и те иконы, которыя во Пскове писаны, привезли же в Москву...».²

И вот едва новые иконы стали доступны взору проходящих в храм православных христиан, как разразился большой скандал. Иван Висковатый стал с великим шумом («вопил») и прилюдно обвинять Сильвестра, руководившего работами по написанию икон и росписей,³ в еретическом отступлении от канонов иконного письма. Е.Е.Голубинский по этому поводу замечал: «Когда иконы были написаны и поставлены в соборе и когда начали ходить смотреть их, Висковатый нашел, что многие из них представляют собою нововводное и противное соборным правилам об иконописании измышление. Он полагал, что 7-й вселенский собор не позволяет писать на иконах ничего, кроме образа Спасителя по плотскому Его смотрению или виду, кроме распятия Господня и кроме образов Богородицы и святых, т.е. ничего,

¹ ААЭ. Т. I, № 238. С. 246.

² Там же. С. 247.

³ Смирнов И.И. Очерки... С. 232, 251.

кроме, так сказать, исторических, воспроизводящих реальную действительность портретов; между тем на новых иконах изображены были: Бог Отец или Господь Саваоф по видению пророка Даниила в виде седовласого старца; святая Троица в виде трех ангелов; Спаситель символически в нескольких видах – в виде ангела с крыльями, сидящего на верху креста в доспехе, в виде молодого юноши, облеченного в броню и имеющего в руке меч, в виде царя Давида; Дух святой в образе голубя, и целые сюжеты многих икон представляли взятое не из мира вещественно-видимого, таковы иконы: Предвечный совет, Почи Бог от дел своих, Единородный Сын, Слово Божие, Приидите людие триипостасному божеству поклонимся, Верую во единого Бога, написанное при том в двух различных видах (в церкви в одном виде, на паперти в другом) и некоторые другие».¹ Висковатый был убежден в том, что через новые иконы Сильвестр распространял ересь Башкина и Артемия: в изображении Христа в виде ангела он усматривал отрицание равенства Иисуса Христа с Богом Отцом, а изображение Иисуса на кресте со сжатыми дланями (а не раскрытыми) и с ослабленными руками (а не вытянутыми по кресту прямолинейно) воспринимал как «мудрование тех, которые утверждали, что Он (Иисус Христос) не очистил нас от греха и которые считали его за простого человека».² Сколь обоснованы были обвинения Ивана Висковатого? Не являлись ли они надуманными и несправедливыми? Историки по-разному отвечают на эти вопросы.

Некоторые исследователи полагали, что Висковатый переусердствовал по части бдительности, зря волновался и будоражил народ, выдавая кажущееся ему за действительное. Именно в этом ключе рассуждал митрополит Макарий (Булгаков): «Так как некоторые из новых икон, особенно в придворной Благовещенской церкви, непохожи были на те, какие прежде в ней были и к которым все привыкли; так как одного из священников этой церкви, Сильвестра, по распоряжению которого и писаны новые иконы, Висковатый подозревал в единомыслии с Артемием, а другого священника, Симеона, признавал духовником Башкина, то пришел к мысли, не приведены ли в новых иконах под видимыми образами еретические мудрования. Увлечшись такою мыслию, Висковатый начал критиковать новые иконы, порицал их вслух всего народа к соблазну православных...».³ Современный ученый-историк А.А.Зимин отнес высказывания Висковатого относительно новых икон к разряду домыслов.⁴

Однако еще Е.Е.Голубинский говорил: «Висковатый был прав и ошибался только в том, что ссылался на 7-й вселенский собор. Не 7-й вселенский собор, а отчасти 6-й вселенский собор, главным же образом отцы и учителя церкви, прежде и после 7-го вселенского собора защищавшие иконопочитание от иконоборцев, указывая цель и назначение икон и отстраняя деланные

¹ Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. II. Первая половина тома. С. 841–942.

² Там же. С. 842.

³ Макарий (Булгаков). История русской церкви. Кн. IV. Ч. I. М., 1996. С. 146.

⁴ Зимин А.А. И.С.Пересветов и его современники... С. 48.

против них возражения, говорят, что иконы должны быть изображением действительных лиц и действительных событий, так чтобы иконописание представляло из себя в строгом смысле слова живопись историческую (было так сказать историей в красках)».¹

А.В.Карташев, отмечая излишнюю подозрительность Ивана Висковатого, вместе с тем признал, что Висковатый правильно указал на «самоограничительную черту вероопределения VII Всел. Собора. Под давлением иконоборческой критики отцы собора в защите иконопочитания вообще оперлись на не потрясаемую основу. А именно: – на догмат боговоплощения, на веру в реальность (а не монофизистскую призрачность) человеческой природы во Христе. Христос евангельский и вся его видимая земная история есть бесспорный предмет наглядного изображения в формах пластических искусств. В 52 правиле Трулльского собора (692 г.) этот “исторический” реализм иконописания заостряется даже до прямого запрещения изображать Христа в образе агнца, ибо символ агнца относится к “сеням и прообразам” минувшего “закона”. Мы уже должны “предпочитать исполнение закона, благодать и истину”, и потому Христа “на иконах представляти по человеческому естеству, вместо ветхаго агнца”. Таким образом, придирчивая критика Висковатого права в ссылке на букву древних правил. Но предпосылки последних – зримый исторический факт – может толковаться и более расширенно. Напр., явление Св. Троицы Аврааму в виде трех странников, которых он угощал обедом. Хотя это было и видение, но для Авраама оно было осязательным ярким фактом. И знаменитый инок Андрей Рублев, пиша свою знаменитейшую Троицу, ни минуты не колебался, что будто бы он этим нарушает запреты вселенских соборов. Следовательно, и в восточной иконографии была тенденция широкого истолкования соборной директивы. Но все-таки вопрос об иконном изображении библейских сновидений и апокалиптических видений являлся новым, исторической практикой непредвиденным. Здесь художество западных христиан пошло дальше привычек Востока. И протест Висковатого становится понятным, не только как симптом русской склонности к обрядоверию, но и как чуткая ревность о чистоте православия в атмосфере XVI века, насыщенной электричеством протестантизма и свободомыслия».² Признав факт нарушения в некоторых возобновленных иконах и фресках правил иконографии, принятых отцами церкви, А.В.Карташев воздержался от каких-либо специальных замечаний по существу кураторской деятельности Сильвестра, но при этом дал понять, что не верит обвинениям Ивана Висковатого, хотя и не сомневается в искренности последнего: «Во встревоженной атмосфере Москвы даже друг митр. Макария, протопоп Сильвестр, мог показаться подозрительным для Висковатого, потому что Сильвестр внешне дружил с Артемием. А Благовещенский Симеон долго возился с Башкиным. Как только коалиция упрощенных московских консерваторов подняла шум и около Башкина и около Артемия, Виско-

¹ Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. II. Первая половина тома. С. 843–844.

² Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. Т. I. М., 1993. С. 514–515.

втому даже искренне могло показаться, что попустительство Сильвестра иконографическому новаторству псковичей может быть связано с еретической отравой, идущей с Запада».¹

Недвусмысленную позицию в данном вопросе занимает новейший исследователь И. Граля: «Обоснованность выводов посольского дьяка не подлежит сомнению в свете развернувшейся более чем век спустя реформаторской деятельности патриарха Никона. Лучше всего доказывают это постановления московского собора 1667 г., категорически запретившие какие бы то ни было изображения Бога-Отца, а также любые символические и ирреальные образы».² Хотя Висковатого и осудил церковный собор, «дальнейшее развитие религиозной дискуссии, ведущейся вокруг иконописи, показало, что дьяк в большинстве вопросов был ближе к истине, чем собор и митрополит».³ Правоту Висковатого историк видит, прежде всего, в установленной посольским дьяком неканоничности ряда икон, тогда как его обличения Сильвестра в ереси всерьез не принимает: «Внесенные на обсуждение собора в атмосфере нараставшей подозрительности откровения Висковатого носили характер публичного обвинения Сильвестра и Симеона в пособничестве ереси. Свидетельство незаурядного советника монарха могло иметь пагубные последствия для обоих обвиняемых, но проведенное расследование обвинений не подтвердило».⁴

Таким образом, исследование «дела Висковатого» показывает, что в иконах, поставленных вновь после «великого пожара» 1547 года в Благовещенском соборе под присмотром попа Сильвестра, таких как «Предвечный Совет», «Почи Бог от дел своих», «Придите людие, Триипостасному Божеству поклонимся», «Верую во Единого Бога», «Единородный Сын» и др., запечатлено явное отклонение от канонической иконописи, характеризующее произвольным аллегоризмом, небезопасным для чистоты православной веры. Особенно это касалось изображения Иисуса Христа в виде ангела, юноши и царя Давида, а также в принципе – изображения Троицы в виде трех ангелов. Вообще же надо сказать, что новая иконография тяготела к Ветхому Завету, к пророческим образам.⁵

Поражали вольностью своей и росписи. На фресках Благовещенского собора среди христианских святых были изображения Гомера, Демокрита, Платона, Аристотеля, Анаксагора, Вергилия и др. Любопытен портрет Аристотеля, держащего в руках развернутый свиток с надписью: «Первые Бог, потом Слово и Дух, а с ним едино».⁶ Не исключено, что данная надпись – поправка к начальной фразе Евангелия от Иоанна («В начале было Слово и

¹ Там же. С. 515.

² Граля И. Иван Михайлов Висковатый... С. 433.

³ Там же. С. 434.

⁴ Там же. С. 125.

⁵ См.: Скрынников Р.Г. Государство и церковь на Руси... С. 250.

⁶ История русского искусства. Т. 3. М., 1955. С. 554; Мнёва Н.Е. Монументальная и станковая живопись // Очерки русской культуры XVI века. Ч. II. М., 1977. С. 314.

Слово было у Бога, и Слово было Бог»¹). Если это так, то Аристотель здесь не только приобщен к сонму православных святых, но и чуть ли не возведен в апостольский ранг, что являлось еретической выходкой, направленной против христианства.

Еще более показательны в данном отношении слова упомянутой только что нами поправки к начальной фразе Евангелия от Иоанна, искажающей канонический евангельский текст. Но существо дела здесь не столько в искажении евангельского текста, сколько в раскрытии Троицы как *последовательного* единства Божия (сначала Бог, а потом Слово и Дух), что не вполне соответствовало христианскому учению, поскольку в Святой Троице «ничтоже первое или последнее, ничтоже более или менее, но целы три ипостаси, соприисносущны себе и равны».² Что скрывалось за этой дышащей ветхозаветной древностью новацией, запечатленной росписью Благовещенского собора, догадаться нетрудно. То была получившая распространение на Руси в рассматриваемое время антитринитарная ересь.

Вполне закономерен вопрос, где искать источник иконографических и фресковых нововведений и что можно сказать об отношении к ним Сильвестра. Исследователей больше занимал первый вопрос, нежели второй.

Согласно Е.Е.Голубинскому, греческие иконописцы давно вышли на свободу творчества за пределы, очерченные вселенскими соборами и отцами церкви. Поэтому «значительной части икон, против которых восставал Висковатый, могли быть указаны многочисленные существовавшие образцы, каковое указание и сделал митрополит в своем ответе Висковатому. Греческих образцов некоторых икон митрополит не мог указать, потому что иконы, т.е. сюжеты, были заимствованы новгородскими иконописцами от живописцев западных».³

А.В.Карташев, говоря о виртуозности и новизне «иконных комбинаций» новгородско-псковских иконописцев, замечал, что источник этих комбинаций «история русского искусства без труда открыла в образцах иконописи и живописи германской. Доступным средством ознакомления наших пограничных с Западом псковских мастеров явилась тогдашняя уже печатная немецкая гравюра. Псковичи набросились на новинки и не без творческой оригинальности внесли много новизны в графику, в краски и особенно в самые иконные сюжеты в стиле богословских аллегорий. До сих пор сохранившаяся иконостасная живопись Благовещенского собора, хотя и правленая, бросается в глаза своей непривычной для старой Москвы вычурностью».⁴

По словам Р.Г.Скрынникова, «XVI век – время перелома в русском иконописании, и раньше всего этот перелом сказался в Новгороде и Пскове. Прежнее иконное письмо, сложившееся под влиянием византийской школы,

¹ См.: Малинин В.А. Русь и Запад. Калуга, 2000. С. 343.

² Полный православный богословский энциклопедический словарь. Т. II. М., 1992. Стб. 2179.

³ Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. II. Первая половина тома. С. 844.

⁴ Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. Т. I. С. 514.

пришло в упадок. В живописи появились новые темы и композиции, все более сказывалось увлечение декоративным символизмом. Икона стала изображать скорее идеи, чем лики. Она превращалась в иллюстрацию к библейским и апокрифическим текстам. И в этом случае Новгород оказался подвержен западным влияниям в большей мере, чем Москва. Висковатый уловил перемену и решительно восстал против нее...».¹

Итак, следует согласиться с учеными, выявившими два источника новшеств в иконографии и росписях Благовещенского собора и царских палат середины XVI века – восточный (православный) и западный (католический и протестантский). Но это общее определение нуждается в некоторых комментариях. Начнем с восточных образцов иконописания.

Немало икон, вызвавших протест у Ивана Висковатого, действительно, имели аналоги в восточной иконописи, стремившейся выйти на свободу творчества за рамки предписаний вселенских соборов и отцов церкви. Были у авторов этих икон и отечественные образцы, в частности Святая Троица Андрея Рублева, изображенная в виде трех ангелов. Стоглавый собор, как известно, велел иконописцам писать иконы с восточных образцов, не вникая особенно в их детали и тонкости, а также безоговорочно следовать творчеству Андрея Рублева и других прославленных русских мастеров: «Писати живописцом иконы з древних образов, как греческие живописцы писали и как писал Андрей Рублев и прочии преславуции живописцы, и подписывати “Святая Троица”, а от своего замышления ничто же предворяти».² Это правильное в своей основе соборное предписание, сформулированное, так сказать, в абстрактном плане, не учитывало должным образом специфики религиозной ситуации, сложившейся на Руси середины XVI века, – подъема еретических движений, затронувших практически все слои русского общества. В обстановке религиозного замешательства древние образцы греческой иконографии, выполненные в духе свободного творчества (т.е. с нарушением установленных канонов), приобретали значение прецедентов, которыми умело пользовались противники православной веры, внося в написание икон новые антихристианские элементы и прикрываясь при этом иконописной традицией. В результате эта традиция, наполняясь новым содержанием, лишь по форме являлась традицией, тогда как по сути не была таковой. То же самое можно сказать и об иконописи Андрея Рублева, в частности о его замечательной Троице. А.В.Карташев был, безусловно, прав, когда говорил о том, что Андрей Рублев, создавая свою знаменитую Троицу, «ни минуты не колебался, что будто бы он этим нарушает запреты вселенских соборов».³ Не колебались тут, по всей видимости, и современники великого иконописца, жившие в конце XIV – начале XV века. Но в середине XVI века, во время еретических шатаний в русском обществе, представлявших для православия серьезную угрозу, пример Рублева мог служить и служил, как это видно

¹ Скрынников Р.Г. Государство и церковь на Руси... С. 250.

² Емченко Е.Б. Стоглав. Исследование и текст. С. 304.

³ Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. Т. 1. С. 515.

в случае с Благовещенским собором, прикрытием для иных целей. Полагая, что обо всем этом необходимо помнить при рассмотрении восточных и отечественных источников кремлевской иконографии середины XVI века.

Что касается западных источников этой иконографии, то их нельзя, на наш взгляд, сводить к одному лишь новаторству новгородских и псковских иконописцев, заимствовавших иконописные сюжеты у живописцев Западной Европы. Подобное заимствование, несомненно, имело место. Но нельзя забывать и того, что некоторые «консультанты» по части сюжетного оформления икон находились не на Западе, а в России – в Москве и даже в Кремле. То были еретики, с видными представителями которых Сильвестр, руководивший иконописными и расписными работами, был «советен». Вместе с ними или под их влиянием (в принципе это неважно) Сильвестр ввел в кремлевскую живопись еретические мотивы. И дьяк Иван Висковатый, обладавший по тогдашним временам незаурядной богословской эрудицией, сразу почуял тут неладное. Не так уж он был не прав, заподозрив, что через новые иконы проводятся еретические идеи. Так, в изображении Иисуса Христа ангелом он увидел отрицание равенства Христа с Богом,¹ что являлось характерным для еретиков, отдававших предпочтение ветхозаветному Богу. Нетипичные для православной веры особенности изображения Спасителя на кресте не без основания показались ему «мудрованием», за которым скрывалась ересь, отвергавшая божественную природу Христа и считавшая его простым человеком.² Порождала известные сомнения и благовещенская икона «Троица» с ее несколько грузными (очеловеченными в стиле Ренессанса) ангелами и помещенным на втором плане двухэтажным зданием, «в архитектуре которого прослеживаются черты западного Возрождения».³

Сильвестр, отводя обвинения Ивана Висковатого, выдвигал два основания своей невиновности: написание икон по древним образцам и одобрение их царем Иваном и митрополитом Макарием «со всем освященным собором». Особенно он напирал на последнее обстоятельство: «И те иконы, которые во Пскове писаны, привезли же на Москву, и Царь и Государь те старые привозные иконы честно проводил со честными кресты и молебная совершал Митрополит со всем освященным собором <...> а в Благовещение и во Архангеле и у вознесенья новые иконы Царь и Государь велел поставляти, а о которых святых иконах Иван соблажняется, да что в полате въ притчи писаны, ино святой Митрополит государь, и святые владыки, и архимандриты, игумены и протопопы, и протодиаконы, и весь освященный собор, ведает...».⁴ Эта оплошность, допущенная царем и митрополитом, спасла, по всей видимости, Сильвестра. В противном случае, т.е. в случае признания справедливости обвинений Висковатого, Иван IV и Макарий оказались бы в весьма щекотливом положении. Вот почему не стоит говорить, будто митро-

¹ Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. II. Первая половина тома. С. 842.

² Там же.

³ Мнёва Н.Е. Монументальная и станковая живопись. С. 315.

⁴ ААЭ. Т. I, № 238. С. 247.

полит Макарий защитил Сильвестра от нападок Висковатого.¹ Макарий защитил себя, свой престиж и авторитет как главы русской церкви. Сильвестра не так-то просто было взять, ибо его влияние тогда являлось, по словам Р.Г.Скрынникова, «неколебимым. Молодой государь слушал его как наставника. К тому же Сильвестр пользовался особым покровительством семьи удельного князя Владимира Андреевича».² И все же собор, даже осудив Висковатого, согласился с отдельными его замечаниями и «приказал сообразно им исправить иконы».³ Примечательно и то, что митрополит Макарий так и не смог указать на старые греческие иконы, послужившие образцами при написании некоторых новых икон.⁴ Тем не менее он не принял сторону Ивана Висковатого. Означает ли это, что митрополит был убежден в религиозной чистоте Сильвестра? Вряд ли. Кое-что в данном отношении проясняет современное тем событиям публицистическое сочинение – анонимная «Повесть некоего боголюбива мужа, списана при Макарье митрополите Царю и Великому Князю Ивану Васильевичу всей Руси, да сие ведяще, не впадете во злая сети и беззакония отъялых и прелщенных человек и губительных волков, нещадыще души, ей же весь мир не достоин, прочетше же сие, человецы, убойтесь чары и волхования, творяще скверная Богу, и грубая и мерская и проклятая дела».⁵

По мнению П.А.Садикова, «Повесть некоего боголюбивого мужа... царю и великому князю Ивану Васильевичу всей Руси» вышла из литературного окружения митрополита Макария.⁶ Весьма вероятно, что к созданию «Повести» имел «прямое отношение Макарий».⁷ Хотя она «непосредственно адресовалась Ивану IV»,⁸ но предназначалась широкому кругу читателей, что явствует из слов ее заголовка «прочетше же сие, человецы, убойтесь чары и волхования, творяще скверная Богу...». Это позволяет рассматривать «Повесть» как памятник религиозно-политической борьбы в России середины XVI века.

Ф.И.Буслаев в своих примечаниях к «Повести» замечал: «Эта повесть замечательна по намекам на грозный нрав и дела Иоанна IV <...>. Враждовавшие в его царствование партии выступают и в повести. Главная завязка ее – чародейство, которого, как исторически известно, сильно боялся Иоанн».⁹

Согласно П.А.Садикову, «все сочинение било на веру царя в колдовство и под видом советников-чародеев призрачно разумело его сотрудников по

¹ Кобрин В.Б., Лурье Я.С. Комментарий // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979. С. 392.

² Скрынников Р.Г. Государство и церковь на Руси... С. 251.

³ Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. II. Первая половина тома. С. 844.

⁴ Там же.

⁵ Буслаев Ф.И. Историческая хрестоматия церковно-славянского и древнерусского языков. М., 1861. Стб. 877–882.

⁶ Садиков П.А. Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950. С. 11.

⁷ Смирнов И.И. Очерки... С. 202.

⁸ Там же.

⁹ Буслаев Ф.И. Историческая хрестоматия... Стб. 882.

“избранной раде”, стремясь доказать необходимость для него и государства осуществления подлинного, ни от кого не зависимого “самодержавства”». ¹ Цель «Повести» П.А.Садиков видит в предостережении царя «от неверных “синклит” (советников), которые стали бы склонять его верить своим чародейским книгам». ²

Сходные суждения высказал И.И.Смирнов, считавший целью написания «Повести некоего боголюбивого мужа» воздействие на царя Ивана, чтобы побудить его «к борьбе против тех “синклитов”, т.е. бояр, которые являлись противниками усиления самодержавной власти Ивана IV». ³ При этом «основной огонь “Повести” направляет против “синклита чародея”, едва не погубившего вместе с своими “единомышленниками” некоего благочестивого царя». ⁴ Обратимся, однако, к самой «Повести».

В ней говорится о царе, благоверном, боголюбивом и милостивом, любившем суд и правду. Царство его изобиловало «всеми благими», а войны его «враги побеждаху, яко огонь пополающ лица противных». ⁵ И вот «прилучися некто у того благочестиваго царя синклит чародей зол и губитель муж, царем же он зело любим бе, и нача въ уши влагати ложная царю». ⁶ Этот чародей-советник собрал вокруг себя единомышленников и вместе с ними «нача ложная царю глаголати, и оклеветати неповинныя, и смути царя на людей, людей же на царя, и оскорби царь неповинных различными печалми, и сам от них печаль имяше и страхование...». ⁷ Все это живо напоминает первые годы царствования Ивана IV, призывавшего подданных к общественному примирению и согласию, напоминает образование при государе группы советников («синклита»), собранных любимцами царя Сильвестром и Адашевым, и усиление борьбы придворных партий, явившейся следствием деятельности данного «синклита», или Избранной Рады.

Советник-чародей, рассказывает «Повестъ», погубил бы царя окончательно, если бы того Бог не уберег. Особый интерес для характеристики «синклита чародея» представляет глас Божий, обращенный к царю: «Вспомяни, аз избрах тя царя, и преславна тя сотворих, ты же поругася мне, отступи от мене, и приложися к бесом, остави всемогущую мою помощь и силу, совокупися со враги креста моего, на нем же аз распялся за весь мир...» ⁸ Бог здесь – Иисус Христос. Следовательно, грех царя, поддавшегося влиянию «синклита чародея», состоял в отступничестве от Спасителя и утрате веры в животворящую силу Креста. Это есть как раз то, что присуще было еретикам в России конца XV – середины XVI века. Так автор «Повести» опосредованно, через царя, обвиняет советника-чародея «со единомышленными» в

¹ Садиков П.А. Очерки по истории опричнины... С. 11–12.

² Там же. С. 11.

³ Смирнов И.И. Очерки... С. 202.

⁴ Там же.

⁵ Буслаев Ф.И. Историческая хрестоматия... Стб. 877.

⁶ Там же. Стб. 878.

⁷ Там же. Стб. 879.

⁸ Там же. Стб. 880.

ереси. Причастность «синклита чародея» и его друзей к ереси подчеркивается способом расправы с ними: «Царь же прелщения их поведи епископу и всем людем бывшая от них, осуди их смертию, и повеле их всех пожечи огнем...».¹ Сожжению тогда подвергались, как известно, еретики.

Таким образом, «Повесть некоего боголюбивого мужа» позволяет сделать предположение о том, что митрополит Макарий и люди из его окружения испытывали немалые сомнения относительно религиозной чистоты Сильвестра и его единомышленников. Убежден был в чародействе Сильвестра и царь Иван Васильевич Грозный.

Князь Курбский в первом своем послании Грозному вопрошает: «Почто, царю, сильных во Израили побил еси <...> и на доброхотных твоих и душу за ты полагающих неслыханные от века муки и смерти и гоненья умыслил еси, изменами и чародейства и иными неподобными облыгая православных и тщася со усердием свет во тьму прелагати и сладкое горько прозывати?».² Здесь Курбский наверняка имел в виду и Сильвестра, невинно, как заявлял князь, пострадавшего от царя Ивана, подобно другим «доброхотным». Попутно заметим: сам Курбский сознавался, что наслышан о чудесах (чародействе), творимых Сильвестром, но только не знал-де, истинные ли то были чудеса или вымышленные с целью педагогического воздействия на молодого государя, чтобы вывести его «на стезю правую».³

Среди «доброхотных», коих Иван Грозный обвинял в чародействе, Курбский, по всей видимости, числил и Алексея Адашева, что явствует из третьего его послания Ивану, где читаем: «А еже пишеши, аки бы царицу твою очаровано и тебя с нею разлучено от тех предреченных мужей...».⁴ Нет сомнений, что «предреченные мужи» – это Сильвестр и Адашев.

По тем временам обвинить в чародействе – значит обвинить в еретичестве. Надо сказать, что мы располагаем редкими сведениями источников о религиозных предпочтениях Адашева, да и то они носят косвенный характер. Известно, например, его присутствие при доносе Сильвестра и благовещенского священника Симеона государю на сына боярского Матвея Башкина, впавшего в ересь. В челобитной митрополиту Макарию поп Сильвестр писал: «И как государь из Кирилова приехал и язъ съ Семионом то Царю Государю Великому Князю все сказали про Башкина, а Ондрей протопоп и Алексей Адашев то слышали жъ».⁵ Ересь Башкина, как мы знаем, Сильвестр долго утаивал. И лишь когда дело приобрело скандальный оборот, Сильвестр, чтобы отвести от себя подозрение, отмежевался от Матвея и донес на него царю Ивану. Ситуация, по-видимому, был настолько серьезной и угрожающей, что в нее решил вмешаться Алексей Адашев и, разумеется, на стороне Сильвестра. Трудно предположить, что тот не информировал своего друга своевременно о ереси, просочившейся в Кремль. Столь же трудно пред-

¹ Там же. Стб. 882.

² Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 7.

³ Сказания князя Курбского. СПб., 1868. С. 8–9.

⁴ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 109.

⁵ ААЭ. Т. I, № 238. С. 246.

положить, что Адашев не был с Сильвестром «заодин» в благожелательном отношении к дворцовым еретикам.

Другое известие, побуждающее задуматься относительно Адашева, сообщает Пискаревский летописец: «А житие его (Адашева. — И. Ф.) было: всегда пост и молитва безспрестани, по одной просвиरे ел на день».¹ Курбский, превознося нравственные качества Адашева, говорил: «Понеже той был Алексей не токмо сам добродетелен, но друг и причастник, яко Давыд рече, всем боящимся Господа и сообщник всем хранящим заповеди его. И колко десят имел прокаженных в дому своем, тайне питающее и обмывающее их, многжды сам руками своими гной их отирающа».² Перед нами тайна, легко переходящая в гласность, больше того: рассчитанная на гласность.

Такое наружное и показное благочестие внушает подозрение, поскольку к нему обычно прибегали еретики, скрывавшие свою истинную веру и желавшие выдать себя за правоверных христиан. А столь избыточное (для человека положения Адашева) и отнюдь не тайное «подвижничество» преследовало, скорее всего, цель произвести впечатление на окружающих и создать вокруг себя ореол святости. И Курбский взял на себя смелость, вопреки церковным правилам, назвать Адашева святым.³

Курбский приводит один любопытный рассказ, характеризующий связь Алексея Адашева: «Тогда-то убиенна Мария преподобная, нарицаемая Могдалыня, с пятью сынами своими, понеже была родом ляховица, потом исправилася в правоверие и была великая и превосходная постница, многжды в год единова в седмицу вкушающа, и так во святом вдовстве провозсиящая, яко на преподобном теле ея носити ей вериги тяжкие железные, тело порабощающе, да духу покорит его. И прочих святых дел ея и добродетелей исписати тамо живущим оставляя. Оклеветанна же перед царем, аки бо то была чаровница и Алексеева согласница, того ради ее погубити повелел и со чады ея, и многих других с нею».⁴ Этот рассказ заслуживает того, чтобы сказать о нем несколько слов особо.

Первое, что привлекает наше внимание, — имя «ляховицы»: Мария Магдалина. Это имя, привычное у католиков, совершенно не типично для русской православной ономастики. Однако, несмотря на «исправление в правоверие» (т.е. переход в православную веру), «ляховица» сохранила свое прежнее имя, тогда как должна была бы получить новое. Здесь, стало быть, мы имеем либо «исправление» фиктивное (на словах, а не на деле), либо намек на особое религиозное значение сохраненного имени и его носительницы, либо то и другое вместе. Мы склоняемся к последнему варианту. Правда, рассказ Курбского можно истолковать и несколько иначе: «ляховицу», названную при обращении в православную веру Марией, стали затем звать Магдалиной, почему она и «нарицаемая Могдалыня».⁵ Но при любом ос-

¹ ПСРЛ. Т. 34. М., 1978. С. 181.

² Библиотека литературы Древней Руси. Т. 11. XVI век. С. 412.

³ Там же. С. 396.

⁴ Там же. С. 412.

⁵ См.: Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 10. М., 1983. С. 207.

мыслении рассказа видна не свойственная православной морали амбициозность «ляховицы», выражающаяся в стремлении соотнестись с известной «героиней» Святого Евангелия.

А Курбский, следуя, очевидно, существовавшей практике общения новой Магдалины со своими почитателями, прилагает к ней определение преподобная, причем преподобным называет и ее тело, изнуряемое постом и тяжкими железными веригами. Дела «ляховицы» Курбский, надо полагать, по примеру других восторженных ее почитателей, относит к разряду святых. Однако на роль преподобной «ляховица Могадыня» явно не подходила. В православном мире преподобными именовали святых из монашеской братии, стяжавших «высшее нравственное достоинство своими подвигами и святостью жизни».¹ Наша «ляховица» не соответствовала этим критериям уже потому, что не являлась монахиней и «квалификацию» «преподобная» присвоила себе, судя по всему, самочинно. Вызывают недоумение слова Курбского о «преподобном теле» Магдалины, далеко отстоящие от православия. Но если учесть, что «Могадыня» была объявлена как «чаровница» (колдунья), то кое-что проясняется, и мы можем с достаточным основанием говорить, что в этих словах слышится нечто еретическое.

Западное происхождение Марии Магдалины (она – «ляховица», т.е. полька²) говорит о многом. Именно с Запада, охваченного реформационными ересями, приезжали к нам еретики, развращавшие русских людей антихристианскими учениями. Там они укрывались, когда на Руси им грозила опасность. Нередко их приезды в Россию осуществлялись организованно, под эгидой западных еретических братств. Возможно, таковым был приезд и Магдалины, развернувшей активную деятельность по обращению в свою веру нестойких в православии христиан. И она преуспела в этой деятельности, собрав вокруг себя немало сторонников, что, собственно, подтверждает и Курбский, сообщая насчет ее казни «со чады» и «многими другими». Под «многими другими» подразумевались, несомненно, единомышленники Марии, которых она собрала, будучи в Руси. Стало быть, есть основание заключить о создании «чаровницей» нечто похожего на еретическую организацию, секту. Центром ее стал дом Алексея Адашева, в котором она, по догадке Р.Г.Скрынникова, обитала, но не в качестве приживалки, как полагает исследователь,³ а в роли руководительницы группы еретиков, сплотившихся вокруг нее.

Судя по рассказу Курбского, на еретической ниве Мария трудилась не одна, а вместе с Алексеем Адашевым. Ее казнили как сообщницу, соучаст-

¹ Полный православный богословский энциклопедический словарь. Т. II. М., 1992. Стб. 1901.

² См.: Соловьев С.М. Сочинения. В восемнадцати кн. Кн. III. М., 1989. С. 522; Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. С. 105.

³ Скрынников Р.Г. 1) Царство террора. С. 136; 2) Скрынников Р.Г. Иван Грозный. М., 2002. С. 111. См. также: Цветков С.Э. Иван Грозный. 1530–1584. М., 2005. С. 298.

ницу («согласницу»¹) Алексея. Не так уж нелепо предположение о том, что Марию Магдалину кто-то направил из Польши или Литвы в помощь Адашеву. Если это так, то приоткрывается потаенная, тщательно скрываемая сфера деятельности Алексея Адашева, связанная с еретичеством. Нам, разумеется, могут сказать: Мария Магдалина, по свидетельству Курбского, была оклеветана как в том, что была «чаровницей», так и в том, что являлась «согласницей» Алексей Адашева. Это, конечно, так. Но бесспорно также и другое: клевета должна была выглядеть правдоподобно, т.е. соответствовать в какой-то мере реальной жизни. Данное обстоятельство нельзя отбрасывать при анализе рассказа Курбского. Этот рассказ, особенно в той части, где говорится о *преподобном теле* Марии Магдалины, обнаруживает и в самом рассказчике вольности, непозволительные для православного человека. Что это: из ряда вон выходящий случай или некая тенденция? Настал момент спросить и Курбского, «како веруеши».

Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским содержит некоторые детали, обнаруживающее определенное (похоже, эпизодическое²) неблагополучие в вопросах православной веры и у князя Андрея. Оказывается, Курбский, по словам Грозного, отступил от «божественного иконного поклонения» и «священных повелений» (т.е. догматов),³ а также проявлял особую склонность к Ветхому Завету («ветхословие любими, к сему ты и приложим»),⁴ отнюдь не безобидную, а чреватую, как явствует из ответа царя Яну Роките, отпадением в ересь «жидовствующих»: «А еже от прочих словес о 2-законии словесех, аще нужда их держати, то нужда есть и обрезать и вся Моисеова Закона блюсти (и сего ради жидовствующе являетесь, истинным христианом не подобно), – яже Христос своего божественнаго плотского смотрения таинством разруши и Нов Завет законоположи». ⁵ Если Иван Грозный, говоря о любви Андрея Курбского к «ветхословию», имел в виду предпочтительное отношение Курбского к Ветхому Завету перед с Новым Заветом, то естественно возникает вопрос, от кого позаимствовал князь Андрей такого рода отношение. Ответ тут возможен один: от еретиков, с которыми, по-видимому, общался. Помимо прочих, надо полагать, то были люди его круга, и весьма возможно, что – люди, принадлежавшие к Избранной Раде.

А.Курбский не чужд был мысли о «свободном естестве человеческом»,⁶ созвучной реформационным учениям. Она едва не завела его в манихейскую

¹ См.: Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 26. М., 2004. С. 73.

² Известно, что Андрей Курбский, находясь за границей, проявлял резкую враждебность к реформационным движениям и выступал защитником православной веры. – См.: *Лурье Я.С.* Переписка Ивана Грозного с Курбским в общественной мысли древней Руси // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 238–239.

³ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 13, 53, 62–63.

⁴ Там же. С. 17, 59, 67.

⁵ Библиотека литературы Древней Руси. Т. 11. XVI век. С. 226.

⁶ *Лурье Я.С.* Переписка Ивана Грозного с Курбским в общественной мысли древней Руси. С. 240.

ересь, о чем Грозный говорил так: «А еже писал еси, аки не хотящу ми предстати нумытному судищу, – ты же убо на человека ересь покладываеш, сам подобно манихейстей злобесной ереси пиша. Яко же они блядословят, еже небом обладати Христу, на земли же самовластным быти человеком, преисподними же дьяволу...».¹ Иван, поправляя своего корреспондента, утверждал: «Тако же и се вем: обладающу Христу небесными и земными и преисподними, яко живыми и мертвыми обладая, и вся на небеси и на земли и преисподняя стоит его хотением, советом Отчим, благоволением Святаго Духа; аще ли не тако, сия мучение приемлют, а не якоже манихеи, яко ж блядословиши о неумытном судище Спасове...».²

С точки зрения формальной, приведенные слова Ивана Грозного являлись ответом на следующий фрагмент из первого послания князя Андрея царю: «Али ты безсмертен, царю, мнишися, и в небытную ересь прельщен, аки не хотя уже предстати неумытному судие, надежде христьянской, богоначальному Иесу...».³ Однако простое сравнение ответных слов Грозного с данным фрагментом показывает их, если можно так выразиться, непропорциональность: ответ Ивана и шире и глубже по содержанию, чем процитированный текст послания Курбского. Отсюда следует, что Иван Грозный отвечал, вероятно, не только непосредственно на «писание» князя Андрея, но и на нечто другое, например на давние религиозные споры и обсуждения со своим бывшим другом и даже, быть может, на распространенные среди со товарищей Курбского по Избранной Раде взгляды, относящиеся к сфере религии. Последнее предположение тем более правдоподобно, что Иван Грозный, предназначая свое послание для «всего Российского царства», выступал не против одного Курбского, но всех «крестопреступников» в целом.⁴ Значит, и ответ свой здесь он мог дать всем разом, хотя по форме отвечал лишь только Курбскому.

Критика Грозным отклонений Курбского от православия (царь, можно сказать, обвинял его в манихейской ереси⁵) не являлась совершенно беспочвенной. Это явствует из некоторых высказываний князя. В заключительной части его третьего послания царю читаем: «Очются и воспряни! Некогда поздно, понеже самовластие наше и воля, аже до распряжения души от тела ко покаению данная и вложенная в нас от Бога, не отъемлетца исправления ради нашего на лутчее».⁶ По Курбскому, следовательно, человек на земле самовластен и волен. И не столь уж важно, что самовластие, как считал Кур-

¹ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 39, 55, 90.

² Там же.

³ Там же. С. 7, 9.

⁴ Лурье Я.С. 1) Вопросы внешней и внутренней политики в посланиях Ивана IV // Послания Ивана Грозного. СПб., 2005. С. 473; 2) Переписка Ивана Грозного с Курбским в общественной мысли древней Руси. С. 221. См. также: Лихачев Д.С. Иван Пересветов и его литературная современность // Сочинения И.Пересветова. М.; Л., 1956. С. 52.

⁵ См.: Клибанов А.И. Духовная культура средневековой Руси. М., 1996. С. 159.

⁶ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 118.

бский, даровано человеку Богом, что корень добрых поступков человека в божественной благодати, а не в самовластии.¹ Главное заключается в том, что человек в земной жизни наделен самовластием и волей, т.е. независимостью и способностью управлять своими действиями и поступками,² иначе – властвовать на земле. Это как раз то, в чем царь обвинял Курбского, уличая его в манихейской ереси. Поэтому нельзя, на наш взгляд, поддержать А.И.Клибанова, когда он говорит, будто «концепция самовластия, которой придерживался в своей полемике с Иваном IV Курбский, ничем существенно не отличается от того, что писал о самовластии Иван IV в своем ответе Роките и в своем ответе Сигизмунду II Августу».³ Посмотрим внимательнее, так ли это.

В ответе богемскому брату Яну Роките царь Иван Грозный неоднократно рассуждает на тему о самовластии человека. Бог, по Ивану, сотворил человека самовластным, каковым являлся Адам до своего грехопадения.⁴ Со времени «Адамского преступления» люди рождались «под завесою плоти», осужденные «смертию», которая царствовала «от Адама до Авраама, от Авраама до Моисея, а от Моисея до воплощения Христова. И не на согрешших царство смертное се, иже убо и праведнии, и до Христова воплощения смертию осуждены быша и во ад идяху».⁵ Так «гнев Божий и вражда» пребывали «на человецех от Адама и до воплощения Христова», когда «Христовым божественным плотным смотрением вся сия разрушися: и смерть, и грех, и дияволя держава».⁶ Иисус Христос снова «сотворил» человека самовластным вершить добро или зло.⁷ Стало быть, самовластие, согласно царю Ивану, «даровано было фактически дважды: в момент сотворения человека и после боговоплощения Христа».⁸

Несколько иначе трактуется проблема самовластия человека в посланиях польскому королю Сигизмунду II Августу, написанных Грозным от имени русских бояр. Например, в послании от имени князя И.Д.Бельского читаем: «А што брат наш писал еси, што Бог сотворил человека и волность ему даровал и честь, ино твое писанье много отстоит от истины: понеже первого человека Адама Бог сотворил самовластна и высока и заповедь положи, иж от единого древа не ясти, и егда заповедь преступи и каким осуждением осужен бысть! Се есть первая неволя и безчестье, от света бо во тму, от славы в кожаны ризы, от покоя в трудех снести хлеб, от нетления во истление, от живота в смерть. И паки на нечестивых потоп наведе, и паки по потопе завет еже не снести душа в крови, и паки в столпотворении разсеяние и Аврааму

¹ См.: Клибанов А.И. Реформационные движения в России... С. 337.

² См.: Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 3. М., 1976. С. 19.

³ Клибанов А.И. Реформационные движения в России... С. 337.

⁴ Библиотека литературы Древней Руси. Т. 11. С. 228, 256.

⁵ Там же. С. 226.

⁶ Там же. С. 256.

⁷ Там же.

⁸ Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. М., 1998. С. 274.

веры ради обрезания и Исаку заповеление и Иякову закон, и паки Моисеом закон и оправдание и оыщение, и преступником клятва даждь во Второзаконии и до убийства, та же благодсть и истина Исус Христом бысть и заповеди и законоуоставление и престоупающим наказание. Видиши ли, як везде убо несвободно есть, и тое твое, брате, писмо далече от истинны отстоит?». ¹ Идентичный текст имеется также в письмах Сигизмунду II, направленных от лица И.Ф.Мстиславского ² и М.И.Воротынского. ³ Здесь, как видим, самовластие даруется единожды при сотворении человека, а затем после грехопадения Адама изымается Богом навсегда («несвободно есть»).

Таким образом, в ответе Грозного протестантскому проповеднику Яну Роките и в посланиях польскому корою Сигизмунду II Августу, написанных царем от имени бояр, заключены две различные концепции самовластия: 1) самовластие, дарованное Богом, существует с момента сотворения человека и до грехопадения Адама, после чего прерывается, а затем восстанавливается Иисусом Христом; 2) самовластие, вложенное Богом в первого человека, существовало до времени, когда Адам преступил Божью заповедь, и с тех пор «везде... несвободно есть». ⁴ Означает ли это, что Иван запутался в противоречиях и проявил неспособность усвоить ясный и твердый взгляд на вещи? Нет, не означает. Факт совмещения в его сознании двух концепций самовластия был отражением противоречивости самой действительности, относительной неразработанности проблемы самовластия человека в русской богословской литературе и, что особенно существенно, – отражением чрезвычайной остроты вопроса «о свободном естестве человеческом», обусловленной распространением еретических учений в России того времени, а также участвовавшими изменами, побегам подданных Ивана IV за рубеж. Само же различие концепций отражало различие задач, решаемых в рамках этих концепций.

В первом случае, представленном в ответе Ивана Грозного брату Яну Роките, в форме богословского диспута разрешалась общая, религиозно-философская проблема бытия человека, в частности проблема самовластия, рассматриваемая в антологическом ключе.

Во втором случае, заключенном в посланиях царя Ивана королю Сигизмунду II, обсуждалась частная политическая проблема, связанная с правом свободного отъезда вассала от одного сюзерена к другому, приобретшего в середине XVI века характер одностороннего бегства бояр и служилых людей в иностранные государства, особенно в соседнее Польско-Литовское государство. Сигизмунд II Август, приглашая царских бояр И.Д.Бельского, И.Ф.Мстиславского и М.И.Воротынского к себе на службу, ссылаясь, помимо прочего, на «вольность» и «честь», дарованные Богом человеку в момент сотворения и с тех пор существующие как его неотъемлемое свойство. Гроз-

¹ Послания Ивана Грозного. С. 243–244

² Там же. С. 251–252.

³ Там же. С. 261.

⁴ Ср.: Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. С. 273.

ный доказывал ошибочность положений польского короля, апеллируя к преходящей истории самовластия человека.

Разумеется, идея самовластия была известна русским интеллектуалам задолго до времени Ивана Грозного. Предметом споров она также стала раньше этого времени. Предысторию подобных споров А.И.Клибанов ведет с начала XIV века,¹ а действительную историю начинает с рубежа XV и XVI столетий.² Грозный, следовательно, не располагал богатым наследием отечественных мыслителей, трактовавших проблему самовластия. К тому же по большей части то были вольнодумцы и еретики. Однако предшественники у Ивана все-таки были. К ним в первую очередь следует отнести Иосифа Волоцкого.

Сравнение концепции самовластия, содержащейся в ответе Ивана Грозного Яну Роките, с аналогичной концепцией, заключенной в «Просветителе» Иосифа Волоцкого, показывает, что схема рассуждения царя повторяет схему волоцкого игумена «пункт за пунктом», что идеи Грозного тождественны идеям «Просветителя».³ Нет сомнений, что царь Иван, с великим почтением относившийся к памяти Иосифа Волоцкого и прекрасно знавший его «Просветитель», брал именно у преподобного старца многие идеи, в том числе относящиеся к вопросу о самовластии человека. Уже одно это обстоятельство делает неприемлемым вывод А.И.Клибанова об отсутствии существенных различий между концепциями самовластия Ивана Грозного и Андрея Курбского.⁴ Как известно, Курбский питал глубокую неприязнь (если не ненависть) к Иосифу Волоцкому и его последователям – «вселукавым» мнихам-иосифлянам. Невозможно вообразить, чтобы Курбский, подобно Грозному, черпал вдохновение из «Просветителя» Иосифа Волоцкого и заимствовал отсюда идеи, касающиеся столь важной проблемы, как самовластие человека. Князь Андрей пользовался, по всей видимости, другими источниками и фактами. Нельзя в этой связи не отметить некоторое терминологическое созвучие между высказываниями Курбского и Сигизмунда II.

Как можно догадаться по ответу Ивана Грозного польскому королю Сигизмунду II Августу, тот, рассуждая о самовластии человека, пользовался словами вольность, воля.⁵ Курбский, говоря о самовластии, тоже соединяет его с понятием воля.⁶ Не свидетельствует ли это понятийное совпадение о том, что польский король и русский князь, толкуя о самовластии, исходили из реалий современной им польско-литовской действительности с ее панскими вольностями? Недаром самовластие, дарованное Богом, ассоциировалось у Курбского с привилеем: «Привилей нарицается царьской златопечатной лист, або грамота самого царя рукою подписана, на что будет данна и свобода им дарована еде в себе обдержить писанием. Сему уподобляюще,

¹ Клибанов А.И. Духовная культура... С. 132.

² Там же. С. 141–154.

³ Клибанов А.И. Реформационные движения в России... С. 336.

⁴ См.: Там же. С. 337.

⁵ Послания Ивана Грозного. С. 243, 245, 251, 261.

⁶ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 118.

привилеем наречете самовластия волю от Бога дарованну и самое самовластие». ¹ Курбский, следовательно, сравнивал самовластие, дарованное человеку Богом, с практикой пожалования феодальных привилегий, буйным цветом расцветших в Литве и Польше XVI века. Грозный решительно отвергал подобный взгляд на самовластие как несовместимый с русским самодержавством. С изрядной долей сарказма он писал беглому князю: «В нашей же отчине, в Вифлянской земли град Волмерь недруга нашего Жикгимонтов нарицаеши, се убо свою злобесную собацкую измену до конца совершаеши. А еже от него надеешися много пожалован быти, се убо подобно есть; понеже не хотесте под божиею десницею власти быти и от Бога нам данным и повинным быти нашего повеления, но в самовольстве самовластия (подчеркнуто нами. – И. Ф.) жити, сего ради такова и государя себе изыскал еси, еже по своему собацкому злобесному хотению, еже ничим же собою владеются, понеже от всех повелеваем есть, а не сам повелевая». ²

Таким образом, источником представлений Курбского о самовластии в сфере социально-политической являлась, по нашему мнению, польско-литовская действительность со свойственной ей вольностью панства. Эти представления, надо думать, возникли у него отнюдь не в годы проживания в Литве, а раньше, когда он входил в Избранную Раду, стремившуюся ограничить самодержавную власть Ивана IV и установить политический строй в России, сходный с тем, что существовал тогда в Литве и Польше. По-видимому, такого рода представления о самовластии разделялись и другими деятелями Избранной Рады. Но это – лишь социально-политический аспект учения о самовластии. Не менее важной является религиозно-философская сторона этого учения. И здесь у Курбского проглядывают довольно любопытные связи, вырисовываются довольно любопытные предшественники.

Понятия *самовластие*, *воля*, *душа*, которыми оперирует Курбский, указывают на то, что ему была хорошо знакомо учение о самовластии души. Это учение поднимали на щит, как мы знаем, московские еретики конца XV – начала XVI столетия, в частности небезызвестный Федор Курицын. Его перу, судя по всему, принадлежит загадочное «Лаодикийское послание», ³ где читаем:

Душа самовластна, заграда ей вера.
Вера ставится пророк наказанием.
Пророк наказание исправляется чудотворением.

¹ КLIBАНОВ А. И. Реформационные движения в России... С. 337.

² Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 60, 97.

³ То, что «Лаодикийское послание» непосредственно связано с именем Федора Курицына, едва ли подлежит сомнению. Показательно также отсутствие каких-либо иностранных оригиналов этого памятника. – См.: ЛУРЬЕ Я. С. Новгородско-московская ересь конца XV – начала XVI в. // КАЗАКОВА Н. А. и ЛУРЬЕ Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV – начала XVI века. М.; Л., 1955. С. 173; КLIBАНОВ А. И. Реформационные движения в России... С. 64; Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 1. Л., 1988. С. 505–506.

Чюдотворения дар усиляет мудростию.
Мудрости сила житие фарисейску.
Пророк его наука.
Наука преблагена есть.
Сею приходим в страх божий – начало добродетелем.
Сим съоружается душа.¹

А.И.Клибанов считал «Лаодикийское послание» программным сочинением, содержащим весьма далеко идущие идеи.² Исследователь полагал, что «дух и буква “Лаодикийского послания” погружены в Ветхий Завет, в книги пророчеств Ветхого Завета, высоко ценимого <...> еретиками (не без этой причины их заклеили православные обличители “жидовствующими”)».³ Мотивы «Послания», по убеждению историка, «навеваны Ветхим Заветом и подобраны тенденциозно в духе реформационных идей».⁴ «Лаодикийское послание», полагает он, было предметом пристального внимания «в тесном кружке еретиков, непосредственно связанных с Федором Курицыным: здесь мог быть истолкован и обсужден каждый тезис сочинения».⁵ По вполне правдоподобному мнению А.И.Клибанова, теория «Лаодикийского послания» «в рассеянном, в корпускулярном состоянии присутствовала в мировоззрении и мировосприятии еретиков, и не их одних, а в кругах свободомыслящих людей, им современных».⁶ Наполненность идейной атмосферы «корпускулами» этой еретической теории, очевидно, возрастала по мере нового прилива еретических движений в России, способствуя их проникновению в разные слои русского общества. Именно такую картину мы наблюдаем на Руси в середине XVI века.

Своей ветхозаветной стариной некоторые идеи «Лаодикийского послания» могли импонировать Курбскому, любившему, по выражению Ивана Грозного, «ветхословие». Но исключительное следование этим идеям уводило в сторону от православия. Коснемся лишь двух сюжетов «Послания», подтверждающих, как думается, нашу мысль. Они заключены в первой и последней строках «Лаодикийского послания», несущих, по всему вероятию, основную смысловую нагрузку произведения. Не случайно, как заметил А.Л.Юрганов, оно «начинается и заканчивается одним и тем же словом – “душа”».⁷ В центре «Лаодикийского послания», следовательно, нахо-

¹ Источники по истории новгородско-московской ереси конца XV – начала XVI в. // Казакова Н.А. и Лурье Я.С. Антифеодальные еретические движения на Руси XV – начала XVI века. М.; Л., 1955. С. 265. – «Лаодикийское послание» приводим по наиболее древнему списку, относящемуся к первым годам XVI века и содержащему текст, почти современный авторскому. – Там же. С. 257.

² Клибанов А.И. Духовная культура... С. 142.

³ Там же. С. 145. Ср.: Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. С. 258.

⁴ Клибанов А.И. Реформационные движения в России... С. 66.

⁵ Клибанов А.И. Духовная культура... С. 146.

⁶ Там же.

⁷ Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. С. 242.

дится самовластная душа, символизирующая суверенного, свободного человека, имеющего опору не в Боге, а в себе самом.² Перед нами сочинение, пронизанное духом индивидуализма, присущего реформационным гуманистическим теориям, но чуждого православной культуре, можно даже сказать, ей враждебного.

«Душа самовластна, заграда ей вера» – так звучит первая строка «Лаодикийского послания». Возникает вопрос, допустимо ли построчное исследование памятника. Я.С.Лурье уверенно заявляет: «Нет необходимости доказывать, насколько ошибочен такой метод исследования. Как ни мало по величине “Лаодикийское послание”, его, как и всякий источник, надо все же исследовать полностью, а не вырывать из контекста отдельные фразы, давая им произвольное, а подчас и просто искаженное толкование».³ По нашему мнению, исследование данного источника, взятого в целом, не исключает его построчного изучения, что превосходно продемонстрировано А.Л.Юргановым.⁴

Не входя в обсуждение спорного вопроса о значении слова *заграда* и соотношении его со словом *вера*,⁵ подчеркнем в нашем случае главное – именно то, что в «Лаодикийском послании» идея свободы воли («душа самовластна») представлена «шире, чем это допускал ортодоксально-христианский индетерминизм»,⁶ что она, по выражению А.И.Клибанова, «противостоит концепции авторитарной религии, религии догм и обрядов».⁷ Можно было бы сказать с большей исторической конкретностью, применяясь к событиям конца XV – начала XVI века в России. Ведь «Лаодикийское послание» – памятник еретической мысли, вышедший из круга «жидовствующих», во всяком случае, вращавшийся в круге «жидовствующих», а возможно, и за его пределами: среди склонных к вольнодумству и тех, кого, как говорится, медом не корми, но дай поумничать. С этой точки зрения оно являлось фак-

² См.: Клибанов А.И. Реформационные движения в России... С. 333–350.

³ Лурье Я.С. Новгородско-московская ересь конца XV – начала XVI в. С. 173.

⁴ Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. С. 243–256. См. также: Клибанов А.И. Реформационные движения в России... С. 65–69.

⁵ См.: Сервицкий А.И. Опыт исследования ереси новгородских еретиков или «жидовствующих» // Православное обозрение. 1862. Июнь. С. 191; Панов И. Ересь жидовствующих // ЖМНПросв. 1877. Январь. С. 27; Успенский Ф. Очерки по истории византийской образованности. СПб., 1892. С. 386; Тихонравов Н.С. Сочинения. Т. 1. М., 1898. С. 226; Дмитриев А. Инквизиция в России. М., 1937. С. 27; Никольский Н.М. История русской церкви. М., 1985. С. 94; Лурье Я.С. 1) Новгородско-московская ересь... С. 174; 2) Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV – начала XVI века. М.; Л., 1960. С. 172–173; Клибанов А.И. Реформационные движения в России... С. 66; Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. С. 246.

⁶ Лурье Я.С., Григоренко А.Ю. Курицын Федор Васильевич // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч.1. Л., 1988. С. 506. См. также: Лурье Я.С. Новгородско-московская ересь... С. 175.

⁷ Клибанов А.И. Реформационные движения в России... С. 69.

том ереси «жидовствующих» и предназначалось для обращения на Руси. Отсюда естественно предположить, что «Послание», будучи еретическим произведением, оппонировало, прежде всего, официальной вере – православию. А.Л.Юрганов думает иначе. «Возникает вопрос, – пишет он, – можно ли утверждать, что у тех, кого именовали еретиками, в самом деле были какие-то особые религиозные взгляды, отличные от церковной традиции? Вопрос этот трудный, но нет никаких оснований считать высказанные в “Лаодикийском послании” суждения еретическими. Даже вполне благосклонное отношение в нем к фарисейству лишь усиливает тезис о значимости христианской веры – “науки преображенной”».¹

Еретики, именовавшиеся «жидовствующими», придерживались все-таки взглядов, отличных от церковной традиции, и возражать против этого можно лишь по недоразумению. Что касается формулы *душа самовластна*, содержащейся в «Лаодикийском послании», то более вдумчиво, чем А.Л.Юрганов, к ней отнеслись, на наш взгляд, Я.С.Лурье и А.И.Клибанов. «Замечания Курицына о “самовластии”, – говорит Я.С.Лурье, – позволяют предполагать, что идея “самовластия” занимала в учении московских еретиков важное место и, по-видимому, трактовалась не вполне ортодоксально (может быть, в духе пелагианства – еретического учения V в., придававшего решающее значение свободе человеческой воли)».² По А.И.Клибанову, «еретическое учение утверждало способность человека мыслить и действовать вне “ограды” той веры, что была кодифицирована и регламентирована церковью. Независимо от того, как называлась эта способность, она была “самовластной” на деле, а слово не заставило долго себя ждать. “Душа самовластна” – с этого начинаются разные версии “Лаодикийского послания”, так постулируется в нем. Но в полном согласии с тем, что еретическое движение было не светским, а религиозным, постулат “самовластия души” обретает силу в том, что “оградой” души объявляется “вера”. Только какая вера? Та вера, которая исповедовалась и проповедовалась еретиками, та самая заподозренная “московская вера”, споров вокруг которой опасался Геннадий».³

Мы знаем, что вера, которую исповедовали и проповедовали еретики в Новгороде и Москве на рубеже XV–XVI веков, была отступлением от христианства, своего рода новой верой, призванной заменить русское православие. Об этом свидетельствует не только «самовластие души», вышедшее за рамки христианской ортодоксии, но и сама «душа», находящаяся, согласно «Лаодикийскому посланию», в процессе создания, т.е. творения или созидания. Вот соответствующий текст Послания:

Пророк ему наука.
Наука преображена есть.
Сею приходим в страх Божий – начало добродетелем.
Сим съоружается душа.

¹ Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. С. 258.

² Лурье Я.С. Идеологическая борьба в русской публицистике... С. 175.

³ Клибанов А.И. Духовная культура... С. 142–143.

Привлекает внимание последняя фраза *сим съоружается душа*. В других списках памятника (более поздних) данная фраза звучит иначе: *сим въоружается душа*.¹ А.Л.Юрганов не находит существенного различия между *съоружается* и *въоружается*,² тогда как А.И.Клибанов, осознавая это различие, предпочитает чтение *въоружается* чтению *съоружается*. При этом он говорит: «Здесь вера называется не оковами, а скорее доспехами души».³ Но в том то и дело, что здесь речь идет не о вере, а о душе, которая в зависимости от различных списков «Послания» то сооружается, то вооружается. На наш взгляд, слово *сооружается* (от *сооружати* – *строить*, *сооружать*, *создавать*⁴) более согласуется с контекстом «Лаодикийского послания», которое, по верному замечанию А.И.Клибанова, «возвело в достоинство наивысшей духовной ценности пророческий дар, сопряженный с мудростью. И это имело не одно отвлеченное, но и конкретное значение. Идеологи и руководители ереси видели собственное предназначение в том, чтобы выступать как пророки своего времени».⁵ Среди последних «пасхальный тип» памятника выделяет главного пророка – «пророка-старейшину»,⁶ за которым скрывался, быть может, сам Федор Курицын, являвшийся «новому учению учителем», как впоследствии Феодосий Косой.

Согласно этому учению, сформулированному в «Лаодикийском послании», самовластная душа созидается по мере утверждения человека в новой вере («сим съоружается душа»), исполненной пророческой мудрости. Пророк, следовательно, наделялся качествами, превращавшими его в некое подобие земного бога. То был явный отход от христианской догматической концепции сотворения души, имеющей свой источник в Боге, созданной промыслом Божиим и обладающей свободой воли (самовластием), дарованной Богом.

Итак, князь А.М.Курбский и его друзья по Избранной Раде имели перед собой две разновидности учения о самовластии души: 1) богословски традиционное, представленное в святоотеческой учительной литературе; 2) еретическое, вышедшее из сообщества противников Христовой Веры, возглавляемых Федором Курицыным, и передававшееся еретиками от поколения к поколению на протяжении XVI века. Они взяли на вооружение второе и поступить иначе не могли, поскольку, следуя принятой в христианском богословии теории самовластия души, должны были признать русское самодержавство, основанное на единстве православной веры, апостольской церкви и самодержавной власти. Это единство выразительно запечатлел Иван Грозный в посланиях Сигизмунду II Августу, написанных от имени бояр. В двух из них, отправленных якобы боярином И.Д.Бельским и боярином И.Ф.Мстиславским, читаем: «...тричисленного божества воля и милость и десница са-

¹ Источники по истории новгородско-московской ереси... С. 265.

² Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. С. 256.

³ Клибанов А.И. Реформационные движения в России... С. 66.

⁴ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 26. М., 2004. С. 152.

⁵ Клибанов А.И. Духовная культура... С. 145.

⁶ Источники по истории еретических движений XIV – начала XVI века. С. 265.

модержство царя нашего утверждает и нас, достойных советников его, благостью осияет, и никакая же сия не токмо малая и худая сия пена, но и велие треволнение не может потопити, на камени бо церковнем стоим, юже Христос утверди, ей же врата ада не одолеют, сего ради самодержавство царя нашего и наш вернейший совет не боимся погрязновения».¹ Еще раз на сей счет сказано в послании Сигизмунду II от имени боярина М.И.Воротынского: «...тричисленного божества воля и благость и десница самодержство царя нашего утверждает и нас, достойных советников его, благодатию осияет, и никакая же сия малая и худая пена, но и велие треволнение не может потопити, якоже реченно есть: “да ся пенит море и збесит, но Иисусова карабля не может потопити, на камени бо церковном стоит, юже Христос утверди, ей же врата ада не удолеют”. Сего ради самодержство царя нашего и навернейший совет не боимся погрязновенья...».²

Идеи Ф.Курицына о самовластии души, разделявшиеся А.Курбским и другими представителями Избранной Рады, вели прямой дорогой в схизму. Накат на Россию новой волны ереси в середине XVI века, разлившейся чуть ли не по всей стране, свидетельствовал, как мы уже отмечали, о сочувственном (если не покровительственном) отношении к еретикам со стороны Избранной Рады и ее главарей Сильвестра и Адашева, державших в своих руках аппарат власти. В противном случае ересь была бы подавлена на корню и вряд ли получила бы столь широкое распространение, проникнув, можно сказать, во все социальные группы российского общества, начиная от низших классов и кончая княжеско-боярской аристократией. По этому факту сочувствия (или покровительства) можно судить о том, какая серьезная опасность нависла тогда над православной верой, тем более что еретики выступали против основных догматов церкви, отвергая Святую Троицу, божественную природу Иисуса Христа, животворящую силу Креста, святость Девы Марии, веру в святых, особенно новоявленных, и др.

Не следует думать, будто церковные соборы 1553–1554 гг. полностью погасили ересь. Нет, это не произошло по той причине, что благоприятная обстановка, созданная еретикам Избранной Радой, позволила ереси основательно укорениться. Поэтому выкорчевать ее было очень не просто. К тому же Сильвестр, Адашев и другие члены Избранной Рады пока еще находились у власти, что давало возможность им и далее оказывать схизматикам не только моральную, но и материальную поддержку.

Есть основания полагать, что в конце 50-х – начале 60-х гг. XVI века религиозная обстановка на Руси снова обострилась. Косвенным образом об этом говорят некоторые элементы переписки Ивана Грозного с Андреем Курбским, особенно первые послания корреспондентов, уверяющих друг друга в своей приверженности православным догматам. Так, Курбский старается убедить Грозного, что неколебимо верит в «пребезначальную» Троицу, «богоначального» Иисуса Христа, «заступницу», «владычицу» Богородицу и

¹ Послания Ивана Грозного. С. 243, 251.

² Там же. С. 259.

«всех святых», во Второе Пришествие и Страшный Суд.¹ Послание Ивана Грозного открывается знаменательным вступлением: «Бог наш Троица, иже прежде век сый и ныне есть, Отец и Сын и Святыи Дух, ниже начала имеет, ниже конца, о нем же живем и движемся, им же царие величаются и силнии пишут правду; иже дана бысть едиnorodного слова Божия Исус Христом, Богом нашим, победоносная хоругвь крест честный, и николи же победима есть...».² Затем на протяжении всего послания неоднократно звучат вариации на эту основную тему: «Но убо самое победоносное оружие, крест Христов, силою Христа Бога нашего, вам сопотивник да будет»;³ «мы же убо, христиане, веруем в Троицы славимого Бога нашего Исус Христа <...>. Мы же убо, христиане, знаем предстатели тричисленное божество, в не же познание приведени быхом Исус Христом Богом нашим, тако же заступницу христианскую, сподобльшуся быти мати Христа Бога, Пречистую Богородицу; и потом предстатели имеем вся небесныя силы, архангели, и ангели...»;⁴ «сице аз верую Страшному судищу Спасову»;⁵ и т.п.

Усердие и настойчивость, с которыми авторы посланий говорят о своей преданности догматам православной веры, могут на первый взгляд показаться излишними и даже странными: в самом деле, надо ли было столь методично заявлять о том, что являлось самоочевидным, самим собою разумеющимся. Однако всякие вопросы отпадут, если вспомнить напряженную и очень тревожную религиозно-политическую обстановку, возникшую на Руси середины XVI века вследствие нового всплеска еретических учений, подвергавших сомнению фундаментальные положения православной веры. Заявления Ивана Грозного и Андрея Курбского о приверженности постулатам православия следуем, по всей видимости, рассматривать как их реакцию на деятельность еретиков. Но эта реакция имела в каждом отдельном случае особый смысл.

Царь Иван IV, говоря насчет своей веры в христианские святыни, свидетельствовал о неизменной верности православию, тогда как Андрей Курбский, делая аналогичные признания, стремился произвести впечатление о себе как невинно страдающем добропорядочном христианине. Глубоко верующий государь не нуждался в религиозной реабилитации. Другое дело – Курбский, запятанный связями с партией, покровительствовавшей еретикам, с партией, чьи лидеры Сильвестр и Адашев недавно были осуждены собором 1560 года. Ему требовалось подновление православного облика. Достичь этого он мог посредством изъявления преданности православным догматам и развенчания собора, осудившего Сильвестра и Адашева как «ведомых злодеев» и «чаровников».¹ Первое мы наблюдаем в послании Курбского царю Ивану, второе – в его «Истории о великом князе Московском».

¹ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 7–8, 9–10.

² Там же. С. 12, 53, 62.

³ Там же. С. 25, 73.

⁴ Там же. С. 35–36, 55, 84.

⁵ Там же. С. 39, 55, 90.

⁶ Скрынников Р.Г. Начало опричнины. 141.

В этой «Истории» автор поместил злобную сатиру на собор, состоявшийся, как предположил С.Б.Веселовский, во второй половине сентября 1560 года.¹ Царь, по словам Курбского, «собирает соборище – не токмо весь сенат свой мирский [Боярскую Думу²], но и духовных всех, сиречь митрополита и градских епископов призывает, и ктому присовокупляет прелюкавых некоторых мнихов – Мисаила, глаголемаго Сукина, издавна преславного в злостях, и Васьяна Беснаго, поистинне реченного, неистоваго, и других с ними таковых тем подобных, исполненных лицемерия и всякого безстыдия дияволя и дерзости. И посаждает их близу себя, благодарне послушающе их, вещающих и клеветующих ложное на святых и глаголющих на праведных безакония со премногою гордынею и уничижением. Что же на том соборище производят? Чтут, написавши, вины оных мужей (Сильвестра и Адашева. – И.Ф.) заочне. Яко и митрополит тогда пред всеми рекл: “Подобает, – рече, – приведенным им быти zde пред нас, да очевисте на них клеветы будут, и нам убо слышите воистинну достоит, что они на то отвечают”. И всем ему добрым согласующе, такоже рекшим, губительнейшие еже ласкатели вкупе со царем возопиша: “Не подобает, рече, о епископе! Понеже ведомые сие злодеи и чаровницы велицы, очаруют царя и нас погубят, аще придут!” И тако осудивша их заочне. О смеху достойное, паче же беды исполненное усуждение прелщенного от ласкателей царя!».³ Эти сведения о соборе 1560 года, как и другие, содержащиеся в «Истории» Курбского, мы не стали бы, подобно С.Б.Веселовскому, называть «чрезвычайно важными и достоверными».⁴ Необходим их анализ в каждом отдельном случае.

Князь Курбский в принципе не отрицал способность людей к чародейству. Он отвергал лишь клевету в чародействе, возведенную на его друзей Сильвестра и Адашева «ласкателями» Грозного – Захарьиными и другими «нечестивыми губителями всего тамошнего царства». При этом не только дружеские чувства здесь руководили им, но и личный интерес. Ведь обвинения в чародействе (колдовстве, еретичестве) близких сотоварищей Курбского бросали тень, собственно, и на него. Поэтому он постарался приписать «ласкателям» то, в чем они обвиняли Сильвестра и Адашева: «Тогда цареви жена умре, они же реша, аки бы очеровали ее оные мужи. Подобно, чему сами искусны и во что веруют, сие на святых мужей и добрых возлагали».⁵

Воспроизводя речи «ласкателей», Курбский увлекается и рассказывает то, что ему не следовало бы вообще ворошить в памяти. По его словам, «ласкатели», приводя доводы в пользу заочного суда на Сильвестром и Адашевым, говорили: «Так худые люди и ничему же годные чаровницы тебя, государя, так великого и славного и мудрого, благовенчанного царя, держали

¹ Веселовский С.Б. Исследования... С. 103.

² Там же. С. 140. См. также: Черепнин Л.В. Земские соборы русского государства в XVI–XVII вв. М., 1978. С. 90.

³ Библиотека литературы Древней Руси. Т. 11. С. 400.

⁴ Веселовский С.Б. Исследования... С. 103. Ср.: Черепнин Л.В. Земские соборы русского государства в XVI–XVII вв. С. 90.

⁵ Библиотека литературы Древней Руси. Т. 11. С. 396.

пред тем аки во оковах, повелевающе тебе в меру ясти и пити и со царицею жити, не дающе тебе ни в чесомже своей воли а ни в мале, а не в великом, а ни людей своих миловать, а ни царством твоим владети. И аще бы не они были при тебе, так при государе мужественном и храбром и приселном и тебя не держали аки уздою, уже бы еси мало не всею вселенною обладал. А что творили они своими чаровствы: аки очи тебе закрывающе, не дали ни на что же зрети, хотящи сами царствовать и нами всеми владети. И аще на очи присъступишь их, паки ты, очаровавши, ослепят. Ныне же, егда отогнал еси их, воистинну образумился еси, сиречь во свой разум пришел и отворил еси себе очи, зряще уже свободно на все свое царство яко помазанец Божий, и никтоже ин, точию сам един тое управляюще и им владеюще».¹

Сравнение речей «ласкателей» с тем, о чем говорит Иван Грозный в первом послании Андрею Курбскому, обнаруживает немало аналогий, касающихся попыток Сильвестра и Адашева ограничить власть царя, регламентировать его поведение, помешать успешному ведению им военных предприятий и покорению вражьих земель.² Складывается впечатление, что эти речи – своеобразный ответ Курбского царю Ивану, обеляющий Сильвестра и Адашева, оклеветанных якобы «ласкателями», т.е. боярами Захарьиными, их родичами и приятелями. Это впечатление еще более усиливают некоторые подробности, введенные Курбским в свое повествование и отсутствующие у Грозного, например вмешательство в личную жизнь царя. Ясно, что Курбский знал многое из того, что было между Иваном IV и лидерами Избранной Рады в пору их могущества. Но ему надо было оправдать своих друзей и, следовательно, себя. Однако он почему-то не учел простого обстоятельства: «ласкатели», говоря царю о покушении на его права «оних мужей», сообщали о вещах, хорошо ему известных. Поэтому ложь здесь вряд ли могла пройти. Захарьины, по верному замечанию Р.Г.Скрынникова, напоминали Ивану «старые обиды».³ Так Курбский, сам того не желая, подтвердил справедливость обвинений Грозного в узурпации царской власти со стороны Сильвестра и Адашева.

Описывая события, связанные с собором 1560 года, Курбский изобразил митрополита Макария, как мы знаем, сочувствующим Сильвестру и Адашеву, которые, узнав о предстоящем соборном суде над собой, «начаша молити, ово епистолиями посылающе, ово через митрополита руского, да будет очевидное глаголанное с ними».⁴ На соборе митрополит, проникшись якобы сочувствием к опальным, заявил: «Подобает приведенным им быти зде пред нас, да очевисте на них клеветы будут, и нам убо слышети воистинну достоит, что они на то отвещают».⁵ Но митрополита Макария царь Иван и его окружение будто бы не послушали.

¹ Там же. С. 398.

² См.: Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 15, 16, 20, 21, 31, 38.

³ Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 136.

⁴ Библиотека литературы Древней Руси. Т. 11. С. 396.

⁵ Там же. С. 400.

Известия Курбского о соборе 1560 года навели историков на мысль о том, что митрополит Макарий принял сторону Сильвестра и Адашева, даже пытался оборонить их от недругов, выступив с возражениями и протестом против заочного суда над ними. «Митрополит Макарий и все “добрые люди”, согласные с ним, возражали»; «царь созвал совещание освященного собора и бояр, на котором один митрополит Макарий осмелился возвысить голос и высказаться за удовлетворение просьбы опальных о суде», – замечал С.Б.Веселовский.¹ «Приговор был вынесен в отсутствие обвиняемых, несмотря на протест митрополита», – читаем у Л.В.Черепнина.² «Несмотря на угрозы Захарьиных, – говорит Р.Г.Скрынников, – митрополит Макарий открыто взял под свою защиту опальных вождей Рады и предложил вызвать их на собор для очного суда. Но он не смог добиться единодушной поддержки даже со стороны духовенства. Против его предложения выступили Мисаил Сукин, приглашенный на собор по настоянию Захарьиных, а также некий старец Васьян, архимандрит кремлевского Чудовского монастыря Левкий, а также Троицкие старцы-иосифляне».³ В другой своей книге Р.Г.Скрынников пишет: «Митрополит Макарий не побоялся выступить в защиту опальных <...>. Глава церкви пользовался большим авторитетом. Но ему не удалось добиться послушания членов священного собора».⁴ Идею защиты Сильвестра и Адашева от преследования со стороны Ивана IV, «печалования» о них перед монархом развивает С.О.Шмидт: «Можно полагать, <...> что Макарий пытался противодействовать царю, начавшему преследовать своих бывших главных советников (А.Адашева и Сильвестра). Во всяком случае, допустив соборное обсуждение, а точнее сказать, осуждение их в 1560 г., пытался использовать митрополичье право “печалования”, пригласив их на суд. Но в итоге вынужден был согласиться с заочным осуждением».⁵ Согласно В.В.Шапошнику, «попытка митрополита спасти осужденных, требуя очного разбирательства дела, не привела к успеху».⁶ В другой книге В.В.Шапошника митрополит Макарий уже не пытается «спасти осужденных», а стоит лишь на страже традиционных норм: «Этот заочный суд (над Адашевым и Сильвестром. – И.Ф.) был грубейшим нарушением традиций – ведь обвиняемые должны были иметь возможность оправдываться. Тем более что Алексей Адашев был членом Боярской думы – окольничим. На это (!) и указал митропо-

¹ Веселовский С.Б. Исследования... С. 104, 318. Впрочем, С.Б.Веселовский в другом месте своих исследований говорит: «Когда после смерти царицы Анастасии царь утратил душевное равновесие, и “воскурилось гонение великое”, Макарий стал терять влияние на царя. На соборе 1560 г. он один решился поднять голос, и не столько за Сильвестра и Адашева, сколько за соблюдение обычаев “правового” суда и против заочного осуждения обвиняемых». – Там же. С. 115–116.

² Черепнин Л.В. Земские соборы русского государства в XVI–XVII вв. С. 90. См. также: Цветков С.Э. Иван Грозный. 1530–1584. М., 2005. С. 276.

³ Скрынников Р.Г. Начало опричнины. С. 140–141.

⁴ Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 136–137.

⁵ Шмидт С.О. Россия Ивана Грозного. М., 1999. С. 244.

⁶ Шапошник В.В. Церковно-государственные отношения в России... С. 222.

лит Макарий. Часть присутствующих согласилась с ним, но другие, “ласкатели” вместе с Грозным, отказались...». ¹ Что можно сказать об этих суждениях исследователей?

Святитель едва ли сомневался в чародейских способностях, по крайней мере, Сильвестра. Предложение Макария судить Сильвестра и Адашева очно основывалось отнюдь не на его желании возразить по поводу несправедливого и необоснованного суда над ними, защитить или спасти их от жестокого наказания. Еще Н.М.Карамзин замечал, что митрополит Макарий «саном Первосвятительства утверждаемый в обязанности говорить истину, сказал царю, что надобно призвать и выслушать судимых». ² Истина заключалась в том, чтобы соблюсти традиционный порядок судебного разбирательства, предполагающий присутствие на суде обвиняемых, ³ особенно если это касалось вопросов вероисповедания. Митрополит в силу своего положения обязан был напомнить о названном порядке. ⁴ Но это не означало, будто он сомневался в справедливости выдвинутых против Сильвестра и Адашева обвинений. Не сомневалось в том и большинство участников собора, включая виднейших представителей духовенства. Более того, можно думать, что оно было уверено в обоснованности обвинений, составивших целый список, зачитанный на соборе. И уж, конечно, в полной уверенности относительно виновности Сильвестра и Адашева находился царь Иван. Нельзя согласиться с Р.Г.Скрынниковым, что Грозный не имел оснований и улики для суда над Адашевым, что царь чувствовал «неуверенность в благополучном исходе суда в случае появления в Кремле подсудимых». ⁵ Ничего подобного: как раз уверенность государя, митрополита и большинства соборян в доказанности вины Сильвестра и Адашева сделала их участие в суде излишним. Однако не это, по-видимому, послужило главным основанием для решения произвести заочный суд над бывшими вождями Избранной Рады. Причину тут мы видим в отсутствии возможности быстрой доставки обвиняемых на суд. Адашев в это время, как известно, находился в Ливонии, а Сильвестр — в Заволжье. Дело же было большой государственной важности и не допускало никаких отлагательств, поскольку затрагивало не только судимых, но и целую партию, осуществлявшую политику под руководством Сильвестра и Адашева. Интересы государства требовали незамедлительного приведения к присяге (кре-

¹ Шапошник В.В. Иван Грозный: Первый русский царь. СПб., 2006. С. 203.

² Карамзин Н.М. История Государства Российского. Кн. III. Т. IX. М., 1989. Стб. 7.

³ См.: Веселовский С.Б. Исследования... С. 104–105, 115–116. См. также: Шмидт С.О. 1) Становление российского самодержавства... С. 209–210; 2) У истоков российского абсолютизма... С. 232–233. См. также: Шапошник В.В. Иван Грозный... С. 203.

⁴ Следует прислушаться к словам С.Б.Веселовского, который говорил, что на соборе 1560 года Макарий «решился поднять голос, и не столько за Сильвестра и Адашева, сколько за соблюдение обычаев “правого” суда и против заочного осуждения обвиняемых». — Веселовский С.Б. Исследования... С. 115–116.

⁵ Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 136.

стоцелованию) на верность государю сторонников Сильвестра и Адашева в Боярской Думе, их нейтрализации в других местах.

По составу участников собор 1560 года являлся церковным и светским, что обуславливалось неоднородностью решавшихся на нем задач, религиозных и политических по своему характеру. Были некоторые и формальные основания для подбора именно такого состава лиц, участвующих в работе собора. С.Б.Веселовский писал: «По каноническим правилам Сильвестр, как лицо духовного звания, не мог быть судим светской властью без предварительного осуждения церковным судом и лишения священнического сана. А.Адашева, как человека в думном чине, царь должен был судить по старым обычаям вместе с боярами. Чтобы обойти эти затруднения и придать всему делу вид законности, был созван собор “всего сената”, т.е. всех думных людей, и так называемого “преосвященного собора”, т.е. митрополита и епископов. Кроме того, на собор были призваны некоторые “прелукавые” монахи – Мисаил Сукин, издавна прославленный “в злостях”, и “бесный”, т.е. одержимый бесом, Вассиан (Топорков?) и некоторые другие».¹ Правильно обозначив проблему, С.Б.Веселовский начинает в присущей ему недоброжелательной к царю Ивану манере разоблачать последнего. В самом деле, почему историк уверен в том, будто Грозный созывает собор «всего сената», чтобы «придать делу вид законности» и «обойти затруднения» суда над Сильвестром и Адашевым, связанные с порядком, предусмотренным «каноническими правилами» и «старыми обычаями»? Ведь с равным основанием можно предположить и другое: Иван Грозный созывает собор «всего сената» ради исполнения «канонических правил» и «старых обычаев». В любом, однако, случае состав собора соответствовал специфике тех задач, которые ему предстояло разрешить. Что касается заочного суда над Сильвестром и Адашевым, то эта форма судопроизводства была избрана не лично царем Иваном, а всем собором, причем после специального обсуждения, последовавшего за открытым заявлением митрополита, т.е. избрана гласно, публично, по соборному решению, а не по царскому велению.² И это – один из главных элементов суда над Сильвестром и Адашевым, с чем исследователь не имеет права не считаться. Он не может также не задуматься над вопросом, был ли собор 1560 года подлинным собором, а не его имитацией. Постановка этого вопроса возвращает нас к проблеме участников собора.

С.О.Шмидт, обращаясь к данной проблеме, говорил: «Членами освященного собора помимо митрополита и архиереев были и “некоторые” монахи (имена двух из них – Мисаила Сукина и Васьяна Бесного – Курбский называет). Сложнее установить по описанию Курбского состав “всего сената мирского”. Допустимо предположить, что участниками собора были не только “думные люди”, но и другие советники из “множайших и бесчисленных лжесчивальцев”, окружавших царя. Именно в связи с осуждением Адашева и Сильвестра Курбский пишет о том, что царь “собрал и учинил уже окрест

¹ Веселовский С.Б. Исследования... С. 104.

² Ср.: Скрынников Р.Г. Начало опричнины. С. 141.

себя яко пресильный и великий полк сатанинский”. Этот “полк сатанинский” мог тоже быть частью “сонмища ласкателей”, осудивших руководителей Избранной рады.¹

Начни с определения исторической роли и значения собора 1560 года, исследователь намного облегчил бы свой поиск. На соборе решалась не только личная судьба Сильвестра и Адашева. По наблюдениям Р.Г.Скрынникова, «опала на Адашева и Сильвестра означала крушение всей Избранной рады, в которой они были ключевыми фигурами. Переворот затрагивал интересы влиятельных политических сил».² Действительно, суд над Сильвестром и Адашевым был последней точкой в ликвидации Избранной Рады. Верно и то, что крушение Избранной Рады затрагивало «интересы влиятельных политических сил». Однако упразднение Рады являлось не «переворотом», как считает Р.Г.Скрынников, а напротив, – остановкой ползучего переворота, осуществлявшегося Избранной Радой, нацеленной на изменение церковно-государственного строя Руси по типу западных монархий. Поэтому если посмотреть на проблему шире, как того требует научный подход к изучению прошлого, то станет ясно, что суд над вождями Избранной Рады подводил черту под целым историческим периодом России XVI века, сложным и противоречивым, далеко не однозначным: с одной стороны, отличавшимся проведением необходимых реформ, а с другой – попытками партии Сильвестра и Адашева свернуть страну с национального пути развития, ограничив самодержавную власть царя и подвергнув существенному реформированию русскую православную церковь. Всем этим и определяется значение и роль собора 1560 года как чрезвычайно важного события в религиозно-политической жизни Руси эпохи Ивана Грозного, допускающего сравнение (как это ни покажется кому-то странным) с учреждением Опричнины.³

Масштаб события требовал соответствующего набора его участников, подразделявшихся, так сказать, на две палаты, составленные из духовенства и мирян, – Освященного собора и, по лексике Курбского, Сената мирского. Освященный собор, несомненно, включал митрополита, архиепископов, епископов, архимандритов, игуменов и авторитетных старцев. На подобный состав Освященного собора намекает и Курбский, говоря, что царь «собирает духовных всех», хотя, перечисляя духовные чины, пропускает игуменов и архимандритов. И все же смысловой акцент заключен, по нашему убеждению, в его фразе *собирает всех духовных*. Весь Сенат мирской – это князья, бояре и некоторые представители служилого класса. Прав, на наш взгляд,

¹ Шмидт С.О. 1) Становление российского самодержавства... С. 209; 2) У истоков российского абсолютизма... С. 232.

² Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 136.

³ Это сравнение касается конечных целей собора 1560 года и учреждения Опричнины. И собор, и введение Опричнины были одинаково направлены на восстановление поколебленных в годы правления Избранной Рады основ русского национального бытия – самодержавной власти, апостольской церкви и православной веры. Различие заключалось в способах достижения этой общей цели: в первом случае посредством мира и согласия, а во втором – насилия и крови.

С.О.Шмидт, когда замечает, что среди мирских людей – участников собора – были не только «думные люди», но и другие лица из служилого окружения Ивана Грозного. Соединенные вместе, все упомянутые группы и образовали собор 1560 года.

По мнению С.О.Шмидта, собор 1560 года был по существу «актом судебного процесса, и этот процесс, как и многие другие подобные процессы того века, превратился в “колдовской”». ¹ Отсюда один шаг до признания собора церковным, поскольку вопросы, связанные с колдовством (чародейством), находились в ведении духовенства. Но С.О.Шмидт не сделал этот шаг. Его совершил Л.В.Черепнин. «Думаю, – заявлял он, – что правильно будет отнести собор 1560 г. к категории церковных, а активное участие в нем светских лиц – характерное для того времени явление». ² Л.В.Черепнин, как и С.О.Шмидт, склонен усматривать в соборе 1560 года «акт судебного процесса». ³ Несколько иначе взглянул на собор Р.Г.Скрынников, который, оценив суждения о соборе С.О.Шмидта и Л.В.Черепнина, замечал: «В некоторых отношениях суд над Сильвестром и Адашевым действительно был колдовским процессом. Недаром Курбский бросил царю упрек в том, что он лживо обвинил своих “доброхотов” в измене и “чародействе”». ⁴ Но «по существу дела собор 1560 г. был скорее политическим, чем церковным. На соборе, созванном в Москве в 1549 г., Адашев и его друзья устами девятинадцатилетнего царя изобличили неправды боярских правителей, стоявших у кормила власти “до государева возраста”, и объявили о начале реформ. На соборе 1560 г. обличения адресовались самому Адашеву и его единомышленникам. Собор мало напоминал судебный процесс в собственном смысле и нужен был царю для публичного осуждения недавних учителей и советников. В отличие от “собора примирения” 1549 г. его можно было бы назвать “собором вражды и суеверия”. Он положил конец десятилетию реформ». ⁵

На наш взгляд, собор 1560 года нельзя характеризовать только как судебный, а также как церковный или политический. Этот собор сочетал в себе и то и другое, более соответствуя наименованию *церковно-государственный*, подобно Стоглавому собору. Такого рода собор В.О.Ключевский называл *государственным советом*, ⁶ что, на наш взгляд, придает этому учреждению не свойственный ему односторонний характер, не говоря уже о модернизации соотношения церковной и светской власти. Церковь и государство в рассматриваемое время находились, можно сказать, в состоянии равновесия. Поэтому институт, составленный из соединения власти церкви и государ-

¹ Шмидт С.О. 1) Становление российского самодержавства... С. 209; 2) У истоков российского абсолютизма... С. 231.

² Черепнин Л.В. Земские соборы русского государства в XVI–XVII вв. С. 90.

³ Там же.

⁴ Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 136.

⁵ Там же.

⁶ См.: Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. Т. 2. М., 1987. С. 164.

ства, было бы правильное именовать *церковно-государственным*, каковым, в частности, и являлся собор 1560 года.

Этот собор навсегда прекратил деятельность Избранной Рады, ее политику утеснения самодержавной власти, церковной организации и православной веры, открыв перспективу восстановления этих, образно говоря, несущих опор Святорусского царства. Поэтому его можно было назвать «собором возвращения Руси на торную дорогу национального развития», временно потерянную в годы правления Избранной Рады. Таково наше общее представление о соборе 1560 года. Однако сейчас было бы к месту обратить внимание на религиозную часть работы этого собора.

Описание собора 1560 года живо напомнило С.О.Шмидту «соборы “на еретиков” середины 1550-х годов»,¹ к чему Л.В.Черепнин добавил: «Я бы сказал – и более раннего времени».² Полагаем, что собор 1560 года отчасти напоминал соборы против еретиков середины 1550-х годов XVI века и более раннего времени, причем одной лишь стороной своей деятельности, связанной с осуждением Сильвестра и Адашева, обвиненных в чародействе, т.е. в еретичестве. Если искать более близкий аналог собору 1560 года, то следует, как нам кажется, остановиться на Стоглавом соборе, рассматривавшем, подобно собору 1560 года, религиозные и мирские вопросы. Правда, Р.Г.Скрынников считает, что в чародействе (колдовстве) «были обвинены не сами царские советники (Сильвестр и Адашев. – И. Ф.), а люди из их окружения, исполняющие их волю».³ Это ошибочная точка зрения, противоречащая, кстати сказать, тому, что говорил об этом ранее сам историк: «собор заочно осудил Адашева и Сильвестра как “ведомых злодеев” и “чаровников”».⁴

Факт осуждения собором 1560 года Адашева и Сильвестра за чародейство имел двоякое значение, личное и общественно-политическое. Личное значение этого факта состояло в том, что еретиками Сильвестр и Адашев были объявлены персонально со всеми вытекающими отсюда последствиями для их конкретных судеб. Общественно-политическое значение данного факта обуславливалось тем, что Сильвестр и Адашев, будучи вождями Избранной Рады, олицетворяли ее, и потому оценка деятельности Рады напрямую зависела от оценки деятельности бывших царских советников и друзей. Признав деятельность Сильвестра и Адашева еретической, собор тем самым дал оценку деятельности Избранной Рады. Таким был итог правления Избранной Рады. Он и не мог быть иным. И вот почему.

Нельзя, разумеется, отрицать положительных моментов в политике Избранной Рады, таких, например, как военная и земская реформы. Но вред, причиненный Радой Русскому государству, был большим, чем польза. Ее деятельность, направленная, как мы могли убедиться, против самодержа-

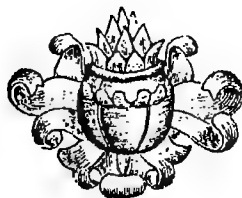
¹ Шмидт С.О. 1) Становление российского самодержавства... С. 209; 2) У истоков российского абсолютизма... С. 232.

² Черепнин Л.В. Земские соборы русского государства в XVI–XVII вв. С. 90.

³ Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 136.

⁴ Скрынников Р.Г. Начало опричнины. С. 141.

вия, апостольской церкви и православной веры поставила Россию на грань национальной катастрофы. Речь по существу шла о переменах, равных ликвидации этих главнейших основ Святой Руси. Необходимы были самые решительные меры, чтобы удержать Русское государство от падения. Поворот к Опричнине стал неизбежным.

Г л а в а VII. РАЗВЯЗКА: ВВЕДЕНИЕ ОПРИЧНИНЫ

Поначалу Иван IV намеревался, судя по всему, отвратить Святорусское царство от пропасти, на край которой привела его Избранная Рада, руководимая Сильвестром и Адашевым, не прибегая к «массовым репрессиям» и казням. В то же время государь прекрасно понимал, что медлить далее нельзя: «И сице убо нам в таковых зелных скорбех пребывающим, и понеже убо такова отягчения не могохом понести...».¹ В этих словах, сказанных, казалось бы, по поводу собственных горестей Ивана, причиненных ему Сильвестром и Адашевым со всеми их советниками, заключен, по нашему убеждению, общий взгляд царя на положение дел в стране, что вполне естественно, поскольку самодержец, согласно понятиям века, был неотделим от государства, и потому личное воспринималось им и современниками как государственное и наоборот – государственное как личное.

Убедительным подтверждением желания Ивана Грозного удержать Русское государство от гибели, не обращаясь к чрезвычайным мерам, служит, по нашему мнению, собор 1560 года, не оцененный, к сожалению, должным образом в исторической науке. Созыв собора свидетельствовал о стремлении Грозного решать вопросы по выводу России из опаснейшей ситуации, в какую она попала, общими усилиями, опираясь на коллективный разум и соборный приговор.

Нет сомнений в том, что заочный суд над Сильвестром и Адашевым являлся лишь частью работы собора 1560 года, поскольку в качестве подсудимых оказались не рядовые люди, а руководили внешней и внутренней политики правящей верхушки предшествующего десятилетия. Это обстоятельство придавало их осуждению за «измены» и «чародейство» (тут Грозный и Курбский сходятся²) важное политическое значение, т.к. определяло отношение собора к деятельности не только Сильвестра и Адашева, но также Избранной Рады в целом. Обвинительный акт, содержащий список преступлений временщиков и зачитанный на соборе, был своего рода обвинительным актом против Избранной Рады. И коль вожди Избранной Рады были признаны соборным судом еретиками (чародеями), то и Рада становилась воплощением дьявольской организации, а ее политика – бесовством. Недаром царь Иван говорил Курбскому: «...жив Господь Бог мой, жива душа моя, – яко не токмо ты, но и все твои согласники, бесовские служители, не могут в нас сего обрести».³

Подобная оценка деятельности Избранной Рады требовала от собора выработки если не комплекса мер, то, во всяком случае, каких-то начальных

¹ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979. С. 33, 81.

² Там же. С. 7, 26.

³ Там же. С. 14, 64.

практических шагов по преодолению губительных тенденций, возникших в годы ее правления. К их числу, по-видимому, надо отнести наказания «мирских» и массовую их присягу на верность государю, осуществленные, скорее всего, с согласия или по рекомендации собора: «А еже убо мирским, яже под властью нашею сущим, сим убо по их измене, тако и сотворихом; исперва же убо казнию конечною ни единому коснухомся; всем же убо, иже к ним не приставше, повелехом от них отлучитися, и к ним не приставати, и сию убо заповедь положивше и крестным целованием утвердихом».¹

Наше предположение логически вытекает из факта соборного суда над Сильвестром и Адашевым, признавшего обоснованность выдвинутых против них обвинений и определившего меру наказания виновным, после чего должно было последовать применение санкций в отношении их сторонников и «согласников». Иной ход событий устанавливает С.Б.Веселовский, по словам которого, царь Иван «начал “отлучать” приверженцев Сильвестра и Адашева, когда последние были удалены, но еще не подверглись опале».² В это трудно поверить, поскольку тогда придется признать, что «мирские» частью были наказаны, а частью приведены к присяге еще до вынесения приговора главным виновникам – Сильвестру и Адашеву. Думается, перед нами случай, когда, по известному изречению, телега поставлена впереди лошади.

К чему был конкретно приговорен Адашев, мы не знаем.³ Что касается Сильвестра – догадываемся: по решению соборного суда его перевели из Кириллова монастыря, где он тогда находился, в Соловецкий монастырь. Естественно предположить, что суд вынес решение и относительно тех, кто был непосредственно причастен к делу Сильвестра и Адашева, а также принял рекомендации, обращенные к царю, насчет остальных, что и нашло отражение в приведенном нами отрывке из первого послания Ивана Грозного князю Андрею Курбскому.

Созыв собора 1560 года являлся важнейшим событием государственного значения. Он свидетельствовал о возрождении Иваном IV практики совместной правительственной деятельности церковной и самодержавной власти, символизирующей союз церкви и государства, практики, явственно обозначившейся на рубеже 40-х – 50-х гг. XVI века (пример – Стоглавый собор) и прерванной в период господства Избранной Рады. Теократическое самодержавие, симфония светской и духовной власти были явно не по вкусу ее деятелям. Понятно, почему Курбский именует собор 1560 года *соборищем*,⁴ вкладывая в это слово явно отрицательный смысл. «Курбский, – говорит С.О.Шмидт, – не случайно называет собор, осудивший Адашева и Сильвестра, “соборищем”. В XVI веке слово “соборище” приобрело ругательный

¹ Там же. С. 33, 82.

² Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 109.

³ Ему была уготована весьма незавидная участь, если судить по состоявшейся в скором времени казни его брата Д.Ф.Адашева с сыном Тархом и других родичей. – См.: Библиотека литературы Древней Руси. Т. 11. XVI век. СПб., 2001. С. 412.

⁴ Библиотека литературы Древней Руси. Т. 11. С. 400.

смысл. В представлении Курбского “соборища” – незаконные, несправедливые, с его точки зрения, соборы. Именно этим словом Курбский характеризовал собор, осудивший некогда Иоанна Златоуста. “Соборищем” назвал он и собор 1568 г. в Москве, осудивший митрополита Филиппа. Курбского особо возмущало то, что митрополит был осужден не собором высшего духовенства, а при участии “мирских людей”...».¹

Именно это соединение клириков и мирян в целях совместного управления государством не устраивало реформаторов-западников, сплотившихся вокруг своих лидеров – Сильвестра и Адашева. Оно не удовлетворяло их по двум причинам. Во-первых, единство церкви с государством, лежащее в основе теории божественного происхождения самодержавства, поднимало самодержца на недостижимую для сторонников ограниченной монархии высоту, делая тщетными любые их поползновения на его властные права. Во-вторых, это единство служило апостольской церкви и православной вере твердой защитой и прочной гарантией безопасности как внутри России, так и вне ее, являясь, следовательно, живым источником деятельности русского самодержца в качестве *Удерживающего*. К этим принципиальным моментам, объясняющим негативное отношение Курбского к «товарищам» к учреждениям типа собора 1560 года, примешивались с недавних их мелкие страсти, в частности возникшая у них в процессе церковно-политической борьбы неистребимая ненависть к Иосифу Волоцкому и его последователям иосифлянам – создателям учения о теократическом самодержавстве в Руси.²

Проявивший терпимость царь Иван зря, как оказалось, рассчитывал на исправление заблудших. Те, кого он после собора 1560 года наказал, затаили злобу и по возможности вредили ему. Другие, которых царь привел к присяге (целованию креста), нарушили клятву. По рассказу Грозного, сразу после собора обнаружилось, что для присягнувших «наша заповедь ни во что же бысть и крестное целование преступивше, не токмо отсташа от тех изменников, но и болми начаша им помогати и всячески промышляти, дабы их на первый чин возвратити».³ Если верить государю (а у нас нет оснований ему не верить), на него готовилось даже покушение: «И на нас лютейшее составляли умышление».⁴ Нельзя к тому же забывать, что в это время шла тяжелейшая война, в которую на стороне врагов втянулась почти вся Западная Европа. В ходе войны множились измены, предательства и побеги во вражеский стан. Грозный ответил казнями изменников. «Первые казни бояр в 1564 г., – полагает Р.Г.Скрынников, – предвещали наступление опричного террора

¹ Шмидт С.О. 1) Становление российского самодержавства. Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М., 1973. С. 210–211; 2) У истоков российского абсолютизма. Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М., 1996. С. 233.

² См.: Зимин А.А. Крупная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV–XVI в.). М., 1977. С. 246–250.

³ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 33, 82.

⁴ Там же.

против боярства».¹ Однако *post hoc non est propter hoc* (после этого, но не вследствие этого). По нашему убеждению, предопричные и опричные казни с точки зрения целевых установок – отнюдь не одно и то же.

Предопричные казни носили по сути угрожающе-предупредительный характер, преследующий цель остановить распространение фронды, заставить противников Святорусского царства, наконец, одуматься. Поэтому не случайно эти казни коснулись родственников Адашева,² чем царь Иван давал, очевидно, понять, что ответственность за преступления ложится и на род преступника. Тот же смысл имели, по всей видимости, репрессии, затронувшие друзей и близких Сильвестра и Адашева.³

Опричные казни ориентированы были уже на полное искоренение враждебных сил внутри страны и сплочение ее жителей перед внешним миром. Следовательно, различие предопричных и опричных казней обуславливалось сменой политики сдерживания крамолы на политику тотального ее искоренения. Но вернемся на короткий момент к предопричным казням.

Они имели не тот эффект, на который надеялся Иван Грозный. Все, кто так или иначе чувствовал себя причастным к Избранной Раде и ее вождям Сильвестру и Адашеву, побежали за границу, неся, как в клюве, нужную там информацию о России, являвшуюся нередко секретной. Бегство стало, можно сказать, повальным. Враждебность разгромленных, но недобитых противников самодержавия, церкви и веры возрастала, хотя в среде бояр и дворян, по наблюдениям С.Б.Веселовского, «был определенный раскол: меньшинство покорилося и примкнуло к партии царя, а большинство по-прежнему стояло на почве старых обычаев, ограничивавших, если не формально, то по существу, самодержавие царской власти».⁴ С.Б.Веселовский хотел, наверное, сказать иначе: если не по существу, то формально. Однако не будем гадать. Важнее указать на другое: на большую опасность основам государственно-го строя России, исходившую от «большинства». И беда была совсем не в том, что это «большинство» тянулось к старым обычаям, от которых уже при Иване III остались одни, так сказать, «рожки да ножки».⁵ Она заключалась в том, что названное «большинство» мечтало пересадить на русскую почву политическую систему соседнего Польско-Литовского государства, не столько отстаивая старое, сколько стараясь учредить новое, имеющее к прежним обычаям довольно условное отношение. Положение усугублялось военными и дипломатическими неудачами, порожденными все теми же изменами и предательствами. Царя потрясло бегство (как обнаружилось, заранее и долго планируемое) к польскому королю князя Андрея Курбского – близкого его друга и одного из лучших военачальников Руси. Что оставалось делать Ивану Грозному? Либо продолжать миловать и прощать предателей, а значит, –

¹ Скрынников Р.Г. Переписка Грозного и Курбского. Парадоксы Эдварда Кина. Л., 1973. С. 52.

² См.: Веселовский С.Б. Исследования... С. 112.

³ См.: Скрынников Р.Г. Начало опричнины. Л., 1966. С. 198.

⁴ Веселовский С.Б. Исследования... С. 134.

⁵ См.: Фроянов И.Я. Начала русской истории. Избранное. М., 2001. С. 908–919.

погубить вконец великое государство, завещанное ему отцом и дедом,¹ либо сделать смелый шаг и решиться на чрезвычайные меры. Грозный, как истинный государь, сознающий свою ответственность перед Богом и «православным христианством», избрал второе. И все ж таки надежда на согласие не покидала царь вплоть до драматических событий 1564 года.

Согласно летописным известиям, в воскресенье 3 декабря 1564 года «царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси съ своею царицею и великою княгинею Марьею и съ своими детми, со царевичем Иваном и со царевичем Феодором, поехал съ Москвы в село в Коломенское и праздник Николы Чюдотворца празновал в Коломенском. Подъем же его не таков был, якоже прежде того езживал по монастырем молиться, или на которые свои потехи в объезды ездил: взял же съ собою святость, иконы и кресты, златом и камением драгим украшенные, и суды золотые и серебряные, и поставцы все всяких судов, золотое и серебряное, платие и денги и всю свою казну повеле взяти с собою. Которым же бояром и дворяном ближним и приказным людям повеле съ собою ехати, и тем многим повеле съ собою ехати з женами и з детми, а дворяном и детем боярским выбором изо всех городов, которых прибрал государь быти с ним, велел тем всем ехати съ собою с людьми и съ конми, со всем служебным нарядом».² В Коломенском царь Ивана со всем этим своим сопровождением пробыл две недели из-за «непогодия и беспуты», превративших дороги в непроходимые топи. Когда же оттепель и дожди миновали, а реки стали, «царь и государь» отправился в село «Танинское» (Тайнинское³) на Яузе, откуда затем поехал в Троице-Сергиев монастырь помолиться. Из Троицы Иван выехал в Александрову слободу – конечный пункт своего необычного путешествия. А в Москве в это время «быша Афонасий митрополит всеа Руси, Пимин архиепископ Великого Новаграда и Пъскова, Никандр архиепископ Ростовский и Ярославский и ины епископы и архимандриты и игумены, и царева и великого князя бояре и околничие и все приказные люди; все же о том въ недоумении и во унынии быша, такому государьскому великому необычному подъему, и путного его шествия не ведамо, куды бяше».⁴

Прошел ровно месяц с того дня, как Иван Грозный уехал из Москвы, и «генваря в 3 день прислал царь и великий князь из Слободы ко отцу своему и богомолцу къ Офонасию митрополиту всеа Руси съ Костянтином Дмитриевым сыном Поливанова съ товарищи да список, а в нем писаны измены боярские и воеводские и всяких приказных людей, которые они измены делали и убытки государьству его до его государьского возрасту после отца его блаженные памяти великого государя царя и великого князя Василия Ивановича всеа Руси. И царь и великий князь гнев свой положил на своих бого-

¹ «Под угрозой, – справедливо замечает владыка Иоанн, – оказывалось существование России». – Митрополит *Иоанн (Снычев)*. Самодержавие духа: Очерки русского самосознания. СПб., 1995. С. 148.

² ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. М., 2000. С. 391.

³ См.: *Костомаров Н.И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Кн. I. М., 1990. С. 466.

⁴ ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 392.

молцов, на архиепископов и епископов и на архимандритов и на игуменов. и на бояр своих и на дворецкого и конюшего и на окольных и на казначеев и на дьяков и на детей боярских и на всех приказных людей опалу свою положил в том, что после отца его блаженные памяти великого государя Василия при его государстве в его государские несвершенные лета, бояре и все приказные люди его государства людем многие убытки делали и казны его государские тощили, а прибытков его казне государственной некоторой не прибавляли, также бояре его и воеводы земли его государские себе розумали, и другом своим и племяни его государские земли роздавали; и держачи за собою бояре и воеводы поместья и вотчины великие, и жалования государския кормленные емлючи, и собрав себе великие богатства, и о государе и о его государстве и о всем православном христианстве не хотя радети, и от недругов его от Крымского и от Литовского и от Немец не хотя крестьянства обороняти, наипаче же крестьяном насилие чинити, и сами от службы учали удалятися, и за православных крестьян кровопролитие против безсермен и против Латын и Немец стояти не похотели; и в чем он, государь, бояр своих и всех приказных людей, также и служилых князей и детей боярских похочет которых в их винах понаказати и посмотретьи, и архиепископы и епископы и архимандриты и игумены, сложася з бояры и з дворяны и з дьяки и со всеми приказными людми, почали по них же государю царю и великому князю покрывати; и царь и государь и великий князь от великие жалости сердца, не хотя их многих изменных дел терпети, оставил свое государство и поехал, где вселитися, идеже его, государя, Бог наставит».¹

Иное дело посадские люди Москвы. К ним царь Иван претензий не имел: «К гостем же и х купцом и ко всему православному крестьянству града Москвы царь и великий князь прислал грамоту с Костянтином Поливановым, а велел перед гостьми и перед всеми людми ту грамоту прочести дьяком Путилу Михайлову да Ондрею Васильеву; а в грамоте своей к ним писал, чтобы они себе некоторого сумнения не держали, гневу на них и опалы некоторые нет».²

Как реагировали на царские грамоты люди, бывшие тогда в Москве? По летописи, «слышав же сия пресвященный Афонасий митрополит всеа Руси и архиепископы и епископы и весь освященный собор, что их для грехов сия склочишася, государь государство оставил, зело о сем оскорбеша и в велице недоумении быша. Бояре же и окольные, и дети боярские и все приказные люди, и священнический и иноческий чин, и множества народа, слышав таковая, что государь гнев свой и опалу на них положил и государство свое оставил, они же от многого захлипания слезного перед Офонасием митрополитом всеа Руси и перед архиепископы и епископы и пред всем освященным собором съ плачем глаголюще: “увы! горе! како согрешихом перед Богом и прогневахом государя своего многими пред ним согрешениями и милость его велию превратихом на гнев и на ярость! ныне х кому прибегнем и кто нас помилует и кто нас избавит от нахождения иноплемennых? како мо-

¹ Там же.

² Там же.

гут быть овцы без пастыря? егда волки видят овца без пастуха, и волки восхитят овца, кто изметца от них? такоже и нам как быти без государя?» И иная многая словеса подобная сих изрекоша ко Афонасию митрополиту всеа Русии и всему освященному собору...».¹

Собравшиеся не только неутешно плакали, но и «велием гласом молили» митрополита Афанасия, дабы он с «архиепископы и епископы и со освященным собором подвиг свой учинил и плачь их и вопль утолил и благочестиваго государя и царя на милость умолил, чтобы государь царь и великий князь гнев свой отовратил, милость показал и опалу свою отдал, а государства своего не оставлял и своими государствам владел и правил, якоже годно ему, государю; а хто будет государские лиходеи которые изменные дела делали, и в тех ведает Бог да он, государь, и в животе и в казни его государская воля: “а мы все своими головами едем за тобою, государем святителем, своему государю царю и великому князю о его государской милости бити челом и плакаться”. Также и гости и купцы и все гражане града Москвы по тому же биша челом Афонасию митрополиту всеа Русии и всему освященному собору, чтобы били челом государю царю и великому князю, чтобы над ними милость показал, государства не оставлял и их на разхищение волком не давал, наипаче же от рук сильных избавлял; а хто будет государских лиходеев и изменников, и они за тех не стоят и сами их потребят».²

Описанная сцена происходила на митрополичьем дворе. Выслушав челобитья, митрополит Афанасий «того же дни» (3 января) послал от себя к государю в Александрову слободу «Пимина архиепископа Великаго Новаграда и Пьскова да Михайлова Чюда архимандрита Левкию молити и бити челом, чтобы царь и великий князь над ним, своим отцом и богомолцем, и над своими богомолцы, над архиепископы и епископы, и на всем освященном соборе милость показал и гнев свой отложил, такоже бы над своими бояры и над околничими и над казначеи и над воеводами и надо всеми приказными людьми и надо всем народом крестиянским милость свою показал, гнев бы свой и опалу с них сложил, и на государстве бы был и своими бы государствам владел и правил, как ему, государю, годно: и хто будет ему, государю, и его государству изменники и лиходеи, и над теми в животе и в казни его государская воля».³ Лично митрополит Афанасий «ехати ко государю не изволи для градскаго брежения, что все приказные люди приказы государские отставиша и град отставиша никим же бегом...».⁴

Кроме архиепископа Пимена и архимандрита Левкия, в Александрову слободу «бити челом» сами по себе поехали «Никандр архиепископ Ростовской, Елеуферей епископ Суздальский, Филофей епископ Рязанской, Матвей епископ Крутицкой, Троецкой Сергиева монастыря ахимандрит Меркурей, Спасской архимандрит Галахтион, Симоновской архимандрит Феоктист, Андроньевской архимандрит Иосиф».⁵

¹ Там же. С. 392–393.

² Там же. С. 393.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

Вслед за духовными чинами прямо с митрополичьего двора, не заезжая домой, в Слободу отправились бояре князя Иван Дмитриевич Бельский, Иван Федорович Мстиславский, а также «все бояре и околничие, и казначеи, и дворяне и приказные люди многие». За ними потянулись московские «гос-ти и купцы и многие черные люди со многим плачем и слезами», чтобы «бить челом и плакаться царю и великому князю о его царской милости».

Прибыв в Слободу, архиепископ Пимен и архимандрит Левкий «государю от митрополита Афонасия благословение и челобитье исправили. Архиепископы же и епископы, архимариты и игумены соборне прежде биша челом благочестивому царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси о себе, чтобы их государь пожаловал, очи свои велел им видети: царь и великий князь их пожаловал, очи свои видети им велел. Они же прежде биша челом о себе, чтобы государь милость свою им показал, гнев свой с них сложил; потом же биша челом царю и великому князю отцом его и богомолцом Афонасием митрополитом всеа Руси, чтобы государь для отца своего и богомолца Афонасия митрополита всеа Руси и всего освященного собора милость свою показал, велел очи свои видети бояром и приказным и опалу бы свою им отдал и государьство своими правил, как ему, государю, годно. И многим молением молиша его со слезами о всем народе крестьянском...».²

Царь смиловался и «жаловалное слово рек: "для отца своего и богомолца Афонасия митрополита всеа Руси моления и вас для, своих богомолцов, челобитья государьство свои взяти хотим, а как нам свои государьства взяти и государьство своими владети, о том всем прикажем къ отцу своему и богомолцу к Офонасию митрополиту всеа Руси съ своими бomoголцами". И тогда же в Слободу архиепископом повеле празновати на Богоявление Господне и отпустил их к Москве к отцу своему Афонасию митрополиту».³

Челобитье архиепископов и епископов Иван Грозный принял на том условии, что «изменников, которые измены ему, государю, делали и в чем ему, государю, были непослушны, на тех опала своя класти, а иных казнити и животы их и статки имати; а учинити ему на своем государьстве себе опришнину, двор ему себе и на весь свой обиход учинити особой, а бояр и околничих и дворецкого и казначеев и дьяков и всяких приказных людей, да и дворян и детей боярских и столников и стряпчих и жилцов учинити себе особно, и на дворцах, на Сытном и на Кормовом и на Хлебном, учинити клюшников и подклюшников и сытников и поваров и хлебников, да и всяких мастеров и конюхов и псарей и всяких дворовых людей на всякой обиход, да и стрелцов приговорил учинити себе особно. А на свой обиход повелел государь царь и великий князь, да и на детей своих царевичев Иванов и царевичев Феодоров обиход, города и волости...».⁴

Относительно управления государством царь распорядился так: «Государьство же свое Московское, воинство и суд и управу и всякие дела земские при-

¹ Там же.

² Там же. С. 394.

³ Там же.

⁴ Там же.

казал ведати и делати бояром своим, которым велел быти в земских: князю Ивану Дмитриевичу Белскому, князю Ивану Федоровичу Мстиславскому и всем бояром; а конюшему и дворетцкому и казначею и дьяком и всем приказным людям велел быти по своим приказом и управу чинити по старине, а о больших делах приходит к бояром; а ратные каковы будет вести или земские великие дела, и бояром о тех делах приходит ко государю, и государь з бояры тем делом управу велит чинити. За подъем же свой приговорил царь и великий князь взяти из земского сто тысяч рублев; а которые бояре и воеводы и приказные люди дошли за государьские великие измены до смертны казни, а иные дошли до опалы, и тех животы и статки взяти государю на себя. Архиепископы же и епископы и архимандриты и игумены и весь освященный собор, да и бояре и приказные люди то все положили на государьской воле».¹

Таково основное содержание летописного рассказа, озаглавленного «Поезд большой государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси». Историки по-разному относятся к этому рассказу: одни с известной долей скепсиса,² другие – более доверчиво.³ На наш взгляд, летописец, за исключением единичных деталей, верно излагает события и правильно передает их общую атмосферу, являясь главным информатором насчет введения Опричнины в России. «Мне представляется, – говорил С.Б.Веселовский, – что рассказ летописца о событиях, непосредственно предшествующих указу об опричнине, вполне ясен...».⁴ И он был прав. Следует также согласиться с Б.Н.Флорей, когда он утверждает: «именно рассказ официальной летописи отражает действительное положение вещей».⁵

Помимо летописца, сведениями об отъезде царя Ивана из Москвы в декабре 1564 года и последовавших за тем событиях нас снабжают иностранцы, оказавшиеся тогда в России, – А.Шлихтинг,⁶ И.Таубе и Э.Крузе,⁷ Г.Шта-

¹ Там же. С. 395.

² См., напр.: *Альшиц Д.Н.* Начало самодержавия в России. Государство Ивана Грозного. Л., 1988. С. 108–120.

³ См., напр.: *Веселовский С.Б.* Исследования... С. 133–144; *Зимин А.А.* Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 127–134.

⁴ *Веселовский С.Б.* Исследования... С. 133.

⁵ *Флоря Б.Н.* Иван Грозный. М., 1999. С. 176. Развивая свою мысль, Б.Н.Флоря пишет: «Нет оснований сомневаться, что в летописи, составленной по приказу самого царя, основное содержание грамоты (к митрополиту Афанасию. – *И.Ф.*) было передано правильно» (Там же. С. 177). Добавим к этому слова В.В.Шапошника: «Очевидно, что самый связный рассказ о событиях (декабря 1564 – января 1565 г. – *И.Ф.*) содержится в официальной летописи». – *Шапошник В.В.* Церковно-государственные отношения в России в 30–80-е годы XVI века. СПб., 2002. С. 251. Ср.: *Альшиц Д.Н.* Иван Грозный и приписки к лицевым сводам его времени // Исторические записки. Т. 23. М., 1947; *Шмидт С.О.* 1) Становление российского самодержавства... С. 217–218; 2) У истоков российского абсолютизма... С. 240–241.

⁶ Новое известие о России времени Ивана Грозного. «Сказание» Альберта Шлихтинга. Л., 1934.

⁷ *Рогинский М.Г.* Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе // Русский исторический журнал. Пгр., 1922. Кн. 8.

ден¹ и пр. К известиям этих авторов необходимо относиться крайне осторожно, поскольку они писали свои сочинения, как правило, с целью опорочить русского царя в глазах христианской Европы² и потому были часто неправдивы. Тем не менее историк не может отбросить их. Но он должен пользоваться ими, памятуя при этом о специфичности данного вида источников.

Летописное повествование и сообщения иностранных писателей, просеянные сквозь сито критики, позволяют составить более или менее ясное представление о «большом поезде» царя и великого князя Ивана Васильевича. Прежде всего возникает вопрос, насколько неожиданным (и для кого) был отъезд Ивана IV из столицы? В исторической литературе встречаем на сей счет прямо противоположные суждения.

Еще Н.М.Карамзин, обращаясь к декабрьским событиям 1564 года, замечал: «...вдруг, в начале зимы 1654 года, Москва узнала, что царь едет неизвестно куда...».³ Обстановку неожиданности воссоздает и другой знаменитый отечественный историк, В.О.Ключевский: «...в московском кремле случилось странное, небывалое событие. Раз в конце 1564 г. там появилось множество саней».⁴ Идея неожиданности царского отъезда из Москвы в начале декабря 1564 года перекочевала из дореволюционной в советскую историографию. «Переход к опричнине произошел следующим образом. 3 декабря 1564 г. царь неожиданно выехал из Москвы вместе с семьей в сопровождении “ближних бояр”, дворян и приказных людей и отряда особо отобранных городовых (т.е. провинциальных) дворян», – писал Н.Е.Носов.⁵ Точку зрения внезапности довел до крайности современный исследователь Р.Г.Скрынников, изобразивший отъезд царя Ивана из Москвы в виде некоего экспромта, напрочь лишенного какой-либо продуманности. «Начались “скитания”, – пишет Р.Г.Скрынников, – длившиеся целый месяц. При отъезде из Москвы у царя не было какого-то определенного плана. Во всяком случае, он не думал ехать в Александровскую слободу. По кратчайшей ростовской дороге до слободы можно было добраться в три-четыре дня. Между тем царь выехал из столицы в противоположном направлении в с. Коломенское на Москве-реке к югу от столицы. Чтобы попасть отсюда на северную дорогу, царскому обозу надлежало вернуться в Москву или же ехать проселками кружным путем».⁶ Картина бессмысленных «скитаний» Ивана Грозного, нарисованная Р.Г.Скрынниковым, произвела, очевидно, сильное впечатление на С.Э.Цветкова, который говорит: «Похоже было, что и сам Иван не знал

¹ Штаден Генрих. Записки немца-опричника. М., 2002.

² Флоря Б.Н. Иван Грозный. С. 171, 175.

³ Карамзин Н.М. История Государства Российского. Кн. третья. Т. IX. М., 1989. Стб. 42.

⁴ Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. Т. II. М., 1988. С. 163.

⁵ Очерки истории СССР. Конец XV – начало XVII вв. Л., 1957. С. 132.

⁶ Скрынников Р.Г. 1) Начало опричнины. С. 233; 2) Царство террора. СПб., 1992. С. 208. Нечто похожее рисовал П.А. Садиков, по словам которого Грозный, «лихорадочно прометавшись по подмосковным селам, наконец, нашел отдохновение в Александровской Слободе». – Садиков П.А. Из истории опричнины царя Ивана Грозного // Дела и дни. 1921. Книга вторая. Пгр., 1921. С. 3.

толком, куда он едет. Его “скитания” длились целый месяц. Царский поезд выехал из Москвы в южном направлении – к селу Коломенскому, в котором остановился на две недели. Затем царь круто повернул на север и, объехав столицу, на несколько дней задержался в селе Тайнинском. И только после этого он через Троицу отправился в Александровскую слободу, где и обосновался окончательно».¹

Р.Г.Скрынникову решительно возражал Д.Н.Альшиц,² выдвинувший идею о постепенной и осмысленной разработке плана учреждения Опричнины и (что особенно существенно для концепции автора) идею о «долговременных факторах вызревания опричнины».³ В плане последней идеи указ Ивана о введении Опричнины являлся, по мысли Д.Н.Альшица, «документом, завершающим идеологическую подготовку опричнины», начало которой положила «Челобитная», написанная якобы царем от имени Ивана Пересветова.⁴ К числу «долговременных факторов» относились и многие реформы Избранной Рады, которые «вели в перспективе к опричнине, создавали предпосылки и условия для перехода к ней».⁵ Что касается отъезда царя из Москвы в начале декабря 1564 года, то он не мог быть осуществлен в одночасье, поскольку требовал тщательной подготовки.⁶ К такому же заключению приходит и В.В.Шапошник: «Представляется, что отъезд царя не мог быть неожиданным – чтобы собраться и захватить с собой всю святость, требовалось время».⁷

Ради справедливости надо сказать, что аналогичные соображения в исторической науке высказывались и раньше. Так, М.Н.Покровский писал: «Внезапный отъезд в значительной степени ослабляется тем, что Иван Васильевич взял с собою всю свою ценную движимость – всю “святость, иконы и кресты, златом и драгим камением украшенные”, сосуды, золотые и серебряные, весь свой гардероб и всю свою казну – и мобилизовал всю свою гвардию – “дворян и детей боярских выбор из всех городов, которых прибрал государь быти с ним”. Всех этих приготовлений нельзя было сделать ни в один, ни в два дня...».⁸ И.И.Полосин «в попытке Ивана IV “покинуть

¹ Цветков С.Э. Иван Грозный. 1530–1584. М., 2005. С. 336.

² Альшиц Д.Н. Начало самодержавия в России... С. 112–113.

³ Там же. С. 108–111.

⁴ Там же. С. 83–84, 109.

⁵ Альшиц Д.Н. Начальный этап истории самодержавия // Вопросы истории. 1985, № 9. С. 51.

⁶ Альшиц Д.Н. Начало самодержавия в России... С. 113–114.

⁷ Шапошник В.В. Церковно-государственные отношения в России в 30–80-е годы XVI века. СПб., 2002. С. 251. См. также: Шапошник В.В. Иван Грозный: Первый русский царь. СПб., 2006. С. 228.

⁸ Покровский М.Н. Избранные произведения: В четырех книгах. Кн. I. М., 1966. С. 305. «Самый отъезд Грозного из Москвы 3 декабря 1564 г. не был чем-то таинственным, как любили иногда изображать это дело старые исследователи, но он был действительно несколько странным на первый взгляд», – говорил П.А. Садиков. – См. Садиков П.А. Из истории опричнины XVI в. // Исторический архив. III. М.; Л., 1940. С. 128.

царство»» обнаружил не истерику, а «трезвый политический расчет».¹ Согласно А.А.Зимину, «введение опричнины было по сути дела продолжением мероприятий правительства 50-х годов XVI в.»² С.О.Шмидт, сопоставив летописные известия с рассказами иностранных авторов, пришел к заключению что «царский “подъем” не был столь неожиданным и таинственным, как привыкли повторять вслед за летописью историки».³ Или: «Кажется, придется расстаться с привычным представлением о причуде сумасбродного тирана — ничем не вызванном внезапном и таинственным отъезде Ивана IV из Москвы в Александровскую слободу. Отъезд не был ни внезапным, ни таинственным».⁴

Действительно, подобного рода поездки вдруг не совершаются. Они нуждаются в обдумывании и подготовке, хотя и не столь длительной, как кажется Д.Н.Альшицу. Думается, что на основании имеющихся у нас данных, можно догадаться о времени, когда Иван Грозный, разуверившись в возможности восстановления самодержавия и, следовательно, эффективной защиты апостольской церкви и православной веры без применения тотальных репрессий, замыслил учреждение Опричнины и приступил к подготовке реализации своего политического проекта. Это время, на наш взгляд, непосредственно связано со смертью митрополита Макария и последовавшими после кончины святителя событиями.

Митрополит Макарий умер 31 декабря 1563 года. В его лице Иван Грозный потерял мудрого наставника и самого верного, надежного сподвижника. Государь им чрезвычайно дорожил. Когда Макарий незадолго до своей смерти заявил о желании оставить кафедру и вернуться в Боровский монастырь, где принял когда-то постриг, царь вместе с сыновьями слезно просил его остаться и едва умолил его.⁵ Б.Н.Флоря усматривает в поведении царя Ивана политический расчет: «Царь, очевидно, понимал, что уход Макария будет воспринят как публичное осуждение его политики, и стремился этого не допустить».⁶ Сходным образом рассуждает В.В.Шапошник: «Перед смертью тяжелобольной митрополит, которому к тому времени было около восьмидесяти лет, хотел уйти в свой монастырь, в котором принял постриг, но царь не допустил этого. Вероятно, Грозный опасался, что уход с митрополичьего престола столь уважаемого пастыря, как Макарий, может быть истолкован как осуждение им царской политики».⁷ Вряд ли это так. Едва ли для

¹ Полосин И.И. Социально-политическая история России XVI — начала XVII в. М., 1963. С. 150.

² Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV — начало XVII в. М., 1955. С. 303.

³ Шмидт С.О. 1) К истории соборов XVI в. // Исторические записки. Т. 76. 1965. С. 131; 2) Становление российского самодержавства... С. 226; 3) У истоков российского абсолютизма ... С. 249.

⁴ Шмидт С.О. 1) К истории соборов XVI в. С. 143; 2) Становление российского самодержавства... С. 245; 3) У истоков российского абсолютизма... С. 267–268.

⁵ Повесть о кончине Макария // Макарий (Веретенников). Святитель Макарий митрополит Московский и всея Руси (1482–1563). М., 1996.

⁶ Флоря Б.Н. Иван Грозный. С. 172.

⁷ Шапошник В.В. Иван Грозный... С. 218.

общества было секретом, что митрополит находился в глубокой старости и предсмертной болезни. Поэтому его уход в монастырь выглядел вполне естественно. И вряд ли удаление Макария от дел люди восприняли бы так, как об этом говорят Б.Н.Флоря и В.В.Шапошник. Все было, по нашему мнению, проще и человечнее. В силу эмоциональности натуры Иван сильно привязался к святителю и не хотел разлучаться с ним, оставаясь в одиночестве, лицом к лицу с многочисленными врагами царского престола. Политические соображения здесь, безусловно, имели место, но они отступали на второй план, тем более что кандидат на митрополичью кафедру был, вероятно, Грозному известен, — это инок Чудова монастыря Афанасий.

Смерть митрополита Макария, несомненно, ослабила позиции Ивана IV в борьбе с крамолой. Царю поневоле приходилось задумываться над тем, какими средствами обуздать, наконец, своих противников и восстановить в полном объеме российское самодержавство. Царь, по-видимому, надеялся на преданность, поддержку и помощь Афанасия, причем, казалось, не безосновательно.

Афанасий — в недавнем прошлом протопоп Андрей кремлевского Благовещенского собора и многолетний духовник царя — пользовался расположением и доверием Ивана IV,¹ причем был, очевидно, близок и к митрополиту Макарию.² В 1562 году он постригся в Чудове монастыре под именем Афанасия,³ но при этом, похоже, оставался духовником государя,⁴ что свидетельствует о безусловном к нему расположении государя и придает пострижению особый смысл. Однако вовсе не тот, о котором пишет А.А.Зимин: «Андрей Протопопов (будущий митрополит Афанасий), духовник царя, в середине века принадлежал к числу наиболее доверенных лиц Ивана IV. Он близко стоял к деятелям Избранной рады. Гонения на сторонников Адашева в 1561–1562 гг. могли быть одной из причин, почему Андрей в 1562 г. постригся в Чудовом монастыре в монахи под именем Афанасия».⁵ Весьма неправдопо-

¹ См.: Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. С. 239. «Афанасий, несомненно, принадлежал к числу наиболее близких к царю представителей духовенства», — пишет Б.Н.Флоря. — Флоря Б.Н. Иван Грозный. С. 172.

² Успенский Б.А. Царь и патриарх: харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление). М., 1998. С. 76 (прим. 79).

³ См.: Псковские летописи. Вып. II. М., 1955. С. 245.

⁴ См.: Васенко П.Г. «Книга степенная царского родословия» и ее значение в древнерусской исторической письменности. Ч. I. СПб., 1904. С. 204–212; Смирнов С.И. 1) Житие преподобного Даниила Переяславского чудотворца. М., 1908. С. IX–XII; 2) Древнерусский духовник. Исследование по истории церковного быта. М., 1913. С. 251; Успенский Б.А. Царь и патриарх... С. 76 (прим. 79); Флоря Б.Н. Иван Грозный. С. 172. В.В.Шапошник, возражая Б.А.Успенскому в данном вопросе, ссылается на летопись, где будто бы Афанасий прямо называется «прежебывшим Благовещенским протопопом и духовником царя» (Шапошник В.В. Церковно-государственные отношения в России... С. 381, прим. 38). Но летописец сбивается то на «прежебывшего Благовещенского протопopa и духовника царя», то на «прежебывшего протопopa Благовещенского». — ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 380.

⁵ Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. С. 239. См. также: Зимин А.А. Митрополит Филипп и опричнина // Вопросы истории религии и атеизма. Сб. II. М., 1963.

добно, чтобы Афанасий, близко стоящий к деятелям Рады, получил возможность постричься в кремлевском монастыре. Его, конечно, «упекли» бы куда-нибудь подальше — в какую-либо удаленную от Москвы обитель, как это делалось обычно с опальными людьми. И уж совсем не реально, чтобы близкий к Адашеву человек взошел на митрополичий престол. Иван Грозный не допустил бы такого ни под каким видом, тем более что в поставлении Афанасия именно он играл первую роль:¹ «Повелением благочестиваго царя и великаго князя Ивана Васильевича, всеа Руси самодержца, поставлен был на митрополию старецъ Афанасий, прежебывший протопоп Благовещеньский...».² Догадка А.А.Зиминой показалась сомнительной и другим исследователям.³ Один из них, В.В.Шапошник, замечает, что уход Афанасия в монастырь «мог быть совсем не связан с деятельностью Грозного и падением “Избранной рады”». Царский духовник мог просто овдоветь и тогда по церковным правилам, во-первых, мог жить как мирянин; во-вторых, получать четвертую часть доходов церкви, но не служить; в-третьих, уйти в монастырь и иметь возможность в обители “священнически действовать” <...>. Таким образом, если Андрей действительно овдовел, но хотел остаться священником, то ему просто не оставалось другого выхода, как постричься в монахи. Наконец, для подобного шага могли быть и другие причины».⁴ Вот то-то и оно: были и другие причины, причем более реальные и важные, чем те, на которые указал историк.

Надо думать, что пострижение Афанасия являлось приготовлением его к занятию митрополичьей кафедры. Вспомним, что митрополит Макарий находился в весьма преклонном возрасте, и следовало уже позаботиться о преемнике первосвященителя. В условиях «крамолы бояр», «козней Литвы» и «тайных подкопов» царь не мог не задумываться о том, кто придет на смену митрополиту Макарию, а тем более пустить это важнейшее государственное дело на самотек. Примечательно в этой связи пострижение Афанасия в кремлевском Чудове монастыре (т.е. поблизости от царского и митрополичьего дворов), свидетельствующее о стремлении постриженника не удаляться от религиозного и политического центра Русского государства.⁵ Кроме того, Чудов монастырь, будучи одним из старейших московских монастырей (1365 г.), являлся хорошей стартовой площадкой для взлета на митрополичий престол. Даже сравнительно короткое пребывание в нем позволяло, вероятно, выставляться на пост митрополита. Кстати, на данное обстоятельство, кажется, обратил внимание псковский летописец, сделавший такую запись: «...преставися митрополит Макарий <...> и поставлен бысть митропольский епископ Афонасии

¹ Веселовский С.Б. Исследования... С. 74; Шапошник В.В. Церковно-государственные отношения в России... С. 247–248. Ср.: Скрынников Р.Г. Начало опричнины. С. 223.

² ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 380.

³ См., напр.: Макарий (Веретенников). Всероссийский митрополит Афанасий // Богословские труды. Сб. 25. М., 1984. С. 254 (прим. 19); Шапошник В.В. Церковно-государственные отношения в России... С. 244.

⁴ Шапошник В.В. Церковно-государственные отношения в России... С. 244–245.

⁵ См.: Там же. С. 245.

инок ис Чюдова монастыря, а был прежде протопоп благовещенский. И как постригся два лета ему прошло в чернечестве до митрополитства».¹

Итак, с ведома царя Ивана и, возможно, по царскому повелению Афанасия готовили к занятию митрополичьей кафедры. Но делали это, по всей видимости, скрытно. Поэтому вряд ли прав С.Б.Веселовский, говоря о том, будто Афанасий проживал в Чудове монастыре на покое.² Нет также никаких оснований говорить об охлаждении между государем и Афанасием, наступившем вследствие пострижения последнего, как это делает А.Л.Хорошкевич.³

Отвечая на вопрос, почему царь остановил свой выбор на кандидатуре Андрея-Афанасия, С.Б.Веселовский писал: «Быть может, царь, зная Афанасия по духовничеству, рассчитывал, что он будет санкционировать авторитетом митрополита сана все его действия, не претендуя хотя бы на относительную самостоятельность мнений и поступков».⁴ В.В.Шапошнику представляется, что «С.Б.Веселовский прав – очевидно, Грозный стремился видеть на престоле [митрополичьем] послушного себе, самого близкого представителя духовенства, причем такого, который бы зависел во всех своих поступках от государя. Ведь Афанасий едва ли обладал достаточным авторитетом среди иерархов...».⁵ Иван Грозный, следовательно, «рассчитывал, что не пользующийся поддержкой среди духовенства Афанасий будет послушным исполнителем его воли».⁶

Мы не стали бы выискивать у Ивана Грозного интерес заполучить на митрополичьем столе в лице Афанасия рабски послушного себе человека, лишённого какой бы то ни было самостоятельности по части мнений и поступков. Нам кажется, что царь Иван желал найти в Афанасии сотрудника, помощника и доброго советчика, наподобие покойного митрополита Макария. И это желание не было беспочвенным. Афанасий, много лет окормлявший Ивана IV в качестве духовника, прекрасно знал радости, беды, горести и прегрешения своего духовного сына. Короче, царь Иван ждал помощи от нового митрополита. Однако его ожидания не оправдались. Афанасий не по злumu, полагаем, умыслу, а по слабости характера и недалёковидности начал подыгрывать врагам Грозного. Согласно Р.Г.Скрынникову, «с избранием митрополита Афанасия новое церковное руководство стало рупором боярской оппозиции внутри страны».⁷ Это, конечно, преувеличение. Но то, что митрополит сблизился с противниками Ивана, – факт бесспорный.

Подобное поведение митрополита можно объяснить только тем, что после церковно-государственного собора 1560 года, осудившего Сильвестра с Адашевым и санкционировавшего преследование их сторонников, оппозицион-

¹ Псковские летописи. Вып. II. С. 245.

² Веселовский С.Б. Исследования... С. 116.

³ Хорошкевич А.Л. Митрополит Афанасий и царь Иван Грозный // In memoriam. Сб. памяти Я.С. Лурье. СПб., 1997. С. 285.

⁴ Веселовский С.Б. Исследования... С. 116.

⁵ Шапошник В.В. Церковно-государственные отношения в России... С. 247.

⁶ Шапошник В.В. Иван Грозный... С. 223.

⁷ Скрынников Р.Г. Начало опричнины. С. 222.

ные силы, поставленные перед перспективой полного уничтожения, сплотились вновь, что произвело, по-видимому, сильное впечатление на Афанасия, сошедшего в этих условиях с принципиальной позиции и ставшего на путь политического маневрирования. Вероятно, митрополит Афанасий усомнился в окончательной победе Ивана IV над оппозицией и потому выступил вместе с ней, несмотря на добрый жест Ивана – предоставление податных привилегий митрополичьей кафедре.¹ Тем ошеломительнее, вероятно, для царя был альянс митрополита с фрондирующей знатью.

О совместном демарше митрополита с боярами сообщает А.Шлихтинг, по рассказу которого можно догадаться, что оппозиционное движение боярства заметно оживилось с убийством князя Д.Ф.Овчины-Оболенского, совершенным псарями по приказу Ивана Грозного.² Это убийство задевало «в первую очередь высшую титулованную знать. Овчина был двоюродным братом князя Д.И.Немого, одного из признанных вождей оппозиции в Боярской думе».³ Расправа с Овчиной могла легко перерасти в расправу над всей оппозицией. Правда, время казни Овчины нам с точностью неизвестно. Поэтому историки предлагают разные версии. «У Шлихтинга сказано, по-видимому, правильно, – замечал С.Б.Веселовский, – что смерть Дмитрия Овчинина произошла непосредственно перед учреждением опричнины...».⁴ Но у Шлихтинга, как мы убедимся чуть ниже, сказано о смерти Овчины не позже, чем за полгода до введения Опричнины. К тому же сам С.Б.Веселовский говорит, что во второй половине 1564 года, т.е. «перед учреждением опричнины», «заметно затишье в опалах».⁵ Предположение С.Б.Веселовского о времени расправы Грозного с Овчиной построено, стало быть, на шатких основаниях.

Другое мнение высказал А.А.Зимин, согласно которому вместе с князьями Юрием Ивановичем Кашиным и Михаилом Петровичем Репниным, казненным 30 января 1564 года, был также лишен жизни «третий представитель оболенских княжат – Дмитрий Федорович Овчина (сын воеводы Ф.В.Овчины Телепнева <...> и племянник Ивана Телепнева, фаворита Елены Глинской)».⁶ Однако данное мнение А.А.Зимина трудно согласовать с известиями Шлихтинга, по смыслу которых митрополит Афанасий и бояре заявили свой протест царю Ивану, возмущенные казнью Дмитрия Овчины. Ни Ю.И.Кашин, ни М.П.Репнин в рассказе А.Шлихтинга не фигурируют. Значит, убийство Овчины, по Шлихтингу, было разделено во времени с казнью

¹ См.: *Каштанов С. М.* Финансы средневековой Руси. М., 1988. С. 171; *Шапошник В. В.* Церковно-государственные отношения в России... С. 249.

² А.М.Курбский утверждал, будто князя Дмитрия царь убил собственноручно. – Библиотека литературы Древней Руси. Т. 11. С. 412.

³ *Скрынников Р. Г.* 1) Начало опричнины. С. 223. См. также: *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 204.

⁴ *Веселовский С. Б.* Исследования... С. 421.

⁵ Там же. С. 116–117. В другой раз С.Б.Веселовский говорит, что «решению царя учредить Опричный двор (декабрь 1564 г.) действительно предшествовал приблизительно полугодовой перерыв в опалах как передышка столкнувшихся сторон перед новой, еще более жестокой, чем прежде, схваткой». – Там же. С. 74.

⁶ *Зимин А. А.* Опричнина Ивана Грозного. С. 108–109.

Кашина и Репнина. Оно, вероятно, имело место несколько позднее казни князей Кашина и Репнина, что больше соответствует рассказу А.Шлихтинга. Пора, однако, обратиться непосредственно к этому рассказу.

А. Шлихтинг сообщает, что «пораженные жестокостью этого поступка (убийством Овчины. — И.Ф.) некоторые знатные лица и вместе верховный священнослужитель сочли нужным для себя вразумить тирана воздержаться от столь жестокого пролития крови своих подданных невинно, без всякой причины и проступка. Они говорили, что христианскому государю не подобает свирепствовать против людей так, как против скотов; пусть он побоится справедливой кары от Бога, который обычно наказует за невинную кровь даже в третьем поколении. Несколько пораженный этим внушением и особенно тревожимый стыдом пред верховным священнослужителем, он, не находя никаких причин к оправданию, подал надежду на исправление жизни и в продолжение почти шести месяцев оставался в спокойствии».¹ С.Б.Веселовский относил это сообщение Шлихтинга к разряду чрезвычайно ценных,² что, по всей видимости, справедливо. Но историк, на наш взгляд, ошибается, когда истолковывает демарш митрополита и бояр перед царем Иваном как «попытку внести некоторое примирение» между ним и боярством.³

В несколько ином ключе, чем А.Шлихтинг, повествует о выступлении митрополита в сообществе с противниками Грозного другой иностранец, А.Гваньини: «Наконец, сам митрополит, обдумав все, епископы и все дворяне пришли к нему, настойчиво спрашивая, почему без всякой вины он уничтожает народ свой и выдающихся мужей. После их прихода и уговоров он в течение полугода был как будто более человечен и кроток».⁴

Отмеченные Шлихтингом и Гваньини полгода, проведенные Иваном Грозным будто бы в «спокойствии» и «кротости», послужили для исследователей датирующим признаком. Правда, и здесь нет единства мнений: одни относят протест митрополита и «знатных лиц» против казней к апрелю – маю 1564 года,⁵ а другие – к июлю того же года.⁶ Надо сказать, что иностранцы называют, по всей видимости, приблизительный срок, на протяжении которого Иван вел себя якобы тихо («в продолжение почти шести месяцев оставался в спокойствии»). Доводы же, выдвигаемые сторонниками июльской датировки столкновения в Кремле, не убеждают. Так, по В.В.Шапошнику, «если бы выступление Афанасия произошло весной, то едва ли он мог ока-

¹ Новое известие о России времени Ивана Грозного. «Сказание» Альберта Шлихтинга. Л., 1934. С. 17–18.

² Веселовский С.Б. Исследования... С. 73.

³ Там же. С. 74.

⁴ Гваньини А. Описание Московии. М., 1997. С. 97.

⁵ Веселовский С.Б. Исследования... С. 117; Хорошкевич А.Л. Митрополит Афанасий... С. 286. По догадке С.Б.Веселовского, «это произошло весной 1564 г., после побега кн. Курбского». – Там же. С. 74.

⁶ Скрынников Р.Г. 1) Начало опричнины. С. 222 (прим. 1); 2) Царство террора. С. 203; Шапошник В.В. Церковно-государственные отношения в России... С. 249–250. В другой раз В.В.Шапошник говорит о лете, т.е. менее определенно. – См.: Шапошник В.В. Иван Грозный... С. 224.

заться с царем в Никитском монастыре. К тому же полгода “спокойствия” до введения опричнины, о котором пишет Шлихтинг, можно отсчитать с лета 1564 г. Весной могли быть лишь “негласные увещевания”, душеспасительные беседы наедине.¹ Непонятно, почему Афанасий после упомянутого инцидента не мог оказаться с царем в Никитском монастыре. Ведь то было не простое или необязательное посещение монастыря, а поездка, связанная с освящением каменной церкви «во имя великомученика Христова Никиты», построенной в обители: «Маия в 7 день царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси ездил с Москвы в Переяславль-Залесьской и со царицею своею великою княгинею Мариею и с сыном своим со царевичем Иваном в Никитцкой монастырь милитися к Никите Чюдотворцу и церковь камену в Никитцком монастыре во имя великомученика Христова Никиты свящати; да со царем же и великим князем был князь Володимир Андреевич: да на освящении же церкви в Никитцком монастыре был Афонасий митрополит всеа Руси. Бе бо государь царь и великий князь велику веру держаше к преподобному чюдотворцу Никите, и в том монастыре постави церкви и трапезу камены, и украсив церкви иконами и книгами и всякими утварми церковными, и землями монастырь издоволи. И ограду камену вокруг монастыря повеле учинити».² Как видим, на освящении храма Никиты-чудотворца были царь с царицей и наследником престола, а также Владимир Андреевич Старицкий – потенциальный претендент на царскую корону. Царь Иван, как явствует из летописи, с величайшим почтением и вниманием относился «к преподобному чудотворцу Никите», и церковь, возведенную в честь святого, богато украсил. Мог ли митрополит Афанасий оставаться в этом случае в стороне от события и не ездить на освящение церкви, даже если поездка выпала на время после его протестного выступления? Едва ли. Эта поездка являлась, так сказать, протокольной и потому обязательной, за вычетом, разумеется, двухмесячного «объезда», предпринятого затем Иваном IV.³

Однако летописец дает понять, что между царем и митрополитом уже существует некоторое отчуждение. Оказывается, митрополит Афанасий лишь присутствует при освящении церкви («на освящении же церкви в Никитцком монастыре был Афонасий митрополит всеа Руси»), тогда как по логике вещей освящать ее должен был бы он сам. Мы усматриваем в этой «пассивности» Афанасия намек на осложнение взаимоотношений царя с первосвятителем, приходя к выводу, прямо противоположному тому, что сделал В.В.Шапошник, идущий по следам Р.Г.Скрынникова,⁴ а именно: совместная поездка митрополита Афанасия с царем Иваном IV в переяславский Никитский монастырь состоялась после описанного А.Шлихтингом и А.Гваньини протестного события, произошедшего до 7 мая 1564 года.

Необходимо далее сказать, что этой поездке посвящена отдельная «Повесть о свершении большия церкви Никитского монастыря», написанная вско-

¹ Шапошник В.В. Церковно-государственные отношения в России... С. 249–250.

² ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 383.

³ См.: Там же. С. 384.

⁴ Шапошник В.В. Церковно-государственные отношения в России... С. 249–250.

ре после данного события – в конце 1564 года,¹ когда разлад Ивана с Афанасием вышел наружу и приобрел публичный характер. Автор «Повести», благожелательно настроенный по отношению к митрополиту, постарался сгладить впечатление, производимое конфликтом между ним и царем. Он рассказывает, как «благочестивый царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси», узнав о завершении строительства храма в Никитском монастыре, «начаша советовати со отцем своим преосвященным архиепископом Афонасием митрополитом всеа Руси, чтобы ему на освящении быти тоя святыя церкви в преименитом граде Переяславле и во обители великаго чудотворца Никиты».² Здесь слова повествователя созвучны летописной версии, согласно которой митрополит Афанасий лишь присутствовал («был») на освящении монастырского храма. Но затем у него читаем нечто иное: «И освящена бысть церковь Христова мученика Никиты новосвятейшим архиепископом Афонасием митрополитом всеа Руси, месяца мая в 14 день, на память святого мученика Исидора и другого Сидора, Христа ради уродиваго, ростовского чудотворца».³ Знакомясь с приведенной записью, можно подумать, что «быть» и «освящать», согласно автору «Повести», – одно и то же. Однако это не так, точнее – не совсем так, что явствует из ближайшего текста: «И быша же на освящении тоя церкви со святейшим Афонасием митрополитом: Никандр архиепископ ростовский и живоначальные Троицы Сергиева монастыря архимарит Меркурий, и ис преименитаго града Москвы честная обители небеснаго воеводы архистратига Михаила и славного его честнаго чудеси, еже есть в Хонех архимарит Левкея, и того же преименитаго града соборные церкви пречистые Богородици, честнаго ея успения протопоп Дмитрий и протодиякон Василей, и переславские архимариты, пречистые Богородицы Горицкого монастыря архимарит Димитрий, и живоначальные Троицы Данилова монастыря архимарит Кирило, и соборные церкви боголепнаго Преображения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа протопоп Павел, и инии мнозии игумени и священники, соборне служиша с архиепископом святейшим Афонасием митрополитом всеа Руси, по всем престолом тоя обители, хвалу воздающее Богови и угодником его, великому Христову мученику Никите и преподобному мученику Никите переяславскому чудотворцу».⁴ Названные священнослужители, как видим, присутствовали («быша») на освящении «большие церкви Никитского монастыря», а потом с митрополитом Афанасием соборно служили «по всем престолом тоя обители». Кстати сказать, царь Иван также принимал участие в службах, следовавших за освящением храма: «И на заутрени первую статью сам благочестивый царь чел и божественная литоргия слушал и крестным пением с своею станицею. Сам же государь пел на заутрени и на литоргии...».⁵

¹ Тихомиров М.Н. Новый материал об Иване Грозном // ТОДРЛ. XIV М.; Л., 1958. С. 252.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 252–253.

⁵ Там же. С. 253.

Знакомство с «Повестью о свершении большия церкви Никитского монастыря» обнаруживает стремление ее составителя представить отношения Афанасия с Иваном IV как ничем неповрежденные и вполне соответствующие единодушию «священной сугубицы», т.е. царя и митрополита.¹ Это стремление было обусловлено, очевидно, событиями 1564 года, когда митрополит Афанасий переметнулся на сторону боярской оппозиции, поколебав единство церковной и царской власти. Автор «Повести» поставил перед собой довольно сложную задачу. Отсюда у него противоречивость повествования: с одной стороны, митрополит только присутствует при освящении церкви Никитского монастыря, а с другой – освящает ее сам. К этому надо добавить, что само написание отдельной повести об освящении провинциальной церкви, сооруженной в честь святого не первой величины, – факт достаточно необычный, свидетельствующий о специфических целях, преследуемых ее автором. Допустим, впрочем, что митрополит Афанасий все же освящал храм Никитской обители. Но и тогда остается весьма сдержанный и не вполне определенный (в части, касающейся митрополита Афанасия) рассказ официальной летописи об этом событии, указывающий, по нашему мнению, на известную натянутость отношения царя Ивана к митрополиту Афанасию, вызванную предательским поведением последнего. Вернемся, однако, к иностранным нашим информаторам.

Как уже отмечалось, рассказы Шлихтинга и Гваньини несколько отличаются друг от друга по общему тону повествования о выступлении группы бояр во главе с митрополитом, осудивших применение карательных мер царя относительно неповинных якобы людей. Если, по Шлихтингу, акция протестующих носила преимущественно увещательный характер, то, по Гваньини, – наступательный: пришедшие к царю настойчиво потребовали у него объяснений, почему он «без всякой вины уничтожает народ свой и выдающихся мужей». Версия А.Гваньини нам кажется предпочтительней и вот почему. Во-первых, она имеет некоторое основание в рассказе А.Шлихтинга, где говорится, что царь не нашел никаких причин к своему оправданию и вынужденно, т.е. под давлением, «подал надежду на исправление». Государь, следовательно, был поставлен митрополитом и боярами перед необходимостью искать эти оправдания и давать какие-то обещания или обязательства, что, безусловно, свидетельствует о сильном напоре на него, перешагнувшем, очевидно, за грань допустимого в обращении подданных с самодержцем. Во-вторых, версия Гваньини более соответствует реакции Ивана на происшедшее. Оказывается, Иван IV настолько был поражен поведением митрополита и бояр, что присмирел, затих и на протяжении полугода никого не трогал, – согласно Шлихтингу, «оставался в спокойствии», а по Гваньини, вел себя «кротко» и «человечнее». Сообщения Шлихтинга и Гваньини о полугодовой паузе в карательной политике Ивана Грозного подтверждаются современными историками. По словам С.Б.Веселовского, «во второй половине 1564 г. перед учреждением опричнины, действительно, заметно зати-

¹ См.: Митрополит *Иоанн (Снычев)*. Самодержавие духа: Очерки русского самосознания. СПб., 1995. С. 157–158.

шье в опалах».¹ Что же так поразило воображение царя Ивана и заставило его уйти «в подполье»?

На наш взгляд, Грозный особенно был потрясен поведением митрополита Афанасия, на верность которого рассчитывал. Да и как не рассчитывать на человека, которому много лет доверял как своему духовнику, которого долгие годы поддерживал и сделал, наконец, митрополитом. Ведь совсем недавно при вступлении в митрополичий сан Афанасий проникновенно говорил в речи, обращенной к государю: «Всемогущая и вседержащая десница Вышняго, да сохранит Господь Бог поставление твое Российское царство, самодержавный царю и владыко, мирно да будет и многолетное твое государство и победно, со всеми повинующимися тебе бывает в веки и в век века, во вся дни живота твоего! мы же аще и недостойни такового величества сану, но обаче Божию повинувшися, должны есмя о многолетном царствии и о вашей царице и о ваших детех и о всех повинующихся вашему самодержавному царствию молити всемогущую десницу в Троице славимого Бога нашего и пречистую Его Матерь и великих чудотворцов Петра и Алексея и Иону и всех святых, яже на ползу, строения; и во благоденстве душевне и телесне здрав, здрав, здрав, добро творя, животоносен владыко, самодержец многолетен!».² Как видим, мысль о повинующихся самодержцу проходит красной нитью через речь новопоставленного митрополита. И что же? Те, кто обязан был повиноваться царю, приходят к нему с недовольством и неодобрением его политики, а во главе фрондирующих бояр оказывается митрополит, пользующийся расположением и доверием государя. Тут было чему поразиться. Но это – сугубо личные, человеческие впечатления Ивана. Помимо этих впечатлений, была еще и оценка им случившегося с точки зрения государственной в плане расклада политических сил. И здесь он должен был с неприятным удивлением признать, что впервые за все его царствование на стороне оппозиции выступил митрополит всея Руси. Оппозиция, таким образом, заметно усиливалась и приобретала новое качество наивысшей опасности. Иван Грозный окончательно понял, что без чрезвычайных мер ему не обойтись.³ Необходимо было подготовиться к ним, и он затаил, обдумывая ход своих дальнейших действий.⁴ Однако это не значит, будто государь перепугался, как пытается представить события С.О.Шмидт: «Феодальная оппозиция попыталась <...> “вразумить” царя. Оппозицию поддерживал митрополит. Царь, видимо, не ожидал такого выступления, на время присмирел и, затаив страх и ненависть, стал готовиться к более решитель-

¹ Веселовский С.Б. Исследования... С. 74, 116–117.

² ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 381.

³ «Открытое выступление митрополита и части бояр против казней, о которых сообщают иностранцы, – пишет В.В.Шапошник, – показало Грозному всю сложность его положения: действовать дальше, выводя измену и оставаясь в привычном окружении, было невозможно. Следовало принять решительные и неожиданные для недовольных меры». – Шапошник В.В. Церковно-государственные отношения в России... С. 250.

⁴ См.: Там же.

ной схватке».¹ Более убедительную картину рисует П.А.Садиков: «Боярство, все приверженцы “старины”, во главе с новопоставленным после смерти Макария митрополитом Афанасием, вздохавшие о временах “избранной рады” с ее благолепным придворным бытом, подняли открытый протест и демонстративно заявили Ивану о необходимости “образумиться” <...>. Грозный был до крайности поражен боярской демонстрацией, временно приостановил всякие репрессии, но продолжал готовиться к решительному наступлению на своих “недругов”».² Надо отдать должное царю Ивану: он верно оценил обстановку и правильно понял степень опасности, грозящей ему и самодержавному государству. Царь показал, что умеет скрывать свои замыслы и выжидать, а переходя в наступление, – рисковать всем, прежде всего собственной судьбой, как это свойственно истинно выдающимся историческим деятелям.

Говоря об этом, мы исходим не из догадок, а из вполне определенных сведений, поставляемых иностранными писателями, в частности А.Шлихтингом, который, отметив перемену в поведении царя после внушения, сделанного ему митрополитом и боярами, пишет: «Между тем среди этого нового образа жизни он (Грозный. – И.Ф.) помышлял, как устроить Опричнину...».³ Данное свидетельство Шлихтинга кажется современным исследователям вполне правдоподобным. По словам, например, Б.Н.Флори, «летом – осенью 1564 года царь, несомненно, обдумывал план переворота, который должен был привести к сосредоточению в его руках всей полноты власти в государстве».⁴ То, что Иван обдумывал сложившуюся ситуацию и выходы из нее, – не вызывает сомнений. Но это было не обдумыванием «плана переворота», а поиском средств предотвращения вновь возникшей после ухода из власти Сильвестра и Адашева угрозы государственного переворота.

Недобитые сторонники Избранной Рады решили, по всему вероятно, взять реванш, воспользовавшись большими трудностями, переживаемыми страной. Наиболее тяжелым для государства оказался 1564 год. То был год «крупных внешнеполитических неудач и опасности вражеского нашествия с запада и с юга <...>. Ко всему этому прибавились неурожай, падеж скота, голод, опустение деревень. Начались пожары. Москва горела 18 апреля, 9 и 19 мая, 24 августа».⁵ В одной повести того времени читаем: «Быша много скорьби христьянскому народу от нахождения иноплеменных и от хлебного гладу, и от урону скотия».⁶ Противники Ивана Грозного не могли не воспользоваться благоприятным для себя моментом. Как и следовало ожидать,

¹ Шмидт С.О. 1) Становление российского самодержавства... С. 244.

² Садиков П.А. Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950. С. 16.

³ Новое известие о России времени Ивана Грозного... С. 18.

⁴ Флоря Б.Н. Иван Грозный. С. 173.

⁵ Шмидт С.О. 1) К истории соборов XVI в. С. 138; 2) Становление российского самодержавства... С. 239; 3) У истоков российского абсолютизма... С. 261. См. также: Садиков П.А. Очерки... С. 15.

⁶ Тихомиров М.Н. Новый материал об Иване Грозном // ТОДРЛ. Т. XIV. М.; Л., 1958. С. 255.

трудный 1564 год стал временем активизации деятельности политической оппозиции.¹ В русле этой активизации и надлежит рассматривать, по нашему мнению, выступление «знатных лиц» и по какому-то затмению разума присоединившегося к ним митрополита Афанасия. Вот почему нет никаких оснований, подобно С.Б.Веселовскому, толковать «обращение бояр во главе с митрополитом к царю» как «попытку внести некоторое примирение».² Это обращение не примиряло, а, наоборот, усиливало вражду между Иваном и крамольным боярством, достигшую, по верному заключению П.А.Садикова, «последней степени напряженности».³

Итак, царь Иван тайно готовился к решающей битве с оппозицией. Но та тоже не дремала. Свою задачу она, по-видимому, усматривала в том, чтобы переиграть или опередить Ивана. Наибольшая ее активность падает, по всей видимости, на вторую половину 1564 года, особенно на ноябрь – декабрь. Именно тогда фронда приступила к осуществлению попытки отстранить Грозного от власти. Что позволяет нам так думать?

В летописном рассказе о «большом поезде» государя есть одна очень любопытная деталь. Летописец, сообщая об отъезде Ивана IV из Москвы 3-го декабря 1564 года, замечает, что в столице «тогда быша Афонасий митрополит всеа Руси, Пимин архиепископ Великаго Новаграда и Пьскова, Никандр архиепископ Ростовский и Ярославский и ины епископы и архимандриты и игумены, и цареви и великого князя бояре и околничие и все приказные люди...».⁴ На эту деталь обратил внимание С.О.Шмидт: «В момент отъезда царя в Москве находились митрополит, архиепископы новгородский и ростовский и “ины епископы, и архимандриты, и игумены, и цареви и великого князя бояре и околничие, и все приказные люди”. Летописец счел нужным особо указать, что “на Москве *тогда*” находились эти лица».⁵ К сожалению, С.О.Шмидт, увлеченный идеей Земского собора накануне Опричнины, не понял подлинного смысла летописной заметки, сведя ее к указанию на какие-то сословные собрания: «Отъезду Ивана IV предшествовали какие-то собрания, переговоры с представителями сословий, которые поэтому-то “тогда” и оказались в Москве».⁶ Между тем летописец дает четкое описание состава людей, бывших на момент отъезда Грозного из Москвы, включая в него митрополита, архиепископов, епископов, архимандритов и игуменов, с одной стороны, а также бояр, окольничих и приказных чинов – с другой. Перед нами высший разряд представителей духовной и светской власти. Собранные вместе, они составили церковно-государственный собор, ближай-

¹ См.: Шмидт С.О. 1) Становление российского самодержавства... С. 240; 2) У истоков российского абсолютизма... С. 263.

² Веселовский С.Б. Исследования... С. 74.

³ Садиков П.А. Очерки... С. 15.

⁴ ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 392.

⁵ Шмидт С.О. 1) К истории соборов XVI в. С. 123; 2) Становление российского самодержавства... С. 213; 3) У истоков российского абсолютизма... С. 236.

⁶ Шмидт С.О. 1) К истории соборов XVI в. С. 131; 2) Становление российского самодержавства... С. 226; 3) У истоков российского абсолютизма... С. 249.

шим аналогом которого является собор 1560 года, а несколько отдаленным – Стоглавый собор. Это, конечно, не земский собор, поскольку в нем отсутствуют делегаты от земщины. Среди его участников нет даже посланцев от московского посада. Гости, купцы и черные люди града Москвы выйдут на сцену позже, причем не в качестве членов собора, а как участники уличных волнений, оказывающих давление на носителей церковной и светской власти, съехавшихся в столицу на церковно-государственный собор – сравнительно недавно возникший высший орган власти Святорусского царства, образующий подножие российского самодержавства. Стало быть, отъезду царя Ивана из Москвы предшествовали не «какие-то собрания, переговоры с представителями сословий», а заседания церковно-государственного собора, на которых присутствовали виднейшие церковные и государственные деятели, но не сословные представители.

Разумеется, не ради пустяков в Москве был созван церковно-государственный собор. Его заседания свидетельствовали об огромной важности переживаемого страной момента. В чем его суть? Некоторый свет здесь проливает ответ на вопрос, кому принадлежала инициатива созыва собора. Естественно полагать, что она исходила от государя. Но получается странная вещь: царь собирает церковных иерархов и мирских властителей для того, чтобы их тут же покинуть. Выходит какая-то истерика, против которой возражал в свое время И.И.Полосин.¹ Однако дело, в конце концов, не в И.И.Полосине, а в царе Иване, который, как мы знаем, сохранял в это время необыкновенную выдержку и внешнее спокойствие. Поэтому, чтобы уехать из Москвы, когда в ней заседал церковно-государственный совет, надо было иметь на то веские основания. Все станет на свои места, если предположить, что инициатива созыва этого собора шла со стороны оппозиции, поддерживаемой митрополитом Афанасием. Могло быть так: либо противники царя созвали собор, либо понудили к тому Ивана. Но в любом случае это шло против воли государя, поскольку он знал, для чего собирается столь представительный и влиятельный собор в Москве.

Судя по всему, цель оппозиции, создавшей церковно-государственный собор в стольном граде, состояла в том, чтобы заставить Ивана IV отказаться от престола. В сочинениях иностранцев эта цель была трансформирована (с умыслом или по неосведомленности, неизвестно) в самоотречение Грозного. По Шлихтингу, царь «притворился, будто тяготится своим владычеством, хочет сложить государеву власть, жить в отдалении и уединении, вести жизнь святую и монашескую. Поэтому, позвав к себе знатнейших вельмож, он излагает им, что замыслил сделать, показал им двух сыновей и назвал их правителями державы. “Душой моей”, сказал он, “овладело пресыщение властью, мне угодно повелевать только себе самому, отвлечь себя от забот и соблазнов мира сего и бежать от случаев к греху. У вас есть мои сыновья и по способностям и по возрасту пригодные к власти, их возьмите за вождей, за владык и повелителей. Если я когда-нибудь сделал что-либо выдающееся, что-либо достойное похвалы, то пусть все это распространяется на пользу

¹ Полосин И.И. Социально-политическая история России... С. 150.

им, кого я делаю, ставлю вам в наследники свих доблестей и власти. Пусть они живут с вами, пусть властвуют, пусть судят, пусть ведут войны. Если будет грозить вам какое-либо трудное и тяжкое для сил и плеч ваших дело, то вы будете иметь меня в нем советником, недалеко от вас живущим»».¹

Р.Г.Скрынников, комментируя приведенный текст Шлихтинга, говорит: «Свидетельство Шлихтинга не вполне точно. Проект передачи власти царевичам не был обнародован по той причине, что Боярская дума не согласилась на отречение Грозного. Однако осведомленность Шлихтинга, одного из лучших мемуаристов времен опричнины, не подлежит сомнению».² Думается, сомнения все же остаются, причем не только относительно сообщений Шлихтинга, но и насчет соображений Р.Г.Скрынникова.

Поправляя иноземного мемуариста, наш историк замечает, будто «проект передачи власти царевичам не был обнародован [осуществлен?] по той причине, что Боярская Дума не согласилась на отречение Грозного». Но, как говорится, «был ли мальчик». По нашему мнению, этот проект остался не обнародованным не потому, что Боярская Дума не согласилась на отречение Грозного, а потому, что не было отречения ни до ни после отъезда царя из Москвы. Что касается А.Шлихтинга, то он изображает переход власти от Ивана IV его наследникам посредством учреждения некоего дуумвирата, совершенно невозможного с точки зрения государственного строя тогдашней России. Р.Г.Скрынников, однако, думает иначе, находя «документальное подтверждение» фантазии Шлихтинга в царском завещании, которое якобы «давало правовую базу для передачи царства “соправителям” царевичу Ивану и Федору. Царь намеревался отказаться от короны, но при этом сохранить все права престолонаследия за своими малолетними детьми. Более того, он разработал проект, который позволял ему сохранить в своих руках реальную власть после вынужденного отказа от трона. В основу проекта был положен принцип раздела государства между двумя царевичами. Со времен Ивана III московские государи неизменно передавали “отчину” старшему сыну-наследнику, тогда как для младших выкраивали карликовые княжества. Отступив от этой традиции, Грозный выделил младшему сыну Федору города и уезды, никогда не передававшиеся удельным государям. Федору исполнилось семь лет, и его слабоумие еще не бросалось в глаза. Впрочем, для отца это не имело никакого значения. По завещанию Федор должен был получить многие крупные города и волости, включая древний Суздаль, Кострому, Ярославль. Его владения не уступали по территории многим европейским королевствам. Необычный проект “раздела” страны между соправителями-царевичами можно объяснить разве что чрезвычайными обстоятельствами, возникшими в стране вследствие отречения Грозного».³

Прежде всего, есть необходимость уточнить исходные понятия, которые Р.Г.Скрынников применяет, формулируя их так, что трудно понять, о чем, собственно, идет речь. В самом деле, если царевичам предназначена роль

¹ Новое известие о России времени Ивана Грозного... С. 18.

² Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 209.

³ Там же. См. также: Скрынников Р.Г. Начало опричнины. С. 234–235.

соправителей (пусть даже в кавычках), то они должны рассматриваться как властители единого государства. Но тогда совершенно излишним становится «принцип раздела государства между двумя царевичами», о котором рассуждает Р.Г.Скрынников. Если же этот принцип реализуется и государство подвергается разделу между двумя царевичами, то их деятельность в качестве соправителей оказывается невозможной, поскольку каждый из них превращается в самостоятельного и независимого правителя. Странное впечатление производят слова Р.Г.Скрынникова о том, будто «со времени Ивана III московские государи неизменно передавали "отчину" старшему сыну-наследнику, тогда как для младших выкраивали карликовые княжества». Читая данные слова, можно подумать, что «со времени Ивана III» прошла целая галерея «московских государей», тогда как во времени между Иваном III и Грозным был лишь единственный великий князь Василий III. Но суть даже не в этом, а в ложности мысли об отступлении Ивана Грозного, разделившего государство, от традиции. Иван IV, как его дед и отец, выделил («выкроил», по терминологии Р.Г.Скрынникова) младшему сыну Федору в удел города, не нарушая прежнего порядка. Можно говорить лишь о небывалых ранее размерах удела царевича Федора,¹ но ведь и территория страны в правление Грозного заметно расширилась. Однако, несмотря на значительные размеры, удел оставался уделом, а удельный князь – удельным князем, подвластным главе государства. Духовная Ивана IV четко различает государство и удел, государя всея Руси и удельного князя: «Бог благоволит вам [царевичам Ивану и Федору], тебе [Ивану] быть на государстве, а брату твоему Федору на уделе, и ты б удела под ним не подыскивал, а на него лиха ни с кем ни ссылался»;² «а докуды, и по грехом Иван сын государства не достигит, ты [Федор] удела своего, и ты бы с сыном Иваном вместе был заодин...».³ С особой наглядностью различие между государством и уделом, государем и удельным князем выступает в формуле: «Да сына же своего Ивана благословляю своим царством Руским, чем мя благословил отец мой, князь великий Василей, и что мне Бог дал».⁴ Другая лексика по поводу передачи наследства Федору: «Да сына же своего Федора благословляю, да ему город Суздаль <...> да город Шую», и пр.⁵ О каком разделе государства «между двумя царевичами» и о «соправителях царевичах» здесь может идти речь? Если же и говорить об «отступлении от традиции», то лишь в смысле усиления власти и значения царя и великого князя за счет прав удельного князя, причем усиления власти и значения в сторону публичности. Во всяком случае, нельзя не обратить внимания на весьма существенное различие в терминах завещаний Ивана III и Ивана IV, касающихся передачи стола завеща-

¹ Но и в этом случае удел Федора несопоставим по размерам с теми владениями, которые по духовной получал царевич Иван. – См.: Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950, № 104. С. 433–443.

² Там же. С. 428.

³ Там же. С. 428–429.

⁴ Там же. С. 433.

⁵ Там же. С. 442.

телем восприемнику. В духовной Ивана III читаем: «Благословляю сына своего старейшего Василья своею отчиною, великими княжества, чем мя благословил отец мой и что ми дал Бог».¹ Другое дело Иван IV, который благословляет старшего сына своего Ивана уже не вотчиной, а царством, свидетельствуя о важных переменах, произошедших в статусе высшего властителя Руси за пятьдесят лет со времен Ивана III. Эти перемены были связаны с завершением эволюции великокняжеской власти, вышедшей из недр удельной старины, в самодержавную власть эпохи Святорусского царства, что существенным образом отразилось на положении удельного князя, теряющего прежнюю самостоятельность и независимость. Все это исключало возможность соправительства царевичей, о котором пишет Р.Г.Скрынников вслед за А.Шлихтингом. «Документальное подтверждение» известиям Шлихтинга, якобы найденное Р.Г.Скрынниковым в духовной Ивана Грозного, на поверку оказалось ложным.

Возвращаясь непосредственно к Шлихтингу, заметим, что он обходит молчанием факт отъезда Ивана из Москвы. Воспроизведя обращение царя к «знатнейшим вельможам», мемуарист пишет: «Сказав это таким образом и упорядочив дела, он снес затем несколько тысяч строений и назначает место для дворца в отдалении возле реки Неглинной, омывающей Китай-город и впадающей также в знаменитую реку Москву <...>. Так вот в этом месте он выстраивает обширный дворец и окружает его высокой стеною, чтобы жить там пустынником. По соседству с этим дворцом он соединил особый лагерь, начал собирать Опричнину, т.е. убийц, и связал их с собой самыми тесными узами».² Как убеждаемся, у Шлихтинга нет никаких упоминаний об отъезде Грозного из Москвы. Трудно уразуметь, что скрывается у него за «особым лагерем», расположенным по соседству с царским дворцом и в котором «собиралась Опричнина». Похоже, тут какая-то путаница с Александровой слободой. Версия А.Шлихтинга об отречении Ивана Грозного рассыпается при соприкосновении с действительностью: царь, как засвидетельствовано летописью, уехал из Москвы со своими «детьми, со царевичем Иваном и со царевичем Феодором». Поэтому его отречение в пользу сыновей, увезенных из Москвы, есть выдумка. Но в этой выдумке в искаженном виде отражены события, предшествующие отъезду царя из Москвы и связанные с попытками оппозиционной знати совершить государственный переворот, лишив законного государя власти.

Послание И.Таубе и Э.Крузе – еще один иностранный источник, говорящий об отречении Ивана Грозного. В Послании читаем, будто Иван IV заявил «всем духовным и светским чинам следующее: он хорошо знает и имеет определенные известия, что они не желают терпеть ни его, ни его наследников, покушаются на его здоровье и жизнь и хотят передать русское государство чужеземному господству, посему решил он вызвать их к себе и передать им свое правление. После этого он сложил с себя в большой палате царскую корону, жезл и царское облачение в присутствии представителей

¹ Там же. № 89. С. 354.

² Новое известие о России времени Ивана Грозного... С. 18–19.

всех чинов». ¹ Среди обвинений, высказанных, по Таубе и Крузе, Иваном Грозным «всем духовным и светским чинам», нет, пожалуй, ни одного, которое бы не высказывал сам лично Грозный. Весь их набор содержится в послании Грозного кн. А.Курбскому. Там мы найдем упоминания и о нежелании бояр видеть на престоле Грозного и его сыновей, и о покушении на здоровье и жизнь государя, и о планах «чужого царя в царство ввести». Важным является также свидетельство Таубе и Крузе о выступлении Ивана перед «всеми духовными и светскими чинами», согласующееся с рассказом летописца насчет наличия к моменту отъезда его из Москвы 3-го декабря 1564 года всего состава церковных иерархов и светских представителей власти Руси, образовавших церковно-государственный собор. Данное свидетельство намекает на то, что Ивану Грозному пришлось быть на этом соборе и обсуждать некоторые вопросы, в частности вопрос о его отречении от трона, возбужденный противниками царя. Но, вопреки сообщению Таубе и Крузе, отречение все-таки не состоялось благодаря твердости государя. Да и сами наши информаторы подают отречение царя как нечто условное: Иван IV передает изменникам «свое царство, но может прийти время, когда он снова потребует и возьмет его». ² Этот пассаж призван, вероятно, связать концы с концами, т.е. согласовать факт отречения царя от власти с фактом продолжения его царствования.

Таким образом, сообщения А.Шлихтинга, И.Таубе и Э.Крузе о сложении Иваном Грозным с себя царской власти не соответствуют действительности. Но отсюда не следует, будто в них полностью отсутствует какая-либо полезная для историка информация о событиях ноября – декабря 1564 года в Москве. В этих сообщениях, как нам кажется, отразилась сверхзадача боярской оппозиции: свергнуть с престола Ивана IV и не допустить передачи царской власти по наследству. Ради решения ее враги самодержавного трона готовы были пойти на открытый мятеж. Не случайно Генрих Штаден писал: «Великий князь из-за мятежа (*Ufrurs halben*) выехал из Москвы в Александрову слободу – в двух днях пути от Москвы; оцепил эту слободу воинской силой и приказал привести к себе из Москвы и других городов тех бояр, кого он потребует». ³ Видно, противостояние самодержца и боярской оппозиции достигло такой силы, что оставаться далее в Москве становилось для Ивана небезопасно. Но, уезжая из столицы, Грозный сохранял царское достоинство и потому потребовал прислать к нему бояр, по всей видимости провинившихся перед ним. Следовательно, согласно Штадену, Иван покинул Москву, будучи формально и по существу государем. Никак нельзя согласиться с мнением С.О.Шмидта, будто «события 1564 г. испугали Грозного», будто «страх гнал его из Москвы в Александрову слободу». ⁴ Оно противоречит

¹ *Рогинский М.Г.* Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе. С. 31.

² Там же. С. 32.

³ *Штаден Генрих.* Записки... С. 44.

⁴ *Шмидт С.О.* 1) К истории соборов XVI в. С. 142, 143; 2) Становление русского самодержавства... С. 244, 245; 3) У истоков русского абсолютизма... С. 267, 268. Это предвзятое мнение восходит к Н.И.Костомарову, питавшему по отношению

элементарным вещам, в частности неторопливому, спокойному и сосредоточенному настроению государя в момент отъезда из Москвы, которое соответствовало состоянию человека, приступившего к реализации огромной важности задуманного плана.

Во всей истории противостояния царя и боярской оппозиции в 1564 году Запад в лице Литвы и Польши принимал живое участие. В одном позднем летописце, представляющем, как говорит его публикатор С.О.Шмидт, интерес «при изучении событий политической истории XVI века»,¹ читаем о том, как «многие знатные вельможи собрали в Литве и в Польше немалую партию и хотели с оружием итти против царя своего».² С.Ю.Шокарев не без основания рассматривал данное летописное известие как указание на то, что отъезду Ивана Грозного из Москвы в начале декабря 1564 года «предшествовала попытка вооруженного мятежа против царя».³ В организацию и подготовку этого антигосударственного мятежа внесли свой вклад, как видим, и наши западные соседи, испытывавшие по отношению к Руси и ее самодержцу великий страх и жгучую ненависть. Можно сказать, что нити подготавливаемого мятежа не обрывались в боярских дворах, а тянулись дальше, на запад, сходясь в Ватикане, во дворцах правителей западноевропейских государств и в руководящих центрах тайных обществ стран Западной Европы. Оно и понятно, ибо Московская Русь, неожиданно появившаяся в конце XV века на восточных рубежах западного мира, поразила европейцев своей мощью и пространством, приверженностью православной вере – схизме, по разумению католиков, протестантов и всевозможных сектантов. С тех пор Запад ведет войну с Россией, явную и скрытую, прибегая к военной силе, интригам и диверсиям. В качестве одной из таких интриг и следует, по нашему мнению, рассматривать участие Литвы и Польши в подготовке антигосударственного мятежа 1564 года в Москве.

Сведения иностранных источников о происшедшем в Москве в конце 1564 года перекликаются с известиями отечественных источников, в частности – с духовной Ивана Грозного 1572 года. Правда, время ее составления не столь очевидно, как это представляется некоторым ученым.⁴ С.Б.Веселовскому пришлось даже провести специальное исследование, посвященное установлению даты написания названной духовной грамоты.⁵ По мнению историка, завещание Ивана составлялось «в промежуток времени с начала июня

к Ивану Грозному какую-то зоологическую неприязнь: «Трусость привела Ивана к мысли устроить, так сказать, комедию, в которой народу выпало бы на долю просить царя мучить и казнить кого угодно царю». – *Костомаров Н.И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Кн. I. М., 1990. С. 465.

¹ *Шмидт С.О.* Поздний летописчик со сведениями по истории России // *Летописи и хроники.* Сб. статей. 1973 г. М., 1974. С. 349

² Там же.

³ *Шокарев С.Ю.* Комментарии // *Штаден Генрих.* Записки... С. 170.

⁴ См., напр.: *Альшиц Д.Н.* Начало самодержавия в России... С. 113.

⁵ См.: *Веселовский С.Б.* Исследования... С. 302–322.

и по 6 августа [1572 г.], когда царь под надежной охраной нескольких тысяч стрельцов с царицей и царевичами жил в Новгороде в тревожном ожидании исхода неминуемой кровавой схватки его воевод с татарами». ¹ Однако вскоре Грозный «забыл о начатом завещании», и оно «осталось недописанным и неоформленным». ²

Иная точка зрения у Р.Г.Скрынникова, полагающего, что «так называемое завещание 1572 г. было в действительности черновой заготовкой, составленной и пополнявшейся в недрах приказных ведомств на протяжении многих лет. Приказные фиксировали царские распоряжения в порядке их поступления, не приводя к единому виду». ³ По предположению Р.Г.Скрынникова, «первый черновой набросок духовной царь составлял в дни отречения от власти на пороге опричнины». ⁴ То был черновик «нового духовного завещания», ⁵ где прозвучала следующая жалоба царя Ивана: «А что, по множеству беззаконий моих, Божию гневу распростершуся, изгнан есмь от бояр, самоволства их ради, от своего достояния, и скитаюся по странам, а може Бог когда не оставит...». ⁶ Р.Г.Скрынников так прокомментировал этот текст из царского завещания: «Грозный, по его собственному признанию, был изгнан с государства боярами. Именно из-за раздоров с непокорными вассалами и Боярской думой он вынужден был оставить свое “достояние” Москву и скитался месяц по селам и слободам»; ⁷ «царские жалобы непосредственно отразили момент, когда Иван среди зимы покинул царствующий град и начались его скитания “по сторонам” – подмосковным селам и слободам. Грозный откровенно признавал, что его отъезд является вынужденным шагом: он бежал из столицы от непокорных бояр». ⁸

Этот взгляд Р.Г.Скрынникова на события предопричного момента нам кажется во многом предпочтительнее, нежели тот, что развивает С.Б.Веселовский, связывающий жалобы Грозного о вынужденных скитаниях с его «вселением» в 1572 году в Новгород вместе «с семьей и многомиллионной царской казной». ⁹ Не следует только уподоблять отъезд Ивана из Москвы бегству насмерть перепуганного человека, а его поездку в Коломенское, Троице-Сергиев монастырь и Александрову слободу – скитаниям беглеца, не знающего, где приклонить голову. ¹⁰ Отъезд Ивана из столицы был хотя и вынужденным, но неспешным и организованным, а маршрут дальнейшего передвижения заранее продуманным. Но об этом вскоре.

¹ Там же. С. 306.

² Там же. С. 322.

³ Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 57.

⁴ Скрынников Р.Г. Начало опричнины. С. 55.

⁵ Там же. С. 234. См. также: Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 208.

⁶ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей... № 104. С. 427.

⁷ Скрынников Р.Г. Начало опричнины. С. 234.

⁸ Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 208.

⁹ См.: Веселовский С.Б. Исследования... С. 319–320.

¹⁰ Ср.: Скрынников Р.Г. Иван Грозный. М., 2002. С. 179.

Вынужденный характер отъезда Ивана Грозного из Москвы в начале декабря 1564 года со всей очевидностью выступает в упомянутом нами Летописчике, изданном С.О.Шмидтом: царь, озабоченный народным возмущением, «приказал ко двору своему царскому собратца всему народу и сигклиту своему и объявил им публично: “вижу я, что вы, все мои подданные, боле не желаете меня и фамилии мое[й] на престоле царском быть. Того ради оставляю вас, а я отъезжаю в далной путь, что уже более и в Москве быть не надеюсь, а град Москву оставляю под сохранение в руки Господа Бога нашего”. И сам сел и з детьми своими в корету и поехал из Москвы в город Коломну. <...> ис Коломны изволил отъехать в Александрову слободу...».¹ Автор Летописчика, ошибаясь в некоторых деталях (например, село Коломенское спутал с городом Коломной) и в определении причины отъезда Грозного из Москвы (возмущение народа), правильно указал на этот отъезд как вынужденный шаг государя. Столь же верно он отразил нежелание «сигклита» видеть на троне Ивана и его наследников. Нельзя, конечно, забывать, что перед нами поздний источник, включающий в себя первичный текста, хотя и близкий к описываемым событиям, но поновленный при переписке или даже переработке не ранее царствования Алексея Михайловича.² Эта переработка могла осуществляться в соответствии с представлениями русских людей XVII–XVIII вв. о прошлом. Но и в этом случае исследователь должен внимательно отнестись к известиям Летописчика, изобразившего чрезвычайную обстановку ноября – декабря 1564 года в Москве. О том же свидетельствуют и современные событиям источники.

Официальный летописец, сообщая об отъезде Ивана Грозного из Москвы, говорит, что царь повелел ехать с собой многим «ближним дворянам», а также «дворяном и детем боярским выбором изо всех городов, которых прибрал государь быти с ним, велел тем всем ехать с собою с людьми и конми, со всем служебным нарядом».³ Иными словами, Грозного, помимо «ближних дворян», сопровождали также дворяне и дети боярские «из всех городов, которых он “прибрал” быть с собою. Те должны были взять слуг, запасных коней и весь “служебный наряд”, то есть вооружение, доспехи, припасы».⁴ Следовательно, на момент отъезда царя Ивана из Москвы там находилась целая армия лучших провинциальных «воинников», усиленная московскими «ближними дворянами». Это воинство, верное Ивану, пребывало в столице, по-видимому, не один день, а сравнительно длительное время. Если это так (а у нас нет сомнений в том, что это – так), то перед нами верный знак, указывающий на особую обстановку, сложившуюся в Москве в ноябре – декабре 1564 года. На фоне событий, связанных с отъездом царя из стольного града, ее можно понять только в том смысле, что провинциальные дворяне вместе с ближними дворянами обеспечивали безопасность государя, оказавшуюся под большой угрозой. А это означает, что в Москве

¹ Шмидт С.О. Поздний летописчик... С. 349–350.

² Там же. С. 348.

³ ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 391.

⁴ Кобрин В.Б. Иван Грозный. М., 1989. С. 63.

накануне отъезда царя из города возникла весьма тревожная ситуация: назревал, судя по всему, государственный переворот, предусматривающий отстранение Ивана Грозного от власти и даже, возможно, цареубийство: Грозный знал, что бояре «стремятся лишить его жизни, уничтожить его, подобно тому, что случилось с благочестивой, почившей в Бозе царицей».¹ Но надежда на переворот провалилась: государь перехватил инициативу у своих врагов и в окружении «воинников» покинул столицу, смешав все карты своих противников, повергнув их в недоумение и трепет. Совершенно надуманной нам кажется версия о причине отъезда государя из Москвы, предлагаемая С.О.Шмидтом и Л.В. Черепниным, нашедшими сходство между обстоятельствами этого отъезда и происшествиями 1547 года.

С.О.Шмидт писал: «Грозный отнюдь не хотел, чтобы в борьбе с феодальной оппозицией принимали участие “черные люди”. Напротив, он очень боялся их (классовый инстинкт у этого царя-крепостника великолепно был развит!). Только недавно в послании Курбскому он писал с внутренним содроганием о событиях 1547 г., когда возмутился “художайших умов народ” (объясняя это, конечно, тем, что “изменные бояре... напустиша черни”). А в конце 1564 г. многое напоминало 1547 г. События 1564 г. испугали Грозного. Они и заставили его покинуть Москву».² Перед нами несомненные издержки гипертрофированного классового подхода.

Согласно Л.В.Черепнину, «московские события начала 1565 г., по-видимому, напоминают то, что произошло в Москве в 1547 г. Надо думать, что опять усилились классовые и внутриклассовые противоречия, стала реальной опасность народного движения. В 1547 г. Иван IV укрывался от восставших черных людей в селе Воробьево. Сейчас он, не дожидаясь, пока выльется наружу социальный антагонизм, уехал из Москвы и отсиживался в Александровой слободе».³ То, о чем говорил Л.В.Черепнин, способно только затемнить суть событий, связанных с отъездом Грозного из Москвы в начале декабря 1564 года, не говоря уже о том, что царь не отсиживался в Слободе, а готовил решающее наступление на своих противников. Вот почему за пределами Москвы в неприступной Александровой слободе с преданным воинством царь Иван был страшен недругам. Присмотримся, однако, к обстоятельствам отъезда Грозного.

Необходимо, прежде всего, еще раз подчеркнуть, что никакого отречения Ивана Грозного от престола перед его отъездом из Москвы не было.⁴ Грозный покидал столицу полноправным государем. В противном случае он не смог бы повелеть части бояр, «ближним дворянам», особенно «приказ-

¹ *Рогинский М.Г.* Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе. С. 34.

² *Шмидт С.О.* 1) Становление российского самодержавства... С. 244; 2) У истоков российского абсолютизма... С. 267.

³ *Черепнин Л.В.* Земские соборы русского государства в XVI–XVII вв. М., 1978. С. 104–105.

⁴ Ср.: *Цветков С.Э.* Иван Грозный. 1530–1584. М., 2005. С. 335; *Володихин Д.М.* Иван Грозный: Бич Божий. М., 2006. С. 144; *Пронина Н.* Иван Грозный: «мучитель или мученик»? М., 2005. С. 231.

ным людям», выборным дворянам и детям боярским следовать за собой. С.Б.Веселовский был, безусловно, прав, когда говорил: «Уезжая из Москвы, царь никому не поручил ведать Москву и все государство и в то же время не заявлял о своем отказе от власти».¹ Вместе с тем требует уточнений другая мысль исследователя, согласно которой «никто из бояр не мог осмелиться на то, чтобы взять в свои руки брошенную царем власть или даже принять меры к тому, чтобы приказы делали свои очередные дела и не останавливали хода правительственной деятельности».²

Грозный не бросил власть, а увез ее с собой, причем не только в фигуральном, но и в прямом смысле слова, распорядившись ехать с ним «приказным людям», т.е. вывез приказный аппарат, парализовав тем управление страной.³ Противники царя оказались в чрезвычайно сложном положении. Чтобы взять на себя владение Москвой и всем государством, запустить вновь правительственный механизм, надо было обладать корпоративной солидарностью, умом и смелостью. Во всем этом у боярства в целом и у недругов царя Ивана в частности наблюдался существенный дефицит. Но в испуге они могли решиться на какой-нибудь отчаянный шаг. И это делало отъезд Ивана Грозного из Москвы в определенной мере рискованным предприятием, хотя степень риска была не столь высока, как это кажется С.Б.Веселовскому и другим.⁴

И выезд из Москвы, и дальнейший путь в Александрову слободу были тщательно продуманы Иваном Грозным. Помимо всякого рода драгоценностей, дорогого платья и казны, он увез с собой «святость» — иконы и кресты, «златом и камением драгим украшенные», т.е. наиболее почитаемые в Москве святыни, хранившие православных христиан от бед. Тем самым русские люди, в частности жители Москвы, становились, по понятиям времени, беззащитными перед внешним миром, всегда опасным и враждебным. Одно это обстоятельство могло произвести на людей самое гнетущее впечатление, посеять среди них печаль, уныние и страх.⁵ К тому же невесть куда и зачем выехал из Москвы царь — посредник между Богом и людьми и потому защитник от всех несчастий и напастей. Летописец рисует картину полной

¹ Веселовский С.Б. Исследования... С. 136.

² Там же.

³ Какое-то количество «приказных людей» осталось в Москве, но и они, как говорится, «не вышли на работу». В результате, по словам летописца, «все приказные люди приказы государские отставиша» (ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 393). Когда же все уладилось, Иван Грозный отпустил из Александровой слободы «бояр князя Ивана Федоровича Мстиславского, князя Ивана Ивановича Пронского и иных бояр и приказных людей, да будут они по своим приказом и правят его государство по прежнему обычаю». — Там же. С. 394.

⁴ См., напр.: Веселовский С.Б. Исследования... С. 137; Цветков С.Э. Иван Грозный. С. 338.

⁵ Нельзя упрощать ситуацию и сводить изъятие церковных предметов к заурядному грабежу. Так, С.О. Шмидт утверждает, будто уже тогда Иван Грозный «приступил к систематическому обогащению своей казны» посредством, в частности, грабежа церковных ценностей (Шмидт С.О. 1) К истории соборов XVI в. С. 131; 1) Станов-

потерянности и подавленности населения столичного города, и, думается, он не преувеличивал. Характерны уже приводимые слова, вложенные летописцем в уста стенающих москвичей: «Увы! Горе! Как согрешихом перед Богом и прогневахом государя своего многими пред ним согрешении и милость его велию превратихом на гнев и на ярость! Ныне х кому прибегнем и кто нас помилует и кто нас избавит от нахождения иноплемennых? Как могут быть овцы без пастыря? Егда волки видят овца без пастуха, и волки восхитят овца, кто изметца от них? Также и нам как быти без государя».¹ Из цитированного текста ясно, что, согласно представлениям поверженных горем жителей Москвы, прогневить государя – значит согрешить перед Богом. Сакральная природа царя здесь очевидна. Религиозная суть власти самодержца проглядывает в лексике москвичей, уподобляющих себя овцам, а государя – пастуху, или пастырю. Если вспомнить, что сам Иисус Христос именовал себя «пастырем добрым», полагающим жизнь свою за «овец» (Ин. 10: 11, 15), то еще очевиднее выступает божественный характер царской власти. Понятна потерянность людей, оставшихся без защиты и покровительства благословленного Богом правителя. Они не ведали, что с ними будет. Они не знали, что делать.

Зато царь Иван знал, что делает, и усердно молился. Государь просил небесные силы о помощи в начатом деле, в котором был известный риск, поскольку государь не мог с полной уверенностью предугадать, как поведет себя оппозиция во время его отсутствия в Москве. Накануне отъезда он велел митрополиту Афанасию совершить службу в Успенском соборе, построенном заботами митрополита Петра – святого покровителя рода московских князей. Царь Иван в главном храме России молил о помощи Пресвятую Богородицу и святого Петра. И только после этих молений государь отправился в дорогу. Свой путь он рассчитал так, чтобы в селе Коломенском отпраздновать Николин день и помолиться святому чудотворцу Николаю – одному из наиболее почитаемых у христиан святых, «скорому помощнику и изрядному ходатаю пред Богом».² Иван IV нуждался именно в скорой помощи и поэтому приурочил время своего пути в Александрову слободу к празднованию дня Николы-чудотворца, чтобы испросить у святого эту быструю помощь.

Отпраздновав день Николая-угодника в селе Коломенском, царь поехал в село Тайнинское, где находился несколько дней.³ Возможно, Иван не ис-

ление российского самодержавства... С. 230; 2) У истоков российского абсолютизма... С. 253). Подобный примитивный подход отнюдь не приближает нас к истине. Несравненно ближе к ней С.Э. Цветков, который пишет: «Все поступки Ивана с того момента, как он задумал учредить опричнину, имеют двоякий смысл: внешний, политический, и внутренний, религиозный... Сакральный смысл своего отъезда Грозный подчеркнул тем, что забрал с собой из Москвы всю “святость” – иконы, кресты и прочее». – *Цветков С.Э. Иван Грозный*. С. 365.

¹ ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 393.

² Жития святых Святителя Дмитрия Ростовского. Месяц декабрь. М., 1906. С. 174.

³ См.: *Скрынников Р.Г. Царство террора*. С. 208.

ключал такого развития событий, когда митрополит Афанасий и Боярская Дума, раскаявшись или (что вероятнее) испугавшись, поспешат за ним и догонят на дороге, чтобы воротить его и уладить конфликт. Но митрополит и думные чины, по Д.М.Володихину, «не торопились звать царя назад. Должно быть, у них появились свои планы».¹ Из Тайнинского государь выехал в Троице-Сергиев монастырь, желая успеть ко дню памяти чудотворца Петра-митрополита и помолиться святому.

Моление святому Петру – акт не случайный и предусмотренный, по-видимому, заранее, поскольку митрополит Петр, перенесший митрополичью кафедру из Киева в Москву во времена Ивана Калиты, пользовался особым почитанием потомков московского великого князя как покровитель рода Калитичей и Московского государства. Житие св. Петра митрополита рассказывает: «Петр посоветовал князю [Ивану Калите] построить в Москве каменный храм в честь Успения Пресвятыя Богородицы <...>. При этом святитель пророчествовал: “Если послушаешь меня, сын мой и воздвигнешь храм Пречистыя Богородицы в своем городе, то и сам прославишься более других князей и сыновья и внуки твои прославятся в роды, и город этот будет славен среди других городов Русских; враги его будут посрамлены, и Бог прославится в нем; святители будут жить, еще же и мои кости в нем будут положены”».² Под впечатлением пророчеств митрополита Петра В.О.Ключевский говорил: «Еще в мрачное время татарского ига, когда никуда не проступал луч надежды он, по преданию, пророчески благословил бедный тогда городок Москву как будущую церковную и государственную столицу Русской земли».³

О близости Петра к Ивану Даниловичу уже в XV веке слагались предания. Например, в житии Пафнутия Боровского находим такой рассказ: «О видении сна великого князя Ивана Даниловича. Той же благочестивый великий князь Иван Данилович виде сон. Мняшесь ему зрети, яко гора бе велика, а наверх ея снег лежаше, а зряще ему, абие истояв снег и згыбе. Возвести же видение преосвященному Петру митрополиту всея Руси. Он же рече ему: “Чадо, гора аз, смиренный. Преж тебе мне есть отоити от жизни сея, а тебе по мне”. И первие преосвященный Петр митрополит всея Руси преставися, потом князь великий Иван Данилович преставись».⁴ Перед своей смертью митрополит Петр говорил княжескому вельможе Протасию: «Сын мой, вот я отхожу из этой жизни. Оставляю милость, мир и благословение от Бога возлюбленному сыну моему князю Иоанну, и семени его до века <...> да наследует он живот вечный, да не отнимется от рода его преемство обладания местом его и память его да распространится».⁵ Еще раньше «святый Петр благословил князя и весь род его своим шейным крестом, которым москов-

¹ Володихин Д.М. Иван Грозный... С. 145.

² Жития русских святых (сентябрь – декабрь). М., 1908. С. 571.

³ Ключевский В.О. Православие в России. М., 2000. С. 312.

⁴ Тихомиров М.Н. Средневековая Москва в XIV–XV веках. М., 1957. С. 185.

⁵ Жития русских святых (сентябрь – декабрь). С. 572.

ские князья благословляли старших сыновей своих, наследников великокняжеского престола».¹

Получил благословение «шейным крестом» Петра и младенец Иван IV: «Великий государь [Василий III] восклонися мало на одре своем, и возрев на образ Господа нашего Иисуса Христа, и vele к себе крест принести, и благословил сына своего и возложил на выи его и рек: “Сим святым и животворящим крестом благословил святой Петр чудотворец прародителя нашего великого князя Ивана Даниловича; а прародители наши, великие князи благословляли болших своих детей которым быти на государстве; меня благословил отец мой, князь велики Иван, также и аз благословляю тебя, своего сына старейшего сим святым крестом, да будет тебе сий животворящий крест на погнание врагом”».²

Таким образом, моление святому Петру-митрополиту приобретало для Ивана Грозного особое значение, если учесть тот раздор, который возник между ним и княжеско-боярской знатью, поддержанной святителем Афанасием. Царь припадал к защитнику и покровителю рода московских князей, моля его о сохранении трона и преемственности царской власти, о погнании и расточении своих врагов. Нет сомнений, что это моление предполагалось заранее, еще до отъезда государя из Москвы, являясь частью задуманного предприятия. Оно, собственно, началось со службы в Успенском соборе, введенном некогда по совету митрополита Петра, и было продолжено в Троице-Сергиеве монастыре в день памяти святого.

Приезд царя Ивана в Троицу имел, судя по всему, также символическое значение, хотя монастырь и располагался на пути в Александрову слободу, так что можно подумать, будто Грозный потому и заехал сюда. Однако, отправляясь в Троице-Сергиев монастырь, царь Иван, безусловно, хотел испросить и молитвенной помощи основателя обители святого Сергия Радонежского, и высокого покровительства Того, кому монастырь был посвящен, – Троицкостасного Гопода Бога (Отца, и Сына, и Святаго Духа). К тому же эта первая по значению монашеская обитель имела заслуги перед московским княжеским домом. Надо сказать, что «в той или иной мере Троицкий монастырь принимал участие во всех крупнейших политических событиях своего времени и был тесно связан с царским двором, был по преимуществу “царским богомольем”».³ Добрые и довольно тесные отношения с преподобным Сергием связывали прародителя Ивана Грозного московского великого князя Дмитрия Ивановича Донского. Житие святого повествует: «Искреннюю любовь и уважение питал к преподобному сам Дмитрий Иванович: часто он обращался за советами к святому игумену, нередко приезжал к нему за благословением. Он пригласил Сергия быть восприемником своих детей; даже духовная князя скреплена подписью преподобного; в этой духовной навсегда установлен был порядок владения престолом великокня-

¹ Там же.

² ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 75–76.

³ Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 135.

жеским: власть великокняжескую должен был наследовать старший сын».¹ Грозный, покинувший Москву, нуждался в утверждении порядка владения великокняжеским и царским престолом, пошатнувшимся вследствие боярской крамолы, и, конечно же, просил святого Сергия об этом утверждении, совершая моление в основанной им обители. Наконец, молитвами в Троице-Сергиеве монастыре Иван Грозный свидетельствовал перед миром о своей неколебимой вере в Троицу, демонстрируя тем решимость «христианскую православную веру держать крепко» и «за нее страдать крепко и до смерти». Это было особенно важно и актуально, поскольку на Руси той поры имело место неверие в Троицу, проповедуемое еретиками. Грозный, таким образом, выступал ходатаем перед Богом и Святыми за православную веру и русское самодержавство.

Итак, отъезд Ивана IV из Москвы 3-го декабря 1564 года и дальнейшее его следование в Александрову слободу – продуманная акция, осуществленная в соответствии с разработанным планом действий государя в ответ на происки оппозиции. По верному наблюдению С.Б.Веселовского, царем Иваном «все было умно предусмотрено и рассчитано на различные возможности хода борьбы».² Тонкий психолог и знаток человеческих душ, умелый политик, великолепный тактик и стратег – таковым предстает здесь перед нами царь Иван Грозный. Последующие события еще больше укрепляют нас в этом ощущении.

Совершив моление в Троицком монастыре, Иван IV прибыл в Александрову слободу, откуда прислал в Москву 3 января 1565 года грамоты, одна из которых была адресована митрополиту Афанасию, а другая – гостям, купцам и «всему православному крестьянству града Москвы». Д.Н.Альшиц предположил, что «основной текст царских грамот был заготовлен заранее, на основе имевшегося в царском архиве материала. Встает вопрос и о том, когда были сформулированы условия – ультиматум думе и митрополиту, на которых царь согласился вернуться на царство, – до или после его отъезда из столицы? Допускать, что, “покидая” царство, Грозный еще не знал, какие условия он намерен предъявить, прежде чем вернется на трон, трудно».³ Похоже, так оно и было, поскольку между приездом царя в Александрову слободу в самом конце декабря 1564 года и временем отправления грамот в Москву в самом начале января 1565 года был слишком малый временной зазор, чтобы можно было, не торопясь, обдумать и составить эти грамоты. Обратимся, впрочем, к непосредственному их анализу.

В грамоте царя митрополиту, дошедшей до нас в летописном изложении и содержащей обвинения различных представителей правящего класса в изменах и своеволии, имеются две любопытные детали, привлекавшие уже внимание исследователей некоторой своей кажущейся несуразностью. Первая из них состоит в том, что перечень измен и всевозможных безобразий,

¹ Жития святых Святителя Дмитрия Ростовского. Месяц сентябрь. М., 1903. С. 546.

² Веселовский С.Б. Исследования... С. 137.

³ Альшиц Д.Н. Начало самодержавия в России... С. 117.

совершенных боярами и «всякими приказными людьми», отнесен к периоду боярского правления, когда великий князь Иван был мал еще возрастом. Л.В.Черепнин не почувствовал тут ничего необычного: «Характерно, что все обвинения относятся ко времени малолетства Грозного, т.е. царь как повторяет счет, предъявленный боярам в конце 40-х — начале 50-х годов».¹ Другое ощущение у Р.Г.Скрынникова. «Несообразность летописного рассказа, — пишет он, — очевидна: царь не мог объявить своим подданным опалу за одни только проступки двадцатилетней давности».² Значит, в грамоте речь шла и о проступках, близких ко времени ее написания. Куда же они подевались? Р.Г.Скрынников объясняет дело так, что текст грамоты, «включенный в официальную летопись, подвергся редактированию и был сокращен в соответствии с волей самого Грозного».³ Получается нечто странное: заявление об отречении, как полагает Р.Г.Скрынников, Ивана от власти было оставлено в летописном варианте грамоты, а перечень преступлений бояр сокращен до минимума, покрытого пылью давности лет. И все это, оказывается, сделано «в соответствии с волей самого Грозного». Трудно поверить в подобное редактирование царя Ивана. Не следует из него создавать глупца, подводящего под ответственный ответ мотивы двадцатилетней давности, тем более что не было недостатка в позднейших основаниях. Впрочем, в новейшей работе Р.Г.Скрынников делает крутой поворот и говорит: «По существу, “список”, присланный митрополиту, был посвящен в основном той же теме, что и летописные приписки и письмо царя Курбскому. В канун опричнины, когда старые вины бояр еще не были заслонены “великой боярской крамолой” опричных лет, вопрос об “изменах бояр” в малолетство Грозного приобрел злободневность, какой он не обладал ни прежде, ни потом».⁴

М.И.Зарезин на этой особенности грамоты митрополиту Афанасию, сосредоточенной на изменах и преступлениях бояр более чем двадцатилетней давности, построил целую “теорию”, развенчивающую Ивана IV: «Самое примечательное в обвинениях Ивана — отсутствие конкретных примеров “великих боярских измен”. Более того, неведомые преступления, по его же свидетельству, имели место в “государские несовершеннолетние лета”, то есть в 30 — 40 годы. Казалось, это должно ослаблять позицию Ивана. Возникал вопрос: почему же Грозный только теперь отреагировал на события двадцатилетней давности, да еще в столь драматической форме. Более того, в 1549 году Иван примирился с боярами, а теперь спустя пятнадцать лет припомнил их старые грехи. Очевидно, именно это имел в виду летописец, отмечая, что “весь освященный собор”, узнав, что “их для грехов сия склочишася, государь государство оставил, зело о сем скорбеша и в велице недоумении быша”. Действительно, было о чем недоумевать. Тем не менее царь поступил вполне обдуманно. Во-первых, обвини он публично кого-либо в измене

¹ Черепнин Л.В. Земские соборы русского государства... С. 102.

² Скрынников Р.Г. 1) Начало опричнины. С. 238 (прим. 3); 2) Царство террора. С. 211.

³ Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 211.

⁴ Скрынников Р.Г. Иван Грозный. М., 2002. С. 184.

или проступке, дело переросло бы в рядовое разбирательство, и тогда обвиняемый получал возможность оправдаться и уйти от наказания, как Бельский и Воротынский. Грозный повернул дело так, что оправдываться было некому и не за что, а вместе с тем подозрение в измене падало на всю верхушку общества. Во-вторых, не называя конкретных лиц, царь освобождался от необходимости приводить доказательства своих обвинений. В-третьих, вернувшись к времени боярского правления, Иван напоминал москвичам чинимые им тогда временщиками над простым людом насилия и беззакония. Таким образом, в сознании толпы вина за боярские преступления тех лет переносилась на нынешнюю политическую верхушку. В этом и заключался план Ивана — деморализовать элиту своим таинственным отъездом и чудовищными обвинениями, одновременно возбудив толпу».¹ Изобретательность М.И.Зарезина, превращающая Ивана Грозного в мелкого интригана, не убеждает.

Порождают сомнение и высказывания В.В.Шапошника: «Предъявленные царем претензии производят странное впечатление: он обвиняет окружение в проступках, которые были совершены уже много лет назад, за которые в конце 1540-х годов все уже получили прощение. Вероятно, Грозный имел в виду другое: после смерти Василия III, в период боярского правления, знать почувствовала свою безнаказанность и до сих пор так действует, а все попытки наказания вызывают протест привыкшего к безнаказанности царского окружения. Обращает на себя внимание и то, что обвинения чрезвычайно расплывчаты. Это свидетельствует о том, что был конфликт идей, взглядов на управление, а не реальные претензии».² Однако претензии, причем реальные, все-таки были. Именно они легли в основу грамоты, присланной государем митрополиту, грамоты, где перечислены «измены боярские и воеводские и всяких приказных людей», чинимые правящим сословием на протяжении всего правления Ивана IV. Правда то, что эти измены не привязаны к отдельным лицам данного сословия. Но грамота царя Ивана митрополиту Афанасию имела общий характер и потому лишена конкретики, которая, оказавшись в грамоте, превратилась бы в нескончаемый перечень измен и крамол противников русского самодержавства.

У нас нет ни малейших сомнений насчет того, что подлинный текст грамоты включал полный перечень преступлений боярства от времен юности Грозного до момента составления рассматриваемой грамоты. Иван Грозный предъявил иск своим недругам по полному, как говорится, счету. Но то ли при внесении грамоты в летопись, то ли несколько позже было произведено ее сокращение (возможно, даже переработка), причем в невыгодной для государя редакции. Отсюда вывод: не только царь Иван редактировал официальную летопись, как привыкли думать некоторые историки, но, бывало, и другие недоброжелательные государю лица. Важно при этом отметить, что сокращению подвергся список злодеяний недругов Ивана, связанный со вре-

¹ Зарезин М.И. Последние Рюриковичи и закат Московской Руси. М., 2004. С. 330–331.

² Шапошник В.В. Иван Грозный... С. 229.

менем Избранной Рады и ближайшими годами после ее падения.¹ Так подчищалась, а лучше сказать, приукрашивалась история правления Рады и последующая политика ее сторонников, с одной стороны, создавался негативный образ Грозного как сумасбродного властителя – с другой и, наконец, выгораживались враги Ивана, участвовавшие в событиях конца мятежного 1564 года, – с третьей. Возможно, это не единственный случай такого рода подачи событий. И официальная летопись еще ждет здесь своего исследователя. Но не того исследователя, которого ожидает С.О.Шмидт: «Понятно, что текст официальной летописи, посвященный этому событию, составлялся особенно придирчиво. Дело дальнейшего исследователя – установить характер редакционной работы над текстом, определить, какие факты оказались отраженными в летописи, а какие постарались скрыть или исказить, но и теперь уже можно с достаточным основанием полагать, что если редакторскую работу проводил и не сам Иван Грозный, то во всяком случае она отвечала его требованиям, как следует изображать начало опричнины».² История составления и редактирования официальной летописи была сложнее, чем представляется С.О.Шмидту и другим “источниковедам”. Как мы могли только что убедиться, летопись «отвечала требованиям» не только Грозного, но и его противников. И следует еще установить, сколь это было часто.

Вторая примечательная деталь грамоты, направленной царем Иваном митрополиту Афанасию и переданной ему сыном боярским К.Д.Поливановым «съ товарищи», заключается в том, что в этой грамоте среди духовенства, вызвавшего гнев государя, почему-то отсутствует упоминание митрополита, который вынесен как бы за скобки высказанных Иваном Грозным обвинений. Там называются архиепископы, епископы, архимандриты и игумены, т.е. все высшие церковные чины, кроме митрополита. Ученые пытались разгадать царскую «шараду». В.В.Шапошник, например, писал: «Станным образом, обвиняя все духовенство в заступничестве за виновных, царь оставил в стороне главу духовенства – Афанасия, который, как известно, и выступал против казней летом 1564 г. Представляется, что Иван таким образом, с одной стороны, давал понять митрополиту, что ему лично ничего не угрожает при любом развитии событий и нужно действовать в интересах государя; и, с другой стороны, не “накладывая” гнев на главу Церкви, царь получал возможность через него ввести дальнейшие переговоры с оставшимся в Москве опальным окружением. Обвинив Афанасия, Грозный бы загнал себя в угол, так как в таком случае был бы вынужден договариваться с теми, кого только что обвинил в измене. Это было невозможно, поскольку опальные как раз и лишались права видеть ясные царевы очи».³

¹ На то, что речь в грамоте шла об «изменах» не только в годы малолетства Ивана, но и более позднего времени, намекают содержащиеся в ней обвинения «бояр и воевод», не хотевших защищать «православных христиан от недругов (от Крымского и от Литовского и от Немец)» и стоять «против безсермен и против Латын и Немещ» (ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 392). Легко догадаться, что здесь говорится о времени Ливонской войны.

² Шмидт С.О. К истории соборов XVI в. С. 125.

³ Шапошник В.В. Церковно-государственные отношения в России... С. 251.

Мы иначе объясняем умолчание в грамоте имени святителя, связывая это умолчание со стремлением Ивана внести раскол между иерархами церкви и ее главой и, в конечном счете, изолировать митрополита, вошедшего в сговор с боярами и открыто выступившего вместе с ними против царя. Вряд ли Афанасий действовал в одиночку, не заручившись поддержкой если не всего высшего духовенства, то, во всяком случае, части его. Активной стороной здесь был, надо полагать, митрополит, вовлекший в сомнительное предприятие некоторых отцов церкви. Но тут грянул гром: царь обвинил всех высших иерархов, за исключением митрополита Афанасия, в пособничестве изменникам. Выходило так, что главный виновник сговора духовенства с боярами Афанасий был чист, а сбитые им с толку церковники — виноваты. Едва ли перечисленным в грамоте церковным чинам такое могло понравиться. Осознав свой промах, они быстро соединились и, отмежевавшись от митрополита, «сами о себе бити челом поехали в Слободу царю и государю и великому князю о его царской милости». Фраза *сами о себе бити челом* является здесь ключевой. Она определенно говорит об обособлении церковных иерархов от митрополита. Нечто иное видится Р.Г.Скрынникову: «Князья церкви поспешили, как метко заметил летописец, “сами о себе бити челом”, иначе говоря, каждый заботился о том, чтобы отмежеваться от “изменников”».¹ В общем плане это, конечно, так. Но летописец более конкретно расставил акценты, говоря, что митрополит послал в Слободу архиепископа Пимена и архимандрита Левкия *от себя*, а другие отцы церкви направились туда *сами о себе бити челом*.² Отсюда ясно, что большинство церковных иерархов постаралось дистанцироваться от митрополита Афанасия. Остроумный прием, примененный Грозным, сработал на сто процентов.

Оказавшийся в изоляции митрополит к царю не поехал,³ а направил к нему своих посланцев: новгородского архиепископа Пимена и архимандрита Чудова монастыря Левкия, — расположенных, кажется, к Ивану церковных деятелей.⁴ На причины этого поступка Афанасия историки смотрят по-разному. По невесть на чем основанному мнению Н.И.Костомарова, митрополит воздержался от поездки в Слободу, следуя какому-то общему решению:

¹ Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 212.

² Нет никаких оснований объединять всех отправившихся в Слободу церковных деятелей в единую группу, возглавляемую архиепископом Пименом и архимандритом Левкием, как это проделал С.Э.Цветков, утверждая, будто вместо митрополита Афанасия «посыльных от духовенства возглавили Новгородский архиепископ Пимен и Чудовский архимандрит Левкий». — Цветков С.Э. Иван Грозный. С. 337.

³ С.Б.Веселовский, не объясняя почему, утверждает обратное: «Летописец подробно рассказывает о поездке духовенства, бояр и “всяких москвичей” во главе с митрополитом Афанасием в слободу “плакаться царю и великому князю о его государьской милости”». — Веселовский С.Б. Исследования... С. 138.

⁴ См.: Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. С. 131; 1) Скрынников Р.Г. Начало опричнины. С. 240; 2) Царство террора. С. 212; Флоря Б.Н. Иван Грозный. С. 179; Цветков С.Э. Иван Грозный. С. 337.

«Положили, чтобы митрополит остался в столице, где начинался уже беспорядок. Вместо него поехали святители, а главным между ними новгородский архиепископ Пимен; в числе этих духовных был давний Иванов наушник архимандрит Левкий».¹ Согласно С.О.Шмидту, митрополит Афанасий не поддержал требования царя и потому не поехал в Слободу.² В.В.Шапошник присоединился к С.О.Шмидту: «Отказ, под благовидным предлогом, от поездки мог означать, что Афанасий не поддерживал требований царя».³ Впрочем, в следующей своей книге В.В.Шапошник скажет иное: «Сам митрополит ехать к царю не решился, видя полный паралич управления...».⁴ По мнению Р.Г.Скрынникова, «после длительных совещаний митрополит решил “для градского брежения”», на случай волнений остаться в столице».⁵ В другой раз исследователь говорит о том, как находящиеся в Москве бояре и прочие люди «ждали, что митрополит Афанасий возьмет на себя роль посредника и уприсит Ивана IV вернуться на царство. Но Афанасий объявил, что остается в Москве для “бережения” столицы, так как приказные покинули приказы и город остался без властей».⁶ В духе этих мнений Р.Г.Скрынникова рассуждает С.Э.Цветков: «Угроза беспорядков заставила митрополита Афанасия остаться в Москве, чтобы “беречь” столицу, в которой царил хаос: суды, приказы, караульни опустели».⁷ Несравненно ближе к истине А.А.Зимин, замечавший, что митрополит Афанасий «в Александрову слободу ехать не решился».⁸ К сожалению, историк не пояснил, почему митрополиту не хватило решимости поехать в Слободу.

На наш взгляд, причиной тому был обычный страх человека, чувствующего за собой большую вину и неудобство перед тем, кто дал ему все и которого он предал. Под предлогом присмотра за столицей святитель остался в городе. Предлог – скорее благовидный, чем убедительный, поскольку «управление Москвой всегда находилось в непосредственном ведении Боярской думы».⁹ Но даже если и была потребность «градского брежения» со стороны митрополита, то едва ли мы ошибемся, предположив, что Афанасий с радостью ухватился за нее, тогда как царь Иван, по свидетельству И.Таубе и

¹ Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Кн. I. М., 1990. С. 467.

² Шмидт С.О. 1) Становление российского самодержавства... С. 229, 235; 2) У истоков российского абсолютизма... С. 252, 258.

³ Шапошник В.В. Церковно-государственные отношения в России... С. 251–252.

⁴ Шапошник В.В. Иван Грозный... С. 229.

⁵ Скрынников Р.Г. Начало опричнины. С. 240.

⁶ Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 212.

⁷ Цветков С.Э. Иван Грозный. С. 337.

⁸ Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. С. 240.

⁹ См.: Шмидт С.О. 1) К истории соборов XVI в. С. 132; 2) Становление российского самодержавства... С. 228; 3) У истоков российского абсолютизма... С. 251; Скрынников Р.Г. Опричный террор. Л., 1969. С. 230. «Городом Москвою (где имеет постоянное пребывание царь) управляет одна Царская Дума», – писал современник событий. – Флетчер Д. О государстве русском. СПб., 1905. С. 39.

Э.Крузе, вызвал его в Александрову слободу.¹ Допускают возможность подобного вызова и некоторые современные исследователи. «Видимо, Иван Грозный ожидал, что митрополит сам приедет в Слободу (Таубе и Крузе уверены, что так именно и происходило дело, но митрополит остался в Москве...», — говорит С.О.Шмидт.² «Вполне вероятно, — замечает В.В.Шапошник, — что Иван рассчитывал на то, что в Слободу для уговоров приедет лично митрополит».³ Если это так, то тем очевиднее нежелание митрополита Афанасия ехать в Александрову слободу, обусловленное испугом предстать перед государем в качестве потаковщика боярской оппозиции. При одной мысли о встрече с Грозным Афанасия, по всей видимости, била дрожь. Страх от возможного свиданья с Иваном пересиливал в митрополите даже боязнь нарушить царское повеление явиться в Слободу. А.Л.Хорошкевич переворачивает происшедшее с ног на голову, уверяя, будто «задуманный царем демарш с отказом от престола привел среди прочих результатов и к тому, которого он сам ожидал менее всего, — к росту авторитета митрополита. Афанасий, сославшись на необходимость управлять покинутым царем городом, остался в Москве».⁴ Авторитет Афанасия в столице простирался настолько, насколько это было нужно взволнованной народной толпе москвичей, заставившей митрополита обратиться через посланников к государю. Что касается царя Ивана, то для него митрополичий авторитет пал окончательно, что подтверждают события, имевшие место в Александровой слободе.

Летописец рассказывает, как архиепископ Пимен и архимандрит Левкий «государю от митрополита Афонасия благословение и челобитье исправили». Это челобитье, как мы знаем, заключалось в том, «чтобы царь и великий князь над ним, своим отцом и богомолцем, и над своими богомолцы, архиепископы и епископы, и на всем освященном соборе милость показал и гнев свой отложил, такоже бы над своими бояры и над околничими и над казначеи и над воеводами и надо всеми приказными людьми и над всем народом крестиянским милость свою показал, гнев бы свой и опалу с них сложил, и на государстве бы был и своми бы государьствы владел и правил, как ему, государю, годно...». Иван IV это челобитье принял, но основные переговоры и встречи вел с церковными иерархами, прибывшими в Слободу *самостоятельно и отдельно от митрополичьих посланцев*, показав тем свое недоверие к митрополиту. Вместе с тем данные переговоры и встречи еще раз свидетельствовали об особости делегации, направленной в Александрову слободу Афанасием, с одной стороны, и остальных приехавших к царю церковных чинов — с другой. А это, по нашему мнению, указывало на полную изоляцию митрополита Афанасия. Нас не должен смущать тот факт, что священнослужители обращались к царю Ивану не только непосредственно

¹ Рогинский М.Г. Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе. С. 32.

² Шмидт С.О. 1) Становление российского самодержавства... С. 229; 2) У истоков российского абсолютизма... С. 252.

³ Шапошник В.В. Церковно-государственные отношения в России... С. 251.

⁴ Хорошкевич А.Л. 1) Митрополит Афанасий... С. 286; 2) Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003. С. 413.

от себя, но и от лица первосвященника: «потом же биша челом царю и великому князю отцом его и богомолцом Афонасием митрополитом всеа Руси. чтобы государь для отца своего и богомолца Афонасия митрополита всеа Руси и всего освященного собора милость свою показал...». То был этикет. можно сказать, словесная форма, приличествующая случаю, т.е. формальность, свойственная принятому церемониалу. Царь, таким образом, сумел противопоставить большинство духовных иерархов митрополиту, сложившемуся с боярами. Подобного эффекта он добился и в связи с мирянами.

В грамоте гостям, купцам и «всеми православному христианству града Москвы» Иван, как мы знаем, писал, что «гневу на них и опалы некоторые нет». Государь, по всей видимости, помнил урок 1547 года, когда враги самодержавного трона вовлекли в свою политическую игру московских «черных людей» и на волне массовых беспорядков, направленных против существующей власти, совершили государственный переворот, а затем привели к власти Избранную Раду, одно воспоминание о которой приводило Грозного в ярость.¹ Этот урок побуждал царя Ивана с предельным вниманием относиться к посадскому населению Москвы и его вожакам – гостям и купцам, – заручиться по возможности поддержкой горожан.² Но это не значит, что он должен был интриговать, хитрить и лицедействовать, стараясь удачно маневрировать, чтобы сделать правильный ход. А именно так исследователи порой рассматривают обращение Ивана Грозного к народу. «В летописном рассказе, – говорит С.Б.Веселовский, – есть косвенные указания на то, что после отъезда царя из Москвы его агенты вели соответствующую замыслам Ивана агитацию. Агитационный характер носит и грамота к митрополиту, присланная царем из слободы».³ К сожалению, С.Б.Веселовский не выявил эти косвенные указания на агитационную работу агентов царя Ивана. Нам также не удалось их найти по той простой причине, что они в летописном рассказе отсутствуют. Поэтому, быть может, историк и назвал их *косвенными*. Точно так же обстоит дело и с агитационным характером грамоты митрополиту Афанасию, отправленной Иваном из Александровой слободы. Подобное восприятие грамоты есть плод личных ощущений исследователя. Царь в своей грамоте митрополиту не агитировал, но обвинял священнослужителей, бояр, детей боярских и приказных людей в разных изменах и преступлениях. Трудно уразуметь, в чем выражался агитационный характер этих обвинений, зачитанных, как явствует из летописи, перед Освященным собо-

¹ Д.Н.Альшиц видит этот урок в другом: «Царь никогда не забывал уроков 1547 г. Он хорошо знал, как могуча сила народного восстания против “брюхатых” “богатин”, против бояр и вельмож. Тогда в 1547 г. он сам был в том стане, на который обрушился народный гнев. Теперь, через двадцать лет, он имел у московского люда прочную репутацию борца против “сильных” и “хищных”, репутацию борца за правду и справедливость... Теперь он смело мог искать “защиты” от своих изменников у посадского населения». – *Альшиц Д.Н. Начало самодержавия в России...* С. 118.

² См.: *Зимин А.А., Хорошкевич А.Л. Россия времени Ивана Грозного.* М., 1982. С. 105.

³ *Веселовский С.Б. Исследования...* С. 136.

ром и, возможно, Боярской Думой. Тем не менее ничем не подкрепленные соображения С.Б.Веселовского были взяты на вооружение последующими историками, в частности Д.Н.Альшицем, у которого читаем: «Борьба самодержца с носителями традиционных феодальных отношений выглядела как борьба против феодальной несправедливости и находила поэтому поддержку широких масс населения, прежде всего верхов посада. Царь, относившийся с нескрываемым презрением к “мужикам”, “холопам”, “рабам” и всяким “черным людям”, не побрезговал включить посадский люд в свои расчеты в качестве важнейшего политического слагаемого.¹ Как политический шахматист, он сумел в данном случае посмотреть на много ходов вперед. Заноса над головами противников опричный “молот” – воинскую силу, сконцентрированную в слободе, – царь подготовил и “наковальню”. С нескрываемым торжеством описывает официальный летописец триумфальный успех этого замысла».²

Нас не может удовлетворить такого рода взгляд как на царя Ивана, так и на «широкие массы населения». Нельзя видеть в Иване Грозном политического игрока, озабоченного утверждением неограниченной собственной власти. Иван IV не играл, а строил великое государство. Играли и продолжают играть с памятью о нем либеральные историки. Если же заводить речь о «широких массах населения», то надо помнить, что эти массы еще со времен Дмитрия Донского отдали предпочтение великокняжескому единодержавию перед боярской олигархией.³ С учетом данного обстоятельства и следует рассматривать поведение посадских людей Москвы в изучаемых нами событиях, не исключая, разумеется, и конкретных интересов народа, обусловленных текущим моментом.

«Вместе с грамотой митрополиту Афанасию, – пишет Б.Н.Флоря, – царский гонец привез и грамоту, адресованную московским горожанам... Судя по реакции горожан на этот документ, в нем, по-видимому, также подробно перечислялись измены бояр и приказных людей, которые заставили царя покинуть престол. Царь, очевидно, хотел таким образом подстрекнуть московский посад к выступлению против изменников. Ход оказался верным. Перспектива ухода государя и наступления “бесгосударного времени”, когда

¹ Здесь следует ссылка на слова С.Б.Веселовского: «В летописном рассказе есть косвенное указание на то, что после отъезда царя из Москвы его агенты вели соответствующую замыслам Ивана агитацию». Существует, однако, прямо противоположный взгляд на вещи, принадлежащий С.О.Шмидту: «Грозный отнюдь не хотел, чтобы в борьбе с феодальной оппозицией принимали участие “черные люди”. Напротив, он очень боялся их (классовый инстинкт у этого царя-крепостника великолепно был развит!). Только недавно в послании Курбскому он писал с внутренним содроганием о событиях 1547 г., когда возмутился “художайших умов народ” (объясняя это, конечно, тем, что “изменные бояре... наустиша черни”). А в конце 1564 г. многое напоминало страшный 1547 г.». – *Шмидт С.О.* 1) Становление российского самодержавства... С. 244; 2) У истоков российского абсолютизма... С. 267.

² *Альшиц Д.Н.* Начальный этап истории самодержавия. С. 55–56.

³ См.: *Фроянов И.Я.* Начала русской истории... С. 904–907.

вельможи могут снова заставить городских торговцев и ремесленников все делать для них даром, не могла не взволновать московских горожан». Государю, по нашему мнению, не надо было «подстрекать московский посад к выступлению против изменников». Достаточно было рассказать правду об «изменах» бояр и других служилых людей, чтобы вызвать возмущение со стороны «граждан» Москвы. И уж вовсе не годится усматривать в поступках москвичей проявление одних лишь «шкурных» интересов. Нельзя отказывать народу в правильной оценке политической ситуации, возникшей в столице в конце 1564 – начале 1565 гг., и в способности адекватно реагировать на происходящее. Хотя психологически тут все более или менее ясно: негативная оценка поведения Ивана невольно и, быть может, незаметно для самого исследователя переносится на поведение московских посадских людей, поддержавших своего государя, заслуживающего, как ему кажется, порицания.

Даже такой тонкий историк, каким был В.Б.Кобрин, не устоял перед соблазном изобразить Грозного как ловкого политического игрока. По поводу царской грамоты посадскому люду столицы он говорил: «Это был потрясающе точно рассчитанный политический маневр. В самом деле, представим себе московского посадского человека, который по сравнению с любым подъячим считался человеком второго сорта. В феодальном государстве он был сословно неравноправным человеком. Вместе с тем, как и все люди средневековья, он верил в “батюшку-царя”, в “надежу-государя”. Вдруг он узнает, что как раз те, перед кем он только что должен был ломать шапку, все эти бояре, дети боярские, дьяки, все они прогневили государя до такой степени, что тот должен уйти, оставить государство. А он, “посадский мужик” – и есть главная опора трона, на него нет ни гнева, ни опалы. Но как быть государству без государя, царству – без царя? Ведь государство тем и государство, что государь во главе. “Ныне х кому прибегнем и кто нас помилует и кто нас избавит от нахождения иноплеменных?” – говорили, по утверждению официальной летописи, на площади. Народ единодушно потребовал от бояр упросить государя вернуться, “а хто будет государьских лиходеев и изменников, и они за тех не стоят и сами тех потребят”. Так царь Иван обзавелся согласием народных масс на террор».² Быть может, занимательно, но не во всем убедительно. Особенно досадует односторонность толкования летописного рассказа с точки зрения сословной неравноправности посадских людей, воспользовавшихся случаем, чтобы отомстить боярам, детям боярским и дьякам за сословные обиды. Вероятно, отчасти это имело место. Но нельзя забывать религиозно-политические мотивы поведения горожан. до крайности встревоженных отсутствием в Москве христианских святынь и царя, служивших, как тогда думали, обеспечением внутреннего и внешнего мира, в первую очередь защитой от нападения иноземных врагов. Эти, в основе своей архаические, переживания свойственны были, прежде всего, народной массе, сохранявшей нередко языческие нравы и обычаи, прояв-

¹ Флоря Б.Н. Иван Грозный. С. 178–179.

² Кобрин В.Б. Иван Грозный. С. 64–65.

лявшиеся с особой наглядностью в критические моменты общественной жизни, когда из глубин народного сознания всплывали, казалось бы, уже изжитые представления и взгляды на окружающий мир. И еще неизвестно, что определяло действия толпы в те драматические дни декабря 1564 – января 1565 года: чувство ли сословной неправомерности или страх перед неизвестностью, обусловленной утратой покровительства и заступничества со стороны божественных сил. На наш взгляд, определяющим являлся страх перед перспективой остаться без святынь и царя. Относительно последнего мало, на наш взгляд, сказать, что посадские люди Москвы XVI века верили в «батюшку-царя», в «надежу-государя». Они видели в нем сакрального правителя, земного Бога, царствующего по изволению Бога небесного. Согласно свидетельству С.Герберштейна, относящемуся к временам Василия III, «московиты» говорили, что «воля государя есть воля Божия и, что ни сделает государь, он делает по воле божией. Поэтому также они именуют его ключником и постельничим божиим; наконец, веруют, что он – свершитель божественной воли <...>. Равным образом, если кто-нибудь спрашивает о каком-нибудь деле неверном и сомнительном, то в общем обычно получает ответ: “Про то ведает Бог да Великий Государь”».¹ Не поняв сути отношения русских подданных к своему государю, С.Герберштейн пишет: «Неизвестно, или народ по своей огрубелости требует себе в государи тирана, или от тирании государя самый народ становится таким бесчувственным и жестоким».² Заезжему иностранцу, усвоившему многое из умственного движения Западной Европы конца XV – начала XVI века, общавшемуся на Западе с тогдашними «либералами»,³ было невдомек, что монарх в России, если перефразировать известное выражение, – больше чем монарх. И это объяснялось многотрудной историей русского народа, всего лишь нескольких десятилетий назад сбросившего тяжкое 250-летнее татаро-монгольское иго, будучи ведомым к победе великими московскими князьями. Восходящее к древности восприятие князей в качестве сакральных вождей и позднейшая теория божественного происхождения власти московских государей, усиленные их славой как освободителей от иноземного рабства, спасших русский народ от гибели посредством мобилизации всех народных ресурсов и концентрации власти над подданными, вознесли московских правителей на недостижимую для земных человеческих существ высоту. Общепризнанным фактом, но отнюдь не тягой народа к тирании объясняется стиль отношений московских государей с обществом. В.Б.Кобрин проявляет, в сущности, однотипный с С.Герберштейном подход к предмету, говоря о том, будто «царь Иван обзавелся согласием народных масс на террор». Этим как бы предполагается расположенность русского народа к кровавой тирании. Впрочем, ради справедливости надо сказать, что к такого рода заключениям склонен не только В.Б.Кобрин. Еще В.О.Ключевский,

¹ Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев. Л., 1986. С. 53.

² Там же.

³ См.: Замысловский Е. Герберштейн и его историко-географические известия о России. СПб., 1884. С. 2–3.

оценивая условия, на которых Грозный «принимал обратно брошенную им власть», замечал: «Царь как будто выпросил себе у государственного совета полицейскую диктатуру: своеобразная форма договора государя с народом». Тут же следовал далеко идущий вывод: «Новое государственное право складывалось из случайного склада фактов – царь хотел испытать свою исторически сложившуюся власть, испытать ее силу в народе».² Однако ничего такого, о чем рассуждают В.О.Ключевский и В.Б.Кобрин, не было. Иван Грозный не стремился обзавестись «согласием народных масс на террор», не выпрашивал «полицейскую диктатуру», не хотел испытать свою власть или «испытать ее силу в народе». Он потребовал для себя право налагать опалу и казнить «изменников», подвергавших большой опасности не только его с семьей, но и государство. Исходя именно из государственных интересов, московские посадские люди поддержали царя Ивана и принудили правящее сословие принять поставленные им условия своего возвращения в Москву. Правда, летописец пытался изобразить дело так, будто бы все сословия объединились тогда в едином порыве: «Бояре же и околничие, и дети боярские, и все приказные люди, и священнический и иноческий чин, и множества народа, слышав таковая, что государь гнев свой и опалу на них положил и государство свое отставил, они же от многого захлипания слезного перед Офонасием митрополитом и перед архиепископы и епископы и пред всем освященным собором с плачем глаголюще...». Летописец точно позабыл только что помещенный в летопись собственный рассказ о чтении царской грамоты перед гостями, купцами и православным людом града Москвы, в которой царь сообщал, что гнева на них и опалы не держит. Вот почему объединять «множество народа» с боярами, окольничими, детьми боярскими и приказными людьми у летописателя не было оснований.³ Впрочем, какая-то часть господствующего класса, как и «множество народа», оставалась на стороне Ивана, чем, возможно, и объясняется появление в летописи только что цитированного нами текста. Но затем летописец все же сообщает, что решающую роль в событиях начала января 1565 года сыграл именно народ, т.е. гости, купцы и «все граждане града Москвы», потребовавшие от митрополита Афанасия снарядить посольство в Александрову слободу к царю Ивану и пообещавшие самолично, если понадобится, истребить «государьских лиходеев и изменников».

Это сообщение еще раз свидетельствует против смешения «множества народа» с боярами, окольничими, детьми боярскими, приказными людьми, священническим и иноческим чином, допущенного летописцем. Оно также

¹ Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. Т. II. М., 1988. С. 165.

² Там же. С. 411.

³ Иной точки зрения придерживается С.О.Шмидт. Не замечая оплошности летописца, он полагает, что под «множеством народа» надо «подразумевать какие-то группировки феодалов» (Шмидт С.О. 1) Становление российского самодержавства... С. 215; 2) У истоков российского абсолютизма... С. 238). Другая версия у Л.В.Черепнина, по которому «множество народа» – это «просто любопытствующие», зеваки. – Черепнин Л.В. Земские соборы русского государства... С. 102.

говорит о том, что реакция на царские грамоты жителей Москвы была отнюдь не хаотической, а вполне упорядоченной и, можно сказать, организованной, вылившейся в форму двух групповых молений или челобитий, имевших место на митрополичьем дворе. Происходящее здесь, по мысли Л.В.Черепнина, «могло перейти в вечернюю сходку»,¹ но перешло в Земский собор.² Ни то ни другое нам не кажется убедительным.

Первую группу составили хранившие верность государю упомянутые бояре, окольничие, дети боярские, приказные люди, священники и монахи, которые «молиша» митрополита Афанасия, архиепископов, епископов и весь Освященный собор упросить государя вернуться на «государство». Упоминание о Боярской Думе в данном случае отсутствует и, по-видимому, не зря: многие из ее членов (если не большинство), судя по всему, попали в черный список изменников, представленный в грамотах. Во вторую группу вошли гости, купцы и «все граждане града Москвы», бывшие челом митрополиту Афанасию и «всему освященному собору», чтобы те уговорили «государя царя и великого князя» не оставлять «государство» и не давать их, челобитчиков, «на расхищение волкам», но, напротив, «от рук сильных избавлять». Это челобитье по группам С.О.Шмидт принял за изложение мнений «чинов» Земского собора, якобы заседавшего накануне опричнины.³ Однако идея такого Собора справедливо оспаривается некоторыми учеными.⁴ Но это ни в коем разе не означает, будто учреждение Опричнины являлось сугубо царским делом, не подлежащим чьим-либо обсуждениям, как считал В.И.Корецкий.⁵ Сама присылка грамот в Москву, адресованных разным сословиям, должна рассматриваться как приглашение к подобным обсуждениям, результатом которых стали стихийно выработанные «нижайшие прошения» названных двух групп челобитчиков, несколько различающиеся друг с другом.

«Прощения» бояр и других чинов московского общества заключались, как мы знаем, в том, чтобы царь «государства своего не оставлял и своими государством владел и правил, якоже годно ему, государю; а кто будет государские лиходеи которые изменные дела делали, и в тех ведает Бог да он, государь, и в животе и в казни его государская воля». По Р.Г.Скрынникову, в

¹ Черепнин Л.В. Земские соборы русского государства... С. 102.

² Там же. С. 104.

³ Шмидт С.О. 1) Становление российского самодержавства... С. 211–246; 2) У истоков российского абсолютизма... С. 234–269.

⁴ См.: Павленко Н.И. К истории Земских соборов XVI в. // Вопросы истории. 1968, № 5; Корецкий В.И. Томская Разрядная книга с ранними известиями об опричнине // Исследования по истории общественного сознания эпохи феодализма в России. Новосибирск, 1984. С. 10. По одному мнению Р.Г.Скрынникова, «Опасность народных волнений и твердая позиция представителей посада оказала сильное влияние на решения импровизированного Земского собора, заседавшего на митрополичьем дворе» (Скрынников Р.Г. Начало опричнины. С. 239). По другому мнению того же автора, «какие бы внушения ни делал самодержец, его декларации очень мало напоминали совещание с представителями сословий, конституировавшимися в Земский собор». – Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 216.

⁵ Корецкий В.И. Томская Разрядная книга... С. 10.

этих словах заключена позиция Боярской Думы: «Противники Грозного, пользовавшиеся большим весом в Боярской думе и среди титулованной знати, не осмелились поднять голос среди общего негодования на “изменников” и таким образом безвозвратно упустили благоприятный момент. Под давлением обстоятельств Боярская дума не только не приняла отречения Грозного, но и вынуждена была предоставить главе государства неограниченные полномочия. Дума просила митрополита взять на себя роль посредника и немедленно ехать к царю. Боярская дума и весь собор выразили царю полную покорность и обещали выдать головой всех изменников, “... кто будет государские лиходеи, которые изменные дела делали, и в тех ведает Бог да он, государь, и в животе и в казни его государская воля”».¹ Летописная запись, на которой Р.Г.Скрынников строит свои рассуждения, не дает оснований говорить о тех или иных действиях Боярской Думы. Больше того, ее вообще не видно в рассказе официальной летописи, где выступают митрополит и Освященный собор, с одной стороны, и представители различных сословий — с другой. Пример покорности Боярской Думы царю, ее обещание выдать головой всех изменников Р.Г.Скрынников выводит из заявления бояр, окольничих, детей боярских, приказных людей, представителей священнического и иноческого «чина», а также множества народа, т.е. посадских людей, сделанного митрополиту Афанасию и «всему освященному собору». Но совместное выступление всех названных общественных групп, олицетворявших население Москвы, даже при самой буйной фантазии никак нельзя отождествить с действием Боярской Думы. Повторяем, в летописном рассказе о событиях декабря 1564 — января 1565 года деятельность Боярской Думы как учреждения власти не просматривается. В нем упоминается лишь возглавляемый митрополитом Освященный собор, к которому обращаются жители столицы. Для нас это служит веским аргументом в пользу того, что созванный перед тем церковно-государственный собор прервал свою работу. Прекращение заседаний собора было, по всей видимости, связано с отъездом Ивана IV из столицы. Если это так, то проясняются три чрезвычайно важных момента: 1) собор задумала оппозиция; 2) противники Ивана IV созвали собор для обсуждения вопроса о высшей власти; 3) собору предназначалось осуществление государственного переворота со сменой правителя на троне и последующим формальным и фактическим ограничением его властных функций. Отъезд Грозного из Москвы смешал все планы оппозиции и сделал бессмысленным продолжение работы собора. Больше того, этот отъезд резко изменил политическую ситуацию в «государствующем граде», приведя оппозиционные силы в шоковое состояние. Этим, по-видимому, объясняется единодушие, с которым первая групп челобитчиков обратилась к Освященному собору.

«Прошение» гостей, купцов, «всех граждан града Москвы», выделившихся в отдельную группу челобитчиков, было менее пространное и более радикальным, призывавшим государя к тому, чтобы он «государство не ос-

¹ Скрынников Р.Г. Начало опричнины. С. 239–240. Ср.: Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 212.

твлял и их на расхищение волком не давал, наипаче же от рук сильных избавлял; а кто будет государьских лиходеев и изменников, и они за тех не стоят и сами тех потребят». Такой решительный настрой посадского населения столицы определил дальнейший ход событий. Нельзя, однако, преувеличивать, подобно Р.Г.Скрынникову, степень накала обстановки в Москве: «Громадные толпы горожан, возбужденных слухами о великой боярской измене и царской опале на власть имущих, со всех сторон окружили митрополичий двор, где укрылись члены Боярской думы и приказные... Опасность народных волнений существенно повлияла на решение думы и освященного собора, собравшихся на митрополичьем дворе».¹ А вот еще один образчик: «Толпа на дворцовой площади прибывала час от часу, а ее поведение становилось все более угрожающим. Допущенные в митрополичьи покои представители купцов и горожан заявили, что останутся верны присяге, будут просить у царя защиты “от рук сильных” и готовы сами “потребить” всех государевых изменников».² Но вдруг все меняется: «При чтении официального отчета об отречении Грозного трудно избавиться от впечатления, что летописец преувеличил верноподданнические чувства народа, в едином порыве выразившего желание уничтожить всех, кто противился царю. Народу не за что было благодарить самодержца. Его царствование ознаменовалось бесконечными войнами и резким повышением царевых податей».³ После столь противоречивых суждений автора трудно вести с ним какую-либо полемику. И все же позволим себе заметить, что, несмотря на известную напряженность ситуации, до волнений и беспорядков дело в Москве не дошло. Была твердая и ясная позиция посадского населения Москвы, согласующаяся с позицией части представителей высших сословий и состоящая в безоговорочной поддержке Ивана IV, причем не в личном плане, а как публичного носителя самодержавной власти, опирающегося на имеющийся уже опыт «самодержавства».

Ультиматум царя был принят. В свою очередь государь заявил прибывшим в Слободу архиепископам, епископам и всему Освященному собору: «Для отца своего и богомолца Афонасия митрополита всеа Русии моления и вас для, своих богомолцов, челобитья государства свои взяти хотим, а как нам свои государства взяти и государства своими владети, о том о всем прикажем к отцу своему и богомолцу к Офонасию митрополиту всеа Русии съ своими богомолцы». Занималась алая заря Опричнины, прихода которой царь Иван, по большому счету, не ждал и не хотел, но силой обстоятельств был поставлен перед ее неизбежностью. России Промыслом Божиим назначено было пройти через ее суровое очищение. Иван Грозный, вступая вместе с подданными в новый период своего царствования, возносил молитвы к Господу: «И тогда же в Слободе архиепископом повеле прпозновати на Бого-

¹ Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 212. Присутствие Боярской Думы на митрополичьем дворе не прослеживается, что, однако, не исключает наличия там отдельных ее членов.

² Скрынников Р.Г. Иван Грозный. М., 2002. С. 185.

³ Там же.

явление Господне и отпустил их к Москве к отцу своему Афонасию митрополиту». Это празднование имело символический смысл, поскольку именно в день Богоявления в совместной молитве православные христиане испрашивали мир, забвение обид и (что самое главное) благословение на новую жизнь, освященную Божиим присутствием и покровом. Вообще надо заметить, что вся история с отъездом Грозного из Москвы и последующим обращением его к жителям столицы представляла собою ряд молитвенно-символических моментов: молитвы в Успенском соборе перед выездом из столицы, молитвы Николе-чудотворцу в селе Коломенском, молитвы святому Петру и преподобному Сергию в Троице-Сергиеве монастыре и, наконец, молитвы на Богоявление в Александровой слободе. Складывается впечатление, будто Иван IV специально расписал свою поездку так, чтобы приурочить ее к названным молитвенным дням. Вернемся, однако, к политическим будням Грозного. Уместен вопрос: что побудило Ивана Грозного направить грамоты в Москву?

Мнение, согласно которому царь Иван разыгрывал спектакль, следует отбросить как несерьезное и поверхностное.¹ С.Б. Веселовский правильно подчеркивал, что «все действия царя вовсе не похожи на пустую комедию».² Но тогда, быть может, царю просто не хватало сил, чтобы самостоятельно разрешить наболевшую проблему. Так Р.Г.Скрынников и думает: «Раздор между монархом и знатью приобретал все более опасные масштабы. А.Д.Басманов и его единомышленники настойчиво советовали самодержцу усилить репрессии. Однако новое руководство не обладало необходимой властью и авторитетом, чтобы ввести в стране чрезвычайное положение вопреки воле Боярской думы и церковного руководства. Между тем дума и митрополит осуждали любые попытки возобновления террора. Царь не мог рассчитывать на успех, если бы вздумал добиваться осуществления своих замыслов путем обычной процедуры утверждения его указа в Боярской думе и на освященном соборе. По этой причине он вынужден был избрать совершенно необычный способ действия».³ Иначе, причем, на наш взгляд, более убедительно, характеризует возможности царя Д.Н.Альшиц: «По парадоксальной логике официозного летописца получается так: стоило царю удалиться, как изменники “всех чинов” разом прекратили свою враждебную деятельность – изменять стало некому. Вместе с множеством народа они приходили к митрополиту и от “многого захлипания слезного” просили митрополита умолить царя вернуться на свое царство. Все это говорит только об одном: о бессилии всякой оппозиции и о всеобщем парализующем страхе. Возникновение страха предполагает силу, которая его внушает. И, значит, такая сила у царя была».⁴ Здесь главное – не удариться, сравнительно с Р.Г.Скрынниковым, в противоположную крайность. К сожалению, у Д.Н.Альшица в дан-

¹ См., напр.: *Зарезин М.И.* Последние Рюриковичи... С. 341; *Володихин Д.М.* Иван Грозный: Бич Божий. С. 145.

² *Веселовский С.Б.* Исследования... С. 137.

³ *Скрынников Р.Г.* Царство террора. С. 207.

⁴ *Альшиц Д.Н.* Начало самодержавия в России... С. 114–115.

ном случае, несмотря на верно взятое им направление, такая тенденция присутствует. Вряд ли можно сомневаться в том, что царь Иван уехал из Москвы вследствие опасности, угрожавшей ему. Хотя сила у него и была, но, по-видимому, недостаточная, чтобы полностью гарантировать себя от всяких неприятностей. Был страх и у подданных, но не столько перед самим Иваном, сколько перед безвластием в Москве и утратой небесного покровительства, ставших реальностью в результате отъезда государя из стольного града и вывоза с собою «святости» – наиболее почитаемых икон и предметов культа, оберегавших православных христиан от напастей и козней супостата. Была, наконец, оппозиция и (если учесть поддержку, которую она получила от церковного руководства) вовсе не такая слабая, как представляется Д.Н.Альшицу. Однако перевес сил все же оказался на стороне Ивана Грозного.

Но вот, когда, укрывшись в Александровой слободе и собрав «воинников» в мощный кулак, Грозный мог приступить к подготовке выступления против сидящих в Москве врагов, он поступил по-другому, направив знатным и черным людям столицы специальные послания, побуждавшие адресатов определиться в коренном вопросе, каким быть дальше русскому государству: самодержавной или «конституционной» (ограниченной) монархией. Царь, следовательно, нуждался в народном мнении насчет будущей судьбы Святорусского царства, полагаясь на соборное решение всего православного христианства «государствующего града Москвы». Перед нами своеобразная форма совета государя со всеми своими подданными по вопросу государственного строительства. Черты народной монархии здесь выступают отчетливо и зримо.

Этим определяется наше отношение к тому, имело ли место отречение Ивана Грозного от престола и отказ от власти после его отъезда из Москвы и являлось ли введение Опричнины государственным переворотом. Обратимся еще раз к так называемому отречению и отказу Грозного от власти. Мысль об этом отречении не раз высказывалась в историографии. Особенно настойчиво ее проводит Р.Г.Скрынников, согласно которому «царь намеревался отказаться от короны, но при этом сохранить все права престолонаследия за своими малолетними детьми. Более того, он разработал проект, который позволял ему сохранить в своих руках реальную власть после вынужденного отказа от трона. В основу проекта был положен принцип раздела государства между двумя царевичами».¹ Нам уже пришлось вникнуть в эти рассуждения историка по поводу завещания Ивана Грозного и показать их несостоятельность. Однако Р.Г.Скрынников ссылается для обоснования своей позиции и на другие места духовной Грозного. В частности, он пишет: «В царском завещании отчетливо слышатся ноты тревоги. Ивана томят мрачные предчувствия, он сознает, что его наследников ждут многие испытания, может быть, изгнание. Все это расплата за его собственные грехи: “И вам есмь грехом своим беды многия нанесены...” Иван закликает сыновей не забывать родителей среди бед, “не токмо что в государствующем граде Москве,

¹ Скрынников Р.Г. Царство террора... С. 209.

или инде где будет, но аще и в гонении и во изгнании будете...” Поучение детям заканчивается выражением надежды на то, что наследники-сыновья в конце концов добьются трона: “А будет Бог помилует и государство свое доступите и на нем утвердитесь и аз благословляю вас...” Приведенные строки появились на свет, вероятно, в дни, когда Грозный готовил акт об отречении от престола и не знал, чем закончится его затея.¹ Исследователя, на наш взгляд, подводит чересчур прямолинейное толкование слов царя Ивана, тогда как в них немало условного, так сказать, этикетного и, конечно же, художественно-гиперболического, свойственного артистической его натуре. В самом деле, означают ли его слова «а будет Бог помилует и государство свое доступите и на нем утвердитесь» выражение надежды (а значит, и сомнений) на благополучный исход дела для сыновей-наследников в случае отказа отца-правителя от власти. Полагаем, что не означают, поскольку эта средневековая словесная формула имела универсальный характер, подчеркивающий совершенно очевидный для людей той эпохи факт, что все в мире происходит и вершится по воле и промыслу Божьему. Аналогичную по смыслу трафаретную формулу находим в завещаниях других великих московских князей, например в духовной грамоте (1504) Ивана III, где читаем: «Благословляю сына своего старейшаго Василья своею отчиною, великими княжества, чем я благословил отец мои, и что ми *дал Бог*».² Мы не видим принципиального различия между формулами *будет Бог помилует* и *дал Бог*. Разница лишь во времени – будущем и прошедшем: прадеду Бог дал вотчину, а правнукам еще лишь даст. Но самое главное, а именно то, что московские князья, как и другие их собратья, получают наследство по Божьему изволению, присуще обеим формулам. Поэтому «ноты тревоги» и «мрачные предчувствия», если таковые действительно содержатся в духовной Ивана Грозного, следует отнести к издержкам художественной натуры монарха.

То же надо сказать и в отношении тех слов из посланий Ивана IV в Москву, которые берутся исследователями в качестве доказательства мысли об отречении царя от трона и власти: «Царь и государь и великий князь от великие жалости сердца, не хотя их многих изменных дел терпети, оставил свое государство и поехал, где вселиться, идеже его, государя Бог наставит». Иван, казалось бы, действительно оставил (*покинул, бросил, отказался, отрекся*³) государство (*правление, царствование, власть*⁴). Однако, если взять происшедшее в целом, на цепляясь за термины *оставил* и *государство*, возникает несколько иная картина, чем представляется с первого взгляда. Независимо от того, когда составлялись грамоты, направленные царем в Москву (до или после отъезда Ивана из столицы), Грозный прекрасно знал, куда едет: он знал, что едет в Александрову слободу. Вся его поездка осуще-

¹ Там же. С. 210.

² Духовные и договорные грамоты... № 89. С. 354.

³ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 13. М., 1987. С. 136, 137.

⁴ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 4. М., 1977. С. 108. С.Б.Веселовский считал, что царь оставил Москву. – *Веселовский С.Б. Исследования...* С. 319.

ствлялась, как нами уже было отмечено, не наспех, экспромтом, а по тщательно разработанному плану, предусматривающему конечный пункт маршрута – Александрову слободу. Поэтому заявление Ивана о том, что он поехал поселиться, где Бог ему укажет, следует воспринимать скептически как проявление художественного стиля, а не реальных замыслов. Царь Иван, в отличие от цезаря Нерона, любившего публичные выступления в цирке и театре,¹ выражал свою природную артистичность в самой жизни и потому был загадочен для современников, а еще больше – для позднейших историков.

Эту артистичность тонко уловил К.С.Аксаков: «Иоанн IV был – природа художественная, художественная в жизни. Образы являлись ему и увлекали его своею внешнею красотою; он художественно понимал добро, красоту его, понимал красоту раскаяния, красоту доблести, – наконец самые ужасы влекли его к себе страшной картинностью».² По К.С.Аксакову, «художественная природа» царя Ивана «влекла его от образа к образу, от картины к картине, – и эти картины любил он осуществлять себе в жизни».³ Склонность Ивана к игре, переходящей якобы в карнавал, отмечали и другие досоветские историки.⁴ С.М.Середонин, в частности, замечал, что «вместе с подвижностью Иоанн обнаруживал всегда страсть играть известную роль <...> пред нами человек, одаренный живым, пылким умом, со страстью к эффекту, причем к эффекту театральному».⁵

Элемент карнавала в поведении Ивана Грозного обнаружил М.Бахтин: «Карнавальное оформление расправы со старым миром не должно вызывать нашего изумления. Даже большие экономические и социально-политические перевороты тех эпох не могли не подвергаться известному карнавальному осознанию и оформлению. <...>. Иван Грозный, борясь с удельным феодализмом, с древней удельно-вотчинной правдой и святостью, ломая старые государственно-политические, социальные и в известной мере моральные устои, не мог не подвергнуться существенному влиянию народно-праздничных площадных форм, форм осмеяния старой правды и старой власти со всей их системой травестий (маскарадных переодеваний), иерархических перестановок (выворачиваний наизнанку), развенчаний и снижений. Не порывая со звоном колоколов, Грозный не мог обойтись и без звона шутовских бубенчиков; даже во внешней стороне организации опричнины были элементы карнавальных форм...».⁶ Этот звон «шутовских бубенчиков» вызвал у последующих исследователей ассоциацию со скоморошеством, будто бы

¹ См.: Гай Светоний Транквил. Жизнь двенадцати цезарей. М., 1966. С. 150–157.

² Аксаков К.С. Полное собр. соч. Т. I. М., 1861. С. 167.

³ Там же. С. 168.

⁴ См.: Богатырев С.Н. Грозный царь или грозное время? Психологический образ Ивана Грозного в историографии // История и историки. 2004. Историографический вестник. М., 2005. С. 65.

⁵ Середонин С. Иоанн IV Васильевич, Грозный // Русский биографический словарь. Ибак – Ключарев. СПб., 1897. С. 269–270.

⁶ Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и ренессанса. М., 1965. С. 294.

присущим Ивану Грозному. О своеобразном скоморошестве Грозного, об элементах скоморошества в его поведении писал Д.С.Лихачев.¹ Не знаем, как насчет скоморошеских кривляний царя (по правде сказать, нам это кажется преувеличением), но относительно его игры, притворства и актерства в жизни, о чем говорит Д.С.Лихачев,² едва ли можно сомневаться. Столь же реальным было стремление Ивана Грозного к мистификациям и театральным эффектам.³ Именно в связи с последними С.О.Шмидт рассматривает отъезд Ивана Грозного из Москвы в начале 1564 года. «В расчете на эффект был задуман и внезапный выезд царя из Москвы накануне учреждения опричнины», — пишет он.⁴ По С.О.Шмидту, царю Ивану было свойственно влечение «к театрализованным психологическим эффектам».⁵ В новейшей исторической литературе наметилась тенденция представить художественные свойства натуры Грозного как примитивное стремление пародировать, юродствовать и лицедействовать.⁶ «Увы нам»: мельчают души исследователей...

Итак, рассказ Грозного о том, будто он «оставил свое государство» и поехал поселиться там, где Бог ему укажет, — не что иное, как очередное художество его артистической натуры. В действительности же Иван IV, по справедливому заключению Д.Н.Альшица, «не думал никогда и ни на одну минуту отказываться от власти».⁷ Заслуживают самого пристального внимания и слова митрополита Иоанна (Снычева): «Царь не отрекался от престола, сознавая ответственность за народ и страну».⁸ Перед ним стояла другая задача: окончательно стягнуть с самодержавия боярские притязания на власть, бывшие наследием не столько «старины глубокой», сколько политики Избранной Рады, приложившей много стараний, чтобы переделать русское самодержавство по типу польско-литовской ограниченной монархии.

Важно подчеркнуть, что Иван Грозный стремился к самодержавной власти не ради самой власти, не ради удовлетворения собственной страсти властвования. Власть несла ему не радость, а страдания и одиночество: «Тело изнемогло, болезнует дух, раны душевные и телесные умножились, и нет врача, который исцелил бы меня, ждал я, кто бы поскорбел со мной, но утешающих не нашел, злом заплатили мне за добро, ненавистью за любовь».⁹ Хотя и в приведенных словах сказалась эстетическая природа государя, но

¹ Лихачев Д.С. Стиль произведений Грозного и стиль произведений Курбского // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 188, 193; Лихачев Д.С., Панченко А.М., Понярко Н.В. Смех в древней Руси. Л., 1984. С. 29, 32.

² Лихачев Д.С. Стиль произведений Грозного... С. 188, 189, 191, 194, 196, 198, 199; Лихачев Д.С. [и др.]. Смех... С. 26, 27, 28, 32.

³ Лихачев Д.С. Стиль произведений Грозного... С. 199; Шмидт С.О. Россия Ивана Грозного. М., 1999. С. 307.

⁴ Шмидт С.О. Россия Иван Грозного. С. 308.

⁵ Шмидт С.О. К истории соборов XVI в. С. 143.

⁶ См., напр.: Зарезин М.И. Последние Рюриковичи... С. 331, 359, 381

⁷ Альшиц Д.Н. Начало самодержавия в России... С. 113.

⁸ Митрополит Иоанн (Снычев). Самодержавие духа: Очерки русского самосознания. СПб., 1995. С. 149.

⁹ См.: Духовные и договорные грамоты... № 104. С. 426.

сказанное им соответствовало истине: Иван терпеливо нес крест власти, понимая всю меру своей ответственности перед Богом за Святорусское царство и православных христиан, оставаясь нередко без всякой опоры, в полном одиночестве. Отсюда ясно, что вопрос о характере царской власти имел для Грозного отнюдь не личное, а общественное значение, связанное с защитой самодержавного государства, апостольской церкви и православной веры, с защитой, приобретшей острейшую потребность в условиях внутренней и внешней войны, т.е. боярской крамолы и еретических движений, с одной стороны, и затяжной Ливонской кампании – с другой. В отношении последней Д.Н.Альшиц говорит: «Важнейшим обстоятельством, ускорившим окончательный переход к единодержавию, была Ливонская война. Она диктовала необходимость сосредоточения в едином центре военного, политического и экономического управления. Переход к предельно централизованному, самодержавному правлению встал в порядок дня. Сама форма перехода к единовластию в значительной степени зависела от личности властителя. Окажись на месте Грозного другой государь, он, надо полагать, не ввел бы термин “опричнина”, возможно, обошелся бы без отъезда из столицы, окружил бы себя другими “Басмановыми” и “Малютами”. Тем не менее развитие монархии в сторону установления единодержавия естественно и неизбежно вело к такому порядку, который по своей сути был бы близок к опричнине Ивана IV».¹ Вскоре Д.Н.Альшиц сместил акценты и заострил свои формулировки: «Важнейшим катализатором, ускорившим окончательный переход к единодержавию, была война в Ливонии. Она требовала сосредоточения командования в одном центре. В условиях войны едва ли не со всеми окружающими страну государствами отъезд с царской службы и переход на службу к другому государю, еще недавно считавшийся законным правом служилого феодала, неизбежно становился прямой военной изменой. Война создавала благоприятную обстановку для того, чтобы обвинить в неудачах, поражениях и прочих тяготах, ложившихся на плечи населения, воевод, думных бояр, дворян и приказных людей. Захватив инициативу в такого рода обвинениях, царь и его верные слуги могли управлять всплесками народного гнева, придавая им удобное направление. Что касается формы перехода к единовластию, она в значительной степени зависела от своего творца. Окажись на месте другой архитектор верхушечного политического переворота и перехода к реальному самодержавию, он, надо полагать, не придумал бы термина “опричнина”, возможно, обошелся бы без отъезда из столицы, вероятно, окружил бы себя другими “Басмановыми” и “Малютами” <...>. Однако логика развития монархии в сторону установления единодержавия естественно и неизбежно вела к такому порядку, который по своей сути не мог быть не чем иным, кроме порядка опричного. В лице первого царя Ивана Грозного исторический процесс становления русского самодержавства нашел исполнителя, вполне осознавшего свою историческую миссию. Кроме его публицистических и теоретических выступлений, об этом ясно свиде-

¹ Альшиц Д.Н. Начальный этап истории самодержавия. С. 55.

тельствуется точно рассчитанная и с полным успехом проведенная политическая акция учреждения опричнины».¹

Трудно, да и бессмысленно судить о том, что было бы, окажись на месте царя Ивана другой правитель. Это – все равно что гадать на кофейной гуще. Ошибочно, по нашему мнению, и утверждение историка насчет того, будто логика развития монархии в сторону единодержавия неизбежно вела к Опричнине. Тезис – в корне неверный, поскольку к Опричнине вела и привела не логика развития монархии, а борьба боярства и околбоярских элементов с русским единодержавием и царем Иваном Грозным как ее олицетворением, борьба, сопровождавшаяся многочисленными государственными изменениями противников самодержавства, совершенно нетерпимыми «в условиях войны едва ли не со всеми окружающими страну государствами». С этой точки зрения Ливонская война, действительно, была катализатором, ускорившим введение Опричнины, под которой мы подразумеваем, как будет сказано ниже, нечто иное, чем «окончательный переход к единодержавию». И дело вовсе не в том, что война создавала благоприятную обстановку для обвинений бояр и прочих в неудачах и поражениях, а в их изменах, гибельных в условиях военного времени. Надуманной нам представляется также мысль Д.Н.Альшица, что царь и его верные слуги, «захватив инициативу в такого рода обвинениях», «могли управлять всплесками народного гнева, придавая им угодное направление». Но его идея относительно объективной необходимости самодержавной власти является, по нашему убеждению, не только правомерной, но и весьма плодотворной. Не следовало бы только, на наш взгляд, рассуждать о «переходе к самодержавию», «о развитии монархии в сторону установления единодержавия», поскольку это развитие и этот переход произошли раньше, фактически во времена правления Василия III. Царю же Ивану IV предстояло последним усилием завершить борьбу с попытками ограничить самодержавную власть, начатыми Избранной Радой. Однако вследствие конкретных политических обстоятельств осуществить это без применения чрезвычайных мер было невозможно. Иван обратился к народу, испрашивая его согласие на подобное применение. И народ поддержал своего государя. О каком государственном перевороте может тогда идти речь?

Между тем еще М.Н.Покровский, описывая учреждение Опричнины, широко пользовался этим понятием, причем в различных словесных выражениях: «государственный переворот», «переворот 3 декабря 1564 года», «переворот 1564 года», «переворот», «дворцовый переворот», «экономический переворот».² Оно присутствует и в последующих исторических сочинениях, касающихся введения Опричнины.³ «Образование опричнины, – утверждает Р.Г.Скрынников, – знаменовало верхушечный политический пере-

¹ Альшиц Д.Н. Начало самодержавия в России... С. 111; *Аль Даниил*. Иван Грозный: известный и неизвестный. От легенд к фактам. СПб., 2005. С. 155.

² Покровский М.Н. Избранные произв. Кн. I. С. 303, 305, 306, 307, 309, 310, 312, 313, 315.

³ См., напр.: Веселовский С.Б. Исследования... С. 137; *Флоря Б.Н.* Иван Грозный. С. 173.

ворот, имеющий целью утвердить принципы самодержавного правления в рамках ограниченной монархии в ущерб традиционным привилегиям аристократического боярства, непосредственно участвовавшего в управлении государством».¹ Опричнина, по словам ученого, «явилась первой попыткой утверждения в России самодержавной формы правления».² До того «самодержавие конца XV – первой половины XVI в. не было абсолютным, неограниченным. Монарх делил власть с могущественной боярской аристократией, которая через Боярскую думу непосредственно участвовала в законодательной деятельности и управлении государством».³ В книгах другого историка, Д.Н.Альшица, выделены даже отдельные главки с характерным названием «Подготовка и проведение опричного переворота»;⁴ «Государственный переворот. Установление самодержавия».⁵ Введение Опричнины он рассматривает как «верхушечный государственный переворот», произведенный «с целью установить полную и твердую власть царя-самодержца. Конкретное наименование созданного в результате этого переворота порядка на его начальном этапе – *опричнина*. Более общее имя он получил позднее, в эпоху подведения итогов исторического пути самодержавия, в эпоху революционной борьбы против него – *царский режим*».⁶

Учреждение Опричнины не являлось государственным переворотом ни по форме, ни по существу, если под термином *переворот* разуместь, как это принято в современном русском языке, *коренное изменение в государственной жизни, коренное изменение существующей общественно-политической системы*.⁷ Что же было в реальности?

Прежде всего, необходимо подчеркнуть публичный характер ряда подготовительных мер по введению Опричнины: царь Иван IV, не таясь, собрался в дорогу и покинул Москву на глазах у всех москвичей, в том числе представителей правящего класса, а затем из Александровой слободы открыто обратился с посланиями, адресованными всем сословиям столицы. Его действия не вступали в какое-либо противоречие с существующими законами и правилами, тем более не являлись нарушением этих законов и правил. В посланиях государь выдвинул ряд условий своего возвращения в Москву, которые обсуждались отнюдь не келейно, а всем миром, т.е. публично и гласно.

Надо далее также отметить легитимность учреждения Опричнины, указ о введении которой был утвержден высшими органами духовной и светской власти – Освященным собором и Боярской Думой.⁸ Высказывается также

¹ Скрынников Р.Г. Опричный террор. Л., 1969. С. 3.

² Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 231.

³ Скрынников Р.Г. Опричный террор. С. 225.

⁴ Альшиц Д.Н. Начало самодержавия в России... С. 108–120.

⁵ Аль Даниил. Иван Грозный: известный и неизвестный... С. 152–161.

⁶ Альшиц Д.Н. Начало самодержавия в России... С. 111–112.

⁷ См.: Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1984. С. 431; Большой толковый словарь русского языка. СПб., 1998. С. 797.

⁸ См.: Скрынников Р.Г. Иван Грозный. М., 2002. С. 187.

мнение, что этот указ подтвердил своим решением Земский собор.¹ Возможно, это так, но только с одной поправкой: указ о введении Опричнины утверждал не земский, а церковно-государственный собор, состоящий из Освященного Собора и Боярской Думы, чья совместная правительственная деятельность была выражением симфонии духовной и светской власти, созданной общими усилиями церкви и государства в процессе строительства Святोरусского царства. Поэтому нет должных оснований рассматривать введение Опричнины как государственный переворот. Перед нами один из этапов политической истории Руси XVI века, обусловленный национальными потребностями государственного строительства.

Еще меньше оснований связывать с Опричниной установление самодержавного строя в России. Самодержавие сложилось за несколько десятилетий до Опричнины.² Фактически это произошло при Василии III. Не случись неожиданная смерть великого князя, то весьма вероятно, что он сам венчался бы на царство, поскольку для этого уже были вполне созревшие условия. Понятно, почему дьяк Иван Тимофеев видел в нем «великого князя и царя»,³ а неизвестный автор одного «Сказания» середины XVI века – великого князя и самодержца «всёя Руси».⁴ И, конечно же, не случайно митрополит Макарий, прекрасно разбиравшийся в тонкостях высшей власти, в своем предсмертном послании православным христианам говорил, что поставлен, был «во архиепископство Великого Новаграда и Пскова» «повелением вседержавного царя и государя великого князя **Василия Ивановича, самодержца всёя Руси**».⁵ Другое дело, что в годы боярского правления, последовавшего после кончины Василия III, и особенно в период деятельности Избранной Рады, русское самодержавие было ущемлено. Ближайшая историческая задача, стоявшая перед Иваном IV, заключалась в очищении российского самодержавства от наростов боярского своеволия, преследовавшего цель превращения самодержавия в ограниченную монархию. Иван Грозный исчерпал все возможности бескровного проведения этой операции. Он вынужден был прибегнуть к чрезвычайным мерам, вылившимся в Опричнину. Вот почему Опричина, по нашему глубокому убеждению, не *установила* «полную и твердую власть царя-самодержца», а *восстановила* данную власть,⁶ искусственно стесненную вождами Избранной Рады. Этим, од-

¹ Шмидт С.О. 1) Становление российского самодержавства... С. 236–237; 2) У истоков российского абсолютизма... С. 259; Черепнин Л.В. Земские соборы русского государства... С. 100–105; Скрынников Р.Г. Начало опричнины. С. 242–244. Ср.: Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 216.

² См.: Фроянов И.Я. Начала русской истории. С. 908–919.

³ Временник Ивана Тимофеева. СПб., 2004. С. 11.

⁴ Тихомиров М.Н. Новый материал об Иване Грозном. С. 250.

⁵ ПСРЛ. Т. XIII. Продолжение. С. 374–375. Именуют Василия III самодержцем всея Руси и другие источники, в частности «Сказание о новейших чудесах», введенное в научный оборот М.Н.Тихомировым. – См.: Тихомиров М.Н. Российское государство XV–XVII веков. М., 1973. С. 78.

⁶ См.: Дворкин А. Иван Грозный как религиозный тип. Статьи и материалы. Нижний Новгород. 2005. С. 182.

нако, значение Опричнины не ограничивалось. Но для полноты картины здесь необходим историографический экскурс.

Первые высказывания насчет царской политики, воплотившиеся в Опричнине, принадлежат, как известно, Ивану Грозному и его оппоненту Андрею Курбскому. Князь Курбский не заметил в этой политике ничего другого, кроме бессмысленных жестокостей и казней: «Почто, царю силных во Израили побил еси и воевод, от Бога данных ти на враги твоя, различными смертми расторгл еси и победоносную святую кровь их во церквах божиих пролиал еси и мученическими кровьми праги церковные обагрил еси и на добротных твоих и душу за тя полагавших неслыханные от века муки и смерти и гоненья умыслил еси...».¹ Но Грозный, по Курбскому, не сразу стал побивать «силных во Израили». До тех пор, пока рядом с ним были мудрые советники Сильвестр и Адашев, царь правил мирно, уподобившись «доброму и нарочитому царю, многожды за отечество и о здравии своем не радящу, и в военных вещах сопровтив врагов креста Христова труды тяжкие и беды, и безчисленные поты претерпевающу, и прежде от всех добрую славу имущему».² И лишь «по Алексееве смерти и по Селивестрове изгнанию воскурилося гонение великое и пожар лютости в земле русской возгорелся»,³ чего раньше нигде не бывало: «И гонение воистину таковое неслыханное не токмо в русской земле никогда же бывало, а не у древних поганских царей...».⁴ Выявляя причины столь предосудительного поведения царя Ивана, Курбский не пошел дальше субъективных мотиваций: влияние наследственности («издавна кровопивственный род» московских князей⁵), рождение в «законопреступлении», безотцовщина и плохое воспитание, влияние дурных советников.⁶ В отличие от Курбского, Иван IV оценивал опричную политику с точки зрения государственных интересов, как он их, разумеется, понимал.

А.А.Зимин, касаясь суждений Грозного об Опричнине, утверждал, будто царь не мог назвать ни одного примера, ни одного факта, «чтобы показать самоценность опричных мероприятий: они приобретали в его устах смысл только как расплата за какие-то прошлые преступления бояр и княжат».⁷ Полагаем, что это не так. Иван Грозный в переписке с Андреем Курбским (особенно в первом своем послании боярину-изменнику) постоянно возвращается к вопросу о самодержавной власти, ее полноте и неотчуждаемости от личности Богом данного царя. «Опричные мероприятия», по Грозному, заключались именно в том, чтобы вернуть себе былую власть, похищенную Сильвестром и Адашевым с подельниками, и защитить ее от дальнейших покушений со стороны княжеско-боярской знати. Эти «мероприятия» способствовали, согласно Ивану Грозному, восстановлению величия Русской

¹ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 7.

² Библиотека литературы Древней Руси. Т. 11. XVI век. СПб., 2001. С. 310.

³ Там же. С. 410.

⁴ Там же.

⁵ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 109.

⁶ См.: Библиотека литературы Древней Руси. Т. 11. С. 312, 313–314, 356–358.

⁷ Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. С. 8.

Церкви: «...украшенми всякими церкви божия светится, всякими благостинями, елико после вашей бесовския державы сотворихом...».¹ Речь здесь идет не только непосредственно о церкви как таковой, но и о православной вере. Следовательно, «опричные мероприятия» имели все-таки «самоценность», состоявшую, как явствует из признаний царя Ивана, в обороне «самодержавства», церкви и веры. В XVI веке, как и много позже, никто не мог подняться до столь простого и верного по сути объяснения целей и задач Опричнины.

На фоне этих суждений Ивана поверхностными в высшей степени кажутся высказывания иностранцев об Опричнине. Иностранные свидетели опричной политики объясняли сопровождавшие ее репрессии врожденной тягой Ивана Грозного к тиранству и кровопролитию.² Впрочем, были и вдумчивые наблюдатели из чужеземцев. К ним, в частности, относился Д.Флетчер, по словам которого царь Иван Васильевич IV, «человек высокого ума и тонкий политик в своем роде, желая более усилить свое самодержавие, начал постепенно лишать их (удельных князей. — И.Ф.) прежнего величия и прежней власти...».³ При этом государь пользовался разными средствами, в том числе учредив Опричнину,⁴ с помощью которой сокрушил вотчинное землевладение знати, уравнивая ее с другими землевладельцами.⁵ Эти идеи Д.Флетчера будут востребованы позднейшими историками.⁶ К сожалению, англичанин не сумел быть до конца последовательным и, сойдя с рациональной почвы, встал на путь психологических обобщений: «Такие тиранские его (царя Ивана. — И.Ф.) поступки, с целью произвести всеобщий раздор и повсеместное разделение между подданными, произошли (как должно думать) от чрезвычайной мнительности и безнадежного страха, возникших в нем ко многим из туземного дворянства во время войны с *Поляками и Крымскими Татарами*, когда он впал в сильное подозрение (родившееся в нем вследствие худого положения дел), что они состоят в заговоре с *Поляками и Крымцами*. На основании этого некоторых из них он казнил, и означенное средство (Опричнину. — И.Ф.) избрал для того, чтобы отделаться от остальных».⁷

Надо сказать, что и некоторые русские наблюдатели недалеко ушли от иностранцев. Великая злоба и гнев на своих подданных подвигла Грозного, согласно дьяку Ивану Тимофееву, на учреждение «опришнины»: «От умышления же зельныя ярости на своя рабы подвигся толик, яко возненавиде грады земля своя вся и во гнев своем разделением раздвоения едины люди раздели и яко двоеверие сотвори, овы усвая, овы же отметахася, яко чюжи отрину <...> яко секирою наполю некако рассече. Сим смяте люди

¹ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 26.

² См.: *Веселовский С.Б.* Исследования... С. 54–76.

³ *Флетчер Д.* О государстве русском. СПб., 1905. С. 30.

⁴ Там же. С. 31.

⁵ Там же. С. 32.

⁶ См.: *Шмугло Е.Ф.* Курс русской истории. Спорные и невыясненные вопросы русской истории. СПб., 1999. С. 67–69.

⁷ *Флетчер Д.* О государстве русском. С. 31.

своя...». ¹ Правда, имели место и более серьезные попытки проникнуть в существо опричных потрясений.

Где-то вскоре после смерти Ивана Грозного один псковский летописец предпринял такого рода попытку. ² Он писал: «Бысть при державе государя и царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии и самодержца, на Москве и во всеи Руской земли, в государеве вотчине, тишина и благоденствие великое, и рука государева высока над всеми ордами; многие грады и земли прекланилися под его государеву державу; и того году и Полотцко взял. И по том, по грехом Руския всея земли, восташа мятеж велик и ненависть во всех людех, и межусобная брань и беда велика, и государя на гнев подвигли, и за великую измену государь царь учиниша опричнину; и бысть мятеж по всеи земле и разделение. И збытся христово слово: воста сын на отца, и отец на сына, и дщи на мать, и мать на дщерь, и врази человеку домашние его. И оттого бысть запустение велие Руской земли». ³

Как видим, псковский летописец, подобно Курбскому, делит царствование Ивана Грозного на два периода, противопоставляя славное его начало наступившему затем великому запустению государства. ⁴ При этом он, однако, вину за беды, посетившие Русь, возлагает не на царя Ивана, а на всю Русскую землю, погрязшую в грехах, междоусобной брани и изменах. С.Б.Веселовский, комментируя приведенный летописный текст, замечает: «Попытка объяснить учреждение опричнины царским гневом на “рознь” (мятеж) и “межусобную брань” может показаться на первый взгляд очень странной. Но не следует сосредоточивать внимание на писательской беспомощности и неумении автора выражать свои мысли». ⁵ У нас не возникло столь безотрадное впечатление о способности псковского летописца излагать свои мысли. Напротив, он выражается ясно и определенно, в отличие от С.Б.Веселовского, затуманившего летописный рассказ. В самом деле, непонятно, из чего исследователь заключил о попытке автора летописной записи «объяснить учреждение опричнины царским гневом на “рознь” (мятеж) и “межусобную брань”». Ведь летописец говорит о другом, а именно о том, что гнев у государя вызвали «мятеж велик», «ненависть во всех людех», «межусобная брань и беда велика». Что же касается Опричнины, то ее государь учинил «за великую измену». Во всяком случае, в вопросе об учреждении Опричнины псковский летописец делает акцент на слове *измена*, чего по понятной причине не хочет замечать С.Б.Веселовский, настаивая на том, что под влиянием упомянутого «гнева» царь Иван «решил учредить опричнину». ⁶

Двойственный образ Ивана IV рисует князь И.М.Катырев-Ростовский. С одной стороны, у него царь Иван – правитель, возвеличенный Богом «паче сродник своих, первоначалствующих царей и великих князей в превеликой именитой Москве», а с другой – убийца и грабитель, повелевший «людей

¹ Временник Ивана Тимофеева. С. 11–12.

² См.: Веселовский С.Б. Исследования... С. 45.

³ ПСРЛ. Т. V. Вып. 1. Псковские летописи. М., 2003. С. 113.

⁴ См.: Веселовский С.Б. Исследования... С. 45.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 47.

насилovati и смерти предавати, дома их разгробляти, и воевод... без вины убивати, и грады краснейшие разрушати, а в них православных крестьян немилостиво убивати даже и до сущих младенцев». Нетрудно догадаться, что в последнем случае речь у автора идет об опричных делах Ивана Грозного, которые, впрочем, подаются им как возмездие за умножение грехов «всево православного крестьянства».¹

Итак, можно, не опасаясь преувеличений, сказать, что уже во второй половине XVI – начале XVII века возникли концепции учреждения Опричнины, получившие развитие в дворянской, буржуазной, советской и постсоветской исторической науке.

Например, Н.М.Карамзин в соответствии с А.М.Курбским повествует о двух Иванах (добродетельном и порочном), касаясь «ужасной перемены в душе Царя и в судьбе Царства», произошедшей после опалы Сильвестра и Адашева, а также по смерти царицы Анастасии.² «Отселе, – говорит он, – начало злу».³ Знаменитый историограф недоумевал, как стала возможной такая перемена: «Вероятно ли, чтобы Государь любимый, обожаемый, мог с такой высоты блага счастья, славы низвергнуться в бездну ужасов тиранства? Но свидетельства добра и зла равно убедительны, неопровержимы».⁴ Для него то было загадкой: «Остается только представить сей удивительный феномен в его постепенных изменениях».⁵ Эти изменения Н.М.Карамзин объясняет врожденными качествами индивида и внешними обстоятельствами его жизни: «История не решит вопроса о нравственной свободе человека; но предполагая оную в суждении своем о делах и характерах, изъясняет те и другие, во-первых, природными свойствами людей, во-вторых, обстоятельствами или впечатлениями предметов, действующих на душу».⁶

В плане «рождения добродетельного жития» и последовавшей затем «смерти добродетелей» рассматривал жизнь и дела Грозного Н.А.Полевой,⁷ который, подобно Н.М.Карамзину, говорил о «перемене нрава Иоаннова».⁸ «Душа царя» совершила быстрый переход «на пути страстей своевластных».⁹ На поприще же страстей «труден только первый шаг, но далее лежит широкий путь. Он ведет к гибели, но гибель бывает скрыта от человека, а путь к ней, до самого края бездны, оболстителен».¹⁰ Бездна поглотила царя Ивана. И здесь «историк может повторить слова современника: “кладу перст на уста, изумляюсь и плачу”».¹¹

¹ Русская историческая библиотека. Т. XIII. Вып. 1. Л., 1925. Стб. 561.

² Карамзин Н.М. История Государства Российского. Кн. III. Т. IX. М., 1989. Стб. 1–8.

³ Там же. Стб. 8.

⁴ Там же. Стб. 2–3.

⁵ Там же. Стб. 3.

⁶ Там же.

⁷ Полевой Н.А. История русского народа. Т. 3. М., 1997. С. 465.

⁸ Там же. С. 460.

⁹ Там же. С. 503.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 505.

«Плакал», наверное, и М.П.Погодин, когда по поводу опричных казней бояр будто вопрошал тень грозного царя: «За что? Было ли сопротивление? Были ль заговоры? Были ль какие-нибудь покушения свергнуть ненавистное иго? Ничего и ничего. Головы летят, пытки учащаются, и все тихо, спокойно, послушно, беспрекословно до последней минуты злодеевой жизни». Иван Грозный у М.П.Погодина, – «Злодей, зверь, говорун-начетчик, с подьяческим умом – и только. Надо же ведь, чтобы такое существо, потерявшее даже образ человеческий, не только высокий лик царский, нашло себе покровителей».¹

Согласно Н.Г.Устрялову, «будучи около 13 лет образцом монархов, ревностных к благу отечества, мудрым законодателем, героем на полях брани, Иоанн в остальное время своей жизни, целых 24 года заставлял трепетать своих подданных. Мучимый странною подозрительностью, видя кругом себя мнимых изменников, крамольников, он без пощады преследовал злодеев своих и предавал их мучительной казни целыми семействами, не различая ни возраста, ни пола. Причины столь ужасной перемены изъяснить трудно...».²

По Курбскому и Карамзину выстраивал царствование Ивана Грозного и такой историк, как Д.И.Иловайский, разделявший это царствование на время «славных деяний» и «эпоху казней и опричнины». «Блестящий период» правления Ивана, длившийся 13 лет, связан с благотворным влиянием на царя Сильвестра и Адашева.³ Затем нрав Иоанна, смягчаемый ранее царицей Анастасией, начал портиться, и подавляемые им дотоле страсти деспотической натуры вырвались наружу.⁴ К тому же «измена Курбского, последовавшие за нею наступательные действия литовцев и нападение крымского хана во время мирных переговоров – все это произвело чрезвычайное впечатление на подозрительного тирана; ему стали повсюду мерещиться бояре-изменники; он жаждал их казней, но как бы боялся каких-то помех, укоров и заступничества. Наконец, с помощью Басманова и других любимцев, он придумал нечто странное и нелепое: он придумал опричнину».⁵ Казалось, Д.И.Иловайский нашел рациональное зерно в репрессивной политике Грозного: «С особенною жестокостью стал он преследовать боярское сословие, потому что бояре продолжали отстаивать свои прежние права, которые могли ограничить его самодержавие. В этом отношении царь продолжал политику своего отца и деда, доведя ее до крайней степени».⁶ Однако, вопреки этому, историк заявляет: «Так называемая некоторыми писателями борьба Иоанна с боярским сословием в сущности никакой действительной борьбы не представляет, ибо мы не видим никакого серьезного противодействия нео-

¹ Погодин М. Царь Иван Васильевич Грозный // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. Кн. 5. СПб., 1860. Отдел критики. С. 8.

² Устрялов Н.Г. Русская история до 1855 года: В двух частях. Петрозаводск, 1997. С. 252–253.

³ Иловайский Д. Царская Русь. М., 1996. С. 157, 218–219, 221.

⁴ Там же. С. 221.

⁵ Там же. С. 229.

⁶ Иловайский Д.И. Очерки отечественной истории. М., 1995. С. 222.

граниченному произволу тирана со стороны сего сословия. Очевидно, самодержавная власть в Московском государстве была уже настолько сильна и так глубоко вкоренилась в нравы и воззрения народа, что наиболее строптивым боярам не на кого было опереться, если бы они вздумали оказать какое-либо неповиновение. Им оставалось только орудие слабых и угнетенных – тайная крамола, и жестокие казни Ивана IV являлись бы до некоторой степени понятными, если бы доказано было существование какой-либо опасной для московского самодержавия боярской крамолы. Но таковой при Иване IV мы не видим».¹

Эволюция психологической теории происхождения Опричнины завершилась в дореволюционной историографии трудами В.О.Ключевского, Н.И.Костомарова и некоторых психиатров, подвергших специальному патологическому анализу поведение Ивана Грозного.

Обращаясь к рассмотрению Опричнины, В.О.Ключевский замечал, что это учреждение «всегда казалось очень странным как тем, кто страдал от него, так и тем, кто его исследовал».² Здесь историка понять не сложно, поскольку он сконцентрировал свое внимание на психических переживаниях Грозного. «Нервный и одинокий Иван потерял нравственное равновесие, всегда шаткое у нервных людей, когда они остаются одинокими» – так характеризовал В.О.Ключевский душевное состояние Ивана Грозного накануне Опричнины.³ Главное в этом состоянии – страх Грозного за себя и свою семью, и «мнительный» Иван начал «молча готовиться к обороне».⁴ Следовательно, Опричина, являясь «в значительной мере плодом чересчур пугливого воображения царя», стала учреждением, которое должно было ограждать личную его безопасность.⁵ Она «получила назначение высшей полиции по делам государственной измены»,⁶ будучи «направлена против лиц, а не против порядка».⁷ Правда, В.О.Ключевский на какой-то момент отступает от этой мысли, говоря о том, что царь Иван подумывал о замене боярства дворянством и «в своей опричнине видел подготовку к ней».⁸ Однако Грозный «не мог скоро создать другой правительственный класс взамен боярства. Такие перемены требуют времени, навыка: надобно, чтобы правящий класс привык к власти и чтобы общество привыкло к правящему классу».⁹ Историк констатирует бесцельность Опричнины,¹⁰ подменяя пробле-

¹ Иловайский Д. Царская Русь. С. 234.

² Ключевский В. О. Боярская Дума древней Руси. М., 1902. С. 331.

³ Ключевский В. О. Сочинения: В девяти томах. Т. II. М., 1988. С. 163.

⁴ Ключевский В. О. Боярская Дума... С. 332.

⁵ Ключевский В. О. Сочинения. Т. II. С. 169, 173.

⁶ Там же. С. 169.

⁷ Там же. С. 172.

⁸ Там же. С. 170–172.

⁹ Там же. С. 171.

¹⁰ Там же. С. 172–174. «Задуманная сгоряча, в тревожном настроении, опричнина не изменила основ государственного порядка и не устранила противоречия, в нем коренившиеся», – говорил В.О.Ключевский. – См.: Ключевский В. О. Боярская Дума... С. 351.

му ее исторического значения художественным образом не в меру испугавшегося человека, который, «закрыв глаза, начал бить направо и налево, не разбирая друзей и врагов».¹ В.О.Ключевский одобрительно воспринимал схему Н.М.Карамзина. Закljučая лекцию, посвященную характеристике Ивана Грозного, он говорил: «Карамзин преувеличил очень немного, поставив царствование Ивана – одно из прекраснейших по началу – по конечным результатам наряду с монгольским игом и бедствиями удельного времени».²

Н.И.Костомаров, характеризуя Опричнину, писал: «Учреждение Опричнины очевидно было таким чудовищным орудием деморализации народа русского, с которым едва ли что-нибудь другое в его истории могло сравниться...».³ После ее введения «царский образ жизни стал вполне достоин полупомешанного».⁴ Костомаров не находит ни одного доброго слова в адрес Ивана IV. Царь у него и трусливый,⁵ и злобный,⁶ и подозрительный,⁷ и близкий к умопомешательству,⁸ и полупомешанный,⁹ и сумасбродный,¹⁰ и полоумный,¹¹ и помраченный рассудком,¹² и не в полном уме,¹³ и в безумном бешенстве.¹⁴ Отсюда до признания царя Ивана психически больным, т.е. до полной вульгаризации явления, – один шаг.

И этот шаг был сделан психиатрами, которые поставили царю Ивану IV неутешительный диагноз душевнобольного, вырожденца, дегенерата и психопата, пораженного паранойей и страдающего манией преследования.¹⁵ Один из этих психиатров, П.И.Ковалевский, «с убеждением» заявлял, что «Иоанн Грозный был душевнобольной человек, причем его душевная болезнь выражалась в форме однопредметного помешательства (мономания, или паранойя), позволявшего ему одновременно и управлять государством, и совершать деяния, которым могут быть найдены объяснения только в его болезненном душевном состоянии».¹⁶ Подобные аттестации означали, что

¹ Ключевский В.О. Сочинения. Т. II. С. 175.

² Там же. С. 187.

³ Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Кн. I. М., 1990. С. 472.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 465.

⁶ Там же. С. 469.

⁷ Там же. С. 475.

⁸ Там же. С. 469.

⁹ Там же. С. 472.

¹⁰ Там же. С. 476.

¹¹ Там же. С. 478.

¹² Там же. С. 483.

¹³ Там же. С. 490.

¹⁴ Там же. С. 492.

¹⁵ См.: Ковалевский П.И. Психиатрические эскизы из истории: В двух томах. Т. I. М., 1995. С. 43–162; Чистович Я. История медицинских школ в России. СПб., 1883. С. IV–IX; Глаголев Д.М. 1) Подлинный портрет Ивана Грозного // Русский архив. 1902, № 2. С. 337; 2) Душевная болезнь Ивана Грозного // Русский архив. 1902, № 7. С. 500–515.

¹⁶ Ковалевский П.И. Психиатрические эскизы из истории. Т. I. С. 162.

метод психологического исследования царствования Ивана Грозного иссяк, хотя и оставался привлекательным для ученых других специальностей. Например, литературный критик и социолог Н.К.Михайловский, являвшийся теоретиком народничества, вполне допускал, что у царя Ивана была «отягченная психопатологическая наследственность».¹ Признание Ивана Грозного психически больным человеком, венчающее карамзинский подход к изучению правления первого русского царя, означало, в сущности, отказ от объективного исследования прошлого и погружение в область «иррационального, случайного и бессмысленного».² Не отвергая права на подобное погружение (это дело вкуса каждого исследователя), мы все же отдаем предпочтение историкам, которые стремятся уловить смысл исторических событий и в поступках деятелей истории обнаружить цель, ими полагаемую.

Еще в 40-е годы XIX века К.Д.Кавелин и С.М.Соловьев, представители так называемой государственной школы в русской историографии, «стали трактовать деятельность Ивана Грозного, исходя из соотношения историко-философских понятий государства и прогресса исторического развития».³ К.Д.Кавелин считал Грозного «удивительной» и «необыкновенной личностью», «даровитейшим» и «умнейшим из древних русских царей».⁴ По словам К.Д.Кавелина, «Иоанн IV есть целая эпоха русской истории, полное и верное выражение нравственной физиономии народа в данное время».⁵ Больше того, вся дальнейшая русская история, по К.Д.Кавелину, «шла по началам, высказанным впервые Иоанном IV»,⁶ хотя впоследствии «его реформы рушились или потеряли смысл».⁷ Цель этих реформ состояла в том, чтобы «сломить вельможество, дать власть и простор одному государству».⁸ Ради этого Иван и учредил Опричнину. Оклеветанная современниками и непонятая потомством, Опричнина «была первой попыткой создать служебное дворянство и заменить им родовое вельможество, – на место рода, кровного начала, поставить в государственном управлении начало личного достоинства...».⁹ Однако, «за какие реформы не принимался Иоанн, все они ему не удались, потому что в самом обществе не было еще элементов для лучшего порядка вещей. Иоанн искал органов для осуществления своих мыслей и не нашел; их неоткуда было взять. Растерзанный, измученный бесплодной борьбой, Иоанн мог только мстить за неудачи, под которыми похоронил он все свои надежды, всю веру, все, что было в нем великого и благородного, – и

¹ Михайловский Н.К. Критические опыты. Т. 3. СПб., 1895. С. 8, 107.

² См.: Пушкарёв С.Г. Обзор русской истории. М., 1991. С. 145 (прим. 20).

³ Богатырев С.Н. Грозный царь или грозное время? Психологический образ Ивана Грозного в историографии // История и историки. 2004. Историографический вестник. М., 2005. С. 67.

⁴ Кавелин К.Д. Собр. соч. Т. 1. Монографии по русской истории. СПб., 1897. Стб. 398, 401.

⁵ Там же. Стб. 400.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Стб. 53.

⁸ Там же. Стб. 52.

⁹ Там же. Стб. 52, 53.

мстил страшно. Он умер. Современники его проклинали. Конечно не все: поверья, которые и теперь еще ходят о нем в простом народе, доказывают это. Потомство не воздало ему должного, даже не пожалело о нем. А ученые и писатели – они повторяли слова современников, которые кричали громче других».¹

С точки зрения борьбы родовых и государственных начал рассматривал Опричнину С.М.Соловьев. Непосредственной причиной, вызвавшей ее учреждение, послужило, согласно С.М.Соловьеву, резкое обострение отношений царя с вельможеством: «Напуганный отъездом Курбского и протестом, который тот подал от имени всех своих собратий, Иоанн заподозрил всех бояр своих и схватился за средство, которое освобождало его от них, освобождало от необходимости постоянного, ежедневного сообщения с ними. Положить на них опалу без улики, без обвинения, заточить, сослать всех, лишить должностей, санов, лишить голоса в Думе и на их место набрать людей новых, незначительных, *молодых*, как тогда называли, – это было невозможно <...>. Если нельзя было прогнать от себя все старинное вельможество, то оставалось одно средство – самому уйти от него; Иоанн так и сделал».² По С.М.Соловьеву, «опричнина была учреждена потому, что царь заподозрил вельмож в неприязни к себе и хотел иметь при себе людей, вполне преданных ему...».³ Она явилась завершающим этапом борьбы «московских единовластителей» с «костатками старины» и «притязаниями князей и дружины».⁴

С.М.Соловьев, по мнению К.С.Аксакова, «объясняет Опричнину неудовлетворительно».⁵ Его объяснение показалось К.С.Аксакову «не исчерпывающим смысла Опричнины», поскольку в ней «таится мысль поглубже».⁶ Что предложил взамен сам К.С.Аксаков? «Желание формулировать, – читаем у него, – было потребностью Иоанна IV. Мысли свои он определял, давал им наименование и осуществлял в жизни. К разряду такого рода явлений причисляем мы Опричнину. Ясно сознав два, соединенные союзом, но не смешанные начала в России, Государство и Землю..., он пришел к мысли разрознить эти два начала. Главною его целью было... отвлечь Государство, чтобы вполне подчинить оное себе, чтобы не было в нем никаких других побуждений, кроме исполнения воли его, главы Государства, чтоб не было в нем ни связей с Землею, ни преданий, – ничего; он хотел в окружающих себе безусловных слуг. И таким образом, как опыт, произвел он разрыв между Государством и Землею (он сам называет Опричнину образцом). Явилась Опричнина, Государство, вполне от Земли отделенное, не имевшее никакой связи с народом, никаких убеждений, кроме воли Государя, никакими нравственными требованиями не стесняемое, и потому необузданное. Это для Иоанна было идеал Государства».⁷

¹ Там же. Стб. 53.

² Соловьев С.М. Сочинения: В 18-ти книгах. Кн. III. М., 1989. С. 535–536.

³ Там же. С.536.

⁴ Там же. С. 537, 538.

⁵ Аксаков К. С. Полное собр. соч. Т. I. С. 156.

⁶ Там же. С. 157.

⁷ Там же.

Иную оценку соображениям С.М.Соловьева насчет Опричнины дал К.Н.Бестужев-Рюмин, назвавший их *верными и меткими*. Сам же К.Н.Бестужев-Рюмин исходил, прежде всего, из признания борьбы Ивана с титулованной знатью, видевшей в царе прежнего великого князя, т.е. «первого среди равных». В ходе этой борьбы Грозный, учредив Опричнину, **выселит** князей с наследственных земель в отдаленные области, **подорвав** тем их общественное влияние и связи с местным населением.¹ Это было **новым** словом в историографии Опричнины

Те же мысли развивал и Е.А.Белов, по которому Иван Грозный, проводя опричную политику, «перетасовывал» землевладельцев, в первую очередь княжат, лишая их прежней социальной опоры. Своими мерами Грозный **вырывал** с корнем «все прошлое».²

К Бестужеву-Рюмину и Е.А.Белову присоединился С.М.Середонин, указавший на этих своих предшественников как на первых из историков, кто в борьбе царя Ивана с вельможеством увидел борьбу самодержца с княжатами – потомками удельных князей.³

Новый этап в изучении Опричнины связан с именем С.Ф.Платонова, который, суммируя высказывания исследователей об Опричнине, говорил: «Конечно, легче всего объявить “нелепым” разделение государства на опричнину и земщину и объяснить его причудами робкого тирана; так некоторые и делают. Но не всех удовлетворяет столь простой взгляд на дело. С.М.Соловьев объяснял опричнину как попытку Грозного формально отделиться от ненадежного в его глазах боярского правительственного класса; устроенный с такою целью новый двор царя на деле выродился в орудие террора, искажился в сыскное учреждение по делам боярской и всякой иной измены. Таким именно сыскным учреждение, “высшей полицией по делам государственной измены”, представляет нам опричнину В.О.Ключевский. И другие историки видят в ней орудие борьбы с боярством, и притом странное и неудачное. Только К.Н.Бестужев-Рюмин, Е.А.Белов и С.М.Середонин склонны придавать опричнине большой политический смысл; они думают, что опричнина направлялась против потомства удельных князей и имела целью сломить их традиционные права и преимущества. Однако такой, по нашему мнению близкий к истине, взгляд не раскрыт с желаемой полнотою, и это заставляет нас остановиться на опричнине...».⁴ Изучив показания источников, С.Ф.Платонов пришел к заключению о том, что, «вопреки обычному мнению, опричнина вовсе не стояла “вне” государства. В учреждении опричнины вовсе не было “удаления главы государства от государства”, как выражался С.М.Со-

¹ Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история. Т. II. СПб., 1885. С. 259–266.

² Белов Е.А. Об историческом значении русского боярства до конца XVII века. СПб., 1886. С. 109–111.

³ Середонин С.М. Сочинение Джильса Флетчера «Of the Russe common wealth» как исторический источник. СПб., 1891. С. 91.

⁴ Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время). СПб., 1910. С. 131–132.

ловьев; напротив, опричнина забирала в свои руки все государство в его коренной части, оставив “земскому” управлению рубежи, и даже стремилась к государственным преобразованиям, ибо вносила существенные перемены в состав служилого землевладения. Уничтожая его аристократический строй, опричнина была направлена в сущности против тех сторон государственного порядка, которые терпели и поддерживали такой строй. Она действовала не “против лиц”, как говорит В.О.Ключевский, а именно против порядка, и потому была гораздо более орудием государственной реформы, чем простым полицейским средством пресечения и предупреждения государственных преступлений». ¹ По мысли С.Ф.Платонова, «опричнина была первой попыткой разрешить одно из противоречий московского государственного строя. Она сокрушила землевладение знати в том его виде, как оно существовало из старины. Посредством принудительной и систематически произведенной мены земель она уничтожила старые связи удельных княжат с их родовыми вотчинами везде, где считала это необходимым, и раскидала подозрительных в глазах Грозного княжат по разным местам государства, преимущественно по его окраинам, где они превратились в рядовых служилых землевладельцев. Если вспомнить, что рядом с этим земельным перемещением шли опалы, ссылки и казни, обращенные прежде всего на тех же княжат, то уверимся, что в опричнине Грозного произошел полный разгром удельной аристократии. Правда, она не была истреблена “всеродно”, поголовно; вряд ли это и входило в политику Грозного, как склонны думать некоторые ученые. Но состав ее значительно поредел, и спаслись от гибели только те, которые умели показаться Грозному политически безвредными, как Мстиславский с его зятем “великим князем” Симеоном Бекбулатовичем, или же умели, как некоторые князья – Скопины, Шуйские, Пронские, Сицкие, Трубецкие, Темкины – заслужить честь быть принятыми на службу в опричнину. Политическое значение класса было бесповоротно уничтожено, и в этом заключался успех политики Грозного». ² Произошли и коренные изменения в сфере землевладения: «Массовая конфискация и секуляризация вотчин в опричнине, массовое передвижение служилых землевладельцев, обращение в частное владение дворцовых и черных земель – все это имело характер бурного переворота в области земельных отношений...». ³

Идеи С.Ф.Платонова об исторической роли Опричнины разделял один из выдающихся дореволюционных историков, Н.П.Павлов-Сильванский. «Новейшие исследователи, – писал он, – раскрывают иной смысл и значение отделения опричнины от земщины. В опричнину взята была, как выяснил проф. Платонов, обширная территория, слагавшаяся постепенно из городов и волостей, лежавших в центральных и северных областях государства <...>. Главной целью учреждения опричнины была коренная ломка земледельчес-

¹ Платонов С. Ф. 1) Очерки по истории Смуты... С. 142–143; 2) Лекции по русской истории. СПб., 1907. С. 172.

² Платонов С. Ф. 1) Очерки по истории Смуты... С. 147–148; 2) Лекции... С. 175.

³ Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты... С. 149.

кого строя, сохранившаяся от удельного времени».¹ Постепенное разрушение «удельных порядков» начали московские великие князья – предшественники Ивана Грозного, который внес в их дело «неведомое дотоле ожесточение больного человека. Жестокими казнями он истреблял княжеские роды, искореняя остатки удельной старины <...>. По странному стечению обстоятельств разрушение удельных преданий велось с наибольшим ожесточением тогда, когда они наиболее ослабли и исчезли сами собой. Как бы то ни было, Иоанн кровавыми казнями и конфискациями княжеских владений довершил вековое дело создания нового государства».²

Отдавал предпочтение опричной концепции С.Ф.Платонова перед теорией В.О.Ключевского и такой известный историк, как Н.А.Рожков: «Некоторые думают, что опричнина – следствие личного каприза, болезненной трусливости Грозного, бывшего правых и виноватых, что она – учреждение для борьбы с лицами, а не с порядками и потому не имеет особенно важного значения».³ При этом обращают внимание, главным образом, если не исключительно, на казни и пытки, на собачьи головы и метлы на седлах у опричников. Все это, конечно, несомненные факты, и опричнина, как первая по времени политическая полиция в России, нередко преследовала людей вместо того, чтобы уничтожать порядки, боролась с лицами, а не с учреждениями и общественным строем: такова уж участь всякого проявления терроризма, всякой власти, не основанной на законе, а опирающейся на личное усмотрение. Однако такое понимание опричнины, как показывает ближайшее изучение вопроса,⁴ односторонне и потому неверно: она была орудием не только личной, но и политической борьбы, не только губила людей, но и уничтожала враждебные самодержавию порядки».⁵ По Н.А.Рожкову, «опричнина с корнем вырывала остатки феодализма, устраняла дробление власти, порывала связь потомства бывших удельных князей с населением, предки которого были подданными предков землевладельцев».⁶ Опричнина нанесла сокрушительный удар по «боярской аристократии».⁷ Она явилась выражением победы «самодержавной власти царя над олигархическими тенденциями боярства».⁸

Сочувственное отношение вызвала платоновская концепция Опричнины и у М.Н.Покровского – будущего главы школы советских историков-марксистов. Во всяком случае, он одобрял ряд конкретных наблюдений С.Ф.Платонова, относящихся к устройству Опричнины.⁹ Сам М.Н.Покровский рассматривал Опричнину с двух сторон: политической и социально-эконо-

¹ Павлов-Сильванский Н.П. Государевы служилые люди. М., 2001. С. 61–62.

² Там же. С. 63.

³ Следует ссылка на «Боярскую Думу» В.О.Ключевского.

⁴ Следует ссылка на «Очерки по истории Смуты» С.Ф.Платонова.

⁵ Рожков Н. Происхождение самодержавия в России. М., 1906. С. 190.

⁶ Там же. С. 190–191.

⁷ Там же. С. 191.

⁸ Там же. С. 189–190.

⁹ Покровский М.Н. Избранные произв. Кн. I. С. 307.

мической. С точки зрения политической Опричнина Ивана Грозного являлась «попыткой за полтораста лет до Петра основать личное самодержавие петровской монархии. Попытка была слишком преждевременна, и крушение ее было неизбежно, но кто на нее дерзнул, стоял, нельзя в этом сомневаться, выше своих современников».¹ Со стороны социально-экономической Опричнина означала установление «нового классового режима».² То было завершение процесса, растянувшегося на несколько десятилетий: «Шестидесятыми годами заканчивается, собственно, та интенсивная эволюция классовых отношений, которая наполняет вторую треть шестнадцатого века. Взбунтовавшиеся против своих феодальных господ землевладельцы второй руки из крамольников, которых в 1537 году вешали по большим дорогам “не вместе и до Новгорода”, стали в 1566 году господами положения, а вчерашних господ уже они “казнили да вешали” как крамольников. Экономический переворот, крушение старого вотчинного землевладения, нашел себе политическое выражение в смене у власти одного общественного класса другим».³ В этом выражался главный политический эффект Опричнины, вызвавший важные социально-экономические последствия: «К концу XVI столетия в старых уездах Московского государства среднее поместное землевладение решительно господствовало. Крупные вотчины сохранялись лишь как исключение. Мелкое землевладение тоже было поглощено поместным».⁴ Таким образом, Опричнина предстает, согласно М.Н.Покровскому, как инструмент классовой и внутриклассовой борьбы.

Надо полагать, что под влиянием М.Н.Покровского и марксистских веяний в исторической науке С.Ф.Платонов несколько изменил свой взгляд на Опричнину, о чем можно судить по его книге об Иване Грозном, изданной в 1923 году. Но это отнюдь не означает, будто историк отказался от своих прежних идей. В Опричнине он по-старому усматривал стремление Грозного «свести княжат с их вотчин на новые места, разорвать их связи с местными обществами и таким образом подорвать их материальное благосостояние и, главное, разрушить тот устой, на котором опирались их политические претензии и было построено социальное неравенство».⁵ Вместе с тем С.Ф.Платонов подчеркивал, что «эта операция пересмотра и вывода землевладельцев получила характер массовой мобилизации служилого землевладения с явною тенденцией к тому, чтобы заменить крупное вотчинное (наследственное) землевладение мелким поместным (условным) землевладением».⁶ Иными словами, С.Ф.Платонов ведет здесь речь о замене крупных наследственных собственников земли мелкими условными землевладельцами, т.е. об установлении, пользуясь выражением М.Н.Покровского «нового классового режима». Не случайно соответствующий параграф книги С.Ф.Платонова

¹ Там же. С. 304.

² Там же. С. 313.

³ Там же. С. 315.

⁴ Там же. С. 317.

⁵ Платонов С.Ф. Иван Грозный. М., 1998. С. 84.

⁶ Там же. С. 80.

носит название «Опричнина; ее аграрно-классовый характер».¹ Историк, как видим, старался (или делал вид, будто старается) шагать в ногу со временем.

В ином ключе была написана книга об Иване Грозном Р.Ю.Виппера, сосредоточившего внимание на внешних военно-политических событиях. Р.Ю.Виппер очень высоко ставил русского царя, полагая, что «талантами дипломата и организатора» он, быть может, превосходил всех современных ему европейских правителей.² В шестидесятые Грозный достиг вершины могущества. «Он владел выходом к морю и восточной половиной Ливонии, обеспечив себе торговую и военную дорогу по Западной Двине. Высоко стоит его военно-организационная слава и популярность. Но за этим подъемом московской военной монархии следует жестокий удар. Сигизмунду II удается поднять против Грозного старого врага Москвы крымского хана. В 1571 г. степной вихрь налетел на Великороссию, угрожая вместе с пожаром Москвы испепелить всю державу. За успехом, одержанным под личным командованием царя, последовали в начале 1564 г. неудачи его воевод. Грозный выработал широкий план наступления в глубь Литвы. Завоеватель Дерпта, Шуйский должен был двинуться из Полоцка, Серебряные-Оболенские из Вязьмы и, соединившись вместе, идти на Минск и Новогрудок. Но Шуйский шел «оплошался небережно», доспехи везли в санях. На него внезапно напал у Витебска Радзивил и разбил его при Уле; другой отряд потерпел поражение при Орше. Далее произошло событие, не важное по своему стратегическому значению, но необыкновенно внушительное в политическом смысле: измена Курбского, которому царь еще в 1562 г., когда князь был главнокомандующим в Ливонии, безгранично доверял. Только если мы дадим себе отчет в необычайно остром впечатлении, которое в Москве оставили эти военные и политические несчастья, будет понятен правительственный кризис 1564 г., казни, выезд Грозного из столицы в Александровскую слободу, опала боярству, выделение опричнины как особого корпуса избранных военных, которому встревоженный до последней степени царь готов был поручить себя и державу среди гнездящейся всюду измены».³ Историк не находит каких-либо оснований, чтобы думать, будто в Опричнине «не было ничего больше, кроме личного ожесточения, а следовательно, что Грозный вел войну с призраками».⁴ Он рассматривает Опричнину в качестве меры «военно-организационного характера», теснейшим образом связанной «с колебаниями внешней войны».⁵

¹ Там же. С. 78.

² Виппер Р.Ю. Иван Грозный. М., 1998. С. 106.

³ Там же. С. 149.

⁴ Там же. С. 154.

⁵ Там же. С. 156, 169. Позднее Р.Ю.Виппер, дорабатывая свою книгу, внесет классовый мотив в политику Грозного: «В политике Ивана Грозного как внешней, так и внутренней ясно выражен классовый характер самодержавия, причем следует отметить определенный социальный сдвиг, который особенно ярко обозначен учреждением опричнины 1564 г.: Грозный действует в интересах главным образом среднего поместного землевладения». — Виппер Р.Ю. Иван Грозный. М.; Л., 1944. С. 65.

Однако развитие советской историографии пойдет другим путем, «оза-ряемым» марксистско-ленинской классовой теорией познания истории, включая, разумеется, и время царствования Ивана Грозного. Свидетельством тому может служить статья М.В.Нечкиной об Иване IV, написанная для первого издания Большой Советской энциклопедии. «Дворянско-буржуазная историография, — читаем там, — сплела идеалистические теории вокруг психопатологических черт Ивана IV; эти теории, объяснявшие деятельность “тирана” его “безумием”, в корне ложны. Политика Ивана IV во всех особенностях имеет яркое классовое содержание, в котором целиком растворяются его психопатологические черты».¹ По словам М.В.Нечкиной, «дворянская историография, стремившаяся объяснить политику Грозного качествами его характера, придавала решающее значение тем боярским притеснениям и оскорблениям, которые пришлось претерпеть Ивану-ребенку. Это объяснение, разумеется, не выдерживает критики; политика Грозного-царя руководствовалась отнюдь не детскими реминисценциями, а была обусловлена классовой борьбой»,² выражением которой являлась, в частности, Oprичнина, направленная на ликвидацию боярства как класса и замену его массой мелких феодальных землевладельцев.³

«Не вызывает сомнений классовое лицо oprичнины: это феодально-самодержавный центр дворянской монархии», — говорил И.И.Полосин.⁴ Отмечая наличие в Oprичнине внутриклассовой борьбы дворянства против бояр, исследователь не останавливается на этом и дает более емкое определение данного института: «Oprичнина в ее дальнейшем раскрытии — это система царско-дворянской политики в организации военно-служилого поместного дворянства, в разгроме бояр, в оформлении крепостничества и ликвидации холопства, в организации государственной территории и верховной власти, в организации войска и финансов, управления и суда, в усилении системы личного управления, в отношении монастырей и церкви, в отношении торговых людей».⁵ Следовательно, Oprичнина у И.И.Полосина пронизывала все сферы жизни русского общества. Поэтому она — не «случайный зигзаг в биографии Грозного», а «закономерная система реформ феодально-самодержавной дворянско-бюрократической монархии», актуальная не только для XVI века, но и для XVII–XVIII вв.⁶ Историк подчеркивал антикрестьянский грабительский характер Oprичнины. Он писал: «Oprичнина в ее классовом выражении была оформлением крепостного права, организованным ограблением крестьянства, равным по размаху грабежа таким мероприятиям, как генеральное межевание XVIII в. или крестьянская реформа 1861 г.».⁷ И.И.Полосин ставит весьма интересный вопрос: «Может быть, метла и песья голо-

¹ Нечкина М. Иван IV Васильевич, Грозный // Большая Советская энциклопедия. Т. 27. М., 1932. С. 326.

² Там же.

³ Там же. С. 328.

⁴ Полосин И.И. Социально-политическая история России... С. 184.

⁵ Там же. С. 131.

⁶ Там же. С. 126, 182.

⁷ Там же. С. 132.

ва опричников Грозного были обращены не только против боярской измены внутри страны, но и против “псов господних” – *domini canes*, против католической агрессии и католической опасности?”.¹ Тем самым И.И.Полосин вводит в круг научного изучения Опричнины, помимо проблемы защиты государства от боярской измены, еще и вопрос о защите православной веры и русской церкви от католицизма и прочей еретической скверны. Однако решает он этот вопрос, на наш взгляд, неудовлетворительно, выдвигая предположение о создании Иваном Грозным придворного ордена.² Подтверждение своей догадке И.И.Полосин находит не только у И.Таубе и Э.Крузе, но и в предметной символике Опричнины: «У опричников был свой особый, как бы орденский костюм. Царский орден имел свой орденский храм (*Ordenskapelle*) в Александровой слободе. Иван Грозный был “игуменом” – магистром, гроссмейстером ордена. Львовская летопись отмечала, как строг был Иван Грозный в исполнении церковных правил».³ Мы не думаем, чтобы глубоко православный человек, каковым являлся Иван Грозный, мог увлечься орденским строительством, заимствовав образцы его у еретического Запада. Это, по нашему убеждению, исключено.

В советской историографии конца 30–40-х гг. прошлого века замечается усиление интереса к личности Ивана Грозного и ко времени его царствования, а значит – и к Опричнине. Этому способствовала, с одной стороны, война СССР с Германией, а с другой – высокая оценка И.В.Сталиным деятельности первого русского царя.⁴ О том, как Сталин оценивал Грозного, рассказал в своих мемуарах народный артист СССР Н.К.Черкасов. 24 февраля 1947 года Н.К.Черкасов и кинорежиссер С.М.Эйзенштейн были на приеме у Сталина в связи с постановкой второй серии фильма «Иван Грозный». Н.К.Черкасов рассказывает: «Говоря и государственной деятельности Грозного, товарищ И.В.Сталин заметил, что Иван IV был великим и мудрым правителем, который ограждал страну от проникновения иностранного влияния и стремился объединить Россию. В частности, говоря о прогрессивной деятельности Грозного, товарищ И.В.Сталин подчеркнул, что Иван IV впервые в России ввел монополию внешней торговли, добавив, что после него это сделал только Ленин. Иосиф Виссарионович отметил также прогрессивную роль опричников, сказав, что руководитель опричнины Малюта Скуратов был крупным русским военачальником, героически павшим в борьбе с Ливонией. Коснувшись ошибок Ивана Грозного, Иосиф Виссарионович отметил, что одна из его ошибок состояла в том, что он не сумел ликвидировать пять оставшихся крупных феодальных семейств, не довел до конца борьбу с феодалами – если бы он это сделал, то на Руси не было бы смутного времени <...>. И затем Иосиф Виссарионович с юмором добавил, что “тут Ивану помешал бог”: Грозный ликвидирует одно семейство феодалов, один боярский род, а потом целый год кается и замаливает “грех”, тогда как ему нужно

¹ Там же. 153.

² Там же. С. 153, 154.

³ Там же. С. 154.

⁴ См.: Дворкин А. Иван Грозный как религиозный тип... С. 212–214.

было действовать еще решительнее!.. В конце беседы Иосиф Виссарионович спросил, как мы думаем заканчивать фильм. Я ответил, что, как и предполагалось по первоначальному варианту сценария, фильм должен заканчиваться ливонским походом и победоносным выходом Ивана IV к морю. Иван IV в окружении военачальников, знаменосцев и воинов стоит на берегу моря, перед набегающей волной. Сбылась его заветная мечта увидеть "море синее, море дальнее, море русское", – и, вглядываясь вдаль, он заканчивает фильм словами: "На морях стоим и стоять будем!" Товарищ И.В.Сталин улыбнулся и весело воскликнул: "Ну что же!.." Ведь так и получилось, – и даже намного лучше!..¹ Когда И.В.Сталина не станет, С.О.Шмидт будет характеризовать эти его высказывания как «не находящие должного подтверждения в исторических источниках и зачастую далекие от марксистского понимания исторического процесса».² Но тогда все было по-иному.

Становится понятным, почему была востребована книга Р.Ю.Виппера об Иване Грозном. В 40-е годы она была дважды переиздана в доработанном и дополненном варианте.³ С.В.Бахрушин так отзывался о ней: «Взяв на себя задачу исторической реабилитации Ивана Грозного, Р.Ю.Виппер со свойственным ему талантом показал его как выдающегося государственного деятеля, дипломата и стратега, вполне выдерживающего сравнение с такими крупными историческими деятелями, как Петр Великий. Сила аргументации автора заключается в том, что, как специалист по всеобщей истории, он ставит Ивана IV в окружение государственных деятелей современной ему Западной Европы, и на международном фоне московский самодержец вырастает в мощную, величественную фигуру».⁴

Сам С.В.Бахрушин также выступил с книгой (1942; 1945), посвященной Ивану Грозному. Опричнине Ивана IV автор отводит здесь специальный раздел, где, в частности, отмечает, что «со словом "опричнина" у многих связано представление о периоде ничем не обоснованных жестокостей. Это в значительной степени объясняется тем, что из современников об опричнине много и красноречиво писали представители именно того слоя феодалов, против которого было направлено острие этого учреждения, и писали, конечно, с определенной точки зрения, отказываясь видеть в нем что-либо иное, кроме свирепой и ничем не вызванной расправы с невинными людьми. Иностранцы, напуганные успехами русского оружия в Прибалтике, охотно ловили слухи о тех "ужасах", которые творились в Московии, и повторяли эти слухи в преувеличенном виде. Под влиянием таких далеко не всегда беспристрастных свидетельств и позднейшие исследователи составили себе одностороннее представление об "эпохе казней", как о периоде бессмысленного "сумасбродства". Кровавая картина расправ с послушниками и изменниками

¹ Черкасов Н.К. Записки советского актера. М., 1953. С. 380–382.

² Шмидт С.О. Вопросы истории России XVI века в новой исторической литературе // Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. История СССР. Сб. статей. М., 1962. С. 93.

³ См.: Виппер Р.Ю. 1) Иван Грозный. Ташкент. 1942; 2) Иван Грозный. М.; Л., 1944.

⁴ Бахрушин С.В. Научные труды. Т. II. С. 355.

заслонила положительный момент жестокой по форме, но по существу целесообразной реформы».¹ Вспомнив о взглядах предшествующих историков, С.В.Бахрушин говорил: «В настоящее время мы смотрим на вопрос гораздо шире. Опричнина представляется нам как момент созидания единого централизованного национального государства, как неизбежный этап в борьбе за абсолютизм. Дело шло не об одних только наследниках былых самостоятельных князей. Опричнина была направлена против тех слоев феодального общества, которые служили помехой развитию сильной государственной власти, в первую очередь против крупных феодалов – титулованных и нетитулованных – и против той части их вассалов, которая поддерживала их сопротивление самодержавию. Опричнина должна была вырвать с корнем все пережитки феодальной раздробленности, сделать невозможным даже частичный возврат к ней и тем самым обеспечить военную оборону страны».² С.В.Бахрушин подчеркивал «прогрессивное значение опричнины».³

О прогрессивном значении Опричнины писал И.И.Смирнов. Учреждение Опричнины он рассматривал на фоне «острой и напряженной борьбы старого и нового, прогрессивных и реакционных сил, носителей национального развития и представителей феодальной реакции».⁴ По словам И.И.Смирнова, Опричнина «окончательно и навсегда сломила боярство, сделала невозможной реставрацию порядков феодальной раздробленности и закрепила основы государственного строя Русского национального государства. В этом исторический смысл опричнины. В этом ее основное прогрессивное значение».⁵ И.И.Смирнов указывал и на негативные последствия Опричнины: «1.Захват крестьянских земель. 2.Обострение борьбы за крестьянина как рабочую силу. 3.Рост крестьянских повинностей».⁶ Раскрывая содержание означенных пунктов, И.И.Смирнов отмечал, что «конфискация в годы опричнины огромной массы боярских и княжеских земель сопровождалось захватами феодалами и крестьянских земель»,⁷ что «опричнина принесла с собой новое усиление феодальной эксплуатации», поскольку «именно в годы опричнины складывается та формула послушных грамот, которая предоставляла помещику право устанавливать размеры крестьянских повинностей по своему усмотрению (“чем вас изоброчит”). Примененное на практике, это право означало резкое увеличение размеров крестьянских повинностей».⁸ Здесь И.И.Смирнов демонстрировал классовый подход к Опричнине, проявленный им еще в начале 30-х годов.⁹ Он также рассуждал о тяжелых экономических последствиях Опричнины, которая «сильнейшим образом от-

¹ Там же. С. 299–300.

² Там же. С. 300.

³ Там же. С. 304.

⁴ Смирнов И.И. Иван Грозный. Л., 1944. С. 18.

⁵ Там же. С. 96.

⁶ Смирнов И.И. Восстание Болотникова. 1606–1607. М., 1951. С. 44.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 46.

⁹ См.: Смирнов И.И. Классовые противоречия в феодальной деревне в России в конце XVI в. // Проблемы истории материальной культуры. 1933. № 5–6. С. 66.

разилась на всем хозяйстве Русского государства. В прямой связи с опричниной стоит важнейшее явление экономической истории России XVI в. — так называемый “хозяйственный кризис” 70–80-х годов XVI в.»¹

Отмечал прогрессивное значение Опричнины и П.А.Садиков. Основная цель Ивана Грозного состояла, по Садикову, в том, чтобы «вывести “измену” феодальной верхушки, навести порядок среди постоянно готовых к бунту или даже прямо бунтующих вассалов, укрепить централизованную национальную монархию в момент ее превращения в многонациональное государство».² Поставленную задачу Грозный решал посредством Опричнины, которая «ломала решительно и смело верхушки феодального класса и поддерживала великокняжескую власть — этим, в условиях времени, она была безусловно прогрессивным историческим фактором...».³ П.А.Садиков считал, что «опричнина в общем достигла своей цели. Княжеско-боярская аристократия если и не была уничтожена ею целиком, “всеродне”, то во всяком случае разгромлена так, что не являлась уже политически опасной для самодержавной власти московского царя. На первый план вместо нее вышел второстепенный слой феодального класса — поместный дворянин и сын боярский, который и стал хозяином в политике при царях Федоре и Борисе. В опричных репрессиях исчезли остатки феодальной раздробленности, и Московское царство становилось централизованным государством с сильной монархической властью во главе».⁴

С.В.Бахрушин, подводя в 1947 году итог новейшим исследованиям Опричнины Ивана Грозного, заявлял: «В конечном итоге советские ученые пришли к выводу, что опричнина, несмотря на ряд темных сторон, достигла больших и положительных результатов в деле государственной централизации. Опричнина была, несомненно, прогрессивным явлением, поскольку она помогла ликвидировать остатки феодальной раздробленности и расчистила путь к созданию в будущем абсолютистского государства, которое в данных исторических условиях было необходимо для развития экономической и политической мощи русского народа».⁵ При этом С.В.Бахрушин замечал: «Особняком стоит статья С.Б.Веселовского “Учреждение Опричного двора Ивана Грозного в 1565 г. и отмена его в 1572 г.” (“Вопросы истории”, 1946, № 1). Автор, полемизируя с С.Ф.Платоновым об опричнине, вносит ряд ценных фактических поправок в его изложение, но не излагает собственной точки зрения и поэтому, незаметно для себя, делает шаг назад, на позиции В.О.Ключевского, которые в настоящее время уже не могут удовлетворить читателя».⁶ Говоря о том, будто С.Б.Веселовский в вопросе об Опричнине сошел на позиции В.О.Ключевского «незаметно для себя», С.В.Бахрушин, возможно, шадил историка. Во всяком случае, если бы С.В.Бахрушин смог заглянуть в ящик рабо-

¹ Смирнов И.И. Восстание Болотникова... С. 47.

² Садиков П.А. Очерки по истории опричнины. С. 61.

³ Там же. С. 62.

⁴ Там же. С. 63.

⁵ Бахрушин С.В. Научные труды. Т. II. С. 360.

⁶ Там же. С. 360 (прим. 41).

чего стола С.Б.Веселовского, он обнаружил бы там рукописи, содержащие отрицательные характеристики Опричнины Ивана Грозного, выдержанные в духе В.О.Ключевского, рукописи, увидевшие свет лишь в 1963 году.¹

В.О.Ключевский, по Веселовскому, «подошел очень близко к самой сути кровавой трагедии царствования Ивана». Но его «глубокие мысли», «к сожалению, не оказали соответствующего их значительности влияния на последующую историографию. Между тем углубленное исследование источников, неизвестных Ключевскому, дает возможность развить, исправить в некоторых деталях и дополнить его высказывания».² И С.Б.Веселовский углублял, развивал, исправлял и дополнял В.О.Ключевского, попутно порицая историков, защищавших Грозного от клевет и наветов, стремившихся обнаружить в поступках царя Ивана осмысленную политику. С чувством явного превосходства над такого рода историками он писал: «Новейшие апологеты Ивана Грозного уверяют нас, что суд потомства несправедлив потому, что Иван сошел со сцены, оклеветанный дворянскими публицистами, естественными врагами демократической неограниченной монархии. Эта клевета и непонимание современников и ближайших потомков перешла в историографию и так утвердилась в ней, что дожила до наших дней. Так ли это в действительности?»³ А вот еще один образчик: «В реабилитации Ивана немногие решались открыто одобрить принцип “цель оправдывает средства”, но все в своих дифирамбах забывали мудрую народную пословицу: “Чужими грехами свят не будешь”. Нетрудно заметить, что все попытки дать положительную оценку личности и деятельности Ивана IV неизменно основываются на тенденциозном, не останавливающемся ни перед чем очернении действительных и вымышленных врагов Ивана».⁴ Сильно досталось от С.Б.Веселовского К.Д.Кавелину, С.М.Соловьеву и особенно – С.Ф.Платонову. «Легко заметить, – говорил он, – что высказывания Кавелина бездоказательны, произвольны и противоречат фактам, известным еще в его время. От юриста с философским образованием, каким был Кавелин, можно было бы ожидать логичности рассуждений, но и в этом отношении Кавелин грешит».⁵ И еще: «В общем полет Кавелина в стратосферу фантазии настолько противоречит фактам и логике, что его высказывания можно было бы без сожаления сдать в архив историографических курьезов, если бы они не имели успеха и не оказали заметного влияния на последующих историков».⁶ С.М.Соловьев, по Веселовскому, «слишком поспешно выпускал том за том своей “Истории”, чтобы устранять неувязку частей и даже противоречия отдельных высказываний».⁷ К тому же он отличался «лениво-небреж-

¹ См.: *Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины*. М., 1963. А.М.Дубровский относит их к разряду «скрытой культуры». — *Дубровский А.М. Историк и власть*. Брянск, 2005. С. 760.

² *Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины*. С. 28.

³ Там же. С. 38.

⁴ Там же. С. 479.

⁵ Там же. С. 18.

⁶ Там же. С. 19.

⁷ Там же. С. 21.

ным изложением».¹ Историческое объяснение явлений у него «довольно слабо», «часто спорно» и «неудовлетворительно».² Переходя к С.Ф.Платонову, С.Б.Веселовский вовсе впадает в менторский тон: «Никакое остроумие не может заменить или возместить незнание фактов. Эту бесспорную истину историки склонны нередко забывать. В истории есть вопросы, по которым источников так мало, что исследователю по необходимости приходится восполнять рассуждениями недостаток фактов. На нет и суда нет. Но совершенно иначе должны были бы относиться к историку, когда источников много, и только недосуг, самонадеянность или просто исследовательская лень порождают у историка соблазн отделаться остроумными и эффектными обобщениями».³ Поддавшийся якобы этому соблазну С.Ф.Платонов «дал концепцию политики царя Ивана, настолько переполненную промахами и фактически неверными положениями, что поставил критиков его построений в весьма неловкое положение: опровержение всех ошибок может наскучить читателю, а главное, показаться ему неприличной и ненужной попыткой подорвать задним числом научную репутацию всеми уважаемого и высоко ценимого ученого».⁴ Не знаем, как другому читателю, но нам уже показалось!

Подпольные мысли С.Б.Веселовского о царе Иване Грозном не могли, разумеется, повлиять тогда на историков. Перемены в исторической науке были связаны с другими событиями. 5 марта 1953 года умер И.В.Сталин. Правда, смерть вождя не сразу повлияла на исторические оценки Опричнины. Еще в 1955 году вышел очередной том академических «Очерков истории СССР», где в соответствующем разделе (автор А.А.Зимин) утверждалось, что «введение опричнины было по сути дела продолжением мероприятий правительства 50-х годов XVI в.»,⁵ что Опричнина стала «орудием разгрома реакционной феодальной знати».⁶ Учреждение Опричнины знаменовало «новый этап укрепления централизованного государства. Борьба с реакционным боярством носила прогрессивный характер...».⁷ Эти положения борец за чистоту исторической науки С.М.Дубровский вскоре назовет переоценкой роли Ивана IV и Опричнины.⁸ Но только XX съезд КПСС (1956), подвергший критике культ личности И.В.Сталина, заставил советских историков иначе взглянуть на деятельность Ивана IV и его Опричнину.

Согласно авторам одной статьи того времени, «решения XX съезда КПСС дали историкам боевую программу действий, позволили не только попра-

¹ Там же. С. 22.

² Там же. С. 23.

³ Там же. С. 29.

⁴ Там же.

⁵ Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV в. – начало XVII в. М., 1955. С. 303.

⁶ Там же. С. 306.

⁷ Там же. С. 307.

⁸ Дубровский С.М. Против идеализации деятельности Ивана IV // Вопросы истории. 1956, № 8. С. 128. Новейший исследователь назовет это «культом Ивана Грозного», «культом царя Ивана». – Дубровский А.М. История и власть. С. 760, 767.

вить допускавшиеся ранее ошибки и искажения, но и поднять всю научную работу на новую ступень. Ликвидация последствий культа личности способствовала подъему творческой активности советских историков, оживлению работы во всех областях исторической науки».¹ Для «усиления смеха», как сказал бы классик, заметим: «подъем творческой мысли», «оживление работы» в области истории правления Ивана Грозного вообще и Опричнины в частности свелось к тому, что царю Ивану пришлось отвечать за Сталина.

14 – 15 мая 1956 года в Институте истории Академии наук СССР состоялось заседание сектора истории СССР периода феодализма, на котором был заслушан и обсужден доклад С.М.Дубровского «О культе личности и некоторых работах по вопросам истории (об оценке Ивана IV и других)».² Докладчик говорил, что некоторые историки усиленно подчеркивают «роль отдельных князей, царей, полководцев, создавая их культ. Так, стали изображать как сверхчеловека Ивана IV. Чудовищные преступления этого царя оправдывались разговорами о прогрессивности проводимых им мероприятий».³ С.М.Дубровский считал «недопустимым расценивать все выступления за ограничение царского самодержавия как реакционные», поскольку «самодержавие не было единственно прогрессивной формой государственной власти для России в то время. Монархия могла быть неограниченной, могла быть ограниченной боярской думой или парламентом, как это было в Англии и т. д.».⁴ Он возражал против того, что Опричнина «была направлена против бояр. Нельзя упускать из виду другую основную ее сторону. Опричнина являлась особой формой насилия помещиков-крепостников над крестьянами», будучи «чисткой земель под крепостничество».⁵ С.М.Дубровский подверг критике книги об Иване Грозном, написанные Р.Ю.Виппером, С.В.Бахрушиным, И.И.Смирновым. Эту часть своего выступления Дубровский опубликовал в виде отдельной статьи.⁶

После доклада С.М.Дубровского началась оживленная дискуссия. Первым взял слово И.И.Смирнов, который, «согласившись с тем, что в исторической науке имели место неправильная трактовка роли отдельных исторических деятелей прошлого, почти полный отказ от классовой оценки их деятельности, попытки изобразить их как всенародных героев», счел «глубоко ошибочным усматривать во всех работах и исследованиях, посвященных отдельным историческим деятелям, культ личности. Такой подход к работам советских историков означал бы шарахание из одной крайности в другую, от антимарксистского культа личности к анархическому отрицанию роли вождей и руководителей».⁷ И.И.Смирнов утверждал, что «опричный террор

¹ Нечкина М.В., Поляков Ю.А., Черепени Л.В. О пройденном пути // Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС... С. 25.

² Курмачева М.Д. Об оценке деятельности Ивана Грозного // Вопросы истории. 1956, № 9. С. 195.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ См.: Дубровский С.М. Против идеализации деятельности Ивана IV. С. 121–129.

⁷ Курмачева М.Д. Об оценке деятельности Ивана Грозного. С. 196.

был определенной формой проявления борьбы против княжат и бояр, а не бессмысленным истреблением Иваном IV и опричниками представителей всех слоев общества, не вызванным никакой объективной необходимостью, как считает С.М.Дубровский». ¹ По мнению И.И.Смирнова, «кровавые ужасы опричнины не должны заслонять ее объективно прогрессивного значения как формы борьбы за укрепление централизованного государства». ² Он отверг обвинение С.М.Дубровского, что в его книге «имеется культ личности Ивана IV. Такой культ имеет место в литературных произведениях и кино». ³

Принявший участие в дискуссии И.У.Будовниц оспорил утверждение докладчика о том, будто Опричнина «являлась исторически неоправданной мерой», будто она «своими жестокостями и крайностями вызвала события Смутного времени». И.У.Будовниц полагал, что «представлять Смутное время, прежде всего крестьянскую войну, как следствие опричнины, которая была проявлением злой воли Ивана IV, – значит приписывать личности Ивана IV свойства чудо-богатыря. Но это значит не бороться с культом личности, а, наоборот, питать и подкреплять его». Согласно И.У.Будовницу, Опричнину «нельзя представлять как бессмысленные, ничем не оправданные выходки царя-самодура. Подобные представления не подтверждаются конкретным материалом». ⁴

И.А.Коротков вслед за С.М.Дубровским признал наличие в историографии серьезных ошибок, связанных с культом личности. Вместе с тем он заметил, что обсуждаемый доклад «содержит много необоснованных утверждений. Создается впечатление, что ряд положений доклада С.М.Дубровского вызван конъюнктурными соображениями». ⁵

Более позитивно идеи С.М.Дубровского воспринял Я.Н.Линков. При этом, однако, он увидел «прогрессивную линию развития» в политике Ивана IV, что, впрочем, не дает оснований «оправдывать все отрицательное в его методах управления государством. Некоторые историки подходят к оценке деятельности Ивана Грозного с точки зрения принципа: цель оправдывает средства. Это проявляется во многих работах (и в том числе в трудах И.И.Смирнова), которые в той или иной степени содержат недостатки, привнесенные в нашу науку культом личности». ⁶

Другой участник прений, С.О.Шмидт, счел «справедливой постановку С.М.Дубровским вопроса об опричнине, ее темных сторонах, о ее роли в закреплении крестьян». С.О.Шмидт лишь не согласился с положением докладчика о «чистке земель под крепостничество в годы опричнины, подобно чистке земель, проходившей в Англии в период первоначального накопления. В России шла борьба за перераспределение земель между феодалами, причем земель с крестьянами». Несколько позднее, возвращаясь к дис-

¹ Там же.

² Там же. С. 197.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 198.

⁶ Там же.

куссии, С.О.Шмидт писал: «Два дня – 14 и 15 мая 1956 г. – ученые Москвы и Ленинграда обсуждали яркий полемический доклад С.М.Дубровского “О культе личности и некоторых вопросах по истории (об оценке Ивана IV и других)”». Оживленные прения свидетельствовали о большом интересе к теме. С.М.Дубровский на примере трудов Р.Ю.Вилпера, С.В.Бахрушина и И.И.Смирнова показал, что не только в художественной и историко-компильтивной литературе, но и в работах крупных исследователей имели место идеализация деятельности Ивана Грозного, односторонняя оценка отдельных явлений истории России XVI в., в том числе опричнины, затушевывание крепостнической сущности феодального централизованного государства. С.М.Дубровский остановился также и на ошибочных высказываниях И.В.Сталина об Иване Грозном и событиях истории России XVI века. Некоторые критические замечания в этом докладе были преувеличены, но для устранения недостатков надо было внимательно рассмотреть их, и в таких случаях увеличительное стекло бесполезно. Однако выдвинутые С.М.Дубровским конкретно-исторические позитивные положения (о возможности развития Российского государства не по пути превращения в централизованную монархию, о непринадлежности Грозному сочинений, связываемых обычно с его именем, и т.п.) оказались, как отмечало большинство участников дискуссии, малоубедительными, а его отношение к роли Ивана Грозного в истории нечетким. В изложении докладчика Иван IV с одной стороны предстает как продукт деятельности определенного класса, воплощая в себе черты класса помещиков-крепостников. В то же время некоторые существенные явления в истории России XVI в. рассматриваются С.М. Дубровским как результат личных действий Ивана Грозного. Работе С.М. Дубровского также присуще преувеличение исторической роли Ивана IV и выпячивание отдельных, только отрицательных, сторон его деятельности».¹ Вернемся опять, однако, к выступлениям историков на майской 1956 года дискуссии.

А.И.Казарин, как и С.М.Дубровский, осуждал некоторых современных историков за апологию деятельности царя Ивана. В оценке Грозного, по мнению Казарина, ближе к истине был В.О.Ключевский, нежели эти историки. А.И.Казарин согласился с докладчиком относительно Опричнины, заявив, что она «чрезвычайно расширила сферу действия поместной системы и превратила ее в господствующую систему крепостнической эксплуатации в Русском государстве второй половины XVI века <...>. Опричина расшатала основы Русского государства и поставила его если не на край гибели, то весьма близко к нему. Иван IV своими дикими методами не укреплял, а разваливал Русское государство, ослабляя его перед лицом внешних сил». Казарин полагал, что «непримиримой противоположности интересов боярства и царской власти не было. Боярство служило царской власти».²

По мнению А.М.Сахарова, «культ личности оказал немалое влияние на историческую литературу и не только на работы, посвященные Ивану Грозному. Необходимо критически пересмотреть те оценки, которые господство-

¹ Шмидт С.О. Вопросы истории России XVI века... С. 95.

² Курмачева М.Д. Об оценке деятельности Ивана Грозного. С. 199.

вали в советской литературе по ряду вопросов». ¹ При этом А.М.Сахаров призывал «учитывать не только жестокость Ивана Грозного, его ошибки в дипломатической и политической деятельности, но и его положительную роль в процессе создания централизованного государства. Нельзя нигилистически относиться ко всякой княжеской, царской, монархической власти и на всех этапах представлять господствующие классы и их деятелей реакционной силой. Одновременно недопустимо возвеличивать монархов и царей. Но никто из советских историков этим и не занимается. Поэтому нет оснований называть советских историков, работы которых подверглись влиянию культа личности, “проповедниками монархизма”. Нельзя искоренять ошибки, связанные с культом личности, путем простого осуждения всех прежних работ и бездоказательного выдвижения прямо противоположных выводов и положений, как сделал докладчик». ²

После А.М.Сахарова выступил А.А.Зимин, который отметил, что «в ряде трудов советских историков, особенно в научно-популярных работах, вышедших в 1942–1944 гг., действительно имеется непомерное восхваление деятельности Ивана IV. Такое восхваление особенно проявляется в произведениях литературы и кино». Но затем А.А.Зимин, сманеврировав, обратил оружие Дубровского против того же Дубровского: «Автор рассматривает важнейшие явления исторического процесса XVI в. как результат деятельности самого Ивана Грозного. Если Виппер считает эту деятельность плодотворной, то Дубровский – вредоносной или бессмысленной. Дубровский объясняет все военные неудачи России военной деятельностью Ивана IV. Иван Грозный – творец дипломатии, хотя и неудачной, создатель идеологии самодержавия, он закрепостил крестьян, добился создания неограниченного абсолютизма. Дубровский критикует труды Виппера, Бахрушина, Смирнова с позиции непомерного преувеличения роли Ивана IV в истории России». ³ Что касается Опричнины, то главной ее задачей, по А.А.Зимину, стало «сокрушение феодальной аристократии, борьба с пережитками политической раздробленности. Средства, которыми проводилась опричная политика, были варварские, средневековые <...>. Но нельзя, конечно, смешивать средства проведения опричной политики и ее формы с ее объективно прогрессивным содержанием». ⁴

О прогрессивном характере Опричнины говорили В.Д.Корольюк и В.И.Корецкий, ⁵ а В.Т.Пашуто выразил свое согласие с оценкой доклада С.М.Дубровского, какую дал ему И.И.Смирнов. ⁶ Иное суждение высказал В.Н.Шевяков: «С.М.Дубровский правильно поставил вопрос об Иване IV и опричнине. Задача состоит в том, чтобы показать социально-экономические отношения, которые обусловили опричнину». ⁷ По горячим следам дискус-

¹ Там же.

² Там же. С. 199–200.

³ Там же. С. 200.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 202.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 203.

сии В.Н.Шевяков написал и опубликовал специальную статью «К вопросу об опричнине при Иване IV»,¹ которую следует рассматривать как продолжение майского спора. Главная идея В.Н.Шевякова заключалась в том, что царь Иван «не хотел довольствоваться властью самодержца, абсолютного монарха». Ему хотелось «стать восточным деспотом типа турецкого султана Магомета II. С этой целью он ввел опричнину».² Так были установлены в России «турецкий деспотизм» и «тирания», существовавшие не менее сорока лет (1565–1605) и впоследствии уступившие место «абсолютной монархии».³ По словам В.Н.Шевякова, «все современники и даже участники опричнины, наши русские летописцы и иностранные мемуаристы отзываются о ней отрицательно, характеризуют ее как особо хищническую террористическую форму эксплуатации, ограбления и истребления трудящихся крестьян, ремесленников, холопов; средство обогащения царя и его непосредственной опоры – дворян-помещиков – за счет всего остального населения, начиная со светских и духовных феодалов-вотчинников, купцов и кончая простым народом».⁴ У В.Н.Шевякова, как видим, «наши русские летописцы и иностранные мемуаристы» мыслят марксистскими, можно сказать, категориями. Вслед за этими средневековыми «марксистами» автор решительно осуждает Опричнину, утверждая, что «опричная система и тирания сильно подорвали производительные силы страны, привели Россию к известным событиям начала XVII века».⁵ Л.В.Данилова в итоговой статье, охарактеризовавшей развитие (конец 50-х – начало 60-х гг. прошлого века) советской историографии русского средневековья, следующим образом отозвалась о выступлении В.Н.Шевякова: «В связи с борьбой против культа личности пытался пересмотреть вопрос об опричнине и В.Н.Шевяков. Однако ценность его критического выступления исчерпывается лишь общими рассуждениями относительно необходимости устранения последствий культа личности. В.Н.Шевяков проявил недостаточное знакомство с конкретно-историческим материалом по избранной им теме».⁶

Л.В.Данилова охарактеризовала и майскую дискуссию 1956 года: «Огромную роль в изживании субъективистских ошибок в изучении истории сыграл XX съезд КПСС, осудивший чуждый марксизму-ленинизму культ личности. В мае 1956 г. в Институте истории АН СССР на специальной конференции был поставлен доклад С.М.Дубровского, посвященный критическому анализу работ, рисующих деятельность Ивана IV. С.М.Дубровский совершенно справедливо отмечал идеализацию и непомерное возвеличивание

¹ Шевяков В.Н. К вопросу об опричнине при Иване IV // Вопросы истории. 1956, № 9. С. 71–77.

² Там же. С. 74.

³ Там же. С. 77.

⁴ Там же. С. 74.

⁵ Там же. С. 77.

⁶ Данилова Л.В. К итогам изучения основных проблем раннего и развитого феодализма в России // Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС... С. 65 (прим. 85).

личности Ивана Грозного в высказываниях И.В.Сталина, в работах Р.Ю.Випера, С.В.Бахрушина, И.И.Смирнова и некоторых других историков, чьи взгляды нашли отражение в учебниках и обобщающих трудах. Возможно, в докладе и в опубликованной на его основе статье содержались отдельные преувеличения и в стремлении привлечь внимание к отрицательным сторонам царствования Грозного проступал даже некоторый налет того же самого субъективизма, против которого они были направлены, но в целом выступление С.М.Дубровского было правильно и своевременно. После конференции медиевисты радикальным образом перестроили свои исследования по политической истории России.¹ В каком направлении должны были перестраиваться советские историки, руководители исторической науки в СССР решили, по всей видимости, на примере С.Б.Веселовского. В 1957 году Отделением истории АН СССР была создана под председательством академика М.Н.Тихомирова Комиссия по изданию трудов С.Б.Веселовского,² настроенного по отношению к Ивану Грозному, как мы знаем, отнюдь не лучшим образом. Изданные в 1963 году труды С.Б.Веселовского не имели ожидаемого эффекта. Так что с мыслью о радикальной перестройке медиевистами-русистами своих исследований в области политической истории России XVI века Л.В.Данилова несколько поспешила.

В 1957 году появилась книга «Очерки истории СССР. Конец XV – начало XVII вв.», подготовленная с целью «оказать практическую помощь учителю средней школы при подготовке к урокам» и «углубить знания учителя по узловым, основным вопросам истории СССР». Вместе с тем авторы книги (А.И.Копанев, А.Г.Маньков, Н.Е.Носов) надеялись «принести пользу широким кругам советских людей – студентам исторических и филологических факультетов, учителям русского языка, партийным пропагандистам и всем занимающимся самообразованием».³ Стало быть, книга имела образовательный и просветительский характер. И вот в разделе об Опричнине (автор А.И.Копанев) читаем: «Разгром Иваном Грозным в годы опричнины опасных заговоров княжат и бояр, смыкавшихся с внешними врагами Русского государства, был исторически прогрессивным делом».⁴ Правда, здесь говорится и о том, что «опричнина знаменовала собой новый этап развития крепостного права», что «создание чрезвычайного аппарата власти и военных опричных сил означало оформление неограниченной диктатуры дворян-помещиков, направленной своим острием на разгром княжеско-боярской оппозиции, с одной стороны, и на подавление крестьянства, с другой».⁵ Но эти положения по сути не отличались от того, что говорилось в академических «Очерках истории СССР», вышедших в свет раньше майской дискуссии 1956 года: «Опричнина была орудием разгрома реакционной феодальной знати,

¹ Там же. С. 65.

² Веселовский С.Б. Исследования... С. 7.

³ Копанев А.И., Маньков А.Г., Носов Н.Е. Очерки истории СССР. Конец XV – начало XVII вв. Л., 1957. С. 3.

⁴ Там же. С. 137.

⁵ Там же. С. 134, 137.

но в то же время введение опричнины сопровождалось усиленным захватом крестьянских черных земель. Опричный порядок был новым шагом на пути к укреплению феодальной собственности на землю и закрепощению крестьян». ¹ Однако и «Очерки» не внесли здесь ничего принципиально нового. Еще в книге И.И.Смирнова, раскритикованной С.М.Дубровским, говорилось: «Политика опричнины по отношению к крестьянству характеризуется разгромом крестьянского хозяйства и экспроприацией значительной части крестьянских земель в пользу феодалов». ² По И.И.Смирнову, таким образом, Опричнина являлась формой усиления крепостного права. Как эти, так и другие мысли И.И.Смирнова продолжали свой оборот в советской историографии и даже послужили отправной точкой для дальнейших исследований Опричнины. Пример тому – концептуальная статья С.М.Каштанова «К изучению опричнины Ивана Грозного». ³

С.М.Каштанов, коснувшись дискуссии 1956 года, так отозвался о ней: «В статье С.М.Дубровского правильно поднимается вопрос об известной идеализации деятельности Ивана Грозного в советской исторической литературе. Однако статья самого С.М.Дубровского, в которой, кстати, совершенно необоснованно ставится знак полного тождества между концепциями Р.Ю.Виппера, С.В.Бахрушина и И.И.Смирнова, не раскрывает скольконибудь конкретно те или иные стороны внутренней политики XVI в. и поэтому носит главным образом негативный, а не позитивный характер. Выступивший вслед за С.М.Дубровским В.Н.Шевяков вернулся почти целиком к карамзинско-сухотинской оценке опричнины, характеризуя ее на основании уже давно известных летописных высказываний, сочинений русских полемистов и главным образом записок иностранцев как время сплошного бессмысленного уничтожения представителей всех классов русского общества XVI в. – бояр, купцов, крестьян, ремесленников, холопов. С.М.Дубровский правильно отметил, что внутренняя история России XVI в. нуждается во всестороннем исследовании. Вместе с тем, объяснение таких противоречивых явлений, как опричнина, только злой волей Ивана IV кажется мало убедительным. Это – оборотная стороны чрезмерного преувеличения роли Ивана Грозного, явный недоучет объективных экономических процессов, на фоне которых разворачивалась деятельность царя Ивана и его опричников». ⁴ Сам С.М.Каштанов видит главную классовую и социальную задачу Опричнины в обеспечении, наделении «поместного дворянства землей и крестьянами». ⁵ Основные причины возникновения Опричнины, согласно С.М.Каштанову, лежат в сферах экономической и социально-экономической. «Рассматривая опричнину в социальном аспекте, – говорит исследователь, – мы убеждаемся, что главное в ней – это ее классовая направленность, которая

¹ Очерки истории СССР. Период феодализма... С. 306.

² Смирнов И.И. Иван Грозный. С. 97.

³ Каштанов С.М. К изучению опричнины Ивана Грозного // История СССР. 1963, 32. С. 96–117.

⁴ Там же. С. 98.

⁵ Там же. С. 105, 106.

состояла в проведении мероприятий, содействовавших дальнейшему закреплению крестьян. В этом смысле опричнина была, конечно, в большей степени антикрестьянской, чем антибоярской политикой». ¹ Вообще, по мнению С.М.Каштанова, было бы «крайне односторонне и неверно» определять Опричнину «как в основном антибоярскую политику». ² Историк отмечает не столько антибоярскую, сколько антиудельную направленность Опричнины. ³ «Субъективной целью» опричного правительства, считает он, «было уничтожение последних уделов и искоренение удельно-княжеского сепаратизма». ⁴ На наш взгляд, С.М.Каштанов избрал ложный путь, выдвинув в качестве основных экономические причины введения Опричнины. Главной тут все-таки была политика в области государственного и церковного строительства. Следует согласиться с Р.Г.Скрынниковым в том, что «опричнина по своим задачам и содержанию была в первую очередь мерой политической, вызванной к жизни политическими коллизиями своего времени». ⁵

Крупной вехой в изучении истории Опричнины стала книга А.А.Зиминой «Опричнина Ивана Грозного». ⁶ Автор, естественно, не мог пройти мимо дискуссии 1956 года. Он писал: «В 1956 г. в Институте истории Академии наук СССР состоялась дискуссия на тему об историческом значении деятельности Ивана Грозного. Докладчик профессор С.М.Дубровский подверг строгой критике работы Ю.Р.Виппера, С.В.Бахрушина и И.И.Смирнова, которые идеализировали деятельность Ивана IV и опричнину. Идеализацию Ивана IV С.М.Дубровский не без основания связал с периодом культа личности И.В.Сталина, с его известными высказываниями (в 1947 г. в беседе с С.М.Эйзенштейном и Н.К.Черкасовым) <...>. Большинство участвовавших в дискуссии согласились с тем, что в исторической литературе допускалось непомерное преувеличение роли Ивана IV в истории России. С поддержкой положений С.М.Дубровского выступил В.Н.Шевяков, посвятивший опричнине специальную статью». Но «попытка нового пересмотра истории опричнины, предпринятая В.Н.Шевяковым, оказалась неудачной». ⁷ Согласие А.А.Зиминой с «профессором С.М.Дубровским» насчет идеализации в исторической литературе Ивана Грозного в духе культа личности И.В.Сталина – дань политической злобе дня. Что касается научной стороны вопроса, то А.А.Зимин рассматривал Опричнину в качестве исторически обусловленного явления, а отнюдь не причуды царя Ивана. В своих взглядах на Опричнину он испытал некоторое влияние С.Б.Веселовского, согласившись с ним в том, что опричная земельная политика не имела «антикняжеской или антибоярской направленности». ⁸ Однако А.А.Зимин, в отличие от С.Б.Веселовского,

¹ Там же. С. 108.

² Там же. С. 109.

³ Там же. С. 117.

⁴ Там же. С. 116–117.

⁵ Скрынников Р.Г. Опричный террор. С. 222.

⁶ Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964.

⁷ Там же. С. 45–47.

⁸ Там же. С. 340–341.

усматривает в Опричнине весьма существенный исторический смысл. Опричнина, по его мнению, была направлена «своим острием против удельных пережитков»; она нанесла завершающий удар по «последним остаткам феодальной раздробленности» – Старицкому княжеству, Великому Новгороду и церкви.¹ Концепция А.А.Зимина получила признание в академических кругах. Поэтому, вероятно, именно ему было поручено написание раздела об Опричнине для академической «Истории СССР с древнейших времен до наших дней», где проводилась мысль о том, что опричная система была «задумана с целью искоренения феодального сепаратизма».² Последнее по времени определение цели учреждения Опричнины, принадлежащее А.А.Зимину, содержится в его книге, написанной совместно с А.Л.Хорошкевич: «Целью введения опричнины... была борьба с пережитками политической децентрализации (удельным княжеством Владимира Старицкого и его сторонников, обособленностью Великого Новгорода и прерогативами “князей церкви”»».³

А.А.Зимин в книге об Опричнине Грозного изобразил противоречивый облик царя Ивана: «В условиях роста самодержавия на многие правительственные мероприятия накладывала отпечаток незаурядная личность московского государя Ивана Васильевича Грозного. Царь Иван IV сумел по-своему почувствовать историческую неизбежность ликвидации последних столпов феодальной раздробленности на Руси и возглавить борьбу за укрепление централизованной государственности. Конечную цель своей деятельности он видел в безграничном подчинении всех подданных его монаршему своему волю. К этой цели упорно шел этот жестокий правитель через потоки крови, не считаясь с гибелью тысяч безвинных людей из среды крестьян и горожан, из дворян и бояр. Этот путь не был прямым. Выбранные Иваном IV формы и методы усиления самодержавия превращали власть монарха в самовластие деспота».⁴ В этих описаниях А.Л.Дворкин почувствовал тенденцию к «новой реабилитации Ивана Грозного».⁵ Во всяком случае, «Зимин, книга которого была написана еще во время правления Хрущева (хотя и вышла в свет уже после смены правительства в СССР), очевидно, пытается удовлетворить обе стороны спора».⁶ Ради точности надо заметить, что книга А.А.Зимина была подписана в печать 23 декабря 1963 года. Следовательно, она вышла в свет где-то в начале 1964 года, т.е. до «смены правительства в СССР». Поэтому любые экивоки тут излишни. Надо также сказать, что в центре спора оказалась проблема Опричнины, вокруг которой вращались

¹ Там же. С. 340, 477; *Зимин А.А.* О политических предпосылках возникновения русского абсолютизма // *Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.)*. Сб. статей к семидесятилетию со дня рождения и сорокапятилетию научной и педагогической деятельности Б.Б. Кафенгауза. М., 1964. С. 41.

² *История СССР с древнейших времен до наших дней* Т. II. М., 1966. С. 194.

³ *Зимин А.А., Хорошкевич А.Л.* Россия времени Ивана Грозного. М., 1982. С. 107.

⁴ *Зимин А.А.* Опричнина Ивана Грозного. С. 361.

⁵ *Дворкин А.* Иван Грозный как религиозный тип... С. 223.

⁶ Там же.

все остальные вопросы, в том числе и вопрос о личных особенностях царя Ивана. Проблему же Опричнины А.А.Зимин решал в научном плане, обосновывая ее историческую обусловленность и необходимость.

Характерно в этом отношении и монографическое исследование Р.Г.Скрынникова «Начало опричнины». Р.Г.Скрынников, подобно А.А.Зимину и другим исследователям, не мог обойти молчанием дискуссию 1956 года. Но его упоминание о ней – тоже дань, так сказать, политическому этикету, требующему соблюдения определенных формальностей: «Решения XX съезда Коммунистической партии Советского Союза оказали благотворное влияние на развитие советской исторической мысли. Развернувшаяся вскоре после съезда научная дискуссия затронула многие разделы истории русского средневековья. В статьях С.М.Дубровского и В.Н.Шевякова были подвергнуты критике ошибки в освещении опричнины и идеализация деятельности Грозного. Шевяков предпринял попытку немедленного решения основных проблем опричнины без привлечения достаточного фактического материала, но эта попытка оказалась неудачной».¹ По Р.Г.Скрынникову, «репрессии опричнины должны были доставить монархии перевес над политическими притязаниями могущественной феодальной аристократии, а заодно покончить и с дворянской фрондой».² Само обращение Грозного к политике репрессий исследователь объясняет не кровожадностью царя, а тем, что он утратил расположение к себе со стороны бояр и церкви, оказавшись в социальном, так сказать, одиночестве: «Лишившись поддержки части правящего боярства и церковного руководства, правительство не могло управлять страной обычными методами и пыталось упрочить свое положение с помощью террора».³ Причем сужение социальной базы правительства «неизбежно привело к террору как единственному способу разрешения вновь возникшего противоречия».⁴ Р.Г.Скрынников, таким образом, находит объективные основания репрессивной политике Ивана Грозного. Историк устанавливает два периода в истории Опричнины. «Вызванная к жизни столкновением между монархией и могущественной титулованной аристократией опричнина имела ярко выраженную антикняжескую направленность в начальный период ее существования. Репрессии опричнины и в особенности ее земельная политика ставила целью подорвать политическое влияние князей Ростово-Суздальских, Ярославских, Стародубских и т.д.».⁵ Но затем «опричная политика начинает утрачивать первоначальную антикняжескую направленность». Острие Опричнины теперь поворачивается в сторону боярства (в основном старомосковского) и представителей дворянства.⁶ Таким образом, «в опричнине получили продолжение репрессии против удельных

¹ Скрынников Р.Г. Начало опричнины. Л., 1966. С. 13–14.

² Там же. С. 270.

³ Там же. С. 227.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 411.

⁶ Там же. 411–412.

князей, старомосковской знати и фрондирующих дворян».¹ Автор полагает, что по вопросу об учреждении Опричнины состоялся приговор Земского собора, что соответствующий царский указ, предусматривающий образование в государстве «Опришнины», был утвержден Собором, хотя окончательное его утверждение произошло в Думе.²

А.А.Зимин и А.Л.Хорошкевич обратили внимание на зависимость схемы Р.Г.Скрынникова от теорий С.Ф.Платонова и С.Б.Веселовского.³ Известное совмещение концепций С.Ф.Платонова и С.Б.Веселовского здесь у Р.Г.Скрынникова, действительно, имеет место.

В следующей своей книге Р.Г.Скрынников продолжал развивать высказанные ранее идеи об антикняжеской направленности Опричнины на начальном этапе ее существования и крутом в дальнейшем повороте опричной политики против «старомосковского боярства и дворянских верхов».⁴ Р.Г.Скрынников также отмечал, что «князья церкви, тесными узами связанные с правящим боярством, не могли остаться в стороне от конфликта между монархией и княжеско-боярской аристократией. В этом случае конфликт с духовной властью носил вторичный характер». Тем не менее «репрессии опричнины ослабили политическое влияние церкви: после низложения митрополита Филиппа и разгрома крупнейшей епархии страны, новгородско-псковского архиепископства, церковь надолго лишилась той власти и влияния, которыми она пользовалась до опричнины».⁵ К сожалению, в некоторых вопросах, причем первостепенной важности, автор непоследователен. Так, говоря о роли, значении и задачах Опричнины, он заявляет: «Образование опричнины знаменовало собой своего рода верхушечный политический переворот, имевший целью утвердить принципы самодержавного правления в рамках ограниченной монархии в ущерб традиционным привилегиям аристократического боярства, непосредственно участвовавшего в управлении государством»;⁶ «опричнина была по существу своему политической мерой. Задачи ее, будучи узкими сами по себе, сводились к подавлению любой оппозиции самодержавной власти, с чьей бы стороны она ни исходила: со стороны боярской знати и дворянских верхов, крупных духовных феодалов, приказной бюрократии и т.д. На шестом году существования опричнина выполнила свои задачи и тем самым исчерпала себя».⁷ Вполне допускаем возможность того, что принципы «самодержавного правления» и «ограниченной монархии» могут уместиться в голове исследователя. Но в реальной политической жизни их совместить невозможно. Однако главное не в этом. Оно в ином подходе к Опричнине, который демонстрирует Р.Г.Скрынников на других страницах своей книги. «Проблема опричнины, – пишет он, – является частью об-

¹ Там же. С. 298.

² Там же. С. 242–244.

³ Зимин А.А., Хорошкевич А.Л. Россия времени Ивана Грозного. С. 107.

⁴ Скрынников Р.Г. Опричный террор. С. 3–7, 142, 227–228.

⁵ Там же. С. 236.

⁶ Там же. С. 3.

⁷ Там же. С. 96.

щей проблемы в развитии Русского централизованного государства».¹ Опричные репрессии, согласно Р.Г.Скрынникову, «ослабили политическое влияние высшего титулованного боярства и способствовали укреплению централизованного государства».² Кроме того, в годы Опричнины был сделан «важный шаг по пути становления сословно-представительной монархии в России».³ Как видим, в истолковании Опричнины Р.Г.Скрынников сочетает два подхода, две тенденции. В одном случае он сводит опричную политику к утверждению «принципов самодержавного правления», к «подавлению оппозиции самодержавной власти», осуществляемых Иваном Грозным в узкоэгоистических целях царского своеволия, а в другом рассматривает эту политику как составную часть развития Русского централизованного государства и становления сословно-представительной монархии в России. Именно во втором случае Опричина приобретает объективный и закономерный исторический характер, тогда как в первом низводится до элементарной случайности, состоящей в том, что на царском троне в России середины XVI века оказался человек болезненного властолюбия. Приходится только сожалеть о том, что в последующих сочинениях Р.Г.Скрынникова возобладали этот упрощенный субъективный вариант истолкования Опричнины. Так, в книге «Иван Грозный» (1975) Р.Г.Скрынников утверждает, будто «Грозный жаждал всевластия, но отнюдь не располагал им. Он слишком живо чувствовал зависимость от своих могущественных вассалов».⁴ Борьбу за власть между Иваном IV и боярством Р.Г.Скрынников упрощает до крайности: «Боярскому своеволию царь пытался противопоставить неограниченное своеволие монарха, власть которого утверждена богом».⁵ На фоне обострения отношений борьбы с аристократией и «в обстановке внешнеполитических неудач соратники царя настоятельно советовали установить в стране диктатуру и сокрушить оппозицию с помощью террора»,⁶ что и было сделано посредством введения Опричнины. В книге об Иване Грозном, как и в предшествующих работах, Р.Г.Скрынников говорит, что Собор одобрил царский указ о введении Опричнины,⁶ что «первые опричные репрессии имели отчетливую антикняжескую направленность. Они отличались большой последовательностью <...>. Учреждение опричнины повлекло за собой крушение княжеского землевладения».⁸ Затем опричные власти отказались «от курса, взятого при учреждении опричнины. Земельная политика опричнины быстро утрачивала свою первоначальную антикняжескую направленность».⁹ По мере втягивания старомосковского боярства и верхов дворянства в конфликт с царс-

¹ Там же. С. 223.

² Там же. С. 227.

³ Там же. С. 247.

⁴ Скрынников Р.Г. Иван Грозный. М., 1975. С. 95.

⁵ Там же. С. 96.

⁶ Там же. С. 99, 101.

⁷ Там же. С. 105.

⁸ Там же. 114.

⁹ Там же. С. 116.

кой властью «стал неизбежен переход от ограниченных репрессий к массовому террору»,¹ направленному против этих слоев общества. Р.Г.Скрынников полагает, что в Александровой слободе царь организовал «монашеский орден».²

В том же (что и книга «Иван Грозный») 1975 году вышел в свет труд Р.Г.Скрынникова «Россия после опричнины», где встречаем уже известные нам положения: «При своем учреждении в 1565 г. опричнина имела ярко выраженную антикняжескую направленность. Но как мера антикняжеская опричнина просуществовала не более года. В 1566–1572 гг. опричные репрессии всей своей тяжестью обрушились на старомосковское боярство, высшую приказную бюрократию, отчасти дворянство и духовенство...».³ Однако, наряду с этим, здесь имеются рассуждения об Опричнине как верхушечном перевороте, о том, что указ о ней был утвержден не Земским собором, а Боярской Думой и высшим духовенством, что с Опричниной в стране был установлен новый режим: «Созданная в результате своеобразного верхушечного переворота опричнина избавила Грозного от традиционной опеки Боярской думы. Под давлением обстоятельств дума и высшее духовенство санкционировали указ об опричнине, установивший в стране новый режим».⁴

Дальнейший отход Р.Г.Скрынникова с занятых ранее позиций засвидетельствован в книге «Царство террора». Здесь автор поднимает вопрос, на который, казалось, уже дал ответ в своей первой книге «Начало опричнины»: «Был ли по случаю учреждения опричнины созван Земский собор?»⁵ Если раньше Р.Г.Скрынников отвечал на этот вопрос утвердительно, то теперь он говорит: «Какие бы внушения чинам ни делал самодержец, его декларации очень мало напоминали совещание с представителями сословий, конституировавшимися в Земский собор <...>. Очевидно, закон об опричнине имел форму именного царского указа».⁶ В «Царстве террора» читаем и такое: «Опричнину невозможно представить как систему политических мер, острием своим направленную против системы удельных княжеств».⁷ Р.Г.Скрынников, следовательно, отказался от своего прежнего взгляда на Опричнину как репрессивную политику, направленную против удельных князей. Да и само учреждение Опричнины он теперь рассматривает как введение «чрезвычайного положения» в стране,⁸ посредством которого царь Иван предпринял первую попытку «утверждения в России самодержавной формы правления».⁹ Мысль о «чрезвычайном положении» нам представляется весьма плодотворной. Жаль только, что Р.Г.Скрынников не сумел правильно

¹ Там же. С. 117.

² Там же. С. 124.

³ Скрынников Р.Г. Россия после опричнины. Очерки политической и социальной истории. Л., 1975. С. 7.

⁴ Там же.

⁵ Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 215.

⁶ Там же. С. 216.

⁷ Там же. С. 510.

⁸ Там же. С. 207.

⁹ Там же. С. 231.

разгадать цель его введения в стране, сведя одно из важнейших и драматических в истории России событий к борьбе Грозного за неограниченную личную власть. Но он продолжает настаивать на своей версии. В одном из новых изданий книги, посвященной Ивану Грозному, историк заявляет: «Учреждая опричнину, Иван IV преследовал четко выраженную политическую цель – ввести в стране самодержавные порядки, утвердить свою неограниченную власть».¹ На наш взгляд, путь идейной трансформации Р.Г.Скрынникова² есть путь удаления от истины, а не приближения к ней. И эту трансформацию понять не трудно, если учесть общественно-политическую обстановку, сложившуюся в перестроечное время, характеризующееся новой волной критики Сталина и Грозного.³

С.О.Шмидт высказал ряд соображений относительно Опричнины, которые можно рассматривать отчасти как уточнения к построениям Р.Г.Скрынникова, представленные в ранних работах исследователя. По словам С.О.Шмидта, «опричнина – первоначально, во всяком случае – была направлена не только против княжат и бояр, но и против “государева двора” и верхушки недавно возвысившегося дьячества, т.е. против существующей системы управления, существующих правителей, чему и предполагалось противопоставить новую систему управления в виде опричнины».⁴ С.О.Шмидт полагает, что «царь почувствовал себя в зависимости и от укрепившегося централизованного аппарата и захотел освободиться от щупальцев становившейся уже всесильной бюрократии. Царь хотел защитить свое “вольное самодержавство”, оградить себя от всего, что мешало или могло помешать его произвольному правлению. А этому мешали не только остатки феодальной раздробленности, уцелевшие привилегии княжат и бояр <...>, но и бюрократия с ее новыми нормами государственного управления, сковывающими даже волю монарха».⁵ Парадокс состоял в том, что Иван IV, «желая защититься от излишней централизации, укреплению которой он отдал столько сил (в чем и заключалось основное прогрессивное значение его деятельности в плане внутренней политики)», «обратился <...> к старине, к удельным обычаям...».⁶

Мысль Р.Г.Скрынникова об установлении в России посредством Опричнины «нового режима» была подхвачена Д.Н.Альшицем и наполнена конкретным содержанием. Приведя ее, он пишет: «Именно так: в стране был установлен новый режим, который уже для того времени справедливо имено-

¹ Скрынников Р.Г. Иван Грозный. М., 2002. С. 201.

² См.: Володихин Д.М. Иван Грозный: Бич Божий. С. 141.

³ См.: Фроянов И.Я. Погружение в бездну (Россия на исходе XX века). СПб., 1999.

⁴ Шмидт С.О. 1) Становление российского самодержавства... С. 234; 2) У истоков российского абсолютизма... С. 256.

⁵ Шмидт С.О. 1) Становление российского самодержавства... С. 234; 2) У истоков российского абсолютизма... С. 257.

⁶ Шмидт С.О. 1) Становление российского самодержавства... С. 234; 2) У истоков российского абсолютизма... С. 257.

вать – царским. Установление самодержавия совершилось».¹ Полюбилась ему также идея об Опричнине как о верхушечном перевороте.² По мнению Д.Н.Альшица, в лице творца Опричнины царя Ивана IV «исторический процесс становления русского самодержавия нашел исполнителя, вполне осознавшего свою историческую миссию».³ У Д.Н.Альшица Опричнина «перестает быть порождением личной прихоти Ивана Грозного, кратковременным зигзагом его внутренней политики, не имевшим под собой каких-либо серьезных оснований, и находит свое место в качестве закономерного этапа становления и укрепления самодержавия».⁴ Этот тезис об Опричнине – «закономерном этапе становления и укрепления самодержавия» – находится в противоречии с названием статьи, откуда он извлечен: «Начальный этап истории самодержавия». Думается, этап становления и укрепления того или иного исторического явления не может быть его начальным этапом, но одним из последующих, если не завершающих. Другое дело, когда Д.Н.Альшиц определяет Опричнину как верхушечный государственный переворот, установивший новый самодержавный режим.⁵ Однако такой подход, связывающий возникновение самодержавной власти с учреждением Опричнины, характеризует, хотел того исследователь или нет, русское самодержавие как государственный институт, порожденный насилием и кровью, что, безусловно, бросает тень на историю России и Российского государства.

Печать перестроенного времени лежит на книге В.Б.Кобрин «Иван Грозный», изданной в разгар горбачевской Перестройки в 1989 году. Иван IV является у историка чуть ли не предтечей командно-репрессивного (или командно-административного) способа правления советской эпохи: «Вместо длительной и сложной работы по созданию государственного аппарата царь Иван пытался прибегнуть к самому “простому”, наиболее понятному методу: не делают то, что надо? – Приказать. Не слушаются? – Казнить. Чему удивляться, если даже в наше просвещенное время очень многие тоскуют по командно-репрессивным методам, наивно полагая, что если расстрелять 20 или посадить 200 жуликов из торговой сети, то все остальные немедленно начнут честную жизнь. Тем более понятен такой ход мыслей для людей средневековья».⁶ В.Б.Кобрин оспорил распространенное в исторической науке мнение об антибоярской сути Опричнины: «Опричнина не была антибоярским мероприятием. Более того, она даже не изменила структуру русского феодального землевладения».⁷ Размышляя по поводу причин учреждения

¹ Альшиц Д.Н. 1) Начальный этап истории самодержавия // Вопросы истории. 1985, № 9. С. 56; 2) Начало самодержавия в России. Государство Ивана Грозного. Л., 1988. С. 120.

² Альшиц Д.Н. Начало самодержавия в России... С. 111–112.

³ Там же. С. 111.

⁴ Альшиц Д.Н. Начальный этап истории самодержавия. С. 62.

⁵ Альшиц Д.Н. 1) Начало самодержавия в России... С. 108–120; 2) Иван Грозный: известный и неизвестный. От легенд к фактам. СПб., 2005. С. 152–161.

⁶ Кобрин В.Б. Иван Грозный. М., 1989. С. 58.

⁷ Там же. С. 112.

Опричнины, В.Б.Кобрин считал невозможным «решать вопрос об опричнине только через призму сумасбродства Ивана IV».¹ Ему, однако, думается, что Иван Грозный вряд ли «ставил перед собой большие государственные задачи, сомнительно, чтобы им реально руководили какие бы то ни было стремления, кроме укрепления личной власти. Но результат политики, да еще столь импульсивной, как у царя Ивана, часто оказывается непредсказуемым».² В.Б.Кобрин, подобно А.А.Зимину, видит результаты Опричнины в ликвидации последних остатков удельной системы (Старицкое княжество), независимого положения церкви и новгородского сепаратизма.³ В результате получилось, что «вне зависимости от желаний и намерений царя Ивана опричнина способствовала централизации, была объективно направлена против пережитков удельного времени».⁴

Проблему опричной политики и результатов ее В.Б.Кобрин рассматривал и в другой своей работе, написанной несколько ранее книги об Иване Грозном. Опричнина, полагал исследователь, «не посягнула на структуру феодального землевладения, не изменила тенденций его развития, хотя и произошло изменение в личном составе землевладельцев и в распределении земельной собственности. А.А.Зимин в свое время пришел к выводу, что опричная политика была не антибоярской и антикняжеской, а антиудельной. Проведенное исследование подтверждает это мнение. Гибель после опричнины полуудельных владений приюцких князей также свидетельствует, что политика опричнины была направлена против пережитков удельной системы. Казалось бы, этот вывод дает основание оправдать опричнину, признать ее прогрессивный характер. Думается, это было бы опрометчиво. Ведь борьба с пережитками удельной старины была запрограммирована всем объективным ходом развития страны. Но вести эту борьбу можно было разными методами. Лучший ли способ изживания следов удельного времени был избран при учреждении опричнины? Вряд ли. Ведь и политика Избранной рады вела к той же цели, но по-иному. Завершать централизацию страны можно было и “терапевтически” и “хирургически”. “Терапевтами” были деятели Избранной рады, осмотрительно и неторопливо проводившие глубокие преобразования. Быстрое же, нетерпеливое движение к уничтожению реликтов удельного времени – путь опричнины. Но для столь решительных акций царская власть тогда была еще слишком слаба: ведь у нее не было даже своего разветвленного аппарата. Местная администрация из рук кормленщиков, не заинтересованных в тщательном исполнении своих обязанностей <...>, была передана не чиновникам – агентам центральной власти, а выборным из местного населения (дворянства, посадских людей, черных крестьян). Именно противоречие между возможностями власти и ее амбициями, между ее реальной силой и жестокостью породило опричнину. В условиях XVI в. надеяться на быстрые результаты централизации можно было,

¹ Там же. С. 113.

² Там же.

³ Там же. С. 113–115.

⁴ Там же. С. 115.

только применяя террор. Но путь опричнины был более мучительным для народных масс, более разорительным для страны, а потому невозможно назвать прогрессивной террористическую диктатуру опричнины. Цель – усиление позиций царской власти – не только не оправдала средств, примененных для ее достижения, но и сама изменилась под их влиянием: те отвратительные деспотические формы, которые приобрело российское самодержавие, многим были обязаны опричнине». ¹ Так В.Б.Кобрин судил Ивана Грозного, признав его виновным во всех злодеяниях самовластья, причем на века вперед.

Не жаловал царя Ивана и Л.Н.Гумилев, полагавший, будто Опричнина «была создана Иваном Грозным в припадке сумасшествия». ² Главным содержанием ее «стали совершенно беспрецедентные и бессмысленные убийства ради убийства. Однако самая страшная и существенная этническая характеристика опричнины заключается в том, что и царь и его опричники были абсолютно уверены в благости чудовищных злодеяний». ³ Странное впечатление производит эта «этническая характеристика», мажущая грязью Россию, русский народ и его властителей. В Опричнине Л.Н.Гумилев наблюдал явление, характерное «для каждой антисистемы: добро и зло меняются местами». ⁴ Этот чисто субъективный подход к истолкованию Опричнины совершенно недостаточен для правильного разума опричной политики.

В новейшей историографии (1996–2006 гг.) находим целый kaleidoscope мнений насчет Опричнины, так или иначе восходящих к идеям предшествующих историков. Начнем обзор этих мнений с академической «Истории России», охватывающей период с древнейших времен до конца XVII века. В предисловии к данному изданию, написанному А.Н.Сахаровым, говорится: «Мы отдаем себе отчет в том, что наше поколение авторов и редакторов связано незримыми нитями со всей предшествующей историографией, с нашим индивидуальным исследовательским опытом, с определенными жизненными установками. Конечно, все это не может не отразиться на тексте издания. И все же время диктует новые подходы к истории, и мы полны желания ответить на этот вызов». ⁵ На вызов времени в той части книги, где речь идет об Опричнине, ответил В.Д.Назаров. Он писал: «В последние десятилетия фактические знания о событиях 1565–1572 гг. сильно расширились, но опричнина по-прежнему пребывает в разряде загадок. Концепция, сводящая ее к борьбе со Старицким уделом, новгородским сепаратизмом и церковью как объективными противниками централизации, мало кем разделяется. Стремление увидеть в ней сверхжесткий путь централизации можно принять, если только закрыть глаза на политическую форму ее осуществле-

¹ Кобрин В.Б. Власть и собственность в России (XV–XVI вв.). М., 1985. С. 159–160.

² Гумилев Л.Н. От Руси до России. СПб., 1992. С. 185.

³ Там же. С. 186.

⁴ Там же. С. 186–187.

⁵ История России. С древнейших времен до конца XVII века. М., 1996. С. 8.

ния. Непротиворечивое объяснение этого феномена сейчас вряд ли возможно. Но вот что реально – описать логику политических явлений в сцеплении внутренних и внешних факторов».¹ Описывая эту логику, В.Д.Назаров пришел к выводу: царю Ивану было ясно, что он имеет дело с «разветвленной изменой».² Казалось, историк должен был бы увидеть в Опричнине борьбу государя (пусть чересчур жестокою) с подобной изменой. Но этого не произошло, и В.Д.Назаров увидел в Опричнине «безумный эксперимент царя с целью определить, существуют ли на земле пределы его самодержавной власти».³ То был, по определению В.Д.Назарова, «кровавый зигзаг самодержавной монархии, когда она живет в тоталитарно-репрессивном режиме».⁴ Скажем прямо: мелковатый идейный улов для академического издания.

В другой «Истории России», написанной под руководством А.Н.Сахарова, Опричнина изображена репрессивной волной, сметающей на своем пути врагов Грозного, действительных и мнимых. Опричному войску царь пытался придать «видимость монашеского ордена». Дальше этих поверхностных мыслей автор соответствующего текста Л.Е.Морозова не пошла.⁵

Столь же скудны результаты исследования Опричнины, полученные Б.Н.Флорей. Переворот, рассчитанный на сосредоточение в руках Ивана Грозного «всей полноты власти в государстве» – так истолковал Б.Н.Флоря учреждение Опричнины, означавшей, по его мнению, «изменение всего традиционного политического устройства Русского государства».⁶

Легковесны и соображения насчет Опричнины М.И.Зарезина, который полностью отрицает какой бы то ни было ее позитивный смысл. Приведя соответствующие мнения С.Ф.Платонова, А.А.Зиминой, Р.Г.Скрынникова и С.О.Шмидта, он пишет: «Упомянутые нами исследователи опричнины, несмотря на несхожесть выводов, сходятся в одном, априори полагая, что программа Грозного нацелена на решение реальных проблем (или устранение реальных угроз), стоящих перед государством. Что бы ни предпринял Грозный, в его действиях непременно изыскивается некое рациональное зерно или даже “прогрессивное” начало. При такой “установке” анализ исторического материала, каким бы добросовестным он ни был, неизбежно превращается в поиск в темной комнате отсутствующей там черной кошки».⁷ М.И.Зарезин, называя Опричнину *революцией*, считает ее *катастрофой* для России.⁸ «Грозный и его опричная машина, – говорит он, – глубоко чужды России и всему русскому, отсюда неизбежность войны на уничтожение и ее крайне жестокий характер».⁹ По Зарезину, «опричнина, если сформулиро-

¹ Там же. С. 428.

² Там же. С. 431.

³ Там же. С. 438.

⁴ Там же. С. 440.

⁵ История России. С древнейших времен до начала XXI века. М., 2006. С. 269–271.

⁶ Флоря Б.Н. Иван Грозный. М., 1999. С. 173, 181.

⁷ Зарезин М.И. Последние Рюриковичи и закат Московской Руси. М., 2004. С. 239.

⁸ Там же. С. 341, 358.

⁹ Там же. С. 341.

вать ее суть одним словом, — это **Анти-Россия**».¹ Ему не открылось в Опричнине ничего иного, кроме «большой игры», «театра одного абсурда».² Царь Иван в его изображении — «идеалист, он привычно бежит в мир иллюзий, которыми, кроме прочего, руководствуется в практических делах. Он поднимает реальность умозрительным построениям, действительность — желаемому, совмещает несовместимое. Еще и поэтому таким жестоким и непримиримым становится конфликт между мечтателем Иваном и обществом, живущим “на земле”».³ Грозный у Зарезина — западник, причем западник своеобразный, тянущийся к европейскому блеску, но при этом относящийся к западному образу жизни равнодушно или даже враждебно.⁴ Посредством формальных и недостаточно продуманных сопоставлений М.И.Зарезин пришел к выводу о том, что «анабаптистское царство Иоанна Лейденского многими своими чертами поразительно напоминает российскую опричнину Иоанна Московского, а Мюнстер тех лет — Александрову слободу».⁵

На психологической основе рассматривал вопрос об Опричнине и С.Э.Цветков. Опричнина, как ему кажется, остается не понятой историками. Она «была не понята потому, что ее рассматривали как комплекс социально-экономических мер, в отрыве от личности Грозного — его характера, темперамента, склада ума, религиозной направленности всей его натуры. В результате ускользало главное — то, что опричнина есть не столько исторический или политический факт, сколько психологический феномен, то есть что ее создание и ее существование было обусловлено не теми или иными объективными потребностями общественного или государственного развития, а целиком — менталитетом царя».⁶

Эмоциями Грозного, возникшими первоначально на почве неудач в Ливонской войне, объясняет учреждение Опричнины А.Я.Дегтярев: «За каждым поражением виделся Грозному злой умысел подданных. Многие воеводы сложили в 60-е годы головы не на поле брани, а на царском дворе и московских площадях. Казни и ссылки стали буднями политической жизни. В такой обстановке многие бояре вольно или невольно задумывались — а не попытаться ли заменить безумно жестокого монарха? Ведь из царского рода жил и здравствовал не один Иван IV. Двоюродным братом Грозного был старичий князь Владимир Андреевич. Он так же, как и нынешний царь, внук Ивана III, правнук Василия Темного». И вот «глухое брожение боярства, бегство верных слуг, военные неудачи озлобили Грозного до предела. Мнительный царь надумал перейти к крутым и решительным мерам». Царь отрекся от престола и уехал из Москвы в Александрову слободу, откуда прислал грамоты митрополиту и «простым московским людям» с разъяснением своего поступка. «Так хитрым и лицемерным заявлением об отречении от престола

¹ Там же. С. 350.

² Там же. С. 340–344.

³ Там же. С. 342.

⁴ Там же. С. 341.

⁵ Там же. С. 345–346.

⁶ Цветков С.Э. Иван Грозный. С. 367–368.

Грозный добился общего признания его права на неограниченный произвол. Формой этого диктаторского произвола стала опричнина – созданное царем своеобразное государство в государстве».¹

Иногда у некоторых авторов Опричнина становится делом случая. Например, Г.Л.Григорьев полагает, будто у Соломонии Сабуровой (в иночестве Софии), первой жены Василия III, был сын, являвшийся соперником Ивана IV на царский престол. В целях борьбы с опасным претендентом Иван Грозный и учредил Опричнину.²

Однако в новейшей историографии предпринимаются попытки найти в Опричнине определенный исторический смысл, хотя и не вполне для исследователей постижимый. Так, А.Л.Хорошкевич, именуя Опричнину *страшным экспериментом*, говорит, что причины ее введения «до сих пор представляются во многом странными и до конца не ясными».³ Она устанавливает зависимость учреждения Опричнины от внешнего фактора, связывая это учреждение с неудачами на литовско-ливонском фронте, послужившими «причиной обострения внутривосточной обстановки в стране».⁴ Иван Грозный возлагал (как показывает А.Л.Хорошкевич, не без оснований) «значительную долю ответственности за внешнеполитические шаги, в том числе и неудачные, а соответственно и войны, которые он вел практически без перерыва, на бояр и приказных людей».⁵ Царь Иван «видел причины поражений и неэффективности военных усилий в “изменах” бояр, действительно не желавших воевать».⁶ Опричнина и явилась системой «внутривосточных мер для борьбы с предполагаемой изменой в среде феодалов, сопровождавшейся массовыми репрессиями, казнями, земельными конфискациями».⁷

С точки зрения внешнеполитической рассматривает Опричнину Д.М.Володихин, который видит «в опричнине военно-административную реформу, притом реформу ненужную и неудавшуюся. Она была вызвана сложностью военного управления в Московском государстве и, в частности, “спазмом” неудач на Ливонском театре военных действий. Опричнина представляла собой набор чрезвычайных мер, предназначенных для того, чтобы упростить военное управление, сделать его полностью и безоговорочно подконтрольным государю, а также обеспечить успешное продолжение войны. В частности, важной целью было создание крепкого “офицерского корпуса”, независимого от самовластной и амбициозной верхушки служилой аристо-

¹ Дегтярев А.Я. Избранные труды по русской истории. Т. 2. М., 2006. С. 342, 343. См. также: Дегтярев А.Я. Трудный век российского царства. Л., 1988. С. 65–66.

² См.: Григорьев Г.Л. Кого боялся Иван Грозный? (К вопросу о происхождении опричнины). М., 1998.

³ Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003. С. 5.

⁴ Там же. С. 394.

⁵ Там же. С. 413.

⁶ Там же. С. 416.

⁷ Там же. С. 415.

кратии. Борьба с “изменами”, как иллюзорными, так и реальными, была изначально второстепенным направлением действий и лишь с момента сведения св. митрополита Филиппа и начала Федоровского “дела” она разрослась, приобретя гипертрофированные масштабы». ¹ Д.М.Володихин сделал признание, что его концепция Опричнины «ближе всего к взглядам Виппера. С тем исключением, [что] Роберт Юрьевич относился к личности государя и воздвижению опричнины на порядок позитивнее, нежели автор этих строк». ²

Следует, наконец, упомянуть о существующей в исторической науке тенденции объяснения Опричнины религиозными и культурными мотивами. Так, в тесной связи со «смеховым миром» русской духовной культуры рассматривал (вслед за Д.С.Лихачевым и А.М.Панченко) Опричнину А.В.Юдин, обнаруживший в ней кульминацию «антиидеальности» Ивана Грозного, склонного к шутовству, маскарadu и пародии». ³

Непонятной и таинственной представляется А.Л. Никитину «пресловутая» Опричина, «наложившая трагический отпечаток на жизнь современников и на последующую историю страны». ⁴ По А.Л.Никитину, «у каждого времени есть свои загадки. Главной загадкой русской истории XVI века, отбросившей мрачную тень на все столетие, стала “опричина” Ивана IV. Она на века затормозила развитие русского общества, утвердила во всей его толще крепостничество и ввергла страну в последующее Смутное время раздоров и самозванцев на российском троне». ⁵ Выводы А.Л.Никитина о состоянии научных знаний об Опричнине весьма неутешительны: «Ни одна из выдвинутых до сих пор гипотез не объясняет совокупность всех известных в настоящее время фактов». Причину этих неудач он видит в том, что, «обладая фактами, исследователь не может проследить их причинно-следственную связь». ⁶ Допустим, это так. Но тем удивительнее опыт самого А.Л.Никитина, признающего (в том числе и для себя) загадочность (= непознанность) Опричнины, ее «тайное предназначение» и в то же время определяющего конкретные ее последствия для русской истории, т.е. устанавливающего причинно-следственную связь на пустом месте или выводящего знание из незнания. В отличие же от Опричнины, личность царя Ивана не является А.Л.Никитину какой-либо загадкой. «Я считаю, – говорит он с отменной самоуверенностью, – что Иван IV был трусом, психопатом, сатанистом, чудовищем в образе человека...». ⁷ Это «чудовище в образе человека» и создало секретное учреждение, именуемое опричниной, возникшей перед Никитиным «в виде двух взаимопроникающих и взаимообусловлен-

¹ Володихин Д.М. Иван Грозный: Бич Божий. С. 143–144.

² Там же. С. 348 (прим. 294).

³ Юдин А.В. Русская народная духовная культура. М., 1999. С. 274–276.

⁴ Никитин А.Л. Основания русской истории: Мифологемы и факты. М., 2001. С. 629.

⁵ Там же. С. 586.

⁶ Там же. С. 629.

⁷ Там же. С.623. См. также: Никитин А.Л. Точка зрения. М., 1985. С. 354–389.

ных структур. Первая из них представлена территориально-государственным аппаратом управления царским уделом, копирующим аналогичный аппарат “земщины”, вершиной которого служит “царский двор”, вторая – сращенный с верхушкой этого двора (но не тождественный ему) “орден кромешников”, который опирается на “корпус убийц”, выполняющих карательные и охранительные функции, и на опричное войско, никакого отношения к ордену не имеющее и точно так же возглавляемое царем».¹ А.Л.Никитин полагает, что эти его наблюдения позволяют ему «по-новому взглянуть на события 60–70-х гг. XVI в., увидев за “опричными реформами Ивана IV” не самоцель в виде первой внешней структуры управления “царским уделом”, а всего только средство для функционирования второй, внутренней структуры, какой был “орден кромешников”. Какие цели он преследовал, в результате чего возник и почему был уничтожен самим его создателем – на эти вопросы пока ответа нет и вряд ли они когда-либо будут получены».² Однако автор все же задается вопросом: «не имеем ли мы в данном случае дело с орденом поклонников Сатаны?»³ И он отвечает на данный вопрос утвердительно. Вот почему А.Л.Никитин рассматривает казни Грозного как «бесчисленные жертвоприношения сатане...».⁴ Что касается опричной политики, то она, оказывается, служила «средством обеспечения жизнедеятельности ордена, венчавшего пирамиду власти в России 60–70 гг. XVI в.».⁵ Так А.Л.Никитин превращает одного из самых верных стражей русского православия, каким был Иван Грозный, в слугу дьявола. Оригинально, но малоубедительно.

А.Л.Дворкину принадлежит книга «Иван Грозный как религиозный тип», где автор пытается исследовать происхождение и развитие теократической идеи первого русского царя, его политику по установлению «вольного самодержавства» в России. Согласно А.Л.Дворкину, миссия Грозного, как тот сам ее понимал, заключалась в создании теократического царства, но отнюдь не в византийском варианте. Историк пишет: «Следует помнить, что Иван – человек эпохи религиозных войн и теократических опытов. Так, Кальвин превратил Женеву в “Святой Град”, анабаптисты учредили в Мюнстере “Новый Иерусалим” <...>. Попытки осуществить на практике концепцию монарха как религиозного главы государства предпринимались в XVI столетии чаще, чем в любую иную эпоху. Обратим внимание, что то вновь были исключительно западные попытки. Разрабатывавшиеся свт. Макарием православные теократические концепции “Москва – Третий Рим” и “Москва – Новый Иерусалим”, связанные в глазах Грозного с покоренной (а следовательно, отвергнутой Богом) Византией, оказались глубоко чуждыми и не интересными ему».⁶ Вообще, по А.Л.Дворкину, «взгляд Ивана был в значи-

¹ Никитин А.Л. Основания русской истории... С. 643.

² Там же. С. 643–644.

³ Там же. С. 645.

⁴ Там же. С. 646.

⁵ Там же. С. 647.

⁶ Дворкин А.Л. Иван Грозный как религиозный тип... С. 135.

тельной мере устремлен в сторону Запада». ¹ Самодержец отличался «зачарованностью Западом». ² Русский царь «испытывал влияние идеологии, порожденной европейским Ренессансом, один из важнейших компонентов которой составляет наследие Макиавелли. Источником этого влияния могли быть как многочисленные контакты царя с людьми Запада, так и самостоятельное чтение». ³ А.Л.Дворкин находит немало точек соприкосновения между Иваном Грозным и Макиавелли. Разница между ними лишь в том, что «идеология Макиавелли откровенно секулярна; для Ивана же, полагавшего, что он в ответе за вечное спасение подданных, “волное самодержавство” превратилось в главное оружие Божественного домостроительства». ⁴ Поэтому «отсутствие в стране “волного самодержавства” — несомненный признак ереси». ⁵ А.Л.Дворкин считает, что единодержавие было для царя Ивана «предметом религиозной веры». ⁶ Что касается Опричнины, то ее Иван Грозный создал по западным образцам строительства орденов: «... опричнина была монашеским орденом (хотя и совсем особого рода), созданным (а точнее, синтезированным) Иваном IV по образцу более или менее известных ему западных духовных орденов — как чисто монашеских (орден Св. Доминика, Общество Иисуса), так и смешанного типа (рыцарские ордена)». ⁷ Роль же игумена, взятая на себя Грозным в опричном монашеском братстве, вполне соответствовала званию «великого магистра (гроссмейстера) известных рыцарских орденов». ⁸ Учреждая Опричнину государь, полагает А.Л.Дворкин, стремился восстановить в России истинное «самодержавство», спасти Державу и Церковь от губительных измен и ересей, обеспечить безопасность Царства и его торжество над всеми врагами. ⁹ Эти последние суждения А.Л.Дворкина об исторической роли Опричнины нам представляются весьма ценными, в отличие от тех, которые обнаруживают в поведении Ивана Грозного «зачарованность Западом» и подражание в опричном строительстве западным орденом образцам.

В область эсхатологии увел Опричнину А.Л.Юрганов, рассматривающий учреждение ее в тесной связи с эсхатологическими представлениями Ивана Грозного. По словам исследователя, Грозный «видел главную свою функцию в наказании зла “в последние дни” перед Страшным Судом. Мы никогда до конца не узнаем, в какой момент (хронологически) и почему царь решил начать опричнину. Одно можно сказать достаточно определенно: пассивно ждать он не мог в силу своей особой ответственности». ¹⁰ Поведение

¹ Там же. С. 126.

² Там же. С. 181.

³ Там же. С. 146.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 158.

⁶ Там же. С. 157.

⁷ Там же. С. 176–177.

⁸ Там же. С. 173–174.

⁹ Там же. С. 173, 175, 182.

¹⁰ Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. М., 1998. С. 380.

царя зависело «от напряженных ожиданий наступления 7070 г.» – гипотетического года Конца мира.¹ И вот «прошел 7070 год. Зло и беззаконие нарастают, каков же выход. Вся русская история, создавшая особый тип сакрализованной монархии, подвела его к мысли начать собственную борьбу со злом, как он его понимал».² Царь Иван учреждает Опричнину – «своеобразную мистерию веры, образ будущего на земной тверди. Опричные казни превращались в своеобразное русское чистилище перед Страшным Судом. Царь добивался полновластия как исполнитель воли Божией по наказанию человеческого греха и утверждению истинного “благодетельства” не только во спасение собственной души, но и тех грешников, которых он обрекал на смерть».³ Жесткую привязку А.Л.Юргановым «всех действий Грозного к эсхатологическим ожиданиям В.В.Шапошник признал «несколько искусственной», а точку зрения автора в целом – не вполне обоснованной.⁴

Сам В.В.Шапошник убежден, что «трудности, которые испытывает современная историография при рассмотрении событий XVI в., вернее при их интерпретации, при попытке определить, чем же были вызваны те или иные действия первого русского царя, требуют применения новых подходов. Представляется очевидной бесперспективность объяснений происходящего ссылками на необходимость борьбы с боярством, церковью или особым положением Новгорода в государстве. Ущерб, который понесло боярство, церковь, Новгород или уделы, был, видимо, не запланирован царем Иваном. Этот ущерб, если он был в действительности, являлся скорее побочным непредвиденным результатом решительных действий государя, направленных к достижению какой-то другой, остающейся пока в тени цели. Сама же цель, которая ставилась Иваном Васильевичем, вполне могла иметь не материальное выражение. В таком случае ключ к пониманию событий его времени лежит в сфере представлений Грозного о себе, о своей роли в жизни страны, о том, что об этой роли думало русское общество того времени. **Иными словами, объяснение событий лежит в духовной сфере.** При таком подходе главное внимание следует уделить личности самого царя, причем не только и не столько фактам его биографии, сколько его внутреннему миру».⁵ По мнению В.В.Шапошника, «на каждом этапе деятельности Ивана Грозного играли роль и рациональные факторы, но, как представляется, главное было не в них, а в религиозных представлениях царя, в его глубокой убежденности в своей правоте, в уверенности, что он лишь выполняет свой долг, несет обязательную службу. Так же как и все остальные должны нести свою – ради одного – Святой Руси».⁶ Грозный «завершил создание государства, основан-

¹ Там же. С. 369.

² Там же. С. 380.

³ Там же. С. 404.

⁴ Шапошник В.В. Церковно-государственные отношения в России в 30–80-е годы XVI века. СПб., 2002. С. 490–491.

⁵ Там же. С. 486–487. См. также: Шапошник В.В. Иван Грозный: Первый русский царь. СПб., 2006. С. 448–450.

⁶ Шапошник В.В. Церковно-государственные отношения в России... С. 500.

ного на началах обязательной службы (в том числе и самого царя)», доведя «до конца начатое его предшественниками – Московскими великими князьями».¹ Если это так, то главное внимание следует уделить все же не столько личности царя Ивана (хотя она и оставила глубокий след в событиях того времени), сколько общей работе по строительству русского православного царства, ставящей Грозного в один ряд с другими московскими великими князьями, и в первую очередь – с отцом Василием и дедом Иваном.

Иван Грозный был, безусловно, глубоко религиозным человеком. Тем большая необходимость прислушаться к словам истинно русского пастыря – митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна, способного (и в этом его неоспоримое преимущество как исследователя) основательнее и глубже, чем секуляризованные ученые-историки, понять смысл действий царя Ивана. Владыка Иоанн справедливо замечает, что накануне введения Опричнины под угрозой находилось само существование России.² Вот почему «опричнина стала в руках царя орудием, которым он просеивал всю русскую жизнь, весь ее порядок и уклад, отделял добрые семена русской православной соборности и державности от плевел еретических мудрствований, чужебесия в нравах и забвения своего религиозного долга. Даже внешний вид Александровской слободы, ставшей как бы сердцем суровой брани за душу России, свидетельствовал о напряженности и полноте религиозного чувства ее обитателей. В ней все было устроено по типу иноческой обители – палаты, кельи, великолепная крестовая церковь (каждый ее кирпич был запечатлен знаменiem Честнаго и Животворящего Креста Господня). Ревностно и неукоснительно исполнял царь со своими опричниками весь строгий устав церковный. Как некогда богатство, опричное служение стало формой церковного послушания – борьбы за воцерковление всей русской жизни, без остатка, до конца».³ Иван IV свершил дело своей жизни: «Россия окончательно и бесповоротно встала на путь служения, очищенная и обновленная опричниной. В Новгороде и Пскове были искоренены рецидивы жидовствования, Церковь обустроена, народ воцерковлен, долг избранничества – осознан».⁴

¹ Там же. С. 502–503. См. также: *Шапошник В.В.* Иван Грозный... С. 475.

² *Иоанн (Снычев)*. Самодержавие духа... С. 148.

³ Там же. С. 151.

⁴ Там же. С. 152. Д.М.Володихин, комментируя высказывания митрополита Иоанна об Опричнине, говорит: «Покойный митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн в широко известной книге “Самодержавие духа” заявил о позитивном значении опричнины... Эта книга получила широкую известность, к тому же нравственный авторитет митрополита Иоанна чрезвычайно высок. При всем том владыка Иоанн высказывается не по богословским вопросам, а по историческим, поэтому его архиерейское слово следует воспринимать в данном случае как мнение частного лица, пусть и весьма образованного, и высокого духом. Эта позиция обозначена публицистически: критика источников по царствованию Ивана IV книге довольно поверхностна. Гораздо важнее призыв смотреть на историю “очами веры”, с которым нет причин спорить» (*Володихин Д.М.* Иван Грозный: Бич Божий. С. 242–143). По-

Наш обзор отечественной историографии Опричнины подошел к концу. В исторической науке, как можно было убедиться из данного обзора, существует большое количество разноречивых мнений о причинах создания Иваном IV этого института. Не все они, конечно, обладают равной степенью убедительности. Наиболее бездоказательны и неубедительны, на наш взгляд, те из них, которые связывают введение Опричнины исключительно с личными свойствами Ивана Грозного, считая ее исторически неоправданной и бессмысленной. У нас нет никаких сомнений в том, что Россия шла к Опричнине, по меньшей мере, несколько десятилетий, во всяком случае, со времен Ивана III, когда нависла серьезная опасность над русской церковью и православной верой, опасность, чреватая гибелью Московского государства. С тех пор, как показывает проведенное нами исследование, эта опасность существовала постоянно, то усиливаясь, то ослабляясь. В середине XVI века она возникла с новой силой, угрожая уже всем фундаментальным основам Святорусского царства – самодержавию, церкви и православию. Наступление на «самодержавство» Ивана IV повела Избранная Рада, а также примыкавшая к ней часть боярства и связанное с ним дворянство. Удары по апостольской церкви и православной вере наносили вновь оживившиеся еретики, в том числе и отдельные представители духовенства. Следовательно, атака на Святую Русь развернулась по всему фронту. Деятельность этих антирусских сил вдохновлял и стимулировал католический Запад и гнездившиеся в нем всевозможные секты. Опасность до предела обострилась в связи с тяжелой и длительной Ливонской войной, в ходе которой против Руси объединилась, можно сказать, вся Западная Европа. Немало фрондирующих представителей княжеско-боярской знати и служилых людей стали на путь прямой измены и предательства. В результате Русское государство оказалось на грани национальной катастрофы. Митрополит Иоанн (Снычев), обращаясь к времени Ивана Грозного, богодухновенным чутьем своим пронзил тьму веков и ясно понял, что тогда «под угрозой находилось само существование России». Во имя спасения Святой Руси надо было решиться на чрезвычайные меры. Грозный решился и учредил Опричнину.

Можно бесконечно спорить по поводу того, верную ли форму борьбы с бесовщиной и крамолой применил царь. Важно другое – указать на эффективность ее. Было восстановлено скованное Избранной Радой и ее сторонниками царское самодержавие, являвшееся в тогдашних исторических условиях наиболее оптимальной организацией высшей власти. Защищена и очищена от ересей православная вера, и, следовательно, укреплена церковь. Иными словами, была спасена Россия, причем не только на тот момент, но и на несколько веков вперед. К сожалению, Иван Грозный до сих пор остается не понятым потомками. Однако некоторые современники царя Ивана, в част-

зиция владыки Иоанна обозначена, по нашему убеждению, не публицистически, а духовно, с глубоким проникновением в суть поведения в высшей степени религиозного человека, каковым был Иван Грозный. Духовные очи владыки видели несравненно дальше, чем куций взор светских историков, обделенных способностью религиозного познания.

ности иностранцы, хорошо сознавали, что удалось совершить русскому властителю. Генрих Штаден писал: «Хотя всемогущий Бог и наказал Русскую землю так тяжело и жестоко, что никто и описать не сумеет, все же нынешний великий князь достиг того, что по всей Русской земле, по всей державе (Regierung) – одна вера, один вес, одна мера! Все, что ни прикажет он, – все исполняется и все, что запретит, – действительно остается под запретом. Никто ему не перечит: ни духовные, ни миряне».¹

Итак, по Штадену, Русская земля едина, вера в ней одна, а власть самодержца – непререкаема. И то была правда. Но достиг всего этого своим упорством, целенаправленностью и великим христианским самопожертвованием царь Иван Васильевич Грозный, победивший дьявольские силы в их стремлении «потребить» Святую Русь.

Можно утверждать, что Святорусское Царство Грозный строил, сообразуясь с заповедями Нового завета, в частности с той, которая гласит: «Один Господь, одна вера, одно крещение (Еф., 4; 5). И в этом своем строительстве усматривал служение Богу.

¹ Штаден Генрих. Записки немца-опричника. М., 2002. С. 72–73.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Обозревая религиозно-политическую историю Руси конца XV – середины XVI века, исследователь обнаруживает ряд явлений, не утративших своей актуальности до сего дня. Эти явления характеризуют отношение Запада к России, вскрывают цели, преследуемые Западом в связи с Россией. То, что происходило тогда и происходит сейчас, вполне укладывается в известную формулу «Натиск на Восток», реализуемую по-разному в зависимости от конкретных исторических обстоятельств. На протяжении же указанного времени события разворачивались следующим образом.

В исходе XV века на пространствах Восточной Европы возникло мощное Русское государство, разорвавшее цепи иноземного ига и показавшее в русско-литовских войнах свою несокрушимость. После поверженной турками Византии оно стало оплотом православной веры и защитой апостольской церкви, поврежденной западным католицизмом и сектантством. Эту великую миссию Москвы русские умы постигли очень скоро. Старец Филофей, обращаясь к великому князю Василию III, говорил: «Старого убо Рима церкви падеся неверием аполинариевы ереси, второго Рима, Константинова града церкви, Агаряне секирами и оскордъми разсекоша двери, сиа же ныне третьяго, нового Рима, дръжавнаго твоего царствия святая соборная апостольская церква, иж в концех вселенныа в православной христианстей вере во всей поднебесней паче солнца светится, – и да весть твоя держава, благочестивый царю, яко вся царства православныа христианския веры снисдошася в твое едино царство: един ты во всей поднебесней христианом царь».¹ Стало быть, Россия превращалась во вселенское средоточие истинного христианства – православия. Враги православной веры поняли это еще раньше русских интеллектуалов.

Запад и сосредоточенные там антиправославные силы были очень встревожены появлением Русского единого государства, но взять Россию посредством военной силы не могли и потому навязали ей более изощренную форму войны – идеологическую войну, забросив сначала в Новгород, а затем и в Москву семена «ереси жидовствующих». По всей видимости, не случайно эта война была начата вскоре после падения Константинополя, завоеванного турками. То была спланированная акция, положившая начало организованному еретическому движению. Доверчивость русских людей, их неискренность в религиозных вопросах способствовали распространению ереси, которая быстро превратилась в серьезную угрозу основам православной веры и церкви, а в ближайшей перспективе – самодержавству, фундамент которого Иван III только что заложил. Ересь угрожала не только возникающей са-

¹ Библиотека литературы Древней Руси. Т. 9. Конец XV – первая половина XVI века. СПб., 2000. С. 300–302.

модержавной государственности, но и целостности молодого единого государства, поскольку являлась «проявлением центробежных сил в лоне рождающейся империи».¹ Становится ясно, что противников Москвы уже тогда беспокоило расширение ее государственной территории, и они приступили к первым, довольно своеобразным попыткам расчленения разрастающейся чуждой им страны.

Конъюнктура была тем более опасной, что еретики нашли сочувствие и поддержку у «Державного» – московского великого князя. Кроме государя, в дьявольские сети попали невестка великого князя Елена Стефановна Волошанка, глава посольского ведомства дьяк Федор Курицын, бояре Патрикеевы и (что особенно удивительно) митрополит Зосима, т.е. весьма влиятельные при великокняжеском дворе лица. Следовательно, план западных инспирированных ереси предусматривал использование в своих целях различных представителей светской и духовной власти. Позднее подобная тактика будет называться обволакиванием власти,² тогда как суть оставалась прежней: руками своих сознающих и не осознающих дело агентов решать поставленную задачу.

Особенно уповали и надеялись руководители ереси на благорасположение к себе и своему предприятию великого князя. На него, по всей видимости, в их игре делалась главная ставка. Тем самым отрабатывался прием, который потом станет нередко применяться подпольными силами в борьбе против неугодных политических систем: властью системы уничтожать саму систему. Тут можно напомнить и о Людовике XVI, который помогал установить во Франции ограниченную монархию, и о Николае II, вместе с известным Манифестом выпустившим из бутылки джина революции, и Горбачева, стараниями которого была погребена КПСС, а заодно с ней ликвидирован СССР – исторический преемник Российской империи.

Замыслы еретиков не сбылись. Отношение к ним Ивана III переменилось. Не произошли это, трудно сказать, «на каких путях могли тогда оказаться судьбы святой Руси».³ Эти слова Льва Полякова, больше прочих осведомленного, судя по всему, в секретах тайной мировой истории, звучат многозначительно. И все же случилось то, что случилось: еретиков изгнали из Кремля и подвергли жестокому наказанию. Заслуга разгрома ереси во многом принадлежит новгородскому архиепископу Геннадию и особенно преподобному Иосифу Волоцкому. Ими была добыта победа на незримом фронте и, надо сказать прямо, спасена Россия. Их подвиг можно смело уподобить подвигу Минина и Пожарского. Жаль, что значение св. Иосифа и владыки Геннадия в русской истории до сих пор не оценено в должной мере потомством.

Ересь была подавлена, но не уничтожена полностью. Она затаилась и снова оживилась в правление Василия III. Еретики по-прежнему возлагали надежду на великого князя, намереваясь воспользоваться его властью в соб-

¹ Поляков Лев. История антисемитизма. Эпоха веры. М.; Иерусалим, 1977. С. 359.

² См.: Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. М., 1990. С. 100.

³ Поляков Лев. История антисемитизма. Эпоха веры. С. 359.

ственных интересах, несмотря на то, что однажды на этом уже обожглись. Возможно, здесь сказывалось то, что еретиков тогда возглавлял Вассиан Патрикеев, входивший в еретическую придворную группировку конца XV века и не освободившийся от груза старых воспоминаний об отношении великого князя Ивана III к его братьям. Поначалу у Вассиана, казалось, все складывалось хорошо. Он сумел войти в доверие к Василию III и стать «временным человеком», т.е. временщиком, фаворитом московского князя. В Кремле Патрикеев пользовался огромным влиянием и властью, внушая страх окружающим больше, нежели сам государь Василий Иванович. Вместе со своими единомышленниками этот князь-инок побуждал Василия III к отторжению монастырской земельной собственности, возрождая «секуляризационно-«еретическое» движение» (термин С.М.Каштанова¹) в стране, разрушающее церковь и православное государство. Одно время великий князь сочувствовал экспроприаторским проектам Вассиана Патрикеева. Но затем отвернулся от него. Последовал соборный суд над сановным иноком. Вассиана судили как еретика и подвергли суровому наказанию. Так что и на этот раз замысел противников Святой Руси провалился. Ересь опять ушла в подполье. Но в середине XVI века она вновь «прозябе» на Руси, вдохновляемая, как и раньше, со стороны.

За истекшее время с момента суда над Вассианом Патрикеевым в 1531 году организаторы еретического движения многое обдумали и учли. Чтобы ересь действовала эффективнее, они дифференцировали ее на несколько направлений, приноротив свое учение к отдельным слоям русского общества той поры: духовенству (руководитель старец Артемий), служилым людям (руководитель сын боярский Матвей Башкин), холопству и крестьянству (руководитель бывший холоп Феодосий Косой). Намеченная дифференциация, конечно, условна. Но она, тем не менее, все же улавливается в поведении еретиков, которые уже поняли бесперспективность попыток использования самодержавной власти с целью достижения поставленных ими задач. Самодержавный государь, принимавший государственные решения, согласно известному выражению, «сам третьей у постели», т.е. по собственному усмотрению, оказался для них непредсказуем: сегодня он с ними, а завтра против них. Надо было поставить самодержца в определенные рамки, ограничив его власть.

В июне 1547 года на гребне народного восстания в Москве группа заговорщиков произвела государственный переворот, вследствие которого возле царя Ивана IV образовался круг советников, получивший наименование Избранная Рада. Люди, формально называвшиеся советниками царя, по существу являлись узурпаторами царской власти. Реально ограничивая «самодержавство» Ивана, они вели дело к созданию в России юридически оформленной ограниченной монархии наподобие той, что существовала в соседнем Польско-Литовском королевстве. Вожди Избранной Рады, как показывают факты, были связаны с еретиками. Есть основания говорить и об их загра-

¹ Каштанов С.М. Социально-политическая истории России конца XV – первой половины XVI в. М., 1967. С. 14.

нических связей. Можно, следовательно, утверждать, что программа партии Сильвестра – Адашева если не составлена, то, во всяком случае, согласована была на Западе. Она сводилась к религиозно-политическому переустройству России, в результате которого предусматривалась ликвидация русского самодержавия и замена его на аристократическую форму правления с царем-марионеткой, а также глубокое реформирование хранимой на Руси в неприкосновенности апостольской церкви и подновление в духе западного отступничества православной веры. Приготовлялись условия религиозно-политической, как сейчас выражаются, интеграции Руси с Западом. Иными словами, возникла угроза самому существованию русского православного царства. Опасность гибели России усугублялась тяжелой и продолжительной Ливонской войной, в которой русские сражались со всей, можно сказать, объединенной Западной Европой. В целях самозащиты и спасения Свято-русского царства Иван Грозный учредил Опричнину. Она дочиста вымела измену и крамолу, восстановила «самодержавство», защитила веру и церковь. Противники России убедились, что изнутри с нею не совладать. И тогда возник план военного вторжения в Россию, ее завоевания и расчленения. Ярким свидетельством тому служит разработка подобного плана, осуществленная Генрихом Штаденом.

Этот иностранец, сын бюргера из небольшого вестфальского городка¹ (стало быть, выходец из социальной среды, расположенной к протестантизму и другим ересям), попал на Русь по собственной воле, а не в качестве военнопленного.² В 1564 году он из Риги перебрался в Дербит, откуда был направлен Москву, где нашел хороший прием.³ Случайно ли самостоятельное появление иностранного гостя на Руси да еще в 1564 году, т.е. по горячим следам падения Избранной Рады и в канун введения Опричнины, характеризуемого обострением отношений Ивана Грозного с фрондирующим боярством и примкнувшим к нему церковным руководством? Если вслед за некоторыми историками усматривать в Штадене мелкого политического авантюриста, некультурного и необразованного человека,⁴ ответ здесь может быть один: он появился в России случайно. «Однако, – по верному наблюдению владыки Иоанна, – последующие события дают основание полагать, что он очутился в России вовсе не случайно. “Судьба”, занесшая Штадена в Москву, после этого вполне целенаправленно вернула его туда, откуда он приехал».⁵ Согласно догадке митрополита Иоанна, «Штаден, вероятно, имел задание на месте разобраться с внутривластной ситуацией в Москве и

¹ Скрынников Р.Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 60.

² Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 78.

³ Там же.

⁴ См., напр.: Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963; Альшиц Д.Н. 1) Начало самодержавия в России... С. 160; 2) Иван Грозный: известный и неизвестный. От легенд к фактам. СПб., 2005. С. 205–206; Скрынников Р.Г. Царство террора. С. 60.

⁵ Иоанн (Снычев). Самодержавие духа. Очерки русского самосознания. СПб., 1995. С. 137.

определить реальные возможности и перспективы антирусского политического союза».¹

Генрих Штаден покинул Россию в 1576 году. А в 1577–1578 гг. мы встречаем его уже в принадлежащем пфальцграфу Георгу Гансу эльзасском имении Люцельштейн в Вогезах за составлением записок (отчета) о своем пребывании в Московии. Надо иметь в виду, что этот пфальцграф строил планы завоевания Русского государства. «Немало энергии, – говорит Д.Н.Альшиц, – затратил он на сколачивание коалиции против Руси, старясь втянуть в нее Пруссию, Польшу, Ливонию, Швецию и Священную Римскую империю. Георг Ганс добивался у императора и на заседаниях рейхстага ассигнований на создание могучего флота на Балтике для похода в северные моря с целью нападения на русские владения».² Весьма вероятно, что Штаден по поручению Георга Ганса написал «Проект завоевания Русской земли», составивший первую часть его Записок. Не исключено участие в написании Проекта и самого пфальцграфа.³ Не думаем, что Проект был подготовлен по инициативе лишь двух людей: «мелкого авантюриста» Генриха Штадена и «авантюриста большого размаха» Георга Ганса. По-видимому, за ними стояли силы, предпочитавшие оставаться в тени. Именно они, надо полагать, направили Штадена в Россию, чтобы разузнать, позволяет ли обстановка внутри Русского государства начать военное вторжение в страну.

Изучив эту обстановку, западный лазутчик пришел к заключению, что она благоприятствует подобному вторжению, и представил свои соображения на сей счет. Но, как бы то ни было, мы знаем, что план завоевания России Генрих Штаден представил императору Священной Римской империи Рудольфу II. Данный план предваряет Прошение, где, в частности, говорится: «Покорнейшая моя просьба: оставить это мое послание при вашем римско-кесарском величестве, а мой проект хорошо обдумать и выполнить его, не упустив благоприятных обстоятельств. Но только – чтобы это мое описание не переписывалось и не стало общеизвестным. Причина: великий князь не жалеет денег, чтобы узнавать, что творится в иных королевствах и землях. И все это делается в глубокой тайне: наверное у него есть связи при императорском, королевских и княжеских дворах через купцов, которые туда приезжают; он хорошо снабжает их деньгами для подкупа, чтобы предвидеть все [возможные] обстоятельства и предотвратить опасность. Если он узнает об этом, он прикажет укрепить острогами и занять гарнизоном устья рек на описанном (Штадене. – И.Ф.) морском берегу».⁴ Расчет вестфальца, как видим, предусматривал внезапное нападение на Россию.

По Штадену, «чтобы захватить, занять и удержать страну [великого князя] – достаточно [иметь] 200 кораблей, хорошо снабженных провиантом; 200

¹ Там же.

² Альшиц Д.Н. 1) Начало самодержавия в России... С. 160; 2) Иван Грозный: известный и неизвестный... С. 207.

³ Альшиц Д.Н. 1) Начало самодержавия в России... С. 161, 163; 2) Иван Грозный: известный и неизвестный... С. 207, 210.

⁴ Штаден Генрих. Записки немца-опричника. М., 2002. С. 14.

штук полевых орудий или железных мортир и 100 000 человек: так много надо не для борьбы с врагом, а для того, чтобы занять и удержать всю страну».¹ Он уверен, что корабли со шкиперами и лоцманами, военное снаряжение легко можно позаимствовать у разных стран Западной Европы и ее торговых городов,² что выдает его уверенность в стремлении Запада покончить с Россией. Штаден советует императору заранее подумать о правителе покоренной Руси: «Ваше римско-кесарское величество должны выбрать одного из братьев вашего римско-кесарского величества в качестве государя, который взял бы эту страну и управлял бы ею».³ Ему представляется, что вторжение в Россию следует осуществить с незащищенного севера, со стороны Колы, Соловецкого монастыря, Холмогор, двигаясь в глубь материка вплоть до Москвы.⁴ На этом пути «города и деревни должны стать свободной добычей воинских людей».⁵ С пленными не церемониться: «Пленных, взятых с оружием в руках, надо увезти в империю <...>. Они должны быть закованы в кандалы и заключены по тюрьмам в замках и городах; их можно будет отпускать на работу, но не иначе, как в железных кандалах, залитых у ног свинцом...».⁶ Пленить необходимо и великого князя. Когда же он будет пойман, следует «захватить и его казну: вся она — из чистого золота и год от года умножалась стараниями прежде бывших князей; [захватить ее] со всеми великокняжескими коронами, скипетрами, одеяниями и своеобразными сокровищами, что собрали прежние великие князья, и с той великой казной, которую всеми правдами и неправдами собрал теперешний великий князь; [всю ее] захватить и вывести в Священную Римскую империю римского императора Рудольфа и сложить ее в сокровищнице. Серебряные же деньги, артиллерию и все, что надо для войны, необходимо оставить на месте. А великого князя вместе с его сыновьями, связанных, как пленников, необходимо увести в христианскую землю. Когда великий князь будет доставлен на ее границу, его необходимо встретить с конным отрядом в несколько тысяч всадников, а затем отправить его в горы, где Рейн или Эльба берут свое начало. Туда же тем временем надо свезти всех пленных из его страны и там в присутствии его и обоих его сыновей убить их так, чтобы они [т.е. великий князь и его сыновья] видели все своими собственными глазами. Затем у трупов надо перевязать ноги около щиколоток и, взяв длинное бревно, насадить на него мертвецов так, чтобы на каждом бревне висело по 30, по 40, а то по 50 трупов: одним словом, столько, сколько могло бы удержать на воде одно бревно, чтобы вместе с трупами не пойти ко дну. Бревна с трупами надо сбросить затем в реку и пустить вниз по течению. Пусть великий князь убедится, что никто не может надеяться на собственные силы и что все его просьбы и молитвы — лишь грех один!»⁷

¹ Там же. С. 23–24.

² Там же. С. 24–25.

³ Там же. С. 25.

⁴ Там же. С. 26–30.

⁵ Там же. С. 28.

⁶ Там же. С. 26

⁷ Там же. С. 31.

Помимо ликвидации власти великого князя, т.е. политического разгрома Руси, необходимо, по Штадену, произвести разгром религиозный: «Монастыри и церкви должны быть закрыты»;¹ «в дальнейшем наши церкви останутся, а русские разрушатся».² Проект Штадена предусматривал не только замену власти и религии в России после ее захвата, но и расчленение нашей страны: «Русскую землю, если угодно, чтобы лучше ею управлять, можно разделить на 2 или на 3 части, ибо она очень обширна...».³

Таким образом, план завоевания Русской земли, разработанный Генрихом Штаденом, включал, кроме самого завоевания, три главные задачи: 1) ликвидацию царской власти и установление власти оккупационной; 2) замену православия католической верой; 3) расчленение Русского государства. Возникает вопрос, насколько реальным являлся тогда этот план?

По мнению А.А.Зимины, то был «фантастический проект оккупации России».⁴ Д.Н.Альшиц воспринимает план Штадена как «грандиозную политическую авантюру».⁵ Несколько иначе смотрит на этот план А.Л.Хорошкевич: «В иностранной мемуаристике о России Штаден занимает особое место, поскольку его записки – фактически приложение к грандиозному плану завоевания этой страны германским императором. Поэтому его в первую очередь интересовал потенциал страны, на которую он пытался направить военную активность своего государя».⁶ Довольно буднично истолковал проект Штадена митрополит Иоанн (Снычев): «В общем, ничего нового. Призыв “дранг нах Остен” традиционно грел сердца германских венценосцев и католических прелатов».⁷

На наш взгляд, проект завоевания Русской земли Генриха Штадена является частью общего стратегического плана подчинения и уничтожения Руси, формировавшегося на Западе в течение столетий, особенно на протяжении конца XV–XVI века. Данный план предполагал различные формы и способы борьбы с Россией, в частности идеологическую войну, использование высшей власти посредством ее «обволакивания» своими людьми, проникновение во власть, как сейчас говорят, «агентов влияния» с целью ее изменения и перевода страны на иной путь социального и политического развития, наконец, прямое военное вторжение и завоевание с последующим расчленением страны. Штаден предложил последний крайний вариант, причем не случайно, поскольку ему предшествовали неудачи в осуществлении иных названных способов борьбы с Русским Православным Царством. Западу ничего не оставалось, как прибегнуть к такому крайнему варианту. Проект

¹ Там же. С. 28.

² Там же. С. 33.

³ Там же. С. 32.

⁴ Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. С. 78.

⁵ Альшиц Д.Н. 1) Начало самодержавия в России... С. 162; 2) Иван Грозный, известный и неизвестный... С. 209.

⁶ Хорошкевич А.Л. Россия в международных отношениях середины XVI века. С. 27.

⁷ Иоанн (Снычев). Самодержавие духа... С. 137.

военного решения проблемы, составленный Штаденом, не был фантастическим или авантюристическим, как считают некоторые историки. Можно, конечно, улыбаться над отдельными наивными деталями разработанного им плана, но в целом этот план был выполнимым, что со всей очевидностью подтвердило время Смуты в Русском государстве начала XVII века, когда Россия оказалась перед реальной перспективой утраты национальной независимости, завоевания и растаскивания по частям. Надо при этом сказать, что чисто военных средств для достижения поставленной Западом цели оказалось недостаточно. Завоевателям пришлось создавать «пятую колонну», олицетворяемую Семибоярщиной.

С тех пор и до нынешнего дня в методах борьбы Запада с Россией мало что изменилось. Упомянутые способы ее ведения оставались в принципе неизменными. Они лишь совершенствовались, не меняя своей сути. В зависимости от конкретных исторических условий применялся тот или иной способ, причем либо в отдельности, либо, если требовали того обстоятельства, — в разных комбинациях.

ПРИЛОЖЕНИЕ*

СТАЛИН И ГРОЗНЫЙ

«Царство без грозы, что конь без узды»

— Игорь Яковлевич, накануне 60-летия Победы высказывалась мысль, что пришла пора, наконец, воздать должное и Верховному Главнокомандующему генералиссимусу Сталину. А как вы относитесь к идее такой запоздалой исторической реабилитации?

— Лучше поздно, чем никогда. Восстановить доброе имя того или иного исторического деятеля подчас очень непросто. Ведь история полна аналогий, а сравнение с великими предшественниками может показаться «некомфортным» для ничтожных наследников московского трона. Может быть, поэтому в исторической науке, как ни в какой другой, так много клеветы, наветов и злобных вымыслов. Изготовленных под сиюминутный политический заказ. Особенно, на мой взгляд, не повезло двум крупнейшим фигурам русской истории: Иосифу Сталину и Ивану Грозному. Именно по отношению к ним потомки оказались столь же невежественны, сколь и неблагодарны.

Между тем заслуги этих людей просто неопенимы. Я утверждаю, что если Сталин трижды спас Россию, то Иван Грозный в свое время спас Россию в трех ее ипостасях.

— Это настолько противоречит устоявшимся взглядам, что давайте остановимся на этом тезисе поподробнее. И начнем со Сталина.

— По крайней мере две заслуги Сталина не оспариваются даже его врагами: победа над Германией во второй мировой войне (точнее, над объединенной Европой под предводительством Гитлера) и создание ракетно-ядерного щита в ответ на ядерный шантаж Соединенных Штатов в холодной войне. Это предопределило дальнейшее существование нашей страны как суверенного независимого государства.

Но была еще и третья победа Сталина, которая по достоинству не оценена нашими современниками: Сталин спас Россию от Троцкого и К°, которые вынашивали бредовые идеи мирового революционного пожара. Они собирались спалить Россию, используя ее в качестве запала мировой революции, и установить «новый мировой порядок» в виде «Всемирной республики Советов».

— То есть, в начале XX века Троцкий вынашивал те же самые планы, которые осуществили Горбачев и Ельцин в конце столетия?

— В принципе — да, но с различием конкретных обстоятельств. По существу, ведь тогда Троцкий и его единомышленники (как впоследствии Горбачев и Ельцин)

* Интервью корреспонденту газеты «Советская Россия» от 23 июня 2005 г.

пытались реализовать на практике один из вариантов «глобализации». Это прямо вытекает из троцкистской идеи «перманентной революции».

Сталин же, условно говоря, «национализировал» Октябрьскую революцию, осуществив план построения социализма в отдельной стране. И эта национализация сохранила Россию как субъект мировой истории.

Таким образом, в первой половине XX века трижды гибель грозила нашему государству, и все три ситуации требовали от правителя России колоссальной государственной воли, прозорливости и мужества для принятия правильного решения. И на этих трех перевалах российской истории Сталин действительно предстает как выдающийся государственный деятель.

— Да, получается как в известной притче. Чем отличается небесный Спаситель от земного? И того, и другого вспоминают в минуту смертельной опасности. Различие же в том, что, едва миновала опасность, о Боге забывают, а героя втоптывают в грязь. Отчего же народ так несправедлив к своим спасителям?

— Виноват не народ, а те, кто присвоил себе право говорить от его имени. Я имею в виду известного рода политиков, придворных историков и беллетристов от истории. Как я уже говорил, историческая наука во все времена была очень политизирована и зависела от господствующих политических взглядов. Поэтому не стоит удивляться, что в отечественной историографии конца XIX — начала XX столетия в основном был в моде либерально-западнический подход к событиям русской старины.

Беда лишь в том, что чужим аршином русской истории не измерить. Россия не Европа, к России и к русским правителям история предъявила совершенно иной счет. На нашу страну накатывались волны вражеских нашествий то с юга, то с запада, то с востока. Причем каждое такое нашествие ставило вопрос: быть или не быть России?

По этой причине в средневековой Руси сложился совершенно иной тип общественных отношений: не «договорные», не «правовые», а — «служебные». «В службе — честь!» и «Служить до смерти» — вот принципы, которыми руководствовались все сословия средневековой Руси. А из гражданских прав у всех сословий было только одно неоспоримое право — сложить голову за свою Родину.

Русский же царь воспринимался лишь как первый слуга Отечества. И свою царскую миссию он рассматривал как служение Богу, своей стране и своему народу. Вот как это сформулировал Иван Грозный в своем втором послании князю Курбскому: «Ничем я не горжусь и не хвастаюсь и ни о какой гордости не помышляю, ибо я исполняю свой царский долг и не делаю того, что выше моих сил».

Далее в том же послании, опровергая клевету Курбского о жестокостях царя, Иван Грозный пишет о себе: «Никаких козней для истязания христиан мы не придумываем, а напротив, сами готовы пострадать ради них в борьбе с врагами не только до крови, но и до смерти».

И это были не пустые слова. Да, русские государи порой бывали суровы, но так же суровы они были в первую очередь к себе, к своей семье и к своим близким. Все подчинить службе — таков принцип. И даже родственные чувства не заслоняли этого принципа, государи русские в первую очередь думали о благе подданных, а не об интересах своих близких. Таков был царь Иван, таков был и Сталин.

— Вы, видимо, имеете в виду знаменитый ответ Сталина на предложение немцев обменять его сына Якова, попавшего в плен, на фельдмаршала Паулюса? Ведь Сталин тогда якобы сказал: «Я солдата на фельдмаршала не меняю».

— Я не знаю. была ли такая фраза произнесена дословно, — ведь немцы, говоря, просили в обмен на Якова не Паулюса, а попавшего в плен немецкого лейтенанта, родственника Гитлера. Но это детали, а смысл ответа Сталина легенда воспроизводит точно: ни родственникам, ни близким друзьям никаких привилегий по сравнению с другими подданными. В этом отношении Сталин продолжал традицию жертвенного служения России, заложенную еще царем Иваном Грозным.

Вот подобный, тоже очень характерный эпизод из далекого прошлого. Один из любимых опричников царя, Василий Грязной, по своей неосторожности угодил в плен к татарам. Татары запросили за него 100 тысяч рублей (по тем временам — колоссальная сумма) или обменять его на пленного татарского военачальника Дивея. В ответ на это царь Иван посылает Василию Грязному такой ответ: «Писал ты, что за грех взяли тебя в плен, так надо было, Васюшка, без пути средь крымских улусов не разезжать; а уж как заехал, не надо было спать...». То есть —сам виноват, что попался, и нечего на Бога кивать.

А далее царь пишет, что уж так и быть, тысячи две он за него выкуп даст, а больше — ни-ни! Про 100 тысяч — и не думай! И то дорого, так как раньше за таких, как Грязной, по пятьдесят рублей давали.

Отдавать же татарского военачальника Дивея в обмен на своего любимца Василия Грязного царь Иван и вовсе не собирается, и вот почему. Царь Иван пишет: «И тебя ведь на Дивея выменять не на пользу христианству — во вред христианству: ты один свободен будешь, да приехав, лежать станешь из-за своего увечья, а Дивей, приехав, станет воевать да несколько сот христиан получше тебя пленит. Какая в том будет польза?»

Полное подчинение своей личности служению Отечеству — это давняя традиция русского самодержавия, и наиболее ярко она воплотилась в деятельности Ивана Грозного, Петра Великого и Иосифа Сталина.

— Однако вы сейчас назвали самые жестокие фигуры русской истории, которые у современного человека ассоциируются с массовыми репрессиями и беспощадным террором.

— Это происходит от подмены понятий «грозный» на «жестокий», которые не равнозначны друг другу. Прозвание «Грозный», на мой взгляд, применимо и к царю Ивану Васильевичу, и к императору Петру Алексеевичу, и к генеральному секретарю Иосифу Виссарионовичу.

Но быть грозным для врагов государства — это долг царский. Вот как об этом пишет царь Иван Васильевич своему политическому оппоненту Курбскому: «Как же ты не смог этого понять, что властитель не должен ни зверствовать, ни бессловесно смиряться?» И далее в том же первом послании царь Иван Васильевич пишет: «Ибо всегда царям следует быть осмотрительными: иногда кроткими, иногда жестокими: добрым же — милосердие и кротость, злым же — жестокость и муки. Если же нет этого, то он не царь. Царь страшен не для дел благих, а для зла. Хочешь не бояться власти, так делай добро; а если делаешь зло — бойся, ибо царь не напрасно меч носит — для устрашения злодеев и ободрения добродетельных».

Надо сказать, что именно те государи российские, которые так понимали свой долг и исповедовали принцип «противодействия злу силой», — вот именно эти люди, эти выдающиеся политические деятели оказались жертвами посмертных политических наветов. Они были оклеветаны и обогланы впоследствии историками либерально-западного толка.

И в первую очередь имена этих государственных деятелей нуждаются в исторической реабилитации. Эта реабилитации нужна даже не столько лично царю Ивану, сколько нам, живущим на переломе истории. Сегодня Россия вновь стоит на историческом перекрестке и решает: какую дорогу избрать? И от того, кого из исторических деятелей сегодня русское общество возьмет за образец — князя Курбского или царя Ивана, «иудушку» Троцкого или генералиссимуса Сталина, — зависит судьба России.

И ведь что примечательно — потоки грязи на Грозного или на Сталина, в основном, выливали их неблагодарные потомки. А большинство современников с пониманием относилось к их деятельности. Вот, в частности, что писал по этому поводу современник Ивана Грозного: «Не мочно царю без грозы быти: как конь под царем без узды, тако и царство без грозы».

Поэтому я полагаю, что в исторической реабилитации нуждается сам тип «грозного русского государя» — грозного для врагов и любимого народом.

А традиция подобного народного царя в отечественной истории начинается именно с Ивана Грозного и заканчивается Сталиным. Грозный и Сталин — это два маяка русской истории, которые отмечают начало и конец героического периода нашей истории — время, когда грозной для врагов стала сама наша страна.

«Иван, ты неправ...»

— И все же, боюсь, репутация царя Ивана уже так подмочена кровью, что тут не помогут никакие ссылки на «историческую необходимость».

— Не понять ни той эпохи, ни личности самого Ивана без анализа событий предшествующих времен Ивана III и Василия III. На мой взгляд, мы имеем дело с единым историческим периодом, который датируется концом XV—серединой XVI века, вплоть до введения Опричнины.

Между тем современные историки, в том числе заслужившие репутацию знатоков эпохи Ивана Грозного, пытаются разорвать живую связь времен. Один из них, например, утверждает, что только исследование второй половины XVI века позволит дать ответ на вопрос о «сущности репрессивного режима опричнины и значении террора с точки зрения исторических судеб страны». Это не так. Подобное хронологическое ограничение может дать все что угодно, только не правду об Иване Грозном.

В чем же общая основа периода, датируемого концом XV—серединой XVI века? В это время в нашей стране исключительно остро развернулась религиозно-политическая борьба, которая определила дальнейшую судьбу России.

Дело в том, что в 1471 году в Новгород по приглашению новгородцев прибыл на княжение литовский или, точнее, литовско-русский князь Михаил Олелькович. В его свите находился некий Схария. Вслед за Схарией приехали в Новгород и его

единомышленники (Моисей Хануш, Иосиф Шмойло и пр.). Вот эти люди и посеяли в Новгороде еретическое учение, которое и в летописях, и в исторической литературе получило название «ереси жидовствующих». Впервые это определение, кстати, дал Иосиф Волоцкий, впоследствии причисленный Русской православной церковью к лику святых.

Эта ересь уже через несколько лет стала серьезной угрозой для всего русского государства.

— Неужели московское царство готово было рухнуть от одной только чужой идеологии? Похоже, наши пращуры были не очень-то крепки в своей вере.

— Не судите их столь строго. Потому что чуждая идеологическая начинка была подсунута им в привычной христианской упаковке. Не мудрено, что на нее попались многие простые священники, не искушенные в богословских тонкостях.

Вообще, историки не пришли к единому мнению — что же скрывалось тогда за «ересью жидовствующих»? Высказывались разные точки зрения. Некоторые авторы с гордостью писали, что на самом деле через Новгород в нашу страну проникало протестантское вероучение и что, таким образом, Реформация в России началась даже раньше, чем в Западной Европе. Мне такие утверждения кажутся большой натяжкой. Неверно и мнение, что якобы Схария в Новгороде просто проповедовал иудаизм. Эту ересь нельзя отождествлять с иудаизмом.

Я думаю, что прав был историк-эмигрант Карташев, который писал про «ересь жидовствующих» так: «Это было вольномыслие под еврейским соусом».

Но надо признать, что это было опасное по своей сути учение. Приверженцы ереси отдавали предпочтение Ветхому Завету перед Новым Заветом, отвергали Святую Троицу, не верили в божественную природу Господа нашего Иисуса Христа, смеялись над поклонением иконам, мощам и другим святыням, ополчились на монастыри и церковнослужителей. Словом, это была критика самих основ Православия с оттенком иудаизма.

— Да это просто какое-то собрание членов «Союза воинствующих безбожников»! Колокола они, часом, не срывали? Церкви не рушили?

— Нет! Как выяснилось позже, они метили выше — разрушить русское государство. Из «ереси жидовствующих» вытекали реформы, направленные прежде всего на изменения традиционного государственного строя Московской Руси и в первую очередь отношений между церковью и государством. К концу XV века главным нервом русского государства была неразрывная связь трех звеньев: самодержавия, церкви и православной веры. Стало быть, когда еретики целились в церковь, то всякий раз они наносили удар и по государству. Таким образом, объективно проповедь ереси должна была привести к разрушению всей политической системы русского общества.

Но вот ведь в чем дьявольская изобретательность этих людей: в своих целях они использовали великокняжескую власть, более того, публично они выступали за укрепление самодержавной власти!

— Ну, здесь просто напрашивается аналогия с перестройкой: «Больше социализма!» тогда кричали именно те, кто этот социализм больше всего и ненавидел. Кстати, подвижники «нового мышления» использовали тот же принцип: нападая на КПСС, они метили в Россию.

— Видимо, приемы идеологической войны мало изменились за последние 500 лет. Вот и тогда, пять веков назад, проповедники ереси в первую очередь стремились распространить свое учение среди духовенства — идеологических, так сказать, работников средневековой Руси.

Но именно эти-то попы и подвели своих иноземных патронов. Ведь идеологи ереси рассчитывали, что распропагандированные ими рядовые батюшки образуют некое подобие тайного общества и будут в тайне вербовать своих новых сторонников. При этом, чтобы не возбуждать подозрений, вовлеченным в ересь предписывалось на людях соблюдать все православные обряды.

— Ну, точь-в-точь — двоемыслие столичной интеллигенции накануне перестройки: прилюдно они истово исповедовали ортодоксальный марксизм, а в своем кругу, втихаря, сладострастно пересказывали друг другу передачи радио «Свобода».

— Тогда, полтысячи лет назад, иностранных конспираторов подвело незнание русской специфики: вовлеченные в ересь попы выболтали все тайны, как часто бывает на Руси, «по пьяному делу». Напились и, как выражается современник, «стали урекатися», то есть спорить в присутствии непосвященных.

Понятно, что об этом вскоре стало известно новгородскому архиепископу Геннадию. Он отреагировал очень быстро — произвел дознание и оповестил об этом Москву. Но — тщетно! Москва молчала.

— Ну, все совсем как у нас в 80-е годы!

— Оказалось, что ересь уже успела пустить глубокие корни в московских верхах. Сам великий князь Иван III сочувствовал еретикам. Он даже перевел в Москву из Новгорода двух основных проповедников ереси, и, как сказали бы сегодня, назначил их на ответственные посты в центральном идеологическом аппарате: протопопа Алексея сделал протопопом Успенского собора — главного тогда, митрополитского храма Кремля, а Дениса — протопопом другого кремлевского собора — Архангельского.

При этом для великого князя отнюдь не составляли секрета идейные шатания этих протопопов. Что касается Алексея и Дениса, то они просто-напросто изъявили желание «обрезаться», то есть даже формально принять новую веру. От этого шага их удержали главы ереси, резонно указав, что если случится дознание, то уж от такой очевидной улики отвертеться не удастся. Тем не менее Алексей в кругу своих единомышленников стал зваться Авраамом, а жена его — Сарой. И вот этот Алексей-Авраам стал служить в главном кремлевском соборе.

В это время в среде высшей кремлевской бюрократии уже образовалось целое еретическое сообщество под покровительством самого великого князя. В это сообщество входили: посольский дьяк (министр иностранных дел) Федор Курицын, невестка царя Елена Волошанка, видные представители московской бюрократии — дьяки Истома, Сверчок и другие, — а также князь Ряполовский — видный политический деятель того времени, и князя отец и сын Патрикеевы.

Эта группа еретиков вынашивала планы захвата власти, для чего они собирались посадить на престол Дмитрия — сына Елены Волошанки и покойного Ивана Молодого.

То был момент, который мог стать переломным для всей дальнейшей исторической судьбы России. Не случайно весьма осведомленный в некоторых историчес-

ких тонкостях современный историк Лев Поляков в своем фундаментальном труде «История антисемитизма» пишет: «В течение длительного времени было похоже, что благосклонность Ивана III распространялась на партию Елены и Дмитрия». А дальше Л. Поляков ставит очень характерный вопрос: «На каких путях в таком случае могли оказаться судьбы Святой Руси?»

Таким образом, в конце XV века в спорах о догматах веры решался вопрос об исторической судьбе нашей страны.

— Но если действительно в нашу страну в то время был занесен извне идеологический вирус, то почему для этого был выбран именно конец XV века?

— А что это был за исторический момент — конец XV века? Это было время, о котором К. Маркс писал, что изумленная Европа обнаружила на своей восточной окраине появление мощного государства. То есть с этого времени Россия выходит на международную арену как мощная мировая держава. Естественно, наши европейские соседи занервничали и отреагировали, как умели. Именно с «ереси жидовствующих» начинается систематическое наступление Запада на Россию, которое попеременно принимало форму то «холодной», то — «горячей» войны.

И «ересь жидовствующих», на мой взгляд, была первым опытом информационно-психологической агрессии против нашей страны. Скажу больше, то была первая попытка взорвать Россию изнутри.

К счастью, в конце XV — начале XVI века еретиков удалось подавить. Это произошло, в основном, благодаря усилиям архиепископа Новгородского Геннадия и, особенно, настоятеля Волоколамского монастыря Иосифа Волоцкого. Они мобилизовали общественное мнение, подняли мощную волну протестов и недвусмысленно обличили Ивана III в попустительстве еретикам.

— То есть и тогда нашлись люди, которые сказали царю: «Иван, ты не прав»?

— Да, и я бы этих людей назвал великими героями отечественной истории, спасшими страну и народ.

Попутно тогда удалось разрешить и еще один важный для русского общества вопрос: какие меры использовать для борьбы с ересью? Мнения по этому поводу тогда разделились. Так, крупный духовный авторитет Нил Сорский призывал вступать с ними в диалог и увещевать исключительно словом. Иной позиции в отношении еретиков придерживался архиепископ Геннадий, он требовал: «Только жечь и вешать!» После долгих колебаний Иван III поддержал последнюю точку зрения.

Таким образом, впервые на Руси был осуществлен принцип, что «ересь должна подавляться не словом, а силой». Словом с ней мало что можно было поделать, поскольку еретики очень искусно маскировались под православных. Жизнь, на мой взгляд, доказала правоту митрополита Геннадия и преподобного Иосифа Волоцкого. Ересь тогда удалось подавить.

«Дело кремлевских врачей»

— Однако окончательно ересь на Руси так и не удалось вывести?

— Увы, этот идейный вирус оказался очень живучим, а русский человек — доверчивым. И хотя в начале XVI века главные еретики были казнены, но с самой

ересь отнюдь не удалось покончить. Еще очень много скрытых приверженцев ереси оставалось в высших эшелонах власти.

Ересь ушла в подполье и время от времени давала о себе знать. Причем буквально рядом с тронем. Так, при Василии III (сыне Ивана III) большую власть и влияние на государя приобрел Вассиан Патрикеев — видный приверженец «ереси жидовствующих». Он еще в прежнее правление, можно сказать, приобрел статус «жертвы политических репрессий», поскольку в наказание был вместе с отцом насильно пострижен в монахи и отправлен в один из заволжских монастырей. Что, впрочем, не помешало ему вернуться в Кремль при новом великом князе и стать его фаворитом.

Однако и на этот раз ересь была подавлена, а Вассиан Патрикеев решением соборного суда оказался в темнице Волоколамского монастыря, где, по-видимому, и умер.

Вскоре после этого очередного разгрома ереси Василий III скончался, причем при загадочных обстоятельствах. У него появилась болячка на «стегне» (бедре). Его стали лечить иностранные лекари и «залечили» до смерти. Во всяком случае, такое мнение сложилось у современников.

Создается впечатление, что смерть шла за государем буквально по пятам. Когда он уже больной возвращается в Москву, для него через Москву-реку наводят мост — и этот мост, по непонятной причине, подламывается как раз под царскими санями.

Непонятно также, почему, когда больной Василий III возвращается в Москву, туда уже собралось большое количество иностранных дипломатов и всякого рода иноземных гостей, будто кто-то заблаговременно оповестил их о грядущей княжеской кончине. После смерти великого князя возникла молва, что его отравили.

— «Дело кремлевских врачей»?

— Дела» не было, но были загадочные смерти, «странные» случаи.

Начну с Ивана Молодого. Иван Молодой (сын Ивана III) страдал ногами. Лечить его взялся иностранный лекарь, некий «мистро Леон». После каких-то примочек Иван Молодой умер. Кому это было выгодно? Это было выгодно еретической партии Елены Волошанки, поскольку открывалась возможность посадить на престол сына Волошанки — юного Дмитрия.

Василия III, как мы уже говорили, похоже, тоже кто-то намеренно отправил на тот свет. Кому это было выгодно? Это было выгодно удельным князьям, которых поддерживали еретики. Мало кто сомневается в том, что мать Ивана Грозного Елена Глинская была отравлена. Кому это было выгодно? Это было выгодно Владимиру Старицкому и его матери, которые дружили с еретиками.

Летом 1553 года произошла новая «случайность»: нянька уронила в реку первенца Грозного — младенца Дмитрия, и он захлебнулся. Выгодно это было врагам Грозного.

А дальше все та же история: жена Ивана Грозного Анастасия отравлена, сам Грозный тоже, скорее всего, был отравлен (после его смерти ходили такие слухи), царевич Дмитрий погиб в Угличе при странных обстоятельствах. Историки допускают, что и царь Федор Иванович умер не своей смертью.

Не слишком ли много «случайностей»? Не охота ли это на московских правителей?

Но вернемся, как говорил летописец, «на прежнее».

Важно отметить, что к моменту воцарения Ивана Грозного ересь в московских верхах отнюдь не была истреблена, она лишь затаилась и ждала своего часа. После воцарения юного монарха вокруг него тоже продолжалась цепь загадочных «случайностей».

Сам Иван был венчан на царство в январе 1547 года, то есть спустя 1,5 года после достижения совершеннолетия (совершеннолетними тогда считались достигшие 15 лет). Значит, какая-то группировка была настолько могущественна, что целых полтора года этому сопротивлялась.

После венчания Ивана IV на царство в Москве последовали пожары, и есть свидетельства, что причиной их были поджоги. Возбужденная толпа, искусно направляемая подстрекателями, убила родственника царя боярина Глинского и направилась к Ивану — у молодого царя сложилось впечатление, что хотели убить и его.

Во время этого пожара чуть было не погиб очень близкий к молодому царю человек, выдающийся духовный деятель митрополит Макарий. Его сперва хотели укрыть от огня в тайнике. Но там, как пишет летописец, «был жар велик». Однако почему-то другие люди нашли укрытие в этом тайнике и «жар велик» для них оказался не помехой. А Макария стали спускать с кремлевской стены на веревках, веревки оборвались и один из самых верных сподвижников молодого царя едва не погиб.

Уж очень много странных совпадений.

— Если я правильно догадался, то «грозным» молодого царя сделали эти первые впечатления от «хождения во власть»? Царь ожесточился и стал казнить направо и налево?

— Такая точка зрения имела место в отечественной историографии. У нее только один недостаток — она не имеет ничего общего с историческими фактами. А они свидетельствуют, что страдания народа, пожары, неурядицы, загадочная гибель близких людей не прошли бесследно — на молодого царя все это действительно произвело очень большое впечатление. Даже много лет спустя царь Иван говорил об этом так, словно это было вчера: «И от этого вошел страх в душу мою и трепет в кости мои...».

Но вопреки распространенному историческому мифу юный царь не ожесточился и не озлобился. Дальше он продолжает: «...и смирился дух мой и умилился, и познал свои согрешения и прибег к святой соборной апостольской церкви и припал к Божию человеколюбию и к пречистой Богородице и ко всем святым».

И это не пустые слова: «...припал к Божьему человеколюбию», потому что в это время в молодом царе действительно произошел нравственный переворот и духовный подъем — об этом имеются многочисленные исторические свидетельства. Иван решил как царь «свести всех людей в любовь». Его душа была открыта добру и любви к ближним. Последовали «Соборы примирения», на которых все, даже заклятые враги, прощали друг другу обиды и объединялись для новой жизни.

Обратите внимание — это важный момент. Ведь когда и Грозного и Сталина сегодня мажут черной краской, то макают кисть в одно и то же ведро: и того и другого в наше время силятся изобразить параноиками и едва ли не буйно помешанными, которые, дескать, творили жестокости вследствие своей больной психики.

— То есть и Сталина, и Грозного сегодня стремятся посмертно запихать в психбольницу? В XX веке это называлось «карательная психиатрия».

— Да, и таким образом, стремятся принизить значение этих исторических фигур. На самом же деле, как я уже говорил, Иван Грозный был глубоко религиозным человеком и, исповедуя принцип христианского всепрощения, он очень часто «отпускал вину» даже своим самым заклятым врагам.

А карал он отнюдь не по личной злобе, а по суровой государственной необходимости. В это время рядом с царским тронном вновь поднимает голову ересь, своим происхождением связанная с «ересью жидовствующих».

Именно с этой опасностью, помимо прочего, была связана и карательная экспедиция Ивана в Новгород, и политика «Избранной рады» (кружка ближайших советников царя, стремившихся ограничить власть самодержца), и интрига, связанная с попыткой посадить на престол двоюродного брата царя — Владимира Андреевича Старицкого.

Именно при дворе Владимира Старицкого находили приют и убежище еретики. Там, по существу, образовалось целое еретическое гнездо, а дворяне Борисовы — родственники Владимира Андреевича по материнской линии — были видными деятелями ереси.

Вот перед лицом явной угрозы Самодержавию и Православию царь Иван восстал против своих бывших «друзей», которые, по всей видимости, тайно покровительствовали еретикам. И с этого времени царь Иван открыто и решительно встал на защиту трех святынь, на которые покушались еретики: на защиту Самодержавия, Церкви и Православия. И вся дальнейшая деятельность царя Ивана проникнута пафосом этой борьбы. И его репрессии, и учреждение Опричнины невозможно понять, если не принимать во внимание борьбу Ивана Грозного за чистоту веры, за укрепление самодержавного, то есть независимого и суверенного, государства, борьбу царя Ивана за Святую Русь. Это же царь Иван завещал и своим сыновьям («Духовная», 1572 год): «То всего больше знайте — православную христианскую веру держите крепко, за нее страждите крепко и до смерти».

— Какая-то на Руси сложилась печальная закономерность: как ни начнут у нас укреплять государственность, так непременно закончат опричниной и массовыми казнями.

— Введение Опричнины было обусловлено тем, что царю пришлось бороться против разветвленного заговора, который пустил корни во многие поры русского общества. Особенно вовлечена в него была боярская верхушка и высшая московская служилая бюрократия. В этих условиях царю Ивану требовался охранный корпус, не зараженный ересью.

Что же касается масштабов «ивановских репрессий», то современные исследователи, исходя из «синодика опальных», сделали подсчет, и оказалось, что в «годы массового террора» было казнено около 3—4 тысяч человек. Для сравнения: в течение одной только Варфоломеевской ночи в Париже было истреблено более 2 тысяч человек.

Поэтому судить об отдаленной исторической эпохе надо исходя из понятий, привычек, представлений того времени.

—И в заключение, Игорь Яковлевич, как в дальнейшем сложилась судьба ереси в России?

— Видоизменяясь и приспособливаясь, ересь, как антирусская идеология, затаилась в теле России, и следы ее можно заметить и в последующие времена: и в Смутное время, и в окружении Петра I, и при дворе Александра I, и позже.

Только если в XV веке это было «вольномыслие под еретическим соусом», то с XVIII — уже под масонским соусом. Россия и до сих пор еще не наелась этим варевом...

*Беседу вел соб. корр. Сергей ИВАНОВ
Санкт-Петербург.*

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Глава I. ЗАВЯЗКА: ЕРЕСЬ В НОВГОРОДЕ И МОСКВЕ КОНЦА XV – НАЧАЛА XVI в.	7
Глава II. «ВЕЛИКИЙ ВРЕМЕННОЙ ЧЕЛОВЕК» ВАССИАН ПАТРИКЕЕВ	123
Глава III. «МУЖ ЗЕЛО МУДРЫЙ» МАКСИМ ГРЕК	156
Глава IV. «ПРОЗЯБЕ ЕРЕСЬ»: МАТВЕЙ БАШКИН, СТАРЕЦ АРТЕМИЙ, ФЕОДОСИЙ КОСОЙ и другие	188
Глава V. РОЖДЕНИЕ СВЯТОРУССКОГО ЦАРСТВА	253
Глава VI. КУЛЬМИНАЦИЯ: ИЗБРАННАЯ РАДА И ЕЕ ПОЛИТИКА	419
Глава VII. РАЗВЯЗКА: ВВЕДЕНИЕ ОПРИЧНИНЫ	820
Вместо заключения	928
Приложение. Сталин и Грозный	936

Игорь Яковлевич Фроянов

**Драма русской истории:
На путях к Опричнине**

*Редактор Н.А. Никитина
Художник А.Г. Абрамович
Корректор Е.Я. Латинь
Компьютерная верстка Н.В. Попова*

Подписано в печать 17.04.2007
Формат 70 × 100¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Times.
Усл. печ. л. 73,5. Уч.-изд. л. 77,35.
Тираж 1000 экз. Заказ 3948

Издательский дом «Парад»
125993, Москва, ул. Правды, 24

Отпечатано с оригинал-макета
в ГУП «Типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

ДЛЯ ЗАМЕТОК